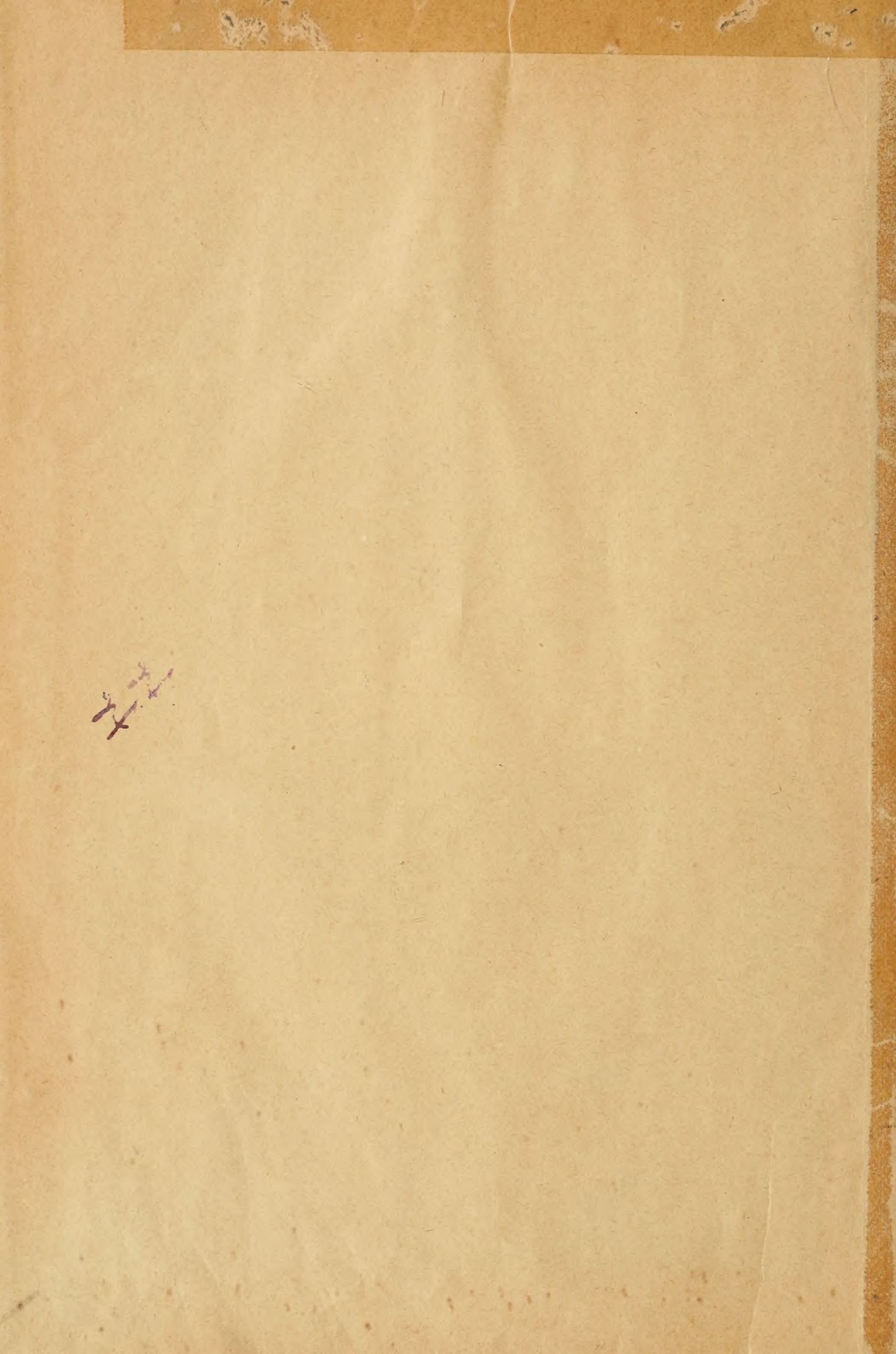
UNIVERSITY OF TORONTO DUPL
3 1761 00276159 1



Николай Энгельгардтъ

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XIX СТОЛѢТІЯ

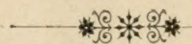
ТОМЪ ПЕРВЫЙ

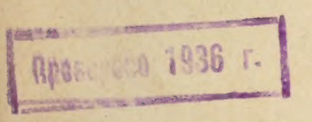
1800—1850

(КРИТИКА, РОМАНЪ, ПОЭЗІЯ И ДРАМА)

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ:

СИНХРОНИСТИЧЕСКОЙ ТАБЛИЦЫ, ХРОНОЛОГИЧЕСКАГО УКАЗАТЕЛЯ ПИСАТЕЛЕЙ И ПОЛНОЙ БИБЛІОГРАФІИ



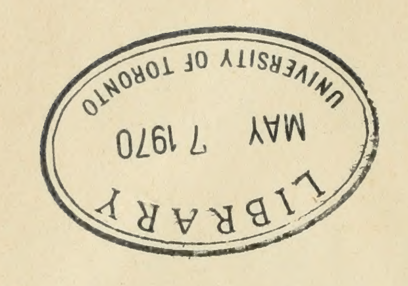


С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1902

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

Ты чудо изъ Божьихъ чудесъ,
Ты мысли свѣтильникъ и пламя,
Ты лучъ намъ на землю съ небесъ,
Ты намъ человѣчества знамя,
Ты гонишь невѣжества ложь,
Ты вѣчною жизнію ново,
Ты къ свѣту, ты къ правдѣ ведешь,
Свободное слово!

Константинъ Аксаковъ.


UNIVERSITY OF TORONTO
MAY 7 1970
LIBRARY

ПАМЯТИ МОЕГО ДѢДА, ЛЕКСИКОГРАФА,

НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА МАКАРОВА

И

МОЕГО ОТЦА,

АВТОРА «ПИСЕМЪ ИЗЪ ДЕРЕВНИ»,

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДТА.

АВТОРЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Девятнадцатое столѣтіе кончилось и чувствуется осязательная необходимость подвести общій литературный его итогъ. Вѣдь истекшій вѣкъ собственно и создалъ русскую литературу. Въ немъ явились у насъ во всѣхъ родахъ словесности произведенія, которыя представляютъ вкладъ въ міровую сокровищницу человѣческой мысли, какъ запечатлѣнныя своеобразнымъ народнымъ геніемъ, явились писатели, имена которыхъ нынѣ повторяются всѣми народами. Въ предлагаемомъ первомъ томѣ нашей «Исторіи русской литературы девятнадцатаго столѣтія» читатели найдутъ обозрѣніе всѣхъ выдающихся явленій критики, романа, поэзіи и драмы за первую половину столѣтія, съ 1800 по 1850 годъ, по десятилѣтіямъ. Второй томъ, уже подготовленный къ печати, обнимаетъ вторую половину столѣтія, съ 1850 по 1900 годъ. Методъ изложенія хронологическій, а не по авторамъ. Примѣненіе этого метода, хотя проведенное недостаточно послѣдовательно и не полно, находимъ еще въ статьяхъ о Пушкинѣ знаменитаго «восьмого тома» нашего геніальнаго критика Бѣлинскаго. Попытка его, въ высшей степени замѣчательная, къ сожалѣнію не была оцѣнена и вмѣсто дальнѣйшей разработки литературной эволюціи, въ методѣ Бѣлинскаго усмотрѣли натяжку, искусственность и не пошли по указанному критикомъ пути. Между тѣмъ, если эти недостатки и замѣчаются у Бѣлинскаго, въ выясненіи строгой послѣдовательности постепенной выработки словесныхъ формъ и перехода отъ несовершеннаго и подражательнаго къ законченно-художественному, въ выясненіи преемства писателей, то причиной тутъ не

методъ—единственно научный,—а просто недостатокъ матеріаловъ и детальной разработки исторіи литературы въ эпоху Бѣлинскаго. Тогда совсѣмъ не имѣлось критическихъ изданій русскихъ писателей и текстъ ихъ еще не былъ подвергнутъ историко-библіографической обработкѣ.

Намъ возразятъ, быть можетъ, что изложеніе исторіи литературы по десятилѣтіямъ искусственно. Конечно, нѣкоторыя неудобства могутъ встрѣтиться, но въ общемъ ритмъ десятилѣтій положительно наблюдается въ литературной эволюціи.

Мы видимъ, что поколѣнія называютъ себя по десятилѣтіямъ. «Тридцатые» годы, «сороковые» годы, «шестидесятые» годы—все это термины съ опредѣленнымъ, всѣмъ понятнымъ, характернымъ содержаніемъ. Этими терминами сразу опредѣляется извѣстное литературное десятилѣтіе и въ нашемъ воображеніи оно рисуется съ своеобразнымъ складомъ умовъ, покроемъ мысли и уровнемъ творчества. «Человѣкъ сороковыхъ годовъ», «шестидесятникъ»—опять-таки образы совершенно яркіе и всѣмъ понятные. Конечно, одни десятилѣтія ярче стоятъ предъ нами,—каковы 30-е, 40-е, 60-е, 70-е годы. Другіе, какъ первое десятилѣтіе вѣка, 10-е, 20-е, 50-е, 80-е годы, конецъ вѣка—болѣе тусклы, кажутся намъ переходными, мало оригинальными. Отчасти это на самомъ дѣлѣ такъ, однако подробное изученіе этихъ десятилѣтій вычертитъ предъ нами особенную складку каждаго. Изложеніе по десятилѣтіямъ примѣнено и нѣмецкими учеными. Мы имѣемъ въ виду монументальное, многотомное изданіе, вышедшее къ новому столѣтію въ Германіи подъ общимъ заглавіемъ Das neunzehnte Jahrhundert in Deutschlands Entwicklung», и въ частности тѣ томы, которые содержатъ «Die geistigen und socialen Strömungen des 19 Jahrhunderts» Теобальда Циглера и «Die deutsche Litteratur des 19 Jahrhunderts» Рихарда Мейера.

Можетъ представиться повидиму затрудненіе еще въ томъ отношеніи, что дѣятельность нѣкоторыхъ писателей продолжается нѣсколько десятилѣтій. Слѣдовательно, придется разбивать ее на части, и въ разныхъ главахъ возвращаться къ одному и тому же писателю. Но это на практикѣ совершенно улаживается. Не говоря уже о томъ, что у насъ на Руси въ истекшемъ столѣтіи писатели вообще не заживались, самая дѣятельность

ихъ въ значительной мѣрѣ подчиняется ритму десятилѣтій и характерно мѣняется, естественно разбиваясь на десятилѣтніе періоды. Такъ, творческая дѣятельность Пушкина захватываетъ три десятилѣтія—десятые, двадцатые и тридцатые годы. При чемъ, въ 10-хъ укладывается законченный періодъ лицейскихъ стихотвореній, въ 20-хъ періодъ творчества съ остатками подражательности и преемства съ предшествовавшими поэтами и наконецъ, на тридцатые годы упадаетъ расцвѣтъ высоко самобытнаго драматическаго творчества и созданія прозы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо сравнительное и послѣдовательное изученіе всѣхъ явленій литературы, имѣвшихъ значеніе для даннаго десятилѣтія, какъ посредствующихъ звеньевъ въ преемственномъ трудѣ поколѣній писателей надъ выработкой той или другой словесной формы, какъ ступеней достиженія, послѣдовательно проходимыхъ въ искусствѣ безконечномъ, пока не явится завершительная и всѣ предшествующія отмѣняющая совершенная форма выраженія. При этомъ откидывается само собой раздѣленіе писателей на непризнанныхъ и признанныхъ, забытыхъ и безсмертныхъ, изящныхъ и безвкусныхъ, великихъ и малыхъ, литературно-безнравственныхъ и либерально-благонамѣренныхъ, овецъ и козлищъ. Въ каждомъ десятилѣтіи оно само прежде всего хозяинъ. Для даннаго десятилѣтія писатель былъ значителенъ, изященъ, интересенъ, вліялъ, читался, пользовался извѣстностью и мы его изучаемъ. И въ эволюціи литературныхъ формъ онъ занимаетъ свое мѣсто, какъ трудившійся надъ ихъ преемственной выработкой. Недостатками такого изложенія являются прежде всего копотливость и медленность работы, требующей изученія всѣхъ переходныхъ явленій литературы, а также возможная пестрота картины. Во избѣжаніе послѣдняго при болѣе подробномъ изложеніи необходимо выдѣленіе главныхъ областей словесности въ самостоятельныя части. Весь обзоръ въ такомъ случаѣ разобьется на слѣдующія части:

Часть первая: Исторія критики.

Часть вторая: Исторія романа и всѣхъ остальныхъ формъ повѣствовательной прозы.

Часть третья: Исторія стихотворной формы.

Часть четвертая: Исторія драматургіи.

Часть пятая: Исторія литературныхъ кружковъ.

Изложеніе въ каждой части хронологическое по десятилѣтіямъ. При менѣе подробномъ изложеніи, какое читатель найдетъ въ предлагаемомъ изслѣдованіи, такого выдѣленія въ особыя части основныхъ областей словесности не требуется. При чемъ въ связномъ изложеніи есть преимущество наглядности. Ярко выступаетъ взаимоотношеніе критики, прозы, поэзіи и драмы въ каждое данное десятилѣтіе.

Въ предлагаемомъ изслѣдованіи, которое само по себѣ представляетъ совершенно законченное цѣлое, авторъ руководствовался слѣдующими общими правилами:

Въ 1-хъ: Изложеніе принято хронологическое по десятилѣтіямъ, при чемъ исторія каждаго десятилѣтія составляетъ отдѣльную главу.

Во 2-хъ: Въ каждой главѣ послѣдовательно излагается исторія критики, прозы, поэзіи и драмы изучаемаго десятилѣтія.

Въ 3-хъ: Изложенію исторіи литературы каждаго десятилѣтія предпосылается краткое указаніе на тѣ историческія событія, которыя на нее тогда вліяли.

Въ 4-хъ: Исторія литературныхъ кружковъ кратко излагается при изученіи критики даннаго десятилѣтія.

Въ 5-хъ: Каждой главѣ предшествуетъ подробный заголовокъ, являющійся программой — конспектомъ ея содержанія, а отдѣльные §§, по мѣрѣ надобности, сопровождаются необходимыми и достаточными библіографическими указаніями, набранными болѣе мелкимъ шрифтомъ.

Въ 6-хъ: Къ очерку приложены двѣ хронологическія таблицы: а) синхронистическая таблица литературы по десятилѣтіямъ; б) хронологическій указатель писателей, расположенный по годамъ ихъ кончины. Не скроемъ, что послѣдовательное примѣненіе избраннаго нами точнаго метода изслѣдованія потребовало отъ насъ долгой и тяжкой работы. Причиной тому недостаточность подготовительныхъ и вспомогательныхъ трудовъ. Прежде всего отсутствіе библіографическаго, полнаго указателя по всѣмъ четыремъ областямъ литературы, расположеннаго въ хронологическомъ порядкѣ. Намъ приходилось, по многимъ отрывочнымъ и недостаточнымъ трудамъ нашихъ библіографовъ, составлять библіографическіе указатели по десятилѣтіямъ произведеній критики, прозы, поэзіи и драмы. А всякій, занимавшійся библіогра-

фіей знаетъ всю копотливость подобнаго труда. Затѣмъ, критическій текстъ писателей съ историко-библіографической обработкой его установленъ лишь для немногихъ сравнительно. Въ изученіи отдѣльныхъ десятилѣтій и разныхъ областей литературы есть пробѣлы, требовавшіе выполненія по первоисточникамъ. Нѣкоторыя эпохи въ отношеніи извѣстной литературной области словно позабыты, и сводныхъ монографій не имѣется. Дѣло весьма бы облегчилось, если бы въ основу общаго очерка всѣхъ областей литературы за все столѣтіе, что и составляло нашу прямую задачу, мы могли бы взять сводные труды по отдѣльнымъ областямъ. Но этого мы не имѣли. Въ частности, исторія литературныхъ кружковъ требовали просмотра многихъ мемуаровъ, записокъ, сборниковъ писемъ. Такъ какъ статьи многихъ критиковъ нашихъ (Мерзляковъ, Надеждинъ) не собраны въ отдѣльныя изданія, а также не соединены въ сборники единичныя критическія работы, то приходилось употреблять не мало времени на утомительный просмотръ множества старыхъ журналовъ. Что касается романа, и вообще повѣствовательной прозы, то весьма мало изучена проза начала вѣка, десятыхъ, двадцатыхъ, тридцатыхъ годовъ. Вообще, хорошо изучены только немногіе любимые и прямо геніальные писатели, но черновая работа оцѣнки писателей промежуточныхъ, имѣющихъ только относительное значеніе въ преемственной работѣ надъ литературными формами, не сдѣлана. Чрезвычайно мало тоже имѣется сводныхъ трудовъ по исторіи русской драматической литературы. Принимая во вниманіе всѣ эти недочеты въ матеріалахъ, мы должны напередъ ожидать, что въ нашемъ трудѣ окажутся частные недосмотры и мелкія неточности. Указанія на таковыя со стороны лицъ компетентныхъ будутъ приняты нами съ искренней благодарностью. Тѣмъ не менѣе мы полагаемъ, что трудъ нашъ даетъ возможность едва ли не впервые наглядно обозрѣть литературную эволюцію XIX столѣтія. Читатель увидитъ, съ какою постепенностью, тяжкимъ преемственнымъ трудомъ многихъ писателей, не равнозначныхъ по таланту, совершалась выработка различныхъ формъ нашей словесности, пока онѣ не возводились на высочайшую степень совершенства, «въ перлъ созданія». При этомъ сама собой будетъ воздана должная дань благодарности писателямъ-труженикамъ

никамъ, нынѣ позабытымъ и потонувшимъ въ блескѣ свѣтилъ литературы. Съ другой стороны, читатель убѣдится, что эти свѣтила являлись какъ бы фокусомъ, въ которомъ соединялись многіе отдѣльные лучи, и безъ этихъ лучей не было бы ихъ ослѣпительнаго сіянія.

Помимо общей цѣли,—дать наглядное представленіе о литературной эволюціи и преемствѣ писателей нашего столѣтія,—мы ставили еще и цѣль чисто практическую. Нашъ трудъ можетъ послужить справочной книгой для всѣхъ интересующихся литературой. Прибавимъ еще, что мы воздерживались отъ напрасныхъ разглагольствованій и изложеній «своими словами». Мы старались характеризовать писателей яркими цитатами изъ ихъ произведеній и приводили оцѣнки ихъ изъ нашихъ выдающихся критиковъ.

Николай Энгельгардтъ.

Петербургъ.
26-го декабря 1900 г.

P.S. Считаю для себя пріятнымъ долгомъ выразить признательность Николаю Карловичу Шильдеру, давшему мнѣ доступъ для занятій въ отдѣленіи русской словесности Публичной Библіотеки и Владиміру Петровичу Ламбину, указанія котораго много помогали мнѣ при моемъ трудѣ.

Ник. Э.

ВАЖНАЯ ОПЕЧАТКА: На стр. 239 напечатано—«Гельдерлинъ, съ которымъ былъ друженъ Карамзинъ». Читай: «Былъ друженъ Гегель».

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Начало вѣка.

(1800—1810).

I. «Дней Александровыхъ счастливое начало». — Оды Державина и Карамзина. — «Возрожденье прежнихъ благъ». — Просвѣтительный либерализмъ. — Кружокъ императора. — Переводы Смита, Беккаріа, Бентама, Монтескье, Тацита.—Панегиристы.—«Репертоpія» Россійской литературы Шторха.—«Республика писателей». — Покровительство Монарха, оказываемое литературѣ. — Книжная статистика трехъ царствованій. — «Вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ».—Александръ Николаевичъ Радищевъ. — Его трагическая кончина.—Эпоха преобразованій или эпоха колебаній?—Les évolutions periodiques.—Цензурный уставъ 1804 г.—Либеральный духъ его.—Суровая проза дѣйствительности.— Собраніе оставшихся сочиненій» Радищева.— «Бова, повѣсть богатырская, стихами».—Трактатъ «О человѣкѣ».—Идеи Радищева.—Иванъ Петровичъ Пнинъ.—«Опытъ о просвѣщеніи относительно къ Россіи».—«Царство законовъ».—Для Александра не можетъ быть ничего невозможнаго!—Журналистика начала вѣка.—«Вѣстникъ Европы» Карамзина и «Русскій Вѣстникъ» Глинки.—Александръ Семеновичъ Шишковъ.—«Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка» и «Прибавленіе» къ нему.—Борьба «шишковистовъ» съ «карамзинистами». — Догматъ Шишкова: «Славянскій языкъ корень и начало Россійскаго языка».—Искусное смѣшеніе словенскаго съ просторѣчивымъ Россійскимъ. — Патріотизмъ Шишкова.—«Умѣренные».— «О высокомъ» Лонгина, въ переводѣ Мартынова.—Геній со вкусомъ и геній безъ вкуса. — «Начертаніе изящныхъ наукъ» Мейнерса въ переводѣ Сохацкаго.—«О нравственной пользѣ поэзіи» Жуковскаго.—Искусство свободно какъ вымыселъ, оно изящно, но не добродѣтельно.—II. Проза начала вѣка.—Переводчики.—Предпочтеніе стиховъ—прозѣ и перевода —оригинальному созданію.— Успѣхъ романовъ.—Статистика и библіографія переводныхъ романовъ.—Классификація оригинальнаго русскаго романа.—Романы съ приключеніями.—Романы нравоучительные. — Восточныя повѣсти. — Чувствительныя повѣсти.— Историческій романъ.—Реальный романъ.—Проза Карамзина.—«Рыцарь нашего времени».—Проза Жуковскаго.—«Марьина роща».—Проза Батюшкова. —

«Отрывокъ изъ писемъ русскаго офицера о Финляндіи .—Вліяніе на русскую прозу Оссіана и «Слова о полку Игоревѣ».—Проза Нарѣжскаго.—«Славянскіе вечера». — Александръ Ефимовичъ Измайловъ и первый русскій романъ.— «Евгеній или пагубныя слѣдствія воспитанія и сообщества». — III. Развитіе «легкой поэзіи». — «Анокреонтическія пѣсни» Державина. — «Поэтъ» Хераскова.—Стихотворенія Карамзина. — Капнистъ и Дмитріевъ. — Богдановичъ и Понкратій Сумароковъ. — «Плоды свободныхъ чувствованій» и «Цвѣты Грацій» кн. Шаликова. — Гаврила Петровичъ Каменевъ. — Первая баллада «Громвалъ». — Василій Андреевичъ Жуковскій. — «Сельское кладбище». — «Людмила». — Начало романтизма. — Патріотическая «Пѣснь барда надъ гробомъ славянъ-побѣдителей».— Чрезвычайный успѣхъ стихотворенія. — Переводы изъ Шиллера.—Константинъ Николаевичъ Батюшковъ.—Его первыя стихотворенія.—«Видѣніе на берегахъ Леты». —Иванъ Андреевичъ Крыловъ.— Русская притча-басня.—А. Сумароковъ. Хемницеръ. Аблесимовъ. Понкратій Сумароковъ. Измайловъ, Ив. Дмитріевъ.—Попытки создать народную фантастическую, сказочную и романическую поэму, писанную «русскимъ складомъ».—Василій Львовичъ Пушкинъ.—«Опасный сосѣдъ».—Вяземскій, Нахимовъ, Милоновъ, Горчаковъ, Долгорукій. — Стихотворцы, «проклятые Аполлономъ». — Бобровъ, Станевичъ, Ширинскій-Шихматовъ, гр. Дм. Хвостовъ.—IV. Новое и старое на русской сценѣ.—Взгляды Мейнерса.—«Правила театра» А. Писарева.—Дѣвица Жоржъ и Семенова. — Алексѣй Николаевичъ Оленинъ и его кружокъ.—Владиславъ Александровичъ Озеровъ. — Его первая трагедія. — «Эдипъ» и Александръ I-й.—«Фингалъ».—«Димитрій Донской».—«Поликсена».—Безвременная кончина Озерова. — Кн. Александръ Александровичъ Шаховской.—«Драматическій Вѣстникъ».—«Новый Стернъ». — «Коцебятина» и попытки мѣщанской драмы Федорова и Ильина. — «Заговоръ Фіеско» и «Леаръ». — «Днѣпровская русалка».—Вліяніе этой пьесы на Пушкина.—«Дмитрій Самозванецъ», романтическая трагедія въ прозѣ Нарѣжскаго.—Трагедіи и комедіи начала вѣка.

I.

§ 1. Въ 1801 году, когда на западѣ уже появились «Разбойники» и «Марія Стюартъ», «Баллады» Кольриджа и «Система трансцендентальнаго идеализма» Шеллинга, у насъ же только что кончилъ курсъ и опредѣлился было въ московскую контору соляныхъ дѣлъ Жуковскій, Грибоѣдову было шесть лѣтъ, а Пушкину—два, маститый «пѣвецъ Фелицы», Гавріилъ Романовичъ Державинъ, вмѣстѣ съ другими многочисленными одописцами, привѣтствовалъ воцареніе Императора Александра I-го въ такихъ стихахъ:

Вѣкъ новый! Царь младый, прекрасный
Пришелъ днесь къ намъ весны стезей!..
Умолкъ ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взглядъ,—
На лицахъ Россовъ радость блещетъ...
. . . .
Не возрожденье-ль прежнихъ благъ?
Екатерина воскресится

Знать Александра въ временахъ:
Такъ! такъ! она во внукѣ будетъ
Надъ нами царствовать во вѣкъ...

. . . .

Народны вздохи, слезны токи,
Молитвы огорченныхъ душъ,
Какъ паръ возносятся высокій
И зарождаютъ громъ средь тучъ:
Онъ вержется, падетъ внезапно
На горды зданіевъ главы.
Внемлите правдѣ сей стократно,
О власти сильныя, и вы!
Внемлите — и тѣснить блюдитесь
Вамъ данный управлять народъ...
Ты не таковъ...[1])

Какъ всегда, особенно въ цвѣтущій періодъ поэтической дѣятельности Державина, и въ этой одѣ сказался сильный и весьма по времени смѣлый, безсознательный публицистическій элементъ. Говоримъ — «безсознательный» — потому что изъ «записокъ» поэта видно, что онъ вовсе не сочувствовалъ либеральнымъ вѣяніямъ начала царствованія. Императору Павлу онъ тоже былъ преданъ[2]). И тѣмъ не менѣе настроеніе исторической минуты воплотилось въ вдохновеніи стараго барда. И «ревъ Норда сиповатый», который умолкъ, и «грозный, страшный взглядъ», который закрылся, невольно переносились въ воображеніи читателей на образъ отшедшаго властителя. «Народные вздохи» и «слезные токи», вознесшіеся какъ паръ и скопившіе тучу, изъ которой палъ внезапно громъ на «гордую главу» зданія — эта риторическая фигура облеклась совсѣмъ особымъ, жизненнымъ смысломъ въ сознаніи современниковъ. Увѣщательное обращеніе къ «сильнымъ властямъ», чтобы они «вняли правдѣ» этого грома и блюлись тѣснить данный въ ихъ управленіе народъ, — обычное въ одахъ Державина, пріобрѣтало совершенно иное, потрясающее значеніе въ тотъ историческій моментъ, когда написана была ода. Водимый слѣпымъ вдохновеніемъ маститый поэтъ первый «дерзнулъ», а затѣмъ, по свидѣтельству современника[3]) «многіе писали въ подражаніе ему весьма свободно». Совершенно естественно также, что старый стихотворецъ обращался къ лучшему своему времени и въ «новомъ вѣкѣ» хотѣлъ видѣть единственно «возрожденье прежнихъ благъ», возрожденіе Екатерины въ лицѣ ея внука. Однако, по слухамъ, переданнымъ

---

[1]) Соч. Державина. 2-е академич. изд. подъ ред. Я. Грота. Т. 2-й, стр. 227.

[2]) «Тогда всѣ окружающіе государя (Александра I) были набиты французскимъ и польскимъ конституціоннымъ духомъ». Записки Державина. Соч. изд. Грота. Т. VI, стр. 787.

[3]) Соч. Державина. Т. 2-й. Приложеніе, стр. 233.

тѣмъ же современникомъ, въ Сенатѣ напомнили поэту одно изъ «прежнихъ благъ», а именно намекнули, что «ежели-бы существовала Тайная, тогда бы вамъ сказали тамо»...

Написалъ привѣтствіе и тоже «весьма свободно» и Карамзинъ. Онъ написалъ двѣ оды и получилъ перстень въ 2000 руб.

Сколь трудно править самовластно
И небу лишь отчетъ давать —

говоритъ здѣсь поэтъ. Народу нужны законы и свобода:

Короны блескомъ ослѣпленный
Иной въ подвластныхъ зритъ—рабовъ,
Но Ты душею просвѣщенной,
Не терпишь стука ихъ оковъ.
Тебѣ одна любовь прелестна:
Но можно-ли рабу любить?
Ему-ли благодарнымъ быть?
Любовь со страхомъ не совмѣстна.
Душа свободная одна
Для чувствъ ея сотворена...
Сколь необузданность ужасна,
Толь ты, свобода, намъ мила...

И поэтъ внушаетъ новому царю:

Трудись, давай уставы намъ! [4])

Помимо отраженія духа, царившаго въ обществѣ и при дворѣ, оды Державина и Карамзина почерпали также свое дерзновеніе изъ офиціальнаго источника — манифестовъ и рескриптовъ молодого Императора. Въ манифестѣ 12 марта 1801 г., написанномъ Д. П. Трощинскимъ, высказано намѣреніе монарха управлять Имперіей «по сердцу бабки нашей», «по ея премудрымъ намѣреніямъ шествуя». Въ рескриптѣ на имя графа Завадовскаго новый царь говоритъ:

«Поставляя въ единомъ законѣ начало и источникъ народнаго блаженства и бывъ удостовѣренъ въ той истинѣ, что всѣ другія мѣры могутъ сдѣлать въ государствѣ счастливыя времена, но одинъ законъ можетъ утвердить ихъ на вѣки, въ самыхъ первыхъ дняхъ царствованія моего, и при первомъ обозрѣніи государственнаго правленія призналъ я необходимымъ удостовѣриться въ настоящемъ части сей положеніи. Я всегда зналъ, что съ самаго изданія положенія до дней нашихъ, то-есть, въ теченіи почти одного

---

[4]) Какъ цитаты и курсивы въ нихъ, такъ отчасти и характеристику избранныхъ мѣстъ оды мы беремъ изъ сочиненія А. Н. Пыпина: «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I». Изд. 3-е. Спб. 1900 г. Стр. 209 и 210

вѣка съ половиною, законы, истекая отъ законадательной власти различными и часто противуположными путями, и бывъ издаваемы болѣе по случаямъ, нежели по общимъ государственнымъ соображеніямъ, не могли имѣть ни связи между собою, ни единства въ ихъ намѣреніяхъ, ни постоянности въ ихъ дѣйствіи. Отсюда всеобщее смѣшеніе правъ и обязанностей каждаго, мракъ, обдержащій равно судью и подсудимаго, безсиліе законовъ въ ихъ исполненіи и удобность перемѣнить ихъ по первому движенію прихоти или самовластія»[5]). Наконецъ, смѣлыя слова оды Карамзина о томъ, что «любовь со страхомъ не совмѣстна»; вопросъ — можно-ли рабу любить? и утвержденіе, что любить монарха можетъ «душа свободная одна», конечно почерпали опору въ словахъ самого молодого Императора, сказанныхъ на коронаціи одному сановнику, который просилъ помѣстья: «Большая часть крестьянъ въ Россіи рабы; считаю лишнимъ распространяться объ униженіи человѣчества и о несчастіи подобнаго состоянія. Я далъ обѣтъ не увеличивать числа ихъ и потому взялъ за правило не раздавать крестьянъ въ собственность»[6]).

Александръ намѣревался «править по сердцу бабки», давалъ «обѣтъ не увеличивать числа рабовъ», если уже нельзя уменьшить числа ихъ, или совсѣмъ отмѣнить рабство, наконецъ, изданіемъ разумнаго, стройнаго законодательства онъ предполагалъ разсѣять «мракъ, обдержащій равно судью и подсудимаго».

Понятенъ восторгъ, съ которымъ общество встрѣчало зарю новаго царствованія. Указываемое въ выноскахъ сочиненіе Шильдера группируетъ рядъ свидѣтельствъ современниковъ объ этомъ восторгѣ. «Все тихо и спокойно, пишетъ Императрица Елисавета къ своей матери отъ 13 марта 1801 года,—если не говорить о почти безумной радости, охватившей всѣхъ, отъ послѣдняго мужика до высшихъ слоевъ общества... Я дышу свободно вмѣстѣ со всею Россіею».

«Отверженный кнутъ и топоръ больше не возстанутъ, писалъ гр. Завадовскій, зады Іоанна Грознаго мы испытали». А. С. Шишковъ, впослѣдствіи считавшійся какъ-бы главою обскурантовъ, говоритъ: «Всѣ умы и сердца успокоились. Восторгъ былъ всеобщій и искренній».

Самая личность юнаго, прекраснаго, великодушнаго монарха влекла къ себѣ сердца всѣхъ. «Послѣ четырехъ лѣтъ воскресаетъ Екатерина изъ гроба въ прекрасномъ юношѣ, пишетъ въ своихъ запискахъ Ф. Ф. Вигель. Чадо ея сердца, милый внукъ ея, возвѣщаетъ манифестомъ, что возвратитъ намъ ея времена».

---

5) Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованія. Н. К. Шильдеръ. Т. 2-й. Спб. 1897 г. Стр. 22.

6) Id. Стр. 69.

Съ нимъ правосудіе возсядетъ на престолѣ:
Любя отечество, храня его покой
Съ Екатерининой божественной душой
Онъ будетъ...

(Ал. С. Шишковъ).

Обаяніе личности юнаго монарха вызвало отклики и на западѣ. Германскій поэтъ Клопштокъ на своемъ мистическомъ языкѣ изображаетъ появленіе въ мірѣ человѣчности (Menschlichkeit) въ лицѣ русскаго государя Александра.

«Новое царствованіе съ самаго начала заявляло себя дѣйствіями, которыя не могли не произвести на общество сильнаго впечатлѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно пересмотрѣть указы, вышедшіе въ теченіе первыхъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ, чтобы понять увлеченіе, съ какимъ тогда выражалась привязанность къ Александру. Эти первые указы вносили совершенно новый, небывалый элементъ мягкой терпимости, справедливости, открытаго признанія недостатковъ правленія и желанія исправить ихъ; это былъ цѣлый рядъ освободительныхъ мѣръ разнаго рода; почти каждый указъ уничтожалъ какую-нибудь несправедливость, насиліе, стѣсненіе, произволъ»[7]).

Молодого монарха окружали просвѣщенные сотрудники, получившіе заграничное воспитаніе: «Для русскихъ молодыхъ аристократовъ, отправлявшихся тогда за границу, открывались, конечно, всѣ салоны и слѣдовательно вся возможность познакомиться съ движеніемъ умовъ и съ послѣдними новостями литературы. Изъ различныхъ данныхъ можно видѣть, что всѣ эти вліянія создавали въ молодыхъ поколѣніяхъ образованнаго класса то направленіе мыслей, которое, у людей стараго покроя, разумѣлось подъ именемъ вольтеріанства и якобинства. Такого именно характера былъ и кружокъ ближайшихъ друзей и сотрудниковъ императора Александра. На всѣхъ время положило отпечатокъ идеалистическаго либерализма. Такъ составились взгляды самого Александра, для котораго проводникомъ европейскихъ идей былъ Лагарпъ: такъ было и съ его друзьями. Всѣ они получали аристократическое воспитаніе того времени, законченное путешествіями и жизнью за границей»[8]).

Новосильцевъ увлекался англійскою жизнью и учрежденіями. Кочубей воспитывался сначала въ Женевѣ, потомъ въ Лондонѣ занимался политическими науками и вынесъ то-же стремленіе къ преобразованіямъ въ европейскомъ смыслѣ. Графъ Павелъ Строгановъ былъ наставленъ Раммомъ, впослѣдствіи монтаньяромъ Конвента. Въ Женевѣ Строгановъ водилъ знаком-

---

[7]) А. Н. Пыпинъ. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Изд. 3-е. Спб. 1900. Стр. 61.
[8]) Id. Стр. 75.

ство съ Дюмономъ, сотрудникомъ Мирабо и другомъ Бентама. Чарторыскій получилъ также блестящее образованіе.

БИБЛІОГРАФІЯ. А. Н. Пыпинъ. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Изд. 3-е. Спб. 1900. Н. К. Шильдеръ. Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. 4 тома. Спб. 1897—98. Исторія русской литературы XIX в. Смирновскаго. Вып. I—IV. Историко-библіографическія примѣчанія при академическомъ изданіи Державина, подъ ред. Грота (есть дешевое изданіе и роскошное съ иллюстр.). Примѣчанія и біографія при соч. Батюшкова. Спб. 1887. Три тома подъ ред. Л. Н. Майкова и В. И. Саитова. Сухомлиновъ. изслѣд. и статьи по русской литер. и просвѣщ. Спб. 1889. 2 тома. В. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи. Спб. 1888. Томъ первый. Н. А. Энгельгардтъ. Философія русскаго самосознанія. Статьи первая—четвертая. Книжки Недѣли. 1897 г. №№ 1—4. А. Н. Пыпинъ. Исторія русской литературы. Спб. 1899. Томъ IV. Стр. 169—233. Учебная книга россійской словесности. Изд. Н. И. Гречемъ въ 1819 г. Спб. А. Д. Галаховъ. Ист. Рус. Слов., т. II. Н. Порфирьевъ. Исторія русской словесности. ч. II. Отд. III. Литература въ царствованіе Александра I. Казань. 1891. Б. Н. Рогожинъ. Указатель къ «Опыту россійской библіографіи» В. С. Сопикова. М. 1900. «Опытъ» Сопикова. «Роспись книгамъ» Анастасевича, «Обозрѣніе литературы» Шторха. П. О. Морозовъ. Алфавитный указатель именъ авторовъ, переводч., издат. и др. лицъ, упоминаемыхъ въ «Опыт. росс. библ.». Изд. Акад. Наукъ. 1876. В. И. Саитовъ. Критич. и библіографич. замѣтки и разъясненія къ опыту Сопикова. Журн. Минист. Народн. Просв. 1878. № 6. Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 годъ. Спб. 1862 г. А. М. Скабичевскій. Очерки исторіи цензуры. 1892 г. Спб. В. Т. Нарѣжный, историко-литературный очеркъ Н. Бѣлозерской. Изд. 2-е. Спб. 1896. Цензура временъ императора Павла I. 1796—1901 гг. Статья П. И. Каратыгина. Историч. Вѣстн. 1885 г. XXII. Окт. Стр. 151.

§ 2. Само собою понятно, что такое настроеніе Монарха и окружавшихъ его сотрудниковъ не могло не отразиться на литературѣ. Прежде всего Александръ явился покровителемъ наукъ и искусствъ. А положеніе ихъ не настолько еще укрѣпилось въ обществѣ, чтобы не нуждаться въ такомъ покровительствѣ.

«Рѣдко какой-нибудь правитель оказывалъ такое поощреніе литературѣ, какъ Императоръ Александръ, говоритъ Шторхъ. Замѣчательныя литературныя заслуги лицъ, находящихся на службѣ, вознаграждаются чинами, орденами, пенсіями; писатели, не состоящіе на государственной службѣ, за литературные свои труды, доходящіе до свѣдѣнія императора, нерѣдко получаютъ подарки значительной цѣнности. При настоящемъ положеніи книжной торговли, русскіе писатели не всегда могутъ разсчитывать на приличный гонораръ за большія научныя сочиненія. Въ такихъ случаяхъ императоръ, смотря по обстоятельствамъ, жалуетъ писателямъ иногда крупныя суммы на напечатаніе ихъ трудовъ. Многіе писатели посылаютъ

свои рукописи императору, и, если только онѣ имѣютъ какую-нибудь полезную тенденцію, онъ велитъ печатать ихъ на счетъ кабинета и затѣмъ даритъ обыкновенно все изданіе авторамъ»[9]).

Такъ имѣли возможность выйти въ свѣтъ слѣдующіе переводы геніальныхъ произведеній западныхъ мыслителей, вводившіе сознаніе общества, раньше питавшееся главнымъ образомъ остроумными философскими сказками Вольтера и чувствительными парадоксами Руссо, — въ область серьезныхъ, научныхъ изслѣдованій западнаго генія: «Изслѣдованіе свойствъ и причинъ богатства народовъ» Адама Смита. Переводъ Н. Политковскаго. (Спб. 1802). Два перевода сочиненія Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ Д. Языкова (1803) и А. Хрущева (1806). Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи съ предварительнымъ изложеніемъ началъ законоположенія и всеобщаго начертанія полной книги законовъ, и присовокупленіемъ опыта о вліяніи времени и мѣста относительно законовъ, соч. англійскаго юрисконсульта Іереміи Бентама, изданныя въ свѣтъ на французскомъ языкѣ Стан. Дюмономъ по рописямъ отъ автора ему доставленнымъ; переведено Михайломъ Михайловымъ съ прибавленіемъ дополненій отъ г. Дюмона сообщенныхъ. (Спб. 1805). Лѣтописи К. Кор. Тацита. Переводъ Ѳ. Поспѣлова. 3 части напечатаны по высочайшему повелѣнію и посвящены Александру I. (Спб. 1805 г.) Конституція Англіи или состояніе англійскаго правленія, сравненнаго съ республиканскою формою и съ другими европейскими монархіями. Сочиненіе г. де-Лолма. Переводъ съ французскаго Ивана Татищева. Издана по высочайшему повелѣнію и посвящена Александру I. (М. 1806 г.) О сущности законовъ Монтескье. Переводъ Д. Языкова (Спб. 1809 г.).

Характерными для начала царствованія Александра Павловича помимо перечисленныхъ переводовъ являются изданныя по Высочайшему повелѣнію собранія указовъ трехъ царствованій, съ явною цѣлью установить преемство для новыхъ начинаній и сравнить дѣятельность Екатерины, Павла и Александра. Мы имѣемъ въ виду: «Указы Государя императора Павла I съ 1796 по 1801 годъ», три книги 4° (1801 г.). «Указы Государя императора Александра I, Самодержца Всероссійскаго, состоявшіеся въ 1801, 2, 3 и 4-мъ годахъ, четыре части въ листъ (М. 1801—1805.) И наконецъ—«Указы Императрицы Екатерины II, съ 18 іюня 1762 по 1763 годъ». Напечатаны по Высочайшему повелѣнію третьимъ тисненіемъ (Спб. 1805). Такимъ образомъ начало царствованія Екатерины можно было сопоставить съ зарей правленія ея внука и убѣдиться, въ самомъ ли дѣлѣ внукъ правитъ «по сердцу» бабки. Чрезвычайно характерно также для эпохи «слово»

---

[9]) Storch. Russland unter Alexander dem Ersten. Band. 1 p. 134. Переводъ и цитата Шильдера. Т. 2-й, стр. 107.

профессора московскаго университета Христіана Шлецера. Переводъ его съ латинскаго (М. 1802 г.) озаглавленъ такъ: «Слово о томъ, что справедливый и мудрый государь самъ никогда не судитъ дѣлъ своихъ подданныхъ, но всегда препоручаетъ сужденіе о нихъ учрежденнымъ на то присутственнымъ мѣстамъ, на день тезоименитства Государя Императора Александра I». Начало, проведенное въ самомъ заглавіи этого «слова» — либеральное и совершенно отвлеченное. Устраненіе монарха отъ правосудія и препорученіе сужденія исключительно подлежащимъ присутственнымъ мѣстамъ вполнѣ немыслимы даже въ наши дни. Тѣмъ болѣе въ ту пору. Для характеристики духа законодательныхъ попытокъ молодого монарха важенъ также «Докладъ Министерства Юстиціи о преобразованіи комиссіи составленія законовъ Высочайше утвержденный и выписка изъ поднесенныхъ присутствіемъ комиссіи рапортовъ объ успѣхѣ трудовъ ея» (Спб. 1804.) [10]).

Необходимо также указать на рядъ панегириковъ, имѣвшихъ предметомъ монарха съ одной стороны, а съ другой въ идеальныхъ изображеніяхъ Императрицы Екатерины Великой, указывавшихъ ему примѣръ подражанія, имъ-же самимъ избранный. Слащавость тона и неумѣренность въ восхваленіяхъ надо отнести прежде всего къ литературной манерѣ того времени, слѣдовавшей льстивымъ образцамъ древности. Не должно однако забывать, что личность Александра и счастливое начало его воцаренія привлекало искреннѣйшія симпатіи всѣхъ. Слѣдовательно, панегиристы выражали претенціозными и риторическими на нашъ взглядъ фразами совершенно искренній, исполненный свѣтлыхъ надеждъ восторгъ.

Вкусъ и литературныя формы эпохи требовали, чтобы даже такой поэтъ, какъ Панкратій Сумароковъ, авторъ басенъ и сказокъ въ «вольныхъ стихахъ», проникнутыхъ уже простотой и естественностью, одинъ изъ представителей «легкой поэзіи» смѣнявшей высокопарныя, тяжкія оды, страстный послѣдователь Карамзина, привѣтствуя молодого Царя, писалъ ему на 13 страницахъ: «Посланіе къ Киргизъ-Кайсацкому Царю Всемилу, Внуку премудрыя, Великія и Единственныя Фелицы, на всерадостное восшествіе Его на Престолъ марта, 12, 1802 года. Сочинилъ на Татарскомъ языкѣ нѣкоторый Киргизецъ, а съ онаго на Россійскій перевелъ П. С.» — гдѣ онъ говоритъ, между прочимъ:

Злымъ тиграмъ, не Царямъ, вселять прилично страхъ.[11]).

Изъ панегириковъ, имѣющихъ политическое и публицистическое значеніе укажемъ слѣдующіе:

[10]) То-же подъ заглавіемъ: «Труды комиссіи о составленіи законовъ. Ч. I. 4° Спб. 1805. (Шторхъ № 339. Сопиковъ №№ 3237 и 3238).

[11]) Собраніе нѣкоторыхъ сочиненій, подражаній и переводовъ. Пан. Сум....а. Ч. II. М. Въ типографіи Пономарева. 1808 г., стр. 7.

«Философъ горы Алаунской или мысли при извѣстіи о смерти Павла I». (М. 1801). Жертва хваленія, которую Императору Алаксандру I въ день коронаціи приноситъ Московская Славяно - Греко - Латинская академія (стихи на Русск., Лат., Греч., Евр., Нѣм. и Фр., языкахъ). (М. 1801. 4°). Чувствованіе Россіянина при чтеніи милостивыхъ Манифестовъ, изданныхъ Его Имп. Вел. Александромъ Первымъ. (1801). Истинный портретъ Екатерины Великія. (М. 1801). Похвала Екатеринѣ Великой, соч. сенаторомъ Захаровымъ, съ искусно выгравированною картинкою. (Спб. 1802). «Историческое похвальное слово Екатеринѣ II», съ портретомъ Ея. Соч. Карамзинымъ. (М. 8°. 1802). «Кончина Россійскаго Императора Павла I, характеръ новаго Императора Александра I; внутреннія перемѣны; новыя положенія во всей Европѣ. (М. 8°. 1802). «Нума Помпилій, Александру I Монарху Россіи»; соч. П. Львова съ портретомъ Его Имп. Вел. (Спб. 1803). «Портретъ Александра I., изображенный въ письмѣ одного нѣмецкаго автора къ его пріятелю». (М. 1804. 8°). «Сердце и законы Екатерины Великой». Съ карт. (Спб. 1805). Наконецъ: «Торжественныя рѣчи въ полувѣковой Импер. Московскаго университета юбилей. говоренныя въ большой Аудиторіи онаго Іоанномъ Буле, Павломъ Сохацкимъ, Львомъ Цвѣтаевымъ и Иваномъ Венсовичемъ, іюля 30 дня 1805 г. (М. 4°. 1805).

Кипучая литературная дѣятельность, начавшаяся послѣ мертвой полосы Павлова царствованія можетъ быть учтена съ статистическою точностью. Цифры покажутъ, какое значеніе имѣлъ для литературы и книжнаго рынка импульсъ, данный юнымъ Монархомъ идейной работѣ общества. Въ 1810—1811 гг. напечатано по Высочайшему повелѣнію «Систематическое обозрѣніе литературы въ Россіи въ теченіе пятилѣтія, съ 1801 по 1806 годъ», сочиненное А. Шторхомъ (ч. I. Русская литература) и Ф. Аделунгомъ (ч. II. Иностранная литература въ Россіи). Въ предисловіи къ первой части этой замѣчательной библіографической работы Шторхъ говоритъ: «Россійская литература по сіе время не имѣла... пособія къ познанію оной и недостатокъ сей весьма ощутителенъ,.. Изъ Россіянъ Карамзинъ, въ изданномъ имъ въ 1791 году Московскомъ Журналѣ, подалъ первый примѣръ критики литературы. Съ того времени... нашелъ онъ многихъ себѣ преемниковъ; но по сіе еще время ни одинъ Россійскій писатель не предпринималъ изданія журнала, коего цѣлію были-бы исключительно показанія и сужденія о нововышедшихъ книгахъ, а и того менѣе никто еще не избралъ предметомъ своимъ какое-либо полное сочиненіе таковаго рода»[12]). Въ высшей степени характернымъ является поэтому, что первая библіографія была печатана по Высочайшему повелѣнію.

---

[12]) Шторхъ. Введеніе. Стр. X и XV.

Въ «заключеніи, выведенномъ изъ Реперторіи Россійской литературы, съ 1801 по 1806 годъ». Шторхъ подводитъ общіе итоги книжнаго рынка. Оказывается, что за пятилѣтіе было напечатано всего 1304 сочиненія или 2175 томовъ. Изъ нихъ оригинальныхъ сочиненій 756 и переводныхъ — 548. Ежегодно до 435 книгъ. Всего больше вышло книгъ по богословію (213), затѣмъ идутъ романы (210), изящная словесность вообще (205), исторія (94), филологія (84), географія и статистика (74), медицина (52) и т. д. Переведено съ греческаго 22 сочиненія, съ латинскаго—20, съ франц.—262, съ нѣмецк.—194, съ англ.—24 и т. д. Писателей въ живыхъ 349. Анонимовъ 742. Общая гадательная цифра авторовъ — 844. Изъ какихъ классовъ гражданскаго общества составлена сія республика писателей — спрашиваетъ Шторхъ. И насчитываетъ 10 князей, 6 графовъ, 3 министра, 2 посланника, 1 генерала, 2 адмирала, 2 митрополита, 10 епископовъ и архіепископовъ, 7 архимандритовъ, 4 сенатора, 2 губернатора, 6 дѣйствительныхъ тайныхъ, 10 тайныхъ совѣтниковъ и т. д. Все это, очевидно, подчеркивается для возвышенія въ глазахъ общества «республики писателей» и для указанія на то, что высшіе правительственные круги ревностно стараются заявить о своей просвѣщенности литературными трудами. Значитъ, литература свыше поощряется и т. д.[13]). Въ высшей степени важныя и характерныя сравнительныя цифры для трехъ царствованій въ изслѣдованіи г-жи Н. Бѣлозерской. Цифры, правда, относятся только къ переводнымъ романамъ, но зная количество другихъ родовъ сочиненій, вышедшихъ въ первое пятилѣтіе царствованія Александра I, не трудно по аналогіи составить себѣ представленіе о томъ угнетенномъ состояніи, въ которомъ находился книжный рынокъ при Павлѣ Петровичѣ, и мгновенномъ расцвѣтѣ его въ новое царствованіе.

Г-жа Бѣлозерская приводитъ въ своемъ изслѣдованіи таблицу, которая «показываетъ въ какой степени отразились на количествѣ издаваемыхъ переводныхъ романовъ такія причины, какъ уничтоженіе большинства частныхъ типографій въ 1796 году, закрытіе всѣхъ частныхъ типографій и запрещеніе ввоза книгъ изъ-заграницы въ 1800 г., а съ другой стороны, отмѣна этихъ стѣснительныхъ мѣръ въ 1802 г. при императорѣ Александрѣ I».

При Екатеринѣ II съ 1762 по 1796 г., за цѣлое тридцатилѣтіе, переведены 540 романовъ, въ годъ въ среднемъ по 18.

При Павлѣ I съ 1796 г. по 1801 г., т. е. за шестилѣтіе, всего 62 романа, т. е. почти вдвое меньше.

При Александрѣ I съ 1801 по 1804 г., т. е. за пятилѣтіе, переведены 346 романовъ, т. е. свыше 86 романовъ въ годъ. Замѣтимъ, что картина

[13]) Шторхъ. Стр. 347.

была-бы и вѣрнѣе и разительнѣе, если-бы сравнить кульминаціонные пункты подъемовъ при Екатеринѣ и Александрѣ и паденія при Павлѣ. Во всякомъ случаѣ очевидно, что за сокращеніемъ почти вдвое книжнаго рынка при Павлѣ, въ первое-же пятилѣтіе новаго царствованія подъемъ во много разъ превысилъ книжный рынокъ Екатерининскаго царствованія [14]).

§ 3. «Возрожденіе прежнихъ благъ», которое пророчилъ въ новомъ царствованіи Державинъ, возрожденіе лучшихъ традицій екатерининскаго времени, повидимому совершалось. Но прогрессивныя традиціи порвались раньше Павла Петровича, и тѣни послѣднихъ лѣтъ царствованія Императрицы — вольтерьянки, сливаясь и стущаясь, непосредственно переходятъ въ царствованіе ея сына. Когда въ русскомъ обществѣ и литературѣ подъ вліяніемъ весенней теплоты, повѣявшей свыше, явилось стремленіе связать концы порванной духовной нити, то прежде всего воскресаютъ традиціи кружка Новикова и живой ихъ представитель — Радищевъ, является опять въ литературѣ и обществѣ.

Наиболѣе благотворнымъ почином нового царствованія была забота о народномъ просвѣщеніи. Весьма важной мѣрой являлось основаніе особаго министерства, во главѣ котораго сталъ Завадовскій. Онъ окружилъ себя просвѣщенными, дѣятельными сотрудниками, и время его управленія министерствомъ останется навсегда блестящею эпохою въ исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи. Съ Завадовскимъ трудились такіе люди, какъ Муравьевъ, Новосильцевъ, Строгановъ, Озерецковскій, и т. д. Наконецъ, на службѣ въ министерствѣ было много молодыхъ литераторовъ. Такъ въ 1802 г. въ министерство опредѣлился Батюшковъ. Сослуживцами его были И. П. Пнинъ, Н. А. Радищевъ, Д. И. Языковъ, и съ 1803 года — Н. И. Гнѣдичъ. Директоръ канцеляріи министра также былъ писатель и журналистъ, переводчикъ классиковъ, — И. И. Мартыновъ. Но еще въ 1801 году нѣсколько молодыхъ петербургскихъ литераторовъ положили основаніе «Вольному обществу любителей словесности, наукъ и художествъ». Въ его составѣ и въ его изданіяхъ встрѣчаемъ имена И. П. Пнина, А. Х. Востокова, И. М. Борна, В. В. Попугаева, Д. И. Языкова. Н. Ѳ. Остолопова. Н. И. Брусилова, Н. А. Радищева (сына), А. П. Беницкаго. Въ 1802—1803 годахъ вышло двѣ книги изданія Общества: «Свитокъ музъ». Въ 1804 г. выходитъ «Періодическое изданіе» общества. Члены его сотрудничаютъ затѣмъ въ ежемѣсячномъ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ», который въ 1804—1805 гг. издавалъ И. И. Мартыновъ. Такимъ образомъ и общество, и всѣ эти изданія суще-

---

[14]) Василій Трофимовичъ Нарѣжный. Историко-литературный очеркъ Н. Бѣлозерской. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Стр. 32. Примѣч. Таблица № 3. По росписи Смирдина.

ствуютъ какъ бы подъ сѣнью новаго министерства, и конечно отражаютъ либеральныя вѣянія его.

«Какъ ни ограничена, какъ ни скромна была дѣятельность Вольнаго общества, говоритъ Л. Н. Майковъ въ біографіи Батюшкова, приложенной къ первому тому его сочиненій, въ ней замѣчалось два оттѣнка, или лучше сказать, двѣ струи: одна—собственно литературная, другая—социально-политическая». Собственно литературное направленіе общества выражалось сочиненіемъ и разборомъ разныхъ литературныхъ произведеній, большею частью стихотворныхъ, въ господствовавшемъ тогда чувствительномъ вкусѣ; интересы же соціально-политическіе проявлялись въ томъ, что члены читали въ своихъ собраніяхъ переводы изъ Беккаріи, Филанжіери, Мабли, Рейналя, Вольнея и другихъ свободомыслящихъ историковъ и публицистовъ XVIII вѣка, а иногда и свои собственныя статьи на такія темы: о вліяніи просвѣщенія на законы и правленія, о феодальномъ правѣ, о раздѣленіи властей человѣческаго тѣла и т. д. Одною изъ характерныхъ чертъ господствовавшаго въ обществѣ настроенія было глубокое уваженіе членовъ къ извѣстному автору «Путешествія изъ Петербурга въ Москву», Александру Николаевичу Радищеву. Это сочиненіе, говоритъ А. Н. Пыпинъ, остается до сихъ поръ полу-извѣстнымъ для русскихъ читателей. Собственное изданіе, сдѣланное Радищевымъ въ 1790 г.[15]), было тогда же конфисковано и уничтожено, такъ что сохранилось лишь нѣсколько экземпляровъ, и впослѣдствіи оно обращалось въ рукописяхъ. Затѣмъ въ первый разъ оно было перепечатано въ Лондонѣ, 1858; въ 1872 г. изданы были подъ редакціей извѣстнаго библіографа Ефремова въ двухъ томахъ «Сочиненія Александра Николаевича Радищева», но изданіе не выходило въ свѣтъ и въ 1873 году было уничтожено; въ 1876 было повторено въ Лейпцигѣ изданіе «Путешествія» по неисправному тексту 1858 года; наконецъ, въ 1888 г., разрѣшено было А. С. Суворину воспроизведеніе изданія 1790 года въ числѣ ста экземпляровъ. Итакъ, правильнымъ образомъ лишь немногіе русскіе читатели могли познакомиться съ книгой Радищева; для большинства она можетъ быть знакома лишь по немногимъ выпискамъ, какія сдѣланы были изъ нея въ статьѣ Пушкина и въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ объ этомъ писателѣ[16]). Мало того, такъ какъ сочиненія Радищева, за исключеніемъ «Путешествія», вышли въ шести томахъ въ 1806—1811 гг.

---

[15]) На домашнемъ станкѣ. См. Сопиковъ. Опытъ россійской библіографіи. Часть 4-я Спб. 1816 г. Стр. 249. № 9240. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, съ надписью изъ Телемахиды: чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лаяй: соч. Коллежск. Сов. Александра Радищева. Спб. въ Т. сочинителя. 1790—въ 8°, на 458 стр. Preрѣдкая: ибо вышло въ свѣтъ оной не болѣе 50 экземпляровъ. Въ предисл. изд. А. С. Суворина показано 30 экз.

[16]) Исторія русск. литер. т. IV. Спб. 1899. Стр. 169.

то значитъ за цѣлое столѣтіе не выпало затѣмъ подобнаго момента, чтобы повторить изданіе хотя этихъ только сочиненій.

Радищевъ родился въ 1749 г. Онъ въ числѣ другихъ молодыхъ людей посланъ былъ въ 1766 г. въ Лейпцигскій университетъ. Здѣсь онъ слушалъ словесныя науки у Геллерта, философію у Платнера; кромѣ того читалъ Вольтера, Гельвеція, Рейналя, который въ особенности увлекалъ его и впослѣдствіи, быть можетъ, внушилъ самую идею путешествія, а форму его Радищевъ заимствовалъ, по скольку сумѣлъ, у Стерна. «Путешествіе» состоитъ изъ 25 главъ, распредѣленныхъ по станціямъ пути отъ Петербурга до Москвы. «Форма неопредѣленная, говоритъ А. Н. Пыпинъ, но открытая для самаго разнообразнаго содержанія, и дѣйствительно, книга Радищева состоитъ изъ отдѣльныхъ статей, гдѣ частію передаются мелкія впечатлѣнія пути, частію излагаются философскія и моральныя размышленія, частію рисуются картины русской жизни, и здѣсь онъ въ особенности останавливается на обличеніи крѣпостного права, вопіющихъ недостатковъ суда и управленія и т. д.»[17]). Въ посвященіи «Путешествія» Радищевъ такъ объясняетъ мотивы, побудившіе его написать книгу: «Я взглянулъ окрестъ меня, душа моя страданіями человѣческими уязвлена стала; обратилъ взоры во внутренность мою, и узрѣлъ, что бѣдствія человѣка происходятъ отъ человѣка, и часто оттого только, что онъ взираетъ не прямо на окружающіе его предметы... Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь».

Въ главѣ «Хотиловъ» Радищевъ обращается къ рабовладѣльцамъ: «Опомнитесь, заблудшіе! смягчитеся, жестокосердные! разрушите оковы братіи вашей, отверзите темницу неволи и дайте подобнымъ вамъ вкусити сладости общежитія, къ нему же Всещедрымъ уготованы, якоже и вы. Они благодѣтельными лучами солнца равно съ вами наслаждаются, одинаковые съ вами у нихъ члены и чувства, и право въ употребленіи оныхъ должно быть одинаково... Кто-же къ нивѣ ближайшее имѣетъ право, буде не дѣлатель ея?» Затѣмъ Радищевъ предлагаетъ «путь къ постепенному освобожденію земледѣльцевъ въ Россіи». При чемъ требуетъ освобожденія съ землею: «Удѣлъ въ землѣ, ими обработываемой, должны они имѣть собственностію, ибо платятъ сами подушную подать».

Попытка взглянуть прямо на окружающіе предметы дорого стоила Радищеву. Сначала онъ былъ «порученъ» Шешковскому. Затѣмъ дѣло Радищева разсматривалось въ палатѣ уголовнаго суда и палата приговорила его къ смертной казни. Въ окончательномъ рѣшеніи смертная казнь была замѣнена ссылкой въ Восточную Сибирь, куда его велѣно было везти въ кандалахъ.

---

[17]) Id. Стр. 171.

Въ первый же годъ вступленія на престолъ Александръ I вызвалъ Радищева, находившагося подъ надзоромъ тайной экспедиціи въ деревнѣ: ему было даровано право пріѣзда въ столицу и затѣмъ государь возвратилъ ему чинъ коллежскаго совѣтника и Владимірскій крестъ 4-й степени. Мало того, монархъ опредѣлилъ Радищева въ комиссію составленія законовъ и приказалъ ему «изложить свои мысли касательно нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій» (Пушкинъ). «Дѣйствія новаго правительства, говоритъ Н. К. Шильдеръ, въ исторіи царствованія Александра I,— возбудили въ Радищевѣ ложныя надежды, что теперь настала пора серьезныхъ реформъ; мысль объ освобожденіи крестьянъ снова овладѣла его помыслами, и въ разговорахъ съ графомъ Завадовскимъ онъ, не стѣсняясь, обнаружилъ свой свободный образъ сужденій». По свидѣтельству Пушкина, слѣдствіемъ этого было то, что графъ Завадовскій «удивился молодости его сѣдинъ» и сказалъ ему съ дружественнымъ упрекомъ: «Эхъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить по прежнему! Или мало тебѣ было Сибири?» Дѣйствительно-ли сказалъ это Завадовскій или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ Радищевъ предался отчаянію. 11-го сентября 1802 года онъ схватилъ большой стаканъ царской водки и выпилъ его разомъ. Императоръ прислалъ ему лейбъ-медика баронета Вилье, но было уже поздно. Спасти писателя не удалось.

Вышеупомянутое Вольное общество любителей словесности отозвалось на смерть Радищева. Строки, исполненныя горячаго сочувствія къ покойному, написанныя Борномъ и Пнинымъ, помѣщены въ «Свиткѣ Музъ», сборникѣ, изданномъ отъ общества въ 1803 г.[18]). «Сѣверный Вѣстникъ» И. И. Мартынова воспроизвелъ въ 1805 году одну изъ лучшихъ главъ «Путешествія» («Клинъ»), давъ ей заглавіе: «Отрывокъ изъ бумагъ одного Россіянина», и присовокупивъ къ ней слѣдующее примѣчаніе: «Читатели найдутъ въ семъ сочиненіи не чистоту русскаго языка, но чувствительныя мѣста. Издатели смѣютъ надѣяться, что тѣни усопшаго автора первое будетъ прощено для послѣдняго»[19]).

Самоубійство Радищева является разительнымъ, зловѣщимъ, единственнымъ, но какъ бы пророческимъ диссонансомъ посреди свѣтлаго ликованія «дней Александровыхъ счастливаго начала». Старый идеалистъ одинъ испыталъ невыносимое разочарованіе. Видимо, нравственное отвращеніе при видѣ фальши красивыхъ словъ, которыя однако прикрывали попрежнему затхлый, крѣпостной строй, поднялось въ немъ и убило это чистое сердце. И чутье не измѣнило Радищеву. Безпристрастный историкъ объясняетъ этотъ скептицизмъ. Первому періоду царствованія Александра I присваиваютъ обыкновенно наименованіе эпохи преобразованій. «Вникая ближе

---

[18]) **Книжка 2, стр. 136—144.**

[19]) **«Сѣв. Вѣстн.» 1805 г., ч. V, стр. 61.**

въ духъ этого періода, говоритъ Н. К. Шильдеръ, вѣрнѣе было бы назвать его эпохою колебаній.» За это время, то-есть, съ 1801 по 1810 годъ, въ государственной жизни Россіи происходятъ безпрерывныя колебанія, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ; по всѣмъ отраслямъ управленія имперіею замѣчается полная неустойчивость взглядовъ, рѣзкіе переходы отъ одной политической системы къ другой. Кромѣ причинъ, лежащихъ въ самой жизни, эти колебанія объясняются и характеромъ Александра I, тѣми его свойствами, которыя Меттернихъ называлъ: «les évolutions périodiques de son esprit».

«Александръ, усвоивъ себѣ по вдохновенію какую нибудь идею, немедленно отдавался ей съ полнымъ увлеченіемъ. На развитіе этой идеи требовалось около двухъ лѣтъ; она незамѣтнымъ образомъ пріобрѣтала въ его глазахъ значеніе системы. Въ теченіе третьяго года, онъ оставался вѣренъ избранной системѣ, все болѣе привязывался къ ней, слушалъ съ истиннымъ увлеченіемъ сторонниковъ ея, и въ это время становился недоступнымъ никакому вліянію, могущему поколебать справедливость усвоеннаго имъ взгляда. На четвертый годъ его уже начинали тревожить могущія произойти отъ этого послѣдствія. Въ пятый же годъ замѣчалась неопредѣленная смѣсь системы, готовой исчезнуть, съ новой идеей, начинавшей зарождаться въ его умѣ. Эта идея обыкновенно составляла діаметральную противуположность покидаемому имъ воззрѣнію. Затѣмъ усвоивъ себѣ новыя убѣжденія, онъ не сохранялъ о покинутыхъ идеяхъ другого воспоминанія, кромѣ обязательствъ, связывавшихъ его съ различными представителями прежнихъ воззрѣній»[20]).

Эти колебанія Александра отражались весьма замѣтно и достаточно вредно на литературѣ. Въ 1804 году академики Озерецковскій и Фусъ составили цензурный уставъ. Представляя его министру просвѣщенія, Озерецковскій писалъ на французскомъ діалектѣ: «Благо, проистекающее изъ благоразумной свободы печати, такъ велико и прочно, зло же, сопровождающее злоупотребленіе этою свободою, такъ рѣдко и мимолетно, что нельзя не сожалѣть о необходимости, въ которую ставится правительство, во всѣхъ прочихъ дѣлахъ рѣшительно вступившее на почву либеральныхъ принциповъ, полагать границы этой свободѣ, вынуждаемое къ этой мѣрѣ опытомъ, обстоятельствами минуты или же могучимъ потокомъ духа времени[21]). Въ свою очередь министръ Завадовскій въ докладѣ о цензурѣ императору Александру I говорилъ: «Министерство просвѣщенія положило

---

[20]) Шильдеръ, т. 2, стр. 2 и 3. Metternich: Mémoires, t. I. Alexandre I. Portrait tracé par le prince de Metternich en 1829 (p.p. 315—332).

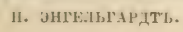
[21]) М. И. Сухомлиновъ. Изсл. и статьи, т. I, стр. 218. А. М. Скабичевскій. Очерки исторіи цензуры. Изд. 1892 г. Стр. 95.

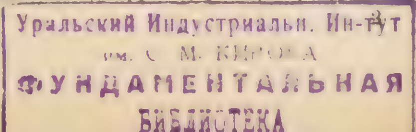
учредить въ здѣшней столицѣ цензурный комитетъ, составя оный изъ ученыхъ особъ, и для единообразнаго руководства въ разсматриваніи книгъ и сочиненій во всей имперіи начертало уставъ. Сими постановленіями нимало не стѣсняется свобода мыслить и писать, но токмо взяты пристойныя мѣры противъ злоупотребленія оной[22]).

По уставу 1804 года, цензура имѣла «разсматривать» книги, «назначаемыя къ общественному употребленію», предметъ же сего «разсматриванія есть доставить обществу книги и сочиненія, способствующія къ истинному просвѣщенію ума и образованію нравовъ, и удалить книги и сочиненія, противныя сему намѣренію» (отд. I, ст. 1 и 2). Уставъ былъ коротокъ (47 статей), цензоровъ по штату въ Петербургѣ полагалось всего трое, «разсматриваніе» полагалось снисходительное и благожелательное. Цензоръ долженъ былъ только «наблюдать, чтобы ничего не было въ оныхъ противнаго закону Божію, правленію, нравственности и личной чести какого либо гражданина» (ст. 15). Если же цензоръ въ доставленной ему рукописи найдетъ нѣкоторыя мѣста, противныя означенному, то не дѣлаетъ самъ собою никакихъ въ оныхъ поправокъ; но, означивъ таковыя мѣста, отсылаетъ рукопись къ издателю, дабы онъ самъ исключилъ или перемѣнилъ оныя. По возвращеніи же исправленной одобряетъ (ст. 16). «Впрочемъ, цензура въ запрещеніи печатанія или пропуска книгъ и сочиненій руководствуется благоразумнымъ снисхожденіемъ, удаляясь всякаго пристрастнаго толкованія сочиненій или мѣстъ въ оныхъ, которыя по какимъ либо мнимымъ причинамъ кажутся подлежащими запрещенію. Когда мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше истолковать его выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать» (ст. 21). «Скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящееся до вѣры, человѣчества, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія государственнаго или какой бы то ни было отрасли правленія, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою тисненія, возвышающею успѣхи просвѣщенія» (ст. 22). «Сочиненія или переводы, одобренные цензурою, могутъ быть напечатаны вновь, не подвергаясь вторичному разсмотрѣнію» (ст. 39). Цензура не должна «задерживать разсмотрѣніе» рукописей, особенно для журналовъ, чтобы они не теряли «цѣну новости», (ст. 23). Таковъ этотъ идиллическій уставъ, подписанный друзьями юнаго монарха, изъ перваго кружка его: Адамомъ Чарторыскимъ, Новосильцевымъ, Потоцкимъ .. Въ немъ всего одна грозная статья (19)[23]). Если

[22]) Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 г. Спб., 1862 г., стр. 83.

[23]) Сборн. постановл. и распоряж. по цензурѣ. Стр. 85, 86, 88, 89 и 93.





бы въ цензуру прислали сочиненіе, явно отвергающее бытіе Божіе, оскорбляющее верховную власть и проч., то комитетъ «немедленно объявляетъ о такой рукописи правительству для отысканія сочинителя и поступленія съ нимъ по законамъ». Но какъ прислать подобную рукопись въ цензуру могъ только человѣкъ, находящійся въ бѣлой горячкѣ, а въ здравомъ умѣ такого простака ожидать было напрасно, то и угроза являлась безопасной, производя однако пріятный для уха «зловѣщихъ стариковъ», читавшихъ это созданіе юнаго царствованія, кандальный звонъ. Таковъ былъ уставъ! Какое вліяніе имѣли пятилѣтніе періоды «эволюцій» монаршаго духа на литературу? Они находились въ противорѣчіи съ статьей 39 цензурнаго устава 1804 года. По этой статьѣ сочиненіе, разъ разсмотрѣнное и одобренное, для второго изданія не нуждалось въ новомъ разсмотрѣніи и одобреніи. Между тѣмъ всѣ сочиненія, согласныя съ видами правительства въ одномъ пятилѣтіи, и потому благонамѣренныя и разрѣшенныя, въ слѣдующее пятилѣтіе оказывались въ противорѣчіи съ видами того же правительства, потерпѣвшими «эволюцію». А вторыя изданія ихъ, по уставу, могли выходить безпрепятственно. Какъ же быть? Оставалось дѣйствовать путемъ особыхъ циркулярныхъ внушеній и разъясненій.

Особенно характерна въ этомъ отношеніи «эволюція» цензуры съ Наполеономъ. Съ 1802 г. свободно обращалась въ продажѣ книга «Histoire de Bonaparte», наполненная похвалами Наполеону. Въ началѣ 1807 г., во время войны съ Франціей, книга эта обратила на себя вниманіе и была препровождена для «разсмотрѣнія» въ цензурный комитетъ, который и нашелъ, что авторъ книги обнаруживаетъ себя «подлымъ обожателемъ хищниковъ трона». Книга была «изъята». Но заключили тильзитскій миръ, и цензура начала преслѣдовать всякія порицанія Наполеона. Особое вниманіе было обращено на «Русскій Вѣстникъ» пламеннаго патріота С. Н. Глинки, который попрежнему враждебно отзывался объ императорѣ французовъ... Съ 1812 г. Наполеонъ снова дѣлается узурпаторомъ и антихристомъ. А уже въ 1814 году предсѣдатель С.-Петербургскаго цензурнаго комитета, Уваровъ, предлагаетъ комитету слѣдить за тѣмъ, чтобы «журналисты», писавшіе въ 1812 году, иначе писали въ 1815 г., и мало-по-малу согласовались бы съ намѣреніями правительства и содѣйствовали распространенію мирныхъ сношеній, слѣдуя такимъ образомъ общему стремленію къ новому и прочному порядку вещей[24]).

Еще любопытнѣе «отношеніе» министра народнаго просвѣщенія, князя А. Н. Голицына, попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа, отъ 4-го апрѣля 1818 г. (№ 737).

---

[24]) Сухомлиновъ, т. I, 427—428. Истор. свѣд. о цензурѣ въ Россіи, стр. 12, 13, 19, 20. Скабичевскій, стр. 106—108 и 114. «Русская Старина» 1880 г., стр. 463—465.

«По соображеніямъ моимъ нахожу я, что... вообще выходили и могли выходить у насъ книги, коихъ содержаніе, въ отношеніи къ духу правительства и религіи, по тогдашнимъ обстоятельствамъ и времени, весьма противно было принятымъ нынѣ твердымъ правиламъ, кои правительство по точной волѣ государя императора вводить и укоренять старается. Вслѣдствіе того по долгу званія моего обязываюсь я употребить всѣ зависящія отъ меня мѣры къ недопущенію во вновь печатаемыхъ книгахъ никакихъ мыслей и правилъ, не терпимыхъ нынѣ правительствомъ. Почему, обращая на сей предметъ вниманіе.... прошу предписать... цензурному комитету, чтобъ оный при разсмотрѣніи сочиненій и переводовъ, предполагаемыхъ къ напечатанію вторымъ, третьимъ и вообще возобновляющимся тисненіемъ, наблюдалъ строжайше, дабы подобныя мѣста въ книгахъ сихъ, содержащія въ себѣ мысли и духъ, противные религіи христіанской, обнаруживающіе или вольнодумство, безбожничество, невѣріе и неблагочестіе или своевольство революціонной необузданности, мечтательнаго философствованія или же опорочиваніе догматовъ православной нашей церкви и т. п., были непремѣнно запрещаемы къ напечатанію, хотя бы въ напечатанныхъ прежде книгахъ и находились[25]). Такимъ образомъ выходило, что были такія «обстоятельства и времена», когда цензурный комитетъ пропускалъ книги, полныя «вольнодумства», «безбожничества», «невѣрія», «революціонной необузданности» и проч., т. е. совершалъ такія дѣянія, за которыя по статьѣ 15 устава онъ подлежалъ «по мѣрѣ важности вины» карѣ, а сочинители, подавшіе на разсмотрѣніе такія книги, по статьѣ 19 подлежали немедленному «отысканію» и «поступленію съ ними по законамъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ Голицынъ, заявлявшій, что онъ поступаетъ на основаніи «твердыхъ правилъ» во имя православія, былъ тотъ самый, которому въ 1821 году знаменитый Фотій крикнулъ въ салонѣ гр. Орловой: «Анаѳема, да будешь ты проклятъ!» И объяснилъ — за что: за покровительство сектъ, лжепророковъ и за участіе въ возмущеніи противъ церкви.

§ 4. Радищевъ былъ истинно просвѣщеннымъ человѣкомъ своего времени, съ обширными философскими и естественно-научными познаніями, съ умомъ разностороннимъ, глубокимъ, склоннымъ равно къ отвлеченію и къ тонкому юмору. Въ то же время это былъ человѣкъ практики, знавшій жизнь, не кабинетный теоретикъ. Онъ точно зналъ, чего хотѣлъ. Онъ хотѣлъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, понимая, что безъ этой реформы, всѣ прекрасныя слова останутся только словами. Радищевъ, болѣе чѣмъ кто-либо изъ писателей XVIII вѣка, — писатель въ пол-

[25]) «Русская Старина», декабрь 1900 года. Къ исторіи русской цензуры (1814—1820). Сообщ. Н. Д., стр. 654—655.

номъ смыслѣ слова. «Онъ вѣчно кому-нибудь подражалъ», говоритъ Пушкинъ въ своей извѣстной статьѣ «Александръ Радищевъ». Это упрекъ, который можно сдѣлать всей литературѣ прошлаго столѣтія; тогда подражаніе образцамъ являлось основнымъ требованіемъ вкуса и литературнаго уложенія. Но Радищевъ быть можетъ болѣе всѣхъ оригиналенъ.

Первый томъ его трудовъ вышелъ въ 1806 году, подъ заглавіемъ: «Собраніе оставшихся сочиненій покойнаго Александра Николаевича Радищева, въ типографіи Платона Бекетова. Иждивеніемъ издателей». Части II и III вышли въ 1809 г. Остальныя въ 1811 г. «Отъ издателей» приложены слѣдующія строки: «Вотъ все, что осталось изъ сочиненій человѣка, извѣстнаго уже публикѣ; надѣемся, издавая ихъ въ свѣтъ, принести ей удовольствіе. Жаль, что многія другія творенія, какъ важныя, такъ и забавныя пропали. Мы бы почли себѣ преступленіемъ, имѣя оставшіяся г. Радищева бумаги въ рукахъ своихъ: предать ихъ забвенію и не издать ихъ въ свѣтъ».

Въ первомъ томѣ собраны стихотворные опыты. «Радищевъ,—говоритъ Пушкинъ, — писалъ лучше стихами, нежели прозою». Мы смѣемъ однако утверждать, что проза Радищева —чрезвычайно замѣчательное явленіе для времени, предшествовавшаго Карамзину. Радищевъ разработалъ философскій языкъ и вмѣстѣ съ научной, далъ много замѣчательныхъ страницъ и реальной, художественной прозы. Стихотворныя попытки его тоже чрезвычайно замѣчательны, какъ первые шаги по совершенно оригинальному пути. Онъ писалъ бѣлыми стихами безъ рифмъ и первый пытался «отвязать отъ позорнаго столба дактило—хореическій гекзаметръ, прикованный къ нему Третьяковскимъ». Въ этомъ отношеніи онъ прямой предшественникъ Гнѣдича. Въ первомъ томѣ помѣщенъ: «Бова, повѣсть богатырская, стихами».

«Одиннадцать пѣсней Бовы», говорится въ «Извѣстіи», предпосланномъ издателями, были уже написаны, двѣнадцатая и послѣдняя начата, но по смерти сочинителя нашлася только первая пѣснь, изготовленная къ тисненію... Мы читали всѣ одиннадцать пѣсней, и скажемъ, что всѣ были не хуже первой... Чтобы дать читателямъ понятіе о всей поэмѣ, прилагаемъ планъ оной»... Итакъ, предъ нами отрывокъ эпическаго, чрезвычайно замѣчательнаго произведенія. Планъ особенно интересенъ. Въ немъ находимъ уже репертуаръ романтическихъ балладъ. «Первая пѣснь Бовы имѣетъ достоинства,—говоритъ Пушкинъ.—Характеръ Бовы обрисованъ оригинально и разговоръ его съ Каргою забавенъ». Радищевъ въ этомъ произведеніи являлся предшественникомъ самого Пушкина. Его «богатырская повѣсть» одна изъ попытокъ создать русскую поэму «народнымъ складомъ» и проникнутую духомъ народной поэзіи. Радищевъ еще въ «Путешествіи» высказалъ мысль о возможности отклониться отъ просодіи Ломоносова. Позже онъ занялся изученіемъ размѣра народныхъ пѣсенъ, хотя всего вѣроятнѣе, что это были пѣсни не чисто народныя, крестьянскія; но городскія, мѣщан-

скія, какими восхищался и Шишковъ. Результатомъ этихъ занятій и былъ «Бова».

Затѣмъ видимъ рядъ попытокъ, не считая «Ильи Муромца» Карамзина (1795 года). Такъ Н. Львовъ напечаталъ «Добрыню» въ «Другѣ Просвѣщенія 1804 г.» А. Х. Востоковъ поэму: «Певисладъ и Зора» (1804 года). «Русскимъ складомъ» писано начало «Бахаріаны» Хераскова, посланіе Батюшкова: «Къ Фелисѣ» (1805 г.) и наконецъ «Пѣсни Оссіана» Гнѣдича (1804 г. въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ»), сопровожденныя нижеслѣдующимъ примѣчаніемъ: «Мнѣ и многимъ кажется, что къ пѣснямъ Оссіана никакая гармонія стиховъ такъ не подходитъ, какъ гармонія стиховъ русскихъ». Нечего говорить, что въ стихахъ этого рода не было ровно никакой гармоніи, а всѣ попытки были уничтожены поэмой юнаго Пушкина «Русланъ и Людмила», гдѣ дѣйствительно уловлено то, что мерещилось еще Радищеву— «тамъ русскій духъ, тамъ Русью пахнетъ».

Кромѣ «Бовы» въ первомъ томѣ находимъ «Пѣснь историческую», представляющую сухой очеркъ историческихъ событій съ древнѣйшихъ временъ въ такихъ стихахъ:

...Я время зрю протекша...
Троя, Тиръ, Сидонъ, Корѳага,
Древни Хины и Индѣйцы,
И невѣдомы народы
Шествуютъ покрыты мглою...
Се, Эллада въ блескѣ солнца...
Ромулъ Риму основанье
Далъ и т. д., и т. д.

Наконецъ, здѣсь же помѣщены «Мелкія стихотворенія» и «Пѣсни, пѣтыя на состязаніяхъ въ честь древнимъ славянскимъ божествамъ» съ эпиграфомъ изъ «Слово о полку Игоревѣ»: «Тогда пущаетъ 10 соколовъ на стадо лебедей, которой дотечаше, та преди пѣснь пояше». Такъ какъ «Слово» открыто въ 1800 году, то произведеніе это написано очевидно Радищевымъ передъ смертью. Если не исполненіе, то замыселъ этой вещи чрезвычайно интересенъ, какъ попытка пробиться къ народности, исканіе ея. Поэма начинается прозаическимъ описаніемъ, какъ «десять избранныхъ пѣснопѣвцевъ отъ различныхъ племенъ славянскихъ, стали строемъ на берегу древняго Борисѳена; каждый изъ нихъ несетъ на правой рукѣ своей сокола быстроокаго, въ лѣвой держитъ звонкія гусли... Зане обычай былъ таковъ, что соколъ поражающій лебедя, назначалъ чреду въ пѣснопѣніи, и чей былъ первый, тотъ первую воспѣвалъ пѣснь и всѣ другіе по чредѣ своихъ соколовъ...

Летятъ соколы и чей первой настигъ лебедя? Се твой соколъ, о Всегласъ, житель бреговъ Ильменя. Настроя звонкія свои гусли, тако воспѣлъ:

Всегласъ.
Перунъ, о богъ всесильный,
Зиждитель міра, царь.
Всего того, что видимъ!
Не слово ли твое всесильно
Что слышно намъ во звукахъ грома...
Воззвало въ бытіе
Все то, что око наше зритъ... [26])

Далѣе слѣдуетъ 25 страницъ такихъ стиховъ безконечной «пѣсни» Всегласа... «Въ стихахъ лучшее произведеніе его,—говоритъ Пушкинъ,—есть «Осьмнадцатый вѣкъ» — лирическое стихотвореніе, написанное древнимъ элегическимъ размѣромъ», т. е. гекзаметрами. «Ты творецъ было мысли!»—говоритъ здѣсь писатель своему столѣтію, которое «своею кровавой струею съ звуками грома» течетъ «вѣчности въ море; а тамъ нѣтъ ни предѣлъ, ни бреговъ». Нѣтъ!—восклицаетъ Радищевъ

— ты не будешь забвенно, столѣтье
безумно и мудро! [27])

Но мы позволимъ себѣ отмѣтить поразительное и во всякомъ случаѣ любопытное совпаденіе, какъ бы мы его ни объясняли, одной картины въ стихотвореніяхъ Радищева съ картиной изъ конца «Цыганъ» (1824) самого Пушкина. Вотъ что находимъ у Радищева:

Осень листы ощипала съ деревъ,
Иней сѣдой на траву упадалъ,
Стадо тогда журавлей собралося,
Чтобъ прелетѣть въ теплу, дальну страну,
За море жить. Одинъ бѣдный журавль
Нѣмъ и унылъ пригорюнясь сидѣлъ,
Ногу стрѣлой перешибъ ему ловчій...
(Ч. I, стр. 176).

у Пушкина:

Такъ иногда передъ зимою,
Туманной утренней порою,
Когда подъемлется съ полей
Станица позднихъ журавлей
И съ крикомъ вдаль на югъ несется,
Пронзенный гибельнымъ свинцомъ,
Одинъ печально остается,
Повиснувъ раненымъ крыломъ.

Картины во всѣхъ деталяхъ сходятся. «Сѣдой иней» съ «туманной порой»; «Стадо журавлей перелетающихъ море» съ «станицей», поднимаю-

---

[26]) Соч. Радищева, ч. I, стр. 149.
[27]) Соч. Радищева, ч. I. Мелкія стихотворенія. Стр. 179.

щейся и несущейся «на югъ»; наконецъ «стрѣла» ловчаго-инородца съ «гибельнымъ свинцомъ» и «раненое крыло» съ «перешибленной ногой».

И не смотря на архаичность стиха Радищева и всю роскошь стиха пушкинскаго, въ обоихъ отрывкахъ разлито одинаковое, грустное поэтическое настроеніе!

Въ числѣ прозаическихъ сочиненій Радищева находимъ трактатъ «О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи» въ четырехъ книгахъ. Подъ заглавіемъ стоитъ: «Друзьямъ моимъ». Эпиграфъ: «Le temps présent est gros de l'avenir (настоящее беременѣетъ будущимъ) Leibnitz» и дата: «Начато 1792 года генваря 15. Илимскъ». Произведеніе это написано значитъ въ Сибири, въ ссылкѣ. Отзывъ Пушкина объ этомъ трактатѣ неосновательно строгъ. «Самое пространное изъ его сочиненій, —говоритъ Пушкинъ,—есть философическое разсужденіе «О человѣкѣ и его смертности и безсмертіи». Умствованія его пошлы и не оживлены слогомъ. Радищевъ хотя и вооружается противъ матеріализма, но въ немъ все еще виденъ ученикъ Гельвеція. Онъ охотнѣе излагаетъ, нежели опровергаетъ доводы чистаго атеизма.» Эта характеристика несправедлива. «Умствованія» Радищева ни мало не пошлы, но чрезвычайно глубоки и доказываютъ обширныя и приведенныя въ связь философскія и естественно-научныя познанія автора. Въ искренней, возвышенной религіозности его не можетъ быть сомнѣнія. Доводовъ «чистаго атеизма» совсѣмъ не имѣется въ разсужденіи Радищева... Правда, вся почти вторая книга трактата содержитъ доводы противъ безсмертія души, о чемъ въ началѣ третьей книги онъ говоритъ: «Доселѣ, возлюбленные мои, я собиралъ всевозможные и употребительные доводы, смертность души утверждающіе, старался дать имъ возможную ясность». Зато третья—вся посвящена доводамъ за безсмертіе: «Вотъ, мои возлюбленные, все, что вѣроятнымъ образомъ въ защищеніи безсмертія души сказать можно» (начало книги IV). Истинные же взгляды Радищева видны изъ слѣдующихъ мѣстъ, кстати сказать выраженныхъ сильно, искренно, оригинально.

«Гдѣ былъ ты, — такъ начинаетъ свой трактатъ Радищевъ, — доколѣ члены твои не образовались; прежде нежели ты узрѣлъ свѣтило дневное? Что былъ ты существо всесилію и всевѣдѣнію сопричастное въ бодрственныя твои лѣта?..»—«Кусокъ хлѣба, тобою поглощенный, превратится въ органъ твоея мысли. Тако любовь пріявъ, начало въ тѣлесности, въ дѣйствіи своемъ столь же далеко отстоитъ отъ начала своего, какъ кусокъ, снѣдаемый, отъ дѣйствія мозга въ мысленной силѣ». — «Смерть есть разрушеніе, или паче, какъ то видимъ далѣе, смерть не существуетъ въ природѣ, не существуетъ разрушеніе, а слѣдствіе одно токмо преобразованіе». — «И такъ изшелъ на свѣтъ совершеннѣйшій изъ тварей, вѣнецъ сложеній вещественныхъ, царь земли, но единоутробный сродственникъ, братъ всему на землѣ живущему, не токмо звѣрю, птицѣ, рыбѣ, насѣкомому, полипу, но растенію,

грибу, мху, плѣснѣ, металлу, стеклу, камню, землѣ (подч. въ подл.).» — «Мы не унижаемъ человѣка, находя сходственности въ его сложеніи съ другими тварями, показуя, что въ существенности слѣдуетъ одинаковымъ съ ними законамъ. И какъ иначе то быть можетъ? Не вещественен ли онъ? — «Обезьяны имѣютъ въ образѣ своемъ... уголъ отъ 42 до 50 степеней; сія послѣдняя уже человѣкообразна (курс. нашъ)[28]).

«Человѣкъ не пресмыкаться долженъ на землѣ, а смотрѣть за ея предѣлы». «Науки, художества, общественная связь, законы суть доказательства избыточныя, что человѣкъ превыше всего на землѣ поставленъ». «Желаніе вѣчности равно имѣетъ основаніе въ человѣкѣ со всѣми другими его желаніями». «Понятіе о Всевышнемъ Существѣ въ немъ есть; самъ онъ его себѣ сложилъ или получилъ откуда, того мы не разсматриваемъ. Но то истинно, что когда разумъ, а паче сердце страстями не затемнено, вся плоть, всѣ кости ощущаютъ надъ собою власть ихъ превышающую. Называй сіе кто какъ хочетъ; но Гоббесъ и Спиноза ее ощущали; и если ты не извергъ, о, человѣкъ! то Отца своего ты чувствовать долженъ, ибо Онъ повсюду, Онъ въ тебѣ живетъ»[29]).

«Вѣрь, вѣчность не есть мечта!—такъ заключаетъ Радищевъ свое разсужденіе[30]).

Изъ «шутливыхъ» произведеній, надѣленнаго несомнѣннымъ юморомъ Радищева, интересна апологія знаменитой «Телемахиды» подъ длиннымъ, юмористическимъ заглавіемъ: «Памятникъ дактилохореическому витязю или драматиконовѣствовательныя бесѣды юноши съ пѣстуномъ его, описанныя составомъ нестихословныя рѣчи отрывками, изъ ироической піимы, славнаго въ ученомъ свѣтѣ мужа N. N. поборникомъ его знаменитаго творенія».

Сначала идетъ «Предисловіе, предувѣдомленіе, предъизъясненіе, пред... и все тому подобное», въ которомъ Радищевъ говоритъ: «Для дополненія стихотворнаго отдѣленія моей библіотеки, вивліофеки, книгохранилища, книгоамбара я недавно купилъ Тилимахиду; развернулъ ее... перебиралъ я въ ней листы и нашелъ, къ удивленію моему нашелъ въ ней нѣсколько стиховъ посредственныхъ, множество великое стиховъ нестерпимо дурныхъ... нашелъ, подивитесь теперь и вы, нашелъ стихи хорошіе, но мало, очень мало». Затѣмъ слѣдуетъ новое «Вступленіе, Тилимахида на что-нибудь годится, ни на что не годится». Это діалогъ между Б. и П. о знаменитомъ твореніи «профессора элоквенціи».

Б. говоритъ: «Предубѣжденіе твое противъ творца Тилимахиды (правопис. подл.) чрезъ мѣру велико... О немъ можно судить развѣ какъ о чело-

---

[28]) Книга I, стр. 7, 15, 23, 27, 28, 43.

[29]) Книга I, стр. 36, 70; книга II, стр. 111. Книга I, стр. 68.

[30]) Заключеніе книги IV, стр. 151.

вѣкѣ, полюбившемъ страстно Фенелонова Тилимака (правопис. подл.), захотѣвшемъ одѣть его въ русскій кафтанъ, но будучи плохой закройщикъ, онъ не умѣлъ ему дать моднаго вида и для прикрасы обвѣсилъ его колокольчиками». На это П. возражаетъ, не признавая никакихъ достоинствъ въ поэмѣ. «Да читалъ-ли ты Тилимахиду?» Собесѣдникъ отвѣчаетъ, что онъ не хочетъ заболѣть, читая такую чушь. «Но ты не читалъ ее, возражаетъ Б., и для того воздержись отъ рѣшительнаго приговора, и сентенціи ея не подписывай». Далѣе онъ берется насмѣшить собесѣдника при помощи Телемахиды. «Вѣрить не могу, чтобы возможность была заставить съ Тилимахидою улыбаться. Зѣвать заставишь, зѣвать до ушей!» — отвѣчаетъ П.

Однако въ слѣдующихъ главахъ Радищевъ дѣйствительно сумѣлъ воспользоваться Телемахидой, чтобы написать рядъ сценъ, полныхъ юмора. «Лѣтописи повѣствуютъ, что у Митрофана Простакова былъ меньшой братъ, не по росту, не по уму, но по рожденію меньшой, именемъ Фалелей; что матушка его... приставила къ нему дядьку, котораго назовемъ Цимбалдою, выгнавъ предварительно изъ дома своего всѣхъ учителей... Цимбалда читать могъ то только хорошо и твердо, что читывалъ много разъ, что затвердивши могъ читать безъ книги; писать не иначе могъ онъ, какъ по линейкамъ, не иначе, какъ имѣя всегда пропись передъ глазами».

Будучи пожалованъ въ дядьки и профессоры къ Фалелею, обязанъ будучи учить его чему нибудь и не зная ничего, опричь «Тилимахиды», онъ на прогулкахъ, подобно древней школѣ перипатетиковъ, а также на сонъ грядущій, читалъ наизусть цѣлыми сотнями безсмертные стихи Василія Кириловича.

При этомъ происходили чрезвычайно забавныя бесѣды. Такъ дядька читаетъ: «Вѣтеръ надулъ парусы наши...» — «Дядька, перебиваетъ Фалелей, а что-жъ такое парусы? Я знаю у матушки дѣвки носятъ парусинныя юбки, у Тараса кучера есть парусинный балахонъ, какъ онъ сядетъ на козлы, то вѣтеръ его развѣваетъ... Вчера я видѣлъ, какъ вѣтеръ надувалъ юбку у Лукерьи! — Дядька! Который ей годъ? Она такая хорошенькая!» Цимбалда читаетъ описаніе какой-то богини: «Одежда придавала ей пріятности новы»... — «Ахъ дяденька! — восклицаетъ Фалелей, въ праздничный день нарядится въ алую тѣлогрѣю и на голову повяжетъ алой шелковой платокъ, то лучше всякой твоей богини!»

Приключенія мудраго дядьки-ментора и его воспитанника въ ригѣ и кузницѣ исполнены неподдѣльнаго комизма.

Заканчивается эта небольшая вещица опять разговоромъ, въ которомъ апологистъ Тредьяковскаго объясняетъ: «Несчастіе его было то, что онъ будучи мужъ ученый, вкуса не имѣлъ. Онъ столь упитанъ былъ чтеніемъ правилъ стихосложныхъ, употребляемыхъ древними и столь зналъ красоты ихъ благогласія, что явственно тому подражалъ». Радищевъ въ доказа-

тельство приводитъ много примѣровъ изъ Телемахиды. Опять-таки, едва ли основательно мнѣніе Пушкина, что Радищевъ вступался за поэму Тредьяковскаго только «изъ отвращенія отъ общепринятыхъ мнѣній».

Особенно характерны для воззрѣній Радищева слѣдующія мѣста въ его трактатѣ «О человѣкѣ». «Какъ скоро сказалъ человѣкъ: сія пядень земли моя! онъ пригвоздилъ себя къ землѣ и отверзъ путь звѣрообразному самовластію, когда человѣкъ повелѣваетъ человѣкомъ. Онъ сталъ кланяться воздвигнутому имъ самимъ богу, и облекши его багряницею, поставилъ на алтарѣ превыше всѣхъ, воскурилъ ему фиміамъ; но наскучивъ своею мечтою, и стряхнувъ оковы свои и плѣнъ, попралъ обоготвореннаго и престоргъ его дыханіе. Вотъ шествіе разума человѣческаго»[31]).

«Таково же есть свойство разума человѣческаго. Едва одинъ возмогъ, осмѣлился, дерзнулъ изъятися изъ толпы, какъ вся окрестность согрѣвается его огнемъ, и яко желѣзныя пылинки летятъ прилепитися къ мощному магниту. Но нужны обстоятельства, нужно имъ поборствіе; а безъ того Іоганъ Гусъ издыхаетъ въ пламени, Галилей влечется въ темницу, другъ вашъ въ Илимскъ заточается. Но время, уготовленіе, отъемлетъ всѣ препоны[32]).

Не менѣе замѣчателенъ, «отрывокъ изъ поэмы Ермакъ»: «Ангелъ тьмы». Образы поэмы, очевидно, навѣяны чтеніемъ Мильтона: «И се древній возмутитель небесныхъ силъ, подъемлетъ изъ мрачнаго своего обитанія огромное свое чело, излучистыми морщинами препоясанное... Тако отецъ м я т е ж а н е у с т р о й с т в а и с у е в ѣ р і я, отрясая съ главы своей темноту, едва напрягъ сильныя на злодѣянія мышцы, уже возлетѣлъ, яко вихрь порывистый»[33]). Идеи «Путешествія» проблескиваютъ въ статьѣ: «Описаніе моего владѣнія».

«Проѣхавъ нашъ бывшій окружной городокъ, открывается довольно пространное поле, которое по временамъ года то сѣрую единообразную представляетъ поверхность, то оную-же, покрытую рѣдкою зеленостію, сквозь поблеклые остатки пажити просѣдающей. Тутъ видны на тощей пажити скитающіяся небольшія стада, по истинѣ скитающіяся; ибо пасущіяся чрезъ цѣлый день отъ утренней зари до вечерней, едва-ли не тощи возвращаются въ свое домовище». «Начинается межа нашего владѣнія... Дорога спускается по пригорку, и, подъѣхавъ къ спуску довольно крутому, едва по мелкому камню текущей рѣчки, по лѣвую сторону виденъ пространной яблонной садъ, плетнемъ огороженный, за нимъ высокая роща, нѣсколько хижинъ покрытыхъ соломою, между коими видны остатки каменнаго дома, который даже въ развалинахъ своихъ ничего готическаго не представляетъ... Способы воздѣлыванія у насъ не весьма обильны, а потому и хлѣба родится у насъ

---

[31]) Книга I, стр. 89.

[32]) Книга IV, стр. 110. Какъ-бы пророчество о 19 февраля 1861 г.!

[33]) Сочиненія Радищева. Ч. IV, стр. 5 и 6.

мало. Есть-ли крестьянинъ не семьянистъ, то онъ близко того, чтобы быть нищимъ; есть ли одинокій, да и почти всякой крестьянинъ, богатъ, то конечно не отъ земледѣлія». Говоря о крестьянахъ, Радищевъ восклицаетъ: «Блаженны, блаженны, есть-ли бы весь плодъ трудовъ вашихъ, былъ вашъ. Но, о горестное напоминовеніе! Ниву селянинъ воздѣлывалъ чуждую, и самъ, самъ чуждъ есть, увы!»[34]).

Изъ остальныхъ прозаическихъ произведеній Радищева имѣютъ автобіографическое значеніе и проливаютъ свѣтъ на тотъ нравственный процессъ, который привелъ этого замѣчательнаго, глубокаго, разносторонняго писателя-публициста и гражданина къ самоубійству: «Дневникъ одной недѣли» и «Житіе Ѳедора Васильевича Ушакова», товарища Радищева по заграничному путешествію въ школьные годы. Здѣсь раскрывается скорбная душа автора «Путешествія» и мы видимъ, что самоубійство его носило философскій характеръ, было актомъ вполнѣ сознательнымъ, за долго подготовленнымъ.

Въ «Дневникѣ» авторъ изображаетъ тоску одиночества, вызванную отъѣздомъ близкихъ. Онъ бродитъ по городу. «Собраніе каретъ — позорище, караютъ Беверлея[35]) — войдемъ... Беверлей въ темницѣ — о! колико тяжко быть обмануту тѣми, въ которыхъ полагаемъ всю надежду! — онъ пьетъ ядъ — что тебѣ до того? Но онъ самъ причиною своему бѣдствію — кто же поручится мнѣ, что и я самъ себѣ злодѣй не буду.»

Къ послѣднимъ словамъ примѣчаніе, очевидно друзей-издателей: «Сіе сбылося чрезъ нѣсколько лѣтъ».

«Четвертокъ. Благая мысль — исполнимъ ее — зашелъ въ лавочку, купилъ два апельсина и крендель — пойдемъ: Куда нещастной? Въ Волкову деревню[36]). На мѣстѣ семъ, гдѣ царствуетъ вѣчное молчаніе, гдѣ разумъ затѣй больше не имѣетъ, ни душа желаній, научимся заранѣе взирать на скончаніе дней нашихъ... равнодушно я сѣлъ на надгробномъ камнѣ, вынулъ свой запасный обѣдъ, и ѣлъ съ совершеннымъ души спокойствіемъ — пріучимъ заранѣе зрѣніе наше къ тлѣнности и разрушенію, воззримъ на смерть, — нечаянный хладъ объемлетъ мои члены, взоры тупѣютъ. Се конецъ страданію — готовъ... мнѣ умирать? Да не ты ли хотѣлъ пріучать себя заранѣе къ кончинѣ? Не ты ли сіе мгновеніе хотѣлъ ознакомиться?.. Мнѣ умирать? Мнѣ, когда тысячи побужденій существуютъ, чтобы желать жизни!»[37]).

---

[34]) Id. Стр. 97, 99, 122.

[35]) «Беверлей», трагедія въ 5 дѣйствіяхъ. Пер. съ французскаго Иванъ Дмитревскій. Спб. 12°. 1773 г., 2-е изд. М. 8°, 1787. Очевидно, «дневникъ» писанъ Радищевымъ еще до ссылки. Въ репертуарѣ 1800—1802 г. пьесы нѣтъ. (См. Араповъ. Лѣтопись театра).

[36]) Волково кладбище.

[37]) Соч. Радищева. Ч. IV. Стр. 16, 19, 20.

И реальныя подробности описанія (напр. апельсины и крендель, принесенные на кладбище), и глубокая искренность описанія борьбы между стоическимъ «пріученіемъ» себя къ неизбѣжному концу и жаждой жизни—чрезвычайно трогательны. Но прямо потрясающее впечатлѣніе производятъ тѣ мѣста въ «житіи Ушакова», гдѣ описывается смерть этого необыкновеннаго, пламеннаго сердцемъ и умомъ, человѣка. Грозная скорбь движетъ перомъ автора!

«Вспомни, о мой другъ! Ѳедора Васильевича, сгараемаго внутреннимъ огнемъ, кончину свою слышавшаго изъ устъ нельстиваго своего врача и къ тебѣ, мой другъ, къ тебѣ прибѣгающаго, на скончаніе своего мученія... Воспомяни сію картину и скажи, что дѣлалось тогда въ душѣ твоей. Піющій Сократъ отраву предъ друзьями своими наилучшее преподалъ имъ ученіе, какого во всемъ житіи своемъ не возмогъ... Тебя, мой другъ, просилъ онъ, да будешь при издыханіи благодѣтель его, и дашь ему яду, да скоро пресѣчется его терзаніе; ты сего не исполнилъ, и я былъ въ приговорѣ, да не исполнится требованіе умирающаго. Но почто толикая въ насъ была робость: или боялися мы почесться убійцами? Напрасно; не есть убійца, избавляющій страждущаго отъ конечнаго бѣдствія или скорби. Другъ нашъ долженствовалъ умереть, и часъ врачемъ былъ ему назначенъ по нелживымъ признакамъ; то не все ли равно было для насъ, что болящій скончаетъ жизнь свою мгновенно, или продлится она въ немъ еще не одинъ часъ; но то не равно, что продлится въ терзаніи несносномъ... Мой другъ! ты укоснилъ дать помощь Ѳедору Васильевичу, но не избавился впредь, можетъ быть, отъ требованія такогоже рода. Есть-ли еще услышишь гласъ стенящаго своего друга, есть-ли гибель будетъ предстоять ему необходимая и воззову къ тебѣ на спасеніе мое, не медли, о любезнѣйшій мой; ты жизнь несносную скончаешь и дашь отраду жизнію гнушающемуся и ее возненавидѣвшему»[38]).

При сочиненіяхъ Радищева приложенъ портретъ его. Писатель безъ парика. Сѣдые волосы жидкими косицами лежатъ на затылкѣ и надъ ушами. Высокій лобъ. Носъ горбатый, длинный, съ нервными ноздрями. Достоинство въ очеркѣ губъ. Прекрасные скорбные, большіе глаза словно вглядываются въ страшную судьбу человѣчества, словно повторяютъ: «Взглянулъ окрестъ меня, душа моя страданіями человѣческими уязвлена стала».

БИБЛІОГРАФІЯ: О Радищевѣ статья Сухомлинова («Изслѣд. и статьи», т. I). А. Н. Пыпинъ. Исторія русской литературы, т. IV. Стр. 169—173, 178—179. Алексѣй Веселовскій. «Западное вліяніе на русск. литер.» Изд. 2-е. М. 1896. Стр. 118—126 и дал. Статьи В. Якушкина: «Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII вѣкѣ». Русск. Старина. 1882.

38) Соч. Радищева. Ч. V-я. Стр. 6, 83 и 84.

Сентябрь. «Радищевъ и Пушкинъ». Чтенія моск. Общ. ист. и древн. 1886. Кн. 2. Стр. 1—58. Статья А. С. Пушкина «Александръ Радищевъ» въ собр. соч. Статья А. Н. Пыпина «Крыловъ и Радищевъ». В. Европы. 1868. Май. Документы по дѣлу Радищева напечатаны въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. истор. и древности». 1865. Кн. III. «Архивъ кн. Воронцова», т. V и XII. «Библіографич. Записки», 1859 г. Статьи въ «Историч. Вѣстн.»: Литературная характеристика Р—ва, А. И. Незеленова. 1883 г. XII т. Апр. стр. 5. Къ біографіи его. Сообщ. М. И. Сухомлиновымъ. 1889 г. XXXV т. Янв. стр. 244. Портреты Радищева: 1883 г. XII. Апрѣль. 1887 г. XXIX т. Авг. стр. 303. Въ книгѣ И. Ф. Хованскаго. Очерки по исторіи г. Саратова. Вып. I. Саратовъ. 1884 г. Въ «Русской Старинѣ»: Письмо Радищева объ открытіи памятника Петру I. 1782 г. Сообщ. П. А. Ефремовъ. 1871 г. т. IV стр. 295—299. Рескриптъ Самойлову о возвращеніи Р — ва изъ Сибири. 1796 г. Сообщ. П. А. Ефремовъ. 1882 г. т. XXXVI, стр. 499. А. Н. Р—въ. Біографическій очеркъ, составленный его сыномъ. Н. А. Радищевымъ. Сообщ. кн. П. А. Вяземскій. 1872 г. т. VI, стр. 573—581. Рапортъ о ссылкѣ. 1791 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій. 1872 г. т. VI, стр. 436—438.

§ 5. Мы подробно остановились на произведеніяхъ Радищева потому, что и личность его, и міросозерцаніе связываютъ XVIII вѣкъ съ новымъ. Въ Радищевѣ, явившемся на порогѣ царствованія Александра I, видимъ представителя той строгой, жизненной мысли, которая дала начало дальнѣйшей серьезной публицистикѣ. Радищевъ уже произнесъ ту «клятву Ганнибала», которая связывала людей 40-хъ годовъ. Уничтоженіе рабства— вотъ лозунгъ Радищева. И въ средѣ молодыхъ писателей, собравшихся въ «Вольномъ Обществѣ», въ отношеніи чистой словесности, тяготѣвшей къ Карамзину, публицистическія тенденціи всецѣло связываются съ Радищевымъ. Мало того, одинъ изъ членовъ Общества, вмѣстѣ съ Борномъ посвятившій прочувствованныя строки памяти Радищева, — Иванъ Петровичъ Пнинъ (род. въ 1773 г., скончался отъ чахотки на 32-мъ году жизни 17 сентября 1805 года), пишетъ замѣчательное сочиненіе, главная мысль котораго: уничтоженіе рабства. Это — «Опытъ о просвѣщеніи относительно къ Россіи». Соч. Ивана Пнина. Эпигр.: L'instruction doit être modifiée selon la nature du gouvernement qui régit le peuple. I. A. Chaptal. Съ дозволенія с.-петербургскаго гражданскаго губернатора. Спб. въ типографіи Ив. Глазунова. 1804 года. На оборотѣ еще эпиграфъ: «Блаженны тѣ Государи и тѣ страны, гдѣ гражданинъ, имѣя свободу мыслить, можетъ безбоязненно сообщать истины, заключающія въ себѣ благо общественное!» Эти слова находятся и въ книгѣ на 138 стр.

«Россія имѣла многихъ Обладателей, но Правителей мало, говоритъ И. П. Пнинъ. Повелѣвать и управлять при первомъ взглядѣ, кажется, означаютъ одно и то же, но въ существенныхъ дѣйствіяхъ своихъ весьма между собою различны. Можно повелѣвать государствомъ, не управляя онымъ; ибо власть самодержавія, истекая изъ единой воли, рѣдко какую либо цѣль

предполагающей, зависитъ почти всегда отъ расположеній духа дѣйствующей особы. Управлять же народомъ, значитъ пещись о немъ, значитъ наблюдать правосудіе, сохранять законы, поощрять трудолюбіе, награждать добродѣтель, распространять просвѣщеніе, подкрѣплять церковь, соглашать побужденія чести съ побужденіями пользы, словомъ, созидать общее благо».

«Петръ Великій, сей безсмертный монархъ, Отецъ Отечества .. учрежденіемъ Сената, дарованіемъ правъ сему верховному судилищу, явилъ... истинный духъ законодательства, и Россія, съ сей только славной для нея эпохи, получивъ опредѣленный родъ правленія, поступила въ число монархическихъ европейскихъ державъ».

Авторъ затѣмъ подчеркиваетъ глубокую разницу своихъ либеральныхъ, но лойяльныхъ воззрѣній, съ идеями 1793 года и Великой Революціи. Онъ высказываетъ осужденіе Франціи, которая «мгновенно разрушивъ» всѣ прежде бывшія государственныя постановленія, на «сихъ печальныхъ развалинахъ» положила основаніе «зданію своей толико ужасной по дѣйствію и соблазнительной по правиламъ конституціи», при чемъ «мнимые мудрецы», «законодатели метафизики», желая изъ естественнаго источника почерпнуть законы, почерпнули оные изъ своего воображенія[39]). Разбирая принципы 93 года, Пнинъ въ выноскѣ ссылается на «Article 6. Constitutions des principaux états de L'Europe et des états — unis de l'Amérique; томъ пятый. сочиненіе славнаго писателя de la Croix. Страница 329». Этотъ юристъ, публицистъ и мыслитель род. въ 1743 г., умеръ въ 1832. Блестящая защита одного сенсаціоннаго дѣла поставила его въ первый рядъ парижскихъ адвокатовъ.

Рѣчи Делакруа вызвали лестный отзывъ Вольтера. Затѣмъ вышло его сочиненіе: «Reflexions philosophiques sur l'origine de la civilisation». Здѣсь онъ возстаетъ противъ пытокъ и секретныхъ разслѣдованій. Французская академія увѣнчала это сочиненіе. Когда разразилась революція, Делакруа читалъ гражданское право. Онъ былъ обвиненъ въ роялизмѣ и лишился кафедры. Во время процесса Людовика XVI, онъ оспаривалъ компетенцію Конвента судить короля. Сочиненіе, на которое ссылается Пнинъ вышло въ Парижѣ, въ 1790—1792 гг., и было переведено на англійскій и нѣмецкій языки.

Делакруа извѣстенъ былъ еще и какъ журналистъ. Онъ издавалъ «Spectateur Français» (1771—1773), Spectateur avant la Revolution (1795), Spectateur sous le gouvernement royal (1817) и пр. Таковъ источникъ воззрѣній Пнина.

Очевидно Пнинъ, говоря о французской конституціи имѣетъ въ виду первую «Декларацію правъ человѣка и гражданина».

---

[39]) Стр. 8, 9, 18 и 22.

«Мнимыя права человѣка противуположны правамъ гражданина, утверждаетъ онъ. Мысль ихъ о вольности не есть ли совершенно метафизическая мысль?.. Если бы они съ большимъ вниманіемъ преслѣдовали человѣческую природу, то увидѣли бы что вольность, сей обоготворяемый ими кумиръ, есть не иное что, какъ призракъ воспаленнаго ихъ воображенія, и которая никогда не была удѣломъ человѣка въ какомъ бы состояніи онъ ни находился... Откуда произвели они сіе равенство, сіе исчадіе раздоровъ? Я не вижу онаго ни въ исторіи протекшихъ вѣковъ, ни въ нѣдрахъ природы... Отъ неравенства силъ человѣческихъ произошли общества, отъ обществъ произошли законы, отъ законовъ стали зависѣть гражданственное благосостояніе и твердость.»

Переходя затѣмъ къ Россіи, авторъ утверждаетъ, что «по свойству своего правленія, будучи монархическою державою, по сей самой причинѣ она имѣетъ тѣмъ большую надобность въ неравенствѣ состояній, поелику оное служитъ твердѣйшею для нея подпорою»[40]).

Но отвергая «вольность» и «равенство», Пнинъ съ тѣмъ большей горячностью превозноситъ «собственность», хотя какъ въ конституціи 1791 года, такъ и въ послѣдующихъ, эти начала стоятъ рядомъ[41]). Надо думать, что Пнинъ пожертвовалъ «равенствомъ» и «вольностью», какъ выбрасываютъ часть одежды гонящимся волкамъ. Предоставивъ на растерзаніе консерваторамъ эти страшныя слова, и самъ первый отрекаясь отъ нихъ, онъ сохранялъ скромную, но достаточную для его цѣлей «собственность». Дѣйствительно, далѣе онъ превращаетъ ее въ рычагъ, которымъ пытается свернуть иго крѣпостной зависимости. «Собственность! восклицаетъ онъ, священное право! душа общежитія! источникъ законовъ! мать изобилія и удовольствій! Гдѣ ты уважена, гдѣ ты неприкосновенна, та только благословенна страна, тамъ только спокоенъ и благополученъ гражданинъ. Но ты бѣжишь отъ звука цѣпей! Ты чуждаешься невольниковъ! Права твои не могутъ существовать ни въ рабствѣ, ни въ безначаліи; поелику ты обитаешь только въ царствѣ законовъ»[42]). Итакъ, «вольность» и «равенство», только что изгнанныя, какъ метафизическія выдумки, скромно и незамѣтно возвращаются подъ видомъ «царства законовъ» и «правъ собственности», не совмѣстныхъ съ рабствомъ. Очевидно, мысль Пнина вращается въ области тѣхъ же просвѣтительныхъ идей XVIII-го вѣка, что и мысль Радищева, наконецъ Екатерины Великой, «препоручившей» нѣкогда

---

[40]) Стр. 29, 35, 38.

[41]) Déclaration des droits de l'homme et du citoyen. Art. 2. Le but de toute association politique est la conservation des droits naturels et imprescriptibles de l'homme. Ces droits sont la liberte, la propriété, la surêté etc.

[42]) Стр. 42.

Радищева въ руки Шешковскаго, и «по сердцу» которой думалъ править Александръ I-й.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ опредѣляетъ «Декларація» и послѣдующія конституціи терминъ «свобода»?

«La liberté consiste à pouvoire fair tout ce qui ne nuit pas à autrui. Ainsi, l'exercice des droits natureles de chaque homme n'a de bornes que celles qui assurent aux autres membres de la société la jouissance de ces mêmes droits. Ces bornes ne peuvent être déterminées que par la loi» [43]), т. е. свобода состоитъ въ возможности дѣлать все то, что не вредитъ другимъ. Такъ, осуществленіе естественныхъ правъ каждаго человѣка не имѣетъ другихъ предѣловъ кромѣ тѣхъ, которые полагаются другими членами общества пользованіемъ тѣми же правами. Эти предѣлы могутъ быть опредѣлены только закономъ.

Въ «Наказѣ», который за четверть вѣка до французскаго національнаго собранія, провозглашалъ всѣ принципы «Деклараціи», читаемъ: «Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ». (Франц. текстъ «Наказа»: Légalité de tous les citoyens consiste en ce qu'ils soient tous soumis aux mêmes Loix). Далѣе: «Государственная вольность въ гражданинѣ есть спокойство духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностію» (La liberté politique, dans un citoyen, est cette tranquillité d'esprit qui provient de l'opinion que chacun a de sa sûreté) [44]).

«Россія! восклицаетъ Пнинъ, къ тебѣ стремятся всѣ мои мысли, всѣ мои желанія! Дрожайшее отечество! Какимъ пріятнѣйшимъ чувствованіемъ наполняется сердце, обращаяся къ тебѣ!.. Благословенная Россія! Слава твоя гремитъ посредѣ твоихъ трофеевъ, мечъ твой страшенъ для враговъ твоихъ...

---

[43]) Declaration. Art. 4.

[44]) «Наказъ Екатерины Вторыя». Спб. 1893. Страницы 10 и 11. Статьи 34 и 39.

Въ «Наказѣ», который императрица рекомендуетъ подданнымъ «твердить почаще», находимъ опредѣленіе понятій въ параллельномъ французскомъ и русскомъ текстахъ: un ésprit général, l'esprit de la nation,- общее въ народѣ умствованіе, народное умствованіе: bonheur commun — общее благо; la societé civile гражданское общество: l'humanité—человѣчество: bon citoyen—честный человѣкъ въ обществѣ: concitoyen – согражданинъ: la liberté des citoyens — вольность гражданъ: un esprit de liberté—разумъ вольности: la liberté civile—гражданская вольность: l'égalité de tous les citoyens равенство всѣхъ гражданъ: le citoyen и sa liberté—гражданинъ и его свобода: l'union des citoyens—соединеніе гражданъ. Такимъ образомъ, за двадцать лѣтъ до великой французской революціи съ высоты русскаго престола самодержавной монархиней провозглашена была знаменитая формула деклараціи: liberté, égalité, union des citoyens (fraternité), bonheur commun. См. нашу статью. Кн. Недѣли. № 2. 1897 г. Стр. 232 и дал.

Лавровый лѣсъ шумитъ вокругъ тебя. Но—военныя бури умолкли... Любезное отечество! И Александръ готовитъ тебѣ славу, славу истинную, достойную сего добродѣтельнаго монарха. Онъ желаетъ твоего образованія. Онъ желаетъ расширить сферу моральныхъ твоихъ способностей: онъ желаетъ, да подъ сѣнію лавровъ и оливы расцвѣтаютъ науки и художества, да разумъ, сей небесный даръ, воспламененный любовію къ отечеству, сею первѣйшею добродѣтелію гражданина, безъ трепета, со всею свободою стремясь къ общему добру, начертываетъ чертежи народнаго блаженства [45]).

Разсматривая сословный составъ Россіи, Пнинъ указываетъ (стр. 47), что она заключаетъ въ себѣ четыре рода состояній. Первое земледѣльческое, второе мѣщанское, третіе дворянское и четвертое духовное. «Изъ сихъ четырехъ состояній, одно только земледѣльческое является въ страдательномъ лицѣ...»

«Какъ можно, чтобы участь толико полезнѣйшаго сословія гражданъ, отъ которыхъ зависитъ могущество и богатство государства, состояло въ неограниченной власти нѣкотораго числа людей, которые, позабывъ въ нихъ подобныхъ себѣ человѣковъ, человѣковъ ихъ питающихъ и даже прихотямъ ихъ удовлетворяющихъ, поступаютъ съ ними иногда хуже нежели со скотами имъ принадлежащими. Ужасная мысль!.. Великая Екатерина не могла не чувствовать нужды въ исправленіи сего злоупотребленія...»

«Самый важнѣйшій предметъ, долженствующій теперь занимать законодателя, есть тотъ, чтобы предписать законы, могущіе опредѣлить собственность земледѣльческаго состоянія, могущіе защитить оную отъ насилій, словомъ: сдѣлать оную неприкосновенною. Когда таковые законы получатъ свое бытіе, тогда только наступитъ настоящее время для внушенія сему состоянію его правъ, его обязанностей. Тогда только съ успѣхомъ внушать ему можно будетъ пользы, отъ трудолюбія проистекающія; тогда только надежнымъ образомъ можно будетъ привязать земледѣльцевъ къ землѣ, какъ къ источнику ихъ удовольствій и благосостоянія. Тогда только съ увѣрительностію приступить можно къ ихъ образованію, открыть имъ путь къ истинному просвѣщенію...»

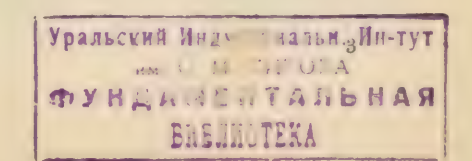
«Нѣтъ, для Александра не можетъ быть ничего невозможнаго. Сердце, которое бьется только для блага отечества, коего добродѣтельныя свойства изображаетъ Манифестъ отъ Марта 5 числа 1803 года, о позволеніи крестьянамъ откупаться отъ своихъ помѣщиковъ, конечно найдетъ способы къ искорененію злоупотребленій власти помѣщиковъ надъ ихъ крестьянами и къ утвержденію и охраненію собственности сихъ послѣднихъ» [46]).

Повторяемъ, преданность освободительнымъ традиціямъ Новикова и

[45]) Пнинъ. Стр. 43, 44 и 45.

[46]) Пнинъ. Стр. 49, 53 и 56.

Н. ЭНГЕЛЬГАРДТЪ.



Радищева, соединяется у Пнина съ полной благонамѣренностью. Въ книгѣ его находимъ патріотическія ноты и руссизмъ отчасти даже въ стилѣ Шишкова. Цѣлью высшихъ учебныхъ заведеній Пнинъ ставитъ, «дабы пріуготовить для России Россіянъ, а не иностранцевъ; дабы пріуготовить полезныхъ сыновъ отечеству, а не такихъ людей, которые бы гнушались тѣмъ, что есть отечественное, и презирали бы свой собственный языкъ».

«Сердце Россіянина, восклицаетъ Пнинъ, должно исполнено быть благородной гордости. Россіянинъ долженъ чувствовать превосходство свое предъ всѣми гражданами чуждыхъ странъ; ибо онъ есть членъ такого Государства, которое обладаетъ полсвѣтомъ и которое Монархомъ своимъ имѣетъ Александра»[47]).

При всѣхъ «эволюціяхъ» александровской цензуры, одно было твердо: книги и авторы, говорившіе противъ крѣпостной зависимости, всегда подвергались остракизму. «Опытъ» Пнина былъ напечатанъ до введенія цензурнаго устава. Успѣхъ книги былъ такъ великъ, что въ томъ же году почти все первое изданіе было распродано и понадобилось второе. Авторъ не замедлилъ имъ и въ томъ же 1804 году представилъ свою книгу уже во вновь открывшійся цензурный комитетъ съ рукописными дополненіями, сдѣланными, какъ авторъ объяснялъ, по волѣ монарха. Новое изданіе книги не было разрѣшено, а экземпляры перваго изданія, еще оставшіеся въ продажѣ, предписано отобрать изъ книжныхъ лавокъ. Главный доводъ противъ книги въ объясненіи цензора: «Авторъ съ жаромъ и энтузіазмомъ жалуется на злосчастное состояніе русскихъ крестьянъ, коихъ собственность, свобода и самая жизнь, по мнѣнію его, находятся въ рукахъ какого нибудь капризнаго паши». То же постигло переводъ Анастасевича брошюры Валеріана Стройновскаго «Объ условіяхъ помѣщика съ крестьянами», которая вышла въ 1809 г. въ Вильнѣ. За то же былъ прекращенъ: «Духъ журналовъ» (въ 1820 г.), и князь Голицынъ въ 1818 г. говоритъ въ «отношеніи»: «Примѣчено мною, и даже въ бытность мою въ Москвѣ находилъ я неоднократно, что издатель «Духа журналовъ» помѣщаетъ въ немъ статьи, содержащія въ себѣ разсужденія о вольности и рабствѣ крестьянъ, о дѣйствіяхъ правительства и многія другія неприличности... обратить вниманіе цензуры на издаваемые журналы и другія сочиненія, дабы въ нихъ ни подъ какимъ видомъ не было печатаемо ничего ни въ защищеніе, ни въ опровержение вольности или рабства крестьянъ не только здѣшнихъ, но и иностранныхъ, ни вообще матерій, касающихся до распоряженій правительства[48]).

---

47) Id. стр. 60.

48) «Русская Старина», 1900 г., декабрь, стр. 655—656. См. нашу статью «Очерки Николаевской цензуры». «Истор. Вѣстн. Сентябрь 1901 г. т. LXXXV. Стр. 867—872.

§ 6. Необходимо отмѣтить значительное развитіе журналистики и обиліе журналовъ въ первое десятилѣтіе вѣка. Въ указателѣ русской періодической печати Н. М. Лисовскаго находимъ свыше 60 названій журналовъ. Правда, что тогда большинство журналовъ издавалось не болѣе года, однако ежегодно печать представлялась 6—7 журналами. Въ журналистикѣ появились уже партійныя теченія.

Основываются два замѣчательныхъ офиціальныхъ изданія «Періодическія сочиненія о успѣхахъ народнаго просвѣщенія» (1803—1809) и «Санктпетербургскій журналъ» (1804—1809). Министерство внутреннихъ дѣлъ положило основаніе еще небывалому до тѣхъ поръ у насъ дѣлу, начавъ издавать свой офиціальный ежемѣсячный журналъ, подъ названіемъ «Санктпетербургскій журналъ». Въ этомъ изданіи помѣщались примѣчательнѣйшіе указы, доклады и отчеты министра внутреннихъ дѣлъ, неофиціальный отдѣлъ заключалъ въ себѣ переводы и сочиненія, относящіеся до государственнаго управленія.

Въ этомъ журналѣ отражались прогрессивныя стремленія десятилѣтія и подобнаго изданія потомъ уже не повторялось, по высотѣ его настроеній. Изъ журналовъ неофиціальныхъ должно указать прежде всего «Новости Русской Литературы» (1802—1805). Первоначально редакторомъ этого журнала состоялъ Павелъ Афанасьевичъ Сохацкій; впослѣдствіи, а именно съ IX части (вышедшей въ 1804 году) его замѣнилъ профессоръ риторики Петръ Васильевичъ Побѣдоносцевъ, и исполнялъ эту обязанность до прекращенія самаго журнала. Это изданіе интересно, какъ продолженіе еще въ XVIII-мъ вѣкѣ возникшаго изданія. Оно служитъ продолженіемъ подъ новымъ заглавіемъ журналу «Ипокрена», выходившему съ 1799 по 1801 г.; въ свою очередь «Ипокрена» служила продолженіемъ журналу «Пріятное и полезное препровожденіе времени», и этотъ такъ же былъ продолженіемъ журнала «Чтеніе для вкуса», которому основаніе положилъ тогдашній арендаторъ «Московскихъ Вѣдомостей» В. И. Окороковъ, въ 1791 году.

Журналъ «Ипокрена» редактировался Павломъ Афанасьевичемъ Сохацкимъ, исполнявшимъ до этого тѣ же обязанности по изданію журнала «Пріятное и полезное препровожденіе времени», которому «Ипокрена» служитъ продолженіемъ. Издавалась же «Ипокрена» однимъ изъ содержателей, въ то время, университетской типографіи—прапорщикомъ Христофоромъ Клаудіемъ.

Объ изданіи и подпискѣ на «Ипокрену» было заявлено отъ 16 октября 1798 года (№ 83 Моск. Вѣд.), между прочимъ, слѣдующее: «... При оныхъ же Вѣдомостяхъ издаваемы будутъ листки, подъ названіемъ: «Ипокрена или Утѣхи Любословія». Главное желаніе и попеченіе издателей посвящено будетъ на то, чтобъ піесы были самыя соотвѣтственныя, отборныя и оцѣненныя здравою и безпристрастною критикою. Онѣ должны заключать въ себѣ то

наставительныя и важныя, то легкія и пріятныя, то чувствительныя и нѣжныя матеріи въ стихахъ и прозѣ, въ сочиненіяхъ и переводахъ, изображенныя слогомъ чистымъ, приличнымъ, натуральнымъ, яко плоды кроткой, благонамѣренной литературы, между всѣми просвѣщенными народами растворяющей жизнь благородную невиннымъ и полезнымъ удовольствіемъ [49]).

«Чтенія для вкуса, разума и чувствованій» выходили въ теченіе трехъ лѣтъ приложеніемъ при каждомъ нумерѣ «Моск. Вѣд.» по листу изъ 16 страницъ; желающіе могли его получить и отдѣльно отъ «Вѣдомостей». «Чтеніе» въ продолженіе перваго года существованія не имѣло своего особаго редактора и заправлялось Василіемъ Ивановичемъ Окороковымъ—содержателемъ университетской типографіи, но на самомъ дѣлѣ бывшимъ неофиціальнымъ издателемъ, какъ «Москов. Вѣдом.», такъ и ихъ приложеній. Наполнялось «Чтеніе» статьями и переводами (большею частью изъ Мейснера) трудовъ молодыхъ студентовъ университета, работавшихъ подъ руководствомъ В. С. Подшивалова, котораго Окороковъ, какъ лицо заинтересованное въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ по изданію, упросилъ быть посредникомъ между редакціею и молодыми сотрудниками. Со второго же года или пятой части журналъ «Чтеніе» перешелъ подъ редакцію самого Василія Сергіевича Подшивалова и оставался за нимъ до самаго конца изданія. Подшиваловъ съ пріемомъ редакціи «Чтенія» сталъ въ немъ непосредственно помѣщать свои переводы, всегда подписывая ихъ одною буквою В. т. е. Василій. Въ этомъ же журналѣ жена Подшивалова помѣстила свой переводъ повѣсти Бернардена де-Сенъ-Пьера: «Павелъ и Виргинія», также подписавъ его одною буквою А. т. е. Александра. Примѣру—подписываться подъ статьями одною только буквою слѣдовали многіе и изъ сотрудниковъ Подшивалова по журналу. Изъ извѣстныхъ же лицъ находятся статьи: А. Мерзлякова, П. Петрова, Н. Савина, А. Лопухина, Н. Муравьева, Н. Осипова, А. Дашкова, князя П. Гагарина, П. Аверина, Ю. Нелединскаго-Мелецкаго, князя Е. Циціанова, А. Савина, А. Скворцова, М. Вышеславцева, А. Лабзина и В. В. Капниста [50]).

При окончаніи изданія журнала, Подшиваловъ помѣстилъ отъ себя весьма любопытное «послѣсловіе» къ журналу «Чтеніе»:

«Присовокупимъ нѣчто и для нашихъ читателей. Изъ Московскихъ Вѣдомостей они уже видѣли, что чтеніе для вкуса, разума и чувствованій съ окончаніемъ нынѣшняго года прекратится. Благодаримъ особенно тѣхъ немногихъ, которые его брали; благодаримъ и тѣхъ, которые не бравъ

---

[49]) См. Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг. Библіографически и въ хронологическомъ порядкѣ, описанныхъ А. Н. Неустроевымъ. Стр. 814.

[50]) Id., стр. 691, 692.

его, хвалили; благодаримъ наконецъ тѣхъ, которые совсѣмъ не знаютъ объ ономъ: ибо чрезъ то, мы избѣжали, можетъ быть, нѣкоторой части хулы и толковъ, кои бы могли остановить, охладить насъ. Вообще при выдаванiи чтенiя намъ дѣланы были слѣдующiе попреки: 1) для чего данъ такой пышной титулъ; 2) для чего мало мы помѣщали важныхъ матерiй; 3) для чего сообщали иногда очень длинныя, и наконецъ 4) для чего въ изданiи для вкуса, разума и чувствованiй мало находится сочиненiй? Вотъ оправданiе: Титулъ данъ былъ первымъ четыремъ частямъ чтенiя, въ которыхъ мы хотя и участвовали, однакожъ выдаванiе оныхъ не отъ насъ зависѣло. Недостатокъ въ важныхъ матерiяхъ происходилъ отъ того, что мы писали не для однихъ стариковъ и ученыхъ. На многоглавую публику угодить трудно. Одни желали строгой философiи и мозголомныхъ наблюденiй; другiе прiятной морали, сказокъ, анекдотовъ, повѣстей. Для чего сообщали мы иногда пiесы очень длинныя? Отвѣтъ: Англинской Спектаторъ одинъ въ своемъ родѣ, да и въ томъ нерѣдко прерывались матерiи. Гдѣ взять на 104, или на сто на пять листовъ въ годъ, небольшихъ сочиненiй? Да и гдѣ лучше хорошiй писатель, каковыхъ мы иногда переводили, можетъ показать свои таланты, свою неутомимость, свой жаръ, какъ не въ обширныхъ сочиненiяхъ? Что касается наконецъ до сихъ сочиненiй, то мы ихъ мало получали, а самимъ намъ заниматься ими многiя препятствовали причины. Сочиненiя вообще требуютъ много времени, требуютъ зрѣлость въ литературѣ, до которой мы еще не достигли. И такъ хорошiй переводъ до извѣстнаго времени можетъ быть лучше всякаго сочиненiя нашего...»

Съ окончанiемъ этого журнала и съ переходомъ университетской типографiи отъ Окорокова къ Ридигеру и Клаудiю, дѣятельность Подшивалова нисколько не прекратилась: онъ съ 1794 года, вмѣстѣ съ И. А. Сохацкимъ и при прежнихъ сотрудникахъ, началъ издавать новое перiодическое изданiе, продолжавшееся по 1799 годъ, подъ названiемъ: «Прiятное и полезное препровожденiе времени»[51]).

Между другими изданiями интересны слѣдующiя: «Утренняя Заря»; труды воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансiона (кн. I—VI. М. 1800, 1803, 1805, 1806, 1807 и 1808). Изданiе питомцевъ пансiона. Эти сборники характерны для выясненiя настроенiй и литературныхъ вкусовъ молодежи пансiона, давшаго нѣсколькихъ замѣчательныхъ людей Россiи: «Вѣстникъ Европы» Карамзина; «Журналъ прiятнаго, любопытнаго и забавнаго чтенiя» (1802—1804); редакторомъ былъ П. И. Сумароковъ. «Свитокъ Музъ», кн. I и II. (Спб. 1802—1803), сборникъ издаваемый Дружескимъ Литературнымъ Обществомъ (съ 1803 г. Вольное общество Любит. Слов. Наукъ и Худож.); «Московскiй Меркурiй» изд. П. И. Макарова, замѣчатель-

---

[51]) Id., стр. 693.

наго критика, карамзиниста. «Періодическія сочиненія о успѣхахъ народнаго просвѣщенія» (1803—1819) ред. академикъ Н. Я. Озерецковскій; «Сѣверный Вѣстникъ» (1804—1805) Спб. Изд. И. И. Мартыновъ; «Журналъ Россійской Словесности» (1805). Изд. Ник. Петров. Брусиловъ; (1806) «Московскій Зритель» кн. П. И. Шаликова; «Сіонскій Вѣстникъ» (1806) Ал-дра Ѳедор. Лабзина; «Драматическій Вѣстникъ» (Спб. 1808), выходилъ два раза въ недѣлю. Изданіе предпринято по мысли кн. А. А. Шаховского. Издателями и главными сотрудниками были: И. А. Крыловъ, А. И. Писаревъ, Д. И. Языковъ и С. Н. Маринъ. «Русскій Вѣстникъ» (1808—1815), издавался въ Москвѣ Серi ѣемъ Глинкою; «Сѣверный Меркурій» (1808—1811 Спб.), Аристарха Владим. Луковицкаго; «Цвѣтникъ» (1809—1810 Спб.) изд. А. Е. Измайловъ и А. П. Беницкій.

Въ своемъ «Видѣніи на брегахъ Леты» Батюшковъ такъ высмѣялъ пламеннаго патріота С. Н. Глинку, изд. «Русск. Вѣстн.»:

«Уфъ, я усталъ! подайте стулъ!
Позвольте мнѣ,—я очень славенъ,
Безсмертенъ я — пока забавенъ!»
«Кто-жъ ты?» «я русскій и поэтъ!
Бѣгомъ бѣгу, лечу за славой,
Разсудокъ не имѣю здравый,
Да русское люблю душей:
Для русскихъ правъ мой толкъ кривой».
«Кто-жъ ты?»—«Жанъ-Жакъ я русскій,
Расинъ и Юнгъ, и Локкъ я русскій:
Три драмы русскихъ сочинилъ
Для русскихъ...

Къ словамъ Глинки: «Я русскій и поэтъ!» — Батюшковъ дѣлаетъ примѣчаніе: «Нѣкто въ Москвѣ, а не въ Пекинѣ издаетъ журналъ для Русскихъ».

Начало изданія «Вѣстника Европы» принадлежитъ Николаю Михайловичу Карамзину и одному изъ новыхъ арендаторовъ университетской типографіи и издателей Московскихъ Вѣдомостей, близко и хорошо знакомому Карамзину, образованному московскому купцу и книгопродавцу Ивану Васильевичу Попову. Поповъ, принявъ въ аренду университетскую типографію и право изданія Московскихъ Вѣдомостей съ иностранцами Люби и Гари, упросилъ Карамзина, жившаго въ то время въ Москвѣ, составить программу совершенно новаго, по европейскому образцу, журнала и принять на себя редакцію его [52]). Согласно предложенію Попова, Карамзинъ составилъ планъ до того времени неизвѣстный въ Россіи (въ немъ содержались политика и словесность), и 9 октября 1801 года въ № 81 «Московскихъ Вѣдомостей»

[52]) Неустроевъ. Стр. 856.

появилось такое объявленіе: «Съ будущаго января 1802 года намѣренъ я издавать журналъ, подъ именемъ Вѣстникъ Европы, которой будетъ извлеченіемъ изъ двѣнадцати лучшихъ англійскихъ, французкихъ и нѣмецкихъ журналовъ. Литература и политика составятъ двѣ главныя части его. Первая часть украсится всѣми цвѣтами новыхъ произведеній ума и чувствъ въ Европѣ. Извлеченія изъ книгъ, повѣсти, любопытные анекдоты, разныя открытія въ искусствахъ и наукахъ, входятъ въ планъ сего отдѣленія. Политическія извѣстія будутъ сообщаемы въ нѣкоторомъ систематическомъ порядкѣ и, какъ можно скорѣе. Для нашей словесности и критики назначается особливая статья».

Успѣхъ журнала былъ до тѣхъ поръ въ Россіи неслыханный. Болѣе 1,200 подписчиковъ явилось на первый годъ, такъ что первая книжка въ скорости была напечатана вторымъ изданіемъ. «Вѣстникъ Европы» для журналистики русской былъ такимъ-же двигателемъ впередъ, какимъ за одиннадцать лѣтъ оказался «Московскій журналъ», издававшійся тѣмъ-же Карамзинымъ.

«Вѣстникъ Европы» издавался впродолженіе 29 лѣтъ, съ 1802 по 1830 г., включительно, по книжкѣ два раза въ мѣсяцъ (или 24 книжки, составлявшія 6 частей въ годъ). Первоначально, за 1802—1803 гг., онъ состоялъ подъ редакціею Н. М. Карамзина. 1804 г. подъ редакціею П. П. Сумарокова, 1805—1807 г. М. Т. Каченовскаго, 1808 г. В. А. Жуковскаго, 1809—1810 г. М. Т. Каченовскаго и В. А. Жуковскаго. 1811—1813 г. М. Т. Каченовскаго. 1814 г. В. В. Измайлова, а въ 1815 — 1830 г. «Вѣстникъ» издавался отъ Московскаго университета и все время находился подъ редакціею М. Т. Каченовскаго. Все изданіе «Вѣстникъ Европы» состоитъ изъ 174 частей [53]).

Политическій отдѣлъ журнала велъ самъ Карамзинъ по иностраннымъ источникамъ. Статьи брались изъ «Moniteur», «Journal de Paris», «Decade», «Spectateur du Nord», «Gazette de France», «Philosophical Magazine», «Univ. Chtonicle» и даже одного америк. журнала. Затѣмъ интересны публицистическія статьи о внутреннемъ состояніи Россіи. Центральною должно признать: «Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени» (1802. № 12). Свѣтлыя стороны — «общее спокойствіе сердецъ», «свѣтъ ума болѣе и болѣе стѣсняетъ темную область невѣжества въ Россіи», «благородныя, истинно человѣческія идеи болѣе и болѣе дѣйствуютъ въ умахъ». Пожеланія — «методическое собраніе законовъ гражданскихъ, ясно и мудро написанныхъ». Затѣмъ Карамзинъ много говоритъ о воспитаніи и патріотизмѣ, напоминаетъ долгъ гражданина, обязаннаго «въ семействѣ своемъ образовать достойныхъ сыновъ отечества». (См. статьи: «О любви къ отечеству и народной гордости», № 4. 1801). Онъ осмѣиваетъ воспитаніе на иностранный ладъ («Стран-

53) Id. Стр. 857.

ность» 1802. № 2. «Моя исповѣдь» № 6). Изъ педагогическихъ статей важны: «О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи» 1803. № 5. «О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей», № 8. «О публичномъ преподаваніи наукъ въ московскомъ университетѣ».

Какъ смотритъ на вопросъ о рабствѣ журналъ? Здѣсь сказывается то приспособленіе къ обстоятельствамъ, aurea mediocritas, которой руководился «пріятный» Карамзинъ: Время подвигаетъ впередъ разумъ народовъ, но тихо и медленно: бѣда законодателю облетать его!.. Для истиннаго благополучія земледѣльцевъ нашихъ, желаю единственно того, чтобы они имѣли добрыхъ господъ». («Письмо сельскаго жителя» № 17, 1803 г.) Сладенькій оппортунизмъ, гуманность обхожденія въ чичиковскомъ духѣ пропитываетъ журналъ.

Столь же характерно отсутствіе критики. Наученный опытомъ «Московскаго журнала», Карамзинъ исключилъ рецензіи, какъ слишкомъ хлопотливое и неблагодарное дѣло. Только двѣ статьи въ критическомъ родѣ находимъ въ журналѣ: «О Богдановичѣ и его сочиненіяхъ» и «О книжной торговлѣ и любви къ чтенію въ Россіи»—обѣ самаго «пріятнаго» тона [54]).

Въ первые годы «Вѣстникъ Европы» на страницахъ своихъ помѣстилъ статьи, кромѣ самого Карамзина, еще слѣдующихъ лицъ: В. А. Жуковскаго, Г. Р. Державина, И. И. Дмитріева, В. Л. Пушкина, А. Ѳ. Лабзина, Н. Ѳ. Остолопова, и другихъ лицъ.

БИБЛІОГРАФІЯ. Въ 1861 году М. Полуденскій издалъ особою книгою: «Указатель къ Вѣстнику Европы 1802—1830». Москва. 8°, XVI, 268 и XIV стр.

§ 7. «Изъ Россіянъ Карамзинъ, говоритъ Шторхъ, въ изданномъ имъ въ 1791 году Московскомъ журналѣ, подалъ первый примѣръ критики литературы». Затѣмъ должно отмѣтить критическія попытки П. Макарова, Каченовскаго, Д. Дашкова и друг. Однако, взглядъ на критику былъ совсѣмъ особый. Позднѣе онъ выраженъ Жуковскимъ въ 1808 г. въ его «Письмѣ изъ уѣзда къ издателю Вѣстника Европы»: «Какую пользу можетъ приносить въ Россіи критика? Что прикажете критиковать? Посредственные переводы посредственныхъ романовъ? Критика и роскошь—дочери богатствъ; а мы еще не крезы въ литературѣ. Замѣтно ли у насъ сіе дѣятельное повсемѣстное усиліе умовъ, желающихъ производить или пріобрѣтать, которое требовало-бы вѣрнаго направленія, которое подлежало-бы подчинить законамъ разборчивой критики? Уроки морали ничто безъ опытовъ, и критика самая тонкая ничто безъ образцовъ. А много-ли имѣемъ образцовъ великихъ? Нѣтъ, государи мои, сначала дадимъ свободу раскрыться нашимъ

---

[54]) См. П. Смирновскій. Исторія литературы. Вып. II. 1899. Спб. стр. 92—154.

геніямъ; потомъ уже, указывая на красоты ихъ, и недостатки, можемъ сказать читателю и автору: восхищайся, подражай, будь остороженъ. Въ этихъ трехъ словахъ заключена вся сущность критики. Однимъ словомъ, въ русскомъ журналѣ критика не можетъ занимать почетнаго мѣста, и я не совѣтую молодому пріятелю нашему вооружаться бичемъ Аристарха, хотя не запрещаю иногда обращать вниманіе читателя на нѣкоторыя новыя, замѣчательныя — и потому самому рѣдкія — явленія словесности; довольно дѣла и безъ критики»[55]). Замѣчательно, что здѣсь уже употреблено слово «направленіе». Характерно также мнѣніе юнаго Жуковскаго, что вся суть критики заключается въ восхищеніи, подражаніи и осторожности. Критика только въ 20-хъ годахъ, благодаря Полевому, заняла почетное мѣсто въ русскомъ журналѣ. Однако уже въ первое десятилѣтіе явился чрезвычайно сильный критическій умъ. Мы подразумѣваемъ Александра Семеновича Шишкова. (Род. 1754 г.—ум. 29 марта 1841 г.). Нашъ взглядъ на Шишкова, какъ на перваго критика десятилѣтія покажется быть можетъ въ первую минуту парадоксальнымъ. Тѣмъ болѣе, что съ представленіемъ о критикѣ у насъ связывается представленіе о прогрессистѣ, между тѣмъ Шишковъ снискалъ печальное титло обскуранта. Наконецъ, онъ являлся предметомъ насмѣшекъ. По свидѣтельству С. Т. Аксакова, книга Шишкова: «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ»—«привела молодежь въ бѣшенство[56]).

Однако могъ-же Шишковъ увлечь и плѣнить юное сердце самого Аксакова! Несомнѣнно одно, что читая теперь «Разсужденіе» Шишкова, видишь тонкій, логическій и гибкій критическій умъ, только исходившій изъ положеній не совсѣмъ правильныхъ, правда традиціонныхъ и его противниками не оспариваемыхъ. Противники его всѣ слабѣе. С. Т. Аксаковъ отмѣчаетъ тонкій, во многомъ справедливый и остроумный разборъ Шишковымъ «Дмитрія Донскаго» Озерова, оставшійся впрочемъ въ рукописи. Шишковъ былъ главою славянофиловъ. Такъ его называетъ Батюшковъ въ своей сатирѣ. «Но что-же это такое было за славянофильство, спрашиваетъ Аксаковъ. И тогдашнее и теперешнее такъ называемое славянофильство было и есть не что иное, какъ русское направленіе, откуда уже естественно вытекаетъ любовь къ славянамъ и участіе къ ихъ несчастному положенію. Впрочемъ къ Шишкову отчасти шло это имя, потому что онъ очень любилъ славянскій или церковный языкъ, и, сочувствуя немного западнымъ славянамъ, много толковалъ и писалъ о славянскихъ нарѣчіяхъ; но его послѣдователи вовсе и объ этомъ не думали. Русское направленіе заключалось тогда въ возстаніи противъ введенія нашими писателями иностранныхъ, или лучше, французскихъ словъ и оборотовъ рѣчи, противъ предпочтенія всего чужого своему.

[55]) Соч. изд. 8-е. Т. V. Стр. 249.

[56]) Соч. Т. III, стр. 173.

противъ подражанія французскимъ модамъ и обычаямъ и противъ всеобщаго употребленія въ общественныхъ разговорахъ французскаго языка. Этими, такъ сказать, литературными и внѣшними условіями ограничивалось все направленіе. Шишковъ и его послѣдователи горячо возставали противъ нововведеній тогдашняго времени, а все введенное прежде отъ реформы Петра I до появленія Карамзина, признавали русскимъ... Вѣкъ Екатерины, передъ которымъ они благоговѣли, считался у нихъ не только русскимъ, но даже русскою стариною»[57]). Однако, помимо критическаго дара, правда односторонне направленнаго, Шишковъ несомнѣнно обладалъ всѣми качествами, необходимыми для темперамента критика. Фанатически убѣжденный и не боящійся прямо и рѣзко высказывать свое убѣжденіе, это былъ человѣкъ глубоко искренній, честный и безкорыстный. Что Шишковъ былъ выдающимся публицистомъ, доказали манифесты, писанные имъ въ 1812 г., которые электризовали всю Русь. Если бы Шишковъ не обладалъ сильнымъ критическимъ талантомъ, ему не удалось-бы такъ взволновать своихъ современниковъ и на цѣлыхъ два десятилѣтія раздѣлить литературу на два враждующихъ лагеря. Наконецъ, безпристрастно анализируя мнѣнія Шишкова, невозможно не признать дѣльности многихъ его замѣчаній. Во всякомъ случаѣ Батюшковъ въ своемъ «Видѣніи на брегахъ Леты» не отказываетъ «главѣ славянофиловъ» въ безсмертіи, «за всю трудовъ его громаду». Не враждовалъ съ нимъ и самъ Карамзинъ. Напротивъ, впослѣдствіи онъ признавалъ, что сужденія Шишкова оказали на него извѣстное и полезное вліяніе. Патріотизмъ проповѣдывалъ и Карамзинъ; онъ-же осмѣивалъ въ «Вѣстн. Евр.» забвеніе родного языка ради французскаго. Наконецъ, черезъ С. Т. Аксакова устанавливается все-же непосредственная связь между Шишковымъ и позднѣйшими словянофилами. Обскурантизмъ Шишкова является слѣдствіемъ его чисто донкихотской прямолинейности и фанатизма. При этомъ онъ обладалъ добрымъ сердцемъ. Отношеніе его къ крестьянамъ, съ которыхъ онъ никогда не бралъ оброка ни копейки, довольствуясь «царскимъ жалованьемъ», это доказываетъ. Шишкова постигла судьба многихъ теоретиковъ. Онъ въ литературѣ покровительствовалъ бездарностямъ, писавшимъ зато согласно съ его воззрѣніями. Но въ кружкѣ его видимъ и многихъ выдающихся людей. Постоянными посѣтителями его литературныхъ собраній были старые поэты Державинъ и Иванъ Дмитріевъ, затѣмъ князья Шахматовы, прославившійся рифмоплетствомъ гр. Дм. Ив. Хвостовъ, кн. А. А. Шаховской. «Пріѣзжали иногда, говоритъ С. Т. Аксаковъ, какъ простые посѣтители и диллетанты, Николай Семеновичъ Мордвиновъ, Мих. Мих. Бакунинъ, графъ Строгановъ и А. Н. Оленинъ... Впослѣдствіи стали ѣздить: П. А. Кикинъ, Николай Ивановичъ Гнѣдичъ, сенаторъ Захаровъ. Вискова-

[57]) Id. 177 стр.

товъ, Стурдза, князь Горчаковъ, Станевичъ, П. Ю. Львовъ (сочинитель Храма славы русскихъ героевъ) и Гераковъ[58]).

«Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка» вышло въ 1803 году.

Прежде всего Шишковъ нападаетъ на молодыхъ писателей за то, что они наводнили журналы французскими оборотами и словами. Нападки эти совершенно основательны. Достаточно просмотрѣть тогдашніе журналы, чтобы убѣдиться, какое «смѣшеніе французскаго съ нижегородскимъ» тогда царило. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вкусу Шишкова, и опять таки основательно, претила манерность, слащавость и претенціозность «чувствительнаго» языка журналовъ.

«Всякъ, кто любитъ Россійскую словесность, говоритъ Шишковъ, не будучи зараженъ неизлѣчимою и лишающею всякаго разсудка страстію къ французскому языку, тотъ развернувъ большую часть нынѣшнихъ нашихъ книгъ съ сожалѣніемъ увидитъ, какой странный и чуждый понятію и слуху нашему слогъ господствуетъ въ оныхъ»[59]).

«Отъ сего можно сказать безумнаго прилѣпленія нашего къ французскому языку, мы, думая просвѣщаться, часъ отъ часу впадаемъ въ большее невѣжество, и забывая природный языкъ свой, или по крайней мѣрѣ отвыкая отъ онаго, пріучаемъ понятіе свое къ ихъ выраженіямъ и слогу»[60]).

«Французы, прилежаніемъ и трудолюбіемъ своимъ, умѣли бѣдный языкъ свой обработать, вычистить, обогатить... А мы богатый языкъ свой, не рача и не помышляя о немъ, начинаемъ превращать въ скудный»[61]).

«Вмѣсто чтенія своихъ книгъ, читаемъ французскія; вмѣсто изображенія мыслей своихъ по принятымъ издревле правиламъ и понятіямъ, многіе вѣки возроставшими и укоренившимися въ умахъ нашихъ, изображаемъ ихъ по правиламъ и понятіямъ чуждаго народа; вмѣсто обогащенія языка своего новыми почерпнутыми изъ источниковъ онаго красотами, растлѣваемъ его несвойственными ему чужестранными рѣчами и выраженіями; вмѣсто пріученія слуха и разума своего къ чистому Россійскому слогу, отвыкаемъ отъ онаго, начинаемъ его ненавидѣть и любить нѣкое невразумительное сборище словъ, нелѣпымъ образомъ сплетаемыхъ»[62]).

Здѣсь мы встрѣчаемся уже съ одной изъ коренныхъ ошибокъ Шишкова: Что это за «принятыя издревле правила, многія вѣка возраставшія»? Если карамзинскій языкъ выработался въ послѣднее десятилѣтіе XVIII-го вѣка,

---

58) Id. стр. 208.

59) Цитируемъ по 2-му изд. Спб. 1818. Въ типографіи В. Плавильщикова.

60) Разсужденіе. Стр. 9.

61) Разсужденіе. Стр. 11.

62) Шишковъ. Разсужд. Стр. 13.

то бывшій до него въ употребленіи ломоносовскій языкъ ведетъ свое начало съ «Оды на взятіе Хотина» 1739 г. Съ этой оды до изданія «Московскаго журнала» Карамзинымъ въ 1791 г., прошло всего пятьдесятъ лѣтъ,— не Богъ вѣсть какая древность. Гдѣ-же многіе вѣки, о которыхъ говоритъ Шишковъ? Если на слогѣ и языкѣ Карамзина отразилось изученіе имъ французскихъ и англійскихъ литераторовъ, то въ ломоносовскомъ слогѣ преобладалъ латино-нѣмецкій строй рѣчи. Но Шишковъ имѣетъ въ виду славянскую стихію ломоносовскаго языка, когда говоритъ о многихъ вѣкахъ возрастанія до карамзинскаго слога.

Далѣе Шишковъ весьма основательно указываетъ на непереводимость такъ называемыхъ «идіотизмовъ» чужихъ языковъ.

«Мы Русскія слова не стараемся употреблять въ прямыхъ Русскихъ знаменованіяхъ и выраженіяхъ, каковы напримѣръ суть: Духъ цѣломудрія, духъ буренъ, привести духъ, возвыситься духомъ, и тому подобныя, для того, что французы не говорятъ: esprit de la chasteté, esprit de tempete etc.; а напротивъ того употребляемъ ихъ во французскомъ знаменованіи, говоря о человѣкѣ: Онъ есть великій духъ, для того, что французы говорятъ: c'est un grand esprit [63]).

Гоняются-ли французы за нашими словами, и говорятъ-ли: mon petit pigeon, для того, что мы говоримъ: голубчикъ мой?... Странно бы сіе было и смѣшно, и не было бы у нихъ ни Расиновъ ни Буаловъ, если-бъ они такъ думали; но мы не то ли самое дѣлаемъ? Не находимъ ли мы въ нынѣшнихъ книгахъ: подпирать мнѣніе свое, двигать духами, черта злословія и проч.? Не есть ли это рабственный переводъ съ французскихъ рѣчей: soutenir son opinion, mouvoir les ésprits, un trait de satire? [64]).

Мы не говоримъ нынѣ: Лице свѣтлое щедротою, уста утѣшеніемъ сладкія, для того, что французы не говорятъ: visage lumineuse par génerosite, levres douces par consolation; но напротивъ того говоримъ: предметъ нѣжности моей, онъ вышелъ изъ его горницы спанья (вмѣсто изъ своей спальни), для того, что они говорятъ: objet de ma tendresse, il est sorti de sa chambre á coucher [65]).

Прославился-ли бы тотъ французъ между соотечественниками своими, который-бы, начитавшись нашихъ книгъ, и замѣтя въ нихъ таковыя свойственныя намъ выраженія, какъ напримѣръ: Онъ пошелъ на него войною, сталъ по французски писать: il est allè par guerre sur lui? Безъ сомнѣнія прославился-бы, да только не красотою слога, а сумасшествіемъ. Мы смѣемся надъ тою Русскою барынею, которая худо умѣя говорить по французски,

---

63) Шишковъ. Разсужд. Стр. 42. Примѣч.
64) Шишковъ. Разсужд. 45.
65) Шишковъ. Разсужд. Стр. 50.

сказала нѣкогда: quand j'etait dans la fille, переводя сіе съ Русскаго «когда я была въ дѣвкахъ», но мы несравненно ее смѣшнѣе: она чужой языкъ изломала, располагая оный по природному языку своему; а мы коверкаемъ свой языкъ, располагая оный по чужому: которое изъ сихъ двухъ невѣжествъ больше и глупѣе? [66])

Однимъ словомъ, если мы, сочиняя Русскую книгу, не перестанемъ думать по французски, то мы на своемъ языкѣ всегда будемъ врать, врать и врать [67]).

Шишковъ выписываетъ рядъ примѣровъ изъ тогдашнихъ журналовъ не русскихъ по складу рѣчи выраженій:

«Жестоко человѣку несчастному дѣлать еще упреки, бросающіе тѣнь на его характеръ».—«Погрузиться въ состояніе моральнаго увяданія».— «Отвѣты учениковъ на вопросы, дѣланные имъ при открытомъ испытаніи изъ предметовъ имъ преподаваемыхъ» — «Я обтеръ на крыльцѣ послѣднюю слезу».

Въ скобкахъ къ послѣднему примѣру Шишковъ замѣчаетъ: Это слишкомъ сладко, даже до приторности!

«Да! восклицаетъ онъ, таковой индѣ невразумительной, индѣ полурусской, индѣ черезъ-чуръ переслащенной слогъ, не можетъ мнѣ быть пріятенъ» [68]).

Шишковъ зналъ, на что онъ идетъ, поднимая противъ себя литературную молодежь. Онъ зналъ самъ, что про него скажутъ: «Онъ педантъ, провонялъ славянщиною и не знаетъ французскаго въ штилѣ Элегансу!» [69]).

Далѣе онъ указываетъ на пренебреженіе ко многимъ кореннымъ русскимъ словомъ и замѣну ихъ иностранными выраженіями.

«Между тѣмъ, какъ мы занимаемся симъ юродивымъ переводомъ и выдумкою словъ и рѣчей, нимало намъ не свойственныхъ, многія коренныя и весьма знаменательныя Россійскія слова иныя пришли совсѣмъ въ забвеніе, другія, не взирая на богатство смысла своего, сдѣлались для непривыкшихъ къ нимъ ушей странны и дики: третьи перемѣнили совсѣмъ знаменованіе свое и употребляются не въ тѣхъ смыслахъ, въ какихъ сначала употреблялись... Премножество богатыхъ и сильныхъ выраженій, которыя прилежнымъ упражненіемъ и трудолюбіемъ могли бы возрасти и умножиться, остаются въ зараженныхъ французскимъ языкомъ умахъ нашихъ безплодны, какъ сѣмена ногами попранныя или на камень упавшія».

---

[66]) Шишковъ. Разсужд. Стр. 173.

[67]) Id. Стр. 199.

[68]) Разсужденіе. Стр. 348.

[69]) Разсужденіе. Стр. 28.

«Такихъ словъ, оговаривается Шишковъ, которыя обветшали уже и мѣста ихъ заступили другія, толико же знаменательныя, конечно нѣтъ никакой нужды употреблять» [70]).

Указаніе Шишкова чрезвычайно вѣрное. Дѣйствительно, значительное богатство русской рѣчи «оставалось въ зараженныхъ французскимъ языкомъ умахъ» русскаго общества «безплоднымъ, какъ сѣмена ногами попранныя или на камень упавшія». Въ чемъ основная мысль карамзинской реформы? Въ стремленіи сблизить русскій книжный языкъ съ разговорнымъ. Но гдѣ услышать этотъ русскій разговоръ? Образованное общество и говорило и письма писало на языкѣ французскомъ. Русскій разговорный языкъ переполненъ былъ галлицизмами. Гнѣдичъ еще во второе десятилѣтіе нашего вѣка жаловался, что писателю негдѣ слышать въ русскомъ обществѣ русскую разговорную рѣчь. Крыловъ ее подслушалъ у простонародья, на прачешныхъ плотахъ, пристаняхъ и т. д. Ясно, что сближеніе книжнаго языка съ разговорнымъ, хотя освобождало его отъ тяжкой славянщины и латино-нѣмецкихъ оборотовъ, но за то переполняло галлицизмами, т. е. портило на первыхъ порахъ на новый только маперъ. Шишковъ былъ въ значительной степени правъ въ своихъ нападкахъ. Это не отрицали и возражавшіе ему послѣдователи новой школы. Но Шишковъ поспѣшилъ. Надо было дождаться конца, и онъ увидѣлъ бы какъ мало-по-малу стихія русской рѣчи возрождаетъ слогъ и языкъ, пробиваясь сквозь чуждые обороты.

Какъ же спасти языкъ отъ порчи? Шишковъ требуетъ обращенія къ славянскому языку. «Древній славенскій языкъ, говоритъ онъ, повелитель многихъ народовъ, есть корень и начало россійскаго языка, который самъ собою всегда изобиленъ былъ и богатъ, но еще болѣе процвѣлъ и обогатился красотами, заимствованными отъ сроднаго ему Эллинскаго языка... Кто-бы подумалъ, что мы оставя сіе, многими вѣками утвержденное, основаніе языка своего, начали вновь создавать оный на скудномъ основаніи французскаго языка?».

Что препятствуетъ намъ сказать о мудрости: въ десницѣ ея долгота жизни, въ шуйцѣ ея богатство и слава; отъ устъ ея исходитъ правда; законъ же и милость на языкѣ своемъ носитъ; всѣ пути ея добры и всѣ стези ея мирны? Самая малая перемѣна въ словахъ, не ослабляя мысль, сохраняетъ всю красоту слова. Ничего нѣтъ безразсуднѣе, какъ думать, что Славенскій языкъ не нуженъ для красоты новѣйшаго Россійскаго слога, и что гораздо нужнѣе для сего французскій языкъ и какой еще? Не славныхъ по истинѣ и отличныхъ писателей ихъ, но худыхъ сплетателей нынѣшнихъ глупыхъ и нелѣпыхъ умствованій, клеветъ, небылицъ и романовъ. Не ихъ читать, не имъ подражать, не изъ нихъ должно намъ почерпать красоту

---

[70]) Разсужденіе. Стр. 46, 47 и 48.

слога, но изъ собственныхъ творенiй своихъ, изъ книгъ славянскихъ. (Шишковъ. Разсужд. 72).

Вникнемъ, вникнемъ поглубже въ красоту Славенскаго языка, и тогда мы увидимъ, что онъ во второмъ-надесять вѣкѣ уже столько процвѣталъ, сколько французскiй языкъ сталъ процвѣтать во времена Людовика XIV, то есть въ седьмомъ—надесять вѣкѣ.

По красотѣ, съ какою предки наши переводили славныхъ Греческихъ проповѣдниковъ, и по высотѣ словъ и мыслей, каковыми повсюду въ переводахъ своихъ гремятъ они и блистаютъ, достовѣрно заключить можно, колико уже и тогда былъ ученъ, глубокомысленъ народъ Славянскiй[71]).

Затѣмъ Шишковъ сравниваетъ Оду Ломоносова, выбранную изъ книги Iова, съ нею самой и приходитъ къ заключенiю, что Ломоносовъ ослабилъ и обезцвѣтилъ могучiй библейскiй подлинникъ. Отсюда Шишковъ дѣлаетъ выводъ: «Когда столь превосходный писатель, каковъ былъ Ломоносовъ, при всей пылкости воображенiя своего, не токмо прекрасными стихами своими не могъ затмить красоты, писаннаго прозою Славенскаго перевода, но едва-ли и достигъ до оной, то какъ-же младые умы, желающiе утвердиться въ силѣ краснорѣчiя, не найдутъ въ сокровищахъ священнаго писанiя полезной для себя пищи?»[72]).

Шишковъ ставитъ два требованiя писателю:

1. Умѣть высокiй Славянскiй слогъ съ просторѣчивымъ Россiйскимъ такъ искусно смѣшивать, чтобъ высокопарность одного изъ нихъ прiятно обнималась съ простотою другого.

2. Умѣть въ высокомъ слогѣ помѣщать низкiя слова и мысли... не унижая ими слога и сохраняя всю важность онаго[73]).

Изученiе литературы начала вѣка приводитъ къ убѣжденiю, что именно этими двумя путями достигнута была выработка русской рѣчи. Первымъ путемъ шелъ Карамзинъ, шелъ Гнѣдичъ. Слогъ «Исторiи государства россiйскаго» выработанъ подъ влiянiемъ чтенiя лѣтописей и другихъ памятниковъ. Переводъ «Илiады» тоже обнаруживаетъ сознательное пользованiе оборотами славянскаго языка. Помѣщенiе «низкихъ словъ» въ книжномъ языкѣ началъ еще Державинъ, продолжалъ Крыловъ. Это въ сущности обращенiе къ языку простонародному, не испорченному чужеземщиной.

Несомнѣнно что двумя указанными Шишковымъ путями русская литература и стала пробиваться къ тому, что позднѣе получило наименованiе «народности». Сначала это была лишь народность внѣшняя оборотовъ рѣчи, потомъ пришла и народность идей и идеаловъ.

---

[71]) Шишковъ. Разсужд. Стр. 337.

[72]) Разсужд. Стр. 89.

[73]) Шишковъ. Разсужд. 14.

Въ «Разсужденіи» Шишкова, кромѣ чисто критическаго, есть и публицистическое содержаніе. Таковы слѣдующія мѣста книги:

«Народъ, который все перенимаетъ у другого, его воспитанію, его одеждѣ, его обычаямъ послѣдуетъ; такой народъ уничтожаетъ себя и теряетъ собственное свое достоинство; онъ не смѣетъ быть господиномъ, онъ рабствуетъ, онъ носитъ оковы, и оковы тѣмъ крѣпчайшія, что не гнушается ими, но почитаетъ ихъ своимъ украшеніемъ»[74]).

«Благородныя дѣвицы наши стыдятся спѣть Русскую пѣсню. Мы кликнули кличъ, кто изъ французовъ, каково-бы роду, званія и состоянія онъ ни былъ, хочетъ за дорогую плату, сопряженную съ великимъ уваженіемъ и довѣренностію, принять на себя попеченіе о воспитаніи нашихъ дѣтей? Явились ихъ престрашныя толпы; стали насъ брить, стричь, чесать; научили насъ удивляться всему тому, что они дѣлаютъ; презирать благочестивые нравы предковъ нашихъ, и насмѣхаться надъ всѣми ихъ мнѣніями и дѣлами.

Дѣлайте и говорите, что вамъ угодно, господа любители чужой словесности; но сія есть непреложная истина, что доколѣ не возлюбимъ мы языка своего, обычаевъ своихъ, воспитанія своего, до тѣхъ поръ во многихъ нашихъ наукахъ и художествахъ будемъ мы далеко позади другихъ. Надобно жить своимъ умомъ, а не чужимъ»[75]).

БИБЛІОГРАФІЯ: Собраніе сочиненій и переводовъ Шишкова, изд. Росс. Академіи. 17 ч. Спб. 1818—1839 г. Записки, мнѣнія и переписка адм. Шишкова. Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина, 2 тома. Берлинъ. 1870 г. Собраніе высочайшихъ манифестовъ, 1812—1816 гг. Издалъ А. С. Шишковъ. Спб. 1816 г. С. Т. Аксаковъ. Воспоминанія о А. С. Шишковѣ. Въ собр. сочиненій. Изд. 1886 г. Т. III, Стоюнинъ, А. С. Шишковъ. Спб. 1880 г. О книгахъ Ш—ва Русск. Архивъ. 1870 г. № 6, стр. 1199—1200. Мнѣнія Ш. о разсматриваніи книгъ, Русск. Арх. 1865 г. № 10 и 11. Записки съ предисл. Бодянскаго. Чтенія въ Общ. Ист. и Древ. Росс. 1868 г. № 3, стр. 1—142. (Тоже отдѣльно. М. 1868 г. 8° 142 стр.). П. Щебальскій. Ш—овъ, его союзники и противники. Русская лѣтопись. 1870 г. № 43. Письма Ш—ва. Русск. Архивъ. 1866 г. № 11—12; стр. 1616—1730. Бумаги Ш—ва. 1816—1824 г. Русск. Арх. 1870 г. № 2. Т. I, стр. 145—147. Письмо Фотія къ Ш—ву. Русск. Старина. 1870 г. № 4, т. I, стр. 351. О «шишковистахъ» см. въ Библіограф. замѣткахъ Лонгинова въ Современникѣ 1856—1857 г. Росс. Библ. Общ. 1812—1826 г. Вѣст. Европы. 1868. № 8, 9, 11 и 12. Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля. Сочиненія и переводы Петра Макарова. Изд. 2-е. 1817 г. О легчайшемъ способѣ возражать на критики. Дашкова. Спб. 1811 г.

---

[74]) Шишковъ: Разсужд. Стр. 305.

[75]) Шишковъ. Разсужденіе. 338. 354.

§ 8. Какъ сказано, «Разсужденіе» Шишкова «привело въ бѣшенство» литературную молодежь и послужило началомъ безконечнаго спора «карамзинистовъ» съ «шишковистами», длившагося два десятилѣтія. Тѣмъ сильнѣе было возмущеніе, что въ числѣ примѣровъ, испорченныхъ галлицизмами и не русскими оборотами фразъ, приводимыхъ Шишковымъ молодые писатели нашли и «фразы господина Карамзина». Однако самъ Карамзинъ лично не принималъ участія въ спорѣ. Сражались съ Шишковымъ послѣдователи автора «Бѣдной Лизы», между прочимъ въ «Московскомъ Меркуріи» издатель его Петръ Ивановичъ Макаровъ (1765 — 1804) и Димитрій Васильевичъ Дашковъ (1788—1839).

Въ 1804 г. Шишковъ издалъ «Прибавленіе къ сочиненію, называемому Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка, или собраніе критикъ, изданныхъ на сію книгу съ примѣчаніями на оныя». Здѣсь онъ проявляетъ большую полемическую ловкость и юморъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно выясняетъ свои взгляды. Капитальная ошибка Шишкова состояла въ томъ, что онъ думалъ, будто русскій языкъ происходитъ отъ того славянскаго, на который переведены наши богослужебныя книги, что русскій языкъ и церковно-славянскій составляютъ одинъ и тотъ-же, что различіе ихъ только въ моментахъ развитія и слѣдовательно раздѣлять ихъ на два отдѣльные языка невозможно. Если-бы кто-нибудь указалъ эту ошибку Шишкову и доказалъ, что русскій языкъ на самомъ дѣлѣ не происходитъ отъ славянскаго, и оба они вмѣстѣ съ другими славянскими нарѣчіями происходятъ отъ того старѣйшаго доисторическаго языка, который развѣтвился на разныя нарѣчія, что при переводѣ богослужебныхъ книгъ уже существовалъ и русскій языкъ самъ по себѣ, и слѣдовательно оба они находятся въ отношеніяхъ братскихъ, то не могло-бы быть и рѣчи о томъ, что каждое церковно-славянское слово есть и русское слово, какъ утверждалъ Шишковъ, или что въ русскомъ языкѣ почти ничего не останется, если отнять отъ него всѣ славянскія слова. Но въ то время славянская филологія была еще такъ слаба, что не могла разрушить этой ошибки Шишкова. Противники его, повидимому соглашаясь съ основнымъ его положеніемъ о тождествѣ церковно-славянскаго и русскаго языка, не хотѣли только признать выведенныхъ слѣдствій и доказывали, что русскій языкъ такъ далеко и давно отдалился отъ церковно-славянскаго, что долженъ считаться особымъ языкомъ. Не опровергнутый въ своемъ основномъ положеніи, Шишковъ могъ защищаться даже съ успѣхомъ [76]).

Изъ критико-эстетическихъ произведеній перваго десятилѣтія, характерныхъ для тогдашнихъ литературныхъ воззрѣній, должно указать на

---

[76]) И. Порфирьевъ. Исторія русской словесности, ч. II. Отд. III. Литература въ царствованіе Александра I. Казань. 1891 г. Стр. 89.

слѣдующія: «О высокомъ» Лонгина, въ переводѣ Мартынова, «Начертаніе теоріи изящныхъ искусствъ», въ переводѣ проф. Сохацкаго, стихотвореніе Хераскова «Поэтъ» и наконецъ статья Жуковскаго: «О нравственной пользѣ поэзіи». Въ примѣчаніяхъ къ трактату Лонгина (1803 г.) высказано Мартыновымъ много сужденій о русскихъ писателяхъ и о сущности искусства, несомнѣнно характеризующихъ тотъ кружокъ писателей, который объединялся въ «Обществѣ любителей словесности», а таже кружокъ Оленина, имѣвшаго громадное вліяніе на развитіе корифеевъ литературы перваго десятилѣтія Озерова и Батюшкова. Это мнѣніе такъ сказать умѣренной партіи въ литературѣ, чуждое крайностей староверовъ, но не порывающее съ традиціями. Въ предисловіи къ переводу, Мартыновъ указываетъ, что онъ «позволилъ себѣ приводить изъ нашихъ авторовъ примѣры и сдѣлать нѣкоторыя приноровленія къ русскому языку».

«Высокое, говоритъ Лонгинъ, не просто убѣждаетъ слушателя, но приводитъ его въ восторгъ и наполняетъ душу удивленіемъ... Высокое даетъ слову такую власть и силу, которая всѣхъ слушателей, противъ ихъ воли, внѣ себя приводитъ». Къ этому положенію Мартыновъ даетъ такое примѣчаніе:

Если что не подлежитъ, кажется, никому раздробленію и даже опредѣленію, говоритъ Ла-Гарпъ, то безъ сомнѣнія высокое. Въ самомъ дѣлѣ, какъ опредѣлить то, что никогда не можетъ быть приготовлено поэтомъ или ораторомъ, ни предвидѣно читателями или слушателями; что не иначе производится, какъ только восторгомъ, не иначе чувствуется, какъ изступленіемъ; что равно приводитъ внѣ себя какъ артиста, который произвелъ оное, такъ и толпу, ему удивляющуюся [77]).

Такимъ образомъ Мартыновъ уже выставляетъ начала свободнаго творчества. Въ примѣчаніи къ стр. 9 онъ затѣмъ вводитъ оговорку, значительно ограничившую эту свободу и вводящую писателя въ стезю умѣренности и аккуратности.

Искусство не можетъ создать генія, но можетъ управлять имъ, если кто имъ одаренъ. Правила не могутъ наградить скудости въ дарованіяхъ, но могутъ удержать въ границахъ излишество въ оныхъ, предписать имъ путь, по коему идти они должны, удалить отъ великихъ и грубыхъ погрѣшностей, словомъ: могутъ даровать вкусъ. Геній безъ вкуса можетъ надѣлать весьма много и притомъ самыхъ важныхъ ошибокъ, и что хуже всего, не будетъ ихъ чувствовать; напротивъ, Геній со вкусомъ никогда ихъ не сдѣлаетъ [78]).

«Ничего нѣтъ несноснѣе—говоритъ далѣе Мартыновъ въ примѣчаніи

---

77) Примѣч. Мартыновъ къ стр. 5.

78) Лонгинъ. Прим. Мартыновъ къ стр. 9.

на стр. 22-й, - такого писателя, который, не видя собственныхъ недостатковъ, находитъ оныя въ самыхъ лучшихъ писателяхъ... Наши молодые писатели симъ порокомъ заражены. Мой совѣтъ, быть какъ можно скромнѣе въ сужденіи о первостатейныхъ писателяхъ въ первые годы авторства». Лонгинъ говоритъ: «Всѣ... противные важности слога пороки не отъ иного чего происходятъ, какъ отъ пристрастія къ новымъ мыслямъ, къ которымъ нынѣшніе писатели до безумія привязались».

Мартыновъ замѣчаетъ: «Лонгинъ разумѣетъ подъ симъ своихъ современниковъ, но тоже можно сказать и о многихъ изъ нашихъ писателей».

Въ гл. 8-й эстетикъ Лонгинъ перечисляетъ «пять источниковъ высокаго». Это—счастливая отважность мысли, сильная и иступленная страсть, пристойное составленіе фигуръ, благородное слововыраженіе, величественное и возвышенное словорасположеніе.

Мартыновъ признаетъ однако изъ этихъ источниковъ только два, имѣющими тѣснѣйшую связь съ высокимъ—отважность мыслей и страсть (пафосъ). «Высокому всего менѣе прилично украшеніе». Далѣе, однако, онъ даетъ такое поясненіе «страсти»:

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Димитрій самозванецъ говоритъ: ахъ! если бы со мной погибла вся вселенна—высокое происходитъ отъ страсти, т. е. отъ отчаянія, съ которымъ онъ желаетъ, чтобъ съ нимъ вмѣстѣ погибъ весь свѣтъ [79]).

Такимъ образомъ, приводя смѣхотворный стихъ Сумарокова, Мартыновъ прямо идетъ по стопамъ Шишкова, обыкновенно подтверждавшаго свои положенія цитатами изъ трагедій этого «бѣднаго дитяти чужихъ уроковъ».

Приводимъ далѣе рядъ сужденій Мартынова, вполнѣ характеризующихъ тогдашнее среднее, умѣренное направленіе въ литературѣ:

Величество духа есть существенная принадлежность генія... Сама природа образуетъ чувственныя его орудія съ возможнымъ совершенствомъ. Она, подобно благодѣтельной феѣ, одаряетъ его сильнымъ воображеніемъ Ломоносова, творческимъ духомъ Мильтона и Клопштока, остроуміемъ Вольтера, глубокомысліемъ Юнга, чувствительностью Делиля, тонкостію вкуса Ла-Гарпа, высокимъ умомъ Винкельмана [80]).

«Никакой языкъ послѣ греческаго, не имѣетъ такой гибкости, такого изобилія въ словахъ и такой способности самыя тонкія оттѣнки въ явленіяхъ выражать, какъ Россійскій. Изобразить-ли кто такъ коротко, громко, сильно, на другомъ нынѣшнемъ Европейскомъ языкѣ величество слѣдующихъ стиховъ въ «Водопадѣ» г. Державина:

[79]) Лонгинъ. Прим. Мартынова къ стр. 43.
[80]) Лонгинъ. Прим. Мартынова къ стр. 47.

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами,
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми.
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ...

Подражать не всегда есть слабость; это удѣлъ не однихъ только посредственныхъ, но и великихъ умовъ. Виргилій подражалъ Омиру, Горацій — Пиндару, Теренцій-Менандру, и чтобъ сказать о Россійскихъ писателяхъ, г. Державинъ въ нѣкоторыхъ своихъ твореніяхъ,— Горацію, въ нѣкоторыхъ Анакреону; г. Княжнинъ — Расину, и пр. Но помрачаетъ ли это ихъ слову? [81]).

Одно токмо одобреніе потомства можетъ утвердить истинное достоинство сочиненія. Сколько бы при жизни писателя не хвалили его произведенія, это не можетъ еще служить порукою за ихъ превосходство. Модный оборотъ ума, новость стиля, ложные блески, сильная сторона, поддерживающая выгодный объ авторѣ отзывъ, могутъ придать имъ цѣны; но въ слѣдующемъ столѣтіи откроютъ, можетъ быть, глаза и станутъ презирать то, чему прежде удивлялись. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Ломоносовъ, не смотря на нѣкоторыя неисправности въ языкѣ и на восторги, вышедшіе, какъ многіе говорятъ изъ моды; равно какъ г. Державинъ и Херасковъ суть писатели всѣхъ вѣковъ. Несомнительно также, что г. Княжнинъ благосклонно принятъ въ храмѣ безсмертія Расиномъ, Дмитріевъ также принятъ будетъ Лафонтеномъ и Карамзинъ не тщетно трудился надъ своимъ памятникомъ; но что такое сказать о множествѣ ихъ, а особенно послѣдняго, рабскихъ (курс. подл.) подражателяхъ? сіе рѣшитъ потомство [82]).

Нашъ языкъ наиболѣе способенъ отличить своими словами одинъ слогъ отъ другого, стоитъ только умѣть имъ пользоваться. Для высокаго слога у насъ есть особливыя слова, которыя было бы худо употребить въ слогѣ низкомъ и наоборотъ. Примѣсь славянскаго нарѣчія, также сокращеніе и протяженіе, уменьшеніе и увеличеніе словъ еще болѣе умножаютъ его изобиліе. Напр., когда мнѣ надобно сказать важно, то я говорю: попираю, потрясаю, позлащенный, кумиръ или истуканъ, гряду, реку, гласъ, и пр. когда же просто, то я говорю: топчу, позолоченный, болванъ или статуя, иду, говорю, голосъ. и пр. Однако и сіи слова принимаютъ какую-то сановитость. какъ скоро писатель умѣетъ искусно ихъ употреблять [83]).

---

[81]) Лонгинъ. Прим. Мартыновъ къ стр. 100.
[82]) Лонгинъ. Прим. Мартыновъ къ стр. 103.
[83]) Лонгинъ. Прим. Мартынова къ стр. 158.

Такимъ образомъ сужденія умѣреннаго направленія въ литературѣ въ значительной части подтверждали мнѣнія Шишкова.

БИБЛІОГРАФІЯ. Е. Колбасинъ. И. И. Мартыновъ, переводчикъ «Греческихъ классиковъ». Современникъ. 1856. № 3 и 4. Т. LVI. Стр. 1—46 и 75—126. Отдѣльно въ книгѣ Колбасина: Литературные дѣятели прежняго времени. Спб. 1859.

§ 9. Переводъ Лонгина Мартыновымъ вышелъ въ одинъ годъ съ «разсужденіемъ» Шишкова. Въ томъ-же 1803 г. въ Москвѣ вышло: «Главное начертаніе теоріи и исторіи изящныхъ наукъ Мейнерса, профессора философіи въ Геттингенѣ. Переводъ съ нѣм. Павломъ Сохацкимъ, профессоромъ древней литературы при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ». Сочиненіе это характеризуетъ мнѣнія профессорскаго кружка Московскаго Университета, среди которыхъ въ слѣдующемъ десятилѣтіи предстояло дѣйствовать Мерзлякову.

Въ главѣ «о умственномъ изяществѣ» Мейнерсъ говоритъ, что мысли должны быть или остроумны, или высоки, или забавны, дабы заслужить имя прекрасныхъ. Разъясняя далѣе понятіе «Юмора», Laune, (а по нашему Русскому краснорѣчію, добавляетъ Сохацкій, стихъ, такъ напр. говорятъ: нынче такой на него стихъ нашелъ) геттингенскій профессоръ утверждаетъ что «соединеніе тонкой и благопристойной шутки преимущественно составляетъ высокій или благородный комическій родъ, которому противоположенъ низкій родъ комической... гротескъ или нестройной и нелѣпой, бюрлескъ или вздорный.

Для означенія граціи и разныхъ ея степеней есть въ нашемъ языкѣ многія выраженія: любезность, миловидность, прелесть, плѣнительность, очаровательность...

Благородная простота необходима во всѣхъ твореніяхъ искусства и дарованій.

Невинность (Naif)... производитъ весьма различныя впечатлѣнія, обыкновенно рождаетъ пріятную улыбку, но часто также и глубоко трогаетъ...

Къ послѣднему опредѣленію переводчикъ прибавляетъ: почти невозможно еще на Россійскомъ языкѣ съ точностью перевести того, что называютъ Naif; ибо и самая о немъ идея неопредѣлена. Есть для этого слова названія: простосердечіе, простодушіе, невинность, чистосердечная откровенность, чистая натуральность и пр.[1]).

Слово Подражаніе иначе понимается о подражаніи природѣ, и иначе о подражаніи твореніямъ искусствъ и Геніевъ... Никакое правило не было такъ ложно или не требовало столько ограниченія, какъ то: что будто бы

[1]) Мейнерсъ. 41.

всѣ изящныя искусства и науки должны подражать непремѣнно только изящной природѣ. Даже и древніе подражали ненавистнымъ предметамъ... Есть столько же родовъ идеаловъ, сколько находится прекрасныхъ и дурныхъ предметовъ[85]).

Курсъ Мейнерса вводилъ въ обращеніе нѣсколько новыхъ и смѣлыхъ, для той эпохи, мыслей. Такъ здѣсь признается, что «существо Поэзіи» столь-же подвержено спорамъ, сколь темно и неизвѣстно ея происхожденіе. Древніе сію сущность полагали въ вымыслѣ, или въ сверхъестественномъ вдохновеніи; напротивъ того новѣйшіе въ подражаніи изящной природѣ, или въ самомъ чувственномъ и самомъ пріятномъ посредствомъ языка представленіи изящнаго и добраго. «Ни одно изъ сихъ объясненій не выдержитъ строгаго испытанія»[86]).

Мейнерсъ признаетъ, что «ни одинъ родъ стихотвореній не можетъ у насъ быть тѣмъ, что онъ былъ у грековъ и римлянъ»[87]).

Указывая разсужденіе Росина Sur l'essence de Poësie, Traité du Poëme epique, par le Bossu, Batteux, Вольтера sur le Poéme Epique, предъ его Генріадою, и прочія трактаты ложно-классиковъ, самъ нѣмецкій эстетикъ заявляетъ, что «явленіе въ свѣтъ такихъ твореній, какъ Мильтоновъ «Потерянный Рай», и Клопштокова «Мессіада», дѣлаютъ теперь необходимымъ другое совсѣмъ опредѣленіе Эпической Поэмы, нежели какое дано было древними... Всѣ предписанія о планѣ, расположеніи и содержаніи (fabula) Эпической Поэмы приносятъ мало пользы, и даже слишкомъ ограничиваютъ[88]).

Никогда такъ во зло не употребили Гомера, какъ извлекши изъ образцовыхъ его твореній тѣ правила, будто бы Эпическая Поэма должна заключать въ себѣ чудесныя дѣянія и происшествія... Примѣръ Вольтеровъ вѣроятно отвратитъ всѣхъ его послѣдователей отъ такого употребленія языческихъ боговъ и иносказательныхъ лицъ, каковыя находимъ въ Генріадѣ[89]).

Наконецъ, верхъ смѣлости для того времени мнѣніе Мейнерса о лирикѣ и одѣ.

«Лирическій родъ стихотворства можно изъяснить и различить отъ прочихъ. Но по великой его разнообразности трудно дать правила, приличныя всѣмъ подчиненнымъ ему видамъ. Къ неудачнымъ, якобы всеобщимъ правиламъ лирическаго стихотворства принадлежатъ особливо тѣ, что планъ лирическаго стихотворенія должно начертавать хладнокровно, а отдѣлку его

---

85) Мейнерсъ. Стр. 48.
86) Мейнерсъ. Стр. 50.
87) Id. Стр. 57.
88) Id. Стр. 59 и 60.
89) Id. Стр. 62.

производитъ съ величайшимъ жаромъ энтузіазма, и что существенно свойственъ сему роду нѣкоторый лирической безпорядокъ. Для достиженія сего лирическаго безпорядка многіе, а наче всѣхъ нѣмецкіе Пѣснопѣвцы, подверглись самымъ очевиднымъ нелѣпостямъ [90]).

Усвоеніе такихъ идей слушателями Сохацкаго подготовляло назрѣвшую въ литературѣ реформу. Съ точки-же зрѣнія старовѣровъ классицизма, это была великая ересь. Они все еще твердили двустишіе изъ уложенія Буало, въ переводѣ Хвостова:

Слогъ въ одѣ пламененъ, а ходъ въ пути не гладокъ,
Искусство часто въ ней прекрасный безпорядокъ.

§ 10. Чрезвычайно замѣчательно, какъ показатель высоты критической мысли и запросовъ морали и вкуса въ журналистикѣ, разсужденіе В. А. Жуковскаго [91]).

«Мечтательность, даръ воображать, остроуміе, тонкая чувствительность— вотъ истинныя качества стихотворца »,—говоритъ Жуковскій.

«Предметъ поэзіи—чувственное совершенство, слѣдовательно и предметомъ ея теоріи должно быть сіе же самое чувственное совершенство, изображаемое посредствомъ языка, единственнаго орудія стихотворцевъ.»

«Какая нужда стихотворцамъ до истины. Они хотятъ веселить наше воображеніе пріятными мечтами, насъ забавлять, привлекать и трогать [92]).

«Чего требуетъ отъ поэта его искусство? Чтобы онъ не оскорблялъ непосредственно чувства моральнаго, чтобы онъ не противорѣчилъ морально-изящному, которое почитается однимъ изъ главныхъ источниковъ красоты стихотворческой. Но существенною моральною красотою занимается онъ столь же мало, какъ и существенною логическою истиною».

Пусть разсудокъ отвергаетъ образы поэзіи, какъ ложные или мечтательные, пускай находитъ недостойными или чудовищными характеры ея,— все это не принадлежитъ къ стихотворному искусству. Стихотворецъ исполнилъ свою должность, какъ стихотворецъ; онъ правъ предъ судилищемъ критики.

«Стихи противные и не противные морали, сочиняемы по одинакимъ правиламъ».

Но «всякій читатель, будучи критикомъ стихотворца, есть въ то же время и судія человѣка ».—«Не принадлежащее къ теоріи стихотворства можетъ быть, не смотря на то, закономъ для самого стихотворца [93]).

[90]) Мейнерсъ. Стр. 255.

[91]) «О нравственной пользѣ поэзіи». (1809).

[92]) Соч. т. V-й. Изд. 8-е. 1885. Стр. 312 и 315.

[93]) Id. Стр. 316 и 317.

Здѣсь выставлена Жуковскимъ теорія свободнаго, чистаго искусства и съ тѣмъ вмѣстѣ поставлена проблема объ отношеніи эстетики къ этикѣ, постоянно потомъ разрабатывавшаяся въ нашей критикѣ и публицистикѣ. Жуковскій, подчиняя человѣка-стихотворца этикѣ, освобождаетъ творчество мысли отъ всякихъ нравоучительныхъ цѣлей, и вмѣстѣ ставитъ поэзію внѣ разсудочной отвлеченности и ея требованій. Искусство свободно, какъ вымыселъ, оно только изящно, но не добродѣтельно.

II.

§ 1. Русскій романъ образовался подъ вліяніемъ романа переводнаго, который переходитъ въ подражательный, а затѣмъ въ болѣе или менѣе самобытный. Начало царствованія Александра I-го было уже разгаромъ литературы переводныхъ романовъ. Отсюда первымъ оригинальнымъ русскимъ романистамъ приходилось считаться съ вкусами публики, воспитанными на переводахъ. Реально-сатирическій романъ Скаррона, Форестьера, Лесажа; сатирико-философскій романъ Вольтера; «Новая Элоиза» Руссо и сантиментальные романы Стерна, Ричардсона; «Венксфильдскій священникъ»;—вотъ образцы конца XVIII-го вѣка, продолжавшіе свое вліяніе на русскую прозу и въ первое десятилѣтіе XIX-го. Затѣмъ, въ 1800 году вышла «Дельфина», а въ 1805—«Коринна» m-me де-Сталь, конечно, читавшіеся и у насъ романы. Копія съ небольшими, зародышевыми намеками на самобытность, вотъ съ чего началъ русскій прозаикъ въ области романа. Въ своемъ изслѣдованіи, первая часть котораго посвящена генезису русскаго романа, г-жа Бѣлозерская, указавъ, что въ тѣ времена «презрѣнная проза» еще ставилась неизмѣримо ниже «языка боговъ», т. е. стиховъ, прибавляетъ: «Господство различныхъ видовъ стихотворства, драматической литературы, сатиры и басни, пріучило русскую публику считать писателями только тѣхъ, которые подвизались на этомъ поприщѣ... Такіе писатели пользовались особымъ уваженіемъ и всякій грамотный человѣкъ пытался быть стихотворцемъ, драматургомъ или баснописцемъ» [94]).

Переводчики, особенно классическихъ произведеній, ставились на одну доску съ оригинальными прозаиками. Наконецъ, матеріальныя причины заставляли почти всѣхъ прозаиковъ начала вѣка, кромѣ оригинальныхъ произведеній, заниматься также и переводами. Издатели въ то время рисковали тратиться лишь на печать, бумагу и переводы. Ручательствомъ успѣш-

---

[94]) Василій Трофимовичъ Нарѣжный. Историко-литературный очеркъ. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Стр. 5.

наго сбыта книги къ тому же служило имя иностраннаго автора, громкое популярное среди русскихъ, благоговѣвшихъ предъ всѣмъ иностраннымъ, читателей. Оригинальные же романы и повѣсти писали авторы, имена которыхъ ничего не говорили. Впрочемъ, и въ концѣ вѣка переводъ и иностранное имя, на русскомъ книжномъ рынкѣ, падкомъ на даровщину, продолжаетъ играть важнѣйшую роль. Итакъ, писатель предпочиталъ стихотворство—прозѣ, переводъ—оригинальному творчеству въ области романа. «Одобреніе и награды слабы, говоритъ современникъ, а досада и неудовольствія, сопряженныя съ состояніемъ писателя, такъ велики, что должно имѣть страстную любовь къ словесности, чтобы заниматься ею долго; я говорю о прозаическихъ писателяхъ»[95]).

Наконецъ, къ роману съ пренебреженіемъ относились и теоріи словеснаго искусства. Такъ въ книгѣ Мейнерса, переведенной проф. Сохацкимъ, о которой мы говорили выше, читаемъ: «Романы не могутъ еще и тогда одобряемы быть для чтенія, когда они прямо не вредятъ сердцу; ибо они разными образами бываютъ зловредны разуму и назначенію дѣвицъ и молодыхъ людей. Привычка читать романы пагубна или опасна, хотя бы ни противъ одного читаемаго романа порознь ничего сказать было нельзя»[96]).

Тѣмъ не менѣе на романы былъ весьма значительный спросъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ В. А. Жуковскаго: «Раскройте Московскія Вѣдомости! о чемъ гремятъ книгопродавцы въ витійственныхъ своихъ прокламаціяхъ? О романахъ ужасныхъ, забавныхъ, чувствительныхъ, сатирическихъ, моральныхъ, и прочее, и прочее. Что покупаютъ охотнѣе посѣтители Никольской улицы въ Москвѣ? Романы. Въ чемъ состоитъ достоинство этихъ прославляемыхъ романовъ? Всегда почти въ одномъ великолѣпномъ названіи, которымъ обманываютъ любопытство. Какая отъ нихъ польза? Рѣшительно никакой[97]).

Жуковскій влагаетъ этотъ суровый приговоръ въ уста литературнаго стародума—«чудака, котораго мнѣніе рѣдко согласно съ общимъ, который молчитъ, когда другіе кричатъ, и хмурится, когда другіе смѣются». Здѣсь мы находимъ свидѣтельство о любви публики къ романамъ и спросѣ на нихъ въ началѣ вѣка. Затѣмъ Жуковскій даетъ какъ бы классификацію уже дифференцировавшагося романа—ужасные (хотя бы «Донъ Коррадо» Гнѣдича), забавные (хотя бы «Почта Духовъ» Крылова; мы причисляемъ это произведеніе къ романамъ, хотя оно выходило частями, въ видѣ журнала), чувствительные (повѣсти Карамзина, Вл. Измайлова), сатирическіе и моральные («Евгеній» А. Измайлова). Классификація эта сходна съ данной современной

[95]) «Цвѣтникъ». Іюнь 1810 г. ч. VI. Стр. 351.

[96]) Мейнерсъ. Начертаніе теоріи изящныхъ наукъ. М. 1803. Стр. 344.

[97]) Письмо изъ уѣзда. 1808 г. Соч. Изд. 8-е. т. V. Стр. 247.

изслѣдовательницей романа начала вѣка, г-жей Бѣлозерской. Самъ Жуковскій былъ замѣчательнымъ прозаикомъ этой эпохи. Онъ занимался и переводами, которыми обыкновенно не пренебрегали тогда молодые писатели. Такъ Измайловъ разсказываетъ, что Н. И. Гречъ, «въ свободное отъ должности время, для пользы многочисленнаго своего семейства, переводилъ, за деньги, для журналистовъ и для книгопродавцевъ»[98]).

Г-жа Бѣлозерская въ своемъ изслѣдованіи даетъ какъ общія цифры изданныхъ въ XVIII-мъ и въ началѣ XIX вѣковъ романовъ, такъ и указанія, какихъ авторовъ преимущественно тогда переводили.

При Екатеринѣ II съ 1762 г. по 1796 переведено было 540 романовъ; изъ нихъ съ французскаго—350; съ нѣмецкаго—107; при Павлѣ I съ 1796 по 1801—62; при Александрѣ I съ 1801—1804 гг.—346; изъ нихъ съ французскаго—220; съ нѣмецкаго—95. Всего съ 1762 г. по 1804 переведено 948 романовъ. Разнообразіе ихъ поразительное. Невозможно часто опредѣлить, чѣмъ собственно руководились переводчики въ выборѣ того или другого романа. На ряду съ романами XVIII-го вѣка встрѣчаются и романы XVII и даже XVI-го, при чемъ нерѣдко самыхъ незначительныхъ писателей. Число иностранныхъ авторовъ г-жа Бѣлозерская опредѣляетъ въ 146. Вся эта масса ждетъ еще детальнаго изслѣдованія, и конечно можно было бы получить весьма интересныя данныя о степени вліянія этой переводной литературы на русскую оригинальную, подвергнувъ ее детальному анализу.

При Екатеринѣ II-й сравнительно всего больше переведено романовъ: д'Арно, Вольтера, Виланда, Мармонтеля, Флоріана, Лесажа, Фильдинга; при Павлѣ I-мъ — Дидеро (Дидеротъ), Дюкре — Дюмениля, Горжи; при Александрѣ I—г-жи Жанлисъ (Жанли), Радклифъ, Августа Лафонтена, Коцебу, Шатобріана, Крамера, Маріи Рошъ. Почти всѣ романы Коцебу, Радклифъ и Жанлисъ были переведены на русскій языкъ[99]).

Изъ подражательныхъ романовъ начала вѣка замѣчательно юношеское произведеніе Гнѣдича (переводчика «Иліады»): «Донъ Коррадо де-Геррера или духъ мщенія и варварства Гишпанцевъ». Россійское сочиненіе. М. 1803 г. «Основаніе, сказано въ предисловіи, взялъ я изъ одной повѣсти». Затѣмъ юный авторъ, называя «гишпанцевъ образцами суевѣрія и бѣшенства», распространяется о злодѣяніяхъ Филиппа II и добавляетъ: «Приступая къ сочиненію сей повѣсти, я болѣе всего старался выставить страшную картину дѣлъ Коррадо, окончивши которую я самъ трепеталъ въ душѣ». Разсказу нельзя отказать въ талантливости и живости.

---

[98]) О праздникѣ, по случаю десятилѣтія Сына Отечества. 1822 г. Соч. т. II-й. М. 1891 г. Стр. 153.

[99]) Бѣлозерская. Стр. 35.

§ 2. Какъ мы уже сказали, г-жа Бѣлозерская даетъ классификацію попытокъ оригинальнаго русскаго романа, подобную данной Жуковскимъ:

a) Романы съ приключеніями (roman d'aventures). Сюда относятся и «ужасные», упоминаемые Жуковскимъ, образцомъ каковыхъ могли послужить романы Радклиффъ и ея знаменитыя «Таинства Удольфскія». Дѣйствительно, г-жа Бѣлозерская отмѣчаетъ попытки перенести романъ «съ приключеніями» на сенсаціонную почву въ видѣ привидѣній, воскресшихъ мертвецовъ, разбойниковъ, наемныхъ убійцъ и пр. Въ такомъ родѣ написана въ 1792 г. повѣсть Карамзина «Валерія» (подражаніе Флоріану): «Александръ и Юлія, истинная русская повѣсть», соч. Н. Львова (Спб. 1801 г.) и романъ неизвѣстнаго автора: «Обольщенная жена, россійское сочиненіе». (М. 1804 г.).

b) Романы нравоучительные. Въ такого рода романахъ пороки и добродѣтели чаще всего олицетворены въ фамиліяхъ дѣйствующихъ лицъ— Честонъ, Разсудинъ, Правдолюбъ или Промотайловъ, Залыгайкинъ, Петиметровъ и т. д. Писались они или въ формѣ писемъ («Всеволодъ и Велеслава, романъ, сохранившійся въ письмахъ», Н. Н. Муравьева, Спб. 1807 г.) или настолько проникнуты стремленіемъ доказать торжество добродѣтели надъ порокомъ, что главнымъ образомъ состоятъ въ безконечныхъ нравоучительныхъ разсужденіяхъ, или наконецъ они носятъ общественно-сатирическій характеръ. Эти романы трактуютъ о вредѣ невѣжества, подражанія французамъ, изображаютъ дурныя стороны моднаго свѣта и восхваляютъ патріархальные нравы и воспитаніе. Такова повѣсть Н. Остолопова «Евгенія или нынѣшнее воспитаніе», изд. въ Спб. 1803 г.

c) Восточныя повѣсти. Образцомъ являются повѣсти Александра Петровича Беницкаго (1780—1809 г.) «Ибрагимъ или великодушный» и «Бедуинъ» (1807 г.), «На другой день» (1809 г.).

d) Сентиментальныя или чувствительныя повѣсти, цѣль которыхъ—тронуть сердце и заставить проливать читателя слезы. Появляются они въ концѣ прошлаго столѣтія и особенно размножаются въ началѣ нашего вѣка. Во главѣ ихъ стоитъ, конечно, «Бѣдная Лиза» Карамзина, хотя по свидѣтельству г-жи Бѣлозерской, «среди множества просмотрѣнныхъ ею «сентиментальныхъ» повѣстей, она почти не встрѣтила такихъ, которыя бы непосредственно написаны подъ вліяніемъ Карамзина». Здѣсь часто отсутствуетъ опредѣленная фабула, льются трогательныя изліянія чувствъ («Ландшафтъ моихъ воображеній», А. Кропотова 1803 г.); въ другихъ на первомъ планѣ обманутая и страдающая дѣвушка («Лилія» соч. А. Попова, изд. 1802 г., «Бѣдная Лилла», неизвѣстнаго автора 1803 г., А. Кропотова «Духъ Россіанки» 1809 г., «Обольщенная Генріетта», Н. Свѣчинскаго, 1801 г.). Къ сентиментальнымъ романическимъ произведеніямъ относятся и такъ называемыя пастушескія и сельскія повѣсти («Старецъ или пре-

вратность судьбы» Н. Брусилова 1803 г., «Несчастные любовники», соч. П. С. 1809 г., «Розана и Любимъ» соч. Павла Львова. Спб. 1790 г.). Наконецъ, къ числу сентиментальныхъ повѣстей необходимо отнести «Марьину Рощу» Жуковскаго.

e) Историческій романъ. Во главѣ попытокъ въ области историческаго повѣствованія должно поставить «Мароу Посадницу» Карамзина (1803 г.), историческія повѣсти С. Глинки, изданныя сборникомъ въ 1810 г., гдѣ авторъ старается не искажать историческихъ фактовъ, и наконецъ, «Славянскіе вечера» Нарѣжнаго (1809 г.).

f) Реальный романъ. «Попытки реальнаго русскаго романа, говоритъ г-жа Бѣлозерская, въ періодъ времени отъ 1764 по 1814 годъ, встрѣчаются: a) въ видѣ существеннаго элемента или же случайной примѣси въ самыхъ разнородныхъ романахъ и повѣстяхъ нашей подражательной литературы; b) въ формѣ цѣльныхъ реальныхъ разсказовъ, и c) романическихъ произведеній, представляющихъ задатки самобытнаго реальнаго романа съ нынѣшней точки зрѣнія»[100]).

Во главѣ такого рода попытокъ, должно поставить замѣчательный, реальный нравоучительно-сатирическій романъ А. Измайлова, «Евгеній или пагубныя слѣдствія дурного воспитанія и сообщества» 1799—1801 г. Спб. 2 ч. Этотъ романъ должно признать первымъ оригинальнымъ русскимъ романомъ. Онъ написанъ съ поразительнымъ мастерствомъ и мы положительно не можемъ согласиться съ г-жею Бѣлозерской, утверждающей на стр. 81-й своего замѣчательнаго изслѣдованія, что только въ произведеніяхъ Нарѣжнаго, т. е. уже въ 20-хъ годахъ, мы встрѣчаемъ послѣдовательный законченный разсказъ, цѣльныя реальныя описанія, рельефно обрисованные типы и характеры. Все это есть въ романахъ 1801 года талантливаго баснописца А. Измайлова, который съ интересомъ и теперь читается. Итакъ мы видимъ, что уже къ 1810 году, въ первое десятилѣтіе вѣка имѣлось довольно обширная литература переводныхъ и оригинальныхъ русскихъ разсказовъ, повѣстей и романовъ.

§ 3. Здѣсь мы дадимъ хронологическій перечень наиболѣе замѣчательныхъ романовъ перваго десятилѣтія нашего столѣтія: 1801 г. «Евгеній» А. Измайлова; «Александръ и Юлія», «истинная русская повѣсть» Павла Львова; «Кадмъ и Гармонія», «древнее повѣствованіе», соч. Хераскова, 2-е изд.; 1802 г. «Молодой философъ», соч. Владиміра Измайлова; «Новой чувствительной путешественникъ или моя прогулка въ А...», «Росс. соч. К. Г.»; «Мечты воображенія» Ивана Рослякова; «Вертеровы чувствованія или несчастный М. (Масловъ)», соч. А. Клушина; «Лилія», «повѣсть истин-

[100]) «В. Т. Нарѣжный». Стр. 69.

ная, взятая изъ недавно случившагося происшествія». Ал. Попова: «Почта духовъ» Крылова, 2-е изд.; 1803 г. «Нума Помпилій, или процвѣтающій Римъ», соч. Хераскова, «Новое исправленное и дополненное изданіе»; «Старецъ или превратность судьбы», повѣсть соч. Н. Брусилова: «Мое путешествіе или приключенія одного дня», его же; «Бѣдный Леандръ или авторъ безъ риторики», его же; «Донъ-Коррадо» Гнѣдича; «Евгенія или нынѣшнее воспитаніе». Повѣсть, написанная Николаемъ Остолоповымъ; 1804. «Романъ моихъ ближнихъ», соч. ?. 1805. «Счастливый случай въ тридцатый годъ жизни Гавріила Геракова». 1807. «Всеволодъ и Велеслава, происшествіе, сохранившееся въ письмахъ»: 1808. «Ксенія, княжна Галицкая, историческая повѣсть»; Вѣдьма и злодѣи или чудное происшествіе» Ал. Павловскаго; «Счастливый воспитанникъ или долгъ благодарнаго сердца», Сократа Ремезова; 1809. «Русская амазонка или геройская любовь Россіянки, отечественное происшествіе, случившееся въ продолженіе послѣдней противъ французовъ компаніи въ 1806 и 1807 годахъ»; «Духъ Россіянки», «истинное Русское происшествіе», соч. Андрея Кропотова, «Чрезвычайныя происшествія: угнетенная добродѣтель или поросенокъ въ мѣшкѣ», его же; «Исторія о смуромъ кафтанѣ, которымъ обладатель не только что желаетъ прикрыть свои плечи, но и выкроить женѣ своей юбку», его же. Романы Марьи Извѣковой: «Милена или рѣдкій примѣръ великодушія», «Торжествующая добродѣтель надъ коварствомъ и злобою», «Эмилія или печальныя слѣдствія безразсудной любви»; 1810. «Русскія историческія и нравоучительныя повѣсти», соч. Сергѣя Глинки. Сравнительное изученіе всѣхъ этихъ произведеній совершенно необходимо для выясненія генезиса русскаго романа. Здѣсь мы находимъ общіе элементы романа: попытки воспользоваться родной исторіей, попытки описанія свѣтской жизни, помѣщичьей, подьяческой и сельской, реальное изображеніе жизни, юморъ, сатиру, дидактизмъ и нравственную тенденцію, попытки рѣшенія вопросовъ воспитанія, наконецъ, изображенія страстей, жизнь сердца, мечтательность, чувствительность и романтизмъ. Все это въ проблескахъ составляетъ первые шаги русскаго романа. Изслѣдованіе языка романовъ, діалога, описаній тоже чрезвычайно важно.

Мы остановимся теперь, послѣ этихъ общихъ замѣчаній, на характеристикѣ романической и описательной прозы Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова, Нарѣжнаго, и на романѣ А. Измайлова.

§ 4. Сентиментальное направленіе внесено было въ русскую литературу прежде всего переводомъ романовъ Ричардсона. «Памела» явилась въ 1787 г., «Кларисса» въ 1791—92 г. и «Грандисонъ» въ 1793—94. Изъ сочиненій Стерна были переведены въ 1789 г. «Письма Iорика», а въ 1793—«Сентиментальное путешествіе». Первая часть «Новой Элоизы» явилась въ пере-

водѣ еще въ 1769 г., а вся она была переведена два раза: въ 1792—93 и 1804 г. Переводы романовъ Бернардена де-Сенъ-Пьера печатались въ журналахъ «Чтеніе для вкуса, разума и чувствованія» и «Пріятное и полезное препровожденіе времени», а потомъ вышли отдѣльно «Павелъ и Виргинія» въ 1793 г. «Индѣйская хижина» въ 1794 г., но въ русскую прозу это направленіе было введено «Бѣдной Лизой» Карамзина.

Правда, въ повѣстяхъ Карамзина, хотя сюжеты заимствованы изъ народной жизни и исторіи, но изображаются далеко не въ народномъ духѣ, а во вкусѣ и стилѣ сентиментальныхъ повѣстей Жанлисъ и Мармонтеля. Тѣмъ не менѣе, въ исторіи литературы «Бѣдная Лиза» имѣетъ значеніе, какъ первая повѣсть, сюжетъ которой взятъ изъ простого и притомъ русскаго быта, хотя опять таки этотъ простой бытъ изображенъ далеко не такъ просто и не въ русскомъ духѣ, а въ стилѣ западныхъ сентиментальныхъ повѣстей и романовъ. Заслуга Карамзина въ томъ еще, что онъ далъ образецъ «легкой прозы»; не пренебрегъ написать «сказочки», какъ одобрительно выразился Шишковъ о «Бѣдной Лизѣ». Простой бытъ изображенъ Карамзинымъ во многихъ повѣстяхъ. Начиная повѣсть «Фролъ Силинъ, благодѣтельный человѣкъ» въ Московскомъ журналѣ 1791 г., Карамзинъ говоритъ: «Пусть Виргиліи прославляютъ Августа! Я хочу хвалить Фрола Силина, простого поселянина, и хвала моя будетъ состоять въ описаніи дѣлъ его, мнѣ извѣстныхъ». Въ повѣсти описывается, какъ въ голодный годъ Фролъ Силинъ, крестьянинъ одной деревни, раздавалъ даромъ хлѣбъ беднѣйшимъ жителямъ, какъ онъ помогъ жителямъ погорѣвшихъ двухъ деревень, какъ онъ выкупилъ у помѣщика двухъ дѣвокъ и выдалъ замужъ съ хорошимъ приданымъ. Въ неоконченной повѣсти «Ліодоръ» онъ изображаетъ характеръ деревенскихъ помѣщиковъ прежняго времени (въ Моск. журн. 1792 г. Мартъ). Въ письмѣ подъ заглавіемъ: «Сельскій праздникъ и свадьба» (тамъ же) описываетъ жизнь крестьянъ и помѣщиковъ конца прошлаго вѣка [101]).

«Наталья Боярская дочь», написана Карамзинымъ въ 1792 г., когда онъ началъ уже изучать русскую исторію и хотѣлъ воскресить предъ русскимъ обществомъ древне-русскую жизнь. Карамзинъ говоритъ, что разсказъ о приключеніяхъ на Датскомъ островѣ Борнгольмѣ, написанный въ 1793 г. составляетъ эпизодъ изъ его приключеній во время возвращенія изъ путешествія по Европѣ. Повѣсть напоминаетъ старыя рыцарскія баллады, въ которыхъ изображаются рыцарскіе замки со рвами, подъемными мостами, огромными залами съ гиганскими колоннами, страшными башнями и подземными темницами, въ которыхъ томятся прекрасныя плѣнницы. Употребляя выра-

[101]) Порфирьевъ. Истор. русской словесности. Ч. II. Отд. 3-й. Литература въ царствованіе Александра I. Казань. 1891 г. Стр. 43.

женіе Жуковскаго, это произведеніе Карамзина принадлежитъ къ числу «ужасныхъ». Замѣчательнѣйшія изъ повѣстей Карамзина — «Бѣдная Лиза», «Наталья боярская дочь» и «Марѳа посадница», но кромѣ нихъ должно отмѣтить еще одно, чрезвычайно интересное произведеніе, оставшееся неоконченнымъ и на которое вообще обращено недостаточно вниманія. Это — «Рыцарь нашего времени», начало романа, напечатанное Карамзинымъ въ IV и V частяхъ «Вѣстника Европы» 1802 г. Въ этомъ отрывкѣ находимъ описанія русской природы, автобіографическія и вмѣстѣ съ тѣмъ живыя, реальныя страницы превосходной прозы. Особенно хорошо описаніе Волги, на берегъ которой убѣгалъ маленькій Леонъ (Карамзинъ) съ книгой и, сидя въ орѣховомъ кустѣ подъ тѣнью стараго дуба, читалъ. Иногда, оставивъ книгу, онъ смотрѣлъ на Волгу, на бѣлые паруса судовъ и лодокъ, на станицы рыболововъ, которые изъ подъ облаковъ дерзко опускаются въ пѣну волнъ. И эта картина остается навсегда въ душѣ ребенка. Волга, родина и безпечная юность тотчасъ представлялись его воображенію, нераздѣлимые трогали душу, извлекали слезы... Романъ, впрочемъ, обрывается на довольно фривольной сценѣ совершенно во вкусѣ XVIII-го вѣка. Мальчикъ случайно видитъ купающуюся прекрасную сосѣдку, которая съ нимъ обходилась, какъ съ игрушкой; при чемъ дѣтское чувство въ немъ носило оттѣнокъ чего-то пробуждающагося къ большему, въ ея нѣжности проскальзывали ласки зрѣлой женщины.

§ 5. Жуковскій «въ прозѣ шагнулъ далѣе Карамзина», сказалъ Бѣлинскій въ «Литературныхъ мечтаніяхъ». Дѣйствительно, проза Жуковскаго для перваго десятилѣтія вѣка имѣла громадное значеніе. Жуковскій много переводилъ. Въ 1801 г. имъ переведенъ романъ Коцебу «Мальчикъ у ручья». Затѣмъ въ 1805 изъ Флоріана «Донъ-Кишотъ» въ 6 ч. Переводы въ прозѣ Жуковскаго были изданы въ 5 ч. въ 1816—1817 г. М. (Изд. 2-е въ 3 ч. Спб. 1827). При полномъ собраніи сочиненій ихъ нѣтъ, а между тѣмъ въ дѣлѣ обработки русской прозы они конечно сыграли извѣстную роль.

Оригинальныя повѣсти Жуковскаго слѣдующія: «Вадимъ Новгородскій», «Три пояса», «Русская сказка», «Марьина роща», «Старинное преданіе» и наконецъ «Печальное происшествіе, случившееся въ 1809 г.». На «Вадимѣ Новгородскомъ» видно сильное вліяніе Оссіана. Въ вступленіи Жуковскій обращается къ умершему другу Андрею Ивановичу Тургеневу. Это дѣлаетъ перо его искреннимъ: «О ты, незабвенный; ты, увядшій въ цвѣтѣ лѣтъ, какъ увядаетъ лилія, прелестная, благовонная; гдѣ слѣды твои въ семъ мірѣ? Жизнь твоя улетѣла, какъ туманъ утренный, озлащенный сіяніемъ солнца». Хотя на «Марьиной Рощѣ» сильно отозвалась «Бѣдная Лиза», между обоими произведеніями неизмѣримая разница. «Бѣдная Лиза» —произведеніе сентиментализма, а «Марьина роща» несомнѣнно романическое произведеніе.

Лучшее мѣсто повѣсти—описаніе заброшеннаго терема, въ который ночью приходитъ Усладъ: «Входитъ въ широкія ворота, растворенныя настежъ—они скрипѣли и хлопали; входитъ на дворъ—все пусто и тихо. Дорога отъ воротъ до крыльца, окруженнаго высокими перилами, покрыта крапивою, полынью и репейникомъ. Усладъ съ трудомъ передвигаетъ ноги, наконецъ вступаетъ на крыльцо, идетъ къ двери... При свѣтѣ луны увидѣлъ онъ себя въ обширной горницѣ... вездѣ представлялись ему голыя стѣны, вездѣ царствовала тишина, изрѣдка нарушаемая шумомъ нетопырей, которые быстро надъ нимъ порхали. Наконецъ онъ видитъ маленькую дверь и узкую лѣстницу, обвившуюся винтомъ вокругъ столба: сердце его сильно затрепетало—эта лѣстница вела въ свѣтлицу Маріи. Усладъ идетъ по ступенямъ, входитъ въ свѣтлицу, ярко озаренную лучами луны, которая ударяла прямо въ раскрытыя окна. Душа его наполнялась неизъяснимымъ прискорбіемъ, когда онъ увидѣлъ себя въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ бѣдная Марія провела послѣдніе дни своей жизни, встрѣчая утро со вздохами, провожая вечеръ съ уныніемъ. Онъ находилъ горестное удовольствіе дышать тѣмъ воздухомъ, которымъ нѣкогда она дышала, какъ будто чувствовалъ, что въ тихой полуночной прохладѣ разливалось вокругъ него ея присутствіе. Все было ею наполнено... Въ одномъ углу брошены были ея пяльцы съ недоконченнымъ шитьемъ, которое почти истлѣло... Онъ сѣлъ подъ окно—глаза его устремились на Москву, которая тихо вилась подъ горою, отражая въ волнахъ своихъ и берега, покрытые лѣсомъ, и синее небо, усыпанное легкими серебристыми облаками; окрестности, одѣтыя прозрачною пеленою свѣтлаго сумрака, были спокойны; все молчало—и воздухъ, и воды, и рощи. Усладъ задумался; минувшее предстало его воображенію, какъ легкій призракъ...»[102]).

Картина эта, въ болѣе реальныхъ, жизненно-поэтическихъ чертахъ повторяется позднѣе въ поэмѣ Лермонтова «Бояринъ Орша» (1835):

...Вотъ и домъ
На берегу Днѣпра крутомъ...
Какъ призракъ сумраченъ и тихъ...
Онъ въѣхалъ на широкій дворъ:
Все пусто...
Онъ входитъ въ домъ—въ покояхъ ночь,
Закрыты ставни, полъ скрипитъ,
Пустая утварь дребезжитъ
На старыхъ полкахъ; лишь порой
Широкой, бѣлой полосой
Рисуясь на печи большой,
Проходитъ въ трещину ставней
Холодный свѣтъ дневныхъ лучей.
И лѣстницу Арсеній зритъ;

[102]) Сочиненіе В. А. Жуковскаго. Изд. 8-е. Т. V. Стр. 307.

Сквозь сумракъ онъ бѣжитъ, летитъ,
На верхъ, по шаткимъ ступенямъ.
...Онъ входитъ робкою стопой
Въ свѣтлицу дѣвы молодой.
Онъ руку съ трепетомъ простеръ,
Онъ ищетъ взоромъ милый взоръ,
И слабый шепчетъ онъ привѣтъ.
На взглядъ, на рѣчь отвѣта нѣтъ!
Однако смято ложе сна,
Какъ будто бы на немъ она,
Тому назадъ лишь день, лишь часъ,
Главу покоила не разъ,
Младенческій вкушая сонъ.
Но, приближаясь, видитъ онъ
На тонкихъ бѣлыхъ кружевахъ
Чернѣющій слоями прахъ,
И ткани паутинъ сѣдыхъ
Вкругъ занавѣсокъ парчевыхъ [103]).

Можно сказать, что какъ «Марьина роща»—«Бѣдная Лиза», въ которой сентиментализмъ замѣненъ романтизмомъ, такъ «Бояринъ Орша» ничто иное, какъ «Марьина роща», въ которомъ неопредѣленный романтизмъ замѣненъ столь-же неопредѣленнымъ байронизмомъ.

§ 6. Проза Батюшкова является дальнѣйшимъ шагомъ послѣ прозы Жуковскаго. Собственно въ первое десятилѣтіе вѣка имъ былъ написанъ (въ 1809 г.) только извѣстный «Отрывокъ изъ писемъ русскаго офицера о Финляндіи», вошедшій во всѣ хрестоматіи и долго заучивавшійся наизусть, какъ образцовая проза. Отрывокъ начинается, дѣйствительно, красивымъ и сильнымъ поэтичнымъ аккордомъ: «Я видѣлъ страну, близкую къ полюсу, сосѣднюю Гиперборейскому морю, гдѣ природа бѣдна и угрюма, гдѣ солнце грѣетъ постоянно только въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, но гдѣ, также какъ въ странахъ, благословенныхъ природою, люди могутъ находить счастіе. Я видѣлъ Финляндію отъ береговъ Кюменя до шумной Улеи» [104]).

Еще А. Д. Галаховъ указалъ, что отчасти этотъ отрывокъ представляетъ заимствованіе. «Въ описаніе финляндской природы, говоритъ В. И. Саитовъ, Батюшковъ внесъ заимствованія изъ сочиненія Ласепеда «Poétique de la musique». Извлеченная изъ этого сочиненія картина лѣсовъ и обитателей полярныхъ странъ помѣщена въ очень извѣстномъ въ свое время сборникѣ Фр. Ноеля и Фр. Делапласа: Léçons de littérature et de morale, который былъ извѣстенъ Батюшкову, какъ это видно изъ письма его къ Гнѣдичу 13 марта 1811 г. Кромѣ того на прозѣ Батюшкова замѣтно вліяніе Оссіана. Интересъ

[103]) Соч. Лермонтова. Изд. 5-е. Т. 2-й. Стр. 500—501.
[104]) Соч. К. Н. Батюшкова. Изд. 5-е общедоступное. Спб. 1887 г. Стр. 189.

къ сѣверной поэзіи дѣйствительно былъ возбужденъ главнымъ образомъ появленіемъ Макферсонова псевдоссіана [105]).

Г-жа Сталь, въ книгѣ своей: De la littérature considérée dans ses rapports avec les institutions sociales (1800 г.) формулировала различіе между южною и сѣверною поэзіей, признавъ начальнымъ источникомъ и типомъ первой Гомера, а второй Оссіана. «Что Батюшковъ рано познакомился съ Оссіаномъ, продолжаетъ В. И. Саитовъ, это видно изъ первой, извѣстной намъ, піесы его «Мечта» (1802—1803 гг.); а что въ Финляндіи впечатлѣнія оссіановской поэзіи пробудились въ немъ особенно сильно, это можно заключить изъ слѣдующихъ словъ его въ письмѣ къ Гнѣдичу, отъ 21 дек. 1808 г. изъ Вазы: «Купи... мнѣ... книгу:» «Ossian tradotte dall'abate Cesaroti». Я объ ней день и ночь думаю». Въ 1809 г. Батюшкову была уже извѣстна поэма Парни «Isnel et Aslega», содержаніе которой заимствовано изъ древне-скандинавскаго быта»[106]).

§ 7. Вліяніе «Оссіана», а также «Слова о Полку Игоревѣ», впервые переложеннаго на современное нарѣчіе Мусинымъ-Пушкинымъ въ 1800 году, замѣтно и на первыхъ повѣстяхъ Василія Трофимовича Нарѣжнаго.

Въ 1809 году вышла первая книга «Славянскихъ вечеровъ» съ слѣдующимъ посвященіемъ Петру Александровичу Буцкому: «Любезный другъ. Тебѣ приношу Славянскіе вечера мои. Дружба твоя доставила мнѣ возможность досуги свои проводить съ единственнымъ для меня удовольствіемъ; и поэтому первые плоды пріятныхъ трудовъ сихъ посвящаю твоему чувствительному сердцу. Пріими ихъ съ тѣмъ расположеніемъ, съ какимъ предлагаю. Тебѣ навсегда преданный В. Нарѣжный».

П. А. Буцкой долго служилъ въ Департаментѣ Удѣловъ, гдѣ въ 1824 году занималъ мѣсто начальника отдѣленія. В. И. Панаевъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» говоритъ о немъ: «Буцкой умный, пріятный, но нѣсколько флегматичный человѣкъ, побочный братъ графа Гурьева; онъ и другъ его, статскій-же совѣтникъ, даровитый Взметневъ были тогда одинъ правою, а другой лѣвою рукою министра Л. А. Перовскаго»[107]).

Въ первой книгѣ «Славянскихъ вечеровъ» помѣщено восемь повѣстей. Г-жа Бѣлозерская совершенно основательно называетъ ихъ «эпическими поэмами, писанными прозою». Въ нихъ Нарѣжный думаетъ возстановить Кіевскую старину въ формахъ, отчасти созданныхъ подъ вліяніемъ «Слова о полку Игоревѣ», отчасти Оссіана, переведеннаго Е. Костровымъ еще въ

---

[105]) Fragments of ancient poetry, collected in the Highlaads and translated from the gaelic or erse languge. 1760 г.

[106]) Соч. В. Батюшкова. Т. 2-й. Примѣчанія В. И. Саитова. Стр. 382 и 383.

[107]) «Вѣстникъ Европы» 1867 г., сентябрь—декабрь. Стр. 123—124. Цитата г-жи Бѣлозерской. «Нарѣжный». Ч. II-я. Стр. 65.

1792 г. Въ послѣднемъ убѣждаютъ параллельныя выписки, данныя г-жею Бѣлозерской на 69 стр. ея прекраснаго изслѣдованія. Кромѣ «Слова», Нарѣжный пользуется преданіями лѣтописей и другихъ памятниковъ, и, видимо, стремится внести въ разсказъ элементъ народности. На «Славянскихъ Вечерахъ», говоритъ г-жа Бѣлозерская, отразился талантъ Нарѣжнаго, какъ это доказываютъ прекрасныя изображенныя имъ картины, художественныя и поэтическія выраженія; но они проходятъ незамѣтно среди множества славянскихъ и устарѣлыхъ случайно вставленныхъ словъ, а также искусственно созданныхъ архаизмовъ. Авторъ, какъ-бы намѣренно, испестрилъ ими текстъ повѣстей съ цѣлью придать старинный колоритъ своему слогу, согласно изображаемой эпохѣ. Болѣе простъ языкъ повѣстей «Кій и Дулебъ» и «Славенъ». Н. И. Гречъ въ книгѣ «Избранныя мѣста изъ русскихъ сочиненій и переводовъ» изд. въ 1812 г. приводитъ, въ числѣ образцовъ русской прозы, выдержки именно изъ повѣсти «Кій и Дулебъ». Это доказываетъ, насколько вообще цѣнилась проза «Славянскихъ вечеровъ». По содержанію повѣсти представляютъ «смѣсь лѣтописныхъ и былинныхъ разсказовъ, мотивовъ западныхъ рыцарскихъ романовъ и самобытнаго творчества автора».

«Кій и Славенъ» одинаково авляются просвѣтителями дикихъ племенъ, нѣкогда населявшихъ берега Днѣпра и Ильменя, научаютъ ихъ чтить велѣнія боговъ, даютъ имъ миръ и судъ, открываютъ таинства земледѣлія и судоходства, и дикія племена одни за другими подчиняются ихъ кроткому скипетру... Въ четырехъ слѣдующихъ повѣстяхъ: «Рогдай», «Велесилъ», «Громобой» и «Ирена», авторъ «Славянскихъ вечеровъ» изображаетъ кіевскихъ богатырей временъ Владиміра; но выведенные имъ герои и романическіе рыцари, кромѣ нѣкоторыхъ чертъ и внѣшней обстановки, имѣютъ мало общаго съ простодушными витязями русскихъ былинъ. «Рогдай» не уступаетъ въ храбрости Ильѣ Муромцу и другимъ былиннымъ богатырямъ, но рѣзко отличается отъ него резонерствомъ и высокопарными рѣчами въ патріотическомъ духѣ. «Велесилъ», одинъ изъ древнихъ витязей двора Владиміра, представляетъ собою примѣръ рѣдкаго постоянства въ любви достойнаго средневѣковыхъ рыцарей... Повѣсть «Громобой», по общему характеру и романической развязкѣ, напоминаетъ старые рыцарскіе романы... Въ повѣсти «Ирена» авторъ рисуетъ картину благоденствія Кіевлянъ подъ кроткимъ правленіемъ Владиміра. Но чужое счастье «наполняетъ завистью черныя души вѣроломныхъ грековъ», — которые, съ цѣлью лишить Владиміра храбрыхъ витязей, его главной опоры,—отправляютъ ко двору кіевскому коварную Ирену, первую любовницу Кесаря [108]).

[108]) «В. Т. Нарѣжный». Очеркъ Н. Бѣлозерской. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Стр. 70, 71, 72.

Въ журналѣ Бенпцкаго «Цвѣтникъ» былъ данъ сочувственный отзывъ о «Славянскихъ Вечерахъ». Рецензентъ называетъ повѣсти Нарѣжнаго «весьма удачнымъ подражаніемъ Оссіану», находитъ, что «картины у него разительны, мысли высоки, выраженія благородны и сильны, слогъ величественъ, чистъ и плавенъ». «Кому не нравится такая превосходная проза!» восклицаетъ онъ. Дѣйствительно, повѣсти Нарѣжнаго для своего времени являются важнымъ литературнымъ вкладомъ. Самая область, которую затронулъ авторъ—Владиміръ и его богатыри, показываетъ большую чуткость. Мысль о національной, народной поэмѣ занимала всѣхъ писателей той эпохи.

§ 8. Намъ остается теперь только разсмотрѣть замѣчательный романъ Александра Ефимовича Измайлова: «Евгеній или пагубныя слѣдствія воспитанія и сообщества». Въ предисловіи авторъ говоритъ: «Самолюбіе, сродное всякому, а особливо автору, увѣряетъ меня, признаюсь, что сей мой романъ можетъ быть нѣсколько пріятенъ и даже полезенъ... Извиняюсь, что я еще очень молодъ, что въ первый еще разъ занялся такимъ немаловажнымъ сочиненіемъ, каковъ романъ, что написалъ его скоро въ небольшое, остающееся отъ должности время, если только можно онымъ извиняться»[109]).

Авторъ начинаетъ біографію своего героя его родословной. Дѣдъ его, «служившій канцеляристомъ, издерживалъ въ питейныхъ домахъ весь свой окладной и неокладной доходъ», «оставя послѣ себя сыну одинъ старый войлокъ». Однако отецъ Евгенія, носящій фамилію Негодяева, нажилъ себѣ службой достаточный «кусокъ хлѣба», въ видѣ земли, крестьянъ и капитала. На другой день родинъ отецъ Евгенія, «сѣвши возлѣ постели своей жены», сталъ говорить ей такъ: «когда же матушка окрестишь новорожденнаго, и кто у насъ будетъ кумою и кумомъ?»—«Постой, папинька, отвѣчала она, надобно намъ съ тобою прежде еще подумать о томъ, какъ бы записать его въ гвардію». И Евгеній былъ записанъ въ гвардію сержантомъ, при чемъ ему выданъ былъ паспортъ, въ которомъ было сказано, что такой-то увольняется въ отпускъ для продолженія и окончанія наукъ. Далѣе слѣдуетъ описаніе выращиванія барченка. «Самая толстая и самая глупая была выбрана изъ всѣхъ крестьянокъ для вскормленія господскаго сына грубыми своими сосцами, отъ которыхъ былъ для сего отнятъ недѣльный еще ея сынъ...» Въ штатѣ его состояло болѣе десяти нянюшекъ, мамушекъ и ихъ дѣтей. Иныя его одѣвали, иныя раздѣвали; однѣ разсказывали ему любопытныя повѣсти объ чертяхъ и прекрасныхъ царевнахъ; другія забавляли его разными играми, тѣ крали у него конфекты, тѣ игрушки. Евгеній выросъ и его отдали въ пансіонъ съ платою по 400 рублей въ годъ. Содержатель пансіона былъ г. Езельманнъ, «человѣкъ умный и пожилой, который

---

[109]) Цитируемъ по изданію сочиненій Измайлова 1891 г. Томъ 3-й.

безпрестанно занимался куренiемъ табаку и своими выгодами». Въ пансiонѣ было два отдѣленiя – одно для дѣвицъ, другое для молодыхъ людей. «Каждую середу и субботу всѣ пансiонеры и пансiонерки собирались въ большую залу, первые будучи причесаны къ лицу искуснымъ парикмахеромъ, надѣвши на себя новомодные фраки и легкiе англiйскiе башмачки; послѣднiя же, имѣя нерадиво завитые, распущенные по плечамъ локоны, и подобные бѣлизною снѣгу, на себѣ темизы, препоясанныя лентою любимаго цвѣта. Едва г. Коверкинъ (учитель танцевъ) давалъ знакъ рукою, то сидѣвшiе въ углу зала два красноносые музыканта начинали соглашать свои инструменты, а ученики его большiе и малые подходили съ петиметрскою осанкою и поклонами къ дѣвицамъ, прося ихъ съ собою танцовать, и представляя имъ въ лайковой перчаткѣ свою руку; тѣ же подавали имъ свою съ прiятною улыбкою и жеманствомъ. Однако результаты совмѣстнаго общенiя были печальные. Одна изъ пансiонерокъ, обнадеженная клятвами Евгенiя и его письмомъ, стала отъ него матерью. Дѣло раскрылось. Впрочемъ, Евгенiй сумѣлъ выпутаться. Отъ своего отца онъ получилъ только наставленiе, что «говорить все и божиться безъ свидѣтелей можно, а на бумагѣ надо писать осторожно».

Евгенiй поступаетъ въ университетъ. Здѣсь онъ сходится съ однимъ студентомъ. Развратинъ (такъ онъ назывался) былъ посредственныхъ дарованiй, посредственныхъ знанiй, испорченныхъ нравовъ и испорченнаго сердца, хвасталъ какъ педантъ, пилъ какъ ремесленникъ, игралъ на билліардѣ какъ маркеръ, злословилъ какъ богомолка и умѣлъ съ несказаннымъ искусствомъ жить на счетъ другихъ. Онъ не наблюдалъ ни естественнаго закона, ни христiанскаго, вытвердилъ противъ послѣдняго нѣсколько возраженiй, которыхъ никогда не изслѣдовалъ, нѣсколько также именъ славныхъ вольнодумцевъ, и повторялъ тѣ и другiя безпрестанно передъ глупцами своихъ лѣтъ, спорилъ съ кѣмъ могъ, «получилъ имя бойкаго». Въ типахъ Евгенiя и Развратина можно видѣть прообразъ Гринева и Швабрина «Капитанской дочки» Пушкина. Развратинъ темнаго происхожденiя. Отецъ его служилъ секретаремъ въ гражданской палатѣ въ губернiи. «Въ секретарскомъ домѣ не имѣлось недостатка въ нужныхъ вещахъ. Бутыли, штофы и полуштофы съ настоянными виномъ и водкою на различныхъ ягодахъ и цѣлебныхъ травахъ покрывали въ чуланѣ длинныя двѣ полки; въ погребѣ же всегда стояли на льду двѣ, или три бочки вкуснаго и крѣпкаго пива, да одна меду». «Батюшка мой, разсказываетъ Развратинъ, былъ изъ тѣхъ людей, которые любятъ, чтобы ихъ провожали изъ гостей подъ руки... Будучи еще я не великъ, глупъ, перенималъ у своего отца пить, какъ молодая обезьяна». Первоначально онъ учился въ семинарiи, гдѣ былъ первымъ ученикомъ. Никто не могъ лучше его сдѣлать стиховъ, рѣчи или хрiи. Въ диспутахъ особливо не находилъ онъ себѣ соперника. Этотъ вольнодумецъ и кутила семина-

ристъ становится менторомъ молодого дворянчика. Евгеній, пробывъ полъ-года въ университетѣ, отправляется въ Петербургъ, въ гвардію, добывать офицерскій мундиръ. Съ нимъ ѣдетъ и Развратинъ.

«Скоро все стало готово къ отъѣзду въ Петербургъ будущаго гвардейскаго офицера. Чемоданы и сундуки съ нужнымъ бѣльемъ и платьемъ, легкая пуховая перина и подушки, тяжелый погребчикъ, большіе короба съ изготовленнымъ на дорогу кушаньемъ, со всякимъ пирожнымъ и вареньемъ положены были въ повозки».

«Набожный родитель благословилъ Евгенія образомъ старинной работы, на которомъ была положена кованая серебряная риза, и который удержалъ онъ у себя вмѣсто залога отъ одной бѣдной вдовы. Потомъ, подавая туго набитый бумажникъ, говорилъ ему со слезами: Береги свое здоровье; по праздничнымъ днямъ ходи на поклонъ къ своимъ командирамъ, чтобы они были до тебя милостивы».

— Старайся, душенька, прервала мать, имѣть входъ въ лучшіе большіе дома. Не скучай знатнымъ дамамъ дѣлать компанію въ карточной игрѣ и въ промена дахъ, выполняй всѣ ихъ комиссіи, черезъ это можешь получить себѣ счастье... Ты не очень прилежи къ службѣ. Когда достанется идти въ караулъ въ сырую или холодную погоду, такъ можно за себя и нанять кого нибудь другого. Ружьемъ учиться тебѣ не совѣтую; ты малый молодой, нѣжнаго воспитанія; гдѣ тебѣ вертѣть эдакимъ чортомъ, фунтовъ въ пятнадцать!.. Да и зачѣмъ? Вѣдь ты не солдатской сынъ.— Чтобы блеснуть въ большомъ кругу, не жалѣй денегъ, ни на экипажъ, ни на платье: этого мало перенимать у другихъ моды; старайся, чтобы ихъ у тебя перенимали. — Слушаю, матушка сударыня, слушаю. — Сколько когда тебѣ, Евгеніюшка, понадобится денегъ, пиши ко мнѣ...—Слушаю, батюшка сударь, слушаю.

Снабженный благословеніемъ, наставленіями родительскими и деньгами, барченокъ выѣзжаетъ.

«На переди ѣхала большая и покойная кибитка, запряженная четвернею красивыхъ вороныхъ лошадей. На козлахъ сидѣлъ широкоплечій кучеръ, на запяткахъ же стоялъ высокій гусаръ, оба получившіе отъ природы и упражненія великую силу, передъ которыми, когда они бывали въ питейномъ домѣ, трепетала дюжина фабричныхъ. Въ самой же повозкѣ, распростерпись на мягкой перинѣ, лежалъ Евгеній въ медвѣжьей шубѣ, и съ нимъ другъ его, просвѣщенный Развратинъ, занимавшій его своею бесѣдою... За сею кибиткою слѣдовала другая, влекомая парою лошадей, управляемыхъ малорослымъ и пригожимъ форейторомъ. Въ ней сидѣли Евгеніинъ камердинеръ и парикмахеръ, первый одѣвавшій, а послѣдній чесавшій со вкусомъ своего господина. Третью повозку, въ которой лежалъ поваръ, заплывшій въ жиру, какъ упитанный каплунъ, тащилъ одинъ сильный меринъ. Симъ животнымъ правила сидящая на мѣстѣ кучера въ синей шинели одна

изъ тѣхъ крѣпостныхъ тварей, которыхъ стараются у себя имѣть помѣщики, не могущіе жить безъ тяжбы со своими сосѣдями, и которые, обучаясь ябедѣ и таскаясь по судамъ съ ребячьихъ лѣтъ, не уступаютъ самимъ крючкотворцамъ ни въ крючкотворствѣ, ни въ пьянствѣ, словомъ, это былъ домашній адвокатъ. Шествіе замыкалось пятью возами, ѣдущими другъ за другомъ, на которыхъ накладенъ былъ деревенскій запасъ, состоявшій изъ разнаго рода, какъ хлѣба, такъ и живности».

Друзья рѣшаютъ, однако, заѣхать проститься «съ Катенькой и Аннушкой». Въѣхавши на дворъ большого дома, котораго ворота были всегда и для всѣхъ отворены, идутъ они въ четвертый этажъ по узкой и крутой лѣстницѣ, въ сопровожденіи Сидки и Мишки, изъ которыхъ первый несъ кулекъ съ портеромъ, а послѣдній фонарь. У Катеньки, однако, находятъ они въ гостяхъ «дебелое чудовище въ синемъ русскомъ кафтанѣ, имѣвшее на головѣ и подбородкѣ всклоченные рыжіе волосы, на лицѣ свѣжіе и поджившіе рубцы». Это былъ мясникъ, прославившійся въ питейныхъ домахъ и кулачныхъ бояхъ. Слѣдуетъ баталія. Мясника сбрасываютъ съ лѣстницы.

«Черезъ пять минутъ Евгеній, Катенька и Развратинъ сѣли на разостланный посреди комнаты коверъ, на которомъ стояла большая чаша съ пуншемъ, окруженная бутылками съ портеромъ и съ винами. Кучеръ, гусаръ, призванные имъ въ пособіе камердинеръ, парикмахеръ, форейторъ, поваръ и крѣпостной адвокатъ составили въ углу горницы громкій хоръ. Съ голосами ихъ смѣшался стукъ бутылокъ, звонъ стакановъ; журчаніе пѣнящихся винъ и портера, чоканье поцѣлуевъ и радостныя восклицанія. Качай! кричалъ Развратинъ, разбивая въ дребезги опорожненную имъ бутылку. Качай! повторяли Евгеній и Катенька, чокаясь другъ съ дружкой губами и стаканами».

— Долгонько вы, бояре, тутъ засидѣлись, мы прозябли всѣ стоя, да и лошадки также, сказалъ одинъ изъ пятерыхъ мужиковъ, ѣхавшихъ съ возами, который со своими товарищами дожидался у воротъ на морозѣ.

— Су-кинъ ты сынъ! дол-гонько за-си-дѣлись? смѣешь го-во-рить это! вскричалъ Евгеній, давъ ему изрядную пощечину. Я с-съ тобой раз-дѣлаюсь, дай мнѣ до завт-рева...

Всѣ эти сцены во вкусѣ Теньерса и Гогарта очевидно списаны прямо съ натуры. Типъ разночинца, приживающагося около богатенькаго барченка, пріятеля Евгенія умнаго, рѣчистаго трактирнаго вольтеріанца на семинарской подкладкѣ и самъ простоватый, распущенный, грубый и лѣнивый Евгеній обрисованы превосходно. Въ Петербургѣ онъ въ точности выполняетъ наставленія своихъ родителей.

Описывается богатый домъ нѣкоего надворнаго совѣтника, его вѣтреная жена и дочери. Евгеній, держа въ одной рукѣ шляпу, другою же оправляя

свое жабо, шаркая ногами, съ моднымп изгибаніями стана и съ жестировкою россійскаго петиметра входитъ въ залу, гдѣ старшая дочь въ бѣлой темизѣ и съ распущенными по плечамъ локонами, сидитъ за фортепьяно, играетъ на немъ и поетъ съ нѣжностію куплетъ извѣстной пѣсни:

Онъ сталъ бы меня, нѣжа,
Ласкать и цѣловать,
Я-бъ ласки ему тѣ же
Старалась оказать.

Нравы семьи надворнаго совѣтника оказываются, конечно, подъ стать этой пѣсенкѣ. Описывая приключенія Евгенія въ столицѣ, кончающіяся очень печально, авторъ рисуетъ и его дворню: пьяницу гусара Мишку, картежника камердинера Андрюшку, лакомку парикмахера Сеньку, вора повара Матвѣя и плута стряпчаго Лукьяна. Грубый и темный бытъ тогдашняго барства средней руки воспроизведенъ съ тѣмъ безпощаднымъ реализмомъ, который проявляется и въ басняхъ Измайлова. Романъ его, появившійся на рубежѣ двухъ столѣтій, по всей справедливости, должно признать первымъ русскимъ, реальнымъ романомъ.

Перу Измайлова принадлежитъ еще небольшая «раздирательная» повѣстушка «Бѣдная Маша» (1833 г.), слабое подражаніе Карамзину и двѣ «восточныя повѣсти», на которыхъ отразилось «дней Александровыхъ начало» «Ибрагимъ и Османъ» и «Наставленіе стараго индійскаго мудреца молодому государю».

Измайловъ родился 14-го апрѣля 1779 г. Умеръ 16-го января 1831 г. въ Петербургѣ и похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Замѣчателенъ его трактатъ: «Разсужденіе о нищихъ» (1804 г.). Онъ замѣчателенъ не только какъ романистъ, но всего больше, какъ баснописецъ и, наконецъ, журналистъ и благотворитель. Сначала онъ издавалъ «Цвѣтникъ» и «С.-Петербургскій Вѣстникъ» (1809—1812 гг.). Съ 1818 по 1826 включительно — «Благонамѣренный». Въ 1826 году онъ былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Тверь, а въ 1828 г. въ Архангельскъ. Борьба съ взяточниками и губернаторомъ лишила его мѣста. Оклеветанный, онъ крайне нуждался. Дѣло его однако было разсмотрѣно въ 1830 г. и правота его восторжествовала. Передъ смертью онъ былъ преподавателемъ словесности въ Пажескомъ корпусѣ и привязалъ къ себѣ воспитанниковъ. О немъ, какъ баснописцѣ, мы говоримъ ниже.

БИБЛІОГРАФІЯ. Басни и сказки Измайлова. Спб. 1814 г. 7-е изд. въ 2-хъ част. Спб. 1862 г. Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Спб. 1826. Полное собраніе соч. изд. Смирдина, 2 т. Спб. 1846 г. Изданіе 1891 г. въ трехъ частяхъ довольно небрежное. Кубасовъ. «Александръ Ефимовичъ Измайловъ». Подробная біографія («Русск. Старина» 1900 г. Іюнь и далѣе: Въ продажу пущены отдѣльные оттиски). Галаховъ. Статьи объ Измайловѣ: біографія и критич. разборъ: Современникъ 1849 г. т. XVIII. Стр. 60—97.

1850 г. №№ 10 (стр. 53 — 100) и 11 (стр. 1 — 64). А. Н. Пыпинъ. Исторія русской литературы, т. IV, стр. 291. См. еще статьи въ Русской Старинѣ 1875 г., т. XVI. «Дѣло», 1879 г. № 4. Г. Н. Геннади. Кое - что о русскихъ поэтахъ. Сборникъ въ память А. Смирдина. Т. VI, стр. 101 — 117. (Спб. 1859 г.). Смотри у Вигеля и М. А. Дмитріева. Письма Измайлова («Русск. Архивъ». 1864 г. №№ 7 и 8). Письма его къ Н. Ф. Грамматину. (Сообщ. В. А. Борисовымъ). Библіограф. Записки. 1859 г. №№ 13 — 14, т. II, стр. 410—415 и 417—427; Изъ бумагъ Н. И. Греча. (Поздравленіе его съ именинами Измайловымъ). Русскій Архивъ. 1869 г. № 3; стр. 599—608.

III.

§ 1. Въ области поэзіи въ первое десятилѣтіе вѣка главнымъ образомъ замѣчается развитіе такъ называвшейся поэзіи «легкой», въ противуположность громкой, напыщенной и торжественной лирикѣ XVIII столѣтія. Впрочемъ, уже Державинъ вводитъ въ оду, «забавный, русскій слогъ» и говоритъ «съ улыбкой» истины царямъ. Необходимо помнить, что Державинъ достигалъ порою высокой гармоніи и красоты стиха. Его оды— «Водопадъ», «Вельможа», «Осень во время осады Очакова», «Фелицѣ», «Видѣніе мурзы» и др., ничто иное въ сущности, какъ поэмы, съ разнообразными картинами съ элементомъ народной, сказочной чудесности на ряду съ классическими божествами, съ поразительно точными описаніями русской природы. Еще въ раннихъ произведеніяхъ Державина можно найти примѣры замѣчательнаго благозвучія. Такова пьеса «Объявленіе любви», написанная еще въ 1770 г., начало которой:

Хоть вся теперь природа дремлетъ,
Она моя любовь не спитъ,
Твои движенья, вздохи внемлетъ
И только на тебя глядитъ...—

полно задушевной грусти. Столь - же гармонично стихотвореніе «Разлука» (1776 г.)

Неизбѣжнымъ уже рокомъ
Разстаешься ты со мной.
Во стенаніи жестокомъ
Я прощаюся съ тобой.
Обливаюся слезами.
Скорби не могу снести:
Не могу сказать словами —
Сердцемъ говорю—прости!
Руки. грудь. уста и очи
Я цѣлую у тебя.
Не имѣю больше мочи
Раздѣлить съ тобой себя.

Несомнѣнно, что замѣчательные по красотѣ и силѣ стихи въ одѣ «Къ первому сосѣду» (1780 г.).

Гремитъ музыка; слышны хоры
Вкругъ лакомыхъ твоихъ столовъ —

впослѣдствіи отозвались въ первомъ стихѣ «Египетскихъ ночей» Пушкина:

Чертогъ сіялъ; гремѣли хоры.

Батюшковъ признавалъ благозвучнѣйшими во всей современной ему русской поэзіи слѣдующіе стихи Державина, представляющіе начало «Видѣнія Мурзы» (1783 г.).

На темно-голубомъ эфирѣ
Златая плавала луна:
Въ серебряной своей порфирѣ
Блистаючи съ небесъ, она
Сквозь окна домъ мой освѣщала
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ...
...Вокругъ вся область почивала,
Петрополь съ башнями дремалъ,
Нева изъ урны чуть мелкала,
Чуть Бельтъ въ брегахъ своихъ сверкалъ.
Природа въ тишину глубоку
И въ крѣпкомъ погруженна снѣ,
Мертва казалась слуху, оку
На высотѣ и въ глубинѣ.

Изъ картинъ русской природы замѣчательна слѣдующая въ «Осени во во время осады Очакова» (1788 г.), несомнѣнно отзывающаяся въ нѣкоторыхъ строкахъ «Евгенія Онѣгина».

Уже стада толпятся птичьи;
Ковыль сребрится по степямъ;
Шумящи красножелты листья
Растлались всюду по тропамъ...
Въ опушкѣ заяцъ быстроногій,
Какъ холпикъ посѣдѣвъ, лежитъ;
Лавецки раздаются роги,
И выжлятъ лай и гулъ гремитъ...
...Виситъ по небу мгла вокругъ,
А на коврахъ полей зеленыхъ
Лежитъ разсыпанъ бѣлый пухъ.
Пустыни сѣтуютъ и долы,
Голодны волки воютъ въ нихъ;
Древа стоятъ и холмы голы
И не пасется стадъ при нихъ.

Ушелъ олень на тундры мшисты,
И въ логовище легъ медвѣдь;
По селамъ нимфы голосисты,
Престали въ хороводахъ пѣть;
Дымятся сѣрымъ дымомъ домы,
Поспѣшно ѣдетъ путникъ въ путь.

Общее настроеніе, лаконизмъ, многія черты этого описанія перенесены Пушкинымъ, конечно безсознательно, въ «Евгеніи Онѣгинѣ»:

Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась.
Ложился на поля туманъ...
...Встаетъ заря во мглѣ—холодной,
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуя конь дорожный
Храпитъ—и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ:
На утренней зарѣ пастухъ
Не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣва...
Въ избушкѣ распѣвая дѣва
Прядетъ...

Невольно напрашивается сопоставленіе и этихъ извѣстныхъ картинъ Державина и Пушкина:

Борей на осень хмуритъ брови
И зиму съ сѣвера везетъ...
Идетъ сѣдая чародѣйка,
Косматымъ машетъ рукавомъ
И хладъ, и снѣгъ и иней сыплетъ,
И воды претворяетъ въ льды.

Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,
Дохнулъ, завылъ—и вотъ сама
Идетъ волшебница зима.
Пришла, разсыпалась... и т. д.

Такія небольшія поэмы—баллады Державина, какъ «Ласточка», «Призываніе и явленіе Плѣниры», «Мечта» (1794, 1795 гг.) полны неподдѣльной поэзіи, красоты и гармоніи. Послѣдніе годы жизни маститый пѣвецъ много писалъ «легкихъ піесъ». Въ 1804 г. вышло цѣлое собраніе ихъ подъ заглавіемъ «Анакреонтическія пѣсни», начинающіяся «Приношеніемъ красавицамъ»:

Вамъ красавицы младыя
Пѣсни Леля золотыя
Подношу я...

Невольно просятся эти стихи на сближеніе съ «посвященіемъ» къ «Руслану и Людмилѣ» Пушкина:

Для васъ, души моей царицы,
Красавицы, для васъ одних.
Временъ минувшихъ небылицы...

Укажемъ на слѣдующія пьесы Державина, представляющія переходъ отъ громкаго одопѣнія къ «легкой» поэзіи: «Тишина» (Не колыхнетъ Волховъ темный, не шелохнетъ лѣсъ и долъ...); «Вѣнчаніе Леля»; «Бесѣда съ геніемъ».

Бѣлокуръ, голубоокъ
Молодъ и лицомъ прикрасенъ,
Ростомъ строенъ и высокъ,
Тихъ, привѣтливъ и пріятенъ
Взору, сердцу и уму... (1801 г.)

«Похвала Розѣ»; «Кузнечикъ« (Счастливъ, золотой кузнечикъ, что въ лѣсу куешь одинъ...); «Бабочка»; «Хмѣль»; «Мореходецъ» (Что вѣтры мнѣ и сине море? Что громъ и штормъ и океанъ?) (1802 г.); «Четыре возраста».

Какъ свѣтятся блестки
На розѣ росы,
Такъ милы усмѣшки
Невинной красы...
...А быстро журчащій
Межъ розъ и лилей,
Какъ перломъ блестящій
По лугу ручей:
Такъ юности утро,
Играя, течетъ... (1805 г.).

«Соломонъ и Суломита» (изъ «Пѣсни пѣсней»), 1807 г.

Въ этихъ стихотвореніяхъ, не смотря на всѣ условности стиля, и обычныя Державину грѣхи, много граціи и своеобразной прелести. Можно сказать, что для поэзіи въ этихъ стихотвореніяхъ больше сдѣлано, чѣмъ въ стихахъ другихъ поэтовъ—Карамзина, Капниста и Дмитріева, хотя для гладкости и легкости стиха послѣдними сдѣлано больше. Изъ «маститыхъ» поэтовъ въ первое десятилѣтіе вѣка еще былъ живъ и писалъ авторъ знаменитыхъ въ свое время «ироическихъ піимъ», «Россіады» и «Владиміра». Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ (Род. въ 1733 г. ум. 1807). Въ 1800 г. вышла его поэма въ 7 пѣсняхъ, «Спасенный Новгородъ», въ 1803 г. «Бахаріана» опытъ сказочной поэмы весьма замѣчательный для своего времени. Но особенно интересно дидактическое стихотвореніе Хераскова «Поэтъ», вышедшее въ Москвѣ, 1805 года. Это—ars poetica стараго классика, на которой однако замѣтно уже отраженіе новыхъ эстетическихъ взглядовъ. Приводимъ извлеченія изъ этого произведенія:

Воспользуйся моимъ, о! юноша совѣтомъ...
...Поэтъ-ли ты?—Когда желаешь испытать,
Энея вздумаешь, Ильяду-ли читать,
Почувствуй, мыслями преносишься-ль подъ Трою?..

...Торкватова тебя прельщаетъ-ли Армида?..
...И рай потерянный, когда поетъ Мильтонъ,
Приводитъ ли тебя во изумленье онъ?..
...Дерзая на Парнасъ за геніями въ путь
Повѣствователемъ и живописцемъ будь...
...Когда звѣздой своей содѣланъ ты поэтъ,
Пиши, какъ будто-бы другихъ поэтовъ нѣтъ;
Къ натурѣ обрати душевное вниманье;
Другимъ послѣдовать, есть только подражанье;
Чужихъ дѣтей нельзя законнымъ быть отцомъ.
Богъ создалъ міръ! И ты будь мысленно творцомъ.
Забудь Виргилія и Тисса, и Гомера:
При вымыслахъ бѣги писателей примѣра;
Изъ собственныхъ даровъ искусство почерпай...
...Потребно знаніе, потребно намъ искусство;
И Ломоносовъ бы не знаемъ въ мірѣ былъ,
Когда-бъ науками ума не просвѣтилъ...
...Ко всякому имѣй вниманье ремеслу...
...Дабы соколъ въ стихахъ не ласточкой леталъ,
И въ рощахъ соловей не коршуномъ свисталъ;
Вникая въ Физику, науку знай врачебну,—
И Географію, стихамъ твоимъ потребну;
Читай Исторію...
...Изъ Мифологіи чудесность почерпай
И вымыслами насъ разумно восхищай...
...Языкъ свой знать—читай писанія духовны...
...Не порти Русскаго французскимъ языка...
Не слушай тѣхъ невѣждъ, ни мнѣній, ни совѣтовъ,
Которы думаютъ, безъ чувствъ судя поэтовъ,
Что много мыслей тамъ, и много тамъ ума,
Гдѣ пустословіе, нелѣпица и тьма;
Стихи тогда умны, разительны, прекрасны,
Когда естественны, замыслоьаты, ясны;
Искавъ бесѣды музъ уже я посѣдѣлъ,
И можетъ быть всегда стихи нестройно пѣлъ,
Кому-нибудь они быть могутъ непріятны;
Пусть такъ!—мои стихи не пышны, но понятны.
Когда горитъ въ тебѣ людей смѣшить охота,
Сварливаго представь, педанта или мота,
Надменнаго глупца, завистника представь;
Стыди, гони порокъ, но добродѣтель славь.
...Для пламенныхъ страстей, для нѣжностей любви,
На помощь нѣжнаго Расина призови...
...Трагедіи писать намъ подали примѣръ,
Софоклъ, Эсхилъ, Расинъ, Корнелій и Вольтеръ.
Великихъ мы пѣвцовъ во всѣхъ имѣемъ родахъ:
Со Ломоносовымъ пари въ гремящихъ одахъ;
Шути съ Державинымъ, иль Бога воспѣвай.
И съ Лафонтенами въ насъ притчахъ научай.
Коль хочешь ты создать Эпическу поэму,

Сыщи приличную великой цѣли тему;
Летай въ ней, какъ Зефиръ, или какъ вѣтръ бунтуй,
Обворажай меня, картины мнѣ рисуй...
Не бабочкой съ стиха на стихъ перелетай,
Сложивъ одинъ, не разъ стишокъ свой прочитай,
Нельзя-ль еще его красивѣе составить;
Картины рисовавъ, ихъ часто можно править...
...Дерзая на Парнасъ, того не позабудь,
Что Музы существа божественнаго суть;
Рѣчами подлыми не оскорбляй ихъ слуха...
...Благопристойно плачь, и съ разумомъ смѣши;
Не развращай въ стихахъ читателевыхъ нравовъ;
Держись предписанныхъ въ поэзіи уставовъ;
Люби, люби ея небесну красоту...
...Послѣдуй истиннымъ и древнимъ тѣмъ законамъ,
Какія Флакъ писалъ въ письмѣ своемъ къ Пизанамъ,
Боалову имѣй науку о стихахъ,
Всегда на памяти и часто на устахъ;
Что въ наставленіяхъ намъ предалъ Сумароковъ,
Тѣхъ правилъ не забудь...

Здѣсь мы видимъ, что старый стихотворецъ началъ совершенно новыми идеями о свободѣ творчествѣ и натурализмѣ («пиши, какъ будто бы другихъ поэтовъ нѣтъ; къ натурѣ обрати вниманье»), но сейчасъ же сбивается на старое подражаніе образцамъ и украшеніе природы («съ Ломоносовымъ пари» «шути съ Державинымъ» и т. д. «обворожай»). Въ совѣтахъ: «читай писанія духовны», «не порти русскаго—французскимъ» слышенъ Шишковъ. Но рядомъ отзываются «карамзинисты». Онъ протестуетъ противъ «тьмы» въ стилѣ Шихматова, стоитъ за «ясность», какъ Вас. Льв. Пушкинъ и завершаетъ однако тѣмъ, что «стишекъ» надо стараться «красивѣе составить», а слѣдовать «уставамъ» Горація, Буало и... Сумарокова.

§ 2. Стихотворческая дѣятельность Карамзина относится къ послѣднему десятилѣнію XVIII-го вѣка. Въ первые годы XIX-го столѣтія онъ уже совершенно оставляетъ стихи для прозы романической, дидактической и наконецъ, исторической. Однако, по настроенію и содержанію поэзія Карамзина уже всецѣло принадлежитъ той переходной эпохѣ первыхъ двухъ десятилѣтій нашего вѣка, которая характеризуется произведеніями Батюшкова, Жуковскаго и юнаго Пушкина. Это совершенно понятно, такъ какъ кризисъ французскаго гуманизма или, какъ принято говорить, ложно-классицизма на западѣ наступилъ уже въ послѣднія десятилѣтія XVIII-го вѣка и Карамзинъ первый воспринялъ у насъ впечатлѣнія этого кризиса. Хотя Карамзинъ и писалъ оды на восшествіе Александра I, но въ общемъ онъ отказывается отъ програмнаго офиціальнаго и публицистическаго рифмотворства предшествующаго столѣтія. Въ стихотвореніи — «Отвѣтъ моему пріятелю,

который хотѣлъ, чтобы я написалъ похвальную оду великой Екатеринѣ» (1793 г.) Карамзинъ говоритъ, что «бѣдный чижикъ не дерзнетъ пѣть гремящей Зевса славы». Сравненіе съ чижикомъ повторяетъ позднѣе, въ одной изъ басенъ, Крыловъ, отказываясь «пѣть Александра». Въ стихахъ Карамзина находимъ не только сентиментализмъ, но и зачатки романтизма въ полномъ значеніи этого термина. Во первыхъ у Карамзина находимъ первыя баллады: «Древняя баллада Раиса» и «Графъ Гвариносъ, древняя Гишпанская историческая пѣсня». Затѣмъ въ стихотвореніи «Кладбище» переговариваются какъ-бы два голоса, изъ которыхъ одинъ представляетъ направленіе романтическое, а другой—сентиментальное.

Одинъ голосъ.

Страшно въ могилѣ, хладной и темной!
Вѣтры здѣсь воютъ, гробы трясутся,
Гнилыя кости стучатъ.

Другой голосъ.

Тихо въ могилѣ, мягкой, покойной.
Вѣтры здѣсь вѣютъ; спящимъ прохладно;
Травка, цвѣточки растутъ.

Первый.

Червь кровоглавый точитъ умершихъ,
Въ черепахъ желтыхъ жабы гнѣздятся,
Змѣи въ крапивѣ шипятъ.

Второй.

Крѣпокъ сонъ мертвыхъ, сладостенъ, кротокъ;
Въ гробѣ нѣтъ бури; нѣжныя птички
Пѣснь на могилѣ поютъ. (1793 г.).

Здѣсь находимъ сопоставленіе словаря романтической, «кладбищенской» поэзіи съ словаремъ поэзіи плаксивой, сентиментальной. Съ одной стороны: гробы, кости, черви, черепа, жабы, крапива, — съ другой: травки, цвѣточки, нѣжныя птички...

Въ стихахъ Карамзина разлита «меланхолія», однако она опредѣляется весьма своеобразно:

О, меланхолія! Нѣжнѣйшій переливъ
Отъ скорби и тоски къ утѣхамъ наслажденья.
(Подражаніе Делилю. 1800 г.).

Карамзинъ провозглашаетъ свободу искусствъ и въ выборѣ предмета пѣсенъ, и въ положеніи стихотворца, который больше не служитъ при дворѣ, «бѣденъ», не чиновенъ.

Поэтъ! натура вся твоя...
Не можешь ты чиновъ давать,
Но можешь зернами питать
Семейства птичекъ благодарныхъ;
Онѣ хвалу тебѣ споютъ
Гораздо лучше стиходѣевъ,
Тирановъ слуха, лже-Орфеевъ,
Которыхъ музы въ одахъ лгутъ
Нескладно—пышными словами.

Однако «ложь въ одахъ» замѣнилась «пріятнымъ вымысломъ»: «какъ все то исчислить, что можетъ стихотворецъ мыслить въ укромной хижинкѣ своей? Мудрецъ, который зналъ людей, сказалъ, что міръ стоитъ обманомъ, мы всѣ, мой другъ, лжецы... Непроницаемымъ туманомъ покрыта истина для насъ. Кто можетъ вымышлять пріятно стихами, прозой — въ добрый часъ! Лишь только-бъ было вѣроятно. Что есть поэтъ? Искусный лжецъ». (Къ бѣдному поэту).

Такимъ образомъ Карамзинъ отказывается отъ утилитарнаго искусства XVIII вѣка и провозглашаетъ принципъ, который позднѣе находимъ и у Пушкина:

Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

Въ стихотвореніи «Протей или несогласія стихотворца». (1798 года) Карамзинъ тоже ставитъ новое эстетическое начало безусловной свободы творчества.

Ты хочешь, чтобъ поэтъ всегда одно лишь мыслилъ,
Всегда одно лишь пѣлъ: безумный человѣкъ!
Скажи, кто образы Протеевы исчислилъ?
Таковъ питомецъ Музъ и былъ, и будетъ въ вѣкъ.
Чувствительной душѣ не сродно-ль измѣняться?
Она мягка, какъ *воскъ*, какъ *зеркало* ясна,
И вся природа въ ней съ оттѣнками видна...

Усвоеніе настроеній и впечатлѣній отъ жизни, а не навязываніе жизни отвлеченныхъ шаблоновъ, вотъ новая Ars poetica Карамзина.

...Поди въ весенній садъ,
Гдѣ вѣтренный Зефиръ рѣзвясь цѣлуетъ Флору
Въ прелестныхъ цвѣтникахъ...
Сорви, что выберешь по вкусу своему...
Такъ точно, нѣжный вкусъ къ Поэзіи имѣя,
Читай стихи—и вѣрь единственно тому,
Что нравится тебѣ, что сказано прекрасно...
Поэзія цвѣтникъ чувствительныхъ сердецъ.

(Курсивъ въ подлинникѣ).

Поэтъ—Протей, «воскъ», «зеркало» жизни и природы. Пушкинъ сравниваетъ его съ «эхо», отзывчивымъ на каждый звукъ. Въ стихахъ Карамзина не одна только пріятная меланхолія, но появляется горечь глубокаго пессимизма. Таковъ «Гимнъ глупцамъ», 1802 года.

Блаженъ,— не тотъ, кто всѣхъ умнѣе,—
Ахъ, нѣтъ, онъ часто всѣхъ грустнѣе —
Но тотъ, кто будучи глупцомъ,
Себя считаетъ мудрецомъ!
...Боясь ступить неосторожно,
И зная, какъ упасть возможно,
Смиренно смотритъ внизъ мудрецъ:
Глядитъ спѣсиво вверхъ глупецъ, —
Споткнется-ль, въ яму упадая?
Нѣтъ нужды! Встанетъ безъ стыда
И грязь съ себя рукой стирая,
Онъ скажетъ: это не бѣда...
...Другимъ чувствительность страданье,
Любовь не даръ, а наказанье:
Кто-жь вѣкъ свой прожилъ не любя?
Глупецъ... Онъ любитъ лишь себя,
И слѣдственно любимъ не ложно.
Не вѣдаетъ измѣны злой;
Другимъ грустить въ разлукѣ должно,
Онъ веселъ—онъ всегда съ собой!
...Есть томная на свѣтѣ мука,
Змѣя сердецъ — ей имя скука...
Но счастливый глупецъ не знаетъ,
Что скука въ свѣтѣ обитаетъ.
Гремушку въ руки — онъ блаженъ...
...Когда былъ человѣкъ блаженъ?
Тогда, какъ, думать не умѣя,
Безъ смысла онъ желудкомъ жилъ,
Для глупыхъ здѣсь всегда Астрея
И вѣкъ златой не проходилъ.

Здѣсь мы видимъ ярко высказанную идею грядущей Комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума».

§ 3. Изъ другихъ поэтовъ, значительно обработавшихъ русскій стихъ въ отношеніи легкости, плавности, простоты и чистоты языка должно назвать Василія Васильевича Капниста; «Лирическія сочиненія» котораго вышли въ 1806 г.; Ивана Ивановича Дмитріева, басни котораго появились въ 1803 г. и Панкратія Сумарокова, автора поэмы «Амуръ, лишенный зрѣнія» (1807 г.). Капнистъ далъ нѣсколько антологическихъ стихотвореній, гораціанскихъ и элегическихъ одъ, замѣчательныхъ плавностью стиха. Изъ нихъ укажемъ: «Камелекъ», «Силуетъ», «Вздохъ», «Обуховка», «Мотылекъ»:

Къ верху жаворонокъ вьется,
Надъ горой летитъ соколъ,
Выше облаковъ несется
Къ солнцу дерзостный орелъ;
Но летаетъ надъ землею
Съ мягкой травки на цвѣтокъ
Нѣжной пылью, золотою
Отягченный мотылекъ.

Это уже вполнѣ поэтическій, мастерской по фактурѣ стихъ.

Уволенный въ отставку съ чиномъ тайнаго совѣтника Дмитріевъ (1760—1837) поселился въ Москвѣ. Здѣсь около него составился кружокъ изъ его друзей—писателей: Карамзина, Хераскова, Василія Пушкина, Владиміра Измайлова и Жуковскаго. Въ теченіе 1803 и 1804 годовъ Дмитріевъ написалъ всѣ свои 40 басенъ, которыя высоко цѣнились современниками. Но Полевой уже говоритъ о немъ [110]):

«Болѣе 25 лѣтъ прошло, какъ Дмитріевъ почти пересталъ писать—говоря собственно кончилъ свое литературное поприще, и не только кончилось его поприще, но перешла даже и его эпоха литературы».

«Дмитріева почти всегда только хвалили... Острякъ Макаровъ, любезный поэтъ князь П. И. Шаликовъ, А. Е. Измайловъ, съ его неопрятнымъ критицизмомъ, Ѳ. Б. Булгаринъ, съ его рѣшающимъ безъ дальнихъ справокъ приговоромъ, С. П. Шевыревъ, Лагарпъ нашего времени, какъ будто старались перещеголять другъ друга великолѣпіемъ фразъ, говоря о Дмитріевѣ, хотя ихъ критики раздѣлены были протяженіемъ 35 лѣтъ (Макаровъ писалъ въ 1803 г., Булгаринъ и Шевыревъ въ 1837 г. [111]). Затѣмъ Полевой даетъ замѣчательную характеристику поэта.

«Мимо Дмитріева, говоритъ онъ, летѣли великія событія его вѣка, но онъ не замѣчалъ рѣзкаго переворота въ литературномъ образованіи новыхъ поколѣній. Каждое литературное нововведеніе казалось ему принадлежностью языка, иное несовмѣстнымъ, другое хорошимъ». Этими словами вполнѣ очерченъ словесникъ карамзинской реформы и начала вѣка, когда выработка языка составляла единственную задачу писателей. «Поэтъ ли онъ былъ? спрашиваетъ далѣе Полевой,— если поэзія есть непобѣдимое внутреннее чувство высказывать данныя намъ Богомъ тайны сердца, если она проявляется высокими, прекрасными, самобытными созданіями, если она рѣзко отзывается на современности, если она переплетается притомъ съ жизнью нашею такъ, что земной умъ человѣка замѣняется иногда высокимъ безуміемъ поэта—Дмитріевъ не былъ поэтомъ» [112]).

---

[110]) Очерки русской литературы Николая Полевого. Ч. II. 1839 года. Спб. Статья о И. И. Дмитріевѣ. Стр. 453.

[111]) Id. Стр. 454.

[112]) Id. Стр. 460.

Когда въ 1791 году Карамзинъ началъ издавать Московскій журналъ, Дмитріевъ превосходно понялъ литературную реформу, которую предпринялъ другъ его. Въ теченіе двухъ лѣтъ, онъ постоянно участвовалъ въ журналѣ Карамзина. Полевой проводитъ параллель между Карамзинымъ и Дмитріевымъ.

«Карамзинъ, въ юности другъ Ленца и обожатель Шекспира, былъ рожденъ съ нѣжною, пылкою, истинно поэтическою душею, отказался отъ свѣта и обольщеній его, жаждалъ просвѣщенія, отдалъ всего себя литературѣ, жилъ поэтомъ, показалъ собою первый въ Россіи примѣръ человѣка, который литературу дѣлаетъ цѣлью своей жизни... Не таковъ былъ Дмитріевъ. Литература была у него занятіе между прочимъ, при службѣ, при свѣтской жизни, которымъ опять таки не давалъ онъ совершенно обольщать себя. Составивъ себѣ литературное имя небольшимъ собраніемъ стихотвореній, онъ только поддерживалъ его потомъ тщательно обработанными небольшими стихотвореніями, которыя отъ времени до времени являлись въ свѣтѣ и вскорѣ, въ самыхъ зрѣлыхъ лѣтахъ (въ 40 лѣтъ), онъ пересталъ писать». Собственно литературное поприще его кончилось съ 1805 годомъ, или первымъ изданіемъ его сочиненій. Затѣмъ онъ видѣлъ юность и расцвѣтъ Пушкина и умеръ въ одинъ годъ съ нимъ, на 78 году своей жизни...» Замѣтимъ, что въ одинъ годъ съ Лермонтовымъ (1841 г.) умеръ Шишковъ. Во всемъ, что ни писалъ Дмитріевъ видно только одно — умъ, холодный, безстрастный умъ, вкусъ, если угодно, умѣющій искусственно замѣнить всѣ другія свойства поэта истиннаго, а всего болѣе особый даръ насмѣшливости эпиграммъ, остротъ, невинныхъ шутокъ. Онъ былъ и остается всегда превосходенъ въ мелкихъ стихотвореніяхъ, которыя можно назвать свѣтскими, или альбомными: въ шуткѣ, въ мадригалѣ, въ отвѣтѣ свѣтской дамѣ, требовавшей стиховъ, во всемъ томъ, что «отличается легкостью, приличіемъ, тонкостью вѣжливости, обнаруживающею дарованіе природное, но воспитанное и изощренное въ обществѣ». (Слова кн. П. Вяземскаго). Однимъ словомъ, Дмитріевъ послѣ 1805 года, въ двадцатые и тридцатые годы:

Старикъ, по старому шутившій,
Отмѣнно тонко и умно,
Что нынѣ нѣсколько смѣшно.

«Отрѣзывая куплеты отъ стиховъ своихъ, чистя ихъ, онъ приноравлялъ языкъ свой къ новѣйшимъ измѣненіямъ, сколько могъ. И между тѣмъ, какъ восторженная молодежь, собираясь вокругъ него, смотрѣла съ благоговѣніемъ на почтеннаго старика, ихъ ободрявшаго, ласкавшаго, когда, по заведенному порядку, молодой литераторъ не могъ выйти иначе въ литературу, какъ черезъ кабинетъ Дмитріева, и выслушавши его замѣтку на свои стихи

и свою прозу, онъ самъ старался не говорить о своихъ сочиненіяхъ, всегда отзывался объ нихъ робко, холодно, невнимательно...»[113]).

Въ знаменитыхъ статьяхъ о Пушкинѣ, въ «Обозрѣніи русской литературы отъ Державина до Пушкина» Бѣлинскій характеризуетъ, со свойственной этому геніальному критику глубиной, поэтовъ, связующихъ Державина съ Жуковскимъ, Батюшковымъ и юнымъ Пушкинымъ,— Карамзина и его сотрудниковъ. «Хемницеръ, Богдановичъ и Капнистъ принадлежатъ уже ко второму періоду русской литературы, говоритъ критикъ, ихъ языкъ чище, и книжный риторическій педантизмъ замѣтенъ у нихъ менѣе, чѣмъ у писателей ломоносовской школы. Хемницеръ важнѣе остальныхъ двухъ въ исторіи русской литературы... Между его баснями есть нѣсколько истинно прекрасныхъ и по языку, и по стиху, и по наивному остроумію. Богдановичъ произвелъ фуроръ своей «Душенькой»: современники были отъ нея безъ ума... Восторженное удивленіе къ Богдановичу продолжалось долго. Самъ Пушкинъ съ любовью и увлеченіемъ не разъ дѣлалъ къ нему обращенія въ стихахъ своихъ. «Прибавимъ, что впечатлѣніе на Пушкина «Душеньки» было на столько велико, что въ «Евгеніи Онѣгинѣ» мы находимъ явное заимствованіе:

Я помню море предъ грозою:
Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
(Глава I. Строфа XXXIII).

У Богдановича въ описаніи шествія Венеры:

Гонясь за нею волны тамъ
Толкаютъ въ ревности другъ друга,
Чтобъ вырвавшись скорѣй изъ круга,
Смиренно пасть къ ея ногамъ.

«А между тѣмъ, продолжаетъ Бѣлинскій, для насъ теперь поэма эта лишена всякаго признака поэтической прелести. Стихи ея, необыкновенно гладкіе и легкіе для своего времени, теперь и тяжелы, и неблагозвучны; наивность разсказа и нѣжность чувствъ приторны, а содержаніе ребячески ничтожно. Что-жъ было причиной восторга современниковъ? Не что другое, какъ необычайная для того времени легкость стиха, состоявшаго изъ неоднообразнаго количества стопъ, отсутствіе тяжелаго и напыщенно—восторженнаго тона, начинавшаго надоѣдать, и при этомъ соблазнительная вольность содержанія картинъ, законно допущенная шутливымъ родомъ стихотворенія».

---

[113]) Id. Стр. 479.

Едва-ли однако можно согласиться съ мнѣніемъ великаго критика, что «Душенька» Богдановича лишена для насъ «всякаго признака поэтической прелести», хотя-бы по тому одному, что она пріобрѣла теперь поэтическую прелесть старины.

Бѣлинскій даетъ далѣе блестящія характеристики другихъ поэтовъ карамзинскаго періода, а также и самого Карамзина, какъ поэта:

«Капнистъ писалъ оды, между которыми иныя отличались элегическимъ тономъ. Стихъ его отличался необыкновенной легкостью и гладкостью для своего времени. Въ элегическихъ одахъ его слышатся душа и сердце»...

Въ стихахъ Карамзина «нѣтъ поэзіи, и они были просто мыслями и чувствованіями умнаго человѣка, выраженными въ стихотворной формѣ; но они простотой своего содержанія, естественностью и правильностью языка, легкостью (по тому времени) версификаціи, новыми и болѣе свободными формами расположенія были тоже шагомъ впередъ для русской поэзіи». «Но для нея гораздо болѣе сдѣлалъ другъ и сподвижникъ Карамзина — Дмитріевъ, который былъ старше его только пятью годами. Дмитріевъ не былъ поэтомъ въ смыслѣ лирика; но его басни и сказки были превосходными и истиннно — поэтическими произведеніями для того времени. Пѣсни Дмитріева нѣжны до приторности,— но таковъ былъ тогда всеобщій вкусъ. Оды Дмитріева сильно отзываются риторикой; но не смотря на то онѣ были большимъ успѣхомъ со стороны русской поэзіи.

Громозвучность и пареніе, составлявшія тогда необходимое условіе оды, въ нихъ довольно умѣренны, а выраженіе просто, не говоря уже о правильности языка и тщательной отдѣлкѣ стиха. Формы одъ Дмитріева оригинальны, какъ напримѣръ въ «Ермакѣ», гдѣ поэтъ рѣшился вывести двухъ сибирскихъ шамановъ, изъ которыхъ старый разсказываетъ молодому, при шумѣ волнъ Иртыша, о гибели своей отчизны. Стихи этой пьесы для нашего времени и грубы, и шероховаты, и непоэтичны, но для своего времени они были превосходны, и отъ нихъ вѣяло духомъ новизны. Что же касается до манеры и тона пьесы,—это было рѣшительное нововведеніе, и Дмитріевъ потому только не былъ признанъ романтикомъ, что тогда не существовало еще этого слова. Вообще въ стихотвореніяхъ Дмитріева, по ихъ формѣ и направленію, русская поэзія сдѣлала значительный шагъ къ сближенію съ простотой и естественностью, словомъ—съ жизнью и дѣйствительностью».

«Дмитріевъ для стихотворнаго языка сдѣлалъ почти то же, что Карамзинъ для прозаическаго.»

§ 4. Уже въ первые годы новаго столѣтія «чувствительное» направленіе въ поэзіи доведено было до каррикатуры кн. Шаликовымъ, который издалъ въ 1801 г.—«Плоды свободныхъ чувствованій», а въ 1802—«Цвѣты Граціи», два сборника сладенькихъ стишковъ и прозаическихъ пьесъ. Между

тѣмъ уже въ 1802 году появилось «Сельское кладбище» Жуковскаго. Въ слѣдующемъ была напечатана баллада Гаврилы Петровича Каменева «Громвалъ», умершаго въ томъ же году (1772—1803 г.); тридцати лѣтъ отъ роду, въ Москвѣ. Каменевъ написалъ всего нѣсколько стихотвореній, да мелкихъ прозаическихъ статей. Однако его романтическій «Громвалъ»—стихотвореніе, написанное оригинальнымъ размѣромъ: въ каждой строфѣ два первые стиха—дактили, два послѣдніе—анапесты;—вписалъ его имя въ исторію русской литературы. «Каменевъ, говоритъ Пушкинъ, первый въ Россіи осмѣлился отступить отъ классицизма. Мы, русскіе романтики, должны принести должную дань его памяти».

Приводимъ первыя строфы баллады:

Мысленнымъ взоромъ я быстро лечу,
Быстро проникнувъ сквозь мрачность временъ;
Поднимаю завѣсу сѣдой старины—
И Громвала я вижу на добромъ конѣ.
Зыблются перья на шлемѣ его,
Стрѣлы калены въ колчанѣ звучатъ;
Онъ по чистому полю несется, какъ вихрь,
Въ вороненыхъ доспѣхахъ, съ булатнымъ копьемъ.
Солнце склонялось къ кремнистымъ горамъ,
Вечеръ спускался съ воздушныхъ высотъ.
Богатырь пріѣзжаетъ въ глухіе лѣса,
Сквозь вершины ихъ видитъ лишь небо одно.
Буря, облекшись въ угрюмую ночь,
Мчится къ закату на черныхъ крылахъ;
Заревѣла пучина, дубрава шумитъ,
И столѣтніе дубы скрипятъ и трещатъ.
Негдѣ укрыться отъ бури, дождя...

Громвалъ видитъ замокъ. «Синее пламя изъ замка блеститъ», мелькаютъ тѣни, слышны завыванья. Богатырь ударяетъ копьемъ въ ворота. Все затихаетъ.

...Ощупью тихо онъ въ замокъ идетъ.
Тишина распростерта и мрачность вездѣ,
Лишь сквозь окна и двери вихрь бурный свиститъ.
Витязь въ досадѣ и въ грусти вскричалъ:
«Хищный волшебникъ, коварный Зломаръ!
Ты Громвала принудилъ по свѣту бродить,
Ты похитилъ Рогнѣду, подругу его!
Многія царства и земли прошелъ,
Рыцарей сильныхъ, чудовищъ побилъ,
Великановъ сразилъ я могучей рукой;
Но Рогнѣды любезной еще не нашелъ!

Далѣе слѣдуютъ описанія различныхъ волшебствъ, сраженія Громвала съ великанами—Зилантами, скелеты со свѣчами въ рукахъ несутъ гробъ,—всевозможная романтическая чепуха:

Духи, скелеты, руками схватясь,
Гаркають, воють, хохочуть, свистять:
Въ изступленномъ восторгѣ бѣснуясь, они
Пляшутъ адскую пляску вкругъ гроба...

Наконецъ Громвалъ находитъ свою возлюбленную:

Приближаясь съ надеждой и съ робостью къ ней,
Не мечту, но Рогнѣду онъ къ персямъ прижалъ.
Страстнымъ восторгомъ исполнясь, Громвалъ
Голосомъ нѣжнымъ любезной вѣщалъ:
«Долго, долго искалъ я, Рогнѣда, тебя,
И по бѣлому свѣту скитался, какъ тѣнь!»
Тяжко вздохнувши, сказала она:
«Лютый волшебникъ, коварный Зломаръ,
Раздраженный презрѣнною страстью своей,
Въ чародѣйскій сей замокъ меня перенесъ.
Здѣсь, поразивши волшебнымъ жезломъ,
Памяти, чувства меня онъ лишилъ:
Погрузившись мгновенно въ таинственный сонъ,
Я съ тѣхъ поръ въ безднѣ мрака сокрыта была.»

Общая мысль баллады имѣетъ большое сходство съ сюжетомъ «Руслана и Людмилы».

БИБЛІОГРАФІЯ. Для ознакомленія съ «легкой поэзіей» Державина. II и III томы академич. изд. съ примѣчаніями Грота. О жизни и сочиненіяхъ Дмитріева: Взглядъ на мою жизнь (автобіографія). 3 ч. М. 1866 г. Письма Карамзина къ Ив. Ив. Дмитріеву, съ примѣч. Грота и Пекарскаго. Спб. 1866 г. Статья въ соч. кн. П. А. Вяземскаго. Собранія сочиненій: «И мои бездѣлки». М. 1795 г. Стихотворенія Ив. Ив. Дмитріева 2 части. Спб. 1823 года. Сочиненія И. И. Дмитріева. Подъ редакціей и съ примѣчаніями А. А. Флоридова, 2 тома. Спб. 1893 г. «Дешевая Библіотека» А. С. Суворина. № 62. Дмитріевъ. Сказки, басни и апологи. Съ портр. и біографіей Библіографич. и литератури. замѣтки А. Д. Галахова. Журн. Министер. Народн. Просвѣщ. 1867 г. № 1. Ч. CXXXIII, стр. 21—57. А. Н. Афанасьевъ о Дмитріевѣ «Спб. Вѣдомости». 1863 г. № 82. Прибавл. къ № 92-му «Современнаго Слова» 1863 г. Біографич. очерки уроженцевъ Сибирской губ. Сборникъ историч. и статист. матеріаловъ. 1868 г. Стр. 203—222. О Дмитріевѣ, какъ прокурорѣ см. ст. Н. Иванова въ «Журналѣ Минист. Юстиціи. 1864 г. № 2. Стр. 117—127. Матеріалы для біографіи. Сѣверн. Почта. 1865 г. № 277. Вечера у Ив. Ив. Дмитріева. Статья М. Погодина. Русскій. 1868 г. № 7, 8 и 11. Библіографическія данныя о Карамзинѣ, Батюшковѣ и Жуковскомъ см. ниже.

§ 5. Не смотря на пламень поэзіи, прорывающійся тамъ и сямъ въ тяжеловѣсныхъ грудахъ твореній Державина, не смотря на щеголеватую отдѣлку и виртуозность стиха Капниста, Карамзина, Дмитріева, дверь къ истинной, ровнымъ, мощнымъ свѣтомъ горящей поэзіи, а вмѣстѣ и къ народности въ ней была завалена рутиной псевдо-классической теоріи, пока

ее не отперли Жуковскій, Батюшковъ и Крыловъ—поэты уже въ нашемъ смыслѣ этого слова, а не только словесники.

Въ произведеніи слова, говоритъ Плетневъ, нѣтъ сомнѣнія, языкъ есть принадлежность первой важности. Онъ прежде всего разрѣшаетъ вопросъ, надобно ли приниматься автору за перо. Въ языкѣ мы съ перваго раза чувствуемъ отношеніе мысли къ ея проявленію. Малѣйшій недостатокъ послѣдняго безобразитъ или всю мысль, или нѣкоторыя части ея... Личная, самобытная художественность обнаруживается въ способѣ употребленія языка, что называется образованіемъ слога... Изъ общихъ элементовъ языка слогъ созидаетъ такую необыкновенную рѣчь, что въ ней представляется намъ все оживленнымъ: и положеніе предметовъ, и освѣщеніе ихъ, и тѣни, и краски...

Слогомъ своимъ Жуковскій вполнѣ преобразовалъ нашу поэзію... Своимъ слогомъ... онъ создалъ у насъ все въ новѣйшей поэзіи: живость разсказа, яркость описаній, граціозность положеній, голосъ чувствованій, игривость вымысловъ, блескъ выраженій, разнообразіе картинъ и красноръчіе поэтической истины... Въ слогѣ Жуковскаго олицетворяется, живетъ и дѣйствуетъ все, что только коснется души его, или мелькнетъ передъ нею. Изъ-подъ его пера каждое слово выходитъ одушевленнымъ звукомъ, приноситъ сердцу еще неиспытанное ощущеніе и увлекаетъ его въ какой-то новый міръ невыразимой прелести. Нашъ языкъ въ его слогѣ получаетъ такую прозрачность, такую воздушную легкость...[114]).

Но этого мало. Жуковскій ввелъ русскую душу въ волшебные сады истинной поэзіи, познакомилъ ее съ цѣлымъ, дотолѣ невѣдомымъ ей міромъ прекрасныхъ образовъ, идей, настроеній.

Василій Андреевичъ Жуковскій родился 29-го января 1783 года отъ турчанки, попавшейся въ плѣнъ къ русскимъ при взятіи крѣпости Бендеръ, и воспитывался, какъ родной сынъ, въ домѣ помѣщика Аѳанасія Ивановича Бунина. Фамилія поэта дана по воспреемнику.

По окончаніи образованія Жуковскій опредѣлился въ московскую контору соляныхъ дѣлъ (должность, надъ которою онъ впослѣдствіи часто потѣшался), но уже въ 1802 году онъ вышелъ въ отставку и возвратился въ деревню. Въ спискѣ книгъ его мы видимъ, кромѣ большой французской энциклопедіи Дидеро, множество французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ историческихъ сочиненій, переводы греческихъ и латинскихъ классиковъ, полныя изданія Шиллера, Гердера, Лессинга и проч.[115]).

«Первому стихотворенію, напечатанному осьмнадцатилѣтнимъ юношею, говоритъ Плетневъ, суждено было начать у насъ счастливый переворотъ въ

---

[114]) Плетневъ. Соч. т. 3-й. Стр. 13, 14 и 15. Спб. 1885 г.

[115]) Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго. По неизданнымъ источникамъ и личнымъ воспоминаніямъ К. К. Зейдлица. Спб. 1883 г. Стр. 22.

поэзіи». Въ 1802 году Жуковскій перевелъ Грееву элегію «Сельское кладбище», посвятивъ ее пансіонному товарищу своему и другу, Андрею Ивановичу Тургеневу, который въ слѣдующемъ году скончался...[116]). Англійскій поэтъ Грей (Thomas Gray) немного написалъ. Хотя стихи его принадлежатъ къ числу произведеній высокаго дарованія, но имя поэта, по малочисленности сочиненій его, для большинства читателей оставалось малоизвѣстнымъ. Въ молодомъ иностранцѣ, который съ перваго раза увлекся его стихами, нельзя не предположить самой тонкой разборчивости и сочувствія въ душѣ къ автору, не образовавшему извѣстной всѣмъ школы, не современному, потому что со смерти Грея прошло тогда ровно тридцать лѣтъ. Отъ направленія поэзіи торжественной и громкой, Жуковскій, одиноко, но свободно и независимо, пошелъ по новому пути, избранному его вдохновеніемъ и природнымъ вкусомъ. Умъ его и сердце полюбили въ искусствѣ прежде всего художественную истину. Самое появленіе стихотворенія въ печати не безъ значенія для характеристики поэта[117]). Жуковскій отдалъ его въ «Вѣстникъ Европы». Упоминая объ этомъ обстоятельствѣ въ сочиненіяхъ своихъ, уже въ 1838 году, онъ тотчасъ прибавляетъ: «Вѣстникъ Европы въ 1802 и 1803 г. былъ издаваемъ Н. М. Карамзинымъ». Это не простое библіографическое извѣстіе[118]).

«Не смотря на иностранное происхожденіе и на излишество сентиментальности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, говоритъ покойный Влад. Серг. Соловьевъ, «Сельское кладбище» можетъ считаться началомъ истинно-человѣческой поэзіи въ Россіи послѣ условнаго риторическаго творчества Державинской эпохи»[119]).

Вслѣдъ за «Сельскимъ кладбищемъ», въ первое десятилѣтіе нашего вѣка, появился еще рядъ произведеній Жуковскаго, насадившихъ въ русской

---

[116]) «Сельское кладбище» первое стихотвореніе, обратившее вниманіе на Жуковскаго и вдругъ поставившее его въ ряду лучшихъ русскихъ поэтовъ, было напечатано въ «Вѣстникѣ Европы» Карамзина 1802, № 24. Самъ Жуковскій въ первыхъ изданіяхъ своихъ сочиненій (съ 1816 по 1834 г.) относилъ его къ 1801 г., но въ 5-мъ указалъ 1802 г. Оно было посвящено Андрею Ивановичу Тургеневу, и посвященіе это сохранялось до 5-го изданія, въ которое уже не вошло (изд. 1849 г., послѣ роковаго 1848 года: начало реакціи. Ник. Э.); а самое стихотвореніе подвергалось поправкамъ автора при каждомъ изъ 5-ти перепечатокъ, такъ что въ немъ находятся многократные варіанты. «Библіографическія примѣчанія П. А. Ефремова». Соч. Жуковскаго, изд. 8-е. Т. I. Стр. 505.

[117]) «Сельское кладбище»... Эта пьеса была дважды переведена прозой въ журналѣ «Ипокрена» (1799), гдѣ помѣщались труды воспитанниковъ пансіона. Пыпинъ. Истор. русск. литер. т. IV. Стр. 221.

[118]) Плетневъ. Соч. т. 3-й. Стр. 24.

[119]) См. стихотворенія Владиміра Соловьева. Изд. 3-е. Спб. 1900 г. Стр. 151. Примѣчаніе къ стихотворенію «Родина русской поэзіи».

литературѣ романтизмъ, а съ нимъ пониманіе истинной поэзіи. Въ 1806 г. написана элегія «Вечеръ» и «Пѣснь бардовъ надъ гробомъ славянъ побѣдителей»; въ 1807 г.—«Надгробіе», «Къ Филолету», «Тоска по миломъ» изъ Шиллера и «Гимнъ» изъ поэмы Томпсона: «Времена года»; въ 1808 г.—«Людмила». «русская баллада, подражаніе Бюргеровой Ленорѣ»; въ 1809—«Кассандра» баллада Шиллера, «Счастіе» изъ того же поэта, «Пѣснь араба надъ могилою коня», изъ Мильвуа.

«Пѣснь бардовъ» всего менѣе важна изъ этихъ произведеній, какъ произведеніе риторическое. Однако и въ ней чувствуется вѣяніе чего-то новаго

«Въ этомъ стихотвореніи Жуковскій, въ лицѣ барда, воспѣваетъ хвалу священнымъ защитникамъ отечества, юношамъ, погибшимъ въ цвѣтѣ лѣтъ, и героямъ, состарѣвшимся подъ лаврами; а затѣмъ, сдѣлавъ намекъ на пораженіе союзныхъ войскъ въ несчастный годъ Аустерлицкой битвы и описавъ опустошенія селъ и полей, убійства и хищенія, оскверненіе храмовъ и оскорбленіе нравовъ въ Германіи, поэтъ вызываетъ сыновъ славянъ на мщеніе. Этою пламенною пѣснью барда выражается не только благороднѣйшій патріотизмъ поэта, но и тѣ предчувствія всей Россіи, которыя вскорѣ должны были исполниться. Оттого-то «Пѣснь барда» встрѣчена была громкимъ отголоскомъ въ сердцахъ современниковъ. Съ тѣхъ поръ имя Жуковскаго сдѣлалось народнымъ, и «Пѣснь барда» была нѣсколько разъ издаваема отдѣльно»[120]).

Если первая элегія и патріотическая «пѣснь» создали имя Жуковскому, то окончательно утвердили его славу—баллады. Современники юности Жуковскаго и смотрѣли на него преимущественно, какъ на «балладника» (выраженіе Батюшкова въ одномъ изъ посланій его). Первой балладой Жуковскаго была знаменитая «Людмила». «Для русской публики все было ново въ этой балладѣ, говоритъ Бѣлинскій; «Людмила» въ то время могла быть написана только Жуковскимъ,—и стихи этой баллады не могли не удивить всѣхъ своею легкостью, звучностью, а главное — своимъ складомъ, совершенно небывалымъ, новымъ и оригинальнымъ... тогдашнее общество безсознательно почувствовало въ этой балладѣ новый духъ творчества, новый міръ поэзіи—и общество не ошиблось».

Зейдлицъ говоритъ о балладѣ Жуковскаго слѣдующее:

«Какъ образецъ формы просодической для баллады, онъ напечаталъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1808 г. ч. XXXIX, стр. 41, чудесную свою «Людмилу», которую, не смотря на то, что основа разсказа заимствована изъ Бюргера, должно назвать оригинальной балладой Жуковскаго, такъ какъ она имѣетъ всѣ качества подлинника».

---

[120]) Зейдлицъ, стр. 29.

«Жуковскій въ ту пору предпочиталъ Бюргеровы баллады балладамъ Шиллера». Это мы видимъ изъ одной тетради поэта: «Бюргеръ въ родѣ балладъ единственный... онъ имѣетъ... простоту разсказа...»

«Не смотря, однако, замѣчаетъ далѣе Зейдлицъ, на то, что Бюргеровы баллады весьма нравились Жуковскому, онъ не перевелъ болѣе ни одного изъ его стихотвореній, и любимцемъ его поэтическихъ занятій сдѣлался Шиллеръ»[121]).

Дѣятельность Жуковскаго, какъ переводчика Шиллера, началась отъ подражаній. Стихотвореніе 1805 г. «Идиллія. Подражаніе» напоминаетъ одно изъ стихотвореній Шиллера: «Миннѣ» (An Minna). Къ 1807 г. относится переводъ стихотворенія Шиллера «Жалоба дѣвушки» (Des Mädchens Klage), озаглавленная у Жуковскаго: «Тоска по миломъ. Пѣсня». Размѣръ измѣненъ. Въ переводѣ опущенъ призывъ Шиллеровской дѣвушки въ Богородицѣ: «Пречистая, призови къ себѣ свое дитя!» И отвѣтъ Ея: «Тщетнымъ потокомъ бѣгутъ слезы—жалобой не воскресишь мертвецовъ! Назови мнѣ, однако, что утѣшаетъ и исцѣляетъ грудь въ утратѣ восторговъ сладостной любви,—я, Пресвятая, тебѣ въ этомъ не откажу».

У Жуковскаго эти слова приписаны дѣвушкѣ:

Теките струей,
Вы, слезы горючи;
Дубравы дремучи,
Тоскуйте со мной и т. д.

Послѣдняя строфа стихотворенія, говоритъ г. Чешихинъ, ослабляетъ впечатлѣніе, получаемое отъ подлинника. Тоскующая дѣвушка Шиллера въ этой строфѣ проситъ у Богоматери страданій и слезъ, въ которыхъ она находитъ мучительное упоеніе. Эта мысль подлинника не могла быть доступна юношѣ-переводчику, не имѣвшему почти никакого жизненнаго опыта. Поэтому Жуковскій сузилъ всю идею стихотворенія: на первый планъ выступила у него «тоска по миломъ», а не сладость страданія. Между тѣмъ эта идея достаточно ясно указана у Шиллера:

«Пусть бѣгутъ слезы тщетнымъ потокомъ, пусть жалобой не воскресить мертвецовъ! Сладчайшее счастье для тоскующей груди послѣ исчезнувшихъ восторговъ прекрасной любви—это страданія и жалобы любви!

У Жуковскаго-же:

Ахъ, скоро-ль пройдутъ
Унылые годы?
Съ весною—природы
Красы расцвѣтутъ...

---

121) Стр. 39 и 40.

Но сладкое счастье не дважды цвѣтетъ!
Пускай же драгое въ слезахъ оживетъ!
Любовь, ты погибла; ты, радость, умчалась;
Одна о минувшемъ тоска мнѣ осталась.

«Какой огромный шагъ въ искусствѣ перевода сдѣлалъ Жуковскій черезъ два года, это показываетъ его переводъ баллады «Кассандра» (Cassandra) 1809 г.[122]).

Особое значеніе имѣютъ стихотворенія—«Надгробіе» и «Къ Филолету». Чрезъ нихъ устанавливается тѣсная связь поэзіи Жуковскаго съ самыми чистыми, свѣтлыми, прогрессивными и освободительными стремленіями лучшихъ, благороднѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ русскихъ людей. На высокой степени нравственнаго развитія личность и характеръ человѣка равняется положительному труду, и послѣдствіями своими ему нисколько не уступаетъ. Въ русской литературѣ есть личности, которыя «ничего не сдѣлали», очень мало написали, не нажили чиновъ, ни орденовъ, даже мало высказывались, или совсѣмъ не высказывались передъ публикой. Тѣмъ не менѣе онѣ были причастны всѣмъ просвѣтительнымъ и освободительнымъ начинаніямъ эпохи; мощно и властно положили отпечатокъ своей духовной индивидуальности на цѣлый рядъ дѣятелей и борцовъ за освободительныя начала, образовали самый нравственный складъ и характеръ этихъ дѣятелей и черезъ нихъ отбросили отраженіе своего духовнаго существа на литературу и самую жизнь. Такимъ былъ Андрей Тургеневъ, другъ Жуковскаго и Батюшкова, для поколѣнія, предшествовавшаго 1812 году, Чаадаевъ, Веневитиновъ для поколѣнія двадцатыхъ годовъ; таковъ былъ Станкевичъ для поколѣнія между 1835—1840 годами; наконецъ Грановскій для сороковыхъ. Стихотвореніе Жуковскаго «Надгробіе» посвящено Тургеневымъ—отцу и сыну—Ивану Петровичу и Андрею Ивановичу. Ранняя могила юноши — Андрея Тургенева, товарища Жуковскаго по пансіону отразилась и въ первыхъ стихахъ, и въ первой прозѣ Жуковскаго и воспоминаніе о свѣтлой личности друга влило ту именно человѣчную, искреннюю, истинно поэтическую струю въ творчество начинающаго поэта, которая кладетъ непереходимую грань между XVIII и XIX вѣкомъ, между риторикой Ломоносовско-Державинской поэзіи, холодной стилистической чувствительностью поэзіи Карамзинской, и настоящей поэзіей, настоящей лирикой нашего времени. Изъ ранней могилы, юноша Тургеневъ, чрезъ посредство Жуковскаго, распахнулъ предъ русской душей двери въ міръ истинной поэзіи.

---

[122]) Всеволодъ Чешихинъ. Жуковскій, какъ переводчикъ Шиллера. Рига. 1895 г.

...Намъ въ святой завѣтъ святая ихъ могила:
Ихъ неутраченной любви не измѣнить;
Ту жизнь, гдѣ ихъ ужъ нѣтъ, какъ съ ними совершить,
Чтобъ быть достойными объ нихъ воспоминанья.

(«Надгробіе»).

«Филолету»— «посланіе Александру Ивановичу Тургеневу», который и жилъ, и дѣйствовалъ долго, борясь съ крѣпостничествомъ,—свѣтлый умъ и высокое сердце—въ сущности представляетъ глубоко поэтическую элегію. Юноша-Жуковскій говоритъ:

Считаю-ль радости минувшаго—какъ мало!
Нѣтъ! Счастье къ бытію меня не пріучало;
Мой юношескій цвѣтъ безъ запаха отцвѣлъ...

Эти наивно-прелестныя строки можно сопоставить съ слѣдующими изъ одного «лицейскаго» стихотворенія Пушкина:

Съ минутъ безчувственныхъ рожденья
До нѣжныхъ юношества лѣтъ,
Я все не знаю наслажденья,
И счастья въ томномъ сердцѣ нѣтъ!

(«Наслажденіе». 1817 г.).

§ 6. Одновременно съ Жуковскимъ на литературное поприще выступилъ и Константинъ Николаевичъ Батюшковъ (род. въ Вологдѣ 18-го мая 1787 г.). Собственно полный расцвѣтъ таланта Батюшкова относится ко второму десятилѣтію нашего вѣка. Но и въ началѣ вѣка имъ написано нѣсколько замѣчательныхъ произведеній, высоко совершенныхъ по формѣ и глубоко поэтическихъ по содержанію. Таковы переводъ изъ Парни 1805 г., элегія: «Какъ счастье медленно приходитъ»; три посланія къ Н. И. Гнѣдичу 1807, 1808 и 1809 г.г.: «Только дружба обѣщаетъ...», «Прерву теперь молчанья узы...», «Твой другъ тебѣ на вѣкъ...»; затѣмъ должно отмѣтить элегію «Выздоровленіе», несравненное по античному изяществу и красотѣ формъ и образовъ:

Какъ ландышъ подъ серпомъ убійственнымъ жнеца
Склоняетъ голову и вянетъ,
Такъ я въ болѣзни ждалъ безвременно конца
И думалъ: Парки часъ настанетъ!
Ужъ очи покрывалъ Эреба мракъ густой,
Ужъ сердце медленнѣе билось...
Я вянулъ, исчезалъ, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилось.
Но ты приближилась, о, жизнь души моей,
И алыхъ устъ твоихъ дыханье,

И слезы пламенемъ сверкающихъ очей,
И поцѣлуевъ сочетанье,
И вздохи страстные, и сила милыхъ словъ
Меня изъ области печали,
Отъ Орковыхъ полей, отъ Леты береговъ
Для сладострастія призвали.

«Стихи Е. С. Семеновой», переводъ Тибулловой элегіи: «Напрасно осыпалъ я жертвенникъ цвѣтами...»; «Воспоминанія 1807 года» и «Видѣніе на берегахъ Леты»—достойно заключаютъ списокъ первыхъ произведеній Батюшкова.

На Батюшкова имѣлъ глубокое вліяніе Михаилъ Никитичъ Муравьевъ (1757—1807. Полное Собраніе сочиненій. 3 части. Спб. 1818—20. Изд. Смирдина въ 2 ч. 1847 и 1856. Очеркъ жизни и дѣятельности. Пѣтухова. Журн. Минис. Просв. Августъ. 1805. Сыновья его—Никита и Александръ—оба декабристы).

М. Н. Муравьевъ, говоритъ Л. Н. Майковъ въ біографіи Батюшкова, былъ человѣкъ необыкновенный. Сынъ умнаго и просвѣщеннаго отца, питомецъ Московскаго университета, онъ всю жизнь не переставалъ обогащать свой умъ разнообразнымъ чтеніемъ, а съ образованіемъ соединялъ и высокій нравственный характеръ. Патріотъ въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова, онъ всего болѣе желалъ развитія серьезнаго образованія въ нашемъ отечествѣ. Попечитель Московск. округа и Товарищъ министра Народн. Просв. Муравьевъ питалъ глубокое уваженіе къ классическому образованію, и притомъ уваженіе вполнѣ сознательное, ибо самъ обладалъ прекраснымъ знаніемъ древнихъ языковъ и литературы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ знакомъ и съ лучшими произведеніями новыхъ литературъ, также въ подлинникахъ.

Вліянію Муравьева слѣдуетъ приписать то, что Батюшковъ обратился къ занятіямъ классическимъ. Между прочимъ Николай Ѳедоровичъ Кошанскій (авторъ «Риторики») по окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ, былъ вызванъ Муравьевымъ въ 1805 году въ Петербургъ и подъ его ближайшимъ руководствомъ занимался изученіемъ древностей и исторіи искусства. Судя по сочиненіямъ Батюшкова, почти всѣ значительнѣйшіе римскіе поэты были прочтены имъ въ подлинникѣ.

Уже въ первомъ дошедшемъ до насъ стихотвореніи Батюшкова, написанномъ въ 1802 году, или никакъ не позже 1803 (Мечта), обнаруживаются яркіе признаки таланта: стихъ еще не твердъ и не всегда плавенъ, но не лишенъ красивости, изложеніе богато образами и проникнуто неподдѣльнымъ одушевленіемъ. Первое стихотвореніе Батюшкова носитъ на себѣ меланхолическій характеръ. Упоеніе радостями бытія звучитъ въ стихахъ

перваго посланія Батюшкова къ Гнѣдичу (1805 г.), гдѣ 18-ти лѣтній поэтъ описываетъ, какъ онъ проводитъ время...

Въ стихотвореніи (1809) «Воспоминанія 1808 года» поэтъ говоритъ:

Какъ сладко я мечталъ на Гейльсбергскихъ поляхъ,
Когда весь станъ дремалъ въ покоѣ,
И ратникъ, опершись на копіе стальное,
Въ усталости почилъ...

Послѣднія два стиха повторены Пушкинымъ въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» (1821 г.):

Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ;
Въ горахъ безмолвіе ночное:
Казакъ усталый задремалъ,
Склонясь на копіе стальное.

(«Черкесская пѣсня»).

«Онъ пѣлъ завядшій жизни цвѣтъ, безъ малаго въ семнадцать лѣтъ»,—говоритъ Пушкинъ позднѣе въ «Евгеніи Онѣгинѣ» о своемъ Ленскомъ. Въ первыхъ стихахъ Жуковскаго и Батюшкова, равно какъ и въ «Лицейскихъ стихотвореніяхъ», дѣйствительно, часто повторяется элегическій образъ вянущаго цвѣтка и томящагося желаніями юноши. Это — пѣсня Керубино и первая заря русской поэзіи XIX-го вѣка, окрашенная меланхолической блѣдностью; расцвѣтаніе, по безсилію осуществить томящія стремленія, сходно съ увяданіемъ. Батюшковъ не придавалъ значенія своему шуточному стихотворенію «Видѣніе на берегахъ Леты», находя, что такіе стихи легко писать, легко и пріобрѣтать ими извѣстность, да что въ ней? [123]). Н. И. Гнѣдичъ высоко ставилъ «Видѣніе». Но помимо общественнаго значенія, какъ сатира на Шишкова и его кружокъ, эта вещь замѣчательна, какъ образецъ четырехстопнаго, шутливаго ямба. Мы рѣшаемся утверждать, что эти ямбы подготовили строфы Онѣгина.

Разсмотрите теченіе стиховъ въ первомъ отдѣлѣ поэмы Батюшкова. Здѣсь уже намѣченъ строй пушкинской строфы и находятся два замыкающія обыкновенно каждую строфу «Онѣгина» стиха:

---

[123]) Какъ тебѣ понравилось Видѣніе? Можешь сжечь, если не годится. Этакіе стихи слишкомъ легко писать, и чести большой не приносятъ. Инымъ больно досталось... Славянофила (Шишкова) вычеркни...

(Письмо къ Н. И. Гнѣдичу отъ 1 ноября 1809 г.).

«Онѣгинъ».	«Видѣніе».
Служивъ отлично, благородно,	Иной изъ нихъ окончилъ вѣкъ,
Долгами жилъ его отецъ;	Сидя на чердакѣ высокомъ
Давалъ три бала ежегодно	Въ издранномъ шлафорѣ широкомъ,
И промотался наконецъ.	Голоденъ, нагъ и утомленъ
Судьба Евгенія хранила:	Упрямой рифмой къ свѣтлу небу.
Сперва madame за нимъ ходила,	Другой, въ Цитеру принесенъ,
Потомъ monsieur ее смѣнилъ.	Красу умильную, какъ Гебу,
Ребенокъ былъ рѣзвъ, но милъ.	Хотѣлъ въ жару насильно... пѣть
Monsieur l'Abbé, французъ убогій,	И палъ безъ чувствъ въ концѣ эклоги.
Чтобъ не измучилось дитя,	Вездѣ, о милосердны боги,
Училъ его всему шутя,	Вездѣ пируетъ алчно смерть,
Не докучалъ моралью строгой,	Косою острой быстро машетъ;
Слегка за шалости бранилъ	Богату ниву аду пашетъ,
И въ Лѣтній садъ гулять водилъ.	И губитъ Ѳебовыхъ дѣтей,
	Какъ вѣтръ осенній злакъ полей.

Воззрѣнія, выраженныя Батюшковымъ въ «Видѣніи», весьма умѣренны и правовѣрны. Въ «Элизіи священномъ» у него помѣщены:

Херасковъ, честь и слава Россовъ,
Честолюбивый Фебовъ сынъ
Насмѣшникъ, грозный бичъ пороковъ,
Замысловатый Сумароковъ,
И, Мельпомены другъ, Княжнинъ.
И ты сидѣлъ въ толпѣ избранной,
Стыдливой граціей вѣнчанной,
Пѣвецъ прелестныя мечты (Богдановичъ)
Между Психеи легкокрылой
И бога нѣжной красоты!

Утопивъ въ Летѣ тяжеловѣсныя вирши Мерзлякова, Боброва и т. д., Батюшковъ пощадилъ Шишкова, хотя и заставляетъ говорить его въ такомъ родѣ:

...Я также членъ (подразумѣвается Россійской Академіи)
Кургановымъ [124]) писать ученъ...
Я есмь зѣло славянофилъ...

Въ заключеніе, когда всѣ потонули въ Летѣ:

Одинъ, одинъ славянофилъ
И то повыбившись изъ силъ,
За всѣхъ трудовъ своихъ громаду,
За твердый умъ и за дѣла
Вкусилъ безсмертія награду.

«Видѣніе» заключается появленіемъ Крылова, «неряхой, въ пуху, съ нечесанной головой, съ салфеткой». Смерть его застала за обѣдомъ—(Про-

---

[124]) Кургановъ—составитель извѣстнаго «Письмовника».

рочество! Крыловъ умеръ, объѣвшись тертыми рябчиками...), но всѣ его творенья — комедіи, стихотворенія да басни всплыли, не поглощенные Летой. А затѣмъ —

Крыловъ, забывъ житейско горе,
Пошелъ обѣдать прямо въ рай.

§ 2. Только по достиженіи почти сорокалѣтняго возраста Иванъ Андреевичъ Крыловъ (1768 — 1844), до тѣхъ поръ писавшій драматическія произведенія, а также издававшій «Почту духовъ» — журналъ, который въ цѣломъ составляетъ замѣчательный сатирическій романъ, — былъ, по выраженію Гербеля, «поставленъ судьбою на ту дорогу, которая должна была привести къ безсмертію». Въ исходѣ 1805 года, пріѣхавъ въ Москву, онъ отдалъ въ печать три первыя свои басни, переведенныя изъ Лафонтена («Дубъ и трость», «Разборчивая невѣста» и «Старикъ и трое молодыхъ»). Успѣхъ былъ выдающійся. «И. И. Дмитріевъ, басни котораго считались въ то время чудомъ совершенства и мнѣніемъ котораго весьма дорожили современники, отозвался о басняхъ съ величайшею похвалою, совѣтуя Крылову продолжать въ томъ же родѣ, и тѣмъ съ самаго начала обезпечилъ ихъ успѣхъ»[125]).

«Для насъ, говоритъ Плетневъ, Крыловъ родился только въ сорокъ лѣтъ. Въ это время онъ созналъ свое назначеніе, устремивши всю поэтическую дѣятельность свою на одинъ родъ. Наканунѣ старости полюбила его грація вмѣстѣ съ мудростью. Съ этихъ поръ онъ ничего не писалъ безъ ихъ воли». Первое небольшое собраніе его басенъ (23 пьесы) вышло въ 1809 году. Крыловъ шелъ по проторенному пути. Выбранный имъ литературный родъ уже былъ разработанъ замѣчательными писателями. Не говоря уже о «Притчахъ» А. Сумарокова, Хемницеръ, Аблесимовъ, Дмитріевъ, Панкратій Сумароковъ, Измайловъ, довели этотъ родъ до большого совершенства. Крыловъ превзошелъ ихъ всѣхъ, исчерпалъ всѣ рессурсы басни и послѣ него уже баснописцевъ не было. Онъ и довершилъ и завершилъ русскую басню. Жуковскій въ статьѣ «О баснѣ и басняхъ Крылова» (1809 г.) изъ XXIII басенъ перваго собранія называетъ: Два голубя, Невѣста, Стрекоза и Муравей, Пустынникъ и Медвѣдь, Лягушки, просящія царя. «Слогъ басенъ его, говоритъ далѣе Жуковскій, вообще легокъ, чистъ и всегда пріятенъ. Онъ разсказываетъ свободно, и нерѣдко съ тѣмъ милымъ простодушіемъ, которое такъ плѣнительно въ Лафонтенѣ. Онъ имѣетъ гибкій слогъ, который всегда примѣняетъ къ своему предмету, то возвышается въ описаніи величественномъ, то трогаетъ васъ простымъ изображеніемъ нѣжнаго чувства, то за-

---

[125]) Н. В. Гербель. Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Спб. 1873 г. Біографія Крылова. Стр. 113.

бавляетъ смѣшнымъ выраженіемъ или оборотомъ. Онъ искусенъ въ живописи—имѣя даръ воображать весьма живо предметы свои, онъ умѣетъ и переселять ихъ въ воображеніе читателя; каждое дѣйствующее въ баснѣ его лицо имѣетъ характеръ и образъ, ему одному приличные, читатель точно присутствуетъ мысленно при томъ дѣйствіи, которое описываетъ стихотворецъ».

Выписавъ часть басни «Лягушки, просящія царя», Жуковскій говоритъ:

«Можно забыть, что читаешь стихи: такъ этотъ разсказъ легокъ, простъ и свободенъ. Между тѣмъ какая поэзія! Я разумѣю здѣсь подъ словомъ поэзія искусство представлять предметы такъ живо, что они кажутся присутственными.

Что ходенемъ пошло трясинно государство.

Живопись въ самыхъ звукахъ! Два длинныхъ слова: ходенемъ и трясинно, прекрасно изображаютъ потрясеніе болота.

Со всѣхъ лягушки ногъ
Въ испугѣ пометались,
Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ.

Въ послѣднемъ стихѣ, напротивъ, красота состоитъ въ искусномъ соединеніи односложныхъ словъ, которыя своею гармоніею представляютъ скачки и кваканье».

Жуковскій отмѣчаетъ стилистическое совершенство басенъ Крылова. Но онъ не понимаетъ, что главное въ нихъ — народность въ языкѣ, духѣ, картинахъ, мудрости. Этимъ-то басни Крылова, а не одной живописью, достигаютъ истинной поэзіи. Басни, апологи, «сказки» Измайлова, часто весьма удачныя, далеко отстаютъ отъ басенъ Крылова. Характеръ ихъ преимущественно обличительный. Въ этомъ отношеніи онѣ слѣдуютъ традиціямъ «Притчей» Сумарокова. Взяточничество и казнокрадство, грубое обхожденіе со слугами, пьянство—вотъ ихъ содержаніе. Воейковъ, въ «Домѣ сумасшедшихъ», такъ опредѣляетъ это направленіе:

Мой предметъ — носы съ прыщами!
Ходимъ съ Музою въ трактиръ
Водку пить, ѣсть лукъ съ сельдями;
Міръ квартальныхъ—вотъ мой міръ.

Дѣйствительно, подъ часъ даровитый Измайловъ и грубоватъ, и неопрятенъ, и карикатуренъ.

БИБЛІОГРАФІЯ. Полное собраніе сочиненій Крылова, съ біографіей Плетнева. 3 части. Спб. 1847 г. 2-е изд. 1859 г. Басни издавались множество разъ. «Чтенія 2 февр. 1868 года въ память Ив. Андр. Крылова» въ Сборникѣ Русск. Отд. Акад. Наукъ, т. VI. Спб. 1869, Статьи Грота, Ни-

китенко. Срезневскаго. Keневича и др. Владиміровъ. Крыловъ и его басни. Кіевъ. 1895 г. Майковъ. Историко-литературные очерки. Спб. 1895 г. О переводахъ Крылова статья Драганова въ Журн. Минист. Народнаго Просв. 1895 г. № 7. В. Истоминъ. Главнѣйшія особенности языка и слога Крылова. въ Русск. Филологич. Вѣстникѣ. 1895 г. кн. 1—2. В. Водовозовъ. Народное и общественное значеніе Крылова. Журн. Минист. Народн. Просвѣщ. 1862 г. №№ 4, 5, 6 и 7. С. С. Гогоцкій. О педагогич. значеніи басенъ Крылова. Кіевск. Универс. Извѣст. 1858 г. № 3. См. еще статью В. Водовозова. Журн. Министер. Нар. Просв. 1862 г. № 12. Я. К. Гротъ. Сатира Крылова и его «Почта духовъ». Вѣстн. Европы. 1868 г. № 3. Библіографич. очеркъ Кеневича, Вѣстн. Европы. 1868 г. № 2. Стр. 709—724. В. Кеневичъ, Библіографич. и историч. примѣчанія къ баснямъ. Спб. 1868 г. Его же, Хронологическій списокъ басенъ и ихъ изданій (1819 — 1843). Русскій Архивъ 1865 г. № 8.

§ 8. Намъ остается только перечислить второстепенныхъ поэтовъ разсматриваемаго десятилѣтія.

Изъ числа поэтовъ, имѣвшихъ несомнѣнное вліяніе на Пушкина и подготовившихъ русскій стихъ, кромѣ старыхъ —Державина, Капниста, Богдановича, Карамзина, Дмитріева, Крылова и новыхъ — Жуковскаго, Батюшкова, Каменева, надо еще назвать Николая Ивановича Гнѣдича. Въ стихахъ его много изящества и античной простоты. Затѣмъ второстепенные поэты, внесшіе однако свою долю въ обработку языка —Вас. Пушкинъ, кн. Вяземскій, Милоновъ, Нахимовъ, Панкратій Сумароковъ, кн. Долгорукій, Горчаковъ, Мерзляковъ, Измайловъ, Нелединскій-Мелецкій, Воейковъ. Въ журналахъ конца XVIII-го столѣтія постоянно печатались рифмованныя «пѣсни». Слогателями такихъ пѣсенъ въ началѣ XIX-го вѣка, были—Мелецкій и Цыгановъ. Князь Юрій Александровичъ Неледенскій-Мелецкій род. въ 1751 г. Умеръ 13 февраля 1829 г. Вся Россія пѣла его: «Выйду я на рѣченьку», «Ты велишь мнѣ равнодушнымъ быть, прекрасная, къ себѣ», «У кого душевны силы истощилися тоской». Николай Степановичъ Цыгановъ, по профессіи актеръ, добрый гуляка, умеръ въ Москвѣ въ 1833 г. Извѣстнѣйшія изъ его пѣсенъ: «Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ», «Ахъ, чарка моя, серебряная», «Охъ, болитъ, да щемитъ ретиво сердечко», «Лежитъ въ полѣ дороженька», «По полю, полю чистому», «Что ты рано травушка» и др. Изданы А. С. Суворинымъ («Дешевая библіотека»).

Василій Львовичъ Пушкинъ (1770 — 1830) писалъ остроумныя стихотворныя мелочи. Собственно расцвѣтъ его литературной дѣятельности относится къ десятымъ годамъ. Однако его знаменитая поэма «Опасный сосѣдъ», разошедшаяся по Россіи во множествѣ списковъ, появилась еще въ первое десятилѣтіе. Успѣхъ ея основанъ во-первыхъ на легкости стиха, а во-вторыхъ на контрастѣ съ шумихой надоѣвшихъ торжественныхъ пѣснопѣній. Вотъ начало поэмы:

Ахъ, дайте отдохнуть и съ силами собраться!
Что прибыли, друзья, предъ вами запираться?
Я все перескажу: Буяновъ, мой сосѣдъ,
Имѣніе свое прожившій въ восемь лѣтъ
Съ цыганками... въ трактирахъ съ плясунами,
Пришелъ ко мнѣ вчера съ небритыми усами,
Растрепанный, въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ,
Пришелъ—и понесло повсюду кабакомъ.

Стихотворенія кн. Петра Андреевича Вяземскаго начинаются съ 1808 г. «Посланіемъ въ деревню». Подражая Горацію, онъ рисуетъ идеалъ счастливой жизни, въ хижинѣ простой. Затѣмъ слѣдуютъ эпиграммы, надписи, посланія къ Нисѣ, Эльвирѣ, Лаурѣ, къ разнымъ лицамъ, въ которыхъ проводится тотъ же свѣтлый, эпикурейскій взглядъ на жизнь, характерный для поэтовъ двухъ первыхъ десятилѣтій вѣка, исключая болѣе серьезнаго Жуковскаго.

Михаилъ Васильевичъ Милоновъ (1792—1821) даровитый поэтъ, умершій молодымъ—на 29 году жизни, выступилъ со своими стихотвореніями въ 1807 г.

Акимъ Николаевичъ Нахимовъ (1782—1815) писалъ сатиры на подъячихъ и взяточниковъ. Когда вышелъ указъ объ экзаменахъ на гражданскіе чины, проведенный Сперанскимъ и болѣе всего озлобившій на него темные элементы общества, Нахимовъ написалъ быстро распространившуюся «Элегію-Сатиру»:

Восплачь канцеляристъ, повытчикъ, секретарь!
Надсмотрщикъ возрыдай и вся приказна тварь!
Ланиты въ горести чернилами натрите
И въ перси перьями другъ друга поразите!

Перечисляя замѣчательныхъ писателей карамзинской школы, Бѣлинскій говоритъ:

«Нелединскій-Мелецкій, прославившійся нѣжными пѣснями, въ которыхъ много непритворной чувствительности; Долгорукій, издавшій свои стихотворенія подъ сентиментальнымъ титуломъ «Бытіе моего сердца»[126]), поэтъ чувствительный и сатирическій, нерѣдко отличавшійся неподдѣльнымъ русскимъ юморомъ».

Кн. Дмитрій Петровичъ Горчаковъ (1758—1824) принадлежалъ къ школѣ Шишкова. Главнымъ образомъ онъ былъ извѣстенъ какъ сатирикъ. Его называли «русскимъ Ювеналомъ»...

Необходимо упомянуть также о стихотворцахъ, «проклятыхъ Аполлономъ», но имѣвшихъ нѣкоторое значеніе, какъ подголосковъ Шишкова.

---

[126]) «Бытіе моего сердца» вышло въ 1802 году, а въ 1808 — «Сумерки моей жизни».

Кромѣ знаменитаго рифмоплета графа Хвостова, предмета всеобщаго осмѣянія и помаднаго князя Шаликова, особой тупоумной бездарностью отличались Станевичъ, Бобровъ и Ширинскій-Шихматовъ. Собраніе сочиненій въ стихахъ и прозѣ Евстафія Станевича вышло въ 1805 году. Въ посвященіи къ музамъ рифмачъ говоритъ: «Я приношу на алтарь вашъ, небесныя дщери! скудные часы мои, упражненія часовъ свободныхъ», и надо прибавить — голодныхъ, такъ какъ Станевичъ былъ бѣденъ и побирался около милостивцевъ. Затѣмъ идетъ безсмысленная проза: «Размышляющій съ самимъ собою стихотворецъ» (стр. 8).

Въ стихахъ напоминаются—

Юнгъ, Попъ, Руссо и Локъ учители людей...[127]).

Интересны стихи «Къ А Палицыну. (При посланіи книги подъ заглавіемъ: Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка»[128]).

Есть посланіе и къ самому Шишкову:

Языкъ готовый пасть
Великолѣпную главу подъемлетъ снова..
Покинувъ наконецъ постыдну слѣпоту,
Къ языкамъ иноземнымъ.
Не станетъ болѣе писать языкомъ темнымъ...[129]).
Отъ книги твоея, Ш . . . ! о Русскомъ слогѣ,
Ты видишь всѣхъ въ тревогѣ...

Но особенно прелестны стишки подъ заглавіемъ: «Трудность написать пѣсню».

Странно!—восклицаетъ простодушно поэтъ: —
Лишь писать примуся
Кларѣ пѣсенку когда,
Какъ нарочно не сберуся
Вѣчно съ мыслями тогда.
Я перо въ зубахъ кусаю...

Твореніями Семена Боброва слѣдовало бы заняться нашимъ декадентамъ fin de siècle. Одни заглавія чего стоятъ!

«Развѣтъ полночи или созерцаніе славы, торжества и мудрости порфироносныхъ, браненосныхъ и мирныхъ геніевъ Россіи съ послѣдованіемъ дидактическихъ, эротическихъ и другихъ разнаго рода въ стихахъ и прозѣ опытовъ. Семена Боброва. Изд. Ив. Глазунова. Спб. 1804.; Браненосные и миролюбивые геніи Россіи или герои сѣвера въ лаврахъ и пальмахъ. Часть вторая Развѣта полночи. Соч. Семена Боброва. Спб. 1804 г.»

[127]) Станевичъ. Стр. 47.
[128]) Станевичъ. Стр. 87.
[129]) Id. Стр. 89.

Игры важной Полигимніи, забавной Колліопы и нѣжной Эраты или занимательные часы для души и сердца относительно священныхъ и другихъ дидактическихъ пѣсней съ нѣкоторыми эротическими чертами и домашними жертвами чувствованій. (Часть третья Разсвѣта полночи. Соч. Семена Боброва. Спб. 1804.)

Херсонида или Картина лучшаго лѣтняго дня въ Херсонисѣ Таврическомъ. Лирико-этическое пѣснотвореніе. Часть четвертая «Разсвѣта полночи». Соч. Семена Боброва. Спб. 1804 г.

Приводимъ нѣсколько разительныхъ стиховъ изъ «Херсониды»:

Уже колеса раскаленны
Пламенно—носнаго свѣтила
Надъ головою возвышенны
Вертятся въ крутизнѣ полденъ;
Горящи съ нихъ струи текуть
Огне—палящимъ водопадомъ
На темя томное мое.

Понкратій Сумароковъ, пародируя Боброва и Шаликова написалъ:

«Оду въ громко—нѣжно—нелѣпо—новомъ вкусѣ».
Сафиро—храбро—мудро—ногій,
Лазурно—бурный конь, Пегасъ!
Съ Парнаской свороти дороги
И прискочи ко мнѣ на часъ...
Жемчужно—клюковно—пожарна
Выходитъ изъ-за горъ заря.
Изъ кубка пламенно—янтарна
Брусничный морсъ льетъ на моря и т. д.
...Но вдругъ картина перемѣнилась;
Услышалъ стонъ я голубка,
У Клары слезка покатилась
Изъ лѣваго ея глазка... и т. д.

БИБЛІОГРАФІЯ. Малые поэты начала вѣка: Каменевъ: Біографія. Русскіе поэты Гербеля. Изд. 1873 г. Стр. 131. Сочиненія не были собраны. Помѣщались въ журналахъ: «Пріятное и полезное препровожд. времени» (1794—1799 гг.;) «Муза» (1796 г.); «Ипокрена» (1799—1801 гг.); «Новости русской литературы» (1802—1805 гг.). «Періодич. изданіе вольнаго общества люб. словесности, наукъ и художествъ (1804 г.). Въ послѣд. «Громвалъ». Переводы: «Софія или сумасшедшая отъ любви», повѣсть Шписа. М. 1801 г. «Гробница на холмѣ». Коцебу. М. 1802 г. «Счастье одного бываетъ несчастьемъ другого». Его-же. М. 1805 г. Нахимовъ Акимъ Ник. Соч. Изд. въ 1815 г. Смирдинымъ въ 1842 и 1852 г. Очеркъ литературн. дѣятельности. Р. С. Чириковъ. Руская Старина. 1880 г. №№ 11 —12. Панкратій Платоновичъ Сумароковъ, Біографич. данныя у Гербеля. Его изданія: «Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену, журналъ на 1790 и 1791 гг. 6 частей. Библіотека (экономич.. ученая. нравоучит. историческ. и увеселит.) 12 ч. Тобольскъ. 1793 — 1794. Журналъ пріятн., любопытн. и забавнаго

чтенія на 1802 г. М. 3 ч. Источникъ здравія или словарь всѣхъ употребл. снѣдей, приправъ и напитковъ. М. 1800. Изд. 2-е М. 1808. Собраніе нѣкоторыхъ сочиненій, подражаній и переводовъ. М. 1800 г. Сочиненія и переводы. М. 1807 г. Кн. Дмитр. Петровичъ Горчаковъ: Соч. изд. въ 1890 г. М. Авторъ комич. оперъ «Калифъ на часъ» (1788 г.). «Счастливая тоня» (1786 г.). «Баба-Яга» (1788 г.). Кн. Иванъ Михайл. Долгорукій. (7 апрѣля 1764—4 дек. 1823 г.). Сочиненія: «Сумерки моей жизни» (1808 г.). «Бытіе моего сердца» (1802 г. М. 2-е изд. 1808 г. 3-е. 1818). Собр. соч. изд. Смирдина. 1849 г. Спб. «Славны бубны за горами или путешествіе мое кое-куда. 1810 г. Съ предисл. О. М. Бодянскаго. Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Россійск. 1869 г. № 2. Стр. 1—170 и № 3. Стр. 171—356. Отрывки изъ записокъ. Русскій Архивъ. 1865 г. № 4. 1866 г. № 2. Князь Ив. М. Д—ій и его сочиненія. М. А. Дмитріева. Изд. 2-е 1863 г. Кн. И. М. Д. Владимірскій губернаторъ. М. М. Рангъ. Труды Владимір. губ. Статист. Комитета. Вып. 6. (1867 г.). Тоже. Влад. Губерн. Вѣд. 1867 г. № 6. Еще см. статью М. Лонгинова. Современная Лѣтопись. 1863 г. № 41. Въ литер. и театр. воспомин. С. Т. Аксакова. Соч. т. V. Извѣстія о запискахъ кн. И. М. Д. и хронологія его стихотвореній. А. Н. Лонгиновъ. Русскій Архивъ. 1865 г. № 3. Князь Петръ Иван. Шаликовъ (1768—1852 гг.). «Плоды свободныхъ чувствованій». (1798—1801 гг.). «Цвѣты грацій» (1802 г.): Путешествіе въ Малороссію (1803 и 1804 гг.). Путешествіе въ Кронштадтъ (1805 г.). Изд. журналы: «Аглая» (1808—1812 гг.) и «Дамскій журналъ (1823—1833 гг.) Интересно его «Историч. извѣстіе о пребываніи въ Москвѣ французовъ въ 1812 г.». Біографич. данныя: Письмо къ редактору «Времени» кн. Ал. Шаликовой. Время 1862 г. № 11. Стр. 143—158. Въ воспомин. С. Т. Аксакова и М. А. Дмитріева. Записки современника. Спб. 1859 г. Станевичъ, Евстафій Ивановичъ (1775—1835). Кромѣ собр. стихотвореній его: «Способъ разсматривать книги и судить о нихъ» (Отвѣтъ на критику Каченовскаго). 1808 г. «Разсужденіе о законодательствѣ» и «Разсужденіе о русскомъ языкѣ» 1818 г. «Бесѣда надъ гробомъ младенца о безсмертіи души». Авторъ былъ сначала высланъ изъ Петербурга за это сочиненіе. Впослѣдствіи оно было переиздано по Высочайшему повелѣнію во время министерства Шишкова. Н. Лащенковъ. «Евст. Ив. С—чъ». (Сборникъ Харьковск. Историко-Филологич. Общ. 1897 г.) см. въ воспоминаніяхъ Ф. Ф. Вигеля.

IV.

§ 1. Драматическое творчество начала вѣка вполнѣ точно характеризуется извѣстной строфой изъ «Евгенія Онѣгина»:

Волшебный край! тамъ въ стары годы
Сатиры смѣлый властелинъ,
Блисталъ Фонвизинъ, другъ свободы,
И переимчивый Княжнинъ:
Тамъ Озеровъ невольны дани
Народныхъ слезъ рукоплесканій

Съ младой Семеновой дѣлилъ;
Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ
Корнеля геній величавый;
Тамъ вывелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій шумный рой...

(Гл. I. Строфа XVIII.)

Должно только вычеркнуть пріятельскую лесть Катенину,—къ тому-же его переводы французскаго трагика относятся ко второму десятилѣтію,—да пополнить строфу именемъ Коцебу съ его «мѣщанскими или слезными драмами», руководствуясь стихомъ Горчакова:

...И Коцебятина господствуетъ на сценѣ.

Центральное имя русской сцены той эпохи—Озеровъ. Разсматривая драматическій репертуаръ перваго десятилѣтія нашего столѣтія, видишь странное смѣшеніе именъ, характеризующее переходное состояніе сцены. Кромѣ драмъ Коцебу, находимъ попытки оригинальной русской драмы Ильина и Федорова, трагедіи Озерова, и рядомъ Хераскова, «Ирода и Маріанну», Державина, (1808 г.) противъ ожиданія кн. Шаховского имѣвшую большой успѣхъ, патріотическія драмы Глинки, «Леара» въ передѣлкѣ Гнѣдича, «Танкреда» Вольтера, въ переводѣ его-же и «Заговоръ Фіеско» (1803 г.); «Отелло» Шекспира въ подражаніи Веньяминова. Наконецъ рядомъ съ комедіями Николева, Лукницкаго, Павл. Ив. Сумарокова, Судовщикова — комедіи Шаховского и Крылова, и «Днѣпровская Русалка» съ ея фантастическимъ содержаніемъ.

Въ критической литературѣ находимъ въ свою очередь смѣшеніе взглядовъ. Можно отыскать и крайнюю лѣвую и центръ, и крайнюю правую въ этихъ мнѣніяхъ. Самые смѣлые новаторскіе взгляды находимъ въ книгѣ Мейнерса, переведенной проф. Сохацкимъ, о которомъ мы говорили выше.

«Весьма еще недавно о трагедіи, читаемъ здѣсь, а особливо о главной цѣли сего рода стихотвореній имѣли самыя одностороннія и крайне ограниченныя понятія. Возбужденіе ужаса и состраданія поставляли цѣлью всѣхъ усилій всего искусства трагическихъ стихотворцевъ. Но Шекспировы образцовыя творенія научаютъ насъ лучше, нежели всѣ оставшіеся въ семъ родѣ памятники древнихъ, какое дѣйствіе должна производить трагедія въ наши времена, при теперешнихъ образахъ правленія, и при нынѣшнемъ просвѣщеніи и нравахъ» [130]).

«Новѣйшія времена произвели такія трагическія драмы, въ которыхъ дѣйствующія лица взяты изъ средняго состоянія; и сія новость почтена столь важнымъ распространеніемъ трагическаго стихотворства, что изо-

[130]) Мейнерсъ. 97.

брѣтено для сего названіе мѣщанской трагедіи... Несравненно важнѣе другое уклоненіе отъ греческой трагедіи, которое писатели позволили себѣ въ новѣйшія времена: а именно не слишкомъ заботливое наблюденіе единства времени и мѣста [131]).

«Изъ всѣхъ націй древняго и новаго времени англичане имѣютъ самое большее число великихъ трагиковъ. Неподражаемый Шекспиръ и его современникъ Джонсонъ и т. д.» [132]).

Поставивъ «во главу угла» Шекспира, авторъ указываетъ, что ничего нѣтъ противнѣе между собою, какъ судъ французовъ, а потомъ англичанъ и нѣмцевъ о Корнелѣ. Французы преимущественно называютъ его великимъ, выспреннымъ и ужаснымъ. Ему предписываютъ славу возстановителя театра, который до его временъ не производилъ ничего, кромѣ чудовищныхъ представленій... По ихъ мнѣнію, онъ возвелъ французскій театръ на верхъ совершенства, гдѣ онъ по крайней мѣрѣ съ греками равняется, и превышаетъ всѣ прочіе театры европейскихъ народовъ [133]).

«Во всѣхъ трагедіяхъ Корнелевыхъ нѣтъ почти ни одного натуральнаго характера... Набожные герои его суть фанатики, прочіе донъ-кихоты и его злодѣи суть настоящія чудовища и изверги. Самые герои древности преобращены или во французскихъ любовниковъ, или въ гишпанскихъ. Тщетно будемъ искать у Корнеля подлиннаго выраженія страстей и чувствованій. Вмѣсто того находимъ блистательныя и пышныя тирады [134]).

Безконечны декламаціи съ саморазглагольствованіями, которыя Корнель кажется, почиталъ случаями, дабы помѣстить цѣлыя кучи съ трудомъ выисканныхъ всеобщихъ изреченій. Поелику Корнель въ своихъ трагедіяхъ соединилъ этикетъ двора съ напыщеннымъ романическимъ языкомъ своего времени, то конечно онъ сильно привязалъ къ нимъ свою націю, и особливо своихъ современниковъ. Но онъ отъ сего былъ причиною, что французы выше всего почитали декламацію, этикетъ и пышность, и что они всякое безъискусственное и непринужденное изъясненіе чувствованій находили или смѣшнымъ или непристойнымъ. Наконецъ въ трагедіяхъ Корнелевыхъ нѣтъ дѣйствія, но только рѣчи [135]).

Курсъ Мейнерса переведенъ въ 1803 году, и вышелъ въ Москвѣ, но гораздо позднѣе, въ 1809 г., появилась въ Петербургѣ книга: «Общія правила театра, выбранныя изъ полнаго собранія сочиненій г. Вольтера и расположенныя по порядку драматическихъ правилъ А. Писаревымъ». (Въ ти-

---

[131]) Мейнерсъ. Стр. 101.

[132]) «Главное начертаніе теоріи и исторіи изящныхъ наукъ» Мейнерса, въ перев. Сохацкаго. 1803 г. Стр. 130.

[133]) Мейнерсъ. Стр. 132.

[134]) Мейнерсъ. Стр. 133 и 134.

[135]) Мейнерсъ. Стр. 134.

пографіи Шпора.) Здѣсь установленъ рядъ истинъ діаметрально противуположныхъ смѣлымъ идеямъ Мейнерса.

Французы, первые изъ новѣйшихъ народовъ, ввели въ правила театра единство дѣйствія, мѣста и времени. Прочіе народы долгое время не хотѣли принимать такого порабощенія... Всѣ народы стали уже почитать тѣ времена варварскими, въ которыя таковый опытъ былъ неизвѣстенъ великимъ творческимъ умамъ, напримѣръ: Донъ Лопецу де-Вегѣ и Шекспиру...[136]).

Я ни мало не предлагаю, чтобы театръ обратить въ зрѣлище убійства, какъ у Шекспира и его послѣдователей, которые не имѣя подобнаго ему генія, подражали только его погрѣшностямъ. Но думаю, что есть такія положенія, которыя теперь хотя намъ и кажутся отвратительными и ужасными, но съ осторожностію и съ искусствомъ представленные, а къ тому-же и смягченные прекрасными стихами, могли-бы, безъ сомнѣнія, принести намъ нѣкоторый новый родъ удовольствія[137]).

Цари, Императоры, князья, полководцы, верховные чиновники — нѣтъ въ томъ нужды — надобно только, чтобы въ трагедіи всегда были представлены особы свыше частныхъ сословій... потому, что несчастія имянитыхъ особъ, представленные народу, производятъ впечатлѣнія сильнѣе, нежели всѣ несчастія частнаго человѣка[138]).

Мѣщанскія трагедіи (tragedies bourgeoises) въ прозѣ отчасти извѣщаютъ о совершенномъ упадкѣ театра. Всѣ сочиняютъ слезныя комедіи (собственно называемыя: драмою), потому что сей родъ легче всего; но сія-то самая легкость и уничижаетъ сочиненіе[139]).

Мѣщанскія трагедіи или слезныя комедіи — не имѣя ничего въ существѣ своемъ комическаго, подобны уродамъ, порожденнымъ отъ неумѣнія быть забавными или трагическими[140]).

Хотя оперы и освобождены отъ трехъ правилъ единства, однако-же лучшими изъ нихъ почитаются тѣ, въ которыхъ оные менѣе нарушаются... И такъ, вотъ сколько сіи правила необходимы и единственны, и вотъ сколько они занимаютъ зрителя![141]).

Если начнутъ писать трагедіи бѣлыми стихами и оныя играть на театрахъ, то истинная трагедія совершенно пропадетъ. Отнимая всю трудность, вы отнимаете и все достоинство. Нѣкоторые сочинители предпринимали пи-

---

[136]) Правила театра. Стр. 23.
[137]) Правила театра. Стр. 50.
[138]) Правила театра. Стр. 53.
[139]) Правила театра. Стр. 59.
[140]) Правила театра. Стр. 61
[141]) Правила театра. Стр. 62.

сать трагедіи въ прозѣ; но я не думаю, чтобы сіе предпріятіе когда-нибудь было успѣшно[142]).

Двойственность воззрѣній въ искусствѣ сказывалась и на самой игрѣ актеровъ.

Вотъ что говоритъ С. Т. Аксаковъ объ игрѣ Семеновой въ роли Аменаиды, въ Вольтеровомъ «Танкредѣ», переведенномъ для нея Гнѣдичемъ: «Превозносимая игра Семеновой въ этой роли представляла чудную смѣсь, которую могъ открыть только опытный и зоркій глазъ... Игра эта слагалась изъ трехъ элементовъ: первый состоялъ изъ незабытыхъ еще вполнѣ пріемовъ, манеры и формы выраженія всего того, что игрывала Семенова до появленія m-lle Georges[143]); во второмъ—слышалось неловкое ей подражаніе въ напѣвѣ и быстрыхъ переходахъ отъ оглушительнаго крика въ шопотъ и скороговорку... третьимъ элементомъ, слышнымъ болѣе другихъ—было чтеніе самого Гнѣдича, пѣвучее, трескучее, крикливое, но страстное... Вся эта амальгама, озаренная поразительною сценическою красотою молодой актрисы, проникнутая внутреннимъ огнемъ и чувствомъ, передаваемая въ сладкихъ и гремящихъ звукахъ, неподражаемаго, очаровательнаго голоса, производила увлеченіе, восторгъ и вырывала громъ рукоплесканій[144]).

БИБЛІОГРАФІЯ. О театрѣ въ началѣ вѣка. см. Лѣтопись русскаго театра. Пименъ Арапова. Спб. 1861 г. Полное собр. соч. С. Т. Аксакова. Т. 3-й. Изд. 1886 г. Статья: Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ и современныя ему театральныя знаменитости. Стр. 63—124. Матеріалы для исторіи русскаго театра. Сумароковъ и слезная драма. Статья П. Шагина. Пантеонъ. 1855 г. № 9, т. XXIII. Стр. 119—126. О русскомъ театрѣ. Гр. В. А. Соллогубъ. Антрактъ. 1868 г. № 20. Нѣсколько замѣтокъ для исторіи русскаго театра и для біографіи нѣкоторыхъ старинныхъ русскихъ актеровъ. М. Лонгиновъ. Русскій Архивъ. 1870 г., № 7. Стр. 1348—1366 гг. Главное начертаніе исторіи и теоріи изящныхъ наукъ, Мейнерса, въ переводѣ Сохацкаго. 1803 г. Общія правила театра А. Писарева. 1809 г. См. еще «Драматич. Вѣстникъ», журналъ начала вѣка, подъ ред. кн. Ал. Ал. Шаховского. Воспоминанія Вигеля. Изъ записокъ С. Н. Глинки. Русскій Вѣстникъ. 1865 г. № 7. 1866 г. № 1—3, 5 и 7. № 12. См. еще записки М. А. Дмитріева и С. П. Жихарева. Актриса Жоржъ въ Россіи. К. А. Военскаго. Съ портретомъ ея. Истор. Вѣстникъ. Октябрь. 1901 г.

---

142) Правила театра. Стр. 125.

143) Дѣвица Жоржъ дважды пріѣзжала въ первое десятилѣтіе вѣка. О второмъ ея пріѣздѣ въ 1809 г. находимъ три отчета у Жуковскаго. «Жоржъ въ Расиновой Федрѣ». «Жоржъ въ Дидонѣ». «Жоржъ въ Семирамидѣ». Отзывы восторженные. Видѣвшій Жоржъ въ первый ея дебютъ въ Петербургѣ юный Аксаковъ нашелъ ее игру холодной, искусственной, совершенно неестественной, хотя блестящей. Не совсѣмъ доволенъ былъ Жоржъ и Гнѣдичъ.

144) См. Соч. С. Т. Аксакова. Т. III. Стр. 73 и 77. Воспоминанія о Шушеринѣ.

§ 2. Умѣренные взгляды, примиряющіе крайности, какъ ультра—классическаго направленія, такъ и новаго, въ сторону романтизма, вырабатывались въ кружкѣ Оленина, имѣвшаго громадное вліяніе на развитіе Батюшкова и Озерова.

«Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, говоритъ Л. Н. Майковъ въ біографіи Батюшкова, принадлежалъ къ тому-же кругу просвѣщенныхъ людей въ Петербургѣ, что и М. Н. Муравьевъ... Пріятели Михаила Никитича, Державинъ и Н. А. Львовъ, были друзьями и Оленина. Капнистъ, своякъ Державина и Львова, также былъ дорогимъ гостемъ у него, когда пріѣзжалъ въ Петербургъ изъ своего деревенскаго уединенія въ Малороссіи. Въ молодости своей Алексѣй Николаевичъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Дрезденѣ; тамъ онъ пристрастился къ пластическимъ искусствамъ и воспиталъ свой вкусъ на произведеніяхъ лучшихъ художниковъ древности и періода возрожденія, какъ они были истолкованы Винкельманомъ и Лессингомъ».

Рисовальщикъ и граверъ, Оленинъ, завѣдуя съ 1797 года монетнымъ дворомъ, познакомился и съ медальернымъ искусствомъ. Озеровъ, Крыловъ, Гнѣдичъ нашли въ Оленинѣ горячаго цѣнителя своихъ дарованій. И. М. Муравьевъ-Апостолъ и С. С. Уваровъ «встрѣтили въ немъ живое сочувствіе своимъ занятіямъ въ области классической древности»; А. И. Ермолаева и А. Х. Востокова онъ «направлялъ и укрѣплялъ въ ихъ изысканіяхъ по древностямъ русскимъ». За обѣденнымъ столомъ или въ гостиной Олениныхъ, въ ихъ городскомъ домѣ или въ подгородной дачѣ Пріютинѣ, почти ежедневно встрѣчалось нѣсколько русскихъ литераторовъ и художниковъ. Предметы литературы и искусствъ занимали и оживляли разговоры. Сюда обыкновенно привозились всѣ литературныя новости: вновь появлявшіяся стихотворенія, извѣстія о театрахъ, о книгахъ, о картинахъ.

«Уровень господствовавшихъ въ салонѣ Оленина художественныхъ понятій, говоритъ Л. Н. Майковъ, все-таки опредѣлялся псевдоклассицизмомъ, который стѣснялъ свободу и непосредственность творчества... Но вкусъ Оленина, воспитанный на классической красотѣ и возсозданіи ея Рафаэлемъ, уже не позволялъ ему удовлетворяться изысканными и вычурными формами искусства XVIII вѣка, и стремился къ большей строгости и простотѣ».

Лучше всего объ этомъ свидѣтельствуютъ извѣстныя иллюстраціи къ стихотвореніямъ Державина, исполненныя по мысли и большей частью трудами Оленина и воспроизведенныя въ академическомъ изданіи поэта подъ редакціей Грота.

Въ первые годы столѣтія крупнымъ событіемъ въ жизни оленинскаго кружка было появленіе трагедій Озерова. Еще съ послѣднихъ десятилѣтій прошлаго вѣка, рядомъ съ трагедіями псевдоклассическаго типа, появились на русской сценѣ піесы иного рода, такъ называемыя мѣщанскія драмы. Написанныя въ духѣ моднаго тогда сентиментализма, но по содержанію сво-

ему болѣе близкія къ житейской дѣйствительности, чѣмъ произведенія классическаго репертуара, піесы эти пріобрѣли явное сочувствіе публики, чѣмъ немало смущались присяжные литераторы, хранители традиціонныхъ правилъ.

Въ домѣ Оленина хотя и сознавали недостатки устарѣвшихъ трагедій Сумарокова, Княжнина и другихъ писателей, ихъ современниковъ, тѣмъ не менѣе не могли помириться съ обращеніемъ общественнаго вкуса къ сентиментальной мѣщанской драмѣ: столь привившіяся въ то время большинству публики піесы Коцебу подвергались тамъ строгому осужденію. Поэтому-то появленіе новаго русскаго драматурга, который сумѣлъ примирить возвышенный характеръ старой мнимо-классической трагедіи, съ кое-какими нововведеніями сцены, который къ тому-же владѣлъ красивымъ, звучнымъ стихомъ, встрѣчено было въ домѣ Оленина, какъ истинное обновленіе русской драматургіи. Въ 1804 году Озеровъ читалъ у Олениныхъ своего «Эдипа въ Аѳинахъ» и привелъ въ восторгъ слушателей. «Эдипъ» былъ представленъ въ первый разъ 23 ноября 1804 года. Успѣхъ былъ самый блестящій. На представленіи присутствовало все высшее общество, театръ стоналъ отъ рукоплесканій. 15 декабря играли Эдипа въ Эрмитажѣ. Государь говорилъ съ авторомъ и пожаловалъ ему подарокъ. Получили подарки и актеры: Яковлевъ, Шушеринъ и Семеновъ[145]).

Въ отдѣльномъ изданіи трагедія была посвящена Державину, при чемъ въ посвященіи Озеровъ говоритъ: «Для меня и то уже послужитъ достоинствомъ въ потомствѣ, когда скажутъ, что авторъ Эдипа умѣлъ почитать геній Державина». Это не спасло Озерова отъ завистническихъ подвоховъ со стороны маститаго поэта... Положеніе Эдипа, невольнаго преступника уже само по себѣ, какъ нравственный конфликтъ, должно было особенно трогать публику 1804 года. Первое дѣйствіе не выдается ничѣмъ. Это обычная «экспозиція».

Тезей восклицаетъ:

О, боги, сколько вы во ярости ужасны!
Царей-ли гоните: и царствія несчастны.
Эдипъ, ты гнѣвъ несешь—и весь твой страждетъ родъ...

Креонъ объясняетъ извѣстное совершенно хорошо Тезею:

...Несчастную судьбину
Потомства Кадмова ты знаешь, государь.
Эдипъ...
Вселенну ужаснулъ невольнымъ преступленьемъ:
Родителей не знавъ, онъ яростной рукой

---

[145]) Лѣтопись Русскаго театра Пимена Арапова. Спб. 1861 г. Стр. 168.

Во грудь отца вонзилъ мечъ беззаконный свой,
И обагренъ еще сей драгоцѣнной кровью,
Онъ съ матерью своей, спрягаяся любовью,
Союзъ свой совершилъ у брачныхъ алтарей.

Тезей.

Кто добрдѣтели не измѣнилъ своей,
Среди случайности невольна преступленья,
Тотъ бо́льшаго отъ насъ достоинъ сожалѣнья.

Драматическій интересъ поднимается со второго дѣйствія. Въ сценахъ, гдѣ является Эдипъ и Антигона, много чувствъ. Они прекрасны и до сихъ поръ[146]).

Эдипъ.

Постой, дочь нѣжная преступнаго отца,
Опора слабая несчастнаго слѣпца!
Печаль и бѣдствія всѣхъ силъ меня лишили.

Антигона.

Здѣсь камень вижу я; надъ нимъ древа склонили
Густую сѣнь свою: ты отдохни на немъ!

Эдипъ, [сѣвши на камень].

Я мой вѣкъ на камнѣ кончу семъ.

Антигона.

Ужасною тоской твои всѣ мысли полны.

Эдипъ.

Увы! Какъ въ бурный день свирѣпы гонятъ волны
И отвергаетъ брегъ обломки корабля,
Такъ небомъ и землей гонима жизнь моя!

Антигона.

Какимъ мечтаніемъ смущаешь духъ унылой!

Эдипъ.

Ахъ, я Эдипъ!
. . . .

Антигона.

Увы! родитель мой, гонимъ людьми, судьбою,
Безъ помощи моей, чтобъ сдѣлалось съ тобою?
Ты древнюю главу къ чему-бы преклонилъ?
На чью, на чью-бы грудь ты слезы уронилъ?
Прохлады въ жаркій день въ моей ты ищешь тѣни;
Я сяду, ты главу мнѣ склонишь на колѣни;
Среди густыхъ лѣсовъ, въ жестокость бурныхъ зимъ,
Ты согрѣваемъ мной, дыханіемъ моимъ.

---

146) Дѣйст. II, явл. I.

Прекрасны слова Эдипа о кратковременности и ничтожествѣ земного существованія:

Родится человѣкъ лѣтъ нѣсколько поцвѣсть,
Потомъ скорбѣть, дряхлѣть и смерти дань отнесть.
Одинъ шедъ малый путь, другій прошедъ поболѣ,
Въ гробу покоятся сномъ крѣпкимъ въ равной долѣ. .
Гдѣ мы?

Антигона.

Въ долинѣ мы: окрестъ пустынны виды.
И близко межъ древесъ храмъ виденъ Эвмениды.

Эдипъ.

Храмъ Эвменидъ? Увы, я вижу ихъ...

Антигона.

Въ забвенье страшное ума впадаетъ онъ!

Эдипъ.

Гора несчастная, ужасный Киѳеронъ,
Ты, первыхъ дней моихъ пустынная обитель,
Куда на страшну смерть извергъ меня родитель!
Скажи, пещеръ своихъ во мрачной глубинѣ
Скрывала-ль ты когда чудовищъ равныхъ мнѣ?
О! сколько фурій терзать меня вы строги!
Не вы-ль на семъ пути мнѣ обнажили мечъ,
Чтобъ жизнь родителя моей рукой пресѣчь.
Вотъ храмъ, гдѣ съ матерью меня вы сочетали!
Изъ вашихъ змѣй вѣнцы намъ брачные сплетали:
Тамъ былъ не Гименей, Мегера тамъ была
И смрадный пламенникъ съ усмѣшкою зажгла...

Является народъ. Эдипъ открываетъ, кто онъ. Всѣ въ ужасѣ

— Онъ воздухъ заразить здѣсь можетъ между нами.
Отцеубійца онъ.
— Онъ матери супругъ.
— Своимъ онъ дѣтямъ братъ.

Является Тезей и заступается за Эдипа:

Тезей.

За преступленіе ужасно, но невольно,
Мученія, Эдипъ, ты претерпѣлъ довольно:
Ты добродѣтели несчастной намъ примѣръ...

Эдипъ.

О, боги сильные, властители природы,
Которыми падутъ и возстаютъ народы!
Предъ вами вѣки — мигъ, вселенная — черта,
И смертный на землѣ, какъ слабая мечта...
Благоволите-ли во областяхъ Тезея
Назначить мрачный гробъ невиннаго злодѣя?

Неподдѣльнымъ чувствомъ проникнуты слова Антигоны, бросающейся къ воинамъ, которые хотятъ увести ея отца по приказанію Креона:

Постойте, варвары, пронзите грудь мою:
Любовь къ отечеству довольствуйте свою!
Не внемлютъ и бѣгутъ поспѣшно по долинѣ...
Не внемлютъ и мой вопль теряется въ пустынѣ.
Есть громы... но въ сей часъ на небѣ тишина.
Есть боги... и земля злодѣямъ предана,
И стонутъ слабые у сильныхъ подъ рукою!
Увы, что я, гдѣ я? Что станется со мною?
Забыта братьями, оставлена роднёй,
Извержена изъ Ѳивъ, въ странѣ, въ странѣ чужой...

Въ 1806 г. Озеровъ написалъ «Фингала». Сюжетъ былъ ему указанъ Оленинымъ въ одной изъ поэмъ Оссіана; онъ-же потомъ составилъ рисунки костюмовъ и аксессуарныхъ вещей для постановки этой пьесы. Классическая теорія требовала въ трагедіи 5 дѣйствій. Въ «Фингалѣ» только три. И за это отступленіе критика ополчилась на Озерова. «Въ трагедіи «Фингалъ», говоритъ кн. Вяземскій, одно только трагическое лицо. — Старнъ. Сынъ его Тоскаръ убитъ былъ Фингаломъ, и всѣ чувства родительскія — нѣжная любовь къ сыну, сѣтованіе о немъ—соединились въ одно: въ желаніе мести. Фингалъ, побѣдитель и убійца Тоскара, влюбленъ въ его сестру, Моину, которая отвѣчаетъ его страсти. Старнъ скрываетъ свое негодованіе отъ дочери, не раздѣляющей ненависти его къ побѣдителю сына, и, вмѣсто обѣщаннаго брачнаго торжества, хочетъ принести Фингала въ жертву мести своей на холмѣ надгробномъ Тоскара... Озеровъ съ искусствомъ умѣлъ противупоставить мрачному и злобному Старну, таящему въ глубинѣ печальной души преступные замыслы, взаимную и простосердечную любовь двухъ чадъ природы, искренность Моины, («Въ пустынной тишинѣ, въ лѣсахъ, среди свободы, мы возростаемъ здѣсь, какъ дочери природы, и столь-же искренни, какъ искренна она...») благородство и довѣрчивость Фингала; онъ сочеталъ въ одной картинѣ свѣжія краски добродѣтельной страсти, владычествующей прелестью очарованія своего въ сердцахъ невинныхъ, съ мрачными красками угрюмой и кровожаднѣйшей мести, и хитрость злобной старости съ довѣрчивою смѣлостію добродѣтельной молодости»[147]).

Въ 1807 г. передъ войной съ Наполеономъ, въ моментъ патріотическаго одушевленія, Озеровъ поставилъ трагедію «Димитрій Донской», имѣвшую необычайный успѣхъ. «Когда, благодаря за побѣду, Дмитрій Донской становится на колѣни и, простирая руки къ небу, говоритъ:

---

[147]) Сочин. кн. Вяземскаго, т. I. Стр. 41—42.

Но первый сердца долгъ къ тебѣ, Царю Царей!
Всѣ царства держатся десницею Твоей.
Прославь и возвеличь и вознеси Россію!
Сотри ея враговъ коварну, горду выю:
Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменникъ могъ:
Языки, вѣдайте,— великъ Россійскій Богъ!

такой энтузіазмъ овладѣлъ всѣми, что нѣтъ словъ описать его. Я думалъ, что стѣны театра развалятся отъ хлопанья, стука и крика. Многіе зрители обнимались, какъ опьянѣлые, отъ восторга. Сдѣлалось, до тѣхъ поръ неслыханное, дѣло: закричали фора въ трагедіи. Актеры не знали, что дѣлать. Наконецъ, изъ первыхъ рядовъ креселъ начали кричать: «Повторить молитву!» и Яковлевъ вышелъ на авансцену, сталъ на колѣни и повторилъ молитву».

Такъ описываетъ, словами актера Шушерина, С. Т. Аксаковъ первое представленіе «Димитрія Донского» [148]).

Успѣхъ Озерова ополчилъ на него завистниковъ. Оленинъ указалъ ему для новой трагедіи гомеровскій сюжетъ «Поликсены»; Озеровъ считалъ лучшимъ своимъ произведеніемъ эту трагедію. Но она принята была на сценѣ холодно. Неудача и интриги враговъ доканали Владислава Александровича Озерова. Онъ душевно заболѣлъ и скончался въ 1816 г. «Въ стихахъ Озерова, говоритъ Вяземскій, нѣтъ той свободы, той мягкости, которая заставляетъ читателя забывать о трудѣ стихотворства... Почеркъ дѣтства измѣняется съ лѣтами, но не можетъ совершенно преобразоваться, и суровость языка временъ Княжнина еще отзывается въ поэмахъ Озерова. Но за то гдѣ говоритъ сердце, какая сила краснорѣчія! Какая истина и вѣрность въ звукахъ чувствительной души! Какая увлекательная прелесть въ порывахъ мечтательнаго воображенія! Какое глубокое уныніе...» Отъ себя скажемъ, что во всякой другой литературѣ такой крупный трагикъ, какъ Озеровъ, явился-бы предметомъ изученія критики. У насъ онъ незаслуженно забытъ.

БИБЛІОГРАФІЯ: Кромѣ перечисленныхъ трагедій, Озеровъ поставилъ на Петербургскомъ театрѣ въ 1798 г. «Смерть Олега Древлянскаго», написанную въ стилѣ Княжнина. Она не имѣла успѣха. Затѣмъ упомянемъ «Собраніе стихотвореній Владислава Озерова» (Спб. 1792 г. въ 12°.) (Сопиковъ. № 13212) и «Элоиза къ Абеляpду». Иронда, соч. Колардо. Пер. съ франц. В. Озеровъ. Спб. Въ Т. Шляхетск. Сухоп. Кадетск. Корпуса. 8°. 1794 г. (Роспись Смирдина). Изданія сочиненій въ 1816—1817 г. первое, въ 1819—второе; въ 1824—третье. Отдѣльныя изданія трагедій: «Эдипа» въ 1805. 3-е изд. въ 1823; «Фингалъ» въ 1808 на рус. и фр. языкахъ, съ полною музыкою хоровъ, пантомимовъ, ба-

---

148) Соч. т. III стр. 107.

летовъ. 2-е изд. 1816 г. «Димитрій Донской». 2-е изд. 1816 г.; «Поликсена» 2-е изд. 1819 г. Объ Озеровѣ см. въ «Исторіи основанія русскаго театра» Карабанова. 1849 г. Соч. кн. Вяземскаго. Т. I. Л. Н. Майковъ: Біографія Батюшкова при сочиненіяхъ его. А. Н. Пыпинъ. Истор. Русск. Литер. Т. IV. Гл. XL. Стр. 264, 287 и 288. Проф. А. И. Силинъ: Значеніе Озерова въ исторіи русской литературы. Извѣстія Кіевскаго универс. 1870 г. № 10. Стр. 1—28. Письма В. А. Озерова къ А. Н. Оленину. 1808 и 1809 гг. Русскій Архивъ. 1869 г. № 1. Стр. 123—151. Въ «Библіографич. замѣткахъ» М. Н. Лонгинова, Современникъ 1856 и 1857 гг. Къ библіографіи В. А. Озерова. И. П. Верпаховскій. Русскій Архивъ. 1869 г. № 12. Стр. 2029—2032. Въ запискахъ С. Н. Глинки. («Русскій Вѣстникъ» № 2. 1866 г.) и въ запискахъ Вигеля въ 3-й части. Гл. 10 и 11. С. П. Жихаревъ. Дневникъ чиновника. Отеч. Зап. 1855 г. № 5.

§ 3. Въ 1801 г. Александръ Александровичъ Шаховской (1777—1846), дотолѣ служившій въ Преображенскомъ полку, перешелъ въ «театральное вѣдомство» по настоянію директора театровъ А. А. Нарышкина, обратившаго на преображенскаго офицера вниманіе, благодаря написанной имъ въ 1795 г. комедіи въ стихахъ «Женская шутка», поставленной въ Эрмитажѣ и сыгранной въ присутствіи Императрицы Екатерины II-й. Въ 1802 году кн. Шаховской былъ назначенъ членомъ по репертуарной части и отправленъ во Францію «для пополненія первыми сюжетами французской труппы петербургскаго театра». Между прочимъ въ Парижѣ кн. Шаховской изучилъ игру знаменитаго Тальма. Возвратившись въ Россію, онъ преобразовалъ на новыхъ началахъ театральную школу, до тѣхъ поръ почти исключительно воспитывавшую артистовъ и артистокъ для оперы и балета. Князь возродилъ драматическую ея часть. Затѣмъ онъ принялся писать для театра и скоро, по выраженію Пушкина, вывелъ на подмостки «своихъ комедій легкій рой». Онъ былъ постояннымъ посѣтителемъ дома Олениныхъ, что, конечно, благотворно вліяло на складъ его эстетическихъ воззрѣній. Въ исходѣ 1807 года онъ задумалъ издавать журналъ, спеціально посвященный театру и съ начала 1808 г. сталъ появляться небольшими еженедѣльными листками «Драматическій Вѣстникъ». «Журналъ, говоритъ Л. Н. Майковъ, до извѣстной степени выражалъ мнѣнія оленинскаго кружка... Вѣстникъ старался давать читателямъ запасъ свѣдѣній объ исторіи драматическаго искусства, и указывать руководящія начала для болѣе здравой оцѣнки театральныхъ произведеній... Вообще говоря, критика журнала стояла на старой псевдоклассической точкѣ зрѣнія, но по крайней мѣрѣ не преклонялась слѣпо предъ нашими устарѣвшими драматургами прошлаго вѣка. Здѣсь между прочимъ нашли себѣ одобреніе комедіи Крылова и «Король Лиръ» въ переводѣ Гнѣдича съ передѣлки Дюси; здѣсь печатались подробные отзывы о представленіяхъ Жоржъ, пріѣхавшей тогда въ Петербургъ;

напротивъ того, слезливыя драмы Коцебу, и даже драмы Шиллера, подвергались осужденію»[149]).

Произведенія кн. Шаховского, чрезвычайно многочисленныя, даже не собраны въ одно изданіе. Повидимому, они имѣютъ не столько значенія для литературы русской драмы, сколько спеціально для театра. Кн. Шаховской былъ типичнымъ драматургомъ-поставщикомъ для сцены новинокъ, приспособленныхъ къ артистамъ и вкусу публики и главнымъ образомъ заимствованныхъ. Въ 1804 году Шаховской поставилъ на сцену комедію «Коварный». Комедія провалилась, вызвавъ кучу эпиграммъ изъ лагеря сторонниковъ Карамзинскаго направленія. Въ отместку молодой драматургъ поставилъ 31 мая 1805 года на петербургскомъ Маломъ театрѣ одно-актную комедію «Новый Стернъ», осмѣивавшую крайности сентиментальнаго направленія. Въ героѣ пьесы, графѣ Пронскомъ, узнали князя Шаликова, чувствительнаго издателя «Дамскаго Журнала». Романсъ графа очень остроуменъ:

Натура мнѣ сама сказала,
Что долженъ жить я межъ цвѣтовъ....

Графъ Пронскій путешествуетъ, выкидывая всевозможныя сентиментальныя дурачества, принимаетъ Маланью, Мельникову дочь за пастушку и пр. Слуга его Ипатъ такъ объясняетъ состояніе графа: «Слезливые писатели, плаксивые сочинители! вы, вы загубили добраго моего господина; вамъ будетъ отвѣчать за него! Эти маленькія книженки, что я носилъ ему изъ университетской лавки, поддѣли бѣднаго графа... Растолкуйте мнѣ, сударь, откудова выѣхала къ намъ эта сентиментальная чертовщина?» Другъ отца графа Пронскаго, Судьбинъ, отвѣчаетъ довольно зло: «Она сформировалась въ Англіи, попортилась во Франціи, раздулась въ Германіи, а къ намъ вывезли ее въ самомъ жалкомъ состояніи...» Комедія имѣла большой успѣхъ, но образовала автору кучу враговъ. Въ 1808 г. кн. Шаховской написалъ «Полубоярскія затѣи или домашній театръ», оригинальную комедію въ пяти дѣйствіяхъ, имѣвшую значительный успѣхъ.

«Шаховской писалъ очень много. Подобно Сумарокову, бывшему первымъ директоромъ театра и въ то же время поставщикомъ піесъ для него, онъ также былъ писателемъ для театра. Онъ не успѣвалъ ни вдуматься въ сюжетъ піесы серьезно, ни обработывать его художественно. Поэтому между множествомъ его піесъ мы не находимъ ни одной классической піесы, сохранившей свое значеніе надолго. Да и таланта у него не было такого, чтобы писать такія піесы; у него не было глубины взгляда, ни серьезности мысли. У него была наблюдательность, бойкость и живость, воображеніе и остроуміе. Съ этими качествами онъ въ обиліи могъ доставлять матеріалъ для

---

149) Соч. Батюшкова. Т. I. Біографія. Стр. 72.

спектаклей, не особенно цѣнный и богатый по своему содержанію и внутреннему значенію, но разнообразный и интересный. Онъ не былъ строго разборчивъ; что происходило вокругъ него на сценѣ или въ обществѣ, онъ, нисколько не стѣсняясь, вставлялъ въ свои піесы, задѣвалъ извѣстныя личности, рисуя ихъ портреты, намекая на извѣстные случаи. Это придавало его піесамъ характеръ современности и близости къ жизни»[150]). Библіографическія данныя о Шаховскомъ см. ниже.

§ 4. Перечислимъ остальныхъ драматическихъ писателей начала вѣка, и ихъ главнѣйшія произведенія. Крюковскій, Матвѣй Васильевичъ, одновременно съ «Димитріемъ Донскимъ» поставилъ трагедію въ 3-хъ дѣйст. «Пожарскій», тоже имѣвшую большой успѣхъ. (1-е изд. 1807 г. Изд. 2-е. 1810 г.). На Крюковскаго возлагали большія надежды, но онъ умеръ молодымъ, написавъ еще только трагедію въ 5-ти дѣйств.: «Елисавета, дочь Ярослава». (1820 г.). Сочиненія М. В. Крюковскаго, содержащія эти два произведенія вышли въ 1820 г.

Ильинъ, Николай Ивановичъ, далъ первыя попытки новой, русской драмы: «Великодушіе или рекрутскій наборъ» (1804 г.) и «Лиза или торжество благодарности» (1802 г.). Сценическіе успѣхи Ильина вскружили ему голову, говоритъ С. Т. Аксаковъ. Въ самомъ дѣлѣ, «Лиза или торжество благодарности» и «Рекрутскій наборъ», пьесы точно съ нѣкоторымъ достоинствомъ, особенно послѣдняя — производили при своемъ появленіи, и въ Москвѣ и въ Петербургѣ, такое сильное впечатлѣніе, даже восторгъ, какого не бывало до тѣхъ поръ, какъ мнѣ сказывали сторожилы — театралы. Я видѣлъ много разъ эти пьесы на сценѣ, когда онѣ были уже не новость, и могу засвидѣтельствовать, что публика и плакала навзрыдъ, и хлопала до неистовства: въ Петербургѣ поменьше, въ Москвѣ побольше. Говорятъ, вызовъ на сцену авторовъ начался съ Ильина»[151]).

Въ такомъ же чувствительномъ родѣ писалъ драмы и Василій Михайловичъ Федоровъ. Таковы его: «Любовь и добродѣтель», драма въ 3-хъ д. и «Русскій или хорошо быть добрымъ господиномъ» драма въ 2-хъ д. (1803 г.); «Лиза, или слѣдствіе гордости и обольщенія», драма въ 5-ти д. (1804 г.); «Клевета и невинность», драма въ 4-хъ д. (1805 г.); «Не бывать фатѣ», драма въ 1-мъ д., «взятая изъ истиннаго происшествія» (1807 г.). Кромѣ того Федоровъ писалъ оды и стихи на высокоторжественные случаи и перевелъ съ французскаго «Эзоповы басни, съ нравоученіями въ стихахъ и съ присовокупленіемъ ко всякой баснѣ фигуръ» (М. 1806 г.).

Клушинъ, Александръ Ивановичъ, издалъ въ 1793 г. «Санктпетербургскій

---

150) Порфирьевъ. Литература въ царствованіе Александра I. Стр. 148.
151) Соч. Т. IV. Стр. 15.

Меркурій»; въ 1802 издалъ «Вертеровы чувствованія или несчастный М. Оригинальный анекдотъ». Комедіи его: «Разсудительный дуракъ или англичанинъ» (1790 г.), «Смѣхъ и горе», комедія въ 5-ти д., въ стихахъ (1795 г.); «Услужливый», ком. въ 3-хъ д. (1796 г.); «Худо быть близорукимъ» и «Святочная шутка» (1800 г.); «Американцы», опера въ 2-хъ д. съ хорами и балетами (1800 г.).

Писалъ для сцены еще Павелъ Ивановичъ Сумароковъ, замѣчательный также, какъ прозаикъ («Путешествіе по всему Крыму и Бессарабіи въ 1799 г.», «Досуги крымскаго судьи, или второе путешествіе въ Тавриду» 2 ч. Спб., съ виньетами, съ видами и планами, 1803—1805 гг.; «Черты Екатерины Великія» 1819 г. и «Прогулка заграницу» 1821 г.). Изъ драматическихъ его произведеній укажемъ: «Зеленой корсетъ», ком. въ 3-хъ д. (1805 г.); «Модникъ», ком. въ 5-ти д. (1806 г.); «Марѳа Посадница или покореніе Нова-Града», драма въ 3-хъ д. (1807 г.). Для сцены сначала писалъ баснописецъ Крыловъ: «Модная лавка», «Илья-Богатырь», комич. опера, «Урокъ дочкамъ», «Бѣшеная семья». Назовемъ еще: Лукницкаго, Александра Владиміровича (ком. «Денщикъ-Виртуозъ» 1806 г.); Судовщикова, Николая Родіоновича («Неслыханное чудо или честной секретарь», ком. въ 3-хъ д. въ стих. 1802 г.) Иванова, Ѳедора Ѳедоровича, автора драмы: — «Награжденная добродѣтель или женщина, какихъ мало» (1805 г.); его же «Семейство Старичковыхъ или за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ», драма въ 1-мъ д. (1808 г.); «Казачій офицеръ» (1808 г.). Большой успѣхъ имѣли произведенія поэта Николая Петровича Николева: ком. «Сорока» и трагедія «Пальмира» (1801 г.). Имѣла успѣхъ и долго давалась опера въ 1 дѣйствіи Александра Яковлевича Княжнина (сына): «Дѣвишникъ или Филаткина свадьба» (1809 г. Изд. 2-е. 1826 г.). Писали для сцены еще актеры Иванъ Росляковъ и Евграфъ Лифановъ; Петръ Александровичъ Плавильщиковъ, авторъ комедій «Сибирякъ» и «Сидѣлецъ» (1807 г.) и трагедіи, написанной прозою: «Ермакъ покоритель Сибири» (1806 г.) и наконецъ Глинка, Сергѣй Николаевичъ, извѣстный патріотъ и издатель «Русскаго Вѣстника», поставившій въ 1805 г. трагедію «Наталья, боярская дочь», а въ 1807 г.: «Сумбека или паденіе царства Казанскаго».

Въ заключеніе должно отмѣтить выдающійся успѣхъ волшебно-комической оперы «Днѣпровская Русалка» и трагедію Василія Трофимовича Нарѣжнаго, которая не была поставлена на сцену, но любопытна, какъ попытка создать трагедію въ стилѣ Шиллера.

«Днѣпровская Русалка», передѣланная изъ либрето оперетки Фердинанда Кауэра (1751—1831 гг.) «Donauweibchen», которая и донынѣ еще играется на провинціальныхъ сценахъ Германіи, несомнѣнно является предвѣстіемъ романтизма на петербургской сценѣ. Три первыя части ея составлены Николаемъ Степановичемъ Краснопольскимъ, четвертая—совершенно

бездарная—кн. Шаховскимъ. Они шли—20-го октября 1803 г.—1-я часть; 5-го мая 1804 г.—2-я часть; 25-го октября 1805 г.—3-я часть[152]); и 1807 г.—4-я часть. Въ каждой части 3 дѣйствія. Арія русалочки Лиды, дочери русалки Лесты, помѣщалась во всѣхъ сборникахъ пѣсенъ, а первый куплетъ ея чуть не обратился въ поговорку:

Мужчины на свѣтѣ,
Какъ мухи къ намъ льнутъ,
Имѣя въ предметѣ,
Чтобъ насъ обмануть.

Не меньшей популярностью пользовалась арія русалки Лесты (переодѣтой въ цыганку) въ 3-й части:

Я цыганка молодая,
Я цыганка не простая,
Знаю ворожить.

Въ своей книгѣ «Поддѣлка Русалки Пушкина» А. С. Суворинъ дѣлаетъ интересное сопоставленіе «Днѣпровской русалки» съ однимъ изъ наиболѣе зрѣлыхъ произведеній Пушкина, а также и съ его «Русланомъ и Людмилой».

«Если освободить эту оперетку отъ переодѣваній и всякой чертовщины, то увидимъ, что основа этой «Лесты, Днѣпровской Русалки» совершенно таже что и Пушкинской «Русалки»... Дѣйствіе начинается на берегу Днѣпра. Видостанъ, князь полоцкій, ѣдетъ со своею свитою къ своей невѣстѣ Мирославѣ, дочери Славомысла, князя Черниговскаго. По дорогѣ Видостанъ охотится на медвѣдя, который, спасаясь отъ его преслѣдованія, бросается въ Днѣпръ. Раздается громъ и «являются въ волнахъ рѣки плавающія Леста и Лида («русалочки»)... Русалки исчезаютъ, заслышавъ роги охотниковъ. Видостанъ садится подъ дерево въ размышленіи... Раздается пріятное пѣніе Лесты:

[152]) «Первая часть сей оперы была представлена въ первый разъ въ Москвѣ, въ 1804 г. Она такъ понравилась публикѣ, что и старый и малый должны были видѣть Русалку. Аріи изъ Русалки напѣвались всѣми, бальная музыка заимствовалась изъ Русалки: на дѣтскихъ балахъ, бывшихъ въ большой модѣ, прелестные па, сочиненія г. Іогеля, танцовались подъ извѣстные напѣвы: «Приди въ чертогъ ко мнѣ златой и полно-же вздорить, начните плясать»; учители на фортепіано обязаны были доставлять барышнямъ Thema con variazione изъ Русалки; даже лакей, который гуляя подъ качелями, дѣлалъ привѣтствіе разрумяненной красавицѣ своего сословія, получалъ отъ нея въ отвѣтъ: Мужчины на свѣтѣ, какъ мухи къ намъ льнутъ! Эта слава Днѣпровской Нимфы очень понятна. Опера веселила публику, слѣдовательно должна была ей нравиться...

Тел. 1829 г. № 23. Смѣсь. Русскій Театръ. Стр. 379 и 380. По поводу постановки 3-й части «Русалки».

Приди въ чертогъ ко мнѣ златой.
Приди, о князь ты мой драгой:
Тамъ всѣ пріятства соберешь.
Невѣсту милую найдешь...

Леста является изъ волнъ,—говоритъ: Неужели ты меня забылъ?

«Видостанъ, находясь между Лестой и Милославой, постоянно скучаетъ то по одной, то по другой. То привлекаютъ его чары русалки, то молодой жены. Онъ выходитъ на берегъ Днѣпра въ такой же меланхоліи, какъ князь у Пушкина. Какъ у Пушкина, его ищутъ охотники, «чтобы успокоить княгиню». Какое то волшебное «очарованіе» влечетъ его на берегъ Днѣпра, какъ и князя у Пушкина:

О, мѣста, мѣста пріятны!
Къ вамъ въ печали прихожу.
Здѣсь мои вамъ стоны внятны.
Здѣсь утѣхи нахожу.

По всѣмъ 12-ти дѣйствіямъ проходитъ этотъ меланхолическій Видостанъ, напоминая то Руслана, то князя въ «Русалкѣ» Пушкина [153]).

Трагедія В. Нарѣжнаго, «Димитрій Самозванецъ», напечатанная въ Москвѣ отдѣльной книгой въ 1804 году. вызвала строгое осужденіе критика въ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ», хотя молодой драматургъ въ сущности еще держится всѣхъ основныхъ традицій и весьма робко пытается подражать Шиллеру. «Я читалъ, говоритъ рецензентъ, двѣ Шиллеровы трагедіи въ этомъ же родѣ, но «Самозванецъ» не можетъ равняться ни съ трагедіей «Разбойники», ни съ трагедіей «Заговоръ Фіеска въ Генуѣ»... Вообще видно, что если г. Нарѣжный забудетъ расположеніе нѣмецкихъ трагедій, если прочтетъ «Principes» Batteux, согласится передѣлать свою трагедію, выброситъ лишніе разговоры и оставитъ необходимое для главнаго содержанія, поправитъ слогъ и рѣже будетъ говорить о діаволахъ и сатанахъ, то напишетъ прекрасную трагедію». Подписалъ: «Неизвѣстный» [154]).

БИБЛІОГРАФІЯ: Крюковскій (1781—1811). Сочиненія Спб. 1820 г. и изд. Смирдинымъ: 1850 и 1854 гг. Его: «Проэктъ благотворит. сбора въ пользу бѣдныхъ дѣвицъ». и «О новѣйшемъ государственномъ хозяйствѣ» Герешванда. перев. съ нѣм. (Спб. 1807 г.) Булгаринъ. Воспоминанія. Библ. для чтенія. 1845 г. т. 74. Клушинъ Алекс. Ив. (1780—1804 гг.). «Подьяческій сынъ изъ Твери», «рожденъ къ наукамъ, но

---

[153]) Поддѣлка «Русалки» Пушкина. (Спб. 1900 г. (Стр. 17—24. (Сближеніе это чрезвычайно важно и напоминаетъ наше общее замѣчаніе о постоянныхъ попыткахъ въ стихахъ. въ прозѣ, въ балладѣ. поэмѣ или драмѣ создать русскую, народную романтическую пѣснь. которыми заняты первое и второе десятилѣтіе, вплоть до появленія «Руслана и Людмилы». «Леста—Днѣпровская Русалка», какъ и «Громвалъ» Каменева уже вводили русское общество въ волшебно-романтическій міръ.

[154]) Н. Бѣлозерская. «В. Т. Нарѣжный». Ч. I. Стр. 8 и 9.

безъ призрѣнія». Издавалъ съ Крыловымъ «Зритель» и «Спб. Меркурій». Увлекался «Вертеромъ» Гете. Біограф. свѣд.: Записки Акад. Наукъ т. II, Стр. 9. Словарь свѣтск. писателей митр. Евгенія. А. Бахаровъ «Памятникъ протекшихъ временъ». М. 1875 г. стр. 69 и пр. Княжнинъ Ал. Як. (1771—1829 г.). Его драмы: «Андромаха и Персей». (Спб. 1802 г.). «Цирцея и Улиссъ» (Спб. 1803 г.). Комедіи: «Неудачный примиритель или безъ обѣда домой не поѣду» (Росс. Ѳеатръ. 1790 г. XXXIII. «Женихъ трехъ невѣстъ» (Спб. 1807 г.). «Мужья-женихи своихъ женъ». (Спб. 1825 г.). Оперы: «Амуръ-судья или споръ трехъ грацій» (Спб. 1820 г.). Комич. оперы: «Ямъ» (Спб. 1809 г.). «Посидѣлки слѣдствіе Яма» (Спб. 1809 и 1826 гг.). «Дѣвишникъ или Филькина свадьба слѣдствіе Яма и Посидѣлокъ» (Спб. 1809 и 1824 гг.). См. Араповъ. Словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XV, стр. 470. Ивановъ Ѳ. Ѳ. Сочиненія и переводы съ біограф. написан. Мерзляковымъ. М. 1824 г. М. Макаровъ. Некрологъ: Иллюстриров. Газета Зотова. 1868 г. Т. I, № 1, стр. 15. Репертуаръ и Партеонъ. 1845 г. кн. VIII. Тамъ-же, 1844 г. № 8 о Судовщиковѣ. Николевъ, т. II. (1758—1815 гг.). Творенія въ стихахъ и прозѣ въ 5 томахъ. М. 1795—1798 гг. Его-же «Рѣчь крестьянамъ Верейской округи» 1812 г. Его пѣсни стали народными: «Взвейся, выше понесися» и «Вечеромъ румяну зорю». Павелъ I его называлъ l'aveugle clairvoyant (онъ ослѣпъ), друзья «русскимъ Мильтономъ» и собирались въ его память. «Сынъ Отеч.» 1817 г. ч. XXXVI: «Русск. Вѣстн.» 1819 г. №№ 23 и 24. Памятникъ друзей Николаю Петровичу Николеву». М. 1819 г. Соч. С. Т. Аксакова. Т. IV. Изд. 1886 г. Воспоминанія. Стр. 6—21. Венгеровъ. Русская поэзія. Вып. V. 1895 г. Письмо кн. Дашковой къ Н. П. Николеву. Русская Правда, альманахъ на 1860 г. Стр. 72—73. Отрывокъ изъ записокъ, М. А. Дмитріевъ. Мелочи. М. 1869 г. Плавильщиковъ. (1760—1812 гг.). «Сочиненія» 1861 г. Лучшія комедіи «Бобыль» (Спб. 1815 г.), шедшій еще въ 50-хъ годахъ на московской сценѣ и «Сидѣлецъ» (Спб. 1807 г.) о немъ: Ильинъ: «О П.,» (Вѣст. Евр. 1815 г. № 10). П. В. Побѣдоносцевъ. «Воспоминанія о П.» (М. 1818 г.). А. Сиротининъ: «П. актеръ и писатель прошлаго вѣка». Ист. Вѣст. 1891 г. Авг. И. Ѳ. Горбуновъ, «П. А. П.» Русскій Вѣстникъ. 1892 г. Мартъ. «Архивъ дирекціи Импер. театр.» Отд. III. Спб. 1892 г. М. Н. Макаровъ. «П. А. П.» Репертуаръ. 1841 г. Кн. XI. Ѳ. Кони въ «Репертуаръ и Пантеонъ». 1850 г. П. М. Лонгиновъ. Русскій Архивъ. 1870 г. № 7. Стр. 1348 — 1366. Въ запискахъ С. Н. Глинки. (Изд. 1895 г.) и дневникѣ Жихарева. (Изд. 1891 г.). Сумароковъ, П. И. (1846 г.). Его «Нѣкоторыя разсужденія о А. П. Сумароковѣ и началѣ россійскаго театра». Спб. 1806 г. Притча орлы и скворцы. Спб. 1806 г. (Смирдинъ. Роспись. 8318. То-же изд. 2-е. Витебскъ. Сопиковъ. №№ 9051—9052). Черты Екатерины въ «Русск. Арх.» 1870 г. № 11. Стр. 2076—2126. О немъ въ статьѣ «Письма и записки отъ разныхъ лицъ къ гр. Хвостову». Библіографич. Записки. 1859 г. № 8. Въ дневникѣ Жихарева. Крыловъ, И. А. (1768—9 нояб. 1844 г.). А. Лященко. Истор. Вѣстн. 1894 г. № 11. А. Кирпичниковъ. Починъ. В. Перецъ. Ежегод. Импер. театровъ на 1895 г. «Журн. Мин. Народн. Просв.» на 1895 г. Статьи Амона, Драгоманова, Нечаева.

———

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Десятые годы.

(1810—1820).

I. Значеніе 1812 г. для литературы. —Подъемъ патріотическаго чувства.—Прусскій министръ Штейнъ на русской службѣ.—Николай Ивановичъ Гречъ.—Возникновеніе «Сына Отечества».—Массонскія ложи.—Преимущество Москвы надъ Петербургомъ въ отношеніи словесности.—Шишковъ и его школа.—«Бесѣда любителей русскаго слова».—Кружокъ московскихъ карамзинистовъ.—«Арзамасъ».—Значеніе этого кружка.—«Общество любителей Россійской словесности».—Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ.—Критическая дѣятельность его.—Публичныя лекціи Мерзлякова въ кругу московской аристократіи.—Разборъ «Россіады».—Приверженность къ авторитетамъ и ложно-классической теоріи.—Педантизмъ и доктринерство.—Студентъ Павелъ Строевъ и его журналъ «Современный наблюдатель Россійской словесности».—«Письма» Строева.—Пародія Батюшкова «Пѣвецъ въ Бесѣдѣ Славяноросcовъ».—Александръ Ѳедоровичъ Воейковъ.—«Домъ сумасшедшихъ».—«Разсужденіе о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности» Н. Гнѣдича.—«Рѣчь о вліяніи легкой поэзіи на языкъ» К. Батюшкова.—Мнѣніе Батюшкова о русскомъ языкѣ.—Безсиліе Батюшкова.—II. «Исторія Государства Россійскаго», какъ памятникъ прозы.—«Планъ» Сперанскаго и «Записка» Карамзина.—Шишковъ и Карамзинъ.—Безсиліе критики второго десятилѣтія оцѣнить трудъ Карамзина.—Различные взгляды на твореніе Карамзина.—Взглядъ Погодина и Соловьева.—Взглядъ Пыпина и Милюкова.—Памятникъ языка.—Первая эпопея.—Василій Трофимовичъ Нарѣжный и его романъ «Россійскій Жилблазъ или похожденія Князя Гаврилы Семеновича Чистякова».—III. Расцвѣтъ поэтическаго творчества Жуковскаго.—«Двѣнадцать спящихъ дѣвъ.—Свѣтлана».—«Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ» и «Пѣвецъ въ Кремлѣ»—«Тэонъ и Эсхинъ».—«Ивиковы журавли».—«Графъ Габсбургскій».—«Лѣсной царь».—«Овсяный кисель».—«Утренняя звѣзда».—«Лѣтній вечеръ».—Лирическія стихотворенія и посланія.—«Опыты въ стихахъ и прозѣ» Константина Батюшкова.—Его «Подражанія древнимъ».—Образцы Батюшкова.—Элегическое построеніе и скульптурность его поэзіи.—Сумасшествіе Батюшкова.—Михаилъ

Васильевичъ Милоновъ. — Василій Львовичъ Пушкинъ. — Посланія къ Арзамасцамъ. — Кн. Петръ Андреевичъ Вяземскій.—«Первый снѣгъ».—Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.— Николай Ивановичъ Гнѣдичъ.— Бар. Антонъ Антоновичъ Дельвигъ.—Юные годы Александра Сергѣевича Пушкина.—«Лицейскія стихотворенія». -Окончаніе Карамзинскаго періода русской поэзіи.—IV. Комедіи Шаховского, Хмѣльницкаго и Загоскина.—Первая мелодрама.—Драматическое творчество десятилѣтія.—«Казакъ стихотворецъ».— «Урокъ кокеткамъ или липецкія воды». — «Говорунъ». — «Воздушные замки». — «Нерѣшительный».—«Комедія противъ комедіи или урокъ волокитамъ».—«Богатоновъ или провинціалъ въ столицѣ»—«Вечеринка ученыхъ».—«Макарьевская ярмарка» и «Лебедянская ярмарка».—«Романъ на большой дорогѣ». — Первый опытъ Грибоѣдова.—«Молодые супруги»—«Убійца и сирота», мелодрама Зотова.

I.

§ 1. Въ исторіи русскаго самосознанія 12-й годъ былъ великой эпохой. Онъ потрясъ и объединилъ всѣ слои народа и воодушевилъ единымъ чувствомъ Царя, дворянство и всѣ другія сословія. Русская жизнь съ этого времени, оставивъ прежнюю подражательность, выходитъ на дорогу народности. Литература принимаетъ національный характеръ. Первый поэтъ, выросшій подъ впечатлѣніями знаменитой эпохи, былъ Пушкинъ [155]).

Послѣдующія событія, обратная волна движенія народовъ съ востока на западъ, взятіе Парижа, опять таки чрезвычайно расширили умственный кругозоръ русскихъ людей. Въ 1807 году тоже была вспышка патріотизма. Однако, хотя бы Батюшковъ, относился къ ней очень скептично. «Отъ одного слова русское, некстати употребленнаго, у меня сердце не на мѣстѣ, пишетъ онъ Гнѣдичу 1-го ноября 1809 г.—любить отечество можно. Кто не любитъ его, тотъ извергъ. Но можно ли любить невѣжество? Можно ли любить нравы, обычаи, отъ которыхъ мы отдалены вѣками и, что еще болѣе, цѣлымъ вѣкомъ просвѣщенія? Зачѣмъ же эти усердные маратели восхваляютъ все старое? Глинка называетъ Вѣстникъ свой русскимъ, какъ будто пишетъ въ Китаѣ для миссіонеровъ или пекинскаго архимандрита. Другіе, а ихъ тысячи, жужжатъ, нашептываютъ: русское, русское, русское... а я потерялъ вовсе терпѣніе!» [156]).

Но вотъ что пишетъ тотъ же Батюшковъ и тому же Гнѣдичу въ октябрѣ 1812 г., изъ Нижняго-Новгорода: «Здѣсь Карамзины, Пушкины, здѣсь Архаровы, Апраксины, однимъ словомъ, вся Москва; но здѣсь для меня ду-

---

155) Пыпинъ. Общественныя движенія въ Россіи при Александрѣ I. Изд. 3-е. Ст. 1900. Стр. 275.

156) Соч. Батюшкова. Изд. 5-е. Общедоступное. Стр. 439 и 440.

шевнаго спокойствія нѣтъ и конечно не будетъ... гдѣ я? что я?.. Отъ Твери до Москвы и отъ Москвы до Нижняго я видѣлъ, видѣлъ цѣлыя семейства всѣхъ состояній, всѣхъ возрастовъ въ самомъ жалкомъ положеніи... Видѣлъ нищету, отчаяніе, пожары, голодъ, всѣ ужасы войны и съ трепетомъ взиралъ на землю, на небо и на себя. Нѣтъ, я слишкомъ живо чувствую раны, нанесенныя любезному нашему отечеству, чтобъ минуту быть покойнымъ. Ужасные поступки вандаловъ или французовъ въ Москвѣ и въ ея окрестностяхъ, поступки, безпримѣрные и въ самой исторіи, вовсе растроили мою маленькую философію и поссорили меня съ человѣчествомъ».

Подчеркнутыя слова чрезвычайно характерны. Не у одного Батюшкова, у многихъ русскихъ людей событія 1812 года разрушили ихъ «маленькую философію» и космополитическую ихъ вѣру. «При имени Москвы, восклицаетъ далѣе Батюшковъ, при одномъ названіи нашей доброй гостепріимной бѣлокаменной Москвы, сердце мое трепещетъ, и тысяча воспоминаній, одно другого горестнѣе, волнуются въ моей головѣ. Мщенія, мщенія! Варвары, Вандалы! И этотъ народъ извергов осмѣлился говорить о свободѣ, о философіи, о человѣколюбіи! И мы до того были ослѣплены, что подражали имъ, какъ обезьяны»[157]).

«Москвы нѣтъ! пишетъ онъ отъ 3 октября кн. Вяземскому. Потеря невозвратная! гибель друзей, святыня, мирное убѣжище наукъ, все осквернено шайкою варваровъ! Вотъ плоды просвѣщенія или, лучше сказать, разврата остроумнѣйшаго народа, который гордился именами Генриха и Фенелона. Сколько зла!»[158]).

Это настроеніе не покидаетъ его и во время похода на Парижъ 1814 г. Изъ Веймара Батюшковъ пишетъ: «Ты знаешь мою новую страсть къ нѣмецкой литературѣ. Я схожу съ ума на Фоссовой Луизѣ; надобно читать ее въ оригиналѣ и здѣсь, въ Германіи». Духовная связь Батюшкова съ Германіей глубокая. Но вотъ онъ вступаетъ въ Эльзасъ: «Сердце не лежитъ у меня къ этой странѣ, восклицаетъ поэтъ при видѣ Франціи, — революція, всемірная война, пожаръ Москвы, и опустошеніе Россіи меня навсегда поссорили съ отчизной Генриха IV, великаго Расина, Монтеня»[159]).

Въ письмѣ къ Пушкиной онъ передаетъ свои мечтанія среди парижскаго водоворота.

«Признаюсь вамъ, часто, очень часто, возвратясь въ мою комнату, я забываю и шумъ Парижа... и красавицъ Тиволи, все забываю и мысленно переношусь въ Нижній, то на площадь, гдѣ между телѣгъ и колясокъ толпились московскіе франты и красавицы, со слезами вспоминая о бульварѣ, то

---

[157]) Id. стр. 469, 470.
[158]) Id. стр. 529.
[159]) Id. стр. 478 и 481.

на патріотическій обѣдъ Архаровыхъ, гдѣ отъ псовой травли до подвиговъ Кутузова все дышало любовью къ отечеству, гдѣ Василій Львовичъ (Пушкинъ), забывъ утрату книгъ, стиховъ и бѣлья, забывъ о Наполеонѣ, гордящемся на стѣнахъ древняго Кремля, отпускалъ каламбуры, достойные лучшихъ временъ французской монархіи, и спорилъ до слезъ съ Муравьевымъ о преимуществѣ французской словесности, то на балы и маскарады, гдѣ наши красавицы, осыпавъ себя брилліантами и жемчугами, прыгали до перваго обморока въ кадриляхъ французскихъ, въ французскихъ платьяхъ, болтая по французски Богъ знаетъ какъ, и проклинали враговъ нашихъ»[160]).

Франція отдалилась отъ сердца поэта, и приблизилась къ ней Германія. Въ сущности, онъ не пересталъ быть западникомъ, не отгораживался отъ всего западнаго. Характеризуя общество, бѣжавшее отъ московскаго погрома въ Нижній, Батюшковъ показываетъ однако неискренность «проклятій враговъ» этими домами и кавалерами, писавшими письма, говорившими и даже думавшими по французски, воспитанныхъ на французской словесности и французскомъ ложно-классическомъ гуманизмѣ. Пожаръ Москвы, однако, помогъ нарожденію симпатій къ Германіи и вмѣстѣ съ тѣмъ въ литературѣ долженъ былъ дать опорный пунктъ надвигающемуся романтизму въ его борьбѣ съ французскими взглядами на искусство. Въ то же время въ придворныхъ и бюрократическихъ сферахъ поднималось значеніе нѣмцевъ. Еще послѣ іенскаго пораженія и войны 1807 года, нѣмцы начали поступать въ русскую службу.

Особенно глубоко было вліяніе прусскаго министра Штейна, призваннаго въ 1812 г. Императоромъ Александромъ I. «Рѣшительныя обстоятельства настоящей минуты,—писалъ Александръ къ Штейну, — должны соединить всѣхъ благомыслящихъ людей, всѣхъ друзей человѣчества и либеральныхъ идей. Дѣло идетъ о томъ, чтобы спасти ихъ отъ варварства и рабства, которыя готовятся поглотить ихъ... Друзья добродѣтели и всѣ, одушевленные чувствомъ независимости и любви къ человѣчеству, заинтересованы въ успѣхѣ этой борьбы». Такимъ образомъ патріотическое воодушевленіе и подъемъ національнаго самосознанія совершенно разумно въ душѣ Государя соединялись съ любовью къ человѣчеству и независимости, съ «либеральными идеями» въ истинномъ значеніи этого слова. Конечно, пруссакъ на русской службѣ по своему эксплуатировалъ идеализмъ русскаго Царя. Между прочимъ, Штейномъ была внушена мысль воспользоваться литературой для политическихъ цѣлей. При чемъ, «нѣмецъ Гречъ избранъ издателемъ, и еженедѣльно сталъ появляться Сынъ Отечества»[161]).

---

[160]) Id. стр. 577.

[161]) Записки Вигеля.

Во всякомъ случаѣ Гречъ былъ «русскій нѣмецъ»; отецъ его, коллежскій совѣтникъ, «служилъ около тридцати лѣтъ съ честью и умеръ въ крайней бѣдности», какъ свидѣтельствуетъ баснописецъ А. Е. Измайловъ: «4-го октября незабвеннаго 1812 года, спаситель отечества и Европы, Благословенный Монархъ нашъ, по докладу бывшаго въ то время Министромъ Народнаго Просвѣщенія, покойнаго графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго, Высочайше утвердить соизволилъ планъ изданія Сына Отечества и черезъ нѣсколько дней пожаловалъ издателю на первоначальныя издержки тысячу рублей. Съ легкой руки добраго нашего государя новый журналистъ вскорѣ разжился: въ короткое время вышло три изданія первыхъ 12 книжекъ его журнала (т. е. съ октября 1812 г. по 1813 годъ. Каждый разъ печаталъ онъ по полузаводу, т. е. по 600 экз.); всѣ съ жадностью читали Сына Отечества, а богатые патріоты и подписывались на него. Гречъ не выпускалъ изъ рукъ пера, переводилъ, сочинялъ, держалъ корректуру, бѣгалъ въ цензуру, въ газетную экспедицію, въ типографію, бранилъ заочно Наполеона и его маршаловъ, отпускалъ на счетъ ихъ острыя слова, и мѣсяца черезъ два имѣлъ уже, что называется, вѣрный кусокъ хлѣба. А ему нужно было имѣть это... Въ то время какъ предложили ему изданіе журнала (за сіе Н. И. Гречъ почитаетъ себя обязаннымъ, кромѣ покойнаго графа А. К. Разумовскаго, ихъ превосходительствамъ: А. Н. Оленину, С. С. Уварову и почтеннѣйшему И. О. Тимковскому), былъ онъ въ самомъ крайнемъ положеніи, какъ говорится, почти безъ копѣйки...»[162]).

Измайловъ не упоминаетъ о Штейнѣ. Однако, «Сынъ Отечества» съ первой книжки помѣстилъ статью Арндта «Гласъ истины». Э. М. Арндтъ, извѣстный впослѣдствіи патріотъ, авторъ знаменитой пѣсни о «Нѣмецкомъ Рейнѣ», вызванъ былъ въ Россію Штейномъ съ цѣлью литературной пропаганды. «Въ Петербургѣ, говоритъ А. Н. Пыпинъ, Арндтъ работалъ подъ руководствомъ Штейна, занимался дѣлами нѣмецкаго легіона, разной перепиской и дешифровкой писемъ, составленіемъ политическихъ памфлетовъ и книжекъ. Такъ онъ издалъ въ Петербургѣ: Die Glocke der Stunde. St.-Pet. 1812 (было потомъ еще два изданія въ Германіи, 1813); Historisches Tashenbuch für das J. 1813 (цензура 26 ноября 1812) и др.»[163]).

Изъ русскихъ людей патріотическую пропаганду велъ С. Н. Глинка, «первый ратникъ московскаго ополченія, едвали не самый характерный представитель этого стиля тогдашней литературы. Очень популярный въ народной массѣ, безкорыстный патріотъ, немного взбалмошный, но смѣлый

---

[162]) См. «Письмо къ редактору Вѣстника Европы М. Т. К. О праздникѣ, по случаю десятилѣтія Сына Отечества. Спб. Пески. 5 окт. 1822 г.». Сочин. А. Е. Измайлова. М. 1891 г., т. II, стр. 151, 152 и 153.

[163]) А. Н. Пыпинъ. Обществ. движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Спб. 1900. Изд. 3-е. Стр. 281.

«гражданинъ», поклонникъ и защитникъ всего русскаго и довольно образованный, чтобы въ другое время не остаться слѣпымъ къ тому, что дѣлалось въ русской жизни, Глинка представлялъ собою то смѣшеніе горячаго патріотизма съ довѣрчивымъ простодушіемъ, которыхъ было много въ тогдашнемъ общественномъ настроеніи.

Графъ Ростопчинъ взялся также обличать французовъ и восхвалять простыя русскія добродѣтели: его читали и онъ нравился,—въ то время не замѣчали натянутой манерности мнимо-народнаго прибауточнаго языка, которымъ онъ писалъ свои филиппики. Народность Ростопчина, поддѣльная и преувеличенная, не мѣшали ему— «восхвалять іезуитскіе пансіоны для русскаго знатнаго юношества, быть самымъ ревностнымъ защитникомъ крѣпостного права и въ сущности ровно ничего не желать для блага народа»[164]).

БИБЛІОГРАФІЯ: О войнѣ 1812 г. Н. К. Шильдеръ. Императоръ Александръ I. М. Богдановичъ. Исторія царств. А. I и Россіи въ его время. Спб. 1869—1871 гг. А. Н. Пыпинъ. Общ. движ. въ Россіи при А. I. Изд. 3-е 1900 г. Спб. 261—295. А. Н. Поповъ. Москва въ 1812 г. Русскій Архивъ. 1875—1876 гг. Его-же: Эпизоды изъ исторіи 12-го года. Тамъ-же. 1892 г. П. И. Щукинъ: «Бумаги, относящіеся до отеч. войны 1812 г. М. 1897—1899 г. 4 ч. Н. Ѳ. Дубровинъ: «Отечественная война въ письмахъ современниковъ, 1812—1815 гг.». Спб. 1882 г. «Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе А. I. съ 1807 по 1829 гг.» Спб. 1883 г. «Наполеонъ въ современномъ ему русскомъ обществѣ и въ русской литературѣ». Русскій Вѣстникъ. 1895 г. кн. 2, 4 и 6. С. Н. Глинка (1774—1847 гг.). См. его Записки. Русск. Арх. 1869 г. № 3. 599—608. Письма С. Н. Г. 1827, 1833 и 1841 гг. Въ воспом. С. Т. Аксакова. М. Дмитріева, Кс. Полевого и др. Изъ записокъ А. А. Кононова. Библіогр. Записки. 1859 г. № 10. Т. II. 305—312. Ростопчинъ. Гр. Ф. В. Ростопчинскія афиши воспроизведены отд. книжк. соч. изд. Смирдинымъ. О гр. Ф. В. Р. и о событіяхъ 1812 г. Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1861 г. № 8, 167—182. Матеріалы для біографіи. М. Лонгиновъ. Русск. Архивъ. 1868 г. № 4—5, 851—859. Н. И. Гречъ. (1787—1867 Янв. 12). Юбилей 50-лѣтней литер. дѣят. Греча. 27 Дек. 1854 г. Сост. Кс. Полевой. Спб. 1855 г. Съ портр. О юбилеѣ еще: Б. для Ч. 1855 г. № 2. Т. CXXIX. 139—154. Некрологъ. Голосъ. 1867 г. № 14 и 17. Н. И. Гречъ, бывшій редакторъ «Сѣверн. Пчелы». Журн. Мин. Нар. Просв. 1867 г. № 2. CXXXIII. 240—247. Погребеніе Н. И. Греча. Домашняя Бесѣда. 1867 г. № 5. О немъ ст. Н. Н. Терпигорева. Русск. Стар. 1870 г. № 7. Т. II. 92—93. Восп. Вигеля и т. д.

§ 2. Націонализмъ и патріотизмъ въ глазахъ Императора Александра долженъ былъ объединять всѣхъ «благомыслящихъ людей», «друзей человѣчества, добродѣтели и либеральныхъ идей», но во имя того же націона-

164) Id. Стр. 276 и 277.

лизма и патріотизма дѣйствовали люди крайне ретрограднаго направленія, гасильники всякихъ идей. Въ обществѣ царилъ хаосъ и неразобранность по партіямъ и знаменамъ, до конца второго десятилѣтія вѣка.

Образъ дѣйствія Александра заграницей въ 1814 г. былъ чрезвычайно либераленъ и доставилъ ему величайшую популярность. Когда онъ возвратился въ Россію, то встрѣченъ былъ цѣлымъ потокомъ одушевленныхъ привѣтствій; Жуковскій, Батюшковъ, Вяземскій, маститый Державинъ, закатывавшееся солнце поэзіи XVIII вѣка, и юноша Пушкинъ, восходящее свѣтило XIX, соединились въ этихъ привѣтствіяхъ. Онѣ были единодушны, искренни, пламенны. Въ то же время различные кружки русскаго общества, взволнованные эпопеей міровыхъ событій, съ головокружительной быстротой свершившихся предъ ними на исторической сценѣ, чувствуя, что жизнь требуетъ обновленія, представляли это обновленіе каждый различно, по своему. Людямъ стараго вѣка изъ школы Шишкова казалось, что пришло время возвратиться къ стариннымъ русскимъ добродѣтелямъ и славянскому языку; мистики думали, что пришла пора для проповѣди «внутренней церкви»; консерваторы находили, что слѣдуетъ уничтожить либеральныя нововведенія и очень позаботиться объ истребленіи «якобинскаго духа». Рядомъ начиналось броженіе общественно-филантропическихъ идей.

Основалось Библейское Общество, въ которомъ одно время сходились разнообразные оттѣнки мнѣній — религіозность, ортодоксальная и полусектанская, филантропія и умѣренный гуманный либерализмъ, въ видѣ религіозной терпимости и заботъ о просвѣщеніи народа. Въ связи съ этимъ возникаютъ ланкастерскія школы, заботы объ улучшеніи тюремъ, массонскія ложи, литературно-филантропическія общества[165]).

Дѣятели библейскаго общества, основаннаго въ концѣ 1812 г. и процвѣтавшаго до начала двадцатыхъ годовъ, думали обновить русскую жизнь проповѣдью Евангелія, а возстановленныя массонскія ложи предполагали работать для «благополучія человѣчества», «усовершеніемъ нравственности». Массонскія ложи объединялись двумя великими ложами — «Астреи», въ спискѣ союза которой на 1818—1819 гг. считалось 23 ложи, и «Провинціальной», насчитывавшей до 7 ложъ. Всего было 30 ложъ обоихъ союзовъ.

«Въ ложахъ отражались самыя различныя направленія тогдашней общественной жизни. Въ числѣ массоновъ были темные мистики и суровые піэтисты, какъ школа старыхъ московскихъ массоновъ и ихъ учениковъ; и озлобленные обскуранты; и люди молодого либеральнаго направленія, склонные къ филантропіи, но не къ піэтизму, смѣявшіеся надъ обскурантами; ложи основаны были старыми массонами по непосредственнымъ воспоминаніямъ о

---

165) Пыпинъ. Общ. движ. Стр. 289.

прежнихъ ложахъ и въ духѣ старой массонской мистики XVIII-го вѣка; къ послѣдней присоединились черты библейскаго піэтизма, искавшаго внутренней церкви и либерально относившаго къ обычной церковной практикѣ; далѣе, началось вліяніе новѣйшаго массонства, въ системахъ Шредера и Феслера, и затѣмъ стали входить стремленія чисто-политическія, которыя наконецъ нашли себѣ исходъ—въ тайныхъ обществахъ»[166]).

Многіе вступали въ ложи только ради знакомствъ съ сильными міра, иные ради развлеченія, предпочитая нравственнымъ задачамъ «столовыя ложи», гдѣ можно было попить и поѣсть въ веселой, остроумной компаніи. Но были и убѣжденные люди. Ученики старой московской школы, Лабзинъ и Максимъ Невзоровъ предавались мистикѣ. Массономъ — мистикомъ былъ и Сперанскій. «Мистицизмъ Сперанскаго, такъ странно соединявшійся съ большой положительностью другихъ его мнѣній, есть характеристическая черта времени. Если такой умъ увлекался мистическимъ теченіемъ до такой степени, то понятно, что имъ еще легче могла увлекаться масса общества. Какъ у Сперанскаго изученіе Бема, Сенъ-Мартена и Сведенборга совпадало съ наибольшимъ развитіемъ его либерализма, такъ и у многихъ членовъ нашихъ тайныхъ обществъ политическое свободомысліе соединялось съ религіозностью или съ мистицизмомъ массонскихъ ложъ»[167]).

Политическій либерализмъ сказался въ массонствѣ послѣ 1815 г. Членами ложъ были Грибоѣдовъ и Чаадаевъ. Въ спискахъ ложъ много именъ людей, впослѣдствіи такъ называемыхъ декабристовъ.

Въ 1821 году послѣдовало внезапное запрещеніе массонскихъ ложъ.

БИБЛІОГРАФІЯ. А. Н. Пыпинъ. Общ. движ. при А. I. Гл. VI. Массонскія ложи. 296—344. Его-же. Хронологическій указатель массонскихъ ложъ, отъ перваго введенія массонства до запрещенія его, 1731—1822 гг. Спб. 1873 г. Его-же: Матеріалы для исторіи массонскихъ ложъ. Вѣстн. Евр. 1872 г. Янв., Февр., Іюль. Н. Ѳ. Дубровинъ. Наши мистики-сектанты. Русск. Стар. 1894 г. кн. 9—12. 1895 г. кн. 1—2, 10—12; 1896 г. кн. 1—2. Принятіе въ массонскую ложу въ 1815 г. П. А. Степановъ. Русск. Старина. 1870 г. № 2. Кн. I. 150—155.

§ 3. Такова была общественная почва десятыхъ годовъ. Какъ она отразилась въ литературѣ? Въ общемъ, слабо. Литература продолжала развиваться въ тѣхъ направленіяхъ, которыя сообщены были ей реформой Карамзина, славянофильствомъ Шишкова, и возникшими съ начала вѣка крупными дарованіями. Дѣятельность Шишкова и его школы продолжалась. Л. Н. Майковъ, въ своей біографіи Батюшкова, указываетъ на преимущество Москвы надъ Петербургомъ въ это десятилѣтіе.

---

[166]) А. Н. Пыпинъ. Общ. движ. при Алек. I. Стр. 328.
[167]) А. Пынинъ. Общ. движ. при Алек. I. 311.

Въ то время, какъ въ Москвѣ Карамзинъ, давая свободу и живость своей литературной рѣчи, вмѣстѣ съ тѣмъ увлекалъ читателей гуманною чувствительностью своихъ разсказовъ, какъ Дмитріевъ, остроумно осмѣявъ тяжелую напыщенность прежняго стихотворства, старался сообщить легкость и плавность русскому стиху, — въ Петербургѣ продолжали усердно сочинять по старымъ образцамъ высокопарныя оды, плаксивыя элегіи и холодныя сатиры».

Леонидъ Майковъ указываетъ на отсутствіе здѣсь свѣжихъ дарованій, при полномъ почти незнакомствѣ съ новыми явленіями иностранной словесности. Направленіе кружка Шишкова опредѣлилось съ первыхъ же годовъ XIX вѣка, гораздо прежде, чѣмъ онъ обратился въ настоящую «Бесѣду любителей русскаго слова».

Въ 1810 году частные литературные вечера Шишкова превратились въ публичные и въ такомъ видѣ существовали, пока не прекратились въ 1816 году. Старички рѣшились составить Бесѣду любителей русскаго слова, литературное общество изъ достойныхъ писателей, раздѣлить ихъ на четыре разряда, въ каждомъ быть одному председателю и нѣсколькимъ членамъ или сотрудникамъ; каждому председателю читать по очереди собственную статью, послѣ которой всякій членъ или даже посторонній, съ одобренія всего общества, можетъ читать свое произведеніе стихами или прозою; засѣданія не должны продолжаться болѣе двухъ съ половиною часовъ, на чтенія приглашать особъ обоего пола; въ члены «Бесѣды» допускать и дамъ. На первый разъ были выбраны двѣ писательницы, Волкова и Бунина, которымъ Шишковъ особенно покровительствовалъ. Въ предметахъ занятій между разрядами не было никакого различія. Председателями были: Шишковъ, Державинъ, Захаровъ и Хвостовъ. Кромѣ председателя, для каждаго разряда выбирался еще особый попечитель — важное, сановное лицо; первыми попечителями были министры гр. Заводовскій, Мордвиновъ, гр. Разумовскій, И. И. Дмитріевъ, другъ Карамзина, недавно переселившійся изъ Москвы въ качествѣ министра юстиціи.

Въ распоряженіе «Бесѣды» Державинъ предоставилъ большую залу въ собственномъ домѣ. Члены вокругъ столовъ занимали середину; тамъ же разставлены были кресла для почетнѣйшихъ гостей, и вдоль стѣнъ, въ три уступа, хорошо устроены были сѣдалища для прочихъ посѣтителей, по билетамъ впускаемыхъ. Часть декораціонная была — совершенство. Дамы были въ бальныхъ нарядахъ, вельможи въ лентахъ и звѣздахъ, всѣ въ мундирахъ. Члены «Бесѣды» стали издавать «Чтенія» успѣшнѣе академическихъ «Сочиненій и переводовъ»[168]).

[168]) Историч. соч. В. Стоюнина. Ч. I. А. С. Шишковъ. Спб. 1880 г. Стр. 121, 122 и 123.

Въ это время литературныя нападки на Шишкова были особенно сильны. Ему приходилось отбиваться отъ такихъ противниковъ, какъ Дашковъ и профессоръ Каченовскій, противъ которыхъ нужно было вооружаться наукою, а здѣсь почва его была очень не твердая... Но нельзя не замѣтить, что въ одномъ онъ пошелъ дальше своихъ противниковъ: указывая на источники, по которымъ мы должны учиться русскому языку, онъ включаетъ въ число ихъ русскія пѣсни, на которыя въ то время почти не обращали вниманія, чѣмъ предупреждаетъ А. С. Пушкина: «Народный языкъ, очищенный нѣсколько отъ своей грубости, возобновленный и принаровленный къ нынѣшней нашей словесности,» —вотъ что рекомендуетъ онъ «жеманнымъ говорунамъ».

«Здѣсь, замѣчаетъ Стоюнинъ, можно сказать, Шишковъ додумался до настоящей истины, и самъ почувствовалъ, что въ его мысли есть и новость и сила».

«Сперва бранили меня, говоритъ Шишковъ, за то, что защищаю славянскій языкъ, а теперь станутъ бранить, что прославляю народный[169]).

Въ первой половинѣ 1810 года, когда основалась «Бесѣда», Батюшковъ проживалъ въ Москвѣ. Здѣсь онъ бывалъ у Ѳ. Ѳ. Иванова, посредственнаго писателя, но занимательнаго собесѣдника и любезнаго, гостепріимнаго человѣка, въ домѣ котораго особенно часто сходились московскіе литераторы и любители литературы. На этихъ собраніяхъ появлялись А. М. и В. Л. Пушкины, Мерзляковъ, А. Ѳ. Воейковъ, князь П. М. Долгорукій, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ и князь П. А. Вяземскій; проводили время весело, «съ пользою и чашею въ рукахъ».

Василій Львовичъ Пушкинъ въ то время уже не былъ молодымъ человѣкомъ, но въ его даровитой натурѣ столько было живости, въ характерѣ столько добродушія, что онъ легко становился товарищемъ самой зеленой молодости. Остроумный любезный собесѣдникъ въ обществѣ, хорошо образованный на французскій ладъ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ Карамзинскаго направленія. При всемъ его легкомысліи, культъ Карамзина составлялъ для него предметъ твердаго убѣжденія; онъ не безъ ловкости отстаивалъ его, и чутко слѣдилъ за всякимъ маневромъ противной партіи. Собственная его литературная дѣятельность была ничтожна, но въ то непритязательное время и онъ былъ, по выраженію князя Вяземскаго, стихотворецъ на счету: цѣнили легкость его стиха и смѣялись остроумію его выходокъ. Симпатіи Батюшкова къ Пушкину обозначились очень рано[170]).

---

169) Письмо отъ 19-го февраля 1811 года.

170) Батюшковъ. Соч. т. I. Біографія. 113 стр.

Въ слѣдующемъ (1811) г. происходили литературныя собранія у князя Вяземскаго.

Вмѣстѣ съ Батюшковымъ, постоянными гостями Вяземскаго были Жуковскій и В. Л. Пушкинъ; затѣмъ А. М. Пушкинъ, циникъ и вольтеріанецъ, ѣдкій на языкъ, но очень цѣнимый хозяиномъ за свой оригинальный и бойкій умъ; Левушка (Л. В. Давыдовъ) братъ знаменитаго Дениса, и вѣроятно сродный ему по уму и дарованіямъ, такъ какъ слылъ между пріятелями подъ именемъ Анакреона; Д. Н. Сѣверинъ, питомецъ И. И. Дмитріева и товарищъ Вяземскаго по ученію; С. Н. Маринъ, петербургскій стихотворецъ и острословъ, съ поклоненіемъ Шишкову соединявшій любовь къ легкимъ стихамъ, и сочинявшій пародіи на торжественныя оды Ломоносова и Державина; наконецъ, гр. Мих. Юр. Вьельгорскій, талантливый пѣвецъ и композиторъ, сочинявшій музыку для куплетовъ, которые пѣлись на ужинахъ Вяземскаго. На собранія у кн. Вяземскаго Л. Н. Майковъ смотритъ, какъ на «зачатки» знаменитаго литературнаго общества «Арзамасъ».

«Когда въ Петербургѣ окончательно сформировалась бесѣда любителей русскаго слова, этотъ главный штабъ литературнаго старовѣрства, а въ Москвѣ, при университетѣ, подготовлялось образованіе Общества любителей словесности, когда такимъ образомъ противники Карамзина смыкались, чтобъ окончательно захватить въ свои руки литературное движеніе,—и среди московскихъ карамзинистовъ особенно сильно почувствовалась потребность объединенія, и тамъ стали собираться съ силами для полемики. Это-то настроеніе и оживило тотъ кружокъ, центромъ котораго былъ юноша Вяземскій... Вяземскій уже осмѣивалъ плохихъ писателей безчисленными эпиграмами, а В. Л. Пушкинъ тѣмъ временемъ сочинялъ «Опаснаго Сосѣда», въ которомъ въ забавной роли выведены старикъ Шишковъ и его молодой любимецъ, благочестивый поэтъ князь Шихматовъ, и готовилъ посланія къ Жуковскому и Д. В. Дашкову, съ горячею исповѣдью своей карамзинской вѣры. Такъ весело и бойко сторонники новаго слога выступали на борьбу съ старыми словесниками. На вечерахъ князя Вяземскаго уже господствовало то настроеніе, которое нѣсколько лѣтъ спустя послужило живительнымъ началомъ для Арзамаса, и амфитріонъ этихъ дружескихъ собраній уже носилъ свое арзамасское прозвище Асмодея»[171]).

Организовался Арзамасъ въ 1815 году. Ядро его составили Жуковскій, Тургеневъ, Блудовъ, Уваровъ, Дашковъ. Особо выдающееся значеніе придавалъ Арзамасу Анненковъ. Въ его изображеніи Арзамасъ рисуется, какъ партія молодыхъ людей, которые опираясь на примѣръ Карамзина, отстаивали право каждаго человѣка, сознающаго въ себѣ нравственныя силы, открывать для себя новыя дороги въ жизни и литературѣ.

[171]) Id. Стр. 133.

«Арзамасъ» ставилъ ни во что напыщенность и торжественность выраженія, которыми многіе тогда удовлетворялись, и ненавидѣлъ пустую, трескучую фразу во всякомъ ея видѣ—либеральномъ или консервативномъ.

«Арзамасъ» болѣе всего сопротивлялся намѣренію водворить обязательныя правила для умственной и общественной дѣятельности своего времени, и утвердить за нѣсколькими личностями права безапелляціоннаго суда надъ всѣми мнѣніями и начинаніями эпохи.

«Арзамасъ» не имѣлъ обдуманной политической программы. Онъ обладалъ только живыми инстинктами свободы, стремленіями къ образованію и надеждой на общечеловѣческую, европейскую науку.

«Арзамасъ» представляетъ въ исторіи нашей общественности поучительный примѣръ собранія съ однѣми нравственными и образовательными цѣлями, формально просуществовавшаго менѣе трехъ лѣтъ, но оставившаго по себѣ долгій слѣдъ и живую мысль, которая питала его членовъ, когда они уже были разсѣяны по свѣту.

Такъ смотрѣлъ на «Арзамасъ» Анненковъ. Болѣе сухо относится къ славному обществу десятыхъ годовъ Л. Н. Майковъ.

«Арзамасъ пользуется почетной извѣстностью въ преданіяхъ нашего общества и литературы; было даже высказано мнѣніе, что подъ его вліяніемъ писались въ то время стихи лучшихъ нашихъ поэтовъ, что его вліяніе отразилось, можетъ быть, на иныхъ страницахъ «Исторіи» Карамзина. Но чѣмъ болѣе накопляется свѣдѣній объ этомъ пріятельскомъ литературномъ кружкѣ, тѣмъ очевиднѣе выясняется слабое дѣйствіе его на умственное движеніе своего времени. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что члены Арзамаса, и въ особенности главные его дѣятели, были люди очень умные, очень даровитые, прекрасно образованные, съ развитымъ вкусомъ, съ искреннею любовью къ словесности и просвѣщенію, съ желаніемъ общей пользы; но случайное происхожденіе этого литературнаго братства и отсутствіе всякой опредѣленной цѣли при его основаніи, а затѣмъ еще болѣе случайное и безцѣльное расширеніе его состава, были коренными причинами незначительной дѣятельности кружка и его скораго распаденія. Говорятъ, что направленіе Арзамаса было преимущественно критическое... Быть можетъ, но къ сожалѣнію въ нашей литературѣ не осталось слѣдовъ совокупной дѣятельности Арзамасцевъ въ этомъ направленіи; они собирались что-то дѣлать, но ничего не дѣлали сообща; а что сдѣлано нѣкоторыми изъ нихъ порознь, того нельзя ставить въ общую заслугу всему кружку. Попытка предпринять періодическое изданіе отъ имени Арзамаса не состоялась, и совѣщанія объ этомъ предпріятіи всего яснѣе обнаружили, что во взглядахъ членовъ кружка далеко не было единства...[172]).

---

[172]) Соч. Батюшков. Т. I. Біографія. 244 стр.

Еще при самомъ основаніи «Арзамаса» Батюшковъ былъ включенъ въ его составъ подъ именемъ Ахилла, но только 27 августа 1817 года, онъ въ первый разъ присутствовалъ въ засѣданіи Арзамаса, происходившемъ у А. И. Тургенева.

Отзывы Батюшкова объ Арзамасѣ очень характерны: «Въ Арзамасѣ весело». «Говорятъ: станемъ трудиться, а никто ничего не дѣлаетъ». Въ самомъ дѣлѣ, хотя-бы сборникъ, задуманный арзамасцами въ началѣ 1816 г., подъ заглавіемъ «Отрывки, найденные въ Арзамасѣ», такъ и не состоялся. Занятія «Арзамаса» очень точно опредѣляетъ лицеистъ Пушкинъ въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому отъ 27 марта 1816 г.: «Безбожно молодого человѣка держать въ заперти и не позволять ему участвовать даже и въ невинномъ удовольствіи погребать покойную Академію и Бесѣду губителей россійскаго слова». Такимъ образомъ «Арзамасъ» съ чашами въ рукахъ правилъ поминки по литературнымъ живымъ мертвецамъ, привѣтствуя зарю будущаго, ощущая въ себѣ силы и таланты совершить со славою полное освобожденіе русскаго слова отъ рутины устарѣлыхъ теорій. Къ концу 1818 г., спустя два года послѣ кончины «бесѣды» и Арзамасъ оказался «на боку», и такимъ образомъ, «тихо, неприметно заснулъ вѣчнымъ сномъ» (Карамзинъ и Вигель). «Года черезъ два, говоритъ новѣйшій изслѣдователь арзамаскихъ судебъ г. Сидоровъ—Уваровъ пытался возобновить Арзамасъ, пригласивъ къ себѣ остававшихся въ Петербургѣ членовъ его, но попытка не удалась: время Арзамаса навсегда миновало». Однако, прекративъ свое фактическое существованіе, Арзамасъ продолжалъ жить въ умахъ его бывшихъ членовъ, продолжавшихъ именовать другъ друга арзамаскими прозвищами. А. Тургеневъ въ одномъ изъ писемъ къ Вяземскому отъ 1823 г., упоминая о Кавелинѣ какъ помощникѣ Мошицкаго, говоритъ: «Я предложу выключить его формально изъ Арзамаса» (Остафьевскій Архивъ, II. 185. Цитата г. Сидорова). Вяземскій въ 1823 г. пишетъ А. Тургеневу: «Рекомендую вамъ новаго арзамасца Петра Петрова сына Вяземскаго». (Ост. Арх. II. 306. Id.). Вяземскій съ нѣжностью вспоминаетъ объ Арзамасѣ въ 50-хъ и даже 60-хъ годахъ. Очень строго относясь къ Арзамасу, и тщетно отыскивая въ немъ зародыши политическаго дружества, новѣйшій изслѣдователь этого «всешутѣйшаго союза» не могъ не отмѣтить рядъ отзывовъ самихъ арзамасцевъ о немъ, достаточно выясняющихъ значеніе его. Пушкинъ привѣтствовалъ въ лицѣ арзамасцевъ «друзей смѣлыхъ музъ». Вяземскій называлъ ихъ «шайкой независимыхъ», имѣвшихъ «свободные умы». Арзамасъ ставилъ своей задачей развѣнчаніе ложныхъ авторитетовъ литературы, стараясь «согнать съ Парнаса нестерпимую толпу Лже-Геніевъ». Вяземскій считалъ Арзамасъ сборнымъ мѣстомъ, куда люди разныхъ возрастовъ, иногда даже и разныхъ воззрѣній и мнѣній по другимъ постороннимъ вопросамъ, сходились потолковать о литературѣ, сообщить другъ другу свои труды и опыты

и остроумно повеселиться и подурачиться (соч. VIII. 416). Умныя и пристойныя проказы», невинныя шалости и шутки Арзамаса», «сладострастіе ума» и «лакомство жизни», осмѣиваніе въ безконечныхъ пародіяхъ «славянофиловъ» Бесѣды и Академіи—вотъ цѣли общества. Кромѣ того, Арзамасъ былъ въ извѣстномъ отношеніи «школой взаимнаго литературнаго обученія». (Вяземскій. Соч. VIII. 416).

БИБЛІОГРАФІЯ: Е. Сидоровъ. Литературное общество «Арзамасъ». Журн. Мин. Народн. Просв. 1901 г. ч. CCCXXXIV. № 6 и 7. Іюнь—Іюль. Сочин. А. С. Пушкина. Академич. изданіе 1899 и 1900 гг. Т. I. Въ примѣчан. Л. Н. Майкова. Анненковъ. Воспоминанія и Матеріалы. Соч. Батюшкова. Въ біограф. сост. Л. Н. Майковымъ. А. Н. Пыпинъ. Общ. движ. при А. I. Стр. 403—407. Энциклопедич. словарь 1862 г., слово «Арзамасъ». Матеріалы для исторіи литер. общ. Арзамасъ. М. Лонгиновъ. Библ. замѣтки. Совр. 1856 г. № 8. Арзамаскій уставъ. Сообщ. А. И. Кирпичниковъ, Русск. Стар. 1899 г. V, 341—350. Остафьевскій Архивъ. Т. I, и т. д. Біографич. данныя о Михаилѣ Трофимовичѣ Каченовскомъ (1 Ноября 1775—19 Апр. 1842 г.). Статья Н. П. Барсукова. Русск. Стар. 1889 г. LXIV, Окт. 199—202. «М. Т. К.» (1801—1812 гг.). Сообщ. Вл. Мих. Каченовскій. 1890 г. LXVI. Іюнь. 685—694.

§ 4. Въ 1812 г. возникло въ Москвѣ Общество любителей Россійской Словесности, крупной силой котораго былъ поэтъ и профессоръ университета Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ (1778 — 1830). Должно признать Мерзлякова центральной личностью десятилѣтія въ области критики. Мерзляковъ — критикъ десятыхъ годовъ, хотя онъ прожилъ и двадцатые. Но взглядъ на него двоится, онъ выразилъ въ своей дѣятельности переходный характеръ десятилѣтія, которое было богаче по зародышамъ идейнаго содержанія, богаче литературной подпочвой, но на поверхности являлось гораздо сѣрѣе и блѣднѣе начала вѣка. Мерзляковъ являлся въ десятыхъ годахъ столѣтія несомнѣнно самой крупной критической силой, но самое пребываніе его на кафедрѣ и въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности, посреди сановитыхъ и заслуженныхъ лицъ, обусловливало робость, двусмысленность и шаткость его реформаторства въ области вкуса. Воззрѣнія его противорѣчивы. Это не Шишковъ, который ломилъ на проломъ, и не боялся самыхъ крайнихъ выводовъ изъ своихъ воззрѣній. Всестороннее ознакомленіе съ произведеніями Мерзлякова не можетъ оправдать хотя-бы такую характеристику его:

Мерзляковъ подробно разбиралъ произведенія нашихъ старинныхъ знаменитостей, примѣняя къ нимъ строгія теоретическія требованія и, преклоняясь передъ Ломоносовымъ, Сумароковымъ, Херасковымъ, Державинымъ, Озеровымъ, въ то-же время не щадилъ ихъ недостатковъ, и этимъ разрушеніемъ литературныхъ авторитетовъ (?!?) приводилъ въ немалое смущеніе ихъ почитателей... Вліяніе Мерзлякова особенно сильно чувство-

валось его слушателями: его блестящія критическія импровизаціи... глубоко западали въ молодыя сердца и внушали будущимъ литературнымъ дѣятелямъ сознательную любовь къ родному слову»[173]).

Мерзляковъ не только не занимался «разрушеніемъ литературныхъ авторитетовъ», онъ ихъ старательно укрѣплялъ. Гораздо болѣе удачную характеристику дѣятельности Мерзлякова даетъ въ своей «Исторіи русской критики» г. И. И. Ивановъ. Мерзляковъ по рожденію принадлежитъ классической эпохѣ; по зрѣлому періоду своего университетскаго преподаванія—онъ современникъ Пушкина; его, слѣдовательно, можно назвать представителемъ переходнаго времени. Очень даровитый, съ поэтическимъ талантомъ, лично—простой и сердечный сынъ небогатой купеческой семьи, ученый по призванію, Мерзляковъ подавалъ надежды на самую живую и отзывчивую дѣятельность. Ученикомъ пермскаго народнаго училища Мерзляковъ обратилъ на себя вниманіе начальства Одой на заключеніе мира со шведами. Оду довели до свѣдѣнія Екатерины II и юный поэтъ былъ принятъ на казенный счетъ въ московскую университетскую гимназію. Дальше слѣдовалъ университетъ и сближеніе съ Жуковскимъ.

Онъ участвовалъ въ томъ литературномъ собраніи, которое было основано Жуковскимъ при пансіонѣ Шадена и въ числѣ членовъ котораго мы видимъ Кайсарова и Александра Тургенева. Это имена воспитанниковъ Геттингенскаго университета, людей, окунувшихся въ море нѣмецкаго идеализма. Цѣль Общества опредѣлялась исключительно литературными задачами: «очищать вкусъ, развивать и опредѣлять понятія обо всемъ, что изящно, что превосходно». Собранія общества оставили глубокій слѣдъ въ памяти Мерзлякова. Четырнадцать лѣтъ спустя въ письмѣ къ Жуковскому Мерзляковъ восторженно вспоминаетъ о «правилахъ», «которыя пріобрѣлъ» онъ въ «незабвенномъ, можетъ быть, уже невозвратномъ для насъ любознательномъ обществѣ словесности». Въ 1804 году Мерзляковъ получилъ степень магистра и каѳедру россійскаго краснорѣчія и поэзіи. До самой смерти, въ теченіе двадцати шести лѣтъ, онъ руководилъ русскими молодыми поколѣніями. Мерзляковъ являлся далеко не зауряднымъ лекторомъ. Рѣчь его была свободна отъ всякихъ обычныхъ ученыхъ хитростей, діалектическихъ изворотовъ и педантической темноты. По разсказу Погодина, слушатели со всѣхъ сторонъ бросались въ аудиторію точно на приступъ, спѣша занять мѣста. «Медики, математики,—о словесникахъ и говорить нечего,—юристы, кандидаты, жившіе въ университетѣ, всѣ являлись въ аудиторію, которая наполнялась въ минуту народомъ сверху до низу, по окошкамъ, даже надъ верхними лавками амфитеатра. Мерзляковъ долженъ былъ пробираться черезъ толпу. Какое молчаніе воцарилось, когда онъ сѣлъ, наконецъ, на каѳедру!..»

[173]) Н. Морозовъ. «Изъ исторіи русской литературной критики». Образованіе. 1897. № 2. Февраль. Стр. 42 и 44.

Въ началѣ 1812 года Мерзляковъ по предложенію князя Голицына открылъ въ огромномъ залѣ его дома публичный курсъ словесности. Въ 10 лекцій прочтена была вся теорія изящныхъ наукъ. Лекціи быстро стяжали громкую популярность и собирали цвѣтъ литературнаго и аристократическаго міра [174]).

Существенное отличіе Мерзлякова отъ предшественниковъ его, преподавателей словесности, Поповскаго, Барсова и Чеботарева, заключалась въ томъ прежде всего, что онъ рѣзче отдѣлилъ преподаваніе русской словесности отъ древней, придавъ кафедрѣ ея самостоятельное значеніе.

Тѣмъ не менѣе нельзя не признать очень точнымъ слѣдующее замѣчаніе г. Иванова:

«Когда мы слышимъ отзывы о Мерзляковѣ, какъ лекторѣ, перечитываемъ его критическія статьи въ трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности, въ журналахъ Амфіонъ, Вѣстникъ Европы, наши впечатлѣнія безпрестанно двоятся. Мы ни на минуту не увѣрены, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло, дѣйствительно ли съ реформаторомъ словесной науки, или лекторомъ и литераторомъ, ищущимъ популярности и въ то же время желающимъ спасти историческій престижъ своей ученой степени?» [175]). Онъ, въ сущности, строго держался правилъ классической теоріи; онъ нападаетъ на мечтательныя созданія романтическаго вкуса, признавая ихъ «противорѣчащими основному правилу изящнаго». Ни школа Карамзина, ни школа Жуковскаго не пользовались его симпатіями. Однако онъ написалъ нѣсколько пѣсенъ и романсовъ, которые вошли въ кругъ общенародныхъ и до сихъ поръ поются по лицу Россіи. Двадцатые годы и Пушкинъ застали его чуждымъ движенію вѣка, заскорузлымъ профессоромъ краснорѣчія, однако, читая «Кавказскаго плѣнника», онъ, говорятъ, плакалъ. Онъ чувствовалъ, что это прекрасно, но

---

[174]) Амфіонъ. Іюль. «Чтеніе пятое въ Бесѣдахъ любителей Словесности въ Москвѣ». *Примѣчаніе.* Сіи бесѣды начались въ 1812 году, и продолжались весь Великій Постъ по два раза въ недѣлю. Въ десять собраній прочтена вся теорія изящныхъ искусствъ... Первыя четыре бесѣды напечатаны были въ Вѣстникѣ Европы, въ концѣ 1813 года. Слѣдующая теперь есть продолженіе предыдущей, имѣющей предметомъ своимъ опредѣленіе изящнаго вообще. По важности и нерѣшительности мнѣній, въ разсужденіи сего вопроса эстетики, я долженъ былъ разбирать всѣ предположенія ученыхъ, и выбралъ наконецъ одно... Будучи ободренъ многими почтеннѣйшими мужами, я, можетъ быть, съ наступленіемъ настоящей зимы открою вновь мои бесѣды, которыхъ содержаніемъ будетъ разборъ знаменитѣйшихъ нашихъ стихотворцевъ, особливо драматическихъ. И сіи чтенія будутъ, если обстоятельства позволятъ, также печатаемы, дабы изъ нихъ составился нѣкоторый родъ курса Словесности, котораго первую часть составляла Теорія, а другая будетъ заключать Критику. Стр. 72 и 73.

[175]) Исторія русской критики. Части первая и вторая. Спб. 1898 г. Стр. 312 и выше.

не могъ дать отчета въ этой красотѣ,—и безмолвствовалъ, или указывая на сердце, говорилъ: Вотъ гдѣ система!.. И продолжалъ читать по своимъ руководствамъ, которыя представляли компиляцію книги Эшенбурга: Entwurf einer Theorie und Litteratur der schönen Wissenschaften. Книга — одно изъ дѣтищъ школьнаго классицизма. Въ концѣ 1827 года Мерзляковъ попробовалъ составить риторику и піитику для гимназій. По разсмотрѣніи рукописей въ Комитетѣ учебныхъ пособій, онѣ были возвращены, а принята „Россійская Риторика“ Кошанскаго, какъ основанная „на нынѣшнемъ состояніи нашей словесности“.

Для выясненія строя мысли Мерзлякова прежде всего имѣетъ большое значеніе его „Слово о духѣ, отличительныхъ свойствахъ поэзіи первобытной и о вліяніи, какое имѣла она на нравы, и на благосостояніе народовъ, въ публичномъ собраніи Имп. Моск. Университета, іюня 30 дня 1808 г., произнесенное философіи докторомъ, краснорѣчія и поэзіи проф. Алексѣемъ Мерзляковымъ“. Въ этой рѣчи онъ является убѣжденнымъ классикомъ:

„Древніе были и будутъ образцами нашими во всѣхъ родахъ сочиненій... Изслѣдуйте знаменитыя творенія новѣйшихъ ораторовъ, пѣснопѣвцевъ, историковъ... всѣ почти или подражаютъ древнимъ, или приводятъ въ совершенство ими начатое... На превосходнѣйшей сценѣ французской что болѣе поражаетъ насъ? Великіе характеры, созданные Софокломъ, Эврипидомъ. Всѣ поэмы новѣйшія какимъ образомъ зиждутся, располагаются? По плану Гомерову. Сіи творцы останутся неподражаемыми въ поэзіи, въ чувствѣ, въ простотѣ“[176]).

Но здѣсь же Мерзляковъ съ одушевленіемъ говоритъ о священной поэзіи евреевъ и отдаетъ ей преимущество передъ всѣми прочими литературами. Такъ же точно онъ восторженно говоритъ о русскихъ пѣсняхъ: „О, какихъ сокровищъ мы себя лишаемъ! Собирая древности чуждыя, не хотимъ заняться тѣми памятниками, которые оставили знаменитые предки наши! Въ русскихъ пѣсняхъ мы бы увидѣли русскіе нравы и чувства, русскую правду, русскую доблесть. Въ нихъ бы полюбили себя снова и не постыдились такъ называемаго первобытнаго своего варварства. Но пѣсни наши со временемъ теряются, смѣшиваются, искажаются, и наконецъ совсѣмъ уступаютъ блестящимъ бездѣлкамъ иноземныхъ трубадуровъ. Неужели не увидимъ ничего болѣе, подобнаго несравненной пѣсни Игорю!“ Однако должно припомнить, что высокое достоинство духовной поэзіи и народныхъ пѣсенъ указывалъ и Шишковъ, такъ что Мерзляковъ шелъ по его стопамъ.

Мерзляковъ руководствовался курсомъ Эшенбурга. Компиляціями этого нѣмецкаго эстетика являются всѣ его книги: 1) Краткая риторика или правила, относящіяся ко всѣмъ родамъ сочиненій прозаическихъ; 2) Краткое на-

176) Стр. 27.

чертаніе теоріи изящной словесности; 3) Краткое руководство къ эстетикѣ; 4) Конспектъ лекцій россійскаго краснорѣчія и поэзіи. Произведенія русскихъ писателей онъ подводилъ подъ схемы Эшенбурга. Болѣе самостоятельныя воззрѣнія Мерзлякова выражаются въ его лекціяхъ, читанныхъ въ 1812 году: 1) о талантахъ стихотворца; 2) о геніи, объ изученіи поэта, о высокомъ и прекрасномъ; 3) объ изящной словесности, ея пользѣ, цѣли и правилахъ; 4) объ изящномъ, или о выборѣ въ подражаніи; 5) объ основаніяхъ изящнаго въ примѣненіи къ родамъ и видамъ поэзіи; 6) о томъ, что называется дѣйствіемъ драмы. Критическіе пріемы его особенно ярко сказались въ слѣдующихъ статьяхъ: 1) разсужденіе о россійской словесности; 2) разборъ Россіады, поэмы Хераскова; 3) разборъ 8-ой оды Ломоносова: „Царей и царствъ земныхъ отрада, возлюбленная тишина“; 4) разборъ трагедіи Озерова „Поликсена“; 5) разборъ оперы Аблесимова „Мельникъ“; 6) разборъ трагедіи Озерова: „Эдипъ въ Аѳинахъ“; 7) разборъ трагедій Сумарокова; 8) разборъ сочиненій Державина; 9) о вѣрнѣйшемъ способѣ разбирать и судить сочиненія, особливо стихотворныя, по ихъ существеннымъ достоинствамъ; 10) о характерахъ трехъ греческихъ трагиковъ. Можно указать у Мерзлякова мѣста, въ которыхъ онъ, повидимому, совершенно отрѣшается отъ узкихъ схемъ и теорій, какъ напр. это: „Произведенія изящныхъ искусствъ, какъ предметъ чувствованія и вкуса, не подвержены строгимъ правиламъ и не могутъ, кажется, имѣть постоянной системы, или науки изящнаго. Самое понятіе о прекрасномъ чуждо всякихъ законовъ. Только критика вкуса имѣетъ свой голосъ, болѣе или менѣе опредѣленный“. Тѣмъ не менѣе слова „система“ и „правила“ постоянно на языкѣ у Мерзлякова и появляются едва ли не на каждой страницѣ.

§ 4. Первая книжка Трудовъ общества любителей россійской словесности. (1812 г.) начинается „Рѣчью при открытіи общества“ А. Прокоповича-Антонскаго. Взгляды, высказываемые предсѣдателемъ очень умѣренны, и составляютъ золотую середину между Карамзинымъ и Шишковымъ.

У насъ нѣтъ философовъ-писателей, которые утвердили бы правильность и точность слова; нѣтъ Боало и Аддисоновъ, которые показали бы вмѣстѣ правила и образцы изящнаго вкуса... Спрашивается: имѣемъ ли мы систематическую, основательную грамматику языка?.. Для чего не пожелать намъ, чтобъ мы имѣли своихъ Дидотовъ, которые исправили бы и украсили книгопечатаніе? ...Одни классики не установятъ слога; нуженъ вкусъ лучшаго состоянія гражданъ. Мы лишены и сей выгоды. Въ большомъ свѣтѣ, гдѣ вкусъ отечественной словесности обыкновенно образуется, болѣе любятъ вести разговоры на чужомъ языкѣ, нежели на своемъ... Ключъ Россійскаго языка Славянскій; онъ долженъ быть для него изобильнымъ и неизсякаемымъ источникомъ... Нуженъ судъ здравой критики, чтобъ умѣть славян-

скую рѣчь соединять съ русскою: чтобъ заимствуя красоты изъ чужихъ языковъ, не портить своего природнаго; чтобъ въ понятіяхъ и выраженіяхъ былъ точный смыслъ, вкусъ и приличіе... Тогда какъ во Франціи и Германіи выходятъ сотни книгъ и вѣдомостей, наполненныхъ критическими разсужденіями, мы не имѣемъ ни одного сочиненія: мы даже не желаемъ, чтобы насъ судили... не имѣемъ здравой, безобидной и безпристрастной критики, которая безъ оскорбленія обращала-бы вниманіе наше на ошибки[177]).

Но тоже juste milieux, тоже осторожное избѣганіе крайностей находимъ и въ «Разсужденіи о россійской словесности въ нынѣшнемъ ея состояніи» Мерзлякова, помѣщенномъ въ той-же книжкѣ «Трудовъ».

Почтенный Шишковъ весьма хорошо доказываетъ намъ выразительность и богатство языка Россійскаго, какъ нарѣчія отъ Славянскаго... Самое главное искусство въ семъ то, чтобъ заставить любить славянскія книги; полюбивъ ихъ, мы бы усвоили себѣ и слова, и обороты лучшіе. Къ несчастію, славянскій языкъ нашъ не входитъ въ планъ домашняго воспитанія! Съ другой стороны, часто погрѣшаютъ и нѣкоторые страстные любители языка славянскаго. . Поздно уже заставлять насъ писать языкомъ славянскимъ: осталось: искусно имъ пользоваться. Вотъ особливое достоинство Ломоносова! Всѣ славянофилы должны у него учиться высокому искусству соединять слова того и другого нарѣчія...»

Мерзляковъ даетъ затѣмъ самое узкое и мертвое опредѣленіе «словесности». «Словесность — заключаетъ сочиненія разныхъ родовъ, составленныя по свойственнымъ каждому изъ нихъ правиламъ». Затѣмъ онъ даетъ обзоръ успѣховъ русской словесности.

Голенищевъ-Кутузовъ, Нелединскій-Мелецкій, Костровъ, Майковъ (Василій, XVIII-го вѣка), Николевъ, Бобровъ, Долгорукой и другіе «весьма много обогатили нашу лирическую поэзію. Первый сверхъ того познакомилъ насъ съ Пиндаромъ, Греемъ, Сафою и Гезіодомъ». Помѣщеніемъ въ списокъ Боброва и Кутузова профессоръ имѣетъ въ виду угодить кружку Шишкова. Николева онъ помѣщаетъ въ угоду московскимъ старичкамъ.

«О безцѣнномъ твореніи, извѣстномъ подъ названіемъ Душеньки, не говорю ни слова; всѣ его знаютъ наизусть... Невозможно не возчувствовать удивленія, разсматривая чрезвычайные шаги Сумарокова въ успѣхахъ драмы... Пусть говорятъ, что Сумароковъ подражалъ: это не унизительно. Геній—подражатель отъ простого подражателя отличается тѣмъ, что онъ умѣетъ выбрать для подражанія изящнѣйшее, и даетъ подражанію живой видъ подлинника (?!)... Отчего упали трагедіи Сумарокова? Причина — устарѣлый языкъ и неблагородство разговора, который часто бываетъ ниже комическаго (?!)». Вотъ образецъ мерзляковскаго «ниспроверженія авторитетовъ».

---

[177]) Стр. 7—13.

Сумароковъ геній-подражатель , шаги его въ успѣхахъ драмы чрезвычайны. Только языкъ устарѣлъ и разговоръ неблагороденъ!

Мѣсто Сумарокова занялъ родственникъ его Княжнинъ. Въ его трагедіяхъ слогъ чище, благороднѣе, возвышеннѣе, нежели въ трагедіяхъ Сумарокова... Слогъ его бываетъ часто холоденъ, напыщенъ, несвободенъ: онъ терялся въ подробностяхъ, и не умѣлъ себя останавливать; ему хотѣлось быть вездѣ высокимъ; въ одной сценѣ Росслава помѣстилъ онъ всѣ высокія слова, разсѣянныя въ разныхъ трагедіяхъ Корнеля, Расина и Вольтера. Онъ подражалъ всѣмъ французскимъ трагикамъ вмѣстѣ, или лучше переводилъ изъ нихъ. Это—не Сумароковъ .

Похвалилъ Мерзляковъ слогъ княжнинскій передъ сумароковскимъ, за то призналъ, что Княжнинъ — не Сумароковъ, не геній. Какъ различалъ Мерзляковъ этихъ двухъ плагіаторовъ остается его тайной.

Послѣ Княжнина трагедія наша долго была въ нѣкоторомъ усыпленіи. Нѣмецкія драмы наводнили театръ. Коцебу переведенъ весь: Русалка волшебнымъ своимъ жезломъ окаменила Сумарокова, Княжнина, драмы Хераскова, славныя комедіи фонъ-Визина, экивоки Клушина. Но Озеровъ разрушилъ очарованіе,— и снова обратилъ вкусъ публики на предметы важнѣйшіе. Красота слога въ его трагедіяхъ составляетъ главное достоинство ...[178]).

Что касается языка, неожиданно вставляетъ Мерзляковъ на стр. 104 своего разсужденія, то пусть течетъ онъ своимъ путемъ .

Въ талантахъ Россія изобильна; нужно ученье. Ученье имѣетъ двѣ отрасли: правила и образцы. Въ правилахъ, или вообще въ курсахъ словесности имѣемъ величайшій недостатокъ. У насъ нѣтъ ни одного полнаго курса словесности — три только извѣстныя Риторики — Ломоносова, Преосвященнаго Амвросія, Рижскаго,—всѣ какія есть...

И такъ: 1) Учебныя книги и теорія. 2) Надлежащее знаніе древнихъ образцовъ. 3) Критика благоразумная. 4) Всеобщая привязанность къ истинной литературѣ. 5) Науки основательныя: — вотъ средства къ образованію нашей словесности»[179]).

Но если вступительная рѣчь предсѣдателя и разсужденіе Мерзлякова носятъ умѣренный характеръ, то другіе члены вносили въ Труды самый затхлый тонъ. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ мохомъ поросшій профессоръ-риторъ Побѣдоносцевъ, въ статьѣ Заслуги Хераскова въ отечественной словесности , въ томъ же томѣ Трудовъ стр. 119 и 138.

Пройдемъ ли молчаніемъ заслуги, Россійскимъ Гомеромъ оказанныя отечественной словесности, и особенно поэзіи? Оставимъ ли безъ прославленія любимца Музъ, который говорилъ языкомъ вдохновенія, коего произве-

---

[178]) Труды. Ч. I. М. 1812 г. Стр. 75, 94, 96—99, 100 и 101.

[179]) Id. Стр. 105 и 109.

денія ознаменованы печатію ума, образованнаго и зрѣлаго... воображенія плодовитаго въ вымыслахъ... чувства нѣжнаго... вкуса тонкаго и разборчиваго... Забудемъ ли того пѣснопѣвца, котораго наставленія, совѣты и примѣръ много содѣйствовали въ образованіи способностей въ молодыхъ стихотворцахъ, доказавшихъ уже зрѣлость своихъ талантовъ?.. Незабвенный Херасковъ!» Прочитавши Россіаду, воображаемъ, что мы прогуливались въ прекрасномъ саду, гдѣ природа и искусство истощили дары свои, гдѣ различныя деревья и цвѣты, одни другихъ пріятнѣе, плѣняли наши взоры, услаждали обоняніе. Мы не знали на чемъ остановиться, чему отдать предпочтеніе: все на своемъ мѣстѣ, все цвѣтетъ и благоухаетъ!»

А между тѣмъ и тогда уже пресловутая «Россіада» благоухала только плѣсенью и мышами, которыя однѣ ею лакомились. Мерзляковъ требовалъ «критики благоразумной». А вотъ что писалъ кн. Шаликовъ, сильно критикой пощипанный:

«У насъ многіе критики, даже иногда не читая книгъ нашихъ, какъ можно догадываться, порицаютъ насъ — и болѣе ничего. Сколь многіе молодые писатели съ дарованіемъ положили едва взятое ими въ руки перо, и положили — можетъ быть навсегда — устрашившись, по неопытности своей, грозы жестокихъ критиковъ (?!).. Словесность наша еще въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, слѣдовательно требуетъ, чтобы съ ней обходились бережно и осторожно, или она увянетъ, подобно цвѣту весенняго луга, вмѣсто тихаго дождя побитому разрушительнымъ ливнемъ[180]).

§ 5. Въ 1815 г. Мерзляковъ издавалъ журналъ «Амфіонъ», въ которомъ принималъ участіе и Жуковскій. Здѣсь былъ помѣщенъ разборъ знаменитой поэмы, подъ заглавіемъ «Россіада, поэма эпическая г-на Хераскова. (Письмо къ другу)». Начинаетъ свой разборъ Мерзляковъ безконечными оговорками и присѣданьями, какъ передъ Херасковымъ, такъ и передъ установившимся авторитетомъ ходячаго мнѣнія о его заслугахъ.

«Какъ тебѣ угодно, любезной другъ, а я не могу разстаться съ моимъ почтеннымъ, знаменитымъ Херасковымъ! Поэма его... заслуживаетъ, по требованіямъ самого патріотизма, гораздо болѣе, нежели тѣ похвалы, которыя воспѣваетъ ей... нашъ самолюбивый Трисотинъ, стихотворецъ, который ополчается противъ разбора всѣхъ авторовъ, не изъ любви къ нимъ, а изъ боязни, чтобы не дошла очередь и до него».

«Поэма Хераскова заслуживаетъ, чтобы на нее обратили особенное вниманіе... она есть зерцало, въ которомъ представляются знаменитыя дѣянія предковъ нашихъ... изображенные живописною, важною кистію истиннаго Россіянина и друга человѣчества; но тому, что она можетъ быть всегда по-

---

[180]) Труды. Часть VIII. М. 1817 г. «Рѣчь о состояніи нашей словесности». Стр. 161.

лезнымъ училищемъ для потомковъ, которые, шествуя по слѣдамъ прадѣдовъ, и нынѣ безсмертное мщеніе и торжество Москвы, столь величественно и благодѣтельно совершили на стогнахъ униженнаго Парижа ...[181]). Эти оговорки Мерзлякова, впрочемъ, очень естественны. Критическія нападки на патріотическую поэму могли истолковать, какъ желаніе унизить самый патріотизмъ. Гораздо позднѣе, въ 30-хъ годахъ, такъ былъ истолкованъ критическій разборъ драмы Кукольника «Рука Всевышняго отечество спасла» Николая Полевого. Указанія его на недостатки художественнаго произведенія приняли, какъ хулу на спасенное отечество, на чувство патріотизма, едва-ли не на самую спасительную Руку! «Милостивые государи! восклицаетъ далѣе Мерзляковъ, конечно, вы хвалите поэму. Но гдѣ разобраны красоты и недостатки ея? гдѣ опредѣлено истинное достоинство того, что вы хвалите? Такое почтеніе, съ позволенія вашего сказать, похоже немного на то, которое питаютъ китайскіе мандарины къ старымъ своимъ книгамъ... Генріада!.. Сколько знаменитыхъ мужей писало и pro и contra... Адиссонъ... раскрылъ, показалъ, раздробилъ твореніе Мильтона... что сказать о Клопштокѣ?.. Знаменитые мужи, Крамеръ, Зульцеръ, Громанъ, Бенковичъ разсматривали его съ разныхъ сторонъ»...[182]).

Въ помощь себѣ Мерзляковъ обращаетъ самый патріотизмъ, указывая, что русской литературой больше самихъ русскихъ занимаются иностранцы:

«Французъ, не знавшій ни генія нашего языка, ни нашихъ нравовъ, ни тѣхъ непостижимыхъ прелестей idiomата, которыя только знакомы отъ природы владѣющему языкомъ,—французъ цѣнитъ нашу славу, лучшихъ нашихъ писателей, а мы почитаемъ за грѣхъ къ нимъ прикоснуться! Если бы напротивъ были разборы на сочиненія отечественныя... тогда—могли-ли бы явиться сіи столь оскорбительныя для чести литературы нашей мнѣнія? ...

... Литература... живетъ соревнованіемъ. Гдѣ же пружины сего соревнованія? Одни кричатъ: у насъ пишутъ только пѣсенки да романсы... Сами виноваты... вы не разбираете,—у насъ еще мало авторовъ; на что путать ихъ?.. Милостивые государи!.. изъ вашихъ словъ вижу я недоброжелательство ваше къ словесности, и совершенную къ ней несправедливость!.. но прежде позвольте спросить: почему мало авторовъ?.. Хотите ли, чтобы ихъ число умножилось? Будьте къ нимъ внимательнѣе. Еще скажу: разбирайте ихъ, или не осуждайте разборовъ.

Покажи важность искусства.—Атлетъ не замедлитъ явиться.—Другъ мой! еще повторю, такъ образовались Франція и Германія! Ни въ какое время не было у нихъ такого множества писателей, какъ тогда, когда царствовала критика!—Почтенныя тѣни Ломоносова, Хераскова, Сумарокова,

[181]) «Амфіонъ», 1815 г. Январь. Стр. 32 и 38.

[182]) Id. Стр. 34, 35, и 36.

Княжнина! неужели мы будемъ въ отношеніи къ вамъ китайцами? Для чего же, и для кого вы писали?[183]).

Мерзляковъ заставляетъ еще болѣе осторожнаго воображаемаго «друга пожиматься и говорить: «все такъ, но... рано». И сейчасъ же съ горячностью возражаетъ:

«Почему рано?— Развѣ не примѣчаемъ мы уже теперь обыкновенныхъ волненій вкуса и раздѣленія мнѣній?—Развѣ всемогущая мода по сю пору не отдѣлила уже насъ отъ первыхъ образцовъ нашихъ въ писаніи?.. Къ одѣ Ломоносова охладѣли... Въ чемъ же мы по сіе время подвинулись? конечно во многихъ мелкихъ пріятныхъ сочиненіяхъ, вообще въ чистотѣ и наружной изящности слога. Но и въ семъ случаѣ сомнѣнія не рѣшены еще. Одни укоряютъ другихъ въ излишнемъ употребленіи словъ славянскихъ, а другіе въ излишнемъ отступленіи отъ славянскаго и въ ослабленіи языка?—Отчего главное богатство новѣйшихъ произведеній состоитъ токмо: въ романахъ, эпиграммахъ, въ шутливыхъ посланіяхъ, прологахъ, въ надписяхъ, въ водевиляхъ, пѣсенкахъ и въ пьесахъ, которыя совсѣмъ не знаешь, къ какому отнести роду? Оттого, что не занимаемся, какъ должно, теоріей искусства и презираемъ ее; оттого, что не разбираемъ своихъ предшественниковъ, которыхъ красоты и ошибки вели бы насъ къ совершенству; оттого, что не читаемъ Ломоносова, который за сто лѣтъ умѣлъ уже искусно соединять славянскій языкъ съ русскимъ»[184]).

Мерзляковъ начинаетъ за здравіе, и сводитъ за упокой. Гора рождаетъ мышь. Повидимому онъ ратуетъ за провѣрку старыхъ авторитетовъ, за переоцѣнку всѣхъ литературныхъ цѣнностей. Онъ упрекаетъ словесниковъ въ китайщинѣ. Онъ указываетъ уже на «волненія вкуса» и «раздѣленія мнѣній», подходя вплотную къ пятнадцатилѣтнему спору двухъ школъ. Онъ уже бросаетъ положеніе, которое заставляетъ предположить, что все это разрѣшится смѣлымъ, новымъ, прогрессивнымъ словомъ. «Мода отдѣлила насъ отъ первыхъ образцовъ въ писаніи». Слово «мода» поставлено недаромъ. Все разрѣшается непроходимой рутиной литературнаго старовѣрства, отъ которой у перепуганныхъ было сановныхъ старичковъ—словесниковъ вѣроятно расцвѣла довольная улыбка на полумертвыхъ устахъ и сорвались аплодисменты: «Не знаешь къ какому отнести роду... не читаемъ Ломоносова... искусно соединять славянскій языкъ съ русскимъ!..» Профессоръ краснорѣчія спасенъ, публицистъ и критикъ — погибъ. И этого всего мало еще кажется осторожности Мерзлякова. Онъ въ видѣ тяжелой артиллеріи выдвигаетъ слова самого покойнаго Хераскова, творца «Россіады»:

«Я еще въ силахъ многое поправить въ ходѣ и связи, это не стыдно:

[183]) Id. Стр. 40, 41, 42 и 43.

[184]) Амфіонъ. Январь. Стр. 44, 45, 46.

Вольтеръ всю жизнь поправлялъ свою Генріаду. Если NN перестраиваетъ безпрестанно свой домъ, не угождая на собственный свой вкусъ, то какъ же можно воздвигнуть вдругъ зданіе безсмертное, долженствующее угодить всеобщему вкусу народовъ и вѣковъ?»

Скромный старичекъ! Онъ очевидно былъ совершенно убѣжденъ, что его поэма—геніальное произведеніе, зданіе базсмертное, подобно Гомеру, созданная для вѣковъ и народовъ! Съ этой теплой вѣрой онъ и умеръ. Но въ 1815 году, послѣ появленія Жуковскаго и Батюшкова, все молодое поколѣніе уже видѣло, что «зданіе» поэмы Хераскова давно осуждено на сломъ, и не только не выдержало испытанія «вѣковъ и народовъ», но даже четверти вѣка, и смѣны двухъ поколѣній. Тѣмъ не менѣе Мерзляковъ съ насупленнымъ челомъ притворяется, что «зданіе» дѣйствительно воздвигается въ безсмертной красотѣ и не боится критики: «Такъ говоритъ мужъ благонамѣренный, а мы хотимъ сдѣлать честь ему, удивляясь только чистотѣ и гладкости стиховъ, и притомъ въ такое время, когда сіе достоинство слога сдѣлалось уже обыкновеннымъ». А въ результатѣ своего разбора Мерзляковъ только и нашелъ въ поэмѣ, что эту «чистоту и гладкость стиховъ», да еще похвальные патріотическіе намѣренія и потуги. А молодежъ 1815 года и того уже не признавала, какъ увидимъ, находя во всей громадѣ 12000 стиховъ «Россіады» всего десять гладкихъ и чистыхъ стиховъ.

«Чуждый самонадѣянности, заключаетъ свой «приступъ» Мерзляковъ, исполненный позволеннаго всѣмъ желанія быть по возможности полѣзнымъ, и притомъ обязанный возложенною на меня должностью говорить о Россійской словесности и ея успѣхахъ,—я почту себя уже награжденнымъ, когда слабыя мои замѣчанія пробудятъ живѣйшую внимательность молодыхъ моихъ соотечественниковъ къ твореніямъ знаменитыхъ нашихъ писателей, и убѣдятъ ихъ въ необходимости подробнѣйшаго изученія теорій такой великой науки, какова поэзія»[185]).

Въ чемъ же собственно состоитъ самая «критика» поэмы:

«Предметъ, избранный Херасковымъ, есть совершенно предметъ Эпическій, или достойный безсмертной Эпопеи (курсивъ Мерзлякова). Онъ имѣетъ въ себѣ три высокія качества: 1) пользу человѣчества: ибо избавлены многіе народы отъ мучительствъ и разореній ужаснѣйшихъ, которыми отягощали ихъ лютые варвары; 2) пользу религіи и законовъ, ибо съ покореніемъ Казани пріобрѣла и та и другая свою безопасность и прочность; 3) пользу отечественную народную.

Въ поэмѣ дѣйствуютъ небо, земля и адъ: и такъ заключаетъ она въ себѣ чудесное. Сравнивъ вступительныя стихи «Россіады»:

---

[185]) Id. Стр. 54.

Пою отъ варваровъ Россію свобожденну.
Попранну власть татаръ, и гордость низложенну,
Движенье древнихъ войскъ, труды, крovаву брань,
Россіи торжество, разрушенну Казань

— съ вступительными стихами Иліады, Одиссеи, Энеиды, Тасса, Клопштока, найдя, что у послѣднихъ отлично хорошо этими стихами «объятъ и окруженъ весь предметъ поэмы», Мерзляковъ заявляетъ, что у Хераскова: «мнѣ кажется не столько просто и точно». Затѣмъ Мерзляковъ ставитъ общую схему своего разбора: «чтобы лучше видѣть единство дѣйствія въ поэмѣ... испытаемъ, всѣ ли частныя происшествія точно относятся къ одному цѣлому: всѣ ли связаны между собою и направлены къ главной цѣли; всѣ ли герои сохраняютъ точно высокій, однажды опредѣленный характеръ; имѣетъ ли свою систему чудесное». Испытаемъ! «Гомеръ остался Гомеромъ, или еще болѣе возвысился критикою. Херасковъ также останется Херасковымъ, когда его творенія будутъ изслѣдованы съ надлежащею точностію и подробностію» [186]).

Можно подумать, что здѣсь скрытый сарказмъ, но нѣтъ, видимо Мерзляковъ самъ не въ шутку вѣрилъ, что Херасковъ можетъ быть сопоставляемъ съ Гомеромъ. Мерзляковъ далѣе не находитъ единства въ поэмѣ, отмѣчаетъ, что одна пѣсня съ другой, и одинъ эпизодъ съ другимъ связаны искусственно, просто восклицаніями, вродѣ слѣдующаго:

Но пусть къ ордамъ несетъ Россійскій Царь перуны,
Хощу перемѣнить на звучной лирѣ струны...

«Легко сказать, основательно замѣчаетъ Мерзляковъ, самому автору: хощу перемѣнить и пр. Его воля благая! Конечно, онъ можетъ еще больше сдѣлать: перенесть насъ за тридевять земель въ тридесятое царство... но, кажется, это не есть искусство» [187]).

Мерзляковъ находитъ далѣе «цѣлыя три пѣсни, не достойно посвященныя интригамъ вѣтренной женщины (китайской Царицы Сумбеки) и ея служанкѣ». «Не понимаю, восклицаетъ онъ, какъ могло патріотическое сердце почтеннаго Хераскова унизить такимъ образомъ тріумфы Іоанновы!» Видите ли, Херасковъ слишкомъ оказался романтичнымъ и мало думающимъ о «тріумфахъ» своихъ героевъ... Однако, какъ бы устрашенный уже высказанными рѣзкостями и тѣми, которыя собирается сказать, Мерзляковъ, приступая къ разбору «чудеснаго» Россіады, восклицаетъ: «Самъ чувствую, что мы, кажется, рано принялись за это дѣло!» то есть за разборъ «Россіады». На самомъ дѣлѣ было уже слишкомъ поздно: поэма уважалась только

[186]) Амфіонъ. 1815 г. Февраль. Стр. 41.
[187]) Id. Стр. 47.

немногими старовѣрами—словесниками. Воззвавъ на всякій случай къ школьнымъ авторитетамъ («Аристотели, Квинтиліаны... ихъ наблюденія сдѣлались правилами священными для вѣковъ и народовъ»), критикъ «съ прискорбіемъ признается», что «если чудесное въ Россіадѣ находится, то оно не имѣетъ никакой системы». Амуръ, Св. Борисъ и Глѣбъ, Кереметь, Магометъ, Драконъ, Ангелъ... «Вотъ подлинно чудесная смѣсь чудесностей! Какимъ образомъ разобрать этотъ хаосъ? какъ назвать сіи силы или машины, божествами или аллегоріями? (Вотъ что заботитъ Мерзлякова!) Въ каждой пѣсни божества всѣхъ полковъ и всѣхъ религій,—и безъ всякаго раздѣла!...»[188]).

«Въ Россіадѣ нѣтъ ни вида, ни дѣйствія, ни характеровъ въ богахъ» («Стр. 108)... Поэма Россіада не имѣетъ самого существеннаго достоинства поэмы—чудеснаго, въ такомъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ его всѣ учители вкуса», (стр. 121). Итакъ, въ поэмѣ нѣтъ «плана», «единства дѣйствія», вступительное «пою» не достаточно полно и кратко, «чудесное» въ ней «не имѣетъ никакой системы», сообразованной съ наставленіями «учителей вкуса»—Аристотеля, Квинтилліана, Горація, Буало, нельзя разобрать, «аллегоріи» или «божества»—херасковскія чрезъестественныя существа». Остается еще разобрать «характеры» поэмы. Безъ подхода, обезпечивающаго кафедральную безопасность критики, дѣло разумѣется не обходится: «Я по школьной своей привычкѣ, въ противность нѣкоторымъ новѣйшимъ нашимъ критикамъ, дающимъ *прямо* и рѣшительно судъ свой (курсивъ Мерзлякова) о всемъ, въ эпиграммѣ, въ пародіи (намекъ на Батюшкова и кн. Вяземскаго), въ нѣсколькихъ смѣлыхъ словахъ, или просто въ пасквильномъ модномъ сочиненіи, на нѣкоторыя слова, или на нѣкоторые стихи, безъ всякихъ доказательствъ,—я, не имѣя на себя столь дерзкой надежды, опять обращу вниманіе твое на старыхъ добрыхъ друзей, то есть, на старыя книги, и посовѣтовавшись съ ними, предложу свое мнѣніе о характерахъ нашего пѣснопѣвца»[189]).

Мнѣніе это въ концѣ концовъ состоитъ въ томъ, что «характеры поэмы—совершенно противны «правиламъ о эпическихъ характерахъ». «Съ прискорбіемъ долженъ признаться, что многіе герои Хераскова суть эфемеры»[190]).

Итакъ, разобравъ по правиламъ поэму, Мерзляковъ не оставилъ камня на камнѣ. Какая же разница между нимъ и «новѣйшими критиками», дающими «прямо и смѣло» свой судъ, въ «пасквильномъ модномъ сочиненіи» въ пародіи и эпиграмѣ? А какъ же! Мерзляковъ разнесъ старичка Хераскова

188) Амфіонъ. Мартъ. Стр. 94, 95 и 108.
189) Амфіонъ. Май. Стр. 88.
190) Id. Стр. 114 и 115.

по «старымъ книгамъ». Престижъ профессорской кафедры спасенъ и можно обратиться съ наставленіемъ къ молодежи: «многіе ли изъ нашихъ молодыхъ стихотворцевъ сами понимаютъ надлежащимъ образомъ важность своего искусства? И многіе ли подозрѣваютъ, что оно имѣетъ опредѣленную, обширную теорію, — плодъ глубочайшихъ изслѣдованій и трудовъ безчисленныхъ?.. Напомни о правилѣ... и въ ту минуту извергнутъ преступника изъ общества умныхъ громовымъ словомъ педанта». Но Мерзляковъ, дѣйствительно, являлся образцомъ педанта въ своемъ разборѣ «Россіады», такъ какъ онъ держитъ рѣшето ложно-классической теоріи въ то время, какъ Херасковъ усиленно доитъ козла, сочиняя нелѣпую эпопею водянистыми стихами, несомнѣнно столь-же бездарную, какъ и «Телемахида» Третьяковскаго, но менѣе оригинальную, такъ какъ Телемахида писана не александрійскими стихами, а гекзаметрами. Что разборъ Мерзлякова робостью своей не удовлетворилъ молодежь, которая давно уже развѣнчала «Россіаду», видно изъ статьи студента Строева.

Павелъ Строевъ началъ издавать въ томъ-же 1815 году журналъ «Современный наблюдатель россійской словесности», котораго и вышло 2 части, 18 №№ [191]). Здѣсь въ первомъ же номерѣ начинаются: «Письма о русской словесности. О Россіадѣ, поэмѣ г. Хераскова (Письмо къ дѣвицѣ Д.)» — «Что скажете теперь, поборникъ славы Хераскова, (такъ начинается «письмо») — пишите вы, милостивая государыня, — г-нъ Мерзляковъ покажетъ истинныя достоинства его поэмы...

Нѣтъ сомнѣнія, что г. Мерзляковъ предпринялъ полезный трудъ, разобравъ Россіаду: жаль только, что она не можетъ стоять на ряду съ произведеніями, обезсмертившими имена своихъ сочинителей. Я думаю, даже не многіе имѣли терпѣніе прочитать ее... Безспорно Сумароковъ былъ единственнымъ стихотворцемъ своего времени; но кто станетъ нынѣ восхищаться его сочиненіями? Между тѣмъ, Сумарокова считаютъ стихотворцемъ образцовымъ, достойнымъ нашего подражанія. Закоренѣлыя мнѣнія опровергать трудно.

То, что я сказалъ о Сумароковѣ, можно отнести къ Хераскову и къ нѣкоторымъ другимъ стихотворцамъ... Они пріобрѣли похвалы отъ своихъ современниковъ, коихъ вкусъ былъ еще не образованъ. Сіи похвалы безпрестанно повторялись и стихотворцы пріобрѣли великую славу. Не понимаю, какъ могли лучшіе наши писатели удивляться Россіадѣ? [192]).

---

191) «Въ тотъ самый день, какъ вышелъ газетный листокъ съ объявленіемъ о моемъ наблюдателѣ, прихожу я, по обыкновенію, въ университетъ, — ты знаешь, что я тамъ студентомъ...» Стр. 4. «Письмо издателя въ Казань».

192) «Наблюдатель». Стр. 10, 11 и 12.

Студентъ Строевъ не находитъ даже и тѣхъ достоинствъ въ «Россіадѣ», которыя признаетъ профессоръ Мерзляковъ.

«Херасковъ намѣренъ пѣть разрушеніе Казани. Предметъ сей можетъ-ли быть великимъ? Всякій, нѣсколько знающій исторію Россіи, скажетъ противное». Херасковъ просто не зналъ исторіи. «Онъ хотѣлъ воспѣть освобожденіе Россіи отъ ига Татаръ, и воспѣлъ взятіе Казани» (Стр. 13 и 14). Далѣе Строевъ отмѣчаетъ и другія нелѣпости поэмы:

«Хераскову угодно было вселить духъ рыцарства въ народахъ Азійскихъ, и превратить ихъ въ Донъ-Кишотовъ».

«Положимъ даже, что греческіе художники были въ Казани, и что произведенія живописи и ваянія могли украшать чертоги Сумбеки, но можно-ли забыть, что законъ Магометовъ, кромѣ цвѣтовъ, никакихъ изображеній не позволяетъ». (Стр. 35 и 36).

Что касается формы, то, «по всей справедливости, можно упрекать Хераскова: описанія его всегда однообразны, сухи и даже иногда смѣшны. Видно, что стихотворецъ, такъ сказать, надувался и желая казаться высокимъ, выходилъ изъ предѣловъ возможности». (Стр. 73). Строевъ чрезвычайно удачно подбираетъ примѣры нелѣпыхъ картинъ изъ Россіады. Пріятель мой нашелъ десять стиховъ гладкихъ, говоритъ онъ, а «я не нашелъ въ Россіадѣ ни одного истинно піитическаго сравненія». (Стр. 77).

Херасковъ и Сумароковъ гонялись всегда за рифмой; не она у нихъ, какъ говоритъ Буало, была плѣнницей, но они у ней были плѣнниками. Да и подлинно, нигдѣ не найдешь такихъ богатыхъ рифмъ, какъ въ сочиненіяхъ сихъ двухъ писателей... У Хераскова слову Христіанство кстати и некстати всегда рифмою Магометанство... Россіада не достойна тѣхъ громкихъ похвалъ, коими ее до сихъ поръ осыпали: еще менѣе того Владиміръ. (Стр. 82).

Продолжая въ августовской книжкѣ «Амфіона» свой разборъ, профессоръ Мерзляковъ не прошелъ однако молчаніемъ дерзкую критику студента Строева, но сославшись на нее, даже точно отмѣтилъ номера юношескаго журнальчика:

«Издатель Современнаго Наблюдателя весьма тщательно вычислилъ всѣ погрѣшности слога г-на Хераскова. Онъ доказалъ (№ 1, стр. 13 и дал.), что взятіе Казани не заслуживаетъ эпопеи, что въ цѣлой поэмѣ нѣтъ ни одного піитическаго сравненія (№ 5 стр. 77), и наконецъ... (№ 3, стр. 81), что въ ней всего только десять стиховъ сряду хорошихъ. Что мнѣ послѣ этого писать? И вслѣдъ за этимъ читаетъ приличное постановленіе опрометчивой молодежи: «Неблагодарные! Отъ кого мы научились писать? Отъ Ломоносова, Хераскова и другихъ; они начинали. Достойные ученики ихъ скромно и благоговѣйно, такъ сказать, слѣдующіе по стопамъ ихъ, Дмитріевы, Карамзины и пр., усовершенствовали священное и славное наслѣ-

діе, каждый соотвѣтственно своему таланту... Вы, ученики сихъ новѣйшихъ, съ дерзостію осуждаете сихъ Патріарховъ... Стихи Хераскова заключаютъ въ себѣ почти всѣ качества, на которыхъ основывается ясность: непринужденность, свободу и чистоту; всѣ молодые стихотворцы должны у него учиться этому искусству... Какъ ученикъ Ломоносова, онъ умѣлъ соединять благолѣпныя выраженія Славянскія съ чистыми и употребительными только въ лучшихъ обществахъ Россійскими выраженіями». И затѣмъ благополучно заканчиваетъ свой разборъ:

«Россіада, какъ героическая поэма, заключающая въ себѣ великое патріотическое дѣло, заслуживаетъ, по всей справедливости, того, чтобъ ее молодые наши поэты имѣли всегда подлѣ себя, и между любимыми своими книгами»[193]).

Разборъ «Россіады» Мерзлякова, понятно, не удовлетворилъ и стариковъ, мнѣніе которыхъ мы привели выше словами Побѣдоносцева, и которое состояло въ признаніи Михаила Матвѣевича Хераскова—россійскимъ Гомеромъ; не удовлетворилъ и молодежь, которая давно уже не читала «Россіады» и считала Хераскова бездарнымъ рифмоплетомъ. Доказательствами могутъ служить слѣдующія мѣста изъ переписки Батюшкова и Пушкина. Въ письмѣ отъ 7 ноября 1811 г. къ Н. И. Гнѣдичу Батюшковъ рисуетъ совершенно комическую фигуру стараго стихотворца: «...анекдотъ, который я слышалъ отъ Карамзина. Покойный Херасковъ, сей водяной Гомеръ любилъ давать совѣты молодымъ стихотворцамъ и, прощаясь съ ними, всегда говорилъ, приподнявъ колпакъ: «чистите, ради Бога, чистите, чистите! Въ этомъ вся и сила. Чистите! О, чистите, какъ можно болѣе чистите, сударь! Чистите, чистите, чистите»! Лицеистъ Пушкинъ отъ 28-го марта 1816 г. пишетъ князю П. А. Вяземскому: «право съ радостью согласился бы я двѣнадцать разъ перечитать всѣ 12 пѣсенъ пресловутой Россіады, даже и съ присовокупленіемъ къ тому и премудрой критики Мерзлякова съ тѣмъ только, чтобы гр. Разумовскій сократилъ время моего заточенія»[194]).

Тѣмъ не менѣе критика Мерзлякова представляетъ своего рода рубиконъ въ исторіи русскаго классицизма. Это была борьба съ характернымъ произведеніемъ теоріи во имя этой теоріи и ея торжества, поднятая ученымъ педантомъ, показавшая ничтожество и этой знаменитой теоріи, и этого знаменитаго произведенія. Само собой произошло низверженіе авторитетовъ и переоцѣнка литературныхъ цѣнностей.

---

[193]) Амфіонъ. Сентябрь. Стр. 87, 91, 102, 103, 104 и 126.

[194]) Въ записной книжкѣ 1817 года Батюшковъ прямо говоритъ:

«Я не знаю скучнѣе и холоднѣе поэмы. Она вяла, утомительна: въ слогѣ видѣнъ и недостатокъ мыслей, чувствъ и вездѣ какая-то дрожь. А планъ... стыдно и говорить о немъ!»

БИБЛІОГРАФІЯ: Соч. Мерзлякова. 2 т. Изд. Общ. Любит. Росс. Слов., подъ ред. М. Полуденскаго. М. 1867. Энциклопедич. Словарь Брокгаузъ-Эфронъ. Статья Ив. Иванова. Біографическій словарь професс. и преподават. Москов. Универс. М. 1855. Ч. II. Біографическо-критическій очеркъ Н. Н. Мизко. Русск. Стар. 1879. XXIV. 113—140. Письмо Мерзлякова къ Н. А. Новикову, 1817. Сообщ. акад. А. Ө. Бычковъ. Id. 1879. XXVI. 349—350. Къ біографіи М—ва. Сообщ. гр. Д. А. Толстой. Русскій Архивъ. 1881. I. 422. Воспоминанія о Мерзляковѣ. (Изъ Записокъ А. А. Кононова). Библіограф. Записки. 1859. № 10. Т. II. См. еще въ воспом. Вигеля М. А. Дмитріева, Жихарева. Письма Мерзлякова: Библіограф. Записки. 1859. № 11. Т. II. Стр. 321—326. Русскій Архивъ. 1865. № 1. 1866. № 4. Стр. 647.

§ 6. Что же говорили «новѣйшіе критики», дававшіе, по словамъ Мерзлякова, судъ свой въ эпиграммѣ, въ пародіи, въ нѣсколькихъ смѣлыхъ словахъ, въ «пасквильномъ модномъ сочиненіи»?

Въ 1813 г. Батюшковъ написалъ свою пародію «Пѣвецъ въ Бесѣдѣ славяноросcовъ», «Эпико-лирико-комико-эпародическій гимнъ»; а въ 1814 г. появился знаменитый «Домъ сумасшедшихъ» Воейкова. Батюшковъ пародировалъ патріотическое стихотвореніе Жуковскаго «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ». Это была вторая его сатира на шишковскій кружокъ, болѣе злая и безпощадная, чѣмъ «Видѣніе на берегахъ Леты»:

Друзья, большой бокалъ отцовъ
За лавку Глазунова!
Тамъ царство вѣчное стиховъ
Шихматова лихова.
Родного крова милый свѣтъ,
Знакомые подвалы,
Златыя игры первыхъ лѣтъ,
Невинны мадригалы,
Кто вашу прелесть замѣнитъ?
. . . .
Тамъ все знакомо для пѣвцовъ,
Тамъ наши дѣтки милы,
Кладбище милое стиховъ,
Бумажныя могилы,
Тамъ царство тлѣнья и мышей,
Тамъ Николевъ почтенный...

Далѣе воспѣвается хвала самому «славянофилу», «мужу неукротимому», побѣдившему неутомимой рукой разсудокъ, и его «сыну, наперстнику и клеврету» Шихматову «безглагольному» (онъ не допускалъ въ стихахъ своихъ глагольныхъ рифмъ); Шаховскому, «кропителю холодныхъ шубъ» (поэма Шаховского—«Расхищенныя шубы»); и «тирану читателей», неистощимому Хвостову, стихи котораго—

...какъ барабанъ
Для слуха нестерпимы!

Воспѣвается хвала «пасмурному Гервею», обруганному Станевичу и «халую» Анастасевичу. Послѣдній, невинный цензоръ и библіофилъ, составившій опись книгъ лавки, впослѣдствіи перешедшей къ Смирдину, что-то много и долго писалъ о «халуѣ» и только потому это слово приложено Батюшковымъ къ его фамиліи, а не по нравственнымъ его качествамъ [195]). Всѣмъ этимъ завсегдатаямъ «Бесѣды» —хвала.:

Но месть тому, кто насъ бранитъ,
И точитъ эпиграммы,
Кто пишетъ такъ, какъ говоритъ,
Кого читаютъ дамы!

Александръ Ѳедоровичъ Воейковъ, авторъ знаменитой сатиры «Домъ сумасшедшихъ» (1778—1839), довольно образованный писатель, но личность двусмысленная въ нравственномъ отношеніи, былъ женатъ на А. А. Протасовой, племянницѣ Жуковскаго, постоянно находился въ связи съ лучшими писателями своего времени. Извѣстность его начинается съ 1806 г., когда онъ напечаталъ въ 19-мъ нумерѣ «Вѣстника Европы» прекрасное «Посланіе къ Сперанскому объ истинномъ благородствѣ». Въ 1811 г. онъ издалъ «Образцовыя сочиненія въ прозѣ знаменитыхъ древнихъ и новыхъ писателей». Съ 1815 по 1826 г. онъ издалъ еще три «Собранія образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ», а съ 1821 г. сталъ принимать участіе въ изданіи «Сына Отечества». Какъ журналистъ, Воейковъ, по словамъ Ксенофонта Полевого, «всегда провозглашалъ свои хвалы и брани по отношеніямъ, по направленію вѣтра». Такъ онъ восклицалъ, прежде 1812 года, въ своемъ посланіи къ Эмилію (то есть къ Сперанскому):

Херасковъ, нашъ Гомеръ, воспѣвшій древни брани,
Россіи торжество, паденіе Казани!

А въ 1818 году, въ посланіи къ Уварову, гдѣ онъ такъ неловко защищалъ гекзаметръ, уже говорилъ про того же Гомера-Хераскова:

И Херасковъ повлекся за нимъ—слѣпой подражатель [196])!

Первая редакція сатиры Воейкова, которую онъ потомъ постоянно добавлялъ, относится къ 1814 г. Въ ней досталось всѣмъ писателямъ безъ различія, и въ заключеніе заточался въ желтый домъ самъ —

...Воейковъ, что Делиля
Такъ безбожно исказилъ,
Запятнать хотѣлъ Эмиля
И Виргилію грозилъ.

[195]) См. Записки Ксенофонта Полевого. Спб. 1888. Стр. 222. Примѣчаніе.
[196]) Записки. Стр. 161.

Это дѣлаетъ сатиру менѣе значительной, чѣмъ пародію Батюшкова. Въ самомъ дѣлѣ, въ «Сумасшедшемъ домѣ», видимъ Каченовскаго, Шаликова, Глинку, Хвостова, Шишкова, Жуковскаго, Станевича, Батюшкова, Грузинцева, Измайлова, Максима Невзорова и мн. др. Подтруниваніе надъ всѣми этими писателями въ сущности довольно безобидное. Это не мѣшало Воейкову нажить массу враговъ.

Библіографія: Въ Русской Старинѣ: Домъ сумасшедшихъ, сатира 1814—1838 гг. съ предисл. и разнорѣчіями П. А. Ефремова. 1874 г. IX. 579—603. О лицахъ въ этой сатирѣ. 1874 г. IX. 604—611. Текстъ сатиры, сообщ. Т. А. Сосновскій 1875 г. XII 584—590. Изображеніе автора сатиры Домъ сумасшедшихъ. П. А. Ефремова. 1875 г. XII. 591. Парнасскій адресъ-календарь. 1818—1820 гг. Сатира А. О. Воейкова. 1874 г. IX. 612—615. А. Ѳ. В—овъ. Очеркъ Н. И. Греча. 1874 г. IX. 621—643. Еще біографич. данныя. 1875 г. XII. 575—584. Объ отношеніяхъ Карамзина къ Воейкову. К. С. Сербиновича. 1872 г. V. 147—149. Литературные вечера у Воейкова въ 1829 г. (Изъ записокъ старожила). Иллюстрація. 1861 г. Т. VII. № 152. «Парнасскій адресъ-календарь» напечатанъ еще въ Русскомъ Архивѣ, 1866 г., № 5. Стр. 760—766. Письма В—ва: «Русскій Архивъ» №№ 7 и 8. 1864 г. Библіограф. Записки. 1858 г. № 9. Т. I. 259—272. Е. Колбасинъ. Литературные дѣятели прежняго времени. Спб. 1859 г. Та же статья (Воейковъ, съ его сатирою Д. С.) въ Современникѣ. 1859 г. № 1. Т. LXXIII. стр. 275—306. Сатирикъ В. и современныя воспоминанія о немъ К. Полевого. Живоп. Русск. Библіотека. 1859 г. №№ 4 и 5. Т. IV: стр. 27—32 и 34—37. Въ Восп. Вигеля, М. Дмитріева, Ив. Панаева.

§ 7. Для характеристики литературныхъ взглядовъ десятыхъ годовъ намъ еще остается только коснуться «Разсужденія о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности» Н. Гнѣдича (1814 г.) и «Рѣчи о вліяніи легкой поэзіи на языкъ» К. Батюшкова (1816 г.). И «разсужденіе» и «рѣчь» были читаны въ Обществѣ любителей русской словесности въ Москвѣ и появились въ «Трудахъ» Общества. Взгляды, высказываемые Гнѣдичемъ, представляютъ ту умѣренную и усовершенствованную классическую теорію, которой держался Оленинъ и его кружокъ. «Правила никому не дали ни искры генія — но обманывается, кто воображаетъ, будто геній получаетъ все отъ одной природы, — говоритъ Гнѣдичъ, — творческіе геніи тайну своихъ твореній сокрыли съ собою во гробѣ, явились наблюдательные умы и похитили у нихъ сію тайну: изъ твореній ихъ извлекли правила, и сіи-то правила составляютъ искусство писателей». Какъ это «извлеченныя правила» могутъ замѣнить «сокрытую тайну», Гнѣдичъ не объясняетъ, не имѣя яснаго различія между творчествомъ и разсудочностью. Гнѣдичъ «во главу угла» кладетъ изученіе древнихъ:

«Отъ временъ Рима и до нашихъ, во всѣхъ странахъ Европы и у насъ, образованіе языка тогда только начиналось, когда писатели знакомились съ

языками древнихъ; а успѣхи тамъ только быстрѣе возрастали и словесность народную возвысили до совершенства, гдѣ писатели основательно изучали творенія древнихъ, признанныя образцами».

...Хорошіе писатели думаютъ, что для нихъ нужны познанія всѣхъ наукъ и художествъ... но кто развилъ одно воображеніе, ни мало еще не образовавши умъ, кто въ 15 лѣтъ, напечатавъ стихи въ журналѣ, раздражилъ свое самолюбіе, прежде чѣмъ укрѣпилъ разсудокъ: тотъ не будетъ уже думать о нуждѣ такихъ познаній: ему уже некогда: онъ спѣшитъ къ безсмертію! Миѳологическій словарь, вотъ гдѣ свѣдѣнія поэтическія; словарь историческій, вотъ его ученыя познанія; французская словесность, вотъ его образецъ и подражаніе».

Грѣдичъ осуждаетъ галломанію русскаго общества, но становится на сторону Карамзина:

Проза—во всѣхъ родахъ гражданскаго краснорѣчія образуется вмѣстѣ съ обществомъ... Никакое дарованіе не успѣетъ въ ней безъ помощи общества... Я слышалъ, какъ молили Бога о спасеніи отечества — языкомъ враговъ Бога и отечества, сохраняя выговоръ во всемъ совершенствѣ... Женщины — прекрасный языкъ своего отечества дѣлаютъ въ обществахъ нашихъ чуждымъ для слуха, — мертвымъ для сердца... При такихъ обстоятельствахъ труды г. Карамзина еще болѣе почтенны. Сколько ему было препятствій, чтобы составить пріятный слогъ прозы, близкій языку общества; ибо онъ у насъ первый увидѣлъ нужду въ семъ слогѣ, первый узналъ его свойства».

Въ своей рѣчи, Батюшковъ, благодаря за избраніе его въ члены Обществомъ, которое «награждаетъ слабые труды и малѣйшіе успѣхи, ибо имѣетъ въ виду важную цѣль — будущее богатство языка», указываетъ, что самъ Ломоносовъ, «возведя въ свое время языкъ русскій до возможной степени совершенства», чувствовалъ, что языкъ просвѣщеннаго народа долженъ удовлетворять всѣмъ его требованіямъ и состоять не изъ однихъ высокопарныхъ словъ и выраженій». У всѣхъ народовъ легкая поэзія, «прелестная роскошь словесности», давала новую пищу стихотворному языку. Батюшковъ называетъ Ѳеокрита, Анакреона, Сафо, Катулла, Тибулла и Проперція, Петрарку, Маро и др. Въ легкомъ родѣ поэзіи читатель требуетъ возможнаго совершенства, чистоты выраженія, стройности въ слогѣ, гибкости, плавности: онъ требуетъ истины въ чувствахъ и сохраненія строжайшаго приличія во всѣхъ отношеніяхъ. Красивость въ слогѣ здѣсь нужна, необходима и ничѣмъ замѣниться не можетъ. Она есть тайна, извѣстная одному дарованію. Поэзія и въ малыхъ родахъ есть искусство трудное, требующее всей жизни и всѣхъ усилій душевныхъ. Надобно родиться для поэзіи. На поприщѣ изящныхъ искусствъ ничто прекрасное не теряется, приноситъ со временемъ пользу и дѣйствуетъ непосредственно на весь составъ

языка. Стихотворная повѣсть Богдановича, первый и прелестный цвѣтокъ легкой поэзіи на языкѣ нашемъ: остроумныя, неподражаемыя сказки Дмитріева; басни Хемницера и оригинальныя басни Крылова, которыхъ остроумные, счастливые стихи превратились въ пословицы; стихотворенія Карамзина, исполненныя чувства, образецъ ясности и стройности мыслей; гораціанскія оды Капниста; вдохновенныя страстію пѣсни Нелединскаго; прекрасныя подражанія древнимъ Мерзлякова; баллады Жуковскаго, сіяющія воображеніемъ; стихотворенія Востокова; посланія князя Долгорукова, исполненныя живости; нѣкоторыя посланія Воейкова, Пушкина (Вас. Львовича) и другихъ новѣйшихъ стихотворцевъ, писанныя слогомъ чистымъ и всегда благороднымъ,—всѣ сіи блестящія произведенія дарованія и остроумія принесли пользу языку стихотворному, образовали его, очистили, утвердили. «Легкій родъ поэзіи», по словамъ Батюшкова, имѣетъ «великія трудности и преткновенія», «ибо языкъ русскій, громкій, сильный и выразительный, сохранилъ еще нѣкоторую суровость и упрямство, не совершенно исчезающія даже подъ перомъ опытнаго таланта, поддержаннаго наукою и терпѣніемъ». Эта жалоба на «суровость и упрямство» языка часто повторяется Батюшковымъ. «Великіе писатели образуютъ слогъ, — говоритъ онъ въ статьѣ «Аріостъ и Тассъ»; но обратно, языкъ имѣетъ вліяніе на писателя». Такъ, одинъ языкъ итальянскій, столь обильный, столь живой и гибкій, — одинъ онъ въ состояніи былъ выражать всѣ игривыя мечты и вымыслы Аріоста, и какъ еще? Въ тѣснѣйшихъ узахъ стихотворства—октавахъ. Но перенесите этого чародѣя въ другой вѣкъ, дайте ему языкъ сѣвернаго народа, и онъ будетъ не въ силахъ изображать природу такъ, какъ онъ постигалъ ее и какъ описалъ въ своей поэмѣ.

Еще въ 1809 г. Батюшковъ писалъ Гнѣдичу: «Позволишь-ли дать совѣтъ? Перечитывая твой переводъ (первый переводъ Иліады рифмованными александрійскими стихами), я болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что излишній славянизмъ не нуженъ, а тебѣ будетъ и пагубенъ. Стихи твои, и это забывать тебѣ никогда не должно, будутъ читать женщины, а съ ними худо говорить непонятнымъ языкомъ... Кто хочетъ писать, чтобъ быть читаннымъ, тотъ пиши внятно, какъ Капнистъ, вѣрнѣйшій образецъ въ слогѣ... Вечеръ, проведенный у Самариной или съ умными людьми, наставитъ болѣе въ искусствѣ писать, нежели чтеніе нашихъ варваровъ...» 5-го декабря 1811 г. онъ пишетъ: «Отгадай, на что я начинаю сердиться? На что? На русскій языкъ... И языкъ-то по себѣ плоховатъ, грубенекъ, пахнетъ татарщиной, что за ы? что за щ? что за ш, шій, щій, при, тры? О, варвары! А писатели? Но Богъ съ ними! Извини, что я сержусь на русскій народъ и на его нарѣчіе. Я сію минуту читалъ Аріоста, дышалъ чистымъ воздухомъ Флоренціи, наслаждался музыкальными звуками авзонійскаго языка и говорилъ съ тѣнями Данта, Тасса, и сладостнаго Петрарка, изъ устъ котораго, что слово, то блаженство».

«Чѣмъ болѣе вникаю въ языкъ нашъ,—говоритъ Батюшковъ въ 1816 году,—чѣмъ больше пишу и размышляю, тѣмъ болѣе удостовѣряюсь, что языкъ нашъ не терпитъ славянизмовъ, что верхъ искусства — похищать древнія слова и давать имъ мѣсто въ нашемъ языкѣ?» Въ письмѣ къ Гнѣдичу 1817 года прямо слышится отчаяніе мастера, чувствующаго, что имъ достигнута непереходимая для него черта совершенства:

Не похожъ-ли я на слѣпого нищаго, который, услышавъ прекраснаго виртуоза на арфѣ, вдругъ вздумать воспѣвать ему хвалу на волынкѣ или балалайкѣ? Виртуозъ—Тассъ, арфа—языкъ Италіи его, нищій—я, а балалайка—языкъ нашъ, жестокій языкъ, что ни говори!

Чувствуя, что не смотря на высокое, сравнительно, совершенство стиха и прозы, достигнутое къ концу десятилѣтія, все же на нихъ еще лежитъ печать какой-то принужденности, нѣтъ въ нихъ огня, крови, жизни, во всемъ блескѣ ея, языкъ еще не облекаетъ предметы, какъ воздухъ, не является послушнымъ, прозрачнымъ тѣломъ духа, все еще обремененъ славянизмами, Батюшковъ въ безсиліи винитъ самый языкъ. Но причиной была — школа: кончался Карамзинскій періодъ, но шагнуть дальше могъ только геній. Батюшковъ не былъ этимъ геніемъ.

II.

§ 1. Въ области повѣствовательной прозы самымъ выдающимся произведеніемъ второго десятилѣтія нашего вѣка является безъ сомнѣнія Исторія Государства Россійскаго Карамзина. Этимъ великимъ произведеніемъ Карамзинъ завершилъ реформу языка, создалъ высокую прозу; ввелъ русское общество въ міръ исторіи Руси, осмыслилъ все прошлое народа и приблизилъ къ нему своихъ современниковъ. Поэтому чрезвычайно удивительнымъ на первый взглядъ можетъ показаться то, что до сихъ поръ не имѣется оцѣнки дѣла, совершеннаго этимъ великимъ человѣкомъ и ходячее представленіе о Карамзинѣ показываетъ, что «интеллигенція» конца вѣка совершенно не обладаетъ исторической перспективой и не знаетъ достоинствъ главныхъ явленій нашей литературы.

«Въ исторіи русскаго образованія, говоритъ акад. Я. К. Гротъ, Карамзинъ есть лицо не только необыкновенное, но въ своемъ родѣ единственное. Онъ былъ первымъ у насъ писателемъ, который всю свою жизнь нераздѣльно посвятилъ литературѣ и ею одной создалъ себѣ независимое и блестящее положеніе» [127]).

[127]) Торж. собр. Академіи Наукъ 1 дек. 1866 г. въ память столѣтней годовщины рожденія Н. М. Карамзина. Спб. 1867. «Очеркъ дѣят. и личности К.» Стр. 7.

Но вотъ какъ оцѣниваетъ исторіографа позднѣйшій критикъ, г. Иванъ Ивановъ въ своей «Исторіи русской критики»:

«Карамзинъ первый создалъ большую публику для книги и журнала... Немногаго конечно, стоили (?) Аглаи, Хлои, и Филлиды, какъ цѣнительницы литературы (?), но разъ онѣ читали, писателю приходилось непремѣнно пристально заботиться прежде всего о стилѣ, о языкѣ. Онъ неизбѣжно становился до послѣдней степени удобочитаемымъ, интереснымъ, по крайней мѣрѣ, по формѣ. Да, въ сущности, главнѣе всего по формѣ. Гдѣ же Филлидѣ гоняться за особенно серьезнымъ и жизненнымъ содержаніемъ!»

«Державинъ написалъ стихотвореніе въ честь Карамзина, еще юнаго писателя. Стихи заканчивались такимъ напутствіемъ патріарха екатерининской поэзіи:

Пой, Карамзинъ,—и въ прозѣ
Гласъ слышенъ соловьинъ!

Трудно точнѣе опредѣлить талантъ и всю дѣятельность Карамзина. Отъ начала до конца—это дѣйствительно соловей рядомъ съ розой и зарей, и гораздо болѣе пѣніе, чѣмъ простая рѣчь прозаическаго смертнаго».

«Соловьемъ Карамзинъ началъ и соловьемъ же кончилъ. На пространствѣ десятковъ лѣтъ не произошло никакого преобразованія: сначала роль розы играла Лиза, а потомъ ее смѣнило «любезное отечество». Но ни настроеніе писателя, ни даже его литературная школа, и стилистическіе пріемы нисколько не измѣнились»[198]).

«Рѣшительное преобладаніе литературности надъ вдумчивостью и наблюдательностью. Карамзинъ—идеальный словесникъ въ самомъ точномъ смыслѣ, образцовый производитель словъ и фразъ, артистъ блестящей внѣшности и бѣднякъ духомъ, нищій сердцемъ—не въ смыслѣ ограниченности и жестокости, а развитой общественной мысли и жизненной сознательной гуманности»[199]).

Мы приводимъ это въ высшей степени легкомысленное сужденіе г. Иванова потому, что оно—образецъ ходячихъ представленій о Карамзинѣ въ извѣстной части нашего общества, воспитанной на критикѣ толстыхъ журналовъ.

Замѣчательно, что во взглядѣ на Карамзина г. Ивановъ «конца вѣка» сошелся... съ Шишковымъ, начала его, то-же подсмѣивавшимся надъ сказочками и надъ желаніемъ, чтобы русскія книги могли читать и русскія женщины. Вся школа Карамзина ставила двѣ задачи: писать такъ, какъ говоришь и совершенно ясно, просто, вразумительно, и такъ, чтобы быть

---

198) Ив. Ивановъ. Исторія русской критики. Часть первая и вторая. Спб. 1898. Стр. 180 и 181.

199) Id. Стр. 183.

прочитаннымъ женщинами. Г. Ивановъ не высокаго мнѣнія о русскихъ женщинахъ конца XVIII-го и начала XIX вѣка. Очевидно, онъ не имѣетъ о нихъ понятія. Аглаи, Хлои и Феллиды немного стоили, по его мнѣнію, какъ цѣнительницы литературы, гдѣ-же имъ гоняться за особенно серьезнымъ и жизненнымъ содержаніемъ! Но еще Пушкинъ указывалъ на пошлость такого отношенія къ русскимъ женщинамъ той эпохи. Когда вышло разсужденіе Шишкова о старомъ и новомъ слогѣ, вотъ-что между прочимъ возражалъ ему критикъ «Московскаго Меркурія»:

«Всякій-ли можетъ посвятить 30 лѣтъ цвѣтущаго времени своей жизни на чтеніе старинныхъ книгъ, чтобы при сѣдыхъ волосахъ написать хорошее сочиненіе, непонятное всѣмъ его знакомымъ, кромѣ ученыхъ. Похвалы Аристарховъ пріятны самолюбію, но похвалы Делій несравненно милѣе сердцу. Лавры изъ нѣжныхъ рукъ женщины любезной всегда были почитаемы за драгоцѣннѣйшую награду, за украшеніе и для шлема рыцаря и для блистательнаго вѣнца повелителя народовъ»[200]).

Вотъ что возражалъ на это Шишковъ въ своемъ «Прибавленіи» къ Разсужденію: «Красавцу прилично желать похвалъ отъ пригожихъ Делій, но сочинителю нужны рукоплесканія умныхъ Делій, умѣющихъ не объ одномъ цвѣтѣ кафтана, но также и о красотѣ сочиненій разсуждать здраво и справедливо, или лучше сказать ему нуженъ тотъ лавръ, который надѣнутъ на него не женщины и не мужчины, но знатоки, какого бы ни были они пола»[201]).

Въ исторіи развитія литературной личности Карамзина былъ несомнѣнно глубокій кризисъ, который упадаетъ на время между 1795 и 1802 годами. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ это время произошелъ поворотъ и въ симпатіяхъ публики. «Восторженныхъ похвалъ прошелъ минутный шумъ» и послышался «смѣхъ толпы холодной».

П. А. Ивановъ, соученикъ А. Х. Востокова по академіи художествъ и его близкій пріятель, писалъ ему изъ Москвы отъ 15-го августа 1799 года: «Съ 1792 г. повѣсть о бѣдной Лизѣ продолжаетъ занимать всѣхъ. По пріѣздѣ отправился осматривать мѣсто, очарованное перомъ Карамзина... Нашелъ я прудъ, стоящій среди поля и окруженный деревьями... Нынѣ прудъ здѣсь въ великой славѣ, часто гуляетъ около него народъ станицами и читаетъ надписи, вырѣзанныя на деревьяхъ вокругъ пруда, и я читалъ ихъ и не нашелъ ни одной путной: вездѣ Карамзина ругаютъ, вездѣ говорятъ, что онъ навралъ, будто Лиза утонула, никогда не существовавшая на свѣтѣ. Есть, правда, изъ нихъ и такія, кои написаны чувствительными тронутыми сею жалкою исторіею, но онѣ жалки и писаны, кажется, пети-

[200]) Меркурій. Стр. 182.

[201]) Прибавленіе. Стр. 122.

метришками...» Въ другомъ письмѣ отъ апрѣля 1800 года, Ивановъ опять пишетъ о Карамзинѣ: «Здѣсь такъ о немъ худо говорятъ, что я потерялъ къ нему половину прежняго почтенія и любопытства его видѣть, оттого по сю пору не видалъ его... Мнѣ кажется, что онъ былъ нѣкогда такимъ, какимъ онъ по сочиненіямъ своимъ казался, жилъ такъ, какъ въ книжкахъ пишутъ, пока не вступилъ въ большой свѣтъ. Ему въ доказательство можно поставить посланіе его къ Дмитріеву... Ты, можетъ быть, сію пьесу наизусть знаешь. Она, мнѣ кажется, положила предѣлъ Карамзинской невинной жизни. Съ сихъ поръ, онъ, видя, что она между людьми неумѣстна, и находя себя имѣющимъ право пользоваться мірскими благами, такъ какъ всѣ пользуются, вырывая другъ у друга, сталъ жить какъ умный человѣкъ и проч.[202]).

Итакъ, Ивановъ потерялъ половину прежняго почтенія къ Карамзину и любопытство его видѣть потому, что онъ «перестал жить какъ въ книжкахъ пишутъ» (точно онъ такъ могъ жить когда либо, какъ писалось у сентиментальныхъ авторовъ?) и «нашелъ себя имѣющимъ право пользоваться мирскими благами». Однако, что, и у кого «вырвалъ» Карамзинъ? Перемѣна настроенія, утрата ореола. «Вѣтеръ народной благосклонности», о которомъ говоритъ Горацій. Во внутреннемъ переломѣ Карамзина трудно дать себѣ ясный отчетъ. Несомнѣнно, что къ началу новаго вѣка въ немъ развился глубоко пессимистическій взглядъ на людей и на русское общество. Видимо, онъ пришелъ къ убѣжденію, что люди имѣютъ то, чего заслуживаютъ и что могутъ снести.

Пораженный величіемъ западно-европейской культуры, Карамзинъ далъ волю своему увлеченію новиковской теоріей и сдѣлался страстнымъ поклонникомъ общечеловѣческаго развитія. «Все народное ничто предъ человѣческимъ, писалъ онъ въ 1790 г. изъ Парижа. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ».

Картина царствованія Павла Петровича должна была потрясти его впечатлительную и нѣжную душу. Доказательство то, что онъ пересталъ писать, и только съ воцареніемъ Александра возобновляется его литературная дѣятельность. Вмѣстѣ съ тѣмъ его должно было все болѣе тянуть отъ текущей журналистики и белетристики къ великому непреходящему труду. Объ исторіи Россіи онъ задумывался почти одновременно съ выступленіемъ своимъ на литературное поприще.

Въ 1790 г. Карамзинъ писалъ: «больно, но должно по справедливости сказать, что у насъ до сего времени нѣтъ хорошей исторіи, т. е. писанной

---

202) «Сборникъ 2-го отдѣленія Имп. Акад. Наукъ». Т. V. вып. 2, стр. VIII—IX. Бѣлозѣрская. Нарѣжный. Изд. 2-е. ч. I. Стр. 4 и 5. Примѣч. 1-е.

съ философскимъ умомъ, съ критикою, съ благороднымъ краснорѣчіемъ. Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ—вотъ образцы. Говорятъ что наша исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна: не думаю: нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, раскрасить: и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и проч. могло выйти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только русскихъ, но и чужестранцевъ. Родословная князей, ихъ ссоры, междоусобія, набѣги половцевъ не очень любопытны: соглашаюсь: но зачѣмъ наполнять ими цѣлые томы? Что не важно, то сократить, какъ сдѣлалъ Юмъ въ англійской исторіи, но всѣ черты, которыя означаютъ свойства народа русскаго, характеръ древнихъ нашихъ героевъ, отмѣнныхъ людей, происшествія дѣйствительно любопытныя, описать живо, разительно. У насъ былъ свой Карлъ Великій—Владиміръ, свой Людовикъ XI—царь Іоаннъ, свой Кромвель.—Годуновъ, и еще такой государь, которому нигдѣ не было подобныхъ:—Петръ Великій. Время ихъ правленія составляетъ важнѣйшія эпохи въ нашей исторіи и даже въ исторіи человѣчества: его то надобно представить въ живописи, а прочее можно обрисовать, но такъ, какъ дѣлалъ свои рисунки Рафаэль или Микель-Анжело».

Въ 1793 г. онъ публично заявилъ, что берется за историческое дѣло. «Буду учиться, писалъ Карамзинъ въ послѣдней книжкѣ Московскаго журнала, буду пользоваться сокровищами древности, чтобы послѣ приняться за такой трудъ, который могъ бы остаться памятникомъ души и сердца моего».

Между тѣмъ Новиковъ былъ засаженъ въ шлиссельбургскую крѣпость на 15 лѣтъ. Въ 1795 г. стали ходить слухи, что Карамзинъ удаленъ изъ Москвы въ деревню (жилъ въ Симбирской губ.), что было невѣрно. Наконецъ Карамзинъ еще больше поразилъ московское общество тѣмъ, что, возвратившись въ Москву, сталъ вести свѣтскую жизнь, завелъ четверку лошадей, часто выѣзжалъ и жилъ, повидимому, ничѣмъ не занимаясь. Онъ даже какъ будто извѣрился и въ русскомъ обществѣ, —въ возможности основать хотя бы слабыя надежды безбѣднаго существованія на сочувствіи общества къ литературѣ. Въ 1798 году онъ писалъ Дмитріеву: «Я разсмѣялся твоей мысли жить переводами! Русская литература ходитъ по міру съ сумой и съ клюкою: худая нажива съ нею»[23]).

Въ 1797 году онъ углублялся въ русскую исторію, и собирался изучать, между прочимъ, исторію Голикова о Петрѣ, такъ какъ въ это время задумалъ написать похвальное слово Петру и Ломоносову. Въ 1800 г. онъ писалъ къ Дмитріеву: «я по уши влѣзъ въ русскую исторію: сплю и вижу Никона съ Несторомъ»[24]).

---

[23]) Письмо Карамзина къ Дмитріеву, стр. 95.

[24]) Письма Карамзина. Стр. 116.

Въ 1802 г. онъ предпринимаетъ новый журналъ «Вѣстникъ Европы», чтобы обезпечить себѣ безбѣдное существованіе и потомъ совершенно отдаться русской исторіи. «Будучи весьма не богатъ,—писалъ потомъ Карамзинъ (въ сентябрѣ слѣд. 1803 г.), я издавалъ журналъ (Вѣстникъ Европы) съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы принужденною работою пяти или шести лѣтъ купить независимость, возможность работать свободно и писать единственно для славы, однимъ словомъ, сочинять русскую исторію, которая съ нѣкотораго времени занимаетъ всю душу мою.»

«Статьи по русской исторіи, помѣщенныя въ «Вѣстникѣ Европы», показываютъ, что Карамзинъ совершенно вѣрно сказалъ, что русская исторія занимаетъ всю его душу; но невѣрно сказалъ, что эта исторія занимаетъ его съ нѣкотораго времени. Въ статьяхъ «Вѣстника Европы» есть вещи, доказывающія и давнее изученіе русской исторіи, и глубокое пониманіе ея, и даже широкое примѣненіе ея въ дѣлѣ искусствъ и общественнаго воспитанія»[205]).

Въ Имянномъ Его Императорскаго Величества указѣ данномъ кабинету, отъ 31 октября 1803 г., сказано: Какъ извѣстный писатель, Московскаго университета почетный членъ, Николай Карамзинъ, изъявилъ намъ желаніе посвятить труды свои сочиненію полной Исторіи отечества нашего, то мы, желая ободрить его въ столь похвальномъ предпріятіи, Всемилостивѣйше повелѣваемъ производить ему, въ качествѣ Исторіографа, по двѣ тысячи рублей ежегоднаго пенсіона изъ кабинета нашего[206]).

§ 2. Какъ видимъ, Карамзинъ не купилъ независимости при помощи своего журнала. Русское общество не обезпечило писателя. Далъ эту независимость ему Александръ. Внутренній кризисъ, выработавшій изъ Карамзина «холоднаго меланхолика», какъ онъ себя самъ опредѣляетъ въ 1810 году, отразился еще въ его стихотвореніяхъ. На это мы указывали въ первой главѣ. Кризисъ объясняется и той борьбой, которую противъ него вели ретрограды.

Въ началѣ 1810 года, министромъ назначенъ графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, изъ попечителей Московскаго университета. Попечителемъ—П. И. Кутузовъ, стараніями массоновъ. Карамзину царь далъ грамоту и св. Владиміра 3-й степени. А въ то же время новый попечитель писалъ новому министру: «Ревнуя о единомъ благѣ, стремясь къ единой цѣли, не могу равнодушно глядѣть на распространяющееся у насъ уваженіе къ сочиненіямъ г. Карамзина; вы знаете, что оныя исполнены вольнодумческаго и якобинскаго яда... И вы, и я дадимъ отвѣты предъ судомъ Божіимъ, когда

---

[205]) Кояловичъ. Исторія русск. самосознанія. 145.

[206]) Погодинъ. Карамзинъ. I. 397.

не ополчимся противу сего яда, во тьмѣ пресмыкающагося и не поставимъ оплота сей тлетворной водѣ, всякое благочестіе потопить угрожающей. Ваше есть дѣло открыть Государю глаза и показать Карамзина во всей его гнусной наготѣ, яко врага Божія и врага всякаго блага, и яко орудіе тьмы...»[207]).

Казалось бы, такого рода доносы должны бы побудить Карамзина къ осторожности. Между тѣмъ онъ подаетъ чрезвычайно рѣзкую и смѣлую записку Государю, хотя и патріотическую въ основѣ, но патріотизмъ не всегда благосклонно встрѣчался Александромъ, въ это время отдававшимъ предпочтеніе либеральному плану государственнаго преобразованія Сперанскаго.

«Планъ» Сперанскаго оставался государственной тайной и не былъ изложенъ даже въ обширной біографіи барона Корфа.

Записка «О древней и новой Россіи» Карамзина въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ не могла быть напечатана въ Россіи, какъ это ни странно при ея характерѣ. Оба произведенія, какъ нарочно, писаны были въ одно и то же время (1810—1811);—авторы защищали два совершенно различные взгляда и такимъ образомъ, сражаясь между собою, не знали одинъ о другомъ. Оба автора одинаково не имѣли въ виду другихъ читателей, кромѣ императора[208]).

«Планъ» Сперанскаго и «Записка» Карамзина представляютъ крайніе пункты, до которыхъ дошелъ общественный вопросъ въ первую половину царствованія. «Планъ» былъ крайнимъ пунктомъ того, что думало сдѣлать правительство, стоявшее въ тѣ годы во главѣ либеральнаго меньшинства; «Записка» высказывала, по мнѣнію А. Н. Пыпина,— настроеніе большинства, т. е. главнымъ образомъ дворянскаго общества, недовольнаго нововведеніями, между прочимъ, грозившими крѣпостному праву. Къ этимъ главнымъ направленіямъ приводится и содержаніе литературы. Собственно говоря, эти труды и не принадлежали литературѣ. Одинъ былъ секретная официальная работа, другой — частная записка, предназначенная также только для Государя.

Въ своемъ «Планѣ» Сперанскій говоритъ между прочимъ: «Я нахожу въ Россіи только два сословія:—это «рабы верховной власти, и рабы землевладѣльцевъ». Въ Россіи нѣтъ свободныхъ людей, кромѣ нищихъ и философовъ. Государство, устроенное такимъ образомъ, есть государство деспотическое; и пока оно будетъ состоять изъ тѣхъ же элементовъ, ему невозможно будетъ быть государствомъ монархическимъ. Если не хотятъ рѣшиться коснуться до этого основного порядка вещей, должно ограничиться

[207]) Погодинъ. II, стр. 63.

[208]) Пыпинъ. Общ. движ. при Александрѣ I. Изд. 3-е, стр. 185 и 186.

второстепенными предметами, но правительство въ то же время должно отказаться отъ всякихъ усилій въ пользу народнаго образованія, потому что образованный рабъ есть несчастнѣйшій изъ людей, отъ основанія всякихъ фабрикъ и мануфактуръ.

Изъ практическихъ мѣръ указана только одна, всего ярче выясняющая совершенную отвлеченность Сперанскаго. Для преобразованія «деспотіи въ монархію» надо прежде всего создать «монархическую аристократію». При чемъ «высшій» классъ долженъ быть основанъ на правѣ первородства («майоратъ»). Сперанскій поэтому предлагаетъ «возстановить древній законъ Петра I о первородствѣ».

Читая трудъ Сперанскаго,—говоритъ Тургеневъ,—я въ особенности искалъ какихъ-нибудь рѣшеній о капитальномъ для Россіи предметѣ, который, если бы начата была какая нибудь реформа, долженъ предшествовать всему: отмѣнѣ крѣпостного права. Я не нашелъ на этотъ счетъ ничего опредѣленнаго. Трудъ носитъ на себѣ очевидные слѣды легкомыслія[209]).

На какой точкѣ стоитъ Карамзинъ въ своей «Запискѣ о древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ»? Оставляя въ сторонѣ идеалы и доктрины, онъ выводитъ общій смыслъ и урокъ изъ тысячелѣтней исторіи русскаго народа. «Настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго», вотъ его основное положеніе.

Великое твореніе князей московскихъ — было произведено не личнымъ ихъ геройствомъ, но единственно умною политическою системою. Россія основалась побѣдами и единоначаліемъ, гибла отъ разновластія, а спаслась мудрымъ самодержавіемъ. Петръ нашелъ средство дѣлать великое. Но русская одежда, пища, борода не мѣшали заведенію школъ. Честію и достоинствомъ Россіянъ сдѣлалось подражаніе. Мы стали гражданами міра, но перестали быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гражданами Россіи. Виною Петръ. Онъ великъ, безъ сомнѣнія.

Въ необыкновенныхъ усиліяхъ Петровыхъ видимъ всю твердость его характера и власти самодержавной. Ничто не казалось ему страшнымъ. Петръ объявилъ себя Главою церкви, уничтоживъ патріаршество, какъ опасное для самодержавія неограниченнаго. Главное дѣло Екатерины II состоитъ въ томъ, что ею смягчилось самодержавіе, не утративъ силы своей. Но она хотѣла умозрительнаго совершенства въ законахъ. Дала намъ суды, не образовавъ судей, дала правила безъ средствъ исполненія. Сынъ Екатерины началъ господствовать всеобщимъ ужасомъ. Считалъ насъ не подданными, а рабами: казнилъ безъ вины, награждалъ безъ заслугъ. Въ сіе царствованіе ужаса, по мнѣнію иноземцевъ, россіяне даже боялись и мыслить: нѣтъ, говорили и смѣло, умолкали единственно отъ скуки и частаго повто-

---

[209]) Пыпинъ. Обществ. движ. при Александрѣ I. Изд. 3-е. стр. 172.

ренія. Общее бѣдствіе сближало сердца, а великодушное остервенѣніе противъ злоупотребленій власти заглушало голосъ личной осторожности. Два мнѣнія были потомъ господствующими въ умахъ: одни хотѣли, чтобы Александръ къ вѣчной славѣ своей взялъ мѣры для обузданія неограниченнаго самовластія, другіе хотѣли единственно, чтобы онъ возстановилъ разрушенную систему Екатеринина царствованія. Двѣ власти государственныя въ одной державѣ суть два грозные льва въ одной клѣткѣ, готовые терзать другъ друга, а право безъ власти есть ничто. Что, кромѣ единовластія неограниченнаго, можетъ въ сей моментъ производить единство дѣйствія?

Государь! ты можешь все, но не можешь законно ограничить свое самодержавіе!

Всѣ согласны, что едва-ли кто нибудь изъ государей столь умѣлъ быть человѣкомъ на тронѣ, какъ Александръ.

Но здѣсь имѣю нужду въ твердости духа, чтобы сказать истину: Россія наполнена недовольными: жалуются въ палатахъ и въ хижинахъ, не имѣють ни довѣренности, ни усердія къ правленію, строго осуждаютъ его цѣли и мѣры. Удивительный государственный феноменъ.

Нынѣшнее правительство имѣло, какъ увѣряютъ, намѣреніе дать господскимъ людямъ свободу. Должно знать происхожденіе сего рабства.

Что значитъ освободить у насъ крестьянъ? Дать имъ волю жить, гдѣ угодно, отнять у господъ всю власть надъ ними, подчинить ихъ одной власти правительства. Хорошо; но сіи земледѣльцы не будутъ имѣть земли, которая (въ чемъ не можетъ быть спора) есть собственность дворянская.

Уже въ манифестѣ объявлено, что первая часть законовъ готова. Издаются двѣ книжки подъ именемъ проекта Уложенія. Что же находимъ? Переводъ Наполеонова Кодекса! Въ Наполеоновомъ Кодексѣ законадатель говоритъ о правѣ собственности, наслѣдства, завѣщанія: вотъ гражданскія права во Франціи: но въ Россіи господскій, и самый казенный, земледѣлецъ имѣетъ ли оныя, хотя и называется русскимъ? никто изъ русскихъ, читая сей проектъ, не догадался бы, что онъ читаетъ наше гражданское уложеніе, если бы не стояло то въ заглавіи; все не русское, все не по русски, какъ вещи, такъ и предложеніе ихъ[210]).

Едва-ли правъ А. Н. Пыпинъ въ оцѣнкѣ „Записки". Едва-ли ея взгляды, дѣйствительно прямо противуположные взглядамъ Сперанскаго, выражали мнѣніе большинства, дрожавшаго за цѣлость крѣпостного права. Карамзинъ просто развиваетъ тотъ взглядъ, который выработался у него подъ вліяніемъ изученія жизни и прошлаго страны. Несоотвѣтствіе Кодекса Наполеона съ крѣпостнымъ правомъ и несочувствіе освобожденію народа безъ

[210]) „Записка" въ сочиненіи А. Н. Пыпина: Общ. движ. въ Россіи при Александрѣ I. 3-е изд. Приложенія. Стр. 479—534.

земли показываетъ глубокое пониманіе имъ дѣйствительности, хотя рядомъ странно звучитъ утвержденіе, что вся земля «собственность дворянская», чего не было на самомъ дѣлѣ и всегда на практикѣ разграничивалась земля крестьянская отъ помѣщичьей. Сперанскій былъ настолько слѣпъ, что аристократію съ маіоратомъ считалъ ступенью къ новому строю. Карамзинъ возлагаетъ всѣ надежды на сильную, независимую центральную власть, и взглядъ его оправданъ исторіей, потому что только самодержавная власть, опираясь на меньшинство, могла совершить реформу 19-го февраля, съ надѣленіемъ землею освобожденныхъ крестьянъ.

§ 3. Само собой напрашивается сравненіе трехъ личностей: Шишкова, Карамзина и Сперанскаго. А. Н. Пыпинъ находитъ, что «между Шишковымъ и Карамзинымъ—кромѣ разницы въ языкѣ,—не было существеннаго различія... ихъ патріотизмъ былъ одинаково консервативенъ. Оба они писали о любви къ отечеству и говорили въ сущности одно и тоже; оба не любили нововведеній и предпочитали старую патріархальность, оба возставали противъ иностранныхъ учителей, которымъ поручалось у насъ воспитаніе, и Шишковъ, конечно, принялъ бы всѣ выводы «Записки» Карамзина. Во внѣшности между ними была разница: въ Шишковѣ было нѣчто, церковно-архаическое, Карамзинъ нѣкогда былъ деистомъ и отличался свѣтской образованностью во французскомъ родѣ; Шишковъ въ своей литературной внѣшности былъ аляповатъ, Карамзинъ всегда приглаженъ». Сужденіе это едва ли основательно. Шишковъ обладалъ боевымъ темпераментомъ публициста. Карамзинъ былъ холодный меланхоликъ и человѣкъ кабинетный, хотя съ широкимъ проницательнымъ умомъ. Консерватизмъ Карамзина былъ объективнымъ, независимымъ отъ личныхъ его симпатій и идеаловъ. Таковы люди, такова Россія, такова исторія!—говорилъ онъ. Шишковъ былъ глубоко субъективенъ въ своихъ пристрастіяхъ. Сначала онъ выступаетъ въ литературѣ чудакомъ, Донъ-Кихотомъ, влюбленнымъ въ Дульцинею, славянскій языкъ (сравненіе Батюшкова). Насмѣшки сыпались на пламеннаго адмирала.

Въ литературномъ обиходѣ появилось слово «славянофилъ», пущенное В. Л. Пушкинымъ въ его «Опасномъ Сосѣдѣ». Въ «Журналѣ Драматическомъ» (1811 г.) Макарова, помѣщена была комедія «Обращенный славянофилъ». Батюшковъ, пародируя Жуковскаго, написалъ остроумную шутку «Пѣвецъ въ бесѣдѣ славяно-россовъ», которую всѣ въ то время знали наизусть, такъ же какъ и Воейкова «Сумасшедшій Домъ», гдѣ видное мѣсто отведено Шишкову и его сторонникамъ. Нарѣжный, въ романѣ «Русскій Жильблазъ», въ лицѣ педанта Трисмегалоса, вывелъ любителя «словенщины». Въ то время, какъ Карамзинъ критикуетъ безпочвенность уложенія Сперанскаго, Шишковъ разбиралъ только языкъ его. Начала истин-

наго «славянофильства», собственно, находятся у Карамзина, въ указаніяхъ «Записки» на подражательность, проникшую русскую жизнь съ Петра Великаго. Въ 1810 г. состоялось вступленіе Карамзина въ Академію, президентомъ которой былъ Шишковъ. Онъ восхитился Карамзинымъ, который холодно и презрительно отозвался друзьямъ о старомъ славянолюбѣ: «Шишковъ честенъ и учтивъ, но тупъ». Въ 1812 г. Шишковъ сумѣлъ говорить въ манифестахъ такъ, что вся Россія его слушала и воодушевлялась. Шишковъ тогда доказалъ, что обладалъ «великою душею», какъ говорили въ XVIII вѣкѣ.

Сей старецъ дорогъ намъ! Онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года —

сказалъ позднѣе Пушкинъ. Послѣ взятія Парижа Шишковъ опять превратился въ чудака-славянофила, «брюзжалъ на многое старикъ, не стѣсняясь, но всѣ уже привыкли къ его брюзжанію, и не обращали на него вниманія, или слушали съ улыбкой». Манифесты его уже не годились. Въ 1826 году онъ съ Шихматовымъ сочинилъ цензурный уставъ — образецъ мракобѣсія.

Карамзинъ былъ великій умъ, съ высоты смотрѣвшій на жизнь, создавшій себѣ объективный взглядъ на Россію, независимый отъ личныхъ симпатій, творецъ новаго языка. Шишковъ — публицистъ и критикъ, со всей узостью и односторонностью, свойственными всѣмъ боевымъ «направленцамъ», русскимъ критикамъ-публицистамъ.

Карамзинъ и Сперанскій—дополняющія другъ друга личности. Параллель между ними удачно проводитъ Погодинъ.

«Государь разгнѣвался на Карамзина, (за «записку») но вскорѣ послѣ того охладѣлъ явно и къ Сперанскому... Карамзинъ и Сперанскій, почти ровесники,— это два самые высшіе умы Русскіе въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Оба любили пламенно отечество, оба желали ему добра искренно, оба трудились безпримѣрно, оба готовы были на всякія жертвы,— и были несогласны между собою, мѣшали другъ другу. Такъ трудно русскимъ людямъ, самымъ высшимъ, дѣйствовать сообща. Какъ объяснить себѣ это! Сперанскому не доставало исторіи прошедшаго, а Карамзину не доставало настоящаго, современнаго знанія подробностей въ государственномъ механизмѣ».

«Сперанскій, семинаристъ, увидѣлъ французское законодательство, какъ Петръ Первый Европу, очаровался, началъ преобразовывать. Карамзинъ, пройдя тысячу лѣтъ безпримѣрнаго въ Европейскихъ лѣтописяхъ Русскаго терпѣнія, и не находилъ по опыту ничего лучше, полезнѣе этого терпѣнія»...[211]).

---

[211]) Погодинъ. II. стр. 83.

§ 4. Карамзинъ писалъ свою исторію въ сельской обстановкѣ, въ селѣ Астафьевѣ, кн. Андр. Ив. Вяземскаго, близъ Подольска.

Я былъ тамъ, говоритъ Погодинъ, въ этомъ святилищѣ Русской Исторіи, въ этомъ славномъ затворѣ, гдѣ двѣнадцать лѣтъ съ утра до вечера сидѣлъ, одинъ одинехонекъ, знаменитый нашъ труженникъ, надъ египетской работою... Голыя штукатуренныя стѣны, выкрашенныя бѣлою краскою, широкой сосновый столъ, въ переднемъ углу подъ окнами стоящій, ничѣмъ не прикрытый, простой деревянный стулъ, нѣсколько козловъ съ положенными досками, на которыхъ разкладены рукописи, книги, тетради, бумаги; не было ни одного шкапа, ни креселъ, ни дивановъ, ни этажерокъ, ни пюпитровъ, ни ковровъ, ни подушекъ. Нѣсколько ветхихъ стульевъ около стѣнъ въ безпорядкѣ [212]). Замѣчательное совпаденіе. Въ 1806 году Наполеонъ беретъ Іену. И когда онъ вступаетъ въ одну изъ заставъ города со своими полчищами, изъ другой, противуположной, выходитъ бѣдный, неизвѣстный профессоръ въ одномъ сюртукѣ. Но этотъ бѣднякъ — Гегель, и подъ полой сюртука онъ уноситъ свою „Феноменологію".

При вторженіи Наполеона въ Москву, Карамзинъ потерялъ свою библіотеку, погибшую во время пожара: но спасъ свою Исторію, достигшую VI тома: лучшій и полный экземпляръ отдалъ женѣ, отправленной въ Нижній Новгородъ, за двѣ недѣли до вступленія непріятеля; а другой — въ архивъ иностранной коллегіи. „Вся моя библіотека обратилась въ пепелъ, писалъ онъ къ Дмитріеву изъ Нижняго; но Исторія цѣла: Камоэнсъ спасъ Лузіаду".

12 февраля 1818 г. Карамзинъ писалъ брату, что Исторія расходится хорошо: „Осталась только половина экземпляровъ".

11 марта онъ написалъ къ Дмитріеву: „Моя Исторія въ 25 дней скончалась; не осталось у меня ни одного экземпляра; сверхъ трехъ тысячъ проданныхъ требовали у меня еще шестьсотъ».

Къ брату, отъ 8 апрѣля: „Здѣшніе книгопродавцы торгуютъ у меня второе изданіе, и соглашаются дать мнѣ 50.000 въ пять лѣтъ; это не много, но избавитъ меня отъ хлопотъ изданія».

Такъ приняла Исторію публика; но какъ приняли ее партіи, ученые, журналисты, молодое поколѣніе? Припомнимъ въ какомъ положеніи находилось Русское общество того времени. Наверху преобладало мистическое направленіе князя Голицына, покровителя библейскихъ обществъ, религіозныхъ сектъ, массонскихъ ложъ. Самъ государь благоволилъ къ нему... Лабзинъ, Магницкій, Руничъ, Кавелинъ играли важную роль. Вотъ первое отдѣленіе русскаго общества: ему не было дѣла до Исторіи. Второе — составляли фанатики, которые впослѣдствіи, подъ предводительствомъ Фотія, вы-

[212]) Погодинъ, II, 27.

ступили противъ князя Голицына, съ графинею Орловою и митрополитомъ Серафимомъ. Этому отдѣленію не было также дѣла до Исторіи.

Еще менѣе третьему, во главѣ котораго стоялъ всемогущій графъ Аракчеевъ съ военными поселеніями, преданностію безъ лести и многочисленною свитою. Наконецъ четвертое отдѣленіе — гвардейская молодежь, приготовлявшаяся къ 14 декабря, была противъ исторіи Карамзина, не находя въ ней подтвержденія своимъ теоріямъ и утопіямъ[213]).

Въ литературѣ — Арзамасцы почувствовали живѣе всѣхъ красоты новаго творенія, обогатившаго и украсившаго собою русскую словесность[214]).

Между учеными и журналистами того времени, бывшими на сценѣ, не было ни одного, который бы могъ судить о цѣломъ сочиненіи и вмѣстѣ обладалъ достаточнымъ безпристрастіемъ. Каченовскій напалъ на предисловіе и разобралъ его съ желчію. Его адепты написали нѣсколько статеекъ. Арцыбашевъ, замѣчательный труженикъ, но въ полномъ смыслѣ кропотунъ, представилъ нѣсколько замѣчаній частныхъ, мелкихъ, отчасти дѣльныхъ, отчасти придирчивыхъ. Ходаковскій сообщилъ нѣсколько поправокъ. Прочіе журналисты и газетчики, по замѣчанію Каченовскаго, отдали честь исторіи, какъ гауптвахты отдаютъ честь ружьемъ проѣзжающимъ генераламъ. Кто-же былъ за Карамзина? Безымянная часть русскаго народа, разсѣянная по всѣмъ областямъ русскаго царства, во всѣхъ сословіяхъ, живущая своимъ умомъ, вдали отъ партій, интригъ[215]).

Не многіе знаютъ, какое вниманіе эта книга (Исторія Гос. Рос.) обратила на себя въ Европѣ. Въ самое короткое время исторію Карамзина переводятъ на языки французскій, нѣмецкій и итальянскій; переводчики стараются даже перебить другъ друга. Въ лучшихъ европейскихъ журналахъ помѣщаются одобрительные разборы знаменитаго русскаго сочиненія[216]).

§ 5. Наиболѣе глубокую и правильную оцѣнку «Исторіи Государства Россійскаго» даетъ С. М. Соловьевъ. «Мысль русскаго человѣка, мысль славянина, говоритъ Соловьевъ, должна была остановиться прежде всего на томъ явленіи, что изъ всѣхъ славянскихъ народовъ —народъ русскій одинъ образовалъ государство, не только не утратившее своей самостоятельности, какъ другія, но громадное, могущественное, съ рѣшительнымъ вліяніемъ на историческія судьбы міра... Это сознаніе единственнаго славянскаго государства, полноправнаго, пользующагося главными благами историческаго существованія, самостоятельностью и великимъ значеніемъ среди другихъ

[213]) Погодинъ. II. Стр. 197. 198.

[214]) Погодинъ. II. Стр. 209.

[215]) Погодинъ. II. Стр. 208 и 204.

[216]) Стр. 26. Гротъ. Очеркъ дѣят. и личн. Карамзина. Торж. Собраніе Акад. Наукъ 1 дек. 1866 г.

государствъ, это сознаніе вполнѣ отразилось въ Исторіи Государства Россійскаго, которую можно назвать величественною поэмой, воспѣвающей государство... Когда вскрылись памятники древности, то глазамъ историка предстала эта медленная и великая работа вѣковъ надъ государственнымъ зданіемъ, и почувствовалъ онъ благоговѣйное уваженіе къ этой работѣ и ея слѣдствіямъ; поспѣшность движенія явилась для него столь же беззаконною, какъ и отсутствіе движенія: хотѣть лишняго и не хотѣть нужнаго, равно предосудительно, говорилъ онъ... Къ древнимъ государственнымъ зданіямъ прикасаться опасно, говорилъ онъ. Россія существуетъ около тысячи лѣтъ, и не въ образѣ дикой орды, но въ видѣ государства великаго, а намъ все твердятъ о новыхъ уставахъ, какъ будто мы недавно вышли изъ темныхъ лѣсовъ американскихъ... Чѣмъ болѣе историкъ вглядывался въ постепенное образованіе великаго государственнаго тѣла Россіи, чѣмъ болѣе вникалъ онъ, какъ присоединялись кость къ кости и суставъ къ суставу, тѣмъ яснѣе сознавалъ онъ величіе дѣла собиранія русской земли, тѣмъ яснѣе сознавалъ онъ единство русскаго народа: вотъ почему такъ сильно заволновался историкъ и заявилъ горячій протестъ во имя русской исторіи и во имя Екатерины II, когда явилась мысль о возможности урѣзать живое тѣло Россіи (возстановивъ Польшу съ Литвой). Подобно древнимъ русскимъ дѣятелямъ, не потерпѣлъ историкъ, чтобы разносили розно русскую землю и въ народномъ русскомъ поминаньи о Карамзинѣ напишется то же, что писалось въ лѣтописяхъ о людяхъ знаменитыхъ обороной родной страны. Онъ постоялъ на сторожѣ русской земли».

«Народы живые, не утратившіе уваженія къ самимъ себѣ, не забываютъ такихъ людей»[217]).

Пораженный въ русскомъ историческомъ движеніи преобладающимъ развитіемъ государственности, Карамзинъ и отдалъ ей преимущественное вниманіе и занимается въ своей исторіи больше внѣшними дѣлами, чѣмъ внутренними. Внутреннія явленія русской жизни, какъ русская община, вѣче, земскіе соборы, боярская дума, слабо имъ освѣщены[218]).

На праздновании столѣтія со дня рожденія Карамзина въ Москвѣ въ 1866 г. Н. В. Калачевъ указалъ на данныя, доказывающія мужественное ратованіе Карамзина за русское право во времена Александра I, когда Сперанскій пересаживалъ на нашу русскую почву кодексъ Наполеона. Карамзинъ требовалъ, чтобы прежде всего сдѣланъ былъ сводъ нашихъ русскихъ указовъ и постановленій. Тогда откроются пробѣлы, требующіе наполненія, и откроются русскія правовыя начала. Русское право, говорилъ онъ, также имѣетъ свои начала, какъ и римское; опредѣлите ихъ и вы дадите намъ систему законовъ».

---

217) Моск. университ. Извѣстія 1866—1867 гг. № 3. (Стр. 179 и 183—4.

218) Кояловичъ. 167.

§ 6. Изъ другихъ ученыхъ критиковъ, наиболѣе восторженную оцѣнку труда Карамзина даетъ Погодинъ, средины придерживается А. Н. Пыпинъ, и видимо пристрастенъ въ умаленіи заслугъ историографа— Милюковъ.

Карамзинъ «очистилъ русскій языкъ, освободилъ его изъ-подъ классическаго вліянія, указалъ настоящее теченіе рѣчи, обработалъ слогъ, обогатилъ словесность, представилъ сочиненія во всѣхъ родахъ... познакомилъ съ иностранными литературами, перевелъ множество образцовыхъ произведеній со всѣхъ новыхъ языковъ, привелъ въ движеніе словесность, распространилъ охоту къ чтенію... наконецъ, что важнѣе всего, Карамзинъ образовалъ цѣлую школу учениковъ, послѣдователей, преемниковъ... Жуковскій... Мерзляковъ, Гнѣдичъ, Воейковъ, Тургеневъ, Блудовъ, Дашковъ, Жихаревъ, Вяземскій. Впрочемъ вся литература подчинилась его вліянію, и большинство писателей старались писать его языкомъ. Каченовскій, Гречъ, Глинка, Востоковъ, Озеровъ, Крыловъ писали языкомъ Карамзина, хотя нѣкоторые, напримѣръ Каченовскій, и не сознавались въ томъ [219]).

Давъ эту общую характеристику, Погодинъ переходитъ спеціально къ «Исторіи Государства Россійскаго». Что было до Карамзина?—спрашиваетъ Погодинъ.

«Въ какомъ состояніи находилась Русская Исторія? Библіотеки не имѣли каталоговъ; источниковъ никто не собиралъ, не указывалъ, не приводилъ въ порядокъ; лѣтописи не были изслѣдованы, объяснены, даже изданы ученымъ образомъ; грамоты лежали, разсыпанныя по монастырямъ и архивамъ; хронографовъ никто не зналъ; ни одна часть исторіи не была обработана... археологіи не было въ поминѣ... ни одного вопроса изъ тысячей не рѣшено окончательно, ни одного противорѣчія не соглашено [220]).

«Тридцать лѣтъ стоитъ предъ нами эта Египетская пирамида, исполинскій трудъ Карамзина, и мы до сихъ поръ не собрались съ силами разобрать, оцѣнить его по достоинству; разительное доказательство его превосходства!» [221]).

Истинно, разсматривая многочисленные, утомительные, тягостные, часто даже мучительные труды Карамзина, въ области (исторической) критики, не понимаешь, какъ послѣ нихъ оставалось ему еще время писать Исторію, и невольно приходитъ мысль, что она изливалась сама собою изъ глубины его души и сердца, естественнымъ слѣдствіемъ его чтенія и размышленія, какъ будто кристаллизовалась, не стоя ему ни малѣйшаго труда».

«Весь языкъ со всѣми своими словарями, весь запасъ будущихъ словарей, разсѣянный въ памятникахъ, находился въ его распоряженіи, и по-

---

219) Погодинъ. Карамзинъ. Ч. I. Стр. 390, 391.

220) Погодинъ. II. 24. 25.

221) Погодинъ. II. 185.

слушныя слова, и обороты, на повелительный зовъ его, стекались изъ лѣтописей, грамотъ, прологовъ, миней, житій, сказаній и совокуплялись въ какую-то волшебную гармонію, которою можно наслаждаться, даже независимо отъ ея содержанія... Въ Исторіи Государства Россійскаго Карамзинъ поставилъ языку свои геркулесовскіе столпы, которыхъ прейти невозможно. Предупреждаю возраженіе и поясняю свою мысль: въ этомъ родѣ, на этотъ ладъ, по этой дорогѣ, говорю я, идти уже некуда. Мы будемъ имѣть много геніальныхъ произведеній, потому что наука, искусство, жизнь, языкъ, безконечны; но уже въ другомъ родѣ, другого ладу, другого сочиненія» [222]).

А. Н. Пыпинъ отчасти какъ будто идетъ по стопамъ Погодина въ оцѣнкѣ Карамзина.

Пушкинъ по своему времени былъ правъ, называя Карамзина Колумбомъ русской исторіи, потому что, дѣйствительно, онъ открывалъ эту исторію массѣ общества. Въ біографіи послѣдующихъ русскихъ писателей мы не однажды встрѣтимся съ Исторіей Карамзина, какъ съ источникомъ умственнаго и патріотическаго возбужденія. Въ литературѣ она оставила свой слѣдъ въ историческомъ романѣ и драмѣ. Разсматриваемый съ историко-литературной точки зрѣнія трудъ Карамзина дѣйствительно скорѣе заканчиваетъ старую эпоху нашей исторіографіи, чѣмъ начинаетъ новую. Его взглядъ на историческую работу былъ взглядомъ художника и патріотическаго моралиста скорѣе, чѣмъ взглядомъ изслѣдователя [223]).

Карамзинъ имѣлъ своихъ поклонниковъ, но не имѣлъ школы. «Исторія» осталась величественнымъ литературнымъ памятникомъ, а также собраніемъ важнаго матеріала, но не давала руководящихъ идей для дальнѣйшаго развитія исторіографіи [224]).

Таково умѣренное сужденіе А. Н. Пыпина. Отчасти онъ поддерживаетъ Милюкова. Но все же крайностей его взгляда не раздѣляетъ видимо. «Чтобы сколько-нибудь объяснить уразумѣніе чуда—сотворенія осьми томовъ исторіи въ 13 лѣтъ», легенда вводитъ десятилѣтній подготовительный періодъ (1793—1803) [225]).

Милюковъ не вѣритъ этой «легендѣ». Однако опроверженія его слабы и недостаточны. Онъ не можетъ не признать, что мысль о русской исторіи стояла предъ Карамзинымъ еще съ 1790 года. Онъ только по своему перетолковываетъ текстъ заявленія прекращающагося (1793) «Московскаго журнала». «Въ тиши уединенія я стану разбирать архивы древнихъ лите-

[222]) Погодинъ. II. Стр. 188, 190.

[223]) Пыпинъ. Исторія Русск. Литературы. Т. IV. Спб. 1899. Стр. 210.

[224]) Пыпинъ. И. Р. Л. Стр. 213, т. 4.

[225]) Погодинъ. Стр. 153.

ратуръ, которыя (въ чемъ признаюсь охотно) не такъ мнѣ извѣстны, какъ новыя: буду учиться, буду пользоваться сокровищами древности и т. д.» На основаніи писемъ Карамзина Милюковъ доказываетъ, что тотъ просто занялся переводомъ «лучшихъ мѣстъ иностранныхъ авторовъ древнихъ и новыхъ» («мнѣ надобно переводить для кошелька моего»). Плодомъ этихъ занятій и явился въ 1793 г. «Пантеонъ иностранной словесности»[226].

Почему же не предположить, что занимаясь переводами для кошелька, а кошелекъ готовя, чтобы имѣть независимость и писать Исторію, Карамзинъ одновременно уже и подготовлялся къ ея созиданію? Во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ 1790 г. по самый годъ назначенія его исторіографомъ (1803) Карамзинъ не выпускалъ изъ виду Исторіи. Вмѣсто толкованій выраженій его, лучше поставить такой вопросъ: безъ подготовки, возможно ли сдѣлать то, что совершилъ Карамзинъ? Отвѣтъ конечно отрицательный. Но Карамзинъ совершилъ. Итакъ, онъ непремѣнно подготовлялся. Далѣе, воззрѣнія Милюкова взаимно уничтожають другъ друга.

«Видно, что томъ Щербатовской исторіи всегда лежалъ на письменномъ столѣ исторіографа, давалъ ему постоянно готовую нить для разсказа и тему для разсужденія... Въ результатѣ пересказа и передѣлки, тяжеловѣсныя, неуклюжія фразы Щербатова превращаются въ блестящіе, закругленные и отточенные періоды Карамзина[227]).

«Надо отдать справедливость исторіографу: онъ усердно хлопоталъ о подборѣ новыхъ историческихъ матеріаловъ, въ значительной степени обновилъ фактическое обоснованіе разсказа и надолго сдѣлалъ свою Исторію необходимою для всякаго изслѣдователя хрестоматіей источниковъ русской исторіи»[228]).

Карамзинъ со всѣмъ усердіемъ добивался истины — въ своихъ примѣчаніяхъ. Но это была невольная дань тому состоянію, въ какое привели нѣмцы русскую историческую науку, — «тягостная жертва, приносимая достовѣрности», какъ выразился Карамзинъ въ предисловіи. Главный нервъ работы лежалъ не здѣсь... зачѣмъ и какъ онъ будетъ писать исторію, — это Карамзинъ зналъ еще задолго до того, когда рѣшился сдѣлаться русскимъ историкомъ[229]).

«Не историческое изученіе, не разработка сырого матеріала исторіи, а художественный пересказъ данныхъ ему извѣстныхъ, — вотъ та заманчивая задача, которая рисуется въ воображеніи будущаго историка... «Нѣтъ предмета столь бѣднаго, чтобы искусство уже не могло въ немъ ознаменовать

[226]) Милюковъ. 153 и 154.
[227]) Милюковъ. Главн. теч. русск. историч. мысли. Изд. 2-е. 1898. Стр. 160.
[228]) Милюковъ. 179.
[229]) Милюковъ. Стр. 164.

себя пріятнымъ для ума образомъ», повторяетъ Карамзинъ ту же мысль въ своемъ предисловіи. Подъ «бѣднымъ предметомъ» надо разумѣть здѣсь русскую исторію, а пріятно ознаменуетъ себя въ этомъ предметѣ—Исторія Государства Россійскаго» [230]).

Исторія должна быть занимательна: по соображеніямъ утилитарнымъ, по соображеніямъ эстетическимъ, по соображеніямъ патріотическимъ,—какъ бы то ни было, но исторія должна быть занимательна. Вотъ основная идея, неотвязно преслѣдующая исторіографа, самъ онъ сдѣлаетъ все возможное и употребитъ всѣ средства для осуществленія этой задачи: сократитъ, раскраситъ, оживитъ патріотизмомъ [231]).

Пока историкъ изображаетъ намъ Олега Рязанскаго какимъ-то исчадіемъ ада,—вина еще могла быть сложена на недостатокъ источниковъ. Когда, уже при большемъ запасѣ данныхъ, Карамзинъ задумалъ представить Василія Темнаго классическимъ трусомъ и видѣть у него трусость на всякомъ шагу, тутъ еще можно было объяснить неудачу увлеченіемъ художника. Но когда та же неудача повторилась при полномъ свѣтѣ исторіи, когда живая фигура Іоанна, какой она является у Курбскаго и въ его собственныхъ письмахъ, превратилась подъ перомъ Карамзина въ героя мелодрамы или въ театральнаго злодѣя, дальнѣйшихъ сомнѣній быть уже не можетъ. Не только художественныя задачи, преслѣдовавшіяся исторіографомъ, портили исторію; недостатокъ художественнаго чутья и особенности художественной манеры портили также и достиженіе художественныхъ задачъ автора» [232]).

Здѣсь г. Мелюковъ уже вступаетъ въ область собственно исторіи литературы.

«Передъ Карамзинымъ стоялъ запросъ касательно русской исторіи, запросъ, такъ сказать, словесный», т. е., какъ изложить ее «занимательно» для русской публики, «выбрать, одушевить, раскрасить»,—но «изъ подъ слоя словесныхъ литературныхъ запросовъ на исторію уже проглядываетъ серьезное отношеніе и серьезное знаніе нашей исторіи» [233]).

Мы видимъ, что и Погодинъ, и Пыпинъ, и Милюковъ, не отдѣляютъ оцѣнки «Исторіи Государства Россійскаго» съ точки зрѣнія исторіографіи, отъ суда надъ ней съ точки зрѣнія собственно исторіи литературы, но смѣшиваютъ и то, и другое. Для исторіи литературы сравнительно не важно, какое мѣсто занимаетъ Карамзинъ въ исторіографіи. Она разсматриваетъ

---

230) Милюковъ. Стр. 165.

231) Милюковъ. Стр. 167.

232) Мелюковъ 176.

233) М. О. Кояловичъ. Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ. Изд. 2-е. Спб. 1893 г. стр. 143.

великое твореніе, какъ новую ступень въ развитіи языка и повѣствовательной прозы, и какъ произведеніе словеснаго творчества.

Милюковъ, съ точки зрѣнія строго исторической, осуждаетъ желаніе Карамзина «украсить» свое повѣствованіе, придать ему видъ эпопеи, обширнаго романа, и тѣмъ съ одной стороны сдѣлать его доступнымъ обширному кругу читателей, а съ другой — произведеніемъ не только сухой науки, но и литературы, искусства. Историкъ литературы можетъ видѣть въ этомъ особую заслугу Карамзина. Милюковъ не могъ скрыть, однако, что исторіографъ добивался истины въ примѣчаніяхъ и сдѣлалъ изъ своего труда необходимую для всякаго изслѣдователя хрестоматію источниковъ русской исторіи. Дань достовѣрности Карамзинымъ отдана въ мѣру его историческаго генія. Но кромѣ того, это былъ реформаторъ и творецъ русской рѣчи, это былъ великій поэтъ-прозаикъ. «Украшеніе!» Что подъ этимъ понимать? Онъ хотѣлъ воскресить предъ русскимъ обществомъ тысячелѣтнее прошлое Россіи; вызвать предъ его духовными очами царей, царицъ, героевъ, оживить жизнью лицо древней, святой Руси, уже непонятное забывшимъ прошлое ея потомкамъ. Романы, въ особенности Вальтеръ-Скотта, составляли вечернее наслажденіе Карамзина. Вальтеръ-Скоттъ увлекалъ его[234]). Свою исторію онъ несомнѣнно писалъ, какъ эпопею. «Сколь привлекательны, говоритъ онъ въ предисловіи, берега Волхова, Днѣпра, Дона, когда мы знаемъ, что въ глубокой древности на нихъ происходило! Не только Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ, но и хижины Ельца, Козельска, Галича дѣлаются любопытными памятниками, и нѣмые предметы краснорѣчивыми. Тѣни минувшихъ столѣтій вездѣ рисуютъ картины предъ нами». Великая задача Карамзина — найти смыслъ и красоту въ русской исторіи и тѣмъ воскресить языкъ, влить въ литературу жизнь, наполнить ее національнымъ содержаніемъ. Эта задача выполнена Карамзинымъ геніально. Въ теченіе двадцатипятилѣтія, съ 1790 г. по день выхода «Исторіи», русская литература пробивалась окольными путями отъ школьной рутины и подражанія къ живой народности. Пыталась овладѣть ею помощью Оссіана, почуяла ее въ «Словѣ о полку Игоревѣ»; Шишковъ поклонялся ей въ славянскомъ языкѣ, церковныхъ книгахъ, Библіи и въ русскихъ пѣсняхъ; Крыловъ овладѣлъ ею въ простонародномъ говорѣ; но только Карамзинъ широко распахнулъ ворота въ ея царство. Карамзинъ — Колумбъ русской исторіи.

«Исторію Государства Россійскаго, говоритъ Соловьевъ, можно назвать величественной поэмой, воспѣвающей государство». Возвѣщая о спасеніи своей Исторіи изъ пламени пылающей Москвы, Карамзинъ говоритъ: «Камоэнсъ спасъ свою Лузіаду». «Въ литературѣ, признаетъ Пыпинъ, она оставила свой слѣдъ (и глубокій, прибавимъ отъ себя) въ историческомъ романѣ

---

[234]) Погодинъ. Ч. II. Стр. 318.

и драмѣ». «Пусть такъ, замѣчаетъ Милюковъ, недостатокъ художественнаго чутья, и особенности художественной манеры портили достиженіе художественныхъ задачъ автора». «Манера» Карамзина занимаетъ извѣстное мѣсто въ эволюціи русской литературы. Она имѣетъ свои недостатки, несомнѣнно, но спрашивается, какой объективный критерій для оцѣнки этой «манеры» прилагаетъ тутъ Милюковъ? Видимо, никакого. Послѣ «Войны и Миръ» эпопея Карамзина, конечно, покажется блѣдной, хотя все-таки сохранитъ все величіе созданія генія. Но вѣдь въ порядкѣ послѣдовательнаго творчества, «Исторія Государства Россійскаго» предшествовала даже романамъ Загоскина и Нарѣжнаго. А Пушкинъ вдохновлялся «Исторіей» и писалъ по ней «Бориса». Наконецъ, главное — не въ изображеніи историческихъ характеровъ. Главное — языкъ. Карамзинъ обогатилъ его всѣмъ словаремъ древнихъ актовъ и лѣтописей и сужденіе Погодина глубоко справедливо: «Въ Исторіи Государства Россійскаго Карамзинъ поставилъ языку свои геркулесовскіе столпы, которыхъ прейти невозможно, — въ этомъ родѣ, на этотъ ладъ, по этой дорогѣ, идти уже некуда, — мы будемъ имѣть много геніальныхъ произведеній, потому что наука, искусство, жизнь, языкъ безконечны, но уже въ другомъ родѣ, другого лада, другого сочиненія». Карамзинскій періодъ литературы, періодъ выработки языка, обогащенія, очищенія и оживленія его, длился тридцать лѣтъ съ 1790 г., по 1820. Онъ занялъ послѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка, и два первыхъ — XIX. Мы видѣли, что Батюшковъ мучительно чувствовалъ непереходимый предѣлъ въ искусствѣ. Не въ силахъ будучи перейти его, онъ приписывалъ это самому языку. Если-бы Карамзинъ попытался создать нѣчто высшее прозы своей «Исторіи», и онъ почувствовалъ бы этотъ предѣлъ. Геній эпохи, вкусъ и самосознаніе эпохи истощили себя. Карамзинскій ладъ и родъ были и въ прозѣ, и въ стихѣ доведены до рубикона. Въ слѣдующее десятилѣтіе появилось еще другое великое произведеніе этого рода—переводъ «Илліады» Гнѣдича. И она запоздала, встрѣчена была холодно. Иная была бы встрѣча, появись она цѣликомъ до 1820 года. Опредѣлить языкъ этой эпохи можно такъ — внесеніе разговорной рѣчи въ книжный языкъ, искусное смѣшеніе ея съ архаическими славянизмами и простонародными выраженіями, легкій, изящный строй, обогащеніе отвлеченными выраженіями западныхъ языковъ. Въ рисункѣ словесномъ — пастель, акварель, а не масляная живопись; въ пластикѣ періодовъ — филигранъ, мозаика, барельефъ.

БИБЛІОГРАФІЯ. Ник. Мих. Карамзинъ (1 декабря 1766 — 22 мая 1822 гг.) «Московскій Журналъ». М. 1791—1792 гг. «Мои бездѣлки». 1794 г. «Аглая». 2 части. 1794 г. «Аониды». 3 части. 1796 — 1799 гг. «Пантеонъ иностранной словесности». 1793 г. «Пантеонъ россійскихъ авторовъ». 1801 г. «Письма русскаго путешественника». (1797—1801 гг.) 6 частей. «Слово Екатеринѣ II». 1802 г. «Вѣстникъ Европы». 1802 — 1803 гг. Сочиненія: М. 1803—1804 гг., 2-е изд. М. 1814 г., 3-е изд. М.

1820 г., 4-е изд. 1834 г., 5-е изд. Смирдина. 3 части. 1848 г. Неизданныя сочиненія и переписка. Спб. 1862 г. Исторія Государства Россійскаго. 8 ч. Спб. 1816—1818 гг., 2-е изд. 12 ч. Спб. 1818—1827 гг. (Изданіе Сленина и къ нему ключъ Строева. М. 1836 г.) 3-е и 4-е изд. Смирдина. Полное компактное изданіе Эйнерлинга. Спб. 1842—1844 гг. Безъ примѣчаній въ «Дешевой Библіотекѣ» А. С. Суворина. Письма Карамзина къ И. И. Дмитріеву. Съ прим. Грота и Пекарскаго. Спб. 1866 г. Письма К. къ кн. П. А. Вяземскому. 1810—1826 гг. Съ предисл. и примѣч. Ник. Барсукова. Спб. 1891 г. Матеріалы для библіографіи литературы о Карамзинѣ. Пономарева. Зап. Акад. Наукъ. Т. XLV. Спб. 1883 г. Еще у Межова и Геннади. Погодинъ. Н. М. К. по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ. М. 1866 г. 2 ч. Буличъ. Біографическій очеркъ. Казань. 1866 г. Тихонравовъ. Четыре года изъ жизни К—на. 1785—88 гг. Соч. т. III. ч. 1. М. 1898 г., стр. 256. А. Д. Галаховъ. Біографич. и литер. замѣтки о К—нѣ. Журн. Мин. Народн. Просв. 1867 г., ч. 133. янв. II. 21—57. Очеркъ личности и дѣятельности Акад. Я. К. Грота. Сборн. 2-го отд. Ак. Н., т. I. 1867 г. Матеріалы для опредѣленія литературной дѣятельности А. Галахова. Соврем. 1853 г. № 1 и 2. Его же: К—нъ, какъ оптимистъ. Отеч. Зап. 1858 г. № 1. Я. К. Гротъ. Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка. Ж. М. Н. Просв. 1867 г., ч. 134. апр. II. 20—76. Торж. Собраніе Имп. Академіи Наукъ 1 дек. 1866 г. Спб. 1867 г. Статьи Грота, Устрялова, кн. П. А. Вяземскаго, Погодина, пр. Макарія. Д. Анучинъ. Столѣтіе «Писемъ русскаго путешественника». М. 1891 г. (Р. Мысль. 1891 г. іюль—августъ). В. В. Вяземскій. Къ литературной исторіи П. Р. П. 3 вып. Спб. 1897—1898. Записка о древней и новой Россіи. Берлинъ. 1861 г. Русскій Архивъ. 1870 г. Карамзинъ, какъ публицистъ: А. Н. Пыпинъ. Обществ. движ. при А. I., стр. 183—260. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Карамзинъ, какъ историкъ. 1867 г. Жур. Мин. Нар. Просв., ч. 133. январь. II. 1—20. Оцѣнка «Исторіи Гос. Росс.». С. М. Соловьевъ. Отеч. Зап. 1853—1856 гг. Милюковъ. Главныя теченія русской истор. мысли. М. 1897 г., стр. 114—200. М. О. Кояловичъ. Исторія русскаго самосознанія. Изд. 3-е. Спб. 1901 г.

§ 7. Перечислимъ нѣкоторыя важнѣйшія прозаическія произведенія, появившіяся въ разсматриваемое нами десятилѣтіе.

1810 г. Русскія историческія и нравоучительныя повѣсти Сергѣя Глинки.
То-же. 3 части. 1819—1820 гг.
Мои Петербургскія сумерки. Ник. Страхова. 2 части.

1811 г. Ленвиль или сыновняя горячность. Соч. Константина Каменскаго.
Несчастная Лиза, истинное происшествіе. Соч. кн. Долгорукова.
Сельскіе вечера. Соч. Анны Буниной.

1812 г. Первые опыты въ прозѣ Екатерины Пучковой.

1814 г. Игорь, Великій князь Сѣверскій, героическое происшествіе. А. К.

1815 г. Мысли, характеры и портреты. Соч. кн. Шаликова.
Любимъ и Шарлотта, или пагубныя слѣдствія минутнаго заблужденія, истинное происшествіе, случившееся въ 1813 году. Сочин. Д. Радолина.
Обитатель предмѣстья и Эмиліевы письма. Соч. М. Н. Муравьева.

1816 г. Вдохновенныя идеи, изъ соч. Ивана Бахтина.

1818 г. Евгеній или письма къ другу. Соч. Ивана Георгіевскаго. 2 части (книга, послужившая поводомъ написанія Плетневымъ первой критической статьи).

Рогнѣда или разореніе Полоцка. Соч. Николая Арцибашева. Спб.

1819 г. Повѣсти князя Шаликова.

Зиновій Богданъ Хмѣльницкій или освобожденная Малороссія. Ѳ. Глинки. 2 части. Спб.

Полное собраніе сочиненій Михаила Никитича Муравьева. 3 части. 1819—1820 гг.

Относительно Муравьева Батюшковъ говоритъ: «книги его изданы недавно; онъ первый говорилъ о морали. Онъ выше своего времени и духомъ, и свѣдѣніями». Въ 1814 г. Батюшковъ далъ критическую оцѣнку перваго изданія сочиненій Муравьева въ (1810 г.) въ статьѣ: «Письмо къ И. М. Муравьеву—Апостолу о сочиненіяхъ М. Н. Муравьева». Проза самого Батюшкова, а также Жуковскаго продолжала развиваться. Замѣчательны также частныя письма Батюшкова. Но особенно выдающимся произведеніемъ изучаемаго десятилѣтія должно признать появившійся въ 1814 г. первый романъ Василія Трофимовича Нарѣжнаго: «Россійскій Жилблазъ или похожденія князя Гаврилы Симоновича Чистякова».

«Я вывелъ на показъ, говоритъ Нарѣжный, русскимъ людямъ русскаго же человѣка, считая, что гораздо сходнѣе принимать участіе въ дѣлахъ земляка, нежели иноземца. Почему Лесажъ не могъ того сдѣлать, всякій догадается. За нѣсколько десятковъ лѣтъ и у насъ нельзя было отважиться описывать безпристрастно наши нравы».

Увѣренность Нарѣжнаго, что «безпристрастное» описаніе нравовъ русскаго общества будетъ допущено въ 1814 году, не оправдалось. Едва вышли первыя три части, какъ романъ былъ запрещенъ министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ Разумовскимъ. Три послѣднія части романа не появились. Въ своемъ изслѣдованіи о Нарѣжномъ г-жа Бѣлозерская излагаетъ содержаніе 4-й и 5-й частей, находящихся въ рукописи. Причиной запрещенія вѣроятнѣе всего изображеніе массоновъ въ непривлекательномъ свѣтѣ.

Массонство пользовалось покровительствомъ многихъ вліятельныхъ людей. Самъ Разумовскій былъ имъ многимъ обязанъ. Въ романѣ Нарѣжнаго читатели встрѣчали русскіе нравы и русскихъ людей. Слабыя и неудачныя страницы въ «Россійскомъ Жильблазѣ» съ избыткомъ искупаются прекрасными, вполнѣ реальными сценами и описаніями.

«Россійскій Жильблазъ»,— говоритъ г-жа Бѣлозерская, вполнѣ заслуживаетъ названіе русскаго романа; здѣсь вездѣ главными дѣйствующими лицами являются русскіе люди и изображены русскіе нравы. Авторъ болѣе

или менѣе подробно касается явленій общественной русской жизни того времени: чрезмѣрнаго пристрастія къ славянскому языку послѣдователей Шишковской школы, массонства, положенія крестьянъ у хорошихъ и дурныхъ помѣщиковъ, злоупотребленій близко знакомаго ему чиновничества, неразвитія и бѣдности интересовъ уѣзднаго общества и проч. Нарѣжный, также, какъ и Лесажъ, ставитъ себѣ широкую задачу изобразить людей самаго разнообразнаго типа, всякаго званія и общественнаго положенія; и его „Россійскій Жильблазъ", по богатству содержанія, могъ бы представить достаточно сюжетовъ для нѣсколькихъ романовъ, хотя, съ другой стороны, это чрезмѣрное богатство содержанія въ значительной степени нарушаетъ цѣльность общаго впечатлѣнія [235]). Чрезъ весь романъ проходятъ три отдѣльныя повѣсти или, вѣрнѣе, романа, которые то тѣсно сплетены, то принимаютъ самостоятельный характеръ, а именно: Исторія жизни князя Гаврилы Симоновича Чистякова (Россійскаго Жильблаза), его сына Никандра и семейная исторія помѣщика Простакова. Князь Чистяковъ,— малоземельный князь села Фалалѣевки Курской губерніи. Князья эти живутъ, какъ обыкновенные крестьяне и здѣсь Нарѣжный впервые изображаетъ быть любимой имъ мелкой шляхты. Весь конецъ третьяго и главы V и VI четвертаго неизданнаго тома заняты описаніемъ тогдашняго массонства (едва ли не единственнымъ въ этомъ родѣ). Массонскіе обряды, а равно и церемонія принятія неофита въ „общество благотворителей свѣта" переданы вѣрно. Описываются соблазнительныя массонскія оргіи; хотя быть можетъ эти оргіи и не связаны были съ массонствомъ, если въ нихъ и участвовали представители ордена. Романъ изобилуетъ эпизодами и крайне запутанъ. Изъ эпизодовъ г-жа Бѣлозерская указываетъ разсказъ ямщика Никиты (въ VIII главѣ четвертой неизданной части) и описанія встрѣчи князя Чистякова съ доморощеннымъ философомъ, вышедшимъ изъ среды русскаго достаточнаго дворянства, который выработалъ своеобразную теорію, на основаніи евангельскихъ истинъ, изреченій греческихъ философовъ и взглядовъ Руссо (гл. XI, XIII и XIV пятой части). Мудрецъ этотъ называетъ себя Иваномъ; онъ не признаетъ сословныхъ и другихъ отличій; при полномъ отрицаніи имущественной и денежной собственности, является врагомъ всякаго насилія и лжи, и настолько чуждъ всѣхъ потребностей цивилизаціи, что считаетъ трудъ излишнимъ и ведетъ нищенскую, созерцательную жизнь среди природы [236]).

235) В. Т. Нарѣжный. Изд. 2-е Ч. II. Стр. 81.
236) Бѣлозерская. Ч II. Стр. 97.

III.

§ 1. Разсматриваемое десятилѣтіе—расцвѣтъ поэтическаго творчества Жуковскаго. Въ то время какъ Мерзляковъ во имя принциповъ классицизма поражалъ «Россіаду» на страницахъ «Амфіона», тамъ-же Жуковскій насаждалъ романтизмъ своими балладами, которыхъ далъ за это время цѣлый рядъ, оригинальныхъ и переводныхъ: «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ» въ двухъ частяхъ—«Громобой» (1810 г.) и «Вадимъ» (1817 г.); «Свѣтлана» (1811 г.); «Адельстонъ», «Пустынникъ» и «Тэонъ и Эсхинъ» (1813 г.); «Варвикъ», «Алина и Альсимъ», «Эльвина и Эдвинъ», «Баллада о старушкѣ», «Эолова арфа» и «Ахиллъ» (1814 г.); «Мщеніе», «Гарольдъ», «Три пѣсни», «Узникъ» (1816 г.); «Графъ Габсбургскій», «Рыцарь Тогенбургъ» и «Лѣсной царь» (1818 г.). Затѣмъ Жуковскій далъ рядъ благоухающихъ поэзіей переводовъ изъ Гебеля: «Овсяный кисель», «Красный карбункулъ» и «Ночной сторожъ» (1816 г.); «Утренняя звѣзда» и «Лѣтній вечеръ» (1818 г.). Наконецъ, двѣ обширныя патріотическія поэмы: «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ» (1812 г.) и «Пѣвецъ въ Кремлѣ» (1814—1816 гг.). Цѣлый міръ, невѣдомый дотолѣ, былъ открытъ поэтомъ. Стихъ доведенъ уже до высокаго совершенства. «Жуковскій ввелъ въ русскую поэзію романтизмъ», говоритъ Бѣлинскій. «Въ Жуковскомъ русская литература нашла своего посвятителя въ таинства романтизма среднихъ вѣковъ».

Огромная баллада «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ» заимствована поэтомъ изъ романа Шписа.

Въ первой ея части—мрачный Громобой, продающій душу Асмодею, который увѣряетъ его:

Ханжи — причудники твердятъ:
Лукавый бѣсъ опасенъ.
Не вѣрь имъ—бредни! веселъ адъ:
Лишь въ сказкахъ онъ ужасенъ.
Мы жизнь пріятную ведемъ:
Нашъ адъ не хуже рая;
Ты скажешь самъ, ликуя въ немъ:
Лишь въ адѣ жизнь прямая.

Приходитъ срокъ расплаты. Громобой въ ужасѣ, и чтобы отдалить еще роковую минуту, запродаетъ діаволу души своихъ двѣнадцати невинныхъ дочерей. Но за нихъ заступился чудотворецъ Николай. Всевышній опредѣляетъ такую судьбу дѣвамъ:

И праху обладатель адъ,
И гробу отверженье,
Доколь на погубленныхъ чадъ
Не снидетъ искупленье.

И чадамъ непробудный сонъ:
  И тѣхъ, кто чистъ душею,
Кто, ихъ не зрѣвши, распаленъ
  Одной изъ нихъ красою,
Придетъ, житейское презрѣвъ,
  Въ забвенную ихъ обитель,
Есть обреченный спящихъ дѣвъ
  Отъ неба искупитель.

Во второй части находится этотъ грядущій «искупитель спящихъ дѣвъ». — Вадимъ изъ Великаго Новгорода. Уже двадцатая весна юноши настала и онъ унывалъ и томился: «Чего искать? Въ какихъ странахъ? Къ чему стремить желанье?»

Во снѣ ему является чудесный старецъ съ серебрянымъ звонкомъ въ рукѣ. «Вадимъ, желанное вдали, говоритъ онъ — стремись, я провожатый твой!» и въ то-же мгновеніе —

Въ дали явилось голубой
  Прелестное видѣнье:
Младая дѣва, ликъ закрытъ
  Завѣсою туманной,
И на главѣ ея лежитъ
  Вѣнокъ благоуханной.

Видѣніе манитъ за собою Вадима... Онъ просыпается:

. . . день сіялъ,
А въ вышинѣ звенѣло.

И вотъ юноша садится на коня и отправляется отыскивать таинственную дѣву.

И дни бѣгутъ—весна пришла,
  И соловьи отпѣли,
И липа въ рощахъ отцвѣла,
  А нивы пожелтѣли.

Вадимъ ѣдетъ дальше и дальше. Въ дремучемъ лѣсу онъ настигаетъ великана, уносящаго похищенную имъ княжну. Вадимъ поражаетъ великана и спасаетъ княжну. Между тѣмъ поднялась буря, дождь, молнія. Онъ вносить полубезчувственную княжну въ пещеру. «Зажегъ костеръ, и близь огня, взявъ на руки подругу, на броню сѣлъ»:

Лазурны очи опустя,
  Въ объятіяхъ Вадима,
Она, какъ тихое дитя,
  Лежала недвижима:
И что съ невинною душой
  Сбылось, — не постигала:
Лишь сердце билось, и порой,
  Вся вспыхнувъ, трепетала:

Лишь пламень гаснущій сіялъ
Сквозь тѣнь рѣсницъ склоненныхъ,
И вздохъ невольный вылеталъ
Изъ устъ воспламененныхъ.

. . . .

Все чувство разжигало въ немъ...
О власть очарованья!
Уже, исполнены огнемъ
Кипящаго лобзанья,
На дѣвственныхъ ея устахъ
Его уста горѣли,
И жарче розы на щекахъ
Дрожащей дѣвы рдѣли;
И все... но вдругъ смутился онъ,
И въ радостномъ волненьи
Затрепеталъ... знакомый звонъ
Раздался въ отдаленьи.
И долго, жалобно звенѣлъ
Онъ въ безднѣ поднебесной;
И кто-то, чудилось, летѣлъ
Незримый, но извѣстной;
И взоръ, исполненный тоской,
Мелькалъ сквозь покрывало;
И подъ воздушной пеленой
Печальное вздыхало...
Но вдругъ сильнѣй потрясся лѣсъ
И небо зашумѣло...
Вадимъ взглянулъ — призракъ исчезъ;
А въ вышинѣ... звенѣло.

Витязь отвозитъ княжну въ Кіевъ къ ея отцу невредимою. Начинается ликованье:

Богатый пиръ на весь народъ;
Весь городъ изукрашенъ;
Кипитъ въ заздравныхъ кружкахъ медъ,
Столы трещатъ отъ брашенъ;
Поютъ пѣвцы; колокола
Гудятъ, неумолкая;
И отъ огней потѣшныхъ мгла
Зардѣлася ночная.

Но Вадимъ, покорный видѣнію и звону, потихоньку исчезаетъ изъ города и на таинственномъ челночкѣ плыветъ въ даль... Мы видимъ, что Вадимъ является посредствующимъ звеномъ между Громваломъ Каменева и Русланомъ Пушкина, но въ то время какъ Громвалъ и Русланъ отыскиваютъ похищенныхъ возлюбленныхъ, Вадимъ «не зрѣвши» воспаленъ страстью къ какому-то видѣнію. «Чего искать? Въ какихъ странахъ? Къ чему стремить желанье?» Эти вопросы, это безпредметное и безцѣльное томленіе харак-

терны для романтизма Жуковскаго, проникнутаго почти византійской безплотностью. Однако, если въ общемъ баллада лишена народности, то уже въ описаніи ликующаго Кіева хотя-бы звучитъ нѣчто самобытно-національное. «Свѣтлана», оригинальная баллада, написанная поэтомъ въ 1811 году, особенно прославила Жуковскаго, котораго стали звать «пѣвцомъ Свѣтланы». Въ описаніи гаданій героини баллады уже много самобытности. Великолѣпны, колоритны и народны хотя-бы эти стихи — превосходная переработка подблюдной пѣсни:

«Пой, красавица:— кузнецъ,
Скуй мнѣ златъ и новъ вѣнецъ,
    Скуй кольцо златое:
Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ,
Обручаться тѣмъ кольцомъ
    При святомъ налоѣ».
— Какъ могу, подружки пѣть?
    Милый другъ—далеко...

Несомнѣнно, что «Свѣтлана» отозвалась впослѣдствіи въ «Снѣ Татьяны» Пушкина. Вообще, первыя баллады Жуковскаго полны невыразимой, наивной прелести и чистоты. Стихъ, картины—акварельны, блеклы, нѣжны, но благоуханны. Таково мнѣніе и Бѣлинскаго. Онъ отмѣчаетъ три баллады: «Алина и Альсимъ», «Эолова Арфа» и «Узникъ». Безнадежная любовь юнаго Жуковскаго воплощена во всѣхъ этихъ балладахъ, и объясняетъ ихъ глубокую искренность и трогательность разлитаго въ нихъ чувства. «Картина встрѣчи Алины съ Альсимомъ, говоритъ Бѣлинскій о первой изъ этихъ балладъ, представшемъ передъ ней подъ видомъ продавца золотыхъ вещей, нарисована кистью грустной и меланхолической: нѣкоторые стихи проникнуты самымъ обаятельнымъ романтизмомъ, какъ напримѣръ эти:

Блистала красота младая
    Въ его чертахъ;
Но блѣденъ; борода густая:
    Печаль въ глазахъ.
Мила для взоровъ живость цвѣта,
    Знакъ юныхъ дней:
Но блѣдный цвѣтъ, тоски примѣта,
    Еще милѣй.

«Эолова Арфа»—прекрасное и поэтическое произведеніе, гдѣ сосредоточенъ весь смыслъ, вся благоухающая прелесть романтики Жуковскаго. Эта любовь, несчастная по неравенству состояній, младенчески невинная, мечтательная, грустная, это свиданіе подъ дубомъ, полное тихаго блаженства и трепетнаго предчувствія близкаго горя, и арфа, повѣшенная «залогомъ прекрасныхъ минувшихъ дней», и явленіе милой тѣни одинокой кра-

савицѣ. сопровождаемое таинственными звуками, и возвѣстившее утрату всего милаго на землѣ: все это такъ и дышетъ музыкой сѣвернаго романтизма. неопредѣленнаго, туманнаго. унылаго... Минвана—не гордая красавица юга, съ роскошными формами тѣла. огненными глазами, пышущая страстью, нѣтъ, это блѣдная красота сѣвера. тихая и кроткая. похожая на какое-то милое. воздушное видѣніе: красота, трогающая своей болѣзненностью, очаровывающая своей томностью, идеалъ романтической красоты и въ особенности идеалъ красоты Жуковскаго... «Узница»—одно изъ самыхъ благоуханныхъ романтическихъ произведеній Жуковскаго. Заключенный въ тюрьмѣ юноша слышитъ за стѣной голосъ такой-же, какъ онъ самъ, узницы:

«Итакъ всѣ блага замѣнить
Могилой:
И бросить свѣтъ, когда въ немъ жить
Такъ мило!
Ахъ, дайте въ свѣтѣ подышать:
Еще мнѣ рано умирать.
Лишь мигъ весеннимъ бытіемъ
Жила я:
Лишь мигъ на праздникѣ земномъ
Была я;
Душа готовилась любить...
И все покинуть, все забыть!»

Юноша сжился душей съ узницей. которой онъ никогда не видалъ. Въ ней вся жизнь его, и онъ не проситъ самой воли. И что нужды. что онъ никогда не видалъ ее. что она для него—не болѣе—какъ мечта?..

«Не ты-ль—онъ мнитъ—давно была
Любима?
И не тебя-ль душа звала.
Томима
Желанья смутною тоской,
Волненьемъ жизни молодой?
Тебя въ пророчественномъ снѣ
Видалъ я;
Тобою въ пламенной веснѣ
Дышалъ я;
Ты мнѣ цвѣла въ живыхъ цвѣтахъ:
Твой образъ вѣялъ въ облакахъ.

Молодая узница умерла (или казнена?) въ своей тюрьмѣ; узникъ былъ освобожденъ—

Но хладно принялъ онъ привѣтъ
Свободы:
Прекраснаго ужъ въ мірѣ нѣтъ...
. . . .

Онъ таялъ, гаснулъ и угасъ...
И мнилось,
Что вдругъ въ передпослѣдній часъ
Явилось
Все то, чего душа ждала—
И жизнь въ улыбкѣ отошла.

Міръ образовъ балладъ Жуковскаго—міръ дивныхъ, утреннихъ, весеннихъ сновъ Керубино—юной поэзіи—пока еще это только сны, почти чуждые дѣйствительности, кромѣ питающаго ихъ чувства, но уже полные прелести и гармоніи. Чудесный, сказочный міръ, но поэтическій и свободный... Переводы Жуковскаго изъ Гебеля даютъ рядъ поэтическихъ описаній сельской жизни и природы. Теперь, въ концѣ вѣка послѣ Пушкина и Лермонтова, піесы— Овсяный кисель и Лѣтній вечеръ , сохранили всю свѣжесть и прелесть поэзіи! Новое слово въ русской поэзіи сказали Пѣснь во станѣ русскихъ воиновъ и Пѣвецъ въ Кремлѣ эти романтическія элегіи—оды—поэмы—баллады, что-то неопредѣленное и близкое русской душѣ, какъ подблюдная Слава . Мы слышимъ въ ней (т. е. Пѣсни во станѣ) не только мысли и вдохновеніе поэта, но и отголосокъ ожиданій, понятій и надеждъ русской арміи и народнаго ополченія. Поэтъ выразилъ ихъ вдохновенными словами. Смотря съ этой точки зрѣнія на Пѣснь во станѣ русскихъ воиновъ , мы понимаемъ энтузіазмъ, съ которымъ она была принята всѣми сословіями русскаго народа, отъ простого ополчанина до царскаго семейства. (Спустя 38 лѣтъ (въ 1850 г.), Жуковскій писалъ изъ Баденъ-Бадена: Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ —теперь самому мало нравится .)

Нѣмецкій писатель Кёнигъ (Literärische Bülder aus Russland. Stuttgart. 1837 г.) говоритъ, что пѣснь Жуковскаго напоминаетъ произведенія Теодора Кёрнера. Но это замѣчаніе невѣрно. Стихи Кёрнера явились годомъ позже [57].

Одно изъ лучшихъ мѣстъ этого произведенія, указанное и Бѣлинскимъ:

А мы?.. Довѣренность Творцу!
Что-бъ ни было, незримый
Ведетъ насъ къ лучшему концу
Стезей непостижимой.
Ему, друзья, отважно въ слѣдъ!
Прочь низкое! прочь злоба!
Духъ бодрый на дорогѣ бѣдъ,
До самой двери гроба;
Въ высокой долѣ—простота,
Не жадность въ наслажденьи,
Въ союзѣ съ ровнымъ—правота,
Въ могуществѣ—смиренье:

[57]) Зейдлицъ. Стр. 53 и 55.

Обѣтамъ — вѣрность: чести — честь;
Покорность — правой власти:
Для дружбы все, что въ мірѣ есть;
Любви — весь пламень страсти;
Утѣха — скорби; просьбѣ — дань;
Погибели — спасенье;
Могущему пороку — брань;
Безсильному — презрѣнье;
Неправдѣ — грозный правды гласъ;
Заслугѣ — воздаянье;
Спокойствіе — въ послѣдній часъ;
При гробѣ — упованье.

Возвышенное, рыцарское, романтическое, пламенное Credo!

О «Пѣвцѣ въ Кремлѣ» Зейдлицъ говоритъ слѣдующее:

«Къ 25-му декабря 1814 года было назначено праздновать воспоминаніе избавленія церкви и державы россійской отъ нашествія галловъ и съ ними двадесяти языкъ. Жуковскій началъ писать для этого праздника, и кончилъ въ Дерптѣ стихи: Пѣвецъ въ Кремлѣ ... Какъ ни благозвучны эти стихи, и какъ ни разнообразны соотвѣтствующія обстоятельствамъ мысли и картины, но, читая эти стихи, чувствуешь въ нихъ что-то искусственное и нѣкоторый недостатокъ сердечной искренности. Пѣснь пѣвца въ Кремлѣ течетъ медленно, какъ широкій потокъ лавы, который свѣтится пурпуровымъ блескомъ лишь въ потьмахъ».

Однако заключительныя строфы полны могучей поэзіи. Стихъ подобенъ мѣдной, молитвенно-хвалебной молви соборнаго колокола.

Ты, мудрость смертныхъ, усмирись
Предъ мудростію Бога,
И въ মракѣ жизни озарись
Къ небесному дорога.
Будь, вѣра, твердый якорь намъ
Средь волнъ безвѣстныхъ рока.
И ты въ нерукотворный храмъ
Свѣти, звѣзда востока!
Свѣти, свѣти, звѣзда небесъ!
Къ ней взоры! къ ней желанья!
Къ ней, къ ней, за тайну сихъ завѣсъ,
Земныя упованья!
Тамъ все, что здѣсь плѣнило насъ
Явленіемъ мгновеннымъ,
Что взялъ у жизни смертный часъ,
Воскреснетъ обновленнымъ.

Романтическое міросозерцаніе Жуковскаго раскрывается въ посланіи къ А. И. Тургеневу («Другъ, отчего печаленъ голосъ твой?» 1813 г.) и особенно въ балладѣ «Тэонъ и Эсхинъ».

Въ посланіи Жуковскій говоритъ:

... И мы въ сей край незримый
Летимъ душой за милыми во слѣдъ:
Но къ намъ отъ нихъ желанной вѣсти нѣтъ.
Лишь тайное живетъ въ насъ ожиданье...
Когда-жъ? Когда?.. Другъ милый, упованье!
Гробами ихъ рубежъ означенъ тотъ,
За коимъ насъ свободы геній ждетъ
Съ спокойствіемъ, безчувствіемъ, забвеньемъ:
Пришедъ туда, о другъ, съ какимъ презрѣньемъ
Мы бросимъ взоръ на жизнь, на гнусный свѣтъ,
Гдѣ милое одинъ минутный цвѣтъ,
Гдѣ доброму слѣдовъ ко счастью нѣтъ,
Гдѣ мнѣніе надъ совѣстью властитель,
Гдѣ все, мой другъ, иль жертва, иль губитель!..

Жуковскій, говоритъ Бѣлинскій, какъ поэтъ по преимуществу романтическій, былъ на Руси первымъ пѣвцомъ скорби. Но эта скорбь—тихая, элегическая грусть юнаго томленія жизни, неудовлетворенной жажды счастія, грусть задумчивыхъ весеннихъ вечеровъ, полная прелести въ своихъ убѣгающихъ краскахъ.

Въ балладѣ «Тэонъ и Эсхинъ», написанной бѣлыми стихами дивной гармоніи, Эсхинъ «долго по свѣту за счастьемъ бродилъ, — но счастье, какъ тѣнь, убѣгало. И роскошь, и слава, и Вакхъ, и Эротъ—лишь сердце они изнурили; цвѣтъ жизни былъ сорванъ, увяла душа». Эсхинъ возвратился на родину:

Все тѣ-жъ берега, и поля, и холмы,
И то-же прекрасное небо:
Но гдѣ-жъ озарявшая нѣкогда ихъ
Волшебнымъ сіяньемъ надежда?

Жилища Теонова ищетъ Эсхинъ и находитъ его смиренную хижину. Съ безоблачныхъ солнце сходило небесъ, и тихое море горѣло... На хижину сыпался розовый блескъ. Невдали видѣлася гробница изъ бѣлаго мрамора. На порогѣ сидѣлъ въ размышленьи Тэонъ, смотря на багряное море...

Тэонъ указалъ, воздыхая, на гробъ...
Эсхинъ, вотъ безмолвный свидѣтель,
Что боги для счастья послали намъ жизнь,
Но съ нею печаль неразлучна.
О, нѣтъ! не ропщу на Зевесовъ законъ:
И жизнь и вселенна прекрасны.
Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ мечтахъ
Я видѣлъ земное блаженство.
Что можетъ разрушить въ минуту судьба,
Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше:

Но сердца нетлѣнныя блага: любовь
И сладость возвышенныхъ мыслей—
Вотъ счастье! о другъ мой, оно не мечта...
...Увы! я любилъ и ея уже нѣтъ...
...Для сердца прошедшее вѣчно.
Страданье въ разлукѣ есть та-же любовь:
Надъ сердцемъ утрата безсильна.
И скорбь о погибшемъ не есть-ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды:
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ.
Погибшее намъ возвратится?

«Мы бы упустили одну изъ самыхъ характеристическихъ чертъ поэзіи Жуковскаго, говоритъ Бѣлинскій, если бы не упомянули о дивномъ искусствѣ этого поэта живописать картины природы и влагать въ нихъ романтическую жизнь. Утро-ли, полдень-ли, вечеръ-ли, ночь-ли, вёдро-ли, буря-ли, или пейзажъ,—все это дышетъ въ яркихъ картинахъ Жуковскаго какой-то таинственной, исполненной чудныхъ силъ жизнью...»

Образцомъ элегическаго описанія природы можно считать дивно—гармоническое небольшое стихотвореніе «Ночь» (1815 г.):

Уже утомившійся день
Склонился въ багряныя воды,
Темнѣютъ лазурные своды,
Прохладная стелется тѣнь:
И ночь молчаливая мирно
Пошла по дорогѣ эфирной,
И Гесперъ летитъ передъ ней
Съ прекрасной звѣздою своей.
Сойди, о небесная къ намъ
Съ волшебнымъ твоимъ покрываломъ,
Съ цѣлебнымъ забвенья фіаломъ
Дай мира усталымъ сердцамъ.
Своимъ миротворнымъ явленьемъ,
Своимъ усыпительнымъ пѣньемъ,
Томимую душу тоской.
Какъ матерь дитя, успокой.

БИБЛІОГРАФІЯ: Стихотворенія Василія Жуковскаго. 2 части. Спб. 1815—1816 гг. 2-е изд. 1818 въ 3 частяхъ. Часть IV. Опыты въ прозѣ. М. 1818 г. 3-е изд. 1824 г. Сочиненія въ прозѣ В. Жуковскаго. Изд. 2-е. Глазунова 1826 г. Изд. 4-е. Смирдина 1835 г. съ портретомъ (грав. Райтъ), въ 7 томахъ; 8-й—1837; 9-й—1844. 5-е изд. въ 9 частяхъ 1849 г.. печ. въ Карлсруэ, хотя и носитъ помѣту: Спб. Въ 1857 г. гр. Д. Н Блудовъ издалъ 4 дополнит. тома: X—XIII. Лучшее 8-е изд. съ портретомъ, редакція Ефремова. 6 томовъ. Изъ отдѣльныхъ изданій большую рѣдкость представляютъ: Для немногихъ. М. 1818 г. Шесть книжекъ стихотвореній въ переводѣ и подлинникахъ. «Ундина». Спб. 1837 г. съ рисунками Майделя. Переводы прозой: Мальчикъ у ручья. Коцебу. 4 час. М. 1801

и 1819 гг. Повѣсти Флоріана М. 1802 и 1817 гг. Донъ-Кихотъ. Изъ Флоріана. 6 ч. съ картинками. М. 1805 и 1815 гг. Переводы собран. и издан. М. Т. Каченовскимъ, съ портр. Жуковскаго (грав. А. Фларовымъ, съ рисунка П. Соколова). М. 1816—1817 гг. 12°. 2-е изд. Спб. 1827 г. 3 ч. Бумаги Жуковскаго. Разобраны и описаны И. А. Бычковымъ. Спб. 1887 г. П. А. Плетневъ. Жизнь и сочиненія В. А. Жуковскаго. 1854 г. С. П. Шевыревъ. О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи. М. 1853 г. Соч. Бѣлинскаго. т. VIII. Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго, по неизданнымъ источникамъ и личнымъ воспоминаніямъ. Н. К. Зейдлица. Спб. 1883 г. Жуковскій и его произведенія. П. Загарина. Изд. 2-е. 1883 г. М. Никитенко. В. А. Ж. со стороны его поэтическаго характера и дѣятельности. Спб. 1853 г. Н. Лыжинъ. Знакомство Жуковскаго съ взглядами романтической школы. «Лѣтописи» Тихонравова. 1859 г. I. Кн. 2. Я. К. Гротъ. Очеркъ жизни и поэзіи Ж—го. Спб. 1883 г. Сборникъ Р. Отд. Акад. т. XXXII. Труды Я. К. Грота. III. Спб. 1901 г. Стр. 172—200. Н. Буличъ. В. А. Ж. (1783—1883 гг.). Казань. 1883 г. А. Архангельскій. В. А. Ж. Первые годы его жизни и поэтической дѣятельности (1783—1816 гг.). Казань. 1883 г. В. А. Ж. Чествованіе его памяти въ Спб. 29 и 30 января 1883 г. Спб. 1883 г. (Рѣчи Грота. О. Миллера: портреты). Письма Ж—го къ Ал. Ив. Тургеневу (1805—1844). Изд. Р. Архива. М. 1895 Вс. Чешихинъ. Жуковскій, какъ переводчикъ Шиллера. Критическій этюдъ. Рига. 1895 г. Въ «Русск. Старинѣ»: Женитьба Ж—го. Письмо къ А. М. Тургеневу. 1841—1885 гг. XLVIII. 428—431. Его альбомы. хранящ. въ Висбаденѣ. 1887. LIV. 240. Біограф. очеркъ. 1880. XXVII. 254—268. Учебный планъ для Алекс. II-го. 1880. XXVII. 227—253. В. А. Ж. въ Павловскѣ 1820 г. А. П. Кеппенъ. 1883 г. XXXVII. 679—680. Моск. универс. пансіонъ. 1883 г. XXXVIII. 231—237. Въ «Историч. Вѣстникѣ». Открытіе памятника Ж—му. 1887 г. XXIX. Авг. 466. Село Мышенское, родина его. П. М. Мартыновъ. 1887 г. XXVII. Янв. 110. Къ юбилею. 1883 г. XI. Февр. 407. Портретъ: 1883 г. XI. Февраль. Въ «Журн. Мин. Нар. Просв.»: А. С. Архангельскій. Новый трудъ о Жуковскомъ. 1883. ч. 255. Янв. II. 183—197. Столѣтній юбилей Ж. 1883 ч. 226. Мартъ. Отд. IV. 1—21. П. Мартыновъ. Село Мышенское. 1874 г. ч. 176. Ноябрь, от. IV. 28—34. Въ «Русскомъ Архивѣ»: Къ біографіи Жуковскаго. Его переписка о предполагаемомъ бракѣ съ М. А. Протасовой. 1813—1818 гг. 1883 г. I. 308. Воспоминанія А. О. Смирновой о Жуковскомъ. 1869—1871 гг. Письма Ж—го въ разныхъ годахъ Русск. Архива. См. Роспись за первые тридцать лѣтъ, №№ 2100—2161.

§ 2. Осенью 1817 г. вышли въ свѣтъ «Опыты въ стихахъ и прозѣ» Константина Батюшкова. Затѣмъ въ 1818—1819 годахъ даны имъ нѣсколько превосходныхъ переводовъ изъ Греческой Антологіи, три коротенькихъ посланія и переводъ строфы изъ Байрона («Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ»). Затѣмъ въ 1820—«Подражанія древнимъ», а въ 1821 последнее, мрачно-скорбное «Изреченіе Мельхиседека», послѣдніе семь стиховъ и затѣмъ разумъ поэта затмился. Съ теченіемъ времени острая форма душевной болѣзни Константина Николаевича миновала: онъ сталъ покоенъ,

но полное сознаніе уже не возвращалось къ нему, и до самой смерти своей онъ прожилъ въ отчужденіи отъ того міра высшихъ интересовъ и творчества, для котораго былъ рожденъ. Скончался Батюшковъ въ Вологдѣ 7-го іюля 1855 года и погребенъ въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ, въ пяти верстахъ отъ этого города.

«Батюшковъ пережилъ большую часть своихъ сверстниковъ на поприщѣ словесности, говоритъ его біографъ, Л. Н. Майковъ,— но остановленный въ своемъ развитіи тяжкимъ недугомъ, онъ прекратилъ литературную дѣятельность раньше всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ вмѣстѣ началъ ее. Въ тридцатичетырехлѣтній періодъ его душевной болѣзни русская литература совершенно преобразилась; первые дѣйствительные успѣхи того славнаго генія, которому она обязана своимъ переворотомъ, совпадаютъ съ концомъ творческой жизни Батюшкова. Въ этомъ случайномъ совпаденіи есть однако тѣсная внутренняя связь: Батюшковъ былъ ближайшимъ предшественникомъ Пушкина въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Совершенство Пушкинскаго стиха было подготовлено мастерскимъ стихомъ Батюшкова. Скажемъ болѣе: не равняя дарованія обоихъ поэтовъ, нельзя не признать нѣкоторыхъ общихъ чертъ въ характерѣ ихъ творчества».

Говорятъ, что поэзія Батюшкова «почти лишена содержанія», и что «она безлична въ смыслѣ народности». Отрицать присутствіе живой мысли въ его произведеніяхъ несправедливо: если въ піесахъ молодой поры онъ не идетъ далѣе выраженія ходячихъ въ его время понятій гораціанскаго эпикуреизма, то въ стихотвореніяхъ зрѣлаго періода изображаетъ страданія своей надломленной жизнью души: обманувшія мечты о счастіи вызвали горькое разочарованіе, и это тяжелое душевное состояніе, это сознаніе разлада между идеаломъ и дѣйствительностью, впервые сказалось въ русской поэзіи — въ стихахъ Батюшкова. Русскія бытовыя черты чрезвычайно рѣдки въ его поэзіи. За то непосредственное хранилище народности, русскій языкъ, является въ его рукахъ послушнымъ уже орудіемъ. Въ искусствѣ онъ былъ чистымъ художникомъ: онъ не хотѣлъ знать никакого другого призванія, а за искусствомъ не признавалъ практическихъ цѣлей, но ясно понималъ его высокое, облагораживающее, и потому полезное значеніе. Сознательность поэтическаго творчества составляетъ его отличительную черту. И въ разработкѣ внѣшней поэтической формы, и въ дѣлѣ внутренняго развитія поэтическаго творчества, и наконецъ, въ отношеніяхъ поэзіи къ обществу художественная дѣятельность Батюшкова представляетъ счастливые начатки того, что получило полное осуществленіе въ дѣятельности геніальнаго Пушкина; потому-то Пушкинъ и признавалъ такъ открыто свое духовное родство съ Батюшковымъ.

Для антологическихъ стихотвореній Батюшковъ избралъ себѣ образцами, съ одной стороны — Горація и Тибулла, съ другой — Вольтера и Парни.

Высокое мнѣніе о талантѣ Вольтера, какъ антологическаго поэта, было внушено Батюшкову, безъ сомнѣнія, еще Муравьевымъ. Въ своихъ антологическихъ пьесахъ Батюшковъ старался уловить и воспроизвести непринужденную, игривую манеру французскаго поэта, и это удавалось ему не только въ эпиграммахъ и надписяхъ, но и въ другихъ мелкихъ стихотвореніяхъ, каковы: «На смерть Пнина», «Къ Семеновой», «Къ Машѣ», «На смерть Даниловой» и т. п.

Вольтеръ, какъ антологическій поэтъ, далъ въ значительной мѣрѣ тонъ поэзіи Батюшкова. Въ томъ же смыслѣ повліялъ на нее и Горацій. Есть много общаго между Гораціемъ и Вольтеромъ, какъ лирикомъ: основа ихъ міросозерцанія—одна и та же — умѣренный эпикуреизмъ; у обоихъ много изящной и остроумной непринужденности, даже небрежности, никогда однако не переходящей въ пошлость; слогъ Горація выработаннѣе, за то слогъ Вольтера болѣе блестящій, а при томъ у французскаго поэта звучитъ иногда струна чувствительности, которой нѣтъ у Горація.

Батюшковъ усвоилъ изящную, художественную форму гораціанской оды, и заимствовалъ у него нѣкоторые образы и картины. Ярче всего подражаніе Горацію замѣтно въ одной изъ раннихъ пьесъ Батюшкова: «Совѣтъ друзьямъ», проникнутой чисто гораціанскимъ эпикуреизмомъ. Этотъ гимнъ тихому, беззаботному веселью сложенъ поэтомъ въ ту пору его жизни, когда она не была еще омрачена никакими неудачами, и къ той же темѣ онъ возвратился въ пьесѣ «Веселый часъ» нѣсколько позже, когда душевное спокойствіе снова посѣтило его на короткое время.

Небольшой сборникъ стихотвореній, помѣченныхъ именемъ Тибулла, составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній римской литературы. Тибуллъ — поэтъ глубоко искренній и вмѣстѣ съ тѣмъ великій художникъ. Обычная тема его элегій—любовь, но какое разнообразіе построеній, какую роскошь красокъ, какое обиліе оттѣнковъ умѣетъ онъ найти для изображенія этого чувства! Въ его стихахъ слышатся всѣ переливы сердечнаго недуга... Всѣ состоянія любящей души поэтъ рисуетъ яркими, но тонкими чертами, и притомъ безъ всякой изысканности, съ неподдѣльной простотой.

Другой любимый образецъ Батюшкова—Парни, считался въ свое время обновителемъ интимной лирики въ родной ему литературѣ. При первомъ появленіи его элегій, близкій уже къ смерти Вольтеръ, назвалъ молодого автора французскимъ Тибулломъ, а другіе цѣнители провозгласили, что Парни внесъ простоту и искренность чувства въ поэтическую область, въ которой до него господствовали изысканность, манерность и ловко сложенный комплиментъ замѣнялъ настоящее вдохновеніе [23]).

Батюшковъ, однако, быстро переросъ міросозерцаніе своихъ образцовъ.

23) Соч. т. I. Спб. 1887 г. О жизни и сочиненіяхъ Батюшкова, Л. Н. Майкова.

Въ письмахъ къ Н. И. Гнѣдичу, въ августѣ 1811 г., онъ пишетъ: «Гдѣ счастье? Гдѣ наслажденіе? Гдѣ покой? Гдѣ чистое сердечное сладострастіе, въ которомъ сердце мое любило погружаться? Все, все улетѣло, исчезло вмѣстѣ съ пѣснями Шоліо, съ сладостными мечтаніями Тибулла и милаго Грессета, съ воздушными гуріями Анакреона. Все исчезло!»

Настроеніе безпечной лѣни, очарованія, граціозныхъ наслажденій, смѣняется постоянно у Батюшкова чувствомъ разочарованія, скорби, прямо отвращенія къ жизни. Пессимизмъ постепенно наростаетъ въ поэзіи Батюшкова. Въ посланіи къ Петину и въ стихотвореніи «Привидѣніе» (1810 г.) еще царитъ эпикурейская нѣга, но рядомъ прорываются звуки иного строя:

И въ любви и на войнѣ.
Время жизни въ скукѣ трачу;
За крылатый счастья мигъ.
Ночь зѣваю, утромъ плачу
Объ утратѣ сновъ моихъ...
...Мой челнокъ любовь слѣпая
Правитъ дѣтскою рукой,
Между тѣмъ какъ лѣнь зѣвая
На кормѣ сидитъ со мной.

Въ другомъ стихотвореніи сила юнаго сладострастія, сливаясь съ предчувствіемъ могилы, переходитъ и въ ея предѣлы.

Посмотрите: въ двадцать лѣтъ
Блѣдность щеки покрываетъ,
Съ утромъ вянетъ жизни цвѣтъ...

Что же медлить? Но если возможно явленіе мертвыхъ, поэтъ не хочетъ являться оттуда милой пугающей тѣнью. Явленіе это будетъ полно нѣги... Духъ поэта невидимкой принесется въ покой красавицы:

Если пламень потаенный
По ланитамъ пробѣжалъ,
Если поясъ сокровенный
Развязался и упалъ,—
Улыбнися, другъ безцѣнный,
Это я...

Полны нѣги и чувства переводы поэта изъ Парни, хотя бы «Мадагаскарская пѣсня»:

Какъ сладко спать въ прохладной тѣни,
Пока долину зной палитъ,
И вѣтеръ чуть въ древесной сѣни
Дыханьемъ листьевъ шевелитъ!
Приблизьтесь, жены, и руками
Сплетяся дружно въ легкій кругъ,
Протяжно, тихими словами
Царя возвеселите слухъ!

Какъ ваше пѣнье сердцу внятно,
Какъ нѣгой утомляетъ духъ!
Какъ, жены, издали пріятно
Смотрѣть на вашъ сплетенный кругъ.

Элегическая грусть Батюшкова неразрывна съ красотой. «Здѣсь,—говоритъ онъ въ надгробіи 1811 года,—въ жилищѣ плача, тихій смерти геній розу обрываетъ». Такимъ антично-прекраснымъ образомъ облекается смерть у поэта. Но уже 1812 годъ и пожаръ Москвы отрываютъ его отъ лона гораціанской золотой лѣни и безпечности. «Нѣтъ, нѣтъ,—восклицаетъ онъ въ посланіи къ Дашкову (1813 г.):

Нѣтъ, нѣтъ, пока на полѣ чести
За древній градъ моихъ отцовъ
Не понесу я въ жертву мести
И жизнь, и къ родинѣ любовь,
Пока съ израненнымъ героемъ,
Кому извѣстенъ къ славѣ путь,
Три раза не поставлю грудь
Передъ враговъ сомкнутымъ строемъ,—
Мой другъ, дотолѣ будутъ мнѣ
Всѣ чужды музы и хариты,
Вѣнки, рукой любови свиты,
И радость шумная въ винѣ!

Еще болѣе глубокіе и серьезные мотивы появляются въ стихотвореніи «Надежда» (1815 г.).

Мой духъ, довѣренность къ Творцу!
Мужайся, будь въ терпѣньи камень!
Не Онъ-ли къ лучшему концу
Меня провелъ сквозь бранный пламень?
На полѣ смерти чья рука
Меня таинственно спасала,
И жадный крови мечь врага,
И градъ свинцовый отражала?
. . . .
Когда-жъ узрю спокойный брегъ,
Страну желанную отчизны?
Когда струей небесныхъ благъ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу въ прахъ
И обновлю существованье?

Глубокимъ пессимизмомъ вѣетъ посланіе «Къ другу» 1816 года

Скажи, мудрецъ младой, что прочно на земли?
Гдѣ постоянно жизни счастье?
Мы область призраковъ обманчивыхъ прошли,
Мы пили чашу сладострастья...

Но гдѣ минутный шумъ веселья и пировъ,
Въ винѣ потопленныя чаши?
Гдѣ мудрость свѣтская сіяющихъ умовъ?
Гдѣ твой фалернъ и розы наши?

Элегическая красота стиховъ Батюшкова иногда высоко совершенна. Такова пьеса «Мой Геній»:

О, память сердца, ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной.
И часто сладостью своей
Меня въ странѣ плѣняешь дальной!

Это противуположеніе «памяти сердца — разсудка памяти печальной» чрезвычайно глубоко. Въ произведеніяхъ Батюшкова розлито чувство художественной свободы и духовной независимости. Онъ въ нихъ всюду «умомъ вселенной гражданинъ» — «среди учености всемірной» («Къ С. С. Уварову», 1817 г.).

«Направленіе поэзіи Батюшкова совсѣмъ противуположно направленію поэзіи Жуковскаго, говоритъ Бѣлинскій. Если неопредѣленность и туманность составляютъ отличительный характеръ романтизма въ духѣ среднихъ вѣковъ, то Батюшковъ столько же классикъ, сколько Жуковскій романтикъ: ибо опредѣленность и ясность — первыя и главныя свойства его поэзіи... Свѣтлый и опредѣленный міръ изящной эстетической древности — вотъ что было призваніемъ Батюшкова. Въ немъ первомъ изъ русскихъ поэтовъ художественный элементъ явился преобладающимъ элементомъ. Въ стихахъ его много пластики, много скульптурности... Стихъ его часто не только слышенъ уху, но виденъ глазу: хочется ощупать извивы и складки его мраморной драпировки».

Жуковскій только черезъ Шиллера познакомился съ древней Элладой. Шиллеръ же смотрѣлъ на Грецію преимущественно съ романтической стороны ея; — и русская поэзія не знала еще Греціи съ ея чисто художественной стороны, не знала Греціи, какъ всемірной мастерской, черезъ которую должна пройти всякая поэзія въ мірѣ, чтобы научиться быть изящной поэзіей. Въ анакреонтическихъ стихотвореніяхъ Державина проблескиваютъ черты художественнаго рѣзца древности, но только проблескиваютъ, сейчасъ же теряясь въ грубой и неуклюжей обработкѣ цѣлаго. Батюшковъ сблизился съ духомъ изящнаго искусства греческаго.

По мнѣнію Бѣлинскаго, антологическія стихотворенія Батюшкова уступаютъ антологическимъ пьесамъ Пушкина только развѣ въ чистотѣ языка, чуждаго произвольныхъ усѣченій и всякой неровности и шероховатости, столь извинительныхъ и неизбѣжныхъ въ то время, когда явился Батюшковъ. Затѣмъ Бѣлинскій приводитъ слѣдующее антологическое стихотвореніе Батюшкова:

Сокроемъ навсегда отъ зависти людей
Восторги пылкіе и страсти упоенья:
Какъ сладокъ поцѣлуй въ безмолвіи ночей!
Какъ сладко тайное любови наслажденье!

И сопоставляетъ эту пьесу съ окончаніемъ стихотворенія Пушкина: «Зима, что дѣлать намъ въ деревнѣ?» указывая на близость фактуры двухъ послѣднихъ стиховъ:

И дѣва въ сумерки выходитъ на крыльцо:
Открыта шея, грудь, и вьюга ей въ лицо!
Но бури сѣвера не вредны русской розѣ.
Какъ жарко поцѣлуй пылаетъ на морозѣ!
Какъ дѣва русская свѣжа въ пыли снѣговъ!

Батюшкову по натурѣ его было очень сродно созерцаніе благъ жизни въ греческомъ духѣ. Въ любви онъ совсѣмъ не романтикъ. Изящное сладострастіе — вотъ пафосъ его поэзіи. Правда, въ любви его, кромѣ страсти и граціи, много нѣжности, а иногда много грусти и страданія; но преобладающій элементъ ея всегда—страстное вожделѣніе, увѣнчиваемое всей нѣгой, всѣмъ обояніемъ исполненнаго поэзіи и граціи наслажденія. Батюшкову было не чуждо пониманіе античнаго „декаданса", какъ показываетъ слѣдующая пьеса:

Тебѣ-ль оплакивать утрату юныхъ дней?
Ты въ красотѣ не измѣнилась,
И для любви моей
Отъ времени еще прелестнѣе явилась.
Твой другъ не дорожитъ неопытной красой,
Не зрѣлой въ таинствахъ любовнаго искусства:
Безъ жизни взоръ ея стыдливый и нѣмой,
И робкій поцѣлуй безъ чувства.
Но, ты, владычица любви,
Ты страсть вдохнешь и въ мертвый камень:
И въ осень дней твоихъ не погасаетъ пламень,
Текущій съ жизнію въ крови.

Но не однѣ радости любви и наслажденія страсти умѣлъ воспѣвать Батюшковъ: какъ поэтъ новаго времени, онъ не могъ въ свою очередь не заплатить дани романтизму. И какъ хорошъ романтизмъ Батюшкова: въ немъ столько опредѣленности и ясности! Элегія его – это ясный вечеръ, а не темная ночь,—вечеръ, въ прозрачныхъ сумеркахъ котораго всѣ предметы только принимаютъ на себя какой-то грустный оттѣнокъ, а не теряютъ своей формы и не превращаются въ призраки... (Бѣлинскій).

Я берегъ покидалъ туманный Альбіона:
Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ,
За кораблемъ вилася гальціона,
И тихій гласъ ея пловцовъ увеселялъ.

Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
Однообразный шумъ и трепетъ парусовъ,
И кормчаго на палубѣ взыванье
Ко стражѣ, дремлющей подъ говоромъ валовъ. —
Все сладкую задумчивость питало.
Какъ очарованный, у мачты я стоялъ,
И сквозь туманъ и ночи покрывало
Свѣтила сѣвера любезнаго искалъ.

У Батюшкова есть очень близкій и удачный переводъ одной строфы (CLXXVIII) изъ четвертой пѣсни Байронова «Чайльдъ-Гарольда» (Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ...)

Шуми-же, ты, шуми, угрюмый океанъ...

Этотъ стихъ находимъ въ элегіи Пушкина, распространеннымъ въ двустишіе:

Шуми, шуми послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной угрюмый океанъ!

Замѣчательнѣйшими стихотвореніями Батюшкова Бѣлинскій считаетъ слѣдующія: «Умирающій Тассъ», «На развалинахъ замка въ Швеціи», три «Элегіи изъ Тибулла», «Воспоминаніе» (отрывокъ), «Выздоровленіе», «Мой Геній», «Тѣнь друга», «Веселый часъ», «Пробужденіе», «Таврида», «Послѣдняя весна», «Къ Г—чу», «Источникъ», «Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ», «О, пока безцѣнна младость», «Гезіодъ и Омиръ — соперники», «Къ Другу», «Мечта», «Бесѣдка музъ», «Карамзину», «Мои Пенаты», «Отвѣтъ Г-чу», «Къ П-ну», «Посланіе И. М. М. А.», «Къ N. N.», «Пѣснь Гарольда Смѣлаго», «Вакханка», «Ложный страхъ», «Радость» (подражаніе Кости), «Къ Н.», «Подражаніе Аріосту», «Изъ Антологіи». Какъ прозаикъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, Батюшковъ занимаетъ въ русской литературѣ одно мѣсто съ Жуковскимъ. Это превосходнѣйшій стилистъ. Лучшія его прозаическія статьи, по мнѣнію великаго критика, слѣдующія: «О характеристикѣ Ломоносова», «Вечеръ у Кантемира», «Мысли о Поэтѣ и Поэзіи», «Прогулка въ Академію Художествъ» и «Путешествіе въ замокъ Сирей».

БИБЛІОГРАФІЯ: «Опыты въ стихахъ и прозѣ» Константина Батюшкова. 2 части. Спб. 1817 г. Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Спб. 1834 г. 2 ч. 3-е изд. Смирдина. 1850 г. Сочиненія К. Н. Батюшкова. Изданы П. Н. Батюшковымъ. Со статьею о жизни и сочиненіяхъ К. Н. Б. написанною Л. Н. Майковымъ и примѣч. сост. имъ-же и В. И. Саитовымъ Спб. 3 большихъ тома. 1887 г. Великолѣпное изданіе. Общедоступное — въ одномъ томѣ съ избранными сочиненіями и безъ примѣч. Л. Майковъ. Б., его жизнь и сочиненія. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Очеркъ личности и поэзіи Батюшкова. Я. К. Грота. 1887 г. См. Труды. III. 201 стр. Батюшковъ какъ поэтъ: Рѣчь Л. Н. Майкова. Запис. Акад. Наукъ. Томъ LVI. 1888 г. Въ «Русской Старинѣ»: 1888 г. т. 57. Батюшковъ. Столѣтняя

годовщина. 1787—1887 г. 261—264. О соч. въ изд. 4-мъ и 5-мъ. 560—562. Очеркъ его жизни и дѣят. 1887 г. т. 54. 505—561. т. 56. 555—566. Портретъ. 1887 г. LIV. 271. Памятникъ на могилѣ. 1887 г. LIV. 548. Б. въ 1811—1821 г. 1883 г. XL. 415—416. Б. въ 1853 г. Очеркъ Петра Гревенецъ. 1883 г. XXXIX. 545—550. Стихи замѣтки и письма Б. въ сумасшествіи. 1823—1853 г. XXXIX. 551—552. Предсмертн. стихотвореніе его. Сообщ. А. Н. Подолинскій. 1884 г. XLII. 220. Въ «Истор. Вѣстникѣ». Ближайшій предшеств. Пушкина. П. Н. Полевого. 1886 г. XXVIII. Іюль. 639. Чествованіе его памяти. 1888 г. XXXI. Янв. 253. Портретъ: 1887 г. XXVIII. Іюль. 505. Въ «Русскомъ Архивѣ». К. Н. Б. Его письма и очерки его жизни. Статья П. И. Бартенева. 1867 г. 1342—1440. Съ портр.

§ 3. Почти одновременно съ Батюшковымъ окончилась и поэтическая дѣятельность Михаила Васильевича Милонова (1792—1821), скончавшагося на 29 году своей жизни. Конечно, ни по объему таланта, ни по глубинѣ содержанія, ни по красотѣ стиха Милоновъ, сатиры, посланія и другія мелкія стихотворенія котораго вышли въ 1819 году, не можетъ быть поставленъ въ одномъ ряду съ Батюшковымъ и Жуковскимъ. Но все же онъ участвовалъ въ подготовительномъ періодѣ русской поэзіи, и на лирѣ его есть глубоко элегическія струны. Извѣстность Милонова началась съ его смѣлой сатиры на временщика.

Царя коварный льстецъ, вельможа напыщенный,
Въ сердечной глубинѣ таящій злобы ядъ,
Не доблестьми души, пронырствомъ возвышенный
. . . .
Гордися, окруженъ ласкателей соборомъ,
Но знай, что предо мной, предъ мудрымъ строгимъ взоромъ,
Равно презрѣнъ и лесть внимающій и льстецъ.

Въ другихъ сатирахъ Милоновъ является противникомъ Шишкова и его школы.

Наука ихъ легка, не думать ни о чемъ,
Лишь страннымъ щеголять въ болтаньи языкомъ;
Такъ Вадій навязалъ поэму въ ихъ расколѣ
Изъ смѣси чудныхъ словъ, неслыханныхъ дотолѣ...
...Кричитъ, что снова Юнгъ въ Плаксевичѣ (Стеневичъ) родился...[239]).
Благодаря уму своихъ покупщиковъ,
Какъ крезъ отъ глупыхъ книгъ разжился Глазуновъ[240]).

---

239) Сатиры, посланія и другія мелкія стихотворенія Михайла Милонова. Спб. 1819. (Къ Рубиллію. 10—12). Къ Лукарію. Сатира вторая. Стр. 27 и 28.

240) Къ моему разсудку. Сатира третья. Стр. 54.

Особенно замѣчательно гуманнымъ взглядомъ «Посланіе къ земледѣльцамъ».

О вы, которые въ убожествѣ своемъ,
И грады пышные и царства богатите,
Въ повиновеніи безмолвномъ и благомъ,
Для пользы общей, дни сокрытые, стремите...
Я ваши пѣть хочу полезные труды —
Въ нихъ жизнь сокрыта царствъ, ихъ счастье и свобода!
Они источники ихъ гордой красоты [241]...

Элегіи Милонова полны глубокаго чувства и неподдѣльной поэзіи. Содержаніе ихъ въ общемъ соотвѣтствуетъ настроеніямъ эпохи. съ ея античными воззрѣніями:

О Лила! блаженство дней юныхъ не вѣчно!
Какъ быстрый источникъ оно скоротечно
. . . .
О Лила, доколѣ не все отцвѣло,
Вѣнкомъ ароматнымъ украсивъ чело,
Власы распустивши, какъ розы, душисты,
На полныя груди, на перси волнисты,
Прижмися, лилейной рукой оплетясь,
Ты къ другу, устами съ устами слѣпясь,
Пусть духъ воспылаетъ любовью объятый,
Пусть грозное время къ намъ мчится съ закатомъ —
И дни передъ нами, какъ стрѣлы летятъ![242]

Въ нѣкоторыхъ элегіяхъ слышна личная исповѣдь. подсѣкшаго свои дни бурными наслажденіями, поэта:

Такъ, други, умереть намъ должно,
Въ концѣ-ль, въ началѣ нашихъ дней,
Предвидѣть смерти невозможно,
Ни защитить себя отъ ней
. . . .
О смерть, разяща безъ разбора,
Такъ сталъ-бы я ее молить,
Отсрочь, не приходи ты скоро,
Мой тѣсный уголъ навѣстить;
Мнѣ двадцать лѣтъ—не многимъ болѣ,
Дай столько-же еще пожить[243].
Мнѣ гробъ ужасный отверзался,
Бѣжалъ отъ глазъ отрадный свѣтъ,
Вотще въ глубокой тьмѣ старался
Я дней увядшихъ видѣть слѣдъ[244].

---

241) Посланіе къ земледѣльцамъ. Стр. 185.
242) Идиллія. Стр. 97 и 98.
243) Договоръ со смертію... Къ друзьямъ моимъ. Стр. 42.
244) Выздоровленіе. Стр. 91.

Элегическія описанія природы также удавались поэту:

«Солнце сѣло—сумракъ лѣтній увлажилъ собой поля. я спѣшилъ подъ дубъ столѣтній слушать пѣсни соловья; громко, въ воздухѣ душистомъ, разливалъ любви восторгъ, и въ раскатахъ, съ звонкимъ свистомъ, утомясь пѣвецъ умолкъ... Спитъ счастливецъ, усыпленный сладострастія рукой, спитъ страдалецъ, изнуренный. раздѣля свой одръ съ тоской. легки призраки спустились — бѣдный узникъ усыпленъ, цѣпи розами увились, гласъ свободы слышитъ онъ! О безцѣнный даръ природы, силъ податель, сладкій сонъ, жертва скорби, въ юны годы. я одинъ тебя лишенъ!..[245])».

Люблю въ душѣ моей уныніе питать

. . . .
Какъ гаснетъ въ облакахъ, прощаясь съ міромъ день,
Какъ длинная съ холмовъ въ долины ляжетъ тѣнь,
Полдневныхъ шумъ работъ умолкнетъ постепенно,
И пѣніе косцовъ слабѣетъ отдаленно,
Скрываются цвѣты, чернѣютъ зыби водъ
. . . .
И теплится заря на западѣ багряномъ,
Тогда, мечтается съ прохладнымъ вѣтеркомъ,
Молчаніе летитъ подъ маковымъ вѣнкомъ,
Другъ ночи, и о ней желанный возвѣститель![246])

Бурная столичная жизнь утомила духъ поэта, и порою онъ тосковалъ душей о родимомъ домѣ и родныхъ людяхъ:

«Когда, мой другъ, опять съ тобою, дорожный бросивъ посохъ свой, я нѣжной обнимусь рукою, и водворюсь въ странѣ родной?.. Когда опять съ восторгомъ встрѣтишь ты мой нечаянный приходъ, и на лицѣ моемъ примѣтишь слѣды печалей и заботъ?.. Когда наступитъ часъ желанный, и я въ отеческомъ дому, въ пріютѣ дружбы, гость нежданный, прижмуся къ сердцу твоему?[247])».

Совершенно романтическимъ колоритомъ отличается слѣдующее описаніе монастыря:

Насталъ покоя часъ! отъ хвалъ, моленій томныхъ,
Пустынной тишинѣ предавши мрачный храмъ,
Рядъ труженицъ идетъ печальныхъ и безмолвныхъ...
...Вступаетъ каждая въ свой теремъ одинокій,
Другъ другу скорбный взоръ бросая при дверяхъ...
...Свѣтильники любви для нихъ не возгорятся,
Отрадъ супружества сердца ихъ не найдутъ...
И самыя мечты жилища ихъ бѣгутъ.

---

[245]) Ночь на могилѣ друга. Стр. 58.
[246]) Уныніе. Стр. 60.
[247]) Къ сестрѣ моей. Стр. 81 и 82.

(Суровое одной святыни обожанье
Кладетъ на лица ихъ угрюмости печать...[248])

Полны трогательной грусти элегическія строфы Милонова.

Жизни бурной средь теченья
Много встрѣтилъ я въ пути;
Встрѣтилъ Радость—и мгновенья
Не успѣлъ я съ ней пройти:
Оглянулся: прочь отъ взора!
Не оставивъ и слѣда:
Призракъ милый! такъ-ли скоро?
И ужъ слышу: навсегда!
. . . .
Кто-же спутники до края?
Кто товарищъ вѣрный мой?
. . . .
Безотрадный, но цѣлебный,
Одиночества удѣлъ[249]).
Въ бурю брошенный Судьбою
Тамъ пловецъ среди валовъ.
Въ мракѣ грозномъ предъ собою,
Безъ весла и парусовъ...
Духъ встревоженъ, сердце ноетъ,
Лучъ небесный, просвѣти!
Ахъ! кто скажетъ, кто откроетъ
Гдѣ конецъ его пути?[250])

§ 4. Литературный багажъ Василія Львовича Пушкина весьма не великъ. Томикъ его стихотвореній, вышедшій въ 1822 г., содержитъ посланія, 40 басенъ, 5 сказокъ т. е. анекдотовъ въ стихахъ, и «смѣсь» — переводы, эпиграмы, мадригалы,—всего 29 пьесъ. Однако, участіе его въ «Арзамасѣ» и литературномъ движеніи десятилѣтія, отраженіе литературныхъ споровъ въ его умныхъ, изящныхъ и виртуозныхъ стихахъ,—все даетъ ему право занять извѣстное мѣсто среди непосредственныхъ предшественниковъ Пушкина и сотрудниковъ его въ «лицейскіе» годы. Сторонникъ Карамзина, Василій Львовичъ оставался вѣрнымъ послѣдователемъ картезіанской эстетики, вкуса Буало, съ его разумнымъ, яснымъ, безупречно правильнымъ искусствомъ. Произведенія В. Л. Пушкина—дѣло ума, а не свободнаго, непосредственнаго творчества. Онъ любилъ искусство, литературу. «Поэзія святая! говоритъ онъ въ посланіи «Къ брату и другу»,— мы съ самыхъ юныхъ лѣтъ тобою занимались; ты услаждала насъ!» Но въ то же время

[248]) Монастырь. Элегія. Стр. 99 и 100.
[249]) Спутники жизни стр. 114.
[250]) Пловецъ. 161.

служеніе поэзіи и литературѣ смѣшивалось у него съ застольными, остроумными бесѣдами, съ мудростью, почерпаемой на днѣ бакаловъ въ кружкѣ пирующихъ весельчаковъ. Съ неподражаемой наивностью описываетъ поэтъ свое трудное положеніе:

Проклятый Эскулапъ кричитъ, что быть бѣдѣ...
...Съ больными пухлыми ногами
Вамъ непристойно быть въ гостяхъ!
Смотрите, за плечами
Стоитъ курносая съ косою на часахъ —
Махнетъ... прощайтесь съ стерлядями,
Съ виномъ шампанскимъ и стихами...
Любезный Вяземскій, достойный Феба сынъ,
И Пушкинъ, балагуръ, стиховъ моихъ хулитель,—
Которому Вольтеръ лишь нравится одинъ,
И пола женскаго усердный почитатель,
Пріятный и въ стихахъ, и въ прозѣ нашъ писатель,
Князь Шаликовъ, съ тобой всѣ будутъ пировать:
Какъ мнѣ не горевать?
Вы будете друзья и пить и забавляться,
И спорить, и смѣяться,
А я сидѣть одинъ, съ поникшей головой...[251])

Здѣсь «стихи» поставлены рядомъ съ «виномъ шампанскимъ» и «стерлядями», но какъ драгоцѣнно это упоминаніе о племянникѣ-лицеистѣ балагурѣ-Пушкинѣ, «которому Вольтеръ лишь нравится одинъ!» Въ посланіяхъ Василія Львовича ярко изложено то умѣренное направленіе литературныхъ воззрѣній, которое исповѣдывала лучшая часть тогдашнихъ писателей:

Я, признаюсь, люблю Карамзина читать,
И въ слогѣ Дмитреву стараюсь подражать.
Кто мыслитъ правильно, кто мыслитъ благородно,
Тотъ изъясняется пріятно и свободно.
Славянскія слова таланта не даютъ
. . . .
Поэма громкая, въ которой плана нѣтъ,
Не пѣснопѣніе, но сущій только бредъ.
. . . .
Талантъ намъ Фебъ даетъ, а вкусъ даетъ ученье.
Что просвѣщаетъ умъ? питаетъ душу? — чтенье.
Въ чемъ увѣряютъ насъ Паскаль и Боссюэтъ,
Въ Синопсисѣ того, въ Степенной книгѣ нѣтъ.
Отечество люблю, языкъ я Русскій знаю;
Но Третьяковскаго съ Расиномъ не равняю —
И Пиндаръ нашихъ странъ тѣмъ слогомъ не писалъ,
Какимъ Баянъ въ свой вѣкъ героевъ воспѣвалъ.
. . . .

[251]) Къ графу Ѳ. И. Толстому. Стр. 29 и 30.

Я вижу весь соборъ безграмотныхъ Славянъ.
Которыми здѣсь вкусъ къ изящному попранъ.
Противъ меня теперь рыкающій ужасно.
Къ дружинѣ вопіетъ нашъ Балдусъ велегласно.

. . . .

...«Аще смѣетъ кто Карамзина хвалить,
Нашъ долгъ. о людіе, злодѣя истребить».

. . . .

Великій Петръ, потомъ Великая жена...
...Намъ къ просвѣщенію, къ наукамъ путь открыли,
Вѣнчали лаврами и свѣтомъ озарили.
Виргилій и Омеръ, Софоклъ и Эврипидъ,
Горацій, Ювеналъ, Саллюстій, Өукидидъ
Знакомы стали намъ и къ вѣчной славѣ Россовъ
Во хладномъ Сѣверѣ родился Ломоносовъ.
На лирѣ золотой Державинъ возгремѣлъ,
Безсмертную въ стихахъ безсмертныхъ онъ воспѣлъ;
Любимецъ Аонидъ и Фебомъ вдохновенный
Представилъ Душеньку въ поэмѣ несравненной.
Во вкусѣ часъ насталъ великихъ перемѣнъ:
Явился Карамзинъ и Дмитревъ-Лафонтенъ!
Вотъ чѣмъ всѣ Русскіе должны гордиться нынѣ!

. . . .

Въ словесности расколъ, какъ должно осуждаю...
...Въ Славянскомъ языкѣ и самъ я пользу вижу,
Но вкусъ я варварскій гоню и ненавижу,
Въ душѣ своей ношу къ изящному любовь

. . . .

Намъ нужны не слова, намъ нужно просвѣщенье[252]).

«Великія перемѣны во вкусѣ» и «расколъ въ словесности» составляютъ предметъ и другихъ дружественныхъ посланій Василія Львовича:

Какъ трудно, Вяземскій, въ плачевномъ нашемъ мірѣ
Всѣмъ людямъ нравиться, ихъ вкусу угождать.
Почтенный Карамзинъ, на сладко-звучной лирѣ,
Въ прекраснѣйшихъ стихахъ воспѣлъ...

Слѣдуя «вкуса и разума уставу»,—

Какъ другъ Отечества, и какъ поэтъ писалъ:
Но многіе-ль, скажи, цѣнить талантъ умѣютъ?
...Судилище ума—собранье чудаковъ.
Давно-ли, шествуя Корнелію во слѣдъ,
Поэтъ чувствительный, питомецъ Мельпомены,
Творецъ Димитрія, Фингала, Поликсены,
На Сѣверѣ блисталъ?.. И Озерова нѣтъ!
Завистниковъ невѣждъ онъ учинился жертвой...

---

252) Къ В. А. Жуковскому. Стр. 7—10.

Поэтъ предлагаетъ поэтому мирное времяпрепровожденіе въ своемъ кружкѣ:

. . . .
Жуковскій, Батюшковъ, Кокошкинъ и Дашковъ
Явятся вечеркомъ насъ услаждать стихами:
Воейковъ пропоетъ твои куплеты съ нами
И острой насмѣшитъ Сатирой на глупцовъ:
Шампанское въ бокалъ пѣнистое польется...[253])

Чрезвычайно интересно также посланіе къ Арзамасцамъ, написанное по слѣдующему поводу: Василій Львовичъ въ дорогѣ написалъ стихи и послалъ ихъ въ Арзамасъ. Тамъ нашли ихъ плохими, и постановили измѣнить арзамаское прозвище поэта «Вотъ», на другое — «Вот—рушка». Объ этомъ поэтъ былъ извѣщенъ. Огорченный до глубины души, онъ отвѣчаетъ превосходнымъ посланіемъ. Арзамасцы вновь измѣнили тогда прозвище Василія Львовича, на классическое — «Вотъ-я-васъ» (Quos ego). Въ посланіи чудака слышится неподдѣльное горе, а въ перечисленіи своихъ заслугъ — искренняя гордость:

Я грѣшенъ, видно мнѣ кибитка не Парнасъ:
Но строгъ, несправедливъ карающій вашъ гласъ,
И бѣдные стихи, плодъ шутки и дороги,
По мнѣнью моему, не стоили тревоги.
. . . .
Вы вспомните о томъ, что первый, можетъ быть,
Осмѣлился глупцамъ я правду говорить.
. . . .
И, гнѣва не боясь Варяговъ безпокойныхъ,
Въ восторгѣ я хвалилъ писателей достойныхъ!
Неблагодарные! О томъ забыли вы,
И нынѣ, не щадя сѣдой моей главы,
Вы издѣваетесь безчинно надо мною...
Я не обидѣлъ васъ. Въ душѣ моей незлобной,
Лишь къ пламенной любви и дружеству способной,
Не приходила мысль надъ другомъ мнѣ шутить!
...Проказничать, шутить, смѣяться въ вашей волѣ.
Вы всѣ любезны мнѣ, хоть я на васъ сердитъ;
Намъ быть въ согласіи самъ Аполлонъ велитъ.
Прямая наша цѣль есть польза, просвѣщенье,
Богатство языка и вкуса очищенье...[254])

БИБЛІОГРАФІЯ: Мих. Вас. Милоновъ. Сатиры, посланія и др. мелкія стихотворенія. Спб. 1819 г. Смирдина: 1849 г. Галаховъ. Историч. хрестоматія. Спб. 1864 г. т. II. Матеріалы для полнаго собранія соч. Мих. Вас. Милонова. Статья М. Н. Лонгинова. Русскій Архивъ. 1864 г. стр. 334.

---

[253]) Къ князю П. А. Вяземскому. 1815 г. Стр. 14. 15. 17.
[254]) Къ Арзамасцамъ. Стр. 24. 25.

Два документа къ біографіи 1809 и 1813 гг. Сообщ. Акад. Я. К. Гротъ. Русская старина. 1887 г. LVI. 363—364. Письма М. В. Милонова къ А. Ф. и Н. Ф. Грамматинымъ. (Сообщ. В. А. Барсовымъ). Библіографич. записки. 1859 г. № 10. т. II. стр. 289—303. См. еще записки Вигеля и М. Дмитріева. Вас. Ив. Пушкинъ. Стихотворенія Спб. 1822 г. Біографическій очеркъ В. П. Авенаріуса. Историч. Вѣстникъ. 1882 г. VII. Мартъ: 606. Портретъ его. Ibid.

§ 5. Имя князя Вяземскаго въ разсматриваемое десятилѣтіе и даже въ двадцатыхъ годахъ всегда ставилось рядомъ съ именами Жуковскаго и Пушкина. Лишь впослѣдствіи онъ, какъ поэтъ, исчезъ съ своимъ холоднымъ блескомъ стихотворнаго остроумія въ безсмертныхъ лучахъ истинной поэзіи геніальнаго Пушкина. Вяземскій не поэтъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Но тѣмъ не менѣе, какъ несравненный стилистъ онъ сыгралъ роль въ подготовительной работѣ надъ выковкой русскаго стиха. Міросозерцаніе пьесъ Вяземскаго — общее поэтамъ той эпохи — изящная безпечность, гораціанская лѣнь, свобода ума и чувства отъ узъ рутины, упоеніе нѣгой и прелестью жизни съ элегическимъ оттѣнкомъ предчувствія скоротечности ея радостей. «Живи въ поляхъ, совѣтуетъ онъ другу, вкушая прямыя радости чувствительныхъ сердецъ». (Посланіе въ деревню. 1808 г.). «Пусть текутъ дни наши, какъ ручья скользятъ струи лѣнивы по нивамъ, по лугамъ, едва журча въ цвѣтахъ, потомъ невидимо теряяся въ пескахъ». (Молодой Эпикуръ. 1810 г.). «Молодымъ анохаретомъ,— говоритъ онъ въ посланіи Кокошкину и Мерзлякову 1814 г.,— поживаетъ вашъ поэтъ! Онъ отъ шума устранился и заботамъ поклонился — имъ служить ему не въ мочь; но отъ дружбы онъ не прочь. И пріятелей съ Парнасса... призываетъ въ уголъ свой погостить съ нимъ день, другой». Въ дружескихъ бесѣдахъ, какъ водилось, занималъ не послѣднее мѣсто: «Даръ благодатный, даръ волшебный благословеннаго Аи». Изображая, какъ напитокъ «кипитъ, бьетъ искрами и пѣной», поэтъ замѣчаетъ: «Такъ жизнь кипитъ въ младые дни»... (Къ партизану—поэту. 1815 г.). Общей рецептъ мудрой жизни преподанъ поэтомъ въ «Пѣснѣ» 1817 г.

Спѣшите радости ловить
На утрѣ жизни ненадежной,
Спѣшите счастливыми быть,
Когда быть счастливыми можно.
Пускай веселыя мечты
Дни наши розами вѣнчаютъ!
Крылатой юности цвѣты,
Увянувъ, вновь не расцвѣтаютъ.

Въ цѣломъ рядѣ изящныхъ посланій Вяземскій изображаетъ поэтическую жизнь безпечныхъ, свободныхъ духомъ, юныхъ поэтовъ—славное со-

дружество плеяды, среди которой пока еще равнымъ свѣтомъ горѣлъ нерасцвѣтшій геній юноши—Пушкина. «Иди впередъ, другъ музъ и грацій, говоритъ Вяземскій Милонову въ посланіи 1811 г., за избраннымъ тобой вождемъ, и пусть учитель твой Горацій съ тобой подѣлится вѣнкомъ».

Идеалъ безпечно-поэтической жизни рисуется поэтомъ и въ другихъ посланіяхъ:

...Отъ суетнаго круга,
Что прозванъ свѣтъ большой,
О милая подруга!
Укроемся со мной...
...Твой утренній нарядъ
И скромной и прелестной,
Межъ зелени древесной
Бѣлѣется вдали—
Ты все обозрѣваешь:
Здѣсь мирты поливаешь,
Гвоздику расправляешь,
Склоненную къ земли;
А тамъ тропу отъ спальни
Къ бесѣдкѣ, у купальни
Прокладываешь ты!
Но воздухъ тмится паромъ,
И солнце пышетъ жаромъ
Съ лазурной высоты:
Тутъ ты работы бросишь,
И розу мнѣ приносишь—
Подобіе себя!

. . . .

И, можетъ быть, младой
Наперсникъ фей и грацій,
Веселый какъ Горацій
И сумрачный порой,
Какъ самый Громобой,
Въ полуночи ненастной,
Балладою ужасной
Придетъ насъ восхищать...
А съ нимъ и сладострастной
Цитерскихъ тайнъ пѣвецъ,
Тибуллъ нашъ сладкогласной (Батюшковъ).

. . . .

О дружба! жизни радость
Твою святую сладость
Изъ дѣтства выше всѣхъ
Я почиталъ утѣхъ!

(Къ подругѣ. 1815 г.).

О другъ мой! мнѣ ужъ зрится:
Твой скромный камелекъ

Тихохонько курится.
Вокругъ него садится
Пріятелей кружекъ
. . . .
Здѣсь на почетномъ мѣстѣ
Почетный нашъ поэтъ.
Бѣлева мирный житель
И равнодушный зритель
Приманчивыхъ суетъ:
Жуковскій, въ ранни годы
Горацій—Эпиктетъ.

(Къ Батюшкову. 1815 г.).

Въ другомъ посланіи мы находимъ восторженное прославленіе Нелединскаго-Мелецкаго и Дмитріева:

...Когда Мелецкаго иль Дмитріева даръ
Питалъ-бы творческою силой
Въ груди моей, какъ пеплъ таящійся остылой,
Безплотный стихотворства жаръ,
Когда бы прелестей природы созерцатель,
Умѣлъ я, какъ они, счастливый подражатель,
Ихъ новой прелестью стиховъ одушевлять,
Иль тайныхъ чувствъ сердецъ удачный толкователь,
Неизъяснимое стихами изъяснять...

(Къ Е. С. Огаревой, 1816 г.).

Вяземскій обращается также къ поэту-партизану Денису Давыдову. Ему представляется, что партизанъ вступилъ въ конклавъ литературныхъ ханжей: «Сказавъ прости очарованьямъ, на зло плѣнительныхъ грѣховъ, и упоительнымъ мечтаньямъ весны, веселій и стиховъ, любви призыву ты не внемлешь, но въ клирѣ нравственныхъ пѣвцовъ перо Хераскова пріемлешь, и мысленно заранѣ дремлешь въ академическихъ вѣнкахъ!» «Въ твоемъ каминѣ, на кострахъ пылаютъ: красоты угодникъ—роскошный Душенькинъ пѣвецъ... Мудрый грѣховодникъ и соблазнительный мудрецъ, наставникъ счастія Горацій, и окаяннаго Парни, поклонника единыхъ Грацій» творенія.

Здѣсь выражено все эпикурейское міросозерцаніе поэтовъ десятыхъ годовъ. По этому идеалу поэтъ долженъ быть «красоты угодникъ», «роскошный пѣвецъ», «соблазнительный мудрецъ» и «мудрый грѣховодникъ», «наставникъ счастія», которое заключается въ «плѣнительныхъ грѣхахъ», въ «упоительныхъ мечтаньяхъ», «весны», «веселій» и «стиховъ». «Будь-же Денисомъ прежнихъ дней!—убѣждаетъ Вяземскій: Лихого Бурцева знакомецъ, тройного хмѣля будь питомецъ—вина и пѣсенъ и любви». (Давыдову. 1816 г.). Рядомъ съ «питомцами тройного хмѣля» въ посланіяхъ Вязем-

скаго появляется и предтеча романтическихъ героевъ, первый очеркъ типа, воплощеннаго въ слѣдующемъ десятилѣтіи Пушкинымъ въ Кавказскомъ Плѣнникѣ, Алеко и наконецъ Евгеніи Онѣгинѣ:

Американецъ и цыганъ,
На свѣтѣ нравственномъ загадка
Котораго какъ лихорадка,
Мятежныхъ склонностей дурманъ,
Или страстей кипящихъ схватка
Всегда изъ края мечетъ въ край,
Изъ рая въ адъ, изъ ада въ рай!
Котораго душа есть пламень,
А умъ холодный эгоистъ:
Подъ бурей рока—твердый камень,
Въ волненьи страсти—легкій листъ!

(Графу Ѳ. И. Толстому. 1818 г.).

Вяземскій порою достигаетъ истинно поэтическихъ настроеній въ своихъ поэтическихъ стихотвореніяхъ. Стихъ становится полнозвученъ и колоритенъ, обнаруживая настоящаго мастера-словесника. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ пьесъ различныхъ годовъ:

По зыбкимъ, бѣлымъ облакамъ
Горятъ пылающія розы

. . . .

Насталъ любви условный часъ,
Часъ сладострастья, часъ желаній

. . . .

Красавицы! звѣзда свиданій,
Звѣзда Венеры будитъ васъ.

(Весеннее утро. 1815 г.).

Я жду тебя, когда зефиръ игривый
Листочки розъ въ часъ утра шевелитъ,
Когда луна средь ночи молчаливой
Вершины горъ и рощей серебритъ.
Я жду тебя!

(1816 г.).

Въ какихъ лѣсахъ, въ какой долинѣ,
Въ часы вечерней тишины,
Задумчиво ты бродишь нынѣ
Подъ свѣтлымъ сумракомъ луны?

. . . .

Кто первымъ чувствамъ пробужденья,
Послѣдней тайной передъ сномъ?
Чье имя, бѣглый слѣдъ смущенья
Наводитъ на лицѣ твоемъ?

. . . .

Чей образъ на душѣ остылой
Погаснетъ съ пламенемъ въ крови,
Съ послѣдней жизненною силой,
Съ послѣдней ласкою любви?

(1819 г.).

Но почти пушкинской силой блещетъ превосходная небольшая поэма Вяземскаго «Первый снѣгъ» (1817 г.). Пушкинъ впослѣдствіи написалъ подражаніе этой поэмѣ («Зимнее утро» 1829 г.). Онъ вспоминаетъ о ней и въ «Евгеніи Онѣгинѣ». Въ самомъ дѣлѣ, къ «Первому снѣгу» приложимы вполнѣ слова Тургенева: «Если это и не поэзія, то все-же нѣчто не хуже ея». По чертамъ родного быта, по красотѣ стиха это во всякомъ случаѣ одно изъ выдающихся стихотворныхъ произведеній десятилѣтія:

...Вчера еще стоналъ надъ онѣмѣвшимъ садомъ
Вѣтръ скучной осени, и влажные пары
Стояли надъ челомъ угрюмыя горы
Иль мглой волнистою клубилися надъ боромъ

. . . .

Сегодня новый видъ окрестность приняла

. . . .

Лазурью свѣтлою горятъ небесъ вершины,
Блестящей скатертью подернулись долины

. . . .

Здѣсь снѣгъ, какъ легкій пухъ, повисъ на ели гибкой;
Тамъ, темный изумрудъ посыпавъ серебромъ,
На мрачной онъ соснѣ разрисовалъ узоры

. . . .

Счастливъ, кто испыталъ прогулки зимней сладость!
Кто въ тѣснотѣ саней съ красавицей младой.
Ревнивыхъ не боясь, сидѣлъ рука съ рукой,
Жалъ руку, нѣжную въ самомъ сопротивленьи,
И въ сердцѣ дѣвственномъ впервой любви смятенье,
И думу первую, и первый вздохъ зажегъ.

. . . .

Кто можетъ выразить счастливцевъ упоенье?
Какъ вьюга легкая, ихъ окрыленный бѣгъ.
Браздами ровными прорѣзываетъ снѣгъ,
И, яркимъ облакомъ съ земли его взвѣвая,
Сребристой пылью вдругъ окидываетъ ихъ.
Стѣснилось время имъ въ одинъ крылатый мигъ.
По жизни такъ скользитъ горячность молодая
И жить торопится и чувствовать спѣшитъ.

Послѣдній стихъ сталъ въ русской литературѣ пословицей. Вяземскій по характеру своего изящнаго, но немного холоднаго и проникнутаго умомъ, остроуміемъ болѣе чѣмъ пафосомъ чувства, дарованія всего ближе подходитъ къ Крылову и Грибоѣдову. Именно способность создавать мѣткія рѣченія,

становящіяся пословицами, доказываетъ справедливость нашего сближенія. Эпиграмма, остроумные куплеты, полу-юмористическія пьесы съ русскимъ пошибомъ всегда удавались Вяземскому. Наконецъ, у него мы находимъ первый образецъ новой гражданской лирики, которая, замѣнивъ былыя оды. скоро развилась въ русской литературѣ. Мы имѣемъ въ виду «Негодованіе», стихотвореніе, написанное въ 1818 г. и носящее «рылѣевскій» характеръ.

Негодованіе! огонь животворящій!
Зародышъ лучшаго, что я въ себѣ храню
. . . .
Ищу я искреннихъ жрецовъ
Свободы. сильныхъ душъ кумира:
Обширная темница міра
Являетъ мнѣ однихъ рабовъ
. . . .
Свобода! пылкимъ вдохновеньемъ.
Я первый русскимъ пѣснопѣньемъ
Тебя привѣтствовать дерзалъ;
И звучнымъ строемъ пѣсней новыхъ
Будилъ молчанье скалъ суровыхъ
И слухъ ничтожныхъ устрашалъ
. . . .
Онъ загорится день. день торжества и казни.
День радостныхъ надеждъ, день горестной боязни!
Раздастся пѣснь побѣдъ, вамъ, истины жрецы,
Вамъ, други чести и свободы!
Вамъ плачъ надгробный! вамъ, отступники природы!
Вамъ, притѣснители! вамъ, низкіе льстецы!

БИБЛІОГРАФІЯ: Собраніе сочиненій Кн. Петра Андр. Вяземскаго. 1878—1896 гг. 12 томовъ. Рѣчь и некрологъ Я. К. Грота. Труды. III. 322 стр. Статьи Грота. Сухомлинова и Пономарева. Сборникъ 2-го отд. Акад. наукъ, т. XX. В. Спасовичъ. Кн. П. А Вяземскій. Его польскія отношенія и знакомства. Сочиненія, т. VIII. Спб. 1896 г. Стр. 1—51. Изъ Русск. Мысли. 1890. Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ. Изд. гр. С. Д. Шереметева подъ ред. и съ примѣч. В. И. Саитова. Спб. 1899 г. Рѣчи академиковъ на юбилеѣ кн. П. А. В. Извѣст. Акад. Наукъ по Отд. Русск. яз. и слов. 1860 г. т. IX. вып. 5. Ст. 333—345. О юбилеѣ: Современникъ. 1861 г. № 3. Замѣтки новаго поэта. Юбилей пятидесятилѣтней литературной дѣятельности кн. П. А. В. Спб. 1861 г. Заслуги кн. В—го. Отеч. Зап. 1861 г. № 6. 92—100. Изъ современныхъ записокъ (кн. П. А. В.). М. Н. Лонгиновъ. Русскій Вѣстникъ. 1861 г. № 4. XXXII. Стр. 106—145. № 6. XXXIII. Стр. 121—125. О юбилеѣ еще въ Русск. Словѣ. 1861 г. № 4. стр. 27—32. № 5. стр. 2—4. О значеніи Кн. П. А. В—го въ россійской словесности. гр. В. А. Соллогубъ. Чтенія въ Общ. Любит. Россійск. Словесности. 1867 г. Вып. I. Стр. 1—32.

§ 6. Особое мѣсто въ числѣ поэтовъ десятилѣтія, предшествующаго расцвѣту и явленію Пушкина, во всемъ величіи его генія, занимаютъ Гнѣ-

дичъ и Дельвигъ. Романтизмъ древности появился въ переводахъ Жуковскаго изъ Шиллера. Гнѣдичъ почерпнулъ его изъ самихъ твореній древности, главнымъ образомъ Гомера, котораго переводилъ. Романтическую ноту античныхъ поэтовъ замѣтилъ и Батюшковъ. Въ одномъ маленькомъ стихотвореніи онъ изображаетъ Одиссея, который томился многіе годы въ разлукѣ съ отечествомъ—каменистой Итакой. Но когда наконецъ увидѣлъ ея туманный берегъ—не узналъ милой отчизны... Чисто романтическій мотивъ!

Строго говоря, Гнѣдичъ далъ чисто романтическій переводъ Иліады Гомера. Но особенно яркій образецъ постиженія имъ этой стороны древности, о которой ложно-классики даже не подозрѣвали, представляетъ піеса: «Сѣтованіе Өетиды на гробѣ Ахиллеса» (1815 г.), развитіе соотвѣтствующаго мѣста въ Иліадѣ.

Увы мнѣ богинѣ, рожденной къ бѣдамъ!
И матери въ грусти, навѣкъ безотрадной!
Зачѣмъ не осталась, не внемля сестрамъ,
Счастливою дѣвой въ пучинѣ я хладной?
Зачѣмъ меня избралъ супругой герой?
Зачѣмъ не судила Пелею судьбина
Связать свою долю со смертной женой?..
Увы, я родила единаго сына!
При мнѣ возрасталъ онъ, любимецъ боговъ,
Какъ пышное древо, долинъ украшенье,
Очей моихъ радость, души наслажденье,
Надежда Ахеянъ, гроза ихъ враговъ!
. . . .
Отчизнѣ пожертвовавъ жизнью младой,
Что добылъ у Грековъ ихъ первый герой?
При жизни обиды, по смерти забвенье!
. . . .
Такъ, сынъ мой, оставленъ, забвенъ ты богами!
И памяти ждать ли отъ хладныхъ людей?..

Античный характеръ по самой формѣ стиха носитъ и другая элегія Гнѣдича «Задумчивость» (1809 г.)

Страшна, о задумчивость, твоя власть надъ душою,
Унынія мрачнаго блѣдная мать!
Одни ли несчастные знакомы съ тобою,
Что любишь ты кровы лишь ихъ посѣщать?
...Увы, не на радость приходишь ты къ грустнымъ,
Какъ другъ ихъ—любезная сердцу мечта:
Витаетъ она по дубравамъ безмолвнымъ,
Равно ей пустынныя милы мѣста!..
И грусть ея сладостна, и слезы пріятны,
И образъ унылый любезенъ очамъ;
Минуты бесѣдъ ея несчастнымъ отрадны,
И сердцу страдальца волшебный бальзамъ;

Но ты, о задумчивость, тяжелой рукою
Обнявши сидящаго въ грусти нѣмой,
И думы вкругъ черныя простря надъ главою,
Заводишь бесѣды съ его лишь тоской.
И смотришь, какъ грустнаго глава поникаетъ,
Какъ слезы струитъ онъ изъ томныхъ очей!
Такъ дни начинаетъ онъ на грусть пробужденный,
Свой одръ одинокій бросая съ зарей:
Ни утро веселостью, ни вечеръ красами
Въ немъ сердце не радуютъ: мертвъ онъ душой;
При дѣвахъ ласкающихъ, въ бесѣдѣ съ друзьями,
Вездѣ, о задумчивость, одинъ онъ съ тобой!

Пропитанный античной поэзіей, Гнѣдичъ невольно придавалъ своимъ элегическимъ образамъ характеръ античной выпуклости: «Въ ночь мрачную души, говоритъ онъ другу, ты покровительнымъ былъ древомъ надо мною. Гроза шумѣла вкругъ: все небо бушевало; шаталось дерево до матерого пня, но, некрушимое, съ любовью покрывало вѣтвями влажными безкровнаго меня». (Къ другу. 1819 г.)

Область вдохновеній, въ которой жилъ Гнѣдичъ, изображена имъ въ посланіи къ Батюшкову (1807 г.):

Когда придешь въ мою ты хату,
Гдѣ бѣдность въ простотѣ живетъ?
Когда поклонишься Пенату,
Который дни мои блюдетъ?
Приди, раздѣлимъ снѣдь убогу,
Сердца виномъ воспламенимъ...
...А вечеръ, скучный долготою,
Въ веселыхъ сократимъ мечтахъ...
...Узримъ средь дикой Палестины
За Божій гробъ святую рать,
Гдѣ цвѣтъ Европы, Паладины,
Летѣли въ битвахъ умирать...
Пѣвецъ ихъ, Тассъ, тебѣ любезный,
Съ кѣмъ твой давно сроднился духъ,
Сладкорѣчивый, гордый, нѣжный,
Намъ очаруетъ взоръ и слухъ.
Иль мой пѣвецъ—царь пѣснопѣній,
Неумирающій Омиръ,
Среди безчисленныхъ видѣній
Откроетъ намъ весь древній міръ.

. . . .

Иль посѣтимъ Морвенъ Фингала,
Ту Сельму, домъ его отцовъ,
Гдѣ на пирахъ сто арфъ звучало,
И пламенѣло сто дубовъ;
Но гдѣ давно лишь вѣтеръ ночи
Съ пустынной шепчется травой.

И только звѣздъ безсмертныхъ очи
Тамъ свѣтятъ съ блѣдною луной.

. . . .

Жизнь наша есть мечтанье тѣни.
Нѣтъ сущихъ благъ въ земныхъ странахъ.

Два послѣднія стиха могли бы служить эпиграфомъ ко всѣмъ элегіямъ Гнѣдича. Глубина скорби этихъ элегій поразительна. Приводимъ нѣсколько характерныхъ отрывковъ:

Отъ колыбели я остался
Въ печальномъ мірѣ сиротой:
На утрѣ дней моихъ разстался,
О мать безцѣнная, съ тобой!
И посохъ странника бросаю
Я первый разъ въ углу родномъ:
И въ первый разъ я посѣщаю
Твой тѣсный безъисходный домъ!
Какъ черный крестъ твой наклонился
Къ холму, поросшему травой!
Надгробный камень весь покрылся
Пескомъ и мшистой муравой!
Еще не разъ, душой унылый,
Одинъ, въ полуночной тиши,
Приду я у твоей могилы
Искать отрады для души...

(На гробъ матери. 1805 г.).

Я сердце чистое, какъ жертву для небесъ,
Хранилъ любви въ груди суровой:
И за годы тоски, страданья и слезъ
Я ждалъ любви, какъ жизни новой.
И что-жъ? Произнося обѣтъ ея святой,
Коварно въ грудь мнѣ ножъ вонзали

. . . .

Увы! минутный гость я на земномъ пиру,
Испивши горькую отраву,
Уже главу склонялъ ко смертному одру,
Возненавидя жизнь и славу.

. . . .

О Провидѣніе! ты, ты мой зыбкій челнъ
Спасало бурями гонимый;
Не брось еще его, средь новыхъ жизни волнъ,
До пристани—уже мнѣ зримой.

(Къ Провидѣнію. 1819 г.).

Когда изъ глубины души моей угрюмой,
Гдѣ грусть одна живетъ въ тоскѣ нѣмой,
Проступитъ мрачная на блѣдный образъ мой
И омрачитъ чело мнѣ черной думой;

На сумрачный ты видъ мой не ропщи:
Мое страданіе свое жилище знаетъ:
Оно сойдетъ опять во глубину души:
Гдѣ, нераздѣльное, безмолвно обитаетъ.

(1819 г.).

Но вся задумчивая прелесть древности воскресаетъ въ одномъ изъ первыхъ стихотвореній сотоварища Пушкина, барона Дельвига. Полное простоты и граціи оно является какъ бы просвѣтомъ въ міръ истинной поэзіи:

Сядемъ, любезный Діонъ, подъ сѣнью развѣсистой рощи,
Гдѣ прохлажденный въ тѣни, сверкая, стремится источникъ:
Тамъ позабудемъ на время заботы мірскія и Вакху
Вечера часъ посвятимъ.
Мальчикъ, наполни фіалъ фалернскимъ виномъ искрометнымъ
. . . .
Тщетно юность спѣшитъ удержать престарѣлаго Хрона,
Проситъ, молитъ его: не внимая, онъ далѣе мчится:
Маленькій только Эротъ смѣется, поетъ, и сѣдого
За руку взявши, бѣжитъ.
. . . .
Пой, въ хороводѣ дѣвицъ бѣлогрудыхъ пѣсни веселье,
Прыгай подъ звонкую флейту, сплетяся руками кружися
И твоя жизнь протечетъ, какъ быстро въ зеленой долинѣ
Скачетъ и вьется ручей...

(Къ Діону, 1814 г.).

Всею прелестью, нѣгой и очарованіемъ юности вѣетъ отъ произведеній поэтовъ десятыхъ годовъ—Жуковскаго, Батюшкова, Вяземскаго, Милонова, Гнѣдича и Дельвига. Это весна поэзіи русской и вмѣстѣ отроческая весна поэзіи Пушкина. Среди этихъ уже высокихъ маэстро словесности прошли ранніе ученическіе годы творчества великаго поэта.

Два геніальныхъ, самобытныхъ поэта — Ломоносовъ и Державинъ, добыли какъ бы руду русскаго стиха, грубо переплавили и проковали эту массу, гдѣ золотыя струи смѣшивались съ мѣдью, желѣзомъ и оловомъ.

Затѣмъ три десятилѣтія (1790—1820) Карамзинъ, Дмитріевъ, потомъ Крыловъ, Жуковскій, Батюшковъ, Вяземскій, цѣлая плеяда второстепенныхъ талантовъ [255]) и самъ Пушкинъ въ годы его ученичества очищали, перепла-

255) Яркимъ представителемъ переходной поэзіи начала вѣка является Денисъ Васильевичъ Давыдовъ (родился 16-го іюля 1784 г.; умеръ 12-го апрѣля 1839 г.). Партизанъ и гусаръ, онъ воспѣваетъ удаль, боевую доблесть, вино, любовь и такія его пѣсни, какъ «Пѣсня стараго гусара», «Посланіе Бурцову» читались всей Россіей. Искренность стиховъ Давыдова, неотдѣлимыхъ отъ его своеобразной личности—вотъ чѣмъ привлекали они. Эпикурейская философія начала вѣка у этого поэта пріобрѣтаетъ разгульный и отчасти народный колоритъ.

вляли и разрабатывали эту руду, выковали наконецъ гибкій, гармоническій стихъ. Пушкинъ затѣмъ докончилъ дѣло, влилъ въ него огонь и жизнь, геній и свободу, народность и правду, превратилъ его въ чистое золото, въ тотъ геніальный стихъ, который вдругъ сдѣлалъ ничтожными всѣ достиженія высокихъ мастеровъ-предшественниковъ Пушкина и спутниковъ его въ первые годы творчества, вдругъ какъ бы сдѣлавшій крутой поворотъ или рѣзкій разрывъ въ исторіи русской позіи, поглотившій въ себѣ все предшествовавшее, нарушившій преданіе, явившій собой что-то небывалое, непохожее ни на что прежнее,— стихъ, о которомъ восторженно говоритъ Бѣлинскій. И что же это за стихъ! Античная пластика и строгая красота сочетались въ немъ съ обаятельной игрой романтической рифмы; все акустическое богатство, вся сила русскаго языка явилась въ немъ въ удивительной полнотѣ: онъ нѣженъ, сладостенъ, мягокъ, какъ ропотъ волны, тягучъ и густъ, какъ смола, ярокъ, какъ молнія, прозраченъ и чистъ, какъ кристаллъ, душистъ и благовоненъ, какъ весна, крѣпокъ и могучъ, какъ ударъ меча въ рукѣ богатыря. Въ немъ и обольстительная невыразимая прелесть и грація, въ немъ ослѣпительный блескъ и кроткая важность, въ немъ все богатство мелодіи и гармоніи языка и риѳмы; въ немъ вся нѣга, все упоеніе творческой мечты, поэтическаго выраженія.

БИБЛІОГРАФІЯ: Соч. Д. В. Давыдова въ 3 т. 1860 г. О немъ въ Русской Старинѣ. 1885 г. XLV. 229—231. 1887 г. LV. 228—231. Д. В. Давыдовъ. Партизанъ и поэтъ. Біогр. очеркъ. В. Д. Давыдова. 1872 г. V. 624—639. Памяти Д. В. Д. Сообщ. И. Н. Божеряновъ. 1884 г. XLIII. 123—130. О немъ еще: 1884 г. XLIII. 131—148. 1871 г. IV. 420—440. 1884 г. XLIV. 143—144. 1884 г. XLIII. 566. Изъ бумагъ Давыдова. Русскій Архивъ. 1866 г. 904. Столѣтняя годовщина рожденія. Историч. Вѣстникъ. 1884 г. XVII. Сент. 706. Mémoires inédits de Denis Davydow. Londres. 1863 г. 8°. 153 и 1 стр. Письма Давыдова: Русск. Арх. 1868 г. № 6. 975. Библіогр. Записки. 1861 г. № 18, т. III. 552—555. Русск. Стар. 1870 г. № 9. т. II. 306—307. Библіогр. Зап. 1858 г. № 7, т. I. 193—198. Id. № 18, т. I. 552—553. О Гнѣдичѣ и Дельвигѣ дальше.

§ 2. Пушкинъ писалъ французскіе стихи 10—11 лѣтъ еще до поступленія въ Лицей. Русскіе стихи онъ сталъ писать въ Лицеѣ, открытомъ 19-го октября 1811 года. Изъ сохранившихся лицейскихъ стихотвореній Пушкина самыя раннія относятся къ 1812 году. Одинъ изъ товарищей поэта С. Д. Комовскій такъ изображалъ его въ минуты поэтическаго творчества: «Поэтъ нашъ, удаляясь нерѣдко въ уединенныя залы Лицея или въ тѣнистыя аллеи сада, грозно насупя брови и надувъ губы, съ искусаннымъ отъ досады перомъ во рту, какъ бы усиленно боролся иногда съ прихотливою кокеткою музою, а между тѣмъ мы всѣ видѣли и слышали потомъ, какъ всегда легкій

стихъ его вылеталъ подобно «пуху изъ устъ Эола». Въ 1814—1815 годахъ страсть къ рифмамъ вполнѣ овладѣла поэтомъ.

Увы, мнѣ—метроману!

восклицаетъ онъ въ одномъ изъ стихотвореній этого періода. Названіе «лицейскихъ стихотвореній» осталось неизмѣнно за этими юношескими опытами.

Въ оцѣнкѣ этихъ раннихъ произведеній геніальнаго юноши сходятся наши лучшіе критики. «Въ Перуджіи, школѣ младенца Рафаэля, на своемъ картинномъ языкѣ говоритъ Шевыревъ, есть знаменитый Pallazzo del cambio, и въ немъ зала, расписанная Петромъ Перуджинскимъ и его учениками. Здѣсь пеленки и колыбель живописца Рафаэля: здѣсь въ первый разъ является кисть отрока-генія, и между трудами другихъ учениковъ вы стараетесь угадать то, что принадлежитъ вдохновенному. Съ какимъ чувствомъ смотришь на первые опыты этой кисти, которая была назначена для Мадонны и Преображенія! Съ чувствомъ еще сильнѣйшимъ перечитывали мы лицейскія стихотворенія Пушкина: это его пеленки, его колыбель, гдѣ развивалось могучее младенчество поэта. Это его школа, изъ которой яснѣе намъ все первоначальное его развитіе. Къ этому присоединяются и воспоминанія о нашей собственной юности и всего поколѣнія, намъ современнаго: сколько тутъ стиховъ, которые мы помнили наизусть въ прежнее время! Всѣ мы, хотя воспитанные совершенно иначе, праздновали юность свою подъ вліяніемъ музы Пушкина... Эти стихотворенія замѣняютъ намъ записки о юности Пушкина. Здѣсь въ его пѣсняхъ и сердечныхъ дружескихъ изліяніяхъ можно видѣть, какъ буйно, шумно и весело она развивалась. Какой свободный разгулъ во всѣхъ ея успѣхахъ и шалостяхъ! Какъ все это естественно и вѣрно. Въ ней нѣтъ ни мрачнаго раздумья, ни преждевременнаго разочарованія, ничего, что могло бы рѣзко противорѣчить ея природѣ [256]).

«Лицейскія стихотворенія Пушкина, говоритъ Бѣлинскій, кромѣ того, что показываютъ, при сравненіи съ послѣдующими его стихотвореніями, какъ скоро выросъ и возмужалъ его поэтическій геній, особенно важны еще и въ томъ отношеніи, что въ нихъ видна историческая связь Пушкина съ предшествовавшими ему поэтами; изъ нихъ видно, что онъ былъ сперва счастливымъ ученикомъ Жуковскаго и Батюшкова, прежде чѣмъ явиться самостоятельнымъ мастеромъ... Лицейскія стихотворенія не богаты поэзіей, но часто удивляютъ красотой и изяществомъ стиха. Фактура этого стиха совсѣмъ не Пушкинская: она принадлежитъ Жуковскому и Батюшкову. Далеко уступая этимъ поэтамъ въ поэзіи, Пушкинъ—едва шестнадцатилѣтній юноша—

---

256) Москвитянинъ 1841 г., ч. V, стр. 253 и 254. Соч. Пушкина. Изд. Акад. Наукъ. Спб. 1899 г. Т. I. Примѣчанія Л. Н. Майкова. Стр. 11.

иногда не только не уступалъ имъ въ стихѣ, но еще едва ли не смѣлѣе и не бойчѣе владѣлъ имъ»[257]).

На могущество таланта Пушкина указываетъ раннее и обильное творчество. Лицейскія стихотворенія одни занимаютъ первый томъ академическаго изданія. Число пьесъ достигаетъ 130. Затѣмъ стихотворенія эти доказываютъ большую литературную подготовку юнаго Пушкина. Это и не удивительно. Онъ съ девятилѣтняго возраста зачитывался въ библіотекѣ своего отца французскими поэтами. Въ Лицейскій періодъ онъ лично познакомился съ извѣстнѣйшими русскими писателями: Карамзинымъ, Дмитріевымъ, Батюшковымъ, Жуковскимъ.

Анализируя лицейскія стихотворенія Пушкина, академикъ Я. К. Гротъ говоритъ: «Мы замѣчаемъ, что онъ знаетъ чрезвычайно много, и не можемъ не приписать этого частью его начитанности, частью наблюдательности, быстротѣ пониманія, да еще свойственной геніальнымъ умамъ способности угадывать то, что людямъ обыкновеннымъ дается только долговременнымъ опытомъ. Сюда относится особенно раннее знаніе человѣческаго сердца и пониманіе людскихъ страстей и отношеній. Не упоминаю о живости чувствъ, о пылкости воображенія, о юношеской игривости ума, которыя у Пушкина присоединялись къ сказаннымъ свойствамъ».

«Необыкновенное знаніе родного языка поражаетъ насъ въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ Пушкина. Правда, что онъ нашелъ русскій поэтическій языкъ уже значительно обработаннымъ въ стихахъ Жуковскаго и Батюшкова; но Пушкинъ скоро придалъ ему еще большую свободу, простоту и естественность, болѣе и болѣе сближая его съ языкомъ народнымъ».

«По настроенію поэта лицейскія стихотворенія его замѣтно распадаются на два отдѣла или двѣ эпохи; первая продолжается отъ 1812 года приблизительно до осени 1816 г., вторая — отъ этого времени до выпуска его въ іюнѣ 1817 года. Въ первой преобладаетъ веселое, эротическое направленіе, выражающееся въ игривой, легкой и граціозной формѣ; вторая, наступившая вслѣдствіе сильнаго сердечнаго увлеченія, отличается меланхолическимъ характеромъ и строгой формой большей части стихотвореній».

§ 8. «Блаженъ, кто жизнью насладился въ ея быстролетный часъ!» — восклицалъ Гнѣдичъ. То же высказываетъ, въ видѣ эпикурейской заповѣди, и лицеистъ Пушкинъ: «Мигъ блаженства вѣкъ лови...» («Блаженство» 1814 г.). Тогда же онъ обращается въ посланіи къ Батюшкову:

Философъ рѣзвый и піитъ,
Парнасскій счастливый лѣнивецъ,

[257]) Отечеств. Записки 1843 г., т. XXXI; сочиненія Бѣлинскаго, т. VIII, стр. 309 и 310.

Харитъ изнѣженный любимецъ,
Наперстникъ милыхъ Аонидъ!
Почто на арфѣ златострунной
Умолкнулъ, радости пѣвецъ?

(Къ Батюшкову. 1814 г.).

Въ такихъ же изящныхъ строфахъ говоритъ юный поэтъ объ Анакреонѣ:

Вижу: горлица на лирѣ,
Въ розахъ кубокъ и вѣнецъ...
Други, здѣсь почіетъ въ мирѣ
Сладострастія мудрецъ...
Онъ исчезъ, какъ наслажденье,
Какъ веселый сонъ любви...

(Гробъ Анакреона. 1815 г.).

Это гармоническое изображеніе безболѣзненнаго перехода отъ плѣнительнаго сна юности къ вѣчному забвенью, это смѣшеніе въ сумеркахъ заката звуковъ и красокъ, трепета и сладострастія жизни въ незамѣтномъ уничтоженіи — одна изъ прелестныхъ чертъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина: «хочу я завтра умереть, говоритъ онъ, и въ міръ волшебный наслажденья, на тихій берегъ водъ забвенья, веселой тѣнью полетѣть».

...Гдѣ вы, подруги молодыя?
Летите! Дорогъ смерти часъ!
Въ послѣдній разъ, томимый нѣжно,
Забуду вѣчность и друзей:
Въ послѣдній разъ на груди нѣжной
Упьюсь отрадой юныхъ дней...

(Мое завѣщаніе друзьямъ. 1815 г.).

Невольно просится сопоставленіе съ словами эпикурейца Люція передъ самоубійствомъ въ поэмѣ Майкова «Три смерти»:

И на колѣняхъ дѣвы милой,
Я съ напряженной жизни силой
Въ послѣдній разъ упьюсь душой
Дыханьемъ травъ и моремъ спящимъ,
И солнцемъ, въ волны заходящимъ,
И Мирры ясной красотой!..

Тотъ же образъ безпечнаго конца и побѣды беззаботной радости надъ смертью повторяется въ лицейскихъ стихотвореніяхъ и позднѣе, черезъ два года:

У пафосскія царицы
Свѣжій выпросимъ вѣнокъ,
Лишній мигъ у вѣрной лѣни,
Круговой нальемъ сосудъ,

И толпою наши тѣни
Къ тихой Летѣ убѣгутъ.
Смертный мигъ нашъ будетъ свѣтелъ,
И подруги шалуновъ
Соберутъ ихъ легкій пепелъ
Въ урны праздныя пировъ.

(И. И. Кривцову. 1817 г.).

Подобное же отношеніе у поэта и къ старости. Свѣтлый духъ безпечнаго веселья побѣждаетъ и ее:

Когда же юность легкимъ дымомъ
Умчитъ веселость юныхъ дней,
Тогда у старости отымемъ
Все, что̀ отымется у ней...

(Добрый совѣтъ. 1817 г.).

Однако, уже годомъ раньше появляется въ настроеніи юноши-Пушкина новая, болѣе глубокая и серьезная нота.

Наслѣдники Тибулла и Парни,
Вы знаете безцѣнной жизни сладость:
Какъ утра лучъ, сіяютъ ваши дни!
Пѣвцы любви, младую пойте радость!
Склонивъ уста къ пылающимъ устамъ,
Въ объятіяхъ любовницъ умирайте,
Стихи любви тихонько воздыхайте:
Завидовать уже не смѣю вамъ.
Пѣвцы любви, вы вѣдали печали:
И ваши дни по терніямъ текли,
Вы свой конецъ съ волненьемъ призывали...

(Любовь одна—веселье... 1816 г.).

«Лицейскія стихотворенія» Пушкина для удобства изученія можно раздѣлить на нѣсколько группъ:

I. Посланія: «Къ сестрѣ», «Городокъ» (1814 г.); Два посланія къ Батюшкову, (1814—1815 г.); «Пущину», «Посланіе къ Юдину», «Къ Дельвигу»; Два посланія Галичу («Пускай угрюмый рифмотворъ» и «Гдѣ ты, лѣнивецъ мой...»), «Моему Аристарху», Посланіе къ князю Горчакову («Встрѣчаюсь я съ осьмнадцатой весною...») (1815 г.): Дельвигу («Любовью, дружествомъ и лѣнью...»). В. Л. Пушкину («Скажи, парнасскій мой отецъ...») и Кривцову («Не пускай насъ, милый другъ...») (1817 г.).

II. Пьесы идейнаго содержанія: «Къ другу стихотворцу»; «Пирующіе студенты»; «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» (1814 г.); «Лицинію» и «Къ возвращенію государя изъ Парижа» (1815); къ Жуковскому («Благослови, поэтъ...») (1817 г.).

III. Эпическія пьесы: «Кольцо», «Эвлега», «Остаръ», «Казакъ», «Бова», «Наполеонъ на Эльбѣ» (1814 г.): «Мечтатель», «Сраженный рыцарь», «Наѣздники» (1816 г.) и «Торжество Вакха» (1817 г.).

IV. Пьесы въ ложно-классическомъ стилѣ: «Леда», «Венерѣ отъ Лаисы» (1814 г.): «Разсудокъ и любовь» (1815 г.): «Фавнъ и пастушка», «Амуръ и Гименей» (1816 г.).

V. Анакреонтическія пьесы: «Опытность» (1814 г.), «Роза», «Старикъ», «Гробъ Анакреона», «Мое завѣщаніе друзьямъ» (1815 г.): «Фіалъ Анакреона» (1816 г.): «Добрый совѣтъ» (1817 г.).

VI. Элегіи съ 1816-го года: «Любовь одна—веселье жизни хладной», «Окно», «Наслажденіе» («Въ неволѣ скучной увядаеть...»), «Пробужденіе» («Мечты, мечты!—Гдѣ ваша сладость?»), «Желаніе», «Уныніе» («Мой милый другъ, разстался я съ тобою...»): «Пѣвецъ» («Слыхали-ль вы за рощей гласъ ночной...»), «Осеннее утро», «Опять я вашъ, о юные друзья» и «Богами вамъ еще даны...».

Таково обиліе и разнообразіе первыхъ лѣтъ творчества Пушкина. Этихъ однихъ стихотвореній было бы достаточно, чтобы создать славу поэта и вписать его имя въ исторію русской литературы, а для великаго поэта это была лишь игра, лишь ученическія «пробы пера».

§ 9. Посланіе «къ Сестрѣ» составляетъ и по формѣ, и по содержанію подражаніе тѣмъ такъ-называемымъ «дружескимъ» посланіямъ, которыя въ то время сочинялись любимыми Пушкинымъ русскими поэтами. Въ 1811 году Батюшковъ сочинилъ подъ заглавіемъ «Мои пенаты», посланіе къ своимъ друзьямъ Жуковскому и князю Вяземскому: оно было написано трехстопнымъ ямбомъ, въ легкомъ, игривомъ тонѣ и имѣло большой успѣхъ въ пріятельскомъ кругу; въ печать оно проникло только въ 1814 году, но еще задолго до того ходило по рукамъ въ спискахъ, вызвало отвѣтныя посланія Жуковскаго и Вяземскаго и дало В. Л. Пушкину поводъ написать въ томъ же родѣ посланіе къ Д. В. Дашкову. Пушкинъ и потомъ цѣнилъ высоко посланіе Батюшкова, такъ о немъ отзываясь: «Это стихотвореніе дышетъ какимъ-то упоеніемъ роскоши, юности и наслажденья, слогъ такъ и трепещетъ, такъ и льется, гармонія очаровательна» [258]).

По тому же типу созданъ и «Городокъ».

Критика давно признала пьесу «Городокъ» за одну изъ замѣчательнѣйшихъ между стихотвореніями Пушкина. Однако, по вѣрному замѣчанію Л. Н. Майкова, прежде чѣмъ пользоваться автобіографическими показаніями «Городка», необходимо снять съ него слой вымысла и литературной подражательности. Разсматривая «Городокъ» съ этой точки зрѣнія, нельзя не за-

[258]) Майковъ. Историко-литературные очерки. Спб. 1895 г. Стр. 200. Соч. Пушк. т. I. Примѣч. стр. 23.

мѣтить, что онъ представляетъ близкое сходство съ посланіемъ «Къ сестрѣ» («Городокъ» также облеченъ въ форму посланія), но что сходство это объясняется прямою, такъ-сказать, зависимостью обѣихъ названныхъ пьесъ съ «Моими пенатами» Батюшкова. По справедливому замѣчанію Я. К. Грота, «въ посланіи Пушкина особенно любопытно описаніе его библіотеки и исчисленіе любимыхъ имъ писателей». Ранѣе Грота на эту часть посланія указывалъ Анненковъ; а еще гораздо прежде Шевыревъ говорилъ по этому поводу слѣдующее: «Пушкинъ въ стихотвореніи «Городокъ» знакомитъ насъ съ своими иноземными учителями. Тутъ видимъ мы Гомера, Виргилія, Горація, Тассо, Расина, Мольера, Руссо, Лафонтена, Парни... но надъ всѣми беретъ преимущество

Фернейскій злой крикунъ
Поэтъ въ поэтахъ первый [259]).

Большой интересъ представляютъ посланія къ Галичу и «Моему Аристарху».

Галичъ, «предобрый, но презабавный чудакъ», преподавалъ въ Лицеѣ русскую и латинскую словесность. Именно при содѣйствіи Галича, любившаго толковать о литературѣ, Пушкинъ, даже при ограниченномъ знаніи латинскаго языка, научился вѣрно понимать духъ древнихъ авторовъ. Возможно, что этотъ безпечный, но умный и живой человѣкъ являлся въ глазахъ юноши-поэта какъ бы представителемъ того эпикуреизма, который воспѣвалъ Пушкинъ въ лицейскіе годы.

«Аристархъ», съ которымъ бесѣдуетъ Пушкинъ, это — профессоръ русскаго и латинскаго языка и словесности въ лицеѣ Николай Ѳедоровичъ Кошанскій (род. въ 1781 году, ум. въ 1831 г.). Въ памяти позднѣйшихъ поколѣній сохранилось его имя главнымъ образомъ какъ составителя учебниковъ по латинскому языку, классическимъ древностямъ и словесности; учебники эти очень уважались въ свое время, и нѣкоторые изъ нихъ выдержали много изданій, пока не были замѣнены новыми, и пока не было отвергнуто самое преподаваніе риторики, впрочемъ вернувшейся въ школу подъ обликомъ пресловутой «теоріи словесности».

Въ тридцатыхъ годахъ уже много потѣшались надъ учебникомъ риторики Кошанскаго, а въ 1845 году Бѣлинскій напечаталъ разборъ шестого изданія этой книги, окончательно уронившій ея авторитетъ [260]). Кошанскій былъ хорошій классикъ, основательно знакомый съ древними языками, литературами и вообще всѣмъ тѣмъ кругомъ знаній, который въ старину разумѣлся подъ названіемъ humaniora и полагался въ основу всякаго ученія.

---

[259]) Соч. Пушкина. Акад. изд. т. I. Примѣчанія, стр. 78.

[260]) Выше мы видѣли, что книги Кошанскаго предпочтены были книгамъ Мерзлякова, какъ стоявшія на уровнѣ знанія.

Помилуй, строгій Аристархъ,
Моихъ вакхическихъ посланій...

Это обращеніе объясняется строгими классическими требованіями Кошанскаго, между тѣмъ въ посланіи «къ Аристарху», Пушкинъ провозглашаетъ своими учителями французскихъ эротическихъ поэтовъ XVII и XVIII столѣтій — Шапелля, Шолье, Лафара, Грессе, и Парни. Обиліе соблазнительныхъ картинъ въ стихахъ Парни и его «Les Galanteries de la Bible», возбуждали негодованіе девотокъ. Шапелль, Шолье и маркизъ Лафаръ считались во времена Людовика XIV-го вольнодумцами (libertins) за то, что чуждались моднаго и офиціальнаго ханжества, сочувствовали идеямъ эпикурейской философіи и вели распущенный образъ жизни. Всѣ трое были люди даровитые и вполнѣ литературные, но сами писали очень мало: за Шапеллемъ и Лафаромъ едва насчитывалось нѣсколько стихотвореній, большею частью «вакхическаго» или «вольнаго», какъ выражались въ старину, содержанія, нѣсколько обильнѣе, но въ томъ же родѣ, была литературная производительность Шолье: не смотря на свое духовное званіе, это былъ человѣкъ вполнѣ преданный веселой жизни, свѣтскимъ развлеченіямъ и волокитству.

Et si j'étais moins libertin,
Je serais plus mauvais poète — сказалъ онъ.

Въ русской литературѣ, въ концѣ прошлаго вѣка и въ началѣ нынѣшняго, имена исчисленныхъ писателей, въ особенности Шолье и Грессе, пользовались большимъ уваженіемъ: имъ подражали Нелединскій, Пушкинъ, Батюшковъ, кн. Вяземскій [201]).

§ 10. Разсмотримъ теперь нѣкоторыя изъ пьесъ сгруппированныя нами, какъ стихотворенія съ нѣкоторымъ идейнымъ и автобіографическимъ содержаніемъ.

«Къ другу стихотворцу»—первое напечатанное стихотвореніе Пушкина. Оно появилось въ свѣтъ въ субботу 4 іюля 1814 года, потому что 13-я книжка «Вѣстника Европы», въ которой оно напечатано, вышло въ свѣтъ и раздавалось подписчикамъ въ этотъ день, что видно изъ «Московскихъ Вѣдомостей» (№ 53, суббота, 4-го іюля 1814, стр. 1320, столбецъ 2-й). Измайловъ (Владиміръ Васильевичъ), издававшій въ 1814 году «Вѣстникъ Европы», получилъ это стихотвореніе еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, но не хотѣлъ его печатать, не узнавъ прежде имени сочинителя.

«Пирующіе студенты» — по внутреннему содержанію, говоритъ Л. Н. Майковъ, эта піеса является предтечей тѣхъ превосходныхъ стихотво-

---

[201]) Соч. Пушкина. Акад. изд. т. I. Примѣчанія Леонида Майкова. Стр. 194, 195, 196.

реній, въ которыхъ Пушкинъ воспѣвалъ дорогой ему лицей въ зрѣлую пору своего дарованія.

Подобно «Пирующимъ студентамъ», «Лицейскія годовщины» полны поэтическихъ характеристикъ товарищей Пушкина, но разумѣется въ «Годовщинахъ» онѣ ярче и исполнены болѣе твердой рукой»[262]).

«Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» имѣютъ совершенно особенное значеніе въ ряду лицейскихъ стихотвореній Пушкина. Написанныя въ концѣ 1814 года, по совѣту А. И. Галича (какъ заявлялъ самъ авторъ), для чтенія на публичномъ экзаменѣ, они впервые познакомили русское общество съ геніальнымъ юношей, который воспитывался въ то время въ лицеѣ. Пушкинъ, въ своихъ запискахъ, самъ разсказалъ впослѣдствіи о томъ, какое сильное впечатлѣніе произвели эти стихи на Державина, и какъ подѣйствовало на него самого, молодаго поэта, это чтеніе предъ лицомъ автора «Фелицы».

Очевидецъ чтенія И. И. Пущинъ, такъ описываетъ этотъ знаменательный лицейскій актъ: «Пушкинъ тогда читалъ свои «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ». Въ этихъ великолѣпныхъ стихахъ затронуто все живое для русскаго сердца. Читалъ Пушкинъ съ необыкновеннымъ оживленіемъ. Слушая знакомые стихи, морозъ по кожѣ пробѣгалъ у меня. Когда-же патріархъ нашихъ пѣвцовъ, въ восторгѣ, со слезами на глазахъ, бросился цѣловать поэта и осѣнилъ кудрявую его голову, мы всѣ, подъ какимъ-то невѣдомымъ вліяніемъ, благоговѣйно молчали, хотѣли сами обнять нашего пѣвца,— его ужъ не было: онъ убѣжалъ!»

Въ самый день экзамена у министра народнаго просвѣщенія графа Ал. К. Разумовскаго происходилъ большой обѣдъ, на которомъ присутствовали, въ числѣ другихъ гостей, Державинъ и отецъ лицеиста-поэта С. Л. Пушкинъ. За столомъ зашла рѣчь о молодомъ человѣкѣ, таланту котораго всѣ предсказывали необыкновенную будущность. Разумовскій, отдавая ему справедливость, сказалъ Сергѣю Львовичу: «Я бы желалъ однако образовать вашего сына въ прозѣ». «Оставьте его поэтомъ», возразилъ съ жаромъ Державинъ.

Впервые «Воспоминанія» напечатаны въ Россійскомъ музеумѣ 1815 года, ч. II, № 4, стр. 3—9, съ подписью: Александръ Пушкинъ и со слѣдующимъ примѣчаніемъ издателя: «За доставленіе сего подарка благодаримъ искренно родственниковъ молодого поэта, талантъ котораго такъ много обѣщаетъ». Это было первое стихотвореніе Пушкина, явившееся въ печати съ означеніемъ его полнаго имени и фамиліи.

«Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», — говоритъ Бѣлинскій (т. VIII, стр. 317), —написаны звучными и сильными стихами, хотя вся піеса эта—

---

262) Соч. П—на. Т. I. Ак. Изд. Примѣч. Стр. 66.

не более какъ декламація и риторика». Не видя слѣдовъ вліянія Державина и въ этомъ стихотвореніи, онъ относилъ «Воспоминанія» къ числу тѣхъ стихотвореній Пушкина, на которыхъ отразилось вліяніе Жуковскаго.

Едвали, однако, этотъ приговоръ великаго критика правиленъ. Слѣды вліянія Державина, Жуковскаго и Батюшкова равно можно открыть, при внимательномъ изученіи строя стихотворенія, наконецъ есть строфы уже чисто пушкинской силы.

Третья Ювеналова сатира дала Пушкину канву для посланія «Лицинію». Однако прямыхъ заимствованій мы не видимъ. Пушкинъ старался главнымъ образомъ усвоить себѣ негодующій тонъ римскаго поэта. Возвышенная строгость нравственныхъ воззрѣній этого стихотворенія доказываетъ, что быть можетъ подъ вліяніемъ чтенія знаменитаго творенія Montesquieu: «Considérations sur les causes la grandeur et de la décadence des Romains», у юнаго поэта сталъ слагаться идеалъ человѣка-гражданина.

Въ 1815 году, шестнадцати лѣтъ, Пушкинъ пишетъ посланіе «Къ Лицинію», искусно соблюдая тонъ Ювеналовой Сатиры, а въ 1817 г. сочиняетъ «Торжество Вакха», желая создать нѣчто въ родѣ греческаго диеирамба. Есть полное основаніе думать, что Пушкинъ читалъ сочиненіе аббата Бартелеми «Voyage du jeune Anacharsis en Grèce», изданное въ 1789 году и вскорѣ получившее значеніе прекраснаго общедоступнаго пособія для знакомства съ греческою древностью. У Овидія въ Ars Amondi или изъ сочиненій Лукіана онъ могъ почерпнуть описаніе торжественнаго шествія Вакха.

§ 11. Какъ стихотвореніе 1814 года «Казакъ» является у Пушкина первымъ опытомъ литературной обработки народной, малороссійской пѣсни, такъ «Бова» представляетъ первую попытку его воспользоваться мотивами народной повѣсти. Пушкинъ былъ знакомъ съ повѣстью о Бовѣ королевичѣ не только по лубочнымъ изданіямъ, но и по устному пересказу своей мамушки, о чемъ упоминается въ стихотвореніи 1816 года «Сонъ». На сходство Пушкинскаго «Бовы» съ Карамзинскимъ «Ильей» уже давно было указано, какъ Бѣлинскимъ, такъ и Анненковымъ.

Въ «Примѣчаніяхъ» къ первому тому академическаго изданія Л. Н. Майковъ обращаетъ вниманіе кромѣ того на то обстоятельство, что «Илья Муромецъ» не одиноко стоитъ въ литературѣ своего времени, а составляетъ лишь одно изъ звѣньевъ тогдашнихъ ея попытокъ обратиться къ народному источнику. Карамзинъ взялся за «Илью Муромца» въ 1794 году, и въ то же время пріятель и родственникъ Державина, Н. А. Львовъ, совершенно независимо отъ Карамзина задумалъ сочинить «богатырскую пѣсню» о Добрынѣ; немного позже, въ 1796—1801 годахъ, примѣру автора «Ильи Муромца», еще молодого человѣка, послѣдовалъ старикъ Херасковъ, и написалъ огромную повѣсть въ стихахъ «Бахаріана», и наконецъ возвращен-

ный изъ ссылки Ал. Н. Радищевъ принялся за поэму о Бовѣ, о томъ самомъ героѣ, котораго впослѣдствіи вздумалъ воспѣвать лицеистъ Пушкинъ; подобно послѣднему, Радищевъ, очевидно, считалъ Бову героемъ частію національнымъ.

Большая часть «Бахаріаны» Хераскова сложена пресловутымъ Карамзинскимъ «русскимъ» размѣромъ. Одними нововведеніями въ метрикѣ нельзя было удовлетворить стремленію къ народности. Явились попытки заимствованій изъ произведеній народнаго творчества. Самое названіе «Бахаріаны» Хераскова (отъ слова бахарь, баятель, сказочникъ) даетъ понять—какъ и объяснено въ заглавіи—что предъ нами «волшебная повѣсть, почерпнутая изъ русскихъ сказокъ». Однако писатели, даже стремившіеся къ народности, путались въ разныхъ условностяхъ и предразсудкахъ, господствовавшей тогда литературной теоріи; ни одинъ изъ названныхъ авторовъ не рѣшился ничего заимствовать изъ богатаго источника народныхъ сказокъ, кромѣ нѣсколькихъ именъ, и ни одинъ не сумѣлъ даже различить въ извѣстномъ сборникѣ М. Д. Чулкова (Русскія сказки. М. 1780 г.) того, что дѣйствительно принадлежитъ народному вымыслу, отъ изобрѣтеній личной фантазіи собирателя. «Бова» лицеиста Пушкина написанъ тѣмъ-же размѣромъ, что «Илья Муромецъ» Карамзина (три хорея и дактиль). По мнѣнію Бѣлинскаго, Пушкинскій «Бова» нисколько не уступаетъ «Ильѣ Муромцу» Карамзина въ достоинствѣ стиха и вымысла. Подобно «Ильѣ Муромцу» Карамзина, «Бова» не конченъ — вѣроятно по одной и той-же причинѣ: мысль обѣихъ этихъ піесъ такъ дѣтски ложна и поддѣльна, что изъ нея ничего не могло выйти цѣльнаго, и оба поэта сами соскучились ею, не доведя ея до конца.

§ 12. Намъ остается только разсмотрѣть нѣкоторыя изъ антологическихъ пьесъ и элегій. Замѣчательнѣйшимъ изъ этого рода стихотвореній является «Роза».

Стихотвореніе это, говоритъ Л. Н. Майковъ, замѣчательно, какъ по своей изящной формѣ, такъ и по тому мастерству, съ которымъ авторъ воспользовался символическими образами такъ называемаго «языка цвѣтовъ». Роза, какъ посвященная Афродитѣ, являлась у грековъ символомъ любви и плодородія въ природѣ, а лилія служила символомъ чистоты и непорочности. Символическій смыслъ сохранялся за этими цвѣтами и въ средніе вѣка — въ христіанской иконографіи и поэзіи. Пресвятая Дѣва, въ своей кроткой красотѣ, сравнивалась съ розой, а въ лиліи видѣли выраженіе небесной чистоты, и въ изображеніяхъ Благовѣщенья Архангелъ Гавріилъ является съ лиліей въ рукѣ, при чемъ (и это очень характерно) въ чашечкѣ цвѣтка не оказывалось пестика. Въ разсматриваемомъ стихотвореніи розѣ и лиліи придано символическое значеніе въ указанномъ выше античномъ смыслѣ, но противоположеніе между двумя цвѣтками проведено

такъ осторожно и тонко, безъ всякаго намѣренія вызвать нравоучительное заключеніе, что пьеса не представляетъ никакой почти искусственности и является подобіемъ наивной народной пѣсни [263]).

Л. И. Поливановъ, указавъ, что еще въ 1812 году Пушкинъ написалъ тѣмъ-же размѣромъ стихотвореніе „Измѣны", справедливо замѣчаетъ: „Въ стихотвореніи „Роза" еще болѣе выступаетъ артистическая манера отрока Пушкина, умѣвшаго и этому вихрю звуковъ порою придать гласными послѣдняго хорея оттѣнокъ той нѣги, которая подъ искусснымъ смычкомъ звучитъ въ мотивахъ вальса" [264]).

„Пробужденіе". Размѣръ тотъ же, что и въ стихотвореніи „Роза" (1815 г.), но движеніе стиха полно неподражаемой свободы и граціи. По замѣчанію Л. И. Поливанова, при чтеніи стиховъ:

Исчезнулъ онъ,
Веселый сонъ,
И одинокій,
Во тьмѣ глубокой
Я пробужденъ...
Кругомъ постели
Нѣмая ночь...

— кажется чувствуешь, какъ стучитъ сердце проснувшагося въ тревогѣ юноши".

Въ стихотвореніяхъ 1814 и 1815 гг. Пушкинъ нерѣдко говоритъ о любви, но въ выраженіяхъ, отзывающихся литературнымъ подражаніемъ; распространяясь о наслажденіяхъ и страданіяхъ, порождаемыхъ любовью, онъ лишь повторяетъ анакреонтическихъ поэтовъ, которые служили ему образцами, у него еще нѣтъ своихъ словъ для изображенія страсти, потому что онъ еще не испыталъ ея и знаетъ только ея предчувствіе [265]).

Бѣлинскій замѣтилъ по поводу элегій Пушкина, что онъ „никогда не расплывается въ грустномъ чувствѣ; оно всегда звенитъ у него, но не заглушая гармоніи другихъ звуковъ души и не допуская его до монотонности. Иногда, задумавшись, онъ какъ будто вдругъ встряхнетъ головою, какъ левъ гривою, чтобъ отогнать отъ себя облако унынія, и мирное чувство бодрости, не изглаживая совершенно грусти, даетъ ей какой-то особенный освѣжительный и укрѣпляющій душу характеръ. Такова элегія — „Желаніе":

Медлительно влекутся дни мои,
И каждый мигъ въ увядшемъ сердцѣ множитъ
Всѣ горести несчастливой любви...

---

263) Соч. Пушкина. Акад. Изд. Т. I. Примѣчанія. Стр. 112.
264) Соч. Пушкина. Изд. Поливанова. Т. I, Стр. 32.
265) Соч. Пушкина. Акад. изд. Т. I. Стр. 155.

По мнѣнію Бѣлинскаго, съ которымъ согласны позднѣйшіе коментаторы (Анненковъ, Стоюнинъ, Поливановъ), въ этой «маленькой элегіи уже виденъ будущій Пушкинъ, не ученикъ, не подражатель, а самостоятельный поэтъ». Леонидъ Майковъ этого не раздѣляетъ, указывая, что послѣдній стихъ: «Пускай умру, но пусть умру любя!» – повторяетъ стихъ Карамзина: «Люблю, люблю... умру любя!» Почтенный академикъ упустилъ изъ виду, что это «умру любя» Пушкинъ вложилъ и въ уста умирающей Земфиры въ «Цыганахъ». Такія заимствованія цѣлыхъ стиховъ изъ разныхъ поэтовъ довольно часто встрѣчаются у великаго поэта, доказывая только глубокую вѣрность словъ Бѣлинскаго: «Муза Пушкина была вскормлена и воспитана твореніями предшествовавшихъ поэтовъ. Скажемъ болѣе: она приняла ихъ въ себя, какъ свое законное достояніе, и возвратила ихъ міру въ новомъ, преображенномъ видѣ».

БИБЛІОГРАФІЯ: Я. К. Гротъ. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Труды. III. Спб. 1901 г. и отд. Библіографія сочиненій о Пушкинѣ: В. И. Межовъ. Puschkiniana. Библіографич. указатель статей о жизни, его сочиненій и вызванныхъ ими произведеній литературы и искусства. Спб. 1886 г. Сиповскій. Юбилейныя изданія Пушкина. Труды, Мин. Народ. Просв. 1901 г. В. Зелинскій. Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. М. 1887 г. дал. шесть частей. С. Либровичъ. Пушкинъ въ портретахъ. Исторія изображеній поэта въ живописи, гравюрѣ и скульптурѣ. Спб. 1890 г. Смотр. ниже.

IV.

§ 1. Драматическое творчество десятыхъ годовъ подвинулось впередъ исключительно въ области легкой комедіи. Что касается трагедіи, то послѣ Озерова уже не явилось болѣе сильнаго таланта и достигнутая имъ степень искусства въ теченіе разсматриваемаго десятилѣтія превзойдена не была. Въ репертуарѣ царило все тоже смѣшеніе стараго и новаго и всего болѣе оправдывались, сказанные Бѣлинскимъ объ этомъ времени слова: «Странное время,—время, въ которое новое являлось, не смѣняя стараго, и старое, и новое дружно жили другъ подлѣ друга, не мѣшая одно другому. Старое не сердилось на новое, потому что новое низко кланялось старому и на вѣру, по преданію, благоговѣло передъ его богами. Выдающимися драматургами десятилѣтія, кромѣ усиленно поставлявшаго пьесы начальника репертуара кн. Ал. Ал. Шаховского, были: Николай Ивановичъ Хмѣльницкій (1789—1845 гг.) и Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ (1789—1852 гг.).

Осыпаемый градомъ язвительныхъ эпиграммъ кн. Вяземскаго («Ты въ Шубахъ», Шутовской холодной, въ «Водахъ», ты Шутовской сухой...»),

князь Шаховской продолжалъ писать, ставить и не безъ успѣха 24 января 1810 г. прошла его «Девора», трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, съ хорами. 26 апрѣля шла комедія въ 1 дѣйств. «Ссора или два сосѣда», изъ истиннаго происшествія. Въ пьесѣ очерчены два комическихъ характера: Вспышкина, собачьяго охотника Сутягина и его сосѣда ябедника. Ссора между ними происходитъ изъ-за козла, котораго разорвала собака, и съѣзжаются оба противника на станціи. Тутъ выведена и жена станціоннаго смотрителя; всѣ три роли очень типичны... Пьеса имѣла полный успѣхъ»[266]). 7 ноября передѣлка съ нѣмецкаго: «Чортовъ увеселительный замокъ», «волшебное представленіе» въ 4 дѣйств. съ пѣніемъ, балетами и сраженіемъ.

Въ это-же время была напечатана въ 3-й книжкѣ «Чтеній въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова» на 1811 годъ, первая пѣснь его «ирои-комической» поэмы «Расхищенныя Шубы», встрѣчена шумными похвалами и возбудила общее любопытство во всѣхъ слояхъ петербургскаго общества. Слѣдующія пѣсни (2-я и 3-я) были напечатаны въ томъ-же журналѣ на 1812 и 1815 гг. (кн. 7-я и 19-я) и встрѣтили не менѣе радушный пріемъ въ кругу читающей публики. Также большой успѣхъ имѣла, написанная имъ около того-же времени и данная на дворцовомъ театрѣ 15 мая 1812 г., опера-водевиль «Казакъ-Стихотворецъ». Насталъ 1812 годъ. Прочитавъ знаменитый манифестъ 6 іюля, князь Шаховской бросилъ театръ и литературу и вступилъ въ тверское ополченіе. Какъ тверской помѣщикъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ, онъ былъ назначенъ командиромъ казачьяго полка, сформированнаго изъ тверскихъ ратниковъ. Сначала подъ начальствомъ Винценгероде, а потомъ—маркиза Паулуччи, Шаховской съ своимъ полкомъ участвовалъ въ преслѣдованіи французской арміи до Смоленска. По распущеніи ополченія, онъ вернулся въ Петербургъ и занялъ прежнюю свою должность при театральной дирекціи. Въ 1814 году онъ поставилъ «національную оперу»: «Крестьяне или встрѣча незванныхъ». Здѣсь онъ передалъ свои ополченскія впечатлѣнія въ раззоренной Москвѣ и въ преслѣдованіи французовъ, что конечно сказалось сравнительной жизненностью діалога и сценъ. Въ 1815 году изумительная производительность Шаховского достигла своего зенита. Послѣдовалъ цѣлый рядъ пьесъ: «Желтый Карло», «Откупщикъ Бражкинъ или продажа села», опера въ 2-хъ д., въ которой семинаристъ Указникъ поетъ пѣсню:

Я боялся зѣло,
Чтобы въ наше село,
Вражья сила,
Не вступила
И насъ въ плѣнъ не повлече.

[266]) Араповъ. Лѣтопись театра. Стр. 205.

«Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды», оригинальная комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, едва-ли не лучшее произведеніе плодовитаго драматурга; «Иванъ Сусанинъ», опера, сдѣлавшаяся одной изъ самыхъ любимыхъ публикой; «Абуфиръ» и «Карачунъ», волшебно-комическія представленія; послѣднія двѣ пьесы провалились. Вотъ начало явленія V, дѣйствія II изъ комедіи «Урокъ кокеткамъ или липецкія воды», показывающій степень легкости и разговорности, до котораго достигъ у Шаховского стихотворной языкъ:

Графиня.

Я признаюся вамъ, что Липецкъ—рай земной.
Любезность жителей и прелести природы
Мнѣ здѣсь полезнѣе. чѣмъ всѣ на свѣтѣ воды.
Нѣтъ! я вообразить безъ скуки не могу,
Что должно въ Петербургъ мнѣ будетъ возвратиться,
И важной знатности въ блистательномъ кругу
О Липецкѣ вздыхать и скукою томиться.
И что найду я тамъ?—несносный этикетъ,
Обѣды званые и праздники нарядны,
Гдѣ съ скукой пополамъ кружится въ вальсахъ свѣтъ,
И, ахъ! концерты тѣ, гдѣ голоса нескладны
И пальцы вялые хозяйскихъ дочерей
Безъ милосердія терзаютъ слухъ гостей:
Театры душные, въ которыхъ для уморы
Несчастныхъ зрителей, злодѣи—аматёры
Пищатъ, коверкаютъ французскіе стихи.
А если попадусь я за мои грѣхи
Въ собранье важныхъ дамъ, на тетушку похожихъ,
Которыя, отъ лѣтъ ударясь въ ханжество,
Въ разсказахъ не щадя ни дружбу, ни родство,
Бранятъ безъ милости проѣзжихъ и прохожихъ —
Тогда пропала я!

Въ 1818 году, тотчасъ по назначеніи князя Тюфякина директоромъ театра, Шаховской вышелъ въ отставку, не прекращая, впрочемъ, своей драматической дѣятельности. Уже 23 сентября 1818 года явились на сценѣ разомъ три новыя его пьесы: «Не любо не слушай, а лгать не мѣшай», «Лекарь-самоучка» и «Новый Бедламъ, или прогулка въ домѣ сумасшедшихъ». Относительно одной изъ нихъ Араповъ въ своей «Лѣтописи» указываетъ: «Небольшая комедія въ вольныхъ стихахъ кн. Шаховского: «Не любо— не слушай, а врать не мѣшай»—первая комедія, написанная такого рода стихами». Это весьма важное замѣчаніе. Еще Княжнинъ однако въ трагедіи «Титово Милосердіе» употреблъ такъ называемые «вольные стихи»—неравностопные ямбы. Затѣмъ они примѣнялись въ басняхъ и поэмахъ: «Душенька» Богдановича, «Ослѣпленный Амуръ» Панкратія Сумарокова, въ такъ называемыхъ сказкахъ Дмитріева, Измайлова, Вас. Льв. Пуш-

кина и въ поэмѣ Батюшкова: «Странствователь и домосѣдъ». Высокаго совершенства достигъ этотъ стихъ въ басняхъ Крылова. Отдѣльные стихи сдѣлались пословицами. Въ нихъ же находимъ блестящіе образчики діалога, чисто русской, народной, характерной рѣчью. По французской традиціи комедіи писались такъ называемымъ «александрійскимъ» шестистопнымъ съ цезурой посрединѣ стихомъ, какъ и трагедіи, и посланія, и эпопеи. Въ комедіяхъ Хмѣльницкаго стихъ этотъ доведенъ до высшаго совершенства, легкости и разговорности. И тѣмъ не менѣе чувствуются его оковы. Оставалось только нарушить его равностопность, превратить въ стихъ басенъ и это сдѣлалъ впервые, какъ видимъ, кн. Шаховской. Большая заслуга предъ русской драмой и доказательство живости ума Шаховского и его драматическаго чутья. Л. Н. Майковъ указываетъ, что до «Горе отъ Ума» Грибоѣдова, только сказка Батюшкова «Странствователь и домосѣдъ», вмѣстѣ съ баснями Крылова, можетъ быть приведена въ образецъ простой поэтической рѣчи. Для выясненія постепеннаго развитія русской литературы и преемства въ ней, необходимо имѣть въ виду, что приступая къ созданію своей геніальной комедіи, Грибоѣдовъ однако имѣлъ въ виду готовый, доведенный до совершенства, проникнутый народностью «вольный стихъ» въ басняхъ и сказкахъ предшествовавшихъ мастеровъ, а во 2-хъ и примѣръ примѣненія этого стиха въ комедіи кн. Шаховскимъ.

Въ 1819 году кн. Шаховскимъ написаны четыре пьесы: «Сущій бѣсъ», «Пурсоньякъ», «Два учителя» и «Пустодомы». Первыя двѣ провалились: остальныя-же имѣли большой успѣхъ, особенно послѣдняя, причисляемая къ лучшимъ комедіямъ Шаховского.

§ 2. Хмѣльницкій началъ свое поприще драматурга съ блистательнымъ успѣхомъ комедіей въ 1 дѣйствіи «Говорунъ» въ 1817 году. За ней, три мѣсяца спустя, послѣдовала другая комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ «Шалости влюбленныхъ», въ 1818 г.—комедія «Воздушные за́мки» и въ 1819 году: «Нерѣшительный» и «Бабушкины попугаи». Всѣ пьесы имѣли громадный успѣхъ. Пьесы Хмѣльницкаго, за исключеніемъ очень немногихъ—переводы и передѣлки съ французскаго и все ихъ значеніе для исторіи русской драмы въ разработкѣ разговорной рѣчи, діалога, хотя и строго заключеннаго въ александрійскій размѣръ, но уже достигшаго удивительной непринужденности; тонкость, граціозность и поэтическая прелесть обрисовки характеровъ дѣлаетъ пьесы Хмѣльницкаго замѣчательнымъ, хотя и переходнымъ, явленіемъ русской словесности. Какъ классикъ, онъ долженъ изучаться съ любовью, тѣмъ болѣе, что его языкъ, стихъ поражаютъ благозвучностью и легкостью. Хмѣльницкій еще и потому достоинъ изученія, что являясь на сценѣ непосредственнымъ предшественникомъ Грибоѣдова, характеризуетъ вкусъ эпохи. Характеры Хмѣльницкаго конечно лишены на-

родности; это общечеловѣческіе типы, надѣленные лишь общими свойствами и страстями, тѣмъ не менѣе артисту предоставлено широкое поприще для творчества. «Воздушные за́мки» и въ наши дни смотрятся съ удовольствіемъ на театрѣ. Комедіи Хмѣльницкаго — искусство для искусства въ полномъ смыслѣ слова, и тѣмъ дороже онѣ, какъ превосходныя созданія старины. Приведемъ небольшіе отрывки изъ комедіи «Говорунъ»:

ЯВЛЕНІЕ I.

Лиза.

Признаться, этотъ Графъ не важная находка:
Языкъ же у него, ну, сущая трещетка:
(Стучитъ, кричитъ, гремитъ, такой подыметъ звонъ,
Что право хоть кого бѣжать заставитъ вонъ!..[267])

ЯВЛЕНІЕ III.

Графъ.

Съ развѣтомъ поскакалъ къ обѣднѣ я къ Николѣ.
Обѣдня кончилась, поѣхалъ я въ Сенатъ,
Оттуда во дворецъ, оттуда въ Лѣтній садъ,
Изъ сада къ Знаменью, отъ Знаменья въ Морскую,
Съ Морской въ Фурштатскую, съ Фурштатской на Сѣнную,
Съ Сѣнной въ Литейную, съ Литейной на Пески,
Съ Песковъ въ Садовую—какіе все скачки!
Съ Садовой къ Гавани, изъ Гавани къ Почтамской,
Съ Почтамской къ Невскому, изъ Невскаго къ Казанской:
Оттуда поскакалъ объѣхать острова,—
Отъ мысли ужъ одной кружится голова!
Я мигомъ облетѣлъ: Васильевскій, Петровскій,
Елагинъ, Каменный, Аптекарскій, Крестовскій,
Съ Крестовскаго...

Лиза (перебивая).

И я сегодня, точно-жъ такъ,
Бросалась безъ ума разъ двадцать на чердакъ,
Оттуда въ лавочку, изъ лавочки въ людскую,
Оттуда въ погреба, оттуда въ кладовую,
Лишь съ лѣстницы сбѣгу, на лѣстницу опять;
Кричатъ: бѣги, подай—умѣй лишь успѣвать;
И мой, и шей, и гладь, чтобъ мигомъ все поспѣло.
Но, къ счастью, наконецъ испроворила я дѣло,
Пока у барыни одинъ изъ жениховъ,
Извѣстный очень Графъ и страшный краснословъ,
Болталъ, болталъ, болталъ, весь домъ привелъ въ тревогу.

[267]) Театръ Николая Хмѣльницкаго. Спб. 1829 г. Ч. I. Стр. 3.

Явленіе IX, гдѣ графъ переговариваетъ г-жъ Споркину, Вздоркину, Громову, Свахину, Вѣстину и Чванову полна искрящагося комизма.

Гораздо значительнѣе комедія «Нерѣшительный». Въ типахъ Сборскаго и «нерѣшительнаго» можно видѣть прообразъ Кочкарева и Подколесина. Слуга—Романъ такъ характеризуетъ своего нерѣшительнаго барина:

Ахъ! если-бъ моего вы знали господина.
Не удивили-бъ васъ такія чудеса.
Прекрасный нравъ! Божусь, что много въ полчаса
Онъ камердинеру всѣ ноги отколотитъ:
Разъ двадцать васъ пошлетъ и сорокъ поворотитъ.
За все хватается, чтобъ кончить и начать;
То ѣдетъ, то идетъ, и словомъ вамъ сказать:
Такъ нерѣшителенъ, что истинно, нѣтъ средства.

Великолѣпно восклицаніе г-жи Вертеръ, содержательницы гостинницы:

Какъ трудно женщинѣ трактиромъ управлять!

Загоскинъ выступилъ въ 1815 году съ одноактной комедіей «Проказникъ». Пьеса имѣла успѣхъ. Въ томъ же году написана была имъ оригинальная комедія въ 3-хъ актахъ: «Комедія противъ комедіи или урокъ волокитамъ». Она создала имя Загоскину. Въ 1817 г. были поставлены четыре пьесы его. Двѣ комедіи: «Багатоновъ или провинціалъ въ столицѣ» и «Вечеринка ученыхъ», гдѣ изображается литературный вечеръ (они тогда были въ большой модѣ), на которомъ между прочимъ поэтъ Дребеденевъ читаетъ «Гимнъ Полигимніи»; двѣ «интермедіи» — «Макарьевская ярмарка» и «Лебедянская ярмарка». Особо шумный успѣхъ имѣла «Вечеринка ученыхъ». Наконецъ, 28-го іюля 1819 года, въ бенефисъ Сосницкихъ, была дана на сценѣ петербургскаго театра его новая пьеса: «Романъ на большой дорогѣ». Комедіи Загоскина писаны прозою и создали ему славу лучшаго драматическаго писателя того времени. «Зрители задыхались отъ смѣха, разсказываетъ современникъ, хохотъ мѣшалъ хлопать».

§ 3. Мы уже сказали, что репертуаръ десятыхъ годовъ отличается, какъ и репертуаръ начала вѣка, крайней пестротой. Однако новыя теченія въ немъ берутъ верхъ и тенденціи ложноклассической драматургіи постепенно ослабѣваютъ. Еще въ 1810 году 16-го сентября идетъ «Андромаха», трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, переводъ гр. Дмит. Иван. Хвостова, знаменитаго члена «Бесѣды» и рифмоплета. А 7 февраля того же года шла въ переводѣ А. Н. Шеллера трагедія «Марія Стуартъ, королева Шотландская», 28 ноября: «Гамлетъ», трагедія въ 5-ти дѣйств. въ стихахъ, подражаніе Шекспиру, Ст. Ив. Висковатова, при чемъ Гамлета игралъ Яковлевъ, а Офелію — Семенова. Въ 1811 году молодой поэтъ и воинъ Павелъ Алек-

сандровичъ Катенинъ, знатокъ иностранной литературы, служившій въ Преображенскомъ полку (въ этомъ полку было тогда много поэтовъ, литераторовъ и превосходныхъ чтецовъ), перевелъ для бенефиса Кат. Сем. Семеновой трагедію Расина «Аріадна» въ 5-ти дѣйств.»[268]); въ томъ же году 17 апрѣля шла трагедія «Изяславъ и Владиміръ» въ 5 дѣйст., въ стихахъ Валеріана Ник. Олина; комедія въ 1 дѣйст. Е. Ив. Титовой: «Крестьянскій театръ»; Октября 30 было новое торжество Семеновой (Кат. Сем.): представляли трагедію Меропа, переложенную стихами Серг. Никиф. Маринымъ, весьма даровитымъ поэтомъ (преображенцемъ, товарищемъ Катенина). Маринъ былъ поэтъ съ большимъ дарованіемъ, переводилъ трагедіи, удачно сочинялъ русскія пѣсни. Ему принадлежатъ: «Чѣмъ тебя я огорчила», «Пожалуйте, сударыня» и проч.

Въ 1812 г. 30 авг. шла драма въ 3 д. «Всеобщее ополченіе», при чемъ роль Усердова игралъ 75-лѣтній актеръ Ив. Аф. Дмитревскій, возбужденный патріотическимъ подъемомъ минуты. Затѣмъ играются трагедіи Грузинцева: «Эдипъ Царь» (1811 г.), «Ираклиды» (1814 г.), «Покоренная Казань или милосердіе Іоанна Васильевича» (1813 г.), всѣ конечно въ александрійскихъ стихахъ. Въ 1813 г. играли драму Свѣчинскаго «Освобожденіе Смоленска» и комедію Ѳедорова «Прасковья Борисовна Правдухина». Ѳедоровъ поставилъ интермедію-водевиль: «Деревня при Волгѣ или неожиданный праздникъ» (1817 г.) и «Чудная встрѣча или суматоха въ маскарадѣ», оригинальную комедію въ 5 д. въ стихахъ, съ пѣніемъ, интермедіями, танцами и плясками (1818 г.). Въ 1814 г. идутъ «Разбойники» Шиллера, пер. Ник. Ник. Сандунова. Яковлевъ игралъ Карла; затѣмъ опера: «Швейцарское семейство или тоска по родинѣ», переводъ съ нѣмецкаго Ник. Ив. Греча. Въ 1816 г. поставлена «Фигарова Женитьба», комедія Бомарше въ переводѣ Левшина. Въ 1817 г. оригинальный водевиль съ хорами и танцами «Удача отъ неудачи или приключеніе въ жидовской корчмѣ»; затѣмъ трагедія въ 5 дѣйств., въ стихахъ, «Владиміръ Мономахъ» Ст. Ив. Висковатова, и «Ромео и Юлія», опера въ 3 д., перев. съ французскаго А. Гав. Волковымъ. Шекспиръ, Шиллеръ, Бомарше перемѣшаны съ Расиномъ и доморощенными патріотическими и классическими трагедіями, сталкиваясь съ волшебными, романтическими операми и оригинальными русскими комедіями, въ которыхъ проза и «вольный» неравносложный ямбъ идутъ рядомъ съ александрійскими двустишіями, простонародная рѣчь, наблюденія изъ жизни, типы, взятые съ натуры, проблески реализма объ руку съ шаблономъ ложно-классической комедіи. Въ эту эпоху у князя Шаховского съѣзжались постоянно по вечерамъ драматическіе писатели: Грибоѣдовъ, его другъ Д. И. Бѣгичевъ, жившій съ нимъ, А. А. Жандръ, Хмѣльницкій, Лобановъ, Кокошкинъ, Я. Н. Толстой, Кате-

---

[268]) Араповъ. Стр. 209.

нинъ, А. С. Пушкинъ. Алекс. Бестужевъ. Всеволожскій и нѣсколько перво-классныхъ артистовъ. Грибоѣдовъ, изъ университета попавшій въ ополченіе и тамъ познакомившійся съ Шаховскимъ, еще двадцатилѣтній юноша, выступалъ тогда съ первыми слабыми опытами, совершенно не предсказывавшими еще въ немъ геніальнаго драматурга.

29 сент. 1815 г. была представлена комедія «Молодые супруги» (Le secret du ménage), въ 1 д., въ стихахъ; это былъ первый опытъ Алекс. Серг. Грибоѣдова для сцены. Грибоѣдовъ перевелъ ее по совѣту Шаховского.

Въ 1818 г. Шаховской задумалъ новую пьесу. Онъ сообщилъ свой сюжетъ Грибоѣдову и Хмѣльницкому, и они согласились написать каждый по сценѣ для предположенной комедіи. Это была «Своя семья или замужняя невѣста» въ 3 д., въ стихахъ.

«Въ послѣдніе дни 1818 года репертуаръ представляемыхъ піесъ былъ очень разнообразенъ... Волшебная флейта, Весталка, Ромео и Юлія, Сандрильона, Швейцарское Семейство, Водовозъ, Іосифъ, Иванъ Сусанинъ, всѣ эти любимыя оперы повторялись часто и съ ними много другихъ оперетъ. Серьезная высокая комедія нравилась публикѣ и она признавалась необходимостью для сформированія талантовъ; хореографическое искусство обращало на себя всеобщее вниманіе и балетъ въ Петербургѣ доведенъ былъ до совершенства... Дидло неистощимъ былъ въ своемъ воображеніи».

1819 г. 9 іюля, въ бенефисъ драматическаго режиссера Каратыгина шла: «Убійца и Сирота», мелодрама въ 3-хъ д. перев. съ нѣм. Зотова. Это была одна изъ первыхъ мелодрамъ, появившихся на русскомъ театрѣ. Здѣсь обозначился рѣзко періодъ романтической драмы; классицизмъ началъ выходить изъ употребленія и оставался только въ тѣхъ трагедіяхъ, которыя держались... Семеновой... Самъ... кн. Шаховской перешелъ на сторону романтической драмы и выдерживалъ за нее безпрестанныя нападенія классиковъ, и болѣе всего отъ волновавшагося гнѣвомъ въ спорахъ Павл. Ал. Катенина»[269]).

БИБЛІОГРАФІЯ: Кн. А. А. Шаховской. (1777—1846 г.) Біографія въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Одинъ изъ забытыхъ писателей. (Съ портр.) Е. М. Гаршина. 1883 г. Іюль. 136. О заслугахъ гн. Шаховского въ драмат. словесности. С. Т. Аксаковъ. Соч. т. IV. Тамъ-же въ театральныхъ воспоминаніяхъ. Изъ бумагъ кн. Одоевскаго. Русскій Архивъ. №№ 7 и 8, 1864 г. Воспоминанія о Ш—омъ. Кононова. Библіограф. Записки. 1859 г. № 20. Въ воспоминаніяхъ Вигеля, Жихарева, М. Дмитріева, Ив. Панаева. Ник. Ив. Хмѣльницкій. (1789—1846 г.) Театръ Николая Хмѣльницкаго 2 ч. Спб. 1829—1830 г.г. Изд. Смирдина 3 тома Спб. 1849 г.: съ біограф. С. Дурова. Біографія Н. А. Добротворскаго. Историч. Вѣстникъ. 1889 г. XXXVIII. Дек. 559. Съ портретомъ. Портретная галлерея русскихъ дѣя-

[269]) Араповъ. 273, 278.

телей. Изд. А. Мюнстеромъ. Т. 2-й. Спб. 1869 г. Еще въ Библіограф. запискахъ 1856 г. № 10. Н. И. Хмѣльницкій, какъ человѣкъ и чиновникъ. В. Савиновъ. Семейный кругъ. 1859 г. № 7. стр. 206—228. Тоже: Смоленскія губ. вѣд. 1866 г. № 38 и 39. Мих. Ник. Загоскинъ. (1789—1852 г.) См. біографію при первомъ томѣ «Полнаго собр. соч.» Спб. 1898 г. Въ соч. С. Н. Аксакова. Т. III-й, Стр. 252—318. О немъ біографическія данныя см. ниже. Өед. Өед. Кокошкинъ. (1777 — 1838). Мизантропъ комед. въ 5 д., въ стихахъ. Мольера. Перевелъ Ө. Кокошкинъ. М. 1816 г. Альцестъ, Селимена, Филинтъ, Оронтъ здѣсь «славянизированы» подъ именами—Крутона, Людмила, Прелестиной. О Кокошкинѣ см. въ соч. Батюшкова. I. Примѣч. см. 390—392. см. еще въ театральныхъ воспом. С. Т. Аксаковъ Соч. т. IV. «Мелочи». М. Дмитріева. Пав. Алекс. Катенинъ. (1792—1853 г. г.) «Сочиненія и переводы въ стихахъ П. Катенина». 2 части. Спб. 1832 г. Біографическій очеркъ. Е. Пѣтуховъ. Историч. Вѣстникъ. 1888 г. Сентябрь. Письма Катенина къ А. М. Колосовой, въ Русской Старинѣ. 1893 г. № 3 и 4. О злосчастной судьбѣ Катенина, по высылкѣ его въ деревню см. Н. П. Макаровъ. Мои семидесятилѣтнія воспоминанія. Томъ первый. Стр. 26—28. Спб. 1882 г. Некрологъ. Отчеты И. Акад. Наукъ по отд. русск. языка за 1852—1865 г.г. стр. 59—62. Воспоминанія Вигеля.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Двадцатые годы.

(1820—1830).

I. Очеркъ исторіи европейскаго классицизма и романтизма.—Декартъ и Буало.—Burlesque и grotesque.—Истина и красота.—Критеріумъ истиннаго — ясность (la clarté).—Nature pittoresque.—«Великая перемѣна вкуса».—Въ Германіи.-Sturm und drang.— Нео-классицизмъ.— Вольфъ и В. Ф. Гумбольдъ.— Гольдерлинъ. — Рыцарскіе и разбойничьи романы. — Гердеръ и Шлегель.— «Голубой цвѣтокъ» Наваллиса.—Идеи Шеллинга.—Во Франціи.—M-me de Staël «De l'Allemagne.— Шатобріанъ.—Ламартинъ.— Викторъ Гюго.—Въ Англіи.—«Озерная» школа. — Водсвортъ, Кольриджъ, Соути. — Муръ. — Вальтеръ Скоттъ.— Лордъ Байронъ. — Леопарди и итальянскій романтизмъ. — При какихъ внѣшнихъ условіяхъ развивался русскій романтизмъ въ 20-хъ годахъ? — II. Филологическое опроверженіе догмата Шишкова.—«Разсужденіе о славянскомъ языкѣ» Востокова. — Эпоха «совершеннаго переворота въ русской литературѣ». — Борьба романтизма съ классицизмомъ.— Старыя литературныя гостиныя.—«Статейки» и «стишки».— Первые Шеллингіанцы.— Велланскій и Павловъ.—Кружокъ московскихъ любомудровъ.— «Мнемозина» Кюхельбекера и кн. Одоевскаго. — «Старики или островъ Панхаи». — «Афоризмы изъ различныхъ писателей, по части современнаго германскаго любомудрія».—Идея совершеннаго единства въ Абсолютѣ. — «Птичій языкъ» первыхъ любомудровъ. — «О направленіи поэзіи» Кюхельбекера. — Полемика журналовъ съ «Мнемозиной».—Дмитрій Владиміровичъ Веневитиновъ.—Его ранняя кончина.—«Письмо къ графинѣ N. N.».—Идея самопознанія.—Діалогъ «Платонъ».—«Нѣсколько мыслей въ планъ журнала».—Плеяда альманаховъ.—«Полярная звѣзда» Рылѣева и Бестужева (Марлинскаго).—Обозрѣнія словесности въ «Полярной звѣздѣ».—Ихъ узость.—Николай Алексѣевичъ Полевой—критикъ двадцатыхъ годовъ.—Борьба за романтизмъ.—«Московскій Телеграфъ». Участіе въ журналѣ кн. Вяземскаго.—«Опытъ науки изящнаго» Галича.—Идеалъ всесовершенства.—Космополиты изящнаго міра.—Мысль о синтезѣ классицизма и романтизма.—Отношеніе «Московскаго Телеграфа» къ Байрону.—Переводъ «Замѣчаній о хорошихъ и дурныхъ нововведеніяхъ въ драматической поэзіи»

Лемерсье. — Отношеніе «Московскаго Телеграфа» къ Мицкевичу и польской литературѣ.—Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ.—«Сѣверный Архивъ».—«Литературные Листки». — «Сѣверная Пчела». — Союзъ Булгарина съ Гречемъ. — Ополченіе журналовъ на «Московскій Телеграфъ». — Молчаніе Полевого. — Отвѣтъ на всѣ критики и антикритики.—Редакторъ «Вѣстника Европы» Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій. — Литературное старовѣрство «Вѣстника Европы».—Николай Ивановичъ Надеждинъ.—«Литературныя опасенія»—первая критическая статья студента Никодима Надоумко. — Обличеніе Каченовскаго.—Доносъ его на Полевого.—«Московскій Вѣстникъ» Погодина и Шевырева.—Литературное оживленіе двадцатыхъ годовъ.—III. Романы Нарѣжнаго.—Злосчастная судьба романиста. — Отзывы о немъ современниковъ. — «Аристіонъ».—«Два Ивана или страсть къ тяжбамъ». — «Черный годъ». — «Новыя повѣсти».—«Богатый бѣднякъ» и «Запорожецъ».—«Заморскій принцъ». — Несправедливость обвиненія Нарѣжнаго въ «грубости», «сальности» и т. д.— Нарѣжный, какъ предшественникъ Гоголя. — Малороссія въ его романахъ.— «Бурсакъ».—Первыя повѣсти Бестужева-Марлинскаго.—«Вечеръ на бивуакѣ».— «Романъ въ семи письмахъ».—«Военныя шутки» и «Нравы» Булгарина.— Восточныя повѣсти Сеньковскаго.—«Иванъ Выжигинъ», «нравственно-сатирическій» романъ Булгарина.—Большой успѣхъ романа.—Оцѣнка Николая Полевого.—«Юрій Милославскій» Загоскина. — Народническія повѣсти Николая Полевого.—«Симеонъ Кирдяпа».—«Мѣшокъ съ золотомъ».—Попытка Полевого низвергнуть авторитетъ Карамзина.—Собственная «Исторія Русскаго Народа.»— Первое появленіе Гоголя въ литературѣ.—IV. Отношеніе «Московскаго Телеграфа» къ Пушкину.—Расцвѣтъ поэзіи Пушкина.—«Русланъ и Людмила».— Переворотъ въ литературѣ, совершенный этой поэмой. — «Кавказскій Плѣнникъ». — «Бахчисарайскій Фонтанъ». — «Цыганы». — «Братья разбойники».— «Графъ Нулинъ».—«Евгеній Онѣгинъ».—Лирика Пушкина.—Творчество Жуковскаго.—«Алла Рукъ».—«Шильонскій узникъ».—«Замокъ Смольгольмъ».— «Таинственный посѣтитель».—«Поликратовъ перстень».—«Жалоба Цереры».— «Ленора». — «Судъ Божій». — Идиллія Гнѣдича «Рыбаки». — «Новогреческія пѣсни». — Переводъ «Иліады» Гомера.— Борьба за гекзаметръ. — Достоинства и особенности перевода Гнѣдича. — «Византизмъ» перевода. — Богатство глагольныхъ формъ. — Элегическія и романтическія мѣста. — Эротическія описанія.—Картины природы. — Апофегмы. — «Пушкинская плеяда» поэтовъ. — Они разнесли благозвучіе по русской землѣ. — Николай Михайловичъ Языковъ.— Его элегіи и посланія.—Поэзія Дельвига.—Античныя идилліи и антологія въ древнемъ вкусѣ. — Пѣсня въ народномъ вкусѣ. — Сонетъ и романсъ. — Обиліе метровъ у Дельвига.—Евгеній Абрамовичъ Баратынскій.—«Эда».—Пессимизмъ Баратынскаго.—Поэзія мысли и метафизика рифмъ.—Иванъ Ивановичъ Козловъ.— «Чернецъ».—Стихотворенія Веневитинова.—Кондратій Ѳеодоровичъ Рылѣевъ.—Гражданская поэзія. — Александръ Ивановичъ Подолинскій. — «Дивъ и Пери».— «Борскій». — V. Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ. — «Горе отъ ума».—Отзывы «Московскаго Телеграфа».—Оцѣнка комедіи самимъ поэтомъ.— Картина общества.—Характеры—портреты.—Гончаровъ о комедіи.—Чацкій.— Переводъ «Орлеанской дѣвы» Жуковскаго.— Борьба за «бѣлый» стихъ. — Попытка передать «триметръ» Шиллера.

I.

§ 1. «Во вкусѣ часъ насталъ великихъ перемѣнъ», провозглашаетъ членъ Арзамаса Василій Львовичъ Пушкинъ. Эта великая перемѣна у насъ была отраженіемъ литературной революціи на западѣ и развивалась параллельно, хотя и съ значительнымъ опозданіемъ. 20-е годы — эпоха борьбы романтиковъ съ классиками совпадаетъ съ бурной войной двухъ школъ во Франціи.

Два великихъ, предшествовавшихъ XIX-му, вѣка и въ особенности первый изъ нихъ (XVII-й), имѣли болѣе чѣмъ мы довѣрія къ существованію универсальной основы міра (fond universel). Тогда субстраты интересовали болѣе, чѣмъ феномены. Умы XVII-го ст. главнымъ образомъ поражало сходство, индивидуальныя же особенности отбрасывались. Элементъ всеобщаго отыскивали во всемъ. Универсальная истина, универсальный вкусъ, универсальное благо, какъ позднѣе всемірная республика, при чемъ по выраженію Герцена «формы, выдуманныя въ Парижѣ, французы добросовѣстно считаютъ равно годными для Отаити и для Исландіи», вотъ господствующая тенденція вѣка Декарта и Буало. Форма, въ которой отливался французскій умъ въ XVII столѣтіи, была преимущественно классическая.

Послѣ средневѣковаго аскетизма, послѣ изсушавшей умы и сердца схоластики, западное человѣчество очутилось передъ отягощеннымъ яствами пиршественнымъ столомъ Возрожденія. Возрожденіе освободило духъ отъ мертвыхъ схоластическихъ формъ, и жизнь разлилась бушующимъ моремъ. Искусство, наука, философскія системы древнихъ, кабалистика и магія, мистицизмъ и демоническое стремленіе стать выше добра и зла (въ лицѣ хотя бы «божественнаго» Аретина), все способствовало вѣку, предшествовавшему Декарту.

Старое вино античнаго искусства и философіи, слишкомъ крѣпкое для мозга молодыхъ народовъ, опьянило и вскружило умы. Отсюда смута и безпорядочность, отсюда тотъ ненавистный Буало родъ литературы, со странными формами, скачками изъ одной области въ другую, какъ бы энциклопедическими инвентарями знаній, цитатъ, терминовъ, рецептовъ, полный юныхъ порывовъ, геніальныхъ догадокъ, злого сарказма, образовъ чудовищныхъ, тотъ родъ, который является смѣшеніемъ всѣхъ литературныхъ родовъ—burlesque или grotesque, геніальнымъ созданіемъ котораго была эпопея Раблэ «Гаргантюа и Пантагрюэль», и который пытались возстановить романтики XIX-го вѣка.

Декартъ въ своемъ трактатѣ «о методѣ» призвалъ къ порядку европейскую мысль. За нимъ выступилъ Буало и далъ Европѣ «уложеніе вкуса». Декартъ вѣрилъ въ существованіе безличнаго разума, возникшаго вмѣстѣ

съ человѣчествомъ, современнаго ему, подобнаго геометрическимъ фигурамъ или замкнутымъ сферамъ планетной системы, формы котораго, если только онѣ истинны, обладаютъ всеобщностью и необходимостью. Точно такъ же для Буало вѣченъ объектъ искусства—прекрасное, такъ какъ оно и тождественно къ тому же съ основой картезіанской метафизики, являясь только формой истины (une forme du vrai). Роль отдѣльнаго разума сводилась къ исканію всеобщихъ, вѣчныхъ формъ истины и красоты. Но разъ эти формы были найдены и признаны совершенными литературной конституціей парижскаго критическаго трибунала, оставалось только подражать, писать по образцамъ. Результатомъ было то, что литературныя формы превратились въ шаблоны, по которымъ два вѣка писали во Франціи и Германіи, въ Англіи, Польшѣ и у насъ въ Россіи.

Что такое это уложеніе «всемірной литературной республики» XVII столѣтія, «L'art poétique»—Буало? Это правила картезіанскаго метода, приложенныя къ литературѣ и втиснутыя въ ловкіе стихи. «L'art le plus perfait est donc celui, qui ce met le plus au service de la raison et de la verité» (т. е. совершеннѣйшее искусство то, которое всего себя отдаетъ на служеніе разуму и истинѣ). Свободное, живое творчество, такимъ образомъ, ограничено было одной разсудочной дѣятельностью. Живая красота замѣнилась «однообразною красивостью». Отожествляя истину и красоту въ знаменитой формулѣ: Rien n'est beau que le vrai (только истинное прекрасно), Буало трактуетъ искусство, какъ науку. Качества, которыхъ онъ требуетъ отъ поэта, тѣ же, что и качества хорошаго ученаго: хладнокровіе, терпѣніе, точность, ясность, простота, bon sens. Что такое истина по Декарту? Какія ея свойства? Истина возникаетъ только въ разумѣ. Она достойна этого наименованія лишь въ томъ только случаѣ, если она универсальна, а признакъ, по которому ее можно узнать, тотъ, что она ясна равно для всѣхъ умовъ, и независима отъ условій времени и мѣста. Но красота тождественна съ истиной, отсюда разсудочное универсальное искусство со строгимъ раздѣленіемъ родовъ, съ кристаллически чистыми формами. Разъ созданы были совершенныя формы искусства, онѣ стали общимъ достояніемъ, объединяя всѣ умы, нивеллируя всѣ литературы, истребляя все оригинальное, самобытное, индивидуальное, мистическое, національное, народное. Все стало до того ясно, что выступило наружу дно; до того просто и понятно всякому, что стало плоско; до того совершенно въ своей законченности, что оставалось только заучивать образцы и потомъ смѣло писать эпопеи, трагедіи, сонеты, кантаты такъ, какъ по парижскимъ моделямъ шьютъ во всѣхъ концахъ цивилизованнаго міра портные все одни и тѣ же наряды. Разъ были даны совершенные (parfaitement) образцы во всѣхъ родахъ, оставалось только переводить на всѣ языки, чѣмъ и занимались въ Германіи—Готтшедъ, въ Россіи—Херасковъ и т. д., всюду десятки и сотни поэтовъ и драматурговъ. Передъ нами уже не сво-

бодное искусство, но наука. Поэты, какъ геометры, рѣшаютъ одинаковымъ методомъ однѣ и тѣ же задачи, получая одинаковыя рѣшенія. Критеріумъ прекраснаго тотъ же, что и критеріумъ истиннаго—ясность (la clarté). Въ угоду ясности христіанскій мистицизмъ и символизмъ былъ изгнанъ изъ литературы и замѣненъ миѳологіей. Боги Греціи и Рима—антропоморфичны; созданные по человѣческому подобію они просты и понятны. Олимпъ не мѣшаетъ ясности и дѣлаетъ метафоры интернаціональными. Вмѣсто слова «море» и французъ, и нѣмецъ, и русскій скажутъ—Нептунъ, вмѣсто «война»—Марсъ, вмѣсто «любовь»—Амуръ и т. д. Красота—это ясная мысль. Паскаля ужасало «le silence eternel de ces espaces infinis» (вѣчное молчаніе безконечнаго пространства). Декартъ видѣлъ въ безконечномъ геометрическую аксіому. Допуская только ясное, простое, понятное, искусство опростило человѣка, превратило его въ эссенцію мысли, въ отвлеченное существо. Оно не допускало архаизмовъ, провинціализмовъ, техническихъ словъ и обезличило языкъ. Портреты его—всѣ на одно лицо. Женщина—parfaitement belle, мужчина — parfaitement beau. «Граціи и смѣхи летаютъ около губъ, умъ и пріятность въ глазахъ»,—это повторяется во всѣхъ романахъ при описаніи всѣхъ героинь.

Всего характернѣе отношеніе XVII-го вѣка къ природѣ. Декартъ не любилъ дикой, не прибранной природы, nature pittoresque, онъ не любилъ старыхъ живописныхъ городовъ, пестрыхъ, съ лабиринтами улицъ, нароставшихъ съ исторіей и жизнью. Городъ, распланированный однимъ человѣкомъ; сады съ геометрически правильными аллеями, съ подстриженными деревьями, убранная рукой разумнаго человѣка, украшенная природа—вотъ его идеалъ. Природа—декорація для человѣка. Это кормилица, и служанка, а не вдохновенная пророчица и жрица прекраснаго.

Тѣмъ удивительнѣе было подчиненіе народовъ Декарту и Буало—двумъ французамъ, что они уже имѣли въ прошломъ геніевъ: Англія—Шекспира, Италія—Данте, Германія—Лютера, Испанія—Кальдерона, Сервантеса. Не удивительно только подчиненіе Польши и Россіи, ибо у этихъ странъ въ прошломъ былъ одинъ богъ Ярило.

Что же такое пресловутый французскій классицизмъ и картезіанство? Это трансформація схоластики. Въ нашемъ столѣтіи въ самой Франціи и въ другихъ странахъ возникла могучая реакція, низвергшая конституцію Буало, создавшая національныя литературы.

§ 2. Одной изъ первыхъ отъ французскаго вкуса стала освобождаться Германія, при чемъ сначала ея писатели обращаются къ классикамъ и именно это знакомство съ источникомъ отвращаетъ ихъ отъ французской поддѣлки мишурнаго гуманизма. Ихъ обнимаетъ романтизмъ, скрытый въ классикахъ, какъ живая душа ихъ.

«Великая перемѣна вкуса» наступаетъ съ одной стороны при демократизаціи общества и выступленіи на арену третьяго сословія, при чемъ «мѣщанская трагедія» начинаетъ говорить о радостяхъ и страданіяхъ простыхъ смертныхъ. съ другой стороны какъ бы поднимается въ обществѣ душа, дотолѣ скрытая подъ насмѣшливой, холодной разсудочностью и выражается сначала чувствительностью, потомъ энтузіазмомъ и наконецъ юморомъ.

Направленіе, подготовившее въ нѣмецкой литературѣ ея нео-классическій періодъ съ Гете и Шиллеромъ во главѣ, носитъ названіе періода «бури и натиска» (Sturm und drang). Таково было названіе пьесы одного изъ представителей этого періода—Клингера. Юные критики произвели переоцѣнку поэтическихъ цѣнностей, и потребовали отъ поэтовъ «нѣмецкаго вкуса и нѣмецкаго чувства». Однако въ свою очередь это литературное возбужденіе было не чуждо иноземныхъ вліяній. У Руссо оно заимствовало стремленіе къ природѣ и сентиментализмъ, у англійскихъ писателей Эдуарда Юнга и Вуда требованія самобытности. Собраніе старыхъ пѣсенъ и балладъ, которымъ англійскій епископъ Томасъ Перси смутилъ у себя на родинѣ въ 1765 году поклонниковъ Буало, дало толчекъ въ Германіи къ повороту къ народной пѣсни и балладѣ, наконецъ громадное вліяніе, какъ и у насъ въ Россіи, имѣлъ Оссіанъ Макферсона, переведенный на нѣмецкій языкъ дважды: въ 1768 г. Денисомъ въ Вѣнѣ и въ 1806 году Фридрих. Леопольдомъ Штольбергомъ. Замѣчательно, что одинъ изъ писателей этого періода — Ленцъ, переселился въ Россію, былъ друженъ съ Карамзинымъ, занесъ идеи періода «бури и натиска» въ мирную Москву и умеръ здѣсь въ нищетѣ, припадкахъ безумія и запоя.

Нео-классицизмъ возникаетъ изъ среды того же литературнаго броженія, какъ естественный переходъ отъ французской поддѣлки къ античному подлиннику. На грани двухъ столѣтій, духовнымъ вождемъ этого направленія явился Фр. А. Вольфъ. Его Prolegomena къ Гомеру вышли въ 1795 г., а посвященное Гете «Изображеніе науки древности» въ 1807.

Для Шиллера и Гете промежутокъ времени отъ 1787 г. до 1803 г., то-есть съ появленія «Ифигеніи» Гете до «Мессинской невѣсты» Шиллера, является періодомъ классицизма. Съ ними работалъ, какъ посредникъ между языкознаніемъ и поэтическимъ творчествомъ Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ. У Гомера они находили идеалъ прекраснаго человѣка съ вполнѣ развитою индивидуальностью. Древній грекъ былъ воспринятъ Гумбольдтомъ и Вольфомъ съ его человѣческой, значитъ романтической стороны. Гете же воплотилъ этотъ идеалъ, опоэтизировавъ бюргерскій бытъ родного Франкфурта въ «Германѣ и Доротеѣ». Это обожаніе греческаго міра породило нѣжные и чистые цвѣты поэзіи швабскаго поэта Гельдерлина, судьба котораго необыкновенно сходна съ плачевной участью нашего Батюшкова. Гельдерлинъ, съ

которымъ былъ друженъ Карамзинъ. (Friedrich Hölderlin, род. 1770, ум. 7 іюня 1843 года) одинъ изъ замѣчательныхъ представителей романтической школы, обожавшій недосягаемую Элладу съ пыломъ средневѣкового паладина. Онъ былъ безнадежно влюбленъ въ Сюзетту Гонтаръ: эта любовь отразилась въ его элегіяхъ и романѣ «Hyperion». Когда Гонтаръ умерла въ 1801 году, несчастный мечтатель помѣшался и прожилъ затѣмъ, какъ и нашъ Батюшковъ, съ погасшимъ разумомъ 42 года... Неогуманизмъ сначала былъ доступенъ весьма немногимъ. Только во время министерства В. Ф. Гумбольда въ 1809 г., классицизмъ былъ внесенъ въ берлинскій университетъ, а въ принципѣ и въ гимназіи Пруссіи. Рядомъ бурлилъ популярный романтизмъ. Выходили рыцарскіе и разбойничьи романы Шписса, Вульпіуса, Крамера, подражанія Боккачіо Лангебейна, паточные романы Коцебу, семейно-бытовыя драмы Иффланда, поэмы Фосса, Клаудіуса, Шредера, наконецъ безчисленные романы Жанъ-Поль Рихтера, (1763—1825) полные юмора, популярнѣйшаго въ свое время писателя.

Болѣе строгій и глубокій романтизмъ связанъ съ именами Гаманна, и особенно, Гердера, который собираетъ пѣсни — «Звуки народовъ», изучаетъ еврейскую и романскую литературы, созерцая Страсбургскій соборъ, проникается готическимъ искусствомъ. Подъ его вліяніемъ поэтъ Бюргеръ (1747—1794) написалъ знаменитую «Ленору», переведенную на всѣ языки и пробуждавшую повсюду романтизмъ. Романистъ Тикъ обращается за темами къ нѣмецкимъ, лубочнымъ «народнымъ книгамъ», представляющимъ остатки средневѣковой литературы, чуждой французскому вліянію. Къ этому источнику прибѣгаетъ для «Фауста» и Гете. Фридрихъ Шлегель (1772—1829) и Августъ Шлегель (1766—1845) строятъ теорію романтизма и являются основателями и законодателями новой школы.

Если неогуманисты тосковали по Элладѣ, то романтики стали прославлять средніе вѣка и грезить о рыцаряхъ, менезингерахъ, древнихъ замкахъ и городахъ. «Хроника странствующаго студента» Брентано рисуетъ XIV вѣкъ, а «Генрихъ фонъ-Офтердингенъ» Новалиса XII и XIII-й. Мало того, Тикъ начинаетъ жаловаться на сухость протестантизма, мистика и религіозный экстазъ вливается въ романтическія настроенія. Живымъ воплощеніемъ всей внутренней исторіи романтической школы является личность Новалиса (род. въ 1772 г., умеръ отъ чахотки въ 1801 году), воплотившаго ту прекрасную мечту, по которой тосковали романтики, въ таинственномъ «голубомъ цвѣткѣ». Романтизмъ, однако, съ самаго начала представлялъ литературную школу, кучку критиковъ и поэтовъ. Всѣ его бурныя стремленія не выходили изъ предѣловъ литературы. Уходя всецѣло въ міръ фантазіи, витая среди античныхъ и готическихъ образовъ, обожая невидимый «голубой цвѣтокъ», нѣмецкіе романтики теряютъ пониманіе дѣйствительности. Однако на ихъ сторонѣ новая философія съ ея эволюціонными, новымъ прин-

ципомъ, которой и открывается XIX-е столѣтіе. Шеллингъ издаетъ въ 1800 году систему трансцендентальнаго идеализма, содержащую попытку исторіи человѣческаго духа въ его развитіи.

Шеллингъ въ своей эстетикѣ—романтикъ. Искусство для него выше всего и вся природа — поэма. Въ его натурфилософіи все движется противуположеніями, полярностями, крайностями, совмѣщая взаимоотрицающее, контрасты, и въ то же время проведена эволюціонная идея прохожденія духа въ его феноменологіи по ступенямъ достиженія и выработки изъ однихъ и тѣхъ же организмовъ путемъ постепеннаго развитія всѣхъ органическихъ существъ—ученіе, которому принадлежало будущее.

§ 3. Во Франціи провозвѣстительницей новыхъ началъ въ литературѣ явилась m-me де-Сталь, въ своей книгѣ «De l'Allemagne», написанной въ 1810 году и осужденной наполеоновской цензурой. Здѣсь она знакомитъ французовъ съ тѣмъ литературнымъ переворотомъ, который совершился въ Германіи. Она указываетъ, что нѣмецкіе писатели почерпнули поэзію изъ старыхъ башенъ, что «les mistères d'une nature rêveuse et solitaire forment le principal charme de leurs poésies». (т. е. тайны уединенной и мечтательной натуры составляютъ главное очарованіе ихъ поэзіи). Въ литературной Европѣ она находитъ два направленія. Одно порождено подражаніемъ древнимъ, другое—духомъ среднихъ вѣковъ. Возможно ли не замѣчать нѣмецкой литературы и философіи, когда онѣ содержатъ новыя идеи, которыя могутъ обогатить французовъ. «La stérilité dans notre littérature est menacée, feroit croire, que l'esprit français lui-même a besoin maintenant d'être renouvelé par une sève plus vigoureuse» (т. е. Безплодіе нашей литературы приняло угрожающіе размѣры, надо думать, что самый духъ французовъ теперь нуждается въ обновленіи болѣе сильнымъ растительнымъ сокомъ) [270]). Сталь указываетъ на вліяніе Буало, сообщившее литературѣ педантскій характеръ, породившее шедевры версификаціи, но убившее истинную поэзію. Перекладывали въ стихи едва-ли не руководства химіи и картежной игры, то, что могло остаться и въ прозѣ. Противуполагая поэзію классическую и поэзію романтическую, m-me де-Сталь указываетъ, что древніе имѣли какъ бы тѣлесную душу, но сердце, повитое христіанствомъ совершенно иное, и требуетъ иной поэзіи. Древняя душа—проста, душа новаго человѣка требуетъ безконечныхъ оттѣнковъ (les nuances infinis), для передачи всего, что въ ней происходитъ. Если въ наши дни искусство подражаетъ простотѣ древнихъ, мы теряемъ внутреннія, безчисленныя эмоціи нашей души. Отсюда эта простота у насъ порождаетъ холодъ и абстракцію, тогда какъ у древнихъ была полна жизни. Слѣпая и глухая судьба, боровшаяся со смерт-

[270]) De l'Allemagne. Ed. 1820. Tome premier. Observations générales. p. 7.

ными и равнодушная къ ихъ страданіямъ, распоряжалась въ мірѣ древнихъ. Въ христіанскомъ мірѣ царитъ Верховное Существо, полное любви и разума. Наши сердца къ Нему стремятся и Оно намъ отвѣчаетъ. Возможно ли искусству остаться при старыхъ воззрѣніяхъ?

Французская поэзія, наиболѣе классическая, изъ всѣхъ новѣйшихъ, единственная, которая не распространилась въ народѣ. Венеціанскіе гондольеры поютъ стансы Тассо. Испанцы и Португальцы всѣхъ классовъ заучиваютъ стихи Кальдерона и Камоэнса. Шекспиръ одинаково обожается въ Англіи высшими и низшими классами. Поэмы Гете и Бюргера положены на музыку, и на берегахъ Рейна вы ихъ всюду услышите. Французскихъ поэтовъ изучаютъ на родинѣ и въ остальной Европѣ только культивированные умы, но простонародье и даже буржуазія городовъ ихъ не знаетъ, потому что искусство во Франціи не родилось, какъ въ другихъ странахъ, на мѣстной почвѣ, оно пересажено сюда съ античной.[271]).

Три великихъ писателя совершили въ теченіе первыхъ трехъ десятилѣтій XIX столѣтія литературную реформу во Франціи — Шатобріанъ, Ламартинъ и Викторъ Гюго.

Принадлежа къ одной изъ старѣйшихъ аристократическихъ фамилій Франціи, Шатобріанъ провелъ дѣтство въ замкѣ своихъ предковъ, среди лѣсовъ, смутныхъ дней, печальныхъ вечеровъ, между молчаливыми, нелюбимыми старпками родителями, въ сообществѣ съ сестрой, нѣжнымъ, экзальтированнымъ и скорбнымъ созданіемъ, рано умершимъ, среди одинокихъ ночей въ высокой готической башнѣ. Вѣчное одиночество и передъ глазами море, пески, лѣса — проникнутый безпредѣльной грустью пейзажъ Бретани съ туманнымъ небомъ и наполненнымъ испареніями воздухомъ. Душа Шатобріана восприняла эти первыя меланхолическія впечатлѣнія и была навѣки ими настроена въ извѣстномъ тонѣ. Двадцати лѣтъ онъ ѣдетъ въ Парижъ, прямо попадаетъ въ кипень литературной жизни, знакомится съ Парни, Лагарпомъ, Шамфоромъ, Шенье, изучаетъ Монтескье, Руссо, появляется въ 1790 г. въ «l'Almanache des Muses», потомъ ѣдетъ въ Америку, видитъ Вашингтона, преріи, Луизіану, Флориду. Извѣстіе о смерти Людовика XVI заставляетъ его вернуться. Онъ поступаетъ въ армію эмигрантовъ, сражается, раненный, брошенъ въ лѣсу, спасается чудомъ въ Англію, гдѣ терпитъ нищету, холодъ, голодаетъ по пяти дней, проситъ милостыню, и въ то же время пишетъ книгу «Essai sur les Révolutions», которая и выходитъ въ 1797 году. Въ 1800 году онъ возвращается въ отечество. Въ 1801 году выходитъ его романъ Atala. Успѣхъ безграничный. Шатобріанъ сразу становится знаменитымъ. Въ 1802 г. выходитъ «Génie du Christianisme», въ 1807 г. «René»,

---

[271]) De l'Allemagne. I. De la poésie classique et de la poésie romantique. pp. 257—259.

въ 1809 г. «Les Martyrs». Умеръ Шатобріанъ 4 іюля 1848 г. Неизлѣчимая печаль—основа характера этого великаго писателя. Чувство ничтожества человѣческаго среди вѣчной природы соединено въ немъ съ возвышенной гордостью. «Я видѣлъ Вашингтона и Бонапарта, говоритъ онъ. Никакое человѣческое лицо меня не поразитъ». «Душа моя утомлена жизнью, говоритъ одинъ изъ его героевъ. Къ чему она? Стоитъ ли труда ее любить? Я соскучился жить. Пастухъ ли, король ли, что я буду дѣлать съ моимъ посохомъ или короной? Я одинаково утомленъ славой и геніемъ, трудомъ и роскошью, успѣхомъ и несчастіемъ». Эта разочарованность внесена Шатобріаномъ впервые въ литературу. Постоянно страдая отъ несоотвѣтствія между величіемъ своихъ мечтаній и ничтожностью дѣйствительности, находя невыносимой скуку жизни и любя эту тоску, какъ славную нищету, страдая, и любя свое страданіе, Шатобріанъ истинный романтикъ. Какъ пессимистъ, онъ презиралъ просвѣтительную философію XVIII вѣка съ теоріей «безконечнаго прогресса» Кондорсе. Прогресса нѣтъ; желаніе лучшаго — глупость нашей натуры и химера нашего разума; человѣчество проходитъ вѣчно одни и тѣже фазы надежды, упадка, новыхъ иллюзій и новыхъ разочарованій. Въ то же время Шатобріанъ отвѣтилъ тайной религіозной неудовлетворенности своей эпохи, утомленной скептицизмомъ. Онъ открываетъ красоту христіанства, неизвѣстную со временъ Буало. Это было великое открытіе. Весь XVIII вѣкъ смѣялся надъ грубостью, безсмыслицей христіанства. Шатобріанъ смѣется надъ вѣкомъ, который ни въ чемъ не сомнѣвался, кромѣ бытія Бога. У Шатобріана не было теоріи литературной. Имъ руководилъ геній, инстинктъ, чувство. Но онъ внесъ въ литературу новыя настроенія, которыя въ ней совершили великую революцію.

Во Франціи классическая эпоха длилась 250 лѣтъ. «Подражаніе древнимъ» создало литературу не національную и не религіозную. Въ этомъ все содержаніе классической эпохи во Франціи съ 1550 по 1800 г. Родившись во второй половинѣ XVI столѣтія, классическая литература подражала шедеврамъ древнихъ. Люди XVIII вѣка тоже подражали, но не прямо древнимъ, а моделямъ великаго вѣка Буало и Расина, которые сами были подражателями. Это было подражаніе подражанію, копія съ копіи, еще дальше отъ подлинника, еще болѣе искажавшая его черты. Противъ этого и возсталъ Шатобріанъ. Онъ изгоняетъ мифологію изъ литературы. Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ онъ является христіаниномъ и лирикомъ. Онъ всюду субъективенъ. Традиціи нарушены, духъ античный исчезъ, равно какъ боги и античная мораль. Будемъ французами, христіанами, современными и самими собой. Литература подражательная — ничтожество. Génie du Cristianisme является признакомъ времени, призывомъ къ новымъ настроеніямъ; литературная революція совершилась. Новая литература Франціи родилась. До Шатобріана «чудесное» употреблялось въ эпопеяхъ, какъ «пружина» или

«машина». Но Буало боялся «ужасныхъ мистерій вѣры» и замѣнилъ ихъ поддѣльными богами — метафорами. Но можетъ-ли истинная вѣра двигать поэзіей? Почему же нѣтъ? Если мы христіане, то предметы вѣры для нашего сердца такъ же реальны, какъ чувства и страсти. Религія и есть страсть. Нашъ Богъ, ангелы и демоны должны явиться въ нашей поэзіи. Какъ въ средневѣковой? Именно. Шатобріанъ обновилъ французское воображеніе: Весь Ламартинъ, весь Виньи, первая манера Гюго, первая манера Жоржъ-Зандъ, часть Мюссе, громаднѣйшая часть Флобера, берутъ свое начало въ немъ и Августинъ Тьерри открылъ искусство современнаго историка, читая Шатобріана»[272]).

Ламартинъ (1790—1869) провелъ юность среди счастливыхъ впечатлѣній смѣющейся природы, наслаждаясь простодушными сценами Библіи, Тассомъ, Оссіаномъ, Бернарденъ де-Сенпьеромъ и Шатобріаномъ. Въ 1820 г. вышли его Méditations. Успѣхъ былъ чудесный. Двадцать лѣтъ уже ждали Шатобріана въ стихахъ. Въ одинъ день Ламартинъ сталъ главою школы. Въ 1823 г. вышли Nouvelles méditations, и имѣли такой же громкій успѣхъ. Въ 1830 году Ламартинъ вступилъ въ академію и напечаталъ Harmonies, politiques et religieuses. Стихи Ламартина для насъ утомительны. А между тѣмъ въ нихъ искреннее восхищеніе красотой природы и ея Творца. Ламартинъ—нѣжный, деликатный, ласкающій элегикъ. Его знаменитое стихотвореніе «Le Lac» воспитало чувства цѣлаго поколѣнія женщинъ.

Должно помнить, что во всей французской поэзіи, кромѣ нѣсколькихъ мѣстъ у Ронсара, и знаменитыхъ трехъ строфъ Жильбера, ничего подобнаго стихамъ Ламартина не было. Стихи его пали на истомленныя по поэзіи души. Вотъ причина ихъ успѣха. Писать стихи для Ламартина было природою: «я пою, друзья мои, какъ человѣкъ дышетъ». И онъ дѣйствительно въ первый разъ послѣ 250 лѣтъ обращеній къ ложно-классической музѣ «пою!», настоящимъ образомъ пѣлъ. «Шатобріанъ обновилъ французское воображеніе, Ламартинъ открылъ источники нѣжной, благородной, чистой и возвышенной поэзіи»[273]). Но оба потонули въ лучахъ славы Виктора Гюго.

Великій французскій поэтъ происходилъ изъ старой лотарингской фамиліи, восходящей къ XV вѣку. Онъ родился 26 февраля 1802 года (7-го вентоза X года Республики). Первое собраніе его стихотвореній «Odes et ballades» вышло въ 1822 г. Какъ въ предисловіи къ этому первому изданію, такъ и къ послѣдующимъ, поэтъ опредѣляетъ свое отношеніе къ движенію, начатому въ литературѣ Шатобріаномъ и Ламартиномъ.

«Область поэзіи безпредѣльна, — писалъ онъ въ 1822 г., — за міромъ

[272]) Émile Faguet. Dix-neuvième siècle. Paris, 1900. pp. 70, 71.
[273]) Émile Faguet. p. 124.

реальнымъ скрытъ еще міръ идеальный, который открывается взору того, кто глубокимъ размышленіемъ привыкъ видѣть въ вещахъ болѣе, чѣмъ одни вещи. Прекрасныя произведенія поэзіи во всѣхъ родахъ, какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ, прославленныя нашимъ вѣкомъ, выдвинули эту истину, прежде едва подозрѣвавшуюся, что поэзія не въ формѣ идей, но въ самыхъ идеяхъ. Поэзія, это все, что есть самаго интимнаго во всемъ (La poésie, c'est tout ce qu'il y a d'intime dans tout)». Французская ода, главнымъ образомъ обвиняемая въ холодности и монотонности, должна обогатиться всѣмъ, что за послѣдніе тридцать лѣтъ нашей исторіи (т. е. 1793—1822) представляетъ трогательнаго и ужаснаго, мрачнаго и блестящаго, чудовищнаго и чудеснаго. Холодность не лежитъ въ природѣ оды, но только въ формѣ, которую до сихъ поръ давали ей лирическіе поэты. Причина этой монотонности въ обиліи фигуръ и троповъ; замѣнивъ изношенныя и ложныя краски мифологіи новыми и вѣрными христіанской теогоніи, можно придать одѣ драматическій интересъ, заставить ее говорить языкомъ вѣры и утѣшенія.

Юный поэтъ такимъ образомъ выступалъ только реформаторомъ оды, но уже въ концѣ десятилѣтія онъ стоялъ во главѣ всей школы французскихъ романтиковъ. Еще въ 1824 году онъ старается сохранять нейтралитетъ и независимость. Въ литературѣ,—говоритъ онъ,—есть только хорошее и худое, прекрасное и безформенное, истинное и ложное. Прекрасное въ Шекспирѣ столь же классично (если классическое означаетъ достойное изученія), какъ и прекрасное въ Расинѣ. Ложное въ Вольтерѣ такъ же романтично (если словомъ романтическій хотятъ означать дурное), какъ и ложное въ Кальдеронѣ. Въ предисловіи 1826 г. читаемъ: мысль, это дѣвственная и плодородная почва, произведенія которой должны расти свободно, и, такъ сказать, по волѣ случая, не по ранжиру, не по классификаціи, какъ букеты въ классическихъ садахъ Ленотра. Сравните королевскій садъ Версаля, отлично выровненный, подстриженный, политый, выскобленный, посыпанный пескомъ, полный каскадиковъ, прудковъ, маленькихъ боскетовъ, бронзовыхъ тритоновъ, мраморныхъ фавновъ, любезничающихъ съ аллегорическими дріадами, среди коническихъ тисовъ, цилиндрическихъ лавровъ, сферическихъ померанцевъ, эллиптическихъ миртовъ, и другихъ деревьевъ, которыхъ естественная форма, надо думать слишкомъ тривіальная, усовершенствована ножницами садовника; сравните этотъ садъ съ дѣвственнымъ лѣсомъ, съ его гигантскими деревьями, могучими травами, глубокой растительностью, тысячами птицъ, цвѣтовъ, широкими просѣками, гдѣ свѣтъ и тѣни смѣшиваются подъ лиственнымъ сводомъ, сравните эту дикую гармонію, эти великія рѣки, омывающія цвѣточныя острова, эти водопады, надъ которыми играетъ радуга. Не спрошу: гдѣ больше величія, великолѣпія, красоты? Спрошу: гдѣ порядокъ и гдѣ безпорядокъ? Тамъ ли, гдѣ все

искусственно, деревья лишены ихъ климата, формы, повсюду естественный порядокъ нарушенъ, извращенъ, опрокинутъ. Или здѣсь, гдѣ, наоборотъ, все покорно единому закону: Богъ живетъ во всемъ. Всякое растеніе, дерево въ свое время произрастаетъ, приноситъ плодъ, умираетъ. Нужно отличать регулярность (régularité) отъ порядка (ordre). Первая матеріальна и дѣло рукъ человѣческихъ, второй божественъ. Готическій соборъ являетъ изумительный порядокъ въ наивной иррегулярности; наши современные французскія постройки, рабски копируя греческую или римскую архитектуру, ничто иное, какъ регулярный безпорядокъ. Ординарный человѣкъ всегда можетъ сработать правильное произведеніе; но только великій духъ создаетъ твореніе. Искусство для одного—вдохновеніе, для другого наука: правильная регулярность есть вкусъ посредственности: свободный порядокъ — генія: но должно помнить, что тотъ, кто подражаетъ романтическому поэту, неминуемо дѣлается классикомъ, потому что онъ подражаетъ. Гюго указываетъ затѣмъ на двѣ книги, достойныя чтенія: Гомера и Библію.

Наконецъ въ предисловіи 1828 года провозглашаетъ нарожденіе «une forte école»: Une forte école s'élève, une génération forte croît dans l'ombre pour elle, т. е. Могучая школа возвышается и могучее поколѣніе подрастаетъ въ тѣни для нее.

Вокругъ Гюго сплотился въ 20-хъ годахъ кружокъ писателей, получившихъ названіе le Cénacle т. е. кружокъ храмина, гдѣ собрались и приняли духа апостолы, но равно и сборище самохваловъ. Манифестомъ романтиковъ явилось предисловіе къ драмѣ Гюго Cromwel (1827), а генеральной битвой двухъ партій представленіе Hernani (1830). Свѣтъ не видалъ болѣе шумныхъ аплодисментовъ, крика, свиста, гама! Въ партерѣ классики дрались съ романтиками. Все, что было молодо, свѣжо, влюблено, стало горой за Гюго.

§ 4. Англія цѣлымъ рядомъ писателей участвовала въ великой литературной реформѣ Европы. Здѣсь зародился сентиментализмъ и романы Ричардсона (1689—1761): Памела, Кларисса и Грандиссонъ; Стерна (1713—1768): Тристрамъ Шанди и Сентиментальное путешествіе; Гольдсмита (1728 1774): Векфильдскій священникъ,—были переведены на всѣ языки и разнесли поднявшуюся въ нихъ душу по свѣту. Затѣмъ выступаетъ школа слагателей балладъ, и такъ называемая «озерная» (lakists)—Водевортъ, Кольриджъ, Соути. Всѣ они возставали противъ классической школы Драйдена и Попа; изучали писателей эпохи Елизаветы, съ любовью мечтали о «веселой, старой Англіи». Страстное обожаніе природы, этой безпредѣльной жизни, въ которой человѣкъ подобенъ точкѣ,— общее настроеніе школы. Въ тихомъ уединеніи, на берегу мирнаго озера, въ лѣсныхъ сумеркахъ, они отдаются душею природѣ и какъ бы сливаются съ міровой душой. Все жи-

ветъ, все дышетъ. Океанъ, волны, звѣзды, облака повинуются внутренней жизни, чувствуютъ. Водсвортъ (1770—1850) являлся главою школы. Онъ скромно жилъ въ скромномъ домикѣ на берегу озера, въ тихомъ сѣверномъ графствѣ, окруженный семьей; въ немъ и вокругъ него царствовалъ такой миръ, что онъ могъ искренно сказать: «Самый скромный, распускающійся цвѣтокъ, можетъ поднять во мнѣ такія глубокія чувства, что слезы польются изъ моихъ глазъ». Какъ французскіе романтики 20-хъ годовъ, Водсвортъ писалъ предисловія, литературныя манифесты, гдѣ излагалъ новые взгляды на искусство. «Весь міръ—поэтъ, исключая рифмачей, говорилъ онъ, должно низринуть узкія загородки. Жизнь въ ея цѣломъ поэтична, потому что она истинна и прекрасна. Жизнь селянина, скромнаго ремесленника быть можетъ самая поэтическая, потому что она ближе всего къ источнику всякой поэзіи-природѣ». Кольриджъ (1770—1834) другъ и послѣдователь Водсворта внесъ въ англійскую литературу нѣмецкія идеи. Онъ гордился тѣмъ, что одинъ изъ всѣхъ англичанъ понималъ Канта и Фихте. Наконецъ Соути (1774—1843), поэтъ лауреатъ и членъ того-же кружка, писалъ блестящія колоритныя поэмы изъ національной жизни разныхъ народовъ—средневѣковыхъ французовъ, арабовъ, индусовъ, испанцевъ и т. д. Эти поэты обильно переводились нашимъ Жуковскимъ. Громадное значеніе имѣли историческіе романы Вальтера Скотта (1771—1832). Первый изъ нихъ—Ваверлей, вышелъ еще въ 1814 г. Жуковскій переводилъ и блестящаго Мура (Thomas Moore. 1779—1852), Lalla Rookh котораго вышла въ 1817 г. Но истиннаго величія и мощи англійскій романтизмъ достигаетъ только у Байрона (1788—1824), произведенія котораго появлялись въ такой хронологической послѣдовательности: 1807 — Hours of idleness; 1813 — 1818 — Childe Harold; 1813—Giaour; 1813—Bride of Abydos и Corsair; 1814—Lara 1817—Manfred; 1819—1824—Don Juan; 1822—Cain; 1822—Vision of Judgment. «Байронизмъ» явился послѣдней и наиболѣе властной формой европейскаго романтизма, имѣвшей громадное вліяніе на нашего Пушкина и плеяду русскихъ поэтовъ двадцатыхъ годовъ.

Пробужденіе національной литературы въ Италіи выставило могучій талантъ Леопарди (1798—1837), пессимистическое міросозерцаніе котораго дѣлало его романтикомъ, хотя онъ и проникнутъ классиками. Его знаменитые сонеты «Къ Италіи», ода на памятникъ Данте во Флоренціи и на открытіе Республики Цицерона, появились въ 1818—1820 гг. Собраніе его Canzoni въ 1831 г. Леопарди, какъ и англійскій поэтъ Шелли, не имѣлъ вліянія на русскихъ романтиковъ и долго оставался неизвѣстенъ въ Россіи. Шелли, Леопарди, Жильберъ, Гельдерлинъ, Батюшковъ—эти поэты по настроенію и несчастной судьбѣ являются связанными въ таинственное созвѣздіе, явившееся во всѣхъ народахъ.

§ 3. Разсматривая европейскій романтизмъ въ его эволюціи у различныхъ народовъ и писателей по 1830 годъ, мы видимъ, что проявленіе его зависитъ отъ темперамента народа и писателя. То это реставраціонное настроеніе, проникнутое пессимизмомъ у Шатобріана, то католическо-лирическая элегія у Ламартина, то кричащее, нѣсколько риторическое, яркое направленіе у Гюго, романтизмъ проявляется и какъ нео-классицизмъ, и какъ увлеченіе готикой среднихъ вѣковъ, то это мистическій туманъ, то идиллія сельской жизни, то разсказы Шахеразады изъ эпопеи народовъ, то бурный протестъ и возмущеніе байронизма, то утонченная символика Шелли. «То движеніе, говоритъ А. Н. Пыпинъ, которое разумѣлось потомъ подъ сборнымъ именемъ романтизма, было явленіе очень сложное, въ разныхъ литетатурахъ вызванное разными потребностями и сложившееся въ разныя формы. Начало его кроется еще въ томъ возбужденіи умовъ, которое наполняетъ вторую половину XVIII-го вѣка». Мысль о нравственномъ единствѣ человѣчества, выставленная Гердеромъ, и развитая въ романтизмѣ, чрезвычайно расширяла научные и поэтическіе интересы: желаніе изучить проявленія человѣческаго духа повело къ неизвѣстному прежде изслѣдованію всеобщей литературы и исторіи и къ обширнымъ переводнымъ предпріятіямъ (особенно у нѣмцевъ). Изученіе древности, у Лессинга и Винкельмана, распространенное романтизмомъ, давало понятію объ искусствѣ такую широту, какой оно никогда не имѣло прежде, и дало начало новѣйшей эстетической критикѣ. Влеченіе къ идеализированной старинѣ, внушенное потребностью найти единство жизни и идеала, чрезвычайно подвинуло и изученіе дѣйствительной старины и народной жизни.

Вообще данъ былъ сильный толчекъ самому разнообразному историческому и этнографическому изученію народностей, которое впослѣдствіи послужило и для соціальнаго вопроса о народѣ. Но, съ другой стороны, въ этомъ движеніи часто недоставало реальнаго пониманія жизни: мысль нерѣдко теряла инстинктъ дѣйствительности. Реакція противъ сухой разсудочности прошлаго, просвѣтительнаго вѣка уже тогда производила сильную наклонность къ мистикѣ, къ піэтизму. Когда одни въ средневѣковой старинѣ восхищались наивной вѣрой и народной поэзіей, другіе находили политическій и церковный идеалъ въ феодализмѣ и папствѣ и мечтали объ ихъ возрожденіи. Преувеличенныя понятія о свободѣ поэтическаго генія тоже оставили не мало карикатурныхъ слѣдовъ.

Русская литература эклектически заимствовалась понемногу разными элементами романтизма и главнымъ образомъ, конечно, тѣмъ, что отвѣчало ея уровню и ближайшимъ потребностямъ [274]).

---

[274]) Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ. Изд. 2-е. Спб. 1890. Стр. 26—28.

Къ послѣднему необходимо однако привести поправку. Русская литература уже имѣла достаточно писателей, которые могли бы во всей полнотѣ воспринять идеи западнаго романтизма, но были внѣшнія причины, ограничивавшія ихъ выборъ, такъ что позаимствоваться можно было далеко не всѣмъ, хотя бы у Виктора Гюго. Послѣдніе пять лѣтъ царствованія Александра I-го, упавшіе на первую половину 20-хъ годовъ, цензурныя стѣсненія достигли геркулесовыхъ столбовъ безсмыслицы, невѣжествъ и хамства.

Цвѣтеніе духовной нивы нашей происходило въ условіяхъ неблагопріятныхъ въ высшей степени. Слово въ глубинѣ сознающаго духа народнаго зрѣло, и младенецъ долженъ былъ родиться богатыремъ. Но при разрѣшеніи отъ литературнаго бремени стояли акушеры, которые платонически воздыхали о невозможности затворить чрево рождающее и во всякомъ случаѣ мѣшали, сколько могли, правильному рожденію. Увы, сколько первородящихъ нашей литературы сгибло отъ этой опеки! Сколько плодовъ беременѣющаго духа явились на свѣтъ Божій искалѣченными, недоразвитыми! Писатели умирали рано, дѣлали мало. И это понятно. Въ трудномъ, болѣзненномъ дѣлѣ своемъ они не встрѣчали помощи. Окружающее сдѣлало все, чтобы отравить ихъ существованіе. И едва ли не треть нашего умственнаго урожая осыпалась на корню.

Были мастера словеснаго искусства, отдѣльные, изумительные артисты. Но литературы и прессы, какъ органа мышленія страны и общества не было.

Литературы, прессы не было. Былъ зато обширный цензурный уставъ, многолюдный цензурный комитетъ, сотни добровольцевъ,—доносителей, десятки вельможъ подавителей и гасителей...

Николай Полевой говорилъ:—Куда ни оглянемся, вездѣ литература отечественная представляетъ обширную степь, изрѣдка покрытую ковылемъ, кустарникомъ и немногими деревами, сиротѣющими въ обширности пустынной[275]).

Также и Надеждину наша словесность представлялась безплоднымъ пустыремъ, на которомъ только изрѣдка возникаютъ прекрасныя цвѣты, почти приводящіе въ недоумѣніе своимъ появленіемъ. Литература или вся образованность наша казалась ему только слабой копіей европейскаго просвѣщенія, гдѣ «все европейское забрасывается къ намъ рикошетомъ, чрезъ тысячи скачковъ и переломовъ, и потомъ долетаетъ въ слабыхъ издыхающихъ отголоскахъ»[276]).

— Да, у насъ нѣтъ литературы! — заявляетъ и юный Бѣлинскій въ «Литературныхъ мечтаніяхъ». Но то же высказывалъ и Ѳаддей Булгаринъ:

---

275) «Московскій Телеграфъ», № 3, 1825 г., стр. 255.
276) Пыпинъ. Бѣлинскій, I, 95 и дал.

«Наша литература есть литературная невидимка! Всѣ говорятъ о ней, и никто ея не видитъ» [277]).

Другъ его, баронъ Брамбеусъ, острилъ въ свою очередь: «Есть-ли у васъ хорошія книги?» —Нѣтъ. Но у насъ есть великіе писатели. «Такъ, по крайней мѣрѣ, у васъ есть словесность?» — Напротивъ, у насъ есть только книжная торговля [278]).

Эту мысль высказывалъ и Иванъ Кирѣевскій въ своемъ «Европейцѣ»:

«Если просвѣщенный европеецъ, развернувъ передъ нами всѣ умственныя сокровища своей страны, спроситъ насъ: «Гдѣ литература ваша? Какими произведеніями можете вы гордиться передъ Европою?» —что будемъ отвѣчать ему?.. Будемъ безпристрастны и сознаемся, что у насъ еще нѣтъ полнаго отраженія умственной жизни народа, у насъ еще нѣтъ литературы». «Наша литература — ребенокъ, который только начинаетъ чисто выговаривать» [279]).

Булгаринъ находилъ, что цензура александровскаго времени была строже даже папской. Но роковое 14-е декабря 1825 г., изъявшее изъ общества столько благороднѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ людей, только усугубило мыслебоязнь и гнетъ. «Не знаю, писалъ въ сентябрѣ 1836 г. Пушкинъ, чѣмъ провинились русскіе писатели, которые не только смирны и безотвѣтны, но даже сами отъ себя слѣдуютъ духу правительства; но знаю, что никогда не бывали они притѣснены, какъ ныньче, даже и въ послѣднее пятилѣтіе царствованія императора Александра, когда вся литература сдѣлалась рукописною, благодаря Красовскому и Бирукову».

БИБЛІОГРАФІЯ: О романтизмѣ. Исторія нѣмецкой литературы Фогта и Коха, перев. А. Л. Погодина. Спб. 1900 г. Вып. 11—14. Die geistigen und Socialen Strömungen des Neunzehnten Jahrhunderts von dr. Theobald Ziegler. Berlin. 1900. (Русск. переводъ Генкеля, сокращенный. Спб. 1901). Die deutsche Litteratur des Neunzehnten Jahrhunderts, von dr. Richard M. Meyer. Berlin. I. 1900. Emile Faguet. Dix-neuvième siècle. Etude littéraires. Paris. 1900. (Русск. пер. Кончаловскаго М. 1901). Histoire des la littérature française, par Demogeot. M-me de Staël. De l'Allemagne. Martine. Examen des tragiques anciens et modernes, dans lequel le système classique et le système romantique sont jugés et comparés. Genève. 1834. 3 vol. Th. Gotier. Histoire du romantisme, 1872. Sainte-Beuve: Qu'est-ce qu'un classique? dans les Causeries du lundi, t. III. Histoire de la littérature anglaise, par H. Taine. Tome quatrième. Paris. 1892. 8-e éd. Thomas Warton. History of english poetry. 3 vol. Hallam. Introduction to the literature of Europe. 4 vol. Henry Morley. English writers.

[277]) «Сѣверная Пчела». 1830 г., № 3.

[278]) Соч. т. 2. Спб. 1858 г. Фантастическія путешествія. Стр. 236—237.

[279]) Обозрѣніе русской словесности за 1829 и 1831 г. Соч. Ив. Кирѣевскаго, I, стр. 44 и 86.

(1864—1867. t. I—II.). Craik: History of english literature from the norman conquest. 1861. 2 vol. Th. Shaw. History of english literature, 1865 и др. Biografia del conte Leopardi. Cf. Montanori. Rome. 1838. Bouché—Leclerq: La vie et les oeuvres de Lopardi. 1874 и др. Italie—Espagne. Histoire littéraire. Notices biographiques et critiques. Morceaux choisis, par H. Dietz. Paris. Его же: Angleterre, Allemagne. Удобное руководство для первоначальнаго ознакомленія съ исторіей литературы этихъ странъ. Emiliani. P. Storia della letteratura italiana. 1855. 2 vol. G. Maffei. Storia della letteratura italiana. Milan. 1834. 4 vol. На русск. перев.: Гаспари. Исторія итальянской литературы. Горнъ. Исторія скандинавской литературы. Тикноръ. Исторія испанской литературы. Юліанъ Шмидтъ. Исторія французской литературы. Poezye Adama Mickiewicza. Nowe wyd-anie z zyciorysem autora. Piotra Chmielowskiego. Warszawa. 1897. 4 t. См. здѣсь: «O Krytykach i recenzentach warszawskich». (Pisalem w Petersburgu. 1828 г.) t. IV. 225—242. См. исторію польской литературы Петра Хмѣлевскаго и его изслѣдованіе о Мицкевичѣ въ двухъ томахъ. Исторія XVIII стол. Шлоссера, томъ VI. Соч. Бѣлинскаго. т. VIII. «Всеобщая исторія литературы» Корша и Кирпичникова. Вып. XI—XV. Искусство въ связи съ развитіемъ культуры. Морица Карьера. О двадцатыхъ годахъ въ Россіи: А. Н. Пыпинъ. Характеристики литературныхъ мнѣній. Изд. 2-е. Спб. 1890. Въ его же книгѣ «Общ. движеніе въ Россіи при Александрѣ I» (Изд. 3. 1900 г.), въ приложеніи къ VII главѣ. стр. 535—539, подробный библіографическій указатель статей о событіяхъ 1825 г., и о декабристахъ (Рылѣевъ. Басаргинъ, Бестужевы. Муравьевы, кн. А. И. Одоевскій, бар. Розенъ, Свистуновъ, Бѣляевъ, Пущины, Пестель. Кюхельбекеръ и др.). Весинъ. Исторія русской журналистики 20-хъ и 30-хъ годовъ.

II.

§ 1. Въ 1820 году Востоковъ напечаталъ свое знаменитое Разсужденіе о славянскомъ языкѣ. Это изслѣдованіе впервые установило, на основаніи Остромирова Евангелія, законы славянской фонетики. «Разсужденіе», говоритъ Милюковъ, сразу покончило съ словопроизводствами шишковской школы и съ ея фантастическимъ «словенскимъ» языкомъ высокаго штиля. Авторъ, до тѣхъ поръ молчавшій, былъ уже не новичкомъ и не юношей: ему было 40 лѣтъ, когда вышло въ свѣтъ «Разсужденіе». Просто и ясно, безъ всякихъ претензій, безъ всякой погони за эффектомъ, Востоковъ излагалъ свои замѣчательныя открытія и сразу завоевалъ себѣ всеобщее вниманіе и признаніе[280]). Итакъ, споръ «шишковистовъ» съ «карамзинистами» былъ сданъ въ архивъ. Но въ томъ же 1820 году вышла поэма юнаго Пушкина, въ это время находившагося на югѣ Россіи въ ссылкѣ, «Русланъ и

---

[280]) Главныя теченія русской исторической мысли. Томъ первый. Изд. 2-е. 1898, стр. 230.

Людмила». съ виньеткой на заглавномъ листѣ, которую рисовалъ Оленинъ, въ свое время покровитель Озерова и Батюшкова. Поэма сразу внесла раздѣленіе въ литературу. Возгорѣлся новый споръ, новая борьба — романтиковъ съ классиками: «Новое», въ противуположность предшествовавшему десятилѣтію, переходной карамзинской эпохи, самымъ рѣшительнымъ образомъ стало отвергать и упразднять «старое». Двадцатые годы были эпохой совершеннаго переворота въ русской литературѣ, когда новыя понятія вооружились противъ старыхъ, новыя славы и знаменитости начали противупоставляться авторитетамъ, которые до того времени считались непогрѣшительными образцами и далѣе которыхъ идти въ мысли или въ формѣ строжайше запрещалось литературнымъ кодексомъ, получившимъ имя классическаго, и по давности времени пользовавшагося значеніемъ корана. Эта борьба стараго и новаго извѣстна подъ именемъ борьбы романтизма съ классицизмомъ. Если сказать по правдѣ, тутъ не было ни классицизма, ни романтизма, а была только борьба умственнаго движенія съ умственнымъ застоемъ». (Бѣлинскій, въ рецензіи о соч. В. Ѳ. Одоевскаго, 1844 г.). «Такъ называемая война классицизма (мертвой подражательности утвержденнымъ формамъ) съ романтизмомъ (стремленіемъ къ свободѣ и оригинальности формъ) была у насъ отголоскомъ такой же войны въ Европѣ, и первая поэма Пушкина послужила поводомъ къ началу этой войны... У насъ много говорили, толковали, и спорили о романтизмѣ. «Московскій Телеграфъ» былъ журналомъ, какъ бы издававшимся для романтизма,— а журналъ этотъ существовалъ съ 1825 по 1834 годъ. Но если толки о романтизмѣ кончились на Руси съ «Московскимъ Телеграфомъ», то начались они гораздо раньше, именно въ исходѣ второго десятилѣтія текущаго столѣтія... съ 1813 года начали проникать въ русскіе журналы темные слухи о какомъ-то романтизмѣ. Въ «Духѣ Журналовъ» даже переведена была грозная статья противъ Августа Шлегеля, въ защиту классическаго французскаго театра. Вмѣстѣ съ романтизмомъ, стали вкрадываться въ наши журналы слухи о какомъ-то великомъ англійскомъ поэтѣ Биронѣ, или Бейронѣ, или Байронѣ... Въ 1820 году появилась въ свѣтъ первая поэма Пушкина «Русланъ и Людмила», а въ журналѣ «Сынъ Отечества» съ этого времени стали появляться мелкія его стихотворенія... Тогда-то возгорѣлась ожесточенная война на перьяхъ между классицизмомъ и романтизмомъ и начался крутой переворотъ въ литературныхъ понятіяхъ и воззрѣніяхъ... Карамзинскій періодъ русской литературы кончился». (Бѣлинскій въ статьяхъ о Пушкинѣ, 1844 г.).

Необходимо прибавить, что послѣднее положеніе Бѣлинскаго справедливо только для русскаго стиха. Бытіе его начато 1820 годомъ. Что касается русской прозы, то она потребовала для своей выработки еще цѣлаго десятилѣтія. Такъ что для прозы карамзинскій періодъ продлился вплоть до 1830 года. Стихъ, чудотворный стихъ явился въ двадцатыхъ годахъ.

чудотворная проза въ тридцатыхъ. Чѣмъ бы ни объясняли это явленіе, но литературные памятники его вполнѣ доказываютъ.

«Наши обветшалые и заплѣснѣвелые журналы того времени и патріархъ ихъ «Вѣстникъ Европы», продолжаетъ Бѣлинскій, начали терять свое вліяніе и перестали со своими запоздалыми идеями быть оракулами читающей публики. Явилась новая публика съ новыми потребностями,—публика, которая изъ самыхъ источниковъ иностранныхъ, а не изъ заплѣснѣвелыхъ русскихъ журналовъ, начала черпать понятія и сужденія о литературѣ и искусствахъ и которая начала слѣдить за успѣхами ума человѣческаго, наблюдая ихъ собственными глазами, а не черезъ тусклыя очки устарѣвшихъ педантовъ. Около двадцатыхъ годовъ въ «Сынѣ Отечества» начались споры за романтизмъ; вскорѣ послѣ того появились альманахи, какъ прибѣжище новыхъ литературныхъ потребностей и новаго литературнаго вкуса, которые съ 1825 года нашли своего представителя и выразителя въ «Московскомъ Телеграфѣ». Надо прибавить, что еще Батюшковъ писалъ въ концѣ десятыхъ годовъ изъ Италіи о распространеніи тамъ вліянія Байрона, перевелъ и превосходно (см. раньше) полторы строфы изъ «Чайльдъ Гарольда» (Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ...) и тогда же кн. Вяземскій «бредилъ» Байрономъ, а благодушно-романтическій Жуковскій надъ нимъ «дремалъ»... «Съ двадцатыхъ годовъ, говоритъ далѣе Бѣлинскій, критика русская начала предъявлять претензіи на философію и высшіе взгляды. Она уже перестала восхищаться удачными звукоподражаніями, красивымъ стилемъ или ловкимъ выраженіемъ, но заговорила о народности, о требованіяхъ вѣка, о романтизмѣ, о творчествѣ и тому подобныхъ, дотолѣ неслыханныхъ новостяхъ. И это было также важнымъ шагомъ впередъ для русской критики, ибо если она еще и сама темно и сбивчиво понимала свои требованія, повторяемыя ею съ чужого голоса, тѣмъ не менѣе она произвела ими живую реакцію псевдо-классическому направленію литературы. Сверхъ того она прорвала плотину авторитетства, которая держала литературу въ апатической неподвижности и идеи замѣняла именами... Жизненность романтической критики болѣе всего доказывается тѣмъ, что она продолжалась менѣе десяти лѣтъ и родила изъ себя другую, болѣе строгую, хотя и не болѣе твердую и опредѣленную критику. Передъ тридцатыми годами и особенно съ тридцатыхъ годовъ русская критика заговорила другимъ тономъ и другимъ языкомъ. Ея притязанія на философскія воззрѣнія сдѣлались настойчивѣе; она начала цитировать, кстати и некстати, не только Жанъ-Поля Рихтера, Шиллера, Канта и Шеллинга, но даже и Платона, заговорила объ эсѳетическихъ ѳеоріяхъ (Надеждинъ) и грозно возстала на Пушкина и его школу».

Итакъ «романтическая» критика была типичнымъ явленіемъ собственно 20-хъ годовъ. Ея силъ хватило только на оцѣнку первыхъ произ-

веденій Пушкина, наименѣе самобытныхъ. «Наиболѣе зрѣлыя, глубокія и прекраснѣйшія созданія Пушкина были приняты публикой холодно, а критиками оскорбительно» (Бѣлинскій). Романтическая критика Полевого не въ силахъ была понять «Бориса Годунова» и прозы Гоголя. Что касается критики Надеждина, то смыслъ нападокъ этой критики былъ прямо противуположный. Она оцѣнила «Бориса» и нападала на болѣе незрѣлыя произведенія Пушкина. Она смутно чувствовала болѣе высокій идеалъ и отказалась отъ «романтизма» 20-хъ годовъ. Наконецъ характерное отличіе двадцатыхъ годовъ отъ тридцатыхъ въ томъ еще, что 20-е годы исходили изъ философіи Шеллинга, а 30-е шли отъ Гегеля.

§ 2. Въ первые годы разсматриваемаго столѣтія въ журналистикѣ и литературныхъ кружкахъ былъ полный застой и какъ бы мертвое затишье передъ бурей.

«Вспоминая о тогдашней эпохѣ, говоритъ Ксенофонтъ Полевой,—нельзя не удивляться, какъ легко пріобрѣталась литературная извѣстность, и за какіе подвиги называли тогда поэтами! Писака, помѣстившій нѣсколько статеекъ въ журналахъ, или стихотворецъ, издавшій книжечку своихъ вдохновеній, заимствованныхъ у Делиля и Бернара, пріобрѣталъ названіе писателя, если только мало-мало былъ смыслъ и чистенькій языкъ въ его писаньи. Большая часть тогдашнихъ мелкихъ словесниковъ были въ этомъ родѣ... L'Art poétique Буало былъ для тогдашнихъ литераторовъ то же, что Алкоранъ для мусульманина: писать стишки, то есть сочиненія стиховъ въ двадцать, называлось работою, потому что въ самомъ дѣлѣ они въ потѣ работали надъ каждымъ стихомъ, передѣлывали и переправляли его, посвящали дни, недѣли на стихотворныя безделки, и вымученныя такимъ образомъ изъ головы посланія и элегіи, оды и басни повергали ихъ въ продолжительное бездѣйствіе; но, отдохнувши полгода, иногда долѣе, они снова призывали вдохновеніе, то есть вновь переводили или вымучивали изъ себя какое-нибудь стихотвореніе... Разговоры о литературѣ ограничивались выраженіемъ безграничнаго удивленія къ французской словесности и къ тому, что одобряетъ и восхваляетъ Лагарпъ... Къ извѣстности, къ праву входа въ литературныя общества, въ Москвѣ и Петербургѣ, былъ извѣстный путь, а именно вотъ какой. Надобно было умѣть соблюдать только нѣкоторыя формы слога или стихотворства, и при этомъ написать, что хотите—нѣсколько стихотвореній, нѣсколько статеекъ... Автора стишковъ начинали величать извѣстнымъ, или, по крайней мѣрѣ, любезнымъ нашимъ поэтомъ, а прозаика остроумнымъ, ученымъ или, по крайней мѣрѣ, почтеннымъ нашимъ литераторомъ. Если стихотворецъ написалъ нѣсколько стишковъ въ одномъ родѣ, то его именовали, смотря по роду сочиненій, фабулистомъ, идиллистомъ, эпиграмматистомъ, сатирикомъ, лирикомъ... Кто

подражалъ какому нибудь извѣстному французскому стихотворцу втораго и третьяго разряда, того за отличную и долгую выслугу начинали называть нашимъ Шолье, Бернаромъ, и тому подобными поэтическими именами. Иногда, за особенную смѣлость въ подражаніи, рѣшались находить у насъ своихъ Горацiевъ, своихъ Тибулловъ, Ювеналовъ, Марцiаловъ, и даже, — недосягаемое совершенство!—своихъ Буало. Это направленіе литературы особенно укоренилось въ Москвѣ [281]).

«Наполеоново нашествіе, продолжаетъ Ксенофонтъ Полевой, разрушило не одни стѣны и зданія Москвы: оно совершенно уничтожило и прежнюю жизнь ея, такъ что, возрождаясь, наша древняя столица принимала новый характеръ во всемъ—и даже въ литературѣ. Прежній, блестящій кругъ литературный, оживленный присутствіемъ нѣсколькихъ первоклассныхъ писателей, соединявшійся и съ свѣтскимъ обществомъ, расстроился, и уже не могъ образоваться вновь, особливо при увеличивающейся притягательной силѣ Петербурга. Карамзинъ вскорѣ совсѣмъ переселился туда; Жуковскій бывалъ въ Москвѣ только по временамъ и также переѣхалъ въ Петербургъ. Батюшковъ жилъ за границею. Изъ числа прежнихъ и новыхъ тогдашнихъ знаменитостей литературныхъ въ Москвѣ постоянно жили: Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ и князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, принадлежавшій къ молодымъ литераторамъ... Профессоръ Мерзляковъ, вѣрный поклонникъ классицизма, занимался больше всего своими лекціями и, преподавая теорію и исторію словесности, нещадно бранилъ романтиковъ и всѣхъ нововводителей; Каченовскій сбирался преобразовать понятія о русской исторіи, но ограничивался изслѣдованіями о куньихъ мордкахъ и кожаныхъ деньгахъ, а въ «Вѣстникѣ Европы» больше и больше увлекался въ нетерпимость и язвительно отзывался о новой философіи и нововведеніяхъ въ литературѣ... Другіе старики почти ничего не дѣлали... Максимъ Ивановичъ Невзоровъ, Владиміръ Васильевичъ Измайловъ, Михаилъ Николаевичъ Марковъ (всѣ бывшіе нѣкогда журналистами) или не писали вовсе ничего, или такъ же, какъ многіе изъ молодыхъ писателей, ограничивались писаніемъ стишковъ и маленькихъ прозаическихъ статеекъ... Въ Москвѣ существовало общество литературное, утвержденное правительствомъ и извѣстное подъ именемъ «Общество любителей Россійской Словесности». Предсѣдателемъ и двигателемъ его былъ Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій, ученый стараго времени, долго бывшій профессоромъ, ректоромъ университета, начальникомъ университетскаго, благороднаго пансіона... Постоянно собирались у него члены Общества, читали свои статейки и стишки, избирали въ члены своп всѣхъ знаменитыхъ и извѣстныхъ писателей... Всѣ удивлялись искусству Антонскаго вести дѣла. Только литературѣ было оттого не легче. Это самое общество

[281]) Записки. Изд. 1888 г. Стр. 62, 63 и 84.

показывало, что литература ограничивалась формами, мнимою дѣятельностью, пустословіемъ, и служила больше всего самолюбію и связямъ, а не удовлетворяла живой потребности ума, стремленіямъ, изыскательности духа человѣческаго... Въ Петербургѣ въ это время явилось нѣсколько дѣятельныхъ писателей, которые тотчасъ привлекли къ себѣ вниманіе общее. Долго «Сынъ Отечества» былъ тамъ единственнымъ, умнымъ, живымъ, во многомъ образцовымъ журналомъ; съ 1822 года явился «Сѣверный Архивъ», ученый, дѣльный журналъ, отличавшійся литературнымъ характеромъ... При началѣ журнала, имя издателя его было совершенно неизвѣстно: но черезъ годъ или два, имя Ѳ. В. Булгарина заслужило громкую извѣстность[282]).

Затѣмъ въ 1823 году является «Полярная Звѣзда» — первый альманахъ, выведшій за собою цѣлую плеяду другихъ.

Между тѣмъ въ Москвѣ образовался небольшой кружокъ талантливой и проникнутой новыми идеями нѣмецкой критики и философіи Шеллинга молодежи. Источникъ этого направленія должно однако искать въ Петербургѣ. Въ самомъ дѣлѣ, первымъ провозвѣстникомъ шеллингизма въ Россіи былъ профессоръ медико-хирургической академіи Дан. Мих. Велланскій. Изъ своей заграничной командировки (1802) Велланскій привезъ въ Россію натурфилософію Шеллинга и Окена, почерпнутую изъ самаго источника. Въ 1805 г. вышла его диссертація на латинскомъ языкѣ (De reformatione theoriae medicae) и русская брошюра «Пролюзія къ медицинѣ, какъ основательной наукѣ». Въ нихъ Велланскій развивалъ основныя идеи шеллингизма. Оба произведенія прошли почти незамѣченными. Публика еще слишкомъ была неподготовлена къ воспріятію нѣмецкой натурфилософіи. Въ 1812 году Велланскій издалъ однако обширный трактатъ въ 454 стр. подъ заглавіемъ «Біологическое изслѣдованіе природы въ творящемъ и творимомъ ея качествѣ, содержащее основныя начертанія всеобщей физіологіи». На варварскомъ школярномъ языкѣ авторъ излагаетъ здѣсь «абсолютную теорію, посредствомъ которой возможно было бы построить всѣ явленія природы». Одинъ изъ немногихъ читателей тяжеловѣснаго ученаго трактата былъ кн. Одоевскій, впослѣдствіи извѣстный романистъ. Къ провозвѣстникамъ шеллингизма съ кафедры присоединяется затѣмъ вернувшійся въ 1813 г. изъ-за границы Галичъ, философъ и эстетикъ. Скоро интересъ къ шеллингизму настолько возросъ, что Галичъ издавая въ 1819 г. второй томъ своей «Исторіи Философскихъ Системъ», «по требованію многихъ читателей», присоединилъ къ ней изложеніе системы Шеллинга. Простое и общедоступное изложеніе Галича чрезвычайно способствовало популяризаціи въ русскомъ обществѣ идей «философіи тождества». Книга Галича произвела довольно сильное

282) Записки. Стр. 81, 82, 83 и 85.

впечатлѣніе. Послѣ 1821 г. Галичъ былъ лишенъ права преподаванія. Велланскій тоже предпочелъ умолкнуть.

Однако, придавленное въ Петербургскомъ университетѣ шеллингіанство было какъ бы переброшено въ Московскій. Проповѣдниками его здѣсь явились молодые профессора. усвоившіе себѣ ученіе Шеллинга независимо отъ Велланскаго и Галича. Это были— И. И. Давыдовъ и въ особенности М. Г. Павловъ, вернувшійся изъ-за границы въ 1820 году и тогда же начавшій свои лекціи по различнымъ отдѣламъ естественной исторіи, по физикѣ и сельскому хозяйству. «Германская философія, говоритъ Герценъ, была привита московскому университету М. Г. Павловымъ... Павловъ преподавалъ введеніе къ философіи вмѣсто физики и сельскаго хозяйства. Физики было мудрено научиться на его лекціяхъ, сельскому хозяйству—невозможно; но его курсы были чрезвычайно полезны. Павловъ стоялъ въ дверяхъ физико-математическаго отдѣленія и останавливалъ студента вопросомъ: «ты хочешь знать природу? Но что такое природа? Что такое знать?»

Отвѣтомъ на эти вопросы Павловъ излагалъ ученіе Шеллинга и Окена съ такой пластической ясностью, которую никогда не имѣлъ ни одинъ натуръ-философъ. Если онъ не во всемъ достигнулъ прозрачности, то это не его вина, а вина мутности Шеллингова ученія. Скорѣе Павлова можно обвинить за то, что онъ остановился на этой Магабаратѣ философіи и не прошелъ суровымъ искусомъ Гегелевой логики» [283]).

Что касается Давыдова, то онъ, будучи инспекторомъ университетскаго благороднаго пансіона, былъ проводникомъ шеллинговской философіи въ старшихъ классахъ. Онъ давалъ воспитанникамъ книги, толковалъ съ ними о новой системѣ и имѣлъ значительное вліяніе, по свидѣтельству Погодина, на молодое поколѣніе. Разъ въ двѣ недѣли Давыдовъ устраивалъ литературныя собранія воспитанниковъ. Въ 1823 г. изъ этихъ собраній возникло неофиціальное литературное общество, по фамиліи одного изъ учителей, литератора и переводчика Раича, извѣстное подъ именемъ «раичевскаго». Изъ этого общества въ свою очередь выдѣлилось «общество любомудрія» съ особымъ уставомъ. Сами участники закрыли его послѣ рокового 14 декабря 1825 года. Каждую недѣлю по субботамъ «любомудры» собирались въ Газетномъ переулкѣ, въ квартиркѣ князя В. Ѳ. Одоевскаго, отдѣланной на манеръ кабинета Фауста. Колбы, реторты, скелетъ, груды фоліантовъ заваливали двѣ комнаты, гдѣ полуночничали «любомудры», споря о тайнахъ жизни и гроба. Предсѣдателемъ былъ Одоевскій. Душею кружка, краснорѣчивымъ ораторомъ,—восемнадцатилѣтній Д. В. Веневитиновъ: постояннымъ оппонентомъ былъ А. И. Кошелевъ. Всѣ они служили въ архивѣ министерства юстиціи, также и другіе члены кружка — братья Кирѣевскіе и другъ

---

[283]) Соч. А. И. Герцена. Женева. 1879 г., томъ VII. Былое и думы. Стр. 119.

Пушкина. Соболевскій. Это извѣстные—«архивные юноши». Въ 1823 году въ кружокъ вступилъ В. К. Кюхельбекеръ, лицейскій товарищъ Пушкина, учительствовавшій въ Москвѣ, и малороссъ Максимовичъ, который въ поданномъ Павлову разсужденіи «О системахъ растительнаго царства» приложилъ къ біологіи новые натуръ-философскіе взгляды. Московскіе «любомудры» думали было издавать журналъ, направленіе котораго выяснено Веневитиновымъ въ статьѣ «Нѣсколько мыслей въ планъ журнала». Дальше плана дѣло не пошло, но въ 1824—1825 гг. Одоевскій и Кюхельбекеръ издали четыре книжки Альманаха Мнемозина. Возбудивъ сильную полемику, «Мнемозина» не имѣла широкаго успѣха; изданіе имѣло всего 157 подписчиковъ, въ то время какъ «Полярная Звѣзда» Рылѣева и Бестужева разошлась въ три недѣли въ 1500 экземплярахъ, а между тѣмъ «Мнемозина» была богаче идейнымъ содержаніемъ. Литературная дѣятельность «кружка любомудрія» 1823—1825 годовъ и ограничилась изданіемъ «Мнемозины». Въ 1826 году, съ переѣздомъ Одоевскаго, Веневитинова и Кошелева въ Петербургъ, собранія кружка сами собой прекратились [24]).

БИБЛІОГРАФІЯ: Указатель философскихъ трудовъ Велланскаго, Галича, Давыдова, Павлова и Одоевскаго см. въ § 52. перевода Колубовскаго «Исторіи новой философіи» Иберюега-Гейнце, въ приложеніи «Философія у русскихъ», изд. 1890 г. Стр. 534—536. Воспоминанія о Велланскомъ (1774—1847). Н. Розанова. Русскій Вѣстникъ. 1867. Томъ 78. Стр. 99—137. А. И. Галичъ (1783—1848). Біографія А. Никитенко. Спб. 1870 и въ Ж. М. Н. П. 1870, 1, стр. 1—100. И. И. Давыдовъ (1794—1863). См. Біографическій словарь проф. моск. унив., т. I, стр. 276—286.—Мих. Григ. Павловъ (ум. 1840). Общій очеркъ природы по теоріи проф. Павлова. Телескопъ 1836, ч. 34, стр. 63—80. Біогр. сл. проф. моск. унив., т. II. стр. 183—199. Кн. Вл. Θеодор. Одоевскій. Статья весьма обстоятельная, А. Θ. Кони въ словарѣ Брокгаузъ—Эфронъ. Томъ XXI. а. 1897. Стр. 748—752. А. И. Пятковскій. Князь В. Θ. Одоевскій. Спб. 1870. Въ память о князѣ В. Θ. О—мъ. М. 1869. Н. Θ. Сумцовъ. Кн. В. Θ. Θ. Харьковъ. 1884. В. Боцяновскій. Князь В. Θ. Одоевскій и общество посѣщенія бѣдныхъ въ Спб. Изъ журнала «Трудовая помощь». Апрѣль—Май. 1899 г.

§ 3. Содержаніе «Мнемозины» раздѣляется на четыре части: 1) беллетристика, проникнутая духомъ направленія «кружка любомудровъ»; 2) философскія статьи, излагающія философію Шеллинга; эти два отдѣла главнымъ образомъ представлены работами кн. Одоевскаго. Впрочемъ въ 4-й кн., стр. 1—34 явилась статья самого профессора Павлова: «О способахъ изслѣдованія природы». 3-й отдѣлъ—изложеніе литературныхъ, эстетическихъ воззрѣній кружка взялъ на себя В. К. Кюхельбекеръ; 4-й—полемика

[24]) См. Милюковъ. Главныя теченія русской исторической мысли. Т. I. Изд. 2-е. 1898 г. Стр. 294—301. Изложеніе идей шеллингизма стр. 311—340.

и «антикритики». Беллетристическими опытами въ «Мнемозинѣ» князь Одоевскій, по словамъ Бѣлинскаго, выступалъ на литературное поприще. «Мы помнимъ первую повѣсть его «Элладій, картину свѣтской жизни», говоритъ Бѣлинскій въ рецензіи на собраніе сочиненій князя Одоевскаго, 1844 г.,— напечатанную въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ — Альманаховъ («Мнемозинѣ»). Эта повѣсть теперь всякому показалась бы слабой, дѣтской и по содержанію и по формѣ; но тогда она обратила на себя общее вниманіе и пріятно всѣхъ удивила... Со стороны искусства и вообще манеры разсказывать она была произведеніемъ оригинальнымъ и дотолѣ невиданнымъ; было что то свѣжее въ мысляхъ, во взглядѣ автора на предметы и въ чувствахъ, которыя старался онъ ею возбудить въ обществѣ. Къ тому же времени... относятся его «апологи» — родъ поэтическихъ аллегорій, въ которыхъ ясно и опредѣлительно высказалось направленіе таланта ихъ автора».

Приведя затѣмъ цѣликомъ одинъ такой «апологъ» — «Старики или островъ Панхаи»,— Бѣлинскій говоритъ:

«Эти апологи замѣчательны уже тѣмъ, что они не походили ни на что, бывшее до нихъ въ русской литературѣ; они не пользовались популярностью, потому что могли нравиться не всѣмъ. Старички острова Панхаи называли ихъ безнравственными; большинство публики, не находя въ нихъ ничего для фантазіи, и не любя мысли, предлагаемой преимущественно для ума мыслящаго, пропустило ихъ безъ особеннаго вниманія; но зато юношество, одушевленное стремленіемъ къ идеальному, въ хорошемъ значеніи этого слова, какъ противуположности пошлой прозѣ жизни,— это юношество читало ихъ съ жадностью, и благодатны были плоды этого чтенія. Мы знаемъ это по собственному опыту».

Апологъ «Старики» или «Островъ Панхаи» носитъ еще второе подзаглавіе: «Дневникъ Ариста»: онъ видитъ сонъ—описаніе этого сна и составляетъ эту ѣдкую сатиру на «стариковъ» — то общество, которое изображалъ и Грибоѣдовъ. Въ сатирѣ дѣйствуютъ «старики-младенцы»:

«Нельзя описать, какое сильное отвращеніе производилъ видъ сихъ старцевъ-младенцевъ!» Одни изъ нихъ перекидывались мишурнымъ мячикомъ. «Что это за игра такая? спросилъ я. Она называется, отвѣчалъ мнѣ невидимый голосъ: свѣтскими разговорами. Эта игра весьма скучна, какъ ты видишь, но любимая у младенцевъ...» Жалко было смотрѣть на юношей, которыми брались руководить старики. «Тщетно злополучные юноши обращали взоры къ чему то высшему, непонятному для стариковъ-младенцевъ; упрямые старики, не давая имъ отдыха, заставляли перекидывать мячикъ». Это была игра, называемая свѣтскимъ воспитаніемъ. Не таковы безсмертные юноши. «Небеснымъ огнемъ пламенѣли ихъ очи; ихъ не туманило ничтожное земное; душевная дѣятельность пылала во всѣхъ чертахъ,

во всѣхъ движеніяхъ: они презирали шумный, суетный крикъ младенцевъ, — ихъ взоры быстро стремились къ возвышенному». Кружокъ стариковъ-младенцевъ съ важностью складываетъ песчинку къ песчинкѣ. «У васъ нѣтъ основанія, сказалъ улыбаясь одинъ изъ безсмертныхъ юношей, — у васъ даже нѣтъ связи, которая бы могла соединить ваши песчинки».

Младенцы презрительно посмотрѣли на юношу—и спѣсиво указали ему на десять кое-какъ сложенныхъ песчинокъ, какъ бы говоря: вотъ гдѣ истинная мудрость. «Тщетно, сказалъ мнѣ голосъ: отъ этой игры ихъ не отучишь; она называется: опытными знаніями! — «Мѣряйте однимъ и тѣмъ же аршиномъ!» сказалъ безсмертный юноша другимъ старикамъ.—Мой лучшій! мой лучшій! закричали они всѣ вмѣстѣ... Какъ исчислить всѣ суетныя занятія стариковъ-младенцевъ, какъ исчислить—неисчислимое? Одни пускали мыльные пузыри и увѣряли, что для сего потребны величайшія усилія и умъ высокій; другіе вили въ кудри сѣдые волосы и восхищались своею безобразною красотою; третіе прозябали въ бездѣйствіи, но у всѣхъ на языкѣ вертѣлася опытность!.. Друзья, восклицаетъ въ заключеніе Одоевскій, улыбку старикамъ-младенцамъ, и на колѣни предъ вѣчно-юными старцами![285]).

Послѣднее восклицаніе въ сущности всего лучше свидѣтельствуетъ о глубокой «благонамѣренности», какъ тогда выражались, юныхъ «любомудровъ». Улыбка снисхожденія Херасковымъ, Сумароковымъ—этимъ «старикамъ-младенцамъ», и «на колѣни» предъ вѣчно—юными старцами—Гомеромъ, Платономъ! Ярко иллюстрируетъ настроеніе московскихъ любомудровъ начала 20-хъ годовъ и слѣдующія мѣста въ «Елладіи»:

«Чья жизнь была—безпрерывное совершенствованіе, тому на землѣ знакомо небесное, тотъ бодро оставляетъ прахъ земной, онъ привыкъ отрясать его!—Но горе, горе оземленѣлому тѣломъ и духомъ!»[286]).

«Протекли годы,— уже ничѣмъ непобѣждаемое оружіе Сатиры покрыло срамомъ старые предразсудки, уже новыя, благородныя мысли бродили вездѣ съ большимъ успѣхомъ; не знаю, какъ пробралися они сквозь шарканья старыхъ придворныхъ, сквозь безмысленныя толкованія и французскія полуостроты свѣтскихъ автоматовъ... Вѣрьте мнѣ или не вѣрьте, духъ времени на полетѣ къ незримой цѣли своей, какъ бы дожидается въ нѣкоторыхъ людяхъ, одаренныхъ свыше, минуты тѣлеснаго ихъ развитія и вдругъ, когда даже сами они не замѣчаютъ того, какъ быстрое пламя, мгновенно возникаетъ въ нихъ,— производитъ бури душевныя и далеко уноситъ изъ преж-

[285]) Мнемозина, собраніе сочиненій въ стихахъ и прозѣ. Издаваемая кн. В. Одоевскимъ и В. Кюхельбекеромъ. Ч. I. М. 1824 г. Старики или островъ Панхаи. Дневникъ Ариста. Стр. 1—12.

[286]) Елладій. Картина изъ свѣтской жизни. Одоевскаго. Мнемозина. Часть II. Стр. 99.

няго ихъ тѣснаго круга[287]). Не менѣе, а даже болѣе, характеренъ для «любомудровъ», «отрывокъ изъ Романа» кн. Одоевскаго въ III-й части «Мнемозины»,—«Слѣдствія сатирической статьи». Примѣчаніе къ этому отрывку показываетъ, что кружокъ относился критически и къ начинавшемуся увлеченію поверхностнымъ «романтизмомъ».

«Подъ словомъ классикъ я понимаю не тѣхъ людей, которые погружаясь въ глубокія изслѣдованія, стремятся привести къ одному началу всѣ явленія въ области духа человѣческаго, но тѣхъ, которые думаютъ, что далѣе Эшенберга и Лагарпа шагу ступить нельзя. Послѣдняго рода классики стоятъ нашихъ Самозванцевъ-Романтиковъ (sic!)». (Стр. 134—135). Герой отрывка—Двинскій, попадаетъ на вечеръ старичковъ-младенцевъ, старенькихъ литераторовъ, среди которыхъ роль оракула играетъ жидкій французикъ, толкующій о Буало и трехъ единствахъ. Старички и до того были разобижены критической статьей Двинскаго, гдѣ онъ высказывалъ новые взгляды. Появленіе его самого производитъ впечатлѣніе землетрясенія. Двинскій не удержался и заспорилъ. Двинскій доказывалъ, что прошла для русскихъ пора восхищаться всякимъ бредомъ, печатаемымъ во Франціи, и что намъ время кинуть раболѣпное подражаніе и производить самимъ, не справляясь съ Батте и Лагарпомъ». Французъ въ ужасѣ, и называетъ его Корбонаріемъ. Этого достаточно, чтобы вся Москва стала повторять прозвище. «Имя Двинскаго не иначе стало произноситься, какъ съ прибавленіемъ слова Корбонарій»[288]). Вспомнимъ восклицаніе Фамусова: Ахъ, Боже мой, онъ Корбонарій! Отрывокъ романа написанъ кн. Одоевскимъ въ 1824 году. А въ прибавленіи къ первому номеру «Московскаго Телеграфа» 1825 года находимъ слѣдующее:

«Древняя столица представляла въ семъ году зрѣлище довольно разнообразное. Построеніе модныхъ галстуховъ, скачки братьевъ Лемановъ, чувствительныя о нихъ статьи въ Дамскомъ Журналѣ, битва Романтиковъ съ Классиками, споръ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ о способѣ растить волосы на плѣшивой головѣ... мы имѣли счастіе быть на первой лекціи г. Сентъ-Ожера, слышали исковерканную первую статью изъ Батте, далѣе толкованія о томъ, что Дантъ производилъ уродовъ, что Шекспиръ былъ варваръ, а Лагарпъ величайшій мудрецъ въ свѣтѣ,— все это разсказанное съ обыкновенною французскою увѣренностью»... (Взглядъ на Москву въ 1824 году). Очевидно, этотъ заѣзжій лекторъ, на лекціяхъ котораго присутствовала и его жирная моська, и былъ тотъ самый, который ославилъ Двинскаго «Корбонаріемъ». Замѣтимъ, что сцена романа чрезвычайно напоминаетъ монологъ Чацкаго («Французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь» и т. д.). Пе-

[287]) Id. Стр. 96, 97 и 98.
[288]) Id. стр. 144 и 145.

реходя къ статьямъ отвлеченнаго, философскаго содержанія, должно остановиться на «Аѳоризмахъ изъ различныхъ писателей, по части современнаго германскаго любомудрія» Одоевскаго во II части «Мнемозины». Здѣсь находимъ точное выраженіе основной идеи философіи «тождества» или такъ называемой «первой философіи» Шеллинга, доказывающее, какъ глубоко вдумывались въ эту трудную систему наши юные «любомудры». Изложеніе характерно по своему гіероглифическому языку.

«Вещественное равно отвлеченному; вещественное есть то-же отвлеченное, но только разрозненное, сдѣлавшееся конечнымъ; всѣ конечные равны высшему Идеалу. Вещественное и отвлеченное одно и то-же, только въ двойственной формѣ. Отвлеченное есть то-же вещественное, только заключенное въ формѣ безпредѣльной, вѣчной, цѣлостной; вещественное есть то-же отвлеченное, только подъ формою частною, многоразличною. Въ обѣихъ — безконечность».

«Идея совершеннаго единства отвлеченнаго съ вещественнымъ — есть Абсолютъ. Сія идея отразилась и въ насъ—и наше знаніе въ цѣлости своей должно быть ея отпечаткомъ... Всякое знаніе недѣйствительно, ничтожно, если начала своего не ведетъ отъ первоначальной идеи всѣхъ знаній... Знаніе едино... Знаніе въ своей цѣлости—есть безусловное отраженіе вселенной, а бытіе, природа—его второе проявленіе»[289]).

Эстетическія воззрѣнія кружка выражены во II-й части альманаха Кюхельбекеромъ въ статьѣ «О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической, въ послѣднее десятилѣтіе».

«Жуковскій первый у насъ сталъ подражать новѣйшимъ нѣмцамъ, преимущественно Шиллеру. Современно ему Батюшковъ взялъ себѣ въ образецъ двухъ пигмеевъ французской словесности—Парни и Мильвуа. Жуковскій и Батюшковъ на время стали корифеями нашихъ стихотворцевъ, и особенно той школы, которую нынѣ выдаютъ намъ за романтическую. Но что такое поэзія романтическая? Она родилась въ Провансѣ и воспитала Данта, который далъ ей жизнь, силу и смѣлость... Впослѣдствіи въ Европѣ всякую поэзію свободную, народную стали называть романтическою».

«У насъ все мечта и призракъ, все мнится и кажется, и чудится, все только будто-бы, какъ-бы, нѣчто, что-то... Прочитавъ любимую элегію Жуковскаго, Пушкина или Баратынскаго, знаешь все. Чувствъ у насъ уже давно нѣтъ: чувство унынія поглотило всѣ прочія. Всѣ мы въ запуски тоскуемъ о своей погибшей молодости: до безконечности жуемъ и пережевываемъ эту тоску... Картины вездѣ однѣ и тѣ-же: луна, которая—разумѣется уныла и блѣдна, скалы и дубравы, гдѣ ихъ никогда не бывало, лѣсъ, за которымъ сто разъ представляютъ заходящее солнце; вечерняя

[289]) Стр. 82, 83 и 84.

заря: изрѣдка длинныя тѣни и привидѣнія, что-то невидимое, что-то невѣдомое, пошлыя иносказанія, блѣдныя, безвкусныя олицетворенія труда, нѣги покоя, веселья, печали, лѣни писателя и скуки читателя; въ особенности же туманъ: туманы надъ водами, туманы надъ боромъ, туманы надъ полями, туманъ въ головѣ сочинителя... (Id. Стр. 36, 37 и 38). Изъ словъ-же русскаго богатаго и мощнаго силятся извлечь небольшой, благопристойный, приторный, искусственно тощій, приспособленный для немногихъ языкъ...»

«Печатью народности ознаменованы какіе-нибудь 80 стиховъ въ Свѣтланѣ и въ посланіи къ Воейкову Жуковскаго, нѣкоторыя, мелкія стихотворенія Катенина, два или три мѣста въ Русланѣ и Людмилѣ Пушкина. Свобода, изобрѣтеніе и новость составляютъ главныя преимущества романтической поэзіи передъ такъ называемою классическою позднѣйшихъ Европейцевъ... Будемъ благодарны Жуковскому, что онъ освободилъ насъ изъ подъ ига французской словесности и отъ управленія нами по законамъ Ла-Гарпова лицея и Баттеева курса: но не позволимъ ни ему, ни кому другому, если бы онъ владѣлъ и вдесятеро большимъ передъ нимъ дарованіемъ, наложить на насъ оковы нѣмецкаго или англійскаго владычества. Всего лучше имѣть поэзію народную».

Итакъ, боязнь подражательности и проповѣдь самобытности и народности, недовольство безсодержательностью русской словесности — вотъ сущность литературныхъ воззрѣній кружка «любомудровъ». «Мнемозина» была встрѣчена нападками и не удержалась отъ полемики. Такъ въ ч. III-й «Мнемозины» кн. Одоевскій помѣщаетъ «антикритику», какъ тогда называли, въ которой отвѣчаетъ не безъ вызова всей журналистикѣ:

«Заблужденія давно уничтоженныя, вялые предразсудки, скудость познаній, кругъ мыслей сжатый—вотъ что составляетъ жизнь нашихъ журналовъ. Есть ли хотя одинъ изъ нихъ, похожій не говорю уже на изданія, каковы ...Окена, Шеллинга и Гегеля... Есть-ли хотя одинъ изъ нашихъ журналовъ, похожій просто на Европейскій журналъ, издающійся въ XIX столѣтіи?»[290]).

Напалъ на альманахъ и сонздатель Греча — Ѳаддей Булгаринъ. Нападеніе было столь дѣйствительное, что въ послѣднемъ выпускѣ «Мнемозины» кн. Одоевскій обратился къ издателю «Сѣвернаго Архива» съ такимъ грознымъ вопросомъ:

«Скажите мнѣ, милостивый государь, г. Булгаринъ, какой умный и благовоспитанный человѣкъ рѣшится позволить себѣ вольности, выходящія за предѣлы всякой благопристойности, которыя вы позволили себѣ въ послѣднихъ №№-хъ литературныхъ листковъ вашихъ?..»[291]). Одоевскій указываетъ,

[290]) «Замѣчанія на статью, напечатанную въ № 38 «С. О.» подъ названіемъ «Журнальныя статьи». Стр. 184 и 185 Мнемоз. ч. III-я.

[291]) «Краткій отвѣтъ кн. Одоевскаго г-ну Булгарину». Мнемозина, ч. IV, стр. 227.

что «Мнемозина»— «изданіе, гдѣ помѣщаются сужденія, которыя — смѣло можно сказать,—отъ роду въ голову не приходили нашимъ журналистамъ, читающимъ одного Батте и Лагарпа». Наконецъ въ послѣдней книжкѣ помѣщены: «Нѣсколько словъ о Мнемозинѣ самихъ издателей». Кюхельбекеръ и Одоевскій такъ выясняютъ здѣсь цѣль и значеніе своего изданія: «Мнемозина еще прежде своего выхода надѣлала много шума... Сперва наше изданіе слегка расшевелило маленькое самолюбіе маленькихъ людей, почитающихъ себя великими; впослѣдствіи времени объявивъ войну почти всѣмъ русскимъ журналамъ, почти всѣмъ старымъ предразсудкамъ, оно необходимо должно было навлечь на себя негодованіе преданныхъ онымъ, должно было испытать всю силу смѣшного журнальнаго мщенія... Издатели презирали недоброжелательныя о себѣ толки; главнѣйшая цѣль изданія нашего была—распространить нѣсколько новыхъ мыслей, блеснувшихъ въ Германіи; обратить вниманіе русскихъ читателей на предметы въ Россіи мало извѣстные, по крайней мѣрѣ, заставить говорить о нихъ; положить предѣлы нашему пристрастію къ французскимъ теорикамъ... Мнемозина заставила толковать о Шеллингѣ и Океновѣ...» (стр. 231, 232, 233).

Конечно, заявленіе о томъ, что «Мнемозина» объявила войну почти всѣмъ старымъ предразсудкамъ»— юношеское преувеличеніе. Полевой отозвался довольно небрежно о «Мнемозинѣ»: «Въ Москвѣ издавали кн. Одоевскій и г. Кюхельбекеръ повремен. изданіе: Мнемозину, и хотя они говорили, что это изданіе въ родѣ Альманаха, но Мнемозина, ни по содержанію, ни по виду, не можетъ назваться легкою; въ ней появлялись даже статьи о новѣйшей германской философіи, кажется, для испытанія и силъ сочинителя и вкуса публики...»[292]). Такъ же точно не она «положила предѣлы» ложноклассицизму. Но дѣйствительно она «заставила говорить» о Шеллингѣ въ русской журналистикѣ и пустила въ оборотъ «нѣсколько новыхъ мыслей».

БИБЛІОГРАФІЯ: Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карл., товарищъ Пушкина по лицею и декабристъ. См. въ «Русской Старинѣ»: Дневникъ. 1831—1845. 1875. XIII. 490—531. XIV. 75—91. 1883. XXXIX. 101—128: 251—272: 1884. XLI. 71—82. 339—362. Біографич. очеркъ и переписка его. 1817—1825 гг. Ю. В. Косова. 1875. т. XIII. 333—382. Вѣчный жидъ, поэма К—ра. 1840—1849. 1878. XXI. 403—469. Письмо его къ Жуковскому. 1846. 1878. XXII. 345—346.

§ 4. Выше мы упомянули, что душею кружка московскихъ «любомудровъ» былъ поэтъ Дмитрій Владиміровичъ Веневитиновъ (1805—1827) и ссылались на его «нѣсколько мыслей въ планъ журнала». Чистая и свѣтлая личность юноши Веневитинова въ исторіи русскихъ мыслящихъ круж-

[292]) «Телеграфъ», 1825 г.

ковъ двадцатыхъ годовъ имѣла такое-же значеніе, какъ личность Андрея Тургенева для поколѣнія десятыхъ, и Станкевича—для тридцатыхъ. Сочиненія его въ двухъ частяхъ изданы въ Москвѣ, въ 1829 году (стихотворенія) и въ Петербургѣ въ 1831 (вторая часть—проза) съ любопытными предисловіями друзей его, писанными въ годъ смерти поэта.

«Читатели найдутъ въ его сочиненіяхъ отпечатокъ прекрасной, высокой души,—говорятъ издатели.—Все, что способно возбудить чувство высокое, занять сердце пылкое, но пламенѣющее для одного изящнаго, все то проходило не вскользь по душѣ его; другія страсти были ему неизвѣстны... Оттого сохранилъ онъ до конца невинную простоту характера: друзьямъ его было знакомо доброе безкорыстіе его сердца; имъ простодушно ввѣрялъ онъ всѣ его тайны, имъ открывался весь, какимъ зналъ себя».

Онъ обучался дома. Рано обнаружились въ немъ необыкновенныя способности къ живописи и музыкѣ. Изучивъ многіе древніе и новѣйшіе языки, четырнадцати лѣтъ онъ уже хорошо понималъ Софокла и Эсхила, и не разставался съ Гораціемъ. Позднѣе онъ «ревностно сталъ изучать критиковъ нѣмецкихъ и съ жаромъ принялся за ту науку, которой цѣль есть познаніе насъ самихъ». «Съ тѣхъ поръ предметомъ его размышленій было его собственное, внутреннее чувство. Повѣрять, распознавать его, было главнымъ занятіемъ его разсудка. Оттого, не смотря на веселость, даже на самозабвеніе, съ которымъ онъ часто предавался минутному расположенію духа, характеръ его былъ совершенно меланхолическій; оттого и въ произведеніяхъ его господствуетъ болѣе чувство, нежели фантазія. Но чувство сіе было глубокое: всѣ мгновенные порывы души старался онъ удержать на вѣки въ самомъ себѣ, и въ себѣ единственно искалъ отвѣта на всѣ загадки жизни». Въ 1826 г. Веневитиновъ познакомился съ Пушкинымъ, возвращеннымъ въ Москву изъ Михайловскаго. Поэты горячо подружились. Перейдя въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года на службу въ Петербургъ, Веневитиновъ здѣсь особенно сблизился съ Дельвигомъ и Козловымъ. Красавецъ Веневитиновъ былъ слабаго здоровья, разстроеннаго усиленными умственными занятіями. Простуда, схваченная имъ при разъѣздѣ съ бала, развилась въ смертельную болѣзнь. Веневитиновъ умеръ на 22 году, 15-го марта 1827 г. «Comment donc l'avez vous laissé mourir»? (какъ вы допустили его умереть?) говорилъ Пушкинъ друзьямъ покойнаго поэта. «Душа разрывается»,—писалъ князь Одоевскій: «я плачу, какъ ребенокъ!» Маститый Дмитріевъ помѣстилъ въ «Телеграфѣ» (№ 8, 1827 г. Стр. 157) слѣдующее граціозно-грустное надгробіе:

Природа вновь цвѣтетъ и роза нѣгой дышетъ.
Гдѣ юный нашъ поэтъ? Увы, подъ сей доской!
А старость дряхлая, дрожащею рукой,
Ему надгробье пишетъ!

Поэтъ Дельвигъ тоже написалъ антично-прекрасную эпитафію «на смерть Д. В. Веневитинова»:

Дѣва.

Юноша милый! На мигъ ты въ наши игры вмѣшался!
Розѣ подобный красой, какъ Филомела ты пѣлъ.
Сколько любовь потеряла въ тебѣ поцѣлуевъ и пѣсенъ!
Сколько желаній и ласкъ—новыхъ, прекрасныхъ, какъ ты!

Роза.

Дѣва не плачь! Я на прахѣ его въ красотѣ расцвѣтаю.
Сладость онъ жизни вкусивъ, горечь оставилъ другимъ.
Ахъ! и любовь бы измѣною душу пѣвца отравила!
Счастливъ, кто прожилъ, какъ онъ, вѣкъ соловьиный и мой!

Тѣло Веневитинова было перевезено въ Москву и погребено въ Симоновомъ монастырѣ. На могильной плитѣ, покрывающей прахъ поэта, вырѣзана слѣдующая краткая надпись:

Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ!

Въ «Телеграфѣ» (1829 г. Ч. 27-я. № 9. Стр. 40) находимъ стихотвореніе М. Лихонина: «Разговоръ на гробѣ поэта», свидѣтельствующее какую память оставилъ по себѣ Веневитиновъ:

Посѣтитель.

Веди меня, честной отецъ,
На гробъ священный, гдѣ пѣвецъ
Уснулъ такъ рано вѣчнымъ сномъ.

Пустынникъ.

Но говорите вы о комъ?

Посѣтитель.

Гдѣ В....ва гробъ?

Пустынникъ.

Ну, какъ не знать! да, вотъ сугробъ...
...Вонъ за рѣшеткою простой.
Весь снѣгомъ занесенный камень.

Посѣтитель.

И не горитъ священный пламень
На гробѣ томъ, гдѣ ты сокрытъ,
Любимецъ дѣвственныхъ Харитъ!

Пустынникъ.

Вѣдь онъ схороненъ здѣсь недавно.
Намъ матушка его исправно
Гостинцы возитъ, дай Богъ ей!

«Пустынникъ», по цензурнымъ требованіямъ того времени, долженъ былъ охранять incognito монаха Симонова монастыря... но «самая рѣчь обличаетъ его»!..

Обратимся къ міросозерцанію Веневитинова. Въ «Письмѣ къ графинѣ N. N.» онъ такъ опредѣляетъ философію: «Всѣ науки сводятся на философію и изъ ней обратно выводятся... Вы видѣли Мадонну — и она привела Васъ въ восторгъ; Вы спросили: отчего эта Мадонна прекрасна? и на это отвѣчала Вамъ наука прекраснаго или эстетика; но Вы спросили: отчего чувствую я красоты сей Мадонны? Какая связь между ею и мною?—и не могли найти отвѣта. Онъ принадлежитъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, къ философіи; ибо тутъ дѣло идетъ не о законахъ прекраснаго, но о началѣ всѣхъ законовъ, объ умѣ познающемъ, принимающемъ впечатлѣнія». Самопознаніе — основа, исходная точка Веневитинова. Это выражено поэтомъ и въ діалогѣ «Платонъ».

Платонъ: Жить ничто иное, какъ творить —будущее намъ идеалъ. Но будущее есть произведеніе настоящаго, то есть нашей собственной мысли.

Анаксагоръ: Итакъ, Платонъ, если я понялъ твою мысль, то золотой вѣкъ точно существуетъ и снова ожидаетъ смертныхъ.

Платонъ: Вѣрь мнѣ, Анаксагоръ, вѣрь: она снова будетъ, эта эпоха счастія, о которой мечтаютъ смертные. Нравственная свобода будетъ общимъ удѣломъ — всѣ познанія человѣка сольются въ одну идею о человѣкѣ, всѣ отрасли наукъ сольются въ одну науку самопознанія... Тогда пусть... (наша планета) исчезнетъ, но, совершивъ свое предназначеніе, исчезнетъ, какъ ясный звукъ въ гармоніи вселенной.

Наконецъ и «нѣсколько мыслей въ планъ журнала» начинаются той же идеей: «Всякому человѣку, одаренному энтузіазмомъ... представлялся естественный вопросъ: для чего поселена въ немъ страсть къ познанію и къ чему влечетъ его непреоборимое желаніе дѣйствовать?.. Самопознаніе — вотъ идея, одна только могущая одушевить вселенную; вотъ цѣль и вѣнецъ человѣка... Исторія убѣждаетъ насъ, что сія цѣль человѣка есть цѣль всего человѣчества... Съ сей точки зрѣнія должны мы взирать на каждый народъ, какъ на лице отдѣльное, которое къ самопознанію направляетъ всѣ свои нравственныя усилія, ознаменованныя печатію особеннаго характера. Развитіе сихъ условій составляетъ просвѣщеніе».

«Съ этой мыслью обратимся къ Россіи и спросимъ: какими силами подвигается она къ цѣли просвѣщенія? Какой степени достигла она въ сравненіи съ другими народами на семъ поприщѣ, общемъ для всѣхъ? Вопросы, на которые едва-ли можно ожидать отвѣта, ибо безпечная толпа нашихъ литераторовъ, кажется, не подозрѣваетъ ихъ необходимости. У всѣхъ народовъ самостоятельныхъ просвѣщеніе развивалось изъ начала, такъ ска-

зать, отечественнаго... Россія все получила извнѣ; оттуда это чувство подражательности, которое самому таланту приноситъ въ дань не удивленіе, но раболѣпство; оттуда совершенное отсутствіе всякой свободы и истинной дѣятельности... Россія приняла наружную форму образованности и воздвигла мнимое зданіе литературы безъ всякаго основанія, безъ всякаго напряженія внутренней силы. Уму человѣческому сродно дѣйствовать, и если-бъ онъ у насъ слѣдовалъ естественному ходу, то характеръ народа развился бы собственной своей силою и принялъ бы направленіе самобытное, ему свойственное... Положеніе наше въ литературномъ мірѣ—положеніе совершенно отрицательное».

«Легче дѣйствовать на умъ, когда онъ пристрастился къ заблужденію, нежели когда онъ равнодушенъ къ истинѣ... Давно-ли ошибчивыя сужденія французовъ о философіи и искусствахъ почитались въ ней законами? И гдѣ-же слѣды ихъ? Они въ прошедшемъ, или разсѣяны въ немногихъ твореніяхъ, которыя съ безсильною упорностію стараются представить прошедшее настоящимъ. Такое освобожденіе Россіи отъ условныхъ оковъ и отъ невѣжественной самоувѣренности французовъ было-бы торжествомъ ея, если-бы оно было дѣломъ свободнаго разсудка; но къ несчастію оно не произвело значительной пользы: ибо причина нашей слабости въ литературномъ отношеніи заключалась не столько въ образѣ мыслей, сколько въ бездѣйствіи мысли. Мы отбросили французскія правила не оттого, чтобы мы могли ихъ опровергнуть какою либо положительною системою; но потому только, что не могли примѣнить ихъ къ нѣкоторымъ произведеніямъ новѣйшихъ писателей, которыми невольно наслаждаемся. Такимъ образомъ правила невѣрныя замѣнились у насъ отсутствіемъ всякихъ правилъ. Однимъ изъ пагубныхъ послѣдствій сего недостатка нравственной дѣятельности была всеобщая страсть выражаться въ стихахъ. Многочисленность стихотворцевъ во всякомъ народѣ есть вѣрнѣйшій признакъ его легкомыслія».

«Надобно-бы совершенно остановить нынѣшній ходъ словесности въ Россіи, и заставить ее болѣе думать, нежели производить... Для сей цѣли надлежало-бы нѣкоторымъ образомъ устранить Россію отъ нынѣшняго движенія другихъ народовъ, закрыть отъ взоровъ ея всѣ маловажныя происшествія въ литературномъ мірѣ, безполезно развлекающія ея вниманіе, и опираясь на твердыя начала философіи, представить ей полную картину развитія ума человѣческаго, картину, въ которой бы она видѣла свое собственное предназначеніе».

Программа журнала, долженствующаго проповѣдывать эти идеи, опредѣлена Веневитиновымъ такъ:

1) Теоретическія изслѣдованія самаго ума и свойствъ его. (Теорія познанія; идеалогія).

2) Примѣненіе сихъ же изслѣдованій къ исторіи наукъ и искусствъ. (Критика и философія исторіи).

3) Обратить особенно вниманіе на древній міръ и его произведенія. Древняя пластика или вообще духъ древняго искусства представляетъ намъ обильную жатву мыслей, безъ коихъ новѣйшее искусство теряетъ большую часть своей цѣны и не имѣетъ полнаго значенія въ отношеніи къ идеѣ о человѣкѣ. (Нео-классицизмъ).

4) Вникать въ причины, породившія современную намъ образованность. (Обращеніе къ почвѣ и источникамъ идей).

Нельзя не удивляться глубинѣ и ширинѣ мысли, новизнѣ взгляда юноши Веневитинова, полнотѣ усвоенія имъ началъ европейскаго романтизма и примѣненія ихъ къ русскимъ потребностямъ. Здѣсь уже находимъ эмбріонъ славянофильства. А романтизмъ въ Россіи и могъ только вылиться въ славянофильство, народничество и панславизмъ. Веневитиновъ требуетъ «самопознанія», какъ основы «самобытности». Онъ вовсе не обольщенъ новыми вѣяніями русскаго подражательнаго романтизма, видя въ немъ смѣну однихъ идоловъ—другими. Онъ радуется освобожденію отъ оковъ ложно-классической условности, но въ то-же время, и даже въ силу этого освобожденія, требуетъ усвоенія «духа древняго искусства». Онъ высказываетъ странную на первый взглядъ мысль — «устраненія» Россіи отъ Западнаго движенія идей, въ смыслѣ самоуглубленія и собранности духа. Но въ то-же время онъ предлагаетъ вдумываться въ причины, породившія образованность новыхъ народовъ. Глубоко тонкое объясненіе даетъ Веневитиновъ сущности происшедшаго въ началѣ 20-хъ годовъ кризиса. Онъ указываетъ, что «французскія правила» вдругъ выказали свою негодность и были отброшены, когда подъ нихъ не подошли новыя, прекрасныя произведенія поэзіи, которыми не могли не наслаждаться всѣ, способные къ эстетическому наслажденію. Съ необычайной смѣлостью (однако сходясь въ этомъ съ Полевымъ, Надеждинымъ, Кирѣевскимъ, Бѣлинскимъ, Чаадаевымъ, даже Булгаринымъ и барономъ Брамбеусомъ) Веневитиновъ утверждаетъ, что Россія приняла только «наружную форму образованности», что у насъ воздвиглось «мнимое зданіе литературы безъ всякого основанія», что «положеніе наше въ литературномъ мірѣ—положеніе чисто отрицательное», т. е. просто у насъ нѣтъ еще литературы—мысль, легшая въ основу первой знаменитой статьи Бѣлинскаго «Литературныя мечтанія» въ 1834 году. Все значеніе идей Веневитинова выступитъ особенно рельефно, если мы сравнимъ его «нѣсколько мыслей» съ «Взглядомъ на старую и новую словесность въ Россіи» Александра Бестужева въ «Полярной Звѣздѣ» 1823 г.

БИБЛІОГРАФІЯ: Веневитиновъ. Дм. Влад. (14 сентября 1805 г.— 15 марта 1827 г.). Изд. соч. Пятковскаго. Спб. 1862 г., съ портр. факс. и біографіей. Дешев. Библіотека А. С. Суворина. Первое изд. соч. (М.

1829 г. Проза. (Спб. 1831 г.). Изд. Смирдина. въ одномъ томѣ съ В. Л. Пушкинымъ. 1857 г. О немъ см. Барсуковъ. Погодинъ. т. 2. Спб. 1888 г. Колюпановъ. Кошелевъ. т. I. ч. 2. Спб. 1889 г. Статья о немъ М. Веневитинова. Историч. Вѣстникъ. XVII. 1884 г. Русск. Архивъ. 1885 г. I. 313—331. Письмо В—ва къ С. А. Соболевскому 14 дек. 1826 г. Русская Старина. 1875 г., т. VII. 820—821. Поэтъ-философъ В—овъ и біографъ-критикъ Пятковскій. Статья П. Р—ва. Русское слово. 1862 г. № 2: стр. 28—41. Импровизація В—ва. Сообщ. С. А. Соболевскимъ. Русскій Архивъ. 1866 г. № 2. Стр. 259—260. Въ память о Д. В. В—вѣ. Д. П. Ознобишина съ прим. М. Погодина. Русскій. 1867 г. №№ 7 и 8.

§ 5. «Полярная звѣда» Рылѣева и Бестужева имѣла чрезвычайный успѣхъ, и вызвавъ массу подражаній, открыла собою цѣлую полосу Альманаховъ [293]). Въ «Полярной Звѣздѣ» участвовалъ цвѣтъ петербургскихъ литераторовъ 20-хъ годовъ. Изъ прозаиковъ: Бестужевъ. Булгаринъ. Гречъ. Сенковскій; изъ поэтовъ—Жуковскій, Гнѣдичъ. Крыловъ, Вяземскій, Пушкинъ и вся пушкинская плеяда поэтовъ—Баратынскій, Дельвигъ. Козловъ. Грибоѣдовъ, Рылѣевъ. Туманскій, Хомяковъ. Языковъ. Всего вышло три изящныхъ томика на 1823, 1824 и 1825 гг. Каждый начинался литературнымъ обозрѣніемъ Александра Бестужева. Въ двухъ послѣднихъ томахъ данъ «Взглядъ на русскую словесность» въ теченіе 1823. 1824 и начала 1825 годовъ. Въ первомъ-же брошенъ общій взглядъ на всю русскую литературу «старую и новую».

Здѣсь должны мы искать, слѣдовательно, руководящихъ идей издателей Альманаха.

Что-же говоритъ Бестужевъ?

«Съ Жуковскаго и Батюшкова начинается новая школа нашей поэзіи. Оба они постигли тайну величественнаго, гармоническаго языка русскаго: оба покинули старинное право ломать смыслъ, рубить слова для мѣры. и низать полубогатыя рифмы. Кто не увлекался мечтательною поэзіею Жуковскагаго, чарующаго столь сладостными звуками?.. Батюшковъ остался бы образцовымъ поэтомъ безъ укора. если бъ даже написалъ одного «Умирающаго Тасса». Александръ Пушкинъ вмѣстѣ съ двумя предыдущими соста-

---

293) «Судя по количеству Альманаховъ нынѣшняго года и по усердію покупателей, нельзя не сказать. что Альманахи нынѣ въ ходу. Вотъ что значитъ начать хорошимъ! Полярная Звѣзда, родоначальница новѣйшихъ Альманаховъ русскихъ, три года постоянно была хороша. и составила общее мнѣніе объ изяществѣ русскихъ Альманаховъ. Сѣверные цвѣты, начатые съ прошедшаго года, поддержали это мнѣніе. Вкусъ собирателя ихъ ручался и за нынѣшній годъ. и мнѣнія публики не разрушили даже нѣкоторые неудачные прошлогодніе опыты собирателей другихъ Альманаховъ. ...Невскій Альманахъ и Календарь Музъ явились прежде Сѣверныхъ цвѣтовъ. въ Петербургѣ. Но любители русской поэзіи и изящной прозы ждали Сѣверныхъ цвѣтовъ». Тел. 1826 г. № 8. 357—358.

вляетъ нашъ поэтическій тріумвиратъ... Новый Прометей, онъ похитилъ небесный огонь и, обладая онымъ, своенравно играетъ сердцами... Не говорю уже о благозвучіи стиховъ — это музыка... Остроумный князь Вяземскій щедро сыплетъ сравненія и насмѣшки. Почти каждый стихъ его можетъ служить пословицей, ибо каждый заключаетъ въ себѣ мысль... Баратынскій, по гармоніи стиховъ и мѣткому употребленію языка, можетъ стать на ряду съ Пушкинымъ...» Далѣе однако оказываются и всѣ превосходными. Наприм., «Въ сочиненіяхъ Ѳ. Глинки отсвѣчиваетъ ясная его душа. Стихи сего поэта благоухаютъ нравственностью... Воейковъ прелестенъ въ своихъ сатирическихъ посланіяхъ, нерѣдко живописенъ въ «Садахъ» Делиля (sic!)... Притчи Остолопова оригинальны рѣзкостію и правдою нравоученій; сатиры его ѣдки и портретны. Онъ оказалъ большую услугу словесности изданіемъ словаря поэзіи (sic!)... У Плетнева встрѣчаются пьесы—игрушки стихотворства, украшенныя всѣми цвѣтами фантазіи... Идилліи Панаева довольно (?!) естественны (!!), очень миловидны; но онѣ прививной плодъ въ Россіи... Межаковъ въ бездѣлкахъ своихъ разбросалъ цвѣтки свѣтской философіи съ стихотворною легкостію... Иванчинъ-Писаревъ обпленъ картинами и словами (?)[29]».

Мы видимъ, что Бестужевъ оцѣниваетъ «новую школу поэзіи» только съ точки зрѣнія стилистики, легкости и красоты стиха, причемъ явленіе Пушкина ему не понятно, онъ ставитъ геніальнаго поэта-чудотворца въ одинъ рядъ съ двумя другими «образцовыми»—Жуковскимъ и Батюшковымъ. Нѣтъ сознанія, что отъ самой «новой школы поэзіи» Карамзина отдѣлилась «новѣйшая». Что эта новѣйшая школа—вся въ Пушкинѣ. Правда, Пушкинъ названъ «новымъ Прометеемъ, похитителемъ небеснаго огня». Но для чего онъ похитилъ огонь? Чтобы, «обладая онымъ», своенравно играть сердцами. Въ этой фразѣ что-то напоминающее кн. Шаликова. И Жуковскій «игралъ сердцами», и читая «Бѣдную Лизу»—играли чувствительныя сердца. Затѣмъ Баратынскій поставленъ «по гармоніи стиха» наряду съ Пушкинымъ. Оцѣнка мелкихъ авторовъ показываетъ въ критикѣ одно стремленіе—никого не обидѣть, всѣмъ сказать что-нибудь лестное. Похваленъ даже «Словарь древней и новой поэзіи» Остолопова,—этотъ оплотъ ложно-классиковъ, послѣдняя тяжелая артиллерія умирающаго направленія. Притчи его оказались «оригинальны», сатиры «ѣдки!!» Воейковъ оказался «прелестенъ» и «живописенъ». Глинка заблагоухалъ, мертворожденныя идилліи Панаева—«довольно естественны», «очень миловидны»! Все это—пріятельская критика кружковъ предыдущаго десятилѣтія и самого начала 20-хъ годовъ—о которой мы приводили разсказъ Ксенофонта Полевого. Но еще старообразнѣе характеристики поэтовъ XVIII-го вѣка.

«Прежніе вѣнки Сумарокова вянутъ и облетаютъ (ужели!)—неумолимое

---

[29]) Стр. 21—31.

потомство отказываетъ ему въ славѣ образцоваго писателя... Рѣдкія черты чувствъ и воображенія скрыты въ тяжкомъ, терновомъ слогѣ... Проза Кострова въ переводѣ Оссіана и донынѣ можетъ служить образцомъ (Sic!) благозвучія, возвышенности (?). Его стихи оригинальны (?). Переводъ осьми пѣсней Иліады не всегда равно выдержанъ, но силенъ,важенъ и цвѣтистъ (?!)... Въ Княжнинѣ видно чувство (?). Языкъ его не совсѣмъ вѣренъ, но легокъ (?!)»[295]).

Бобровъ изобиленъ сильными мыслями и рѣзкими изображеніями. Въ Херсонидѣ встрѣчаются оригинальныя красоты, (!) но слогъ его нерѣдко напыщенъ... Графъ Хвостовъ, трудолюбивый стихотворецъ нашъ, писалъ въ различныхъ родахъ, и въ немъ нерѣдко встрѣчаются новыя мысли (?!?)... Муравьевъ писалъ мужественною, чистою, Подшиваловъ безыскуственною прозою... Князь Шаликовъ писалъ нѣжною, (?) прозою... Князь Шихматовъ имѣетъ созерцательный духъ и плавность въ элегическихъ стихотвореніяхъ. Впрочемъ его поэзія сумрачна (?!)» [296])...

Особенно хороши въ этихъ смѣхотворныхъ оцѣнкахъ различенія, что одинъ писалъ «мужественною» прозою, другой «безыскуственною», третій «нѣжною», когда всѣ трое просто писали прозой тяжелой, неуклюжей, безцвѣтной, вычурной, школярной и бездарной. Такіе отзывы подъ перомъ юнаго критика представляли бы анахронизмъ и въ предшествующемъ десятилѣтіи. Но Бестужевъ пишетъ послѣ «Руслана и Людмилы», «Бахчисарайскаго Фонтана», въ расцвѣтъ Пушкина!.. Тѣмъ не менѣе Бестужевъ жалуется на «бѣдность» литературы, объясняя причину этой бѣдности такъ:

«Главнѣйшая причина есть изгнаніе родного языка изъ обществъ и равнодушіе прекраснаго пола ко всему, на ономъ писанному! Чего нельзя совершить, дабы заслужить благосклонный взоръ красавицы?.. Но утѣшимся! Вкусъ публики, какъ подземный ключъ, стремится къ вышинѣ. Новое поколѣніе людей начинаетъ чувствовать прелесть языка родного и т. д.».

Такимъ образомъ должно признать, что въ критическихъ обозрѣніяхъ «Полярной Звѣзды» не было искры новаго. Все сводилось къ старымъ безъапеляціоннымъ похваливаніямъ, и прилѣпленію различныхъ ярлычковъ. Въ этихъ обозрѣніяхъ «старое идетъ объ руку съ новымъ, не смѣняя его», и принадлежа всецѣло карамзинской, пережитой эпохѣ, критика является прямо анахронизмомъ, смѣшнымъ и страннымъ среди художественныхъ вещей, наполнявшихъ Альманахъ. А между тѣмъ эти ничтожныя «обозрѣнія» имѣли успѣхъ, и долго перечислялись въ спискахъ «образцовыхъ» нашихъ критическихъ статей.

---

[295]) Стр. 9—15.

[296]) Стр. 19 и выше.

§ 6. Николай Алексѣевичъ Полевой (1796—1846), изъ купеческаго званія, не получившій систематическаго образованія, но человѣкъ необыкновенныхъ способностей, публицистъ, критикъ, беллетристъ, историкъ, драматургъ—центральная личность въ критикѣ 20-хъ годовъ. Въ половинѣ 1824 года, Полевой отправилъ программу предпологавшагося журнала при письмѣ къ министру народнаго просвѣщенія, А. С. Шишкову, который «зналъ его лично и оказывалъ благосклонность къ его литературнымъ занятіямъ» (Ксеноф. Полевой). Журналъ былъ разрѣшенъ. Между тѣмъ слухъ о новомъ изданіи распространился и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ. Въ это время петербургскіе журналисты—Николай Ивановичъ Гречъ и Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ предприняли изданіе газеты «Сѣверная Пчела» и расширяли свои прежніе журналы: «Сынъ Отечества» и «Сѣверный Архивъ». Оба были въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Полевымъ. Услышавъ о намѣреніи послѣдняго издавать журналъ, Булгаринъ написалъ ему письмо, отговаривая его отъ предпріятія: «Чего вы хотите?—писалъ онъ,—извѣстности, дѣятельности? Мы предлагаемъ вамъ обширное поприще въ нашихъ изданіяхъ. Денегъ? Напишите безъ обиняковъ...» (Записки Кс. Полевого стр. 97). Однако Полевой не внялъ этимъ увѣщаніямъ и съ 1825 года сталъ выходить его «Московскій Телеграфъ». Ближайшее участіе въ немъ, какъ постоянный сотрудникъ и вдохновитель даже журнала, принялъ кн. Вяземскій, въ это время враждовавшій съ Гречемъ и Булгаринымъ, державшими въ рукахъ петербургскую журналистику, взявшими на печатное слово какъ бы откупъ, такъ какъ подъ ихъ редакторствомъ соединялось четыре изданія.

«Московскій Телеграфъ» отличался энциклопедическимъ характеромъ и шириной, новостью, смѣлостью взглядовъ. Успѣхъ былъ выдающійся. Съ третьей книжки онъ печатался уже въ 1,200 экз., по тогдашнему времени чрезвычайно значительная цифра. «Телеграфъ» скоро задѣлъ петербургскихъ журналистовъ, позволивъ себѣ нѣсколько неодобрительныхъ замѣчаній объ Альманахѣ Булгарина «Русская Талія». Началась журнальная перестрѣлка, вскорѣ обратившаяся въ безпрерывную канонаду между «Московскимъ Телеграфомъ» и изданіями г.г. Греча и Булгарина. Никогда, ни прежде, ни послѣ, не бывало въ русскихъ журналахъ подобной войны, въ которой принимали участіе очень многіе литераторы... Въ «Вѣстникѣ Европы» съ шумомъ и торжественными кликами возстали прежніе противники князя Вяземскаго, зная, что онъ одушевляетъ «Московскій Телеграфъ» (Ксенофонтъ Полевой). Рядомъ съ этимъ маститый Ив. Ив. Дмитріевъ, пользовавшійся чрезвычайнымъ авторитетомъ и прямо благоговѣйнымъ уваженіемъ, какъ патріархъ русской литературы, написалъ Полевому письмо, гдѣ благодарилъ его за прекрасный журналъ. Пушкинъ изъ Михайловскаго писалъ, что «Телеграфъ» несомнѣнно лучшій русскій журналъ и что онъ готовъ въ

немъ участвовать. Князь В. Ѳ. Одоевскій въ началѣ 1825 года писалъ музыкальныя статьи и юмористическіе очерки для журнала. Наконецъ изъ «любомудровъ» съ редакціей сблизился Ив. Кирѣевскій.

Между многочисленными противниками «Телеграфа» былъ и тогдашній водевилистъ Писаревъ. Онъ написалъ насмѣшливые куплеты и вставилъ ихъ въ свой водевиль «Три десятки». Объ этомъ, задолго до перваго представленія, пріятели Писарева разнесли слухъ. Сторонники Полевого тоже не дремали. Въ день представленія театръ былъ переполненъ зрителями. Замѣтно было глухое движеніе, когда начался водевиль Писарева. Дошло и до рокового куплета:

> У насъ теперь народъ затѣйный,
> Пренебрегаетъ простотой:
> Всѣмъ милъ цвѣтокъ оранжерейный
> И всѣмъ наскучилъ полевой.

Едва актеръ Сабуровъ произнесъ послѣдній стихъ, какъ въ театрѣ произошло небывалое волненіе: поднялся неслыханный крикъ, шумъ и стукотня. Публика раздѣлилась на двѣ партіи: одна хлопала и кричала браво и фора, а другая, болѣе многочисленная, шикала, кашляла, топала ногами и стучала палками. Этотъ вечеръ — въ ноябрѣ 1825 года — былъ торжествомъ Полевого. Онъ ясно подтвердилъ, какъ любила его тогда публика, и какъ многочисленны были его сторонники. Пьеса, самая удачная изъ написанныхъ Писаревымъ, провалилась. Публика перестала на нее ѣздить и она скоро была снята съ репертуара (С. Т. Аксаковъ). Такимъ образомъ въ литературныхъ турнирахъ 20-хъ годовъ надо отличать борьбу самолюбій отъ идейной борьбы классиковъ съ романтиками, въ сущности не такую уже яркую, такъ какъ на сторонѣ классиковъ былъ только одинъ закорузлый «Вѣстникъ Европы» Каченовскаго, а среди молодежи уже являлось теченіе, ставившее «самобытность» выше одинаково и подражательнаго романтизма, какъ и ложно-классицизма. Но всего шумнѣе и ожесточеннѣе пикировались изъ за критическихъ оцѣнокъ, личныхъ уязвленій самолюбія, вообще самыхъ ничтожныхъ, никакого отношенія къ литературѣ не имѣющихъ причинъ. Литературные лагери въ послѣднемъ отношеніи раздѣлялись такъ: «Московскій Телеграфъ» съ Николаемъ Полевымъ и кн. Вяземскимъ во главѣ противъ театральной партіи кн. Шаховского, Кокошкина, Загоскина, Писарева, С. Т. Аксакова съ одной стороны, а съ другой—противъ могучей группы петербургскихъ журналистовъ съ Гречемъ и Булгаринымъ во главѣ. За Греча и Булгарина была «Полярная Звѣзда» А. Бестужева и Рылѣева, хотя послѣдній временно и расходился съ Булгаринымъ. Другомъ Булгарина до самой смерти въ 1829 г. былъ Грибоѣдовъ. Врагами Булгарина сначала явились Воейковъ и Жуковскій (изъ за матеріальныхъ недоразумѣній), затѣмъ Дельвигъ и Пушкинъ. Ярымъ противникомъ Полевого былъ Каченов-

скій, издатель «Вѣстника Европы», въ концѣ десятилѣтія вооружившій на него молодого, блестящаго критика Надеждина. Кружокъ «любомудровъ» и «Мнемозина» враждовали съ Булгаринымъ, но не явились поддержкой и Полевому. Въ концѣ 20-хъ годовъ состоялось примиреніе Полевого съ Гречемъ и Булгаринымъ. Одновременно Полевой разошелся съ кн. Вяземскимъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ идейной подкладки не было почти никакой.

Что же говорилъ «Московскій Телеграфъ?» Въ № 1 помѣщена была программа этого «журнала литературы, критики, наукъ и художествъ». «Я полагаю,—говоритъ Полевой,—критику однимъ изъ важнѣйшихъ отдѣленій журнала—пусть только будетъ она умна, правдива, дѣльна... Сколько еще намъ неизвѣстнаго, любопытнаго, такого, что необходимо знать должно европейскому человѣку! Литературы: Англійская, Испанская, Итальянская, Восточная знакомы намъ почти столько же, какъ языкъ Ирокезцовъ—и Нѣмецкая вполнѣ ли намъ извѣстна?» (Письмо издателя къ N. N.).

«Хорошій актеръ, говоритъ онъ далѣе, негодуетъ на хлопанье райка; горе журналисту, если онъ нравится литературной черни!» На стр. 89, въ отдѣлѣ критики, объясняется: «Обозрѣніе новыхъ, важнѣйшихъ произведеній литературы иностранной составляетъ одно изъ непремѣнныхъ отдѣленій нашего журнала». Въ предисловіи къ своимъ «Очеркамъ русской литературы» (1839 г.) Николай Полевой говоритъ: «Никто не оспоритъ у меня чести, что первый я сдѣлалъ изъ критики постоянную часть журнала русскаго, первый обратилъ критику на всѣ важнѣйшіе современные предметы». «До появленія моего въ журнальной литературѣ, критика только изрѣдка мелькала въ нашей журналистикѣ». Наконецъ Полевой считаетъ свои статьи—«первыми опытами русской самобытной критики». Дѣйствительно, главную, существеннѣйшую часть «Телеграфа» составляла критика, и серьезная систематическая, разсматривавшая послѣдовательно и обязательно всѣ явленія русской и важнѣйшія иностранныхъ текущихъ литературъ—библіографія. Въ то же время эта критика, вмѣстѣ съ обстоятельной библіографіей давала очерки исторіи различныхъ литературъ, что было чрезвычайно важно. Но «самобытности» въ этой критикѣ, философской осмысленности и глубины не было. Полевой въ данномъ случаѣ ошибается. Во всякомъ случаѣ, впервые въ «Московскомъ Телеграфѣ» «новое стало рѣшительно смѣнять старое». Критика Полевого смѣла и рѣшительна, за что его и обвиняли въ самонадѣянности. Въ періодъ 1825—1830 г. въ журналѣ находимъ отрывки изъ философскихъ статей Шлегеля, Кузена (котораго поклонникомъ былъ Полевой). Литературный отдѣлъ, за исключеніемъ двухъ оригинальныхъ повѣстей самого Полевого и первыхъ главъ романа Василія Аполлоновича Ушакова «Киргизъ-Кайсакъ», да стихотвореній, состоялъ изъ переводовъ.

«Въ прозаическихъ переводныхъ статьяхъ, по большей части сочиненія

В. Скотта, Ирв. Вашингтона, Цшокке, Гофмана, Тика, Гёте, Якобса, Пикара, Клаурена, Франклина, Ансильона, Алфiера, Сегюра, составляли выборъ повѣстей и отрывковъ — въ Телеграфѣ» [297]).

Литературныя воззрѣнiя «Московскаго Телеграфа» во многихъ пунктахъ сходятся съ мнѣнiями кружка «любомудровъ» и Веневитинова. Въ первомъ же номерѣ М. Т. на 1825 помѣщено «Обозрѣнiе русской литературы въ 1824 году». Журналъ говоритъ:

«Обозрѣвая литературу отечественную прошлаго года, соображая книжные успѣхи наши по всѣмъ знанiямъ, мы найдемъ чувствительную разницу между нашею и другихъ просвѣщенныхъ народовъ, литературами. У насъ нѣтъ еще пресыщенiя... мы едва по частямъ начинаемъ то, что у другихъ уже сдѣлано... Прошлымъ вѣкомъ началось наше просвѣщенiе. Любопытно было бы разобрать начала, на которыхъ основалось оно, преслѣдовать самихъ себя въ пути, которымъ идемъ мы болѣе ста лѣтъ. Здѣсь раскрылись бы причины неудобствъ, встрѣчаемыхъ въ нашей литературѣ, въ ходѣ наукъ и искусствъ, въ постепенности нашего просвѣщенiя... [298]).

«Симъ оканчиваются сочиненiя и переводы ученые, историческiе и относящiеся къ историческимъ знанiямъ. Мало! Обращаясь къ словесности, мы увидимъ такой же необширный размѣръ. Нѣсколько произведенiй извѣстныхъ нашихъ поэтовъ и небольшое количество произведенiй, не выходящихъ изъ границъ посредственности, составляютъ всю поэзiю прошлаго года... Когда во Францiи и Германiи съ жадною поспѣшностiю печатаютъ каждую вновь найденную строчку и въ десяти видахъ перепечатываютъ совсѣмъ не безсмертныя сочиненiя Флорiановъ, Маратовъ, Сюзъ или Мармонтелей, мы не имѣемъ еще полнаго, хорошаго изданiя сочиненiй Державина, поэта, какихъ немного, очень немного, представитъ намъ весь древнiй и новый мiръ!» Стр. 83.

«Проза русская изящная, собственно такъ называемая, не прiобрѣла ни одного отдѣльнаго сочиненiя, которое можно бы назвать изящнымъ».

«Вотъ краткiй обзоръ отечественной литературы прошлаго года. Сравнивая произведенiя нашихъ литераторовъ и ученыхъ съ суммою произведенiй въ Германiи, Францiи, Англiи, даже Италiи, признаемся, что въ прошломъ году мы ушли недалеко. Оригинальныхъ сочиненiй было не много, переводовъ мало; только въ исторiи и юриспруденцiи замѣтно движенiе впередъ».

Неужели всѣ наши подвиги совершены? Неужели намъ нечего дѣлать? Нѣтъ! Куда не оглянемся, вездѣ литература отечественная

---

[297]) Отъ издателя Телеграфа. При № 24. 1827. Стр. 200.

[298]) Стр. 77 и 78.

представляетъ обширную степь, изрѣдка покрытую ковылемъ, кустарникомъ и немногими деревами, сиротѣющими въ обширности пустынной. И въ какое же время мы бездѣйствуемъ? Когда вездѣ стремятся къ усовершенствованію, и уже утомляются успѣхами, когда взоры цѣлаго свѣта устремлены на Сѣверъ, и отъ насъ, отъ народа русскаго, сильнаго, могущаго, славнаго, всѣ ожидаютъ дѣятельности и славныхъ примѣровъ!..»[299]).

«Стихотворство большое зло на Руси: оно похищаетъ у насъ много людей, которые, обративъ свое вниманіе на другія занятія, стали бы на приличнѣйшую дорогу. Хвала Державину, Дмитріеву, Жуковскому, Пушкину и нѣкоторымъ сподвижникамъ ихъ; но зачѣмъ стремится за ними толпа юношей, которые на зло природѣ стихотворствуютъ и не принимаются за что-нибудь другое, по силамъ? Вразумимся ли мы когда-нибудь, что поэзія есть небесное достояніе немногихъ? Когда увѣримся и въ томъ, что не только людямъ съ обыкновеннымъ талантомъ, но даже генію надобно учиться, учиться долго, много и основательно! Вотъ аксіома, которую надобно твердитъ безпрестанно юнымъ нашимъ соотечественникамъ!.. У французовъ, у нѣмцевъ, науки, словесность, любимые гости свѣтскихъ обществъ; у насъ они украдкою заглядываютъ въ залы и диванныя и то въ видѣ Альманаховъ и иногда журналовъ. Но потребны усилія, рѣшительность, и науки и словесность откроютъ себѣ входъ вездѣ... Карамзина, Дмитріева, Жуковскаго, Пушкина читаютъ всѣ и вездѣ—явите достойныхъ историковъ, филологовъ, прозаиковъ, ученыхъ—и большой свѣтъ будетъ читать не однихъ французовъ: загляните на тѣ полки, гдѣ прежде стоялъ Левекъ: онъ въ пыли—и Карамзинъ поставленъ въ раззолоченномъ сафьянѣ!.. Но для этого надобно ученіе не поверхностное, но постоянное, основательное, глубокое. Въ наше время, каждому человѣку, который хочетъ быть, хотя не истинно просвѣщеннымъ, но только образованнымъ человѣкомъ, надобно знать много.

Въ тишинѣ своего кабинета пусть изучаютъ юные наши соотечественники великую, важную науку,—философію, не ту безумную дщерь умственнаго буйства, которая потрясала престолы и алтари, но важную, великую науку самопознанія...»[300]).

«Пусть окружатъ они себя твореніями великихъ мужей Греціи, Рима, Востока, Германіи, Франціи, Англіи, сбросятъ со стола своего ничтожныя книги, всему научающія играя—всѣ Resumés, Lettres à Emilie, à Sophie—и пріученные съ дѣтскихъ лѣтъ бесѣдовать съ Гомеромъ, Цицерономъ, Гёте, Шиллеромъ, Шекспиромъ, на ихъ языкахъ, похитятъ вѣковыя богат-

[299]) М. Т. № 3. 1825. Стр. 255.
[300]) М. Т. 1825. № 3. Стр. 257.

ства Запада и Востока... Пора, пора приняться за дѣло настоящимъ образомъ!»

«Русская литература не составляетъ, подобно другимъ европейскимъ литературамъ, одного общаго поприща: донынѣ мы отдѣлены отъ Европы. Языкъ богатый, но мало извѣстный и трудный къ изученію, препятствуетъ европейскимъ ученымъ освѣщать нашу литературу свѣтильникомъ критики» [301]).

«Критикъ у насъ много, а критики еще нѣтъ».

Признаемся... мы не понимаемъ требованій нѣкоторыхъ литераторовъ, которые, отвергая и классицизмъ, и романтизмъ, требуютъ какой-то особенной народной поэзіи... [302]).

И такъ, по мнѣнію «Телеграфа», у насъ нѣтъ еще пресыщенія. Куда не оглянемся, вездѣ литература отечественная представляетъ обширную степь, изрѣдка покрытую ковылемъ, кустарникомъ и немногими деревьями, сиротѣющими въ обширности пустынной. Просвѣщеніе началось прошлымъ вѣкомъ. Любопытно было бы разобрать его начало и прослѣдить самихъ себя въ пути (эволюцію), которымъ мы идемъ 125 лѣтъ.

Стихотворство большое зло на Руси. У насъ нѣтъ критики. Необходимо изучать «науку самопознанія», творенія Греціи, Рима, Востока, Германіи, Франціи, Англіи. Всѣ эти положенія найдемъ и въ «Мысляхъ» Веневитинова. Но существенное различіе—непониманіе требованія народности, самобытности, какъ стоящей выше и классицизма и романтизма. А между тѣмъ отрывокъ изъ Шлегеля, помѣщенный въ № 3, ч. VII. М. Т. на 1826 г. оканчивается такъ: «Въ содержаніи должна преимущественно господствовать народность». Воззрѣніе журнала на общій ходъ литературъ выражено въ одной изъ статей:

«Сперва появляются народныя пѣсни, сказки—дѣтскія игрушки ума... Затѣмъ, съ дальнѣйшимъ образованіемъ народа, появляется всегда схоластика и порывъ подражать древнимъ: время огромной эпопеи, пустой драмы, громкой оды, плаксивой, напѣвающей о Хлояхъ и Дафнисахъ элегіи и пѣсни. Это время было у французовъ, англичанъ, нѣмцевъ, итальянцевъ... Наконецъ настаетъ время истинной поэзіи и въ стихахъ, и въ прозѣ: третій періодъ. Тутъ опредѣляется литературный характеръ народа... Романтизмъ выкликаетъ на путь истинный...» [303]).

§ 2. Въ 1825 г. вышли: «Опытъ науки изящнаго, начертанный А. Галичемъ»; «Амальтея или Собраніе сочиненій и переводовъ, относящихся къ

---

[301]) Тел. 1825. № XV. Критика и библіографія. Стр. 234.
[302]) «М. Т.» 1825. № 2-й. Стр. 167.
[303]) М. Т. 1825 г. VIII. Стр. 323.

изящнымъ искусствамъ и древней классической словесности. Трудами И. Кронеберга»; «Разсужденіе о духѣ, характерѣ и силахъ древнихъ стихотворцевъ, ораторовъ и историковъ. Соч. Кн. А. Мещерскаго». По поводу этихъ книгъ въ «Телеграфѣ» 1826 г. появилась обширная статья.

«Опытъ науки изящнаго, начертанный А. Галичемъ. Спб. 1825 г. in. 8°. XXI и 222 стр. Многіе жалуются, что люди, ищущіе новыхъ яснѣйшихъ понятій для теоріи изящнаго, не довольствуясь недостаточными старыми теоріями, съ неудовольствіемъ говорятъ о всѣхъ безконечныхъ толкахъ эстетиковъ; но должно признаться, что съ трудомъ можно удерживать негодованіе, смотря на это собраніе безотчетныхъ замѣчаній, которые называли донынѣ наукою изящнаго. Можно ли ограничиваться такими неясными понятіями, такими сбивчивыми... теоріями, какія находимъ у Батте, Мармонтеля, Эшенбурга, Сульцера, Готшеда и ихъ послѣдователей?» [304]).

Теорія изящнаго, по системѣ Батте и его послѣдователей, составлена изъ противорѣчій... Вотъ причина, отчего происходятъ безконечные споры о классицизмѣ и романтизмѣ, о достоинствѣ древнихъ и новыхъ, и проч... Надобно сказать, что міръ классиковъ украшается великими людьми, возбуждающими удивленіе, какъ они въ цѣпяхъ сей теоріи могли сдѣлать столь много, и сожалѣніе о томъ, чего не могли они сдѣлать, будучи лишены самостоятельнаго бытія (не говоря о великомъ Корнелѣ, прочитайте только Альфіери—исполина въ цѣпяхъ!) Но сей міръ не знаетъ ни Востока, ни Сѣвера, ни Юга. Для него не существуютъ: величіе Скандинавскихъ Скальдовъ, Шотландскихъ Бардовъ, роскошныя пѣсни Арабовъ и Персовъ, высокая мудрость Индійской поэзіи и необходимая, потребностями вѣка оправдываемая, романтика. Теорія классиковъ не можетъ обнять сего обширнаго міра... Теорія изящнаго должна обнять всѣ явленія изящнаго во всемъ мірѣ. Противное сему будетъ доказывать несправедливость теоріи. А не видимъ-ли мы, что французскіе классики съ презрѣніемъ отвергаютъ творенія Сѣверныхъ и Южныхъ Европейцевъ и жителей Востока, и осуждая все, что они называютъ романтизмомъ, никакъ не хотятъ вѣрить, что съ половины XVIII и съ начала XIX вѣка появилась въ Европѣ истинная поэзія нашего времени? Но когда голосъ ума, голосъ цѣлыхъ народовъ и наконецъ голосъ собственныхъ ихъ соотечественниковъ убѣждаетъ ихъ, что почитаемое ими варварскимъ и нелѣпымъ есть произведеніе генія, (Шекспиръ, Байронъ, Гете, Шиллеръ уже получаютъ права гражданства между великими геніями въ мнѣніи французовъ, хотя Лагарпъ называлъ еще Шекспира un monstre qui a des belles parties. Но Лопецъ де-Вега, испанскій поэтъ, Шекспиръ Юга, все еще въ гоненіи у французовъ, которые слышать не хотятъ, что Лопецъ-де-Вега былъ человѣкъ великій. Классики ужаснулись,

304) Тел. 1826 г. № 6. Стр. 134 и 135.

когда К. Делавинъ въ рѣчи своей поставилъ Гете наряду съ Расиномъ. Въ журналахъ увѣряли, что, или Делавинъ шутитъ, или зрителямъ не такъ послышалось), они допускаютъ новое по частямъ, пробуятъ, принимаютъ одно, потомъ другое, натягиваютъ правило и наконецъ приходятъ въ совершенное недоумѣніе и отчаяніе, вопія противъ нововведеній и испорченнаго вкуса [305]).

Въ любезномъ отечествѣ нашемъ только еще начинается переворотъ идей, касательно лучшей и полной теоріи изящнаго. Онъ начался въ наше время жаркимъ споромъ романтиковъ и классиковъ. Обѣ стороны не умѣли однакожъ отдать себѣ полнаго отчета, о чемъ они спорятъ, и этому есть причины: онѣ заключаются въ ходѣ нашей литературы [306]).

Послѣднія 25 лѣтъ, споры, недоумѣнія литературныя и особенно быстрые успѣхи словесности—происшедшіе отъ вліянія романтизма и большаго сближенія съ иностранцами въ умственныхъ занятіяхъ — все двигало насъ къ самостоятельности литературной, которая, кажется, начинаетъ образовываться... Духъ человѣка, какъ отблескъ безконечнаго и безсмертнаго, въ самой конечности проявляется безконечно и потому проявленіе его понятно только въ цѣломъ человѣчествѣ, а не въ каждомъ человѣкѣ: проявленіе сіе безсмертно т. е. не подвержено пространству и времени; законы духа вездѣ одинаковы... Высшая степень самопознанія духа есть стремленіе совершенствоваться... человѣкъ, не находя себѣ полнаго удовлетворенія въ видимой природѣ, стремясь духомъ къ высочайшему совершенству, которое темно представляетъ ему безсмертный духъ его, составляетъ себѣ великій идеалъ сего совершенства и все стремленіе свое усугубляетъ къ тому, чтобы и въ здѣшнемъ мірѣ осуществить сей идеалъ собою, проявить его сколько возможно.

Первое стремленіе человѣка къ усовершенствованію и достиженію идеала оказалось въ творческой его дѣятельности, т. е. въ проявленіи стремленія своего въ произведеніяхъ, для которыхъ взялъ онъ матеріалы изъ всѣхъ произведеній природы... Стремленіе къ совершенству будетъ непрерывно, пока будетъ существовать человѣчество...[307]).

Величайшій геній фантазіи, или политическаго благоустройства, долженъ соединять въ себѣ изящное, благое и истинное, а потому онъ собственно не имѣетъ цѣли въ чемъ нибудь, но цѣль его есть проявленіе самого себя [308]).

---

[305]) Тел. 1826 г. № 6. 136, 7. 8.

[306]) Id. Стр. 140.

[307]) Стр. 240—241.

[308]) Идеалъ изящнаго въ искусствѣ не есть холодная компиляція предметовъ, представляемыхъ внѣшнею природою, но свободное и живое произведеніе человѣческаго духа... Тел. 1826 г. ч. 9. № 9. 20 стр.

И сіи геніи, рѣдкіе гости на землѣ! Они являются иногда, освѣщаютъ землю, увлекаютъ за собою народы и вѣка: таковы въ мірѣ фантазіи Гомеръ, Шекспиръ, Гете. Въ нихъ все соединяется: это вся природа, весь міръ[309]).

Теорія подражанія природѣ совершенно опровергается. Не природа творящее, но человѣкъ—природа только творимое... Созерцайте вполнѣ всю природу, все человѣчество, изучайте философію идеализма—и все предстанетъ вамъ въ возвышенномъ свѣтѣ истины, удаливъ васъ отъ противорѣчій и ошибокъ[310]).

Означимъ здѣсь сущность дѣла, ибо отъ этого зависитъ рѣшеніе споровъ о преимуществѣ древнихъ и новыхъ, о классицизмѣ и романтизмѣ. Вселенная, какъ твореніе Совершеннаго, есть совершенная гармонія: въ ней нѣтъ ни хуже, ни лучше. Эти слова происходятъ оттого, что человѣкъ беретъ частныя понятія, или что на землѣ онъ не видитъ совершенія общей гармоніи. Но творенія человѣка суть порывы, не достигнувшіе даже и идеала своего, а и самый идеалъ ихъ есть только порывъ представить идеалъ всесовершенства... Человѣчество есть полное проявленіе идеи совершенства, но сіе проявленіе еще не кончено, слѣд. общей идеи человѣчества мы еще не можемъ обнять, и судимъ о ней по частямъ...[311]).

Разсмотрите исторію изящнаго съ сей точки зрѣнія, и всѣ недоумѣнія прекращаются: вездѣ будетъ для васъ, какъ неугасаемый свѣтильникъ, чистый умъ: вездѣ истинно-изящное заблистаетъ яркимъ свѣтомъ, мнимоизящное помрачится и весь міръ изящнаго, всѣ явленія его, во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ, явятся въ удивительной гармоніи. У древнихъ вездѣ преимуществовалъ перевѣсъ вещественности надъ духомъ. Религія ихъ была чувственная, понятія пластическія... Новѣйшіе народы должны были явиться подъ преимуществомъ духа. Борьба или переходъ отъ вещественности явенъ на Востокѣ у арабовъ, на Сѣверѣ у Готѳовъ. Германцы, Провансалы, Мавры приготовляли переходъ къ новѣйшей эпохѣ, гдѣ совершенно явенъ перевѣсъ духа надъ вещественностью, опредѣляемый чистою духовною религіей, законами, нравами, понятіями. Шекспиръ, Лопецъ-де-Вега, Данте, французскіе классики вѣка Людовика XIV, новѣйшіе англійскіе, нѣмецкіе, итальянскіе поэты и художники, Востокъ и Западъ — вотъ черты, какими обрисовывается великая картина проявленія духа человѣческаго въ новой исторіи!—Оно еще не совершилось и мы не увидимъ сего совершенія, но картина и того, что уже было, ждетъ еще великаго живописца, хотя результатъ, какой извлечетъ философъ — дѣеписатель, намъ понятенъ: онъ примиритъ классиковъ и романтиковъ. Кто, ограничась частнымъ,

309) Id. Стр. 244.
310) Id. Стр. 247.
311) Тел. 1826 г. № 8. Стр. 326.

будетъ судить объ общемъ, тотъ ошибется. Пусть сниметъ онъ повязку предразсудковъ и предубѣжденій. Пусть судитъ не какъ романтикъ или классикъ, но какъ философъ-критикъ; не какъ французъ, нѣмецъ или итальянецъ, но какъ космополитъ изящнаго міра; пусть соображаетъ условія, въ какихъ, и законы, по какимъ проявляется умъ человѣка —онъ вездѣ найдетъ изящное и будетъ умѣть различить его отъ неизящнаго, также вездѣ существующаго. Онъ не скажетъ—здѣсь все худо—тамъ все хорошо! Отдѣливъ заблужденія и ошибки, въ которыя вещественность завлекла духъ, онъ покажетъ намъ гармоническую связь всѣхъ явленій во всѣхъ вѣкахъ, у всѣхъ народовъ, и сущность истинныхъ законовъ, сколько вкусъ, одушевленный чистымъ умственнымъ созерцаніемъ, можетъ ихъ показать [312]).

Здѣсь ярко выражена точка различія между воззрѣніями Полевого и Вяземскаго съ одной стороны и Веневитинова съ «любомудрами» съ другой. Первые «космополиты изящнаго міра», «граждане человѣчества», являются продолжателями взглядовъ «Писемъ русскаго путешественника», основой которыхъ было—«все народное—ничто предъ человѣчествомъ». Веневитиновъ желаетъ, чтобы самобытность, народность легла въ основу просвѣщенія, даже хотѣлъ-бы на время оградить Россію отъ западныхъ вліяній. Мы видимъ здѣсь уже зародышъ, развившейся въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, антитезы «западничества» и «славянофильства». Вмѣстѣ нельзя не видѣть, что цѣлый потокъ новыхъ философскихъ идей хлынулъ въ русское общество, еще недавно внимавшее педантическому старовѣрству Мерзлякова и буквоѣдскимъ, стилистическимъ спорамъ «о старомъ и новомъ слогѣ». Живая рѣчь, широкіе взгляды, европейскія точки зрѣнія поднимали теперь читателя надъ уровнемъ узенькаго провинціализма.

§ 8. «Телеграфъ» употреблялъ понятіе «самобытность», но въ узкомъ ограниченномъ значеніи. «Самобытно» все, не подчиняющееся кодексамъ Буало, Батте и Лагарпа:

«Зачѣмъ журналисты русскіе не хотятъ имѣть самобытность? Зачѣмъ первый порывъ вѣтерка уноситъ ихъ по своей волѣ? Въ нашей литературѣ теперь время броженія: старыя литературныя повѣрья вытѣсняются новыми, понятія развиваются быстро и сильно. Лѣтъ за десятокъ даже, кто смѣлъ-бы, не заглянувши сперва въ Буаловы и Гораціевы кодексы, сказать что-нибудь новое, а теперь, кто ссылается на Буало и Горація?» [313]).

Полевой отчасти выполняетъ намѣреніе «прослѣдить самихъ себя въ пути» и даетъ весьма содержательную справку о ходѣ молодой русской жур-

---

[312]) Тел. 1826 г. № 8. Стр. 328, 329, 330.
[313]) Т. 1827 г. № 24. Стр. 191.

налистики. Журналистика русская была слѣдствіемъ общественной потребности, и можетъ означать собою періоды русской литературы и народнаго просвѣщенія, ибо при Петрѣ было ея начало, а въ то время, когда въ теченіе полувѣка развились уже сѣмена просвѣщенія, образованности и литературы, насажденныя великимъ преобразователемъ Россіи; когда Россія увидѣла возникшія начала русской словесности, театра, европейской образованности, наукъ, искуствъ и художествъ, явилась и журналистика. Почему заключаемъ мы, что критическое обозрѣніе исторіи русской журналистики можетъ показать постепенный ходъ, разныя измѣненія нашей литературы, постепенность нашего просвѣщенія, заслуги нашихъ писателей гуманистовъ... Журналъ литературно-ученаго содержанія явился въ 1754 году (Миллера «Ежемѣсячныя сочиненія»)... Съ 1759 г. начались журналы легкаго содержанія, съ легкой руки Сумарокова, пустившаго свою трудолюбивую Пчелу... Подражанія Пчелѣ плодились безпрерывно: за нею слѣдовалъ длинный рядъ такихъ, какъ она, журналовъ... Въ числѣ издателей сихъ журналовъ былъ замѣчательный Новиковъ... Его практическая дѣятельность приготовила читателей; надобенъ былъ человѣкъ, который дарованіями своими шагнулъ-бы впередъ: явился Карамзинъ. Онъ сдѣлалъ эпоху въ русской журналистикѣ изданіемъ Московскаго журнала (1791 г.). Публика увидѣла возобновленный Миллеровъ журналъ, только въ болѣе изящномъ и болѣе привлекательномъ для себя видѣ. Жаль, что Карамзинъ скоро оставилъ журналистику. Починъ его обѣщалъ много; послѣдователей не было... Журналы выходили тогда большею частью еженедѣльно, листками... были тощи, сухи, наконецъ совсѣмъ упали. Новиковъ видѣлъ охлажденіе публики: онъ рѣшился налечь болѣе на сатиру (Трутень 1769 г.). Публики захотѣлось читать его русскія сатиры, а подражатели не замедлили опять все испортить... Еще въ 1779 г. Майковъ испыталъ журналъ, исключительно посвящаемый дамамъ и модамъ, взявъ за образецъ нѣмецкіе... Публика начинала уже требовать чего-то лучшаго, холодно принимала журналы русскіе, и потому, когда Карамзимъ явился въ 1802 г. съ Вѣстникомъ Европы, число подписчиковъ было у него необыкновенное. Тутъ началось болѣе живости и дѣльнаго разнообразія въ журналистикѣ. Легкіе еженедѣльники исчезали постепенно. Съ 1802 г. донынѣ ихъ не было уже и десяти. Сатирическіе журналы также упадали: съ 1802 г. они мелькали только четыре раза... Вѣстникъ Европы сдѣлался образцомъ для многихъ; но вообще всѣ журналы съ 1802 г. можно дѣлить слѣдующимъ образомъ: Одни переродились изъ еженедѣльниковъ и составили новый родъ легкихъ журналовъ, принимая и не принимая критику, входившую у Карамзина въ составъ Московскаго журнала, но исключенную имъ изъ Вѣстника Европы. Къ сему роду относимъ: Журналъ пріятнаго, любопытнаго и занимательнаго чтенія; Московскаго Меркурія; Аврору; Сѣвернаго Меркурія; Журналъ для пользы и удовольствія; Московскаго жителя;

Любителя Словесности: Журналъ для милыхъ: Дамскій журналъ (1806 г.); Аглаю: Московскій Вѣстникъ (1809 г.); Журналъ для сердца и ума; Кабинетъ Аспазіи: Модный Вѣстникъ. Въ послѣднихъ шести соединились еще дамскіе и модные журналы, испытанные нѣкогда Майковымъ, и поколѣніе ихъ оканчивается Дамскимъ журналомъ князя П. И. Шаликова, который можно назвать, какъ говорятъ о подобныхъ литературныхъ явленіяхъ издатели Московскаго Вѣстника, анахронизмомъ въ наше время. Другое, высшее поколѣніе журналовъ явилось собственно изъ Московскаго журнала и Вѣстника Европы. Словесность, наука, а впослѣдствіи критика и наконецъ библіографія составляли и составляютъ ихъ сущность. Къ сему отдѣлу принадлежатъ: Корифей (1803 г.); Сѣверный Вѣстникъ; Другъ Просвѣщенія; Журналъ Россійской Словесности (1805 г.); Лицей (1805 г.); Цвѣтникъ (1809 г.); Улей (1811 г.); Сынъ Отечества (1812 г.); Духъ Журналовъ; Амфіонъ: Россійскій Музеумъ (1815 г.); Невскій Зритель (1820 г.); Московскій Вѣстникъ (1827 г.). Измѣненіями сего рода журналовъ должно почесть: Журналъ древней и новой Словесности (1818 г.); Литературныя прибавленія къ Сыну Отечества (гдѣ были однѣ повѣсти); Новости Русской Литературы (А. Ѳ. Воейкова, болѣе наполнявшіеся стихами); Литературные листки Ѳ. В. Булгарина (какъ возобновленіе сатирическихъ статей о нравахъ, въ видѣ улучшенномъ, сообразномъ нашему времени); Славянина, (гдѣ находимъ особенный отдѣлъ для военныхъ знаній).

Разнообразіе, болѣе или менѣе занимательное, смѣсь полезнаго съ пріятнымъ, большею частію переводы; стихи, какъ необходимость; ученыя статьи изрѣдка, и то какъ балластъ на корабляхъ; критика (которая однакожъ не основывалась еще на твердыхъ, неизмѣнныхъ правилахъ); споры, несогласіе мнѣній: вотъ что занимаетъ нашу публику, составляетъ наши повременныя изданія и вѣрно изображаетъ сущность нашей нонѣшней литературы. Безспорно, что мы подвинулись впередъ, и Журналы для милыхъ, равно какъ и Трутни намъ уже не годятся, но съ тѣмъ вмѣстѣ должно признаться, что—

I. У насъ не настало еще время для важныхъ критическихъ журналовъ, въ родѣ Англійскихъ Обозрѣній... II. Для журналовъ чисто-ученаго содержанія, журналовъ по какой нибудь части наукъ, или по какому нибудь одному особенному предмету, также время не пришло. Неудачныя попытки Журнала Статистическаго, Журнала Изящныхъ Искусствъ, Журнала Военнаго (1807), Журнала Правовѣдѣнія (1812), Сибирскаго Вѣстника (1818), Сѣвернаго Архива (1822), Журнала Изящныхъ Художествъ (1824) доказываютъ это, ибо всѣ они были издаваемы уже въ наше время и были отличнаго достоинства, пока усердіе издателей не охладѣвало отъ невниманія публики, что заставляло издателей, или совсѣмъ оставлять свои журналы, или измѣнить ихъ въ литературѣ и издавать безъ особаго старанія... Ученые журналы могутъ существовать лишь тогда, когда они издаются отъ

правительства или отъ учебныхъ заведеній... III. Время политики для нашихъ журналовъ еще не наступило. Публика довольствуется газетными извѣстіями... IV. Ученыя газеты также еще не могутъ имѣть успѣха. Опыты издавать ихъ при Академіи и при университетахъ, и холодность публики къ ученой газетѣ, которую превосходно издавалъ въ 1825 г. П. И. Коппенъ въ Спб., показали это очень явно. V. Журналы, исключительно занимаемые однимъ оригинальнымъ и русскимъ, по нашему мнѣнію, врядъ ли существовать у насъ могутъ. Русскому Вѣстнику С. Н. Глинки (1808) способствовали особливыя обстоятельства, а Отечественныя Записки, П. П. Свиньина, со включеніемъ съ нѣкотораго времени переводныхъ статей, свидѣтельствуютъ къ сожалѣнію о невозможности издавать журналъ занимательный для публики, наполняя его только русскимъ и единственно къ Россіи относящимся[314]).

«Кто же знаетъ, замѣчаетъ журналистъ 20-хъ годовъ, что время, истерзавъ пестрыя, красныя, синія, дикія, голубыя, желтыя обертки нашихъ повременныхъ книжечекъ, въ которыхъ иной думаетъ дожить до потомства, истерзаетъ и внутренность ихъ, и тогда, добрый журналистъ XX вѣка, взворачивая пыль старыхъ библіотекъ, удружитъ можетъ быть и намъ нѣсколькими строчками и оживитъ память нашего существованія, забвенную у потомковъ...»[315]).

§ 9. Въ 20-хъ годахъ особенно сильное впечатлѣніе на русскую литературу имѣли изъ прозаиковъ Куперъ и Вальтеръ-Скотъ. Правда, русскіе переводы ихъ романовъ съ подлинника явились лишь послѣ 1824 года. Въ «Прибавленіи» къ первому номеру Телеграфа читаемъ: На русскомъ языкѣ не было еще ни одного перевода изъ нѣсколькихъ романовъ г. Купера—американскаго сочинителя и соперника В. Скотта. Скоро выйдетъ въ Москвѣ лучшій романъ Куперовъ — «Шпіонъ»[316]). «Надобно отличить, читаемъ въ «Обозрѣніи Русской Литературы въ 1824 г.», — отъ произведеній литературной промышленности, новые переводы романовъ В. Скотта. Намъ обѣщаютъ переводы съ англійскихъ подлинниковъ; до сихъ поръ изданы съ французскаго: Пуритане и Гей — Меннерингъ, не очень исправно переведенные»[317]). Въ томъ-же «Обозрѣніи» отмѣчается переворотъ въ потребленіи переводной литературы и во вкусахъ читателей:

«Съ удовольствіемъ скажемъ, что нынѣшній годъ кустарныя издѣлія особенныхъ русскихъ переводчиковъ были не столь многочисленны, какъ

314) Тел. 1827. № 24. 182—188.

315) Телеграфъ. ч. XVIII. № 21. Стр. 26.

316) Взглядъ на Москву 1824 года.

317) М. Т. 1825 г. Январь. № 2. Стр. 142.

прежде (Предлагаемъ это названіе нашей публикѣ: такъ называютъ въ Москвѣ разныя издѣлія — платки, ситцы, холстинки и проч., по деревнямъ дѣлаемыя на однѣ руки, какъ говорятъ купцы. Сіи издѣлія отличны удивительною дешевизною: а кто не знаетъ—что дешево, то гнило?)... Не знаемъ, что этому причиной: охота-ли къ чтенію подобныхъ веществъ уменьшается или что другое: по крайней мѣрѣ, цѣна ихъ упала не по курсу! Любое твореніе Радклифъ, Дюкре Дюмениля, А. Лафонтена, Шписа, можно купить съ уступкой 50 процентовъ на 100 противъ цѣнъ, выставленныхъ въ каталогахъ книгопродавцевъ. Стр. 88».

«Телеграфъ» является конечно страстнымъ поклонникомъ Байрона или Бейрона, какъ онъ выговариваетъ имя великаго поэта. Въ первомъ-же номерѣ помѣщена статья: «Характеръ лорда Бейрона».— «Сочиненіе В. Скотта, написанное по полученіи извѣстія о смерти незабвеннаго пѣвца Британскаго»[318]). На стр. 39 находимъ отъ редакціи «Прибавленіе къ предыдущей статьѣ»:

«Великій Бейронъ, необыкновенное явленіе въ нравственномъ мірѣ нашего времени, не долженъ быть судимъ, какъ человѣкъ обыкновенный: въ немъ все превышало посредственность ума и чувствъ, столь обыкновенную въ нашемъ вѣкѣ... Никто изъ поэтовъ, принесшихъ дань памяти Бейрона, не изобразилъ его такъ правдиво и сильно, какъ нашъ Пушкинъ (въ стихахъ: Прощаніе съ моремъ, которые будутъ напечатаны въ 4 части Мнемозины. Изд.), говоря:

— Реви, волнуйся непогодой
Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ!
Твой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.—
Міръ опустѣлъ...»

Интересенъ также взглядъ журнала на Казимира Делявиня и Ламартина.

«К. Делявинь, безспорно, первый изъ нынѣшнихъ поэтовъ Франціи. Начальные опыты его предвѣщали талантъ необыкновенный, а разнообразныя творенія доказали впослѣдствіи, что Делавинь не обманетъ ожиданій и со временемъ станетъ на ряду съ величайшими поэтами»[319]).

«Мы упоминали (Тел. № 9), что Ламартинъ написалъ окончаніе Бейронова Чайльда-Гарольда. Эта поэма вышла въ Парижѣ. Ожидали ее съ нетерпѣніемъ, приняли, кажется, не съ большимъ восторгомъ. Причина очевидна. Положимъ, что Ламартинъ не отсталъ въ ней отъ прежнихъ своихъ

---

[318]) Т. 1825 г. № 1. Стр. 31.

[319]) Т. № 1. 1825 г. Стр. 160.

твореній, но какое же безмѣрное разстояніе между Ламартиновыми Meditations и Бейроновымъ Чайльдомъ-Гарольдомъ!»[320]).

Столь же важенъ для характеристики воззрѣній журнала Полевого и Вяземскаго взглядъ его на Гердера, Шиллера и Гете. Говоря о новостяхъ Лейпцигской ярмарки, Телеграфъ пишетъ:

«Не новость, но сочиненіе знаменитаго Гердера: «О духѣ еврейской поэзіи», издано въ третій разъ, со всевозможнымъ тщаніемъ и съ прибавленіями Г. Юсти. Нужно ли напоминать о достоинствѣ сей книги? Пожалѣемъ объ одномъ, что на русскомъ языкѣ почти ничего нѣтъ изъ сочиненій сего славнѣйшаго писателя прошедшаго столѣтія. Передать на русскій сочиненія Гердера — вотъ трудъ, который въ двадцать тысячъ разъ принесетъ болѣе пользы и славы, нежели водяные переводы сочиненій извѣстнаго и переизвѣстнаго современника нашего Ламартина, или Вейсса и Мильвуа»[321]).

«Драматическія сочиненія Шиллера принадлежатъ къ поэзіи романтической... Назвавъ Шиллера романтическимъ поэтомъ, прежде всего постараюсь доказать, что онъ не безразсудно послѣдовалъ новому направленію, въ коемъ скрываются истинные законы изящнаго... Не романтическая, но классическая поэзія не имѣетъ основныхъ, незыблемыхъ законовъ... Аристотель смотрѣлъ на поэзію глазами не философа. Онъ вездѣ видитъ въ ней средство, находитъ постороннюю цѣль и распространяется только о внѣшнихъ формахъ. Не въ наше время доказывать ложность сего положенія, ибо кому неизвѣстно, что поэзія есть свободное изліяніе духа, цѣль сама себѣ; внѣшнія формы ея образуются по внутреней едеѣ, а не идея по формамъ... Драматическую поэзію раскрылъ теоретически и критически А. Шлегель, въ своемъ превосходномъ курсѣ драматической литературы. (Vorlesungen über Dramatische Kunst und Litteratur. 8. Heidelberg. 1817 г. 2-е изданіе) составляющемъ непремѣнный кодексъ для каждаго писателя, занимающагося драматургіею»[322]).

Помѣщая отрывокъ изъ записокъ Гете, журналъ поясняетъ: участь Гете въ русской литературѣ одинакова съ участью Шекспира, Гомера, Данта и другихъ великихъ писателей; безпрестанно слышимъ ихъ имена — и знаемъ ихъ творенія только по небольшимъ отрывкамъ или переводамъ весьма немногихъ твореній. Сочиненія Гете, кромѣ небольшихъ его стихотвореній, совершенно неизвѣстны русскимъ читателямъ, ибо на русскомъ языкѣ только его Вертеръ и Клавиго оклеветанъ (по выраженію Гете о худыхъ переводахъ) въ 1798 и 1780 гг.; французскіе переводы могутъ назваться тѣнью подлинника...[323]).

---

320) Ч. IV. № 13. Стр. 65.

321) Тел. 1826 г. № 6. Стр. 169.

322) Тел. 1827 г. Ч. XIV. № 8. Стр. 283, 284, 285 и 287.

323) М. Т. 1825. V.

Замѣтимъ, что положеніе германской словесности, описываемое Гете, имѣетъ какое то разительное сходство съ настоящимъ положеніемъ нашей литературы . Въ доказательство этого положенія «Телеграфъ» указываетъ на эти слова Гете о нѣмецкой литературѣ:

«Разсматривая внимательно ходъ нашей словесности, мы увидимъ, что намъ не доставало одного: оригинальности — а таланты у насъ являлись блистательные»[324]).

Для русскихъ классиковъ имѣло, конечно, громадное значеніе всякое мнѣніе, которое родилось во Франціи. Парижъ въ ихъ глазахъ являлся все еще законодателемъ въ «литературной республикѣ». Поэтому, съ одной стороны «Телеграфъ» указываетъ на ничтожество французской философіи, разрушаетъ между прочимъ авторитетъ Делиля, еще прочно стоявшій въ десятыхъ годахъ и котораго у насъ, съ благоговѣніемъ къ недосягаемымъ совершенствамъ его «Садовъ», переводилъ Воейковъ,— а съ другой изображаетъ завоеванія, которыя дѣлаетъ романтизмъ во Франціи и поразительное ничтожество его противниковъ.

«Излишне было бы излагать сущность вообще французской философіи. Французы не знали и донынѣ не знаютъ истинной философіи. Замѣнивъ нѣкогда нелѣпую схоластику скептицизмомъ, который впалъ въ грубый матеріализмъ, они увидѣли наконецъ нелѣпость матеріализма и нынѣ начинаютъ только понемногу достигать истины»[325]).

«Сыщи мнѣ въ Делилѣ доказательства истинно-поэтическаго духа, не списывающаго, а творящаго. Гдѣ красоты простой, неукрашенной природы, первородныя, похищенныя въ области необыкновеннаго?.. У Гольдшмита взялъ онъ трогательныя выраженія, у Мильтона скопировалъ картины, у Дарвина выпросилъ блестящихъ распространеній, у Томсона научился вставлять эпизоды... Делиль прослылъ поэтомъ, когда французы, и народы, мыслящіе по французски, не знали подлинниковъ, а мы не знали Делиля... Рисуетъ ли онъ картины природы: вы видите, что ихъ рисовалъ аббатъ и придворный, видите, что на рукѣ, располагающей сады, надѣты были перстни и манжеты... Въ самыхъ простыхъ описаніяхъ замѣчаете выраженія туалетныя, въ чувствительность вмѣшиваются эпиграммы, въ восторгъ мадригалы... Словомъ: я почитаю Делиля хорошимъ стихотворцемъ, но поэтомъ посредственнымъ»[326]).

«Французы не могли не признать наконецъ власти романтизма и новѣйшей философіи. Новыя идеи втѣснились къ нимъ, не смотря на крѣпость, какую заключали въ себѣ основанія ихъ литературныхъ мнѣній. Французы примѣтили сами, что стараго имъ мало: дѣятельность ума искала новаго и

324) Id. Стр. 12.

325) Тел. 1826 г. № 11. Стр. 231.

326) М. Т. 1825 г. XVII. Стр. 172, 173 и 184. «Письма изъ Франціи».

нашла его... Общій ходъ романтизма во Франціи доказываетъ просвѣщеніе и образованность французовъ. Они конечно и сами не примѣтили, какъ начался у нихъ переворотъ литературный».[327]).

Чтобы наглядно показать все ничтожество самыхъ авторитетныхъ защитниковъ классицизма во Франціи, журналъ помѣщаетъ «Замѣчанія о хорошихъ и дурныхъ нововведеніяхъ въ драматическую поэзію». Соч. Лемерсье, читанное въ Академіи французской 5 апр. 1825 года. Печатая этотъ переводъ М. Т. предупреждаетъ, что вскорѣ намѣренъ дать и «Шлегелево разсужденіе, которымъ началъ свой курсъ драматической поэзіи сей великій критикъ и эстетикъ, и гдѣ онъ изображая сущность поэзіи, доказалъ необходимость такъ называемаго романтизма». У насъ, продолжаетъ М. Т., еще многіе, очень многіе думаютъ, какъ г. Лемерсье, считаютъ Горація и Буало кодексомъ поэзіи и съ непостижимою упорностію не хотятъ слышать о новыхъ успѣхахъ поэзіи. Къ сожалѣнію противники литературные часто спорятъ и бранятся, а не разсуждаютъ и не доказываютъ. Представляя читателямъ одно за другимъ разсужденія Лемерсье и Шлегеля, мы отдадимъ на ихъ судъ рѣшеніе вопроса: кто правъ, кто виноватъ? Намъ кажется дѣло уже рѣшеннымъ: только тѣ люди, которые почитаютъ умъ человѣческій сиднемъ, могутъ согласиться съ г. Лемерсье. Пусть читатели замѣтятъ, какъ слабы, недостаточны, сбивчивы доказательства г. Лемерсье, какъ признаніе несправедливости дѣла отзывается въ его бранчивости... Мы не будемъ опровергать мнѣній г. Лемерсье: опроверженіе заключается въ самой статьѣ его и въ разсужденіи Шлегеля»[328]).

«Спросимъ людей, требующихъ нововведеній, чего хотятъ они?..— говоритъ драматургъ, увѣнчанный академическими лаврами и взбѣшенный успѣхомъ драмъ Виктора Гюго, классикъ Лемерсье, — развѣ нѣтъ у насъ классическихъ образцовъ трагедіи и комедіи?.. Мельпомена и Талія не установили развѣ степеней и различныхъ отличій въ драматическихъ произведеніяхъ, раздѣляя трагедіи на баснословныя, чудесныя, и историческія, комедіи—на историческія и забавныя? (Извините! не Мельпомена и Талія, но люди — и могли ошибиться. Изд.). Къ симъ различнымъ родамъ, какой родъ еще хотятъ прибавить? Развѣ извѣстные роды открываютъ тѣсное поприще воображенію? (И такъ, греки и французы исчерпали весь кладезь ума и сердца человѣческаго? Новѣйшимъ народамъ нечего уже выдумывать?.. Изд.). И не думаютъ-ли умножить ихъ, истребивъ всѣ границы, какія вкусъ и опытъ между ними давно положили? Наши великіе учители... всегда руководимые правилами, не выходили изъ границъ приличія. Такая покорность силы не уменьшала жара ихъ оригинальности, горѣвшаго даже

[327]) Тел. 1826 г. Ч. 9-я. № 9. Стр. 44 и 45.
[328]) М. Т. 1825 г. N. XIII. Стр. 30 и 31.

въ самыхъ подражаніяхъ предшественникамъ. (Оригинальность въ подражаніяхъ? Довольно мудреная оригинальность! Изд.).

Академикъ указуетъ на пьесы собственнаго издѣлія: «Pinto». «Journée des dupes» и «Christophe Colomb», и заявляетъ: всѣ сіи пьесы суть нововведенія: въ первой я нѣсколько удалился отъ единства мѣста, придерживаясь только единства времени и дѣйствія: во второй, болѣе правильной и писанной стихами, всѣ три единства соблюдены тщательно: въ третьей я соединилъ комическое съ героическимъ, устранился отъ единства времени и мѣста и только соблюлъ единство дѣйствія... Но такое распространеніе пособій искусства не значитъ еще освобожденіе поэзіи драматической отъ самыхъ важнѣйшихъ правилъ: оно не даетъ права на смѣшеніе основныхъ законовъ драмы и на совершенное разрушеніе всякой методы!.. Чего же хотятъ? Что могутъ выдумать еще, въ чемъ искусство имѣло бы дѣйствительную надобность? (Да и на что думаютъ люди? Вѣдь предки за насъ все выдумали. Изд.). ...Та-же метода, какую употреблялъ я въ Агамемнонѣ, употреблена мною въ Кловисѣ, Фредегондѣ, Карлѣ VI. (Каковы же и трагедіи вышли! Изд.), самыхъ оригинальныхъ моихъ трагедіяхъ [29])... Защитники литературныхъ вольностей безпрестанно кричатъ, что три единства (времени, мѣста, дѣйствія) налагаютъ цѣпи на умъ... Впрочемъ, система грековъ и французовъ требуетъ рѣшительно единства только въ дѣйствіи и терпитъ упущеніе двухъ другихъ единствъ (времени и мѣста), если только необходимость предмета и не прихоть сочинителя этого требуютъ. (Смѣлая рѣшительность!. Но какъ-же преступить законъ, предписанный піитикою Буало, гдѣ именно сказано: Qu'en un lieu, qu'en un jour, un seul fait accompli? Изд.). Первое представленіе «Христофора Колумба», принятое съ общими похвалами, доказало, что зрители не почитаютъ безразсудною смѣлостію быстрой развязки дѣйствія... Я утверждаюсь на семъ опытѣ, ибо смятеніе при второмъ представленіи Колумба произошло отъ заговора въ партерѣ, что не касается уже теоріи искусствъ. (Просто: пьеса г. Лемерсье упала. Изд.).

...Подражаніе Шекспиру, на которое осмѣлился я въ трагедіи «Ричардъ III и Іоанна Шоръ», гдѣ дѣйствіе должно продолжаться пять дней, не было отвергнуто предубѣжденіемъ публики... Какое-же новое счастливое открытіе, какое новое прибыльное завоеваніе можемъ мы сдѣлать на иностранныхъ театрахъ? Не появленіе-ли нелѣпыхъ сверхъестественныхъ привидѣній, позволенное на ихъ сценѣ? Но чудесное греческой Мельпомены представляетъ намъ великолѣпный примѣръ привидѣній, въ трагедіи: «Ксерксъ», гдѣ появляется тѣнь Дарія, и Вольтеръ показалъ такое-же привидѣніе въ «Семирамидѣ»... Одни жалуются на насъ (о чемъ мы уже упомянули) за то, что не могутъ довольно возвышаться въ необыкновенно-

[29]) Стр. 32, 33, 34 и 35.

стяхъ; другіе по странному противорѣчію осуждаютъ насъ за то, что мы не позволяемъ унижать дѣйствующихъ лицъ и разговоровъ ихъ до низостей обыкновенной жизни. Отъ сихъ-то двухъ противуположностей размѣриваютъ пространство безправильнаго искусства, которому, по мнѣнію ихъ, нѣтъ никакихъ границъ и никакой мѣры... [330]). Читайте «Марію Стюартъ»: вы увидите двухъ королевъ, враговъ по политическимъ причинамъ, которыя, какъ двѣ безстыдныя женщины, на театрѣ обвиняютъ другъ друга въ кокетствахъ... Читайте похожденія Фауста, который предается демону и изъ высокой области метафизики падаетъ въ объятія крестьянки для того, чтобы за дѣтоубійство и убіеніе матери (?) взвести ее на эшафотъ...

Читайте три драмы, въ которыхъ содержится исторія Валленштейна. Вы найдете вѣрное изображеніе воиновъ, измѣняющихъ клятвѣ и предающихъ своего начальника... Читайте нелѣпое германское произведеніе «Орлеанскую Дѣву»! Вкусъ, знаніе, умъ, оскорбляетъ этотъ сборъ всякихъ невѣроятностей, всякихъ странностей... Но не смѣшивайте съ этими безобразными произведеніями прекрасной пьесы—«Вильгельма Теля».

Что подумали-бы сіи тонкіе, образованные умы (Аѳиняне) о странномъ смѣшеніи сценъ героическихъ и простолюдимскихъ въ нашихъ полу-героическихъ, полу-мѣщанскихъ трагедіяхъ? Какое понятіе получили бы отъ насъ: Корнель... Расинъ... Вольтеръ?.. Пьесы надутаго Шиллера... Впрочемъ, я не знаю, о чемъ и спорятъ, отдѣляя такъ называемый романтизмъ отъ классицизма: послѣдній опредѣленъ, первый неопредѣляемъ. Я понимаю подъ именемъ классическаго изящное, то есть все хорошее и истинное: но что такое романтизмъ, если не называть симъ именемъ свободы описывать все безъ разбора и безъ правилъ, смѣшивая всѣ роды?.. Вспомнимъ еще недавно бывшее время, когда при всѣхъ дворахъ владычествовала французская литература, когда цѣлой Европѣ на французскомъ языкѣ передаваемы были законы истиннаго вкуса, когда умъ французовъ до самыхъ Дарданелловъ разливалъ познанія, когда его владычество простиралось на всѣ ученыя общества и представляло образцы театрамъ Германіи и Италіи! Тогда не думали учить насъ, какимъ образомъ сочинять и писать... Допустимъ-ли осадить и разрушить Парнасъ нашъ Волхвамъ и Готѳамъ Востока и Сѣвера? Нѣтъ! Нѣтъ!.. Границы области изящныхъ искусствъ крѣпки и защищены, и святилище законовъ устроенное Гораціемъ и Буало, всегда будетъ недостигаемо нападеніямъ, которыя зависть устремляетъ на его величіе! [331]).

Полевой сопровождаетъ только краткими насмѣшливыми примѣчаніями въ скобкахъ сужденія французскаго литературнаго старовѣра. Они сами за себя говорили и окончательно погребали отжившую теорію.

---

[330]) Стр. 36, 37, 38 и 39.

[331]) Тел. № 14. 1825. Стр. 125, 126, 127, 128 и 129.

§ 10. Одной изъ особенностей журнала Полевого было то, что онъ сталъ знакомить русскую публику съ польской литературой и прославлялъ тогда принятаго въ среду московскихъ литераторовъ, Мицкевича... Вотъ что писалъ по этому поводу Николай Полевой:

«Къ странностямъ русской литературы принадлежитъ и то, что польская литература почти совершенно неизвѣстна въ Россіи... Здѣсь читатели найдутъ извѣстія о новомъ, прекрасномъ переворотѣ въ поэзіи польской и познакомятся съ новыми поэтами Польши, между прочимъ съ Адамомъ Мицкевичемъ, котораго съ восторгомъ читаетъ вся Польша и который —неизвѣстенъ русскимъ читателямъ! Юный поэтъ сей заслуживаетъ Европейскую славу, по его сильнымъ, пламеннымъ стихотвореніямъ» [332]).

Не смотря на близкія сношенія Польши съ Франціею, съ самой средины прошедшаго вѣка, польскій языкъ, польская литература во Франціи весьма мало извѣстны. Причины этого почти тѣ же, по коимъ такъ мало извѣстна французамъ наша русская литература: знаніе наше французскаго языка, стараніе подражать французской литературѣ, и трудность для французовъ изучиться языку... Только въ новѣйшее время, послѣ долгаго молчанія, является на лицо самобытность литературы польской, такъ же какъ и русской. Что можно было узнать французамъ отъ подражателей насвистывающихъ на чужой ладъ французскіе водевили, и выворачивающихъ на своемъ театрѣ кафтаны французскихъ Клеантовъ и Криспиновъ?.. Удивительное сходство въ состояніи русскаго и польскаго театровъ можетъ впредь доставить намъ случай, къ общимъ разсужденіямъ о причинахъ, по коимъ театры польскій и русскій до сихъ поръ остаются въ дѣтскомъ возрастѣ, и можетъ быть къ показанію тѣхъ средствъ, коими драма русская и польская могутъ возвыситься до оригинальности и самобытности. При всеобщей жаждѣ къ познанію, при стремленіи разрушать литературные предразсудки, до сихъ поръ угнетавшіе новѣйшую поэзію и вообще словесность, мы, поколѣніе славянъ, можемъ надѣяться всего прекраснаго и великаго. Цѣпи французскаго классицизма заржавѣли и совершенное спаденіе ихъ конечно поставитъ насъ въ рядъ съ тѣми народами, коихъ теперь никто не думаетъ достичь, не только перегнать [333]).

Въ 1826 году вышли въ Москвѣ Sonety Adama Mickiewicza (Сонеты Адама Мицкевича). Кн. Вяземскій писалъ по поводу нихъ:

Вотъ необыкновенное и удовлетворительное явленіе. Изящное произведеніе чужеземной поэзіи, произведеніе одного изъ первоклассныхъ поэтовъ Польши, напечатано въ Москвѣ, гдѣ, можетъ быть, нѣтъ десяти читателей

---

[332]) О состояніи, духѣ и стремленіи новѣйшей польской поэзіи. Тел. 1826 г. Ч. X. № 15. Стр. 183 и 184.

[333]) Тел. 1827 г. Ч. XVIII. № 22. Стр. 122, 138 и 139.

въ состояніи узнать ему цѣну... Г-нъ Мицкевичъ принадлежитъ къ малому числу избранныхъ, коимъ предоставлено счастливое право быть представителями литературной славы своихъ народовъ[334]).

Въ статьѣ «О русскомъ переводѣ Сонетовъ Мицкевича» читаемъ:

Мицкевичъ «желалъ обнажить ограниченность свѣдѣній Варшавско-критическаго Ареопага, столь долго управлявшаго умами и дѣйствіями единоземныхъ поэтовъ... Нашимъ читателямъ извѣстно это предисловіе къ сочиненіямъ польскаго поэта. Но послѣ сего грознаго удара умолкло ли гнѣздо Варшавскихъ критиковъ?.. Дмаховскій, видя что доказательства его невѣжества пригвождены къ безсмертнымъ твореніямъ Мицкевича... рѣшился сдѣлать послѣднюю попытку защищенія мнимыхъ своихъ правъ, и разразился тяжеловѣсною антикритикою, напечатанною особенною книжкою и напоминающею любознательность и любопытательность Вѣстника Европы[335]).

Мицкевичъ неоспоримо есть первый поэтъ польскій, и одинъ изъ первыхъ во всеобщемъ литературномъ мірѣ. Подобно всѣмъ геніямъ, смѣло прокладывающимъ новые пути въ областяхъ поэзіи, онъ былъ привѣтствованъ криками удивленія и радости любителей изящнаго, и пискомъ литературныхъ щепетильниковъ... Мицкевичъ издалъ полное собраніе своихъ стихотвореній и приложилъ къ оному подробный и поучительный отвѣтъ всѣмъ своимъ критикамъ. Въ семъ отвѣтѣ столько убѣдительности и истины, что мы рѣшились ознакомить съ онымъ нашихъ читателей... И на святой Руси такожде найдутся извѣстные классики, которымъ, безпрерывными стараніями растерзать творенія великихъ писателей, удалось прицѣпить свои жалкія прозвища къ именамъ Карамзина, Жуковскаго и Пушкина. Но кто позавидуетъ такой извѣстности? Классики сіи уподобились гаду, пилу перегрызть тщившемуся, какъ о семъ въ прітчахъ Есопа, превесьма есѳетически упоминается[336]). (Намекъ на орфографію Каченовскаго, и на его заскорузлые взгляды).

«Мицкевичу нѣтъ еще и 30 лѣтъ. Чего нельзя ожидать отъ него, если въ такихъ юныхъ лѣтахъ онъ создалъ уже Дзядовъ, Крымскіе Сонеты и Валленрода? Съ радостнымъ чувствомъ гордости преслѣдуемъ величественный полетъ генія нашего соотечественника!»[337]).

§ 11. Мы еще не имѣемъ безпристрастной оцѣнки литературно-публицистической дѣятельности Ѳаддея Венедиктовича Булгарина (1789—1859 гг.). Это былъ несомнѣнный авантюристъ, много видавшій на своемъ вѣку. По-

---

334) Тел. 1827 г. Ч. XIV. № 7. Стр. 191 и 192. Критика.

335) Тел. 1829 г. № 23. Стр. 345.

336) Тел. 1829 г. № 17. О критикахъ и рецензентахъ варшавскихъ. Предисловіе къ полному собранію стихотвореній Мицкевича.

337) Тел. 1828 г. № 3. Стр. 437.

лякъ, онъ сначала служитъ въ войскахъ польскихъ, потомъ переходитъ на русскую службу, далѣе во французскую и съ наполеоновской арміей сражается въ Испаніи. Опять принимаетъ русское подданство и дѣлается быстро русскимъ «образцовымъ» писателемъ, пріобрѣтая громадную извѣстность. Съ 1822 по 1828 онъ издаетъ «Сѣверный Архивъ», ученый журналъ. Съ 1823 по 1824 «Литературныя листки» и Альманахъ «Талію». Съ 1825 по 1857—газету «Сѣверная пчела». Долгое время онъ является, вмѣстѣ съ Николаемъ Ивановичемъ Гречемъ (1787—1867 гг.), царемъ петербургской журналистики газетной. Оцѣнка его, какъ журналиста, повторяемъ не сдѣлана съ научнымъ безпристрастіемъ.

«Фельетоны «Сѣверной Пчелы» отличались разнообразіемъ; но что это было за разнообразіе! Превознесши, напримѣръ, до небесъ блины екатерингофскаго вокзала и кафе-ресторанъ Беранже, фельетонистъ, тотчасъ же переходилъ къ разбору какого-нибудь замѣчательнаго литературнаго произведенія... Критическія статьи часто начинались такимъ образомъ: «Новое, прелестное стихотвореніе» — «Честь вамъ и слава, г. поэтъ!» — «Эта вещь совершенно оригинальная!» —«Стихи жгутъ страницы!»[338])... Забавны были отзывы о произведеніяхъ живописи и музыки.

Въ картинахъ, портретахъ обращалось особенное вниманіе на отдѣлку шинелей, мундировъ, эполетъ, орденовъ, серебряныхъ и золотыхъ украшеній и т. д... «Знатоки не довольны отдѣлкою бѣлья въ портретѣ Г...». Булгаринъ какимъ вышелъ на литературное поприще, такимъ и сошелъ въ могилу»[339]).

Если-бы послѣдняя характеристика была вѣрна, то Булгарина намъ пришлось-бы поставить въ первомъ ряду русскихъ писателей и публицистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ двадцатыхъ годахъ это былъ блестящій литераторъ, пользовавшійся громадной популярностью. Вспомнимъ, что Пушкинъ долгое время печаталъ свои стихи въ «Архивѣ» и «Сынѣ Отечества». Безусловно враждебенъ былъ Булгарину Дельвигъ. Въ 1824 году, въ письмѣ Пушкину отъ 28 сентября, онъ говоритъ:

«Нѣтъ ничего скучнѣе теперешняго Петербурга. Вообрази, даже простыхъ шалуновъ нѣтъ! Квартальныхъ некому бить (?). Мертво и холодно.— или, иначе, свѣжо и прохладно! Съ пріѣзда Воейкова изъ Дерпта, и съ появленія Булгарина, литература наша совсѣмъ погибла. Подлецъ на подлецѣ подлецомъ погоняетъ. Ѣздятъ въ Грузино[340]), перебиваютъ другъ у друга случай сдѣлать мерзость, алтынничаютъ».

---

[338]) «Сѣверная Пчела» 1828 г. №№ 124, 145, 147.

[339]) С. Весинъ. Очерки исторіи русской журналистики двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Спб. 1881 г. Стр. 106, 104—108.

[340]) Къ Аракчееву.

Тѣмъ не менѣе въ «Полярной Звѣздѣ» 1823—25 г. всѣ петербургскіе литераторы являются вкупѣ, и А. Бестужевъ въ своихъ обозрѣніяхъ такъ отзывается о Булгаринѣ и Гречѣ [341]):

«Сѣверный Архивъ» (въ Петербургѣ), издатель онаго г. Булгаринъ съ фонаремъ Археологіи спускался въ неразработанные еще рудники нашей старины, и собраніемъ важныхъ матеріаловъ оказалъ большую услугу Русской Исторіи... Прибавленія къ «Сѣверному Архиву», г. Булгарина же оживляютъ на берегахъ Невы Парижскаго Пустынника (Псевдонимъ одного, забытаго нынѣ, французскаго фельетониста начала вѣка). Живой, забавный слогъ, и новость мыслей, готовятъ въ нихъ для публики занимательное чтеніе, а оригиналы столицы, и нравы здѣшняго свѣта,—неисчерпаемые источники для его сатирическаго пера. «Сынъ Отечества» (изд. г. Гречъ, въ С.-Петербургѣ) неизмѣнный поборникъ чистоты языка, по привычкѣ заключалъ въ себѣ много дѣльныхъ статистическихъ статей, и очень хорошихъ стихотвореній».

«Въ числѣ критикъ (мимоходомъ, весьма плодовитыхъ) особенно замысловаты: Письма на Кавказъ, самого издателя».

«У насъ недоставало газеты для насущныхъ новостей, которая соединяла бы въ себѣ политическія и литературныя вѣсти; гг. Гречъ и Булгаринъ дали намъ ее — это «Сѣверная Пчела». Разнообразіемъ содержанія, быстротою сообщенія новизны, черезденнымъ выходомъ и самою формою—она вполнѣ удовлетворяетъ цѣли» [342]).

«Сѣверный Архивъ» и «Сынъ Отечества», приняли въ свой составъ повѣсти; этотъ вавилонизмъ не очень понравится ученымъ, но публика любитъ такое смѣшеніе» [343]).

Исторія возникшей во второй половинѣ 20-хъ годовъ вражды Пушкина и Булгарина въ основѣ своей имѣетъ замѣчаніе послѣдняго по поводу разсужденій поэта о дворянскомъ достоинствѣ. Рылѣевъ былъ не на сторонѣ Пушкина, видя въ немъ подражаніе аристократизму Байрона. Особая причина была размолвки съ Булгаринымъ Жуковскаго и Рылѣева. Булгаринъ задумалъ перебить у Воейкова, родственника Жуковскаго, «Русскаго Инвалида», котораго Воейковъ заарендовалъ послѣ того, какъ вышелъ изъ создательства съ Гречемъ въ «Сынѣ Отечества». Булгаринъ предложилъ аренду вдвое. Казалось бы дѣло комерческое, но литераторы вознегодовали. Булгаринъ, однако, взялъ свое предложеніе обратно. Послѣ того какъ Булга-

[341]) Полярная звѣзда. 1824. Взглядъ на русскую словесность въ теченіи 1823 года.

[342]) Полярная Звѣзда. 1825. Взглядъ на русскую словесность въ теченіе 1824 и началѣ 1825 годовъ.

[343]) Id. Стр. 22.

ринъ похвалилъ «Войнаровскаго», Рылѣевъ забылъ ссору съ нимъ и послалъ ему благодарственное письмо.

Булгаринъ возвратилъ его, «дабы подлый свѣтъ не перетолковалъ поступка» Рылѣева. Вновь Рылѣевъ отослалъ это письмо Булгарину, съ припиской — «оно твое». Грибоѣдовъ до самой смерти сохранялъ горячую дружбу съ Булгаринымъ. Часто поминаетъ онъ Греча и Булгарина въ письмахъ къ петербургскимъ друзьямъ:

«Поклонись Булгарину. Ни «Пчелы», ни «Сѣвернаго Архива», ни «Сына Отечества» не могу достать,—какие мы здѣсь безграмотные!»[344]).

Право, милый мой Вильгельмъ, не знаю, съ кѣмъ я умомъ подѣлился, но на мою долю осталось немного. Помоги тебѣ Богъ, будь меня достойнѣе во мнѣніи друзей и недруговъ... Кланяйся Гречу и Булгарину».[345]).

Взятый подъ арестъ въ 1826 году онъ пишетъ [346]):

«Съ дозволенія инквизиціи.

Друзья мои, Гречъ или Булгаринъ, кто изъ васъ въ типографіи? Пришлите мнѣ газетъ какихъ-нибудь и журналовъ, и нѣтъ-ли у васъ «Чайльдъ-Гарольда»? Меня здѣсь заперли и я погибаю отъ скуки и невинности. Чуръ! Молчать. Грибоѣдовъ. Главный штабъ, 17 февраля. Das Papier in's Feuer.

Ѳаддей, мой другъ, познакомься съ капитаномъ здѣшнимъ Жуковскимъ, nous sommes camarades comme cochons, можетъ быть удастся тебѣ и ко мнѣ проникнуть. Я писалъ къ Государю, ничего не отвѣчаетъ»[347]).

«Сарматъ мой любезный. Помнишь ли ты меня? А коли помнишь, присылай мнѣ свою «Пчелу» даромъ, потому что у меня нѣтъ ни копѣйки. Часто, милый мой, вспоминаю о Невкѣ, на берегу которой мы съ тобою дружно и мирно пожили, хотя недолго. Здѣсь твои листки такъ цѣнятся, что ихъ въ клочки рвутъ, и до меня не доходитъ ни строчки, хотя я членъ того клуба, который всякія газеты выписываетъ. Воротилась ли твоя Länchen? Mein Gruss und Kuss. Tantchen auch meine Wünsche für ihr Wohl (Ленхенъ? Мой привѣтъ и поцѣлуй. Лучшія пожеланія благополучія и Тантхенъ) передай исправно. Гречу поклонись»[348]).

Adieu, bestes Länchen [349]), theure Freundinn, ich küsse sie von ganzen Herzen und Tante [350]) auch. Adieu! (Прощайте, милая Леночка, дорогой другъ мой, отъ всего сердца цѣлую васъ и Танту также. Простите!

---

344) А. А. Бестужеву. Екатериноградская станица. Ноября 22-го 1825 г.

345) В. К. Кюхельбекеру. Станица Екатериноградская. 27 ноября 1825 г. (Соч. подъ ред. Шляпкина. Т. I, стр. 210, 211 и 212).

346) Т. I, стр. 215.

347) Н. И. Гречу или Ѳ. В. Булгарину. Отъ 17 февраля 1826.

348) Ѳ. В. Булгарину. 11 декабря 1826 г. Т. I. 223 стр.

349) Т. I, стр. 254.

350) Länchen—Елена Ивановна, жена Булгарина.

Е. П. Булгариной. 5 iюну 1828 [351]).

Наконецъ, всего ярче характеризуетъ отношенiе Грибоѣдова къ Булгарину слѣдующее письмо [352]):

„Это было 16-го. Въ этотъ день я обѣдалъ у старой моей прiятельницы (Ахвердовой), за столомъ сидѣлъ противъ Нины Чавчавадзевой (второй томъ Леночки), все на нее глядѣлъ, задумался, сердце забилось... выходя изъ-за стола, я взялъ ее за руку, и сказалъ ей: «Venez avec moi, j'ai quelque chose à vous dire». Она меня послушалась, какъ и всегда; вѣрно думала, что я ее усажу за фортепiано; вышло не то; домъ ея матери возлѣ, мы туда уклонились, взошли въ комнату, щеки у меня разгорѣлись, дыханiе занялось, я не помню, что я началъ ей бормотать, и все живѣе и живѣе, она заплакала, засмѣялась, я поцѣловалъ ее, потомъ къ матушкѣ ея, къ бабушкѣ... насъ благословили и т. д.»

Когда появился «Московскiй Телеграфъ» Николая Полевого, въ своемъ обозрѣнiи въ «Полярной Звѣздѣ», Бестужевъ очень зло отозвался о новомъ изданiи:

«Въ Москвѣ явился двухнедѣльный журналъ: Телеграфъ изд. г. Полевымъ. Онъ заключаетъ въ себѣ все; извѣщаетъ и судитъ обо всемъ, начиная отъ безконечно-малыхъ въ математикѣ до пѣтушьихъ гребешковъ въ соусѣ, или до бантиковъ на новомодныхъ башмачкахъ. Неровный слогъ, самоувѣренность въ сужденiяхъ, рѣзкiй тонъ въ приговорахъ, вездѣ охота учить и частое пристрастiе—вотъ знаки сего Телеграфа, а смѣлымъ владѣетъ Богъ, его девизъ».

Полевой рѣшился молчать, заявивъ:

«Для чести русской литературы я подамъ первый примѣръ журналиста, пренебрегающаго журнальною раздражительностью... Пусть тотъ, у кого антикритики необходимы для пополненiя тощихъ листовъ, дорожитъ ими. Я отъ нихъ отказываюсь рѣшительно» [353]).

Однако въ «Телеграфѣ» все же появлялись изрѣдка «антикритики». Такъ Полевой чувствительно задѣлъ Булгарина слѣдующимъ указанiемъ:

«Прочитавши въ Русской Талiи пьесу, подъ заглавiемъ: Междудѣйствiе или разговоръ въ театрѣ о драматическомъ искусствѣ, я едва успѣлъ по-

---

351) Tante—мать А. И. Булгариной, будто-бы державшая его въ ежевыхъ рукавицахъ, судя по стихамъ Рылѣева:

Гдѣ Булгаринъ Өаддей
Не боится когтей
Танты...

352) Т. I, стр. 126 и 227. Ө. В. Булгарину. Биваки при Кизанчѣ, на Турецкой границѣ. 24 iюля 1828 г.

353) Тел. 1825. № 17. Прибавленiе. Стр. 4.

любоваться блестками знаній творца оной, господина А. Ѳ., какъ счастливая память представила мнѣ мысль, что всѣ сіи сужденія о тонкостяхъ драматическаго искусства нѣкогда были мнѣ уже извѣстны. Справляюсь съ библіотекою, и всѣ мои сомнѣнія разсѣеваются, при одномъ взглядѣ на сочиненіе Шлегеля: Über dramatische Kunst und Literatur» [354]).

Такое указаніе, конечно, не слишкомъ-то понравилось Булгарину, и Ѳаддей не остался въ долгу. Одоевскій указывалъ на единодушіе Греча и Булгарина:

«Отзывъ г-ну Гречу. Одоевскаго. О странномъ явленіи въ литературѣ»)— при битвѣ «Литературныхъ Листковъ» съ «Отечественными Записками», «Новостями Литературы», «Благонамѣреннымъ» и «Дамскимъ Журналомъ», «Отечественныхъ Записокъ» съ Литературными Л., Д. Ж. и Б.; Бл. съ Д. Ж., Лит. Листк.; и О. З. и проч. при всеобщей битвѣ, лишь Литературные Листки и «Сынъ Отечества» въ взаимномъ благоговѣніи поклонялись другъ другу... Г. Булгаринъ спрашиваетъ меня: «Неужели я думаю, что всякій вновь выходящій журналъ приводитъ его въ трепетъ? а я этого никогда и не говорилъ;—тутъ какъ не подумать насмѣшнику: Ужъ это не невольно ли вырвавшееся признаніе?

На это же указываетъ и Полевой:

«Не всѣмъ данъ талантъ описывать моды такъ, какъ описывалъ ихъ Ѳ. В. Булгаринъ. «Сынъ Отечества» давно уже объявилъ, что Ѳ. В. описываетъ моды «правильно, легко, свободно, пріятно, кратко и мило» (С. О. 1824 г. № 38. Стр. 210—211). Я и описывать ихъ такъ не умѣю, да и похвалить меня некому: подручнаго журналиста нѣтъ, самъ себѣ похвалъ я не печатаю» [355]).

«Если вы выписываете Телеграфъ только для моды—я прошу васъ поберечь ваши денежки. (С. П. № 80)... подпишитесь на Русскій Дамскій Журналъ, гдѣ кромѣ модъ начитаетесь стишковъ къ апельсинамъ, къ лунѣ, къ Линѣ, къ ней, къ нему, шарадъ, логогрифовъ, эпиграммъ, эпитафій и проч. и проч.; а всего лучше — выпишите себѣ Сѣверную Пчелу: журналъ славный—и моды, и нравы, и новости, и критика—прелесть! [356]).

Черезъ полгода Полевой рѣшился сразу отвѣтить своимъ врагамъ, и выпустилъ огромнѣйшее приложеніе въ десятки страницъ:

Особенное прибавленіе къ Московскому Телеграфу. Обозрѣніе критическихъ и антикритическихъ статей и замѣчаній на Московскій Телеграфъ, помѣщенныхъ въ Дамскомъ журналѣ, Вѣстникѣ Европы, Сынѣ Отечества,

---

[354]) М. Т. 1825. № 3. Антикритика. Письмо къ издателю Московскаго Телеграфа.

[355]) Тел. 1825. № XIII. Стр. 287. Прибавленіе.

[356]) Id. Стр. 289—290.

Благонамѣренномъ, Сѣверной Пчелѣ, Полярной Звѣздѣ, Сѣверномъ Архивѣ и г-ми Бестужевыми, Н. Мил..., М. Дмитріевымъ, Булгаринымъ и проч. къ № 13. 1825 г. «Я долженъ изъявить искреннюю благодарность за лестный пріемъ Телеграфа, какого, признаюсь, я не ожидалъ. Извѣстнѣйшіе литераторы удостоили меня лестными отзывами и сообщеніемъ статей пріятныхъ, полезныхъ, занимательныхъ. Числомъ подписчиковъ Телеграфъ превзошелъ почти всѣ другіе русскіе журналы... Вообще Телеграфъ принятъ благосклонно, съ появленіемъ Телеграфа въ литературномъ нашемъ мірѣ оказалось явленіе, поучительное для наблюдателя. Съ удивительнымъ ожесточеніемъ вооружились на меня многіе наши журналисты и нѣкоторые изъ людей, получившихъ уже нѣкоторую журнальную осѣдлость... Въ журнальномъ спорѣ разгорячается сердитый литераторъ, публика скучаетъ... Я помѣстилъ критику въ Телеграфъ съ назначеніемъ болѣе важнымъ... боялся я участвовать въ перекличкахъ журнальныхъ и измѣнить истинное назначеніе критики!..»

«Такъ прошло полгода. Шумъ критикующихъ нисколько не тревожилъ меня... Назовутъ ли гордостію, если я скажу, что стрѣлы критиковъ падали, не долетая до меня, что я былъ выше ихъ нападеній? Конечно, нѣтъ! Но хорошо ли я дѣлалъ, что никому изъ нихъ не отвѣчалъ? Пусть рѣшитъ послѣдствіе. Что заставляетъ меня теперь нарушить молчаніе? Отвѣчаю: Упорное молчаніе не утишаетъ моихъ противниковъ. И то ли еще! Послѣднія нападенія ихъ уже смѣшиваются съ побѣдными восклицаніями: «Мы побѣдили: онъ молчитъ—онъ соглашается, что мы правы!»... Итакъ,— конецъ моему терпѣнію и моему молчанію! Смѣло выступаю передъ судилище публики. Увѣренный въ правотѣ моей, объявляю рѣшительно, что изъ всѣхъ критическихъ замѣчаній на Телеграфъ, не было ни одного справедливаго, ни одного **важнаго**: всѣ они состояли изъ мелочныхъ привязокъ или неправильнаго перетолкованія словъ... Война загорѣлась за мои замѣчанія о книгахъ». (Стр. 1—9).

«Обвиненія для удобности раздѣляю слѣдующимъ образомъ: Обвиненія отдѣльныя—обвиненія общія—обвиненія мелочныя—обвиненія въ незнаніи грамматики—обвиненія особенныя» (13).

«Издатели Сѣверной Пчелы утверждаютъ, что я не «недалекъ въ русской грамматикѣ!» Какое же доказательство? «Никто у насъ не пишетъ и не скажетъ: **сдѣлалъ, чтобъ распространять и исполнить**» (С. П. № 82). Мм. Гг.! Неслыханное дѣло, чтобы по одной фразѣ можно было заключать о знаніи или незнаніи грамматики. Вы, Ѳаддей Венедиктовичъ, объявили правда, что одно слово часто измѣняетъ намъ и обличаетъ наши познанія (Л. Л. № 21, 22 стр. 101), но берегитесь: вашъ приговоръ очень строгъ!.. Что если я сдѣлаю, напримѣръ, слѣдующій соритъ: у кого найдется одна ошибка противъ языка, тотъ **не далекъ въ грамматикѣ**; но у кого най-

дется ихъ 2000, тотъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о грамматикѣ?—и послѣ такого предположенія, начну выбирать ваши грамматическія ошибки?.. Вниманіе, Мм. Гг.— Станемъ вычислять: Сына Отечества вышло донынѣ 14 №, Сѣвернаго Архива 13 №, итого 27; въ одномъ № нашлось — болѣе 70 ошибокъ: если въ каждомъ найдется ихъ по стольку же, слѣдственно: съ новаго года вы и сотрудники ваши, въ 27 нумерахъ изволили сдѣлать грамматическихъ ошибокъ около 2000! Что вы скажете на это, Мм. Гг...?[357]).

Полемика велась и далѣе, съ ухищреніями того времени, въ діалогической формѣ:

Прибавленіе къ № 15 Моск. Тел. «Матюшка-Журналоучка, или ученье свѣтъ, а неученье тьма».

«Послушай, Матюшка! сказалъ я ему, мнѣ кажется, слушая тебя, что я читаю одинъ изъ русскихъ журналовъ: ты былъ прежде неучъ, но что ты такое теперь?

Матюшка: Журналоучка, если угодно вамъ знать.

Вообразите, что всѣ собаки въ петербургскомъ гостиномъ дворѣ незадолго до наводненія пропали, и явились не прежде, какъ на другой день.

Я. Воля твоя, это неправда! Собаки въ петербургскомъ гостиномъ дворѣ есть, но ихъ запираютъ днемъ крѣпко и спускаютъ ночью на цѣпяхъ, слѣдовательно онѣ не могли убѣжать. И что за путешествіе собачье? и куда онѣ убѣжали...

Матюшка: Что вы меня учите? Я читалъ это въ № 4 Сына Отечества, на стр. 360... Теперь загляните еще на 123 стр. 14 № Сѣв. Архива, 1822 г. и вы увидите, что одинъ малороссійскій казакъ цѣлые три часа защищался противъ цѣлой польской арміи, былъ прострѣленъ 14 пулями и продолжалъ сражаться[358]).

Я готовъ никому не вѣрить, но Ѳ. В. Булгарину всегда повѣрю безъ справокъ. Онъ остроумный, основательный критикъ, литераторъ образованный, просвѣщенный, умный, съ отличнымъ успѣхомъ владѣетъ языкомъ и его имя займетъ отличное мѣсто въ Исторіи русской словесности — сверхъ того у него есть добрый капиталъ ума, свѣдѣній, и дѣятельности и онъ въ короткое время занятія своего литературою, опередилъ многихъ нашихъ ветерановъ, пріобрѣлъ на семъ поприщѣ, несомнѣнную, лестную извѣстность и самъ своими трудами—приноситъ честь нашей Словесности—да и что я говорю — нашей! Не говоря уже о польской, онъ могъ бы заняться французскою или нѣмецкою съ равнымъ успѣхомъ... все это напечатано въ

---

357) Антикритика. Къ № 14. Стр. 9, 10 и 16.
358) Id. 312, 314, 315.

Сынѣ Отечества, 1824 года № 38, стр. 210 и 1825 года № 11, стр. 303 и 304[359]).

Самъ Полевой былъ, однако, если не «журналоучка», то «самоучка», и съ этой стороны старались его уязвить собратья. «Критики стараются увѣрить, что я объявилъ себя какимъ то всезнаемъ, что Телеграфъ возвѣщенъ публикѣ, какъ магазинъ всѣхъ знаній, и что я обѣщалъ читателямъ разборъ всѣхъ книгъ и ученыхъ произведеній. Всѣ эти обвиненія найдутъ читатели въ Сынѣ Отечества, Сѣверн. Архивѣ, Дамскомъ журналѣ и Вост. Звѣздѣ. Легко обвинять безъ доказательствъ! Для чего ни одинъ изъ критиковъ не сказалъ: гдѣ именно сдѣлалъ я читателямъ эти энциклопедическія обѣщанія?»[360]).

Критики на Телеграфъ составляются Ѳ. В. Булгаринымъ, а благородный, почтенный Н. И. Гречъ не участвуетъ въ нихъ и подписываетъ ихъ только ex officio, какъ издатель, какъ главный владѣтель Сына Отечества... Если бы уставы скромности не запрещали мнѣ напечатать выписку изъ письма самого Ѳ. В. Булгарина (отъ 27 октября, 1824 года) предлагавшаго мнѣ быть участникомъ въ изданіи ихъ журналовъ--я сдѣлалъ бы это...»[361]).

Кн. Вяземскій, конечно, принималъ дѣятельное участіе въ полемикѣ и писалъ:

Что сдѣлалось съ русскими журналами? Куда отодвинуло ихъ отъ черты усовершенствованія, къ коей приближались они въ Вѣстникѣ Европы, издаваемымъ Карамзинымъ и послѣ Жуковскимъ, въ Сынѣ Отечества, еще малолѣтнемъ, но подававшемъ надежды, не оправданныя впослѣдствіи...[362]).

Въ отвѣтъ на «Особое Прибавленіе» Телеграфа, Булгаринъ и Гречъ выпустили «Прибавленіе» вдвое толще.

«Вотъ вамъ Прибавленіе къ Сыну Отечества. И подлинно пристройка достойна главнаго зданія! Вызываю отважнѣйшихъ читателей: кто прочтетъ однимъ духомъ и не смыкая глазъ сію сокровищницу скуки, тотъ шутя вытвердитъ наизусть Телемахиду отъ перваго стиха до послѣдняго. И весь этотъ паркъ артиллеріи Морфея наведенъ на Телеграфъ... Еще отличительная черта этихъ союзныхъ походовъ на Телеграфъ есть то, что сіи крестовые рыцари упрекаютъ издателя въ томъ, что онъ изъ купеческаго сословія. Да кто же, спросите вы, сіи феодальные бароны, повитые на пергаментѣ и вскормленные на щитѣ, которые не иначе хвалятъ книгу, какъ удостовѣрившись, что она писана дворянскою рукою? Умора...»[363]).

---

[359]) Id. 322 стр.

[360]) Приложеніе къ № 15. Тел. Стр. 15.

[361]) 1825 г. М. Тел. № 20. Стр. 407. Отъ изд. Телеграфа.

[362]) Письмо изъ Парижа кн. Вяземскаго. Тел. 1825 г. № 19.

[363]) Письмо въ Парижъ. Кн. Вяземскаго. Тел. 1825 г. № 22 Стр. 175 и 178.

Насколько въ сущности ничтожна и дѣтски мелочна была вся эта буря въ стаканѣ журнальной воды, видно изъ исторіи съ «грипусье».

«Когда то въ Телеграфѣ (еще въ 1825 году) нашелъ г-нъ Булгаринъ или г-нъ Гречъ (право не помнимъ) ошибочно напечатанное слово: grispoussière. Сколько было радости! Это слово сдѣлалось девизомъ Сына Отечества, и всегда при нападеніяхъ на Телеграфъ, въ рядахъ нападающихъ громко раздавалось: Грипусье! Грипусье! Потомъ это слово олицетворили, заставили писать письма въ Сѣверную Пчелу; потомъ перешло оно въ Вѣстникъ Европы; и наконецъ, по закону тяготѣнія, явилось въ Дамскомъ Журналѣ»[364]).

§ 12. Въ 1825 году, когда явился «Московскій Телеграфъ» Полевого, «Вѣстникъ Европы», выходившій подъ редакціей Каченовскаго былъ въ полномъ упадкѣ и хотя редакторъ журнала считается главой прогрессивной «скептической школы» въ исторіографіи, но «Вѣстникъ Европы» въ это время занималъ мѣсто «Бесѣды» десятыхъ годовъ, являясь хранилищемъ литературной косности и отсталости. Петербургскіе литераторы надъ нимъ подсмѣивались. Такъ «Полярная звѣзда» (1825 г.) замѣчаетъ въ «Обозрѣніи»: «Вѣстникъ Европы толковалъ о старинѣ и заржавленнымъ циркулемъ измѣрялъ новое». Тѣмъ не менѣе Каченовскій дѣятельно принималъ участіе въ травлѣ Полевого. Нападки его имѣли малое дѣйствіе до 1828 г. Но въ этомъ году Каченовскій выпустилъ на Полевого молодого, начинающаго писателя. Это былъ Николай Ивановичъ Надеждинъ (1804—1856 г.). Сынъ священника, необыкновенно даровитый, онъ кончилъ классъ философіи въ рязанской семинаріи, когда ему не было еще 15 лѣтъ. «Визитаторъ» Академіи былъ пораженъ его необыкновенными знаніями и способностями и намѣтилъ его для посылки въ академію. Духовныя академіи стояли тогда очень высоко, превосходя университеты. Московская академія находилась подъ непосредственнымъ руководствомъ и попеченіемъ Филарета. Въ 1824 г. Надеждинъ имѣлъ уже степень магистра богословскихъ наукъ и былъ назначенъ профессоромъ русской и латинской словесности рязанской семинаріи. Прослуживъ въ Рязани два года, онъ вышелъ въ отставку и принялъ пока мѣсто домашняго учителя у Ѳедора Самарина, отца Юрія. Въ домѣ была богатая библіотека книгъ, которыхъ онъ дотолѣ и въ глаза не видывалъ. Онъ началъ съ Гиббона, Гизо, Сисмонди, Галлама. «Удивленіе мое было неописанное, говоритъ Надеждинъ въ своей автобіографіи[365]), когда я на каждой страницѣ или лучше на каждой почти строкѣ видѣлъ имена и факты, мнѣ извѣстные, но въ свѣтѣ такомъ, который никогда не былъ мною и подозрѣваемъ. Весь образъ

---

364) Тел. 1827 г. № 8. Стр. 197.

365) «Рус. Вѣстн.» 1856 г. т. II.

мыслей моихъ, который уже сомкнутъ былъ въ нѣкоторую систематическую цѣлость и стройность, вдругъ перевернулся: я понялъ, что одна и та же связь совершенно измѣняется по мѣрѣ того, какъ будешь ее разсматривать». Надеждинъ ознакомился и съ художественной литературой и слѣдилъ за журналистикою, иностранной и русской. Около 1828 г. онъ сошелся съ издателемъ «Вѣст. Евр.» и написалъ для журнала рядъ страшно нашумѣвшихъ критическихъ статей. Первая статья его «Литературныя опасенія за будущій годъ» [366]) составила сразу знаменитость псевдониму Надеждина «ех—студентъ Нікодимъ Надоумко». Такой необыкновенно вооруженный знаніями противникъ нанесъ чрезвычайно чувствительный ударъ самоучкѣ — Полевому. Тѣмъ болѣе, что статьи Надеждина писаны въ легкой, остроумной, діалогической формѣ, безъ всякаго педантства. Въ этихъ статьяхъ находимъ реакцію противъ подражательнаго романтизма 20-хъ годовъ и они являются преддверіемъ въ 30-е, болѣе серьезной критикой и переходомъ отъ Полевого къ Бѣлинскому. Что же отвѣчалъ Полевой? Онъ оставилъ безъ возраженія статьи молодого сотрудника «Вѣстника Европы», за то подвелъ итогъ дѣятельности престарѣлаго редактора журнала и тѣмъ нанесъ ему ужасный ударъ. Вотъ что писалъ Полевой:

«Въ 1825 году, когда явился «Телеграфъ», издатель «Вѣстника Европы» не постыдился помѣстить въ свой журналъ, что «Телеграфъ построенъ надъ кабакомъ» (1825 г. № 21, стр. 74), и что издатель Телеграфа «литтераторъ водочнаго завода Москвы Бѣлокаменной» (1825 г. № 10, стр. 152). Все это оттого, что издатель Телеграфа имѣетъ въ Москвѣ водочный заводъ».

«Издатель Вѣстника Европы не постыдился даже напечатать въ своемъ журналѣ, что кто хочетъ, чтобы издатель Телеграфа былъ благосклоненъ къ нему, тотъ долженъ покупать у издателя Телеграфа водку (1825 г. № 13, стр. 70—74)... Издатель Телеграфа заплатилъ за все это презрѣніемъ; но тѣмъ не менѣе такія выходки суть личности и унижаютъ г-на издателя Вѣстника Европы: это я ему скажу въ глаза, и заочно, печатно, письменно, гдѣ и какъ угодно!» [367]).

Затѣмъ Полевой подводитъ итогъ учено-литературной дѣятельности Каченовскаго:

«Ни одной книги, достойной вниманія, въ теченіе 25 лѣтъ не издано издателемъ В. Е... Вотъ что въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе 23 лѣтъ, съ 1805 по 1829 годъ сдѣлалъ издатель В. Е., 1-е) Доказалъ, что банное строеніе не значитъ церковную главу. 2) Доказалъ, что куньи мордки были металлическія деньги. 3-е) Доказалъ, что Ломоносовъ переводилъ цѣлыми страни-

---

[366]) «Вѣстн. Евр.» 1828 г. №№ 21 и 22.

[367]) Тел. 1828 г. № 23. Все на свѣтѣ суета. Литературныя опасенія кое за что. Бенигна. Стр. 358.

цами изъ латинскихъ писателей (для этого стоило только сличить латинскій подлинникъ съ словами Ломоносова). 4-е) Доказалъ, что Черниговская гривна абраксасъ. Можете ли вы прибавить что-нибудь еще?.. Скажите, отличался ли когда-нибудь В. Е. во все время редакторства нынѣшняго издателя; ученою, умѣренною критикою, свѣтлыми идеями, или хоть слогомъ? Вѣчно при старыхъ предразсудкахъ, вѣчно отставши отъ другихъ, неловкій, тяжелый, онъ падалъ и—свершилось: нѣтъ его, онъ палъ!.. Явилась Исторія Государства Россійскаго, соч. Карамзина. Никогда не отдавалъ ей издатель В. Е. никакой справедливости... Принялся онъ разбирать предисловіе къ Исторіи госуд. Россійскаго, насмѣшилъ всѣхъ этимъ разборомъ, разсердился, замолчалъ и открылъ убѣжище критикамъ на Карамзина: все печаталось у него въ Вѣстникѣ, все, и дошло до того, что въ 1825 г. Ист. Гос. Россійскаго названа была перифразою Исторіи Щербатова. (В. Е. № 21, стр. 21)».

Русскіе начали понимать, что могутъ быть у насъ гекзаметры, и издатель В. Е. напалъ на гекзаметры (В. Е. 1824 г. № 3, стр. 205)... Явилась Черная Шаль, кантата А. Н. Верстовскаго, издатель В. Е. напалъ и на нее. Почему это Кантата? говорилъ онъ; что за Кантата? такія-ли Кантаты у Ж. Б. Руссо: какой-то Молдаванинъ убилъ какую-то красавицу, которую соблазнилъ какой-то Армянинъ... И что такое Пушкинъ? «Гдѣ у него тѣ качества, которыя по словамъ Горація, составляютъ поэта? гдѣ mens divinior, гдѣ os magna sonatorum? (В. Е. 1824 г. № 1, стр. 70 и слѣд.)... Дѣятельность ума обратила многихъ къ изслѣдованію новѣйшей философіи нѣмецкой... Пройдите всѣ годы В. Е. и вы увидите, какимъ неприличнымъ бранямъ подвергнуты были знаменитѣйшіе германскіе философы съ 1815 и по 1825 годъ... Другіе вздумали у насъ заняться изслѣдованіемъ поэзіи новыхъ временъ, которую, подъ именемъ Романтизма, начали разсматривать и обсуждать во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ Европы. Не понимая дѣла, не разсуждая съ 1819 г. Вѣстникъ Европы началъ такъ: «Романтизмъ говоритъ: станемъ дурачить людей, станемъ подчивать ихъ всякимъ вздоромъ, уничтожимъ законы науки и разсудка, чтобы не почему было судить насъ» (В. Е., 1819, т. CIV, стр. 300). ... «Что тутъ новаго, что остроумнаго? Всѣмъ бабамъ сіи красоты (романтическія) давно уже извѣстны, и даже онѣ говорятъ объ этомъ съ презрительнымъ смѣхомъ». (В. Е., т. CIV, стр. 195). Угодно-ли знать, какъ понимаетъ В. Е. божественнаго Шекспира? Прочтите въ Вѣстникѣ Европы, 104-го тома, стр. 275 и слѣдующія. Вы найдете, что Шекспиръ не имѣлъ ни тщательнаго воспитанія, ни образцовъ, ни науки, хватился за ремесло свое по сущей необходимости, писалъ наскоро, безъ поправокъ, безъ отдѣлки, безъ критики, былъ идоломъ черни, ею жилъ, и ей хотѣлъ нравиться, что творенія

Шекспира настоящія, какъ теперь называютъ, драмы, — родъ сочиненій самый дурной, противный цѣли театра»[368]).

Каченовскій не нашелъ ничего лучшаго, какъ отвѣтить доносомъ на Полевого въ цензуру и по мѣсту служенія — въ университетъ. Удовлетворенія не послѣдовало и Пушкинъ высмѣялъ стараго профессора въ злой эпиграммѣ:

Журналами обиженный жестоко.
Зоилъ Пахомъ печалился глубоко;
На цензора вотъ подалъ онъ доносъ:
Но цензоръ правъ, намъ смѣхъ.
Зоилу носъ[369])...

Тѣмъ не менѣе появленіе Надеждина на литературной аренѣ было роковымъ для Полевого. Время его наивысшаго значенія кончалось. Двадцатые годы сказали свое слово и уступали мѣсто новому подъему самосознанія, новой волнѣ мысли. Имя Полевого — центральное въ критикѣ 20-хъ годовъ, вмѣстѣ съ именемъ Веневитинова. Въ 30-хъ оно отступаетъ на второй планъ. Надеждинъ, Станкевичъ. Чаадаевъ, юный Бѣлинскій — вотъ критическая плеяда слѣдующаго десятилѣтія.

Намъ остается упомянуть еще о нѣсколькихъ явленіяхъ журналистики 20-хъ годовъ. Изъ старыхъ журналовъ угасъ наконецъ «Благонамѣренный»[370]).

«Благонамѣренный, писалъ Телеграфъ, явившійся въ 1818 году на литературномъ горизонтѣ, исчезъ въ концѣ 1826 года. Кажется, что въ нынѣшнемъ 1827 году не видать намъ болѣе сего необыкновеннаго литературнаго явленія. За 1824 годъ не додано подписчикамъ двѣ книжки (№ 23 и 24). За 1825 годъ не додано двѣнадцать книжекъ (№ 41—52). За 1826 г. не додано также двѣнадцать книжекъ (№ 13 — 24). Всего въ долгу за издателемъ двадцать шесть книжекъ. Неизвѣстно, скоро-ли онъ поквитается. Послѣдняя изъ вышедшихъ книжекъ Благонамѣреннаго были за іюнь мѣсяцъ 1826 года, и вышла 19-го октября. Прекращеніе сего журнала есть до сихъ поръ одно только намѣреніе, но столь благое, что нельзя не пожелать ему исполненія».

Въ 1827 г. появился «Московскій Вѣстникъ» Погодина и Шевырева, начатый при особомъ сочувствіи Пушкина. Успѣха журналъ не имѣлъ однако.

«Московскій Вѣстникъ» такъ же, какъ и Альманахъ кн. Одоевскаго и Кюхельбекера и «Мнемозина» (4 кн. 1824, 1825) старался ознакомить русскую публику съ нѣмецкою теоріей изящнаго. Туманный языкъ «Мнемозины»

---

368) Id. стр. 363, 367, 371, 372, 373, 374, 375.
369) Тел. 1829. № 7. Стр. 257.
370) Тел. 1827. Ч. XIV. № 8. Стр. 193 и 194.

былъ причиной малаго успѣха ея эстетическихъ попытокъ. «Московскій Вѣстникъ» предложилъ рядъ теоретическихъ отрывковъ изъ Жанъ-Поля-Рихтера, Тика и Шеллинга, впрочемъ безъ строгой системы. Сущность теоріи, совпадавшей съ собственными понятіями Пушкина о творчествѣ, которыя онъ выразилъ въ стихотвореніяхъ: «Поэтъ» (1827), «Чернь» (1828), «Поэтъ, не дорожи любовію народной» (1836), «Эхо» (1831), состояло въ весьма строгомъ взглядѣ, какъ на призваніе художника, такъ и на задачу самаго искусства. Она опредѣляла искусство какъ проявленіе безконечнаго въ конечныхъ формахъ, и ставила ему такимъ образомъ высокую цѣль, независимую отъ требованій современности. Это идеальное пониманіе искусства само собой приводило къ мысли объ исключительномъ и важномъ значеніи художника, посвящающаго жизнь свою искусству. Какъ служитель изящнаго, онъ возвышался надъ толпою, не раздѣлялъ ея стремленій, и ея низменныхъ нуждъ (См. стих. «Чернь»). Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи ученіе ставило художника самого единственнымъ вѣрнымъ цѣнителемъ своихъ произведеній (см. стих. «Поэтъ, не дорожи любовію народной»[371]). Полевой благородно привѣтствовалъ соперника:

«Можно поздравить читателей Русскихъ журналовъ, и вообще просвѣщенныхъ читателей нашихъ, съ появленіемъ Московскаго Вѣстника... Имя Пушкина—фортуна для журнала, а онъ, какъ сказано въ объявленіи о новомъ журналѣ, преимущественно въ немъ участвуетъ... Кажется, можно утвердительно предсказать, что Московскій Вѣстникъ будетъ вѣстникомъ одного изящнаго и благороднаго»[372]).

«Московскаго Вѣстника (Погодина и Шевырева) вышло уже 14 книжекъ. Онъ исправнѣе всѣхъ своихъ товарищей; но обращаетъ на себя вниманіе не одною исправностію выхода книжекъ, а самимъ содержаніемъ, благонамѣренностію критики, свѣжестью статей»[373]).

Время съ 1826 по 1829 г. отличалось особеннымъ оживленіемъ литературной дѣятельности какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ. «Всякій день» писалъ Погодинъ,—«слышалось о чемъ-нибудь новомъ: Языковъ присылалъ изъ Дерпта свои вдохновенные стихи, славившіе любовь, поэзію, молодость, вино; Денисъ Давыдовъ съ Кавказа; Баратынскій издавалъ свои поэмы; «Горе отъ ума» Грибоѣдова только что начало распространяться. Пушкинъ прочелъ «Пророка»... и познакомилъ насъ съ нѣкоторыми главами «Онѣгина»... Между тѣмъ на сценѣ Щепкинъ работалъ надъ Мольеромъ, и С. Т. Аксаковъ переводилъ ему «Скупого». Загоскинъ писалъ «Юрія Мило-

[371]) Анненковъ. Матеріалы. Стр. 169. 170. Левъ Поливановъ. Сочиненія Пушкина, изд. 2-е. Томъ первый. Стр. 232 и 233.

[372]) Тел. 1827 г. Ч. XIII. № 3. Стр. 121 и 122.

[373]) Тел. 1827. Ч. XVI. № 13. Стр. 15.

славскаго». М. Дмитріевъ выступилъ съ своими переводами изъ Шиллера и Гете... А тамъ еще Дельвигъ съ «Сѣверными Цвѣтами», Жуковскій съ новыми балладами, Крыловъ съ баснями, которыхъ выходило по одной по двѣ въ годъ, Гнѣдичъ съ Иліадой, Раичъ съ Тассомъ и Павловъ съ лекціями о натуральной философіи, гремѣвшими въ университетѣ, Давыдовъ съ философскими статьями. Вечера живые и веселые слѣдовали одинъ за другимъ у Елагиныхъ, Кирѣевскихъ, у Веневитинова, у меня, у Соболевскаго, у княгини Волконской. Въ Мицкевичѣ (который жилъ тогда въ Москвѣ, состоя здѣсь на службѣ) открылся даръ импровизаціи. Пріѣхалъ М. И. Глинка—и присоединилась музыка».

БИБЛІОГРАФІЯ: Полевой, Ник. Алексѣев. (Род. 22 іюня 1796 г.—ум. 1846 г.). Его сочиненія: Очерки русской литературы. 2 т. Спб. 1839 г. Повѣсти: Клятва при гробѣ Господнемъ. Русская быль XV вѣка. М. 1832 г. Мечты и жизнь. Были и повѣсти. 4 части. М. 1834. Аббадонна. 4 ч. М. 1834 г. 2-е изд. Спб. 1840 г. Такъ же въ «Дешевой библіотекѣ». Характерный для русскаго романтизма романъ. Повѣсти Ивана Гудошника. Спб. 1843. Драматическія сочиненія и переводы. 4 части. Спб. 1842—1843 гг. Исторія русскаго народа. 6 томовъ. М. 1829—1833 гг. Исторія Петра Великаго. 4 тома. Спб. 1842. Столѣтіе Россіи съ 1745 по 1845 г. 2 тома. Спб. 1845—1846 гг. Кс. Полевой. О жизни и сочиненіяхъ Н. А. П—го. Спб. 1860 г. Записки Ксенофонта Ал. Полевого (брата; род. 1801 г., ум. 1867 г.). Спб. 1888 г. И. З. Крыловъ. Очеркъ жизни и литературныхъ трудовъ. Н. А. П. М. 1849 г. Бѣлинскій ъ соч., т. I, V и XII. Мѣнялъ свой взглядъ на Полевого. Н. Г. Чернышевскій. Очерки Гоголевскаго періода. Спб. 1892 г., стр. 13—49, 182—194, 201—204. С. Ставринъ. Н. А. П. и «Московскій Телеграфъ». Дѣло. 1875 г. № 5 и 7. И. И. Панаевъ. Литературныя воспоминанія. Спб. 1876 г. М. Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. Спб. 1889 г. II. Стр. 365 — 431. Н. А. Полевой и его журналъ «Моск. Телеграфъ». А. Скабичевскій. Сочиненія. Спб. 1890 г. I. стр. 315—332. А. Бороздинъ. Журналистъ двадцатыхъ годовъ. Историч. Вѣстн. 1896 г. Мартъ. Ив. Ивановъ. Исторія русской критики. Спб. 1898 г. П. Милюковъ. Главныя теченія русской исторической мысли. М. 1897 г. I. Стр. 239—240, 263—276. В. Боцяновскій. Н. А. П., какъ драматургъ. «Ежегодникъ импер. театровъ». Сезонъ. 1894—1895 гг. прилож. Дневникъ Николая Полевого. Историч. Вѣстникъ. 1888 г. XXXI т. Мартъ. Стр. 654. XXXII т. Апр. стр. 163. Изъ воспоминаній Петерб. старожила. Стеариновыя свѣчи и Николай Полевой. П. П. Юркевича. Истор. Вѣстн. 1882 г. X. 156. Портретъ П—го. Id. 1887 г. XXVII. Мартъ. Въ «Русской Старинѣ»: Булгаринъ, Гречъ и Полевой. Миръ, между ними заключенный. 1828 г. Статья А. Ѳ. Воейкова. 1874 г. IX. 615—620. Еще о немъ: 1875 г. XII. 660—662. Запрещеніе Московскаго телеграфа. 1870 г. Т. I. Воспоминанія и письма къ нему Греча, Булгарина, о. Іоакинфа Бичурина. 1826—1828 г. Сообщ. бар. Ѳ. А. Бюлеръ. 1871 г. Т. IV. 674—680. Знакомство съ Н. А. Полевымъ. Облачкинъ. Сѣверная Пчела. 1864 г. № 103. Библіографич. замѣтка. М. Н. Лонгинова. Русскій Вѣстникъ. 1860 г. № 11. Т. XXVII. (Іюнь, кн. I-я. Соврем. Лѣтопись). 1860 г.

Стр. 205—213. Отвѣтъ на эту статью. Русск. Слово. 1860 г. № 8. 76—79 стр. Изъ жизни Полеваго. Статья К. П. Русская сцена. 1865 г. № 17. См. еще въ литер. и театр. воспомин. С. Т. Аксакова. Т. IV. Соч. Письма А. А. Бестужева къ Н. А. и К. А. Полевымъ. писан. въ 1831—1837 г.г. съ предисловіемъ. Русск. Вѣстникъ. 1861 г. № 3 и 4. Т. XXXII. Стр. 285—335 и 425—487. Письмо гр. А. Х. Бенкендорфа къ Н. А. Полевому. ред. «Моск. Телеграфа». въ 1832 г. Русск. Архивъ. 1866 г. № 11—12. ст. 1753—1756. Письмо Н. А. Полеваго къ кн. Н. Голицину. Чтенія въ Общ. Исторіи и Древн. Россійск. 1863 г. № 1. Стр. 212—213. Некрологъ Ксенофонта Полевого. Голосъ. 1867 г. № 317.

II.

§ 1. Проза 20-хъ годовъ принадлежитъ еще всецѣло карамзинскому періоду. Въ самомъ дѣлѣ десятилѣтіе было обильно талантами и между ними такой величины, какъ Нарѣжный, тѣмъ не менѣе когда божественный стихъ Пушкина уже явился, проза оставалась блѣдной и школярной. Въ 20-ые годы вполнѣ развернулся чрезвычайный талантъ Василія Трофимовича Нарѣжнаго (1780—1825): появился рядъ его романовъ и повѣстей. Тѣмъ не менѣе, онъ не былъ оцѣненъ современниками, и вскорѣ забытъ совершенно. Сдѣлавъ чрезвычайно много для литературы, какъ непосредственный предшественникъ Гоголя, имѣвшій на него громадное вліяніе, Нарѣжный для читающей публики остался явленіемъ непонятнымъ. «Русскихъ романистовъ было много, а романовъ мало», говоритъ Бѣлинскій, «и между романистами совершенно забытъ ихъ родоначальникъ Нарѣжный... Появленіе Булгарина въ качествѣ романиста было упреждено появленіемъ на томъ-же поприщѣ Нарѣжнаго, человѣка съ замѣчательнымъ и оригинальнымъ талантомъ.» [374]).

Просматривая отзывы современниковъ, удивляешься злосчастной судьбѣ романиста и тому, какъ незамѣтно прошла его кончина въ литературѣ.

Вотъ отзывы о Нарѣжномъ «Московскаго Телеграфа»:

«Г. Нарѣжный издалъ Бурсака, романъ въ 4 книж., и Повѣсти въ двухъ. И въ томъ и въ другомъ сочиненіи замѣтна извѣстная уже способность г. Нарѣжнаго описывать бытъ народный и рисовать характеры; но все затмѣвается выборомъ низкихъ предметовъ, неприличными, несносными выраженіями и ходомъ приключеній, по старинному обдѣланныхъ... Пусть г. Нарѣжный вводитъ читателей въ высшій кругъ людей, болѣе старается о слогѣ, о связи и простотѣ приключеній — и мы ручаемся за успѣхъ его романовъ» [375]).

---

374) Соч. т. VI. стр. 68—69 и т. XII. стр. 58.
375) М. Т. 1825. № 1. Стр. 87 и 88.

«В. Т. Нарѣжный, скончавшійся въ іюлѣ сего года подавалъ нѣкогда большія о себѣ надежды. Обстоятельства—тяжелая цѣпь, часто угнетающая таланты, остановила и Нарѣжнаго на его поприщѣ. Въ старыхъ журналахъ мы находимъ множество небольшихъ пьесъ, въ стихахъ и прозѣ сочиненныхъ и переведенныхъ г-мъ Нарѣжнымъ. Кромѣ того, изданы имъ особо: Димитрій Самозванецъ, трагедія въ прозѣ—надобно признаться—неудачное подражаніе нѣмецкимъ трагедіямъ и Славянскіе Вечера, родъ повѣстей: въ нихъ есть счастливыя мѣста. Въ послѣднее время жизни своей, г. Нарѣжный началъ писать Русскіе, или лучше сказать Малороссійскіе романы. Бурсакъ, изд. въ прошломъ году, заключая въ себѣ живыя картины старинной Малороссіи, много острыхъ мыслей и правдивыхъ описаній, принятъ былъ съ похвалою, несмотря на недостатки, какъ-то: грубость слога, невѣроятность происшествій и низость нѣкоторыхъ описаній. Два Ивана, подвергаясь симъ-же порокамъ хуже Бурсака, замѣняютъ ихъ достоинствами. Желательно, чтобы изданъ былъ романъ г. Нарѣжнаго: «Русскій Жильблазъ». Можемъ увѣрить, что онъ превзойдетъ всѣ другіе романы его и достоинъ большаго вниманія» [376]).

На дняхъ прочиталъ я Русскій романъ: Два Ивана или страсть къ тяжбамъ, сочиненіе Нарѣжнаго, который, къ сожалѣнію, умеръ прошедшимъ лѣтомъ еще въ зрѣлой порѣ мужества. Это четвертый романъ изъ написанныхъ авторомъ. Не удовлетворяя вполнѣ эстетическимъ требованіямъ искусства, Нарѣжный побѣдилъ первый, и покамѣсть одинъ, трудность, которую признаюсь, почиталъ я до того непобѣдимою. Мнѣ казалось, что наши нравы, что вообще нашъ народный бытъ, не имѣетъ или имѣетъ мало оконечностей любопытныхъ, кои могъ-бы схватить наблюдатель, для составленія Русскаго романа. Правда, что авторъ нашъ, наблюдатель несовершенно Русскій, а Малороссійскій, и что его два лучшіе романа, «Бурсакъ» и «Два Ивана», относятся къ эпохѣ, когда Малороссія еще имѣла свою особенную и характеристическую физіономію; правда и то, что Нарѣжный не берется быть живописцемъ природы изящной, а сбивается болѣе на краски Теньера, Гогарта или Пиго. Картины его имѣютъ обыкновенно черты каррикатурныя, но не менѣе того обнаруживается вездѣ умъ оригинальный, веселый, смѣтливый въ наблюденіяхъ, а кое-гдѣ и прорываются искры истинной чувствительности. Ходъ происшествій его довольно запутанъ; но развязка ихъ естественна... Жаль, что языкъ непріятный, грубый, иногда даже дикій, вкусъ неочищенный, или справедливѣе совершенное отсутствіе вкуса, много вредятъ достоинству сихъ романовъ; но со всѣмъ тѣмъ они занимаютъ мѣсто въ числѣ замѣчательныхъ произведеній нашей лѣнивой и періоди-

[376]) Тел. 1825 г. № XVI. Стр. 346. Id. стр. 181 и 182.

ческой словесности. Изъ нашихъ писателей не многихъ станетъ на книгу, не только что на нѣсколько томовъ [377])...

«Всѣ сочиненія Нарѣжнаго доказываютъ, что у него были дарованія, но что не были они образованы вкусомъ, развиты и употреблены сообразно ихъ стремленію. Славянскіе Вечера (напечатанные нынѣ вторымъ изданіемъ, хотя въ заглавіи не упомянуто объ этомъ) принадлежатъ къ тому времени, когда думали, что употребленіе Славянскихъ словъ, безъ всякаго разбора, прилагательныя непремѣнно послѣ существительныхъ... составляютъ Русскій слогъ. Не смотря однако на все это, въ Славянскихъ Вечерахъ есть мѣста прекрасныя» [378]).

То-же обвиненіе въ «грубости» повторяетъ Дельвигъ:

«Нарѣжный былъ Теньеръ, и еще русскій Теньеръ романа. Какъ китайскіе романы обдаютъ насъ запахомъ чая, такъ что, читая ихъ, сидишь какъ будто по уши въ цыбикѣ, такъ романы Нарѣжнаго обдаютъ васъ «варенухою», и куда авторъ ни вводитъ васъ, а все, кажется, не выходишь у него изъ корчмы» [379]).

Замѣчательно, что даже новѣйшая изслѣдовательница г-жа Бѣлозерская повторяетъ эти обвиненія романиста въ грубости стиля. Между тѣмъ въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ Нарѣжный далъ образцы превосходной прозы. Картины его—пастели, нѣжнаго и тонкаго письма и Гоголь — писалъ маслянными красками по сравненію съ акварелями Нарѣжнаго. Стиль, языкъ, проза Нарѣжнаго относятся къ прозѣ Гоголя, какъ стихъ Батюшкова въ стиху Пушкина. Реализмъ Нарѣжнаго, вотъ что заставляло обвинять его въ грубости, сальности и т. д. Тѣ-же обвиненія повторяли и противъ Гоголя, но его геній ихъ побѣдилъ и къ тому же Гоголя защищалъ своимъ щитомъ такой паладинъ русской критики, какъ Бѣлинскій. Г-жа Бѣлозерская относитъ романъ Нарѣжнаго «Черный годъ или Горскіе князья», вышедшій въ 1829 г.—сатиру на управленіе Грузіей, къ написаннымъ въ періодъ съ 1801 г. по 1803, въ бытность его на Кавказѣ. Соль романа была при его выходѣ уже непонятной. Въ всякомъ случаѣ мы видимъ регистръ таланта романиста, громадный захватъ имъ жизни. Кавказъ и Грузія, Малороссія, Москва начала вѣка, бытъ русскихъ помѣщиковъ, чиновниковъ—цѣлый міръ отразился въ произведеніяхъ Нарѣжнаго, чрезвычайно любопытныхъ для изученія. Въ 1822 году вышла его повѣсть «Аристіонъ или перевоспитаніе». Въ началѣ изображена разгульная жизнь богатаго дворянчика въ Петербургѣ, кончающаяся тѣмъ, что онъ совершенно запутывается въ долгахъ. Вѣрный дядька Макаръ, пользуясь отчая-

---

[377]) Id. Стр. 182 и 183. М. Т. 1825. № 22.

[378]) Тел. 1827. № 23. Стр. 229 и 230.

[379]) 1830 г. Дельвигъ. Соч. Изд. 1895 г. стр. 128.

ніемъ своего господина, увозитъ его въ Украйну, на родину. Тамъ отецъ Аристіона, котораго сынъ считаетъ умершимъ, начинаетъ, съ помощью своего друга, его перевоспитаніе. Мистификація, придуманная для этого и незамысловата, и невѣроятна, но авторъ даетъ рядъ превосходныхъ бытовыхъ картинъ. Какъ въ «Мертвыхъ Душахъ» Гоголя, предъ нами смѣло очерченные наброски типовъ тогдашнихъ помѣщиковъ, съ ихъ семейной и домашней обстановкой, нравами и привычками, пана Сильвестра, страстнаго охотника, пана Парамона, проводящаго дни въ пьяномъ разгулѣ; и, наконецъ, пана Тараса, который, по замѣчанію А. Галахова, представляетъ фамильное сходство съ «Гарпагономъ великорусскимъ», художественно изображеннымъ въ лицѣ Плюшкина. Напримѣръ, панъ Тарасъ, подобно Плюшкину, былъ нѣкогда только бережливымъ хозяиномъ, «но достоинство это простеръ до того, что сдѣлался гнуснымъ скрягою»[380]).

Два года спустя послѣ «Аристіона», а именно въ 1824 г., появились въ трехъ частяхъ «Новыя повѣсти» Нарѣжнаго. Въ повѣсти «Марія» авторъ рисуетъ обстановку богатаго помѣщичьяго дома стараго времени. Выведены вполнѣ реальные типы, съ опредѣленной физіономіей и характерами. Таковы: старый добродушный графъ, свободомыслящій швейцарецъ аббатъ Бертольдъ, исполнявшій въ домѣ роль воспитателя графскихъ дѣтей и высокомѣрная графиня, гордая своимъ происхожденіемъ и знатностью. Она случайно узнаетъ о любви своего сына къ Маріи, дочери управляющаго, воспитанной вмѣстѣ съ ея собственною дочерью; приказываетъ по этому поводу позвать къ себѣ мужа и воспитателя Бертольда и, съ гнѣвомъ, объявляетъ имъ о своемъ рѣшеніи выдать Марію за своего крѣпостного камердинера. «Турецкій Судъ» — «восточная повѣсть» въ обычной манерѣ такихъ повѣстей. «Невѣста подъ замкомъ» собственно фарсъ въ драматической формѣ. Дѣйствуютъ смѣшные нѣмцы. Н. А. Некрасовъ, въ раннюю пору своей литературной дѣятельности, передѣлалъ «Невѣсту подъ замкомъ» для водевиля въ двухъ картинахъ: «Шила въ мѣшкѣ не утаишь, дѣвушки подъ замкомъ не удержишь»[381]).

Особенное значеніе имѣютъ повѣсти «Богатый бѣднякъ» и «Запорожецъ». Въ нихъ Нарѣжный обращается къ исторически-бытовой Малороссіи. Повѣсть «Богатый бѣднякъ» начинается описаніемъ вечера, въ недалекомъ разстояніи отъ Полтавы; вдали раздается ревъ усталыхъ подъ ярмомъ воловъ и блеяніе овецъ, идущихъ съ паствы. Изъ пятилѣтняго похода возвращается молодой эсаулъ Ипполитъ, по прозванію Голякъ, сынъ бѣднаго шлях-

---

[380]) Исторія Русской Словесности А. Галахова т. II. Спб. 1868. стр. 183. «В. Т. Нарѣжный», очеркъ Бѣлозерской. Изд. 2-е ч. II-я. Стр. 106.

[381]) «Репертуаръ Русскаго театра на 1841 годъ». Подъ псевдонимомъ Н. А. Перепельскій. Бѣлозерская. Ч. II, стр. 110.

тича: товарищи его разбрелись по домамъ: ему одному негдѣ преклонить голову, такъ какъ его родная хата запустѣла. Ипполитъ пускаетъ коня на траву и рѣшается провести ночь подъ открытымъ небомъ. Передъ нимъ знакомая, но не забытая картина: вдали виднѣются села сосѣднихъ помѣщиковъ; справа стоитъ его заброшенная родовая хата, изъ которой, пользуясь наступающей темнотой, стали показываться кучи нетопырей. Она заросла высокимъ бурьяномъ, окна выбиты градомъ и соломенная крыша снесена вѣтрами... Въ этомъ положеніи застаетъ героя повѣсти его бывшій пріятель Вирпладъ, растолстѣвшій до неузнаваемости, который навеселѣ возвращается домой въ сопровожденіи слугъ. Типъ добродушнаго и плутоватаго Вирилада вполнѣ реально очерченъ авторомъ. Особенно характеренъ разсказъ самого Вирилада о своемъ постепенномъ обогащеніи: наскучивъ долгой нищетой, онъ, наконецъ, взялся за умъ, сталъ какъ можно чаще являться съ поклонами къ сосѣднимъ помѣщикамъ, разыгрывать передъ ними роль шута, «дозволялъ пускать себѣ въ глаза табачный дымъ, мять чубъ и ерошить усы», и за это, въ короткое время, получилъ отъ одного пана нарядное платье, а отъ другого пару воловъ... Въ повѣсти Запорожецъ Нарѣжный выступаетъ на путь историческаго романа и начинаетъ разсказъ съ прекрасной, вполнѣ реальной картины Запорожской сѣчи. Шестая и послѣдняя повѣсть, напечатанная въ числѣ такъ наз. «Новыхъ повѣстей», а именно «Заморскій принцъ», написана въ драматической формѣ и скорѣе можетъ быть названа комедіей, чѣмъ повѣстью. Панъ Златницкій, богатый малороссійскій помѣщикъ, кичится своими предками, изъ которыхъ многіе были гетманами. У пана живетъ племянница Наталья, за которую сватается сынъ сосѣда; но потомокъ гетмановъ объявляетъ, что не иначе выдастъ племянницу, какъ за принца или, по крайней мѣрѣ, за князя. Въ виду такого рѣшенія, отверженный женихъ выдаетъ себя за заморскаго принца, но самъ не показывается, а чрезъ посла сватаетъ Наталью. Въ комедіи дѣйствуютъ городничій, исправникъ и судья. «При чтеніи... комедіи «Заморскій принцъ», говоритъ г-жа Бѣлозерская, нельзя не замѣтить, что она напоминаетъ Гоголевскаго «Ревизора».[382]).

Особенно сильно вліяніе на Гоголя «Запорожца» и «Бурсака». Романъ Нарѣжнаго «Два Ивана или страсть къ тяжбамъ» напоминаетъ «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ». Романъ «Бурсакъ», наиболѣе извѣстное изъ произведеній Нарѣжнаго, вышелъ первымъ изданіемъ въ 1824 году. Здѣсь мы встрѣчаемъ вполнѣ самобытные сюжеты, характеры, сцены и типы, а съ другой стороны законченныя историческія картины и мастерское изображеніе прошлаго Малороссіи. Превосходное описаніе старой малороссійской бурсы почти повторено Гого-

---

[382]) Ч. II, стр. 118.

лемъ въ «Віѣ». Очевидно и вліяніе «Бурсака» на «Тараса Бульбу». Въ 1825 г. изданъ былъ книгопродавцами Ширяевымъ и Смирдинымъ романъ: «Два Ивана или страсть къ тяжбамъ», съ портретомъ автора. Это произведеніе рѣзко отличается отъ другихъ романовъ и повѣстей Нарѣжнаго, что служитъ доказательствомъ разнообразія, а слѣдовательно и силы его таланта. Здѣсь авторъ рисуетъ бытъ старинныхъ малороссійскихъ помѣщиковъ средней руки и описываетъ судьбу трехъ семействъ, разоренныхъ въ конецъ многолѣтней тяжбой изъ за ничтожнаго повода. Романъ начинается описаніемъ грозы подъ Миргородомъ, сопровождаемой сильными порывами вѣтра и проливнымъ дождемъ. Въ это время, «и подлинно невеселое», два молодыхъ философа изъ Полтавской семинаріи пробирались лѣсомъ, по глинистой дорогѣ, останавливаясь почти на каждомъ шагу, чтобы закрыть руками глаза, ослѣпляемые блескомъ молніи и выжать съ усовъ жидкую грязь, со шляпъ струившуюся. Вся сцена живо напоминаетъ ночное путешествіе семинаристовъ въ «Віѣ» Гоголя. Въ дальнѣйшихъ сценахъ романа прекрасны любовныя сцены свиданій юныхъ шляхтичей съ наивными сельскими красавицами на баштанѣ, поджиданіе ихъ въ бурьянѣ, въ сумерки. Картины писаны нѣжной пастелью. Гоголь отъ Нарѣжнаго перенялъ своихъ малороссійскихъ любящихся, а также усвоилъ всю эту мѣстную прелесть бурьяна, баштановъ, горилки, варенухи и т. д. Описаніе поджога мельницы въ романѣ Нарѣжнаго, по общему тону, напоминаетъ уничтоженіе гусинаго хлѣва въ повѣсти Гоголя о ссорѣ Перерепенки съ Довгочхуномъ. Въ рукописи сохранилась еще первая часть неоконченнаго романа «Гаркуша, малороссійскій разбойникъ».

Василій Трофимовичъ Нарѣжный былъ сынъ польскаго шляхтича; родился онъ въ 1780 году въ мѣстечкѣ Устивицы, тогдашней Миргородской сотни Гадячскаго повѣта—въ мѣстахъ, гдѣ дѣйствуютъ и герои малороссійскихъ повѣстей Гоголя. Отношеніе Нарѣжнаго къ Гоголю можно выразить такимъ сравненіемъ. Нарѣжный далъ картины, эскизы, акварели, подмалевку, по которымъ Гоголь мощной, огненной, масляной кистью исполнилъ великую картину.

БИБЛІОГРАФІЯ: Рецензіи и критич. статьи о Нарѣжномъ: «Сѣверный Вѣстн.» 1804, ч. IV. 129—149. «Цвѣтникъ» іюль 1809, стр. 263—274.— «Благонамѣренный» 1822, ч. 19. № 39, стр. 503—506. Id. 1824, ч. 27. Стр. 215—216, 274—282, ч. 28. Стр. 25—45.—«Сынъ Отечества», 1823. ч. 87, стр. 166—172.— «Дамскій Журналъ» 1824, ч. 9. № 3.—«Литературные листки» 1824. ч. IV.—«Сынъ Отечества». 1824, ч. 97. Стр. 37—38. Id. 1825. ч. 99. Стр. 56.—«Моск. Телеграфъ» 1825, ч. IV. Стр. 346. ч. VI. Стр. 182 — 184. Полн. Собр. Соч. кн. П. А. Вяземскаго. 1878, т. I. Стр. 303—204. «Сѣверная Пчела» 1825. № 94.— «Атеней», 1829. ч. IV. Стр. 318. «Галатея» ч. XVII. М. 1830. стр. 191—196. «Сынъ Отечества» 1832, № II. Стр. 102—103. «Чтенія о русскомъ языкѣ». Н. Греча. Спб. 1840.

Стр. 333.—Соч. В. А. Вонлярлярскаго. ч. I. Спб. 1853. (въ предисл.) Соч. И. В. Кирѣевскаго. М. т. I. 1861. Стр. 42. Соч. В. Бѣлинскаго: т. III. 446; IV, 418; VI.—68—69; 134. 228—289; VII. 372; VIII. 18; XI. 334—434; XII—508—509. Бѣлозерская. В. Т. Н. Критико-біограф. очеркъ. 2-е изд. Тамъ-же указатель его произведеній.

§ 2. Выше мы уже говорили о литературномъ дебютѣ кн. Одоевскаго въ «Мнемозинѣ». Въ «Полярной звѣздѣ» находимъ всѣхъ крупныхъ петербургскихъ беллетристовъ. Въ 1823 г. были помѣщены: Бестужева (Марлинскаго): «Романъ и Ольга, древняя повѣсть» и «Вечеръ на бивуакѣ»; Булгарина: «Раздѣлъ наслѣдства», «Восточная повѣсть»; «Военная шутка, невымышленный анекдотъ». «Освобожденіе Трембовли, истинное происшествіе»; Греча—«Письма изъ Швейцаріи»; Сенковскаго: «Бедуинъ», переводъ съ арабскаго. Въ 1824 г.: Бестужева: «Замокъ Нейгаузенъ» (историч. повѣсть) и «Романъ въ семи письмахъ»; Булгарина—«Модная лавка»; Жуковскаго: «Путешествіе по Саксонской Швейцаріи» и «Рафаэлева Мадонна»; Сенковскаго — «Витязь буланаго коня» (съ арабскаго). Въ 1826 г.: Бестужева: «Ревельскій турниръ», «Измѣнникъ» (повѣсти); Булгарина: «Еще военная шутка»; Сеньковскаго: Восточныя повѣсти: «Деревянная красавица» (съ татарск.).. «Истинное великодушіе» (съ арабск.), «Урокъ неблагодарнымъ» (съ персидск.).

Проза Марлинскаго—чуждая сентиментализма карамзинской эпохи и реализма Нарѣжнаго, говоритъ новымъ, романтическимъ языкомъ:

«Гордость зажгла во мнѣ кровь, ревность разорвала сердце. Я кипѣлъ, грызъ себѣ губы... Онъ отдалъ мнѣ свадебный билетъ — о помолвкѣ княжны за моего соперника!... Бѣшенство и месть какъ молнія запалили кровь мою. Я поклялся застрѣлить его по праву дуэли (за нимъ остался еще мой выстрѣлъ)—чтобы коварная не могла торжествовать съ нимъ... Знаете ли вы, друзья мои, что такое жажда крови и мести? Я испыталъ ее въ эту ужаснѣйшую ночь! Въ тиши слышно было кипѣніе крови въ моихъ жилахъ,—она то душила сердце приливомъ, то остывала какъ ледъ... «Вечеръ на бивуакѣ».[383]).

«Ахъ, какъ она мила, Жоржъ, какъ она мила! Я увѣренъ, что если бъ ты увидѣлъ очаровательницу Адель въ ея кабинетѣ, гдѣ и зимой раскинулись цвѣтники, гдѣ всякая бездѣлка льститъ глазу и заговариваетъ воображенію, когда бы ты взглянулъ на нее, одѣтую въ легкое платье, окруженную благовонною, розовою атмосферой, вѣющей съ кассолета: ты бы назвалъ ее воздушною полубогинею Пери, порхающею въ испареніи цвѣтовъ; каждое ея слово — Поэзія, каждый взоръ облеченъ въ мысль. Не шутя, любезный другъ, я боюсь, чтобы твое предсказаніе не сбылось, то есть, чтобы

[383]) Стр. 326 и 327.

мнѣ не влюбиться въ самомъ дѣлѣ. Я впервые теперь начинаю чувствовать, что мундиръ мнѣ узокъ въ груди—а это плохая примѣта для сердечнаго здоровья».

«Я убилъ его, убилъ этого благороднаго, великодушнаго человѣка! Какъ онъ уговаривалъ меня, сколько жертвъ приносилъ моему счастію и своей чести,—я былъ неколебимъ—ложное честолюбіе окаменило мое сердце, и слѣпая судьба влекла на убійство, на злодѣйство... Мы близились съ двадцати шаговъ, я шелъ твердо—вѣдь уже три пули просвистали мимо этой головы—я шелъ твердо, но безъ всякой мысли, безъ всякаго намѣренія: скрытыя въ глубинѣ души чувства совсѣмъ омрачили мой разумъ. На шести шагахъ, не знаю отчего, не знаю какъ, давнулъ я роковой шнеллеръ—и выстрѣлъ раздался въ моемъ сердцѣ!.. Я видѣлъ, какъ Эрастъ вздрогнулъ... Когда пронесло дымъ—онъ уже лежалъ на снѣгу, и хлынувшая изъ раны кровь, шипя на немъ, застывала. Удалите, удалите отъ глазъ моихъ эту картину, сдвиньте съ сердца о ней воспоминаніе! Я кинулся къ нему... онъ отходилъ... взглянулъ на меня безъ гнѣва, подалъ мнѣ руку, прижалъ къ устамъ ленту, которая навязана была у него на рукѣ—это былъ поясъ Адели. «Адель!..» Произнесъ онъ тихо, и свѣтъ выкатился изъ очей—слушаемъ... пульсъ молчитъ; подносимъ къ устамъ сабельную полосу—нѣтъ слѣдовъ дыханія: онъ умеръ! Сколько разъ я слышалъ это слово равнодушно, но тогда этотъ звукъ голоса—какъ гора на меня обрушился. Въ забвеніи стоялъ я надъ холоднымъ трупомъ Эраста и напрасно припоминалъ, за что убилъ его» [384]).

Проза Марлинскаго можетъ быть сопоставлена отчасти съ первыми поэмами Пушкина, съ болѣе подражательнымъ, романтическимъ періодомъ его творчества. Понятно, что ея свѣтскій тонъ, утонченный міръ чувствъ, куда она вводила читателя, долженъ былъ восхищать читателя. Не менѣе нравилась легкая и простая проза Булгарина съ своеобразнымъ оттѣнкомъ откровенной солдатской плутоватости, съ картинами «нравовъ» т. е. фельетонными описаніями магазиновъ, франтовъ, щеголихъ и т. д. Такъ въ «Полярной звѣздѣ» 1823 г. въ произведеніи Ѳаддея Венедиктовича «Военная шутка, невымышленный анекдотъ», разсказывается о разныхъ мелкихъ плутовствахъ, весьма для него характерныхъ: «Я имѣлъ обыкновеніе на всякой квартирѣ объявлять себя принадлежащимъ къ сословію моего хозяина. Квартируя, напримѣръ, у Нѣмецкаго барона, я сказывалъ, что принадлежу къ фамиліи, производящей родъ свой отъ Леха и Чеха съ братьею. У мельника я назывался сыномъ мельника, у купца—купеческимъ сыномъ, и такъ

[384]) А. Бестужевъ. Романъ въ семи письмахъ. Полярная звѣзда 1824 г. Стр. 287—288.

далѣе... Эта военная хитрость... доставляла мнѣ и товарищамъ моимъ вкусный столъ, доброе вино и фуражъ для лошадей... [385]).

«Сколько стоитъ подобное ситцевое платье?»—подхватилъ мой товарищъ. «Пятьдесятъ рублей!»—отвѣчала хозяйка.—«Помилуйте! вскричали мы въ одинъ голосъ. «За что же?» продолжалъ мой пріятель: «мнѣ извѣстно, что самый лучшій ситецъ продается въ Гостиномъ дворѣ по 2 рубля съ полтиной; на это платье довольно 9 аршинъ, и такъ все стоитъ 22 рубля съ полтиной; за работу довольно 8 рублей, за что же остальные 19 рублей съ полтиной?» —Мы беремъ не за работу, но за фасонъ! отвѣчала хозяйка».

«Позвольте спросить, что стоитъ этотъ петинетовый чепчикъ?»—«25 рублей». Новый разсчетъ. «Весь приборъ придется въ 3 руб. 37 коп. За что же остальные 21 руб. 63 копейки?» [386]).

Романтизмъ внесъ въ общество страстный интересъ ко всему восточному и экзотическому. Поэтому поэтическіе переводы Сенковскаго, тоже поляка, быстро сдѣлавшагося русскимъ писателемъ, блестящаго оріенталиста и профессора восточныхъ языковъ, нравились, удовлетворяя этой потребности. Духъ восточныхъ повѣстей Сенковскаго подходилъ къ «Цыганамъ». Вотъ какъ говоритъ благородный Бедуинъ въ повѣсти того же имени:

«Я Арабъ, чистой, несмѣшанной крови Бедуиновъ; выросъ на вольныхъ кочевьяхъ пустыни, я горжусь своимъ происхожденіемъ отъ витязей славныхъ мужествомъ, которые отъ вѣка не живали въ темницѣ городовъ, человѣку подвластныхъ» [387]).

При скудности хорошей прозы, громадное значеніе имѣли и переводы Жуковскаго. Вотъ мнѣніе о нихъ журнала Полевого:

«Переводы въ прозѣ Жуковскаго были первые послѣ переводовъ Карамзина, на которыхъ опять подался впередъ нашъ русскій слогъ, въ повѣстяхъ и легкой прозѣ. Ни одинъ переводчикъ послѣ Карамзина не подвинулся за черту, поставленную симъ литераторомъ и даже не сравнялся съ нимъ. Въ 1808 г. въ Вѣстникѣ Европы, жесткіе переводы повѣстей Каченовскаго вдругъ смѣнила пріятная, легкая проза Жуковскаго, и въ три года, пока переводилъ и писалъ Жуковскій для Вѣстника Европы, онъ показалъ необыкновенное дарованіе... Любопытно сличить однородные переводы Карамзина съ переводами Жуковскаго и наблюдать постепенное образованіе слога того и другого автора. Карамзинъ началъ за 15 лѣтъ до Жуковскаго: послѣдніе опыты его переводовъ находимъ въ Вѣстникѣ Европы 1803 года. Слогъ Карамзина,

[385]) Стр. 280, 271 и 272.

[386]) «Модная лавка или что значитъ фасонъ» Булгарина. Полярная звѣзда 1824 г. Стр. 73 и 74.

[387]) П. З. 1823 г. «Бедуинъ».—повѣсть Сенковскаго.

ровный и однообразный, долженъ былъ уступить самымъ первымъ опытамъ Жуковскаго, явившимся въ Вѣстникѣ Европы 1808 года. Не помню кто (кажется г-нъ Воейковъ) весьма справедливо замѣтилъ, что у Карамзина въ переводѣ всѣ говорили одинаково: и Цицеронъ, и Руссо, и Франклинъ, и Бюффонъ; у Жуковскаго находите, напротивъ, совершенное разнообразіе: онъ передаетъ вамъ не только мысль, но и выраженіе автора, какъ находитъ его въ оригиналѣ. Жуковскій удивительный переводчикъ. Впослѣдствіи Карамзинъ образовалъ себѣ слогъ историческій; Жуковскій же писалъ мало; переводы въ прозѣ составляютъ однакожъ вторую эпоху его прозы. Въ первую онъ перевелъ Донъ-Кихота: этотъ переводъ ученическій; третьей эпохой почитаемъ его новѣйшія сочиненія, гдѣ онъ является болѣе прежняго совершеннымъ: сюда относится его образцовое описаніе Рафаэлевой Мадонны [388]).

Чтобы судить о значеніи Греча и въ особенности Булгарина, какъ прозаиковъ въ 20 годахъ, приведемъ мнѣнія о нихъ Бестужева и Полевого. Оба — безпристрастные судьи. Одинъ, хотя близкій этимъ писателямъ, по благородству души, не могъ быть пристрастенъ; другой, какъ врагъ. Высказываемое ими мнѣніе принадлежало всей тогдашней читающей публикѣ [389].

«Обратимся къ прозаикамъ. Рѣзкимъ перомъ Каченовскаго владѣетъ языкъ чистый и важный... Гречъ соединяетъ въ себѣ остроту и тонкость разума съ отличнымъ знаніемъ языка. На пламени его критической лампы не одинъ литературный трутень опалилъ свои крылья... Булгаринъ, литераторъ польскій, (sic) пишетъ на языкѣ нашемъ съ особой занимательностію. Онъ глядитъ на предметы съ совершенно новой стороны, излагаетъ мысли свои съ какою то военною искренностію и правдою, безъ простоты, безъ игры словъ. Обладая вкусомъ разборчивымъ и оригинальнымъ, который не увлекается даже пылкою молодостью чувствъ, поражая незаимствованными формами слога, онъ конечно станетъ въ рядъ свѣтскихъ нашихъ писателей. Его записки объ Испаніи и другія журнальныя статьи будутъ всегда съ удовольствіемъ читаться не только русскими, но и всѣми европейцами (sic!)...» [390]).

«Въ прошломъ году появлялись статьи о нравахъ, въ видѣ разговоровъ, повѣстей и описаній, въ журналахъ. Лучшія принадлежатъ гг. Булгарину и Бестужеву: первый описывалъ нравы и причуды горожанъ; второй рисовалъ бивуачную жизнь русскихъ воиновъ» [391]).

«Слогъ въ Сынѣ Отеч. очень хорошъ и правиленъ: г. Гречъ принадлежитъ къ небольшому числу отличныхъ русскихъ прозаиковъ... Прибавле-

---

[388]) Тел. 1827 г., ч. 18-я № 21. Стр. 74 и 75.

[389]) Пол. Звѣзда 1823 г.

[390]) Стр. 38 и 39.

[391]) Стр. 143. М. Т. № 1. 1825 г.

нія къ Сыну Отеч. состояли изъ собранія новыхъ переводныхъ повѣстей. сочиненныхъ лучшими романтиками нѣмецкими: Клауреномъ. Гофманомъ. Цшокке и проч... Сѣверный Архивъ, изд. Ѳ. В. Булгаринымъ съ 1822 г.. можетъ быть поставленъ на ряду съ Сыномъ Отечества... Съ половины 1823 года г. Булгаринъ присовокупилъ къ своему журналу Прибавленіе. выходившее въ прошломъ году книжками два раза въ мѣсяцъ. гдѣ было много статей забавныхъ и пріятно написанныхъ. Вообще журналъ Г. Булгарина въ короткое время догналъ старые любимые журналы русскіе и сравнялся съ ними».

«Хорошая проза у насъ дорогая гостья...»

«Слогъ А. А. Бестужева совершенно въ другомъ родѣ, чѣмъ слогъ Жуковскаго. но онъ имѣетъ свою прелесть, неподдѣльно хорошъ и въ Ревельскомъ Турнирѣ, повѣсти г-на Бестужева, увлекателенъ. Эту повѣсть можно назвать лучшимъ изъ всего того, что донынѣ написалъ г-нъ Бестужевъ: разсказъ и разговоръ живы. природа, картины вѣрны, характеры отдѣланы съ точностью» [392]).

Конечно въ повѣстяхъ Бестужева не было ничего историческаго. Онѣ безконечно слабѣе его бытовыхъ вещей и писаны въ ложной манерѣ. хотя и болѣе простымъ языкомъ. чѣмъ историческія повѣсти Карамзина и Жуковскаго.

БИБЛІОГРАФІЯ: Сенковскій. (баронъ Брамбеусъ). Осипъ-Юліанъ Ивановичъ. (Род. 19 марта 1800 г. Ум. 1858 г.) Біографія при Собр. соч. 1859 г. 9 томовъ. Библіографич. записки его жены. Спб. 1858 г. Е. Соловьевъ. Біографич. очеркъ Сенковскаго. Спб. 1891 г. Чернышевскій. Очерки гогол. періода. Спб. 1892 г. А. Пятковскій. Изъ исторіи нашего литературн. и обществ. развитія. Спб. 1888 г. Воспоминія о С—мъ д-ра Моравскаго. Ateneum. 1898 г. Т. I. Н. Новоселовъ, ревизія проф. С—имъ бѣлорусскихъ училищъ. въ 1826 г. Журн. Мин. Народ. Просв. 1872 г. Апр. и май. Знакомство съ С—мъ. А. П. Милюкова. Ист. Вѣстн. 1880 г. Январь. О немъ статья Дружинина (подп. Редакторъ). Библіотека для чтенія. 1858 г. № 4. Т. CXLVIII. Стр. 79—100. О литературной дѣятельности О. И. Сенковскаго. Статья Герсеванова. Сѣверная Пчела. 1858 г. №№ 190 и 196. Возроженіе на эту статью: Сужденіе «Сѣверной Пчелы» о покойномъ Сенковскомъ. Спб. Вѣд. 1858 г. № 104. Сенковскій дилетантъ русской словесности. С. С. Дудышкинъ. Отеч. Записки. 1859 г. № 2. Т. CXXII. Стр. 451—484. (Объ этой статьѣ см. «Разсвѣтъ». 1859 г. № 11). Сенковскій-журналистъ и повѣствователь. М. Н. Лонгиновъ. Русскій Вѣстникъ. 1859 г. № 13. Іюль. кн. 1-я. Т. XXII. Современ. Лѣтопись. Стр. 17—26. Лепта на треножникъ памяти О. И. Сенковскаго. П. Ершовъ. Сынъ Отечества. 1858 г. № 11. О. И. С—ій. Критич. очеркъ Иллюстрація. 1859 г. № 13 и 15. Надъ гробомъ О. И. С—го. В. Бене-

[392]) М. Т. 1825 г. № 3. Стр. 250. М. Т. 1825 г. VIII. Стр. 334.

диктовъ. Сынъ Отеч. 1858 г. № 11. Некрологи: Иллюстрир. Газета. 1865 г. № 38. Библіограф. записки. 1858 г. № 9. Т. I. 283—284. Живописн. Русск. Библ. 1858 г. № 9. Т. III. 66—67. Сѣвер. Пчела. 1858 г. № 91. Сынъ Отеч. 1858 г. № 10—11. Спб. Вѣд. 1858 г. № 60. Современникъ. 1858 г. № 3. Отеч. Записки. 1858 г. № 3 и 4. Статья Ѳ. Булгарина. Сѣверн. Пчела. 1858 г. № 95. Соч. А. В. Дружинина. Т. VII. Біографія С—го. О литературныхъ и ученыхъ заслугахъ О. И. С. Русскій Инвалидъ. 1858 г. № 56. Мысли покойнаго О. И. С. объ устройствѣ литературнаго общества. Н. Сенковскій. Книжный Вѣстникъ. 1861 г. № 20. 312—314. Алекс. Алекс. Бестужевъ-Марлинскій (1795—1837 гг.). Полное собраніе сочиненій А. Марлинскаго, въ 12 частяхъ. 4-е изд. Спб. 1847 г. (не полно). Въ «Критико-Біографическомъ Словарѣ» Венгерова. Т. III. Спб. 1892 г. обширныя библіографическія данныя.

§ 3. Въ 1829 г. вышелъ «Иванъ Выжигинъ», «нравственно-сатирическій» романъ Ѳаддея Булгарина въ 4-хъ частяхъ. «Сочинитель» посвящаетъ свой романъ «всѣмъ благомыслящимъ россіянамъ». Въ предисловіи онъ приводитъ слова Екатерины Великой:

Требуется ли отъ кого, чтобы въ украшенныхъ убранствомъ комнатахъ зеркала были разбиты для того, чтобъ дурные лицомъ себя въ нихъ не узрѣли? Не сердись, но исправься, читатель[393]).

Выше Булгаринъ говоритъ:

«Любить отечество, значитъ — желать ему блага. Желать блага есть то-же, что желать искорененія злоупотребленій, предразсудковъ и дурныхъ обычаевъ, и водворенія добрыхъ нравовъ и просвѣщенія. Бываетъ много случаевъ, гдѣ законы не могутъ имѣть вліянія на нравы. Благонамѣренная сатира споспѣшествуетъ усовершенію нравственности, представляя пороки и странности въ ихъ настоящемъ видѣ, и указывая въ своемъ волшебномъ зеркалѣ, чего должно избѣгать, и чему слѣдовать. Вотъ съ какою цѣлію сочиненъ романъ: Иванъ Выжигинъ[394]).

«Когда сочиненіе мое было почти готово, я получилъ книжку прекраснаго французскаго журнала, Revue Britannique (№ 29, 1827), и къ удовольствію моему нашелъ статью, подъ заглавіемъ: «Отчего герои романовъ такъ приторны?» Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, авторъ говоритъ: «Отъ совершенства, въ которомъ ихъ представляютъ. Это ангелы, а не люди»... Таковъ былъ и есть мой образъ мыслей на счетъ героевъ романа. Мой Выжигинъ есть существо доброе отъ природы, но слабое въ минуты заблужденія, подвластное обстоятельствамъ—однимъ словомъ: человѣкъ, какихъ мы видимъ

---

[393]) Выписка изъ «Собесѣдника» Ч. I, стр. 9. Предисловіе. Стр. XIII. Эпиграфъ къ «Ревизору»: На зеркало нечего пенять, коли рожа крива.

[394]) Предисловіе. Письмо къ Его Превосходительству Арсенію Андреевичу Закревскому. Стр. VII—VIII.

въ свѣтѣ много и часто... Пусть простятъ недостатки ради благой цѣли, и потому, что это первый оригинальный русскій романъ въ семъ родѣ. Смѣло утверждаю, что я никому не подражалъ, а писалъ то, что рождалось въ собственной моей головѣ»[395]).

Здѣсь Булгаринъ высказываетъ намѣренія, выполнить которыя подъ силу было одному только Гоголю. Однако воззрѣнія польскаго писателя чрезвычайно замѣчательны для того времени. Начало романа превосходно. Языкъ поразительно хорошъ даже и теперь. Булгаринъ начинаетъ романъ изображеніемъ польской жизни, болѣе ему извѣстной. Богатый панъ, у котораго въ дворнѣ ютится съ кудлашкой въ конурѣ герой романа, безродный «сиротка», описанъ прекрасно.

У пана за его огромнымъ столомъ былъ однако, такъ называемый, сѣрый конецъ, гдѣ можно было остаться голоднымъ. Гордость свою онъ основывалъ на древности своего рода, доказывая ее судебными протоколами, въ которыхъ записаны были въ теченіи четырехъ сотъ лѣтъ жалобы на разбои его предковъ и рѣшенія, осуждающія ихъ на висѣлицу. Какъ водилось въ Польшѣ, жидъ-арендаторъ почитался послѣ господина первымъ лицомъ въ имѣніи. Дочери пана, Петронелла и Цецилія, были прекрасны собою, ловки въ обращеніи съ мужчинами, смѣлы, какъ драгуны, рѣзвы и веселы.

Обѣ онѣ имѣли доброе сердце, и даже не любили на прогулкахъ проѣзжать чрезъ деревню, чтобы не видѣть нищеты.

На польскомъ языкѣ существуетъ особый глаголъ — романсовать. Это дѣйствіе означаетъ нѣжную, почтительную любовь, взаимныя угожденія, основанныя на нравственности и благопристойности: оно нигдѣ не можетъ существовать, кромѣ Польши, гдѣ свободное обращеніе обоихъ половъ не только позволительно, но даже и считается необходимостью». Дочери пана «романсуютъ» съ русскимъ офицеромъ. Описывается празднество въ усадьбѣ:

«Въ первый разъ въ теченіе года потревожены были пауки и согнаны съ фамильныхъ портретовъ. Дубовыя и ольховыя кресла обтянули новою холстиною... Полы выскоблили наново, потому что отмыть ихъ не было возможно»...

Эта смѣсь разгула, чванства, роскоши и отсутствіе самыхъ примитивныхъ удобствъ и благоустройствъ жизни: гостепріимство безъ предѣла и «гостиное сѣно» —осока, «гостиный овесъ» —пополамъ съ соломенной сѣчкой, толпы тунеядцевъ—дворовыхъ, грабящихъ крестьянъ и упивающихся варенухою; безпорядокъ въ дѣлахъ и разоренье, глядящее изъ всѣхъ щелей панскаго «палаца» — все схвачено живо и мѣтко. Далѣе идетъ описаніе виленскихъ евреевъ, куда попалъ «сиротка», «при свѣтѣ ночника щи-

---

[395]) Id. Стр. XX—XXI.

павшій перья для жидовскихъ перинъ». Вторая часть—приключенія героя въ Киргизскихъ степяхъ—вставка, не связанная съ цѣлымъ романа. Впрочемъ, весь онъ писанъ въ старой манерѣ романовъ съ приключеніями, со множествомъ лицъ и запутаннымъ дѣйствіемъ.

Наиболѣе интересна третья часть романа: изображеніе уѣзднаго города, чиновничьей среды и провинціальныхъ помѣщиковъ. Эта часть несомнѣнно имѣла вліяніе на Гоголя. На постояломъ дворѣ Выжигинъ разсматраваетъ картины на стѣнѣ.

«Болѣе всего обратила на себя мое вниманіе надпись за стекломъ, написанная на пергаментѣ буквами, составленными изъ человѣческихъ фигуръ въ разныхъ положеніяхъ, вверхъ ногами, на колѣняхъ, ползкомъ и т. п. Надпись гласила: таковъ нынѣ свѣтъ!» [396]).

Любопытно изображеніе, какъ «гг. таможенные чиновники расхаживали вокругъ кипъ съ товарами, какъ лисицы вокругъ курятника». Описываются уѣздные моды:

«Въ уѣздномъ городѣ, всякой молодецъ на свой образецъ... Молодые люди носили ужасные бакенбарды, усы закоптѣлые отъ табачнаго дыма и испанскую бородку. Растрепанная голова покрыта была картузомъ, или фуражкою. Венгерка, т. е. сюртукъ, убранный шнурками по-гусарски, или казачій чекмень, длинные плисовые или нанковые шаровары и черный галстухъ составляли весь нарядъ уѣзднаго щеголя. Фраки хранились на важные случаи, балы, свадьбы и званые обѣды». Описывается обѣдъ въ чиновничьей средѣ:

«Вино размочило твердыя приказныя сердца, и откровенность поднялась изъ нихъ... «Мартынычъ!» воскликнулъ секретарь земскаго суда такъ громко, что окна затряслись въ домѣ: «Мартынычъ! Измѣнилъ ты мнѣ, окаянный: выпустилъ медвѣдя изъ моихъ тенетъ. Вѣкъ бы тебѣ не простилъ, еслибъ не жена твоя, моя кумушка». — «Полно, не сердись, Карпычъ», — отвѣчалъ уѣздный стряпчій: «Когда бы ты одинъ содралъ шкуру съ медвѣдя, то намъ не досталось бы ни клока шерсти. Нечего сказать, ты мастеръ потрошить просителей, Карпъ Карпычъ, а у меня вѣдь также жена и дѣтки хлѣба просятъ».

Въ описаніи уѣздныхъ помѣщиковъ съ одной стороны встрѣчаемъ очень искусно написанный прототипъ Ноздрева (Глаздуринъ), а съ другой несомнѣннаго благоразумнаго Костанжогло:

«Свозите этихъ господъ къ пріятелю нашему, Александру Александровичу Россіянинову. Вы увидите, какіе у насъ люди скрываются въ захолустьѣ». Проѣхавъ верстъ 15, мы замѣтили удивительное различіе въ обработкѣ полей. Вездѣ на низкихъ мѣстностяхъ выкопаны были каналы, для

---

[396]) Ч. III, стр. 11.

стеченія излишней воды съ пашней. Поля были порядочно размежеваны и унавожены; луга очищены отъ кочекъ и безполезныхъ кустарниковъ [397]).

«Пріѣхавъ въ деревню, Миловидинъ всплеснулъ руками отъ удивленія, и воскликнулъ: «Вотъ какова можетъ и должна быть цѣлая Россія!.. Мы вошли въ кабинетъ г-на Россіянинова. Это была обширная комната, вокругъ которой стояли огромные шкафы съ книгами на латинскомъ, греч., франц., нѣм., англ., итал., и русскомъ языкахъ. Посреди комнаты находились три стола: на одномъ лежали новые журналы и газеты» [398]).

«Слѣдуя совѣту моего тестя, объясняетъ г. Россіяниновъ, я началъ хозяйничать не на англійскій или нѣмецкій манеръ, но сообразуясь съ климатомъ нашимъ, съ почвою земли и обычаями. Всѣ нововведенія не иначе приведены были мною въ исполненіе, какъ послѣ многихъ опытовъ» [399]).

Среди героевъ романа находимъ и традиціонный типъ вольнодумца:

«Адскія свои правила г. Вороватинъ прикрывалъ названіемъ новой философіи, и подъ именемъ права на трудъ и правъ человѣка, посѣвалъ въ неопытныхъ сердцахъ безвѣріе и понятія о скотскомъ равенствѣ».

Послѣдняя часть посвящена описанію среды московскихъ игроковъ съ подробнымъ изображеніемъ ихъ плутней.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что претензія Булгарина, будто онъ далъ первый оригинальный русскій романъ совершенно неосновательна. Романъ этотъ принадлежитъ всецѣло переходной эпохѣ; писанъ по старому шаблону «нравственно-сатирическихъ» романовъ и во всякомъ случаѣ Измайловъ предупредилъ почти тремя десятилѣтіями Булгарина. По дарованію Булгаринъ безконечно ниже Нарѣжнаго. Тѣмъ не менѣе, «Выжигинъ» имѣлъ необыкновенный успѣхъ. Только въ письмѣ Дельвига къ Баратынскому находимъ рѣзкое осужденіе: «Вышелъ «Выжигинъ». Пошлая и скучная книга». Значеніе Булгарина для 20-хъ годовъ выяснено Полевымъ:

«Г. Булгаринъ не готовился къ званію литератора и писателя. Воспитанный для военной службы, онъ провелъ молодость свою на бивакѣ, и только въ зрѣлыхъ лѣтахъ занялся литературою. Не болѣе семи лѣтъ прошло, какъ г. Булгаринъ посвятилъ себя литературнымъ занятіямъ. Въ это время сдѣлался онъ извѣстенъ изданіемъ «Сѣвернаго Архива», который первые три года издавалъ съ особеннымъ тщаніемъ, и въ то-же время особенно старался пробить тропу, съ давняго времени остававшуюся въ запустѣніи у нашихъ литераторовъ: разумѣемъ здѣсь статьи о нравахъ... Тѣ сочиненія, которыя пишутся имъ не на-скоро, не на срокъ, показываютъ въ немъ дарованіе гибкое, наблюдательный умъ и умѣнье писать хорошо [400]).

---

397) Ч. III, стр. 89.

398) Ч. III, стр. 98 и 99.

399) Ч. III, стр. 119.

400) Тел. 1827. г. 18. № 24. Стр. 313.

«Вотъ истинный подарокъ русской публикѣ! — пишетъ Полевой по поводу выхода «Ивана Выжигина». — Сей давно жданный романъ есть одно изъ пріятнѣйшихъ явленій въ русской литературѣ. Умъ, наблюдательность, пріятный резсказъ, составляютъ достоинство онаго; самая чистая нравственность дышитъ на каждой страницѣ. Не забудемъ и того, что авторъ шелъ по пути, совершенно новому, ибо до сихъ поръ, кромѣ попытокъ, болѣе или менѣе неудачныхъ, у насъ не было романовъ (?). Онъ долженъ былъ сотворить даже слогъ для своего сочиненія, и въ этомъ отношеніи самъ сдѣлался образцомъ. Но не въ одномъ этомъ отношеніи онъ вышелъ побѣдителемъ изъ битвы съ затрудненіями, для русскаго романиста весьма многочисленными. Самые характеры русскіе еще такъ неоригинальны, такъ не всеобщи (??), что у насъ житель Бахмута будетъ за новость слушать разсказы о своихъ ярославскихъ землякахъ, паркетный шаркунъ будетъ на слово вѣрить изображенію мужиковъ, живущихъ въ его же помѣстьяхъ; однимъ словомъ, у насъ нѣтъ общаго отпечатка въ характерахъ, такъ же какъ въ физіогноміи. Но мы увѣрены, что многіе русскіе портреты и характеры, выставленные въ Выжигинѣ, знакомы всѣмъ: это они, они, наши милые соотечественники!.. Мы замѣтили нѣкоторыя пятна въ этомъ блестящемъ литературномъ явленіи... Чтобы разстаться съ Выжигинымъ великодушными врагами (какъ говаривалъ Байронъ), прибавимъ, что прочитавъ его, мы не удивляемся огромному успѣху сего новаго сочиненія г-на Булгарина. Объявленіе о второмъ изданіи Выжигина подтверждаетъ наше мнѣніе и показываетъ, до какой степени возбуждено любопытство публики»[401]).

«Въ кабинетахъ, въ гостиныхъ, на биржѣ, въ городахъ, въ деревняхъ, въ цѣлой Россіи сочиненія г. Булгарина, и особенно Иванъ Выжигинъ, составляютъ предметъ разговоровъ. Просвѣщенные и невѣжды, умные и неразумные, дамы, старики, офицеры, купцы, чиновники, даже дѣвушки и дѣти толкуютъ о Булгаринѣ, о его успѣхахъ литературныхъ. Разговоры о Иванѣ Выжигинѣ составляютъ приправу холодныхъ визитовъ, скучныхъ посѣщеній, столкновеній дѣловыхъ людей и сборищъ за сытными обѣдами. Все это показываетъ, во-первыхъ, что сочиненія г. Булгарина читаются во всей русской Россіи, во-вторыхъ, что они обращаютъ на себя общее вниманіе, и наконецъ, въ третьихъ, что намъ пора вымолвить нѣсколько словъ отъ себя о семъ достопримѣчательномъ явленіи... кажется, мы не сказали лишняго, назвавъ успѣхъ г. Булгарина огромнымъ, необыкновеннымъ... Книги, которыя въ мѣсяцъ распродаются тысячами экземпляровъ, становятся предметомъ разговоровъ всюду, у всѣхъ, и вызываютъ отчаянныя нападенія въ нѣкоторыхъ журналахъ, эти книги, несомнѣнно, имѣютъ успѣхъ огромный.

---

[401]) Тел. 1828. № 7. Стр. 345, 346 и 347.

Дѣло неоспоримое: сочиненія г. Булгарина и его Иванъ Выжигинъ удостоились сего успѣха».

«...Кругъ нашей читающей публики весьма ограниченъ. Повѣрятъ-ли, что при великомъ множествѣ образованныхъ людей, у насъ успѣхъ лучшей книги ограничивается тысячью или не болѣе какъ полуторою тысячью читателей, разумѣя здѣсь однихъ покупающихъ книги? Это большею частію люди средняго состоянія, молодое поколѣніе, отличающееся непреодолимою жадностью къ просвѣщенію. Одобреніемъ сихъ-то людей долженъ дорожить всякій русскій писатель... При такомъ состояніи публики, дѣйствуя на однихъ просвѣщенныхъ людей, невозможно имѣть огромный успѣхъ. Надобно расшевелить задніе ряды читателей, пробудить отъ умственнаго сна псовыхъ охотниковъ и любителей виста, прожектеровъ, сутягъ, дамъ и законодательницъ баловъ и вечеровъ. Тогда имя писателя загремитъ по всей Россіи».

«Мы хотимъ показать, въ чемъ именно состоитъ причина успѣховъ и силы г. Булгарина... Въ то время, когда писатель сей явился на поприще русской литературы (1821 годъ), сія послѣдняя дремала въ совершенномъ бездѣйствіи. Карамзинъ отдѣлился отъ современныхъ писателей и шелъ своимъ путемъ; Батюшковъ не писалъ; Жуковскій также оставилъ прозу; князь Вяземскій, писатель остроумный, одаренный талантомъ, не принималъ дѣятельнаго участія въ словесности, и, по своему обыкновенію, ограничивался коротенькими, изрѣдка являвшимися въ журналахъ статейками; Ѳ. Н. Глинка остановился на поэзіи; Москва, бывшая всегда сердцемъ русской литературы, отдыхала послѣ Наполеоновыхъ громовъ, и не показывала никакого знака литературной жизни. Удивительно ли, что писатель, явившійся въ сіе время, съ умомъ, съ дѣятельностью, разгадавшій потребности своихъ читателей, и посвятившій всего себя ихъ служенію, удивительно ли, что онъ опередилъ почти всѣхъ своихъ сверстниковъ? Чего надобно было русской публикѣ? Какой-нибудь жизни, дѣятельности — только. Она рада была читать даже разсказы и возгласы г. Свиньина, впослѣдствіи не умѣвшаго поддержать одобренія публики. Дѣятельность и новость взгляда, потому что тогда все было ново: вотъ два основныя начала успѣховъ г-на Булгарина. Не къ чести русскихъ читателей, надобно сказать, что собраніе многихъ драгоцѣнныхъ статей, которыя г. Булгаринъ издавалъ въ видѣ періодическаго сочиненія, называвшагося Сѣвернымъ Архивомъ, не было оцѣнено по достоинству. Въ этомъ собраніи видѣли одно скучное... Онъ вскорѣ самъ увидѣлъ это и началъ дарить публику критическо-литературными статейками, которыя имѣли успѣхъ необыкновенный, ибо казались явленіемъ новымъ. На слѣдующій, 1824-й годъ, у него не достало даже экземпляровъ Литературныхъ Листковъ. Въ Альманахахъ, родившихся почти въ то же время, искали статей г. Булгарина. Въ журналахъ, издаваемыхъ симъ писателемъ вмѣстѣ съ г. Гречемъ, статьи о нравахъ донынѣ составляютъ заниматель-

нѣйшее для многихъ чтеніе... Онъ написалъ романъ, и Выжигинъ раскупленъ былъ по одному объявленію... Знали Булгарина и были увѣрены, что получатъ книгу достойную вниманія, любопытную, занимательную... При бездѣятельности другихъ писателей, дѣятельность, умъ, наблюдательный духъ, вотъ всѣ причины успѣховъ г. Булгарина, вотъ всѣ его оружія! Онъ въ высокой степени гармонируетъ съ русскими читателями; его статьи о нравахъ, его Выжигинъ, суть именно та умственная пища, какой требуетъ наша публика. Для нея Вальтеръ-Скоттъ несовершенно понятенъ и занимателенъ; описанія сего послѣдняго утомляютъ ее и наводятъ ей скуку. Напротивъ у Булгарина она понимаетъ все, видитъ въ его картинахъ своихъ друзей и враговъ».

«Исполнилъ ли ожиданія своихъ читателей г. Булгаринъ? Безъ всякаго сомнѣнія! Онъ написалъ имъ сочиненіе, какого не было въ русской литературѣ, и съ которымъ невозможно сравнивать попытокъ его предшественниковъ. Скажемъ въ заключеніе одну черту сего писателя, составляющую главное его достоинство. Онъ всегда идетъ впереди нашей публики и угадываетъ ея требованія; потому-то французскій богъ, dieu de l'à propos всегда награждаетъ его успѣхомъ. Писателей можно раздѣлить на два рода: одни возвышаютъ публику до себя, другіе наклоняются до публики: г. Булгаринъ несомнѣнно принадлежитъ къ послѣднему разряду... Не достигая высоты своихъ европейскихъ собратій по литературѣ, онъ самый сильный изъ русскихъ литераторовъ. Публика наша едва досягаетъ до высоты Булгарина. Если бы онъ поднялся еще выше, то наши читатели не увидали бы его и онъ не производилъ бы на нихъ впечатлѣнія. По крайней мѣрѣ не русскимъ прозаикамъ оспаривать у него пальму первенства; отъ нихъ мы еще покуда въ ожиданіи, то есть ни при чемъ; онъ, напротивъ, дѣйствуетъ. Когда онъ сталъ привлекать къ себѣ всѣхъ читателей своими описаніями нравовъ, то пигмеи наши закричали: «Старо! дурно!» Но уже успѣхъ его былъ совершенный. Теперь явился Выжигинъ, и опять кричатъ: «Дурно!» Мы не вѣримъ этому! Говоримъ: «Въ Выжигинѣ много несовершеннаго, лишняго и недосказаннаго», но прибавляемъ: «Это самое умное и блестящее явленіе въ современной намъ прозаической словесности русской, гдѣ всѣ спятъ спокойнымъ сномъ, и жалуются, когда пробудившись видятъ, что человѣкъ дѣятельный далеко ушелъ впередъ». Укажите на кого-нибудь изъ нынѣшнихъ русскихъ прозаиковъ, равнаго достоинствомъ Булгарину, и мы откажемся отъ своего мнѣнія. Но въ ожиданіи сего, мы думаемъ, что сочиненія Булгарина по праву должны занимать почетное мѣсто. Что будетъ далѣе, увидимъ. Теперь, какъ слышно, готовится до десятка романовъ русскихъ»[402]).

Какъ видимъ въ комплиментахъ Полевого, къ этому времени разошед-

[402]) Телеграфъ. 1829. № 13. Стр. 65, 70, 71, 72, 78 и 79.

шагося съ кн. Вяземскимъ и уже положившаго начало пріятельской уніи съ Гречемъ и Булгаринымъ, скрыто достаточно яду и правды. Публика 20-хъ годовъ, да и 30-хъ то-же, только и «досягала», что Булгаринской «Пчелки» и остроумія Барона Брамбеуса. Надо, впрочемъ, отмѣтить, что успѣхъ «Выжигина» былъ послѣднимъ литературнымъ успѣхомъ Булгарина, хотя долго еще успѣхъ сопровождалъ его писанія въ «зернистой» части публики крѣпостной Россіи. Его «Димитрій Самозванецъ» уже не имѣлъ успѣха.

Какъ бы то ни было, къ романамъ Булгарина вполнѣ примѣнимы слова Пушкина о романахъ XVIII-го вѣка: «Происшествіе занимательно, положеніе хорошо запутано, но Белькуръ говоритъ косо, но Шарлотта отвѣчаетъ криво. Умный человѣкъ могъ бы взять здѣсь готовый планъ, готовые характеры, исправить слогъ и безсмыслицы, заполнить недомолвки—и вышелъ бы прекрасный, оригинальный романъ». (Отрывки изъ романа въ письмахъ).

БИБЛІОГРАФІЯ: Булгаринъ, Ѳ. В. Сочиненія. 7 частей. Спб. 1839—1844. Въ «Истор. Вѣстн.». Булгаринъ въ послѣднее десятилѣтіе его жизни. (1850—1859). П. С. Усовъ. 1883 г. XIII. Авг. 284. Письмо его къ министру внутрен. дѣлъ Перовскому. Сообщ. Е. П. Морошкиной. 1882. X. Дек. 722. Непріятное, только не литературное приключеніе съ нимъ. Сообщ. Д. Л. Мордовцевымъ. 1881. VI. окт. 446. Портретъ въ молодости. 1884. XV. Мартъ. 481. Пожилой. Id. 489 стр. Въ «Русской Старинѣ». Біограф. очеркъ Н. И. Греча. Цензура и Булгаринъ. 1848—1851. 1871. IV. 483—523. Военная служба Ѳ. В. Булгарина. 1805—1811. 1874. IX. 774—777. Письма къ нему. 1872 г. т. V. 299. Письмо Ѳ. В. Б. по поводу кончины Гоголя. 1852. Сообщ. П. Птаповъ. 1872 г. т. V. 481—482. Два письма В. А. Жуковскаго къ П. И. Полетикѣ и Булгарину. 1821—1823. 1883. XL. 711—713. Переписка Лелевеля съ Булгаринымъ. 1822—1830. Сообщ. Сосновскій. Переводъ и прим. С. Л. Пташицкаго. 1878 г. т. XXII. 633—656. XXIII. 75—98. Замѣтка о «Родословной» Пушкина и о выходкѣ Булгарина. П. А. Ефремова. 1880. XXVII. 671—673. Письма Булгарина къ Никитенкѣ. 1900 г. январь. Записка Б-на о цензурѣ. 1900 г. сентябрь. Къ исторіи русской литературы. Сообщ. Н. Д. Очерки Николаевской цензуры. Н. А. Энгельгардта. Статьи I и II. Историч. Вѣстникъ. сентябрь. 1901 г. т. LXXXV. Матеріалы для біографіи Ѳ. В. Булгарина (аттестатъ и метрич. выпись). Сообщ. Н. А. Гастфрейндъ. Литературный вѣстникъ. Изд. Русск. Библіот. Общ. т. I. кн. IV. 1901. Стр. 419. В. Ѳ. Боцяновскій. Къ характеристикѣ Ѳ. В. Булгарина. Id. т. I. кн. II. 164—171. Письма Ѳ. В. Булгарина (Н. И. Гречу, гр. Ѳ. П. Толстому и Р. М. Зотову). Сообщ. С. Н. Шубинскій. т. I. кн. II. 172—180. Письмо Булгарина къ Гречу. Русск. Архивъ. 1870. № 10. ст. 1943—1944. Еще письмо къ И. П. Липранди съ предисл. Барсукова. Русскій Архивъ. 1869. № 9. ст. 1553—1559. и въ библіограф. запискахъ. 1859. № 20. т. II. 621—623.

§ 4. Въ 1829 году вышелъ «Юрій Милославскій». Полевой писалъ: «Извѣщая читателей нашихъ о скоромъ появленіи историческаго романа, сочиненнаго Ѳ. В. Булгаринымъ, мы сказали, что Димитрій Самозванецъ бу-

детъ первый, по времени появленія своего въ свѣтъ, Русскій историческій романъ. Теперь, честь сія принадлежитъ роману, сочиненному М. Н. Загоскинымъ: онъ предупредилъ романъ Ѳ. В. Булгарина нѣсколькими мѣсяцами. Любопытство читателей было давно подстрекаемо извѣстіями журналовъ о романѣ г. Загоскина, и толки, и мнѣнія ожидающихъ были разнообразны»[403]).

«Юрій Милославскій»—уже вполнѣ литературное произведеніе. Успѣхъ романа былъ чрезвычайный, «блистательный» по выраженію Пушкина, который писалъ о немъ: «Загоскинъ точно переноситъ насъ въ 1816 годъ. Добрый нашъ народъ, бояре, казаки, монахи, буйные шиши—все это угадано, все это дѣйствуетъ, чувствуетъ, какъ должно было дѣйствовать въ смутные времена Минина и Авраамія Палицина. Какъ живы, какъ занимательны сцены старинной русской жизни, сколько истины, добродушной веселости въ изображеніи характеровъ Кирши, Алексѣя Бурнаша, Ѳедьки Хомяка, пана Копычинскаго, батьки Еремѣя! Романическое происшествіе безъ насилія входитъ въ раму обширнѣйшую происшествія историческаго. Авторъ не спѣшитъ своимъ разсказомъ, останавливается на подробностяхъ, заглядываетъ и въ сторону, но никогда не утомляетъ читателя. Разговоръ (живой, драматическій вездѣ, гдѣ онъ простонароденъ) обличаетъ мастера своего дѣла. Но неоспоримое дарованіе Загоскина замѣтно измѣняетъ ему, когда онъ приближается къ лицамъ историческимъ. Рѣчь Минина на нижегородской площади слаба: въ ней нѣтъ порывовъ народнаго краснорѣчія. Боярская дума изображена холодно».

Въ «Московскомъ Телеграфѣ» на 1828—1829 гг. появились первыя главы изъ романа В. Ушакова «Киргизъ-Кайсакъ», а также историческая повѣсть самого Полевого: «Симеонъ Кирдяпа» (Русская быль XIV вѣка). Но особенно интересна «русская быль» Полевого «Мѣшокъ съ золотомъ», и по языку, и по народническимъ взглядамъ, выраженнымъ здѣсь:

Мы плохо знаемъ русскія деревни: и не диво! Мы проѣзжаемъ въ нихъ, рѣдко гостимъ, никогда не живемъ. Есть ли время наблюдать, спрашивать, записывать, если наблюдатель скачетъ на почтовыхъ, подлѣ грязной станціи кричитъ только-что: скорѣе, скорѣе, и въ лаковую карету свою требуетъ только подорожную?.. О скакунахъ по казенной надобности и говорить нечего. Путешественники наши ѣздятъ по городамъ, а въ городахъ обѣдаютъ у воеводъ, пьютъ чай у предводителей, и въ пятьдесятъ графъ своихъ статистическо - географическихъ описаній вставляютъ свѣдѣнія о посѣвахъ и жатвахъ, на угадъ сказанныя, которыя могли бы они отыскать въ Петербургѣ. Капитаны - исправники, не всѣ мастера наблюдать нравы и обычаи, умѣютъ подписывать только свои имена. А помѣщики? Да, они живутъ не въ городахъ иногда, но и не въ деревняхъ. Будто псарня—деревня.

[403]) Тел. 1829 г. № 24. (Стр. 462 и 467. Н. П.

будто господскій дворъ — деревня! Тотъ худо знаетъ бытъ нашихъ помѣщиковъ, кто называетъ его деревенскимъ. Правда, есть разница между житьемъ помѣщика въ городѣ и въ деревнѣ: въ деревнѣ подчиваютъ васъ шиповкой, а не шампанскимъ, возятъ гулять между полями, засѣянными хлѣбомъ, и до смерти надоѣдаютъ вамъ разсказами о жатвахъ и покосахъ, но—тутъ и кончилось все деревенское! Тотъ же бостонъ послѣ обѣда, тѣ же слуги съ тарелками за обѣдомъ, тѣ же концерты, которые надоѣли вамъ въ городѣ, тѣ же кузины, тетушки и матушки, тѣ же шляпки и чепчики, гуվернеры и моськи, которыхъ вы видали въ городахъ зимою. Иногда помѣщикъ захочетъ показать вамъ деревенскую простоту: приказчикъ сгонитъ на барскій дворъ мужиковъ и бабъ, господинъ даетъ имъ поцѣловать ручку, велитъ пѣть, плясать, кланяться, и дозволяетъ напиться до пьяна.

Узнаете ли деревню въ такомъ деревенскомъ быту? Повторю, что сказалъ: мы не знаемъ русскихъ деревень...

Нѣтъ! Не въ господскій домъ, не на почтовыхъ, и не по большой дорогѣ надобно намъ ѣхать. Посохъ въ руки, далѣе въ сторону отъ пыльной дороги, въ лѣсъ, въ поле: тамъ русская деревня; идите въ ту деревню, вокругъ которой нетронутые ни исправникомъ, ни помѣщикомъ, стоятъ огромные стога сѣна, а на гумнахъ скирды хлѣба торчатъ, какъ сахарныя головы и желтѣютъ отъ лучей заходящаго солнца; мельница стучитъ, и колдунъ-мельникъ насыпаетъ возы хлѣба; тучныя, беззаботныя стада бродятъ вокругъ. Для чего толпу людей подлѣ Бахусова храма вводить въ характеристику русской деревни? Это шалуны, повѣсы деревни: этотъ народъ вездѣ водится. Я поведу васъ лучше къ мірской избѣ, гдѣ люди бывалые, какъ лунь сѣдые, и зажиточные крестьяне толкуютъ и судятъ міромъ и съ миромъ, важно, чинно...

Не бойтесь грубаго балахона и зипуна крестьянскаго: подъ ними часто бьется сердце золотое, доброе, горячее».

...Бульварный романистъ розовою водою разрисуетъ вамъ счастье, милое, беззаботное веселье русскаго пастушка, нѣжную подружку его, сельскую красавицу, а читатель его, когда ѣхавши по большой дорогѣ въѣзжаетъ въ русскую деревню, тонетъ въ грязи или колотится по деревянной мостовой, видитъ два ряда однообразныхъ, запачканныхъ или выбѣленныхъ хижинъ, нѣсколько колодцевъ по обѣимъ сторонамъ, пестрыя перила вокругъ дворовъ, толпу народа у питейнаго дома, сельскихъ красавицъ въ панявахъ и сарафанахъ, совсѣмъ не поэтическихъ, когда за нимъ бѣгутъ общипанные, босые мальчишки и просятъ милостыни... признайтесь, что читателю идилліи розоваго романиста русская деревня кажется недостойною красокъ и лиры, а розовое описаніе просто враньемъ? Но и бульварный романистъ и читатель его равно ошибаются [101]).

[101]) Тел. 1829 г. № 10. Стр. 182, 183, 184 и 185.

§ 5. Мы должны остановиться на статьѣ Полевого о Карамзинѣ, которая была причиной окончательнаго разрыва его съ кн. Вяземскимъ, впрочемъ, давно уже подготовлявшагося.

«Рѣшительно можно сказать, что не было прежде, и можетъ быть еще долго не будетъ, начинаетъ подходъ Полевой, въ литературѣ нашей другого творенія, столь великаго, обращающаго на себя такое сильное, всеобщее вниманіе отечественной публики... Не думаемъ, чтобы благомыслящіе люди поставили въ вину рецензенту его неизвѣстность и огромность славы творенія, имъ разсматриваемаго. Мѣстничество въ литературѣ пора намъ изгнать, какъ изгнанъ сей гибельный предразсудокъ изъ гражданскаго нашего быта... Критика есть дыханіе литературы»[405]).

Далѣе Полевой выставляетъ свое основное положеніе: «Для насъ, новаго поколѣнія, (подчеркнуто въ подлинникѣ) Карамзинъ существуетъ только въ Исторіи литературы и въ твореніяхъ своихъ».— «Время летитъ быстро, и дѣла и люди быстро смѣняются. Мы едва можемъ увѣрить себя, что почитаемое нами настоящимъ, сдѣлалось прошедшимъ, современное историческимъ. Такъ и Карамзинъ. Еще многіе причисляютъ его къ нашему поколѣнію, къ нашему времени, забывая, что онъ родился шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ назадъ тому (въ 1765 году); что болѣе 40 лѣтъ прошло, какъ онъ выступилъ на поприще литературное; что уже совершилось 25 лѣтъ, какъ онъ прекратилъ всѣ другія литературныя упражненія, и занялся только Исторіей Россіи, и слѣдовательно, что онъ приступилъ къ ней за четверть вѣка до настоящего времени, будучи почти сорока лѣтъ: это такой періодъ жизни, въ который человѣкъ не можетъ уже стереть съ себя типа первоначальнаго своего образованія, можетъ только не отстать отъ своего быстро-грядущаго впередъ вѣка, только слѣдовать за нимъ, и то напрягая всѣ силы ума. Хронологическій взглядъ на литературное поприще Карамзина показываетъ намъ, что онъ былъ литераторъ, философъ, историкъ прошедшаго вѣка, прежняго, не нашего поколѣнія... Различеніе вѣка и времени каждаго предмета есть истинное мѣрило вѣрности сужденій о каждомъ предметѣ. Сіе мѣрило усовершенствовано умомъ мыслителей нашего времени». Съ легкой руки Полевого этотъ своеобразный «хронологическій взглядъ», и «сіе мѣрило» вошло въ употребленіе и по сей день употребляется русскими критиками.

Оцѣнка Карамзина,— какъ и всякой литературной величины, духовная дѣятельность которой обусловлена не только внутренними качествами таланта, сердца, генія писателя, но и условіями времени, дѣло не легкое. Но при всемъ томъ, чрезвычайное своеобразіе критерія, примѣненнаго Полевымъ къ Карамзину, бросается въ глаза. Онъ родился «60 слишкомъ лѣтъ тому»,

---

[405]) Очерки русской литературы. Часть II. Стр. 2 и 3. 1839 г.

онъ — человѣкъ «прошлаго вѣка», «прежняго, не нашего поколѣнія», хорошо если онъ только «не отстанетъ» отъ новѣйшихъ колоссальныхъ успѣховъ... И этимъ все сказано. Писатель погребенъ. Вѣкъ и время поставлены, какъ объективныя сущности и писатель внѣ ихъ. Онъ только догоняетъ вѣкъ и время, которые сами по себѣ оказываются наполненными богатѣйшимъ культурно-идейнымъ содержаніемъ. Писатель только угадываетъ время и вѣкъ. Онъ какъ будто самъ въ нихъ ничего не вноситъ, не является ступенью, отъ стараго къ новому, такъ что удалите его изъ ряда и получится незаполненный пробѣлъ, «связь временъ» порвется... Нельзя не признать, что критерій, впервые принятый Николаемъ Полевымъ и съ его почина оставшійся, какъ общепринятое мѣрило въ литературной «пробирной палаткѣ», въ публицистикѣ и критикѣ, — есть чисто внѣшній критерій, гдѣ личное достоинство подчинено показаніямъ метрическаго свидѣтельства. Родился раньше насъ, слѣдовательно, отсталъ отъ насъ... Тутъ упущена возможность предвареній сильнаго ума такихъ выводовъ, которые нерѣдко вполнѣ уразумѣютъ его отдаленные потомки... Конечно, въ частномъ случаѣ, критерій оказался болѣе годнымъ въ дѣло. Карамзинъ ничего не предварилъ, и дѣйствительно, всецѣло принадлежалъ переходному времени изъ XVIII-го въ XIX-ое столѣтіе. Но не долго пришлось ждать Полевому. Пущенная имъ въ ходъ мѣрка была примѣнена и къ нему самому...

Весьма скоро Полевой оставилъ ликующій тонъ неизмѣримаго превосходства человѣка «новаго поколѣнія». Онъ почувствовалъ, что критерій, вошедшій благодаря ему въ литературное обращеніе,—обоюдоострый. Колесо вѣка обращается быстро и тотъ, кто еще вчера былъ наверху обода, завтра въ сознаніи взобравшихся по праву поздняго рожденія на этотъ ободъ — склонится книзу, — вотъ онъ уже и подъ колесомъ. Полевой начинаетъ находить борьбу поколѣній явленіемъ прискорбнымъ.

«Поколѣнія различаются одни отъ другихъ понятіями, повѣрьями, вкусами, и это естественно и необходимо. Но жаль, что сосѣдственныя одно другому поколѣнія часто заводятъ между собою о семъ различіи споры, и даже ссоры, а это вовсе не хорошо и не справедливо... Что намъ дѣлать со спорами поколѣній современныхъ? Надо же для настоящаго рѣшать ихъ чѣмъ нибудь и какъ нибудь? Споры сіи касаются всего. Человѣкъ твореніе преупрямое и преспорливое [406]).

«Не хорошо и не справедливо» примѣненіе критерія по принадлежности къ новому или старому поколѣнію, когда этотъ критерій обращенъ противъ самого Полевого, пустившаго его въ обращеніе.

«Карамзинъ, образованный изученіемъ писателей французскихъ, (далеко не однихъ французскихъ!) проникнутый современнымъ просвѣщеніемъ Евро-

[406]) Очерки русской литературы. Т. I. Стр. 432.

ны, которое было рѣшительно все французское, перенесъ пріобрѣтенное имъ въ родную почву, и сильнымъ, дѣятельнымъ умомъ своимъ двинулъ впередъ современниковъ... Между тѣмъ вѣкъ двигался съ неслыханною до того времени быстротою. Никогда не было открыто, изъяснено, обдумано столь много, сколько открыто, изъяснено, обдумано въ Европѣ въ послѣднія двадцать пять лѣтъ. Все измѣнилось, и въ политическомъ и въ литературномъ мірѣ. Философія, теорія словесности, поэзія, исторія, знанія политическія— все преобразовалось. Но когда начался сей новый періодъ измѣненій, Карамзинъ уже кончилъ свои подвиги вообще въ литературѣ... Развилась новая русская поэзія, началось изученіе философіи, исторіи, политическихъ знаній сообразно новымъ понятіямъ германцевъ, англичанъ и французовъ... Удивляемся, какъ шагнулъ въ свое время Карамзинъ, чтимъ его заслугу, почетно вписываемъ его имя въ исторію литературы нашей, но видимъ, что его русскія повѣсти не русскія; его проза далеко отстала отъ прозы другихъ новѣйшихъ (?) образцовъ (?) нашихъ (Булгарина, что-ли?); его стихи для насъ проза; его теорія словесности, его философія для насъ недостаточны». У Карамзина Полевой не находитъ «идеи философической исторіи», жалуется, что Карамзинъ «нигдѣ не представляетъ намъ духа народнаго». «Надобно было соединить труды Шеллинговъ, Шлегелей, Кузеновъ, Шлецеровъ, Гердеровъ, Нибуровъ, узнать классицизмъ и романтизмъ, узнать хорошо политическія науки, оцѣнить надлежащимъ образомъ древнихъ и т. д., и т. д., дабы могли бы наконецъ понять: что есть исторія? Какъ должно ее писать и что удовлетворяетъ нашъ вѣкъ?»

Все это пріобрѣло особую пикантность, когда Полевой приложилъ при № 20 Тел. за 1829 г. слѣдующее объявленіе, доказывавшее, что самъ Полевой, этотъ «востренькій сидѣлецъ» по выраженію Пушкина, все «узналъ», «оцѣнилъ», «соединилъ», «понялъ» и вполнѣ созрѣлъ, чтобы писать исторію Россіи:

«Донынѣ не было у насъ исторіи великаго отечества нашего, которая, представляя вполнѣ событія, совершившіяся въ русской землѣ, являла-бъ взорамъ просвѣщеннаго наблюдателя картину судебъ Россіи, въ теченіе девяти съ половиною вѣковъ, отъ начала русскаго народа, до нашего времени. Мы ожидали такой картины отъ незабвеннаго Карамзина, мы радовались его безсмертному творенію, но преждевременная кончина не допустила исторіографа кончить трудъ великій. Мнѣ казалось однакожъ, что при настоящемъ состояніи матеріаловъ и приготовительныхъ трудовъ для русской исторіи, при совершенствѣ нынѣшнихъ понятій объ исторіи вообще, трудъ и желаніе сдѣлать возможное по силамъ, могутъ отчасти замѣнить великіе таланты, и я осмѣлился писать исторію отечества послѣ Карамзина... Читатели увидятъ въ сочиненной мною исторіи русскаго народа опытъ полной исторіи отечества... Я хотѣлъ изобразить жизнь русскаго народа,

его политическое и гражданское состояніе, его нравы, обычаи, такъ сказать, физіономію народа въ каждомъ періодѣ, съ того, въ которой дикій варягъ пришлыхъ на челнокѣ своемъ къ берегамъ Финскаго залива, до того, въ который Александръ явился побѣдителемъ въ Парижѣ, и знамена Николая возвѣялись у вратъ Константинополя. Вотъ предметъ изображенной мною. Вся исторія русскаго народа составляетъ двѣнадцать томовъ». [407]).

Первый томъ вышелъ въ томъ же году. Ни по языку, ни по изложенію, ни по историческимъ достоинствамъ онъ ничего изъ себя не представлялъ. Пушкинъ назвалъ его пародіей на Карамзина. Онъ къ тому же полонъ темной, высокопарной мнимо философской болтовни. Исторія Полевого никогда кончена не была, что доказывало ложь его объявленія о «сочиненной», «изображенной» уже «полной исторіи отечества».

Двадцатыми годами заканчивается переходный и подготовительный періодъ русской прозы.

Въ 1829 г. въ Петербургѣ вышло стихотворное произведеніе: «Ганцъ Кюхельгартенъ». Идиллія въ картинахъ. Соч. В. Аловъ (писано въ 1829 году). 71 стр. in 12°. Критика такъ отозвалась о злосчастной идилліи:

«Издатель сей книжки говоритъ, что сочиненіе г-на Алова не было предназначаемо для печати, но, что важныя для одного автора причины побудили его перемѣнить свое намѣреніе. Мы думаемъ, что еще важнѣйшія причины имѣлъ онъ не издавать своей Идилліи. Достоинство слѣдующихъ пяти стиховъ укажетъ на одну изъ сихъ причинъ:

Мнѣ лютыя дѣла не новость,
Но дьявола отрекся я,
И остальная жизнь моя,—
Заплата малая сія
За прежней жизни злую повѣсть.

Заплатою такихъ стиховъ должно бы быть сбереженіе оныхъ подъ спудомъ» [408]).

Этотъ Аловъ былъ никто иной, какъ будущій геніальный авторъ безсмертной поэмы «Мертвыя души» Николай Гоголь.

III.

§ 1. Двадцатые годы — расцвѣтъ поэтическаго генія Пушкина. «За Карамзинскимъ періодомъ нашей словесности, говоритъ Бѣлинскій въ «Литературныхъ Мечтаніяхъ», послѣдовалъ періодъ Пушкинскій, продолжавшійся почти ровно десять лѣтъ. Говорю Пушкинскій, ибо кто не со-

[407]) Объявленіе при № 20 Тел. за 1829 г.
[408]) Тел. 1829. № 12. Стр. 515 и 516.

гласится, что Пушкинъ былъ главою этого десятилѣтія, что все тогда шло отъ него и къ нему?»

«Московскій Телеграфъ» и Николай Полевой все это десятилѣтіе безусловно стояли за Пушкина—«сѣвернаго Байрона», «представителя человѣчества». Вотъ что читаемъ уже въ первой книжкѣ «М. Т.» 1825 г.:

«Сочиненія перваго по достоинству трагика нашего В. А. Озерова напечатаны третьимъ лучшимъ всѣхъ прежнихъ изданіемъ... Прекрасный подарокъ соотечественникамъ сдѣлалъ В. А. Жуковскій новымъ изданіемъ своихъ стихотвореній. Жуковскій конечно первый изъ нынѣшнихъ русскихъ поэтовъ; заслуги его въ отечественной словесности столь велики, что исчислять и доказывать его права на первенство, значило бы не уважать нашихъ читателей. Но разсматривая и перечитывыя новое изданіе стихотвореній В. А., намъ приходило на мысль обвиненіе нѣкоторыхъ критиковъ, что Жуковскій однообразенъ. Оставя то, что самые величайшіе поэты имѣютъ свои любимые тоны, не понимаемъ, какъ называть однообразнымъ Жуковскаго, который написалъ Свѣтлану, Людмилу, Пѣвца въ станѣ Русскихъ воиновъ, Посланіе къ императору Александру; съ неподражаемымъ искусствомъ передаетъ намъ Шиллера, Байрона, В. Скотта, Клопштока, Гете, и послѣ Карамзина вмѣстѣ съ Батюшковымъ занимаетъ первое мѣсто въ числѣ русскихъ прозаиковъ... Поэтъ, любимецъ нашей публики, А. С. Пушкинъ, о которомъ въ сравненіи съ Жуковскимъ можно повторить старинную пословицу: онъ не второй, а другой, получилъ новое право на славу, изд. Бахчисарайскаго фонтана. Это жемчужина новой поэзіи. Вымыслъ, расположеніе, стихи—все болѣе и болѣе открываетъ безсомнѣнный, великій талантъ сочинителя Руслана и Людмилы и Кавказскаго плѣнника... Кто не подражаетъ у насъ Пушкину и кто сравнялся съ нимъ изъ подражателей, хотя большая часть новыхъ стихотвореній отдѣлываются явно по образцамъ Пушкина?—Едва ли кто изъ русскихъ поэтовъ былъ такъ обласканъ книгопродавцами нашими, какъ А. С. Пушкинъ, а они знаютъ, что идетъ скорѣе съ рукъ. Пѣсни Пушкина сдѣлались народными: въ деревняхъ поютъ его «Черную шаль». А. Н. Верстовскій съ большимъ искусствомъ сдѣлалъ на сію пѣсню музыку и донынѣ жители Москвы не наслушаются очароватетьныхъ звуковъ, вполнѣ выражающихъ силу стиховъ Пушкина».

Въ «прибавленіи» къ № 3 «М. Т.» (книжныя извѣстія, стр. 52) журналъ извѣщалъ:

«Читатели наши конечно съ удовольствіемъ услышатъ, что въ Петербургѣ печатается и скоро выйдетъ новая поэма А. С. Пушкина Евгеній Онѣгинъ. Желающіе имѣть сіе новое, прекрасное произведеніе необыкновеннаго нашего поэта, могутъ адресоваться въ Спб. къ книгопродавцу Сленину, прилагая 6 рублей».

Вотъ что писалъ Полевой при выходѣ слѣдующихъ главъ «Евгенія Онѣ-

гина» (2-я М. 1826 г. in 12° 42 стр. 3-я. Спб. 1827 г. in 8° 64 стр.), а также 3-го изданія «Чернеца» Козлова и «Стихотвореній Евгенія Баратынскаго (М. 1827 г. in 8° 178. V стр. Ц. 10 руб.):

«За Пушкинымъ библіографическое извѣстіе едва успѣваетъ: его творенія раскупаютъ прежде, нежели медлительный библіографъ запишетъ ихъ въ реестръ современныхъ произведеній нашей литтературы»...

«Вторую главу Онѣгина знаютъ всѣ, и вѣрно половина наизусть»...

«Евгенія Онѣгина» журналъ ставилъ чрезвычайно высоко:

«Свободная, пламенная муза, вдохновительница Пушкина, приводитъ въ отчаяніе диктаторовъ нашего Парнасса и осѣдлыхъ критиковъ нашей словесности. Бѣдные! Только что успѣютъ они увѣрить своихъ кліентовъ, что въ силу такого или такого параграфа піитики, изданной въ такомъ-то году, поэма Пушкина не поэма, и что можно доказать это по всѣмъ правиламъ полемики, новыми рукоплесканіями заглушается охрипшій шопотъ ихъ и всеобщій восторгъ заботитъ ихъ снова пріискивать доказательствъ, на потертыхъ листочкахъ рѣченныхъ піитикъ! Въ самомъ дѣлѣ, на что это похоже? Довольно, что англійскіе критики не знали, что дѣлать съ Байрономъ: неужели и русскимъ придетъ такая же горькая участь отъ Пушкина. Уже и хвалитъ его они не смѣютъ: кто боится попасть въ кривотолки, кто говоритъ, что ничего знать не можетъ, кто просто отмалчивается»[409]).

«Изданіе Онѣгина положительно доказываетъ права Пушкина уже не просто на талантъ, но на что-то выше. «Но что такое Онѣгинъ? спросятъ критики, «что за поэма, въ которой есть главы, какъ въ книгѣ? По какимъ правиламъ она составлена? Къ какому роду принадлежитъ? Онѣгинъ, мил. гг., романъ въ стихахъ, слѣдовательно въ романѣ позволяется употребить раздѣленіе на главы; правила, руководствовавшія поэта, заключаются въ его творческомъ воображеніи; родъ, къ которому принадлежитъ романъ его, есть тотъ самый, къ которому принадлежатъ поэмы Байрона и Гете... Это уже дѣло холоднаго разсудка, пріискивать на досугѣ, почему написанное не по извѣстнымъ правиламъ хорошо, и на всякій новый опытъ поэзіи прибирать ладъ и мѣру; не поэту же спрашивать у піитиковъ: можно ли дѣлать то или то!.. Все ограниченное, въ наслажденіяхъ эстетическихъ, отвращаетъ человѣка — и въ неопредѣленномъ, неизъяснимомъ состояніи сердца человѣческаго заключена и тайна и причина такъ называемой романтической поэзіи».

«Между тѣмъ, вѣрно никто изъ самыхъ задорныхъ критиковъ Пушкина, прочитавши новую поэму его, не откажетъ ему въ истинномъ, неподложномъ талантѣ. Зачѣмъ не пишетъ онъ поэмъ въ силу правилъ эпопеи? Та бѣда, что и поэтъ не воленъ въ направленіи своего восторга: что ему поется, то

---

[409]) М. Т. 1825 г. V. Стр. 43.

онъ поетъ... Содержаніе первой главы Онѣгина составляетъ родъ картинъ чудной красоты, разнообразныхъ, всегда прелестныхъ, живыхъ... Онѣгинъ принадлежитъ къ тому роду стихотвореній, въ которомъ донынѣ у насъ не было ничего сколько нибудь сноснаго. Шуточныя поэмы нашихъ стихотворцевъ сбивались въ плоскости, шутки ихъ оскорбляли благопристойность, улыбка походила на хохотъ тѣхъ героевъ, которыхъ они описывали, какъ то: трактирщиковъ, карточныхъ игроковъ и пьяницъ... (Имѣются въ виду грубыя «ирои—комическія» поэмы по правиламъ burlesque съ обязательнымъ «выворачиваніемъ на изнанку» античнаго Олимпа и хотя-бы «Опасный Сосѣдъ»).

«Онѣгинъ не скопированъ съ французскаго или англійскаго; мы видимъ свое, слышимъ свои родныя поговорки, смотримъ на свои причуды, которыхъ всѣ мы не чужды были никогда... Не говоримъ и о стихахъ Пушкина: такой гармоніи, такого умѣнья управлять механизмомъ словъ и звуковъ не было и донынѣ еще нѣтъ ни у котораго изъ поэтовъ русскихъ, даже и у Жуковскаго»[410]).

По поводу выхода «Полярной Звѣзды» критикъ «Моск. Тел.» писалъ:

«Какъ силенъ, увлекателенъ примѣръ таланта великаго! Пушкинъ, чарующій насъ своими поэмами, какъ будто вызвалъ на трудъ другихъ, дремавшихъ надъ элегіями и пѣсенками. Въ нынѣшней Полярной Звѣздѣ находимъ обѣщаніе трехъ отличныхъ нашихъ поэтовъ, каждаго на одну, и того на три поэмы, т. е. находимъ отрывки изъ трехъ начатыхъ, но еще не изданныхъ поэмъ гг. Рылѣева, Языкова, и еще одного поэта (Баратынскаго Эда)... Не родня-ли онѣ поэмамъ Пушкина, не говоря о томъ, что и самое желаніе писать поэмы возбуждено у насъ примѣромъ Пушкина? Повторяемъ, что талантъ трехъ упомянутыхъ нами поэтовъ неопровержимъ; но Пушкинъ недостигаемъ никому, по крайней мѣрѣ донынѣ. Въ Полярной Звѣздѣ помѣщены два отрывка изъ двухъ его новыхъ поэмъ: Цыгане и Братья-Разбойники. Въ первой обрисована только картина цыганскаго табора—живая, яркая; но другой отрывокъ... не сказывайте имени поэта, читайте стихи его,—и всякій вамъ скажетъ, что кромѣ Пушкина, некому написать ихъ... Нѣтъ, Пушкину суждено великое назначеніе! Читавшіе вполнѣ его поэму: Цыгане, говорятъ объ ней съ восторгомъ. Въ каждомъ новомъ твореніи видно, что геній Пушкина мужаетъ. Разнообразіе его изумительно: можно-ли повѣрить, что тотъ-же поэтъ, который въ изображеніи разбойника заставляетъ трепетать, умѣлъ въ «Русланѣ и Людмилѣ» очаровать насъ картиной русской старины, въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ» мечтательной любовью пресыщеннаго сердца, въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ» всею роскошью

410) М. Т. 1825. VIII.

восточнаго воображенія, въ «Онѣгинѣ» картиною свѣтской жизни; въ Цыганахъ переселяетъ онъ насъ еще въ новый міръ»[411]).

«Мелкія стихотворенія и новая поэма Пушкина, «Цыгане», готовится къ печати. Слышно, что юный атлетъ нашъ испытываетъ свои силы на новомъ поприщѣ и пишетъ трагедію: «Борисъ Годуновъ». По всему можно надѣяться, что онъ подаритъ насъ образцовымъ опытомъ первой трагедіи народной и вырветъ ее изъ колеи, проведенной у насъ Сумароковымъ не съ легкой, а развѣ съ тяжелой руки. Благоговѣя предъ поэтическимъ геніемъ Расина, сожалѣю, что онъ завѣщалъ почти всѣмъ русскимъ послѣдователямъ не тайну стиховъ своихъ, а одну обрѣзную, накрахмаленную и по законамъ тогдашняго общества сшитую мантію своей Парижской Мельпомены»[412]).

«Не классическій ли авторъ Пушкинъ? Ибо классическій авторъ есть тотъ, чьи сочиненія составляютъ потребность народную, а не временную, чьи произведенія поэтическія выучиваются наизусть и составляютъ непремѣнную часть литературнаго богатства народа. Да, мм. гг.! Пушкинъ классикъ... Если-же слово «классическій авторъ» принять въ смыслѣ: употребляемый въ классахъ, образцовый для юношей, то конечно Пушкинъ имѣетъ и на сіе болѣе правъ, нежели многіе изъ грековъ и латинцевъ; это поэтъ міра современнаго, и что еще ближе къ намъ, міра русскаго. Нравственности въ немъ, для русскаго читателя, болѣе, нежели во всѣхъ поэтахъ Греціи и Рима»[413]).

Когда вышла въ свѣтъ «Полтава», журналъ Полевого говорилъ: «Съ появленіемъ въ свѣтъ сей поэмы, Пушкинъ становится на степень столь высокую, что мы не смѣемъ въ краткомъ извѣстіи изрекать приговора новому его произведенію... о Полтавѣ мы скажемъ однакожъ, что видимъ въ ней, при всѣхъ другихъ достоинствахъ, новое: народность. Въ Полтавѣ, съ начала до конца, вездѣ русская душа, русскій умъ, чего, кажется, не было въ такой полнотѣ ни въ одной изъ поэмъ Пушкина»[414]).

«Не только современныя славы Сумарокова, Делиля, Хераскова, и подобныхъ имъ, но вѣковыя славы разрушились въ наше время. Не только слава частныхъ лицъ, но слава цѣлыхъ литературъ пала, и слава другихъ возстала въ прочной, безсмертной силѣ. Давно ли латинскую литературу ставили рядомъ съ греческою—и кто осмѣлится теперь сдѣлать это? Давно ли французская литература первенствовала у всѣхъ народовъ—и кто теперь не отрицаетъ ея первенства? Давно ли Шекспира называли варваромъ,

---

411) Стр. 329, 331 и 332.

412) М. Т. 1825. № 22.

413) Тел. 1829. № 8. Стр. 485. Статья Ксеноф. Полевого.

414) Тел. 1829. № 7. Стр. 337.

Буало законодателемъ поэзіи, Тасса предпочитали Данту, и у насъ имя Ломоносова произносили рядомъ съ именемъ Державина? Кто теперь станетъ поддерживать сіи положенія? Теперь самые закоснѣлые староверы литературные отрекаются отъ подобныхъ мнѣній».

«Когда во Франціи изданы были книга г-жи Сталь о Германіи... и Шлегелевъ курсъ драматической литературы, то дерзость многихъ мыслей въ сихъ сочиненіяхъ изумила всѣхъ, даже умнѣйшихъ людей. Теперь, когда послѣ сихъ явленій прошло немного болѣе пятнадцати лѣтъ, полъ-Франціи согласно съ основаніемъ мнѣній г-жи Сталь и Шлегеля. Это время настаетъ и у насъ... Литература русская всегда была наперстницей литературъ иностранныхъ. Перенявъ просвѣщеніе у иноземцевъ, мы надолго остались ихъ нравственными данниками. Даже донынѣ, кромѣ гиганта Державина, кто изъ нашихъ поэтовъ могъ похвалиться своимъ, незаемнымъ вдохновеніемъ? Жуковскій, сей очаровательный поэтъ, не можетъ быть названъ творцомъ. Даже тѣ изъ его сочиненій, коихъ изобрѣтеніе принадлежитъ ему, навѣяны изъ подъ чуждаго неба... Каждый необыкновенный русскій писатель, увлекавшій своихъ современниковъ, былъ исполненъ духомъ не Россіи, ему чуждой и неизвѣстной, но духомъ какой нибудь литературы, или даже одного писателя, иностраннаго. Такъ Карамзинъ, впрочемъ не понявши высокой ироніи Стерна надъ чувствительностью, въ юности своей наполнилъ насъ мнимымъ духомъ Стерновымъ, извѣстнымъ подъ названіемъ сентиментальности. Такъ Жуковскій увлекъ насъ къ одностороннему направленію Шиллера, заставилъ летѣть въ небеса, забывъ, что у насъ есть Россія, которая имѣетъ свой міръ. Во время направленія, даннаго поэзіи нашей Жуковскимъ, явился Пушкинъ... Русланъ и Людмила—поэма, русская по своему названію, по многимъ картинамъ и собственнымъ именамъ, напоминаетъ не Россію, а поэму Аріоста. Въ Русланѣ такъ же странствующіе рыцари ищутъ красавицу, дерутся за нее, и питаютъ въ душѣ своей... чувства рыцарей среднихъ вѣковъ... Русланъ и Людмила имѣетъ высокое достоинство по своимъ отдѣльнымъ картинамъ и стихосложенію, удивившему читателей новостью и силою, но вообще поэма сія столько же сообразна съ древнимъ русскимъ духомъ, какъ Orlando furiozo съ какимъ нибудь историческимъ лицомъ старой нашей Руси... Мелкія стихотворенія, въ которыхъ Пушкинъ— кто не знаетъ этого?—является истиннымъ Протеемъ... Здѣсь главнымъ его путеводителемъ... былъ А. Шенье... «Кавказскій Плѣнникъ», здѣсь видимъ направленіе совершенно новое! Для насъ ясно теперь, что поэма сія, какъ и другія поэмы Пушкина, слѣдовавшія за нею, была слѣдствіемъ Байрона, овладѣвшаго на время всѣмъ міромъ... Пѣвецъ ироніи сдѣлалъ сильнѣйшее впечатлѣніе на Пушкина. Русскій поэтъ не могъ освободиться отъ него ни въ Бахчисарайскомъ фонтанѣ, ни въ Цыганахъ, ни въ Онѣгинѣ, ни въ современныхъ имъ мелкихъ своихъ стихотвореніяхъ. Всѣ сіи сочи-

ненія носятъ на себѣ печать Байронова вліянія... Впрочемъ, Онѣгинъ выходитъ нѣсколько изъ сего круга, ибо въ немъ виденъ болѣе спокойный взглядъ и какое то желаніе примирить несообразности земныхъ явленій... уже въ Онѣгинѣ можно было замѣтить, что геній нашего поэта требуетъ новаго направленія, что онъ недоволенъ самъ собою. Это показываетъ необычайную силу души, ибо человѣкъ обыкновенный, хорошій поэтъ, былъ бы навсегда окованъ Байроновскимъ направленіемъ, достойнымъ образомъ имъ выражаемымъ и доставляющимъ ему славу... Мы не знаемъ трагедіи Пушкина Борисъ Годуновъ; но судя по извѣстнымъ намъ отрывкамъ, видимъ въ немъ переходъ къ тому идеалу, который уже выразительнѣе осуществленъ въ Полтавѣ. Этому надлежало быть. Если поэтъ нашъ имѣлъ силу оставить блестящаго, современнаго Байрона, то могъ ли онъ не понять великаго Шекспира? Пушкинъ и понялъ его, какъ высокій поэтъ: онъ не сталъ подражать Шекспиру, но, угадавъ въ англійскомъ поэтѣ основные элементы исторической его трагедіи, открылъ ихъ и въ русскомъ мірѣ. Это имѣло двоякое счастливое послѣдствіе для нашей литературы: во первыхъ обогатило ее созданіемъ, безъ сомнѣнія, необыкновеннымъ, во вторыхъ, перенесло въ нее, аналогически, духъ Шекспира, и, слѣдовательно, открыло новый путь къ отысканію истинно—изящнаго русскаго. Кто, безъ Пушкина, могъ бы совершить сей подвигъ? И не ясно ли видна здѣсь сила его генія, не успокоившагося до тѣхъ поръ, пока онъ не открылъ своего истиннаго пути, котораго начало мы видимъ—въ Полтавѣ... Пушкинъ повторилъ собою всю исторію русской литературы. Воспитанный иностранцами, онъ переходилъ отъ одного направленія къ другому, пока наконецъ нашелъ тайну своей поэзіи, въ духѣ своего отечечества, въ мірѣ русскомъ [415]).

Въ 20-е годы безусловное признаніе Пушкина геніальнымъ поэтомъ, смѣло и прямо высказываемое, находимъ только въ «Московскомъ Телеграфѣ». Это составляетъ главную заслугу Николая Полевого, хотя въ оцѣнкахъ его журнала мы и находили бы недостатки. Такъ главная заслуга Бѣлинскаго—такое же смѣлое и прямое признаніе геніемъ Гоголя, на что Полевого уже не хватило.

БИБЛІОГРАФІЯ: Замѣчательныя статьи о Пушкинѣ въ хронологической послѣдовательности. Шевырева. Москвитянинъ. 1841. Н. Полевого. Русскій Вѣстникъ. 1842. Статьи Бѣлинскаго. Отечеств. записки. 1843—1846. Подробный обзоръ стихотвореній П-на. Маякъ. 1843. Замѣтки Гаевскаго. Отеч. зап. 1853. Статьи Дружинина. Библіот. для чтенія. 1855. Степной цвѣтокъ на могилу Пушкина. Статья Кохановской. Русская бесѣда. 1859. Разборъ Добролюбова. Современникъ. 1858. Въ соч. т. I. 1862. Статьи В. Зотова. Сѣверное сіяніе. 1862. О нападеніяхъ Не-

[415]) Тел. 1829 г. № 10. Стр. 222. 224, 225. 226. 227. 228. 230. 231 и 232.

тербургскихъ журналовъ на русскаго поэта П-на. Кн. В. Ф. Одоевскаго. Русскій Архивъ. 1864. Пушкина ругаютъ. Замѣтки лѣтописца. Эпоха. 1864. Пушкинъ и Бѣлинскій. Писарева. Русское Слово. 1865. Соч. ч. III. 1866. Что значитъ договориться. М. Лонгинова, (по поводу статьи Писарева). Совр. Лѣтопись. 1865. Пушкинъ въ его сочиненіяхъ. Гр. В. Саллогубъ. Чтенія въ Общ. Люб. Росс. Слов. 1867. Бѣдность нашей литературы. Нѣчто о Пушкинѣ. Очеркъ Ник. Страхова. Спб. 1868. Наше общество (1820—1870) въ герояхъ и героиняхъ литературы. М. В. Авдѣева. Спб. 1874. А. С. П-нъ. В. Я. Стоюнинъ. Истор. Вѣстн. 1880. Литературные очерки В. Буренина. Новое Время. 1880. № 1563, 71, 72, 75. Отношеніе П-на къ иностранной словесности. Н. Старостнина. Русскій Курьеръ. 1880. Пушкинъ, какъ поэтъ европейскій. Н. Карѣева. Филологъ. зап. 1880 г. Полемическія статьи Пушкина. М. И. Сухомлиновъ. Историч. Вѣстн. 1884. Статьи Ѳ. М. Достоевскаго въ Дневникѣ Писателя. 1881. Судьба Пушкина. Вл. С. Соловьева. 1898. В. Сиповскій. Пушкинъ, Байронъ и Шатобріанъ. Изъ литературной жизни Пушкина на югѣ Россіи. 1899.

§ 2. Въ двадцатыхъ годахъ Пушкинъ далъ: «Руслана и Людмилу», «Кавказскаго Плѣнника», «Бахчисарайскій Фонтанъ», «Цыганъ», «Разбойниковъ», «Графа Нулина», «Полтаву», «Евгенія Онѣгина». «Нельзя ни съ чѣмъ сравнить восторга и негодованія, возбужденныхъ первой поэмой Пушкина — «Русланъ и Людмила» — говоритъ Бѣлинскій. Поборники новаго увидѣли въ ней колоссальное произведеніе, и долго послѣ того величали они Пушкина забавнымъ титломъ «пѣвца Руслана и Людмилы». Представители другой крайности, слѣпые поклонники старины, почтенные колпаки, были оскорблены и приведены въ ярость появленіемъ «Руслана и Людмилы». Причиной энтузіазма, возбужденнаго поэмой было конечно и предчувствіе новаго міра творчества, который открывалъ Пушкинъ всѣми своими первыми произведеніями, но еще болѣе это было просто обольщеніе невиданной дотолѣ новинкой. Русская литература не представляла ничего подобнаго «Руслану и Людмилѣ». Въ этой поэмѣ все было ново, и стихи, и поэзія, и шутка, и сказочный характеръ вмѣстѣ съ серьезными картинами. По своему содержанію и отдѣлкѣ поэма принадлежитъ къ числу переходныхъ созданій Пушкина. Въ «Русланѣ и Людмилѣ» русская поэзія сдѣлала однако огромный шагъ впередъ, особенно со стороны технической. Всѣ восхищались ея прекраснымъ языкомъ, стихами, всегда легкими и звучными, а иногда и истинно поэтическими, граціозной шуткой, разсказомъ плавнымъ, увлекательнымъ, живымъ и быстрымъ, всей этой игривой затѣйливостью, шаловливостью и причудливостью арабесковъ въ характерахъ и событіяхъ». Какъ на главный недостатокъ поэмы, самъ Пушкинъ указываетъ на ея холодность. Но едва ли возможно согласиться съ мнѣніемъ Бѣлинскаго, который находитъ, что «въ ней русскаго—одни только имена, да и то не всѣ». Нѣтъ, «тамъ русскій духъ, тамъ Русью пахнетъ»! Вся прелесть сказочнаго

міра разсыпана въ очаровательныхъ наброскахъ юной, улыбающейся кисти художника—поэта.

«Кавказскій Плѣнникъ» былъ принятъ обществомъ еще съ большимъ восторгомъ, чѣмъ «Русланъ и Людмила». Грандіозный образъ Кавказа съ его воинственными жителями въ первый разъ былъ воспроизведенъ русской поэзіей. Плѣнникъ Пушкина это — «герой того времени». Молодые люди особенно были восхищены имъ, потому что каждый видѣлъ въ немъ болѣе или менѣе свое собственное отраженіе. Пушкинъ первый покусился на этотъ типъ. Бѣлинскій указываетъ, что это же лицо является и въ слѣдующихъ поэмахъ Пушкина, но уже не такимъ, какъ въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ»: слѣдя за нимъ, вы безпрестанно застаете его въ новомъ моментѣ развитія, и видите, что оно движется, идетъ впередъ, дѣлается сознательнѣе, а потому и интереснѣе для васъ. Самъ Пушкинъ называетъ Плѣнника первымъ очеркомъ характера, съ которымъ онъ насилу сладилъ. Въ изображеніи черкешенки высказалась вся незрѣлость, вся юность, но и вся прелесть таланта Пушкина въ то время. Образъ этотъ навѣянъ Гюльнарой и Гайде Байрона.

По мнѣнію строгаго Бѣлинскаго, въ художественномъ отношеніи «Кавказскій Плѣнникъ» принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній Пушкина, въ которыхъ онъ является еще ученикомъ, а не мастеромъ поэзіи.

«Стихи прекрасны, исполнены жизни, движенія, много поэзіи, но еще нѣтъ художества». Въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ» замѣтенъ значительный шагъ впередъ со стороны формы: стихъ лучше, поэзія роскошнѣе, благоуханнѣе. «Въ основѣ этой поэмы, по мнѣнію Бѣлинскаго, лежитъ мысль до того огромная, что она могла бы быть подъ-силу только вполнѣ развившемуся и возмужавшему таланту; очень естественно, что Пушкинъ не совладалъ съ нею... Въ дикомъ татаринѣ, пресыщенномъ гаремной любовью, вдругъ вспыхиваетъ болѣе человѣческое и высокое чувство къ женщинѣ, которая чужда всего, что составляетъ прелесть владыки и что можетъ плѣнять вкусъ азіатскаго варвара. Въ Маріи—все европейское, романтическое: это — дѣва среднихъ вѣковъ, существо кроткое, скромное, дѣтски-благочестивое. И чувство невольно внушенное ею Гирею, есть чувство романтическое, рыцарское, которое перевернуло вверхъ дномъ татарскую натуру деспота-разбойника». Портреты Заремы и Маріи прелестны. Лучшая сторона поэмы—это описанія, или, лучше сказать, живыя картины магометанскаго Крыма. Въ нихъ нѣтъ элемента высокости, которую находимъ въ картинахъ дикаго и грандіознаго Кавказа въ «Плѣнникѣ». Но онѣ непобѣдимо очаровываютъ кроткой роскошной поэзіей, которой запечатлѣна соблазнительно-прекрасная природа Тавриды.

Гармонія послѣднихъ двадцати стиховъ поэмы упоительна. «Бахчисарайскій фонтанъ»—роскошно-поэтическая мечта юноши. Это—прекрасный

благоухающій цвѣтокъ, которымъ можно любоваться безотчетно и безтребовательно.

Мнѣніе Бѣлинскаго о «Братьяхъ-Разбойникахъ» неумѣренно строго. Поэма—не болѣе, какъ ученическій опытъ. «Въ ней все ложно, все натянуто, все мелодрама». Однако, мы наслаждаемся этимъ «опытомъ», трогаемся этой мелодрамой. Прелесть стиховъ Пушкина насъ покоряетъ, хотя и находимъ нѣчто общее съ «Шильонскимъ узникомъ» Байрона, въ это же время переведеннымъ Жуковскимъ.

«Цыганъ» Бѣлинскій справедливо считаетъ совершеннѣйшей изъ поэмъ Пушкина. «Въ «Русланѣ и Людмилѣ»,—говоритъ онъ,—Пушкинъ является даровитымъ и шаловливымъ ученикомъ, который во время класса, украдкой отъ учителя, чертитъ затѣйливыя арабески, плоды его причудливой и рѣзвой фантазіи; въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ» и «Бахчисарайскомъ фонтанѣ» это—молодой поэтъ, еще неопытными пальцами пробующій извлекать изъ музыкальнаго инструмента самобытные звуки, плоды первыхъ, горячихъ вдохновеній; но въ «Цыганахъ» онъ — уже художникъ, глубоко вглядывающійся въ жизнь и мощно владѣющій своимъ талантомъ». Идея «Цыганъ» вся сосредоточена въ героѣ этой поэмы—Алеко.

Желая создать апофеозъ Алеко, какъ борца противъ «неволи душныхъ городовъ», протестанта противъ лживой цивилизаціи, поэтъ въ сущности написалъ ѣдкую сатиру на него и на подобныхъ ему людей, изрекъ надъ нимъ судъ неумолимо трагическій и вмѣстѣ съ тѣмъ горько ироническій. Въ отвѣтъ на простодушный, трогательный и поэтическій разсказъ стараго цыгана о Маріулѣ, Алеко вдругъ проявляетъ всю утонченную кровожадность своей природы:

Да какъ же ты не поспѣшилъ
Тотчасъ во слѣдъ неблагодарной,
И хищнику, и ей, коварной,
Кинжала въ сердце не вонзилъ?

Итакъ, вотъ онъ — страдалецъ за униженное человѣческое достоинство,—человѣкъ, который презрѣлъ предразсудки образованной общественности и нашелъ счастье въ цыганскомъ таборѣ!.. Турокъ въ душѣ, онъ считалъ себя впереди цѣлой Европы на пути къ цивилизованному уваженію правъ личности!.. И какъ великъ, какъ истинно (т. е. внутренно, духовно) свободенъ передъ нимъ старый цыганъ, этотъ сынъ природы, бѣдности, не знающій въ простотѣ сердца никакихъ теорій нравственности? Сколько поэзіи и истины въ его кроткомъ, благодушномъ отвѣтѣ Алеко:

Къ чему? вольнѣе птицы младость.
Кто въ силахъ удержать любовь?
Чредою всѣмъ дается радость:
Что было, то не будетъ вновь!

Алеко отвѣчаетъ какъ истый «собственникъ»:

Я не таковъ. Нѣтъ, я, не споря,
Отъ правъ моихъ не откажусь:
Или хоть мщеньемъ наслажусь.

Старый цыганъ— «одно изъ такихъ лицъ, созданіемъ которыхъ можетъ гордиться всякая литература». Въ сценѣ похоронъ и прощанія съ Алеко онъ является, самъ того не подозрѣвая, въ своей цыганской дикости, въ истинно трагическомъ величіи и кротко изрекаетъ несчастному ужасный приговоръ:

Оставь насъ, гордый человѣкъ!
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ.
Мы не терзаемъ, не казнимъ.
Не нужно крови намъ и стоновъ,
Но жить съ убійцей не хотимъ.
Ты не рожденъ для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли...

Въ «Цыганахъ» заканчивается первое, юношеское исканіе свободы, которая составляетъ смыслъ и душу поэзіи Пушкина. Внѣшнее пониманіе свободы смѣняется болѣе высокимъ. Пушкинъ провозглашаетъ, что свобода независима отъ внѣшнихъ формъ быта. Гнетъ и неволю Алеко носитъ съ собою. Онъ — «смѣлъ и золъ», онъ не хочетъ отказаться отъ своихъ воображаемыхъ правъ, а при нарушеніи ихъ — мститъ. Ему нужны законы, договоры, права, охраненные бичами и топорами, чтобы держать около себя въ неволѣ Земфиру. Въ степи, въ таборѣ цыганъ не оказалось судьи и пристава, который возвратилъ бы ему «собственность» его. Онъ самъ разыгралъ роль судьи, тюремщика и пристава...

«Полтава» и «Графъ Нулинъ» представляютъ уже новую полосу въ творчествѣ Пушкина—объективно—эпическую.

Бѣлинскій находитъ недостатокъ въ планѣ «Полтавы» и объясняетъ его желаніемъ поэта написать эпическую поэму.

«Въ поэмѣ, состоящей изъ трехъ пѣсенъ, полтавская битва, равно какъ и герой ея—Петръ Великій, являются только въ послѣдней (третьей) пѣснѣ; тогда какъ двѣ заняты любовью Мазепы къ Маріи и его отношеніями къ ея родственникамъ. Поэтому полтавская битва составляетъ какъ бы эпизодъ изъ любовной исторіи Мазепы и ея развязку: этимъ явно унижается высокость (?) такого предмета, и эпическая поэма уничтожается (?) сама собой! А между тѣмъ эта поэма носитъ названіе «Полтавы»; слѣдовательно, ея героемъ, ея мыслью должна бы быть полтавская битва, ибо названіе поэтическаго произведенія всегда важно (?), потому что оно всегда указываетъ или на главное изъ его дѣйствующихъ лицъ, въ которыхъ воплощается мысль сочиненія, или прямо на эту мысль!» Здѣсь Бѣлинскій становится на чисто

формальную точку зрѣнія, и самъ не замѣчаетъ, что судитъ «Полтаву» съ точки зрѣнія теоріи эпическихъ «поэмъ». Но Пушкинъ есть Пушкинъ и «Полтава» есть «Полтава». Поэму надо брать такою, какъ она есть, какъ зародилась и вылилась съ непостижимой быстротой изъ души геніальнаго поэта. Не теорію надо подводить подъ поэму, а самую поэму брать исходной точкой теоріи.

Обращаясь къ отдѣльнымъ красотамъ «Полтавы», Бѣлинскій признается, что не знаетъ, на чемъ остановиться — такъ много ихъ. Почти каждое мѣсто, отдѣльно взятое на удачу изъ этой поэмы, есть образецъ высокаго художественнаго мастерства. Картина полтавской битвы начертана кистью широкой и смѣлой; она исполнена жизни и движенія: живописецъ могъ бы писать съ нея, какъ съ натуры. Но явленіе Петра въ этой картинѣ, изображенное огненными красками, поражаетъ читателя, говоря собственными словами Пушкина, быстрымъ холодомъ вдохновенія, подымающимъ волосы на головѣ,—производитъ на него такое впечатлѣніе, какъ будто бы онъ видитъ передъ глазами совершеніе какого нибудь таинства; какъ будто бы нѣкій богъ, въ лучахъ нестерпимой для взоровъ смертнаго славы, проходитъ передъ нимъ, окруженный громами и молніями...

Въ заключеніе своего разбора Бѣлинскій опять становится на узкую, формальную точку зрѣнія «единства плана»: «Лишенная единства и мысли плана, а потому недостаточная и слабая въ цѣломъ, поэма эта есть великое произведеніе по ея частностямъ. Она заключаетъ въ себѣ нѣсколько поэмъ, и потому самому не составляетъ одной поэмы. Богатство ея содержанія не могло высказаться въ одномъ сочиненіи, и она распалась (?) отъ тяжести этого богатства. Третья пѣснь ея сама по себѣ есть нѣчто особенное, отдѣльная поэма въ эпическомъ родѣ».

«Графъ Нулинъ», по опредѣленію Бѣлинскаго, — не болѣе, какъ сатирическій очеркъ одной стороны современнаго Пушкину общества, но очеркъ, сдѣланный рукой въ высшей степени художественной. Въ этой повѣсти все такъ и дышетъ русской природой, сѣренькими красками русскаго деревенскаго быта. Здѣсь цѣлый рядъ картинъ въ фламандскомъ вкусѣ,—и ни одна изъ нихъ не уступитъ въ достоинствѣ любому изъ тѣхъ произведеній фламандской живописи, которыя такъ высоко цѣнятся знатоками. Эта поэма, которая могла бы составить главный капиталъ извѣстности для иного поэта, у Пушкина есть только роскошь, избытокъ, который тратится безъ вниманія и безъ сожалѣнія. Говорить-ли, что вся поэма исполнена ума, остроумія, легкости, граціи, тонкой ироніи, благороднаго тона, знанія дѣйствительности, написана стихами въ высшей степени превосходными? Пушкинъ иначе и не умѣлъ писать, — а «Графъ Нулинъ» есть одно изъ удачнѣйшихъ произведеній.

«Онѣгинъ» есть самое задушевное произведеніе Пушкина, самое люби-

мое дитя его фантазіи, и можно указать слишкомъ на немногія творенія, въ которыхъ личность поэта отразилась бы съ такой полнотой, свѣтло и ясно, какъ отразилась въ «Онѣгинѣ» личность Пушкина. Здѣсь вся жизнь, вся душа, вся любовь его; здѣсь его чувства, понятія, идеалы. Оцѣнить такое произведеніе значитъ—оцѣнить самого поэта во всемъ объемѣ его творческой дѣятельности. Не говоря уже объ эстетическомъ достоинствѣ «Онѣгина», эта поэма имѣетъ для насъ, русскихъ, огромное историческое и общественное значеніе.

Вмѣстѣ съ современнымъ ему геніальнымъ твореніемъ Грибоѣдова, — «Горе отъ ума», стихотворный романъ Пушкина, какъ національно-художественное произведеніе и картина русскаго быта, положилъ прочное основаніе новой русской поэзіи, новой русской литературы. Вся Россія отразилась въ этой гигантской картинѣ цѣликомъ. Ее превосходитъ художественнымъ объемомъ только эпопея гр. Толстого: «Война и міръ».

§ 3. Пушкинъ былъ литературнымъ Петромъ Великимъ. Къ нему можно приложить слова Неплюева о Петрѣ, слегка только ихъ измѣнивъ: «На что въ русской литературѣ ни взгляни, — все его началомъ имѣетъ, и что бы впредь ни писалось, отъ сего источника черпать будутъ».

«Пушкинъ не былъ вовсе философомъ, — говоритъ одинъ современный критикъ, — у Пушкина не было одного цѣльнаго во всю жизнь міросозерцанія, убѣжденія его мѣнялись, они чередовались». Кто носитъ въ себѣ великую идею, тотъ истинный мудрецъ-философъ. Высота его духа въ уровень съ возвышенностью той идеи, которой живетъ онъ. Идея свободы, самая свобода—вотъ живой центръ міросозерцанія Пушкина, вотъ существо его духа. Воплощалась она не въ разсужденіяхъ, а въ живомъ его творчествѣ. Образъ свободы виталъ предъ очами поэта, но онъ мѣнялся во внѣшнемъ своемъ очеркѣ:

О, дружба, нѣжный утѣшитель
Болѣзненной души моей!
Ты умолила непогоду,
Ты сердцу возвратила миръ,
Ты сохранила мнѣ свободу—
Кипящей младости кумиръ!—

говоритъ юный Пушкинъ въ эпилогѣ «Руслана».

Но скоро онъ сочеталъ «свободу» съ «терпѣньемъ»:

Сердце укрѣпивъ свободой и терпѣньемъ,
Я ждалъ безпечно лучшихъ дней...

Въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» находимъ такое восторженное обращеніе:

Свободу! онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ,

Страстями сердце погубя,
Охолодѣвъ къ мечтамъ и лирѣ,
Съ волненьемъ пѣсни онъ внималъ,
Одушевленныя тобою,
И съ вѣрой, пламенной мольбою
Твой гордый идолъ обнималъ.

Но когда устами стараго цыгана онъ произноситъ приговоръ Алеку, пришедшему искать удовлетворенія въ «бродящей бѣдности»:

Ты не рожденъ для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли,

несомнѣнно, понятіе свободы вступило уже у Пушкина въ болѣе высокія воплощенія.

Скоро Пушкинъ, вложившій въ уста Рогдая такія казенно-радикальныя слова:

Являлся я въ домахъ, на стогнахъ и на вѣчѣ;
Вражду къ правительству я зрѣлъ на каждой встрѣчѣ,

разувѣрился въ томъ, будто бы «народъ нетерпѣливый, старинной вольности питомецъ горделивый, съ досадою влачитъ позорный свой яремъ». Это разочарованіе вырвало горькія строки:

Паситесь, мирные народы!
Васъ не пробудитъ чести кличъ,
Зачѣмъ стадамъ дары свободы?
Ихъ нужно рѣзать или стричь.
Наслѣдство ихъ, изъ рода въ роды,
Ярмо съ гремушками и бичъ.

Если, съ одной стороны, Пушкинъ видѣлъ воплощеніе свободы въ сильныхъ личностяхъ — герояхъ; если Петръ, Наполеонъ, даже «гнѣвъ вѣнчанный» Иванъ IV, если «кромѣшникъ молодой», промчавшійся на конѣ подъ трупомъ повѣшеннаго, опричникъ, который topчетъ «лихихъ измѣнниковъ царя», если самый Пугачевъ привлекаетъ его какъ проявленіе своеволія, удали, бунта; если онъ находитъ упоеніе «въ бою и бездны мрачной на краю, и въ разъяренномъ океанѣ, и въ аравійскомъ ураганѣ, и въ дуновеніи чумы»; если по его словамъ:

Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья —
Безсмертья можетъ быть залогъ!

Если всѣ эти проявленія стихійной, бунтующей вольности находятъ откликъ въ его поэзіи, — то, съ другой стороны, и подвижническая свобода христіанскаго самоотверженія понятна ему (Галубъ, Пименъ, «Отцы-пустынники и жены непорочны»). Единое начало проницаетъ все творчество Пуш-

кина. Единый элементъ наполнялъ его духъ. Пушкинъ—это свобода. И вездѣ, гдѣ только есть свобода—тамъ и Пушкинъ. Муза Пушкина чудымъ образомъ умѣла все претворять въ свободу. Доктринеръ, для котораго свобода находится въ либеральной прописи, не пойметъ широты Пушкина. Но Пушкинъ — это свобода русскаго народа. Это та всеобъемлемость свободы, которую нельзя заточить, такъ какъ она остается собою и въ казематѣ, и на плахѣ, всюду и всегда. Поэзія Пушкина — сплошной гимнъ свободы. Это—великая хартія вольности, освободившая геній русскаго народа отъ ига подражательности. Поэзія эта — показатель той свободы, которую можетъ вмѣстить русскій духъ, которой онъ можетъ удовлетвориться.

§ 4. Обозрѣніе громады лирическихъ произведеній, данныхъ геніальнымъ поэтомъ въ двадцатыхъ годахъ, много облегчается благодаря раздѣленію по тѣмъ естественнымъ періодамъ, на которое распадается все десятилѣтіе по «мѣстамъ жительства» Пушкина.

Первый періодъ: 1820—1824. Ссылка на югъ. (Кавказъ, Крымъ, Одесса).

Второй періодъ: 1824—1826. Жизнь въ Михайловскомъ.

Третій періодъ: 1826—1829. Москва и Петербургъ.

Четвертый періодъ: 1829 г. Путешествіе въ Арзерумъ.

Пушкинъ былъ удаленъ изъ Петербурга въ 1820 году. Проживъ недѣли двѣ въ Екатеринославѣ, онъ съ семьей Раевскаго уѣхалъ на Кавказъ, затѣмъ моремъ на южный берегъ Крыма, въ Гурзуфъ. Въ слѣдующемъ году онъ посѣтилъ Аккерманскія степи, Овидіополь, кочевья цыганъ. Затѣмъ до 30 іюля 1824 г. Пушкинъ жилъ въ Одессѣ. Проказы его здѣсь привели къ тому, что ему назначено было «мѣстомъ жительства» сельцо Михайловское, куда онъ и отправился. Въ означенный періодъ въ поэзіи Пушкина отразился югъ, Кавказъ, Крымъ. Въ Гурзуфѣ онъ принялся за чтеніе Байрона въ подлинникѣ. Этимъ опредѣляются тогдашнія собственно литературныя настроенія Пушкина.

Русскіе литературные кружки начинаютъ знакомиться съ Байрономъ въ 1819—1820 годахъ. А. И. Тургеневъ въ письмахъ къ И. И. Дмитріеву сообщаетъ полученное отъ Батюшкова извѣстіе объ успѣхахъ байронизма въ Италіи и о томъ, что «Жуковскій дремлетъ подъ Байрономъ, а кн. Вяземскій на Вислѣ бредитъ о Байронѣ». Еще въ 1819 году Батюшковъ превосходно перевелъ полторы строфы изъ «Чайльдъ-Гарольда» (Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ...) Вскорѣ Байронъ овладѣлъ всѣми поэтами. Пушкинъ, однако, лишь слегка подчинился ему. Первые признаки байронизма замѣтны въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ», потомъ—въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ» и «Братьяхъ Разбойникахъ»; но уже въ «Цыганахъ» онъ обличаетъ внутренюю фальшь байронизма, а въ «Евгеніи Онѣгинѣ» его осмѣиваетъ. Взглядъ Пушкина на французскую литературу и ея вліяніе на писателей ка-

рамзинской эпохи выраженъ имъ совершенно опредѣленно: «Ничтожество общее; французская обмельчавшая словесность invahit tout; знаменитые писатели не имѣютъ ни одного послѣдователя въ Россіи, но бездарные писаки, грибы, выросшіе у корней дубовъ... овладѣваютъ русскою словесностью». «Французская словесность родилась въ передней и далѣе гостиной не доходила», — сказалъ Пушкинъ позднѣе. Исключеніе онъ дѣлалъ для Андре Шенье.

«Андре Шенье», записалъ Пушкинъ въ своихъ замѣткахъ при чтеніи книгъ (1825), — «поэтъ напитанный древностію, но его даже недостатки проистекаютъ отъ желанія дать французскому языку формы греческаго стихосложенія».

«Интересъ къ классическому міру, говоритъ г. Поливановъ, соединился у Пушкина съ изученіемъ Овидія, съ судьбою котораго онъ любилъ сближать свою судьбу. Онъ изучалъ его произведенія... въ подлинникѣ и посвятилъ его памяти одно изъ любимыхъ своихъ стихотвореній («Къ Овидію»). Такъ многообразна и плодотворна была жизнь Пушкина 1820 — 1824 годовъ. Здѣсь начато было и его капитальное произведеніе «Евгеній Онѣгинъ», во 2-й главѣ котораго онъ вышелъ на вполнѣ самобытную дорогу. Здѣсь, на югѣ, созрѣлъ талантъ Пушкина, который здѣсь отъ дѣтской радости при видѣ напечатанной первой поэмы, ея виньетки и переплета, быстро возмужалъ до того чувства удовлетворенія, которое звучитъ въ заключеніи II-й главы «Онѣгина»: «И чье-нибудь онъ сердце тронетъ; и сохраненная судьбой, быть можетъ, въ летѣ не потонетъ строфа,—слагаемая мной; быть можетъ — лестная надежда — укажетъ будущій невѣжда на мой прославленный портретъ и молвитъ: то-то былъ поэтъ!..» Пушкинъ, отправляясь въ Михайловское, везъ съ собою уже начало III-й главы «Онѣгина».

Въ разсматриваемый періодъ лирика Пушкина выразилась въ элегіяхъ («Погасло дневное свѣтило», «Умолкну скоро я...», «Ночь», «Птичка», «Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный», «Къ морю» и др.), антологическихъ пьесахъ («Нереида», «Виноградъ», «Земля и море», «Кто видѣлъ край...», «Муза», «Наперстница волшебной старины», «Примѣты»), посланія «Чаадаеву» и «Къ Овидію», и нѣсколько пьесъ исключительной значительности: «Наполеонъ», «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ», «Телѣга жизни», «Демонъ». Не упоминаемъ о мелкихъ альбомныхъ пьесахъ. Этотъ уголокъ лирики Пушкина, какъ видимъ, является уже цѣлымъ міромъ, подробное изученіе котораго потребовало бы многихъ и многихъ страницъ.

Лирическія стихотворенія двухлѣтняго періода жизни поэта въ Михайловскомъ (1824 — 1826) пріобрѣтаютъ, сравнительно съ произведеніями предыдущаго періода, характеръ болѣе серьезный, спокойный и величавый. Вполнѣ освободившись при созданіи «Цыганъ» (оконченныхъ въ Михайловскомъ) отъ той доли вліянія Байрона, которое кратковременно коснулось

творчества Пушкина на югѣ, онъ обращается къ воспроизведенію русской жизни, изучаетъ русскую старину, Карамзина, читаетъ хроники Шекспира, библію, Коранъ, Тацита. Въ сообществѣ няни и немногихъ близкихъ сосѣдей прожилъ это время поэтъ.

Тутъ написаны поэтомъ такія пьесы, какъ «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ», исповѣданіе поэтической свободы, «Подражаніе Корану», «Узникъ», «Ты видѣлъ дѣву на скалѣ» и «Зимній вечеръ», элегіи — «Я помню чудное мгновенье», «Ты вянешь и молчишь», «Зимняя дорога», «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной»; наконецъ такія высокія созданія, какъ «19-е октября», первое стихотвореніе въ честь лицейской годовщины («Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ»), «Андрей Шенье» и «Пророкъ».

4 сентября 1826 г. Пушкинъ выѣхалъ въ Москву. Съ восторгомъ принятый здѣсь, онъ сближается съ профессорскимъ кружкомъ, увлекся мыслію участвовать въ журналѣ Погодина «Московскомъ Вѣстникѣ». Затѣмъ до поѣздки на Кавказъ въ 1829 г. время его дѣлится между Москвой, Петербургомъ и Михайловскимъ.

Въ этотъ трехлѣтній періодъ Пушкинъ далъ произведенія, проникнутыя глубочайшей скорбью, примиреніемъ при созерцаніи красоты, сознаніемъ высшаго, богоизбраннаго назначенія поэта и презрѣнія къ «черни», ко всему влачащемуся въ прахѣ будничныхъ, своекорыстныхъ заботъ и чуждому небеснаго. Таковы «Стансы» («Въ надеждѣ славы и добра», «Нѣтъ я не льстецъ...»), «Ангелъ», «Соловей», «Три ключа» («Въ степи мірской, печальной и безбрежной...»), «Поэтъ», «Городъ пышный, городъ бѣдный», «Предчувствіе», «Чернь», «Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день...», «Даръ напрасный, даръ случайный», «Анчаръ»[416]).

Наконецъ въ этотъ-же періодъ написаны Пушкинымъ баллады: «Утопленникъ» и «Кромѣшникъ». Пушкинъ выѣхалъ изъ Москвы 1-го мая 1829 года въ Арзерумъ. Въ Арменіи встрѣтилъ онъ арбу, на которой везли изъ Персіи тѣло убитаго Грибоѣдова. Въ арміи Паскевичъ принялъ его радушно. Поэтъ въ штатскомъ платьѣ выѣзжалъ подъ непріятельскія пули

---

[416]) Мериме удивляется сжатости языка въ этомъ стихотвореніи и даетъ латинскій переводъ.

Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ:
И тотъ послушно въ путь потекъ
И къ утру возвратился съ ядомъ.
St vir virum —
Missit ad Antchar superbo vultu —
Et ille obedienter viam ingressus est —
Et rediit mane cum veneno.

О кавказскихъ стихотвореніяхъ этого періода Анненковъ говоритъ: «Это — замѣчательно свѣжія и вмѣстѣ яркія картины природы, составляющія драгоцѣнные перлы описательной поэзіи». Но этого мало, природа Кавказа на этотъ разъ вызвала особенно возвышенныя, глубокія настроенія въ поэтѣ, которыя идутъ постепенно повышаясь въ пьесахъ: «Донъ», «На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла», «Делибашъ», «Кавказъ», «Монастырь на Казбекѣ», «Обвалъ». Послѣднія два стихотворенія какъ бы дополняютъ другъ друга. Въ первомъ предъ нами, на неприступной высотѣ Кавказа «паритъ, чуть видный надъ горами» монастырь:

Далекій, вожделѣнный брегъ!
Туда-бъ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ!
Туда-бъ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!..

И затѣмъ какъ-бы духъ поэта обрывается и рушится внизъ съ обваломъ:

Оттоль сорвался разъ обвалъ
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ.

Изъ пьесъ 1829 г. замѣчательна грустно-пророческимъ характеромъ элегія «Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ» — образъ преслѣдующей поэта мысли о смерти. Пушкинъ, какъ бы съ цѣлію отмѣтить время написанія этой элегіи, выставилъ подъ ней подробную дату: 26 декабря 1829 года. С.-Петербургъ, 3 часа, 5 минутъ...

§ 5. «Пушкинъ былъ для всѣхъ поэтовъ, ему современныхъ, говоритъ Гоголь[417]), точно сброшенный съ неба поэтическій огонь, отъ котораго, какъ свѣчки, зажглись другіе самоцвѣтные поэты. Вокругъ него вдругъ образовалось цѣлое созвѣздіе: Дельвигъ, поэтъ-сибаритъ, который нѣжился всякимъ звукомъ своей почти Эллинской лиры и, не выпивая залпомъ всего напитка поэзіи, глоталъ его по каплѣ, какъ знатокъ винъ, присматриваясь къ цвѣту и обоняя самый запахъ; Козловъ, гармоническій поэтъ, отъ котораго раздались какіе-то дотолѣ неслыханные, музыкально-сердечные звуки; Баратынскій, строгій и сумрачный поэтъ, который показалъ такъ рано самобытное стремленіе мыслей къ міру внутреннему и сталъ уже заботиться о матеріальной отдѣлкѣ ихъ тогда, когда онѣ еще не вызрѣли въ немъ самомъ, темный и не развившійся, сталъ себя выказывать людямъ и сдѣлался

[417]) Выбранныя мѣста изъ переписки съ другими. Соч. изд. Кулиша. Т. 3-й. Спб. 1857 г. Стр. 454.

чрезъ то для всѣхъ чужимъ и никому не близкимъ. Всѣхъ этихъ поэтовъ возбудилъ на дѣятельность Пушкинъ; другихъ же просто создалъ. Я разумѣю здѣсь нашихъ такъ называемыхъ антологическихъ поэтовъ, которые произвели понемногу; но если изъ этихъ немногихъ душистыхъ цвѣтковъ сдѣлать выборъ, то выйдетъ книга, подъ которою подпишетъ свое имя лучшій поэтъ. Стоитъ назвать обоихъ Туманскихъ».

«Даже прежніе поэты стали перестраивать ладъ лиръ своихъ. Извѣстный переводчикъ Иліады Гнѣдичъ, перелагатель псалмовъ Ѳ. Глинка, партизанъ—поэтъ Давыдовъ, наконецъ самъ Жуковскій, наставникъ и учитель Пушкина въ искусствѣ стихотворномъ, сталъ потомъ учиться самъ у своего ученика. Сдѣлались поэтами даже тѣ, которые не рождены были поэтами, которымъ готовилось поприще не менѣе высокое, судя по тѣмъ духовнымъ силамъ, какія они показали даже въ стихотворныхъ своихъ опытахъ, какъ-то: Веневитиновъ, такъ рано отъ насъ похищенный, и Хомяковъ». Всѣхъ соблазнила эта необыкновенная художественная обработка стихотворныхъ созданій, которую показалъ Пушкинъ. Позабывъ и общество, и всякія современныя связи съ нимъ человѣка, и всякія требованія земли своей, все жило въ какой-то поэтической элладѣ, повторяя стихи Пушкина:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

«Изъ поэтовъ времени Пушкина болѣе всѣхъ отличился Языковъ. Съ появленіемъ первыхъ стиховъ его, всѣмъ послышалась новая лира, разгулъ и буйство силъ, удаль всякаго выраженія, свѣтъ молодого восторга и языкъ, который въ такой силѣ, совершенствѣ и строгой подчиненности господину, еще не являлся дотолѣ ни въ комъ. Имя Языковъ пришлось ему не даромъ. Владѣетъ онъ языкомъ, какъ арабъ дикимъ конемъ своимъ, и еще какъ бы хвастается своею властію. Откуда ни начнетъ періодъ, съ головы-ли, съ хвоста, онъ выведетъ его картинно, заключитъ и замкнетъ такъ, что остановишься пораженный. Все, что выражаетъ силу молодости, не разслабленной, но могучей, полной будущаго, стало вдругъ предметомъ стиховъ его. Все, что вызываетъ въ юношѣ отвагу—море, волны, буря, пиры и сдвинутыя чаши, братскій союзъ на дѣло, твердая какъ кремень вѣра въ будущее, готовность ратовать за отчизну—выражается у него съ силою неестественною».

Нѣтъ, не Кастальскою водой
Ты воспоилъ свою Камену:
Пегасъ иную Ипокрену
Копытомъ вышибъ предъ тобой.

Она не хладной льется влагой,
Но пѣнится хмѣльною брагой,
Она разымчива, пьяна...

(Пушкинъ).

«Изъ поэтовъ времени Пушкина отдѣлился князь Вяземскій. Хотя онъ началъ писать гораздо прежде Пушкина, но такъ какъ его полное развитіе было при немъ, то упомянемъ его здѣсь,—продолжаетъ свою геніальную характеристику Гоголь,—въ князѣ Вяземскомъ—противуположность Языкову. Сколько въ томъ поражаетъ нищета мыслей, столько въ этомъ обиліе ихъ. Стихъ употребленъ у него, какъ первое попавшееся орудіе: никакой наружной отдѣлки его, никакого также сосредоточенія и округленія мысли, затѣмъ чтобы выставить ее читателю, какъ драгоцѣнность. Онъ не художникъ и не заботится обо всемъ этомъ. Его стихотворенія—импровизаціи, хотя для такихъ импровизацій, нужно имѣть слишкомъ много всякихъ даровъ и слишкомъ приготовленную голову. Въ немъ собралось обиліе необыкновенное всѣхъ качествъ: наглядка, наблюдательность, неожиданность выводовъ, чувство, умъ, остроуміе, веселость и даже грусть; каждое стихотвореніе его,—пестрый фараонъ всего вмѣстѣ. Онъ не поэтъ по призванію: судьба, надѣливши его всѣми дарами, дала ему какъ бы въ придачу талантъ поэта».

Гоголь такъ заканчиваетъ свою характеристику поэтовъ 20-хъ годовъ, первой пушкинской плеяды:

«Не знаю, въ какой другой литературѣ показали стихотворцы такое безконечное разнообразіе оттѣнковъ звука, чему отчасти, разумѣется, способствовалъ самъ поэтическій языкъ нашъ. У каждаго свой стихъ и свой особенный звонъ. Этотъ металлическій, бронзовый стихъ Державина, котораго до сихъ поръ не можетъ еще позабыть наше ухо; этотъ густой, какъ смола, или струя столѣтняго токая, стихъ Пушкина; этотъ сіяющій, праздничный стихъ Языкова, влетающій какъ лучъ въ душу, весь сотканный изъ свѣта; этотъ облитый ароматами полудня стихъ Батюшкова, сладостный какъ медъ горнаго ущелья; этотъ легкій, воздушный стихъ Жуковскаго, порхающій, какъ неясный звукъ эоловой арфы; этотъ тяжелый, какъ бы влачащійся по землѣ стихъ Вяземскаго, проникнутый подъ-часъ ѣдкою, щемящею русскою грустью; всѣ они, точно разнозвонные колокола, или безчисленные клавиши одного благозвучнаго органа, разнесли благозвучіе по русской землѣ».

§ 6. Къ началу двадцатыхъ годовъ (1821 г.) относится въ творчествѣ Жуковскаго капитальнѣйшій по объему переводный трудъ изъ Шиллера—романтическая трагедія «Орлеанская Дѣва» (Die Jungfrau von Orleans. Eine

romantische Tragödie), озаглавленная у переводчика: «Орлеанская дѣва. Драматическая поэма».

Начало пролога переведено почти буквально, размѣромъ подлинника, стихъ за стихомъ.

Разсматривая весь переводъ «Орлеанской дѣвы» въ его цѣлости, говоритъ г. Чешихинъ, убѣждаемся въ томъ, что именно этотъ трудъ отличается главнѣйшими достоинствами идеальнаго перевода, какъ художественнаго возсозданія пьесы на другомъ языкѣ. Въ отношеніи формы переводъ Жуковскаго прекрасенъ. Жуковскій придерживается стихотворныхъ размѣровъ подлинника, измѣняющихся нѣсколько разъ въ теченіе пьесы. Онъ, вообще, придерживается числа стиховъ и нарушаетъ это правило лишь по необходимости».

«Лирическія и драматическія мѣста пьесы удались Жуковскому болѣе, чѣмъ отвлеченныя разсужденія и афоризмы въ стихахъ, которыми испещрена пьеса Шиллера».

«Орлеанская Дѣва» составляетъ второй періодъ въ дѣятельности Жуковскаго, какъ переводчика Шиллера. Главнѣйшими достоинствами переводчика въ этомъ періодѣ, сравнительно съ первымъ, является его объективность, первый признакъ художественнаго роста».

Послѣ «Орлеанской дѣвы» переводы Жуковскаго изъ Шиллера на нѣсколько лѣтъ прекратились. Лишь въ 1828 г. Жуковскій перевелъ балладу «Торжество побѣдителей» (Das Siegesfests) точнымъ размѣромъ и съ сохраненіемъ часла стиховъ подлинника.

«Въ общемъ, баллада «Торжество побѣдителей», благодаря отдѣльнымъ геніальнымъ штрихамъ, можетъ вполнѣ замѣнить подлинникъ, благодаря тому обстоятельству, что въ третьемъ періодѣ переводческой дѣятельности Жуковскаго замѣчается развитіе новаго качества: проникновенія въ самую глубь авторской идеи. Не во всѣхъ произведеніяхъ этого періода сказывается въ одинаковой мѣрѣ это проникновеніе: въ нѣкоторыхъ переводахъ авторская идея передается далеко не со всѣми частностями и оттѣнками». Таковъ переводъ Баллады «Поликратовъ перстень» 1829 г.[418]).

«Во всѣхъ лучшихъ переводахъ Жуковскаго замѣчаются слѣдующія достоинства: дословность въ передачѣ мысли автора, точное воспроизведеніе стихотворной формы подлинника, и самоограниченіе въ смыслѣ безграничнаго уваженія къ подлиннику. Мастерское знаніе родного языка обусловило еще одно, едва ли не самое цѣнное для всякаго переводчика достоинство: легкость и изящество слога и стиха—виртуозность, производящую впечатлѣніе вполнѣ самостоятельнаго, вдохновеннаго и непринужденнаго творчества, импровизаціи».

---

418) Чешихинъ. Стр. 145.

Въ томъ же 1821 г., когда явилась «Орлеанская Дѣва», Жуковскій далъ переводы повѣсти Томаса Мура «Пери и Ангелъ» и «Шильонскаго узника» Байрона [419]). На фактурѣ ямбовъ, особенно послѣдней поэмы, видно вліяніе «ученика» Пушкина на «учителя». Но въ свою очередь вліяніе Байрона отразилось на «Разбойникахъ» Пушкина и сцены мученій въ тюрьмѣ узниковъ въ обѣихъ поэмахъ близки по настроенію. Одновременно Жуковскій выразилъ всю сущность своего романтическаго настроенія, въ его неопредѣленныхъ порывахъ къ неуловимому и невѣдомому въ пьесахъ «Лолла Рукъ», «Явленіе поэзіи въ видѣ Лолла Рукъ» (1821 г.), «Привидѣніе» и «Таинственный посѣтитель» (1822 г.): «Ахъ! не съ нами обитаетъ, говоритъ поэтъ, геній чистой красоты: лишь порой онъ навѣщаетъ насъ съ небесной высоты; онъ поспѣшенъ, какъ мечтанье, какъ воздушный утра сонъ; но въ святомъ воспоминаньѣ, неразлученъ съ сердцемъ онъ. Онъ лишь въ чистыя мгновенья бытія бываетъ къ намъ. И приноситъ откровенья, благотворныя сердцамъ; чтобъ о небѣ сердце знало въ темной области земной, намъ туда сквозь покрывало онъ даетъ взглянуть порой» (Лолла Рукъ). Къ этимъ стихамъ Жуковскій дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе, выражающее его взглядъ на прекрасное:

«Руссо говоритъ: il n'y a de beau, que ce qui n'est pas: прекрасно только то, чего нѣтъ; это не значитъ только то, что не существуетъ. Прекрасное существуетъ, но его нѣтъ, ибо оно является намъ только минутами, для того единственно, чтобы намъ сказаться, оживить насъ, возвысить нашу душу — но его ни удержать, ни разглядѣть, ни постигнуть мы не можемъ; ему нѣтъ ни имени, ни образа; оно ощутительно и непонятно; оно посѣщаетъ насъ въ лучшія минуты нашей жизни... Почти всегда соединяется съ нимъ грусть, но грусть, не лишающая бодрости, а животворная и сладкая, какое-то смутное стремленіе: это происходитъ отъ его скоротечности, отъ его невыразимости, отъ его необъятности—прекрасно только то, чего нѣтъ» [420]).

Въ «Явленіи поэзіи» Жуковскій даетъ болѣе опредѣленный образъ, во-

---

[419]) «Странное дѣло! —нашъ русскій пѣвецъ тихой скорби и унылаго страданія обрѣлъ въ душѣ своей крѣпкое и могучее слово для выраженія страшныхъ подземныхъ мукъ отчаянія, начертанныхъ молніеносной кистью титаническаго поэта Англіи! «Шильонскій Узникъ» Байрона переданъ Жуковскимъ на русскій языкъ стихами, отзывающимися въ сердцѣ, какъ ударъ топора, отдѣляющій отъ туловища невинно-осужденную голову. Здѣсь въ первый разъ крѣпость и мощь русскаго языка явилась въ колоссальномъ видѣ и до Лермонтова болѣе не являлась. Каждый стихъ въ переводѣ «Шильонскаго Узника» дышетъ страшной энергіей, и надо совершенно потеряться, чтобъ выписать лучшее изъ этого перевода, гдѣ каждая страница есть равно лучшая». (Бѣлинскій).

[420]) Соч. Изд. 8-е. Ефремова. 1885 г. 2-й. Стр. 337 и 338.

площеніе прекраснаго, но все же въ нѣжномъ, едва уловимомъ абрисѣ, какъ призракъ красавицы, сложившійся изъ серебристаго облака на прозрачной лазури, насыщенной свѣтомъ, утопающій въ ней и пронизанный бездною голубого свѣта: «Къ востоку я стремлюсь душою; прелестная впервые тамъ явилась въ блескѣ надъ землею обрадованнымъ небесамъ. Какъ утро юнаго творенья, она плѣнительна пришла, и первый пламень вдохновенья струнами первыми зажгла. Вездѣ любовь ее встрѣчаетъ; цвѣтетъ ей каждая страна; повсюду милый сохраняетъ обычай родины она». «Она плѣняла красотою, своей не зная красоты», «ея бытіе—сама гармонія», она, «разрѣшая душу», манила ее въ рай...

При ней всѣ мысли наши—пѣнье!
И каждый звукъ ея рѣчей,
Улыбка устъ, лица движенье,
Дыханье, взглядъ—все пѣсня въ ней.

Это—Муза предъутренней русской поэзіи, предпушкинской поэзіи.

Тотъ же образъ, но съ большей прелестью и граціей находимъ въ пьесѣ—«Привидѣніе»:

Въ тѣни деревъ, при звукѣ струнъ, въ сіяньѣ
Вечернихъ гаснущихъ лучей,
Какъ первыя любви очарованье,
Какъ прелесть первыхъ юныхъ дней—
Явилася она передо мною
Въ одеждѣ бѣлой, какъ туманъ;
Воздушною лазурной пеленою
Былъ окруженъ воздушный станъ;
Таинственно она ее свивала
И развивала надъ собой;
То, снявъ ее, открытая стояла
Съ темно-кудрявой головой;
То, вдругъ, всю ткань чудесно распустивши,
Какъ призракъ исчезала въ ней;
То, перстъ къ устамъ и голову склонивши,
Огнемъ задумчивыхъ очей
Задумчивость на сердце наводила.
Вдругъ... покрывало подняла...
Трикраты имъ куда-то поманила...
И скрылася... какъ не была!
Вотще продлить хотѣлось упоенье...
Не возвратилася она;
Лишь грустію по миломъ привидѣньѣ
Душа осталася полна.

Лучше всякихъ разсужденій выясняетъ разницу между полувоплощенной Музой Жуковскаго и его школы и чудотворной, полножизненной поэзіей

Пушкина сопоставленіе цитированныхъ пьесъ съ пушкинскимъ стихотвореніемъ:

Наперстница волшебной старины,
Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ—
Тебя я зналъ во дни моей весны,
Во дни утѣхъ и сновъ первоначальныхъ!
Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
Являлась ты веселою старушкой,
И надо мной сидѣла въ шушунѣ,
Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремушкой.
Ты, дѣтскую качая колыбель,
Мой юный слухъ напѣвами плѣнила,
И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожила!
Младенчество прошло, какъ легкій сонъ;
Ты отрока безпечнаго любила—
Средь важныхъ Музъ тебя лишь помнилъ онъ,
И ты его тихонько посѣтила.
Но тотъ ли былъ твой образъ, твой уборъ?
Какъ мило ты, какъ быстро измѣнилась!
Какимъ огнемъ улыбка оживилась!
Какимъ огнемъ блестнулъ привѣтный взоръ!
Покровъ, клубясь волною непослушной,
Чуть осѣнялъ твой станъ полувоздушный.
Вся въ локонахъ, обвитая вѣнкомъ,
Прелестная глава благоухала,
Грудь бѣлая, подъ желтымъ жемчугомъ,
Румянилась и тихо трепетала...

Въ двадцатыхъ годахъ Жуковскій далъ новый рядъ балладъ: «Три путника «(изъ Уланда), «Замокъ Смальгольмъ» (изъ Валтеръ-Скотта), «Побѣдитель» (изъ Уланда), Путешественникъ и поселянка» (изъ Гете), «Торжество Побѣдителей» (изъШиллера), «Алонзо» (изъ Уланда), «Поликратовъ перстень (изъ Шиллера), «Жалоба Цереры» (изъ Шиллера), «Доника» (изъ Саути), «Ленора» (изъ Бюргера), вторично переведенная поэтомъ, «Судъ Божій» (изъ Саути), «Кубокъ» (изъ Шиллера), «Перчатка» (изъ Шиллера), «Королева Урака» (изъ Саути), и «Покаяніе». Такое обиліе творчества указываетъ на чрезвычайную мощь генія Жуковскаго, громада твореній котораго конечно ставитъ его среди нашихъ великихъ поэтовъ. Особенно характерна для направленія поэта баллада «Алонзо». Пѣвецъ Алонзо, возвратясь изъ Палестины, поетъ подъ окнами Изолины. Прохожій сообщаетъ ему, что Изолина въ гробу.

Какъ незапнымъ дуновеньемъ
Вѣтерокъ лампаду гаситъ,
Такъ угасъ въ одно мгновенье
Молодой пѣвецъ отъ слова.

Но въ то же время, въ замкѣ поднялась изъ гроба Изолина:

И не зная, что съ ней было,
Какъ объятая видѣньемъ,
Изумленная спросила:
Не пропѣлъ ли здѣсь Алонзо?

«Такъ пропѣлъ онъ твой Алонзо! Но ему не пѣть ужъ болѣ: Пробудивъ тебя изъ гроба, самъ заснулъ онъ—и навѣки».

«Тамъ, въ странѣ преображенныхъ, ищетъ онъ свою земную, до него съ земли на небо улетѣвшую подругу...»

«Небеса кругомъ сіяютъ, безмятежны и прекрасны... и надеждой обольщенной, ихъ блаженства пролетая, кличетъ тамъ онъ: Изолина! и спокойно раздается: Изолина! Изолина! Тамъ въ блаженствахъ безконечныхъ».

Это нарушеніе всѣхъ условій вѣроятнаго, смерть и воскресеніе отъ единаго слова и единой пѣсни, эта картина блаженныхъ пустынь, родящихъ только безмятежный откликъ на требованіе земного чувства, эта простота и благоухающая прелесть наивности всего яснѣе показываютъ особенности того міра, въ которомъ грезила поэзія Жуковскаго.

Къ 20-мъ годамъ относятся также первые значительные переводы Жуковскаго гекзаметрами изъ Иліады и Энеиды. Картина разрушенія Трои передана съ поразительной мощью, хотя это еще не тотъ цвѣтущій, позднѣйшій его гекзаметръ, которому нѣтъ равнаго въ русской литературѣ.

§ 2. Въ 1822 году вышла идиллія Гнѣдича «Рыбаки»; въ 1825 г.— его «Новогреческія пѣсни», и наконецъ въ 1829 г. — подвигъ всей его жизни, переводъ «Иліады» Гомера. Въ «Рыбакахъ», написанныхъ въ стилѣ «подновленнаго» классицизма допушкинской эпохи, полно красоты гармоническое описаніе петербургской бѣлой ночи, первое, послѣ описаній полярныхъ ночей у Ломоносова, затѣмъ повторенное Пушкинымъ и другими поэтами и прозаиками. Гнѣдичу принадлежитъ честь открытія поэтической особенности этихъ ночей:

Вотъ вечеръ, но сумракъ за нимъ не слетаетъ на землю:
Вотъ ночь, и свѣтла синевою одѣтая дальность:
Безъ звѣздъ и безъ мѣсяца небо ночное сіяетъ,
И пурпуръ заката сливается съ златомъ востока,
Какъ-будто денница за вечеромъ слѣдомъ выводитъ
Румянное утро. Была то година златая,
Какъ лѣтніе дни похищаютъ владычество ночи,
Какъ взоръ иноземца на сѣверномъ небѣ плѣняетъ
Сліянье волшебное тѣни и сладкаго свѣта,
Какимъ никогда не украшено небо полудня;
Та ясность, подобная прелестямъ сѣверной дѣвы

Которой глаза голубые и алыя щеки
Едва отѣняются русыми локонъ волнами.
Тогда надъ Невой и надъ пышнымъ Петрополемъ видятъ
Безъ сумрака вечеръ и быстрыя ночи безъ тѣни.

«Иліаду» Гнѣдичъ началъ переводить александрійскимъ стихомъ—шестистопнымъ ямбомъ съ цезурой и рифмами.

«Давно чувствую невыгоды стиха Александрійскаго, писалъ еще въ 1813 году Гнѣдичъ въ отвѣтѣ своемъ на письмо Уварова,— для перевода древнихъ поэтовъ, весьма справедливо доказанныя въ письмѣ, которымъ вы меня почтили, и ясно видимыя изъ того уже, что 17 слоговъ гекзаметра вмѣстить въ 12 Александрійскаго стиха нѣтъ возможности, не лиша его или живописныхъ эпитетовъ, или силы, или вообще характера древней поэзіи, часто разрушаемаго малѣйшимъ измѣненіемъ оборота, необходимымъ для рифмы». (Иліада. Изд. 2-е. А. С. Суворина. Стр. XXIII).

«Русскій гекзаметръ существуетъ, какъ существовалъ прежде, нежели начали имъ писать,— говоритъ Гнѣдичъ въ предисловіи къ первому изданію своего перевода.— Того нельзя ввести въ языкъ, чего не дано ему природою... Кончивъ шесть пѣсенъ, я убѣдился опытомъ, что переводъ Гомера, какъ я его разумѣю, въ стихахъ александрійскихъ невозможенъ, по крайней мѣрѣ для меня; что остается для этого одинъ способъ, лучшій и вѣрнѣйшій—гекзаметръ... Я началъ испытывать, нѣтъ ли возможности произвесть русскимъ гекзаметромъ впечатлѣнія, какое получалъ я, читая греческій... Вотъ, что дало мнѣ смѣлость отвязать отъ позорнаго столба стихъ Гомера и Виргилія, прикованный къ нему Тредьяковскимъ». Когда еще въ десятыхъ годахъ, Гнѣдичъ рѣшился писать гекзаметры, началась полемика; старовѣры возстали на мысль Гнѣдича. Такъ не безъ боя гекзаметръ отвоевалъ себѣ должное мѣсто въ русской поэзіи. При этомъ Жуковскій и Дельвигъ помогли своими гекзаметрами Гнѣдичу. Но кромѣ стиха, Гнѣдичъ отказался отъ приспособленія Гомера къ ложно-классической теоріи, что было конечно важнымъ и смѣлымъ шагомъ впередъ. «Знаю, говоритъ переводчикъ, что для нашихъ читателей могъ быть несомнительнѣе вродѣ перевода вольнаго, какъ Попіевъ, или Чезоротти. Но почитатели древности не прощаютъ симъ великимъ поэтамъ, что они осмѣлились преобразить отца поэзіи, дабы сдѣлать его болѣе сообразнымъ съ требованіемъ и вкусомъ вѣка ихъ. Требованія перемѣнятся, вкусъ вѣка пройдетъ, между тѣмъ какъ многія тысячи лѣтъ Гомеръ не проходитъ. Это памятникъ древности, требующей отъ переводчика не новой Иліады, какъ Попіева, но, такъ сказать, слѣпка, который бы, сколько позволяетъ свойство языка, былъ подобенъ слѣпкамъ ваятельнымъ. А какой языкъ, если не нашъ, богатый, гибкій, прозодическій, обладаетъ драгоцѣннѣйшимъ свойствомъ, особенно для перевода съ греческаго, свободнымъ словорасположеніемъ, свой-

ствомъ, давшимъ и переводу славянской Библіи точность слѣпка». «Очень легко украсить, а лучше сказать, подкрасить стихъ Гомера краскою нашей палитры; но несравненно труднѣе сохранить его гомерическимъ, какъ онъ есть, ни хуже, ни лучше. Вотъ обязанность переводчика, и трудъ, кто его испыталъ, не легкій».

Гнѣдичъ, въ предисловіи упомянувъ о гекзаметрахъ Дельвига и Жуковскаго, пропустилъ опыты Мерзлякова.

«Честь торжественнаго введенія гекзаметра въ святилище русской словесности составляетъ одну изъ многочисленныхъ заслугъ почтеннаго профессора и поэта А. Ѳ. Мерзлякова, подарившаго насъ прекраснымъ переводомъ изъ Одиссеи и нѣкоторыми оригинальными стихотвореніями въ гексаметрахъ, задолго до появленія первыхъ отрывковъ изъ настоящаго преложенія Иліады»[421]).

Дѣйствительно, Гнѣдичъ далъ точнѣйшій «слѣпокъ» безсмертной эпопеи, но тѣмъ не менѣе, его переводъ является совершеннѣйшимъ твореніемъ именно до-пушкинской эпохи, хотя и вышелъ въ 1829 году. Это созданіе въ томъ же родѣ, какъ «Исторія Государства Россійскаго». Совершенное созданіе и памятникъ языка, но въ извѣстной стадіи его развитія. Не смотря на романтическій, элегическій тонъ многихъ мѣстъ въ передачѣ Гнѣдича, на высокое благородство каждой сцены, рѣчи, сравненія, каждаго стиха; не смотря на неисчерпаемую сокровищницу поэтическаго языка, какъ и «Исторія», все таки стихъ Гнѣдича носитъ что то слабосильное въ себѣ, старческій обликъ, безкровенъ и нѣтъ въ немъ того огня чудотворнаго, который явился только съ Пушкинымъ и почилъ на гекзаметрахъ «Одиссеи» Жуковскаго. Языкъ Гнѣдича состоитъ въ «искусномъ смѣшеніи» славянскихъ рѣченій съ обыденными и умѣло вставленными народными «низкими» словами. Онъ вполнѣ удовлетворяетъ идеалу Шишкова, умѣренному и гармонично развитому поэтами и прозаиками первыхъ двухъ десятилѣтій вѣка. Но въ силу этого, языкъ Гнѣдича представляетъ высокохудожественную мозаику, гдѣ все - же замѣтны швы и клѣтки отдѣльныхъ самоцвѣтовъ. «Иліада» не имѣла громкаго успѣха непосредственно послѣ выхода въ цѣломъ, именно потому, что явилась уже послѣ того, какъ слухъ и вкусъ русскаго читателя воспріялъ гармонію «Бахчисарайскаго Фонтана», «Евгенія Онѣгина» и лирики Пушкина. Гнѣдичъ завершалъ извѣстную эпоху, давъ все совершенство, которое ей было возможно въ извѣстномъ, ей только свойственномъ, стилѣ. Поэтому «Иліада» Гнѣдича въ стихахъ и «Исторія Государства Россійскаго» Карамзина въ прозѣ остаются памятниками, по которымъ мы должны изучать предъ-пушкинскую эпоху въ ея совершеннѣйшихъ созданіяхъ. Богатство и разнообразіе глагольныхъ формъ русскаго

---

421) Погодинъ. Москов. Вѣстникъ. 1830 г. № 3. Стр. 321. № 4. Стр. 372—408.

языка развернуто Гнѣдичемъ съ мастерствомъ высокаго артиста — мозаичиста.

Такъ, описывая неистовыя подвиги разъяреннаго Ахиллеса, переводчикъ сумѣлъ придать почти безконечное разнообразіе въ сущности очень однообразнымъ жестамъ героя, на пространствѣ 45 гекзаметровъ; Ахиллесъ— «убилъ, ударивши пикою въ выю»; «дротомъ вонзивъ, поразилъ и исторгъ душу»; «напалъ, сбилъ съ колесницы, пикой пронзивъ»; «ножъ погрузилъ въ печень»; «грянулъ въ ухо копьемъ»; «черепъ разнесъ пополамъ», «руку насквозь прохватилъ»; «пересѣкъ выю»; «голову съ шлемомъ потрясши повергъ, изъ костей позвоночныхъ выскочилъ мозгъ, обезглавленный трупъ по землѣ протянулся»; «въ плечи сіяющій дротикъ вбилъ»[422]). Итакъ, какъ въ Иліадѣ не мало подобныхъ описаній неистовой рѣзни, съ анатомически точными изображеніями кровавыхъ дѣйствій, то Гнѣдичъ знаніемъ русскихъ глагольныхъ формъ положительно спасаетъ Гомера, передаетъ дѣйствіе до ясновидѣнія картинно. И все же, архаизмъ школы, въ стилѣ которой пишетъ Гнѣдичъ, лишаетъ непринужденности и непреднамѣренности дѣйствія; предъ нами совершается строгій «чинъ» боевой рѣзни, торжественный и нѣсколько театральный.

Особенно характерна для мастерства Гнѣдича и всей до-пушкинской школы поэтовъ и прозаиковъ карамзинскаго періода передача имъ а) элегическихъ и романтическихъ мѣстъ въ Иліадѣ, затѣмъ б) всѣхъ описаній, полныхъ изящнаго сладострастія, в) картинъ природы въ сравненіяхъ и г) дидактическихъ мѣстъ, изреченій опыта и мудрости. Въ примѣръ перваго рода мѣстъ можно указать слова юнаго Главка въ VI пѣсни (ст. 145—149):

Сынъ благородный Тидея, по что вопрошаешь о родѣ?
Листьямъ въ дубравахъ подобны сыны человѣковъ:
Вѣтеръ одни по землѣ развѣваетъ, другіе дубрава,
Вновь расцвѣтая, рождаютъ и съ новой весной возрастаютъ:
Такъ человѣки: сіи нарождаются, тѣ погибаютъ...

Архаическіе обороты придаютъ старческую безцвѣтность этимъ благородно-задумчивымъ словамъ прекраснаго, сильнаго, цвѣтущаго юноши. Сравненіе Гомера было усвоено русской поэзіей и это еще ярче оттѣняетъ особенности передачи его Гнѣдичемъ:

Увы, на жизненныхъ браздахъ
Мгновенной жатвой, поколѣнья,
По тайной волѣ Провидѣнья,
Восходятъ, зрѣютъ и падутъ:
Другіе имъ во слѣдъ идутъ...

---

422) Пѣснь XX. Стр. 455—490.

Такъ наше вѣтренное племя
Растетъ, волнуется, кипитъ
И къ гробу прадѣдовъ тѣснитъ.

(Пушкинъ. XXXVIII строфа 2-й главы «Евгенія Онѣгина»).

Еще ближе къ Гомеру:

Взгляни на лавры вѣковые —
Ихъ листья, каждый въ свой чередъ,
Перемѣняются что годъ —
Одни спадутъ, взойдутъ другіе,
А лавръ все зеленъ, вѣчно свѣжъ,
И листья будутъ вѣчно тѣ-жъ...
Вотъ такъ и мы...

(Майковъ. Три смерти).

Мастерство Гнѣдича въ передачѣ романтическихъ мѣстъ Иліады тѣмъ не менѣе несравненно.

Такова рѣчь умирающаго Патрокла:

Дышущій томно, ему отвѣчалъ ты, Патроклъ благородный:
Славься теперь, величайся, о Гекторъ! Побѣду стяжалъ ты
Зевса и Феба поспѣшествомъ: боги меня побѣдили;
Имъ-то легко...
Слово послѣднее молвю, на сердцѣ его охраняй ты:
Жизнь и тебѣ остается недолгая; близко,
Близко стоитъ предъ тобою и смерть и суровая участь...»
Такъ говорящаго, смертный конецъ осѣняетъ Патрокла.
Тихо душа, излетѣвши изъ тѣла, нисходитъ къ Аиду,
Плачась на жребій печальный, бросая и крѣпость, и юность.

(Пѣснь XVI. Ст. 843—857).

Еще прекраснѣе слова Ахиллеса умоляющему о пощадѣ Ликаону:

Такъ, мой любезный, умри! И о чемъ ты столько рыдаешь?
Умеръ Патроклъ, несравненно тебя превосходнѣйшій смертный!
Видишь, каковъ я и самъ, и красивъ и величественъ видомъ.
Сынъ отца знаменитаго, матерь имѣю богиню!
Но и мнѣ на землѣ отъ могучей судьбы не избѣгнуть;
Смерть придетъ и ко мнѣ по утру, въ вечеру, или въ полдень,
Быстро...

(Пѣснь XXI. Ст. 106—111).

Такъ какъ этимъ мѣстомъ «Иліады» воспользовался Шиллеръ для діалога Іоанны съ юношей Монгомери, то мы можемъ сравнить передачу Гнѣдича съ переводомъ Жуковскаго, сохранившаго до извѣстной степени шиллеровскіе пектаметры:

Монгомери: И такъ погибнуть, смерть ужасную увидѣть?
Іоанна: Умри, другъ... и зачѣмъ такъ робко трепетать
Предъ смертію, предъ неизбѣжною?.. Смотри.
Кто я. Простая дѣва; бѣдною пастушкой
Родилась я; и мечъ былъ чуждъ моей рукѣ,
Привыкнувшей носить невинно—легкій посохъ...
Но вдругъ, отъятая отъ пажитей домашнихъ
Я здѣсь должна—на гибель вамъ, себѣ
Не въ радость, призракомъ карающимъ бродить,
Носить повсюду смерть, потомъ... быть жертвой смерти.

Бѣлинскій въ образецъ античнаго романтизма приводитъ явленіе Ахиллесу тѣни Патрокла:

...Жадныя руки любимца обнять распростеръ онъ.
Тщетно: душа Менетида, какъ облако дыма, сквозь землю
Съ воемъ ушла. И вскочилъ Ахиллесъ, пораженный видѣньемъ;
И руками всплеснулъ, и печальный такъ говорилъ онъ:
«Боги! такъ подлинно есть и въ Аидовомъ домѣ подземномъ
Духъ человѣка и образъ, но онъ совершенно безплотный!
Цѣлую ночь, я видѣлъ, душа несчастливца Патрокла
Все надо мною стояла, стенающій, плачущій призракъ...

(Пѣснь XXIII. Ст. 99—106).

Къ столь-же художественно переданнымъ романтическимъ мѣстамъ относятся: разговоръ Ахиллеса съ конемъ въ XIX пѣснѣ, скорбныя рѣчи Ѳетиды, матери Ахиллеса и особенно посѣщеніе старцемъ Пріамомъ ставки героя, убійцы Гектора:

Старецъ, никѣмъ не примѣченный, входитъ въ покой и. Пелиду
Въ ноги упавъ, обнимаетъ колѣна и руки цѣлуетъ—
Страшныя руки, дѣтей у него погубившія многихъ!

(Пѣснь XXIV. Ст. 477—479).

Эротическія и сладострастныя мѣста эпопеи переданы Гнѣдичемъ съ изящнымъ византизмомъ. Таково описаніе старцевъ на скейской башнѣ, «цикадамъ подобныхъ», видящихъ Елену (Пѣснь III): рѣчь Елены, обращенная къ Афродитѣ, призывающей ее къ Парису («Шествуй къ любимцу сама, отъ путей отрекися безсмертныхъ и, стопою твоей никогда не касаясь Олимпа, вѣчно при немъ изнывай и ласкай властелина...»); отвѣтъ Париса на упреки Елены (Пѣснь III); описаніе раненой Діомедомъ Афродиты («Діомедъ... у кисти ранилъ ей руку нѣжную: быстро копье сквозь покровъ благовонный, богинѣ тканный самими Харитами, кожу пронзило на длани возлѣ перстовъ; заструилась безсмертная кровь Афродиты, влага, какая струится у жителей неба счастливыхъ, ибо ни брашнъ не ядятъ, ни отъ гроздій вина не вкушаютъ; тѣмъ и безкровны они и безсмертными ихъ нарицаютъ... быстро

Ириса ее, поддержавъ, изъ полчищъ выводитъ въ омракѣ чувствъ отъ страданій; померкло прекрасное тѣло!»); но въ особенности описаніе омовенія, умащенія и одѣянія Геры, просьбу ее у Афродиты дать ей чаръ любви и супружескія ласки четы безсмертныхъ на горѣ Идѣ («Влагой она до малѣйшаго праха съ тѣла прелестнаго смывъ, умастилася масломъ чистѣйшимъ, сладкимъ небеснымъ, изящнѣйшимъ всѣхъ у нея благовоній: чуть сотрясали его въ мѣдностѣнномъ Кроніона домѣ, вдругъ до земли и до неба божественный духъ разливался; имъ умастивши прекрасное тѣло, власы расчесала, хитро сплела и сложила, и волны блистательныхъ кудрей, пышныхъ, небесно душистыхъ съ безсмертной главы ниспустила... Для очей восхитительнымъ тѣло украсивъ убранствомъ вышла изъ ложницы Гера и Зевсову дочь Афродиту вдаль отъ безсмертныхъ другихъ отозвала и ей говорила... «Дай мнѣ любви Афродита, дай мнѣ тѣхъ сладкихъ желаній, коими ты покоряешь сердца и безсмертныхъ и смертныхъ». ...(Киприда) разрѣшила на персяхъ, иглой испещренный, поясъ узорчатый: всѣ обоянія въ немъ заключались... Въ объятія сильныя Зевсъ заключаетъ супругу. Быстро подъ ними земля возрастила цвѣтущія травы, лотосъ росистый, сафранъ и цвѣты гіакинѳы густые, гибкіе, кои боговъ отъ земли высоко поднимали. Тамъ опочили они, и одѣлъ почивающихъ облакъ пышный, златой, изъ котораго свѣтлая капала влага)... (Пѣснь XIV).

Высокое, художественное совершенство передачи этихъ плѣнительныхъ картинъ быть можетъ даже выигрываетъ отъ налета архаизма и византійскаго филиграна словоизвитій, приданнаго имъ школой переводчика.

Картины природы въ сравненіяхъ, описанія утварей, зданій, сельскихъ сценъ. Таково сравненіе въ IV пѣсни: «На землю нечистую палъ онъ, какъ тополь, влажнаго луга питомецъ, при блатѣ великомъ возросшій, ровенъ и чистъ, на единой вершинѣ раскинувшій вѣтви, тополь, который избравъ колесничникъ, желѣзомъ блестящимъ ссѣкъ, чтобъ въ колеса его для прекрасной согнуть колесницы; въ прахѣ лежитъ онъ и сохнетъ на брегѣ родного потока,— юный таковъ Симоисій лежалъ...»

Интересно сопоставленіе этого сравненія съ Лермонтовскимъ въ «Пѣсни про купца Калашникова»:

...Ударилъ онъ супротивника
Прямо въ лѣвый високъ со всего плеча.
И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Застоналъ слегка, прянулъ на землю.
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ будто сосенка,
Будто сосенка во сыромъ бору
Подъ смолистый подъ корень подрубленная.

Передача бурныхъ движеній стихій въ сравненіяхъ мощной силы:

Волны морскія не столько свирѣпыя воютъ у брега,
Быстро гонимыя съ моря дыханіемъ бурнымъ Борея,
Огнь истребитель не столько шумитъ распыхавшись пожаромъ,
Если, по дебри гористой разлившися, лѣсъ пожираетъ,
Вѣтеръ не столько гремитъ по дубамъ высоко-волосымъ,
Если со всею свирѣпостью онъ завываетъ, бушуя,
Сколько гремѣлъ на побоищѣ голосъ Троянъ и Ахеянъ,
Кои съ неистовымъ воплемъ одни на другихъ устремлялись.

(Пѣснь XIV. Ст. 394—401).

Или: «Земля, отягченная бурями, черная стонетъ, въ мрачную осень, какъ быстрыя воды съ небесъ проливаетъ Зевсъ раздраженный, когда на преступныхъ людей негодуетъ». (Пѣснь XVI. Ст. 384—386). Высоко художественно описаніе пожара Ксанѳа: «Богъ на рѣку обратилъ разливающій зарево пламень. Вспыхнули окрестъ зеленыя ивы, мирики и вязы; вспыхнули влажныя трости, и лотосъ, и киперъ душистый, кои росли изобильно у Ксанѳовыхъ водъ свѣтлоструйныхъ; рыбы въ рѣкѣ затомились и тѣ по глубокимъ пучинамъ, тѣ по прозрачнымъ струямъ и сюда и туда заныряли, въ пламенномъ духѣ томясь многоумнаго Амфигіея. Вспыхнулъ и самый потокъ и, пылающій, такъ возопилъ онъ: «Нѣтъ, о Гефестъ, ни единый безсмертный тебя не осилитъ!..» Такъ говорилъ и горѣлъ; клокотали прекрасныя воды... Стала рѣка, протекать не могла, изнуренная знойной силою бога Гефеста». (Пѣснь XXI. Ст. 348—367).

Высокое, поэтическое дотоинство этихъ гекзаметровъ, во истину полныхъ «знойною силою», доказываетъ вліяніе Пушкина, несомнѣнно отразившееся въ послѣднихъ пѣсняхъ поэмы, первыя пѣсни которой гораздо суше и трактованы съ школьной принужденностью. Но торжество музы геніальнаго переводчика--описаніе въ XVIII пѣснѣ щита, сработаннаго Гефестомъ и сценъ городской и сельской жизни на немъ: «два града ясноречивыхъ народовъ»; «старцы градскіе, молча, на тесаныхъ камняхъ сидятъ»... «жатву жали наемники, острыми въ дланяхъ серпами сверкая; здѣсь полосой безпрерывною падаютъ горсти густые, тамъ перевязчики ихъ въ снопы перевязлами вяжутъ. Три перевязчика ходятъ за жнущими; сзади ихъ дѣти, горстая быстро колосья; одни за другими въ охапахъ вяжущимъ ихъ подаютъ. Властелинъ между ними, безмолвно, съ палицей въ длани, стоитъ на браздѣ и душей веселится... отягченный гроздіемъ, садъ виноградный, весь золотой, лишь однѣ виноградныя кисти чернѣлись, и стоялъ онъ на сребряныхъ, рядомъ вонзенныхъ, подпорахъ. Около сада и ровъ темносиній и бѣлую стѣну вывелъ изъ олова; къ саду одна пролегала тропина, коей носильщики ходятъ, когда виноградъ собираютъ. Тамъ и дѣвицы, и юноши, съ дѣтской веселостью сердца, сладостный плодъ носили въ прекрасно плетеныхъ корзинахъ. Въ кругѣ ихъ отрокъ прекрасный по звонкорокочущей

лирѣ сладко бряцалъ, припѣвая прекрасно подъ льняныя струны голосомъ нѣжнымъ, они-жъ вокругъ его, пляшучи стройно, съ пѣньемъ и съ крикомъ и съ топомъ ногъ хороводомъ несутся... Далѣе... въ тихой долинѣ прелестной, несчетныхъ овецъ среброрунныхъ стойла, подъ кровлей хлѣва и смиренныя пастырей кущи...»

Скульптурность этихъ гекзаметровъ изумительна! Высокое искусство здѣсь состоитъ въ томъ, что предъ нами проходятъ картины природы и быта, и въ то же время вы видите ихъ отлитыми, въ чеканѣ и лѣпкѣ, въ металлѣ на щитѣ! Стихъ достигъ уже животворной зрѣлости. И не мудрено, онъ зрѣлъ тридцать лѣтъ вмѣстѣ съ русской поэзіей и цѣлое десятилѣтіе набирался соковъ, аромата и красокъ подъ чудотворными лучами солнца пушкинской поэзіи.

Наконецъ, тѣ нравственныя апофегмы, которыя порою находимъ въ Иліадѣ, какъ выраженіе вещей мудрости, какъ бы голосъ самого старца Гомера, переданы Гнѣдичемъ съ античной простотой и силой:

Можно все пріобрѣсть, и воловъ и овецъ среброрунныхъ;
Можно стяжать и прекрасныхъ коней, и златые треноги,
Душу-жъ назадъ возвратить невозможно; души не стяжаешь,
Вновь не уловишь ее, какъ однажды изъ устъ улетѣла.

(Пѣснь IX).

...Храбрый не долженъ
Сердцемъ немилостивъ быть...

(Пѣснь IX).

Знаменье лучшее всѣхъ: за отечество храбро сражаться!

(Пѣснь XII).

...Изъ тварей, которыя дышать и ползають въ прахѣ,
Истинно въ цѣлой вселенной несчастнѣе нѣтъ человѣка.

(Пѣснь XVII).

О, да погибнетъ вражда отъ боговъ и отъ смертныхъ и съ нею
Гнѣвъ ненавистный, который и мудрыхъ въ неистовство вводитъ.
Онъ въ зарожденіи сладостней тихо струящагося меда,
Скоро въ груди человѣка, какъ пламенный дымъ, возрастаетъ!

(Пѣснь XVIII).

Гибокъ языкъ человѣка; рѣчей для него изобильно
Всякихъ; поле для словъ и сюда и туда безпредѣльно.
Что человѣку измолвишь, то отъ него и услышишь.

(Пѣснь XX).

Боги судили всесильные намъ человѣкомъ несчастнымъ
Жить на землѣ въ огорченіяхъ; боги одни безпечальны.

(Пѣснь XXIV).

Заключимъ. «Иліада» есть великое произведеніе, памятникъ языка въ стихахъ, какъ «Исторія государства Россійскаго» въ прозѣ, совершенное созданіе въ своемъ стилѣ, полное выраженіе опредѣленной школы и эпохи русской поэзіи, прогрѣтое въ своей значительной части, озаренное, просвѣтленное и напитанное огнемъ пушкинскихъ дней.

БИБЛІОГРАФІЯ: Ник. Ив. Гнѣдичъ (1784—1833). Въ 1817 г. поэма «Рожденіе Гомера» (отд. изд.). «Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ грековъ». 1825. Иліада въ 2 томахъ. 1829 г. (дальнѣйшія въ 1829, 1839, 1862 гг.). Собраніе стихотвореній. 1832 г. Сочиненія были изд. Смирдинымъ, вмѣстѣ съ Хемницеромъ въ 1854 г. Новое изданіе. Полное собраніе сочиненій, подъ редакц. Виленкина-Минскаго. 3 т. Спб. 1884. Библіографія у Геннади въ Справочномъ словарѣ. Въ статьѣ М. Н. Лонгинова: «Матеріалы для полнаго изданія сочиненій Гнѣдича». («Русскій Архивъ». 1863. вып. 11 и 12). Біографія С. И. Пономарева. Русск. Старина. 1884. т. XLIII. Столѣтняя годовщина Г-ича. Истор. Вѣстн. 1884. XV. мартъ. 692. Жизнеописанія Гомера и переводчика его Иліады на русскій языкъ, Гнѣдича, съ ихъ портретами, находящ. при Имп. Публич. Библіотекѣ. MDCCCLXVII. Замѣтки Греча. Сѣверная Пчела. 1857. № 108, 109, 125, 137, 147 и 159. Ник. Ив. Гнѣдичъ (1784—1884). Нѣсколько данныхъ для его біографіи по неизданнымъ источникамъ. Сообщилъ П. Тихановъ. Спб. 1884. Н. И. Г. Сообщилъ П. М. Устиновичъ. Русская Старина. 1887. LV. 126—131.

§ 8. Переходимъ къ «пушкинской плеядѣ поэтовъ», которые, по выраженію Гоголя, «разнесли благозвучіе по русской землѣ».

«Пушкинъ, Дельвигъ, Баратынскій, Языковъ,—писалъ кн. Вяземскій въ 1847 году,—не только современностью, но и поэтическимъ соотношеніемъ, какимъ-то семейнымъ общимъ выраженіемъ образуютъ у насъ нераздѣльное явленіе. Ими олицетворяется послѣдній періодъ поэзіи нашей; ими, по крайней мѣрѣ донынѣ, замыкается постепенное развитіе ея, означенное первоначально именами: Ломоносова, Петрова, Державина, послѣ — Карамзина и Дмитріева, позднѣе — Жуковскаго и Батюшкова. Въ сихъ именахъ сосредоточивается отличительное выраженіе поэзіи русской; это ея краеугольныя, заглавныя, родоначальныя имена».

Конечно, кн. Вяземскій не правъ. Уже въ 30-хъ годахъ, кругъ пушкинской плеяды и русской поэзіи разомкнулся, чтобы принять новые, великіе имена и потомъ размыкался еще въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, которыми закончился золотой вѣкъ нашей поэзіи.

Николай Михайловичъ Языковъ (1803 – 1846 г.) по единогласному утвержденію Дельвига и Пушкина одинъ только постигнулъ въ совершенствѣ «искусство слагать стихотворный русскій періодъ». «Ни у кого изъ поэтовъ русскихъ, говоритъ Шевыревъ, стихи такъ свободно не льются. и слова такъ покорно не смыкаются въ одно согласное и великое цѣлое, какъ

у Языкова». Литературная дѣятельность Языкова продолжалась ровно четверть вѣка (съ 1822 г. по годъ смерти); но она естественно раздѣляется на два періода: первый — годы студенчества и вольной жизни въ Дерптѣ заканчиваются 29 годомъ. Второй принадлежитъ 30-мъ и началу 40-хъ годовъ. Дружба съ Пушкинымъ и дни, проведенные подъ кровомъ поэта въ Михайловскомъ отразились въ поэзіи Языкова чудными строфами. Языковъ воспѣлъ Родіоновну—няню Пушкина. Въ первомъ періодѣ стихи Языкова — подлинный хмель буйной юности и свободнаго духа, но во-второмъ онъ далъ нѣсколько произведеній глубоко значительныхъ, представляющихъ какъ бы ключъ къ трудно и до сихъ поръ разгадываемому отвлеченною мыслью шифру русской поэзіи.

Надо однако замѣтить, что при всемъ видимомъ сладострастіи элегій и посланій поэта, они глубоко цѣломудрены и представляютъ гимнъ божественной красотѣ—земныя дѣвы являются лишь ея «бездушнымъ слѣпкомъ»: «Зачѣмъ, вопрошаетъ поэтъ, божественной Хариты въ ней расцвѣтаетъ красота? Зачѣмъ такъ пурпурны ланиты? Зачѣмъ такъ сладостны уста? Она въ душѣ не пробуждаетъ святыхъ желаній, свѣтлыхъ думъ; при ней безумье не скучаетъ, и пламенный хладѣетъ умъ». Вотъ основная элегическая нота Языкова въ роскоши цвѣтущихъ гирляндъ его пиршественнаго вѣнка. Точно такъ же юношескій разгулъ имѣетъ особый смыслъ встрѣчи грядущихъ подвиговъ и свободы духа, зрѣющаго для великаго. «Я не забуду никогда, говоритъ онъ, мои студенческіе годы, раздолье Вакха и свободы и благодатнаго труда! Мечты могучія живили пѣвца чувствительную грудь, и мнѣ яснѣлъ высокій путь для поэтическихъ усилій».

Повидимому, поэтъ преклоняется предъ любимой женщиной, отдаетъ себя всего сладострастію, впивая «ланитъ и персей жаръ и нѣгу и томный блескъ очей». Но въ то же время любовь свою онъ называетъ «возвышенной». Почему? Вотъ объясненіе: «Она — души моей царица — и своенравна и горда; но, при очахъ ея, денница обыкновенная звѣзда. На взоры страстные, на слезы она безчувственно глядитъ; но пламенны младыя розы ея застѣнчивыхъ ланитъ... Ты вся полна очарованья! Я твой! мои живые сны, мои кипучія желанья всѣ на тебя устремлены. Предайся-жъ мнѣ: любви забавы я сладкозвучно воспою, и окружу лучами славы младую голову твою!

И все же матеріальное воплощеніе небесной красоты — красавица недостойна въ сущности чувствъ поэта, лишь въ «лучахъ славы его пѣсень» она живетъ: «Поэту радости и хмѣля, и мнѣ судилъ могучій рокъ нравоучительнаго Леля, полезный вытвердить урокъ: я испыталъ любви желанье, ее я пѣлъ, ее я ждалъ; безумно было ожиданье, бездушенъ былъ мой идеалъ. Моей тоски, моихъ привѣтовъ не понялъ слѣпокъ божества...» Отношеніе поэта къ собственному чувству выяснено въ слѣдующихъ двухъ элегіяхъ:

Моя Камена ей пѣвала: но сила взора красоты не мучила, не услаждала

моей надежды и мечты; но чувства пылкаго, живого, любви не зналъ я: такъ волна въ лучахъ свѣтила золотого блеститъ, кипитъ, но холодна».

«Свободенъ я — уже не трачу ни дня, ни ночи, ни стиховъ за милый взглядъ, за пару словъ, мнѣ подаренныхъ на удачу въ часы бездушныхъ вечеровъ. Мои свѣтлѣютъ упованья, печаль отъ сердца отошла, и съ ней любовь: такъ паръ дыханья слетаетъ съ чистаго стекла».

Пластичность изображеній прекраснаго тѣла женщины у Языкова не только скульптурна, но достигаетъ такой мощи, что дѣлается страшно. Между созданнымъ поэтомъ образомъ и зрителемъ не лежитъ даже холода мрамора, какъ въ статуяхъ, но вѣетъ зноемъ живого тѣла:

Какъ розы денницы живыя,
Какъ ранніе снѣги полей—
Ланиты ея молодыя
И дѣвственный бархатъ грудей.
Блаженъ, кто роскошно мечтая,
Зоветъ ее дѣвой своей...

И въ то же время поэтъ цѣломудренъ, чувственность его идеально возвышенна. Никто, кромѣ Языкова, не умѣлъ такъ выразить смѣшеніе матеріальнаго съ божественнымъ въ земной красотѣ! Столь же своеобразенъ «разумъ», который воспѣваетъ Языковъ. Это—«слѣпокъ свободы», матеріальное ея воплощеніе, и элегическая нота всегда вплетается въ хороводы ликующихъ ямбическихъ періодовъ этого несравненнаго мастера—словесника. «Мы кистями винограда разукрашаемъ жизни крестъ!»—говоритъ поэтъ. «Свободны, *млады*, въ цвѣтѣ силъ, мы весело, мы шумно жили; насъ Бахусъ пламенный любилъ, насъ дѣвы хищныя любили; въ *обгонъ летѣли* наши дни, свѣтились ярко наши ночи... Мы лежали, хмеля полны; возлѣ насъ горѣлъ костеръ; выли огненныя волны и кипѣли; братскій хоръ пѣсни пѣлъ; мы любовались на товарищей; они *веселые* разбѣгались и скакали чрезъ огни... Пили, били мы бутылки...» Опять та же пластичность, производящая иллюзію живой дѣйствительности! «Въ мой пріютъ загулявшіеся други ненарокомъ забредутъ—*молодцовъ любезныхъ шайка* станетъ въ кругѣ, середь двора; нашу праздность тѣшитъ свайка... Тяжкій гвоздь стойкомъ и плотно бьетъ въ кольцо, кольцо бренчитъ; вешній вечеръ беззаботно и невидимо летитъ...» Выраженія, отмѣченныя курсивомъ, простонародны и образно—пластичны въ высокой степени. Выраженіе: «дни летятъ въ обгонъ»—глубоко элегично и прекрасно. Звукоподражательность изумительна. Но поэтъ уже «правитъ поминки юности»... Грусть поднимается выше и выше сквозь вольный гулъ веселья... Живопись пейзажей у Языкова тоже высокаго мастерства:

Прекрасно озеро Чудское,
Когда *блистательнымъ столбомъ*

Свѣтило искрится ночное
Въ его кристаллѣ голубомъ;
Какъ тѣнь, отброшенная тучей,
Вдоль искривленныхъ береговъ,
Чернѣютъ образы лѣсовъ
И кое-гдѣ огонь плавучій
Горитъ на челнахъ рыбаковъ.

Съ этихъ стиховъ можно писать, какъ съ натуры. Въ разсматриваемый періодъ творчества поэта, онъ далъ три особенно глубокихъ и строгихъ пьесы, выясняющихъ и цѣли творчества, и единство духа поэта, незыблемое въ хмелѣ его въ обгонъ бѣгущихъ, разгульныхъ дней. «Мой ангелъ милый и прекрасный, богиня мужественныхъ думъ! обращается поэтъ къ своей Музѣ. Ты занимала сладострастно, ты нѣжила мой юный умъ. Служа тебѣ, тобою полный, не видѣлъ я, не слышалъ я, какъ на пучинѣ бытія росли, текли, шумѣли волны. Ты мнѣ открыла въ тишинѣ великій міръ уединенья; благообразныя ко мнѣ твои слетали вдохновенья; твоей прекрасна красотой, твоимъ величьемъ величава, сама любовь передо мной являлась пышная какъ слава».

Таково отношеніе поэта къ источнику творчества. Въ стихотвореніи «Геній», выражено отношеніе поэта къ поэтическому преемству духа: «Когда, гремя и пламенѣя пророкъ на небо улеталъ—огонь могучій проникалъ живую душу Елисея: святыми чувствами полна, мужала, крѣпла, возвышалась и вдохновеньемъ озарялась, и Бога слышала она! — Такъ геній радостно трепещетъ, свое величье познаетъ, когда предъ нимъ гремитъ и блещетъ иного генія полетъ; его воскреснувшая сила мгновенно зрѣетъ для чудесъ... И міру новыя свѣтила—дѣла избранника чудесъ!»

Смѣлость выраженій и картинность цѣлаго при молнійной краткости въ этой пьесѣ изумительны! Пророкъ, который «улеталъ гремя и пламенѣя»—невѣроятная по смѣлости и оригинальности метанимія, и паралелью ему, стоящій на землѣ Елисей преображается. Онъ слѣдитъ за восходящимъ полетомъ пророка, но поэтъ изображаетъ опять-таки не движеніе его глазъ, а внутреннее возношеніе души его—душа мужала, крѣпла, возвышалась, вдохновеніемъ озарялась, Бога видѣла!... Два полета соединяются въ какую-то огненную полосу—предъ вами на яву и въ духѣ точно описываетъ восходящую духу блистательный метеоръ. Во второй части, нисколько не ослабляя первой, повторяется въ еще болѣе одухотворенныхъ строфахъ тотъ же образъ: «Гремитъ и блещетъ» «полетъ генія» и «сила» другого поэта, слѣдящаго за этимъ полетомъ, мгновенно зрѣетъ.

Это напряженіе алчущей Бога души разрѣшается у Языкова еще въ 1824 году пьесой, уже возвѣщающей болѣе глубокій второй періодъ его творчества:

Молю Святое Провидѣнье:
Оставь мнѣ тягостные дни,
Но дай желѣзное терпѣнье,
Но сердце мнѣ окамени;
Пусть неизмѣненъ, жизни новой
Приду къ таинственнымъ вратамъ,
Какъ Волги валъ бѣлоголовый
Доходитъ цѣлый къ берегамъ!

(Молитва).

§ 9. Изъ «плеяды» 20-хъ годовъ, непосредственно послѣ Языкова должно поставить Дельвига. Отличительное слово этого поэта, по мнѣнію Пушкина, «необыкновенное чувство гармоніи и классической стройности, которой никогда онъ не измѣнялъ».

Баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ родился 6-го августа 1798 года въ Москвѣ. Мать поэта была русская. Лицеистъ, товарищъ Пушкина, онъ до 1825 года служилъ въ Публичной Библіотекѣ, а затѣмъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Дельвигъ умеръ 14-го января 1831 года. «Участь Дельвига, говоритъ Пушкинъ, онъ не былъ оцѣненъ при раннемъ появленіи на краткомъ своемъ поприщѣ; онъ еще не оцѣненъ и теперь, когда покоится въ своей безвременной могилѣ...» Это остается справедливымъ и черезъ 70 лѣтъ послѣ смерти поэта. Лучшая характеристика поэта, данная В. Майковымъ, чрезмѣрно суха.

«Поэтическое дарованіе Дельвига не было сильнымъ. Въ его стихотвореніяхъ нѣтъ ни глубины идеи, ни совершенства формы. Стихъ его не всегда гладокъ, а риѳмы часто бѣдны и однообразны. Тѣмъ не менѣе, въ его немногочисленныхъ произведеніяхъ нельзя не видѣть стремленія внести въ русскую поэзію новое содержаніе и новыя формы. И то, и другое онъ пытался черпать изъ двухъ совершенно различныхъ источниковъ: изъ поэзіи древняго міра, не подкрашенной педантизмомъ французскихъ классиковъ, и изъ русской народной поэзіи. Но это были именно только попытки—болѣе или менѣе удачныя. Подражанія древнимъ, преимущественно латинскимъ поэтамъ, (изъ греческихъ поэтовъ, неизвѣстныхъ Дельвигу въ подлинникѣ, можно указать лишь на слабые слѣды вліянія Пиндара и Анакреонта) у Дельвига слишкомъ формальны и носятъ на себѣ характеръ какой-то вымученности, а русскія его пѣсни не запечатлѣны истиннымъ народнымъ духомъ».[423]).

«Изъ шести сонетовъ Дельвига лучшіе: «Н. М. Языкову» и «Вдохновеніе». Быть можетъ, эти сонеты не остались безъ косвеннаго вліянія на творчество самого Пушкина».

---

[423]). Почему же народъ сталъ ихъ пѣть? Авт.

«Что касается идиллій, то это была любимая форма, въ которую выливалось поэтическое вдохновеніе Дельвига. «Идилліи Дельвига — пишетъ Пушкинъ,—для меня удивительны: какую силу воображенія должно имѣть, дабы такъ совершенно перенестись изъ XIX столѣтія въ золотой вѣкъ, и какое необыкновенное чутье изящнаго, дабы такъ угадать греческую поэзію чрезъ латинскія подражанія или нѣмецкіе переводы; эту роскошь, эту нѣгу, эту прелесть болѣе отрицательную чѣмъ положительную, которая не допускаетъ ничего напряженнаго въ чувствахъ, тонкаго, запутаннаго въ мысляхъ, лишняго, неестественнаго въ описаніяхъ». Откинувъ въ этой характеристикѣ все преувеличенное (?), все, что подсказано дружбою и любящимъ сердцемъ (?), слѣдуетъ признать справедливость оцѣнки Пушкина, тѣмъ болѣе, что онъ самъ въ идилліяхъ Дельвига видитъ «прелесть болѣе отрицательную, чѣмъ положительную». Дѣйствительно, съ этой точки зрѣнія, идилліи Дельвига выше идиллій другихъ современныхъ ему поэтовъ, не исключая и Гнѣдича. Кромѣ того, есть и еще одна сторона въ идилліяхъ Дельвига, на которую нельзя не указать. Мы разумѣемъ ихъ размѣръ. Попытки Дельвига писать метромъ, то есть, подражать размѣрамъ древняго метрическаго стихосложенія, не вполнѣ свойственымъ нашей тонической системѣ, вообще нельзя считать вполнѣ удачными; но гекзаметромъ и его сочетаніемъ съ пентаметромъ Дельвигъ пользовался въ своихъ идилліяхъ и другихъ стихотвореніяхъ съ большимъ искусствомъ и смѣлостью. Вообще, гекзаметры Дельвига разнообразнѣе и оттого живѣе гекзаметра Гнѣдича, хотя и лишены гармоніи стиха Жуковскаго»[424]).

Нашъ дальнѣйшій анализъ міра поэзіи Дельвига явится необходимой и достаточной поправкой къ чрезмѣрно строгой оцѣнкѣ Валеріана Майкова. Но послѣднее замѣчаніе его существенно важно: Дельвигъ дѣйствительно занимаетъ мѣсто между Гнѣдичемъ и Жуковскимъ въ области постиженія античнаго міра. Міръ поэзіи Дельвига раскрывается въ трехъ областяхъ: a) постиженія античной красоты, идиллія и антологія; b) пѣсня въ народномъ духѣ; c) сонетъ и романсъ.

Первая область представлена у Дельвига пьесами высокаго совершенства Только Пушкинъ равняется съ Дельвигомъ въ стилѣ пьесъ, подобныхъ этой:

Мальчикъ! солнце встрѣтить должно
Съ торжествомъ въ концѣ пировъ!
Принеси же осторожно
И скорѣй изъ погребовъ
Въ кубкахъ длинныхъ и тяжелыхъ,
Какъ любила старина,

[424]) Біографич. очеркъ Валеріана Майкова, при соч. Д-га. 1895 г. Стр. XVII, XIX и XX-я.

Нашихъ прадѣдовъ веселыхъ
Пережившаго вина.

(Къ мальчику. 1820).

Встрѣча солнца виномъ, пережившимъ веселыхъ прадѣдовъ—граціозно элегическій образъ высокаго достоинства. Попытки новыхъ размѣровъ въ стилѣ античныхъ строфъ гармоничны и благозвучны:

Въ священной рощѣ я видѣлъ прелестную
Въ одеждѣ бѣлой и съ бѣлою розою
На нѣжныхъ персяхъ, дыханьемъ легкимъ
Колеблемыхъ...

(Видѣніе 1820).

Геліосъ! Геліосъ!
Тамъ въ безпредѣльности моря
Снова подъемлешь главу
Въ блескѣ лучей!
Горе мнѣ, горе!
Снова я плачу
Въ срѣтенье Бога!
Черезъ пучину—
Съ тяжкими вздохами
Слышишь мои ты стенанья!

(Хоръ изъ трагедіи «Поликсена». 1828).

Юношеская прелесть, скульптурность и гармоничность гекзаметра Дельвига обнаружится хотя бы изъ нижеслѣдующихъ примѣровъ:

Мы еще молоды, Лидій! вкругъ шеи кудри віются,
Рдѣютъ, какъ яблоко, щеки, и свѣжія губы алѣютъ
Въ быстрые дни молодыхъ поцѣлуевъ....

(Цефизъ. Идиллія. 1828).

... Молодыя рабыни
Рѣзвыя, громкоголосыя, съ персей по поясъ нагія,
Около блещутъ очами лукавыми въ пляскѣ веселой,
Скачутъ—кто съ бубномъ, кто съ тирсомъ, одна жъ головою кудрявой
Длинную вазу несетъ и подъ пѣсни тарелками плещетъ...

(Конецъ золотого вѣка. Идиллія. 1828).

Вечернее солнце катилось по жаркому небу,
И западъ, сліянный съ краями далекаго моря,
Готовый блестящаго Бога принять, загорался;
Въ долинахъ, на холмахъ звучали пастушьи свирѣли...
... Дамонъ, вдохновенный пѣвецъ...
Изъ хижины вышелъ и сѣлъ у дверей на порогѣ...
... Умолкъ. Всѣ хвалили веселую пѣсню Дамона,
А Хлоя дала поцѣлуй—такъ хотѣли пастушки—

Сѣдому слагателю пѣсней игривыхъ и сладкихъ,
И радость блеснула во взорахъ пѣвца...

(Дамонъ. Идиллія. 1828).

... Дышетъ свободою грудь; съ легкостью дивною онъ,
Въ землю ударя крылатой ногой, кидается въ воздухъ...

(Надпись на статую флорентинскаго Меркурія. 1828).

Въ чьихъ ты, счастливецъ, роскошныхъ садахъ надышался весною?
Гдѣ нажурчали ручьи говоръ любовный тебѣ?

(Удѣлъ поэта. 1829).

Слѣпну! Узрѣлъ я Зевеса съ Горгоной на длани могучей!
Кудри, какъ полные грозды, вѣнчаютъ главу золотую,
Въ легкомъ наклонѣ покрывшую вѣчный Олимпъ и всю землю!

(Изобрѣтеніе ваянія. 1829).

Каждый изъ этихъ небольшихъ отрывковъ—цѣлая поэма. Предъ нами, дѣйствительно, распахиваются врата въ чудное царство золотого вѣка. А между тѣмъ, это лишь третья часть всего объема творчества Дельвига.

Правда ли, что міръ народной лирики не дался Дельвигу? Вотъ образцы, которые, кажется, намъ позволяютъ назвать Дельвига—Кольцовымъ 20-хъ годовъ, такъ уловлены въ нихъ оригинальнѣйшіе народные размѣры, такъ живо схваченъ чародѣйный духъ лирики народной.

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь?
Гдѣ всю ночку пропоешь?

. . . .

Въ день осенній на груди
Крупный жемчугъ потускнѣлъ;
Въ зимнюю ночку на рукѣ
Распаялася кольцо,
А какъ нынѣшней весной
Разлюбилъ меня милой.

(Пѣсня. 1825).

Мой суженый, мой ряженый,
Услышь меня, спаси меня!
Я въ третью ночь, въ послѣднюю,
Я въ вѣщемъ снѣ пришла къ тебѣ,
Забыла стыдъ дѣвическій!

(Сонъ. 1828).

Сиротинушка—дѣвушка,
Полюби меня молодца,
Полюби, приголубливай,
Мои кудри расчесывай.

(Пѣсня 1828).

Я-ль отъ стараго бѣжала,
Въ полночь травы собирала,
Травы съ росами мѣшала:
Все о волѣ чаровала.
Птичкѣ волю — сердцу волю!
Скоро-ль буду я вдовою?..

(Малороссійская мелодія. 1829).

Мы видѣли, что при всей строгости и сухости оцѣнки творчества Дельвига, все же Валерьянъ Майковъ признаетъ высокое достоинство его сонетовъ. Но столь же замѣчательны романсы и элегіи Дельвига.

Когда, душа, просилась ты
Погибнуть иль любить;
Когда желанья и мечты
Въ тебѣ тѣснились жить,
Когда еще я не пилъ слезъ
Изъ чаши бытія —
Зачѣмъ тогда, въ вѣнкѣ изъ розъ,
Къ тѣнямъ не отбылъ я?

(Элегія. 1823).

Прекрасный день, веселый день:
И солнце, и любовь:
Съ нагихъ полей сбѣжала тѣнь, —
Свѣтлѣетъ сердце вновь.
Проснитесь, рощи и поля,
Пусть жизнью все кипитъ;
Она моя! она моя!
Мнѣ сердце говоритъ.
Что вьешься, ласточка, къ окну?
Что, вольная, поешь?
Иль ты щебечешь про весну
И съ ней любовь зовешь?
Но не ко мнѣ, и безъ тебя
Въ пѣвцѣ любовь горитъ:
Она моя! она моя!
Мнѣ сердце говоритъ.

(Романсъ. 1823).

Только узналъ я тебя —
И трепетомъ сладкимъ впервые
Сердце забилось во мнѣ!
Сжала ты руку мою —
И жизнь, и всѣ радости жизни
Въ жертву тебѣ я принесъ.
Ты мнѣ сказала: люблю! —
И чистая радость слетѣла
Въ мрачную душу мою!
Молча гляжу на тебя —

Нѣтъ слова всѣ муки, все счастье
Выразить страсти моей!
Каждую свѣтлую мысль,
Высокое каждое чувство —
Ты зарождаешь въ душѣ!

(Романсъ. 1823).

Отъ послѣдней пьесы вѣетъ Фетомъ. И на самомъ дѣлѣ, поэзія Дельвига въ пушкинской плеядѣ 20-хъ годовъ является провозвѣстіемъ Фета и Полонскаго плеяды 40-хъ, начавшихъ разработку хореическихъ, дактилическихъ и амфибрахическихъ размѣровъ въ русскомъ стихѣ.

БИБЛІОГРАФІЯ: Бар. Ант. Ант. Дельвигъ. (1798—1831). Біографическія замѣтки. В. П. Гаевскаго. Современникъ. 1853. № 2. 5. 1854. № 1, 9. Замѣтки у Тихонравова. Сочиненія. т. III. ч. 2. стр. 169—181. Геннади. Справочный словарь. Сочиненія. Съ приложеніемъ біографическаго очерка, составл. Вал. Майковымъ. Спб. 1893. О Языковѣ и Баратынскомъ ниже.

§ 10. «Баратынскій принадлежитъ къ числу отличныхъ нашихъ поэтовъ, говоритъ Пушкинъ. Онъ у насъ оригиналенъ, ибо мыслитъ. Онъ былъ бы оригиналенъ и вездѣ, ибо мыслитъ по своему, правильно и независимо, между тѣмъ, какъ чувствуетъ сильно и глубоко. Гармонія его стиховъ, свѣжесть слога, живость и точность выраженія должны поразить всякаго, хотя нѣсколько одареннаго вкусомъ, чувствомъ». (1830). И въ отдѣльныхъ своихъ мысляхъ: «Никто болѣе Баратынскаго не имѣетъ чувства въ своихъ мысляхъ и вкуса въ своихъ чувствахъ». Пушкинъ называетъ Баратынскаго «нашимъ первымъ элегическимъ поэтомъ», отмѣчая свойственные его дарованію «вѣрность ума, чувства, точность выраженія, вкусъ, ясность и стройность». Онъ высоко ставитъ его поэмы: «Эда», произведеніе замѣчательное оригинальное своей простотою, прелестью разсказа, живостью красокъ и очеркомъ характеровъ, слегка, но мастерски означенныхъ. «Эда» — краткая восхитительная повѣсть. Съ какою глубиною чувствъ развита въ ней женская любовь! Поэма «Балъ» — блестящее произведеніе, исполненное оригинальныхъ красокъ и прелести необыкновенной. Поэтъ съ удивительнымъ искусствомъ соединилъ въ своемъ разсказѣ тонъ шутливый и страстный, метафизику и и поэзію. Характеръ героини совершенно новый, развитый широко и съ удивительнымъ искусствомъ; для него поэтъ нашъ создалъ совершенно новый языкъ и выразилъ на немъ всѣ оттѣнки своей метафизики, для него расточилъ онъ всю элегическую нѣгу, всю прелесть своей поэзіи.

Отношеніе къ Баратынскому нашего великаго критика — двойственное. Въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» Бѣлинскій говоритъ: «Поэтическое дарованіе Баратынскаго не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію. Правда, онъ написалъ плохую поэму «Пиры», плохую поэму «Эда» («Бѣдную Лизу въ

стихахъ)... но вмѣстѣ написалъ и нѣсколько прекрасныхъ элегій, дышащихъ неподдѣльнымъ чувствомъ». Въ статьѣ «О стихотвореніяхъ Баратынскаго» (1834 г.) отзывъ еще строже: «Нѣсколько разъ перечитывалъ я стихотворенія Баратынскаго и вполнѣ убѣдился, что поэзія только изрѣдка и слабыми искорками блеститъ въ нихъ. Основной и главный элементъ ихъ составляетъ умъ, изрѣдка задумчиво разсуждающій о высокихъ человѣческихъ предметахъ, почти всегда слегка скользящій по нимъ, но всего чаще разсыпающійся каламбурами и блестящими остротами». «Перечтите всѣ стихотворенія Баратынскаго: что вы увидите въ каждомъ изъ лучшихъ? Два, три поэтическіе стиха; потомъ риторику, потомъ нѣсколько прозаическихъ стиховъ; но вездѣ умъ, вездѣ литературную ловкость, умѣнье, навыкъ, щегольскую отдѣлку и больше ничего». «О поэмахъ Баратынскаго я ничего не хочу говорить: ихъ давно никто не читаетъ. Нападать на нихъ было-бы грѣшно, защищать — странно. Однако замѣчу мимоходомъ, что въ «Пирахъ» блестятъ мѣстами искры остроумія и даже изрѣдка чувства». Въ 1842 г. сужденія Бѣлинскаго опять мѣняются. Это уже почти полное признаніе поэта: «Изъ всѣхъ поэтовъ, появившихся вмѣстѣ съ Пушкинымъ, первое мѣсто безспорно принадлежитъ Баратынскому. Несмотря на его вражду къ мысли, онъ по натурѣ своей призванъ быть поэтомъ мысли». Далѣе оказывается, что «Эда» — «поэма, написанная прекрасными стихами, исполненная души и чувства». Несовсѣмъ понятнымъ является слѣдующее утвержденіе, что это-то и доказываетъ «неважность въ сферѣ искусства» поэмы... «Пиры» собственно не поэма, а такъ (?!) — шутка въ началѣ и элегія въ концѣ. Въ «Пирахъ» Баратынскаго много прекрасныхъ стиховъ. Какъ хороши напримѣръ эти: «Любви слѣпой, любви безумной тоску въ душѣ моей тая, насилу, милые друзья, дѣлить восторгъ бесѣды шумной тогда осмѣливался я. Что потакать мечтѣ унылой, кричали вы, смѣлѣе пей! Развеселись, товарищъ милый, для насъ живи, забудь о ней! Вздохнувъ, разсѣянно послушный, я пилъ съ улыбкой равнодушной, свѣтлѣла мрачная мечта, толпой скрывалися печали, и задрожавшія уста «Богъ съ ней!» невнятно лепетали...» Стихъ Баратынскаго не только благозвученъ, но часто крѣпокъ и силенъ. Однакожъ, говоря о художественной сторонѣ поэзіи Баратынскаго, нельзя не замѣтить, что онъ часто грѣшитъ противъ точности выраженія, а иногда впадаетъ въ шереховатость и прозаичность выраженія. Нельзя вѣрнѣе и безпристрастнѣе охарактеризовать безотносительное достоинство поэзіи Баратынскаго, какъ онъ сдѣлалъ это самъ въ слѣдующемъ прекрасномъ стихотвореніи:

Не ослѣпленъ я Музою моею,
Красавицей ее не назовутъ,
И юноши, узрѣвъ ее, за нею
Влюбленною толпой не побѣгутъ.
Приманивать изысканнымъ уборомъ,
Игрою глазъ, блестящимъ разговоромъ

Ни склонности у ней, ни дара нѣтъ.
Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
Ея лица необщимъ выраженьемъ,
Ея рѣчей спокойной простотой,
И онъ, скорѣе чѣмъ ѣдкимъ осужденьемъ,
Ея почтитъ небрежной похвалой.

Итакъ, сужденія Бѣлинскаго о поэзіи Баратынскаго не установились. Онъ далъ ему «первое мѣсто» въ пушкинской плеядѣ поэтовъ 20-хъ годовъ, «не смотря на его вражду къ мысли». Въ этихъ словахъ ключъ къ непониманію, проявленному Бѣлинскимъ. Онъ долго, упорно вглядывался въ «необщее выраженіе» лица Музы Баратынскаго, но не разгадалъ его, принявъ за «вражду къ мысли», глубочайшую основу той «метафизики», которую находилъ еще Пушкинъ въ стихахъ Баратынскаго. Эта «метафизика» осталась темна и для Гоголя. Но поэтъ выдержалъ искусъ времени. Нынѣ положено уже начало его изученію и постиженію.

Какъ поэтъ элегическаго чувства, тонкій, изящный рисовальщикъ зарожденія и всѣхъ переливовъ страсти, Баратынскій неподражаемъ въ «Эдѣ».

Картины финляндской природы очаровательны: «Суровый край: его красамъ, пугаяся дивятся взоры: на горы каменныя тамъ поверглись каменныя горы; синѣя, всходятъ до небесъ ихъ своенравныя громады; на нихъ шумитъ сосновой лѣсъ; съ нихъ бурно льются водопады; тамъ долъ очей не веселитъ: гранитной лавой онъ облитъ; главу одѣвши въ мохъ печальный, огромнымъ сторожемъ стоитъ на немъ гранитъ пирамидальный». Или эта картина: «На камняхъ розовыхъ твоихъ весна игриво засвѣтлѣла, и ярко — зеленъ мохъ на нихъ, и птичка весело запѣла, и по гранитному одру свѣтло бѣжитъ ручей сребристый, и лѣсъ прохладою душистой съ востока вѣетъ по утру; тамъ за горою долъ таится, уже цвѣты пестрѣютъ тамъ, уже черемухъ фиміамъ тамъ въ чистомъ воздухѣ струится: своею нѣгою страшна тебѣ волшебная весна. Не слушай птички сладкогласной!» Или: «Уже пустыня сномъ объята: всталъ ясный мѣсяцъ надъ горой, сливая свѣтъ багряный свой съ послѣднимъ пурпуромъ заката; двойная, трепетная тѣнь отъ черныхъ сосенъ возлегаетъ, и ночь прозрачная смѣняетъ погасшій непримѣтно день». Интересно мнѣніе объ этой поэмѣ журнала Николая Полевого. Отмѣтивъ въ библіографіи появленіе книги: «Эда, финляндская повѣсть и Пиры, описательная поэма, Евгенія Баратынскаго». Спб. 1826 г. in 8°. 56 стр.» — журналъ говоритъ:

«Имя Баратынскаго принадлежитъ къ числу почетнѣйшихъ именъ новаго поколѣнія русскихъ поэтовъ. Въ романтической поэзіи русской, онъ самостоятельный поэтъ, не подражатель, но творецъ, и въ томъ родѣ, въ которомъ онъ пишетъ, донынѣ никто съ нимъ не сравнялся. Область Баратынскаго въ русской поэзіи есть элегія, и оттѣнокъ ея наведенъ на всѣ его

сочиненія; о самыхъ не-элегіяхъ Баратынскаго можно сказать, что онѣ — улыбка меланхоліи»[425]).

«Метафизика» Баратынскаго выражена уже въ пьесахъ его 20-хъ годовъ: «Двѣ доли» (1823), «Истина» (1824), «Послѣдняя смерть» (1828) и «Смерть» (1829). Вотъ что говоритъ здѣсь поэтъ: «Дало двѣ доли Провидѣніе на выборъ мудрости людской: или надежду и волненіе, иль безнадежность и покой. Надѣйтесь, юноши кипящіе! летите: крылья вамъ даны; для васъ и замыслы блестящіе и сердца пламенные сны. Но вы, судьбину испытавшіе, тщету утѣхъ, печали власть, вы, знанье бытія пріявшіе себѣ на тягостную часть! Гоните прочь ихъ рой прельстительный. Такъ! доживайте жизнь въ тиши, и берегите хладъ спасительный своей бездѣйственной души».

Разочарованіе въ «прельстительныхъ надеждахъ», въ блестящихъ грезахъ окутывающей лживыми покровами прелести міръ, мудрость покоя, хлада, бездѣйственности, безнадежности, глубокій пессимизмъ,— какъ итогъ «Знанья бытія», вотъ основа метафизики Баратынскаго. Это—первый очеркъ лирической метафизики поэта. Въ стихотвореніи «Истина» поэтъ описываетъ переломъ въ своемъ внутреннемъ развитіи.

«О счастіи съ младенчества тоскуя, все счастьемъ бѣденъ я; говоритъ онъ. Или во вѣкъ его не обрѣту я въ пустынѣ бытія? Младые сны отъ сердца отлетѣли, не узнаю я свѣтъ». Поэту является истина:

«Свѣтильникъ мой укажетъ путь ко счастью! (Вѣщала) «захочу и страстнаго холодному безстрастью тебя я научу. Я бытія всѣ прелести разрушу. Я оболью суровымъ хладомъ душу, но дамъ душѣ покой». Я трепеталъ, словамъ ея внимая, и горестно въ отвѣтъ промолвилъ ей: «о гостья роковая! Печаленъ твой отвѣтъ: Свѣтильникъ твой—свѣтильникъ погребальный всѣхъ радостей земныхъ! Твой миръ, увы! могилы миръ печальный, и страшенъ для живыхъ. Нѣтъ, я не твой! въ твоей наукѣ строгой я счастья не найду; покинь меня: кой-какъ моей дорогой одинъ я побреду. Прости! иль нѣтъ: когда мое свѣтило во звѣздной вышинѣ начнетъ блѣднѣть, и все, что сердцу мило, забыть придется мнѣ, явись тогда! раскрой тогда мнѣ очи, мой разумъ просвѣти: чтобъ жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи безропотно сойти». Вотъ уже полное раскрытіе «метафизики» Баратынскаго. Пріявшіе себѣ на тягостную часть «знанье бытія» вкушаютъ «безнадежность и покой». Но страшно «раскрыть очи» этой «строгой наукѣ». Истина учитъ «страстнаго отрадному безстрастью» и свѣтильникъ ея—свѣтильникъ погребальный. Истина разрушаетъ всѣ прелести бытія и обливаетъ душу «суровымъ хладомъ». И поэтъ страшится идти за ней, отдаляетъ моментъ пробужденія и просвѣтленія. Съ одной стороны еще ему хочется пожить въ прелестныхъ свѣтозарныхъ сумеркахъ земныхъ очарованій, съ другой его

---

425) Телеграфъ. 1826 г. ч. 8-я. № 5. Стр. 63.

отвращаетъ нравственное безразличіе того покоя и безстрастія, которыя открываетъ предъ нимъ истина. Еще въ стихотвореніи 1823 года «Лета», онъ говоритъ: «Душъ холодныхъ упованье, непріязненный ручей!.. Для чего въ твоихъ водахъ погибаетъ безъ разбора память горестей и благъ? Прочь! съ нещаднымъ утѣшеньемъ! Я минувшее люблю». Въ Баратынскомъ продолжается тотъ процессъ, котораго не вынесъ Батюшковъ, заплативъ за него безуміемъ, описанный имъ въ письмѣ къ Гнѣдичу осенью 1811 года: «Гдѣ счастье? Гдѣ наслажденіе? Гдѣ покой? Гдѣ чистое сердечное сладострастіе, въ которомъ сердце мое любило погружаться? Все, все улетѣло, исчезло вмѣстѣ съ пѣснями Шоліо, съ сладостными мечтаніями Тибулла и милаго Грессета, съ воздушными гуріями Анакреона. Все исчезло! И вотъ предо мной лежитъ на столѣ... томъ, который доказываетъ, что люди рѣжутъ другъ друга затѣмъ, чтобъ основывать государства, а государства сами собою разрушаются отъ времени, и люди опять должны себя рѣзать и будутъ рѣзать, и изъ народнаго правленія всегда родится монархическое, и монархій нѣтъ вѣчныхъ, и республики несчастнѣе монархій, и вездѣ зло... Я закрываю книгу... Теперь берусь за Локка. Онъ говоритъ мнѣ: для счастія своего ищи, ищи истины... Но гдѣ она? Былъ ли онъ самъ меня счастливѣе? Гоббесъ боялся чертей, а самъ писалъ противъ безтѣлесныхъ тварей. Такъ... науки не могутъ питать сердце. Онѣ развлекаютъ его на время, какъ игрушки голодныхъ дѣтей, а сердце все проситъ любви: она — его пища, его блаженство». Но Баратынскій быстро узналъ цѣну мимолетнымъ земнымъ чувствамъ.

«Мы пьемъ въ любви отраву сладкую, говоритъ онъ въ 1825 году, но все отраву пьемъ мы въ ней, и платимъ мы за радость краткую ей безвесельемъ долгихъ дней».

Подъ вліяніемъ явленія горестной истины уже въ 1828 году, поэтъ создаетъ поразительную картину будущихъ судебъ земного шара и человѣчества, въ пьесѣ «Послѣдняя смерть».

Есть бытіе, но именемъ какимъ
Его назвать? ни сонъ оно, ни бдѣнье:
Межъ нихъ оно, и въ человѣкѣ имъ
Съ безуміемъ граничитъ разумѣнье
. . . .
Созданье-ли болѣзненной мечты,
Иль дерзкаго ума воображенье
Во глубинѣ полночной темноты
Представшее очамъ моимъ видѣнье?
Не вѣдаю; но предо мной тогда
Раскрылися грядущіе года:
. . . .
Сначала міръ явилъ мнѣ дивный садъ:
Вездѣ искусствъ, обилія примѣты
. . . .

Вездѣ народъ и хитрый свой законъ
Стихіи всѣ признать заставилъ онъ
. . . .
И царствовалъ повсюду свѣтлый миръ.
Вотъ, мыслилъ я, прельщенный дивнымъ вѣкомъ:
Вотъ разума великолѣпный пиръ!
Врагамъ его и въ стыдъ, и въ поученье!
Вотъ до чего достигло просвѣщенье!
Прошли вѣка...
. . . .
Глаза мои людей не узнавали:
Привыкшіе къ обилью долгихъ благъ,
На все они спокойные взирали
. . . .
Желанія земныя позабывъ,
Чуждаяся ихъ грубаго влеченья,
Душевныхъ сновъ, высокихъ сновъ призывъ
Имъ замѣнилъ другія побужденья.
И въ полное владѣніе свое
Фантазія взяла ихъ бытіе.
И умственной природѣ уступила
Тѣлесная природа между нихъ:
Ихъ въ Эмпирей, и въ Хаосъ уносила
Живая мысль на крыліяхъ своихъ;
Но по землѣ съ трудомъ они ступали,
И браки ихъ безплодны пребывали.

Прошли вѣка, и тутъ моимъ очамъ
Открылася ужасная картина:
Ходила смерть по сушѣ, по водамъ,
Свершалася живущаго судьбина.
Гдѣ люди? гдѣ? скрывалися въ гробахъ!
Какъ древніе столпы на рубежахъ,
Послѣднія семейства истлѣвали;
Въ развалинахъ стояли города,
По пажитямъ заглохнувшимъ блуждали
Безъ пастырей безумные стада;
Съ людьми для нихъ исчезло пропитанье:
Мнѣ слышалось ихъ гладное блеянье.

И тишина глубокая, во слѣдъ
Торжественно повсюду воцарилась,
И въ дикую порфиру древнихъ лѣтъ
Державная природа облачилась.
Величественъ и грустенъ былъ позоръ
Пустынныхъ водъ, лѣсовъ, долинъ и горъ.
По-прежнему животворя природу,
На небосклонъ свѣтило дня взошло:
Но на землѣ ничто его восходу
Произнести привѣта не могло:

Одинъ туманъ надъ ней синѣя вился
И жертвою чистительной курился.

Баратынскій—буддистъ въ русской лирикѣ. Если въ стихотвореніи 1824 года онъ съ ужасомъ отвращается отъ «могильнаго свѣтильника» Истины, то въ 1829 г. создаетъ гимнъ въ честь смерти: «Смерть дщерью тьмы не назову я,—говоритъ онъ. — О, дочь верховнаго Эфира! О свѣтозарная краса!.. Ты укрощаешь возстающій въ безумной силѣ ураганъ... Даешь предѣлы ты растенью, чтобъ не покрылъ гигантскій лѣсъ земли губительною тѣнью, злакъ не возсталъ бы до небесъ. А человѣкъ? Святая дѣва! передъ тобой съ его ланитъ мгновенно сходятъ пятна гнѣва, жаръ любострастія бѣжитъ... Недоумѣнье, принужденье—условье смутныхъ нашихъ дней; ты всѣхъ загадокъ разрѣшенье, ты разрѣшенье всѣхъ цѣпей».

Пушкинъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что Баратынскій создалъ совершенно новый языкъ и выразилъ на немъ всѣ оттѣнки своей метафизики». По мѣрѣ того какъ жизнь для него отцвѣтала, сначала пугавшій его образъ Истины—Небытія наполняется нравственнымъ содержаніемъ и, наконецъ, раскрывается, какъ надмірная область. Эта эволюція заняла первую половину тридцатыхъ годовъ и въ полной зрѣлости явилось въ «Сумеркахъ» (1835—1842). А между тѣмъ свой разборъ послѣдняго сборника Бѣлинскій заканчиваетъ такимъ опредѣленіемъ великаго поэта. «Отличительную черту (великихъ поэтовъ) составляетъ развитіе: по хронологическому порядку ихъ созданій можно прослѣдить діалектически развивающуюся живую идею, лежащую въ основаніи ихъ творчества и составляющую его паѳосъ... Безсмертіе — удѣлъ движущихся поэтовъ. Если и прошли навсегда интересы ихъ времени,—ихъ поэзія непроходяща».

§ 11. Намъ остается только разсмотрѣть поэзію четырехъ остальныхъ поэтовъ семизвѣздной плеяды 20-хъ годовъ: Козлова, Веневитинова, Рылѣева и Подолинскаго.

Иванъ Ивановичъ Козловъ родился въ Москвѣ, 11 апрѣля 1779 года.

Козлову предстояло видное служебное положеніе; но неожиданно, около 1818 года, его постигло страшное испытаніе, сначала параличъ лишилъ его ногъ, потомъ явилась слабость зрѣнія, постепенно увеличивавшаяся и, наконецъ, въ 1821 году превратившаяся въ окончательную слѣпоту. Въ 1821 же году появилось въ печати его стихотвореніе «Къ Свѣтланѣ», за нимъ — посланіе «Поэту Жуковскому», «Байронъ» и т. д.; поэма «Чернецъ», напечатанная въ 1824 году, поставила имя Козлова на ряду съ лучшими поэтами того времени. Диктуя дочери свои произведенія, прослушивая и исправляя ихъ, онъ въ то-же время дѣятельно занимался изученіемъ языковъ нѣмецкаго, англійскаго, польскаго, усовершенствованіемъ въ итальянскомъ (французскимъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ съ дѣтства); слушая лучшія

произведенія Шиллера, Гёте, Байрона, Шекспира, Шатобріана, Мицкевича и т. д., почти заучивая ихъ, Козловъ находилъ въ нихъ неистощимый источникъ для своего вдохновенія.

«Чернецъ» Козлова еще до появленія въ печати разошелся въ рукописяхъ и заучивался наизусть.

Слѣпота вноситъ въ творчество Козлова ту особую ноту скорби, которая свойственна пѣнію слѣпцовъ:

Не зрѣть мнѣ дня съ зарями золотыми,
Ни резь весны, ни сердцу милыхъ лицъ!
И въ цвѣтѣ лѣтъ ужъ я между живыми
Тѣнь хладная безчувственныхъ гробницъ.

(Посвященіе къ «Чернецу» 17 сент. 1824 г.).

Жизнью поэта-страдальца Козловъ прожилъ около 20 лѣтъ: онъ умеръ 30 января 1840 г. Въ «Чернецѣ» и послѣдующихъ произведеніяхъ Козловъ первый сильно и ярко отразилъ Байрона. Критика 20-хъ годовъ ставила Козлова чрезвычайно высоко.

«Появленіе сей небольшой,—писалъ Вяземскій,—но красотами богатой поэмы (Чернеца, Козлова), есть пріятное событіе въ спокойной литературѣ нашей, а появленіе творца ея въ тѣсномъ кругѣ первостатейныхъ поэтовъ нашихъ, было, за нѣсколько лѣтъ, неожиданнымъ и благодѣтельнымъ феноменомъ въ мірѣ нравственномъ и поэтическомъ»[426]).

«Поэма, въ два года трижды напечатанная, доказываетъ, что публика наша уже понимаетъ прелесть русской поэзіи, что поэма «Чернецъ» сдѣлалась, такъ сказать, народною поэмою»[427]).

«Козловъ принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ талантамъ пушкинскаго періода, говоритъ Бѣлинскій въ «Литературныхъ Мечтаніяхъ», какое-то грустное чувство, покорность волѣ Провидѣнія и упованіе на мздовоздаяніе за гробомъ составляютъ отличительный характеръ его созданій».

Юноша Веневитиновъ оставилъ немного, но это немногое представляетъ отраженіе его кристально-чистой личности и форма — превосходна, виртуозна. Это небольшой, но чистой воды сафиръ. Это — «душа богатая собой» (Посланіе къ Р—ну) и богатство это прекрасно. Это—возвышенное сердце, не загрязненное хотя бы пылью земныхъ цвѣтовъ, «спасенное Каменами»:

И сердце Камены отъ хлада спасли,
И умъ непокорный воспитанъ свободой.

(Три участи).

---

426) М. Т. 1825. № VIII. Стр. 312.
427) М. Тел. 1827 г. Ч. XVII. № 19. Стр. 219, 220 и 222.

Одна изъ чистѣйшихъ граней этого самоцвѣта поэзіи — высокая религіозность:

Къ Тебѣ, о чистый Духъ, источникъ вдохновенья,
На крыліяхъ любви несется мысль моя...
...Но ты облекъ себя въ завѣсу тайны вѣчной...

(Сонетъ).

...Душа моя простится съ тѣломъ
И будетъ жить, какъ вѣчный духъ,
Безъ образовъ, безъ тьмы и свѣта,
Однимъ нетлѣніемъ одѣта.

(Завѣщаніе).

Эта религіозность связана съ возвышеннымъ культомъ прекраснаго: «Блаженъ, блаженъ, кто въ полдень жизни и на закатѣ ясныхъ лѣтъ, какъ въ нѣдрахъ радостной отчизны, еще въ фантазіи живетъ. Кому небесное — родное, кто сочетаетъ съ сѣдиной воображенье молодое и разумъ съ пламенной душой. Въ волшебной чашѣ наслажденья онъ дна пустова не найдетъ, и воскликнетъ, въ чувствахъ упоенья: Прекрасному предѣловъ нѣтъ!»

Эротическое чувство выражалось у Веневитинова съ прелестью непередаваемой:

Волшебница! Какъ сладко пѣла ты
Про дивную страну очарованья,
Про жаркую отчизну красоты!
. . . .
Душа твоя такъ ярко разгорѣлась
И новый огнь въ груди моей зажгла.
Но этотъ огнь томительный, мятежный,
Онъ не горитъ любовью тихой, нѣжной, —
Нѣтъ! онъ и жжетъ, и мучитъ, и мертвитъ,
Волнуется измѣнчивымъ желаньемъ,
То стихнетъ вдругъ, то бурно закипитъ,
И сердце вновь пробудится страданьемъ.
Зачѣмъ, зачѣмъ такъ сладко пѣла ты?
Зачѣмъ и я внималъ тебѣ такъ жадно,
И съ устъ твоихъ, пѣвица красоты,
Пилъ ядъ мечты и страсти безотрадной?

(Элегія).

Сравненіе наше поэзіи Веневитинова съ сафиромъ подходитъ въ особенности, такъ какъ онъ самъ говоритъ, что его любимый цвѣтъ — ясного, сафирнаго неба:

«Люблю я цвѣтъ лазури ясной: онъ часто томностью плѣнялъ мои задумчивыя вѣжды и въ сердце робкое вливалъ отрадный лучъ благой надежды...

...Люблю цвѣтъ радуги прозрачной,—но изъ цвѣтовъ любимый мой есть цвѣтъ денницы молодой: въ семъ цвѣтѣ, какъ въ одеждѣ брачной, сіяетъ утромъ небосклонъ; онъ цвѣтъ невинности счастливой; онъ чистъ, какъ дѣвы взоръ стыдливой; и ясенъ, какъ младенца сонъ...

...На небѣ всѣ цвѣта прекрасны, всѣ дышатъ горней красотой; но межъ цвѣтовъ есть цвѣтъ святой, то цвѣтъ денницы молодой...

(Любимый цвѣтъ).

Идеалъ поэта и служенія его обрисовывается у Веневитинова разительными чертами:

«Тебѣ знакомъ ли сынъ боговъ, питомецъ музъ и вдохновенья? Узналъ ли бъ межъ земныхъ сыновъ ты рѣчь его, его движенья?—Не вспыльчивъ онъ, и строгій умъ не блещетъ въ шумномъ разговорѣ, но ясный лучъ высокихъ думъ невольно свѣтитъ въ ясномъ взорѣ... Его богиня — простота, и тихій геній размышленья...

Все тайна въ немъ, все въ немъ молчитъ...»

(Поэтъ).

Послѣдніе стихи Веневитинова являются предостереженіемъ противъ «лже-пророковъ».

Люби питомца вдохновенья
И гордый умъ предъ нимъ склоняй:
Но въ чистой жаждѣ наслажденья
Не каждой арфѣ слухъ ввѣряй.
Не много истинныхъ пророковъ
Съ печатью тайны на челѣ,
Съ дарами выспреннихъ уроковъ,
Съ глаголомъ неба на землѣ.

§ 12. «Гражданская» поэзія въ 20-хъ годахъ нашла талантливаго представителя въ лицѣ Кондратія Ѳедоровича Рылѣева. Онъ родился 18 сентября 1795 года. Офицеромъ участвовалъ въ кампаніи 1814 года и въ 1815 г. былъ въ Парижѣ. Въ отставкѣ съ 1818 г. Въ періодъ 1820—1821 гг. массонъ, какъ и вся блестящая молодежь того времени. За участіе въ заговорѣ 14 декабря 1825 г. былъ казненъ вмѣстѣ съ главными зачинщиками — Пестелемъ, Сергѣемъ Муравьевымъ, Бестужевымъ-Рюминымъ, Коховскимъ, 13 іюля 1827 года, черезъ повѣшеніе. Глубоко религіозный, какъ это видно изъ предсмертныхъ писемъ его, Рылѣевъ былъ полонъ того патріотизма, который воспитало въ молодежи чтеніе Плутарха и борьба съ Наполеономъ въ 1812 году, полонъ освободительныхъ, благородныхъ стремленій. Первое стихореніе его было направлено противъ Аракчеева:

Надменный временщикъ и подлый, и коварный
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,

Неистовый тиранъ родной страны своей.
Взнесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй!
Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь
И въ грозномъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь.
Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ!
...Вострепещи, о временщикъ надменный!
Народъ тиранствами ужасенъ разъяренный! [428а]).

Это стихотвореніе, поразившее и плѣнившее всѣхъ дерзостью сошло съ рукъ Рылѣеву. «Временщикъ» не узналъ или не пожелалъ себя узнать. Направленіе ума Рылѣева, собственно представляло тотъ либерализмъ, который, въ началѣ царствованія Александра Павловича, раздѣлялся и имъ самимъ, и его первыми любимцами:

Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородный —
Неправосудье истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей:
Будь просвѣщенья покровитель:
Оно надежный другъ властей.
Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность русскихъ странъ;
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданинъ для согражданъ,
Будь Антониномъ на престолѣ [428в]).

Почти то-же говорилъ и Карамзинъ въ привѣтствіи воцаренія Александра I-го. И въ пророческомъ стихотвореніи Жуковскаго «На рожденіе В. К. Александра Николаевича», (1818 г.) будущаго Царя Освободителя, читаемъ: «Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ! Да славнаго участникъ славный будетъ! Да на чредѣ высокой не забудетъ святѣйшаго изъ званій: человѣкъ. Жить для вѣковъ въ величіи народномъ, для блага всѣхъ—свое позабывать, лишь въ голосѣ отечества свободномъ съ смиреніемъ дѣла свои читать: вотъ правила царей великихъ внуку.» И Пушкинъ восклицалъ: «Увижу ли народъ освобожденный и рабство павшее по манію царя!»

Свои идеалы Рылѣевъ выразилъ въ «Думахъ», съ точки зрѣнія художественнаго вкуса фальшивыхъ, въ стилѣ трагедій Озерова, но писанныхъ прекрасными стихами. Основная ихъ идея, опять таки, провозглашена въ

[428а]) Къ временщику. Невскій зритель. 1820. IV.

[428в]) Ода на день тезоименитства Его И. В. Великаго Князя Александра Николаевича, 30-го августа 1823 года.

«Наказѣ» Екатерины, развита Пнинымъ въ его «Опытѣ»,— идея о тождественности «вольности» и «закона», «самовластія» и «беззаконія»:

Доколь намъ, други, предъ тираномъ
Склонять покорную главу
И заодно съ презрѣннымъ ханомъ
Позорить сильную Москву?
. . . .
Летимъ — и возвратимъ народу
Залогъ блаженства чуждыхъ странъ:
Святую праотцевъ свободу
И древнія права гражданъ.
. . . .
«Къ врагамъ! За Донъ!» вскричали войски:
«За вольность, правду и законъ!»

(Дмитрій Донской. 1822.).

Рылѣевъ не отвергаетъ самодержавія, но отличаетъ его отъ деспотизма, какъ волю просвѣщенную, свободно-законную, ко благу всѣхъ направляющую свои велѣнія. И службу Царю онъ отожествляетъ съ честью.

Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья!
Пусть будетъ мужъ совѣта онъ
И мученикъ позорной казни,
Стоять за правду и законъ,
Какъ Долгорукій, безъ боязни.

(Волынскій. 1822.)

«Самовластіе» должно отличать отъ «самодержавія». Самодержавіе основано на законѣ, и поэтому ведетъ къ повиновенію. Но тиранъ-чужеземецъ разрѣшаетъ всѣ клятвы:

Надъ кипящею пучиною,
Подпершись, сидитъ Вадимъ
И на Новгородъ съ кручиною
Смотритъ нѣмъ и недвижимъ.
. . . .
«До какого насъ безславія
Довели вражды гражданъ!
Насылаетъ Скандинавія
Властелиновъ для славянъ!..
«Грозенъ князь самовластительный!
Но наступитъ мракъ ночной;
И настанетъ часъ рѣшительный,
Часъ для гражданъ роковой.

(Вадимъ).

«Я не поэтъ—я гражданинъ», — говоритъ Рылѣевъ въ посвященіи къ поэмѣ «Войнаровскій», и эти слова воскресаютъ позднѣе у Некрасова: «Довольно даже намъ поэтовъ, но нужно, нужно намъ граждан». Въ то-же время предъ воображеніемъ Рылѣева стояли образцы римской доблести:

Чтить Брута съ дѣтства я привыкъ:
Защитникъ Рима благородный,
Душою истинно свободный,
Дѣлами истинно великъ.
Но онъ достоинъ укоризны—
Согражданъ самъ онъ погубилъ:
Онъ торжество враговъ отчизны
Самоубійствомъ утвердилъ.

(Войнаровскій).

Символъ Рылѣева—освобожденіе крѣпостныхъ, — какъ у Радищева и Новикова въ XVIII-мъ вѣкѣ, и потомъ у людей 40-хъ годовъ, давшихъ «аннибалову клятву» бороться съ рабовладѣніемъ:

Мнѣ адъ — Украйну зрѣть въ неволѣ,
Ее свободной видѣть—рай!..
Еще отъ самой колыбели
Къ свободѣ страсть зажглась во мнѣ...

(Исповѣдь Наливайки).

«Общественное благо», «свобода и законы», «гражданская доблесть», «гражданинъ» — вотъ постоянно повторяющіяся въ одахъ и думахъ Рылѣева идеи:

Не ты-ль, о мужество гражданъ,
Неколебимыхъ, благородныхъ,
Не ты-ли геній древнихъ странъ,
Не ты-ли сила душъ свободныхъ.

. . . .

Одушевленные тобой,
Презрѣвъ враговъ, презрѣвъ обиды,
Отъ бѣдъ спасали край родной,
Сіяя славой, Аристиды:
Въ изгнаніи, въ чужихъ краяхъ
Не погасала въ ихъ сердцахъ,
Любовь къ общественному благу,
Любовь къ согражданамъ своимъ:
Они благотворили имъ

. . . .

Лишь Римъ, вселенной властелинъ,
Сей край свободы и законовъ,
Возмогъ произвести одинъ,
И Брутовъ двухъ, и двухъ Катоновъ.

(Гражданское мужество. Ода. 1823.)

«Напиши мнѣ о Московскомъ Парнассѣ. Нашъ погибаетъ, писалъ Баратынскому баронъ Дельвигъ отъ 8-го января 1826 года,—и дѣло ли мирныхъ Музъ вооружаться пламенниками народнаго возмущенія? Бунтовали бы на трагическихъ подмосткахъ, для удовольствія мирныхъ гражданъ, проливали бы рѣки чернилъ въ журнальныхъ битвахъ и спокойно бы вѣрили законодателямъ классической или романтической школы».

То, что Рылѣевъ былъ дѣйствительно гражданинъ, а не только риторъ стихотворецъ, вывело его на площадь 14 декабря. Но то, что онъ не только былъ гражданинъ, но и пѣвецъ, чистый и честный, младенецъ душей, фантазеръ и рыцарь отвлеченной идеи, не позволило ему разглядѣть какое общество его окружаетъ, что за химера всѣ его гражданственныя воззванія среди крѣпостниковъ, временщиковъ и казнокрадовъ. Въ предсмертномъ письмѣ къ Государю, поэтъ выразилъ полное раскаяніе. На сколько наивны, на столько сильны, прекрасны эти стихи Рылѣева:

«Я-ль буду въ роковое время позорить гражданина санъ и подражать тебѣ, изнѣженное племя переродившихся славянъ? Нѣтъ не способенъ я въ объятьяхъ сладострастья, въ постыдной праздности влачить свой вѣкъ младой и изнывать кипящею душей, подъ тяжкимъ игомъ самовластья! Пусть юноши, не разгадавъ судьбы, постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка и не готовятся для будущей борьбы за угнетенную свободу человѣка. Пусть съ хладнокровіемъ бросаютъ хладный взоръ на бѣдствія страдающей отчизны и не читаютъ въ нихъ грядущій свой позоръ и справедливыя потомковъ укоризны. Они раскаются, когда народъ возставъ (?), застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги, и въ бурномъ мятежѣ пища (?) свободныхъ правъ, въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріэги. 1825 г. Декабрь[429]).

§ 13. Александръ Ивановичъ Подолинскій (род. 1806 г.—ум. 1886 г.) не яркая, но все же прекрасная звѣздочка плеяды 20-хъ годовъ. Первое произведеніе его — Дивъ и Пери . «повѣсть въ стихахъ»—вышло въ 1827 году.

«Имя сочинителя, писалъ о поэмѣ Полевой, совсѣмъ неизвѣстно было въ нашей словесности: онъ не являлся съ элегіями, пѣсенками, куплетами и проч. и проч. въ Альманахахъ и журналахъ. Можемъ полагать навѣрное, что поэма: Дивъ и Пери есть первый опытъ г-на Подолинскаго. Если такъ, поздравляемъ поэта съ началомъ прекраснымъ, какъ заря весенняго дня. Г-нъ Подолинскій началъ смѣлымъ подвигомъ и показываетъ намъ въ поэмѣ своей дарованіе могущественное»[430]).

Слѣдующая поэма (Борскій. Соч. А. Подолинскаго. Спб. 1829 г. in 8°, 81 стр.) тоже встрѣчена Полевымъ весьма благосклонно: «Появленіе сей

---

429) Соч. Рылѣева. Изд. 1895 г. Спб. Стр. 108 и 109.

430) Тел. 1827, ч. 18-я, № 21, стр. 83. Критика.

поэмы рѣшительно доказываетъ, что г-нъ Подолинскій владѣетъ поэтическимъ языкомъ въ совершенствѣ»[431]).

Конечно, «могущественнаго» дарованія у Подолинскаго не было, стихи его по содержанію часто наивны, но они прелестны какой-то миловидностью юношеской.

Содержаніе первой поэмы фантастическое, въ стилѣ Мура:

«И, какъ радуги отливъ, изъ ущелистой громады съ шумомъ льются водопады,— и кругомъ, между цвѣтовъ, будто искры золотыя въ воздухѣ вѣтромъ поднятыя, блещутъ крылья мотыльковъ... Дивы силой талисмана изъ сокровищъ океана тамъ сложили дивный гротъ; въ немъ то перлы, то кораллы, то янтарные кристаллы...» «Плѣнительная Пери въ гротѣ томъ заключена — чуть мелькаетъ, чуть видна сквозь рѣшетчатыя двери; и предъ ней, главу склонивъ, недвижимъ на камнѣ мшистомъ, стражъ ея, суровый Дивъ виденъ въ свѣтѣ серебристомъ потухающей луны. И на Дива съ вышины вѣтръ прохладный налетаетъ, и колебля пухъ крыла, кудри черные взвиваетъ и клубитъ ихъ вкругъ чела»[432]).

Къ поэмѣ характерный эпиграфъ: «Въ войнахъ у Дивовъ и Пери, коль скоро первые брали въ плѣнъ послѣднихъ, то запирали ихъ въ желѣзныя клѣтки, которыя привѣшивали къ высокимъ деревьямъ. Подруги плѣнницъ посѣщали ихъ и приносили имъ лучшія благовонія». (Ричардсонъ).

Мы видимъ, что Подолинскій ослабилъ образъ восточнаго сказанія. Онъ замѣнилъ висящую клѣтку—гротомъ съ рѣшетчатыми дверями и тѣмъ прозаизировалъ образъ. Именно «могущества» и смѣлости не было въ дарованіи Подолинскаго, преимущественно живописномъ, пастельномъ, арабесочномъ. «Борскій» — блѣдная попытка создать Байроническій образъ. «Подолинскому говорить нечего, писалъ Дельвигъ Баратынскому, — онъ при легкости писать гладкіе стихи... принесъ мнѣ «Борскаго» процензурованнымъ и просилъ совѣтовъ. Я посовѣтовалъ напечатать, другого ничего не оставалось дѣлать»[433]).

Узелъ поэмы,— нелѣпѣйшее и неестественное преступленіе Борскаго: убійство невинной жены изъ дикой ревности:

«Ея измѣна ужасна! — Слушай: вдругъ въ ночи встаетъ она — къ окну подходитъ и тихо съ кѣмъ-то рѣчь заводитъ — и вотъ я слышу: «другъ! постой—куда бѣжишь? —Я за тобой!» Сказала — въ это же мгновенье она въ дверяхъ... но гнѣвъ и мщенье во мнѣ кипитъ и... Священникъ: Своего врага ты видѣлъ?.. Борскій: Никого! Искалъ я всюду— но напрасно — она

[431]) Тел. 1829. № 3, стр. 408.

[432]) Сочиненія А. И. Подолинскаго. Часть первая. Спб. 1860. Дивъ и Пери. Стр. 12, 13 и 14.

[433]) Начало 1829 г. Соч. Дельвига. Стр. 167.

погибла—но его я не видалъ... Священникъ: Теперь все ясно! Ты обманулъ себя ужасно! Владиміръ! О когда-бъ я зналъ, я-бъ этой тайны не скрывалъ! Борскій: Мнѣ тайнъ твоихъ не нужно болѣ! Измѣна! Кровь! вся тайна тутъ — и вотъ свершенъ небесный судъ. Священникъ. Нѣтъ! въ заблужденьи этомъ долѣ не будешь ты—твоя жена невинна! Знай:—была она—лунатикъ и... Борскій: Лунатикъ!.. Священникъ: Знаю—ударъ жестокій довершаю — но я не лгу — свидѣтель Богъ!..

Какъ безумный тутъ Борскій въ двери—и бѣжитъ,—священникъ вслѣдъ за нимъ глядитъ, и вотъ, при свѣтѣ ночи лунной, онъ видитъ—Борскій по полямъ бѣжитъ... куда?.. не знаетъ самъ!..»[434]).

Трупъ Борскаго находятъ потомъ въ лѣсу. А все причиной—разочарованность:

Кто рано жизнью утомленъ,
Страстями жаркими измученъ,
Тотъ сердцемъ къ жизни охлажденъ
И съ тайной грустью неразлученъ...
...Таковъ Владиміръ...
...Послушный гордому уму,
Подъ грузомъ тяжкихъ подозрѣній,
Ужъ онъ не вѣрилъ никому...[435]).

Однако во многихъ лирическихъ стихотвореніяхъ Подолинскій прекрасенъ, хотя и не выдержанъ. Таково стихотвореніе «Природа»:

«Цвѣтетъ она розой, летитъ мотылькомъ, въ дубравахъ, долинахъ поетъ соловьемъ, могучей пятою колеблетъ гранитъ, и брызгами въ пропость съ утеса летитъ. Изъ сновъ развиваетъ блестящую цѣпь, дыханьемъ волнуетъ песчаную степь, сливаетъ свой голосъ съ напѣвомъ духовъ, и радугой блещетъ въ дыму облаковъ, надъ бездной воздушной чертогъ создаетъ, и мысль человѣка и сердце зоветъ, но видима всюду, но всюду слышна, лишь издали манитъ и кличетъ она: Кто-жъ близко подходитъ, познаньемъ томимъ, волшебница бездну разверзнетъ подъ нимъ»[436]).

Или это: «Ночи ризою обвитъ, духъ невидимый паритъ, но незримаго владыки море чуетъ перелетъ, и привѣтствуютъ музыкой духа бури, духи водъ. Духъ! возьми меня съ собой!.. Брось въ кипящую струю душу мертвую мою, думой бурь твоихъ достойной озари ее въ громахъ, дай ей пламень страсти знойной, или сожги въ своихъ лучахъ!»[437]).

Изъ второстепенныхъ лириковъ пушкинской плеяды упомянемъ здѣсь: Василій Ивановичъ Туманскій (род. 28 февр. 1802 г. ум. 23-го мар. 1860),

434) Борскій. Стр. 104—107.
435) Борскій. Стр. 67 и 68.
436) Соч. Стр. 283.
437) Мелодія. I. 284 и 285.

авторъ немногихъ, но прекрасныхъ лирическихъ пьесъ; Өедоръ Антоновичъ Туманскій (ум. 5 іюля 1853 г.) его двородный братъ, авторъ стихотворенія, вошедшаго во всѣ хрестоматіи: «Вчера я отворилъ темницу воздушной плѣнницы моей...» Кн. Александръ Ивановичъ Одоевскій, декабристъ, (род. 1802 года—ум. 10-го окт. 1839 г.) Немногія изъ его импровизацій сохранились и составляютъ маленькую книжку. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ (1804 1860)—публицистъ и богословъ, славянофилъ, авторъ исполненныхъ пафоса громкихъ одъ въ духѣ его направленія и нѣсколькихъ глубокихъ стихотвореній съ философской подкладкой. Викторъ Алексѣевичъ Тепляковъ (ум. въ Парижѣ 1838), авторъ «Фракійскихъ Элегій» прозванный за страсть къ путешествіямъ Пушкинымъ—«Мельмотъ-Скиталецъ». Дмитрій Петровичъ Ознобишинъ—лирикъ, выступившій въ 1829 г. въ «Галатеѣ» Раича.

БИБЛІОГРАФІЯ: Воспоминанія А. П. Подолинскаго. Русскій Архивъ. 1872. Кн. 3 и 4. Некрологъ О. Ө. Миллера. Русская Старина. 1886. № 2. Автобіографическая записка. Русская Старина. 1885. № 1. Статья Кіевскаго: «Послѣдній изъ пушкинской плеяды». Русск. Вѣстн. 1886. № 1. Перечень его стихотвореній сдѣланъ Д. Языковымъ. Истор. Вѣстникъ. 1889. № 12.

IV.

§ 1. Центральнымъ явленіемъ драматургіи 20-хъ годовъ безъ сомнѣнія должно считать геніальную комедію Грибоѣдова «Горе отъ ума». Она была встрѣчена единодушными похвалами, если не считать «Вѣстника Европы», гдѣ противъ нее выступилъ посредственный стихотворецъ Михаилъ Дмитріевъ. «Полярная звѣзда» такъ говорила о «рукописной» еще комедіи:

«Рукописная комедія г. Грибоѣдова: Горе отъ ума, феноменъ, какого не видали мы отъ временъ Недоросля. Толпа характеровъ, обрисованныхъ смѣло и рѣзко; живая картина московскихъ нравовъ, душа въ чувствованіяхъ, умъ и остроуміе въ рѣчахъ, невиданная доселѣ бѣглость и природа разговорнаго русскаго языка въ стихахъ. Все это завлекаетъ, поражаетъ, приковываетъ вниманіе. Человѣкъ съ сердцемъ не прочтетъ ее не смѣявшись, не тронувшись до слезъ. Люди, привычные даже забавляться по французской систематикѣ, или оскорбленные зеркальностію сценъ, говорятъ, что въ ней нѣтъ завязки, что авторъ не по правиламъ нравится; —но пусть они говорятъ, что имъ угодно; предразсудки разсѣются и будущее оцѣнитъ достаточно сію комедію, и поставитъ ее въ число первыхъ твореній народныхъ» [48]). Отрывокъ изъ комедіи появился въ печати впервые въ Альманахѣ Булгарина на 1824 г. «Русская Талія». Вотъ отзывъ «Телеграфа»:

---

48) А. Бестужевъ. Стр. 17 и 18.

«Первою статьею должно почесть отрывокъ изъ комедіи: Горе отъ ума, соч. А. С. Грибоѣдова. Еще ни въ одной русской комедіи не находили мы такихъ острыхъ, новыхъ мыслей и такихъ живыхъ картинъ общества, какія находимъ въ комедіи Горе отъ ума. Загорѣцкій, Наталья Дмитріевна, князь Тугоуховъ, Хлестова, Скалозубъ списаны мастерскою кистью. Смѣемъ надѣяться, что читавшие и читавшія отрывокъ позволятъ намъ отъ лица всѣхъ просить г. Грибоѣдова издать всю комедію: до того не можемъ сказать ни слова о завязкѣ и родѣ комедіи. Безпристрастно судя, надобно бы пожелать больше гармоніи и чистоты въ стихахъ Грибоѣдова. Выраженія: глазомъ не прищуря—кто-жъ радуется эдакъ—черно-мазенькій—домъ зеленью раскрашенъ —нѣтъ дѣла — слыли за дураковъ — опротивить — къ прикмахеру и т. п. дерутъ уши. Отрывки изъ комедій г. Хмельницкаго: Нерѣшительный и Школа женщинъ, прекрасны: стихи какъ будто льются, и смѣло можно сказать, что никто не пишетъ у насъ стиховъ въ комедіяхъ пріятнѣе Хмельницкаго» [439]). Эти замѣчанія о языкѣ, весьма характерные для времени, чрезвычайно разсердили друга Грибоѣдова—Булгарина. Полевой, однако, твердо защищалъ комедію [440]):

Анти-критика. Замѣчанія на сужденія Мих. Дмитріева о комедіи: Горе отъ ума (въ В. Е.). Всѣ русскіе журналы (за исключеніемъ В. Е.) наполнены похвалами сей комедіи. Это прекрасное произведеніе конечно не имѣетъ нужды ни въ похвалахъ, ни въ защитѣ отъ нападеній г. Дмитріева, оно безъ сомнѣнія переживетъ всѣ журнальныя статейки...» Мнѣніе о языкѣ скоро мѣняется:

«Не знаю кто-то въ Сынѣ Отечества сказалъ, что до Грибоѣдова мы не имѣли въ комедіи разговорнаго слога, и эта мысль совершенно справедлива: до Грибоѣдова слогъ нашихъ комедій былъ слѣпкомъ слога французскихъ; натянутыя, выглаженныя фразы, заключенныя въ шестистопныхъ стихахъ, приправленныя именами Милоновъ и Миленъ, заставляли почитать даже оригинальныя комедіи переводными: непринужденность была согнана съ комической сцены: у одного г. Грибоѣдова мы находимъ непринужденный, легкій, совершенно такой языкъ, какимъ говорятъ у насъ въ обществахъ, у него одного въ слогѣ находимъ мы колоритъ русскій. Въ семъ случаѣ нельзя доказывать теоретически: но вотъ практическое доказательство словъ моихъ: почти всѣ стихи комедіи Грибоѣдова сдѣлались пословицами и мнѣ часто случалось слышать въ обществѣ цѣлые разговоры, которыхъ большую часть составляли — стихи изъ Горя отъ ума» [441]).

Взглядъ на переводы избранныхъ драматическихъ твореній всѣхъ наро-

---

[439]) Стр. 167—168.
[440]) М. Т. 1825 г. № 10.
[441]) Id. Стр. 11.

довъ кажется намъ весьма поучительнымъ. Онъ можетъ поубавить спѣси и у нашихъ русскихъ классиковъ и вразумить ихъ, что ограниченіе литературы однимъ классицизмомъ, не доводитъ ничьей словесности до великихъ самобытныхъ красотъ, болѣе заставляетъ творить рабскіе сколки съ великихъ твореній и что истинно-самостоятельная словесность является только тамъ, гдѣ генію народа дается полная свобода и указываются ему единственно законы истинно-изящнаго, а не заковывается онъ въ непреложныя условія какого-нибудь образца... какъ часто слыхали мы добродушныя восклицанія о нашей литературѣ; но просимъ поставить себя на мѣсто переводчика, который просвѣщенному, образованному европейцу, взялся представить нѣсколько драматическихъ пьесъ, могущихъ дать понятіе о русской драмѣ: богатъ ли рудникъ, изъ котораго можетъ онъ черпать? Самородное ли золото представитъ онъ на показъ? — У насъ, вѣроятно, есть нѣсколько сотъ трагедій, комедій, драмъ, оперъ и водевилей, а согласиться надобно, что положеніе переводчика было бы хуже Париса... Въ нынѣшней трагедіи русской, кромѣ Озерова, ни на кого не могъ пасть выборъ. Переводить трагедіи Сумарокова, Ломоносова и Хераскова, отъ коихъ отказываются уже и соотечественники, было бы невозможно. Но кромѣ сихъ трагиковъ только Озеровъ и представляетъ въ нашей словесности нѣкоторую самостоятельность. Всѣ другіе трагики наши —или произвели творенія, не заслуживающія вниманія иностранцевъ, или переводили съ французскаго, или подражали французскимъ, одѣвая своихъ героевъ по мѣркѣ французской Мельпомены, и часто даже въ платье, лоскутками взятое у Расина, Корнеля, Вольтера или Дюсиса. Комедія наша могла представить для перевода немного болѣе, нежели трагедія. Если бы Горе отъ ума была уже издана, всего бы лучше перевесть ее: до сихъ поръ Русская Талія ничего не произвела самобытнѣе и природнѣе сей комедіи, а кромѣ нея, что можно выбрать изъ русскаго театра? Какую-нибудь комедію Княжнина, Фонъ-Визина, Капниста, князя Шаховского.—Переводчикъ рѣшился передать иностранцамъ Недоросля, какъ такую пьесу, гдѣ весьма вѣрно изображены нравы нѣкоторыхъ нашихъ дворянъ прошлаго вѣка и гдѣ обширнѣе другихъ комедій картина. Комедіи Княжнина вообще неоригинальны и довольно несообразны въ частяхъ: комедіи князя Шаховского односторонни и болѣе подражанія, нежели сочиненія: Ябеда, Капниста, конечно, пьеса достойная уваженія, но можетъ имѣть цѣну только въ русскомъ оригиналѣ, а не въ переводѣ. . Наконецъ мелкія пьесы наши — оперетки, водевили, небольшія комедіи почти ничего не могли представить для перевода, ибо здѣсь все сплошь или переводъ, или подражаніе, и часто подражаніе французскому подражанію [115]).

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ родился въ Москвѣ, января 4 дня

---

115) Тел., ч. 9, № 9, стр. 48, 49, 50 и 51, 1826 г.

1795 года. Въ 1810 (или 1811?) поступилъ въ университетъ, слушалъ Гейма, Булле, Сохацкаго, Рейнгарда, Шлецера и Спѣшнева. Изучалъ Плавта и Терренція и писалъ стихи (не сохранившіеся).

Въ Польшѣ, въ 1812 г., на службѣ въ гусарахъ познакомился съ кн. Шаховскимъ. Въ отставку вышелъ въ 1816 г. Въ этомъ году, по свидѣтельству Бѣгичева, у него явилась мысль о «Горе отъ ума», и написано нѣсколько сценъ. Въ 1815 г.— знакомство съ Хмельницкимъ, Жандромъ и Гречемъ; статьи въ С. О. Въ 1819 г.—Грибоѣдовъ читалъ Бебутову наброски комедіи («Воен. Сборн.» 1867 г., VI, 278). Въ 1822 г. комедія кончена въ Тифлисѣ («Сынъ Отеч.», 1830 г., I стр. 12). Въ 1823 г. Вьельгорскій нашелъ разбросанные листки изъ комедіи и вѣсть о ней и сама она попала въ публику. Въ маѣ написаны 3-й и 4-й акты. Въ 1824 г. Каратыгинъ писалъ Катенину, что Грибоѣдовъ хлопочетъ о пропускѣ комедіи (Русск. Арх. 1871 г. № 6, стр. 241). Въ 1826 г. По словамъ Д. А. Смирнова, Г—овъ относится иронически къ декабристамъ: «сто человѣкъ прапорщиковъ хотятъ измѣнить весь государственный бытъ Россіи» (Бесѣды Общ. Люб. Рос. Слов., II, 20). 30 января 1829 г. убитъ чернью въ Тегеранѣ. «Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя»! такую надпись его жена, Нина, выбила на гробницѣ[443]). Чрезвычайно важна оцѣнка комедіи самаго «взыскательнаго художника»[444]).

«Первое начертаніе этой сценической поэмы, какъ оно родилось во мнѣ, было гораздо великолѣпнѣе и высшаго значенія, чѣмъ теперь, въ суетномъ нарядѣ, въ который я принужденъ былъ облечь его. Ребяческое удовольствіе слышать стихи мои въ театрѣ; желаніе имъ успѣха заставили меня портить мое созданіе, сколько можно было»[445]).

Характеръ Фамусова изображенъ въ слѣдующемъ наброскѣ:

«Вотъ характеръ, который почти исчезъ въ наше время, но двадцать лѣтъ тому назадъ былъ господствующимъ, характеръ моего дяди. Историку представляю объяснить, отчего въ тогдашнемъ поколѣніи развита была повсюду какая-то смѣсь пороковъ и любезностей; извнѣ рыцарство въ нравахъ, а въ сердцахъ отсутствіе всякаго чувства. Тогда уже многіе дуэлировались, но всякій пылалъ непреодолимою страстью обманывать женщинъ въ любви, мужчинъ въ карты... Объяснимся круглѣе: у всякаго были въ душѣ безчестность и лживость на языкѣ... дядя мой принадлежалъ къ той эпохѣ. Онъ какъ левъ дрался съ турками при Суворовѣ, потомъ пресмы-

---

[443]) Соч. т. I. Хронологическая канва для изученія біографіи А. С. Грибоѣдова. Стр. V—XLVIII.

[444]) Соч. А. С. Грибоѣдова, подъ ред. Шляпкина. Т. I. Спб. 1889 г.

[445]) Черновой набросокъ. Послѣ 1823 года. Томъ I. Стр. 83.

кался въ переднихъ всѣхъ случайныхъ людей въ Петербургѣ. въ отставкѣ жилъ сплетнями. Образецъ его нравоученій: *я*, братъ!»[146]).

Какъ работалъ великій драматургъ надъ своимъ созданіемъ видно изъ этихъ строкъ:

«Надѣюсь, жду, урѣзываю, мѣняю дѣло на вздоръ, такъ что во многихъ мѣстахъ моей драматической картины яркія краски совсѣмъ... (слиняли?) сержусь и возстановляю стертое. такъ что, кажется, работѣ конца не будетъ... будетъ же, добьюсь до чего нибудь... Я слишкомъ 80 стиховъ, или лучше сказать, рифмъ перемѣнилъ; теперь гладко, какъ стекло. Кромѣ того, на дорогѣ пришло мнѣ въ голову придѣлать новую развязку; я ее вставилъ между сценою Чацкаго, когда онъ увидалъ свою негодяйку (sic!), со свѣчею надъ лѣстницею, и передъ тѣмъ, какъ ему обличить ее; живая, быстрая вещь, стихи искрами посыпались. Въ самый день моего пріѣзда и въ этомъ видѣ читалъ я ее Крылову, Жандру, Хмельницкому, Шаховскому, Гр. (Гречу?) и Булг. (Булгарину?). Колосовой. Каратыгину, дай счесть — 8 чтеній, нѣтъ обчелся, — двѣнадцать; третьяго дня обѣдъ былъ у Столыпина и опять чтеніе, и еще слово далъ на три въ разныхъ закоулкахъ. Грому, шуму, восхищенію, любопытству конца нѣтъ. Шаховской рѣшительно признаетъ себя побѣжденнымъ (на этотъ разъ) (sic!)»[147]).

Къ отзывамъ о комедіи, хотя бы и хвалебнымъ, Грибоѣдовъ былъ очень щекотливъ. Такъ онъ было поссорился съ своимъ другомъ Булгаринымъ, какъ это видно изъ слѣдующаго письма:

«Лично не имѣю противъ васъ ничего; знаю, что намѣреніе ваше было чисто, когда вы меня, подъ именемъ Талантина, хвалили печатно... Но мои правила, правила благопристойности и собственное къ себѣ уваженіе не дозволяютъ мнѣ быть предметомъ похвалы незаслуженной, или во всякомъ случаѣ слишкомъ предускоренной. Вы меня хвалили, какъ автора, а я именно, какъ авторъ ничего еще не произвелъ истинно-изящнаго... Разстанемтесь»[148]).

На письмѣ помѣтка Булгарина: «Грибоѣдовъ въ минуту сумасшествія».

Поводомъ послужила статья Булгарина въ Литературныхъ Листкахъ 1824 г. ч. III. Августъ. № XVI «Литературные призраки».

Подъ именемъ «истиннаго литератора» Талантина изображенъ Г—овъ. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ діалога говоритъ ему: Я знаю вашу комедію (Притворная невѣрность), видѣлъ ее на театрѣ, читалъ напечатанную, и всегда восхищался живостью мыслей, плавностью стиховъ, и занимательностью положеній дѣйствующихъ лицъ... Я слышалъ отъ одного знатока,

---

[146]) Характеръ моего дяди. Безъ даты. Т. I. Стр. 153 и 154.
[147]) Письмо С. Н. Бѣгичеву. Августъ 1824 года. Т. I. Стр. 185 и 186.
[148]) Письмо Ѳ. В. Булгарину. Октябрь 1824 г., т. I, стр. 192 и 193.

что у васъ есть другая комедія въ рукописи (Горе отъ Ума), которая воскреситъ у насъ на сценѣ память фонъ-Визина.

Къ статьѣ примѣчаніе: «Сочинитель сей статьи излишнимъ почитаетъ предувѣдомлять своихъ читателей, что въ ней нѣтъ никакихъ личностей, что имена и разговоръ выдуманы; и на самомъ дѣлѣ никогда не существовали».

Къ мнѣнію журналистовъ Грибоѣдовъ относился весьма презрительно:

«Вчера я обѣдалъ со всею сволочью здѣшнихъ литераторовъ. Не могу пожаловаться, отовсюду колѣнопреклоненія и ѳиміамъ, но вмѣстѣ съ этимъ — сытость отъ ихъ дурачествъ, ихъ сплетенъ, ихъ мишурныхъ талантовъ, и мелкихъ ихъ душенокъ» [449]).

Между тѣмъ поэтъ самъ лучше всего выясняетъ смыслъ своей комедіи, въ отвѣтъ на критическія замѣчанія Катенина, мнѣніемъ котораго, какъ знатока онъ дорожилъ:

«Ты находишь главную погрѣшность въ планѣ: — мнѣ кажется, что онъ простъ и ясенъ по цѣли и исполненію: дѣвушка сама не глупая, предпочитаетъ дурака умному человѣку... и этотъ человѣкъ разумѣется въ противурѣчіи съ обществомъ его окружающимъ, его никто не понимаетъ, никто простить не хочетъ, за то (что) онъ немножко повыше прочихъ; сначала онъ веселъ, и это порокъ: «Шутить и вѣкъ шутить, какъ васъ на это станетъ!» — Слегка перебираетъ странности прежнихъ знакомыхъ, что же дѣлать, коли нѣтъ въ нихъ благороднѣйшей замѣтной черты! Его насмѣшки не язвительны; покуда его не взбѣсить, но все таки: Не человѣкъ! змѣя!» а послѣ, когда вмѣшивается личность — «нашихъ затронули», предается анаѳемѣ: Унизить радъ, кольнуть! Завистливъ, гордъ и золъ! Не терпитъ подлости: Ахъ! Боже мой, онъ Карбонарій! Кто-то (?) со злости выдумалъ о немъ, что онъ сумасшедшій, никто не повѣрилъ и всѣ повторяютъ, голосъ общаго недоброхотства и до него доходитъ, притомъ и не любовь къ нему той дѣвушки, для которой единственно онъ явился въ Москву, ему совершенно объясняется, онъ ей и всѣмъ наплевалъ въ глаза и былъ таковъ. Ферзь тоже разочарована на счетъ своего сахара медовича. Что же можетъ быть полнѣе этого? [450]).

Чацкій «немножко повыше прочихъ», онъ явился въ Москву единственно ради Софіи, и разъ въ ней разочаровался «всѣмъ наплевалъ и былъ таковъ». Такимъ образомъ Чацкій только пружина комедіи, заставляющая общество до дна проявить свою истинную суть и Грибоѣдовъ не считалъ Чацкаго героемъ и идеаломъ человѣка. Существенно и слѣдующее мѣсто письма:

---

[449]) Письмо С. Н. Бѣгичеву. Спб. 4 января 1825 г., т. I, стр. 193.

[450]) Письмо П. А. Катенину. Январь 1825 г., т. I, стр. 196 и 197.

«Характеры—портреты». Да! и я коли не имѣю таланта Мольера, то по крайней мѣрѣ чистосердечнѣе его: портреты и только портреты входятъ въ составъ комедіи и трагедіи... Каррикатуръ ненавижу, въ моей картинѣ ни одной не найдешь. Вотъ моя поэтика... Одно прибавлю о характерахъ Мольера: Мѣщанинъ во дворянствѣ. Мнимый больной—портреты, и превосходные; Скупецъ: Антропосъ собственной фабрики, и несносенъ[451]).

«Дарованія болѣе, нежели искусства». Самая лестная похвала, которую ты могъ мнѣ сказать, не знаю, стою ли ее? Искусство въ томъ только и состоитъ, чтобъ поддѣлываться подъ дарованіе, а въ комъ болѣе вытверженнаго, пріобрѣтеннаго потомъ и мученіемъ искусства угождать теоретикамъ, т. е. дѣлать глупости, въ комъ, говорю я, болѣе способности удовлетворять школьнымъ требованіямъ, условіямъ, привычкамъ, бабушкинымъ преданіямъ, нежели собственной творческой силы, тотъ, если художникъ, разбей свою палитру и кисть, рѣзецъ или перо свое брось за окошко; знаю, что всякое ремесло имѣетъ свои хитрости, но чѣмъ ихъ менѣе, тѣмъ скорѣе дѣло, и не лучше ли вовсе безъ хитростей? nugae difficiles. Я какъ живу, такъ и пишу свободно и свободно»[452]).

Такова ars poetica Грибоѣдова. Комедія сразу создала ему славу... «веселаго человѣка», и это пошлое отношеніе «золоченой черни» русскаго общества его удручало:

«Наѣхали путешественники, которые меня знають по журналамъ: сочинитель Фамусова и Скалозуба, слѣдовательно веселый человѣкъ. Тьфу злодѣйство! да мнѣ невесело, скучно, отвратительно, несносно!.. И то неправда, иногда слишкомъ ласкали мое самолюбіе, знаютъ наизусть мои рифмы, ожидаютъ отъ меня, чего я можетъ быть не въ силахъ исполнить...»[453]).

По догадкамъ въ комедіи «Горе отъ ума» даны портреты слѣдующихъ личностей Москвы начала вѣка:

Чацкій — самъ Грибоѣдовъ (?) или Чаадаевъ.

Фамусовъ — дядя поэта Алексѣй Ѳедор. Грибоѣдовъ, московскій тузъ, знаменитый своими праздниками.

Скалозубъ — Фроловъ, Паскевичъ, Аракчеевъ (?).

Репетиловъ — Шатиловъ, добрый малый, но пустой, со страстью къ каламбурамъ.

Горичевъ — Илья Ивановичъ Огаревъ, сослуживецъ Грибоѣдова, лихой наѣздникъ и собесѣдникъ. Въ 1821 г. женился на Офросимовой, которая прибрала его къ рукамъ.

Хлестова — Настасья Дмитріевна Офросимова, вліятельная, правдивая старуха. Выведена въ одной комед. Ростопчина и въ «Войнѣ и Мирѣ».

---

[451]) Письмо П. А. Катенину. Январь 1825 г., т. I, стр. 197.

[452]) Id. Стр. 197.

[453]) С. Н. Бѣгичеву. Симферополь. 9-го сентября, 1825 года, т. I, стр. 205.

Тотъ черномазенькій — Сбшлевъ, прихлебатель московскихъ гостиныхъ и посѣтитель чужихъ ложъ въ театрѣ.

Наше солнышко, нашъ кладъ... — Театралъ помѣщикъ Поздняковъ.

Дядя Максимъ Петровичъ — Новосильцевъ, екатерининскій вельможа.

Татьяна Юрьевна — чиновная особа Прасковья Юрьевна Кологривова, урожденная Трубецкая.

Князь Өедоръ — молодой Яковлевъ, Алексѣй Александровичъ. (По запискамъ Пассекъ).

Удушьевъ — Пестель? Ночной разбойникъ — дуэлистъ гр. Толстой — американецъ[454]).

Въ періодъ 1827 — 1828 гг. Грибоѣдовъ задумалъ трагедію «Грузинская ночь», отъ которой остались только отрывки. «Трагедія, — увѣрялъ потомъ Булгаринъ[455]), — основанная на грузинской сказкѣ, если-бъ была такъ кончена, какъ начата, составила бы украшеніе не только одной русской, но всей европейской литературы».

Замѣчательно для характеристики взглядовъ поэта слѣдующее мѣсто: Князь: ужъ сынъ твой — рабъ другого господина, и нѣтъ его, онъ мой оставилъ домъ, онъ проданъ мной, и я былъ воленъ въ томъ, — онъ былъ мой крѣпостной... Кормилица: онъ сынъ мой! Дай мнѣ сына!

БИБЛІОГРАФІЯ: См. Приложеніе къ 2-му тому Собр. сочин. Грибоѣдова подъ ред. И. А. Шляпкина. «Библіографическій указатель произведеній А. С. Грибоѣдова и литературы о немъ» (1814 — 1889). Составл. подъ редакціей Н. М. Лисовскаго. Стр. 421—467.

§ 2. Письмо самого Грибоѣдова о своей комедіи къ Катенину можетъ служить ключемъ къ пониманію ея. Чацкій ослѣпленъ страстью, огорченъ, растроенъ, онъ же только что съ дорожной тряски, онъ болтливъ, раздражителенъ, непріятенъ, даже нелѣпъ и неприличенъ, но въ такомъ видѣ онъ является какъ бы занозой въ московскомъ обществѣ, производящей опухоль, нагноеніе, нарывъ, который лопается и разверзаетъ всю нравственную гниль и умственное убожество этого общества. Лучшую характеристику комедіи даетъ И. А. Гончаровъ[456]). Онъ начинаетъ съ опредѣленія отношенія Грибоѣдова къ Пушкину:

«Пушкинъ занялъ собою всю свою эпоху... взялъ себѣ въ эпохѣ все, кромѣ того, что успѣлъ взять Грибоѣдовъ... «Горе отъ ума» появилось

[454]) Шляпкинъ. Соч. Грибоѣдова, томъ 2-й, стр. 523, 524 и 525.

[455]) Сынъ Отеч. 1830. № 1. Стр. 28 — 30.

[456]) И. А. Гончаровъ. Четыре очерка. Спб. 1881. Милліонъ терзаній. Критическій этюдъ. Стр. 135—182.

раньше Онѣгина, Печорина, пережило ихъ, прошло невредимо чрезъ Гоголевскій періодъ, прожило эти полвѣка (писано въ 1881 г.) со времени своего появленія и все живетъ своею нетлѣнною жизнью, переживетъ и еще много эпохъ, и все не утратитъ своей жизненности... Грамотная масса... понявъ ея красоты и не найдя недостатковъ, разнесла рукопись на клочья, на стихи, полустишія, развела всю соль и мудрость пьесы въ разговорной рѣчи, точно обратила милльонъ въ гривенники... Но пьеса выдержала и это испытаніе—и не только не опошлилась, но сдѣлалась, какъ будто, дороже для читателей... какъ басни Крылова».

«Одни цѣнятъ въ комедіи картину московскихъ нравовъ извѣстной эпохи... Лица Фамусова, Молчалина, Скалозуба и другія врѣзались въ память такъ же твердо, какъ короли, валеты и дамы въ картахъ, и у всѣхъ сложилось болѣе или менѣе согласное понятіе о всѣхъ лицахъ, кромѣ Чацкаго... Только о Чацкомъ многіе недоумѣваютъ: что онъ такое? Онъ какъ будто пятьдесятъ третья какая-то загадочная карта въ колодѣ... Другіе, отдавая справедливость картинѣ нравовъ, вѣрности типовъ, дорожатъ болѣе эпиграмматической солью языка, живой сатирой — моралью, которою пьеса до сихъ поръ, какъ неистощимый колодезь, снабжаетъ всякаго на каждый обиходный шагъ жизни... Комедія «Горе отъ ума» есть и картина нравовъ и галлерея живыхъ типовъ, и вѣчно-острая, жгучая сатира, и вмѣстѣ съ тѣмъ и комедія—какая едва-ли найдется въ другихъ литературахъ... Какъ картина, комедія, безъ сомнѣнія, громадна. Полотно ея захватываетъ длинный періодъ русской жизни — отъ Екатерины до императора Николая. Въ группѣ двадцати лицъ отразилась, какъ лучъ свѣта въ каплѣ воды, вся прежняя Москва, ея рисунокъ, тогдашній духъ, историческій моментъ и нравы. И это съ такою художественною, объективною законченностью и опредѣленностью, какая далась у насъ только Пушкину и Гоголю»[455]).

Въ Грибоѣдовской комедіи мѣстный колоритъ слишкомъ ярокъ, и обозначеніе самыхъ характеровъ такъ строго очерчено, и обставлено такой реальностью деталей, что общечеловѣческія черты едва выдѣляются изъ-подъ общественныхъ положеній, ранговъ, костюмовъ и т. п. Какъ картина современныхъ нравовъ, комедія «Горе отъ ума» была отчасти анахронизмомъ и тогда, когда въ 30-хъ годахъ появилась на московской сценѣ. Уже Щепкинъ, Мочаловъ... играли не съ натуры, а по свѣжему преданію. И тогда стали исчезать рѣзкіе штрихи.

Соль, эпиграмма, сатира, этотъ разговорный стихъ, кажется, никогда не умрутъ, какъ и самъ, разсыпанный въ нихъ острый и ѣдкій живой русскій умъ, который Грибоѣдовъ заключилъ, какъ волшебникъ духа какого-нибудь въ свой замокъ, и онъ разсыпается тамъ злобнымъ смѣхомъ. Нельзя

---

455) Id. Стр. 136—139.

представить себѣ, чтобъ могла явиться когда нибудь другая, болѣе естественная, простая, болѣе взятая изъ жизни рѣчь. Проза и стихъ слились здѣсь во что-то нераздѣльное, затѣмъ, кажется, чтобы ихъ легче было удержать въ памяти и пустить опять въ оборотъ весь собранный авторомъ умъ, юморъ, шутку и злость русскаго ума и языка. Этотъ языкъ такъ же дался группѣ этихъ лицъ, какъ дался главный смыслъ комедіи, какъ далось все вмѣстѣ, будто вылилось разомъ, и все образовало необыкновенную комедію— и въ тѣсномъ смыслѣ, какъ сценическую пьесу, — и въ обширномъ, какъ комедію жизни. Другимъ ничѣмъ какъ комедіей она и не могла бы быть... Это — тонкая, умная, изящная и страстная комедія, въ тѣсномъ, техническомъ смыслѣ...

Главная роль конечно — роль Чацкаго, безъ которой не было бы комедіи, а была бы, пожалуй, картина нравовъ... Чацкій начинаетъ новый вѣкъ— и въ этомъ все его значеніе и весь умъ». Пушкинъ отказывая Чацкому въ умѣ, вѣроятно, всего болѣе имѣлъ въ виду послѣднюю сцену 4-го акта, въ сѣняхъ, при разъѣздѣ: конечно ни Онѣгинъ, ни Печоринъ, эти франты, не сдѣлали бы того, что продѣлалъ въ сѣняхъ Чацкій. Тѣ были слишкомъ дрессированы «въ наукѣ страсти нѣжной», а Чацкій отличался, между прочимъ, искренностью и прямотой. Онъ не франтъ, не левъ. Здѣсь измѣняетъ ему не только умъ, но и здравый смыслъ, даже простое приличіе. Такихъ пустяковъ надѣлалъ онъ!

Чацкій «брызнулъ на заглохшую почву живой водой — увезя съ собой «мильонъ терзаній», этотъ терновый вѣнецъ Чацкихъ,.. на эту роль не годились ни Онѣгинъ, ни Печоринъ, ни другіе франты. Они и новизной идей умѣли блистать, какъ новизной костюма, новыхъ духовъ и проч. Заѣхавъ въ глушь, Онѣгинъ... привезъ на гривенникъ новаго, и вмѣшавшись «умно», а не какъ Чацкій «глупо», въ любовь Ленскаго и Ольги и убивъ Ленскаго, увезъ съ собой не «мильонъ», а на «гривенникъ» же и терзаній![458])

§ 3. Чацкій — главная пружина комедіи, «неприличный» выскочка среди «чиннаго» общества, которое за это само начинаетъ обходиться съ нимъ «безъ чиновъ» —лгать, клеветать, подличать, гнать всѣми способами «безпокойнаго человѣка», но онъ тоже и гонимый обществомъ—умъ, здравый смыслъ, честное гражданское чувство. Онъ «умнѣе» среды. И этого достаточно:

Умъ любя просторъ—тѣснитъ.
А вздорнымъ людямъ—важны вздоры.

«Горе отъ ума» стало ходить въ рукописи съ 1823 г. и сразу завоевало себѣ симпатіи всѣхъ читателей. Въ 1825 г. въ Альманахѣ Булгарина

458) Ibid. Стр. 147, 158, 166.

«Русская Талія» явились отрывки изъ этой комедіи. именно 7-е. 8-е. 9-е и 10-е явленія перваго дѣйствія и все третье дѣйствіе. съ нѣкоторыми цензурными сокращеніями.— Похвала комедіи въ «Моск. Телегр.» задѣла за живое М. А. Дмитріева, посредственнаго стихотворца и племянника извѣстнаго баснописца Ив. Ив. Дмитріева. Задѣла потому, что «Прологъ» его былъ ѣдко осмѣянъ раньше Полевымъ. «Въ «Вѣстникѣ Европы», этомъ ковчегѣ литературнаго консерватизма. Дмитріевъ являлся противникомъ поэзіи Пушкина, пролагавшаго новые пути. и не оставилъ въ покоѣ комедію Грибоѣдова по тому-же самому», читаемъ въ критическомъ наброскѣ. приложенномъ къ изданію комедіи 1866 г. Но мы указали, что тутъ было не одно ретроградство. а уязвленное авторское самолюбіе. «Но замѣчательно вотъ что, продолжаетъ комментаторъ.— его нелѣпыя нападки на Пушкина остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, тогда какъ еще болѣе нелѣпыя нападки на «Горе отъ ума» повторялись даже Бѣлинскимъ... Находя. что Грибоѣдовъ «очень удачно изобразилъ нѣкоторые портреты», Дмитріевъ называлъ языкъ комедіи «жесткимъ. неровнымъ и неправильнымъ» (См. о языкѣ въ Тел.»), а Чацкаго лицомъ почти невозможнымъ:

«Чацкій есть не что иное. какъ сумасбродъ, который находится въ обществѣ людей совсѣмъ не глупыхъ. но необразованныхъ. и который умничаетъ передъ ними, потому что считаетъ себя умнѣе; слѣдственно. все смѣшное на сторонѣ Чацкаго! Онъ хочетъ отличиться то остроуміемъ, то бранчивымъ патріотизмомъ передъ людьми. которыхъ презираетъ; словомъ Чацкій. который долженъ быть умнѣйшимъ (почему?!) лицомъ въ пьесѣ, представленъ менѣе всѣхъ разсудительнымъ (такъ!) Это Мольеровъ Мизантропъ въ мелочахъ и каррикатурѣ... Мудрено-ли, что отъ такого лица (т. е. Чацкаго) разбѣгутся и примутъ его за сумасшедшаго?»

Этимъ отзывомъ данъ былъ сигналъ къ битвѣ въ защиту Грибоѣдова и битва продолжалась цѣлый годъ. Предѣлъ ей былъ положенъ событіями 14 декабря, которыя наложили печать молчанія на уста журналистовъ о многихъ вопросахъ и о «Горе отъ ума» въ томъ числѣ: извѣстно. что самъ Грибоѣдовъ былъ арестованъ. какъ пріятель декабристовъ, но вскорѣ былъ выпущенъ на свободу. И молчаніе о «Горе отъ ума» длилось до 1831 г.. когда комедія была поставлена на сценѣ (въ Петербургѣ. 26-го января 1831 г.. въ бенефисъ Брянскаго. въ Москвѣ — 25 февраля того же года). Но въ 1825 году битва была упорная [459]).

«Противъ Грибоѣдова говорилъ только одинъ «Вѣстникъ Европы». гдѣ продолжалъ писать Дмитріевъ. подъ псевдонимомъ Пилада Бѣлугина; «Московскій Телеграфъ» и «Сынъ Отечества» отстаивали комедію, ея языкъ.

---

[459]) «Горе отъ ума» и его критики. Предисловіе къ изданію комедіи 1886 г. Стр. IV.

ея типы, въ особенности Чацкаго... По мнѣнію Дмитріева языкъ комедіи Загоскина, Шаховского и Хмельницкаго правильнѣе и чище языка комедіи Грибоѣдова».

Напомнимъ, что это не совсѣмъ такъ, какъ мы выше видѣли, хваля вообще комедію, Полевой нападалъ на языкъ.

Въ своей книгѣ о Фонвизинѣ, князь Вяземскій хвалитъ «благородство правилъ» Чацкаго, но «способность проповѣдывать» его «утомительна». «Умъ, каковъ Чацкаго, не есть завидный, ни для себя, ни для другихъ. Въ этомъ главный порокъ автора, что посреди глупцовъ разнаго свойства вывелъ онъ одного умнаго человѣка, да и то бѣшенаго и скучнаго. Мольеровъ Альцестъ (въ «Мизантропѣ»), въ сравненіи съ Чацкимъ, настоящій Филинтъ, образецъ терпимости. Пушкинъ прекрасно характеризовалъ сіе твореніе, сказавъ: Чацкій совсѣмъ не умный человѣкъ, но Грибоѣдовъ очень уменъ». (Фонвизинъ. Спб. 1848 г. Стр. 222).

И князь Вяземскій, и Пушкинъ, согласны съ Дмитріевымъ относительно ума Чацкаго; но какой умъ они разумѣютъ? Практическій умъ человѣка уживчиваго, идущаго на компромиссы съ обществомъ, соблюдающаго свѣтскія приличія, знающаго, гдѣ можно развернуться, гдѣ слѣдуетъ сдержаться, гдѣ молчать, гдѣ иронически даже потакать глупостямъ? Очевидно, все дѣло въ этомъ. Если-бъ, вмѣсто выраженія князя Вяземскаго «незавидный умъ», поставить «невыгодный», то эта характеристика ума Чацкаго, смѣлаго, пылкаго, имѣла-бы основаніе.

Фраза Пушкина о Чацкомъ находится въ письмѣ его къ А. А. Бестужеву (Марлинскому), отъ 25 января 1825 г., изъ сельца Михайловскаго, гдѣ Пушкинъ жилъ тогда въ ссылкѣ и куда декабристъ Пущинъ привозилъ ему рукопись «Горя отъ ума». Комедіей онъ «наслаждался», называлъ ее «прелестной», говорилъ, что «половина стиховъ должна войти въ пословицы»—это пророчество сбылось.—дѣлалъ бѣглыя замѣтки о характерахъ, но оговаривался такъ: «можетъ въ иномъ я ошибся и эти замѣчанія пришли мнѣ въ голову послѣ, когда уже не могъ я справиться», то есть, когда рукописи комедіи у него уже не было. Эта оговорка чрезвычайно важна для того, чтобъ не придавать излишняго значенія тому, что сказалъ онъ о Чацкомъ, какъ окончательному приговору. А сказалъ Пушкинъ слѣдующее въ томъ-же письмѣ: «Теперь вопросъ: въ комедіи «Горе отъ ума»—кто умное дѣйствующее лицо? Отвѣтъ: Грибоѣдовъ. А знаешь-ли, что такое Чацкій? Пылкій, благородный и добрый малый, проведшій нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (именно Грибоѣдовымъ) и напитавшійся его мыслями, остротами и саркастическими замѣчаніями. Все, что говоритъ онъ, очень умно. Почему онъ говоритъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскомъ бабушкамъ? Молчалину? Это непрости-

тельно. Первый признакъ умнаго человѣка — съ перваго взгляда знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло, и не метать бисера передъ Репетиловымъ и тому под.».

Конечно, Грибоѣдовъ воспользовался Чацкимъ, чтобы въ его рѣчи вложить многія свои мысли, но главное въ томъ, что Чацкій лицо «страстное», что онъ «влюбленный», и не потому истощается въ рѣчахъ, что хочетъ прослыть «умнымъ человѣкомъ», а потому, что срываетъ сердце на обществѣ. Но, конечно, проповѣдничество было въ духѣ эпохи.

Самъ князь Вяземскій, впослѣдствіи, въ своей «Записной книжкѣ» указываетъ на людей, въ которыхъ были элементы Чацкаго, именно на Михаила Орлова, Н. Тургенева, Чаадаева, Константина Аксакова. Это были «проповѣдники слова», какъ и ихъ предшественникъ, Чацкій. Стало быть, Чацкій живое лицо, реальное лицо, какъ и Онѣгинъ, Печоринъ, Рудинъ и другіе извѣстные типы нашей литературы... Тутъ повтореніе чужихъ словъ, именно словъ М. Дмитріева, которымъ такъ посчастливилось, что они вошли и въ «Очерки русской поэзіи» Милюкова, и въ «Исторію русской Словесности» А. Д. Галахова (Т. II. Стр. 381—382), побывавъ, конечно, сначала въ статьѣ Бѣлинскаго и получивъ, вслѣдствіе этого, авторитетность. Вотъ какъ Бѣлинскій (Соч., т. III. изд. Солдатенкова) выражается о Чацкомъ: «Что за глубокій человѣкъ этотъ Чацкій? Это просто крикунъ, фразеръ, идеальный шутъ, на каждомъ шагу профанирующій все святое, о которомъ говоритъ. Неужели войти въ общество и начать всѣхъ ругать дураками и скотами — значитъ быть глубокимъ человѣкомъ?.. Глубоко вѣрно оцѣнилъ эту комедію кто-то (т. е. Дмитріевъ?), сказавшій, что это горе— только не отъ ума, а отъ умничанья. Искусство можетъ избрать своимъ предметомъ и такого человѣка, какъ Чацкій, но тогда изображеніе долженствовало-бы быть объективнымъ, а Чацкій — лицомъ комическимъ; но мы ясно видимъ, что поэтъ не шутя хотѣлъ изобразить идеалъ глубокаго человѣка въ противорѣчіи съ обществомъ, и вышло Богъ знаетъ что...» Гончаровъ въ своей статьѣ «Милліонъ Терзаній» говоритъ, что самъ Бѣлинскій былъ изъ разряда тѣхъ-же людей, что и Чацкій, и никто ему въ умѣ не отказывалъ.

Грибоѣдовъ мастерски велъ своего героя, начиная отъ бѣшеной скачки по почтовымъ дорогамъ, нервнаго ожиданія счастья и любви, до самой той ямы, изъ которой можно было выбраться, только разорвавъ совсѣмъ, и съ обществомъ, и съ любовью, изъ-за которой онъ попалъ въ это общество. Защищая себя, вызываемый на отвѣты, онъ долженъ былъ высказываться весь, какъ умный человѣкъ, какъ человѣкъ извѣстныхъ убѣжденій и горячей души. Въ «Мизантропѣ» Мольера, Альцестъ, съ которымъ сравниваютъ Чацкаго, прямо начинаетъ комедію раздраженнымъ и злымъ тономъ, точно онъ съ цѣпи сорвался».

Альцестъ говоритъ монологи по всякому поводу, даже безъ повода, го-

воритъ, какъ проповѣдникъ, имѣющій на это право. У Грибоѣдова Чацкій весь въ дѣйствіи, какъ у Шекспира весь въ дѣйствіи и Отелло, и Гамлетъ. Точно музыкальная мелодія, начинаясь прекраснымъ мотивомъ, растетъ и усиливается съ каждымъ явленіемъ пьесы, оканчиваясь крикомъ растерзаннаго сердца, такъ постепенно развивается и чувство Чацкаго, и вся его личность является необыкновенно живою, цѣльною, понятною и въ высокой степени художественною и типическою».

«У Фонвизина Милонъ, Софья и Стародумъ—сотое повтореніе такихъ же лицъ французскихъ комедій, лицъ условныхъ, въ сценическомъ отношеніи ничтожныхъ и затягивающихъ дѣйствіе. Ни одного такого лица въ комедіи Грибоѣдова нѣтъ, ибо даже Лиза вполнѣ живое лицо [460]).

§ 4. Выдающимся явленіемъ въ области драмы было появленіе «Орлеанской Дѣвы» Шиллера въ переводѣ Жуковскаго, бѣлыми стихами. Въ первый разъ въ русской литературѣ появилась большая драма, писанная пятистопными ямбами безъ рифмъ. Но всѣ были такъ тогда пріучены къ александрійскимъ стихамъ съ риѳмами, что даже Батюшковъ въ одномъ письмѣ къ А. И. Тургеневу сказалъ: «Переводъ «Іоанны» мнѣ нравится, какъ переводъ мастерской, живо напоминающій подлинникъ, но размѣръ стиховъ странный, дикій, вялый».

«Телеграфъ», очевидно отвѣчая на возникшія у литературныхъ старовѣровъ по этому поводу сомнѣнія, разъяснялъ:

«Жалкіе ямбы многихъ стихотворцевъ заставили нѣкоторыхъ думать, что александрійскіе наши стихи не годятся для трагедіи. Озеровъ доказалъ своимъ примѣромъ, что для истиннаго таланта нѣтъ особенной надобности въ томъ или другомъ размѣрѣ: у Озерова александрійскіе стихи превосходны. Желаніе писать другими размѣрами было у насъ давно. Княжнинъ перевелъ Титово милосердіе вольными стихами, а Радогуну (если не ошибаемся) александрійскими, безъ рифмъ. В. А. Жуковскій первый счастливо употребилъ особенное стопосложеніе въ переводѣ Орлеанской Дѣвы... Примѣръ Жуковскаго доказалъ, что и это вновь изобрѣтенное имъ стопосложеніе можно употреблять въ трагедіяхъ. Теперь г. Жандръ (переводъ изъ «Венцеслава», трагедіи Ротру) представляетъ образчикъ вольныхъ ямбо-пиррихическихъ стиховъ безъ риѳмъ,— а стихи г. Жандра доказываютъ, что трагедію можно писать всякими стихами. Намъ кажется, что если бы А. С. Пушкинъ написалъ трагедію своимъ любимымъ четырехъ-стопнымъ ямбическимъ размѣромъ, стихи были бы прекрасны» [461]).

Трудное ремесло: нравиться публики. Ежели имѣть дѣло съ этимъ испо-

---

460) Предисл. къ изд. 1886. Стр. XII, XV—XVI, XXXIII, LXIV.

461) М. Т. 1825. № 2. Стр. 169—170.

линомъ, то не должно разбирать умна или глупа, просвѣщенна или необразованна публика: надобно только помнить, что она прихотлива, упряма и, перемѣнчива, какъ погода въ нашемъ сѣверномъ климатѣ. Въ семъ случаѣ, первое и необходимѣйшее общее условіе предупреждать всѣ ея желанія, что называется смотрѣть ей въ глаза, безпрестанно ломать себѣ голову, чтобы выдумать что-либо могущее ей понравиться и угодить. Тутъ уже смѣло можно сказать: ну, къ чорту умъ и вкусъ (если они служатъ помѣхою). Сими средствами легко пріобрѣсти благосклонность этой причудливой красавицы! Но если кто въ подобныхъ обстоятельствахъ вздумаетъ сказать: какое мнѣ дѣло до публики? Я знаю, что я уменъ и все творимое мною очень хорошо — тотъ можетъ быть увѣренъ, что онъ никогда не дождется удачи [462])...

Въ своемъ трудѣ о переводахъ Жуковскаго, увѣнчанномъ академіею, г. Чешихинъ указываетъ, что особенности перевода перваго акта слѣдующія: Король и отчасти Агнеса идеализированы; опущены всѣ, слабые даже у Шиллера, намеки на грубые нравы эпохи: не замѣчены тонкости шиллеровской діалектики и блескъ его поэтическихъ афоризмовъ. Зато весь лиризмъ въ роли Іоанны переданъ съ неподражаемымъ мастерствомъ—и обликъ идеальной энтузіастки обрисованъ красками столь же нѣжными и прозрачными, какъ и въ оригиналѣ [463]).

Дѣйствіе второе. Шестое явленіе. Шиллеръ въ этомъ и въ слѣдующемъ (седьмомъ) явленіи, рисуя эпизодъ съ валлійцемъ Мангомери, перемѣняетъ метръ и пишетъ античнымъ триметромъ (шестистопный ямбъ съ двумя цезурами и тремя удареніями). Жуковскій ограничивается тѣмъ, что замѣняетъ 5-ти стопный ямбъ александрійскимъ стихомъ, съ обычной цезурой послѣ третьей стопы [464]).

Замѣчанія г. Чешихина, что Жуковскій не зналъ, какимъ размѣромъ писалъ Шиллеръ, конечно, лишены основанія:

«Жуковскій замѣтилъ — что размѣръ, употребляемый Шиллеромъ — не александрійскій стихъ, но онъ не знаетъ (?) въ чемъ секретъ (?) этого метра или же не рѣшается (это вѣрнѣе!) вводить рѣшительную реформу въ русское стихосложеніе. Онъ ограничивается тѣмъ, что дѣлаетъ отступленія отъ цезуры послѣ третьей стопы, не придерживаясь опредѣленной системы. Между тѣмъ, Шиллеръ совершенно избѣгаетъ цезуры александрійскаго стиха. Шиллеръ скандируетъ такъ свой ямбическій триметръ:

Betrogner Thor! || Verlorner! || In der Jungfrau Hand
Bist du gefallen, || die verderbliche, || woraus
Nicht Rettung, || noch Erlösung || mehr zu hoffen ist.

[462]) Тел. 1829. № 10. Стр. 270. Русскій Театръ (В. Ушакова).
[463]) Чешихинъ. Стр. 96.
[464]) Чешихинъ. Стр. 103.

Жуковскій же сбивается поминутно на обычный 5-стопный ямбъ; только что приведенныя слова Іоанны онъ переводитъ:

Обманутый, | погибшій ||, въ руку дѣвы ты
Въ неумолимую || достался, изъ нея
Ни избавленія, | ни выкупа ужъ нѣтъ.

Мы видимъ, какія сомнѣнія поднялись въ критикѣ 20-хъ годовъ только потому, что Жуковскій употребилъ бѣлый пятистопный ямбъ, а не александрійскій съ рифмами. Понятно, что онъ съ робостью покусился на передачу триметра Шиллера, но все же особенности этого стиха появляются въ его истинно мастерскомъ переводѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Тридцатые годы.

(1830—1840).

I. «Холерный» годъ литературы. — «Литературная Газета». — Аристократы и «плебейцы». — Прекращеніе изданія «Вѣстника Европы». — Послѣднія слова» М. Т. Каченовскаго. — «Телескопъ», «журналъ современнаго просвѣщенія». — «Молва». — De profundis! — «Европеецъ» Ивана Васильевича Кирѣевскаго. — Его запрещеніе. — «Смирдинскій» періодъ литературы. — «Новоселье». — «Библіотека для чтенія». — Редакціонные подвиги Сенковскаго. — Запрещеніе «Московскаго Телеграфа». — «Московскій наблюдатель» Шевырева и Погодина. — А. А. Краевскій и «Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду». — Травля Пушкина въ журналистикѣ. — Агонія Николая Полевого. — Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій. — «Литературныя мечтанія». — Генетическая связь Бѣлинскаго съ Надеждинымъ. — Николай Владиміровичъ Станкевичъ. — Александръ Ивановичъ Герценъ. — Кружокъ Станкевича и Бѣлинскаго. — Кружекъ Герцена и Огарева. — Сенъ-Симонизмъ. — Гегельянство. — Бѣлинскій редактируетъ «Телескопъ» Надеждина. — Запрещеніе «Телескопа». — Тяжкія «обстоятельства» Николая Полевого. — Союзъ его съ Смирдинымъ, Булгаринымъ и Гречемъ. — Бѣлинскій «сближается съ дѣйствительностью». — «Московскій Наблюдатель» въ рукахъ Бѣлинскаго и гегельянцевъ. — Переѣздъ Бѣлинскаго въ Петербургъ. — «Бородинская годовщина». — Братья Кирѣевскіе. — Идеи «Европейца». — Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ. — Русскій католицизмъ. — «Философическія письма». — Исторія появленія ихъ въ «Телескопѣ». — Герценъ о Чаадаевѣ. — Жозефъ де-Местръ. — Отецъ Гагаринъ о Чаадаевѣ. — «Oeuvres choisies de Pierre Tchaadaiff». — Объявленіе Чаадаева больнымъ. — Апологія сумасшедшаго». — Вѣра Чаадаева въ великое историческое призваніе Россіи. — Идея «вышедшая на улицу». — II. Расцвѣтъ русской прозы. — Проза Пушкина. — «Арапъ Петра Великаго». — «Повѣсти Бѣлкина». — Медленная оцѣнка повѣстей русскими критиками. — Типъ Сильвіо. — «Исторія села Горохина». — «Капитанская дочка». — «Пиковая дама» — Отрывки. — Николай Васильевичъ Гоголь. — Малороссійскія повѣсти. — Петербургскія повѣсти. — «Тарасъ Бульба». — «Старосвѣтскіе помѣщики». — Беллетристика тридцатыхъ годовъ. — Загоскинъ и Лажечниковъ. — Марлинскій и Одоевскій. —

Погорѣльскій и Ушаковъ.—Полевой и Павловъ.—Кукольникъ и Вельтманъ.—Бѣгичевъ и Булгаринъ.—Гречъ и Сенковскій (баронъ Брамбеусъ).—Квитко и Гребенка. — III. — Лирика Пушкина. — Болдинскія стихотворенія 1830 года. — Послѣдній періодъ поэтическаго творчества. — «Мѣдный Всадникъ». — Дуэль и кончина Пушкина.—Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.—Лирика Лермонтова.—Поэмы Лермонтова.— Творчество Жуковскаго. — Плеяда тридцатыхъ годовъ.—Кольцовъ.—Полежаевъ.—Щербина.—Бенедиктовъ. -Гр. Растопчина.—IV. Репертуаръ тридцатыхъ годовъ. — Водевилисты и переводчики. — Мелодрама. — Патріотическія и романтическія драмы Кукольника и Полевого. — «Борисъ Годуновъ» Пушкина.—«Сцена изъ Фауста».—«Скупой рыцарь».—«Моцартъ и Сальери».— «Каменный гость».— «Русалка».— Комедіи Гоголя.— «Ревизоръ».—«Женитьба».— «Игроки».—Драматическія произведенія Лермонтова.— «Маскарадъ». — Юношескія драмы Лермонтова и Бѣлинскаго.

I.

§ 1. Въ «Литературныхъ воспоминаніяхъ» Тургеневъ такъ характеризуетъ 30-е годы: Ничего даже не шевелилось, а только бродило. — глубоко, но смутно—въ нѣкоторыхъ молодыхъ умахъ. Литературы, въ смыслѣ живого проявленія одной изъ общественныхъ силъ, находящагося въ связи съ другими, столь же и болѣе важными проявленіями ихъ—не было, какъ не было прессы, какъ не было гласности, какъ не было личной свободы; а была словесность—и были такіе словесныхъ дѣлъ мастера, какихъ мы уже потомъ не видали»[465]).

Роковымъ послѣдствіемъ попытки декабристовъ была реакція, которая пошла косить всякое живое явленіе литературы, и только область чистаго искусства оставалось доступной. Но если журналы запрещались, то и публика ихъ не поддерживала. Серьезные журналы, объединявшіе лучшія умственныя и нравственныя силы литературы, успѣхомъ не пользовались, подписки не имѣли, еле влачили существованіе. Легко было уничтожить то, что никому было не нужно, еще легче — справиться съ людьми — въ обществѣ «лишними». Вотъ объясненіе силы реакціонеровъ. Она опиралась на косномъ равнодушіи публики, которая почитывала булгаринскую Пчелку» и была довольна. Между тѣмъ въ кружкахъ 30-хъ годовъ созидалась мысль столѣтія, зарождались идеи, которымъ суждено было овладѣть обществомъ, преобразовать Россію. Цензурными гоненіями открывается десятилѣтіе.

Юрія Милославскаго читали вездѣ — «въ гостиныхъ, и въ мастерскихъ, въ кругахъ простолюдиновъ, и при Высочайшемъ Дворѣ»[466]).

---

[465]) Соч. Изд. 3-е. 1891. Томъ X. 13. 14.

[466]) Русскій Архивъ. 1882. № 6, стр. 133. Барсуковъ. Погодинъ. Кн. III-я. Стр. 1.

А. Н. Очкинъ въ «Сѣверной Пчелѣ» напе[illegible]татью противъ Загоскина, за котораго вступился Воейковъ. Императ[illegible]колай, которому «Юрій Милославскій» понравился, повелѣлъ прекратить эту полемику. Несмотря на это, Булгаринъ напечаталъ въ «Сѣверной Пчелѣ» отповѣдь Воейкову. Вслѣдствіе сего Булгаринъ, Гречъ и Воейковъ, по Высочайшему повелѣнію, посажены на гауптвахту. «Въ городѣ очень многіе, писалъ Никитенко, радуются тому... Ихъ беззастѣнчивый эгоизмъ всѣмъ надоѣлъ. Такъ, но при этомъ никто не думаетъ о пораженіи одного изъ лучшихъ параграфовъ нашего бѣднаго цензурнаго устава». Одновременно въ Москвѣ посадили на гауптвахту Серг. Ник. Глинку за стихи въ Максимовичевой Денницѣ и за одну статью «Рекомендація Министра» въ Московскомъ Вѣстникѣ. У Погодина по Высочайшему повелѣнію спрашивали о сочинителѣ. Когда узнали въ Москвѣ, что Глинка на гауптвахтѣ, у колокольни Ивана Великаго, бросились навѣщать его. И. И. Дмитріевъ, поэтъ и отставной министръ юстиціи одинъ изъ первыхъ навѣстилъ его. Все однако объяснилось. Глинка былъ освобожденъ и какъ невинно пострадавшій получилъ три тысячи отъ щедротъ монаршихъ, да годовой пенсіи по двѣ [107]).

Чтобы положить конецъ монополіи Греча, Булгарина и союзника ихъ съ 1829 года Полевого, Пушкинъ и друзья его уже давно замышляли издавать журналъ. Въ концѣ 1829 года, Жуковскій, князь Вяземскій, Пушкинъ и баронъ Дельвигъ рѣшились осуществить свое давнишнее предпріятіе и съ 1-го января 1830 г., въ С.-Петербургѣ, подъ редакціей барона Дельвига стала выходить Литературная Газета. Редакторъ ея заявилъ, что въ Газетѣ «не будетъ мѣста критической перебранкѣ». «Будущее извѣстно единому Богу, писалъ Языковъ. Дельвигъ чрезвычайно лѣнивъ, а Сомовъ сердитъ, да не силенъ». Погодинъ же писалъ Шевыреву: «Статейки слабѣйшія, младенческія понятія о теоріяхъ. Невѣжи и невѣжи! Гдѣ имъ!.. Газета устоитъ не больше какъ два мѣсяца: Пушкину наскучитъ и останется редакторомъ мизерабельный Сомовъ». Въ свою очередь «Газета» такъ отзывалась о журналѣ Погодина: «Московскій Вѣстникъ отличался съ появленія своего участіемъ въ немъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, обѣщающихъ быть современемъ хорошими литераторами и мыслящими писателями. Въ этомъ отношеніи должно было снисходить къ мнѣніямъ иногда сбивчивымъ, учености незрѣлой, сужденіямъ заносчивымъ» [108]).

Въ свою очередь Погодинъ писалъ: «Нѣкоторые кропотуны думаютъ, что въ критикѣ Литературной Газеты не будетъ иногда совершеннаго безпристра-

---

[107]) Русск. Стар. 1871. IV. 502—506; 1889. іюль. Стр. 28—29. Древн. и Нов. Росс. 1880. Ноябрь, 549. Барсуковъ, Погодинъ, III. 3—5 стр.

[108]) Газета. 1830. № 8. 3. Барсуковъ. Погодинъ. III. 11—12 стр.

стія въ отношеніи къ [illegible]хожанамъ, литературнымъ патриціямъ, и въ отношеніи къ писателя[illegible]бейцамъ другихъ приходовъ» [469]).

«Литературная Газета слаба и критика ея ничтожна, писалъ Погодинъ Шевыреву, наши патриціи не знаютъ, гдѣ востокъ въ искусствахъ и наукахъ... Въ Литературной Газетѣ, гостиной и пріятной, забавенъ только Вяземскій. Дельвигъ ничего не дѣлаетъ... Подписчиковъ... едва сто» [470]).

Полевой сошелся во мнѣніи съ Погодинымъ объ аристократическихъ тенденціяхъ газеты Дельвига. Вотъ что писалъ онъ:

«Литературная Газета есть послѣднее усиліе жалкаго литературнаго аристократизма, и вотъ вся загадка! Грамотъ на литературное достоинство герольдія нынѣшней критики не только не утверждаетъ современнымъ литературнымъ аристократамъ, но оспариваетъ оныя и у тѣхъ литературныхъ аристократовъ, которые давно похоронены съ названіемъ бояръ... Литературный аристократизмъ довольно шалилъ у насъ. На него нападалъ и всегда будетъ нападать Телеграфъ» [471]).

Замѣтимъ, что позднѣе и Бѣлинскій напалъ на «Современникъ», когда кн. Вяземскій распространился въ немъ о непринужденномъ благородствѣ манеръ истиннаго свѣтскаго человѣка и о томъ несравненномъ искусствѣ, съ которымъ онъ садится въ гостиной въ кресла. Такимъ образомъ Булгаринъ, Гречъ, Сенковскій, Полевой, Погодинъ, Бѣлинскій, какъ люди не обезпеченные наслѣдіемъ и крѣпостными, объединились въ одномъ—они чувствовали себя литературными «плебейцами». Вспоминая это время, позднѣе кн. Вяземскій выразился, что писатели—аристократы т. е. матеріально не связанные съ литературой «олигархически себя держали, какъ говорятъ, въ республикѣ письменъ». Явленіе это характерно для 30-хъ годовъ. XVIII-й вѣкъ и первыя десятилѣтія XIX-го не знали писателя—плебейца т. е. всецѣло зависящаго отъ литературнаго заработка. Сначала писатель былъ придворнымъ, затѣмъ принадлежалъ къ обезпеченному дворянству. Лишь въ 30-хъ годахъ образуется ядро профессіональныхъ писателей.

Между тѣмъ дни «Литературной Газеты» были сочтены. Графъ А. Х. Бенкендорфъ, въ письмѣ своемъ отъ 30 октября 1830 года, довелъ до свѣдѣнія Министра Народнаго Просвѣщенія, что въ этой газетѣ (№ 61) помѣщены, «ни къ какой стати, четыре стиха Казиміра-де-ла-Виня на памятникъ, который въ Парижѣ предполагаютъ воздвигнуть жертвамъ 27, 28, 29 іюля». Отъ 8 ноября Бенкендорфъ писалъ: «Личный мой разговоръ по сему предмету съ барономъ Дельвигомъ и самонадѣянный, нѣсколько дерзкій образъ его извиненій меня еще болѣе убѣдилъ въ моемъ заключеніи». Дель-

469) Московскій Вѣстникъ. 1830, № 3. Стр. 315—318.
470) Барсуковъ. Погодинъ. III. Стр. 14.
471) М. Т. 1830. № 14. Стр. 240—244.

нигу «запретили изданіе газеты». «И такъ, пи[illegible] Пушкинъ Плетневу, русская словесность головою выдана Булгарину [illegible]чу! Жаль—но чего смотрѣлъ и Дельвигъ? Охота ему была печатать конфектный билетецъ этого несноснаго Лавинья» [472]).

5 ноября 1830 г., Погодинъ извѣщалъ Шевырева: «Холера коснулась и журналистовъ: Галатея простудилась, Атеней объѣлся, а у Вѣстника Европы поднялась желчь. Они не будутъ издаваться» [473]).

Пекращая изданіе Вѣстника Европы, М. Т. Каченовскій счелъ долгомъ проститься съ публикою и сказать ей свои послѣднія слова: «Въ изнеможеніи отъ долготы дней, при концѣ бытія своего, но еще вполнѣ владѣя способностями разсудка и памяти, завѣщаю современникамъ послѣднія слова старческой опытности. Умираю смертію обыкновенною, по чину естества неизбѣжною для всѣхъ органическихъ созданій... Увы! подобно Карлу V, заживо отпѣтому услужливымъ братствомъ, я, находясь еще въ сонмѣ живыхъ, долженъ былъ слушать не погребальныя пѣсни, не мольбы о грѣхахъ моихъ, а неистовое глумленіе и скоморошеское кощунство отъ нѣкоторыхъ изъ новаго поколѣнія журналовъ, незрѣлыхъ смысломъ, дерзкихъ волею, велерѣчивыхъ, бранчивыхъ, хвастливыхъ». Эти послѣднія слова вызвали слѣдующія строки въ Московскомъ Телеграфѣ:

«Вѣстникъ Европы, начатый Карамзинымъ, умеръ просто отъ старости».

Еще въ началѣ 1830 г. Погодинъ энергично настаивалъ на продолженіи изданія Московскаго Вѣстника: но скудное число подписчиковъ, или, говоря иными словами, неуспѣхъ журнала, понудилъ Погодина прекратить его изданіе. «Съ тяжкимъ вздохомъ, писалъ Погодинъ Шевыреву,—прекращаю я Московскій Вѣстникъ и принимаю въ свое завѣдываніе историческую часть въ Телескопѣ Надеждина» [474]).

§ 2. Въ 1831 году, на развалинахъ старыхъ и новыхъ московскихъ журналовъ, Николай Ивановичъ Надеждинъ основалъ Телескопъ и Молву. Въ объявленіи стояло: Телескопъ, журналъ современнаго просвѣщенія будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣленій: I. Современная Лѣтопись... Современное состояніе промышленности и торговли. Полная современная библіографія, преимущественно русская. II. Изящная словесность... Отрывки изъ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ произведеній, преимущественно изъ историческихъ сочиненій, драматическихъ картинъ и оригинальныхъ романовъ. III. Критика: Обозрѣнія и разборы вновь выходящихъ отечественныхъ и иностранныхъ книгъ... Журналистика. IV. Науки... V. Нравы. Характеры

472) Барсуковъ. Погодинъ. III. 235.
473) Барсуковъ. Погодинъ. III. 237.
474) Барсуковъ. Погодинъ. III. Стр. 239.

и портреты. Сцены изъ общественной и частной жизни. Нравственныя карикатуры. Пародіи. Сатирическія мысли. Юмористика. VI. Смѣсь... Корреспонденція. Полемика. Ежемѣсячно будетъ выходить сего журнала по двѣ книжки, каждая отъ 7 до 9 печатныхъ листовъ. Къ нимъ будутъ прилагаемы: портреты знаменитыхъ людей; очерки знаменитѣйшихъ картинъ, статуй и зданій; ноты новѣйшихъ музыкальныхъ произведеній...»

Дабы летучія новости, занимательныя для образованной публики, не теряли своей свѣжести, при Телескопѣ еженедѣльно будетъ выходить, въ видѣ особаго прибавленія: Журналъ модъ и новостей «Молва». Прибавленіе сіе будетъ состоять изъ пятидесяти двухъ номеровъ. Содержаніе его составятъ: I. Моды. Картинки и описанія иностранныхъ, преимущественно парижскихъ модъ. Картинки и описанія модъ собственно московскихъ. Картинки и описанія модныхъ экипажей и мебелей. Извѣстія о новыхъ модныхъ обычаяхъ и изобрѣтеніяхъ. Новыя модныя издѣлія (матеріи, узоры), съ рисунками и означеніемъ цѣны. II. Московскія вѣсти. Сюда относятся: извѣстія о театральныхъ представленіяхъ и другихъ публичныхъ собраніяхъ и гуляньяхъ; увѣдомленія о новыхъ публичныхъ увеселеніяхъ, острыя слова и забавные анекдоты». Программа эта очень характерна. Въ нее внесено все, чѣмъ завоевали успѣхъ у публики Полевой и Булгаринъ.

Надеждинъ помянулъ почившие журналы:

«De profundis! Тяжекъ былъ для Москвы годъ истекшій. Древняя столица русской земли и русской журналистики совершенно осиротѣла. Напрасно привычное любопытство ищетъ знакомыхъ именъ въ газетныхъ объявленіяхъ: тамъ все пусто!»

«Вѣстникъ Европы. Маститый сей старецъ, патріархъ настоящаго поколѣнія журналовъ и Несторъ журналистики, мирно кончилъ многотрудную и многомятежную жизнь свою!.. Три почти цѣлыя десятилѣтія существовалъ онъ — три вѣка для летучаго періодическаго изданія!.. Московскій Вѣстникъ. Юноша, съ роскошными надеждами, съ залетными мечтами, съ пламенными порывами! Рано, очень рано состарѣлся ты и, не доцвѣтши, связнулъ!.. Молодые литераторы и ученые пробовали въ немъ свои юныя силы и нерѣдко сверкали яркими талантами; на нихъ смотрѣли, но не засматривались; и Московскій Вѣстникъ проповѣдывалъ въ пустынѣ... Блестящее имя Пушкина постоянно печаталось и снаружи, и внутри Московскаго Вѣстника и все напрасно!.. Миръ тѣни твоей, многострадальный юноша!..» Атеней — первый изъ молодыхъ журналовъ отважился на отступничество отъ Пушкина. «Атеней слѣдуетъ упрекать только за излишнюю благонамѣренность. Онъ надѣялся подлеститься къ публикѣ ученостью—и перепугалъ ее... Атеней... въ времена бурныя русской журналистики умѣлъ пріобрѣсти столь невинную репутацію, что только при чтеніи его одного позволялось обходиться безъ перчатокъ: Житія его было всего

три года... — «Галатея. Сія журнальная красавица, единственная своего пола между русскими журналами... пропорхнула очень быстро и исчезла внезапно».

На первыхъ порахъ существованія «Телескопа», Погодинъ являлся въ немъ политикомъ, историкомъ, трагикомъ, романистомъ, переводчикомъ и критикомъ: «На Телескопъ подписчиковъ пятьсотъ» писалъ онъ Шевыреву[475]). Не смотря на первый успѣхъ, журналъ не укрѣпился и быстро пошелъ къ упадку, какъ увидимъ дальше.

§ 3. Въ слѣдующемъ году опять была попытка начать изданіе серьезнаго, идейнаго журнала Кирѣевскимъ.

Все, что было знаменитаго, благороднаго въ литературѣ нашей, соединилось около Кирѣевскаго для безкорыстной, возвышенной дѣятельности. Жуковскій, бывшій въ Москвѣ въ концѣ 1831 года, отдалъ для перваго нумера Европейца свою сказку о спящей царевнѣ, и другія сказки и мелкія пьесы. Пушкинъ радовался новому журналу. Въ 1832 г. вышелъ № 1 этого журнала, который открывался статьею самого Кирѣевскаго — Девятнадцатый вѣкъ. Погодинъ однако сомнѣвался въ успѣхѣ журнала у нашей публики. «Европеецъ съ именами и статьями Жуковскаго, Баратынскаго, Языкова и пр., имѣетъ только пятьдесятъ подписчиковъ. Вотъ вамъ новое странное удостовѣреніе. Что то будетъ впередъ?» Впереди было нѣчто иное. Статья Девятнадцатый вѣкъ была въ Петербургѣ перетолкована самымъ роковымъ образомъ для ея автора. Зловѣщіе слухи подтвердила бумага, полученная, 22 февраля 1832 года, попечителемъ Московскаго округа кн. Голицынымъ отъ министра народнаго просвѣщенія князя Ливена. Бумага гласила: «Господинъ генералъ — адъютантъ Бенкендорфъ сообщилъ мнѣ, что въ № 1-мъ издаваемаго въ Москвѣ Иваномъ Кирѣевскимъ журнала подъ названіемъ Европеецъ, статья Девятнадцатый вѣкъ есть не что иное, какъ разсужденіе о высшей политикѣ, хотя въ началѣ оной сочинитель и утверждаетъ, что онъ говоритъ не о политикѣ, а о литературѣ. Но стоитъ обратить только нѣкоторое вниманіе, чтобы видѣть, что сочинитель, разсуждая будто бы о литературѣ, разумѣетъ совсѣмъ иное, что подъ словомъ просвѣщеніе онъ понимаетъ свободу, что дѣятельность разума означаетъ у него революцію, а искусно отысканная средина не что иное, какъ конституція... Издатель Иванъ Кирѣевскій обнаружилъ себя человѣкомъ неблагомыслящимъ и неблагонадежнымъ». Цензоромъ Европейца былъ С. Т. Аксаковъ. И такъ, Кирѣевскій былъ признанъ офиціально опаснымъ вольнодумцемъ, а онъ со своими друзьями мечталъ «возвратить права истинной религіи, изящное согласить съ нравственностью, возбудить любовь къ правдѣ,

---

475) Барсуковъ. Погодинъ. III. 265, 271.

глупый либерализмъ замѣнить уваженіемъ законовъ, и чистоту жизни возвысить надъ чистотою словъ. Общество было оскорблено... и ничѣмъ не высказало этого. Никитенко полиберальничалъ въ своемъ дневникѣ. Одинъ Жуковскій осмѣлился сказать Государю, что за Кирѣевскаго онъ ручается. «А за тебя кто поручится?» возразилъ Государь. Жуковскій умолкъ и «сказался больнымъ»[476]).

Въ то время, какъ строгій приговоръ состоялся въ Петербургѣ надъ Европейцемъ Кирѣевскаго, книгопродавецъ А. Ѳ. Смирдинъ перемѣстилъ свой книжный магазинъ на Невскій проспектъ, и этотъ обыкновенный случай, по словамъ книгопродавца Смирдина, доставилъ ему «счастье видѣть у себя на новосельѣ почти всѣхъ извѣстныхъ литераторовъ». Графъ Д. И. Хвостовъ, по выраженію Смирдина, «маститый поэтъ нашего времени», сдѣлалъ «отъ лица своей музы» слѣдующее привѣтствіе:

Угодникъ Русскихъ Музъ! свой празднуй юбилей,
Гостямъ шампанское для новоселья лей и т. д.

На этомъ пиру, говоритъ Смирдинъ, «гости—литераторы, изъ особенной благосклонности ко мнѣ, вызвались, по предложенію В. А. Жуковскаго, подарить меня на новоселье каждый своимъ произведеніемъ». «Это пиршество произвело въ Москвѣ непріятное впечатлѣніе, говоритъ Барсуковъ. Въ немъ усмотрѣли союзъ петербургской литературы».

Ровно черезъ годъ послѣ обѣда въ смирдинской лавкѣ, въ Петербургѣ вышла первая книга Альманаха «Новоселье», въ которомъ были слѣдующія имена: Сомова, В. Н. Берха, Сенковскаго, Булгарина, Греча, Даля, Мосальскаго, Михайловскаго-Данилевскаго, князя В. Ѳ. Одоевскаго, В. И. Панаева, адмирала А. С. Шишкова, Бориса Ѳедорова, Баратынскаго, князя П. А. Вяземскаго, Гнѣдича, Жуковскаго, Козлова, Крылова, М. Е. Лобанова, А. С. Норова, А. С. Пушкина, барона Розена, графа Хвостова, Хомякова и Погодина, который однако вмѣстѣ съ Аксаковымъ разсуждалъ «о необходимости оппозиціи» союзу петербургской литературы въ лавкѣ Смирдина.

«Новоселье» было прологомъ болѣе крупнаго явленія въ петербургской литературѣ. Еще въ концѣ 1833 г. князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: «Всѣ ожидаютъ пришествія новаго журнала Смирдина... На перспективѣ, въ окнахъ книжной лавки Смирдина, объявленіе о немъ колетъ глаза всѣмъ прохожимъ полуаршинными буквами. Хороша программа новаго журнала! Самое заглавіе—нелѣпость. Библіотека для чтенія! Да для чего же и можетъ служить библіотека?» Идея журнала и его планъ принадлежали профессору—оріенталисту Осипу Ивановичу Сенковскому, получившему громкую извѣстность, подъ именемъ барона Брамбеуса. 1-го ян-

476) Барсуковъ. Погодинъ. IV. Стр. 10.

варя 1834 года вышла въ свѣтъ первая книжка: Библіотеки для чтенія, журнала словесности, наукъ, художествъ, промышленности, новостей и модъ, составляемаго изъ литературныхъ и ученыхъ трудовъ К. И. Арсеньева, Е. А. Баратынскаго, барона Брамбеуса, Ѳ. В. Булгарина, А. Ѳ. Воейкова, князя П. А. Вяземскаго, Ѳ. Н. Глинки, Н. И. Греча, В. И. Григоровича, Д. В. Давыдова, И. И. Давыдова, В. А. Жуковскаго, М. Н. Загоскина, И. Т. Калашникова, М. Т. Каченовскаго, И. В. Кирѣевскаго, казака Луганскаго (Даля), И. И. Козлова, И. А. Крылова, Н. В. Кукольника, М. Е. Лобанова, М. А. Максимовича, А. П. Максимовича, Марлинскаго, К. П. Мосальскаго, А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, А. С. Норова, кн. В. Ѳ. Одоевскаго, А. Н. Очкина, В. И. Панаева, П. А. Плетнева, М. П. Погодина, А. Погорѣльскаго, Н. А. Полевого, А. С. Пушкина, С. Е. Раича, А. Г. Ротчева, Рудаго Панько (Гоголя), П. П. Свиньина, О. И. Сенковскаго, И. Н. Скобелева, И. М. Снегирева, Н. Г. Устрялова, В. А. Ушакова, Б. М. Ѳедорова, графа Д. И. Хвостова, А. С. Хомякова, князя А. А. Шаховского, С. П. Шевырева, А. У. Шидловскаго, А. С. Шишкова, В. Н. Щастнаго, Д. П. Языкова, П. Л. Яковлева, И. М. Ястребцова, Г. М. Яценкова и др. Изданіе книгопродавца А. С. Смирдина. Редакторомъ журнала былъ Н. И. Гречъ.

Означенное въ спискѣ сотрудниковъ библіотеки имя князя П. А. Вяземскаго вскорѣ изъ него исчезло и это было замѣчено. Погодинъ сначала довольно ревностно здѣсь писалъ. Гоголь сейчасъ же сталъ во враждебныя отношенія къ этому журналу. «Кстати о Библіотекѣ, писалъ онъ Погодину, начальники отдѣленій и директоры департаментовъ читаютъ и надрываютъ бока отъ смѣху. Офицеры читаютъ и говорятъ: «с... с..., какъ хорошо пишетъ!» Помѣщики покупаютъ и подписываются и вѣрно будутъ читать...

Смирдина капиталъ растетъ... Сенковскій уполномочилъ самъ себя властью рѣшать, вязать: мараетъ, передѣлываетъ, отрѣзываетъ концы и пришиваетъ другіе... Мы всѣ въ дуракахъ! Въ этомъ и спохватились наши тузы литературные, да поздно. Почтенные редакторы зазвонили нашими именами, набрали подписчиковъ, заставили народъ разинуть ротъ, на нашихъ же спинахъ и разъѣзжаютъ теперь. Они поставили новый краеугольный камень своей власти. Это другая Пчела!»

Отношеніе Сенковскаго къ сотрудникамъ «Библіотеки» лучше всего выяснено Полевымъ въ предисловіи къ «Очеркамъ Русской Литературы (стр. XVI и XVII):

«А. Ф. Смирдинъ за услугу свою требовалъ участія моего въ Б. для Ч.— Отказаться я не могъ. Мы сошлись съ редакторомъ ея. Послѣ продолжительнаго съ нимъ переговора, я взялъ на себя отдѣленія критики и библіографіи, и началъ доставлять изъ Москвы статьи по обоимъ отдѣленіямъ. Съ перваго шага всѣ условія моего сотрудничества были нарушены редакторомъ... Редакторъ наложилъ право нестерпимаго цензорства на всѣ мои

статьи, передѣлывалъ въ нихъ языкъ по своей методѣ, переправлялъ ихъ, прибавлялъ къ нимъ, убавлялъ изъ нихъ, и многое являлось въ такомъ извращенномъ видѣ, что читая Б. для Ч., иногда вовсе я не могъ отличать: что такое хотѣлъ я сказать въ той или другой статьѣ?.. Возраженія мои были тщетны, и не смотря на все желаніе мое исполнить желаніе добраго А. Ф. Смирдина, я принужденъ былъ въ декабрѣ 1837 года рѣшительно отказаться отъ всякаго участія въ Б. для Ч.»

Съ основаніемъ Библіотеки для чтенія, по мнѣнію Бѣлинскаго, наступилъ Смирдинскій періодъ русской литературы и въ числѣ геніевъ этого періода является Кукольникъ, прославившійся своею драмою «Рука Всевышняго Отечество спасла» (Спб. 1834). Эта драма была поставлена на сценѣ съ необыкновенною торжественностью; «присутствовать на ея представленіи и восхищаться ея красотами служило какъ бы вывѣскою благонамѣренности» (М. И. Сухомлиновъ). Драма эта совершенно забыта, въ отношеніи содержанія, и памятна только тѣмъ, что за непочтительный разборъ ея Полевымъ былъ запрещенъ «Телеграфъ». Но и соперникъ его—«Телескопъ» Надеждина далеко не процвѣталъ. Подписки не было. Въ концѣ 1836 года Надеждинъ помѣстилъ въ журналѣ знаменитое «Философическое Письмо» Чаадаева, чтобы или пасть съ честью или побѣдить равнодушіе публики. Журналъ былъ запрещенъ, а между тѣмъ въ Телескопѣ, предъ его паденіемъ, явились новыя силы. Кромѣ Бѣлинскаго, появился Герценъ, Кудрявцевъ съ повѣстями, Боткинъ и И. И. Панаевъ съ одной изъ первыхъ статей. Но въ то же время произошелъ разрывъ Надеждина съ Погодинымъ и Шевыревымъ.

§ 4. Въ 1836 г. Пушкину было разрѣшено издать «четыре тома статей» («Современникъ»). Отнесшись сначала съ сочувствіемъ къ этому начинанію, Бѣлинскій затѣмъ напалъ на «свѣтскость» изданія: «Посмотрите, что такое жизнь всѣхъ нашихъ «свѣтскихъ» журналовъ? писалъ онъ. Бореніе жизни со смертію въ груди чахоточнаго. Что сказали намъ новаго объ искусствѣ, о наукѣ, «свѣтскіе» журналы? Ровно ничего». Но и всѣ прочіе журналы, основанные «плебейцами», былъ въ томъ же состояніи, и жизнь ихъ была «бореніемъ чахоточнаго».

Паденіе Московскаго Телеграфа, и возникновеніе и процвѣтаніе въ союзѣ съ Сѣверной Пчелой, Библіотеки для чтенія въ Петербургѣ возбудило въ Погодинѣ и его друзьяхъ мысль основать въ Москвѣ новый журналъ. Въ концѣ 1834 года Андросовъ подалъ прошеніе о позволеніи ему съ 1835 года издавать журналъ подъ названіемъ Московскій Наблюдатель, коего цѣлію поставляется слѣдить за всѣми достопримѣчательными явленіями, какъ въ Россіи, такъ и внѣ Россіи по части наукъ, словесности, искусствъ изящныхъ, промышленности и модъ. Цензура, принимая въ соображеніе, что въ Москвѣ, гдѣ въ то время существовалъ одинъ, издаваемый На-

деждинымъ, Телескопъ, чувствуется потребность въ повременномъ изданіи, которое могло бы служить нѣкоторымъ противодѣйствіемъ Петербургскимъ журналамъ, находящимся почти въ однихъ рукахъ, т. е. Греча, Булгарина и Сенковскаго, и сдѣлавшихся чрезъ то какъ бы монополіею немногихъ лицъ, нашло возможнымъ удовлетворить просьбу Андросова. 9 декабря 1835 года воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе на изданіе журнала. Кромѣ Андросова, въ изданіи Московскаго Наблюдателя приняли участіе Баратынскій, Гоголь, М. А. Дмитріевъ, И. В. Кирѣевскій, Мельгуновъ, кн. В. Ѳ. Одоевскій, Н. Ф. Павловъ, Погодинъ, Хомяковъ, Шевыревъ и Языковъ.

Однако на первыхъ же порахъ Гоголь писалъ Погодину: «Издатели Московскаго Наблюдателя ничего не умѣютъ дѣлать. Разошлите объявленіе огромными буквами при Московскихъ Вѣдомостяхъ, и при нѣсколькихъ номерахъ, и говорите смѣло, что числомъ листовъ не уступитъ Библіотекѣ для чтенія, а содержаніемъ будетъ самый разнообразный... Мерзавцы вы всѣ, Московскіе литераторы. Въ васъ никогда не будетъ проку, вы всѣ только на словахъ, какъ затѣяли журналъ, а никто не хочетъ работать!... Срамъ, срамъ, срамъ!—Вы посмотрите, какъ Петербургскіе обдѣлываютъ свои дѣла. Гдѣ у васъ то постоянство, и трудъ, и ловкость, и мудрость?.. И на первый номеръ до сихъ поръ нѣтъ еще статей... Боже мой! сколько умовъ и все оригинальныхъ: ты, Шевыревъ, Кирѣевскій, Чортъ возьми, и жалуются на бѣдность! Баратынскій, Языковъ. Ай! ай! ай!.. Я поспѣшу сколько возможно скорѣе окончить для васъ назначенную повѣсть, но все не думаю, чтобы она могла поспѣть раньше 3-й книжки».

Журналъ не имѣлъ успѣха и влачилъ существованіе до 1838 года, когда совершенно былъ преобразованъ.

Негласнымъ редакторомъ журнала сталъ Бѣлинскій. Сотрудниками были кружокъ гегелистовъ—Бакунинъ, Боткинъ, Клюшниковъ, Катковъ, Константинъ Аксаковъ, Кудрявцевъ (еще студентъ), Кольцовъ. Душа кружка Станкевичъ былъ еще заграницей. Но и Бѣлинскій не поднялъ журнала. Матеріальнаго успѣха онъ не имѣлъ и прекратилъ «бореніе чахоточнаго» на пятомъ томѣ.

«Наша журналистика», писалъ Максимовичъ Погодину изъ Кіева, 10 ноября 1837 года, «опять и еще болѣе сосредоточивается въ рукахъ ярыгъ... Москва неужели ничего не противупоставитъ?» Погодину и Шевыреву, при помощи Жуковскаго, удалось въ 1837 г., въ годъ смерти Пушкина, положить основаніе «Москвитянина», но выходить онъ началъ только съ 1841 года. Послѣ смерти Пушкина, Современникъ началъ издаваться въ пользу его семейства. Друзья покойнаго: Жуковскій, Вяземскій, Одоевскій и Плетневъ приняли на себя завѣдываніе изданія. Къ нимъ примкнулъ и А. А. Краевскій, который въ это время сдѣлался редакторомъ Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду».

Подведемъ итогъ. Мы видимъ, что въ 30-хъ годахъ Москва оставалась очагомъ мысли. Здѣсь жили внутренней, идейной жизнью кружки Станкевича, Герцена и московскихъ профессоровъ; здѣсь возникали идейные журналы. Но жизнь всей журналистики обѣихъ столицъ вполнѣ напоминаетъ «бореніе чахоточнаго». Журналы гибнутъ однако отъ двухъ совмѣстныхъ причинъ: полнаго равнодушія публики съ одной стороны, цензурныхъ гоненій и прямо запрещеній съ другой. Въ самомъ дѣлѣ—возникаетъ «Литературная Газета»—изданіе «аристократовъ»—подписчиковъ «едва сто», существуетъ съ января по конецъ ноября 1830 года и запрещена за четыре переводные стиха.

Въ тотъ же «холерный» годъ гибнутъ четыре журнала, оставшихся съ 20-годовъ. Въ слѣдующемъ, 1831 г., «плебеецъ» Надеждинъ основываетъ «Телескопъ». Онъ не имѣетъ успѣха при участіи Погодина, еще меньше при участіи Бѣлинскаго. Въ 1836 прикончёнъ въ сущности самимъ Надеждинымъ, игравшимъ «вабанкъ». Это едва ли не первый случай примѣненія къ дѣлу почетнаго средства разсчитаться съ подписчиками. Подписныя деньги не возвращаются. Журналъ не досылается по «независящимъ обстоятельствамъ».

Въ 1832 г. основывается и по второй книжкѣ запрещенъ «Европеецъ» Кирѣевскаго. Подписчиковъ «только пятьдесятъ». Въ 1832 г. лавка Смирдина въ Петербургѣ переходитъ на Невскій и учреждается «союзъ литератературы»; въ 1833 г. выходитъ «Новоселье», а въ 1834 г.— «Библіотека», въ объявленіи о которой стоятъ имена всѣхъ русскихъ писателей вкупѣ, безъ различія лагерей и «бѣленькихъ», и «черненькихъ». По случайности, чреватой послѣдствіями, единственный конкурентъ «Библіотеки»—«Московскій Телеграфъ» Полевого запрещенъ въ томъ-же 1834 году и подписчики его, конечно, подобраны «Библіотекой». Въ годъ запрещенія «Телескопа»—«плебеецъ» Погодинъ съ Шевыревымъ начинаетъ изданіе «Московскаго Наблюдателя» — успѣха никакого. Въ 1838 г. журналъ беретъ въ руки—противникъ Шевырева—Бѣлинскій—успѣха никакого. Наконецъ съ 1836 года начинаетъ выходить «Современникъ» и влачитъ существованіе безъ крупнаго успѣха. Но спрашивается, въ самомъ-ли дѣлѣ «литературныя ярыги», какъ называлъ Максимовичъ тріумвиратъ Греча, Булгарина и Сенковскаго, процвѣтали въ Петербургѣ? «Библіотека» пошла ходко, но «Сынъ Отечества» былъ въ полномъ упадкѣ, да и «Пчела» видимо не процвѣтала при своихъ 2500 подписчикахъ, ибо потребовалась помощь Полевого для подъема этихъ изданій.

§ 5. Безвременная кончина Пушкина—центральное событіе въ литературѣ 30-хъ годовъ. Въ журналистикѣ съ начала десятилѣтія началось гоненіе на поэта.

Въ 1830 г. Пушкинъ издалъ въ Петербургѣ VII-ю главу Евгенія Онѣ-

гина. «Ни одной мысли въ этой водянистой VII-й главѣ, ни одного чувствованія, ни одной картины, достойной воззрѣнія. Совершенное паденіе, chute complète! И такъ, надежды наши исчезли!» писалъ Булгаринъ въ «Пчелѣ», хотя въ 1828 г. «Пчела» просила у Пушкина позволенія перепечатать отрывокъ сей самой VII-й главы Евгенія Онѣгина изъ Моск. Вѣстн. и, когда получила позволеніе, то восклицала: «Повтореніе стиховъ А. С. Пушкина никогда не можетъ быть излишнимъ». Противъ Пушкина писали и Полевой съ Надеждинымъ. По мнѣнію послѣдняго Пушкинъ уже «выдохся».

Димитрій Самозванецъ—романъ Булгарина и VII-я глава Евгенія Онѣгина вышли одновременно. Василій Ушаковъ писалъ въ Моск. Телегр.: «Смутное время послужило вдохновеніемъ Булгарину, подарившему Россію историческимъ романомъ, достойнымъ той степени европейской образованности, на коей стоитъ наше отечество. Да, новое произведеніе автора «Ивана Выжигина» оживило нашу бѣдную словесность и рѣшительно перевѣшиваетъ всѣ тридцати или двадцати-страничныя поэмки **знаменитыхъ**». Объ Евгеніи Онѣгинѣ журналъ Полеваго писалъ: «Цѣна новизны исчезла—и тотъ же Онѣгинъ нравится не такъ, какъ прежде... Онѣгинъ есть собраніе отдѣльныхъ, безсвязныхъ замѣтокъ о томъ, о семъ... Онѣгинъ будетъ рудникъ для эпиграфовъ, а не органическое существо... Если бы нашъ поэтъ перешелъ въ Русскій Міръ, углубился въ отечественное, родное ему, то онъ сдѣлался бы высокимъ, оригинальнымъ поэтомъ»[477]).

Итакъ, Полевому казалось, что въ «Онѣгинѣ» Пушкинъ не углубляется въ «родное»!!.. Возгорѣлась прямо травля великаго поэта. Еще раньше Булгаринъ и Пушкинъ обмѣнялись взаимными любезностями. Первый изобразилъ его подъ видомъ французскаго поэта, у котораго «сердце холодное, а голова родъ побрякушки, набитой гремучими рифмами», который «чванится предъ чернью вольнодумствомъ, а тишкомъ ползаетъ у ногъ сильныхъ». А. Пушкинъ изобразилъ Булгарина въ видѣ Видока: «нравственныя сочиненія Видока, полицейскаго сыщика, суть явленіе не менѣе отвратительное, не менѣе любопытное. Прдставьте себѣ человѣка безъ имени и пристанища, живущаго ежедневнымъ донесеніемъ и т. д.» Въ Видокѣ всѣ узнали Булгарина. Но когда Пушкинъ написалъ 24 марта 1830 года, предупредивъ Бенкендорфа о злобныхъ выходкахъ Булгарина, тотъ ему отвѣчалъ: «Я вижу его не болѣе двухъ-трехъ разъ въ годъ, и въ послѣднее время видѣлся съ нимъ только для того, чтобы сдѣлать ему выговоръ». Что касается травли Пушкина въ 1830 году, то въ ней участвовала вся московская и петербургская журналистика. «Пушкинъ здѣсь,—писалъ Шевыреву Погодинъ,—какъ бы ты думалъ—его ругаютъ наповалъ во всѣхъ почти журналахъ: въ Сѣверной Пчелѣ, Сынѣ Отечества, Галатеѣ, Вѣстникѣ Европы (не упо-

[477]) М. Т. 1830. № 6. Стр. 193—248.

мянутъ Телеграфъ). Мои отношенія къ нему прежнія, то есть очень хорошія»[478]).

«Московскій Вѣстникъ» и «Литературная Газета»—органы враждебные, сходились въ уваженіи къ Пушкину.

Въ первый день новаго 1831 года, въ Петербургѣ вышла въ свѣтъ трагедія Пушкина Борисъ Годуновъ. Московскіе журналы, оставшіеся въ живыхъ послѣ холеры, сочли долгомъ выслать Пушкину билеты на свои изданія. Это не мало удивило его. «Знаешь ли ты, писалъ онъ князю Вяземскому, какіе подарки получилъ я на новый годъ? Билетъ на Телеграфъ, да билетъ на Телескопъ, отъ издателей, въ знакъ искренняго почтенія. Каково? И въ Пчелѣ предлагаютъ мнѣ миръ». Вотъ что, однако, писалъ Телеграфъ о Борисѣ: «Сущность этого творенія Пушкина запоздалая и близорукая: и могла ли она не быть такою даже по исторической основѣ творенія, когда Пушкинъ рабски влекся по слѣдамъ Карамзина и т. д.» Иными словами, если бы Пушкинъ въ своей трагедіи «влекся бы по слѣдамъ Исторіи Русскаго народа, она была бы превосходной... Иначе отнесся къ Борису Годунову Надеждинъ въ своемъ Телескопѣ. «Прежній хулитель Пушкина, говоритъ Барсуковъ, обратился, съ нѣкоторыми оговорками, въ хвалителя его». Хотя былъ ли Надеждинъ въ самомъ дѣлѣ «хулителемъ» Пушкина? Пушкинъ писалъ Плетневу: «Пишутъ мнѣ, что Борисъ мой имѣлъ большой успѣхъ въ Петербургѣ: странная вещь, непонятная вещь! По крайней мѣрѣ, я того никакъ не ожидалъ. Что тому причиною? Чтеніе Вальтеръ—Скотта? Голосъ знатоковъ, коихъ избранныхъ такъ мало? Крикъ друзей моихъ? Мнѣніе Двора? Какъ бы то ни было, я успѣха трагедіи моей у васъ не понимаю. Въ Москвѣ то ли дѣло? Здѣсь жалѣютъ о томъ, что я совсѣмъ, совсѣмъ упалъ... Жду перевода и суда нѣмцевъ». Баронъ Розенъ сообщалъ Шевыреву: «Вышелъ Борисъ Годуновъ Пушкина и никто изъ критиковъ—самозванцевъ не умѣлъ оцѣнить этого прекраснаго творенія! Кривые толки, косые взгляды, шиканье, дурацкій смѣхъ,—вотъ чѣмъ привѣтствовали Годунова».

Не менѣе характерно для журналистики 30-хъ годовъ и преслѣдованіе Полевого. Его «Исторія» вызвала рѣзкіе нападки.

Надеждинъ далъ такой отзывъ въ «Вѣстникѣ Европы» о первомъ томѣ «Исторіи Русскаго Народа» Николая Полевого: «Это не болѣе, какъ безобразный хаосъ уродливыхъ словъ, скрипящихъ подъ тяжестью уродливыхъ мыслей, нахватанныхъ и оттуда и отсюда... безъ разбора, плана и цѣли: пустомысліе оправленное пустословіемъ... Исторія Русскаго Народа есть печальный опытъ судьбы, ожидающей самолюбивое невѣжество, ищущіе прикрыть свою ничтожность безстрашною дерзостью». Булгаринъ же писалъ: «Это первая критическая Исторія Россіи. Есть критическія изслѣдованія объ

---

[478]) Барсуковъ. Погодинъ. III, 28.

отдѣльныхъ частяхъ Исторіи; есть повѣствовательная исторія, но никто еще не предпринималъ у насъ писать Исторію въ духѣ критическо-философскомъ. Честь первенства принадлежитъ г. Полевому. Взглядъ его вѣрный. Множество заблужденій гаснетъ предъ его критическимъ свѣтильникомъ. Кто желаетъ знать Отечественную Исторію, тотъ непремѣнно долженъ прочесть книгу Полевого». Погодинъ въ своемъ Московскомъ Вѣстникѣ писалъ: «Самохвальство, дерзость, невѣжество, шарлатанство въ высочайшей и отвратительнѣйшей степени, высокопарныя и безсмысленныя фразы». Однако Пушкинъ былъ возмущенъ отзывами Погодина и Надеждина. Петербургскіе профессора Коппенъ и Кругъ признали Полевого. Въ самомъ дѣлѣ, мысль — написать исторію русскаго народа была для своего времени замѣчательна[479]).

Полевой былъ эхо идей Погодина, Ивана Кирѣевскаго, Чаадаева, Каченовскаго. Какъ памятникъ языка и повѣствовательной прозы Исторія его (шестой томъ вышелъ въ 1833 г.) достойна однако изученія. Оцѣнка труда съ точки зрѣнія исторіографіи до сихъ поръ не установилась. «Исторія русскаго народа, говоритъ Милюковъ, не была ни выраженіемъ скептическихъ, ни выраженіемъ западническихъ идей. Ея значеніе заключается въ томъ, что она была первою попыткою приложить новый философско-историческій взглядъ къ объясненію явленій русской исторіи»[480]).

«Исторія Полевого, читаемъ у Кояловича, лучше всего показываетъ, какое чудовищное искаженіе всего нашего прошедшаго строя можно произвесть, примѣривая къ нему западно-европейскій строй, хотя бы по самымъ научнымъ западно-европейскимъ книгамъ... Полевой взялъ положеніе скептиковъ (школы Каченовскаго) — изучать русскую исторію сравнительно съ исторіей другихъ народовъ и приступилъ къ этому сравненію тоже, подобно скептикамъ, съ полнѣйшимъ національнымъ самоотреченіемъ... Самостоятельнаго, хорошаго изученія русской исторіи у него не было. Самостоятельною оказывается только его система — забота провести одну мысль черезъ всю русскую исторію и еще болѣе важная забота доискиваться внутреннихъ причинъ историческихъ явленій»[481]).

§ 6. «Роль Н. А. Полевого въ исторіи русскаго просвѣщенія достаточно извѣстна. Знаменитый издатель передового и любимаго публикой журнала, потомъ забросанный грязью ренегатъ, потомъ всѣми забытый лите-

[479]) Вѣстн. Евр. 1830. № 1. стр. 37—72. Сѣверная Пчела. 1830. № 4. Моск. Вѣстн. 1830. ч. I. Стр. 165—190. Барсуковъ. Погодинъ. III. Стр. 40—46.

[480]) П. Милюковъ. Главн. теченія русск. историч. мысли. Томъ I. Изд. 2-е. 1898. Стр. 345.

[481]) М. О. Кояловичъ. Исторія русскаго самосознанія. Изд. 2-е. 1893. Стр. 185, 187, 192.

ратурный поденщикъ, поочередно страдавшій отъ цензуры, какъ нигилистъ, отъ собратій по журналистикѣ, какъ отступникъ, и отъ спекулянтовъ книжнаго рынка, какъ ловкій поставщикъ ходкаго товара« [482]).

Разсматривать журналистику 30-хъ годовъ, внѣ цензурныхъ условій того времени, значитъ вынести чрезмѣрно тягостные приговоры ея дѣятелямъ. Характеристика г. Милюкова своею жестокостью противорѣчитъ даже строгому суду Бѣлинскаго. Слѣдуетъ ознакомиться ближе съ личностью Полевого, и условіями, въ которыя онъ былъ поставленъ послѣ закрытія «Телеграфа». Приведемъ его собственную, трогательную апологію.

«Немногіе изъ русскихъ литераторовъ, говоря вообще, писали столь много, и въ столь многообразныхъ родахъ, какъ я. Едвали какой нибудь современный предметъ, сколько нибудь волновавшій умы и сердца моихъ современниковъ, не обращалъ на меня своего вниманія, какъ критика и журналиста. Изученіе и разборъ всего, что мелькало передъ нами, въ минувшіе 15, 20 лѣтъ, увлекали меня безпрерывно и постоянно. Осмѣливаюсь думать, что въ томъ, что было мною писано, и не одни современники найдутъ поводъ къ размышленію... Кладу руку на сердце и дерзаю сказать вслухъ, что никогда не увлекался я ни злобою—чувствомъ для меня презрительнымъ, ни завистью—чувствомъ, котораго я не понимаю—никогда то, что говорилъ и писалъ я, не разногласило съ моимъ убѣжденіемъ, и никогда сочувствіе добра не оставляло сердца моего; оно всегда сильно билось для всего великаго, полезнаго и прекраснаго... Не скажетъ обо мнѣ, кто приметъ на себя трудъ познакомиться съ тѣмъ, что было мною писано, не скажетъ, чтобы чѣмъ либо обезславилъ званіе, которое всегда высоко цѣню и цѣнилъ—званіе литератора. Мои слова не самохвальство, но искренній голосъ человѣка и литератора, который дорожитъ названіемъ честнаго» [483]).

«Полевой — не поэтъ и не ученый, говоритъ Бѣлинскій,—но писатель и литераторъ, и притомъ замѣчательный въ полномъ значеніи этого слова. Слишкомъ двадцать лѣтъ дѣйствовалъ онъ на литературномъ поприщѣ, и участіе его въ литературѣ было чувствуемо, видимо и даже богато результатами, которые имѣютъ видъ большей или меньшей заслуги. Теперь поприще его почти кончено... Продолжая дѣйствовать вновь и часто новымъ и особеннымъ противъ прежняго образомъ, онъ однако отсталъ отъ новаго поколѣнія». «Полевой можетъ называться представителемъ мнѣній объ искусствѣ и наукѣ цѣлаго періода нашей литературы. Онъ имѣлъ сильное вліяніе на свое время, произвелъ переворотъ въ мертвой журналистикѣ

---

[482]) Милюковъ. Гл. теч. истор. мыслей, I. 342.

[483]) Очерки русской литературы. Сочиненіе Николая Полевого. Часть первая. Нѣсколько словъ отъ сочинителя. VIII. IX. X. 1839.

того времени, оживилъ литературу, далъ быстрое теченіе обмѣну мнѣній, сбавилъ цѣны со многихъ авторитетовъ, не совсѣмъ по праву стоявшихъ слишкомъ высоко, уничтожилъ множество знаменитостей по преданію и на кредитъ. Его дѣятельность была многосторонняя и неистощима; какъ понималъ, онъ передавалъ русской публикѣ все новое въ Европѣ, ни одно примѣчательное явленіе не ускользнуло отъ его недремлющаго вниманія».

§ 2. «Въ жилахъ Бѣлинскаго текла безпримѣсная кровь—принадлежность нашего велико-русскаго духовенства, столько вѣковъ недоступнаго вліянію иностранной породы» (Тургеневъ). Отецъ его, кончивши курсъ въ петербургской медицинской академіи съ званіемъ лѣкаря, служилъ въ Балтійскомъ флотѣ. Былъ женатъ на дочери флотскаго офицера. Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій родился въ 1810 г., въ Свеаборгѣ.

«Вскорѣ послѣ появленія первыхъ критическихъ статей Бѣлинскаго въ «Молвѣ», и «Телескопѣ» (1836 — 1839), въ Петербургѣ начали ходить слухи о немъ, какъ о человѣкѣ весьма бойкомъ, горячемъ, который ни передъ чѣмъ не отступалъ и нападалъ на «все»—на все въ литературномъ мірѣ, конечно. Другого рода критика была тогда немыслима — въ печати. Многіе, даже между молодежью, осуждали его и находили, что онъ слишкомъ и далеко заносится... Цѣлая легенда тотчасъ сложилась о Бѣлинскомъ. Говорили, что онъ—недоучившійся казенный студентъ, выгнанный изъ университета... за развратное поведеніе... увѣряли, что и наружность его самая ужасная; что это какой-то цинникъ, бульдогъ, призрѣнный Надеждинымъ съ цѣлью травить имъ своихъ враговъ... Стихотворенія Бенедиктова появились въ 1836 году, маленькой книжечкой, съ неизбѣжной виньеткой на заглавномъ листѣ... и привели въ восхищеніе все общество, всѣхъ литераторовъ, критиковъ — всю молодежь. И я, не хуже другихъ, упивался этими стихотвореніями, зналъ многія наизусть, восторгался... Вотъ, въ одно утро зашелъ ко мнѣ студентъ - товарищъ и съ негодованіемъ сообщилъ мнѣ, что въ кондитерской Беранжэ появился номеръ «Телескопа» съ статьей Бѣлинскаго, въ которой этотъ «критиканъ» осмѣливался заносить руку на нашъ общій идолъ, на Бенедиктова. Я немедленно отправился къ Беранжэ, прочелъ всю статью отъ доски до доски и, разумѣется, также воспылалъ негодованіемъ. Но—странное дѣло!—и во время чтенія, и послѣ, къ собственному моему изумленію и даже досадѣ, что-то во мнѣ невольно соглашалось съ «критиканомъ», находило его доводы убѣдительными... неотразимыми»[484]. «Бѣлинскій былъ, что у насъ рѣдко, дѣйствительно страстный и дѣйствительно искренній человѣкъ, способный къ увлеченію беззавѣтному, но исключительно преданный правдѣ.

---

[484]) Тургеневъ. Литературныя воспоминанія. Стр. 19. 20.

раздражительный, но не самолюбивый, умѣвшій любить и ненавидѣть безкорыстно... Невозможно себѣ представить, до какой степени Бѣлинскій былъ правдивъ съ другими и съ самимъ собою; онъ чувствовалъ, дѣйствовалъ, существовалъ только въ силу того, что̀ онъ признавалъ за истину, въ силу своихъ принциповъ»[485]).

«Бѣлинскій, безспорно, обладалъ главными качествами великаго критика... Эстетическое чутье было въ немъ почти непогрѣшительно; взглядъ его проникалъ глубоко, и никогда не становился туманнымъ; Бѣлинскій не обманывался внѣшностью, обстановкой — не подчинялся никакимъ вліяніямъ и вѣяніямъ; онъ сразу узнавалъ прекрасное и безобразное, истинное и ложное, и съ безтрепетной смѣлостью высказывалъ свой приговоръ—высказывалъ его вполнѣ, безъ урѣзокъ, горячо и сильно, со всей стремительной увѣренностью убѣжденія... При появленіи новаго дарованія, новаго романа, стихотворенія, повѣсти — никто, ни прежде Бѣлинскаго, ни лучше его, не произносилъ правильной оцѣнки, настоящаго, рѣшающаго слова. Лермонтовъ, Гоголь, Гончаровъ—не онъ-ли первый указалъ на нихъ, разъяснилъ ихъ значеніе? И сколько другихъ! Безъ невольнаго удивленія передъ критической діагнозой Бѣлинскаго нельзя прочесть, между прочимъ, ту небольшую выноску, сдѣланную имъ въ одномъ изъ своихъ годичныхъ обозрѣній, въ которой онъ по одной пѣснѣ о купцѣ Калашниковѣ, появившейся безъ подписи... предрекалъ великую будущность автора. Подобныя черты встрѣчаются безпрестанно у Бѣлинскаго»[486]).

Бѣлинскій переводилъ съ французскаго для «Телескопа» и «Молвы» «Я перебрался къ Надеждину, пишетъ онъ брату отъ 17 августа 1834 г., — и живу у него уже двѣ недѣли. Жить мнѣ очень недурно; у меня особенная комната... Теперь Надеждинъ уѣхалъ... и поручилъ мнѣ журналъ и домъ, гдѣ я теперь полный хозяинъ... пользуюсь его библіотекой и живу припѣваючи»[487]).

Но вотъ, какъ описывалъ житье-бытье Бѣлинскаго первый литературный знакомецъ его въ Москвѣ — Лажечниковъ: «Бѣлинскій квартировалъ въ бель-этажѣ (слово это было подчеркнуто въ его адресѣ), въ какомъ-то переулкѣ между Трубой и Петровкой. Красивъ же былъ этотъ бельэтажъ! Внизу жили и работали кузнецы. Пробраться къ нему надо было по грязной лѣстницѣ; рядомъ съ его каморкой была прачешная, изъ которой безпрестанно неслись къ нему испаренія мокраго бѣлья и вонючаго мыла. Каково было дышать этимъ воздухомъ, особенно ему, съ слабой грудью!... Сердце мое облилось кровью... Я спѣшилъ бѣжать отъ смрада

[485]) Тургеневъ. Id. 23.

[486]) Тургеневъ. Литературныя воспоминанія. Стр. 28, 29.

[487]) Пыпинъ. Бѣлинскій. 1876 г. Т. I. Стр. 80.

испареній, обхватившихъ меня... скорѣе на чистый воздухъ, чтобы хоть нѣсколько облегчить грудь отъ всего, что я видѣлъ, что я прочувствовалъ въ этомъ убогомъ жилищѣ литератора, заявившаго уже Россіи свое имя»[428]).

Въ 1834 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, начался въ «Молвѣ» рядъ статей, подъ названіемъ «Литературныя мечтанія. Элегія въ прозѣ». Съ этихъ статей открывается серьезная литературная дѣятельность Бѣлинскаго. Главная мысль — у насъ нѣтъ литературы, въ истинномъ смыслѣ, какъ органа народнаго самосознанія. «Литературныя мечтанія», — говоритъ Пыпинъ, произвели большое впечатлѣніе, и справедливо: съ этихъ поръ начинается переломъ въ русской критикѣ. Здѣсь впервые критика являлась, какъ сознательно и горячо прочувствованная система мнѣній, смыслъ которыхъ не ограничивался одной областью эстетическихъ явленій, а, напротивъ, простирался далеко за ихъ предѣлы, въ пониманіе цѣлой жизни общества. И до Бѣлинскаго бывали въ нашей литературѣ примѣры художественнаго пониманія и серьезныхъ философскихъ воззрѣній, — но до Бѣлинскаго въ русской критикѣ еще не было такой цѣльности взгляда, силы убѣжденія и искренняго чувства[429]).

Надеждину наша литература казалась безплоднымъ пустыремъ, на которомъ только изрѣдка возникаютъ прекрасные цвѣты, почти приводящіе въ недоумѣніе своимъ появленіемъ... Древняя русская жизнь представлялась ему «дремучимъ лѣсомъ безличныхъ именъ, толкущихся въ пустотѣ безжизненнаго хаоса», и онъ даже спрашиваетъ: «имѣемъ ли мы прошедшее, — жилъ-ли подлинно народъ русскій въ это длинное тысячелѣтіе?» Возникновеніе умственной жизни онъ начинаетъ только съ Петра, и литература, или вся образованность русская съ тѣхъ поръ казалась ему только слабой копіей европейскаго просвѣщенія, гдѣ «все европейское забрасывается къ намъ рикошетомъ, чрезъ тысячи скачковъ и переломовъ, и потомъ долетаетъ въ слабыхъ издыхающихъ отголоскахъ». Для доказательства А. Н. Пыпинъ приводитъ такую цитату: «Тяжело, а должно признаться, говоритъ Надеждинъ, — что доселѣ наша словесность была, если можно такъ выразиться, барщиною европейской: она обрабатывалась руками русскими не по-русски; истощала свѣжіе неистощимые соки юнаго русскаго духа для воспитанія произрастеній чуждыхъ, не нашихъ. Что у насъ теперь своего? Поэтическій нашъ метръ выкованъ на германской наковальнѣ; проза представляетъ смѣшеніе всѣхъ европейскихъ идіотизмовъ, нароставшихъ поочередно слоями на дикую массу русскаго неразработаннаго слова. Какими произведеніями можемъ мы похвалиться, какъ нашими собственными? Театръ у насъ представлялъ всегда жалкую пародію французской чопорной

[428]) Пыпинъ. Бѣлинскій. Т. I. Стр. 83—84.

[429]) Пыпинъ. Бѣлинскій. Т. I. Стр. 90—91.

сцены; объ эпопеяхъ и говорить нечего; лирическое одушевленіе временъ очаковскихъ выливалось въ офиціальныхъ формулахъ, общихъ всей Европѣ; въ балладахъ, коими смѣнилось царство одъ, развертывалась нѣмецкая трескучая фантасмагорія; современныя поэтическія мечты, думы, грезы отзываются или по крайней мѣрѣ, хотятъ отзываться, байронизмомъ. Такимъ образомъ, благодатный весенній возрастъ словесности, запечатлѣваемый у народовъ, развивающихся изъ самихъ себя, свободною естественностію и оригинальною самообразностію, у насъ, напротивъ, обреченъ былъ въ жертву рабскому подражанію и искусственной принужденности». Надеждинъ привѣтствуетъ, однако, «Бориса Годунова» и романы Загоскина, какъ разсвѣтъ русской народной поэзіи и литературы, и предчувствуетъ ихъ новое развитіе. «Въ русской словесности близокъ долженъ быть поворотъ искусственнаго рабства и принужденія, въ коемъ она доселѣ не могла дышать свободно, къ естественности, къ народности».

Заключеніе А. Н. Пыпина: «Бѣлинскій не повторялъ Надеждина, но былъ его прямымъ продолжателемъ» [490]).

Мы скажемъ: Надеждинъ не былъ учителемъ Бѣлинскаго, но прямымъ его предшественникомъ, связующимъ и переходнымъ звеномъ его съ Полевымъ.

§ 8. Въ средѣ студентовъ московскаго университета тогда образовалась плеяда даровитыхъ юношей. Бѣлинскій былъ еще студентомъ, когда въ университетѣ былъ Герценъ; при Бѣлинскомъ въ университетъ вступилъ Станкевичъ. Главнымъ образомъ замѣчательны были два кружка, которые составились тогда среди студентовъ и представляли два разныя направленія, бродившія въ умахъ. Главою перваго кружка былъ Герценъ. Къ нему принадлежали: Огаревъ, Сатинъ, Кетчеръ, Коршъ. Кружокъ этотъ увлекался общественными теоріями, подъ вліяніемъ преданій двадцатыхъ годовъ, политической литературы и событій въ западной Европѣ; знакомство съ Сенъ-Симонизмомъ окончательно установило соціальное направленіе его стремленій. Главою второго кружка сдѣлался Николай Владиміровичъ Станкевичъ. Люди, составлявшіе этотъ кружокъ, воспитались на философіи, выслушанной у Павлова и Надеждина. Къ кружку Станкевича принадлежали Бѣлинскій, С. М. Строевъ, А. П. Ефремовъ, В. И. Красовъ, И. П. Ключниковъ. Къ этому же кружку примкнули потомъ В. П. Боткинъ, М. Н. Катковъ, Михаилъ Бакунинъ. Къ кружку Станкевича принадлежалъ также и студентъ Константинъ Аксаковъ. Николай Владиміровичъ Станкевичъ своею нравственною личностью свѣтилъ всему поколѣнію 30-хъ годовъ. Чѣмъ былъ Андрей Тургеневъ, другъ Жуковскаго, Батюшкова, князя Вяземскаго, для поколѣ-

[490]) Пыпинъ. Бѣлинскій, т. I. 95, 96, 97.

нія предшествовавшаго 1812 году; чѣмъ былъ Веневитиновъ для поколѣнія, принадлежавшаго 1825 году, такимъ сталъ Станкевичъ для молодыхъ людей между 1835 и 1840 годами[491]).

Кружокъ сталъ собираться впервые, когда Станкевичъ и Бѣлинскій были еще студентами. Біографъ Станкевича вѣрно опредѣляетъ тонъ мыслей, господствовавшихъ въ этомъ кружкѣ, подъ вліяніемъ идей Шеллингова пантеизма: «Какимъ-то торжествомъ, свѣтлымъ радостнымъ чувствомъ исполнилась жизнь, когда указана была возможность объяснить явленія природы тѣми же самыми законами, какимъ подчиняется духъ человѣческій въ своемъ развитіи, закрыть, повидимому, навсегда пропасть, раздѣляющую два міра, и сдѣлать изъ нихъ единый сосудъ для вмѣщенія вѣчной идеи и вѣчнаго разума. Съ какою юношескою и благородной гордостью понималась тогда часть, предоставленная человѣку въ этой всемірной жизни!» На много лѣтъ, до самаго переѣзда въ Петербургъ, — гдѣ начался новый періодъ его мысли (40-е годы), — Бѣлинскій весь былъ полонъ стремленіемъ съ одной стороны «высвобождать въ себѣ самомъ божественную часть міровой идеи отъ всего случайнаго, нечистаго и ложнаго», а съ другой — «утвердить на мысли и разумѣ всѣ самыя тонкія эстетическія ощущенія человѣка»,—которое отличало вообще кружокъ Станкевича. Философія и поэзія поглащали всѣ интересы кружка. Шекспиръ, Гете, Шиллеръ были постоянно на языкѣ у этихъ восторженныхъ почитателей искусствъ; первый стоялъ превыше всего, какъ предметъ безусловнаго поклоненія; Гете, но особенно Шиллеръ, подвергались различнымъ истолкованіямъ. Рядомъ съ этимъ, въ кружкѣ издавна пользовался великимъ уваженіемъ Гофманъ. Сочиненія Гофмана съ половины 30-хъ и до половины 40-хъ годовъ усердно переводились друзьями кружка— въ «Телескопѣ», «Наблюдателѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ». Гофманъ въ своихъ фантастическихъ повѣстяхъ такъ часто обращался къ вопросамъ искусства и съ такимъ энтузіазмомъ и глубокимъ пониманіемъ говорилъ о немъ, что сочиненія его были для кружка настоящимъ курсомъ эстетики. Общей была у друзей и страсть къ театру. «Театръ! восклицаетъ Бѣлинскій въ первой своей статьѣ, — любите ли вы театръ, какъ я люблю его, то есть всѣми силами души вашей, со всѣмъ энтузіазмомъ, со всѣмъ изступленіемъ, къ которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлѣній изящнаго? Или, лучше сказать, можете ли вы не любить театра больше всего на свѣтѣ, кромѣ блага и истины?»

Въ маѣ 1835 г., Надеждинъ оставилъ службу въ университетѣ. Онъ собирался за границу и на время отсутствія передавалъ изданіе «Телескопа» и «Молвы» Бѣлинскому и его друзьямъ. Новая редакція ревностно принялась за дѣло. Самъ Станкевичъ, который никакъ не хотѣлъ казаться литера-

[491]) Барсуковъ, Погодинъ, IV, 302—304.

торомъ и пускаться въ литературу, — самъ Станкевичъ вначалѣ заинтересовался журналомъ. Бѣлинскій тотчасъ превратилъ «Телескопъ» изъ эклектическаго, поверхностнаго и какъ-то беззаботно-умнаго журнала въ критическій журналъ съ опредѣленнымъ эстетическимъ взглядомъ.

Участіе Станкевича заявлено было, кажется, только переводной статьей о философіи Гегеля (Вильма), помѣщенной въ нѣсколькихъ книжкахъ «Телескопа» (1835 г., № 13—15), изданныхъ впрочемъ уже по возвращеніи Надеждина. Красовъ, Кольцовъ, К. Аксаковъ (подъ псевдонимомъ К. Эврипидина) доставили нѣсколько стихотвореній. Но всего больше придавали интересъ журналу статьи Бѣлинскаго: большая статья «о русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя» (№ 7—8), критическія статьи о стихотвореніяхъ Баратынскаго (№ 9), Бенедиктова (№ 11), о стихотвореніяхъ Кольцова (№ 12), которыя только-что изданы были тогда Станкевичемъ. Рядъ мелкихъ статей въ «Молвѣ». «Телескопъ» и «Молва» оставались на рукахъ Бѣлинскаго около полугода: отъ мая или іюня, до октября онъ издалъ шесть книжекъ. Журналъ, запоздавшій и до Бѣлинскаго, не былъ имъ доведенъ до полнаго числа книжекъ. «Молва» также запоздала. Недоданныя книжки изданы были уже въ слѣдующемъ году самимъ Надеждинымъ. Въ послѣднихъ нумерахъ «Телескопа», за 1835 годъ, составленныхъ видимо наскоро, Бѣлинскій помѣстилъ только мелкія журнальныя замѣтки и статьи объ «Опытѣ системы нравственной философіи» Дроздова.

Послѣдній томъ за 1835 годъ вышелъ только въ октябрѣ 1836 года. Затѣмъ въ книжкахъ «Телескопа» за 1836 годъ появился новый рядъ статей Бѣлинскаго: въ первыхъ четырехъ нумерахъ напечатанъ былъ отчетъ издателю «Телескопа» за послѣднее полугодіе (1835) русской литературы, какъ будто за время отсутствія редактора; въ 5 — 6 нумерахъ, обширная статья о критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ «Московскаго Наблюдателя», т. е. собственно Шевырева.

Съ 1836 года журналъ Надеждина началъ оживляться новыми силами. Въ 10 № помѣщена была статья Искандера (Герцена) «Гоффманъ» (написанная въ 1834) съ выходомъ послѣдней, 24-й книги «Телескопа» за 1835 годъ, и 16-й книги за 1836 (это было въ октябрѣ) — окончилось неожиданно и существованіе журнала. Въ 15-й книгѣ напечатано было знаменитое «Философическое письмо» Чаадаева. «Телескопъ» шелъ плохо въ 1836 году. Надеждинъ хотѣлъ какъ-нибудь поправить дѣло и употребилъ чаадаевскую статью какъ героическое средство: онъ хотѣлъ или «оживить свой дремлющій журналъ, или похоронить его съ честью». «Телескопъ» и пришлось похоронить [492]).

[492]) Пыпинъ. Бѣлинскій I. Стр. 154.

§ 9. Когда Станкевичъ и его кружокъ занялись источниками философіи, они не ограничились Шеллингомъ, и, познакомившись съ его предшественниками, Кантомъ и Фихте, окончательно остановились на ученіяхъ Гегеля. Здѣсь они нашли то «примирительное» направленіе, которое отличаетъ Бѣлинскаго конца 30-хъ годовъ. Оно начинаетъ сказываться въ 1836 г., но полное господство его приходится именно на то время, когда внѣшнія обстоятельства Бѣлинскаго были крайне бѣдственны, какъ въ 1837 году. Въ августѣ 1837 года Станкевичъ, и ранѣе надолго уѣзжавшій изъ Москвы на Кавказъ въ деревню, уѣхалъ за границу. Запрещеніе «Телескопа» отняло у Бѣлинскаго самую возможность литературнаго труда. Почти два года Бѣлинскій провелъ въ этомъ бѣдственномъ положеніи, въ безплодныхъ поискахъ работы. Въ 1838 г., «Московскій Наблюдатель» далъ было надежду на устройство матеріальныхъ дѣлъ и на литературный трудъ, —но журналъ продолжался недолго, и до конца 1839 г. Бѣлинскій опять былъ въ томъ же безвыходномъ положеніи. Онъ могъ существовать почти только поддержкою друзей — В. Боткина, К. Аксакова, Ефремова. И именно эти тяжкіе годы Бѣлинскій жилъ стремленіями къ «абсолютной жизни», теоретически доказывалъ «разумную», «прекрасную дѣйствительность»[193]).

Еще съ конца 1836 г., Бѣлинскій сталъ искать работы въ петербургскихъ изданіяхъ. Имѣлись въ виду «Энциклопедическій Словарь» Плюшара и «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду» подъ ред. Краевскаго. Дѣло не состоялось. Бѣлинскій составилъ и издалъ грамматику — она шла туго. Больной Бѣлинскій былъ отправленъ друзьями на Кавказъ и писалъ оттуда: «Едва родится во мнѣ сознаніе силы, едва почувствую я теплоту вѣры, какъ квартира, *а в о ш н а я* лавка, сюртуки, штаны, долги и вся эта мерзость жизни тотчасъ убиваютъ силу и вѣру». Въ октябрѣ 1837 г. Полевой отправился въ Петербургъ. Прошелъ слухъ, что Полевой будетъ издавать «Пчелу» и «Сына Отечества». Бѣлинскій разсчитывалъ сотрудничать у него. Надежда не оправдалась. Полевой былъ теперь уже человѣкъ подневольный. Въ письмѣ Кольцова отъ 21 февраля 1838 г. переданы слова Полевого:

«Что-жъ будешь дѣлать — *о б с т о я т е л ь с т в а* все воротятъ по своему; думалъ, думалъ покорился опять на время имъ, хотя бы это и не кстати, не впору, и мнѣ ужъ, старику (sic!), 42 года, я бы что-нибудь могъ написать свое... а вотъ, несмотря ни на что, я работникъ на 5 лѣтъ... а тутъ цензура все такъ и придирается; у людей хуже сходитъ, у меня—нѣтъ: вымарываютъ да и только: безпрестанно долженъ ѣздить самъ обо всякой малости говорить, объясняться»... *О б с т о я т е л ь с т в а* заключались въ новыхъ

---

[193]) Пыпинъ. Бѣлинскій. I. Стр. 203.

связяхъ Полевого въ Петербургѣ съ Булгаринымъ, Гречемъ и Сенковскимъ, не терпѣвшими Бѣлинскаго.

А. Ф. Смирдинъ задумалъ новое большое предпріятіе. Онъ согласилъ издателей «Сѣверной Пчелы» и «Сына Отечества» передать ему на условленное время изданіе ихъ газеты и журнала, съ правомъ пригласить для редакціи обоихъ изданій Н. А. Полевого, который изъявилъ на то свое согласіе. Полевой переселился въ Петербургъ и писалъ отъ 20-го декабря 1837 г. брату: «Я боялся эгоизма Греча, поляцизма Булгарина, трусости Смирдина... Надобно было рѣшиться — я отправился къ Гречу, Булгарину, Смирдину; сказалъ имъ все... говорилъ сильно и искренно. Нѣтъ! Всѣ могутъ быть людьми: Булгаринъ расплакался, Гречъ обнялъ меня. Смирдинъ сказалъ, что меня съ нимъ ничто не разлучитъ. Всѣ мы подали другъ другу руки и, благословясь, подписали наши условія. Но уже тѣмъ болѣе мнѣ надобно было послѣ этого налечь на работу, ибо умолчаніе имени моего значило 20% долой, а бѣдный мой Смирдинъ шутитъ въ плохую шутку, рискуя на предпріятіе въ сотни тысячъ: бюджетъ «Пчелы» составляетъ 150.000 р., а «Сына Отечества» 50.000 р., когда теперь «Пчелы» расходуется только 2,500 экземпляровъ, а «Сына Отечества» —смѣшно сказать—279 экземпляровъ! Покрайней мѣрѣ, теперь мое положеніе обозначилось и опредѣлилось. Я понялъ такъ, что мнѣ надобно какъ можно не выказываться, не лѣзть въ глаза, стараться, чтобы увидѣли и удостовѣрились въ моей правотѣ, чистотѣ моихъ намѣреній. Жить, дышать и работать мнѣ не мѣшаютъ—что жъ болѣе?»[494]).

Если вѣрить Булгарину (порядочному лжецу), продолжаетъ Полевой, Уваровъ сказалъ ему: «Вы не знаете Полевого: если онъ напишетъ Отче Нашъ, то и это будетъ возмутительно!..»

«Кромѣ строжайшаго приказа смотрѣть за каждой моей строчкой, онъ самъ читалъ, маралъ, держалъ нашу программу, такъ что мы умоляли его только отпустить душу на покаяніе, и вотъ почему программа вышла нелѣпа. Но вѣдь говорить дѣло Уваровъ запретить не можетъ, когда мои намѣренія чисты? Дать всему жизнь неужели нельзя? Матеріаловъ бездна. Мы выписываемъ около 40 журналовъ и газетъ. И вотъ «Пчела» будетъ почти въ половину болѣе форматомъ, на хорошей бумагѣ. Форма европейская — поколику то можно. О содержаніи что говорить? Что Богъ дастъ—для газеты нѣтъ запаса. Что только позволятъ, то все будетъ передано, и надобно только, чтобы все кипѣло новостью. Надзоръ мой полный—ни одна статья не пройдетъ безъ меня, кромѣ вранья Булгарина; но постараюсь, чтобы ему чаще садился на языкъ типунъ. Вотъ человѣкъ! Гречъ и я умоляемъ: «Пиши меньше», но онъ хорохорится и безжалостно пишетъ.— Библіографія моя

---

494) Записки Ксенофонта Полевого. 399—400.

скромная, но дѣльная. Статьямъ надо придать колоритъ Шалевскій (Филоретъ Шаль) и Жаненовскій (Жюль Жаненъ). «Сынъ Отечества» будетъ въ форматѣ Библіотеки и толще ея. Тутъ всего важнѣе критика. Хочу принять благородный, скромный тонъ, говорить только о дѣлѣ. Въ наукахъ и искусствахъ больше историческаго и практическаго. Русской словесности—что Богъ дастъ—стану покупать, хоть и не знаю у кого? Иностранной словесности богатство, и я тону въ немъ. Теперь тутъ же шлепнутся о смирдинскій прилавокъ въ одинъ день и «Сынъ Отечества» и «Библіотека для чтенія». Неужели не увидятъ разницы въ языкѣ, тонѣ, системѣ, критикѣ? Тамъ безстыдство и кабакъ—здѣсь человѣческій языкъ и умъ, скромный, но вѣрный всему доброму и прекрасному. Жду рѣшенія, боюсь и надѣюсь». Эти надежды не оправдались, однако.

Въ письмѣ отъ 21-го мая 1838 г. Полевой описываетъ свои недоразумѣнія съ «двумя гнусными ляхами» Булгаринымъ и Сенковскимъ. Въ концѣ концовъ все уладилось такъ. Полевой отказался отъ «Пчелы», а Булгаринъ отъ «Сына Отечества», который остался въ полномъ распоряженіи Полевого, съ именемъ одного Греча. Отъ 27-го декабря того же года Полевой пишетъ: «Изъ литературныхъ подробностей важнѣйшая та, что съ будущаго года Смирдинъ отказался отъ «Пчелы» и радъ былъ откупиться только бы Гречъ и Булгаринъ избавили его отъ нея... И такъ «Пчела» опять будетъ самобытна! Богъ съ ней!»[495]).

Юноши 1839 года не были свидѣтелями дѣятельности Николая Полевого въ 1825 и слѣдующихъ годахъ: имъ она была мало знакома, а ихъ современники представляли ее въ превратномъ видѣ, отчего и понятіе о ней составилось превратное. Отчего каждое сочиненіе его, встрѣчаемое неприязнено журналами, каждое литературное предпріятіе его, уже напередъ представленное въ ложномъ свѣтѣ, начинало испытывать холодность публики, и новыя поколѣнія были предупреждены противъ недавняго любимца русскихъ читателей. Жаркими поклонниками его оставались посѣтители столичныхъ театровъ, гдѣ живыя впечатлѣнія брали верхъ надъ всѣми происками его враговъ, да люди не предубѣжденные, большей частію жители провинцій, чуждые страстей и сплетней журнальнаго міра[496]).

Какъ-бы то ни было, уже въ 30-хъ годахъ литературная личность Булгарина покрылась такою грязью, что одно прикосновеніе къ нему марало репутацію писателя.

§ 10. Между тѣмъ талантъ Бѣлинскаго зрѣлъ и «сближался съ дѣйствительностью». Исторія этого «сближенія съ дѣйствительностью» отчасти

---

[495]) Записки Ксенофонта Полевого, 427, 455.
[496]) Записки Кс. Полевого, 461, 462.

прослѣжена А. Н. Пыпинымъ въ его трудѣ. по письмамъ Бѣлинскаго къ Станкевичу. «Пріѣзжай въ Москву съ Кавказа, пріѣзжаетъ Бакунинъ—мы живемъ вмѣстѣ. Лѣтомъ просмотрѣлъ онъ философію религіи и права Гегеля. Новый міръ намъ открылся. Сила есть право и право есть сила: -нѣтъ, не могу описать тебѣ, съ какимъ чувствомъ услышалъ эти слова—это было освобожденіе... Слово «дѣйствительность» сдѣлалось для меня равнозначительно слову «Богъ». И ты напрасно совѣтуешь мнѣ почаще смотрѣть на синее небо—образъ безконечнаго. чтобы не впасть въ кухонную дѣйствительность...»

«Теперь, когда я нахожусь въ созерцаніи безконечнаго, теперь я глубоко понимаю, что всякій правъ и никто не виноватъ; что нѣтъ ложныхъ. ошибочныхъ мнѣній, а есть моменты духа. Кто развивается, тотъ интересенъ каждую минуту, даже во всѣхъ своихъ уклоненіяхъ отъ истины». (Авг. 14, 1838).

«Такова моя натура—съ напряженіемъ, горестно и трудно, принимаетъ мой духъ въ себя и любовь, и вражду и знаніе, и всякую мысль, всякое чувство; но, принявъ, весь проникается ими, до сокровенныхъ и глубокихъ изгибовъ своихъ. Такъ въ горнилѣ моего духа выработалось самобытно значеніе великаго слова дѣйствительность. «Дѣйствительность! твержу я, вставая и ложась спать, днемъ и ночью—и дѣйствительность окружаетъ меня». (10 сент. 1838 г.)[497]).

Много хлопотъ тогда надѣлало въ Москвѣ извѣстное изреченіе Гегеля: «что̀ разумно—то дѣйствительно, что̀ дѣйствительно—то разумно». Съ первой половиной изреченія всѣ соглашались, но какъ было понять вторую? Неужели же нужно было признать все, что тогда существовало въ Россіи, за разумное? Толковали, толковали и порѣшили: вторую половину изреченія не допустить. Если бъ кто-нибудь шепнулъ тогда молодымъ философамъ, что Гегель не все существующее признаетъ за дѣйствительное—много бы умственной работы и томительныхъ преній было сбережено; они увидали бы, что эта знаменитая формула, какъ и многія другія, есть простая тавтологія, и въ сущности значитъ только то, что «opium facit dormire, quare est in eo virtus dormitiva» т. е. опіумъ заставляетъ спать по той причинѣ, что въ немъ есть снотворная сила[498]).

«Наблюдатель» началъ издаваться съ 1835 г. подъ редакціей Андросова, ученаго статистика, человѣка, собственно чуждаго литературнымъ дѣламъ, но даровитаго и умнаго. Литературную часть взялъ въ свое завѣдываніе Шевыревъ, незадолго передъ тѣмъ вернувшійся изъ за границы, и на первое время возбудившій большія ожиданія въ университетѣ и въ литера-

---

497) Пыпинъ. Бѣлинскій. I. 225—237.

498) Тургеневъ. Литературныя воспоминанія.

турѣ. На первыхъ порахъ Шевыревъ помѣщалъ нѣкоторые свои труды у Надеждина («Молва» 1833 г.), но скоро между ними начались неудовольствія, кончившіяся настоящей враждой.

Когда стали появляться «Литературныя мечтанія» (выходившія небольшими отрывками въ «Молвѣ»), Шевыревъ одобрялъ ихъ, пока дѣло не дошло до него. Бѣлинскій очень хвалилъ его, но замѣтилъ, что въ его стихахъ «развивается мысль, а не изливается чувство». Самолюбіе Шевырева не выдержало и этого умѣреннаго замѣчанія. Когда основался «Московскій Наблюдатель», въ немъ появились новыя произведенія Шевырева: знаменитая статья «Словесность и Торговля», рядъ критическихъ статей и, наконецъ, удивительный переводъ Тассова «Освобожденнаго Іерусалима».

Въ то же время вышла его «Исторія поэзіи». Послѣдняя имѣла свои достоинства. Но критическія статьи и поэтическія нововведенія, которыя Шевыревъ дѣлалъ въ своемъ переводѣ Тасса и которыми намѣревался произвести переворотъ въ русской поэзіи совсѣмъ подорвали его кредитъ. Между «Телескопомъ» и «Наблюдателемъ» началась полемика. Надеждинъ напалъ на «Исторію поэзіи» съ ученой критикой. Шевыревъ раздражился. Но здѣсь противникомъ ему выступалъ все же ученый докторъ «изящныхъ наукъ». Что же сталось, когда Шевырева сталъ разбирать «недоучившійся студентъ», недавно только исключенный за неспособность. Подъ редакціей Шевырева и Погодина «Наблюдатель» не шелъ. Съ 1838 г. онъ перешелъ въ руки кружка «гегельянцевъ».

Шевыревъ на кафедрѣ Московскаго университета былъ принятъ студентами съ восторгомъ. Но скоро, на другой же годъ, они къ нему охладѣли и одинъ изъ нихъ, а именно Станкевичъ писалъ отъ 1-го іюня 1835 г.: «Шевыревъ обманулъ наши ожиданія; онъ педантъ».

Герценъ превосходно характеризуетъ слогъ Погодина и Шевырева. А слогъ—это самъ человѣкъ.

Слогъ Погодина «шероховатый, неметеный, грубая манера бросать корноухія, обгрызенныя отмѣтки и нежеванныя мысли».

Слогъ Шевырева «дутый, губчатый, въ родѣ неокрѣпнувшаго бланъ-манже, въ которое забыли положить горькаго миндалю, хотя подъ его патокой и заморено бездна желчной, самолюбивой раздражительности».

БИБЛІОГРАФІЯ: Шевыревъ, Степанъ Петровичъ. (18-го октября 1806 г.—8 мая 1864 г.). Главнѣйшіе труды его: Исторія поэзіи. Чтенія. М. 1835 г. Теорія поэзіи, въ историческомъ развитіи у древнихъ народовъ, М. 1837 г. Объ отношеніи семейнаго воспитанія къ государственному. 1842 г. Ант. Ант. Прокоповичъ-Антонскій. Воспоминаніе. М. 1848 г. Антіохійская церковь. Спб. 1850 г. Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, въ 1847 г. 2 ч. М. 1850 г. Очеркъ исторіи живописи итальянской. М. 1852 г. О значеніи Жуковскаго, въ руской жизни и поэзіи. М. 1353 г. Исторія руской словесности. Лекціи. 4 ч. М. 1857—

1860 гг. Лагерь Валленштейна. Шиллера, переводъ. М. 1859 г. Некрологи и статьи о немъ. Московск. Вѣдомости. 1864 г. № 107. Н. Тихонравова. Отчеты Имп. Акад. Наукъ, по отд. русск. языка, за 1852—1865 г. Стр. 412—418. День 1864 г. № 20. Воспоминаніе М. П. Погодина. Журналъ Министер. Народн. Просвѣщ. 1869 г. № 2. Стр. 395—452. Погодинъ, Михаилъ Петровичъ. (1800—1875 гг. О немъ см. многотомное монументальное изслѣдованіе Н. Барсукова).

§ 11. По прежней нумераціи томовъ, «Наблюдатель» новой редакціи начинается съ XVI тома. Книгъ, изданныхъ Бѣлинскимъ. — пять томовъ. «Московскій Наблюдатель, журналъ энциклопедическій» началъ свой годъ съ марта и издавалъ за мѣсяцъ по двѣ книжки. «Московскій Наблюдатель», времени Бѣлинскаго, по мнѣнію А. Н. Пыпина, былъ однимъ изъ лучшихъ журналовъ по цѣльности его характера, по достоинству литературнаго отдѣла и наконецъ по критикѣ, которая положительно была выше всего того, что представляла тогда журналистика въ этомъ отношеніи. Въ видѣ программы и введенія къ изданію были помѣщены «Гимназическія рѣчи» Гегеля, съ предисловіемъ русскаго переводчика (Бакунина). Въ этомъ предисловіи высказаны были общія мнѣнія кружка о значеніи философіи, то признаніе «разумной дѣйствительности», къ которому друзья пришли въ то время вслѣдствіе изученія Гегеля. Съ тою же цѣлью объясненія философскихъ принциповъ искусства, помѣщена была статья Ретшера «о философской критикѣ художественнаго произведенія», также съ предисловіемъ переводчика Каткова [499]).

Въ «Наблюдателѣ» много переводили Гофмана. Постоянно являлись имена Кольцова, Красова, К. Аксакова, —ѳ— (И. И. Клюшникова), Каткова, Струговщикова и Полежаева. По разсказу Панаева, Степановъ, издатель «Московскаго Наблюдателя», платилъ Бѣлинскому помѣсячно (да и то неаккуратно) какія-то ничтожныя деньги за редакцію. Подписка оказалась незначительной и при выходѣ пятой книжки всѣ средства издателя уже совершенно были истощены. Панаевъ полагаетъ, что мѣшало успѣху журнала, кромѣ прочихъ причинъ, его «примирительное направленіе». Бѣлинскій самъ думалъ, что его журналъ долженъ назначаться для «аристократіи читающей публики»; она оказалась слишкомъ малочисленна. Книжки были слишкомъ однообразны. Бѣлинскій и его друзья хотѣли говорить только о томъ, что имъ нравилось и казалось важнымъ: философія искусства, Шекспиръ, Гете, Гофманъ почти исчерпывали ихъ литературные интересы. Въ журналѣ почти не было русскихъ повѣстей. Имена сотрудниковъ, впослѣдствіи очень извѣстныхъ, въ то время никому не были извѣстны.

---

[499]) «Моск. Наблюд.» 1838 г. Т. XVI въ двухъ первыхъ книжкахъ, стр. 1—38, 185—201. Томъ XVII. Кн. 5—7.

Наконецъ, журналъ не имѣлъ средствъ, чтобы выдерживать соперничество съ другими изданіями, напр. Библіотека платила авторамъ большой гонорарій, а сотрудники Наблюдателя» работали изъ любви къ искусству. Для привлеченія постороннихъ силъ редакція не имѣла средствъ. Сотрудники видѣли, что дѣло не ладится и охладѣли къ журналу. Бѣлинскій совершенно упалъ духомъ.

Въ этотъ періодъ примиренія въ жизни и искусствѣ онъ проповѣдывалъ теорію «искусства для искусства».

Онъ съ особеннымъ негодованіемъ и ожесточеніемъ отзывался о Жоржъ-Зандѣ. Искусство составляло для него высшій отдѣльный міръ, замкнутый въ самомъ себѣ, занимающійся только вѣчными истинами. Истинными художниками почиталъ онъ только тѣхъ, которые по мнѣнію его творили безсознательно : Гомера, Шекспира и Гете. Послѣ ликвидаціи Наблюдателя Бѣлинскій нѣкоторое время учительствовалъ. Въ это время Краевскій задумалъ «Отечественныя Записки . Сотрудничество въ нихъ Бѣлинскаго было рѣшено. Приготовляя большія статьи, Бѣлинскій началъ писать и разборы для «Отеч. Зап. и Литер. Прибавленій». Статьи о Менцелѣ» и Бородинской годовщинѣ стали для него кризисомъ, завершеніемъ стараго и точкой поворота къ новому, совсѣмъ иному направленію мысли. Въ октябрѣ 1839 г. Бѣлинскій оставилъ Москву.

§ 12. Нѣсколько философскихъ отрывковъ, нѣсколько прерванныхъ этюдовъ, связь и мысль которыхъ еще нуждается въ поясненіи біографа,— вотъ все, что осталось отъ Станкевича». (Анненковъ. Біографія Николая Владиміровича Станкевича. 1857 г.)

Литературная дѣятельность Станкевича неотдѣлима отъ его личности. «Личностью» своею онъ именно и совершилъ огромное дѣло. Въ своей семьѣ Станкевичъ «росъ честно». Юморъ, глубокая религіозность, нѣжное сердце, рано открывшееся для дружбы и любви, страсть къ поэзіи, музыкѣ, театру, охотѣ. Мѣра и гармонія была въ природѣ Станкевича. За здоровымъ дѣтствомъ слѣдовала чистая юность. Наука, поэзія, философія и проповѣдь гегельянства въ кружкѣ лучшихъ людей Россіи будущаго. Ранняя смерть... Станкевичъ дѣйствовалъ обаятельно всѣмъ своимъ существомъ. Это былъ живой идеалъ правды и чести. Станкевичъ былъ служителемъ истины въ чистой отвлеченной мысли, въ примѣрѣ своей жизни. Разговоръ съ нимъ всегда былъ дѣломъ.

Станкевичъ, котораго женщины называли небеснымъ , былъ какъ-бы духовникомъ всего поколѣнія 40-хъ годовъ. Въ перепискѣ —душа Станкевича. Началъ Шеллингомъ, онъ переходитъ къ общему источнику германскаго идеализма—къ Канту, затѣмъ къ Фихту и кончаетъ Гегелемъ. Еще находясь на шеллингіанской стадіи развитія, Станкевичъ далъ очеркъ фи-

лософскаго міросозерцанія, подъ заглавіемъ «Моя религія». Это отрывочный набросокъ, но въ высшей степени замѣчательный.

«Жизнь въ цѣломъ есть разумѣніе. Въ цѣломъ природа есть разумѣніе. Все (das All) есть жизнь, и жизнь сопряжена съ разумѣніемъ. Все созданное есть жизнь, развившаяся по законамъ разумѣнія». Это писано еще въ 1833 году.

Не видимъ ли мы здѣсь позднѣйшаго ученія графа Льва Толстого о «разумѣніи жизни»?

За изученіе Гегеля Станкевичъ принялся, такъ какъ пловецъ бросается въ ледяную воду рѣки. Еще въ январѣ 1839 году пишетъ онъ, что доселѣ былъ не въ состояніи прямо приступить къ пространной логикѣ Гегеля. Въ діалектическомъ процессѣ саморасклубленія духа Гегель захватываетъ весь міръ, и полетъ его мысли такъ грандіозенъ, свобода, которую онъ даетъ, такъ грандіозна, что надо было всю силу Станкевича и его сподвижниковъ, чтобы не устрашиться и дойти до конца. Станкевичъ умеръ 27-ми лѣтъ въ 1840 году въ Италіи.

Станкевичъ былъ первый послѣдователь Гегеля въ кругу московской молодежи. Онъ изучилъ нѣмецкую философію глубоко и эстетически. Одаренный необыкновенными способностями, онъ увлекъ большой кругъ друзей въ свое любимое занятіе. Кругъ этотъ чрезвычайно замѣчателенъ.

Увлеченіе Гегелемъ въ 30-хъ годахъ было во всемъ подобно увлеченію Шеллингомъ въ 20-хъ. «Нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ логики, въ двухъ эстетики, энциклопедіи и пр. (Гегеля), который бы не былъ взятъ отчаянными спорами нѣсколькихъ ночей. Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи «перехватывающаго духа», принимали за обиды мнѣнія объ «абсолютной личности и о ея по себѣ бытіи». Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденіи листовъ въ нѣскольно дней... Заплакали бы всѣ эти забытые Вердеры, Маргейнеке, Михелеты, Отто, Вадке, Розенкранцы и самъ Арнольдъ Руге, котораго Гейне такъ удивительно хорошо назвалъ «привратникомъ гегелевой философіи», еслибъ они знали, какія побоища и ратованія возбудили они въ Москвѣ между Маросейкой и Моховой, какъ ихъ читали и какъ ихъ покупали»[500]).

«Молодые философы приняли какой-то условный языкъ, они не переводили на русское, а перекладывали цѣликомъ, да еще для большей легкости оставляя всѣ латинскія слова in crudo, давая имъ православныя окончанія и семь русскихъ падежей... Молодые философы наши испортили себѣ

[500]) Герценъ. VII, 121—122.

не одни фразы, но и пониманіе; отношеніе къ жизни, къ дѣйствительности сдѣлалось школьное, книжное, это было то ученое пониманіе простыхъ вещей, надъ которымъ такъ геніально смѣялся Гете въ своемъ разговорѣ Мефистофеля съ студентомъ. Все въ самомъ дѣлѣ непосредственное, всякое простое чувство было возведено въ отвлеченныя категоріи и возвращалось оттуда безъ капли живой крови, блѣдной, алгебраической тѣнью... Гегель, во время своего профессорства въ Берлинѣ, долею отъ старости, а вдвое отъ довольства мѣстомъ и почетомъ, намѣренно взвинтилъ свою философію надъ земнымъ уровнемъ и держался въ средѣ, гдѣ всѣ современные интересы и страсти становятся довольно безразличны, какъ зданія и села съ воздушнаго шара... Настоящій Гегель былъ тотъ скромный профессоръ въ Іенѣ, другъ Гельдерлина, который спасъ подъ полой свою Феноменологію, когда Наполеонъ входилъ въ городъ; тогда его философія не вела ни къ индѣйскому квіетизму, ни къ оправданію существующихъ гражданскихъ формъ, ни къ прусскому христіанству... Гегель держался въ кругу отвлеченій для того, чтобъ не быть въ необходимости касаться эмпирическихъ выводовъ и практическихъ приложеній; для нихъ онъ избралъ очень ловко тихое и безбурное море эстетики; рѣдко выходилъ онъ на воздухъ, и то на минуту, закутавшись, какъ больной, но и тогда оставлялъ въ діалектической запутанности именно тѣ вопросы, которые всего болѣе занимали современнаго человѣка. Чрезвычайно слабые умы, окружавшіе его, принимали букву за самое дѣло, имъ нравилась пустая игра діалектики. Вѣроятно старику иной разъ бывало тяжело и совѣстно смотрѣть на недальновидность, черезъ край удовлетворенныхъ, учениковъ своихъ [501]).

Бѣлинскій, самая дѣятельная, порывистая, діалектически — страстная натура бойца, проповѣдывалъ тогда индѣйскій покой созерцанія... Раздраженный и недовольный (спорами съ Герценомъ), уѣхалъ онъ въ Петербургъ, и оттуда далъ по насъ послѣдній, яростный залпъ въ статьѣ, которую назвалъ «Бородинской годовщиной» [502]).

БИБЛІОГРАФІЯ: Ник. Влад. Станкевичъ (1809 — 1840 г.). Его стихотворенія, трагедія, проза. М. 1857 г. 2-е изд. М. 1890 г. Анненковъ. Біографія и переписка Николая Владиміровича Станкевича. 1857 г. Статья о Станкевичѣ Добролюбова. Соч. т. II. Анненковъ. Воспом. и критич. очерки. Т. III. Спб. 1881 г. А. Н. Пыпинъ. Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ. Изд. 2-е. Спб. 1890 г. Стран. 434—443. Александръ Ивановичъ Герценъ-Искандеръ. 25 марта 1812 г., 9-го (21) января 1870 г. Сочиненія. Былое и думы. 11 томовъ. Женева. 1857—1880 гг. Замѣчательны гегельянскія статьи его: Дилетантизмъ въ наукѣ. От. Зап. 1843 г. 1. стр. 31—42; 3. стр. 27—40 5. стр.

501) Id. 124—125.
502) Id. 126—127.

1 — 16 (томы 26 — 18) Буддизмъ въ наукѣ. От. Зап. II. (Стр. 57—74. (Т. 31). Письма объ изученіи природы. Отеч. Зап. 1845 г. Т. 39, 41, 43. 1846 г. Т. 45. Новыя варіаціи на старыя темы. Совр. 1847 г. Т. II. Стр. 21—31. Письма изъ «Avenue Marigny». «Современникъ». Отд. изд. 1855 г. Съ того берега. На нѣм. языкѣ. 1851 г., на русск. 1855 г., на франц. 1870 г. Страховъ. Борьба съ западомъ. Т. 2. Скабичевскій. Соч. т. I. Анненковъ. Замѣчательное десятилѣтіе. Вѣстн. Евр. 1880 г. 1—5. Переписка съ друзьями. Спб. 1891 г. Т. П. Пассекъ. Изъ дальнихъ лѣтъ. Искандеръ Герценъ. Берлинъ. 1859 г. Некрологъ. Вѣстн. Евр. 1870 г. № 2. Стр. 935 — 945. Голосъ. 1870 г. № 18. А. И. Г. Статья М. П. Погодина. Заря. 1870 г. № 2. Стр. 75—95. Иностранныя газеты о Герценѣ. Недѣля. 1870 г. № 5. По поводу извѣстія о смерти Герцена. Отеч. Записки. 1870 г. № 2. Т. CLXXXVIII. Стр. 373—381. Воспоминаніе объ А. И. Г. Д. Свербеева. Русскій Архивъ. 1870 г. № 3. Стр. 673—686. Некрологъ. Спб. Вѣд. 1870 г. № 13. Alexandre Herzen, par. Ch. du Bouzet Revue moderne. 1866. 1-er Novembre. p. 189—214. Al. Herzen. Illustr. Zeitung. 1870. № 1390. Mr. Al. Herzen. The Athenaeum 1870. № 2205.

§ 13. Выдающуюся роль въ исторіи 30-хъ и 40-хъ годовъ сыграли братья Кирѣевскіе — Иванъ Васильевичъ (род. въ 1806 г.) и Петръ (род. въ 1808 г.) Въ 1817 году А. П. Кирѣевская вышла замужъ за своего внучатнаго брата Ал. Ан. Елагина. Елагинъ, горячо и нѣжно любившій Кирѣевскихъ, былъ ихъ единственнымъ учителемъ до 1822 г.; и молодой Ваня Кирѣевскій привязался къ своему второму отцу всѣми силами своей любящей души. Кирѣевскій развивался быстро; не говоря уже о томъ, что онъ еще въ деревнѣ прекрасно выучился по-французски и по-нѣмецки, коротко познакомился съ литературами этихъ языковъ, перечелъ множество историческихъ книгъ, и основательно выучился математикѣ, еще въ деревнѣ началъ онъ читать философическія сочиненія, и первые писатели, которые случайно попались ему подъ руки, были Локкъ и Гельвецій. А. А. Елагинъ, въ началѣ усердный почитатель Канта, котораго «Критику чистаго разума» онъ вывезъ съ собою изъ заграничныхъ походовъ, въ 1819 году черезъ Веланскаго познакомился съ сочиненіями Шеллинга, сдѣлался его ревностнымъ поклонникомъ, и въ деревнѣ переводилъ его письмо о догматизмѣ и критицизмѣ.

Когда Елагины, для дальнѣйшаго воспитанія дѣтей, переселились въ Москву, молодой Кирѣевскій явился (1822 г.) въ кругу своихъ сверстниковъ знакомымъ со многими положеніями тогдашней германской философіи.

Въ Москвѣ онъ началъ учиться по-латыни и по-гречески, бралъ уроки у Снегирева, Мерзлякова, Цвѣтаева, Чумакова и другихъ профессоровъ московскаго университета; слушалъ публичныя лекціи профессора Павлова, и выучился по-англійски. Вмѣстѣ съ братомъ они выдержали такъ называемый комитетскій экзаменъ, и въ одно время вступили на службу въ 1824 г.,

въ Московскій главный архивъ иностранной коллегіи. Товарищами Кирѣевскаго по службѣ были «архивны юноши»: Веневитиновы (Д. В. и А. В.), В. П. Титовъ, С. П. Шевыревъ, П. С. Мальцевъ, Н. А. Мельгуновъ, С. А. Соболевскій и др. Мы видимъ Кирѣевскаго въ кружкѣ любомудровъ (см. выше). Оба брата одновременно выступили въ литературѣ въ 1828 году[503]).

И. В. Кирѣевскій, послѣ заграничной поѣздки, какъ мы уже говорили, приступилъ къ изданію журнала «Европеецъ», запрещеннаго за статью его «Девятнадцатый вѣкъ». Что-же говорилъ въ этой статьѣ Кирѣевскій? Кирѣевскій указываетъ на быструю идейную эволюцію вѣка и выступаетъ убѣжденнымъ шеллингіанцемъ:

«Прежде характеръ времени едва чувствительно перемѣнялся съ перемѣною поколѣній; наше время для одного поколѣнія мѣняло характеръ свой уже нѣсколько разъ[504]).

«Все развитіе новѣйшаго мышленія отъ Декарта до Шеллинга, совмѣстилось въ системѣ сего послѣдняго и нашло въ ней свое окончательное развитіе, дополненіе и оправданіе»[505]).

Кирѣевскій въ этой статьѣ является также убѣжденнымъ западникомъ. Онъ требуетъ общенія съ Европой, съ германо-романской цивилизаціей. «Самобытность», въ смыслѣ уединеннаго сосанія собственной лапы, вовсе не является его идеаломъ. Напротивъ. Вотъ что говоритъ онъ: «Какая то китайская стѣна стоитъ между Россіею и Европою, и только сквозь нѣкоторыя отверстія пропускаетъ къ намъ воздухъ просвѣщеннаго запада; стѣна, въ которой Великій Петръ ударомъ сильной руки пробилъ широкія двери; стѣна, которую Екатерина долго старалась рузрушить; которая ежедневно разрушается болѣе и болѣе, но не смотря на то, все еще стоитъ высоко и мѣшаетъ»[506]).

Однако онъ ребромъ ставитъ то противорѣчіе, которое раскололо на два лагеря — западниковъ и славянофиловъ, мыслящихъ русскихъ людей въ 40-хъ годахъ: «Изъ нутри ли собственной жизни должны мы заимствовать просвѣщеніе наше, или получать его изъ Европы? И какое начало должны мы развивать внутри собственной жизни? И что должны мы заимствовать отъ просвѣтившихся прежде насъ?»[507]).

Въ воззрѣніи на характеръ нашего просвѣщенія мнѣнія Кирѣевскаго уже пріобрѣтаютъ славянофильскій оттѣнокъ:

«Недавно начавшееся просвѣщеніе, включающее насъ въ составъ евро-

---

503) См. Матеріалы для біографіи И. В. Кирѣевскаго. При первомъ томѣ Пол. Собр. Соч. М. 1861 г. изд. Кошелева.

504) Девятнадцатый вѣкъ. Соч. Т. I. Стр. 62.

505) Девятнадцатый вѣкъ. Стр. 68.

506) Девятнадцатый вѣкъ. Стр. 72.

507) Девятнадцатый вѣкъ. Стр. 72.

пейскихъ обществъ, не было плодомъ нашей прежней жизни, необходимымъ слѣдствіемъ нашего внутренняго развитія; оно пришло къ намъ извнѣ, и частію даже насильственно, такъ что внѣшняя форма его до сихъ поръ еще находится въ противорѣчіи съ формою нашей національности»[507]).

«Какіе элементы личной и гражданственной образованности представляетъ намъ прошедшая жизнь Россіи, и въ какомъ отношеніи находились эти элементы къ просвѣщенію Европейскому?»

Три начала просвѣщенія Европы: 1) вліяніе христіанской религіи; 2) характеръ, образованность и духъ варварскихъ народовъ, разрушившихъ римскую имперію. 3) остатки древняго міра. Котораго же изъ нихъ не доставало намъ, или что имѣли мы лишняго?

Новѣйшее просвѣщеніе есть не отрывокъ, но продолженіе умственной жизни человѣческаго рода. Государства, причастныя образованности европейской, внутри самихъ себя совмѣстили всѣ элементы просвѣщенія всемірнаго, сопроникнутаго съ самою національностью ихъ»[508]).

«Переворотъ, совершенный Петромъ, былъ не столько развитіемъ, сколько переломомъ нашей національности; не столько внутреннимъ успѣхомъ, сколько внѣшнимъ нововведеніемъ». Но могло ли просвѣщеніе придти къ намъ иначе, какъ посредствомъ перелома въ нашемъ развитіи, иначе, какъ въ видѣ внѣшней силы, противуположной нашему прежнему быту, сражающейся съ нашею національностью на жизнь и смерть, и долженствующею не помириться съ нею, но побѣдить ее, покорить своему владычеству, преобразовать, породить новое?

Если въ нашей прежней жизни не доставало одного изъ необходимыхъ элементовъ просвѣщенія: міра классическаго,— то какъ могли бы мы достигнуть образованности, не заимствуя ея извнѣ? И образованность заимствованнная не должна ли быть въ борьбѣ съ чуждою ей національностію?»[510]).

Обвинители великаго создателя новой Россіи съ нѣкотораго времени распространились у насъ болѣе, чѣмъ когда либо; и мы знаемъ, откуда почерпнули они свой образъ мыслей; они говорятъ намъ о просвѣщеніи національномъ, самобытномъ; не велятъ заимствовать, бранятъ нововведенія и хотятъ возвратить насъ къ коренному и старинно-русскому. Но что же? Если разсмотрѣть внимательно, то это самое стремленіе къ національности есть не что иное, какъ непонятое повтореніе мыслей чужихъ, мыслей европейскихъ, занятыхъ у французовъ, у нѣмцевъ, у англичанъ, и необдуманно примѣняемыхъ къ Россіи. Дѣйствительно, лѣтъ десять назадъ стремленіе къ наці-

---

[507]) Девятнадцатый вѣкъ. Стр. 74.

[508]) Девятнадцатый вѣкъ. Стр. 80.

[510]) Девятнадцатый вѣкъ. Стр. 81.

ональности было господствующимъ въ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ Европы: всѣ обратились къ своему народному, къ своему особенному; но тамъ это стремленіе имѣло свой смыслъ: тамъ просвѣщеніе и національность одно, ибо первое развилось изъ послѣдней. Потому, если нѣмцы искали чисто нѣмецкаго, то это не противорѣчило ихъ образованности; напротивъ, образованность ихъ такимъ образомъ доходила только до своего сознанія, получила болѣе самобытности, болѣе полноты и твердости. Но у насъ искать національнаго, значитъ искать необразованнаго; развивать его на счетъ европейскихъ нововведеній, значитъ изгонять просвѣщеніе; ибо, не имѣя достаточныхъ элементовъ для внутренняго развитія образованности, откуда возьмемъ мы ее, если не изъ Европы? Развѣ самая образованность Европейская не была послѣдствіемъ просвѣщенія древняго міра? Развѣ не представляетъ она теперь просвѣщенія общечеловѣческаго? Развѣ не въ такомъ же отношеніи находится она къ Россіи, въ какомъ просвѣщеніе классическое находится къ Европѣ?[511]).

БИБЛІОГРАФІЯ: И. В. Кирѣевскій (1806—1856). 2 т. М. 1861. Здѣсь въ т. I. матеріалы для его біографіи. (Стр. 1—111. О немъ еще въ сочиненіяхъ Хомякова. Т. I. 586—590 (2 изд.): 197—260; 263—284. Ф. Терновскій. Два пути духовнаго развитія. Труды Кіевск. дух. акад. 1864. 4. стр. 378—402. О. Г. Масарикъ. Slovanské studie. Slavjanofilství Iv. Vasiljeviče Kirjejevského. Ateneum. 1889. Отдѣльно: ч. I. Прага. 1889. Некрологъ. Современникъ. 1856. № 8. Т. LVIII. Стр. 203. Два періода въ литературной дѣятельности И. В. К. Отеч. Зап. 1856. № 9. Т. CVIII. Въ Оптиной пустынѣ. Описаніе могилы К—го. Домашняя Бесѣда. 1861. Вып. 4. Стр. 61—66.

§ 14. «У насъ искать національнаго значитъ искать необразованнаго». Это положеніе и многія другія въ статьѣ Кирѣевскаго показываютъ, что въ ту пору воззрѣнія его были близки къ взглядамъ Чаадаева. Замѣтимъ, что и Надеждинъ высказывалъ многое изъ того, что соединено въ одинъ фокусъ въ «Философическомъ письмѣ» и это письмо было въ духѣ и направленіи «Телескопа». На это указываетъ А. Н. Пыпинъ въ своихъ «Характеристикахъ» (стр. 141): «Скептицизмъ Чаадаева относительно русской жизни и исторіи вовсе не былъ вещью случайной: онъ стоитъ въ тѣсной связи съ такъ называемымъ «западнымъ» направленіемъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ (хотя и не сливается съ нимъ)». Не сливается, потому что Чаадаевъ былъ въ то же время близокъ къ нашимъ великосвѣтскимъ католикамъ и ультрамонтанамъ петербургской аристократіи.

Католицизмъ нашелъ много послѣдователей въ нашемъ высшемъ обществѣ во времена императора Александра... Въ іезуитскомъ пансіонѣ на три

[511]) Девятнадцатый вѣкъ. Стр. 83.

четверти было воспитанниковъ изъ семействъ высшей аристократіи. Здѣсь воспитывались люди, игравшіе впослѣдствіи значительную роль въ нашей общественной и государственной жизни, напр., Алексѣй и Михаилъ Орловы, Бенкендорфъ; здѣсь учились Голицыны, Нарышкины, Гагарины, Меншиковы, Волконскіе, Шуваловы, Ростопчины, Строгановы, Полторацкіе, Толстые, Вяземскіе и т. д. Рядомъ шли многочисленныя тайныя обращенія въ католицизмъ. Католическая пропаганда еще съ конца прошедшаго столѣтія свила себѣ прочное гнѣздо въ русскомъ высшемъ обществѣ. Оно дало даже рядъ выдающихся пропогандистовъ (Свѣчина, кн. Зинаида Волконская, Гагарина, Шувалова, Августинъ Голицынъ и др.). Чѣмъ, однако, объясняется это явленіе? Отчего рвалось въ объятія латинства русское родовитое барство? Самаринъ объясняетъ это разложеніемъ народныхъ стихій подъ вліяніемъ реформъ Петра въ нашемъ дворянствѣ, внутренней пустотой его, при легкой воспріимчивости. При сильно развитомъ государственномъ патріотизмѣ, терялся народный смыслъ; историческая память была какъ бы отшиблена; непосредственное ощущеніе всего пережитаго прошедшаго въ каждой минутѣ настоящаго было утрачено; народный языкъ сдѣлался какъ бы чужимъ. И въ эту-то дряхлую и рыхлую среду, безсильную духомъ, оторванную отъ народной и церковной почвы, питавшей ее вещественно и духовно, врѣзались іезуиты, съ ихъ строго опредѣленнымъ ученіемъ, во всеоружіи испытанной своей діалектики и вѣковой педагогической опытности. Дѣло обошлось не только безъ борьбы, даже безъ отпора [512]).

Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ родился 27 мая 1793 г., умеръ въ Москвѣ 14-го апрѣля 1856 г.

Умственный обликъ Чаадаева сложился въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ. Вернувшись въ 1817 г., послѣ похода, въ Петербургъ, онъ засталъ здѣсь въ свѣтѣ увлеченіе идеями католической реакціи. Жозефъ де-Местръ уже 14 лѣтъ, какъ жилъ въ Петербургѣ, въ качествѣ посланника низложеннаго Наполеономъ сардинскаго короля. Здѣсь онъ обдумывалъ главныя свои произведенія—Du Pape и Soirées de St.-Pétersbourg. Въ высшемъ обществѣ онъ имѣлъ горячихъ послѣдователей. Силой и оригинальностью своего ума, остроуміемъ и блескомъ слова, благородствомъ характера онъ снискалъ себѣ всеобщее уваженіе и одно время имѣлъ сильное вліяніе на Александра I-го, предлагавшаго пьемонтскому патріоту русскую службу. Бунтъ Семеновскаго полка и роль, которую пришлось при этомъ сыграть Чаадаеву, заставили его выйти изъ полка. Онъ отправляется въ продолжительное заграничное путешествіе (1821—1825 гг.). Въ 1829 г. онъ—«сказалъ свое слово». По мнѣнію г. Милюкова, въ «Essai sur les institutions sociales» (1818) Бал-

[512]) Морошкинъ. Іезуиты въ Россіи, томъ второй. Стр. 111—127. Самаринъ. Іезуиты. М. 1866. Стр. 265—267. Пыпинъ. Характеристики. Стр. 142—150.

ланша можно найти сходныя съ чаадаевскими мысли, но всѣ эти мысли высказаны были раньше уже Бональдомъ въ его «Législation primitive, considérée par la Raison». Однако Чаадаевъ оригиналенъ въ приложеніи идей католической реакціи къ объясненію судебъ Россіи.

Сочиненія Чаадаева состоятъ изъ тѣхъ «Философическихъ писемъ», первое изъ которыхъ было напечатано въ «Телескопѣ» 1836 г. Сколько было всѣхъ писемъ? Неизвѣстно. Въ французскомъ изданіи 1862 года — четыре. Остались еще отрывки въ рукописяхъ. Кромѣ того, по французски напечатана «Апологія Сумасшедшаго», записка по поводу запрещенія «Европейца» (1832) и нѣсколько писемъ къ разнымъ лицамъ.

29 сентября 1836 года цензоръ А. В. Болдыревъ подписалъ № 15 «Телескопа», въ которомъ помѣщена была роковая статья Чаадаева подъ заглавіемъ «Философическія письма къ г-жѣ***», съ помѣткою: «Некрополисъ. 1829, декабря 1» и снабженная слѣдующимъ примѣчаніемъ Надеждина: «Письма эти написаны однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ. Рядъ ихъ составляетъ цѣлое, проникнутое однимъ духомъ, развивающее одну главную мысль. Возвышенность предмета, глубина и обширность взглядовъ, строгая послѣдовательность выводовъ и энергическая искренность выраженія, даютъ имъ особенное право на вниманіе мыслящихъ читателей. Въ подлинникѣ онѣ писаны на французскомъ языкѣ». По свидѣтельству Д. Н. Свербеева, поселившись въ Москвѣ Чаадаевъ подвергъ себя добровольному затворничеству. Плодомъ двухгодичнаго строгаго уединенія былъ цѣлый рядъ философическихъ на французскомъ языкѣ писемъ, адресованныхъ Екатеринѣ Дмитріевнѣ Пановой, урожденной Улыбашевой. Одно изъ этихъ писемъ производило величайшій эффектъ, а потому было переведено Н. Х. Кетчеромъ и напечатано въ «Телескопѣ». Оттискъ своего письма Чаадаевъ послалъ Пушкину, который, по прочтеніи, откровенно выразилъ автору свое мнѣніе: «Хотя я лично сердечно привязанъ къ императору, писалъ между прочимъ Пушкинъ, но далеко не всѣмъ восторгаюсь, что вижу вокругъ себя. Какъ писатель я раздраженъ, какъ человѣкъ съ предразсудками я оскорбленъ. Но клянусь вамъ честью, что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ бы перемѣнить отечество, ни имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, такую какъ намъ Богъ послалъ». «Я боюсь, прибавлялъ Пушкинъ, что мнѣнія ваши объ исторіи вамъ повредятъ. Наконецъ, я сожалѣю, что не былъ при васъ, когда вы отдавали вашу рукопись журналистамъ»... Опасенія Пушкина оправдались. Выразителемъ оскорбленнаго національнаго чувства явился Ф. Ф. Вигель, тогда директоръ департамента иностранныхъ вѣроисповѣданій. Свое негодованіе онъ излилъ въ письмѣ къ митрополиту новгородскому и с.-петербургскому Серафиму: «Самая первая статья представляемаго у сего журнала, подъ названіемъ «Телескопъ», содержитъ въ себѣ такія изреченія, которыя одно только безумство себѣ позволить можетъ. Читая оныя, я

сначала не довѣрялъ своимъ глазамъ... Меня утѣшала еще мысль, что сіе, такъ называемое философическое письмо, писанное по-французски, вѣроятно, составлено какимъ-нибудь иновѣрцемъ, иностранцемъ, который назвался русскимъ, чтобы удобнѣе насъ поносить. Увы! съ глубочайшимъ прискорбіемъ узналъ я, что сей извергъ, неистощимый хулитель нашъ, родился въ Россіи отъ православныхъ родителей, и что имя его (впрочемъ мало доселѣ извѣстное) есть Чаадаевъ. Среди ужасовъ французской революціи, когда попираемо было величіе Бога и царей, подобнаго не было видано. Никогда, нигдѣ, ни въ какой странѣ, никто толикой дерзости себѣ не позволилъ. Но безумной злобѣ сего несчастнаго противъ Россіи есть тайная причина, коей впрочемъ онъ скрывать не старается; отступничество отъ вѣры отцовъ своихъ и переходъ въ латинское исповѣданіе... Разъединенію съ западной церковью приписываетъ онъ совершенный недостатокъ нашъ въ умственныхъ способностяхъ, въ понятіяхъ о чести, о добродѣтели; отказываетъ намъ во всемъ, ставитъ насъ ниже дикарей Америки... И всѣ сіи хулы на отечество и вѣру изрыгаются явно, и гдѣ же? Въ Москвѣ, въ первопрестольномъ градѣ нашемъ, въ древней столицѣ православныхъ государей совершается сіе преступленіе... Вамъ, вамъ предстоитъ обязанность объяснить правительству пагубныя послѣдствія, которыя проистекаютъ отъ дальнѣйшей снисходительности и указать на средства къ обузданію толикихъ дерзостей»... Статья Чаадаева произвела въ Петербургѣ самое неблагопріятное впечатлѣніе. «Что надѣлалъ Надеждинъ? писалъ князь Одоевскій Шевыреву, — какъ до такой степени не знать своего дѣла?.. Здѣсь объ этомъ такой трезвонъ по гостинымъ, что ужасъ... Ясно вижу, что журнала въ Москвѣ издавать нельзя: у васъ москвичей такое незнаніе о томъ, что дѣлается на Руси! Такое незнаніе струнъ, которыхъ нельзя трогать! Вздора наши цензоры не пропускаютъ... а вдругъ брякнутъ торжественно, что мы должны быть подданными папы»... Вслѣдъ за тѣмъ, «Телескопъ» былъ запрещенъ. Издатель Надеждинъ сосланъ въ Устсысольскъ. Цензоръ «Телескопа», ректоръ московскаго университета А. В. Болдыревъ, былъ «отставленъ за нерадѣніе отъ службы». Типографщикъ Селивановскій спасенъ былъ московскимъ генералъ-губернаторомъ, а самъ Чаадаевъ подвергнутъ былъ домашнему аресту и медицинскому ежедневному посѣщенію, «какъ человѣкъ съ разстроеннымъ воображеніемъ». Ѳ. И. Буслаевъ, бывшій въ то время студентомъ словеснаго факультета, разсказываетъ: «Однажды вечеромъ приходимъ мы въ Желѣзный (Московскій трактиръ), опрометью бѣжитъ къ намъ Арсеній (половой) и вмѣсто трехъ паръ чаю подноситъ намъ нумеръ «Телескопа». Вотъ,—говоритъ,—вчера только-что вышелъ: прелюбопытная статейка, всѣ ее читаютъ, удивляются; много всякаго разговора». Это была знаменитая статья Чаадаева. Мы, разумѣется, тотчасъ же принялись ее читать. Съ того времени и до сихъ поръ мнѣ ни разу не случилось перечитать ее вновь, но помню и

теперь изъ нея одну только фразу: „Россія приняла христіанство изъ рукъ растлѣнной Византіи". Далѣе Буслаевъ разсказываетъ, какъ проскочила цензуру статья Чаадаева: „Болдыревъ очень любилъ по вечерамъ отдыхать отъ своихъ занятій, съ большимъ увлеченіемъ играя по маленькой съ дамами. Въ этотъ вечеръ Надеждинъ не давалъ имъ покоя и все приставалъ къ Болдыреву, чтобы онъ оставилъ карты и процензуровалъ въ корректурныхъ листахъ одну статейку, которую надо завтра печатать, чтобы нумеръ вышелъ въ свое время, но Болдыревъ, увлекшись игрою, ему отказывалъ и прогонялъ его отъ себя. Наконецъ, согласились на томъ, что Болдыревъ будетъ продолжать игру съ дамами и вмѣстѣ прослушаетъ статью,—пусть читаетъ ее самъ Надеждинъ,—и тутъ же, во время карточной игры, на ломберномъ столѣ подписалъ одобреніе къ печати. Когда статья вышла въ свѣтъ, оказалось, что все рѣзкое въ ней, назидательное, пикантное, и вообще недозволяемое цензурою, при чтеніи Надеждинъ намѣренно пропускалъ".

Арестъ, наложенный на Чаадаева, продолжался не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Князь Д. В. Голицынъ выпросилъ ему у Государя свободу. Впрочемъ ему и тогда не запрещалось принимать у себя знакомыхъ. Первымъ посѣтителемъ Чаадаева, въ самый первый день опалы, былъ И. И. Дмитріевъ [513]).

„Телескопъ" не имѣлъ большого успѣха. У него было не мало недостатковъ, начиная съ неаккуратности изданія, происходившей отъ безпечности, отъ скудости средствъ, и, какъ говорится, отъ „обстоятельствъ отъ редакціи независящихъ". Къ этому должно прибавить и то, что многія статьи „Телескопа" были не по плечу тогдашней публикѣ, и книжки его иногда не отличались разнообразіемъ, живостью и новизною статей. Тогдашней публикѣ нужна была извѣстнаго рода пряная, жирная журнальная стряпня, идеалъ которой осуществлялся въ Петербургѣ „Библіотекой для чтенія"... „Библіотека" процвѣтала, а „Телескопъ" падалъ и падалъ [514]).

„Что кажется значатъ, говоритъ Герценъ, два, три листа, помѣщенныхъ въ ежемѣсячномъ обозрѣніи? а между тѣмъ, такова сила рѣчи сказанной, такова мощь слова въ странѣ молчащей и не привыкнувшей къ независимому говору, что письмо Чаадаева потрясло всю мыслящую Россію. Послѣ „Горе отъ ума" не было ни одного литературнаго произведенія, которое сдѣлало бы такое сильное впечатлѣніе... Лѣтомъ 1836 года, я спокойно сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ въ Вяткѣ, когда почтальонъ принесъ мнѣ послѣднюю книжку „Телескопа". Надобно жить въ ссылкѣ и въ глуши, чтобъ оцѣнить, что значитъ новая книга. Я разумѣется бросилъ все и принялся разрѣзывать „Теле-

[513]) „Телескопъ". 1836. XXXIV. 275—309. „Русская Старина" 1870. изд. 3-е. I. 586—590. Барсуковъ. Погодинъ. IV. Стр. 381—388.

[514]) М. Лонгиновъ. Воспоминаніе о П. Я. Чаадаевѣ. Русскій Вѣстникъ. Томъ XLII. Стр. 143.

скопъ». — Философическія письма», писанныя къ дамѣ, безъ подписи. Въ подстрочномъ примѣчаніи было сказано, что письма эти были писаны русскимъ по-французски, т. е. что это переводъ. Все это скорѣе предупредило меня противъ статьи, чѣмъ въ ея пользу, и я принялся читать критику и смѣсь. Наконецъ дошелъ чередъ и до письма, съ второй, третьей страницы меня остановилъ печально-серьезный тонъ: отъ каждаго слова вѣяло долгимъ страданіемъ, уже охлажденнымъ, но еще озлобленнымъ. Эдакъ пишутъ только люди долго думавшіе, много думавшіе и много испытавшіе жизнью, а не теоріей. Читаю далѣе — письмо растетъ, оно становится мрачнымъ обвинительнымъ актомъ противъ Россіи, протестомъ личности... [515]).

«Всегда холоденъ, серьезенъ, уменъ и золъ», — характеризуетъ Герценъ автора «Философическихъ писемъ».

«Печальная и самобытная фигура Чаадаева рѣзко отдѣляется какимъ-то грустнымъ упрекомъ на линючемъ и тяжеломъ фонѣ московской high life... Десять лѣтъ стоялъ онъ сложа руки гдѣ-нибудь у колонны, у дерева на бульварѣ, въ залахъ и театрахъ, въ клубѣ — и воплощеннымъ veto, живой протестаціей смотрѣлъ на вихрь лицъ, бсзсмысленно вертѣвшихся около него, капризничалъ, дѣлался страннымъ, отчуждался отъ общества, не могъ его покинуть; потомъ сказалъ свое слово...»

«Старикамъ и молодымъ было неловко съ нимъ, не по-себѣ; они, Богъ знаетъ отчего, стыдились его неподвижнаго лица, его прямо смотрящаго взгляда, его печальной насмѣшки, его язвительнаго снисхожденія. Что-же заставляло ихъ принимать его, звать... и еще больше ѣздить къ нему?.. Знакомство съ нимъ могло только компрометировать... Откуда же шло вліяніе, зачѣмъ въ его небольшомъ, скромномъ кабинетѣ, въ Старой Басманной, толпились по понедѣльникамъ «тузы» англійскаго клуба, патриціи тверского бульвара?»

БИБЛІОГРАФІЯ: Николай Ивановичъ Надеждинъ. (6 окт. 1804 — 11 янв. 1856.) Сочиненія не собраны. Замѣч. докторская диссертація. «De origine, indole et fatis poëseos, quae Romantica audit.» М. 1830. Извлеченія напеч. въ 1830 г. въ «Вѣстн. Евр.» и «Атенеѣ». Нѣкоторые изъ его критич. статей: Полное собр. соч. Бѣлинскаго. Подъ ред. С. А. Венгерова. Т. I. Спб. 1900. Приложеніе. 453—542. Автобіографія. Русск. Вѣстн. 1856. О современномъ направленіи изящныхъ искуствъ, слово М. 1833 г. и въ Ученыхъ Запискахъ Моск. Университ. 1833. Ч. I. Поповъ. Н. И. Надеждинъ на службѣ въ Московск. университетѣ. Ж. М. Н. П. 1880. 1. Стр. 1—4. (208). С. С. Трубачевъ. Предшественникъ и учитель Бѣлинскаго. Историч. Вѣстникъ. 1889. 8 и 9. А. Н. Пыпинъ. Въ «Исторіи русской этнографіи». Чернышевскій. Очерки гоголевскаго періода. Н. Полевой. Очерки русской литературы.

---

[515]) Герценъ. VII. 274—275.

§ 15. Надо принять, однако, во вниманіе, что въ сочиненіи Жозефа де-Местра «Du pape» можно найти только весьма немногія мысли, отчасти сходныя съ воззрѣніемъ Чаадаева. «La Russie, говоритъ Местръ, ne reçut donc point l'influence générale, et ne put être pénétrée par l'esprit universel, puisqu'elle eut à peine le temps de sentir la main des Souverains Pontifes. De là vient que sa Religion est toute en dehors, et ne s'enfonce point dans les coeurs», т. е. Россія не извѣдала общаго вліянія, и не была проникнута всемірнымъ духомъ, потому что она едва успѣла почувствовать руку Верховнаго Первосвященника (Папы). Вотъ почему ея религія только во внѣшности, а не въ сердцахъ». Русскіе не знаютъ могущества той религіи, которая перерождаетъ и экзальтируетъ (exalte) человѣка[316]).

А между тѣмъ, продолжаетъ Местръ, это народъ храбрый, добродушный, умный, гостепріимный, предпріимчивый, счастливый въ подражаніи (heureux imitateur), краснорѣчивый и обладаетъ великолѣпнымъ языкомъ,—sans mélange d'aucun patois, même dans les dernières classes. Но вся бѣда въ томъ, что цивилизація Россіи—ложная. Всѣ цивилизаціи начинаются жрецами, религіозными церемоніями, чудесами («vrais ou faux, n'importe»). Никогда не было и не будетъ исключенія изъ этого правила. И въ Россіи такъ было. Но дѣло, разрушенное сначала раздѣленіемъ церквей, а потомъ нашествіемъ татаръ, возродилось только въ началѣ XVIII-го вѣка общеніемъ съ западомъ, при самыхъ печальныхъ условіяхъ: C'est dans les boues de la régence que les germes refroidis de la civilisation russe commencèrent à se réchauffer, et les premières leçons que ce grand peuple entendit, dans la nouvelle langue, qui devient la sienne, furent des blasphèmes, т. е. охладѣлыя зерна русской цивилизаціи начали согрѣваться въ грязи регентства (Людовика XV-й), и первые уроки, которые этотъ великій народъ услышалъ на новомъ языкѣ, сдѣлавшимся его собственнымъ, были кощунствомъ».

Местръ говоритъ о вліяніи Вольтера, Руссо и энциклопедистовъ на русское общество, которыхъ онъ, какъ роялистъ и ультра-монтанъ, конечно ненавидитъ. Онъ скорбитъ о томъ, что наиболѣе могущественное славянское племя на зарѣ своей исторіи подпало вліянію разлагающейся Византіи (se jeter dans les bras de ces misérables Grecs du Bas—Empire), какъ черезъ восемь вѣковъ—разлагающейся Франціи: что ее воспитали византійскіе софисты, исторію которыхъ можетъ читать безъ отвращенія только человѣкъ привыкшій къ мерзости. «Не нужно долго жить въ Россіи, чтобы замѣтить, чего ей не достаетъ. Это что-то глубокое и глубоко ощущаемое.»[317]).

Вотъ почти все, что говоритъ Местръ. Мы увидимъ, что это нѣчто весьма

---

[316]) Oeuvres complètes de J. de Maistre. Tome deuxième. Lion. 1892. Du pape. Livre troisième. Ch. IV. Observations particulières sur la Russie. Pp. 426, 427.

[317]) Ibid. 428, 429.

узкое и партійное, сравнительно съ широкими взглядами Чаадаева. Въ свою очередь іезуитъ Гагаринъ, издавшій сочиненія Чаадаева, заноситъ его въ свой толкъ и дѣлаетъ почти правовѣрнымъ папистомъ: «Я знаю и люблю Чаадаева говоритъ онъ.—Въ 1833 г. въ Мюнхенѣ знаменитый Шеллингъ говорилъ мнѣ о немъ, какъ о человѣкѣ самомъ замѣчательномъ, какого онъ когда-либо встрѣчалъ.» [518]).

Отецъ Гагаринъ въ своемъ предисловіи излагаетъ воззрѣнія Чаадаева въ духѣ іезуитовъ и ad majorem dei gloriam ставитъ точки на і, которыхъ Чаадаевъ, умершій въ лонѣ родной церкви, и погребенный московскимъ священникомъ, сказавшимъ надъ гробомъ его трогательную рѣчь,—не поставилъ. «Несчастье Россіи, по Чаадаеву. толкуетъ Гагаринъ, въ томъ, что она долгое время была чужда умственной и моральной жизни Европы, а причину этого отъединенія онъ видитъ въ схизмѣ, которая цѣлые вѣка держала русскій народъ въ раздѣленіи съ другими цивилизованными націями. Европу возвысила католическая церковь. Она ее сформировала, дала единство, несмотря на различіе національностей и политическихъ конституцій, единство принциповъ, стремленій, которое не могъ разрушить самый протестантизмъ. Отсюда Европа всегда едина и живетъ общею жизнью. Корень зла такимъ образомъ обнаженъ; лѣкарство уже легко найти; нужно вступить въ европейскій концертъ не поверхностнымъ и внѣшнимъ усвоеніемъ результатовъ цивилизаціи только, но возвратившись къ единству, котораго папа есть наивысшее и наичувствительное олицетвореніе» [519]). Коротко, ясно, просто и логично. Таковы и были, конечно, воззрѣнія самого отца Гагарина. но для Чаадаева они были слишкомъ логичны и просты. Гагаринъ и сталъ слугою папы. Почему же не перешелъ въ католичество Чаадаевъ? Гагаринъ объясняетъ это опять-таки до нельзя просто: «Чаадаевъ, гово-

---

[518]) J'ai connu et j'ai aimé Tchaadaieff. En 1833, à Munich, le célèbre Schelling me parlait de lui comme de l'un des hommes les plus remarquables qu'il eut rencontrés. Oeuvres choisies de Pierre Tchaadaieff publiées pour la première fois par le P. Gagarin, de la compagnie de Jésus Paris—Leipzig. 1862. Préface de l'éditeur.

[519]) Le malheur de la Russie, suivant lui, était d'ètre demeurée pendant un si long espace de temps étrangère à la vie intellectuelle et morale de l'Europe: et la cause de cet isolement, il la voyait dans le schisme, qui depuis des siecles avait tenu la nation russe séparée des autres nations civilisées. C'est l'Eglise catholique qui a élevé l'Europe, c'est elle qui l'a formée, qui lui a donné cette unité si facile à reconnaitre, malgré les différences de nationalités et de constitutions politiques, cet ensemble de principes, de tendances que le protestantisme lui—même n'est pas parvenu à détruire, qui fait que l'Europe est toujours une, qu'elle vit d'une vie commune. La racine du mal ainsi mise à nu, le remède était facile á trouver; il fallait rentrer dans le concert européen, non par une imitation extérieure et superficielle des résultats de la civilisation, mais par un retour à cette unité, dont le Pape est la personification la plus haute et la plus sensible. Preface. P. 3.

ритъ онъ, замѣчательный человѣкъ, который не будучи самъ католикомъ, былъ тѣмъ не менѣе дѣятельнымъ апологистомъ католицизма» [520]).

Обратимся, однако, къ воззрѣніямъ самого Чаадаева; хотя надо сказать, что отъ его писаній остались только обрывки и Чаадаевъ полную тайну мысли своей унесъ въ могилу.

Мы не принадлежимъ ни къ востоку, ни къ западу, говоритъ Чаадаевъ, и не имѣемъ традицій ни того, ни другого. Мы стоимъ какъ бы внѣ времени, насъ не коснулось всемірное воспитаніе рода человѣческаго. Эта изумительная связь идей человѣчества въ послѣдованіи вѣковъ, эта исторія человѣческаго духа, которая нынѣ привела къ просвѣщенію, видимому въ остальномъ мірѣ, на насъ не отразилась [521]).

Окиньте мысленнымъ взоромъ всѣ прожитые нами вѣка, все покрываемое нами пространство и вы не найдете ни одного воспоминанія, ни одного памятника, который бы говорилъ могущественно о прошедшихъ временахъ и жизненно живописалъ ихъ. Мы живемъ сегодняшнимъ днемъ, безъ прошлаго и будущаго, среди плоской тиши [522]).

Уединенные странной судьбиной отъ всемірнаго движенія человѣчества, мы не собрали традиціонныхъ идей человѣческаго рода. Что за жизнь человѣка, говоритъ Цицеронъ, если его настоящее не черпаетъ силъ въ прошломъ? Мы пришли въ міръ, какъ незаконныя дѣти, безъ наслѣдства, безъ связи съ людьми, которые жили раньше насъ на земномъ шарѣ, въ нашихъ сердцахъ нѣтъ никакого пониманія смысла нашего собственнаго существованія... У насъ нѣтъ внутренняго развитія и естественнаго прогресса. Новыя идеи пожираютъ старыя, потому что не вытекаютъ изъ нихъ и невѣдомо откуда къ намъ падаютъ. А между тѣмъ народы такія же нравственныя существа, какъ и индивидуумы. Вѣка воспитываютъ ихъ такъ же, какъ отдѣльныя личности—годы [523]).

---

[520]) Préface. P. 6. Tchaadaïeff—«homme remarcable, qui, sans avoir été catholique lui—même, n'en est pas moins un des apologistes éminents du catolicisme».

[521]) Nous ne sommes ni de l'Occident ni de l'Orient, et nous n'avons les traditions ni de l'un ni de l'autre. Placés comme en dehors des temps, l'éducation universelle du genre humain ne nous a pas atteints. Catte admirable liaison des idées humaines dans la succession des âges, cette hisroire de l'esprit humain qui l'ont conduit à l'état ou il est aujourd'hui dans le reste du monde, n'ont eu aucun effet sur nous. Lettres sur la philosophie de l'histoire. Lettres premiere. p. 15.

[522]) Parcourez de l'oeil tous les siécles que nous avons traversés, tout le sol que nous convions, vous ne trouverez pas un souvenir, attachant, pas un monument vénérable, qui vous parle des temps passés avec puissance, qui vous les retrace d'une manière vivante et pittoresque. Nous ne vivons que dans le present le plus étroit, sans passé et sans avenir, au milieu d'un calme plat. Id. p. 18.

[523]) Isolés par une destinée étrange du mouvement universel de l'humanité, nous n'avons rien recueilli non plus des idées traditives du genre humain. Id. p. 19. Qu'est-ce que la vie de l'homme, dit Cicéron, si la mémoire des faits anterieurs

Идеи долга, справедливости, права, порядка... Это атмосфера запада; это болѣе, чѣмъ исторія, чѣмъ психологія,—это физіологія европейца. Но силлогизмъ западныхъ людей намъ неизвѣстенъ. Есть что-то большее, чѣмъ простое легкомысліе въ лучшихъ нашимъ головахъ. Лучшія идеи, попадая безъ связи и слѣдствія, безплодно прозябаютъ и парализируются въ русскихъ мозгахъ [524]).

Отшельники въ мірѣ, мы ничего міру не дали и ничему отъ него не научились. Мы не внесли ни едьной идеи въ массу идей человѣчества; мы ничего не прибавили къ прогрессивному развитію человѣческаго ума, а чѣмъ воспользовались, то обезобразили. Ничего съ перваго мгновенія нашего общественнаго бытія не порождено нами во благо людей, ни единой полезной идеи не прозябло на безплодной почвѣ нашей родины, ни единой великой истины не проникло въ нашу среду [525]).

Единожды великій человѣкъ пожелалъ насъ цивилизовать, и чтобы привить намъ жажду свѣта, бросилъ намъ плащъ цивилизаціи (какъ Илія — Елисею): мы подняли плащъ, но цивилизація насъ не коснулась. Въ другой разъ иной великій государь привлекъ насъ къ славной миссіи, побѣдоносно провелъ насъ съ одного конца Европы до другого: но вернувшись домой изъ этого тріумфальнаго похода черезъ цивилизованнѣйшія страны міра, мы принесли съ собою настроенія и идеи застоя, которыми и были отброшены на полвѣка назадъ. Вотъ и весь результатъ [526]).

---

ne vient renouer le présent au passé? Nous autres, venus au monde comme des enfants illegitimes, sans héritage, sans lien aves les hommes qui nous ont précédés sur la terre, nous n'avons rien dans nos coeurs des enseignements antérieurs a notre propre existence... Il n'y a point chez nous de développement intime, de progrés natureles: les nouvelles idées balayent les anciennes, parce qu'elles ne viennent pas de celles-la et qu'elles nous tombent je ne sais d'ou... Les peuples sont tout autant des ètres moraux que les individus. Les siecles font leur éducation, comme les années font celle des personnes. Id. pp. 20, 21.

[524]) Les idees de devoir, de justice, de droit, d'ordre... C'est là l'atmosfère de l'Occident: c'est plus que de l'histoire, c'est plus que de la psychologie, c'est la physiologie de l'homme de l'Europe... Le syllogisme de l'Occident nous est inconnu. Il y a quelque chose de plus que la frivolité dans nos meilleures têtes. Les meilleures idées, faute de liaison ou de suite, stériles éblaiüssements, se paralysent dans nos cerveaux. Id. pp. 22. 23.

[525]) Solitaires dans le monde, nous n'avons rien donné au monde, nous n'avons rien appris au monde; nous n'avons pas versé une seule idée dans la masse des idées humaines; nous n'avons en rien contribué au progrés de l'esprit humain, et tout ce qui nous est revenu de ce progres, nous l'avons défiguré. Rien, depuis le premier instant de notre existence sociale, n'a émané de nous pour le bien, commun des hommes, pas une pensée utile n'a germé sur le sol stérile de notre patrie; pas une vérité grande ne s'est élancée du milieu de nous. Id. p. 27.

[526]) Un fois un grand homme voulut nous civiliser et, pour nous donner l'avant—gout des lumières, il nous jeta le manteau de la civilisation; nous ramas-

Чтобы постигнуть родственное развитіе европейскихъ народовъ, не надо даже изучать ихъ исторію. Прочтите только Тасса и вы ихъ всѣхъ увидите простертыми у стѣнъ Іерусалима. Вспомните, что въ теченіе пятнадцати вѣковъ они молились единому Богу на единомъ языкѣ, повиновались единой моральной власти. Подумайте, что въ теченіе 15-ти вѣковъ ежегодно въ тотъ же день и часъ, они обращали свои голоса къ Верховному Существу, прославляя Его въ высшихъ дарахъ Его. Дивное согласіе, болѣе изумительное, чѣмъ всѣ гармоніи физическаго міра [327])!

Таковы основныя идеи «философическаго письма» Чаадаева. Вывести изъ нихъ того «простого» рѣшенія вопроса, которое находитъ Гагаринъ, никакъ еще нельзя, такъ какъ мы видимъ одинъ лишь великолѣпный діагнозъ болѣзни, но не знаемъ, чѣмъ ее думалъ вылѣчить мыслитель. Если-бы лѣкарство состояло въ простомъ переходѣ въ католичество, мы имѣли-бы передъ собой не человѣка, которому удивлялся Шеллингъ, а умъ пошлый, вродѣ самого Гагарина.

Отъ 22-го октября 1836 года графъ Бенкендорфъ писалъ московскому генералъ-губернатору князю Д. В. Голицыну по поводу «Философическаго письма» Чаадаева, только-что появившагося тогда въ «Телескопѣ», высказывая, что «непонятно даже, какимъ образомъ русскій могъ унизить себя до такой степени, чтобы нѣчто подобное написать». «Но жители древней нашей столицы,— продолжалъ Бенкендорфъ,— тотчасъ постигли, что подобная статья не могла быть написана соотечественникомъ ихъ, сохранившимъ полный свой разсудокъ... Здѣсь получены свѣдѣнія, что чувство состраданія о несчастномъ положеніи г. Чаадаева единодушно раздѣляется

sâmes le manteau, mais nous ne touchâmes point à la civilisation. Une autre fois un autre grand prince, nous associant à sa mission glorieuse, nous mena victorieux d'un bout de l'Europe à l'autre: revenus chez nous de cette marche triomphale, à travers les pays les plus civilisés du monde, nous ne rapportames que des idées et des aspirations dont une immense calamité, qui nous recula d'un demi— siècle, fut le résultat. Id. p. 28.

[327]) Pour concevoir le développement de famille de ces peuples, il n'est pas besoin détudier l'histoire. Lisez seulement, le Tasse, et voyez-les tous prosternés au pied des murs de Jérusalem. Rappelez-vous que, pendant quinze siècles, ils n'ont eu qu'un seul idiome pour parler à Dieu, qu'une seule autorité morale, qu'une seule conviction. Songez que, pendant quinze siècles, chaque année, le même jour, à la même heure dans les mêmes paroles, tous à la fois ils élevaient leurs voix vers l'Etre suprême, pour célébrer Sa gloire dans le plus grand de ses bienfaits. Admirable concert, plus sublime mille fois que toutes lee harmonies du monde physique! Id. p. 34.

Въ концѣ перваго письма дата:

Nécropolis. 1829, 1-er décembre. «Nécropolis, la ville des morts, dans la pensée de Tchadaïeff désigne Moscou.—T. G.

всею московскою публикою». Бенкендорфъ предлагаетъ поэтому генералъ-губернатору поручить лѣченіе больного искусному медику, вмѣнивъ сему послѣднему въ обязанность непремѣнно каждое утро посѣщать Чаадаева и «чтобъ сдѣлано было распоряженіе, дабы онъ не подвергалъ себя вредному вліянію нынѣшняго сырого и холоднаго воздуха»...

Это распоряженіе побудило Чаадаева написать извѣстную «Апологію сумасшедшаго», изъ нѣкоторыхъ мѣстъ которой повидимому явствуетъ, что «письмо» его, написанное еще въ 1829 году, было напечатано Надеждинымъ безъ согласія автора, на что издатель «Телескопа», отличавшійся семинарской безцеремонностью, вполнѣ былъ способенъ.

«Я никогда не добивался публичныхъ овацій,— говоритъ здѣсь Чаадаевъ,— и не искалъ благорасположенія толпы: я всегда думалъ, что инстинкты большинства безконечно болѣе страстны, узки, эгоистичны, чѣмъ у отдѣльнаго человѣка; что такъ называемый здравый смыслъ толпы лишенъ всякаго здраваго смысла; что истина не выжимается въ уличной давкѣ и не доказывается числомъ, и что наконецъ человѣческое разумѣніе съ полнымъ могуществомъ, во всемъ величіи раскрывается только въ уединенномъ умѣ, который является центромъ и солнцемъ собственной духовной сферы... Какъ же это такъ случилось, что мысль, которая мною не предназначалась моему вѣку, разбила оковы, вырвалась изъ кельи и выброшенная на улицу, покатилась среди изумленной толпы?»

Это преждевременное, насильственное раскрытіе еще бутона философской идеи, по словамъ Чаадаева, замутило его духовную жизнь, разметало по вѣтру дѣло всей его жизни. Обратили вниманіе только на отрицательную часть его міросозерцанія. Положительная «вѣра», положительная идея мыслителя остались внѣ поля зрѣнія возмущеннаго общества. Правда, Чаадаевъ «любилъ въ своей странѣ только ея будущее», но даже то, что онъ хоть будущее-то ея любилъ, а также, что прозрѣвалъ въ этомъ будущемъ,— все осталось скрытымъ для толпы. Никто не зналъ, что этотъ злой скептикъ писалъ своему другу Александру Тургеневу: «Вы знаете, что по моему Россія призвана создать грандіозное умственное движеніе, что наступитъ день—и она разрѣшитъ всѣ вопросы, которыми болѣетъ Европа».

Чаадаевъ полагалъ, что прошлое Россіи — бѣлая бумага, на которой Петръ Великій могучей рукой и неспрающимися чертами изобразилъ слова: Европа и Западъ. Онъ полагалъ, что славянофилы (nos slavons fanatiques), роясь въ нашей до-петровской старинѣ, будутъ время отъ времени извлекать различныя «objets de curiosité» для нашихъ музеевъ и библіотекъ, но и только. Имъ не извлечь изъ нашей исторической почвы чего-либо такого, что заполонило бы пустоту нашей души и прояснило смуту въ нашихъ умахъ.

Чаадаевъ ошибался просто потому, что историческая наука его вре-

мени еще была въ младенчествѣ. Акты собирались. но сокрытый глубоко въ нихъ «духъ жизни» еще не былъ «допрошенъ».

Во всякомъ случаѣ на Чаадаевѣ вполнѣ сказалась судьба. постигающая мысль. идею. вышедшую на улицу (выраженіе. которое послѣ Чаадаева повторялъ и Достоевскій).

Эта идея, недосказанная, недоразвитая, прозвучала столь дико. что результатомъ ея было только предложеніе мыслителю беречься «вреднаго вліянія октябрскаго сырого и холоднаго воздуха»...

БИБЛІОГРАФІЯ: Петръ Яковл. Чаадаевъ (1793—1856). Oeuvres Choisies de Pierre Tchaadaïeff, publiées pour la première fois par le P. Gagarin, de la compagnie de Jesus. Paris. Leipzig. 1872. А. Н. Пыпинъ. Характеристики. Гл. IV. Здѣсь подробное содержаніе въ цитатахъ «Философическихъ писемъ» и «Апологіи сумасшедшаго». Стр. 141—195. Телескопъ. 1836. т. 34. № 15. стр. 275—310. «Философическія письма». П. Милюковъ. Главныя теченія русской исторической мысли. Томъ I-й. Изд. 2-е. Стр. 374—396. М. И. Жихаревъ. Біографія Чаадаева. «Вѣстникъ Европы». 1871. Лонгиновъ. Воспоминанія о немъ. Р. Вѣстникъ. № XI. 1862 г. Стр. 119—160. Д. Свербеевъ. Воспоминанія. Р. Архивъ. 1868. Стр. 976—1001. Лонгиновъ. Эпизодъ изъ жизни Чаадаева (1820 годъ). Id. Стр. 1317 и 1328. Отрывки изъ неизданныхъ бумагъ Чаадаева. Вѣстникъ Европы. Ноябрь. 1873. Некрологи: Моск. Вѣд. № 46. 17 апр. 1856 и «Современникъ» № 7, отд. 5. Стр. 5 (Лонгинова). Письма Чаадаева въ слѣдующихъ изданіяхъ: Соч. Дениса Давыдова. Часть 3. Стр. 142. «Московскій универс. благородн. пансіонъ». Н. Сушкова. Приложеніе. 1858. Библіограф. записки. 1861. № 1. Стр. 1—18. Р. Архивъ. 1866. № 7. Р. Старина. 1870. Т. I. Стр. 161—165 (письмо Вигеля къ митр. Серафиму о статьѣ Чаадаева). стр. 291—293 (письмо митр. Серафима о томъ же къ графу Бенкендорфу). стр. 606. Портретъ Чаадаева: Альбомъ московск. Пушкинской выставки 1880 года. Изд. 1882. Подробная библіографія съ указаніемъ иностранныхъ источниковъ въ «Характеристикахъ» Пыпина. Стр. 142.

II.

§ 1. Если 20-е годы—расцвѣтъ русскаго стиха, то 30-е—расцвѣтъ русской прозы. Такимъ образомъ. какъ-бы мы ни объясняли фактъ. но несомнѣнно. что творчество художественной прозы потребовало большихъ трудовъ. чѣмъ творчество художественнаго стиха. формы прозы достигли совершенства десятилѣтіемъ позднѣе, чѣмъ стихотворныя формы. И въ развитіи генія Пушкина. его проза является. вмѣстѣ съ драмой. созданіемъ полной зрѣлости его. Тридцатые годы можно назвать годами «пушкинской» и «гоголевской» прозы. какъ предшествующее сорокалѣтіе (1790—1830) годами «карамзинской» прозы.

Еще на стр. XIII гл. III «Евгенія Онѣгина» Пушкинъ въ 1824 г. обѣщался, «унизившись до смиренной прозы», пересказать «преданья русскаго семейства». Въ 1827 г. появляется отрывокъ изъ историческаго романа «Арапъ Петра Великаго». Здѣсь Пушкинъ изобразилъ Петра Великаго во всей простотѣ его ежедневной жизни. «Будь этотъ романъ конченъ, какъ начатъ, писалъ Бѣлинскій въ 1846 году, мы имѣли-бы превосходный историческій русскій романъ, изображающій нравы величайшей эпохи русской исторіи... Эти семь главъ неоконченнаго романа, изъ которыхъ одна упредила всѣ историческіе романы Загоскина и Лажечникова, неизмѣримо выше и лучше всякаго историческаго русскаго романа, порознь взятаго, и всѣхъ ихъ, вмѣстѣ взятыхъ».

«Даже теперь, пишетъ Анненковъ въ 1855 г., послѣ мощныхъ произведеній Гоголя, разсказъ Пушкина, свѣтлый и мирно льющійся, какъ прозрачная струя, имѣетъ обаятельную прелесть для чувства эстетически развитаго... По тону разсказа «Арапъ Петра Великаго» и «Капитанская дочка» такъ схожи, какъ будто написаны вмѣстѣ, хотя ихъ раздѣляютъ цѣлые 9 лѣтъ. Такъ съ перваго раза нашелъ Пушкинъ свой оригинальный стиль, чего другіе не находятъ всю жизнь, несмотря на множество усилій».

Разсказъ выдержалъ и болѣе долгій искусъ времени. Онъ останется въ своей благоуханной прелести и въ XX вѣкѣ. Но только съ 1830 г. Пушкинъ отдался прозѣ почти съ такой-же силой, какъ раньше—стихамъ. Въ творческій годъ, въ Болдинѣ, онъ пишетъ «прозою 5 повѣстей». Эти «Повѣсти покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина,— изданныя А. П.» появились въ 1831 г. Оии вошли затѣмъ, съ дополненіемъ «Пиковой дамы», въ составъ «Повѣстей, изданныхъ Александромъ Пушкинымъ». Послѣ повѣстей Марлинскаго и прозы 20-хъ годовъ, повѣсти Пушкина поражаютъ оригинальной простотой созданія и слога, жизнью, живописью, воспроизведеніемъ типовъ, а не общихъ мѣстъ на ходуляхъ съ ярлыками. Послѣдовательно съ 9 сентября 1830 г. по 20 окт. писались повѣсти: «Гробовщикъ», «Станціонный смотритель», «Барышня-крестьянка», «Выстрѣлъ», «Мятель». Къ этимъ повѣстямъ надо присоединить еще и «Лѣтопись села Горохина». Выпустивъ повѣсти подъ именемъ Бѣлкина, Пушкинъ быть можетъ слѣдовалъ примѣру Вальтера-Скотта, приписывавшаго свои романы вымышленному лицу. Но Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ не есть только псевдонимъ. Это созданный Пушкинымъ типъ, изображенный въ очеркѣ «Отъ издателя» и выдержанный въ самихъ повѣстяхъ, въ двухъ изъ нихъ («Выстрѣлъ» и «Станціонный смотритель») онъ является дѣйствующимъ лицомъ, въ другихъ своеобразная личность его сказывается въ манерѣ разсказа и вводимыхъ замѣчаніяхъ его. Въ «Исторіи села Горохина» Бѣлкинъ главное лицо: «художественное значеніе личности Бѣлкина — служить какъ

бы призмою, сквозь которую должно преломляться изображеніе дѣйствительности и лучшаго посредника для изображенія мелочей жизни, тѣхъ «анекдотовъ», живьемъ изъ нея выхваченныхъ, не возможно было-бы избрать». (Левъ Поливановъ). Оцѣнка геніальныхъ повѣстей Пушкина долго не давалась русской критикѣ. «Вотъ также пять маленькихъ сказочекъ, — писалъ Николай Полевой въ «Телеграфѣ» 1831 г., № 21, ноябрь, стр. 254—256, — которыя напечаталъ г. А. П., почитая ихъ занимательными, вѣроятно, не для дѣтей, а для взрослыхъ... Кажется, сочинителю хотѣлось испытать: можно-ли увлечь вниманіе читателя разсказами, въ которыхъ не было-бы никакихъ фигурныхъ украшеній ни въ подробностяхъ разсказа, ни въ слогѣ, и никакого романтизма въ содержаніи... Но зналъ-ли г. Бѣлкинъ, что это верхъ силы дарованія огромнаго? Эта мнимая простота показываетъ Геркулеса, безъ всякаго усилія, шутя, ломающаго огромныя деревья... Лучшею изъ всѣхъ «Повѣстей Бѣлкина» намъ показалась — «Станціонный смотритель»... Забавна и шутка, названная «Гробовщикъ». Зато въ повѣстяхъ: «Выстрѣлъ», «Мятель» и «Барышня-крестьянка», нѣтъ даже никакой вѣроятности, ни поэтической, ни романической. Это фарсы, затянутые въ корсеты простоты, безъ всякаго милосердія». Полевой своимъ свѣтлымъ умомъ угадывалъ, что Бѣлкинъ поворачивалъ русскую прозу на какую-то новую дорогу. Онъ зналъ, что разсказъ «безъ фигурныхъ украшеній» въ своей простотѣ «верхъ силы дарованія огромнаго», но педантство, которымъ проникнутъ былъ онъ, какъ самоучка и недостаточная живость непосредственнаго вкуса, не позволили ему узнать подъ маскою Бѣлкина истиннаго Геркулеса русской прозы. Удивительнѣе непониманіе Бѣлинскаго. О второмъ изданіи повѣстей 1834 года онъ писалъ: «Вотъ передо мною лежатъ повѣсти, изданныя Пушкинымъ, неужели Пушкинымъ же и написанныя? Пушкинымъ, творцомъ «Кавказскаго плѣнника», «Бахчисарайскаго фонтана», «Цыганъ», «Полтавы», «Онѣгина» и «Бориса Годунова»! Правда, эти повѣсти занимательны; ихъ нельзя читать безъ удовольствія; это происходитъ отъ прелести слога, отъ искусства разсказывать (conter); но онѣ не художественныя созданія, а просто сказки и побасенки... Изъ повѣстей собственно только первая, «Выстрѣлъ», достойна имени Пушкина». И позднѣе, въ 1846 году Бѣлинскій оставался при томъ же мнѣніи, даже усугубилъ суровость приговора: «Это что-то вродѣ повѣстей Карамзина, съ тою только разницею, что повѣсти Карамзина имѣли для своего времени великое значеніе, а повѣсти Бѣлкина были ниже своего времени. Особенно жалка изъ нихъ одна — «Барышня-крестьянка», неправдоподобная, водевильная, представляющая помѣщичью жизнь съ идиллической точки зрѣнія».

Въ послѣдней фразѣ, кажется намъ, ключъ къ странной глухотѣ Бѣлинскаго. Очевидно, публицистъ въ немъ на время убилъ критика. Бѣлкинъ

осужденъ за направленіе. Послѣдующіе критики какъ бы по ступенямъ восходили къ истинному постиженію этихъ твореній безсмертнаго генія. Анненковъ еще говоритъ: «Очерки и краски повѣстей Бѣлкина чрезвычайно нѣжны, и послѣ яркой живописи Гоголя надо уже вниманіе и зоркость любителя, чтобъ оцѣнить ихъ по достоинству». Дружининъ высказывается смѣлѣе: «Эти повѣсти имѣли огромный успѣхъ въ публикѣ; а вліяніе, ими произведенное, отчасти отразилось чуть ли не на всѣхъ нашихъ романахъ и повѣстяхъ. Повѣсти Бѣлкина — книга увлекательная, прекрасная, свѣтлая и, подобно лучшимъ страницамъ Гольдсмитовыхъ твореній, уносящая своихъ читателей въ міръ ясныхъ ощущеній». Аполлонъ Григорьевъ говоритъ: «Бѣлкинъ Пушкина есть простой здравый толкъ и здравое чувство, кроткое и смиренное». Григорьевъ отмѣчаетъ характерное восклицаніе Бѣлкина, напуганнаго демоническимъ Сильвіо: «нѣтъ уже лучше пойду я къ людямъ попроще» — которое можетъ служить девизомъ всего дальнѣйшаго развитія нашей прозы. Въ «Станціонномъ Смотрителѣ» Ап. Григорьевъ усмотрѣлъ «зерно всей натуральной школы».

Полную оцѣнку повѣстей Бѣлкина далъ только Ник. Ник. Страховъ (1867 г.): «Пушкинъ первый оставилъ возвышенныя сферы, которыя повидимому были ему среднѣе, чѣмъ кому-либо, первый принялся за жанръ, за пестрый соръ фламандской школы, или, по его выраженію, «подмѣшалъ воды въ свой поэтическій бокалъ». Въ величайшемъ нашемъ писателѣ сказалась вдругъ потребность какого-то отрезвленія, и съ тѣхъ поръ оно царитъ въ нашей литературѣ. Изъ него нужно объяснять явленія этой литературы».

«Въ каждой строкѣ «Выстрѣла» виденъ высокій мастеръ», говоритъ Поливановъ. Эпиграфъ повѣсти взятъ изъ «Романа въ семи письмахъ» Бестужева (см. выше.). Быть можетъ эта изящная повѣсть 20-хъ годовъ подала мысль Пушкину углубить основной характеръ героя и создать «Выстрѣлъ». Мрачный самолюбецъ Сильвіо въ пушкинскомъ творчествѣ является прототипомъ завистника Сальери, а въ русской литературѣ — предшественникомъ Печорина и другихъ «бреттёровъ». Мастерство Пушкина особенно сказывается въ естественности и простотѣ начала, сразу вводящаго читателя въ міръ, изображаемый поэтомъ:

«Мы стояли въ мѣстечкѣ *. Жизнь армейскаго офицера извѣстна. Утромъ — ученье, манежъ, обѣдъ у полкового камандира, или въ жидовскомъ трактирѣ, вечеромъ пуншъ и карты. Въ * не было ни одного открытаго дома, ни одной невѣсты; мы собирались другъ у друга, гдѣ, кромѣ своихъ мундировъ, не видали ничего».

Въ Сильвіо видимъ основную черту Печорина — какъ бы хвастливое, откровенное признаніе въ дурныхъ свойствахъ своей души, какъ въ чемъ-то самозаконномъ и даже геройскомъ. Онъ говоритъ:

«Характеръ мой вамъ извѣстенъ: я привыкъ первенствовать, но смолоду это было во мнѣ страстію. Въ наше время буйство было въ модѣ: я былъ первымъ буяномъ по арміи. Мы хвастались пьянствомъ: я перепилъ славнаго Бурцова, воспѣтаго Денисомъ Давыдовымъ. Дуэли въ нашемъ полку случались поминутно: я на всѣхъ былъ или свидѣтелемъ, или дѣйствующимъ лицомъ... Опредѣлился къ намъ молодой человѣкъ богатой знатной фамиліи... Отроду не встрѣчалъ я счастливца столь блистательнаго!.. Я его возненавидѣлъ и т. д.». Что въ Сильвіо таился зародышъ возмущающагося духа, сила, которая оправдывала его бреттерство, доказываетъ конецъ повѣсти, предопредѣлившій то направленіе, въ которомъ затѣмъ развивается этотъ типъ въ литературѣ. Сильвіо во время возмущенія Ипсиланти предводительствовалъ отрядомъ этеристовъ.

Повѣсть «Гробовщикъ» отличается оригинальнымъ соединеніемъ натурализма фламандской живописи съ самою неожиданною игрою фантазіи (Незвановъ). Попойка мастеровыхъ—нѣмцевъ, тостъ гробовщика по русски: «За здоровье моей доброй Луизы!» и тосты за Москву и полдюжины нѣмецкихъ городковъ, все это такъ оригинально, ярко и комично, поражая въ то же время знаніемъ совершенно неизученной тогда среды «низкихъ» ремесленниковъ, которое проявляетъ здѣсь великій поэтъ.

«Исторія села Горохина» написана въ 1830 году, но была напечатана въ «Современникѣ» 1837 г., уже по смерти Пушкина.

«Читая изображеніе деревенскаго быта у Пушкина, говоритъ Анненковъ, невольно вспоминаешь превосходныя строфы Онѣгина, въ которыхъ съ такимъ сожалѣніемъ замѣчаетъ поэтъ нашъ, что мысль его уже клонится къ простымъ, непышнымъ картинамъ, къ дѣйствительности скромной и не мечущейся въ глаза:

Иныя нужны мнѣ картины.
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ...

«Эта лѣтопись, говоритъ Ап. Григорьевъ, тончайшая и вмѣстѣ добродушно—поэтическая насмѣшка надъ цѣлою вѣковою полосою нашего развитія... Въ нашемъ наивномъ лѣтописцѣ села Горохина лукаво скрыты и всѣ наши прошлые взгляды на нашъ бытъ и на нашу старину, выражавшіеся то стихами въ родѣ:

Россійскіе князья, бояре, воеводы,
Пришедшіе чрезъ Донъ отыскивать свободы,

то фразами, какъ напримѣръ: «Ярославъ пріѣхалъ господствовать надъ трупами», или «Отселѣ исторія наша пріемлетъ достоинство истинно госу-

дарственной»... И вѣдь мало того, что въ этомъ легкомъ очеркѣ, въ этихъ немногихъ геніальныхъ страницахъ—бездна самой безпощадной ироніи: въ нихъ есть нѣчто высшее ироніи».

«Пушкинъ, говоритъ Н. Н. Страховъ (1867 г.), написалъ двѣ пародіи, именно «Лѣтопись села Горохина», пародію на «Исторію Государства Россійскаго» Карамзина и такъ называемыя «Подражанія Данту». Настоящая, поэтическая пародія требуетъ глубокаго и строгаго проникновенія въ духъ и манеру писателя, который пародируется. Чѣмъ ближе пародія къ подлиннику, тѣмъ она выше. Такая пародія требуетъ полнаго и мѣткаго указанія тѣхъ противорѣчій, которыя пародируемый писатель представляетъ въ отношеніи къ дѣйствительности или къ идеалу; слѣдовательно, такая пародія требуетъ яснаго пониманія этой дѣйствительности, этого идеала... Изъ за пародіи долженъ выглядывать тотъ взглядъ на предметъ, то лучшее и высшее его пониманіе, противъ котораго фальшивитъ пародируемый авторъ. Въ такомъ смыслѣ, какъ обличеніе фальши передъ истиною, пародія есть вполнѣ поэтическое дѣло, вызываемое дѣйствительною поэтическою потребностью и требующее высокаго таланта. И въ этомъ смыслѣ пародіи Пушкина есть произведенія удивительныя по глубинѣ и мастерству, лучшія пародіи, какія когда-либо были писаны.

«Лѣтопись села Горохина» писана языкомъ Карамзинской «Исторіи», этимъ знаменитымъ слогомъ, въ которомъ русская проза впервые зазвучала нѣсколько искусственной и монотонной, но ясной мелодіей. Расположеніе пародіи напоминаетъ первый томъ «Исторіи Государства Россійскаго». Вступленіе соотвѣтствуетъ предисловію. Отъ стиховъ и повѣстей Бѣлкинъ, подобно Карамзину, перешелъ къ исторіи, и перешелъ съ тѣми же чувствами. «Мысль, пишетъ Бѣлкинъ, оставить мелочные и сомнительные анекдоты, для повѣствованія великихъ и истинныхъ происшествій, давно тревожила мое воображеніе». Такъ смотрѣлъ и Карамзинъ: «И вымыслы нравятся, говоритъ онъ, но для полнаго удовольствія нужно обманывать себя и думать, что они истина». Взглядъ на значеніе исторіи у обоихъ совершенно одинаковъ... За вступленіемъ слѣдуетъ списокъ источниковъ, какъ и у Карамзина; затѣмъ баснословныя времена, соотвѣтствующія первой главѣ, и времена историческія, соотвѣтствующія третьей главѣ перваго тома «Исторіи Государства Россійскаго...» Карамзинъ всячески восхваляетъ древнихъ славянъ; тѣмъ же хвалебнымъ тономъ пишетъ Бѣлкинъ о своихъ горохинцахъ... Но еще сильнѣе, чѣмъ въ отдѣльныхъ чертахъ, въ общемъ тонѣ «Лѣтописи села Горохина» чувствуется удивительно—схваченная манера Карамзина; перечитывая потомъ первый томъ «Исторіи», нельзя не чувствовать глубокой фальши, въ которую впалъ Карамзинъ, рѣзкаго, и потому смѣшного противорѣчія между предметомъ и изложеніемъ».

Сквозь насмѣшки Пушкина сквозитъ истина дѣла; какъ живое, встаетъ

передъ нами село Горохино, и вы начинаете догадываться, въ какомъ правдивомъ свѣтѣ можно бы изложить исторію нашихъ предковъ. Карамзинъ, очевидно, употребилъ для этой исторіи чужія мѣрки, облекъ ее въ ложныя краски; Пушкинъ глубоко почувствовалъ фальшь и попробовалъ сдѣлать нѣсколько штриховъ, вполнѣ вѣрныхъ дѣйствительности. Контрастъ вышелъ поразительный...

«Важность Лѣтописи видна уже изъ того, что съ нея начинается поворотъ въ дѣятельности Пушкина, и онъ пишетъ рядъ повѣстей изъ русской жизни, заканчивающійся «Капитанской дочкой». Въ развитіи русской литературы едва ли есть пунктъ болѣе важный».

Въ самомъ дѣлѣ, Щедринъ со своей «Исторіей одного города» цѣликомъ вышелъ изъ «Лѣтописи села Горохина». Всѣ основныя черты ироніи Щедрина, объектъ сатиры, свойства юмористической манеры его, все это уже дано Пушкинымъ, но лишь растворенное благодушіемъ, смягченное художественной мѣрой, однако не менѣе злое по существу.

Повѣсть: «Рославлевъ. Отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ дамы, 1811 г.»—вызванъ вышедшимъ въ 1831 году слабымъ и насквозь фальшивымъ романомъ М. Н. Загоскина: «Рославлевъ, или русскіе въ 1812 г.». По замѣчанію Ап. Григорьева (1861 г.), Пушкинъ «написалъ критику на романъ Загоскина подъ формою высоко-художественнаго, но къ сожалѣнію неполнаго разсказа, въ которомъ онъ возстановилъ и настоящія краски и настоящее значеніе событія и эпохи, такъ жалко изуродованныхъ въ романѣ Загоскина». Образъ экзальтированной Полины, русской женщины въ высшей степени, несмотря на иноземные источники своего воспитанія, лучшій отвѣтъ кваснымъ патріотамъ.

Полина чрезвычайно много читала, и безъ всякаго разбора... Французская словесность, отъ Монтескьё до романовъ Кребильйона, была ей знакома. Руссо знала она наизусть. Въ библіотекѣ не было ни одной русской книги, кромѣ сочиненій Сумарокова, которыхъ Полина никогда не раскрывала. Она сказывала, что съ трудомъ разбирала русскую печать. Она почерпаетъ свои чувства и мысли изъ «Коринны» m-me de Staël, какъ Татьяна изъ «Элоизы» Руссо. А между тѣмъ и Полина, и Татьяна представляютъ всѣ сокровища женскаго сердца и сердца русскаго до сокровеннѣйшихъ фибръ. Въ этомъ отрывкѣ—мощная картина 1812 года. Это какъ бы черновой набросокъ къ «Войнѣ и миръ», урокъ великаго мастера грядущему генію, какъ писать ту отдаленную отъ него эпоху. Это музыкальный ключъ къ великой симфоніи гр. Льва Толстого. Послѣ «Рославлева» становится понятнымъ и появленіе эпопеи «Война и миръ».

Верхомъ совершенства въ прозѣ Пушкина являются повѣсти: «Дубровскій», «Пиковая дама» и «Капитанская дочка»—цѣлый міръ разнообразнѣйшихъ типовъ; исторія русскаго общества съ екатерининскаго времени:

богатая портретная галерея, гдѣ находимъ предковъ всѣхъ литературныхъ типовъ XIX-го столѣтія.

«Дубровскій» написанъ въ 1832—1833 г.г. Рукопись не имѣла заглавія, которое дано издателемъ.

Бѣлинскій (1841 г.) отозвался о «Дубровскомъ», при появленіи его въ печати, какъ объ «одномъ изъ величайшихъ созданій генія Пушкина», которое вѣрностію красокъ и художественною отдѣлкой не уступаетъ «Капитанской Дочкѣ», а богатствомъ содержанія, разнообразіемъ и быстротою дѣйствія далеко превосходитъ ее. Она значительна и объемомъ своимъ. Въ 1846 г. Б—ій измѣнилъ свое мнѣніе, найдя въ ней какой то «паѳосъ помѣщичьяго принципа». «Вообще, говоритъ онъ теперь, вся эта повѣсть сильно отзывается мелодрамою. Но въ ней есть дивныя вещи. Старинный бытъ русскаго дворянства, въ лицѣ Троекуровъ, изображенъ съ ужасающею вѣрностью. Подъячіе и судопроизводство того времени, тоже принадлежатъ къ блестящимъ сторонамъ повѣсти. Превосходно очерчены также и холопы. Но всего лучше—характеръ героини, по преимуществу русской женщины.

«Пушкинъ нарисовалъ свою картину, замѣчаетъ Анненковъ (1855 г.), съ особенной энергіей, а въ характерѣ Троекурова явился глубокимъ психологомъ. Вся повѣсть его и теперь поражаетъ соединеніемъ истины и поэзіи. Въ русской литературѣ мало разсказовъ, отличающихся такимъ твердымъ выраженіемъ физіономіи: это живопись мастера. Весьма важно для литературныхъ соображеній и то, что «Дубровскій» написанъ ранѣе произведеній Гоголя, изъ русскаго быта, веденъ иначе, чѣмъ они, и совсѣмъ въ другомъ тонѣ».

Въ «Пиковой дамѣ» (1834 г.), по замѣчанію Бѣлинскаго (1846 г.), удивительно вѣрно очерчена старая графиня, ея воспитанница, ихъ отношенія и сильный, но демонически-эгоистическій характеръ Германа. Ап. Григорьевъ (1859 г.) замѣтилъ характерный тонъ, которымъ повѣсть написана: «иронческій, лихорадочный и вмѣстѣ сухой». «Пиковая дама», говоритъ Л. Поливановъ (соч. Пушкина. т. IV. Стр. 588) превышаетъ всѣ другія повѣсти Пушкина своимъ психологическимъ анализомъ. Германъ—портретъ совсѣмъ новаго рода. Разсчетливый инженеръ, въ которомъ кипитъ подавленная страсть.

Это лицо обѣщаетъ будущія психологическія разработки романа Достоевскаго, высоко ставившаго эту повѣсть и Германа называвшаго «колоссальнымъ» характеромъ.

Среди занятій «Исторіей пугачевскаго бунта» въ 1833 году, одновременно съ «Родословной моего героя», писалась «Капитанская дочка». Она окончена въ 1836 г.

По замѣчанію Плетнева (1838 г.), Пушкинъ «достигъ въ этой повѣсти высочайшаго совершенства—простоты самой природы». Бѣлинскій (1846 г.)

говоритъ: «Многія картины, по вѣрности, истинѣ содержанія и мастерству изображенія,—чудо совершенства».

Въ «Дубровскомъ» и «Капитанской дочкѣ» находимъ положительный типъ «правдивыхъ людей»; это—старикъ Гриневъ и старикъ Дубровскій—Правдолюбъ и Стародумъ комедій XVIII-го вѣка, но облеченные въ плоть, живые люди.

Помѣщичій бытъ XVIII в., Екатерина въ царскосельскихъ садахъ, «бреттеръ» и вольнодумецъ Швабринъ, бытъ маленькой окраинной крѣпости, гдѣ идиллія смѣшивается съ эпопеей геройскаго выполненія «государынина дѣла», изумительный характеръ Пугачева, картина Оренбурга съ его чиновниками и стана самозванцева съ Хлопушей, степи и деревни, городки и помѣстья,—вся екатерининская Русь, взятая не съ фасада, не съ казовой стороны, а въ будничной, простой дѣйствительности развертывается въ этомъ колоссальномъ по содержанію и разительно краткомъ въ описаніяхъ произведеніи великаго мастера.

Отъ Пушкина остались еще прозаическіе «отрывки», которые однако стоятъ многихъ многотомныхъ произведеній его времени. Таковъ отрывокъ изъ «Романа въ письмахъ» — образецъ для послѣдующихъ писателей повѣсти изъ «великосвѣтскаго» быта. Таковы наброски «Египетскихъ ночей» (1835 г.).

Первый отрывокъ («Цезарь путешествовалъ...) вводитъ читателя въ древнюю языческую жизнь. Главное дѣйствующее лицо его — тотъ знаменитый Петроній, magister elegantiarum, который былъ и поэтомъ, и блестящимъ человѣкомъ вѣка Нерона, и кончилъ жизнь тѣмъ-же родомъ смерти, какъ и Сенека: открылъ себѣ жилы... «Лучше не разсказалъ-бы, замѣчаетъ Страховъ, самый лучшій римскій прозаикъ». — «Разсказъ долженъ былъ итти отъ лица молодого римлянина, и вотъ Пушкинъ сталъ писать по-русски прозу, звучащую и текущую совершенно такъ, какъ классическая латинская рѣчь». — «Трудно разсмотрѣть даже внѣшніе пріемы, при которыхъ совершено это чудо искусства: чуть-чуть замѣтные латинскіе обороты, плавность теченія, нѣсколько отвлеченныя, но совершенно точныя слова. Но главное дѣло, кажется, въ томъ внутреннемъ строѣ рѣчи, въ силу котораго ясность и краткость доведены здѣсь до высочайшей степени. Какъ простъ и естественъ разсказъ, — а между тѣмъ разсказано очень много: ни одного слова не пропало даромъ, и они такъ расположены, что картина какъ-будто развертывается сама собою».

Второй отрывокъ, три главы, получившія отдѣлку и заглавіе: «Египетскія ночи» отъ самаго Пушкина, былъ напечатанъ впервые уже по смерти поэта въ «Современникѣ» 1837 г. (т. VIII). Для импровизаціи итальянца Пушкинъ воспользовался своимъ старымъ стихотвореніемъ (1824 и 1825 гг.). «Повѣсть прекрасна, говоритъ Бѣлинскій (1848). — Характеръ Чарскаго,

русскаго поэта и свѣтскаго человѣка, который знаетъ цѣну искусству и таланту и со всѣмъ тѣмъ стыдится ремесла своего; характеръ импровизатора, страстнаго вдохновеннаго жреца искусства, униженнаго, низкопоклоннаго итальянца, жаднаго къ прибытку нищаго; характеръ нашего большого свѣта, его странныя отношенія къ искусству,— все это выдержано съ удивительной вѣрностію, до мельчайшихъ подробностей — до некрасивой дѣвушки, по приказанію матери написавшей тему импровизатору».

Проза Пушкина по разнообразію типовъ, совершенству письма, обширности захваченныхъ эпохъ и глубинѣ всесторонняго постиженія русской жизни, начиная съ Петра I и кончая первыми днями Николая I, на протяженіи 125 лѣтъ,—является съ одной стороны ихъ итогомъ, выводомъ всей русской европейзаціи, всей нашей образованности, а съ другой закладываетъ основы всей послѣдующей школѣ русскихъ романистовъ. Пушкинъ и въ прозѣ является чародѣемъ, какъ и въ стихахъ. Проза Карамзинскаго періода сразу теряетъ всякое достоинство и значеніе, едва появляется пушкинская проза. Имъ затронуты всѣ мотивы, указаны всѣ пути, всѣ настроенія, которые потомъ развиваются отдѣльными мастерами. Имъ дано общее реальное направленіе русской прозѣ. И какъ-бы дѣля съ Гоголемъ бремя великой реформы, Пушкинъ передаетъ ему собственныя темы. «Ревизоръ» и Мертвыя души» подсказаны ихъ творцу Пушкинымъ.

БИБЛІОГРАФІЯ. Замѣчательнѣйшія изданія сочиненій Пушкина. П. В. Анненкова. 6 томовъ. Спб. 1855. 7-й дополнительный. Спб. 1857. Исакова подъ ред. П. А. Ефремова. 3-е. 1880. Общества для пособія нужд. литер. и ученымъ, подъ ред. и съ примѣч. П. О. Морозова. Спб. 1887. 7 томовъ. Академическое изданіе начато Л. Майковымъ. Дешевыя изданія Павленкова (ред. Л. М. Скабичевскаго) и Суворина.

§ 2. Значеніе Пушкина, какъ прозаика,—ясно только теперь. Всеобъемлемость его прозы, то, что онъ далъ «манеру» множеству послѣдующихъ, первостепенныхъ талантовъ, что онъ далъ «образцы», совершенныя формы для проявленія самыхъ разнообразныхъ индивидуальныхъ особенностей творчества прозы и какъ-бы ключи къ шифрамъ русской жизни, все это стало достояніемъ критики лишь въ наши дни. Споръ о «пріоритетѣ» Пушкина или Гоголя, самъ по себѣ безполезный, видимо возникъ еще въ 50-е годы. Но онъ рѣшается просто: во всякомъ случаѣ не Гоголь наслѣдовалъ отъ Пушкина темы двухъ величайшихъ своихъ созданій, онъ поэтому завершитель начатаго Пушкинымъ. Однако въ 1855—56 гг. Чернышевскій писалъ въ своихъ «Очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы»: «Давно уже не было въ мірѣ писателя, который былъ-бы такъ важенъ для своего народа, какъ Гоголь для Россіи. Гоголя должно считать отцомъ русской прозаической литературы, какъ Пушкина — отцомъ русской поэзіи. Гоголь

былъ отцомъ нашего романа (въ прозѣ) и прозаическихъ произведеній въ драматической формѣ, то есть, вообще русской прозы... Проза въ русской литературѣ занимала очень мало мѣста, имѣла очень мало значенія. Она стремилась существовать, но еще не существовала. Въ строгомъ смыслѣ слова, литературная дѣятельность ограничивалась исключительно стихами. Гоголь былъ отцомъ русской прозы, и не только былъ отцомъ ея, но быстро доставилъ ей рѣшительный перевѣсъ надъ поэзію, перевѣсъ, сохраняемый ею до сихъ поръ. Онъ ни имѣлъ ни предшественниковъ, ни помощниковъ (?) въ этомъ дѣлѣ. Ему одному проза обязана и своимъ существованіемъ, и всѣми своими успѣхами».

«Гдѣ школа писателей,—продолжаетъ Чернышевскій,—которыхъ было-бы можно назвать послѣдователями Пушкина, какъ прозаика?.. Гоголь явился прежде Пушкина, какъ прозаикъ. Первыми изъ прозаическихъ произведеній Пушкина (если не считать незначительныхъ отрывковъ) были напечатаны «Повѣсти Бѣлкина»—въ 1831 г.; но всѣ согласятся (?), что эти повѣсти не имѣли большого художественнаго достоинства. Затѣмъ, до 1836 года, была напечатана только «Пиковая дама» (въ 1834 году)—никто не сомнѣвается, что эта небольшая пьеса написана прекрасно, но также никто не припишетъ ей особенной важности (?). Между тѣмъ, Гоголемъ были напечатаны «Вечера на хуторѣ» (1831 — 1832), «Повѣсть о томъ, какъ поссорились и пр.» (1833), «Миргородъ» (1835) то есть все, что впослѣдствіи составило двѣ первыя части его «Сочиненій». Въ 1836 году Пушкинъ напечаталъ «Капитанскую дочку»,—но въ то же время явился «Ревизоръ», и кромѣ того «Коляска», «Утро дѣлового человѣка» и «Носъ». Такимъ образомъ, большая часть произведеній Гоголя, и въ томъ числѣ «Ревизоръ», были уже извѣстны публикѣ, когда она знала еще только «Пиковую даму» и «Капитанскую дочку» («Арапъ Петра Великаго», «Лѣтопись села Горюхина», «Сцены изъ рыцарскихъ временъ» были напечатаны уже въ 1837 г., по смерти Пушкина, а «Дубровскій» только въ 1841)—публика имѣла довольно времени проникнуться произведеніями Гоголя прежде, нежели познакомилась съ Пушкинымъ, какъ прозаикомъ»[52]).

Чернышевскій здѣсь даетъ нѣкоторыя важныя и вѣрныя указанія и дѣлаетъ рядъ ошибокъ. Гоголь, дѣйствительно, былъ отцомъ «прозаическихъ произведеній въ драматической формѣ». Онъ далъ «перевѣсъ» прозѣ надъ стихотворствомъ, заполнявшимъ въ 20-хъ годахъ литературу, на что еще жаловался Кюхельбекеръ въ «Мнемозинѣ» и Полевой въ «Телеграфѣ». Проза до 30-хъ годовъ, до гоголевской и пушкинской прозы, дѣйствительно, «стремилось существовать, но еще не существовала», какъ и стихъ художественно совершенный до 20-хъ годовъ и явленія «Руслана и Людми-

---

[52]) Очерки гогол. періода. Изд. 2-е. Спб. 1893 г. Стр. 11, 12, 14, 15, 16.

лы». Но какъ-же не «помощникомъ» былъ Гоголю его прямой наставникъ— Пушкинъ? Далѣе оцѣнка прозы Пушкина дается невѣрная. Чернышевскій не понималъ значенія его повѣстей. «Публика» 30-хъ годовъ не проникласъ ни Пушкинымъ, ни Гоголемъ — она обоихъ не понимала. Да и какое это имѣло значеніе? Но проза 40-хъ годовъ, всѣ писатели — прозаики этой плеяды, равно какъ и плеяды 50-хъ, воспитались заразъ на прозѣ и Пушкина, и Гоголя.

Поколѣнія писателей слѣдовали быстро въ это пушкинско-гоголевское тридцатилѣтіе расцвѣта русской прозы (1830—1860), потребовавшее сорока лѣтъ предшествующей работы (періодъ карамзинской прозы 1790—1830). Эти поколѣнія нарождались такъ: десятью годами моложе Пушкина былъ Гоголь (1809); затѣмъ въ 1814 родился Лермонтовъ, въ 1818—Тургеневъ, въ 1826—Салтыковъ, въ 1828—гр. Л. Н. Толстой.

«Пріоритетъ» Гоголя потому провозглашается Чернышевскимъ, что въ Пушкинѣ онъ видитъ болѣе художника формы. Гоголь же его плѣняетъ мнимымъ «обличительнымъ» началомъ своей сатиры. «За Гоголемъ, говоритъ онъ, остается заслуга, что онъ первый далъ русской литературѣ рѣшительное стремленіе къ содержанію, и притомъ стремленіе въ столь плодотворномъ направленіи, какъ критическое... Пушкина давно уже всѣ признали великимъ, неоспоримо великимъ писателемъ; имя его — священный авторитетъ для каждаго русскаго читателя и даже нечитателя... Каждый русскій есть почитатель Пушкина, и никто не находитъ неудобнымъ для себя признавать его великимъ писателемъ, потому что поклоненіе Пушкину не обязываетъ ни къ чему (?), пониманіе его достоинствъ не обусловливается никакими особенными качествами характера, никакимъ особеннымъ настроеніемъ ума (?). Гоголь, напротивъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, любовь къ которымъ требуетъ одинаковаго съ ними настроенія души, потому что ихъ дѣятельность есть служеніе опредѣленному направленію нравственныхъ стремленій» [529]).

На самомъ дѣлѣ Гоголь гораздо доступнѣе для пониманія, чѣмъ Пушкинъ. Оцѣнка Пушкина не дается вполнѣ даже Бѣлинскому, и требуетъ ряда замѣчательныхъ критиковъ и долгой работы, для полнаго выясненія—такъ многообъемлющъ Пушкинъ. Проза же Гоголя была уже глубоко характеризована и разобрана еще въ статьѣ Бѣлинскаго: «О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя», написанной имъ въ 30-хъ годахъ по поводу «Арабесокъ» и «Миргорода». Великій критикъ указалъ здѣсь, что совершенная истина жизни у Гоголя тѣсно соединяется съ простотой вымысла. Онъ не льститъ жизни, но и не клевещетъ на нее; онъ радъ выставить наружу все, что въ ней есть прекраснаго, человѣческаго, и въ то же время не скрываетъ ни

[529]) Ibid., стр. 19 и 21.

мало и ея безобразія. Въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ вѣренъ жизни до послѣдней степени. Она у него настоящій портретъ, въ которомъ все схвачено съ удивительнымъ сходствомъ, начиная съ экспрессіи оригинала до веснушекъ лица его; начиная отъ гардероба Ивана Никифоровича до русскихъ мужиковъ, идущихъ по Невскому проспекту, въ сапогахъ, запачканныхъ известью; отъ колоссальной физіономіи богатыря Бульбы, который не боялся ничего въ свѣтѣ, съ люлькой въ зубахъ и саблей въ рукахъ, до стоическаго философа Хомы, который не боялся ничего въ свѣтѣ, даже чертей и вѣдьмъ, когда у него люлька въ зубахъ и рюмка въ рукахъ... Повѣсти Гоголя народны въ высочайшей степени. Какъ малороссу, Гоголю съ дѣтства знакома жизнь малороссійская, но народность его поэзіи не ограничивается одной Малороссіей. Въ его «Запискахъ Сумасшедшаго», въ его «Невскомъ проспектѣ», нѣтъ ни одного хохла, все русскіе и вдобавокъ еще нѣмцы; а каково изображены имъ эти русскіе, и эти нѣмцы! Каковъ Шиллеръ и Гофманъ? Народность очень похожа на тѣнь въ баснѣ Крылова. Гоголь о ней ни мало не думаетъ, а она сама напрашивается къ нему, тогда какъ многіе изо всѣхъ силъ гоняются за нею и ловятъ—одну тривіальность. Оригинальность у Гоголя состоитъ въ комическомъ одушевленіи, всегда побѣждаемомъ чувствомъ глубокой грусти. Возьмите «Записки сумасшедшаго», этотъ уродливый гротескъ, эту странную прихотливую грезу художника, эту добродушную насмѣшку надъ жизнью и человѣкомъ... Вы еще смѣетесь, но уже вашъ смѣхъ растворенъ горечью: это смѣхъ надъ сумасшедшимъ, котораго бредъ и смѣшитъ, и возбуждаетъ состраданіе.

Комизмъ или юморъ Гоголя имѣетъ свой особенный характеръ: это юморъ чисто русскій, юморъ спокойный, простодушный, въ которомъ авторъ какъ бы прикидывается простачкомъ. Гоголь всегда одинаковъ, никогда не измѣняетъ себѣ, даже и въ такомъ случаѣ, когда увлекается поэзіей описываемаго имъ предмета. Безпристрастіе его идолъ.

§ 3. «Руководящія силы нашей литературы, говоритъ А. Н. Пыпинъ, собирались изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ русской общественной жизни и, наконецъ, жизни народной». Южныя и западно-русскія силы еще съ половины XVII-го вѣка дѣятельно вмѣшались въ образованіе новой русской литературы,—такова была роль Симеона Полоцкаго, Стефана Яворскаго, Ѳеофана и иныхъ ученыхъ кіевлянъ, но это вмѣшательство было ограничено церковно-схоластической областью; ихъ ученость была отвлеченная, вліяніе въ литературѣ—почти только схоластическое, и въ немъ не было тѣни, или одна только тѣнь, южно-русскихъ народныхъ элементовъ. Позднѣе, въ рядахъ русскихъ писателей являются настоящіе малороссы, но Богдановичъ, Капнистъ, потомъ Гнѣдичъ и пр.—шли въ обычной колеѣ нашего псевдо-классицизма. Однако, еще въ XVIII вѣкѣ малорусское бывало въ модѣ: въ

первыхъ пѣсенникахъ, которые явились въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, особый отдѣлъ заняли малороссійскія пѣсни[530]).

Николай Васильевичъ Гоголь родился 19 марта 1809 г., въ глухомъ тогда уголку Малороссіи, въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ, находящемся на границѣ Полтавскаго и Миргородскаго уѣздовъ. Въ семьѣ его велась немудреная жизнь стараго помѣщичьяго быта съ простыми непосредственными преданіями старины, въ патріархальной близости съ крѣпостнымъ народомъ. Мальчикъ былъ окруженъ массою «этнографическихъ впечатлѣній». Воспитывался Гоголь въ Нѣжинской гимназіи. Въ Петербургъ пріѣхалъ въ послѣднихъ числахъ декабря 1828 года. Начался періодъ броженія, неопредѣленныхъ порывовъ, надеждъ и разочарованій, стремленія къ широкой и полезной дѣятельности, отыскиванія себѣ высокой цѣли жизни и достойнаго призванія, на которомъ могли бы найти примѣненіе его замѣчательныя дарованія и въ то же время это были годы тяжелыхъ испытаній, годы жизненнаго опыта, и первыхъ шаговъ на литературномъ поприщѣ.

«Семилѣтняя жизнь Гоголя въ Петербургѣ, обнимающая все время первой его молодости, по отношенію къ внутреннему развитію писателя, представляетъ послѣдовательно сперва столкновеніе... неопредѣленно-гуманныхъ стремленій его юности съ дѣйствительностью и непродолжительное разочарованіе, затѣмъ подъ вліяніемъ встрѣтившихся обстоятельствъ постепенную переработку и видоизмѣненіе этихъ мечтаній, наконецъ, послѣ долгихъ колебаній и уклоненій въ разныя стороны, и особенно временныхъ увлеченій исторіей, представлявшейся Гоголю одно время настоящимъ его призваніемъ, его спеціальностью, опредѣленіе имъ уже истиннаго своего призванія[531]).

Съ 1830 по 1836 г., т. е. вплоть до отъѣзда за границу,— говоритъ Анненковъ,— Гоголь былъ занятъ исключительно одною мыслью—открыть себѣ дорогу въ этомъ свѣтѣ, который, по злоупотребленію эпитетовъ, называется обыкновенно большимъ и пространнымъ; въ сущности онъ всегда и вездѣ тѣсенъ — для начинающаго.

Чѣмъ былъ Гоголь въ началѣ тридцатыхъ годовъ? Недавній чиновникъ департамента, онъ является передъ нами по утрамъ оффиціальнымъ педагогомъ въ классахъ патріотическаго института, въ часы обѣда—веселымъ, непринужденно держащимъ себя съ своими маленькими сосѣдями, гувернеромъ, вечеромъ — иногда въ роли домашняго учителя, то откровенно скучающаго за занятіями, то весело покатывающагося со смѣху съ своими учениками на урокѣ исторіи или географіи, иногда задушевнымъ собесѣд-

[530]) А. Н. Пыпинъ. Исторія русской литературы. Т. IV. Стр. 461.

[531]) В. И. Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Гоголя. Томъ первый. М. 1892. стр. 177.

никомъ Пушкина или своихъ нѣжинцевъ, или матери своихъ учениковъ, Лонгиновой, или же, наконецъ, почетнымъ гостемъ, приглашеннымъ какимъ-нибудь аристократомъ, въ родѣ Дашкова или Блудова, въ качествѣ чтеца своихъ произведеній [532]).

Но именно въ тридцатые годы творчество Гоголя уже беременѣло всѣми замыслами и въ 40-хъ лишь было довершено, зародившееся въ это плодотворное десятилѣтіе. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1827 г. написанъ — «Ганцъ Кюхельгартенъ», въ 1829 г. — «Майская ночь» и «Вечеръ накануне Ивана Купала»; въ 1830 г.— «Сорочинская ярмарка», «Женщина»; въ 1831 г.— «Пропавшая грамота», «Ночь передъ Рождествомъ», «Страшная месть», «Иванъ Ѳедор. Шпонька и его тетушка», «Заколдованное мѣсто», «Повѣсть о томъ, какъ поссорились и т. д.»; въ 1832 г.—начало комедіи «Владиміръ третьей степени»; 1-й набросокъ «Утро дѣлового чиловѣка», «Старосвѣтскіе помѣщики»; въ 1833 г.— «Вій», начало комедіи «Женихи»; въ 1834 г.— «Невскій проспектъ», «Вій», «Тарасъ Бульба», «Записки сумасшедшаго»: первая мысль повѣсти «Шинель»; въ 1835 г.— «Ревизоръ», «Коляска», «Портретъ» и начаты «Мертвыя души»; въ 1836 г. — первый набросокъ «Театральнаго разъѣзда» и начало комедіи «Игроки»; въ 1839 г.—первая редакція «Мертвыхъ душъ», начало повѣстей «Шинель» и «Римъ»; въ 1840 г. — начало второй части «Мертвыхъ душъ». Гоголь много разъ передѣлывалъ свои произведенія.

Юношеская стихотворная попытка Гоголя вышла въ свѣтъ въ іюнѣ 1829 года подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Ганцъ Кюхельгартенъ». Идиллія въ картинахъ. Соч. В. Алова. (Писано въ 1827 году). Спб. 1829 г. Въ тип. А. Плюшара (въ 12 д. л., стр. 71). Цензурное разрѣшеніе помѣчено «7 мая 1829 г.». Объявленіе о продажѣ у моск. книгопродавца Ширяева этой книжки, «полученной на сихъ дняхъ изъ С.-Петербурга», появилась въ № 51 «Моск. Вѣдом.», вышедшемъ 26 іюня 1829 г., стр. 2408. Во второй іюньской книжкѣ (т. е. въ № 12) «Московскаго Телеграфа», вышедшей въ концѣ іюня, напечатана на эту «идиллію», строгая рецензія Полевого (см. выше). Только въ 87-мъ номерѣ «Сѣверной Пчелы» 1829 г., вышедшемъ 20-го іюля, появился новый отзывъ о «Ганцѣ Кюхельгартенѣ», столь же неблагопріятный, какъ и рецензія Полевого. Сожженіе Гоголемъ «идилліи» по изслѣдованію Тихонравова, совершилось послѣ этой рецензіи, т. е. послѣ 20-го іюля. Оно совпадаетъ, по времени, съ внезапнымъ рѣшеніемъ Гоголя ѣхать за границу,— рѣшеніемъ, о которомъ онъ увѣдомилъ свою мать 24-го іюля. «Самосожженіемъ» началъ Гоголь и «самосожженіемъ» кончилъ.

Первыя повѣсти свои Гоголь, по свидѣтельству Кулиша и Прокоповича,

[532]) Шенрокъ. Т. I. стр. 366.

написалъ въ Петербургѣ, куда онъ привезъ только свою «идиллію». Экземпляры «Ганца» обращались въ продажѣ около двухъ мѣсяцевъ — іюнь и около трехъ недѣль іюля. Но въ началѣ 1830 года Альманахъ Дельвига напомнилъ своимъ читателямъ объ «идилліи» Гоголя. Извѣстный критикъ тридцатыхъ годовъ, принадлежавшій къ литературному лагерю, который былъ враждебенъ Полевому, Сомовъ, въ статьѣ «Обозрѣніе Россійской словесности за первую половину 1829 года», напечатанной въ Альманахѣ «Сѣверные цвѣты на 1830 годъ», помѣстилъ слѣдующій отзывъ объ идилліи Гоголя: «Ганцъ Кюхельгартенъ, идиллія въ картинахъ, соч. В. Алова. Осьмнадцатилѣтній стихотворецъ написалъ сіи осьмнадцать картинъ, въ которыхъ замѣтны еще молодость воображенія, незрѣлость дарованія относительно къ слогу, языку и стихосложенію, и крайняя безотчетливость въ созданіи; но въ сочинителѣ виденъ талантъ, обѣщающій въ немъ будущаго поэта». Отзывъ этотъ справедливъ. Въ «Ганцѣ» именно «виденъ талантъ», хотя это произведеніе ниже стихотворныхъ попытокъ Тургенева, тоже пренебреженныхъ впослѣдствіи поэтомъ. Болѣе совершенный опытъ Гоголя въ стихахъ—очень недурное и искреннее стихотвореніе «Италія», напеч. въ «Сѣверномъ Архивѣ» Булгарина въ 1829 году, № 12, стр. 301—302. Оно любопытно въ сопоставленіи съ повѣстью «Римъ» и съ позднѣйшей страстью Гоголя къ Италіи.

Въ началѣ 1830 года были напечатаны двѣ литературныя работы Гоголя: переводная— «О торговлѣ русскихъ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка» (въ «Сѣверномъ Архивѣ» Булгарина) и «Вечеръ наканунѣ Ивана Купала» (въ «Отечественныхъ Запискахъ» Свиньина).

Даръ рѣдкой наблюдательности, унаслѣдованный Гоголемъ отъ отца, сталъ обнаруживаться чрезвычайно рано. Пріѣзды Гоголя въ Малороссію лѣтомъ 1832 и 1835 годовъ обновили и расширили запасъ его юношескихъ наблюденій. Мысль о «Вечерахъ» возникла приблизительно въ то время, когда Гоголь въ цѣломъ рядѣ писемъ сталъ просить мать о присылкѣ ему малороссійскихъ сказокъ, легендъ и преданій. По самой формѣ, въ какой она высказывалась, видно, что это была новая, свѣжая мысль [533]).

Пыпинъ отмѣчаетъ, что первоначальный горизонтъ поэтическаго творчества Гоголя, выразившійся картонами изъ быта и преданій его мѣстной родины, постоянно расширялся, обнималъ все болѣе широкій кругъ цѣлаго русскаго общественнаго быта и вся прежняя обстановка его жизни казалось ему тѣснымъ провинціализмомъ. Впослѣдствіи Гоголь пристрастился къ Италіи, которую считалъ своею второй родиной и къ которой еще въ юности обращался съ восторженнымъ лирическимъ привѣтствіемъ: это была новая

533) Шенрокъ. Т. I. Стр. 257.

страсть, имѣвшая основу въ разнообразныхъ эстетическихъ увлеченіяхъ, и ее опять невозможно примирить съ какимъ-либо мѣстнымъ патріотизмомъ [531]).

Если Гоголь быстро охладѣлъ къ своему первому поэтическому труду, подъ вліяніемъ отрицательныхъ отзывовъ критики, и самъ его уничтожилъ, то онъ скоро охладѣлъ и къ «Вечерамъ» и говорилъ объ нихъ съ пренебреженіемъ, хотя они имѣли большой успѣхъ. Послѣ 1832 года художественная производительность Гоголя нѣсколько пріостанавливается. Онъ увлекается исторіей, профессурой, задумываетъ многотомную исторію Малороссіи, но поэтъ беретъ надъ всѣмъ верхъ: «Моя радость, жизнь моя, пѣсни! пишетъ онъ Максимовичу въ ноябрѣ 1833 г., — какъ я васъ люблю! Что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, предъ этими звонкими, живыми лѣтописями?»

Извѣстно, что какъ профессоръ, Гоголь оказался ниже всякой критики, хотя первая лекція его и имѣла успѣхъ. Но пора страстнаго увлеченія малорусской стариной и народной поэзіей отозвалась новымъ созданіемъ Гоголя, «Тарасомъ Бульбой». Здѣсь Гоголь опять не имѣлъ предшественниковъ если не считать Нарѣжнаго: ни раньше, ни позже не было въ нашей литературѣ столь яркой картины героической эпохи Малороссіи.

«Тарасъ Бульба»:—говоритъ Бѣлинскій,—есть отрывокъ, эпизодъ изъ великой эпопеи жизни цѣлаго народа... Скажите мнѣ, чего нѣтъ въ картинѣ, чего не достаетъ въ ея полнотѣ? Не выхвачено ли все это со дна жизни, не бьется ли здѣсь огромный пульсъ всей этой жизни? Этотъ богатырь Бульба съ своими могучими сыновьями; эта толпа запорожцевъ, дружно отдирающая на площади трепака... А жиды и ляхи, а любовь Андрія и кровавая месть Бульбы, а казнь Остапа?.. И какая кисть широкая, размашистая, рѣзкая, быстрая! какія краски яркія и ослѣпительныя... И какая поэзія энергическая, могучая, какъ эта Запорожская Сѣчь, то гнѣздо, откуда вылетаютъ, всѣ тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы, откуда разливается воля и казачество на всю Украйну!» Вскорѣ потомъ былъ задуманъ и частью исполненъ рядъ петербургскихъ повѣстей и рядъ комедій и комическихъ сценъ. Содержаніе повѣстей было результатомъ петербургскихъ наблюденій. Такого могущественнаго проявленія юмора русская литература еще не знала.

Гоголь былъ профессоромъ полтора года (1834 — 1835). Въ началѣ 1835 г. онъ издалъ «Арабески» и почти вслѣдъ за ними «Миргородъ», и совершенно посвятилъ себя драматическимъ произведеніямъ.

Анализируя содержаніе «малороссійскихъ повѣстей» Гоголя, знатокъ этого писателя, Шенрокъ, указываетъ, что первые разсказы Гоголя носятъ явные слѣды соединенія двухъ основныхъ элементовъ: описательнаго — бытового, и повѣствовательнаго — легендарнаго. Все, что относится къ

531) Пыпинъ. IV. Истор. Литер. Стр. 463.

обрисовкѣ типовъ и характеровъ, всѣ подробности въ изображеніи обыденной малороссійской жизни, описанія ярмарокъ, вечерницъ, уличныхъ сценъ, домашнихъ бесѣдъ, наконецъ всѣ безъ исключенія картины природы являются несомнѣнно плодомъ вполнѣ самостоятельной творческой работы Гоголя на основаніи обширнаго запаса разнородныхъ впечатлѣній жизни. Но въ это главное содержаніе каждой повѣсти вводятся не только какъ дополненіе и украшеніе, но и какъ существенно необходимый матеріалъ художественно обработанные эпизоды, почерпнутые изъ произведеній народной фантазіи. Если значительное большинство типовъ, очерченныхъ въ «Вечерахъ», представляется несомнѣнно въ комическомъ свѣтѣ, то съ другой стороны юный поэтъ не щадилъ красокъ для идеальнаго изображенія Ганны, Пидорки, Оксаны. Онъ съ любовью рисуетъ ихъ обаятельно грандіозную, иногда отчасти лукавую женственность. При описаніи молодой женской красоты, которая нѣсколько позднѣе, подъ вліяніемъ изученія искусствъ, представлялась ему преимущественно со стороны изяществъ и пластическихъ формъ, Гоголь любилъ изображать яркій румянецъ щекъ, черныя брови и глубокій, проницательный взоръ. Въ Пидоркѣ юный авторъ «Вечеровъ» видимо лелѣетъ и оберегаетъ сочувственный образъ отъ холоднаго прикосновенія свойственнаго ему разлагающаго анализа. Страстное, глубоко поэтическое по своей изящной, нѣжной задушевности выраженіе любви молодыхъ людей Украины, оставаясь вѣрнымъ національному колориту, было однако повидимому не столько изображаемо Гоголемъ съ натуры, сколько являлось подъ вліяніемъ потрясавшихъ его душу звучныхъ аккордовъ малороссійскихъ народныхъ мелодій. Очевидно, оно было внушаемо смутнымъ, но горячимъ юношескимъ чувствомъ.

Почти въ каждомъ изъ юношескихъ произведеній Гоголь съ любовію рисуетъ съ разными видоизмѣненіями въ сущности все тотъ же обаятельный образъ, посвящая ему, послѣ украинской природы, самые роскошные цвѣты свѣжей юношеской фантазіи. Юные паробки занимаютъ Гоголя или проявленіемъ въ ихъ могучихъ натурахъ казацкихъ чертъ, своимъ беззавѣтнымъ разгуломъ, удалью и безстрашіемъ или же они должны служить почти только для полноты картины вмѣстѣ съ изображеніемъ любимыхъ ими дѣвушекъ.

Въ старшемъ поколѣніи казаковъ, кромѣ невозмутимаго хладнокровія, безпечности, упрямства, отмѣтимъ особенно комическую способность съ непостижимой быстротой переходить отъ однихъ впечатлѣній къ другимъ совершенно противуположнымъ и страсть къ танцамъ. Между комическими чертами воспроизводится дурацкое своенравіе сварливой замужней бабы и запоздалое кокетство [535]).

Вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ опыта и познанія жизни отъ Гоголя навсегда

---

535) Шенрокъ. Стр. 266, 268, 269, 270, 274, 275, 279.

отлетѣла и безпечная веселость, которая излилась въ первой части «Вечеровъ на хуторѣ». Переходомъ къ болѣе зрѣлымъ произведеніямъ должно считать вторую часть «Вечеровъ», заключающую въ себѣ «Страшную месть», повѣсть, во многомъ близкую уже къ «Вію» и «Тарасу Бульбѣ», а также повѣсть о Шпонькѣ, гдѣ фантастическій элементъ впервые всецѣло уступаетъ мѣсто строгому реализму и изображенію бытовыхъ картинъ, вообще тѣмъ элементамъ творчества Гоголя, окончательное торжество которыхъ находимъ въ «Мертвыхъ Душахъ».

«Арабески» вышли въ свѣтъ въ первой половинѣ января 1835 года. 22 января посылая «Арабески» Максимовичу, Гоголь пишетъ ему: «Посылаю тебѣ сумбуръ, смѣсь всего, кашу, въ которой есть ли масло, суди самъ». Этотъ сборникъ составился изъ произведеній, написанныхъ Гоголемъ втеченіе 1830—1834 года включительно.

Рукописный текстъ «Записокъ Сумасшедшаго» отступаетъ нѣсколько отъ напечатаннаго. Въ «Арабескахъ» эта статья имѣла два заглавія: 1) «Записки сумасшедшаго» на шмуцтитулѣ и 2) «Клочки изъ записокъ сумасшедшаго» — передъ текстомъ. «Не скрывается ли здѣсь указаніе на то, говоритъ Тихонравовъ, что Гоголь первоначально предполагалъ написать (и, можетъ быть, дѣйствительно написалъ) повѣсть на эту тему, увлекшись разсказами князя В. Ѳ. Одоевскаго о сумасшедшихъ музыкантахъ?»

Въ повѣсти «Носъ» находимъ слѣдующее указаніе на дѣйствительный фактъ, побудившій Гоголя создать эту глубокую шутку: «Тогда умы всѣхъ именно настроены были къ чрезвычайному: недавно только что занимали публику опыты дѣйствія магнетизма». Дѣйствительно, въ началѣ 1832 года Петербургъ до такой степени сильно былъ занятъ этими опытами, что нѣсколькими врачами составлена была «Записка объ опытахъ животнаго магнетизма, производимыхъ г-жею *** (Турчаниновой)». Магнетическіе опыты Турчаниновой были прекращены по распоряженію правительства въ 1832 году, и она уѣхала въ Москву.

«Московскій наблюдатель» Погодина нашелъ эту повѣсть «грязною». Она появилась въ третьемъ томѣ «Современника», вышедшемъ въ сентябрѣ 1836 года (стр. 54—90). Печатая эту повѣсть на страницахъ своего журнала, Пушкинъ сопроводилъ ее слѣдующею замѣткою: «Н. В. Гоголь долго не соглашался на напечатаніе этой шутки, но мы нашли въ ней такъ много неожиданнаго, фантастическаго, веселаго, оригинальнаго, что уговорили его позволить намъ подѣлиться съ публикою удовольствіемъ, которое доставила намъ его рукопись».

Въ основу «Шинели» положенъ анекдотъ о бѣдномъ чиновникѣ, купившемъ ружье и потерявшемъ его. Чиновникъ заболѣлъ горячкой, и потомъ безъ смертной блѣдности въ лицѣ не могъ вспоминать объ этомъ событіи.

Тихонравовъ предполагаетъ, что и въ основу «Коляски» легъ анекдотъ о колоссальной забывчивости М. Ю. Віельгорскаго, пригласившаго къ себѣ на обѣдъ весь дипломатическій корпусъ и забывшаго объ этомъ.

Передѣланная авторомъ редакція «Портрета» напечатана была въ первый разъ въ XXVII томѣ «Современника» Плетнева (1842 г. № 3), въ отдѣлѣ IV—«Разсказовъ и повѣстей» (стр. 1—92). Здѣсь повѣсть сопровождалась слѣдующею замѣткою: «Повѣсть эта была напечана въ «Арабескахъ». Но вслѣдствіе справедливыхъ замѣчаній была вскорѣ послѣ того передѣлана вся и здѣсь помѣщается совершенно въ новомъ видѣ». Эта замѣтка составлена или самимъ авторомъ, или по указанію его издателемъ «Современника».

Отправляя Плетневу новую редакцію «Портрета», Гоголь писалъ ему: «Посылаю вамъ повѣсть мою «Портретъ». Она была напечатана въ «Арабескахъ», но вы этого не пугайтесь... Въ Римѣ я ее передѣлалъ вовсе, или лучше, написалъ вновь, вслѣдствіе сдѣланныхъ въ Петербургѣ замѣчаній». Переработка первоначальной редакціи «Портрета», создавшая изъ нея совершенно «новое произведеніе», касалось не мелочей стиля и языка, а основной идеи произведенія. Въ первой редакціи повѣсти, портретъ оказываетъ гибельное дѣйствіе на всѣхъ обладающихъ имъ, потому что художникъ изобразилъ на немъ «преступною кистью» того дивнаго ростовщика, котораго «избралъ для себя жилищемъ антихристъ»; въ новой обработкѣ повѣсти на первый планъ выдвигается не сюжетъ, изображаемый на холстѣ, а способъ изображенія, процессъ художественнаго творчества.

Художникъ въ «Портретѣ» новой редакціи объясняетъ: «Я съ отвращеніемъ писалъ его: я не чувствовалъ въ то время никакой любви къ работѣ. Насильно хотѣлъ покорить себя и бездушно заглушивъ все, быть вѣрнымъ природѣ. Это не было созданіе искусства, и потому чувства, которыя объемлютъ всѣхъ при взглядѣ на него, суть уже мятежныя чувства, тревожныя чувства, не чувства художника, ибо художникъ и въ тревогѣ дышетъ покоемъ».

Итакъ, преступность художника, написавшаго страшный портретъ, состояла не въ томъ, что онъ «дерзнулъ изобразить человѣка», котораго «избралъ себѣ жилищемъ антихристъ», (какъ объяснено въ первой редакціи повѣсти), а въ томъ, что рисуя ростовщика по принужденію, безъ любви къ дѣлу, живописецъ былъ «бездушно вѣренъ природѣ».

Кромѣ Бѣлинскаго, критики тѣхъ годовъ не могли, а отчасти и не хотѣли понять все значеніе Гоголя.

«Сказки», «побасенки», способность «смѣшить»—вотъ какъ оцѣнивались произведенія Гоголя Сенковскимъ и Булгаринымъ по выходѣ въ свѣтъ «Миргорода», «Арабесокъ» и даже «Ревизора».

Повѣсть о томъ, какъ поссор. и проч.»—«очень грязна». «Въ «Віѣ»

нѣтъ ни конца, ни начала, ни идеи,—нѣтъ ничего, кромѣ странныхъ, невѣроятныхъ сценъ» [536]).

Признавали Гоголя «повѣствователемъ занимательнымъ, умнымъ, оригинальнымъ», проявляющимъ «особое дарованіе разсказывать шуточныя исторіи» и это все.

Но и въ пониманіи Бѣлинскаго есть черта, когда онъ начинаетъ отставать отъ Гоголевской мысли, не понимаетъ запросовъ его духа.

Тотчасъ послѣ явленія отрывка «Римъ» въ печати, Бѣлинскій замѣтилъ, что поэтъ «отдалился отъ современнаго взгляда на жизнь и искусство», и доказательство тому видѣлъ, между прочимъ, и въ статьѣ—«Римъ», «въ которой есть удивительно яркія и вѣрныя картины дѣйствительности, но въ которой есть и косые взгляды на Парижъ и близорукіе взгляды на Римъ, и что всего непостижимѣе въ Гоголѣ—есть фразы, напоминающія своей вычурной изысканностью языкъ Марлинскаго». «Отчего это?»—спрашиваетъ Бѣлинскій, и отвѣчаетъ такъ: «Думаемъ оттого, что при богатствѣ современнаго содержанія и обыкновенный талантъ, чѣмъ дольше, тѣмъ больше крѣпнетъ, а при одномъ актѣ творчества и геній наконецъ начинаетъ постепенно ниспускаться».

1-го сентября 1843 г. Гоголь писалъ Шевыреву: «Бѣлинскій смѣшонъ. А всего лучше замѣчаніе о «Римѣ»: онъ хочетъ, чтобы римскій князь имѣлъ тотъ же взглядъ на Парижъ и французовъ, какой имѣетъ Бѣлинскій. Я бы былъ виноватъ, если бы даже римскому князю внушилъ такой взглядъ, какой имѣю я на Парижъ, потому что и я хотя могу столкнуться въ художественномъ чутьѣ, но вообще не могу быть одного мнѣнія съ моимъ героемъ. Я принадлежу къ живущей и современной націи, а онъ—къ отжившей. Идея романа вовсе не была дурна: она состояла въ томъ, чтобы показать значеніе націи отжившей, и отжившей прекрасно, относительно живущихъ націй».

§ 4. Геніальная проза Пушкина и Гоголя совершенно заслонила для насъ произведенія другихъ, весьма многочисленныхъ и богатоодаренныхъ беллетристовъ 30-хъ годовъ. Многіе теперь совершенно забыты, а между тѣмъ въ свое время они читались всей Россіей и, быть можетъ, болѣе удовлетворяли вкусамъ публики, чѣмъ произведенія геніальныя, до которыхъ еще надо было ей дорасти и доразвиться. Напомнимъ имена: Загоскина и Лажечникова, Кукольника и Полевого, Марлинскаго и Одоевскаго, Погорѣльскаго, Павлова, Ушакова, Бѣгичева, Квитка, Вельтмана, Даля, Калашникова, Масальскаго, а также Греча и Сенковскаго. Наибольшее значеніе для русской литературы имѣли историческіе романы Загоскина и Лажечникова.

---

[536]) Биб. для чтенія. Т. IX, отд. VI. Стр. 33—34.

Лучшее произведеніе Михаила Николаевича Загоскина «Юрій Милославскій», вышло еще въ 1829 г. (см. выше). До 1852 г. этотъ романъ имѣлъ восемь изданій и былъ переведенъ на всѣ европейскіе языки. Немедленно послѣ выхода въ свѣтъ «Юрія Милославскаго», Загоскинъ задумалъ писать другой историческій романъ: «Рославлевъ, или русскіе въ 1812 году», напечатанный въ 1831 г. Онъ писалъ этотъ романъ около двухъ лѣтъ; слухъ о немъ прошелъ по всей Россіи, и всѣ съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ожидали его появленія. Въ Москвѣ произошло, по свидѣтельству С. Т. Аксакова, событіе, неслыханное въ лѣтописяхъ книжной русской торговли. Романъ еще не былъ конченъ, какъ стали просить Загоскина, чтобъ онъ его продалъ: за право напечатать 4 завода (4,800 экз.) предложили 40 тыс. руб. асс. «Кто знаетъ, прибавляетъ Аксаковъ, незначительность капиталовъ нашихъ московскихъ книгопродавцевъ, ихъ осторожность, даже робость во всѣхъ книжныхъ оборотахъ, тотъ пойметъ, какъ велика была вѣра въ талантъ Загоскина» [537]). Но «Рославлевъ» не имѣлъ такого же успѣха, какъ «Юрій Милославскій».

Въ 1833 г. вышелъ романъ Загоскина: «Аскольдова могила», полный мелодраматическихъ эффектовъ, имѣвшій все же два изданія, прославленный оперой Верстовскаго. Въ 1837—«Повѣсти Михаила Загоскина» («Вечеръ на Хопрѣ», «Три жениха» и «Кузьма Рощинъ»). Эти повѣсти имѣли слабый успѣхъ; еще меньшій—романы «Искуситель» (1838) и «Тоска по родинѣ» (1839). Самая сильная сторона произведеній Загоскина—превосходный языкъ. «Загоскинъ, говоритъ С. Т. Аксаковъ, (1851 г.) болѣе другихъ можетъ назваться народнымъ писателемъ. Кромѣ прочихъ сословій, его читали и читаютъ всѣ, знающіе грамотѣ, торговые крестьяне. Огромное число табакерокъ и набивныхъ платковъ, съ изображеніемъ разныхъ сценъ изъ «Юрія Милославскаго», развозимыхъ по всѣмъ угламъ необъятной Россіи, поддерживаютъ извѣстность имени его сочинителя».

Иванъ Ивановичъ Лажечниковъ, сынъ Коломенскаго купца, родился 14 сентября 1794 года. Онъ участвовалъ въ компаніи 1812 года. Первое его произведеніе—«Походныя Записки Русскаго Офицера», первоначально печатались въ «Вѣстн. Евр.» 1819 г. Писанныя съ неподдѣльнымъ жаромъ юношескаго патріотизма, эти «Записки» имѣли большой успѣхъ, принимая во вниманіе къ тому же время ихъ появленія, скудное порядочной прозой. Затѣмъ въ 1833 г. вышелъ историческій романъ Лажечникова «Послѣдній Новикъ или завоеваніе Лифляндіи при Петрѣ Великомъ», въ 1835 вышелъ «Ледяной домъ». въ 1838—«Бусурманъ». Эти три романа создали Лажечникову громкую извѣстность. «Ледяной домъ» былъ превознесенъ Бѣлинскимъ. Повѣсти Павлова, обратившія вниманіе Пушкина и Бѣлинскаго, «Монастырка» Погорѣльскаго (А. А. Перовскій), «Киргизъ-Кайсакъ» Уша-

---

537) Соч. С. Т. Аксакова. Спб. 1886. Томъ III. Стр. 278.

кова, «Черная Женщина» Греча, повѣсти Квитко, историческіе романы Масальскаго, повѣсти изъ провинціальнаго быта Калашникова, «Семейство Холмскихъ» Бѣгичева, — всѣ эти произведенія, несомнѣнно, содѣйствовали выработкѣ русской прозы. Бѣлинскій отмѣчаетъ полу-фантастическіе романы Вельтмана. Публика 30-хъ годовъ зачитывалась «Фантастическими путешествіями» барона Брамбеуса (Сенковскаго), достаточно скучными, съ тяжеловѣснымъ остроумничаніемъ и пошлой выдумкой. Наконецъ должно указать на разсказы и повѣсти изъ малороссійскаго и провинціальнаго, русскаго быта, талантливаго беллетриста—Гребенки, умершаго въ 40-хъ годахъ.

БИБЛІОГРАФІЯ: Беллетристы тридцатыхъ годовъ. Вельтманъ, Алекс. Ѳомичъ (8 іюля 1800—11 янв. 1870). Его романы: Бѣглецъ. М. 1831. Муромскіе лѣса. М. 1831. MMMCDXLVIII годъ, рукопись Мартына Задеки. М. 1833. Кощей безсмертный. М. 1833. Святославичъ, вражій питомецъ. М. 1835. Лунатикъ. 1836. Александръ Филиповичъ Македонскій. М. 1836. Виргинія. 1837. Ротмистръ Чернокнижниковъ или Москва въ 1812 году. М. 1837. Сердце и думка. М. 1838. Генералъ Каломеросъ. М. 1840. и др., кромѣ того повѣсти въ стихахъ и прозѣ, историческіе труды. Некрологи: Всемірная Иллюстрація. 1870. № 61. Русскія Вѣдомости. 1870 № 19. Библіограф. очеркъ. Кронштадскій Вѣстникъ. 1870. № 15. Гречъ, Ник. Иванов. Черная женщина. 1834. Поѣздка въ Германію. 1836. 28 дней за границею или дѣйствительная поѣздка въ Германію. Спб. 1837. Путевыя письма. Спб. 1839. Письма съ дороги. 1843. Учебная книга россійской словѣсности 1822 г. (4 изданія). Опытъ краткой исторіи русской литературы. 1822. Пространная русская грамматика Спб. 1827—1830. Чтенія о русскомъ языкѣ. Спб. 1840. Записки о моей жизни. (Издано въ 1886 г.). (См. библіографію на 126-й страницѣ. Даль, Влад. Иван.— казакъ Луганскій (10 ноября 1801—22 сент. 1872). Его «Русскія сказки» вышли въ 1832 г. Сочиненія въ 1846 г. Калашниковъ, Иванъ Тимофеевичъ. (Умеръ въ 1855 г.). Одинъ изъ первыхъ бытописателей провинціальхъ нравовъ. Его романы: «Дочь купца Жолобова». «Изъ иркутскихъ преданій». Спб. 1832 г. «Камчадалка». Спб. 1833. Помѣщалъ и стихи въ «Сынѣ Отеч. 30-хъ годовъ. Масальскій, Константинъ Петровичъ. (1802—1861). Его историч. повѣсти и романы: «Терпи казакъ—атаманъ будешь». 1829. (4 изданія). «Стрѣльцы». 1832. (2 изд.). «Черный ящикъ», историческая повѣсть изъ временъ Петра Великаго. 1833. «Регентство Бирона». 1834. «Осада Углича», «Донъ-Кихотъ XIX столѣтія» Его комедія въ стихахъ «Классикъ и романтикъ». 1830. Полн. Собр. соч. 1843—1845. Гребенка, Евгеній Павловичъ. (1812—Декабрь 1848). Въ 1834 г. издалъ «Приказки» 26 басенъ на малорусск. языкѣ. Сочиненія, съ біографіей, написанной Гербелемъ, въ 4 томахъ, вышли 1862 г.

III.

§ 1. Лирика Пушкина въ 30-хъ годахъ («Болдинскія» стихотворенія 1830 г., и послѣдній періодъ поэтической дѣятельности въ 1831—1837 г.) менѣе обильна, чѣмъ въ 20-хъ, такъ какъ главныя силы своего генія великій поэтъ отдавалъ тогда драмѣ и прозѣ. Тѣмъ не менѣе, къ этому времени принадлежитъ рядъ высоко совершенныхъ произведеній, характеризующихся тремя основными чертами. Во 1-хъ поэтъ во многихъ изъ нихъ обращается къ раскрытію тайнъ самаго творчества, отдаетъ отчетъ въ себѣ самомъ, какъ поэтѣ. Это, какъ бы великая ars poetica Пушкина. Сущность вдохновенія, задачи искусства и творчества, идеалъ поэтической красоты, вотъ что является темой такихъ лирическихъ произведеній. Они — плодъ самонаблюдія, самокритики, высшій судъ самого себя. Во 2-хъ рядъ стихотвореній является откликомъ на самыя разнообразныя стороны жизни человѣчества. Пушкинъ воспроизводитъ національныя особенности различныхъ народовъ, какъ будто бы онъ былъ ихъ національный поэтъ. Эта всеотзывчивость, всепониманіе особенно глубоко и полно проявляется у Пушкина въ эту пору его дѣятельности. Въ 3-хъ, Пушкинъ даетъ нѣсколько политическихъ стихотвореній, гражданскихъ одъ, точно для отмѣтки, что онъ не сталъ со своей отзывчивостью космополитомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ одахъ предъ нами русскій человѣкъ и патріотъ, дающій своему народу урокъ политическаго здраваго смысла.

Творческая осень 1830 г. въ Болдинѣ, наканунѣ женитьбы, отмѣчена самимъ Пушкинымъ: «Я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно не писывалъ». Въ самомъ дѣлѣ, въ Болдинѣ написанъ «Домикъ въ Коломнѣ», 5 повѣстей прозой, 2 главы «Онѣгина» (8-я и 9-я), маленькія трагедіи — «Скупой рыцарь», «Моцартъ и Сальери», «Пиръ во время чумы», «Каменный гость», и около 30 мелкихъ стихотвореній.

«Глядя на изобиліе мотивовъ въ стихотвореніяхъ, принадлежащихъ къ осенней Болдинской жизни, на безпрестанную перемѣну метровъ ихъ, на чудные переходы къ самымъ противуположнымъ мыслямъ и настроеніямъ поэтическаго духа, кажется видишь художника, безгранично предающагося въ уединеніи многосложной импровизаціи своей». (Анненковъ).

Наталья Николаевна Гончарова, невѣста поэта, является для него въ эти творческіе дни какъ бы воплощеніемъ той красоты, которую геніальный поэтъ носилъ въ своей душѣ: «Чистѣйшей прелести, чистѣйшій образецъ». Его желаніе, чтобы онъ «въ простомъ углу, средь медленныхъ трудовъ» былъ «вѣчно зритель Пречистой и младенца—Спасителя. Чтобы вѣчно на него она съ величіемъ, онъ съ разумомъ въ очахъ, взирали, кроткіе». (Сонетъ: Мадонна). Послѣдующее показало, насколько его красавица-жена спо-

собна была на такую роль. Пушкинъ еще рѣзче, чѣмъ когда либо проповѣдуетъ въ это время самодовлеемость творчества и презрѣніе къ суду черни (Сонетъ: „Поэтъ не дорожи любовію народной...“). Въ стихотвореніи „Отвѣтъ анониму“ онъ говоритъ:

Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра: Если онъ
Глубоко выразитъ сердечный, тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ, пронзительно унылый
Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой—
Она въ ладоши бьетъ и хвалитъ, иль порой
Неблагосклонною киваетъ головой.

Съ особенной силой заявляетъ Пушкинъ о свободѣ творческаго замысла отъ земныхъ кумировъ въ одномъ изъ набросковъ „Евгенія Онѣгина“ (1833 г.):

Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ,
Волнуетъ степь и пыль несетъ,
Когда корабль въ недвижной влагѣ
Его дыханья жадно ждетъ?
Зачѣмъ отъ горъ и мимо башенъ
Летитъ орелъ, угрюмъ и страшенъ,
На пень гнилой? Спроси его!
Зачѣмъ арапа своего
Младая любитъ Дездемона,
Какъ мѣсяцъ любитъ ночи мглу?
Затѣмъ, что вѣтру и орлу
И сердцу дѣвы нѣтъ закона.
Гордись! Таковъ и ты поэтъ,
И для тебя закона нѣтъ.
Исполненъ мыслями златыми,
Непонимаемый никѣмъ,
Передъ кумирами земными
Проходишь ты унылъ и нѣмъ.
Съ толпой не дѣлишь ты ни гнѣва,
Ни нуждъ, ни хохота, ни рева,
Ни удивленья, ни труда.
Глупецъ кричитъ: Куда? Куда?
Дорога здѣсь! но ты не слышишь,
Идешь, куда тебя влекутъ
Мечтанья тайныя. Твой трудъ
Тебѣ награда: имъ ты дышешь,
А плодъ его бросаешь ты
Толпѣ, рабынѣ суеты.

Въ стихотвореніи „Полководецъ“ (1835) съ разительной мощью живописуется герой, недоступный пониманію толпы:

„Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый высоко лоснится и, мнится, залегла тамъ грусть великая. Кругомъ — густая мгла; за нимъ —

военный станъ... Спокойный и угрюмый, онъ кажется глядитъ съ презрительною думой...».

«О люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха! Жрецы минутнаго, поклонники успѣха! Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ, надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ, но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!»

Пушкинъ сравниваетъ поэта съ отзывчивымъ «эхо» (1831) «На всякій звукъ свой откликъ... родишь ты вдругъ... Ты внемлешь... и шлешь отвѣтъ; тебѣ жъ нѣтъ отзыва... Таковъ и ты, поэтъ».

Эта «ars poetica» Пушкина завершается «Памятникомъ» (1836).

«Подобно Державину, писалъ Бѣлинскій (1841), Пушкинъ передѣлалъ «Памятникъ» Горація, въ примѣненіи къ себѣ. Его «Памятникъ» есть поэтическая апоѳеоза гордаго, благороднаго самосознанія генія».

Къ автобіографическимъ и чисто лирическимъ произведеніямъ этой эпохи принадлежатъ нижеслѣдующія: «Моя родословная или русскій мѣщанинъ». Юмористическая пьеса, въ которой Пушкинъ перечисляя своихъ предковъ, говоритъ: «Упрямства духъ намъ всѣмъ подгадилъ». Четыре элегіи: «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье», «Вновь я посѣтилъ», «Тучи» и «Для береговъ отчизны дальней»,—являются едва ли не совершеннѣйшими произведеніями всей пушкинской лирики. Въ нихъ грусть смѣшана съ мужественной бодростью дѣйствительно свободнаго, опирающагося самого на себя, духа. Сколько мощи въ этомъ обращеніи:

Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать...

Элегія «Вновь я посѣтилъ...» (1835), посвященная описанію Михайловскаго, гдѣ прошли годы отшельничества изгнанника—поэта при Александрѣ I, писанная бѣлыми, пятистопными ямбами, отчасти по элегической грусти и настроенію просится въ параллель съ монологомъ князя въ «Русалкѣ»: Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ... Но какая бодрость слышится въ привѣтѣ грядущимъ поколѣніямъ: «Здравствуй племя, младое, незнакомое!»

Въ томъ-же году написанная элегія «Туча», какъ-будто пророчитъ близкій конецъ бурной жизни великаго поэта:

Послѣдняя туча разсѣянной бури...
Довольно, сокройся!..

О стихотвореніи «Для береговъ отчизны дальней» (1830 г.), Бѣлинскій въ 1844 году писалъ: «Едва-ли граціозно - гуманная муза Пушкина создавала что-нибудь благоуханнѣе, чище, святѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ изящнѣе этого

стихотворенія, и по чувству и по формѣ». Это стихотвореніе образецъ «благоуханности, музыкальности, легкой прозрачной формы, граціи выраженія чувства нѣжнаго, но глубокаго и мужескаго, образецъ сущности лиризма, растворенннаго и насквозь проникнутаго чистѣйшимъ, безпримѣснымъ эфиромъ благороднѣйшей субъективности».

§ 2. Обращаясь къ стихотвореніямъ и поэмамъ (часто небольшое сравнительно стихотвореніе въ сущности является законченной поэмой!), въ которыхъ Пушкинъ является заразъ какъ-бы національнымъ поэтомъ различныхъ народовъ, проникая въ ихъ духъ и сущность ихъ жизни, истиннымъ романтикомъ, на первомъ планѣ поставимъ картину европейской жизни въ стихотвореніи «Къ вельможѣ» (Кн. Юсупову).

Это посланіе «образецъ мастерской живописи и историческихъ лицъ, и эпохъ: часто въ одномъ двустишіи полно и опредѣленно выражается вся сущность ихъ», говоритъ Анненковъ. «Это — полная, дивными красками написанная картина XVIII вѣка, говоритъ Бѣлинскій,—стихи этой пьесы—само совершенство, и вообще вся пьеса—одно изъ лучшихъ созданій Пушкина».

Стихотвореніе—«Стамбулъ гяуры нынче славятъ», по словамъ Бѣлинскаго, «какъ будто написано туркомъ нашего времени». Терцыны — «Въ началѣ жизни школу помню я» — какъ будто переносятъ насъ въ эпоху Возрожденія, въ Телемское аббатство Раблэ. По замѣчанію Страхова, этотъ отрывокъ отличается спокойствіемъ, простотою, и чистотою линій въ соединеніи съ невыразимымъ величіемъ.

Въ цѣломъ рядѣ небольшихъ антологическихъ пьесокъ («Подражанія древнимъ»), Пушкинъ превращается въ античнаго эпиграматиста, въ составителя надписей, гдѣ слились пластика и гармонія, и мраморное изваяніе дышетъ музыкой (Изъ Горація: LVII ода Анакреона и другія оды: «Богъ веселый винограда»; «Юноша, скромно пируй...»; «Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила»; «Художнику», на статуи, антологическія пьесы гекзаметрами: «Царскосельская статуя», «Отрокъ», «Риѳма», «Трудъ»).

Къ этой-же чудной способности перевоплощаться подобно Протею относится и творчество Пушкина въ чисто народномъ стилѣ.

Послѣ женитьбы Пушкинъ поселился въ Царскомъ Селѣ. Тамъ же жили Жуковскій и Гоголь. Вдохновитель юности Пушкина Жуковскій вступилъ здѣсь въ состязаніе съ нимъ. Оба взялись за народныя сказки. «Сказка о спящей царевнѣ», «Сказка о царѣ Берендеѣ» и «Война мышей и лягушекъ» Жуковскаго и «Сказка о царѣ Солтанѣ» и «Сказка о попѣ и работникѣ его Балдѣ» Пушкина были плодомъ этого состязанія. Для передачи сказокъ народныхъ Пушкинъ избралъ четырехстопный хорей съ парными риѳмами, попеременно мужскими и женскими,— размѣръ, которымъ до тѣхъ поръ

Пушкинъ не писалъ ничего. Тотъ же хорей избираетъ и Жуковскій для своей «Спящей царицы», но съ одними мужскими рифмами.

Получился стихъ живой, свободный, удобный для отрывистаго слога сказки, сообщающій ему характеръ параллелизма, такъ гармонирующаго съ наивнымъ сказочнымъ тономъ, и производящій на слухъ впечатлѣніе самаго первобытнаго мотива, наигрываемаго на балалайкѣ. Въ тоническомъ риѳмованномъ стихѣ послѣ не былъ никѣмъ примѣняемъ ни одинъ размѣръ, болѣе подходящій для произведеній этого рода. Имъ воспользовался впослѣдствіи и Ершовъ для своего «Конька-горбунка», котораго затвердила наравнѣ со сказками Пушкина, вся грамотная и полуграмотная Россія[538]).

«Сказка о попѣ и работникѣ его Балдѣ» представляетъ мастерской образецъ того силлабическаго стиха, которымъ писались сатирическіе эпизоды на подписяхъ подъ лубочными картинами. Этотъ лубочный стихъ—силлабическій, но какъ число слоговъ въ каждомъ стихѣ въ немъ произвольное, то по праву можетъ быть разсматриваемъ, какъ рубленая проза и отличается отъ нея рифмами, по большею частью парными. Пушкинъ сумѣлъ найти и въ этомъ стихѣ своеобразную красоту. Гоголь писалъ объ этой сказкѣ: «Одна писана даже безъ размѣра, только рифмами, и — прелесть невообразимая»[539]).

Совершенно особое значеніе въ творчествѣ Пушкина имѣетъ пьеса «Подражаніе Данту» (1832 г.).

Бѣлинскому (1844) казалось, что «Подражанія Данту» можно счесть за отрывочные переводы изъ Божественной комедіи, и что они даютъ о ней лучшее и вѣрнѣйшее понятіе, чѣмъ всѣ доселѣ сдѣланные по-русски переводы въ стихахъ и прозѣ.

Анненковъ (1855 г.) уже находилъ, что все стихотвореніе порождено скорѣе сатирической мыслью, чѣмъ какою-либо другою, но въ развитіи своемъ необычайная поэтическая мощь автора подавила первое намѣреніе, и вмѣсто насмѣшки, произвела картину превосходную, исполненную величія и ужаса. Наконецъ Страховъ (1864 г.) призналъ стихотвореніе прямо пародіей.

Жаренье ростовщика и низверженіе двухъ сестеръ «сидючи» по растрескавшейся стеклянной горѣ—мастерскіе стихи, мастерская живопись, и въ то же время очевидная насмѣшка. Грубо-чувственные образы и краски Данта схвачены вполнѣ и пересмѣяны такъ-же, какъ пересмѣяна и наивная торжественность рѣчи.

Съ романскаго юга мы сразу переходимъ къ протестантскому сѣверу въ пьесѣ—поэмѣ «Странникъ» (1834 г.).

538) Л. Поливановъ. Соч. Пушкина. Т. II. Стр. 216.

539). Поливановъ. II. 228.

Это стихотвореніе есть передѣлка начала I главы изъ книги: «Путешествіе пилигрима въ небесную страну и Духовная война», аллегорическаго разсказа Джона Буньяна (1628—1688 гг.). Стихотвореніе это, составляющее поэму, замѣчаетъ Анненковъ (1855 г.) само по себѣ открываетъ то глубокое, духовное начало, которое уже проникло собой мысль поэта, возвысивъ ее до образовъ, принадлежащихъ по характеру своему образамъ чисто-эпическимъ. Что это не было въ Пушкинѣ отдѣльной поэтической вспышкой, свидѣтельствуютъ многія послѣдующія его стихотворенія, какъ «Молитва» (1836 г.), «Подражаніе итальянскому» (1836 г.). По замѣчанію Достоевскаго, (1880 г.), «Странникъ» есть почти буквальное переложеніе первыхъ трехъ страницъ изъ странной мистической книги, написанной въ прозѣ, одного древняго англійскаго религіознаго сектатора. Но развѣ это только переложеніе? Въ грустной и восторженной музыкѣ этихъ стиховъ чувствуется самая душа сѣвернаго протестантизма со всѣмъ безудержіемъ мистическаго мечтанія. Читая эти странные стихи, вамъ какъ бы слышится духъ вѣковъ реформаціи, вамъ понятенъ становится, наконецъ, этотъ воинственный огонь начинавшагося протестантизма, понятна становится наконецъ самая исторія, и не мыслью только, а какъ будто вы сами тамъ были, прошли мимо вооруженнаго стана сектантовъ, пѣли съ ними ихъ гимны, плакали вмѣстѣ съ ними, въ ихъ мистическихъ восторгахъ и вѣровали вмѣстѣ съ ними въ то, во что они повѣрили.

Какъ на доказательство удивительной способности Пушкина постигать духъ другихъ народностей, Достоевскій указываетъ еще на «Пѣсни западныхъ славянъ» (1832 — 1833 гг.), представляющія двойное чудо, такъ какъ въ основу ихъ легла поддѣлка Мериме (La Guzla ou le choix de poésies illyriques recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégovine. 1827 г.). Не смотря на это въ нихъ уловленъ весь духъ славянскихъ народностей Балканскаго полуострова.

§ 3. Въ рядѣ стихотвореній Пушкинъ является русскимъ патріотомъ и учителемъ гражданско-политическаго смысла. Онъ прославляетъ Кутузова, восклицая:

Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ!
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей святынѣ!
Иди! Спасай!—
Ты всталъ и спасъ...

(Къ тѣни полководца. 1831 г.).

Такъ, будущій народный герой эпопеи Льва Толстого «Война и миръ» Кутузовъ уже обрисованъ во весь ростъ въ одѣ Пушкина. Въ своихъ гра-

жданскихъ пѣсняхъ великій поэтъ создалъ новую оду, новый, живой и пламенный видъ политическаго гимна. Образцомъ этого рода произведеній является ода его «Клеветникамъ Россіи» (1831 г.).

Польское возстаніе и мѣры, принятыя противъ него русскимъ правительствомъ, вызвали цѣлую бурю во французской политической журналистикѣ и на трибунѣ. Всевозможныя обвиненія и угрозы сыпались тамъ противъ русскаго народа. Не одинъ Пушкинъ приходилъ въ негодованіе отъ этого непомѣрнаго озлобленія умовъ. Плодомъ этого была ода Пушкина, которую скоро знала наизусть вся образованная Россія. По мнѣнію, нѣсколько восторженно-преувеличенному, одного изъ превосходныхъ комментаторовъ безсмертнаго поэта: Едва-ли можно указать во всей европейской литературѣ болѣе возвышенное произведеніе въ области политической лирики. Для написанія его нуженъ былъ не только патріотъ:—нуженъ былъ и великій художникъ, проникнутый тѣмъ чувствомъ мѣры, которымъ обладалъ только Пушкинъ [540]).

Высокой человѣчностью дышетъ стихотвореніе 1834 года — «Мицкевичъ». Въ 20-хъ годахъ великій польскій поэтъ, какъ родной былъ принятъ въ семьѣ московскихъ поэтовъ. Мы видѣли, какъ отзывался о немъ «Телеграфъ» (см. выше), защищая его отъ варшавскихъ критиковъ. Вліяніе русскихъ писателей на Мицкевича, въ смыслѣ развитія его вкуса, было чрезвычайно значительно. Первые поэтическіе опыты его были во вкусѣ отживавшей ложно-классической школы, еще полновластно царившей въ захудалой тогда польской литературѣ. Знакомство Мицкевича съ балладой Жуковскаго «Людмила» обратило его къ новому роду—къ балладамъ и романтической поэзіи. Вспоминая это время, Пушкинъ говоритъ:

«Онъ межъ нами жилъ... Мы его любили. Мирный, благосклонный онъ посѣщалъ бесѣды наши... Онъ вдохновенъ былъ свыше и съ высоты взиралъ на жизнь... Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ, когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся. Мы жадно слушали поэта. Онъ ушелъ на Западъ—и благословеньемъ его мы проводили...

...Нынѣ въ своихъ стихахъ, угодникъ черни буйной, поетъ онъ ненависть... О, Боже! возврати твой миръ въ его озлобленную душу!»

Въ 30-хъ годахъ Пушкинъ вновь возвращается къ колоссальному образу Петра и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-бы рѣшаетъ художественнымъ путемъ споръ славянофиловъ и западниковъ. Въ «Пирѣ Петра Великаго» (1835 г.) и «петербургской повѣсти»— «Мѣдный всадникъ» (1833 г.) находимъ какъ-бы поэтическое «оправданіе» дѣла и личности Преобразователя Россіи:

---

[540]) Л. Поливановъ. Соч. П. т. I. Изд. 2-е. 361.

Что пируетъ царь?..
...Онъ съ подданнымъ мирится.
Виноватому вину
Отпуская, веселится...

«Пиръ Петра Великаго», — говоритъ Бѣлинскій, — высокое художественное произведеніе и въ то же время — народная пѣсня».

О «Мѣдномъ всадникѣ» Бѣлинскій въ 1844 году писалъ:

«Настоящій герой поэмы — Петербургъ. Оттого и начинается она грандіозною картиною Петра, задумывающаго основаніе новой столицы, и яркимъ изображеніемъ Петербурга въ теперешнемъ видѣ... Картина наводненія написана у Пушкина красками, которыя цѣною жизни готовъ бы былъ купить поэтъ прошлаго вѣка, помѣшавшійся на мысли написать эпическую поэму «Потопъ». Тутъ не знаешь, чему больше дивиться, — громадной ли грандіозности описанія, или его почти прозаической простотѣ — что, вмѣстѣ взятое, доходитъ до высочайшей поэзіи... Да, эта поэма — апоѳеоза Петра Великаго, самая смѣлая, самая грандіозная, какая могла только придти въ голову поэту, вполнѣ достойному быть пѣвцомъ великаго преобразователя Россіи... Оно — колоссальное произведеніе».

БИБЛІОГРАФІЯ: Важнѣйшія книги о Пушкинѣ: «Матеріалы» П. В. Анненкова. Его же: А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху. 1799—1826 г. Спб. 1874 г. В. Стаюнинъ. А. С. Пушкинъ. Спб. 1881 г. Вѣнокъ на памятникъ Пушкину. Спб. 1880 г. Альбомъ московской Пушкинской выставки. М. 1882 г. Я. К. Гротъ. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб. 1887 г. Л. Майковъ. Пушкинъ. Спб. 1899 г. Проф. Сумцовъ. Пушкинъ. 1900 г. Ив. Щегловъ. Новое о Пушкинѣ. Спб. 1902 г. Сиповскій. В. В. Пушкинская юбилейная литература. (1899—1900 гг.). Критико-библіографическій обзоръ. Спб. 1901 г.

§ 4. Безвременно, въ расцвѣтѣ генія, посреди великихъ замысловъ и «медленныхъ трудовъ», внезапно погибаетъ на дуэли съ авантюристомъ — иноземцемъ, измученный клеветой и свѣтской чернью, величайшій русскій поэтъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. (Раненъ 27-го января 1837 года, скончался 29-го января). Измѣрить все значеніе этой утраты для Россіи мы не можемъ. Но кто знаетъ? Эта смерть, быть можетъ, укоротитъ историческую жизнь русскаго народа и проживи Пушкинъ еще 25—30 лѣтъ, наша литература и русская мысль была бы иной. Въ 30-хъ же годахъ выступаетъ другой великій поэтъ. Но и онъ безвременно гибнетъ на дуэли. Если Пушкинское творчество озарило три десятилѣтія, то Лермонтовъ почти цѣликомъ вмѣстился въ 30-е годы. Въ 1832 году написанъ «Измаилъ-Бей»; въ 1837 г.: «Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова»; въ 1838 г.: «Демонъ»; въ 1839 г.: «Мцыри». Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ родился въ Москвѣ 2 октября 1814 года.

Фамилія предковъ поэта сохранилась и до сихъ поръ въ Шотландіи, въ графствѣ Эдинбургъ. По шотландскимъ преданіямъ, фамилія Лермонтовъ восходитъ къ XI вѣку. Малькольмъ, какъ гласятъ древнія хроники, бѣжалъ въ Англію, когда отецъ его, Дунканъ, былъ умерщвленъ Макбетомъ. Тамъ онъ собралъ вокругъ себя бѣжавшихъ изъ Шотландіи тановъ. Между приверженцами его упоминается и Лермонтъ. Вальтеръ-Скоттъ написалъ балладу въ трехъ частяхъ: «Пѣвецъ Ѳома» Въ ней изображается одинъ изъ предковъ Михаила Юрьевича, шотландскій бардъ Лермонтъ. Этотъ Ѳома Лермонтъ жилъ въ замкѣ своемъ, развалины коего носятъ еще названіе башни Лермонта (Learmonth Tower). Недалеко отъ этого поэтическаго мѣста провелъ Вальтеръ-Скоттъ дѣтство свое и здѣсь построилъ себѣ замокъ, знаменитый Аббатсфортъ. Въ окрестностяхъ еще жили преданія о старомъ бардѣ, гласившія, что Ѳома Эрсильдаунъ, по фамиліи Лермонтъ, въ юности былъ унесенъ въ страну фей, гдѣ и пріобрѣлъ даръ вѣдѣнія и пѣсенъ.

Лермонтова воспитала бабушка его—Арсеньева. Помнившіе отца поэта, Юрія Петровича, называютъ его красавцемъ, блондиномъ, сильно нравившимся женщинамъ, привлекательнымъ въ обществѣ, веселымъ собесѣдникомъ. Мать Лермонтова была надѣлена душею нѣжною и музыкальною. Она умерла отъ чахотки, когда поэту не было трехъ лѣтъ.

Замѣчательной эпохой въ развитіи творческой способности геніальнаго мальчика была поѣздка на Кавказъ въ 1825 г. П. А. Висковатовъ, біографъ и знатокъ поэта, говоритъ:

Чуткій ко всѣмъ явленіямъ природы, почерпая изъ нихъ нескончаемый матеріалъ для жизни фантазіи, Лермонтовъ не могъ не поддаться обаянію величественнаго Кавказа. Тутъ онъ полюбилъ впервые. «Кто мнѣ повѣритъ, писалъ въ 1830 г. шестнадцатилѣтній Лермонтовъ, что я зналъ уже любовь, имѣя 10 лѣтъ отъ роду?... Мы жили большимъ семействомъ на водахъ Кавказскихъ: бабушка, тетушка, кузины. Къ моимъ кузинамъ приходила одна дама съ дочерью, дѣвочкой лѣтъ девяти; я ее видѣлъ тамъ. Я не помню, хороша собою была она, или нѣтъ, но ея образъ и теперь еще хранится въ головѣ моей... И такъ рано... Надо мною смѣялись и дразнили, ибо примѣчали волненіе въ лицѣ. Я плакалъ потихоньку, безъ причины, желалъ ее видѣть; а когда она приходила, я не хотѣлъ или стыдился войти въ комнату... Горы Кавказскія для меня священны...» Тогда же (1830) написано стихотвореніе «Первая любовь»:

Я думаю о ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье,
Съ глазами полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодого дня,
За рощей первое сіянье...

Когда Лермонтову пошелъ 14-й годъ, рѣшено было продолжать его воспитаніе въ «Благородномъ университетскомъ пансіонѣ». Въ 1827 году бабушка повезла внука въ Москву и наняла квартиру на Поварской. Для поэта наступила новая жизнь, шумная, разсѣянная. Въ Тарханахъ, имѣніи его покойной матери и на Кавказѣ мальчикъ жилъ въ простой, но поэтической обстановкѣ, съ людьми незатѣйливыми, искренно его любившими. Воспитатель его, эльзасецъ Копэ, былъ офицеръ наполеоновской гвардіи[541]).

Въ исторіи русскаго образованія Московскій университетъ съ благороднымъ пансіономъ и Царскосельскій лицей играютъ значительную роль. Пансіонъ этотъ съ самаго своего основанія надѣлялъ Россію людьми, послужившими ей. Тамъ воспитывались: Фонвизинъ, В. А. Жуковскій, Дашковъ, Ал. И. Тургеневъ, кн. Одоевскій, Грибоѣдовъ, Инзовъ (Кишиневскій покровитель Пушкина), братья Николай и Дмитрій Алексѣевичи Милютины и многіе другіе. Можно смѣло сказать, что добрая часть дѣятелей нашихъ первой половины XIX вѣка вышла изъ стѣнъ пансіона. Лермонтовъ учился хорошо. Онъ считался вторымъ ученикомъ. Въ старшемъ классѣ русскій языкъ и словесность преподавалъ Алекс. Ѳед. Мерзляковъ и Дмитр. Матвѣев. Перевощиковъ. Когда позднѣе надъ внукомъ стряслась бѣда по поводу стихотворенія его на смерть Пушкина, бабушка восклицала: «И зачѣмъ это я на бѣду свою еще брала Мерзлякова, чтобъ учить Мишу литературѣ! Вотъ до чего онъ довелъ его»[542]).

Бабушка ошибалась. Мерзляковъ тутъ былъ не причемъ. Сердце мальчика волновалъ и мучилъ своенравный чародѣй» Пушкинъ. Образы и звуки «Кавказскаго плѣнника» побуждаютъ Лермонтова къ робкой копировкѣ, къ своеобразному перепѣву поэмы. Но скоро онъ начинаетъ создавать уже самостоятельные поэтическіе замыслы.

«Когда Лермонтовъ поступалъ въ пансіонъ, говоритъ Висковатовъ, образы твореній, надъ которыми работалъ онъ позднѣе, уже наполняли его фантазію». Явились первые наброски «Демона». Въ это время юноша еще романтикъ. Онъ любилъ декламировать изъ Ламартина и Пушкина, задумывался надъ драмами Шекспира, но всего больше начиналъ говорить душѣ его Байронъ. Въ тетрадяхъ 1829 года, когда началъ онъ свою поэтическую работу, мы видимъ постоянныя заимствованія у Пушкина. Въ тетрадяхъ 1830—1831 годовъ, когда является вліяніе другихъ поэтовъ и особенно Байрона, Лермонтовъ уже далеко не въ такой степени имъ подчиняется. Онъ предчувствуетъ уже свое призваніе и гордо говоритъ:

---

[541]) Соч. Лермонтова. Изд. Рихтера. т. VI. М. 1891. М. Ю. Л. Жизнь и творчества. П. А. Висковатова. Стр. 29.

[542]) Висковатовъ. 38. 40. 41.

Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,
Еще невѣдомый избранникъ,—
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой [543]).

Байронъ, Руссо и Гете занимали умъ и душу юнаго Лермонтова. Байрономъ онъ такъ увлекался, что постоянно сравнивалъ его судьбу съ своею. Свою раннюю любовь онъ поясняетъ сходствомъ съ британскимъ поэтомъ. Но чуткій вкусъ его влечетъ и къ русскимъ народнымъ пѣснямъ.

Наша литература такъ бѣдна, замѣчаетъ онъ въ тетрадяхъ этого времени, что я изъ нея ничего не могу заимствовать... Если захочу вдаться въ народную поэзію, то вѣрно нигдѣ больше не буду ее искать, какъ въ русскихъ пѣсняхъ». Съ этими пѣснями его познакомилъ учитель русской словесности, семинаристъ Орловъ.

21-го августа 1830 года Лермонтовъ подалъ прошеніе о принятіи его въ число своекоштныхъ студентовъ Московскаго университета по нравственно-политическому отдѣленію. Въ то время среди профессоровъ мы видимъ Каченовскаго (изд. «Вѣстника Европы»), Погодина (изд. «Московскаго Вѣстника»), Надеждина («Телескопъ»). Среди студентовъ были Станкевичъ и Бѣлинскій. Однако Лермонтовъ не сблизился съ своими товарищами. Въ своихъ запискахъ Вистенгофъ разсказываетъ:

Мы стали замѣчать, что въ средѣ нашей аудиторіи, между всѣми нами, одинъ только человѣкъ какъ-то рельефно отличался отъ другихъ; онъ заставилъ насъ обратить на себя особенное вниманіе. Этотъ человѣкъ, казалось, самъ никѣмъ не интересовался, избѣгалъ всякаго сближенія съ товарищами, ни съ кѣмъ не говорилъ, держалъ себя совершенно замкнуто и въ сторонѣ отъ насъ... Вся фигура этого человѣка возбуждала интересъ и вниманіе, привлекала и отталкивала. Мы знали только, что фамилія его—Лермонтовъ. Прошло около двухъ мѣсяцевъ, а онъ неизмѣнно оставался съ нами въ тѣхъ же неприступныхъ отношеніяхъ. Студенты не выдержали... «Вы подойдите, Вистенгофъ, къ Лермонтову и спросите его, какую это онъ читаетъ книгу съ такимъ постояннымъ, напряженнымъ вниманіемъ? Это предлогъ для разговора самый основательный», сказалъ мнѣ студентъ Красовъ, кивая головой въ тотъ уголъ, гдѣ сидѣлъ Лермонтовъ. Умные и серьезные студенты Ефремовъ и Станкевичъ одобрили совѣтъ этотъ. Не долго думая, я отправился. «Позвольте спросить васъ, Лермонтовъ, какую это книгу вы читаете? Безъ сомнѣнія очень интересную, судя по тому, какъ углубились вы въ нее. Нельзя ли ею подѣлиться и съ нами?» обратился я къ нему, не безъ нѣкотораго волненія подойдя къ его одинокой скамейкѣ. Мелькомъ взглянувъ въ книгу, я успѣлъ только распознать, что она была англійская. Онъ

543) Висковатовъ. 86 и 87.

мгновенно оторвался отъ чтенія. Какъ ударъ молніи сверкнули его глаза: трудно было выдержать этотъ насквозь пронизывающій, непривѣтливый взглядъ. «Для чего это вамъ хочется знать? Будетъ безполезно, если я удовлетворю вашему любопытству. Содержаніе этой книги васъ нисколько не можетъ интересовать, потому что вы не поймете тутъ ничего, если я даже и сообщу вамъ содержаніе ея», —отвѣтилъ онъ мнѣ рѣзко, принявъ прежнюю свою позу и продолжая опять читать. Какъ бы ужаленный, бросился я отъ него... Доза яда во взглядѣ Лермонтова была поразительна. Мы совершенно отвернулись отъ Лермонтова, и перестали имъ заниматься». А между тѣмъ у Лермонтова было несомнѣнное сродство идей хотя бы съ Бѣлинскимъ. Почти одновременно студентъ Бѣлинскій пишетъ драму «Дмитрій Калининъ», а Лермонтовъ своего «Страннаго человѣка». У обоихъ мысли и сцены, относящіяся къ крѣпостному праву, совершенно тождественны.

Полежаевская исторія тогда была еще жива въ памяти университетской молодежи. Она случилась въ 1826 году. За нею начался рядъ стѣснительныхъ мѣръ для университета. Въ подражаніе или въ память Полежаеву и Лермонтовъ написалъ своего «Сашку» тоже съ автобіографическими чертами. Лермонтовъ не долго пробылъ въ университетѣ. Столкновеніе съ ветхимъ риторомъ—проф. Побѣдоносцевымъ, заставило его оставить заведеніе.

1-го іюня 1832 года Лермонтовъ вошелъ съ прошеніемъ въ правленіе университета объ увольненіи, а приказомъ отъ 14 ноября 1832 г. былъ зачисленъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ на правахъ вольноопредѣляющагося унтеръ-офицера.

Лермонтовъ творилъ, вѣроятно, съ неимовѣрною быстротою, если судить по количеству всего, что было имъ написано въ бытность въ университетѣ. Надъ каждымъ произведеніемъ отдѣльно онъ, повидимому, тогда работалъ не долго. Закончивъ произведеніе, онъ къ нему возвращался рѣдко, не исправлялъ его, а недовольный, принимался за новое, перенося въ него главные моменты, черты характеровъ и описаніе природы. Вотъ почему мы вновь и вновь, въ произведеніяхъ его, наталкиваемся на тѣ же строфы и мысли, только въ новой группировкѣ. Такъ, въ трехъ поэмахъ «Литвинка», «Аулъ Бастунджи» и «Каллы», встрѣчаются мѣста, затѣмъ перешедшія цѣликомъ или въ видоизмѣненіяхъ въ «Демона», «Измаила-Бея», «Хаджи Абрека», «Боярина Оршу», «Бѣглеца», «Мцыри» и проч. [50]).

Въ салонахъ Петербурга поэтъ жилъ разсѣянной жизнью, платя дань «ухарскимъ замашкамъ молодого офицерства». Въ школѣ въ 1834 году издавался рукописный журналъ нескромнаго содержанія. Тутъ-то Лермонтовъ помѣстилъ рядъ своихъ поэмъ, заслужившихъ ему извѣстность «новаго Баркова». Юнкера, покидая школу и поступая въ гвардейскіе полки, разно-

[50]) Висковатовъ. 161.

сили въ спискахъ подобныя поэмы Лермонтова («Уланша», «Госпиталь», «Монго» и др.) въ холостые кружки «золотой молодежи» нашей столицы. Если мы вспомнимъ то постническое направленіе, которое проявляла цензура того времени, при Александрѣ I запрещавшая именовать взглядъ женщины «небеснымъ», то эротическая поэзія Лермонтова, Полежаева, Пушкина пріобрѣтетъ въ нашихъ глазахъ характеръ естественнаго протеста. Но всѣ эти шалости пера не мѣшали серьезной, уединенной работѣ поэта.

Взгляды Лермонтова въ эту эпоху какъ бы склоняются къ славянофильству.

20-го февраля 1836 года, Лермонтовъ перелагаетъ на русскій языкъ извѣстное стихотвореніе Байрона «Умирающій гладіаторъ», и къ нему присовокупляетъ своихъ 15 стиховъ:

Не такъ ли ты, о Европейскій міръ,
Когда-то пламенныхъ мечтателей кумиръ,
Къ могилѣ клонишься безславной головою,
Измученный въ борьбѣ сомнѣній и страстей.
Безъ вѣры, безъ надеждъ, игралище дѣтей
Осмѣянный ликующей толпою!

Лермонтовъ изучаетъ сборникъ былинъ Кирши Данилова. Занятія стариной и исторіей Россіи внушили ему поэму изъ русской жизни, въ которой дѣйствующимъ лицомъ является бояринъ временъ Іоанна Грознаго, личность котораго всегда занимала поэта. Поэма эта—Бояринъ Орша—написана около 1835 года. Хотя знаменитая «Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова» и была окончательно отдѣлана позднѣе и въ первомъ своемъ видѣ появилось въ началѣ 1838 года, но уже въ 1836 году Лермонтовъ ее задумалъ.

Воспринявъ въ себя духъ и ладъ народной рѣчи, молодой поэтъ создалъ повѣсть изъ древняго русскаго быта. «Гомеровская вѣрность, сила и простота видны въ ней»,—говоритъ германскій поэтъ и знатокъ Лермонтова, Боденштедтъ.

Гибель Пушкина потрясла молодого поэта, исторгла изъ его груди звуки, единственные по силѣ поэтическаго чувства и выраженія; ссылка была отвѣтомъ поэту со стороны той «черни свѣтской», которая потомъ извела и Лермонтова.

Какъ извѣстно, Лермонтовъ написалъ стихотвореніе свое на смерть Пушкина, сначала безъ заключительныхъ 16 строкъ. Оно прочтено было Государемъ и другими лицами и въ общемъ удостоилось одобренія. Приписка позднѣйшая все погубила. Тѣмъ же чиномъ Лермонтовъ переведенъ былъ на Кавказъ въ драгунскій полкъ. Въ объясненіи своемъ поэтъ унизительно писалъ: «Нѣкоторые не переставали омрачать память убитаго и разсѣевать разные невыгодные для него слухи. Тогда вслѣдствіе необду-

маннаго порыва, я излилъ горечь сердечную на бумагѣ, преувеличенными неправильными словами выразилъ нестройное столкновеніе мыслей».

Встрѣча на Кавказѣ съ декабристами и съ докторомъ Майеромъ (Вернеръ «Героя нашего времени») породила «Думу», единственное лирическое стихотвореніе, написанное поэтомъ въ 1838 году по возвращеніи съ Кавказа. Лермонтовъ вернулся въ Петербургъ другимъ человѣкомъ. Юношеская веселость уступала все чаще припадкамъ глубокой грусти.

Лермонтовъ былъ представитель направленія, противнаго тогдашнему поколѣнію великосвѣтской молодежи. Парады и разводы для военныхъ, придворные балы и выходы для кавалеровъ и дамъ, награды въ торжественные дни, производство въ гвардейскихъ полкахъ и пожалованіе дѣвицъ въ фрейлины, а молодыхъ людей въ камеръ-юнкеры—вотъ и все, рѣшительно все, чѣмъ интересовалось это общество. Лермонтовъ и тѣ немногіе изъ его сверстниковъ и единомышленниковъ, которыхъ рожденіе обрекло на прозябаніе въ этой холодной средѣ, сознавали глубоко ея пустоту и не зная, куда дѣться, предавались буйному разгулу. Эта-то пустота окружающей его свѣтской среды, эта ничтожность людей, съ которыми ему пришлось жить и знаться и наложили на всю поэзію Лермонтова оттѣнокъ тоски безплодной и угрюмой. Стоя особнякомъ, не сближаясь съ литераторами вообще, Лермонтовъ однако съ нѣкоторыми лицами, соприкасавшимися съ литературой, поддерживалъ постоянныя и дружескія сношенія. Таковыми были князь Вл. Ѳ. Одоевскій, А. Н. Муравьевъ, отчасти Жуковскій, кн. Вяземскій, гр. Соллогубъ, Мятлевъ, Вьельгорскій.

Января 1-го 1839 года вышла первая книжка «Отечественныхъ записокъ» Краевскаго. Она и слѣдующія за нею книги были встрѣчены въ обществѣ шумно. Журналъ произвелъ эффектъ. Къ сотрудничеству въ «Отечественныхъ запискахъ» Краевскій привлекъ и Лермонтова, который началъ здѣсь печатаніе повѣстей «Бэла» и «Фаталистъ».

Бѣлинскій отозвался восторженно о произведеніяхъ Лермонтова. «Отечественныя Записки».—писалъ онъ,—удивляются Лермонтову, потому что его талантъ поражаетъ невольнымъ удивленіемъ всякаго, у кого есть эстетическій вкусъ». Въ 1840 г. великій критикъ даетъ подробную оцѣнку стихотвореній Лермонтова, въ которыхъ, по его словамъ, кроются всѣ стихіи поэзіи. Художественная роскошь формъ, поэтическая прелесть и благородная простота образовъ, энергія, могучесть языка, алмазная крѣпость и металлическая звучность стиха, полнота чувства, глубокость и разнообразіе идей, необъятность содержанія— суть родовыя характеристическія примѣты поэзіи Лермонтова.

Первая пьеса Лермонтова напечатана была въ Современникѣ 1837 года, уже послѣ смерти Пушкина. Она называется «Бородино». Вся основная идея стихотворенія выражена во второмъ куплетѣ:

— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...

Эта мысль—жалоба на настоящее поколѣніе, дремлющее въ бездѣйствіи, завистъ къ великому прошедшему, столь полному славы и великихъ дѣлъ. «Бородино» отличается безъискусственностью, въ каждомъ словѣ слышите солдата, языкъ котораго, не переставая быть грубо простодушнымъ, въ то же время благороденъ, силенъ и полонъ поэзіи. Въ 1838 г. въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» къ «Русскому Инвалиду» является «Пѣснь про купца Калашникова». Это произведеніе сдѣлало извѣстнымъ имя автора, хотя оно явилось и безъ подписи этого имени. Здѣсь поэтъ отъ настоящаго міра неудовлетворяющей его русской жизни перенесся въ ея историческое прошлое. Содержаніе поэмы полно поэзіи. Мастерство ея построенія—неподражаемо. Нельзя довольно надивиться поэту: онъ является здѣсь опытнымъ, геніальнымъ архитекторомъ. Какъ ни пристально будете вы вглядываться въ поэму Лермонтова, не найдете ни одного лишняго или недостающаго слова, черты, стиха, образа, ни одного слабаго мѣста: все въ ней необходимо, полно, сильно! Колоссальный образъ Грознаго является изваяннымъ изъ мѣди и мрамора. Черезъ годъ послѣ напечатанія «Пѣсни», Лермонтовъ снова вышелъ на арену литературы съ стихотвореніемъ «Дума», изумившимъ всѣхъ алмазной крѣпостью стиха, громовой силой бурнаго одушевленія, исполинскою энергіею благороднаго негодованія и глубиной грусти.

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ, ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.

Эти стихи писаны кровью. Они вышли изъ глубины оскорбленнаго духа. Если подъ «сатирою» должно разумѣть не невинное зубоскальство веселенькихъ остроумцевъ, а громы негодованія, грозу духа, оскорбленнаго позоромъ общества, то «Дума» Лермонтова есть сатира, и сатира есть законный родъ поэзіи. «Поэтъ» и «Не вѣрь себѣ» составляютъ по настроенію тріумвиратъ съ «Думой». Пьеса «Журналистъ, Читатель и Писатель» напоминаетъ и идеей, и формой, и художественнымъ достоинствомъ «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ» Пушкина. Разговорный языкъ этой пьесы—верхъ совершенства: рѣзкость сужденій, тонкая и ѣдкая насмѣшка, оригинальность и поразительная вѣрность взглядовъ и замѣчаній—изумительны. Исповѣдь поэта, которой оканчивается пьеса, блеститъ слезами, говоритъ чувствомъ. Личность поэта является въ этой исповѣди въ высшей степени благородной. Гармонически и благоуханно высказывается дума поэта въ пьесахъ: «Когда

волнуется желтѣющая нива», «Разстались мы, но твой портретъ», и «Отчего»,—и грустно, болѣзненно въ пьесахъ «Благодарность и Завѣщаніе».

«Вѣтка Палестины» и «Тучи» составляютъ переходъ отъ субъективныхъ стихотвореній Лермонтова къ чисто-художественнымъ. «Три пальмы» дышатъ знойной природой Востока, переносятъ насъ на песчаныя пустыни Аравіи, на ея цвѣтущіе оазисы. «Пластицизмъ и рельефность образовъ, прибавляетъ Бѣлинскій, выпуклость формъ и яркій блескъ восточныхъ красокъ сливаютъ въ этой пьесѣ поэзію съ живописью: это картина Брюлова, смотря на которую, хочешь еще и осязать ее». «Дары Терека» есть поэтическая апофеоза Кавказа. Только роскошная, живая фантазія грековъ умѣла такъ олицетворять природу, давать образъ и личность ея нѣмымъ и разбросаннымъ явленіямъ.

«Бросая общій взглядъ на стихотворенія Лермонтова, мы видимъ въ нихъ всѣ силы, всѣ элементы, изъ которыхъ слагаются жизнь и поэзія. Въ этой глубокой натурѣ, въ этомъ мощномъ духѣ все живетъ; ему все доступно, все понятно; онъ на все откликается. Онъ всевластный обладатель царства явленій жизни, онъ воспроизводитъ ихъ какъ истинный художникъ; онъ поэтъ русскій въ душѣ—въ немъ живетъ прошедшее и настоящее русской жизни; онъ глубоко знакомъ и съ внутреннимъ міромъ души... Все, все въ поэзіи Лермонтова: и небо и земля, и рай и адъ... По глубинѣ мысли, роскоши поэтическихъ образовъ, увлекательной, неотразимой силѣ поэтическаго обаянія, полнотѣ жизни и типической оригинальности, по избытку силы, бьющей огненнымъ фонтаномъ, его созданія напоминаютъ собою созданія великихъ поэтовъ». Такъ закончилъ въ 1840 г. Бѣлинскій свою характеристику Лермонтова. Однако есть данныя, которыя заставляютъ предполагать, что проживи великій поэтъ долѣе, онъ бы вышелъ изъ кругозора критика. Эстетически понятный ему по прежнему, по содержанію онъ сталъ бы въ противорѣчіе съ любимыми идеями критика.

Ровно за мѣсяцъ до кончины Лермонтова Ю. Ѳ. Самаринъ писалъ Погодину: «Посылаю вамъ приношеніе Лермонтова въ вашъ журналъ. Онъ проситъ напечатать его просто, безъ всякихъ примѣчаній отъ издателя, съ подписью его имени. Радуюсь душевно и за него, и за васъ, и за всѣхъ читателей «Москвитянина»». При письмахъ находилось стихотвореніе:

Какъ-то разъ, передъ толпою
Соплеменныхъ горъ
У Казбека съ Шатъ-горою
Былъ великій споръ...

Оно было напечатано еще при жизни Лермонтова, то-есть въ іюньской книжкѣ «Москвитянина». По поводу этого стихотворенія Бѣлинскій писалъ

Боткину: «Какую дрянь написалъ Лермонтовъ о Наполеонѣ и французахъ («Послѣднее новоселье»), и жаль думать, что это Лермонтовъ, а не Хомяковъ. Но сколько роскоши въ спорѣ Казбека съ Эльбрусомъ»[545]).

Появленіе Лермонтова въ «Москвитянинѣ», гдѣ писалъ Шевыревъ, было конечно ударомъ для Бѣлинскаго. Бѣлинскій чуялъ въ идеяхъ Лермонтова непонятную ему тенденцію. Что она была очень сильна въ авторѣ «Героя нашего времени», прекрасно выясняетъ Спасовичъ. (Соч. т. II. 369.):

«По врожденной сильной наклонности къ національному, по сильной любви къ родинѣ своей, по нерасположенію своему къ европеизму и глубокому религіозному чувству, вдохновляющему «Вѣтку Палестины» и множеству прекраснѣйшихъ мотивовъ, Лермонтовъ былъ снабженъ всѣми данными для того, чтобы сдѣлаться великимъ художникомъ того литературнаго направленія, теоретиками коего были Хомяковъ и Аксаковъ, художникомъ народническимъ, какого именно недоставало этой школѣ».

15-го іюля того же 1841 года, около 5 часовъ вечера разразилась ужасная буря съ молніей и громомъ: въ это самое время, между горами Машукомъ и Бештау, Лермонтовъ былъ убитъ Мартыновымъ.

Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ!
Потухъ огонь на алтарѣ!

Быстро, какъ молнія, было прохожденіе поэта предъ русскимъ обществомъ. Послѣ смерти Пушкина, но въ томъ же 1837 году является его первая печатная страница. Не полныхъ пять лѣтъ — и поэта уже нѣтъ. Юношей, 28 лѣтъ, эта колоссальная сила покидаетъ русскую мысль, творчество, литературу. Утрата, которая не можетъ въ концѣ концовъ не отозваться даже на историческихъ судьбахъ русскаго народа.

Духовенство затруднялось похоронить дуэлиста. Цензура не разрѣшала печатаніе «Демона» вплоть до 1860 года.

БИБЛІОГРАФІЯ: Лермонтовъ, Мих. Юрьев. (3 октября 1814 г.— 15 іюля 1841). Собранія сочиненій. Изд. пятое въ 2-хъ томахъ. Спб. 1882 г. Подъ ред. П. А. Ефремова. Изд. В. Рихтора. М. 1889—1891 гг. подъ ред. П. Е. Висковатаго и съ обширной біографіей имъ написанной. О Л—вѣ статьи Бѣлинскаго (т. III и IV изд. Солдатенкова), Добролюбова. Соч. т. II. изд. 1862 г., Ан. Григорьева. Соч. т. I. Спб. 1876 г. Н. Котляревскій. М. Ю. Л. Личность поэта и его произведенія. Опытъ историко-литературной оцѣнки. Спб. 1891 г.

§ 5. Вмѣстѣ съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ въ 30-хъ годахъ продолжали свою поэтическую дѣятельность поэты «плеяды» — Языковъ и Ба-

[545]) Барсуковъ. Погодинъ. Томъ 6. (Стр. 236.

ратынскій. Продолжалъ неутомимо работать и маститый учитель Пушкина—романтикъ Жуковскій. Всѣ трое перешли и въ 40-е годы, оставивъ за собою сперва Пушкина, потомъ почти на порогѣ новаго десятилѣтія, Лермонтова. Жуковскій въ 30-хъ годахъ столь же обиленъ высокохудожественными трудами. Въ 1831 г., соперничая съ Пушкинымъ, онъ даетъ сказки: «Спящая царевна» и «О царѣ Берендеѣ». Неподражаемо переводитъ перлъ животнаго эпоса древнихъ: «Войну мышей и лягушекъ», гдѣ и мыши, и лягушки—живыя, не хуже басенъ Крылова, а премудрый крыса Онуфрій, мышь Степанида, которой котъ весь задъ ободралъ, поэтъ Климъ, по прозванію «бѣшенный хвостъ», самъ Котъ-Мурлыка, висящій безъ веревки,—все это сама жизнь. Въ томъ же году являются переводы изъ Шиллера: «Сраженіе со змѣемъ» и «Судъ Божій», названныя впрочемъ поэтомъ «подражаніями». Гармоническимъ аккордомъ заключаетъ всю дѣятельность Жуковскаго, какъ истолкователя Шиллера, переводъ въ 1833 г. баллады «Элевзинскій праздникъ». Предъ нами картина человѣческаго злополучія:

И куда печальнымъ окомъ
Тамъ Церера ни глядитъ,
Въ униженіи глубокомъ
Человѣка всюду зритъ.

Бѣлинскій отмѣчаетъ высокія достоинства отрывка изъ Вальтеръ-Скотта: «Судъ въ подземельи». Высоко-художественны и слѣдующія баллады, переведенныя Жуковскимъ въ 30-хъ годахъ: «Роландъ оруженосецъ» (Изъ Уланда); «Рыцарь Роллонъ»; «Старый рыцарь»; «Уллинъ и его дочь»; «Плаваніе Карла Великаго» (изъ Уланда); «Ночной смотръ» (изъ Зейдлица).

Въ 1839 году Жуковскій вторично перевелъ элегію Грея «Сельское кладбище», гекзаметрами, сближая зарю своей поэтической дѣятельности съ закатомъ ея. Наконецъ, три обширныхъ творенія даны имъ за это десятилѣтіе. Переводъ испанскихъ романсовъ о Сидѣ (по Гердеру) въ 1831 г.; «Ундины», повѣсти Ламоттъ-Фуке, переданной гекзаметрами въ 1836 и наконецъ драматической поэмы Фр. Гальма «Камоэнсъ» въ 1839.

По желанію императрицы Александры Ѳеодоровны, Жуковскій предпринялъ переложеніе въ русскихъ стихахъ повѣсти Ламоттъ-Фуке: «Ундина», писанной въ подлинникѣ прозою. Уже въ 1817 году онъ началъ было обрабатывать эту самую повѣсть для своего Альманаха («пишу «Ундину», съ которой познакомился во время оно, и отъ которой дышетъ прошлою молодостью), но давъ ей только форму сказки въ прозѣ, не докончилъ ее. «Ундина» есть одно изъ лучшихъ произведеній Фуке и одно изъ самыхъ характеристичныхъ созданій нѣмецкаго романтизма. Еще при первомъ посѣщеніи Берлина Жуковскій отыскалъ и полюбилъ Фуке... Всѣ обстоятельства способствовали къ тому, чтобъ изъ «Ундины» Жуковскаго вышло прелест-

ное, классическое въ своемъ родѣ, произведеніе... Тому, кто коротко знакомъ съ характеромъ и жизнію Жуковскаго, многія мѣста поэмы кажутся какъ бы прямо списанными съ обстоятельствъ собственной жизни поэта [546]).

«Ундина» Жуковскаго писана гексаметрами, но такимъ плавнымъ, непринужденнымъ языкомъ, что если прочитать ихъ, съ умѣньемъ, то кажется, будто слушаешь наилучшую прозу...

Жуковскій всячески хотѣлъ украсить «Ундину», эту любимую дочь своего романтизма. Онъ заказалъ у отличнаго живописца Майделя, жившаго въ Дерптѣ, рисунки на манеръ иллюстрацій Ретша къ сочиненіямъ Гёте и Шиллера. Майдель сдѣлалъ 20 превосходныхъ эскизовъ in-octavo. «Ундина» вышла въ 1837 году.

Драматическая поэма Фр. Гальма (бар. Мюнхъ-Беллингаузенъ): «Камоэнсъ», только что вышедшая тогда (въ 1838 г.) въ свѣтъ, и, можетъ быть, видѣнная имъ на Бургтеатрѣ въ Вѣнѣ, сдѣлала на него глубокое впечатлѣніе, такъ что поэтъ тотчасъ же началъ переводъ ея на русскій языкъ. Начало драмы, по большей части, прямой переводъ съ нѣмецкаго; но подъ конецъ Жуковскій прибавилъ къ подлиннику такъ много своего, что явно намекалъ на самого себя.

Въ то время, когда писанъ «Камоэнсъ», у поэта начала ясно проявляться та религіозная мечтательность, которая подъ старость замѣнила романтизмъ его молодости. Поэзія всегда казалась ему даромъ небеснымъ; но теперь она стала для него прямо «земною сестрой небесной религіи». Поэтому Жуковскій совершенно перемѣнилъ послѣднюю минуту кончины Камоэнса по Гальму. Вмѣсто генія Португаліи, надъ головой умирающаго является, въ образѣ молодой дѣвы, увѣнчанной лаврами и съ сіяющимъ крестомъ на груди, сама Религія.

Заключительный стихъ поэмы:

Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли —

является толкованіемъ ко всему творчеству Жуковскаго.

§ 6. Мы переходимъ теперь къ плеядѣ поэтовъ, появившихся въ это десятилѣтіе, къ плеядѣ тридцатыхъ годовъ. Въ ней блещутъ имена Кольцова, Полежаева, Ростопчиной и Бенедиктова.

Со времень Сумарокова отраженія пѣсенныхъ образцовъ не перестаютъ появляться въ русской литературѣ. Особенно усилилось производство «пѣсенъ» въ послѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка, совпавъ съ воцареніемъ сентиментальнаго направленія. Пѣсни часто слагались подъ вліяніемъ искренняго чувства. Такія пѣсни находимъ въ журналахъ Подшивалова. Эти рифмо-

---

546) Зейдлицъ. Стр. 158.

ванныя, «мѣщанскія» пѣсни—собственно городскія пѣсни, полу-литературное, полу-народное явленіе; не только въ помѣщичьей средѣ, но и вообще въ торговомъ, читающемъ классѣ, въ селахъ и пригородахъ процвѣталъ этотъ нѣсколько слащавый родъ поэзіи. Писали пѣсни Дмитріевъ и князь Долгорукій. Затѣмъ ревностный классикъ, доживш̆ій до окончательнаго паденія классицизма, профессоръ изящныхъ искусствъ — Мерзляковъ, Нелединскій-Мелецкій, романтикъ и ближайшій другъ Пушкина, изъ «плеяды» 20-хъ годовъ, бар. Дельвигъ — всѣ пользовались въ свое время большою славою. Ихъ «народныя пѣсни», въ сущности романсы на нѣсколько народный ладъ, полагались на музыку и вся Русь ихъ пѣла. Однако все еще народная пѣснь вводилась въ литературу очень поверхностно. Пушкинъ и Лермонтовъ уже мощно пріобщились духу народнаго творчества. Оба великіе поэта угадали въ народной поэзіи ея красоту, и въ ея изученіи одинъ изъ источниковъ народнаго самосознанія [547]).

Но послѣднимъ и совершеннымъ выраженіемъ народной пѣсни въ литературѣ явились стихи Кольцова.

Кольцовъ замыкаетъ, такимъ образомъ, долгую эволюцію этого рода стихотворенія, которая требовала бы особаго, подробнаго изслѣдованія. Но этого мало — Кольцовъ есть свидѣтель народной душевной жизни, учащій, какъ на нее должно смотрѣть.

Позже Кольцова, подъ вліяніемъ господствовавшихъ въ обществѣ направленій, создались представленія о крестьянствѣ, какъ о забитомъ страданіями и непосильною работой классѣ людей, несущемъ свою суровую судьбу, такъ сказать, по привычкѣ и животной малосознательности. Такъ, Некрасовскіе мужики «стонутъ по полямъ и дорогамъ» и повсюду «свѣту Божьяго солнца не рады». Изображеніе народной жизни у Кольцова проникнуто свѣтомъ, вѣрой и бодростью. «Весело на пашнѣ», «весело я лажу борону и соху», «весело гляжу я на гумно и скирды» — говоритъ его пахарь-косецъ. Солнце не «палитъ нещадно», а привѣтливо «глядитъ съ высоты небесъ»; горе его поэзіи, не простое горе низменное, черное, а такое, которое «горами качаетъ»: поэтъ не покоряется судьбѣ и готовъ «въ ночь, подъ бурей, безъ дороги въ путь отправиться — горе мыкать, жизнью тѣшиться, съ злою долей перевѣдаться...» Равно, при сопоставленіи съ Кольцовымъ, обнаруживается фальшь и искусственной, такъ сказать, барабанной бодрости и грохота «народности» Кукольника, и слезливой, гражданственно-чиновничьей скорби о «мужичкѣ» нашей «натуральной» школы.

«Если горюющее о народѣ направленіе литературы,—говоритъ г. Арс. Введенскій, — было полезно въ свое время, обращая вниманіе общества на темныя стороны народной трудовой жизни, то вообще оно не можетъ

547) А. Н. Пыпинъ. Исторія Русской Литературы. Т. IV, стр. 536—538.

претендовать на долговѣчность. Кто не согласится, что для людей, вѣрящихъ въ будущее нашей родины и нашего народа, утѣшительнѣе воззрѣніе Кольцова, то, именно, что народъ русскій—не рой подавленныхъ рабовъ, а сознательный великій народъ, чрезъ вѣка испытаній и борьбы пронесшій—идеалы честнаго труда, видящій донынѣ не одну тяжесть его, а и необходимость для жизни, и потому смотрящій на него бодро и съ одушевляющей энергіей. Такимъ образомъ, содержаніе поэзіи Кольцова имѣетъ глубокій и поучительный смыслъ и важность въ исторіи русской поэзіи» [548]).

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ — воронежскій мѣщанинъ, ремесломъ прасолъ—родился въ Воронежѣ въ 1809 году, октября 2-го, скончался 19 октября 1842 года, на тридцать четвертомъ году отъ рожденія... Въ 1835 году Станкевичъ издалъ книжку его стихотвореній (18 пьесъ). Она имѣла успѣхъ. Имя Кольцова стало извѣстнымъ. Съ 1836 года онъ постоянно печаталъ свои стихотворенія въ журналахъ: «Современникъ», «Телескопъ», «Литературныхъ прибавленіяхъ» къ «Русскому Инвалиду», «Сынѣ Отечества» (1838), «Московскомъ Наблюдателѣ» (1838—1839), а потомъ большею частью въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Найдя поддержку въ литераторахъ 30-хъ годовъ, Кольцовъ быстро развился и нашелъ свой истинный путь. Среда, въ которой онъ родился и выросъ, дала своеобразіе содержанію его поэзіи. Читая пьесы — «Косарь», «Могила», «Путникъ», «Ночлегъ чумаковъ», «Цвѣтокъ», «Пора любви»—невольно вспоминаешь, что ихъ творецъ — сынъ степи, ею воспитанъ, ея привольемъ и красой взлелѣянъ... Страсть сильная и глубокая въ 17 лѣтъ, раздѣленная, но несчастная, сильно подѣйствовала на развитіе громаднаго поэтическаго дарованія Кольцова. Эта любовь и всю жизнь, краткую и печальную, не переставала вдохновлять поэта («Если встрѣчусь съ тобой», «Первая любовь», «Опять тоску, опять любовь», «Ты не пой, соловей», «Не шуми ты, рожь», «Къ милой», «Примиреніе», «Міръ музыки»). Кольцовъ родился для поэзіи, которую онъ создалъ. Онъ былъ сыномъ народа въ полномъ значеніи этого слова. Кольцовъ выросъ среди степей, гуртовъ и мужиковъ. Онъ носилъ въ себѣ всѣ элементы русскаго духа. Нельзя было тѣснѣе слить своей жизни съ жизнью народа, какъ это само собой сдѣлалось у Кольцова. Онъ зналъ и любилъ крестьянскій бытъ такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, не украшая и не поэтизируя его. Первыя его стихотворенія писаны еще «книжнымъ складомъ» и подражательны. Талантъ его выразился во всей своей полнотѣ и силѣ только въ пѣснѣ. «Первыя пѣсни,—говоритъ Бѣлинскій, — какъ написанныя имъ еще до знакомства съ пѣснями Дельвига, такъ и многія написанныя до 1835 года, были чѣмъ-то

[548]) Общ. самосозн. въ русск. литер. Критич. очерки А. И. Введенскаго. Спб. 1900 г. Стр. 76, 81.

среднимъ между романсомъ и русской пѣсней, и потому походили на русскія пѣсни то Дельвига, то Мерзлякова. Но еще съ 1830 года ему уже удавалось иногда выражать въ русской пѣснѣ всю оригинальность своего таланта, и пьесамъ: «Кольцо», «Удалецъ», «Крестьянская пирушка», «Размышленіе поселянина» (1830 — 1832) не достаетъ только зрѣлости мысли, чтобы быть образцовыми въ своемъ родѣ произведеніями. Но съ пѣсенъ «Ты не пой, соловей» (1830) и «Не шуми ты, рожь» (1834) начинается рядъ русскихъ пѣсенъ, какъ особаго рода, созданнаго Кольцовымъ». Не только къ лучшимъ пьесамъ Кольцова, но и къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній русской поэзіи, Бѣлинскій относитъ пьесы: «Лѣсъ», «Двѣ пѣсни Лихача-Кудрявича», «Ахъ, зачѣмъ меня», «Измѣна суженой», «Деревенская бѣда», «Бѣгство», «Путь», «Что ты спишь, мужичекъ», «Въ непогоду вѣтеръ», «Дума сокола», «Свѣтитъ солнышко», «Такъ и рвется душа», «Много есть у меня», «Не весна тогда», «Хуторокъ», «Ночь». Особенный и оригинальный родъ стихотвореній, созданный Кольцовымъ—думы. Нѣкоторыя изъ нихъ истинно прекрасны («Великая тайна», «Могила», «Передъ образомъ Спасителя», «Молитва»). Простота и чистота религіознаго чувства народнаго поэта напрасно названы Бѣлинскимъ «мистическими».

Извѣстна несчастная жизнь Александра Ивановича Полежаева (1807—1838), разжалованнаго въ солдаты за студенческую поэму его «Сашка», скабрезнаго содержанія, и заѣденнаго сивухой и чахоткой. По опредѣленію Бѣлинскаго, отличительный характеръ поэзіи Полежаева—необыкновенная сила чувства.

«Полежаевъ никогда бы не былъ однимъ изъ тѣхъ поэтовъ, которыхъ главное достоинство — пластическая художественность и виртуозность формъ... Талантъ Полежаева могъ бы сдѣлаться безсмертнымъ, если бы воспитался на плодородной почвѣ историческаго міросозерцанія. Въ его поэзіи мало содержанія; но изъ нея же видно, что она, по своему духу, должна была бы развиться преимущественно въ поэзію содержанія. Отселѣ эта крѣпость и мощь стиха, сжатость и рѣзкость выраженія. Но къ этому не достаетъ отдѣлки, точности въ словахъ и выраженіяхъ... Другой важный недостатокъ его поэзіи, тѣсно связанный съ первымъ, состоитъ въ неумѣньи овладѣть собственной мыслью и выразить ее полно и цѣлостно, не примѣшивая къ ней ничего посторонняго и лишняго».

Бѣлинскій указываетъ однако нѣсколько произведеній у Полежаева, безукоризненно прекрасныхъ («Пѣснь плѣннаго ирокезца», «Вальтасаръ»). Полежаевъ часто какъ-будто игралъ стихами, выбирая трудные по короткости стиховъ размѣры, гдѣ одна риѳма могла бы стать непреоборимымъ препятствіемъ. Можно-ли высказать больше одушевленія чувства, и въ такихъ прекрасныхъ стихахъ, какъ въ пьесѣ «Пѣснь погибающаго пловца», написанной двухстопными хореями съ риѳмами!

Вотъ мрачится
Сводъ лазурный.
Вотъ крутится
Вихорь бурный.
Вѣтръ шумитъ,
Громъ гремитъ.
Буря стонетъ.
Путь далекъ.
Тонетъ, тонетъ
Мой челнокъ!

Одна изъ лучшихъ пьесъ Полежаева „Море“ выдерживаетъ сравненіе даже съ пьесой Пушкина: «Къ морю».

Я видѣлъ море. Я измѣрилъ
Очами жадными его,
Я силы духа моего
Его величіемъ повѣрилъ...

Полежаевъ и въ паденіи замѣчательнѣе тысячи людей, которые никогда не спотыкались и не падали, выше многихъ поэтовъ, которые превознесены ослѣпленіемъ толпы. Къ буйной и страдающей музѣ Полежаева можно примѣнить эти стихи Пушкина:

И мимо всѣхъ условій свѣта
Стремится до утраты силъ,
Какъ беззаконная комета
Въ кругу разчисленныхъ свѣтилъ...

§ 2. Изъ второстепенныхъ поэтовъ плеяды 30-хъ годовъ, но имѣвшихъ въ свое время громкій успѣхъ, достойны упоминанія графиня Евдокія Петровна Растопчина (Сушкова) (род. 23 дек. 1811 г. сконч. 3 дек. 1858 г. на 47 году отъ рожденія) и Владиміръ Григорьевичъ Бенедиктовъ (род. 5 ноября 1807 г.).

По выходѣ первой части стихотвореній Растопчиной нашъ великій критикъ писалъ: «Съ 1835 года, если не ошибаемся, почти во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ начали появляться стихотворенія, отмѣченныя таинственной подписью Гр-ня Е. Р-на... Главная причина того, что литературное инкогнито графини Растопчиной скоро было разгадано,—заключалась въ поэтической прелести и высокомъ талантѣ, которыми запечатлѣны ея прекрасныя стихотворенія». Тѣмъ не менѣе, теперь нельзя не видѣть посредственности большинства произведеній этой плодовитой и въ стихахъ и въ прозѣ писательницы, имѣющей весьма малое значеніе въ преемствѣ литературной эволюціи. Мы полагаемъ, что Бенедиктовъ, который въ стихахъ былъ то же, что Марлинскій въ прозѣ, болѣе интересенъ для историка литературы,

какъ яркій и талантливый представитель направленія искусственнаго и ложнаго.

«Стихотворенія Бенедиктова, — писалъ Бѣлинскій еще въ 1835 году, въ пору всеобщаго увлеченія этимъ стихотворцемъ, — обнаруживаютъ въ немъ человѣка со вкусомъ, — человѣка, который умѣетъ всему придать колоритъ поэзіи, иногда обнаруживаетъ превосходнаго версификатора, удачнаго описателя; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ видна эта дѣтскость силы, эта безпрестанная невыдержанность мысли, стиха, самого языка, которыя обнаруживаютъ отсутствіе чувства, фантазіи, а слѣдовательно и поэзіи». Указывая на «вычуры» Бенедиктовскаго рифмотворства, Бѣлинскій утверждаетъ: «фразы и ошибки противъ языка и здраваго смысла никогда не могутъ быть ошибками вдохновенія, — это ошибки ума, и только въ одной персидской поэзіи могутъ онѣ составлять красоту».

Бѣлинскій совсѣмъ былъ незнакомъ съ персидской поэзіей.

Вглядитесь ближе въ этотъ фальшивый блескъ поэзіи: что вы найдете въ немъ? Одно умѣнье, навыкъ, литературную опытность и вкусъ. Однако, Бѣлинскій признаетъ, что хотя бы пьеса «Полярная звѣзда» по красотѣ стиховъ — чудо. Описаніе, вотъ основной элементъ поэзіи Бенедиктова: вотъ гдѣ старается онъ особенно выказать свой талантъ и, въ отношеніи къ внѣшней отдѣлкѣ, — къ прелести стиха, ему это часто удается, но эта форма безъ души.

Въ 1838 г. Бѣлинскій пишетъ: «Возьмите любое изъ мелкихъ стихотвореній Пушкина — какая удивительная простота и содержанія, и формы, и вмѣстѣ съ тѣмъ какая глубокая жизнь!.. Во всякомъ такомъ стихотвореніи есть нѣчто, которое составляетъ тайну его эстетической жизни. Вотъ этого-то «нѣчто» и не находимъ мы въ стихотвореніяхъ Бенедиктова. Его стихъ звученъ, громокъ, полнъ гармоніи, его образы ярки, смѣлы, живописны: онъ часто какъ-будто возвышается до истиннаго одушевленія, до истинной поэзіи; но перечтите еще разъ, вглядитесь попристальнѣе въ то, что вамъ показалось поэзіей, и «нѣчто» и не бывало: форма остается отдѣленной отъ духа, а духа нѣтъ... Сверхъ того, что за ослѣпительная яркость красокъ. Какъ непріятно раздражаетъ она зрительный нервъ!»

Наконецъ, въ 1842 г.: «Какъ человѣкъ съ дарованіемъ, Бенедиктовъ не лишенъ ни вдохновенія, ни чувства, ни фантазіи: но его вдохновеніе, чувство и фантазія лишены дѣйствительной почвы, которая давала бы имъ жизненное питаніе; оттого они натянуты, неестественны и приводятъ читателя въ какое-то напряженное состояніе, какъ при тяжкой работѣ. Впрочемъ мѣстами, хотя и рѣдко, у Бенедиктова проблескиваютъ истинно-поэтическіе образы, проглядываетъ чувство искреннее и задушевное».

Произведенія поэтической рефлексіи, мистической, метафизической мысли и гражданско-патріотическаго чувства — стихотворенія, внѣшне блестящіе, —

Алексѣя Степановича Хомякова (род. 1-го мая 1804 г., умеръ 23-го сентября 1860 г.). Мы скажемъ о нихъ позднѣе, излагая философскія воззрѣнія этого «старшаго» славянофила, — талантливыми виньетками и иллюстраціями которыхъ они являются.

БИБЛІОГРАФІЯ: Кольцовъ. Алексѣй Васильевичъ. (2 окт. 1808 — 29 окт. 1842). Стихотворенія издавались со статьей о немъ Бѣлинскаго. Новыя изданія: Журнала «Сѣверъ» подъ ред. А. Лященка. Маркса, подъ ред. Арс. Введенскаго, съ письмами Кольцова. Полежаевъ. Алекс. Иван. (1807 — 1838). Изданія при жизни поэта: Стихотворенія. М. 1832 года. Кальянъ. 1833. Арфа. 1838. Въ 1842 г. вышли «Часы выздоровленія», а въ 1857 г. полное собраніе съ портретомъ и статьею Бѣлинскаго. Изъ новѣйшихъ изд. укажемъ Маркса. ред. Введенскаго. Бенедиктовъ, Владиміръ Григорьевичъ. (5 ноября 1807 — 14 апр. 1873). 2-е изд. соч. 1884 г. подъ ред. и съ вступ. статьей Я. П. Полонскаго. Растопчина граф. Евдокія Петровна. (23 дек. 1812 — 3 дек. 1858). Полное собраніе стихотвореній. Спб. и Лейпцигъ. 4 ч. 1856—1860.

IV.

§ 1. Тридцатые годы отмѣчены появленіемъ въ печати «Бориса Годунова», а на сценѣ «Горе отъ ума» и «Ревизора». Вмѣстѣ съ тѣмъ въ репертуарѣ русскихъ театровъ замѣтно оживленіе. Еще съ конца 20-хъ годовъ и съ первыхъ лѣтъ царствованія императора Николая Павловича произошли нѣкоторыя перемѣны, возвѣстившія «начало конца» переходной эпохи отъ ложно-классической, къ реальной драмѣ.

Въ сезонъ 1826—1827 года членомъ конторы по репертуарной части былъ сдѣланъ Р. М. Зотовъ, который, начиная съ 1821 года, служилъ въ театральномъ управленіи во всевозможныхъ должностяхъ. Онъ наводнялъ репертуаръ, особенно оперный, своими переводами, а литературу романами, вродѣ «Леонида» и «Таинственнаго монаха»[549]).

Въ короткій (по случаю траура) сезонъ 1826—1827 годовъ не появлялось ничего примѣчательнаго на русской сценѣ, кромѣ «Свѣтскаго случая» Хмѣльницкаго, маленькой салонной комедіи въ стихахъ, не было ни одной оригинальной комедіи или драмы, которая осталась бы въ репертуарѣ. Въ началѣ 1826 г. Екатерина Семенова вышла замужъ за князя Гагарина. Но трагедіи Озерова все-таки изрѣдка игрались. Въ новое царствованіе кн. Шаховской былъ устраненъ отъ управленія театрами, продолжая писать для сцены. Въ слѣдующемъ сезонѣ (1827—1828) изъ новыхъ переводныхъ драмъ имѣли большой успѣхъ: «Коварство и любовь» Шиллера, въ перев.

549) А. Вольфъ. Хроника петербургскихъ театровъ (1826—1855). Ч. I. Спб. 1877 г. Стр. 14.

Сандунова, «Жако или бразильская обезьяна». Повѣсть, изъ которой эта пьеса была передѣлана, появилась въ «Московск. Телеграфѣ».

Въ концѣ 20-хъ годовъ въ Парижѣ появилась мелодрама съ ядомъ и кинжалами, съ трескучими эффектами, съ напыщенными фразами, и русскіе переводчики стали переводить этихъ чадъ романтизма, а русская публика неистово аплодировала. 3-го мая 1828 г. давали въ первый разъ «30 лѣтъ или жизнь игрока», драму Виктора Дюканжа, въ переводѣ Р. Зотова. Драма выдержала чуть ли не 20 представленій съ ряду, что для того времени то же, что теперь сто.

Н. Г. Ободовскій началъ переводомъ «Донъ-Карлоса» Шиллера свою продолжительную драматическую карьеру. Въ этотъ же сезонъ выступилъ, въ качествѣ переводчика, московскій актеръ Д. Т. Ленскій. Первый его водевиль, «Сватъ не впопадъ», шелъ въ январѣ 1829 г. и съ тѣхъ поръ каждый годъ онъ поставлялъ три—четыре пьесы. «Благородный театръ» Загоскина и «Свадьба Фигаро», въ новомъ переводѣ Д. Баркова, сдѣлались «модными пьесами сезона».

Въ январѣ 1830 г. въ бенефисъ Сосницкаго шло 1-е д. «Горе отъ ума», а въ февралѣ и 3-е въ бенефисъ А. М. Каратыгина.

Хомяковъ написалъ «Ермака», трагедію въ 5 д. и стихахъ. Хотя Ермакъ и его сподвижники, по замѣчанію лѣтописца нашего театра, похожи были на римскихъ и греческихъ героевъ, заблудившихся въ сибирскихъ лѣсахъ, трагедія все же продержалась нѣсколько лѣтъ въ репертуарѣ. Поставленъ былъ «Вильгельмъ Телль» Шиллера въ пер. Ротчева. Три водевильныхъ знаменитости Николаевской эпохи — П. А. Каратыгинъ, Б. П. Григорьевъ и П. С. Федоровъ дебютировали въ сезонѣ 1829—1830 г.г. «Знакомые незнакомцы», сыгранные 12-го февраля 1830 г. на Семеновскомъ театрѣ, вводили зрителей въ міръ литературныхъ распрей: содержаніе пьесы — встрѣча на станціи двухъ журналистовъ, московскаго и петербургскаго, ожесточенныхъ литературныхъ враговъ, никогда другъ друга не видавшихъ. Всѣ, конечно, поняли, что подъ именами Сарказмаго и Баклушина должно разумѣть Булгарина и Полевого. Въ бенефисы Каратыгина 2 и Григорьева 1 даны 3 и 4 д. «Горе отъ ума». 26-го января 1831 г. состоялось наконецъ представленіе всѣхъ четырехъ актовъ Грибоѣдовской комедіи, однако, со многими выпусками.

Попытки представить легкую картину простонародныхъ нравовъ — «Сватъ Гаврило» кн. Шаховского и «Филатка и Мирошка — соперники», актера Григорьева 2-го игрались несчетное число разъ и возбуждали всегда неудержимый хохотъ.

31-го августа 1831 г. послѣдовало открытіе Александринскаго театра.

Несторъ Васильевичъ Кукольникъ, поэтъ, уже пріобрѣвшій значительную извѣстность своими «фантазіями», печатавшимися преимущественно въ

«Библіотекѣ для чтенія», выступилъ въ 1833 году на драматическое поприще. 27-го сентября въ бенефисъ Брянскаго въ первый разъ шло не то драма, не то драматическая фантазія «Торквато Тассо». Стихи гладкіе, звучные, прекрасно были прочтены, но произвели усыпительное дѣйствіе на зрителей, по недостатку дѣйствія, растянутости и обилію монологовъ. Второй сценическій опытъ поэта былъ гораздо удачнѣе. «Рука Всевышняго отечество спасла» (1-е пред. 21-го февраля 1834 г.) доставило автору и славу, и деньги, и почести.

Кукольникъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ его современниковъ, одаренъ былъ драматическимъ талантомъ при свѣтломъ умѣ и прекрасномъ образованіи. Важная его заслуга уже въ томъ, что онъ выработалъ тотъ прекрасный стихъ, который становится чуждъ натянутости и подходитъ къ разговорному языку (хотя для этого уже довольно было сдѣлано Хмѣльницкимъ и Грибоѣдовымъ). Много и долго трудился онъ добросовѣстно надъ драматическою поэзіею и создалъ рядъ драмъ, имѣющихъ свое относительное достоинство. Весь ихъ недостатокъ заключается въ отсутствіи истинной народности. Онъ писалъ драмы итальянскія, изъ жизни южныхъ артистовъ, художниковъ, русскія изъ жизни стараго, добраго времени, драмы историческія. Безполезно говорить объ его драматическихъ фантазіяхъ, совершенно фальшивыхъ Торквато Тассо, Джакобо Саннацарѣ и Доменикино, о драмахъ Джуліо Мости и Статуѣ Христофа въ Римѣ, какъ произведеніяхъ, чуждыхъ нашей жизни, и даже жизни тѣхъ народовъ, изъ среды которыхъ онѣ выхвачены; но лучшія изъ драмъ, изображающихъ русскую жизнь, интересны, какъ извѣстная ступень въ развитіи этого рода драматическихъ произведеній у насъ.

Вотъ его драмы: Рука Всевышняго отечество спасла, Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, Кн. Даніилъ Дмитріевичъ Холмскій, Иванъ Рябовъ, рыбакъ архангелогородскій, Бояринъ Басенокъ, Генералъ-поручикъ Паткуль, Денщикъ, Ермилъ Ивановичъ Костровъ и Іоаннъ-Антонъ Лейзевицъ.

Первою послѣ трагедій Озерова, имѣвшею большой успѣхъ, драмою была «Рука Всевышняго», повторявшаяся даже до 60-хъ годовъ.

На сценѣ появлялись и берега Оки, и Нижній-Новгородъ, и московскій Кремль, съ его зубчатыми стѣнами и церквами; то Мининъ съ Пожарскимъ, то Заруцкій съ Мариною. Въ рѣчахъ возгласы о вѣрѣ и отчизнѣ; за сценою звонятъ колокола, открывается внутренность Грановитой палаты; соборъ боярскій избираетъ въ цари Михаила. На сценѣ все это производило впечатлѣніе, зато драма не выдерживаетъ критики при чтеніи, какъ наборъ рѣчей, не связанныхъ внутренней необходимостью. Знакомство Кукольника съ Шиллеромъ вызвало князя Холмскаго, какъ копію съ Валенштейна.

Лучшая пьеса Кукольника трагедія «Генералъ-поручикъ Паткуль», которая долгое время ходила въ рукописи и явилась въ печати при полномъ

изданіи его сочиненій. Въ ней событія очерчены весьма близко къ исторіи, а роль Паткуля художественно выдержана отъ начала до конца [550]).

Въ 1836 г. поставлены были «Ревизоръ». Въ сезонъ 1837 — 1838 гг. шли «Уголино» Полевого и «Гамлетъ» въ его переводѣ-передѣлкѣ. Затѣмъ Полевой вступаетъ на поприще поставщика драматическихъ новинокъ для александринской сцены.

«Дѣдушка русскаго флота» былъ первымъ его опытомъ въ драматическо-историческомъ родѣ, опытомъ блистательнымъ. Публика, вскормленная риторическими пьесами Кукольника, Бахтурина, Ободовскаго, привыкшая видѣть на сценѣ ходульныхъ героевъ, обрадовалась, услыхавъ живой языкъ и увидавъ простыхъ людей. Пьеса шла 23 раза сряду при полномъ сборѣ.

Самостоятельнаго творчества у Полевого нѣтъ. Онъ писалъ для сцены, приспособляясь къ актерамъ. Изъ множества его драматическихъ сочиненій ни одно не выдерживаетъ литературной, эстетической критики, хотя почти всякое имѣло большой успѣхъ на сценѣ. Но все же его передѣлки гораздо выше всѣхъ передѣлокъ его предшественниковъ и современниковъ. У него все-таки найдемъ и жизненность, и чувство, и задушевность. Лучшими его драмами можно считать: Елену Глинскую, Парашу Сибирячку, Смерть или честь, Порфирія Ляпунова и Дѣдушку русскаго флота.

Была ли сцена 30-хъ годовъ «зеркаломъ жизни»? За вычетомъ Грибоѣдова и Гоголя, патріотическихъ представленій Кукольника и Полевого, она отражала въ водевиляхъ какъ бы «бульваръ жизни».

Такъ пьеса Каратыгина «Ложа 1-го яруса на послѣдній дебютъ Тальони», имѣла колоссальный успѣхъ и весь Петербургъ распѣвалъ куплеты:

Тальони прелесть, восхищенье.
Такъ неподдѣльно хороша,
Что у нее въ простомъ движеньи
Замѣтна дивная душа
. . . .
Объ ней не разсказать словами
Не обсудить ее умомъ;
Что говоритъ она ногами.
Того не скажешь языкомъ.

Добродушно хохотали надъ водевилемъ Н. Коровкина, гдѣ изображенъ былъ провинціалъ въ Петербургѣ. Онъ осматриваетъ музеумъ:

По стѣнамъ изображенья
Историческихъ всѣхъ лицъ
Всѣ Брамбеуса творенья
И набитыхъ много птицъ.
Зажигательныя стекла
И слоновый древній зубъ...

---

550) Гарусовъ. Очерки литературы. Вып. 1-й. М. 1862. (Стр. 385 и 386.

Петербургъ, пожалуйте, такое это просвѣщеніе. Монументы, древность совершенная! Колонна торжественная, я, пожалуйте, просился во внутренность — не пускаютъ»,— объяснялъ провинціалъ и зрители хохотали.

«Отечественныя Записки» проповѣдывали сліяніе предлоговъ съ словами, вмѣсто петербургскій, писали «петербуржскій». Появился водевиль «Сей и оный», гдѣ дѣйствующія лица говорили «сижара», «всеможужчая сила». Зрители хохотали.

§ 2. Написавъ «Цыганъ» (1824 г.), Пушкинъ почувствовалъ въ себѣ способность къ драматическому творчеству. Уже въ этой поэмѣ многія сцены невольно получили подъ перомъ поэта драматическую форму. Пушкинъ, по свидѣтельству Анненкова, говорилъ друзьямъ, что послѣ написанія «Цыганъ» ему самому открылась новая дорога, о которой онъ и не помышлялъ прежде. Цѣпь драмъ, созданныхъ имъ съ 1825 по 1832 г., была естественнымъ результатомъ этого вдохновеннаго откровенія. Первымъ драматическимъ произведеніемъ Пушкина былъ «Борисъ Годуновъ». Въ Михайловскомъ онъ читалъ «Исторію Государства Россійскаго» Карамзина, историческіе романы Вальтеръ-Скотта, хроники Шекспира, Аврелія Виктора, Тацита. Въ цѣломъ видѣ трагедія была издана только въ 1831 г. съ такимъ надписаніемъ:

«Драгоцѣнной для россіянъ памяти Николая Михайловича Карамзина сей трудъ геніемъ его вдохновенный съ благоговѣніемъ и благодарностью посвящаетъ Александръ Пушкинъ».

Но еще раньше въ «Моск. Вѣстн.» Погодина (№ 1. 1827 г.) появилась сцена 5-я въ Чудовомъ монастырѣ; затѣмъ въ «Сѣверн. Цв.» бар. Дельвига 1828, сцена 14-я: Князь Курбскій и Самозванецъ у Литовской границы.

Наконецъ, въ Альманахѣ Максимовича «Денница» (1830) двѣ первыя сцены.

«Съ отвращеніемъ рѣшаюсь я выдать въ свѣтъ «Бориса Годунова» писалъ поэтъ въ 1829 году, лѣтомъ: Успѣхъ или неуспѣхъ моей трагедіи будетъ имѣть вліяніе на преобразованіе драматической нашей системы... Признаюсь, неудача «Бориса Годунова» будетъ мнѣ чувствительна, а я въ ней почти увѣренъ».

«Какъ Монтань я могу сказать о моемъ сочиненіи: c'est une oeuvre de bonne foi. Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постояннаго труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія, наконецъ одобреніе малаго числа избранныхъ». Приступивъ къ созданію «Бориса Годунова», Пушкинъ, черезъ брата въ апрѣлѣ 1825 г., выписалъ французскій переводъ «Чтеній о драматическомъ искусствѣ» Августа Вильгельма Шлегеля. Чтеніе Шлегеля сказалось въ той смѣлости, съ которой

онъ приступилъ къ коренной реформѣ драмы, отказавшись отъ трехъ единствъ французской системы. Въ началѣ труда онъ называетъ его романтической трагедіей, разумѣя подъ этимъ свободу отъ узъ ложно-классицизма. Но окончивъ великое твореніе, задумалъ дать ему національное наименованіе: «Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому Государству, о Царѣ Борисѣ и Гришкѣ Отрепьевѣ». Очевидно, потомъ онъ почувствовалъ жеманство этого ухищреннаго заглавія.

Какую-же новую «систему» на мѣсто прежней ставилъ Пушкинъ? Поливановъ выясняетъ, что приступивъ къ созданію «Бориса Годунова», вѣруя въ свое художественное чувство, Пушкинъ смѣло ввѣряется собственному творчеству, лишь бы 1) характеры были изображены съ непринужденностію жизни. («Есть и еще заблужденіе: задумавъ какой-нибудь характеръ, стараются высказать его даже въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ... заговорщикъ говоритъ: «Дайте мнѣ пить»—какъ заговорщикъ, а это смѣшно... Это однообразіе, тупость лаконизма, непрерывная ярость—развѣ это естественно? Отсюда и неловкость, и робость разговора. Читайте Шекспира. Нисколько не боясь скомпрометировать свое дѣйствующее лицо, онъ заставляетъ его разговаривать съ полной непринужденностію жизни (avec tout l'abandon de la vie), ибо увѣренъ, что въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, оно найдетъ языкъ, соотвѣтствующій его характеру». (Письмо изъ Мих. къ Н. Н. Раевскому, сентябрь, 1825 г.). 2) положенія были-бы правдоподобны («Истинные геніи трагедіи никогда не хлопотали о другомъ правдоподобіи, кромѣ правдоподобія характеровъ и положеній (vraisemblances des caractères et des situations)». (Письмо 30-го янв. 1829 г. къ Н. Н. Раевскому) и 3) разговоръ былъ-бы истиненъ. («Правдоподобіе положеній и истина разговора (la vraisemblance des situations et la vérité du dialogue)—вотъ настоящіе законы трагедіи). «По примѣру Шекспира, говоритъ Пушкинъ, ограничился я изображеніемъ эпохи и историческихъ личностей». Несомнѣнно также влияніе «Жакерій» Проспера Мериме, художественныхъ сценъ, побудившихъ Пушкина написать свои «Сцены изъ рыцарскихъ временъ».

Пушкинъ такъ объясняетъ свое отношеніе къ историческимъ источникамъ при созданіи «Бориса Годунова»:

«Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій, прямо говоритъ онъ, въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени». Однако сличеніе трагедій Пушкина съ «Исторіей Государства Россійскаго» убѣждаетъ, что какъ самобытенъ оказался онъ относительно своего образца—Шекспира, такъ-же независимо было воспроизведеніе имъ данныхъ, которыя прочиталъ онъ въ своемъ историческомъ источникѣ. Пушкинъ понималъ Карамзина: онъ уже не былъ сыномъ XVIII в. Но въ то же время онъ оцѣнилъ и положительныя достоинства его ве-

ликаго труда. Онъ первый замѣтилъ, что Карамзинъ «постигъ тонъ древнихъ лѣтописцевъ», и что этотъ тонъ отразился въ самомъ созданіи Карамзина. Онъ первый оцѣнилъ драгоцѣнныя примѣчанія къ «Исторіи Государства Россійскаго».

«Тщательное сличеніе «Бориса Годунова» съ соотвѣтствующими мѣстами «Исторіи Государства Россійскаго», говоритъ Поливановъ, убѣждаетъ, какъ отскакивало все сентиментальное и резонерское въ ловкихъ рукахъ Пушкина при пользованіи этимъ источникомъ, и какъ порою обезсиленные требованіями ложной школы очерки наполнялись яркимъ и жизненнымъ содержаніемъ». (III, 17).

Во время пребыванія Пушкина въ Москвѣ отъ 8 сентября до 20 ноября 1826 г., онъ читалъ «Бориса Годунова» у С. А. Соболевскаго, потомъ у Д. В. Веневитинова. При чтеніи у Соболевскаго, кромѣ хозяина присутствовали П. Я. Чаадаевъ, Д. В. Веневитиновъ, гр. М. Ю. Вьельгорскій, и И. В. Кирѣевскій. Чтеніе у Веневитинова происходило 12 сентября при многочисленномъ собраніи ученыхъ и литераторовъ. Здѣсь были братья Веневитиновы, братья Хомяковы, Кирѣевскіе, Мицкевичъ, Баратынскій, Шевыревъ, Погодинъ, Раичъ, Соболевскій и др. «Мы собрались слушать Пушкина,— разсказываетъ Погодинъ,— воспитанные на стихахъ Ломоносова, Державина, Хераскова, Озерова, которыхъ мы всѣ знали наизусть. Учителемъ нашимъ былъ Мерзляковъ. Надо припомнить и образъ чтенія стиховъ, господствовавшій въ то время. Это былъ распѣвъ, завѣщанный французской декламаціей... Первыя явленія выслушаны тихо и спокойно, или, лучше сказать, въ какомъ то недоумѣніи. Но чѣмъ дальше, тѣмъ ощущенія усиливались. Сцена лѣтописателя съ Григоріемъ всѣхъ ошеломила. Мнѣ показалось, что мой родной и любезный Несторъ поднялся изъ могилы и говоритъ устами Пимена: мнѣ послышался живой голосъ русскаго древняго лѣтописателя. А когда Пушкинъ дошелъ до разсказа Пимена о посѣщеніи Кирилова монастыря Іоанномъ Грознымъ, о молитвѣ иноковъ: «да ниспошлетъ Господь покой его душѣ страдающей и бурной» — мы просто всѣ, какъ обезпамятѣли... Не стало силъ воздерживаться. Кто вдругъ вскочитъ съ мѣста, кто вскрикнетъ... то молчаніе, то взрывъ восклицаній...»

Иное впечатлѣніе произвела трагедія на извѣстнаго классика Катенина, писавшаго неизвѣстному лицу отъ 1 февр. 1831 г. изъ имѣнія Шаева, Костромской губерніи, Кологривскаго уѣзда, куда онъ былъ высланъ въ 1822 г.: «Самое лучшее ...слогъ... Оно не драма отнюдь, а кусокъ исторіи, разбитый на мелкіе куски въ разговорахъ... слѣдовало сперва Бориса показать во всемъ величіи; его избранье, клятва въ церкви сорочкой дѣлиться съ народомъ, общій восторгъ, бѣгство татаръ, убоявшихся одного вида русской рати, богатые запасы—и ничто не тронуто; первое появленіе Царя сухо, а второе шесть лѣтъ спустя уже тоскливое: въ

лѣтописяхъ болѣе поэзіи... Женскій крикъ, когда рѣжутъ,—мерзость, зачѣмъ ему быть слышнымъ? Въ тишинѣ совершенное злодѣйство еще страшнѣе и не гадко. Самозванецъ не имѣетъ рѣшительной физіономіи: опять лучшая, по исторіи, сцена, гдѣ онъ больной на духу солгалъ и выдалъ себя за Димитрія, пропущена; пособія, полученныя въ Польшѣ, не показаны, все темно, все недостаточно: признаніе Маринѣ въ саду—глупость безъ обиняковъ... Комическая примѣсь не дурна, но опять скажу: бѣдна... Вообще, по напечатанному для образчика въ журналѣ разговору Пимена и Григорія, я ожидалъ (конечно не трагедіи, которой и въ помпнѣ нѣтъ), а что-то если не для изящнаго чувства, по крайней мѣрѣ для холоднаго разсудка болѣе значительнаго, нежели, что вышло: надѣялся на твореніе зрѣлое, а теперь оно мнѣ кажется ученическимъ опытомъ: мало достоинствъ, большой красоты ни одной, плана никакого... Желаю спросить, что отъ него («Бориса Годунова») пользы бѣлому свѣту? Qu'est ce qu'il prouve? На театръ онъ нейдетъ, поэмой его назвать нельзя, ни романомъ, ни исторіей въ лицахъ, ничѣмъ; для котораго изъ чувствъ человѣческихъ онъ имѣетъ цѣну или достоинство? Кому будетъ охота его читать, когда пройдетъ первое любопытство?»

Пріученные къ аффектаціи и лиризму, и современные сторонники романтической поэзіи никакъ не могли освоится съ простотою и объективностью «Бориса Годунова». Кюхельбекеръ такъ о немъ отзывается въ своемъ дневникѣ: «Торквато Тассо» Кукольника лучшая трагедія на русскомъ языкѣ, не исключая и Годунова Пушкина, который, нѣтъ сомнѣнія, умнѣе и зрѣлѣе, гораздо болѣе обдуманъ, мужественнѣе и сильнѣе въ созданіи, и въ подробностяхъ, но зато холоденъ, слишкомъ отзывается подражаніемъ Шекспиру, и слишкомъ чуждъ того самозабвенія, безъ котораго нѣтъ истинной поэзіи». (16 апр. 1835).

Это писаніе Кюхельбекера оправдываетъ слова Пушкина въ письмѣ его отъ 30 ноября 1825 года къ А. А. Бестужеву: «Важная вещь! я написалъ трагедію, и ею очень доволенъ, но страшно въ свѣтъ выдать: робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго романтизма. Подъ романтизмомъ у насъ разумѣютъ Ламартина. Сколько я ни читалъ о романтизмѣ—все не то, даже Кюхельбекеръ вретъ».

Одинъ изъ приверженцевъ заскорузлаго литературнаго старовѣрства писалъ:

«Прочитавъ Бориса Годунова, стараешься припомнить дѣйствіе, хочешь остановиться на тѣхъ случаяхъ, которые бы, удерживая героевъ на подвигахъ доблестныхъ, или увлекая къ бѣдствіямъ и гибели, безпокоили, тревожили, устрашали читателя, но не находишь сего! Ищешь сильныхъ, возвышенныхъ чувствованій,—и кромѣ двухъ или трехъ мѣстъ принѹ-

жденъ остаешься довольствоваться малыми, живыми, вѣрными списками съ обыкновенной природы[551]).

Но какъ отнесся къ трагедіи Николай Полевой? Онъ не только ее не понялъ, но даже внезапно поворотилъ назадъ, заговорилъ о «системахъ и правилахъ», ни дать, ни взять трагикъ и академикъ Лемерсье, надъ которымъ онъ еще такъ недавно подтрунивалъ. (См. выше).

«Цѣль и выборъ прекрасны. Какъ приступитъ нашъ поэтъ къ возсозданію жизни минувшаго, къ проявленію великой мысли, запавшей въ его воображеніе? Предъ нимъ лежитъ чистое поле романтизма, и ничто не стѣсняетъ его... Прочтите листокъ, слѣдующій послѣ заглавнаго листка драмы Пушкина: «Драгоцѣнной для Россіянъ памяти Н. М. Карамзина, сей трудъ, геніемъ его вдохновенный, съ благоговѣніемъ и благодарностію посвящаетъ Александръ Пушкинъ». Итакъ, еще разъ суждено было Пушкину заплатить дань своему воспитанію, образованію своихъ юныхъ лѣтъ, предразсудкамъ, авторитетамъ стараго времени! Еще разъ классицизмъ, породившій исторію Карамзина, долженъ былъ восторжествовать надъ сильнымъ представителемъ романтизма и европейской современности XIX вѣка въ Россіи! Прочитавъ посвященіе, знаемъ напередъ, что мы увидимъ Карамзинскаго Годунова: этимъ словомъ рѣшена участь драмы Пушкина. Ему не пособятъ уже ни его великое дарованіе, ни сила языка, какою онъ обладаетъ»[552]).

Имя Карамзина сбило съ толку не одного Полевого, но и Бѣлинскаго. Между тѣмъ Пушкинъ далъ Бориса не «Карамзинскаго», а народнаго и лѣтописнаго. Полевой продолжаетъ:

«Судя по драмѣ Пушкина, все отличіе ея (романтической драмы) отъ классической драмы состоитъ въ безсвязной пестротѣ явленій и прыжкахъ отъ одного предмета къ другому. Но это не вѣрно. Романтическая драма имѣетъ свои строгія правила, и свой порядокъ дѣйствій, который, какъ замѣчаетъ де-Виньи, можетъ быть, еще тяжеле классическаго».

Полевой смущается той «странностью», что трагедія Пушкина не разбита на дѣйствія, а между тѣмъ самъ ее легко разбиваетъ на эти части. Это внезапное непониманіе и узость, которыя проявили романтики, позволили Надеждину въ статьѣ «Бесѣда старыхъ знакомцевъ» («Телескопъ», № 4, 1831 г.), зло надсмѣяться надъ ними. Надеждинъ принялъ при этомъ сторону Пушкина. Статья по обычаю ведена въ видѣ діалога романтика Тлѣнскаго и эксъ-студента Никодима Надоумки.

Тлѣнскій. О! твои странности мнѣ не въ диковинку! Ты любишь плавать противъ воды, идти наперекоръ общему голосу, вызывать на бой общее

---

[551]) Статья В. Плаксина. «Сынъ Отеч.». 1831 г. № XXIV.

[552]) Н. Полевой. «Телеграфъ». 1833 г.

мнѣніе. Тогда, какъ все благоговѣло передъ Пушкинымъ, ты почиталъ удовольствіемъ и честію нещадно бранить его: но теперь, когда онъ палъ и и все ополчается противъ него, ты себѣ навѣрное поставишь въ удовольствіе и честь принять его подъ свою защиту...

Я... Скажи мнѣ ясно и опредѣленно, за что несчастный Борисъ упалъ у васъ такъ въ курсѣ?

Тлѣнскій. Да помилуй! Что это за дребедень?.. не сумѣешь, какъ назвать ее... Ни то комедія, ни то трагедія, ни то — чортъ знаетъ что?..

Я. Ге! ге! ге! Такъ и ты началъ разбирать имена!.. А между тѣмъ, не ваша ли братья называла прежде школьнымъ дурачествомъ всякое покушеніе подводить произведенія новѣйшей романтической поэзіи подъ разрядный списокъ старинныхъ классическихъ учебниковъ?.. Сшутилъ же надъ вами шутку Пушкинъ пробѣломъ, который сдѣлалъ на заглавномъ листкѣ Бориса Годунова!

Далѣе Надоумко даетъ такое опредѣленіе трагедіи: «Это — рядъ историческихъ сценъ... эпизодъ исторіи въ лицахъ...» —«Да какъ называется вся пьеса? спрашиваетъ Тлѣнскій. Борисъ Годуновъ?... Стало-быть, онъ, Борисъ Годуновъ, долженъ составлять ея содержаніе, долженъ быть ея героемъ! И что-же?.. Борисъ Годуновъ умираетъ: а эти историческія сцены все тянутся и морятъ терпѣніе...» Надоумко возражаетъ:

«Не Борисъ Годуновъ въ своей біографической недѣлимости составляетъ предметъ ея: а царствованіе Бориса Годунова — эпоха, имъ наполняемая — міръ, имъ созданный и съ нимъ разрушившійся,— однимъ словомъ — историческое бытіе Бориса Годунова. Но оно оканчивается не его смертію.

Тлѣнскій. Ну, братъ, съ тобой дѣлаются чудеса. Мнѣ кажется, что холера составляетъ эпоху въ твоемъ образѣ мысли.

Надоумко. Я всегда говорилъ, что фантазія Пушкина прихотливая и своеобычная, мастерица на арабески. Это подтверждается и здѣсь сценою юродиваго...

Тлѣнскій. Юродиваго... этого еще не доставало! Да можетъ ли что быть хуже?.. Дикій фарсъ... безъ мысли... безъ цѣли...

Надоумко. А по моему — и съ мыслію и съ цѣлію. Можно-ль было лучше и вѣрнѣе съ исторіей—довести до недоступнаго слуха грознаго царя грозную вѣсть, что его преступленіе не есть тайна для безмолвствующаго народа? А это необходимо было для того, чтобы заставить Бориса испить до дна чашу мести... Что фигура юродиваго накинута очень легко — это правда: за то всѣ черты ея истинны и выразительны.

Тлѣнскій. Борисъ и Шуйскій, которыхъ ты хвалишь, переложены только въ стихи изъ пѣвучей прозы Исторіи Государства Россійскаго.

Надоумко. Да что-жь дѣлать, когда ломаная проза Исторіи Русскаго

Народа о сю пору все еще продирается сквозь заповѣдную чащу Ростиславовъ и Изяславовъ? Что-бы ей добраться хоть до Годунова?

Особенно хвалитъ Надеждинъ монологъ юнаго Курбскаго на границѣ. «Это для меня выкупаетъ почти «Нулина».

Тлѣнскій. Толкуй себѣ, пожалуй!.. Нулина-то и понынѣ читаютъ съ жадностію: а о «Борисѣ» спроси-ка у публики...

Я. Публика!.. Будто неизвѣстна наша публика!.. Поэтъ только перемѣнилъ голосъ, а вамъ чудится будто онъ спалъ съ голоса.

Наиболѣе глубокую оцѣнку геніальной трагедіи далъ И. В. Кирѣевскій въ «Обозрѣніи русской словесности за 1831 г.». (Европеецъ. № 1).

«Привычка смотрѣть на русскую литературу сквозь чужія очки иностранныхъ системъ до того ослѣпила нашихъ критиковъ, что они въ трагедіи Пушкина не только не замѣтили, въ чемъ состоятъ ея главныя красоты и недостатки, но даже не поняли, въ чемъ состоитъ ея содержаніе... Большая часть трагедій, особенно новѣйшихъ, имѣетъ предметомъ дѣло совершающееся или имѣющее совершиться. Трагедія Пушкина развиваетъ послѣдствія дѣла уже совершеннаго, и преступленіе Бориса является, не какъ дѣйствіе, но какъ сила, какъ мысль, которая обнаруживается мало-помалу, то въ шопотѣ царедворца, то въ тихихъ воспоминаніяхъ отшельника, то въ одинокихъ мечтахъ Григорія, то въ силѣ и успѣхахъ самозванца, то въ ропотѣ придворномъ, то въ волненіяхъ народныхъ, то, наконецъ, въ громкомъ ниспроверженіи неправедно царствовавшаго дома. Это постепенное возрастаніе коренной мысли въ событіяхъ разнородныхъ, но связанныхъ между собою однимъ источникомъ, даетъ ей характеръ сильно-трагическій, и такимъ образомъ позволяетъ ей заступить мѣсто господствующаго лица, или страсти, или поступка. Такое трагическое воплощеніе мысли болѣе свойственно древнимъ, чѣмъ новѣйшимъ. Однако, мы могли-бы найти его и въ новѣйшихъ трагедіяхъ, напр., въ Мессинской невѣстѣ, въ Фаустѣ, въ Манфредѣ; но мы боимся сравненій: гдѣ дѣло идетъ о созданіи новомъ, примѣръ легче можетъ сбить, чѣмъ навести на истинное воззрѣніе. Согласимся однако, что такого рода трагедія, гдѣ главная пружина не страсть, а мысль, по сущности своей не можетъ быть понята большинствомъ нашей публики...

Если-бы Пушкинъ, вмѣсто Годунова, написалъ Эсхиловскаго Прометея, гдѣ такъ же развивается воплощеніе мысли, и гдѣ еще меньше ощутительной связи между сценами, то, вѣроятно, трагедія его имѣла еще меньше успѣха, и ей не только отказали-бы въ правѣ называться трагедіей, но врядъ ли бы признали въ ней какое-нибудь достоинство, ибо она написана ясно противъ всѣхъ правилъ новѣйшей драмы».

Въ «Современникѣ» 1838 г. (X, 21—52), въ статьѣ «А. С. Пушкинъ», Плетневъ такъ отзывался о «Борисѣ Годуновѣ»:

«Между всѣми сочиненіями Пушкина не было глубже и зрѣлѣе произведенія, какъ эта драма, развивающаяся естественно, обнимающая всѣ интереснѣйшія лица эпохи, показывающая обдуманность въ каждомъ словѣ, и поражающая не только послѣдовательностію явленій, но какимъ-то чудно понятымъ масштабомъ каждаго монолога, доведеннаго до совершенной безъискусственности».

Студентъ Бѣлинскій, прочитавъ разговоръ хозяйки корчмы съ собравшимися у нея бродягами, улики противъ Григорія и бѣгство его черезъ окно, выронилъ книгу изъ рукъ, чуть не сломалъ стулъ, на которомъ сидѣлъ, и восторженно закричалъ: «Да это живые; я видѣлъ, я вижу, какъ онъ бросился въ окно!..»

Къ сожалѣнію, приступая позднѣе къ критической оцѣнкѣ великаго созданія безсмертнаго поэта, Бѣлинскій взглянулъ на нее въ очки теоріи, а не отдался непосредственному чувству. Бѣлинскій идетъ при этомъ по стопамъ Николая Полевого.

«Пушкинъ, говоритъ Бѣлинскій, рабски во всемъ слѣдовалъ Карамзину— и изъ его драмы вышло что-то похожее на мелодраму, а Годуновъ его вышелъ мелодраматическимъ злодѣемъ, котораго мучитъ совѣсть и который въ своемъ злодѣйствѣ нашелъ себѣ кару». Повторивъ это обвиненіе Полевого, Бѣлинскій, не всматриваясь въ личность Пушкинскаго «Бориса», спѣшитъ къ изложенію той завѣтной мысли своей... что древнерусская жизнь не могла породить личности, которая бы явилась носительницей великой идеи».

Бѣлинскій (1845) недостатокъ драматизма въ «Борисѣ Годуновѣ» относитъ къ недостатку самой русской исторіи, изъ которой онъ взялъ содержаніе для своей «эпической драмы». «Бѣлинскій, говоритъ Поливановъ, приступая къ оцѣнкѣ «Бориса Годунова» Пушкина, былъ не столько занятъ этой трагедіей, сколько желаніемъ высказать свои историческія воззрѣнія, которыя слагались у него въ ту пору его жизни. Извѣстно, что незадолго передъ тѣмъ (конецъ 1843 и начало 1844 года) произошелъ разрывъ его съ московскими друзьями за ихъ временное сближеніе съ такъ называвшимся «славянофильскимъ кружкомъ», т. е. съ Кирѣевскими, Константиномъ Аксаковымъ, Самаринымъ, Хомяковымъ и Дм. Валуевымъ... Все болѣе и болѣе становясь изъ критика публицистомъ, Бѣлинскій теперь пользовался каждымъ случаемъ для того, чтобы выразить волновавшія его воззрѣнія. Съ одностороннимъ интересомъ обращался онъ и къ вопросамъ историческимъ. Статья о «Борисѣ Годуновѣ» дала ему поводъ къ выраженію воззрѣній на до-петровскую Русь—яблоко раздора между славянофилами и западниками. Что же удивительнаго, если въ ней онъ уклонился отъ литературной критики въ пользу историко-публицистической полемики»[33]).

---

33) Соч. II. Т. 3. Изд. 2. Стр. 126.

Однако, великое эстетическое чутье Бѣлинскаго сказалось въ заключительной части его статьи: «Прежде всего спросимъ всѣхъ, сколько-нибудь знакомыхъ съ русскою литературою до Пушкинскаго «Бориса Годунова», изъ русскихъ поэтовъ и литераторовъ, имѣлъ-ли кто-нибудь какое-нибудь понятіе о языкѣ, которымъ долженъ говорить въ драмѣ русскій человѣкъ до-Петровской эпохи? Не только прежде, даже послѣ «Бориса Годунова» явилась-ли на русскомъ языкѣ хотя одна драма, содержаніе которой взято изъ русской исторіи, и въ которой русскіе люди чувствовали бы, понимали и говорили по-русски? И читая всѣхъ этихъ «Ляпуновыхъ», «Скопиныхъ-Шуйскихъ», «Баторіевъ», «Іоанновъ Третьихъ», «Самозванцевъ», «Царей Шуйскихъ», «Еленъ Глинскихъ», «Пожарскихъ», которые съ 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія наводнили русскую литературу и русскую сцену,—что видите вы въ почтенныхъ ихъ сочинителяхъ, если не Сумароковыхъ нашего времени? Не будемъ говорить о русскихъ трагедіяхъ, появлявшихся до Пушкинскаго «Бориса Годунова»: чего же можно и требовать отъ нихъ! Но что русскаго во всѣхъ этихъ трагедіяхъ, которыя явились уже послѣ «Бориса Годунова»? И не можно ли подумать скорѣе, что это нѣмецкія пьесы, только переложенныя на русскіе нравы?—Словно гигантъ между пигмеями, до сихъ поръ высится между множествомъ quasi—русскихъ трагедій Пушкинскій «Борисъ Годуновъ», въ гордомъ и суровомъ уединеніи, въ недоступномъ величіи строгаго художественнаго стиля, благородной классической простоты.»

Безпристрастіе и все значеніе Пушкина, какъ историка-поэта, выясняетъ другой критикъ:

«Никто еще не воскрешалъ у насъ съ такою истиною, въ поэтическомъ представленіи, образы древней жизни нашего отечества... Мы не думаемъ, чтобы посредство Карамзина чѣмъ нибудь существенно повредило исторической правдѣ произведенія Пушкина... Оно представляетъ вѣрное художественное воспроизведеніе древней Руси въ ея главныхъ типическихъ чертахъ. Въ этомъ отношеніи «Борисъ Годуновъ» далеко еще не оцѣненъ по своему достоинству и, прибавимъ, по своему значенію въ нашей литературѣ. Это произведеніе возникло въ ту пору, когда у насъ ни въ обществѣ, ни въ литературѣ, не поднимался еще вопросъ о древней русской жизни, о коренныхъ ея началахъ, не слышалось еще жалобъ на разобщенность новой русской жизни съ ея прошедшимъ. Пушкинъ не могъ предусматривать всѣхъ этихъ толковъ и споровъ, и мысль его, обращаясь къ прошедшему, могла сохранить то спокойствіе и ту свободу воззрѣнія, которыя столь же необходимы художнику, какъ и мыслителю или историку. Въ сценахъ своихъ онъ ничего не хочетъ доказывать, онъ только изображаетъ.» (Катковъ. Русскій Вѣстникъ. 1856.) Стихъ, которымъ писана трагедія, уже примѣненъ былъ Жуковскимъ въ «Орлеанской Дѣвѣ» (1821), но Пушкинъ сдѣлалъ его болѣе

классическимъ, въ смыслѣ французской теоріи и послѣ отчасти жалѣлъ объ этомъ. Онъ самъ говоритъ:

«Стихъ, употребленный мною (пятистопный ямбъ) принятъ обыкновенно англичанами и нѣмцами. У насъ первый примѣръ оному находимъ мы, кажется, въ «Аргивянахъ». А. Жандръ въ отрывкѣ своей прекрасной трагедіи, писанной стихами вольными, преимущественно употребляетъ его. Я сохранилъ цезуру французскаго пентаметра на второй стопѣ и, кажется, въ томъ ошибся, лишивъ добровольно свой стихъ свойственнаго ему разнообразія».

Въ дальнѣйшихъ своихъ драматическихъ произведеніяхъ Пушкинъ уже не прибѣгалъ къ цезурѣ.

§ 3. За «Борисомъ» послѣдовала цѣлая плеяда геніальныхъ драмъ несравненнаго художника.

«Сцена изъ Фауста» (1825)—оригинальное созданіе, и съ одной стороны является сатирой на байронизмъ 20-хъ годовъ, съ другой психологіей властительной скуки. «Вся тварь разумная скучаетъ»—этотъ тезисъ Мефистофеля составляетъ основу очерка. Бѣлинскій довольно поверхностно судилъ объ этой сценѣ, говоря, что она написана удивительно легкими и бойкими стихами, но между нею и Гетевымъ «Фаустомъ» нѣтъ ничего общаго. «Фаустъ Пушкина—не измученный неудовлетворенною жаждою знанія человѣкъ, а какой то пресытившійся гуляка, которому уже ничего въ горло нейдетъ». Но въ этой сценѣ—весь Шопенгауеръ, весь пессимизмъ, въ его сущности. Осенью 1830 г. въ Болдинѣ Пушкинъ пишетъ рядъ «маленькихъ трагедій» или «драматическихъ сценъ». Въ каждой изъ нихъ развита какая-нибудь одна сторона человѣческой природы. «Фаустъ» 1825 г. является въ нихъ какъ бы вступленіемъ, какъ бы первой пробой, хотя уже въ «Цыганахъ» находимъ драматизацію чувства ревности и ревнивой собственности. «Скупой рыцарь», яко бы «сцена изъ Ченстоновой траги-комедіи», есть на самомъ дѣлѣ оригинальное созданіе Пушкина.

«Страсть скупости, замѣчаетъ Бѣлинскій (1846),—идея не новая, но геній умѣетъ и старое сдѣлать новымъ. Идеалъ скупца одинъ, но типы его безконечно различны. Плюшкинъ Гоголя гадокъ, отвратителенъ—это лицо комическое; Баронъ Пушкина ужасенъ—это лицо трагическое. Оба страшно истинны. Это не то, что скупой Мольера—риторическое олицетвореніе скупости, каррикатура, памфлетъ. Нѣтъ, это лица страшно истинныя, заставляющія содрогаться за человѣческую природу. Оба они пожираемы одною гнусною страстью, и все-таки нисколько другъ на друга не похожи, потому что и тотъ, и другой—не аллегорическое олицетвореніе выражаемой ими идеи, но живыя лица, въ которыхъ общій порокъ выразился индивидуально, лично... По выдержанности характеровъ (скряги, его сына, герцога, жида),

по мастерскому расположенію, по страшной силѣ паѳоса, по удивительнымъ стихамъ, по полнотѣ и оконченности—словомъ по всему, эта драма—огромное, великое произведеніе, вполнѣ достойное генія самого Шекспира».

Написавъ мастерской драматическій этюдъ, воспроизводящій живой образъ скупости, Пушкинъ въ «Моцартѣ и Сальери» не менѣе художественно воспроизвелъ зависть. Пьеса такъ и называлась въ рукописи.

«Моцартъ и Сальери»—писалъ Бѣлинскій въ 1846 г.,—цѣлая трагедія, глубокая, великая, означенная печатью мощнаго генія, хотя и небольшая по объему. Ея идея—вопросъ о сущности и взаимныхъ отношеніяхъ таланта и генія». Сравненіе «Каменнаго гостя» Пушкина съ комедіей Мольера «Don Juan. ou le Festin de Pierre (1665 г.) и комической оперой Лоренцо де-Понте, 1787 г., послужившей либретто Моцарту: «Il Dissoluto punito, ossia il don Giovani», которыя были въ рукахъ поэта, при созданіи собственной драмы, показываетъ полную оригинальность его произведенія. Весь замыслъ любви донъ-Жуана къ доннѣ Аннѣ и Лаурѣ, убійства Командора и донъ-Карлоса, самые характеры, какъ героя, такъ и прочихъ дѣйствующихъ лицъ—все принадлежитъ Пушкину безраздѣльно. Заимствованъ только Лепорелло (Мольеровъ Сганарель). Сцены съ Командоромъ также измѣнены и приведены въ тѣсную связь съ главнымъ дѣйствіемъ драмы, замѣчательной по стройности своей композиціи, глубинѣ характеровъ, высокой поэзіи, сюжета и языка [554]).

Переходя отъ разбора другихъ драматическихъ произведеній великаго поэта къ «Каменному гостю», Бѣлинскій въ 1846 г. писалъ: «Теперь приблизились мы къ перлу созданій Пушкина, къ богатѣйшему, роскошнѣйшему алмазу въ его поэтическомъ вѣнкѣ... Для кого существуетъ искусство, какъ искусство, въ его идеалѣ, въ его отвлеченной сущности, для того «Каменный гость» не можетъ не казаться безъ всякаго сравненія лучшимъ и высшимъ въ художественномъ отношеніи созданіемъ Пушкина... Какая дивная гармонія между идеею и формою! Какой стихъ прозрачный, мягкій и упругій, какъ волна! Благозвучный, какъ музыка! Какая кисть, широкая, смѣлая, какъ будто небрежная, какая антично-благородная простота стиля! Какія роскошныя картины роскошной страны, гдѣ ночь лимономъ и лавромъ пахнетъ!..» Раньше (въ 1839) Бѣлинскій столь же восторженно отзывался объ этой «драматической поэмѣ». «Она есть цѣлое, оконченное произведеніе творческаго генія; художественная форма, вполнѣ обнявшая безконечную идею, положенную въ ея основаніе; гигантское созданіе великаго мастера».

Фабліо о донъ-Жуанѣ, писалъ Аверкіевъ въ 1867 г., стара, и не мало было на нее написано и комедій, и трагедій, и поэмъ, и до, и послѣ Пушкина; но только онъ одинъ преобразилъ ее въ миѳъ единый, живой и цѣлый.»

---

554) Левъ Поливановъ. Соч. Пушкина. Изд. 2-е. Т. 3. Стр. 318 и 320.

Личность Жуана, по мнѣнію Аверкіева, изображена совершенно оригинально, въ полномъ смыслѣ создана Пушкинымъ.

Въ свою очередь Анненковъ (1855) полагаетъ, что Пушкинъ видѣлъ въ донъ-Жуанѣ геніальнаго человѣка, обратившаго всѣ свои дары только въ одну сторону, Рафаэля любви и нѣжной страсти, если смѣемъ такъ выразиться. Изящный, вкрадчивый и вдохновенный въ минуты исканій и замысловъ своихъ, донъ-Жуанъ Пушкина принадлежитъ ему одному и ничего общаго съ другими созданіями, извѣстными подъ этимъ именемъ не имѣетъ.

«Пиръ во время чумы»—переводъ 4-й сцены 1-го акта, драматической поэмы Вильсона «Чумный городъ» (The city of the plague), вышедшей въ 1816 году.

Выборъ сцены изъ большой пьесы Вильсона для перевода объясняется тѣмъ, что поэтическое чувство Пушкина нашло въ ней оригинальный замыселъ и трагизмъ въ положеніи этихъ людей, пирующихъ на краю гроба. Это дѣйствительно лучшая сцена растянутой и холодной англійской мелодрамы, но и эту сцену Пушкинъ сократилъ[555]).

Вѣнцомъ драматическаго творчества Пушкина является «Русалка» (1828—1832),—произведеніе къ несчастію неоконченное.

«Русалка, Голубь и Мѣдный всадникъ,—писалъ Дружининъ въ 1855 г.,—представляютъ послѣднюю грань, до которой достигъ талантъ Пушкина... Тутъ мы видимъ Пушкина на одной дорогѣ съ Шекспиромъ, за готовымъ, вычитаннымъ планомъ, за простой легендой, за сказочкою, многими поколѣніями слушанной до нашего поэта, за одною изъ тѣхъ простыхъ темъ, о которыхъ сотнями сокрушаютъ себѣ крылья художники не первоклассные. И не смотря на неимовѣрную трудность задачи, все произведеніе давитъ насъ какъ замысломъ и сочиненіемъ, такъ и высокой гармоніей подробностей. Поэзія, которой проникнута вся Русалка, отъ первой строки до послѣдней—безпредѣльна, какъ горизонтъ небесный... Въ этомъ посмертномъ твореніи Пушкина находимъ мы все, что составляетъ прелесть поэмъ безсмертныхъ и первоклассныхъ—величественную стройность цѣлаго, безукоризненную цѣлость въ малѣйшихъ подробностяхъ, силу помысла, роскошь фантазіи, простоту и общедоступность плана, и наконецъ стихъ, дѣйствующій на насъ, подобно великолѣпной музыкѣ, уносящей душу читателя въ тотъ заповѣдный міръ, гдѣ самые звуки простыхъ словъ рождаютъ собой и мысль, и рой поэтическихъ образовъ».

Великая сила Пушкина вся сказывается въ «Русалкѣ», образцовомъ твореніи по своей правдѣ и своей поэзіи. Глубокою, тонкою, обстоятельною прелестью исполнены всѣ дѣйствующія лица поэмы, со всѣмъ тѣмъ оставаясь вѣрными своей эпохѣ и своимъ характерамъ. Любовь, измѣна, послѣд-

555) Поливановъ. 3 т. Соч. П. Изд. 2. 370 стр.

нее свиданіе князя и дѣвушки, свадебныя сцены — какъ все это въ одно время и вѣрно и плѣнительно! Но по мѣрѣ того, какъ произведеніе расширяется, начинаются страницы безпримѣрныя, какъ по своей обаятельности, такъ и по тонкости поэзіи и совершенства ея возрастаютъ съ каждымъ стихомъ, до тѣхъ поръ, когда послѣ превосходной сцены русалокъ, на пустынный берегъ является самъ князь... О томъ, что разговоръ князя съ мельникомъ достоинъ шекспировскаго генія, было уже не разъ замѣчено русскими критиками. Стихи, которыми написана «Русалка», по совершенству своему, до такой степени превышаютъ все написанное мастерами дѣла у насъ, что мы поневолѣ должны будемъ ихъ сравнивать съ бѣлыми стихами тѣхъ иностранныхъ поэтовъ, которые сдѣлали изъ такого стиха лучшій органъ для передачи многихъ изъ своихъ вдохновеній. Бѣлый стихъ Байрона въ «Манфредѣ», драмахъ и нѣкоторыхъ поэмахъ рѣшительно уступаетъ стиху Пушкина; стихъ Вордсворта, превосходный по временамъ, всегда почти испорченъ стремленіемъ поэта къ картинности, — стремленіемъ, котораго нѣтъ у Пушкина. Кромѣ Гёте и Мильтона съ Шекспиромъ, мы не знаемъ поэтовъ, которыхъ бѣлый стихъ могъ бы итти рядомъ съ безподобнымъ стихомъ, которому мы не можемъ достаточно надивиться, читая «Русалку» Пушкина».

§ 4. Въ письмѣ къ матери отъ 30-го апрѣля 1829 г. Гоголь говоритъ: «Еще прошу васъ выслать мнѣ двѣ папенькины малороссійскія комедіи». Въ 1830 г. вниманіе Гоголя все еще было всецѣло поглощено малороссійскими повѣстями и небольшими статьями, вошедшими позднѣе въ «Арабески». Занятый уроками исторіи въ Патріотическомъ Институтѣ и историческими статьями, а также «Миргородомъ», Гоголь тѣмъ не менѣе преимущественно обдумывалъ пока свои планы относительно будущихъ пьесъ, и притомъ такъ глубоко и зрѣло, что во время своей остановки въ Москвѣ проѣздомъ въ Малороссію лѣтомъ 1832 г. удивилъ С. Т. Аксакова мѣткостью и основательностью своихъ сужденій о комедіи. Набросанные Гоголемъ еще въ 1832 г. матеріалы общіе и частные пошли въ дѣло преимущественно въ уничтоженной потомъ комедіи «Владиміръ 3-й степени». Въ 1833 г. Гоголь началъ свою комедію «Женихи».

8-го декабря 1832 года Плетневъ сообщалъ Жуковскому, жившему тогда въ Швейцаріи: «У Гоголя вертится на умѣ комедія. Не знаю, разродится ли онъ ею нынѣшней зимой; но я ожидаю въ этомъ родѣ отъ него необыкновеннаго совершенства. Въ его сказкахъ меня всегда поражали драматическія мѣста». Гоголь выходилъ на новую литературную дорогу. Изданіемъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» закончился романтическій періодъ его юности: призраки украинскіе отлетѣли отъ него навсегда и почти въ началѣ 1833 года (въ письмѣ отъ 1-го февраля) на запросъ Погодина о «Диканьскихъ Вечерахъ» Гоголь отъ души, искренно воскликнулъ: «Чортъ

съ ними! я не издаю ихъ... прибавлять сказки не могу. Я даже позабылъ, что я творецъ этихъ «Вечеровъ», и вы только напомнили мнѣ объ этомъ... Да обрекутся они неизвѣстности, покамѣсть что нибудь увѣсистое, великое, художническое не изыдетъ изъ меня! Но я стою въ бездѣйствіи, въ неподвижности. Мелкаго не хочется, великое не выдумывается». Черезъ нѣсколько дней (20-го февраля 1833 г.), признаваясь, что «помѣшался на комедіи», Гоголь пишетъ Погодину: «Я не знаю, отчего я теперь такъ жажду современной славы. Вся глубина души такъ и рвется наружу. Но я до сихъ поръ не написалъ ровно ничего... Уже и сюжетъ (комедіи) было на дняхъ началъ составляться; уже и заглавіе было написалось на бѣлой толстой тетради: «Владиміръ 3-й степени», и сколько злости, смѣху, соли!.. Но вдругъ остановился, увидѣвши, что перо такъ и толкается объ такія мѣста, которыя цензура ни за что не пропуститъ. А что изъ того, когда піеса не будетъ играться? Драма живетъ только на сценѣ; безъ нея она, какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на показъ народу неоконченное произведеніе? — Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самый невинный, которымъ даже квартальный не могъ бы обидѣться. Но что комедія безъ правды и злости? Итакъ, за комедію я не могу приняться. Примусь за исторію — передо мной движется сцена, шумитъ аплодисментъ, рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ, и оскаливаютъ зубы, и — исторія къ чорту!» Начатая комедія осталась неоконченною. Гоголь какъ будто и не могъ разобраться въ богатствѣ раскрывавшагося передъ нимъ содержанія, не могъ воздержаться отъ «излишествъ» (по его выраженію). 11-го марта 1833 года Плетневъ уже писалъ Жуковскому: «У Пушкина ничего нѣтъ новаго, у Гоголя тоже. Его комедія не пошла изъ головы. Онъ слишкомъ много хотѣлъ обнять въ ней, встрѣчалъ безпрестанно затрудненія въ представленіи и потому съ досады ничего не написалъ» [...].

Въ уничтоженной комедіи «Владиміръ 3-ей степени» были тѣ-же самыя дѣйствующія лица, съ которыми мы встрѣчаемся въ позднѣйшихъ отдѣльныхъ сценахъ: «Утро дѣлового человѣка», «Тяжба», «Отрывокъ», — быть можетъ и «Лакейская».

Первоначальные наброски «Женитьбы» относятся къ 1833 году; но выработка печатной редакціи «Женитьбы» была окончена только въ 1842 г.

Для созданія личности Подколесина Гоголь, несомнѣнно, воспользовался, какъ это замѣтилъ еще въ началѣ 60-хъ годовъ Аполлонъ Григорьевъ, своей недоконченной повѣстью: «Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка». Въ простодушномъ очеркѣ характера Ивана Ѳедоровича Шпоньки таится уже зерно глубокаго созданія характера Подколесина. Курьезное объясненіе Ивана Ѳедоровича Шпоньки съ Марьей Гавриловной, постоянно прерываемое про-

[...]) Тихонравовъ, II, 736.

должительными паузами, его нерѣшительность въ сватовствѣ какъ нельзя болѣе сходно съ соотвѣтствующими мѣстами «Женитьбы». Драматизируя отчасти сюжетъ «Ивана Өедоровича Шпоньки», Гоголь сперва изображаетъ Подколесина въ его холостой обстановкѣ и вводитъ,—частью для обрисовки послѣдней, частью для выясненія самаго героя,—его разговоръ съ Степаномъ, пользуясь для этого уже отчасти готовымъ матеріаломъ въ «Портретѣ», гдѣ мы находимъ также изображеніе холостой обстановки и нѣсколько сходные разговоры барина съ слугой.

Извѣстно, что сюжетъ «Ревизора» данъ Гоголю Пушкинымъ. Это одно опровергаетъ преувеличенія о сходствѣ комедіи съ «Пріѣзжимъ изъ столицы» Квитка.

«Сходство при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается совершенно случайнымъ и незначительнымъ; но есть одинъ фактъ, въ самомъ дѣлѣ, довольно поразительнаго и важнаго совпаденія, между обѣими комедіями—это ея развязка и еще болѣе завязка... Чтеніе почтмейстеромъ и другими дѣйствующими лицами письма Хлестакова... съ внѣшней стороны представляетъ много сходства съ комедіей Крылова «Пирогъ»[557]).

Прежде чѣмъ отдать «Ревизора» въ типографію и на театръ, Гоголь подвергаетъ только-что переписанную набѣло комедію совершенной переработкѣ,—и она, такимъ образомъ, дѣлается основою и первоначальнаго сценическаго текста, и перваго печатнаго текста «Ревизора». Наконецъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1836 года, воскресенье 19-го апрѣля, подъ рубрикой «Зрѣлища» было напечатано: «Сегодня, 19-го апрѣля, на Александринскомъ театрѣ въ первый разъ «Ревизоръ», оригинальная комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Уже послѣ перваго акта недоумѣніе было написано на всѣхъ лицахъ (публика была избранная въ полномъ смыслѣ слова), словно никто не зналъ, какъ должно думать о картинѣ, только-что представленной. Недоумѣніе это возрастало потомъ съ каждымъ актомъ. Какъ будто находя успокоеніе въ одномъ предположеніи, что дается фарсъ, большинство зрителей, выбитое изъ всѣхъ театральныхъ ожиданій и привычекъ, остановилось на этомъ предположеніи съ непоколебимой рѣшимостію. Однакоже въ этомъ фарсѣ были черты и явленія, исполненныя такой жизненной истины, что раза два, особенно въ мѣстахъ, наименѣе противорѣчащихъ тому понятію о комедіи вообще, которое сложилось въ большинствѣ зрителей, раздавался общій смѣхъ. Совсѣмъ другое произошло въ четвертомъ актѣ: смѣхъ, по временамъ, еще перелеталъ изъ конца залы въ другой, но это былъ какъ-то робкій смѣхъ, тотчасъ-же и пропадавшій; апплодисментовъ почти совсѣмъ не было; зато напряженное вниманіе, судорожное,

---

[557]) Шенрокъ. Т. II. Стр. 363 и 364. См. выше о сходствѣ съ комед. Нарѣжнаго.

усиленное слѣдованіе за всѣми оттѣнками пьесы, иногда мертвая тишина показывали, что дѣло, происходившее на сценѣ, страстно захватывало сердца зрителей. По окончаніи акта прежнее недоумѣніе уже переродилось почти во всеобщее негодованіе, которое довершено было пятымъ актомъ. Многіе вызывали автора потомъ за то, что написалъ комедію, другіе — за то, что виденъ талантъ въ нѣкоторыхъ сценахъ, простая публика за то, что смѣялась: но общій голосъ, слышавшійся по всѣмъ сторонамъ избранной публики, былъ: «Это — невозможность, клевета и фарсъ»[558]). Комедія Гоголя «Ревизоръ» надѣлала много шуму. Ее безпрестанно даютъ — почти черезъ день. Государь былъ на первомъ представленіи, хлопалъ и много смѣялся... Государь даже велѣлъ министрамъ ѣхать смотрѣть «Ревизора»[559]).

«Ревизоръ» Гоголя имѣлъ успѣхъ колоссальный, но въ первыя минуты этого успѣха никто даже изъ самыхъ жаркихъ поклонниковъ Гоголя не понималъ вполнѣ значенія этого произведенія и не предчувствовалъ, какой огромный переворотъ долженъ совершить авторъ этой комедіи. Кукольникъ послѣ представленія «Ревизора» только иронически ухмылялся и, не отрицая таланта въ Гоголѣ, замѣчалъ: «а все-таки это фарсъ, недостойный искусства»[560]).

Наиболѣе распространенные и вліятельные въ то время органы петербургской журналистики: «Сѣверная Пчела» и «Библіотека для чтенія», вторили тревожнымъ опасеніямъ высшаго петербургскаго чиновничества. Изложивши въ первой статьѣ содержаніе «Ревизора», Булгаринъ посвящаетъ слѣдующую разбору этой пьесы. «Комедія ли это?» спрашиваетъ Булгаринъ и отвѣчаетъ: «Нѣтъ». На злоупотребленіяхъ административныхъ нельзя основать настоящей комедіи. Надобны противуположности и завязка, нужны правдоподобіе, натура, а ничего этого нѣтъ въ «Ревизорѣ». Весьма жаль, если кто-нибудь изъ зрителей, не знающихъ нашихъ провинцій, подумаетъ, будто въ самомъ дѣлѣ въ Россіи существуютъ такіе нравы, и будто можетъ быть городъ, въ которомъ нѣтъ ни одной честной души и порядочной головы... Нѣтъ спора, и въ маленькихъ отдаленныхъ городишкахъ есть люди смѣшные для человѣка столичнаго общества. Но все объявляется въ другихъ формахъ, именно не въ тѣхъ, въ какихъ злое и смѣшное представлено въ «Ревизорѣ».

...Проѣзжайте всю Россію вдоль и поперекъ, вы не услышите слова **взятки**. Берутъ, но умно; даютъ еще умнѣе. Но «Ревизоръ» нравится публикѣ, то есть, публика смѣется и хлопаетъ. Да и нельзя не хохотать! Это

[558]) Воспоминанія и критич. очерки Анненкова. Т. I. Стр. 193.
[559]) Дневникъ Никитенки. 368.
[560]) Литер. воспоминанія Панаева. Стр. 187.

презабавный фарсъ, рядъ смѣшныхъ карикатуръ, которыя должны непремѣнно заставить васъ смѣяться...»

Литературному кругу, къ которому принадлежалъ тогда Гоголь и въ составъ котораго входили Жуковскій, Пушкинъ, кн. Одоевскій, кн. Вяземскій, и др., Булгаринъ предлагаетъ такія наставленія: «Друзья должны сказать откровенно автору «Ревизора», что онъ не знаетъ сцены и долженъ изучать драматическое искусство. Они должны посовѣтывать ему, чтобы онъ не преувеличивалъ до невѣроятности смѣшного, или порочнаго въ характерахъ, т. е. чтобъ изображалъ характеры въ натурѣ, а не карикатурно, если хочетъ писать комедіи, а не фарсы... Друзья автора комедіи «Ревизоръ» оказали бы ему и публикѣ величайшую услугу, еслибъ могли убѣдить его отказаться отъ цинизма въ языкѣ, которымъ упитана не только комедія, но и всѣ вообще произведенія этого молодого и притомъ талантливаго писателя. Покойный Нарѣжный, Пиго-ле-бренъ, и Поль-де-Кокъ, по языку, суть красныя дѣвицы въ сравненіи съ авторомъ «Ревизора». Подобнаго цинизма мы никогда не видывали на русской сценѣ и въ литературѣ... въ языкѣ автора «Ревизора» такъ много противуизящнаго, что мы не понимаемъ, какъ онъ могъ рѣшиться на это. Теперь порядочный лакей не скажетъ: «супъ воняетъ», «чай воняетъ рыбой», а скажетъ: «дурно пахнетъ, пахнетъ рыбой». Ни одинъ писатель со вкусомъ не напишетъ: «ковыряетъ пальцемъ въ зубахъ» и т. д.

Фаддей не замѣчаетъ, что «писатель со вкусомъ» у него идетъ подъ пару «порядочному лакею».

Онъ замѣчаетъ далѣе, что Гоголь рисовалъ не великоруссовъ, а своихъ земляковъ: «вообще авторъ «Ревизора», желая представить русскій уѣздный городокъ, съ его нравами, изобразилъ городокъ малороссійскій или бѣлорусскій. Купцы его не русскіе люди, а просто жиды».

Разборъ «Ревизора», написанный Сенковскимъ, появился въ майской книжкѣ «Библіотеки для чтенія» (Томъ XVI, отд. V, стр. 1—44) и Гоголь прочелъ эту статью до отъѣзда за границу. Указывая нѣкоторыя «превосходныя сцены» въ «Ревизорѣ», Сенковскій воспроизводитъ однако въ своей рецензіи мысли, высказанныя о комедіи Булгаринымъ.

«У г. Гоголя идеи нѣтъ никакой. Его сочиненіе даже не имѣетъ въ предметѣ нравовъ обществъ, безъ чего не можетъ быть настоящей комедіи: его предметъ—анекдотъ старый, всѣмъ извѣстный, тысячу разъ напечатанный, разсказанный и обдѣланный въ разныхъ видахъ, и на разныхъ языкахъ... О картинѣ русскаго общества и говорить нечего: самый анекдотъ выдуманъ не въ Россіи».

«Критика придаетъ мнѣ крылья, писалъ Гоголь въ ноябрѣ 1842 г. Шевыреву. Мнѣ даже критика Булгарина приноситъ пользу, потому что я, какъ нѣмецъ, снимаю плеву со всякой дряни». Тѣмъ не менѣе толки, вызванные

«Ревизоромъ» въ высшемъ петербургскомъ обществѣ и въ петербургскихъ журналахъ, глубоко потрясли Гоголя. Булгаринъ и Сенковскій руководили мнѣніемъ русской публики въ литературныхъ вопросахъ. Еще въ 1834 г. въ письмѣ Погодину Гоголь указываетъ на солидарность Сенковскаго съ Гречемъ (который былъ главнымъ редакторомъ «Библіотеки для чтенія») и Булгаринымъ. Въ тридцатыхъ годахъ Булгаринъ пользовался особеннымъ довѣріемъ въ административныхъ сферахъ: оттуда прислушивались къ его голосу. Во 2-мъ № «Сѣверной Пчелы» 1831 года напечатанъ былъ слѣдующій отрывокъ изъ письма гр. Бенкендорфа къ Булгарину: «Государь Императоръ изволилъ отозваться, что Его Величеству весьма пріятны труды и усердіе ваше къ пользѣ общей и что Его Величество, будучи увѣренъ въ преданности вашей къ Его особѣ, всегда расположенъ оказывать вамъ милостивое свое покровительство. Увѣдомляя васъ съ особеннымъ удовольствіемъ о семъ благосклонномъ отзывѣ Его Императорскаго Величества, съ предоставленіемъ права дать оному гласность, имѣю честь быть и пр.» Гоголь не даромъ называлъ Булгарина «государственнымъ мужемъ». И вотъ вмѣсто той «современной славы», которой такъ «жаждалъ» Гоголь, приступая къ сочиненію своей первой комедіи, на голову несчастнаго писателя посыпались обвиненія чуть не въ государственномъ преступленіи; онъ слышалъ вокругъ себя зловѣщіе возгласы: «либералъ! революціонеръ! клеветникъ на Россію! въ Сибирь его!» Казалось, паническій страхъ овладѣлъ Гоголемъ. Его первою мыслью было «удалиться» изъ Россіи[561]).

15 мая 1836 года Гоголь писалъ Погодину: «Я не сержусь на толки, какъ ты пишешь; не сержусь, что сердятся и отворачиваются тѣ, которые отыскиваютъ въ моихъ оригиналахъ свои собственныя черты и бранятъ меня; не сержусь, что бранятъ меня непріятели литературные, продажные таланты. Но грустно мнѣ это всеобщее невѣжество, движущее столицей; грустно, когда видишь, что глупѣйшее мнѣніе ими-же опозореннаго и оплеваннаго писателя дѣйствуетъ на нихъ-же самихъ и ихъ-же водитъ за носъ. Грустно, когда видишь, въ какомъ еще жалкомъ состояніи находится у насъ писатель. Все противъ него, и нѣтъ никакой сколько-нибудь равносильной стороны за него. «Онъ зажигатель! Онъ бунтовщикъ!» И кто-же это говоритъ? Это говорятъ люди государственные, люди выслужившіеся, опытные, люди, которые должны-бы имѣть на сколько-нибудь ума, чтобъ понять дѣло въ настоящемъ видѣ, люди, которые считаются образованными, и которыхъ свѣтъ, — по крайней мѣрѣ русскій свѣтъ, — называетъ образованными. Выведены на сцену плуты — и все въ ожесточеніи: «зачѣмъ выводить на сцену плутовъ?»

561) Тихонравовъ. II. 788.

«Пусть сердятся плуты, но сердятся тѣ, которыхъ я не зналъ вовсе за плутовъ. Прискорбна мнѣ эта невѣжественная раздражительность, признакъ глубокаго, упорнаго невѣжества, разлитаго на наши классы... Я огорченъ не нынѣшнимъ ожесточеніемъ противъ моей піесы, меня заботитъ моя печальная будущность. Провинція уже слабо рисуется въ моей памяти, черты ея уже блѣдны. Но жизнь петербургская ясна передъ моими глазами, краски ея живы и рѣзки въ моей памяти. Малѣйшая черта ея—и какъ тогда заговорятъ мои соотечественники?» Нѣсколько ранѣе 29 апрѣля. Гоголь писалъ Щепкину: «Всѣ противъ меня, чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ лицахъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня. Бранятъ и ходятъ на пьесу: на четвертое представленіе нельзя достать билетовъ. Если бы не высокое заступничество Государя, піеса моя не была бы ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея».

Вскорѣ послѣ перваго представленія «Ревизора», «опозоренный» писатель спѣшилъ «разгулять свою тоску» за границею: онъ желалъ «забыться»; простое упоминаніе друзей о «Ревизорѣ» раздражало его и поднимало въ немъ желчь. Онъ и слышать о немъ не хотѣлъ: даже въ концѣ января 1837 года поэтъ писалъ Прокоповичу изъ Парижа: «Мнѣ страшно вспомнить обо всѣхъ моихъ мараньяхъ. Они въ родѣ грозныхъ обвинителей являются глазамъ моимъ. Забвенья, долгаго забвенья проситъ душа. И если бы появилась такая моль, которая бы съѣла внезапно всѣ экземпляры «Ревизора», а съ ними «Арабески», «Вечера» и всю прочую чепуху, и обо мнѣ въ теченіи долгаго времени ни печатно, ни изустно не произносилъ никто ни слова,—я бы благодарилъ судьбу».

Такое настроеніе, конечно, не могло продолжаться долго. Великій писатель вновь принимается за благородный подвигъ «усовершенствованія плодовъ любимыхъ думъ».

Получивши отъ Гоголя исправленныя сцены четвертаго дѣйствія «Ревизора», Погодинъ поспѣшилъ напечатать ихъ въ «Прибавленіи къ изящной словесности» четвертой книжки «Москвитянина» на 1841 годъ (стр. 578—593), подъ заглавіемъ: «Новыя сцены къ комедіи «Ревизоръ». Къ нимъ сдѣлана была слѣдующая выноска: «Авторъ прислалъ изъ Рима «Ревизора» для новаго изданія, исправленнаго. Слѣдующими сценами замѣняется прежнее начало 4 дѣйствія». Въ концѣ сценъ припечатано было извѣстіе: «Второе изданіе будетъ готово къ 1 мая и т. д. Только въ первомъ изданіи «Сочиненій Гоголя» (1842 г.) напечатана была послѣдняя, окончательно выработанная редакція «Ревизора». Новая переработка коснулась уже не отдѣль-

ныхъ сценъ дорогого Гоголю творенія,— она прошла по всей піесѣ отъ начала до конца [562]).

На заглавномъ листѣ печатнаго изданія этой окончательной редакціи «Ревизора». (въ «Сочиненіяхъ Гоголя». 1842 г.) появился эпиграфъ: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива». Вмѣстѣ съ тѣмъ въ уста Городничему вложены слова: «Найдется щелкоперъ, бумагамарака, въ комедію тебя вставитъ. Вотъ что обидно! Чина, званія не пощадитъ, и будутъ всѣ скалить зубы и бить въ ладоши. Чему смѣетесь? Надъ собою смѣетесь! Эхъ вы!.. У, щелкоперы, либералы проклятые! чортово сѣмя! Узломъ бы васъ всѣхъ завязалъ, въ муку бы стеръ васъ всѣхъ, да чорту въ подкладку! въ шапку туда ему!»

Бранныя слова и угрозы, которыя раздались тотчасъ послѣ перваго представленія «Ревизора» по адресу автора, повторяются теперь со сцены,— осмѣяннымъ Городничимъ въ минуту изступленія. Окончаніе послѣдней редакціи «Ревизора» не даромъ совпало съ отдѣлкою для печати «Театральнаго Разъѣзда послѣ представленія новой комедіи» [563]).

Изъ другихъ комедій великаго писателя пьеса «Игроки» напечатана была въ первый разъ въ четвертомъ томѣ перваго изданія «Сочиненій Н. Гоголя» (1842 г.). Она помѣщена здѣсь въ отдѣлѣ, озаглавленномъ: «Драматическіе отрывки и отдѣльныя сцены (1802 по 1837 годъ).

Въ перепискѣ Гоголя съ разными лицами за время 1832—1836 гг. не сохранилось никакихъ свидѣтельствъ о времени, когда были задуманы «Игроки», когда были сдѣланы первые наброски этого произведенія [564]).

Въ драматической литературѣ 30-хъ годовъ, послѣ комедій Гоголя должно еще отмѣтить «Маскарадъ» Лермонтова.

На фактуру стиха «Маскарада» повліяло «Горе отъ ума», но на характеры, группировку фактовъ и пружинъ дѣйствія — «Отелло» Шекспира. Въ князѣ Звѣздичѣ замѣтны черты Яго, въ Нинѣ — Дездемоны, въ Арбенинѣ — Отелло. Въ то же время Лермонтовъ, какъ и Грибоѣдовъ пытался дать картину свѣтскаго общества 30-хъ годовъ. Арбенинъ — прототипъ Печорина— мрачный и умный человѣкъ съ сильными стремленіями, желаетъ стать выше окружающей среды. Въ Арбенинѣ еще много выдуманнаго и подражательнаго. Замѣчательны также и юношескія драмы Лермонтова. Его «Странный человѣкъ» съ рѣзкимъ протестомъ противъ крѣпостного строя, былъ написанъ одновременно съ однородной по настроенію и идеямъ юношеской драмой Бѣлинскаго.

562) Тихонравовъ. II. 655.

563) Тихонравовъ. II. 656.

564) Тихонравовъ. II. 715.

БИБЛІОГРАФІЯ: Николай Васильевичъ Гоголь. (19 марта 1809—21 февраля 1852 г.). Изданія: Сочиненія и письма Н. В. Гоголя. Кулиша. 6 томовъ. Спб. 1857 г. Сочиненія, изд. 10-ое. Т. I—V. Ред. Н. Тихонравова. М. 1889—1890 гг. т. VI—VII. Ред. Н. Шенрока. Спб. 1896 г. Письма Гоголя въ 4 томахъ, редакція Шенрока. Спб. 1901 г. Шенрока. Матеріалы для біографіи Гоголя. 4 тома. М. 1892—1898 г. Горожанскій. Библіографическій указатель о Н. В. Гоголѣ отъ 1829 по 1882 г. (Русская Мысль. 1883 г. Приложеніе). С. Пономаревъ. Обзоръ литературы о Гоголѣ въ «Извѣстіяхъ Нѣжинскаго филологич. Института» за 1882 г.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Сороковые годы.

(1840—1850).

I. «Москвитянинъ» Погодина.—«Взглядъ Русскаго на образованіе Европы» Шевырева.—Преповѣдь народности.—«Возможна ли у насъ Германская философія?» И. И. Давыдова.—Успѣхъ журнала.—Два анекдота о чиновникахъ.—Предложеніе гр. Бенкендорфа запретить журналъ Погодина.—Вопросъ Словенскій.—Строгановъ противъ «Москвитянина».—Недружелюбное отношеніе къ нему славянофиловъ.—«Отрѣшеніе» Бѣлинскаго отъ старыхъ взглядовъ.—Бѣлинскій и «Отечественныя Записки» Краевскаго.—Кругъ «западный».—Поклоненіе Жоржъ-Зандъ.—«Разумъ и отрицаніе».—Проповѣдь женской эмансипаціи.—«Соціальность».—«Взглядъ на современное направленіе Русской Литературы» («Сторона черная») Шевырева.—«Педантъ» Бѣлинскаго.—Федоръ Картофелинъ.—«Оффиціальная народность».—Герценъ и Славянофилы.—Юрій Федоровичъ Самаринъ.—Михаилъ Никифоровичъ Катковъ въ Берлинѣ.—«Вторая» философія Шеллинга.—Николай Платоновичъ Огаревъ.—Маркизъ Кюстинъ и его книга «La Russie en 1839 г.».—Алексѣй Феофилактовичъ Писемскій.—«Симбирскій Сборникъ».—«Московскіе Сборники».—«Молодой Москвитянинъ».—Тимофей Николаевичъ Грановскій.—Его публичныя лекціи.—Лекціи Шевырева.—Полный разрывъ «славянофиловъ» и «западниковъ».—«Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями» Гоголя.—Скандалъ при появленіи этой книги.—Письмо Бѣлинскаго.—Непосланный отвѣтъ Гоголя.—Натуральная школа.—«Петербургскій Сборникъ».—«Современникъ» Панаева и Некрасова.—Валеріанъ Николаевичъ Майковъ.—Кончина Бѣлинскаго.—1848 годъ.—II. «Ложно-Величавая» школа беллетристовъ.—Романы Нестора Васильевича Кукольника.—«Эвелина» и «Альфъ».—Школа Пушкина, Гоголя и Бѣлинскаго.—Проза Лермонтова.—«Герой нашего времени».—Печоринъ.—«Мертвыя Души».—Федоръ Михайловичъ Достоевскій.—«Бѣдные люди».—Кончины Шишкова, Шатрова, Лермонтова, Крылова, Баратынскаго, Шаховского, Полевого, Языкова.—Отъѣздъ Герцена заграницу.—1852 годъ.—«ужасный высокосъ».—Кончины Гоголя, Жуковскаго и Загоскина.—Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.—Первыя повѣсти его.—«Записки охотника».—«Хорь и Калинычъ».—Герои

40-хъ годовъ.—«Кто виноватъ?».—Типъ Бѣльтова.—Александръ Васильевичъ Дружининъ.—«Полинька Саксъ».—«Обыкновенная исторія» Гончарова.—«Деревня» и «Антонъ Горемыка» Григоровича.—Повѣсти Буткова, Гребенки, Вл. Даля.—«Тарантасъ» гр. Соллогуба.—Прямой путь къ самобытности.—III. Послѣднія произведенія Жуковскаго.— «Наль и Дамаяньти». — «Рустемъ и Зарабъ». —«Одиссея».—«Вѣчный жидъ».—«Царскосельскій лебедь».—Баратынскій и Языковъ. — «Молитва». — «Землетрясеніе».— Плеяда сороковыхъ годовъ.— Стихотворенія Огарева.— Эдуардъ Ивановичъ Губеръ.— Переводъ «Фауста» Гете. — «Антоній». — Яковъ Петровичъ Полонскій. — «Гаммы». — «Сазандаръ». —Афанасій Афанасьевичъ Фетъ (Шеншинъ).—«Лирическій пантеонъ».— «Снѣга».—«Гаданія».—«Вечера и ночи».—Аполлонъ Николаевичъ Майковъ.— Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ. — Юлія Валеріановна Жадовская. — Иванъ Петровичъ Мятлевъ.—«Сенсаціи и замѣчанія госпожи Курдюковой за границей, дан-л'этранже».—«Камеражи».—«Фонарики».— Николай Алексѣевичъ Некрасовъ.—Его «студенческая жизнь».—«Мечты и звуки».—Первыя пѣсни Некрасова.—«Въ дорогѣ». «Огородникъ». «Тройка».—«Ѣду ли ночью».— Тарасъ Григорьевичъ Шевченко и его «Кобзарь».—IV. Репертуаръ сороковыхъ годовъ. — Полевой и Кукольникъ. — Водевилисты и мелодраматисты. — Александръ Николаевичъ Островскій. —«Семейная картина». — «Банкротъ» или «Свои люди сочтемся».— Островскій и «Бутурлинскій» негласный комитетъ.— Значеніе Островскаго въ русской драматургіи.

I.

§ 1. Въ первый день новаго 1841 года, вышелъ первый нумеръ «Москвитянина» Погодина. «Направленской» статьей его былъ «Взглядъ Русскаго на образованіе Европы» Шевырева: «Западъ и Россія — говорилъ другъ Погодина,— стоятъ лицомъ къ лицу! Увлечетъ ли насъ онъ въ своемъ всемірномъ стремленіи? Или устоимъ мы въ своей самобытности? Образуемъ міръ особый, по началамъ своимъ, а не тѣмъ же европейскимъ?.. Въ нашихъ искреннихъ, дружескихъ, тѣсныхъ сношеніяхъ съ западомъ мы не примѣчаемъ, что имѣемъ дѣло какъ будто съ человѣкомъ, носящимъ въ себѣ злой, заразительный недугъ... Мы цѣлуемся съ нимъ, обнимаемся, дѣлимъ трапезу мысли, пьемъ чашу чувства... и не замѣчаемъ скрытаго яда въ безпечномъ общеніи нашемъ, не чуемъ въ потѣхѣ пира будущаго трупа, которымъ онъ уже пахнетъ... Но если мы и вынесли нѣкоторые неизбѣжные недостатки отъ сношеній нашихъ съ западомъ, зато мы сохранили въ себѣ чистыми три коренныя чувства, въ которыхъ сѣмя и залогъ нашему будущему развитію. Мы сохранили наше древнее чувство религіозное... Второе чувство, которымъ крѣпка Россія... есть чувство ея государственнаго единства... Третье коренное чувство наше есть сознаніе нашей народности... Объ это чувство разбиваются всѣ частныя безплодныя усилія нашихъ соотечественниковъ привить къ намъ то, что нейдетъ къ Русскому уму и къ Русскому сердцу».

Такимъ образомъ впервые является въ обращеніе идея о «гніеніи» запада, сама по себѣ, несомнѣнно, западнаго же происхожденія. Мы встрѣчаемъ ее у Местра, когда онъ говоритъ, что Россія отогрѣла замерзшія сѣмена культуры въ «грязи регентства» — dans les boues de la régence. Въ той же книжкѣ И. И. Давыдовъ напечаталъ разсужденіе: «Возможна ли у насъ Германская философія?», въ которомъ доказывалъ, что не возможна, «по противорѣчію ея нашей народной жизни религіозной, гражданской и умственной, тѣмъ болѣе, что она перестаетъ быть оракуломъ, даже и для своихъ соотечественниковъ. Философія, какъ поэзія и всякое творчество, должна развиться изъ жизни народа».

Стихотвореніе Ѳ. Н. Глинки «Москва» замыкало «направленскую» часть книжки знаменитыми куплетами.

Кто царь-колоколъ подниметъ?
Кто царь-пушку повернетъ?
Шляпы кто, гордецъ, не сниметъ
У святыхъ въ Кремлѣ воротъ?

Нѣсколько не въ тонъ и видимо «страха ради іудейска», ибо слишкомъ бранить Европу тоже не полагалось и вѣдомство иностранныхъ дѣлъ могло обидѣться, написалъ самъ Погодинъ о Петрѣ: «Нынѣшняя Россія, т. е. Россія Европейская дипломатическая, политическая, военная, Россія коммерческая, мануфактурная, Россія школьная, литературная, — есть произведеніе Петра Великаго... дома, на улицѣ, въ церкви, въ училищѣ, въ судѣ, въ полку, на гуляньѣ — все онъ, все онъ, всякій день, всякую минуту, на всякомъ шагу!».

Первая книжка «Москвитянина» все же была такъ ярко окрашена, что имѣла успѣхъ въ Петербургѣ. Малороссъ Квитко писалъ Шевыреву: «Критика у васъ благородна, здорова, справедлива, право правяща слово истины», а извѣстный Даль: «Это — первый журналъ, въ которомъ есть цвѣтъ, краска, видишь повременное изданіе, видишь, что издатель держится цѣли, маяка, знаешь, чего искать». Это послѣднее качество журнала могло однако навести его на неожиданные подводные камни. Такъ князь П. А. Вяземскій писалъ Шевыреву: «Продолжайте, и мы будемъ имѣть журналъ. Только, ради Бога, будьте осторожны, бдительны, зорки, догадливы... Журналисту нуженъ необыкновенно тонкій тактъ. Въ Москвѣ очень трудно въ этомъ отношеніи издавать журналъ. Вы тамъ руководствуетесь благоразуміемъ и совѣстью, и думаете, что довольно. Ничуть! Есть еще тысяча необходимыхъ условій». Въ своемъ «дневникѣ» Погодинъ записываетъ свой разговоръ съ графомъ А. П. Толстымъ: «Журналъ вашъ запретятъ, сказалъ онъ, потому что въ немъ слишкомъ ясенъ Русскій духъ и много Православія. Есть ка-

кая-то невидимая, тайно дѣйствующая сила, которая мѣшаетъ всякому добру въ Россіи»[565]).

Въ самомъ дѣлѣ, въ третьей книжкѣ «Москвитянина» было напечатано нѣсколько совершенно невинныхъ анекдотовъ. «Съ самаго начала я сдѣлалъ планъ, объяснялъ по поводу нихъ Погодинъ, чтобъ десять печатныхъ листовъ посвящать дѣльному и серьезному, а остальные, отъ пяти до десяти, всякой всячинѣ, которая удовлетворяетъ большинству подписчиковъ... Иначе журналъ остался бы при образованныхъ однихъ читателяхъ, которыхъ счетомъ сто въ Петербургѣ, сто въ Москвѣ, и сто въ губерніяхъ». Любопытное признаніе для журнала, въ которомъ Шевыревъ заявлялъ претензію на самобытную русскую культуру. По поводу «всякой всячины», которой думалъ сдабривать свой журналъ Погодинъ, немедленно было получено Уваровымъ отъ графа Бенкендорфа оффиціальное письмо: «Въ третьей части журнала Москвитянинъ, издаваемаго М. Погодинымъ, въ отдѣленіи Смѣсь напечатаны два анекдота о чиновникахъ... Статьи такого рода показываютъ недостатокъ уваженія издателя къ образованной публикѣ и желаніе угодить ими самому развратному классу людей; сверхъ сего, подобные анекдоты высказываютъ въ издателѣ не одно безвкусіе, но и злоупотребленіе довѣрія, которымъ, какъ журналиста, облекло его Правительство, ибо выставлять чиновниковъ въ такомъ невѣроятномъ и отвратительномъ видѣ, клеветать ихъ поступками и дѣйствіями, въ сословіи чиновниковъ въ настоящее время не существующими, и придавать имъ безобразные характеры, есть преступленіе предъ Правительствомъ, коего чиновники суть органы... Этихъ причинъ, по мнѣнію моему, было бы весьма достаточно, чтобы воспретить г. Погодину изданіе Москвитянина».

Уваровъ заступился, однако предупреждалъ Погодина: «На этотъ разъ я могу этотъ шумъ прекратить; впредь не отвѣчаю». Одной изъ важныхъ заслугъ «Москвитянина», надо признать то, что въ немъ поднятъ былъ вопросъ о славянствѣ и славянскихъ земляхъ, нашло отголоски возрожденіе чеховъ и славянскій романтизмъ, а также выказывалось сочувствіе къ малорусской литературѣ, которую Бѣлинскій не понималъ и не признавалъ. Надеждинъ въ это время путешествовалъ по славянскимъ землямъ. Въ «Москвитянинѣ» появилось его письмо, гдѣ онъ говоритъ: «Вопросъ Восточный, до сихъ поръ занимавшій собой исключительно умы политиковъ и столбцы газетъ, теперь смѣнился Вопросомъ Словенскимъ. Со всѣхъ концовъ Германіи бьютъ тревогу, распускаютъ слухи, подозрѣнія, страхи; проповѣдуютъ вообще ополченіе противъ какого-то страшилища, окрещеннаго мистическимъ именемъ панславизма... Возрожденіе Словенизма, которое производитъ столько шуму и толковъ, есть собственно не что иное, какъ

[565]) Барсуковъ. Погодинъ. Томъ 6-й. Стр. 53.

возрожденіе Словенской литературы. Естественность и законность этого движенія Словенской народности очень хорошо понимается тамъ, гдѣ вещи обсуживаются прямѣе и свѣтлѣе. Нынѣшній король Прусскій Фридрихъ Вильгельмъ IV уже декретировалъ учрежденіе каѳедры словенскихъ языковъ при университетахъ Берлинскомъ и Бреславскомъ. Въ Австріи, гдѣ словене составляютъ двѣ трети всего народонаселенія Имперіи, разумѣется возрожденіе ихъ ощутительнѣе... Труды и усилія чеховъ слишкомъ извѣстны. Имъ подаютъ теперь руку Кроаты, подъ предводительствомъ пламеннаго патріота Гая. Гай дѣйствуетъ точно какъ нашъ Новиковъ: онъ завелъ въ Загребѣ типографію, и сыплетъ въ народъ книгами на народномъ языкѣ... этого было довольно, чтобы зашумѣть о панславизмѣ! Впрочемъ само Правительство оказываетъ благосклонность, даже покровительствуетъ патріотическому рвенію Гая. Онъ безъ труда получилъ привиллегію на открытіе типографіи... Вукъ, давній житель Вѣны, приготовилъ новое изданіе своего Собранія Сербскихъ народныхъ пѣсенъ, этого истинно безцѣннаго сокровища не для однихъ сербовъ, но для всего словенскаго міра». Погодинъ заявлялъ, что онъ ставитъ «своей миссіей распространять въ Россіи свѣдѣнія о племенахъ словенскихъ» [566]).

Этого было достаточно, чтобы Московскій попечитель графъ С. Г. Строгановъ обратился къ Уварову съ письмомъ такого содержанія: «Въ послѣдніе годы нѣкоторые журналы, и въ особенности Москвитянинъ, приняли за особенную тему выставлять живущихъ подъ владычествомъ Турціи и Австріи словенъ, какъ терпящихъ особое угнетеніе... Согласно ли будетъ съ настоящими видами Правительства нашего: возбуждать участіе къ политическому порабощенію нѣкоторыхъ словенскихъ народовъ; представлять имъ Россію какъ главу, отъ которой могутъ они ожидать лучшаго направленія къ будущности своей и явно рукоплескать порывамъ ихъ къ эманципаціи. Я чувствую, что слабость самихъ писателей, принявшихъ это направленіе, дѣлаетъ и пропаганду не опасною; но здѣсь... просто вопросъ приличія въ своевременности». Уваровъ, однако, высказалъ, что «при извѣстной благонамѣренности обоихъ издателей Москвитянина, профессоровъ Погодина и Шевырева, можно надѣяться», что они «не подадутъ повода къ нареканіямъ». Если, однако, Погодинъ и Шевыревъ пользовались нѣкоторымъ расположеніемъ Уварова, зато противъ нихъ былъ главный начальникъ московской цензуры графъ С. Г. Строгановъ, болѣе покровительствовавшій западникамъ, и шефъ жандармовъ гр. А. Х. Бенкендорфъ.

566) Москвитянинъ. 1841. № 6. Стр. 515—525; №1, стр. 460—462. Барсуковъ. Погодинъ. Томъ 6-й. Стр. 141.

§ 2. Къ началу изданія «Московитянина». въ Петербургѣ Бѣлинскій окончательно порвалъ съ старыми «руссисками» тенденціями. О своихъ статьяхъ конца 1839 и начала 1840 года онъ не могъ слышать равнодушно и вообще «отрѣшился отъ идеалистическихъ воззрѣній стараго московскаго кружка».

«Бѣлинскій начиналъ съ того содержанія, какое представляла наша общественная образованность къ началу тридцатыхъ годовъ; въ то время были только слабые зародыши понятій, какія стали высказываться въ сороковыхъ годахъ, и путь, пройденный Бѣлинскимъ, является необходимымъ, логическимъ путемъ литературнаго движенія»[567]).

«Отечественныя Записки» поглощали теперь всю дѣятельность Бѣлинскаго. Отдѣлъ критики и библіографіи держался на Бѣлинскомъ. Редакція еще до участія Бѣлинскаго доставила журналу нѣкоторыя литературныя связи. Явились имена Лермонтова, кн. Одоевскаго, гр. Соллогуба и пр. Печатались посмертныя стихотворенія Пушкина. Но въ отношеніи направленія, журналъ унаслѣдовалъ только отъ Пушкинскаго круга неясное уваженіе къ «искусству», вражду къ Булгарину и Гречу и легкій душокъ особаго руссизма. Самостоятельная физіономія дана была журналу всецѣло Бѣлинскимъ и его друзьями. Прежній кружокъ, родоначальникомъ котораго былъ Станкевичъ, сложился въ гораздо болѣе обширный кругъ людей, который стали называть «западнымъ». Этотъ кругъ представлялъ созвѣздіе рѣдкихъ талантовъ и характеровъ, «людей сороковыхъ годовъ», объединенныхъ «аннибаловой клятвой» ненависти къ крѣпостному строю Россіи. Литература передавала ихъ мысли, равно какъ и мысли ихъ противниковъ «славянофиловъ» далеко не полно; невольныя умолчанія скрыли для насъ, конечно, наиболѣе пламенныя, сильныя выраженія ихъ мысли, и наиболѣе краснорѣчивыя страницы ихъ писаній. Правда, эти страницы сохранились въ тѣхъ западныхъ книгахъ, съ которыхъ копировались... Къ старымъ предметамъ восторженнаго удивленія, какъ Шекспиръ, Гете, Шиллеръ, присоединились новые. Жоржъ-Зандъ была для всего кружка высокимъ авторитетомъ. Враждебныя партіи (Гречъ и Булгаринъ, Сенковскій, Полевой), вліянія которыхъ Бѣлинскій опасался еще такъ недавно, падаютъ сами собой, не столько отъ полемики, веденной противъ нихъ, сколько отъ самаго достоинства взглядовъ Бѣлинскаго. Время зрѣло. Зрѣла и публика. Вкусъ воспитывался. Старая пошлость и пріѣлась, да и перестала удовлетворять развившейся потребности въ идеяхъ. Свѣтъ загорался въ тьмѣ, хотя она густѣла съ каждымъ днемъ. Сердца пробуждались. Совѣсть поднималась изъ глубины общественнаго сознанія. Литература нарождалась.

---

[567]) А. Н. Пыпинъ. Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Томъ 2-й. 1876. Стр. 97.

воззрѣнія Бѣлинскаго торжествовали. Движеніе самой литературы блистательно оправдывало великаго критика. Посмертное изданіе Пушкина открывало новыя, прекрасныя произведенія его зрѣлой эпохи; по смерти Лермонтова въ «Отечественныхъ Запискахъ» долго появлялись юношескія поэмы и новыя великолѣпныя стихотворенія; Гоголь завершилъ свою дѣятельность «Мертвыми Душами»; стихотворенія Кольцова открывали новый путь народно-литературной поэзіи. Единственными противниками, съ которыми Бѣлинскому и друзьямъ его приходилось бороться,—оставались славянофилы [568]).

По словамъ Пыпина, теперь Бѣлинскій «предаетъ осужденію всѣ преданія и пустыя формы, и провозглашаетъ разумъ и отрицаніе». Гегель идетъ на смарку. «Менцель умнѣе Гегеля, а о Гейне нечего и говорить». Бѣлинскій уже теперь не вѣритъ, что въ Пруссіи «совершеннѣйшее государство». Совсѣмъ нѣтъ! Лучшее государство Сѣверо-Американскіе Штаты, а потомъ Англія и Франція. Теперь, по мнѣнію Бѣлинскаго, «женщина есть жертва, раба новѣйшаго общества». «Вдохновенная пророчица, энергическій адвокатъ правъ женщины»—недавно ненавистная ему—Жоржъ-Зандъ. Французы въ отношеніи женской эмансипаціи—великій народъ. «Мельхіоръ».—повѣсть Ж.-Занда,—божественное произведеніе. «Мельхіоръ потрясъ меня, какъ откровеніе, писалъ Бѣлинскій, какъ блескъ молніи, озарившей безконечное пространство—и я пролилъ слезы божественнаго восторга, священнаго безумія... Кстати: Ты срѣзался на Consuelo—это великое, божественное произведеніе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ прочесть страницу отъ строки: Tout-à-coup il sembla à Consuelo que le violon d'Albert parlait et qu'il disait par la bouche de Satan, и пр.». Какъ видимъ, старый романтикъ сказывается въ гиперболическомъ языкѣ недавняго реалиста. Письма къ Боткину, въ значительной мѣрѣ воспроизведенныя въ извѣстномъ трудѣ г. Пыпина, даютъ любопытныя страницы самонаблюденій Бѣлинскаго:

«Ученые профессора наши—педанты, гниль общества; полуграмотный купецъ Полевой даетъ толчокъ обществу, дѣлаетъ эпоху въ его литературѣ и жизни... я, какъ ты мнѣ самъ говорилъ въ послѣднее свиданіе, фактъ русской жизни. Но посмотри, что же это за уродливый... фактъ! Я понимаю Гете и Шиллера лучше тѣхъ, которые знаютъ ихъ наизусть, а не знаю по-нѣмецки.»

«Увы, другъ мой, я теперь забился въ одну идею, которая поглотила и пожрала меня всего. Ты знаешь, что мнѣ не суждено попадать въ центръ истины, откуда въ равномъ разстояніи видны всѣ крайнія точки ея круга: нѣтъ, я какъ-то всегда очучусь на самомъ краю. Такъ и теперь: я весь въ идеѣ гражданской доблести, весь въ паѳосѣ правды и чести, и мимо ихъ

[568]) Пыпинъ. II, 102—103.

мало замѣчаю... Во мнѣ развилась какая-то фанатическая любовь къ свободѣ и независимости человѣческой личности, которая возможна только при обществѣ, основанномъ на правдѣ и доблести... На почвѣ Греціи и Рима выросло новѣйшее человѣчество... Обаятеленъ міръ древности. Въ его жизни зерно всего великаго, благороднаго, доблестнаго, потому что основа его жизни—гордость личности, неприкосновенность личнаго достоинства».

Но чего же и надо было русскому обществу? Какихъ еще идей, кромѣ «пафоса правды и чести»? Какого еще паладина этого пафоса, имъ переполненнаго, какъ не Бѣлинскаго? О чемъ еще, кромѣ достоинства личности, говорить было среди крѣпостныхъ рабовъ? Произнося свою «аннибалову клятву», Бѣлинскій «кланяется философскому колпаку» Гегеля съ его «дѣйствительно—разумно»[569]).

«Ища исхода, мы съ жадностію бросились въ обаятельную сферу германской созерцательности и думали, мимо окружающей насъ дѣйствительности, создать себѣ очаровательный, полный тепла и свѣта, міръ внутренней жизни. Мы не понимали, что эта внутренняя, созерцательная субъективность составляетъ объективный интересъ германской національности, есть для нѣмцевъ то же, что соціальность для французовъ.»—«Соціальность—вотъ девизъ мой. Что мнѣ въ томъ, что живетъ общее, когда страдаетъ личность?»

Появленіе «Москвитянина» на первыхъ порахъ было встрѣчено «Отечественными Записками» даже сочувственно: «Смѣло можемъ поручиться, что новое изданіе есть предпріятіе честное, добросовѣстное, благонамѣренное, чисто литературное, и нисколько не меркантильное; что у него будетъ своя мысль, свое мнѣніе, съ которымъ можно будетъ соглашаться и не соглашаться, но которыхъ нельзя будетъ не уважать». И. И. Панаевъ писалъ Погодину: «Москвитянинъ здѣсь чрезвычайно всѣмъ нравится, первый нумеръ заинтересовалъ всѣхъ, второго ждутъ съ нетерпѣніемъ,—а мы всѣ желаемъ вамъ отъ всего сердца тысячи четыре подписчиковъ».

Однако скоро началась словесная война. «Шевыревъ, говоритъ Н. Барсуковъ, вступилъ въ ожесточенную войну съ «Отечественными Записками» и Бѣлинскимъ, какъ прежде въ «Московскомъ Вѣстникѣ» съ «Телеграфомъ» и Полевымъ, а въ «Московскомъ Наблюдателѣ» съ «Библіотекою для чтенія» и Сенковскимъ. Съ своей стороны Бѣлинскій пришелъ въ ярость отъ первой же статьи Шевырева «о гніеніи Европы»: «Какъ можно писать и печатать подобныя вещи въ 1841 году отъ Р. Х.? Европа—изволите видѣть—окружена атмосферою опаснаго дыханія, полна скрытаго яда; она будущій трупъ, который уже пахнетъ; въ ней развращено воображеніе, развращена мысль, испорчены соки! Помилуйте! Да вѣдь это хула на науку и на искусство, на все живое, человѣческое, на самый прогрессъ человѣчества!»

---

569) Пыпинъ. II. 117.

Въ новогоднемъ нумерѣ (1842) Шевыревъ разразился «Взглядомъ на современное направленіе Русской Литературы» («Сторона черная»). Здѣсь онъ плакался, будто бы «на мѣсто прежнихъ славныхъ лицъ, на мѣсто литераторовъ, именами своими украшавшихъ славу (?) своего отечества, наступили компаніи журнальныя, образуемыя наборомъ перьевъ безымянныхъ». Тутъ же изобличается и Бѣлинскій—«рыцарь безъ имени», одѣтый «въ броню наглости», невѣжда, «бобыль литературный» (?), который не хочетъ уважить никакихъ преданій, не знаетъ никакого авторитета. Дантъ, Мильтонъ, Тассъ, Манзони, Ломоносовъ, Богдановичъ, Державинъ, Карамзинъ,—ему нипочемъ. За Шевыревымъ поднялся и М. А. Дмитріевъ, посредственный стихотворецъ, нѣкогда въ «Вѣстникѣ Европы» Каченовскаго, ополчавшійся на «Горе отъ ума» и «Телеграфъ». Онъ скропалъ стишки «безыменному критику»:

> Нѣтъ! Твой подвигъ не похваленъ!
> Онъ Россіи не привѣтъ!
> Карамзинъ тобой ужаленъ,
> Ломоносовъ—не поэтъ!

Однако «на натискъ пламенный» послѣдовалъ «отвѣтъ суровый». Бѣлинскій, подъ псевдонимомъ Петра Бульдогова, напечаталъ злой очеркъ: «Педантъ», гдѣ изображенъ былъ Шевыревъ подъ именемъ Леодора Картофелина, витязя «желтыхъ перчатокъ», въ статьяхъ котораго «было видно утомленіе отъ танцевъ, ибо за каждою фразою слѣдовало по крайней мѣрѣ три точки», а Погодина подъ видомъ «Литературнаго циника», который, вѣкъ свой живя въ бочкѣ, нажилъ себѣ дома и деревни, вѣкъ свой занимаясь исключительно перекупкою и перепродажею мусора, битой посуды, стараго желѣза и кирпича, успѣлъ увѣрить всѣхъ, что онъ и ученый, и литераторъ... Дѣйствіе этого памфлета было убійственное. Однако «Москвитянинъ» вступилъ преблагополучно и въ третій годъ своего существованія. Въ казовой книжкѣ Шевыревъ такъ формулировалъ свое направленіе: «Два направленія видны во всемъ движеніи русскаго образованія. Они должны отразиться противуположными образами мыслей и въ литературѣ. Одни признаютъ западно-европейское образованіе почти единственнымъ источникомъ, изъ котораго должна черпать жизненныя силы наша Россія, другіе, напротивъ, полагаютъ, что отечество наше только изъ самаго себя и черезъ самого себя, при содѣйствіи старшихъ учителей, должно и можетъ развивать свое образованіе... Поклонники Запада считаютъ Россію прекраснымъ, но порожнимъ сосудомъ, который назначенъ къ тому, чтобы получить полноту свою и содержаніе изъ западнаго хранилища... Защитники же Русскаго начала видятъ въ Россіи самобытное зерно, которое не иначе, какъ само изъ себя, изъ своихъ собственныхъ началъ, подъ высшимъ вліяніемъ мысли,

отъ Промысла ему предоставленной, должно развиваться». Вѣчная ошибка «самобытниковъ» въ томъ, что «зерна»—идеи, не самобытны, а всемірны, и даже надмірны; самобытна только почва, по скольку она вліяетъ на прозябаніе и развитіе сѣмени—идеи.

§ 3. По опредѣленію Герцена, «Москвитянинъ» выражалъ преимущественно университетскую, доктринерскую партію Славянофиловъ, отчасти и правительственную. Послѣднее—не совсѣмъ все-таки вѣрно. Отожествить Погодина и Шевырева, хотя бы съ представителемъ «офиціальной народности», воспитанникомъ іезуитовъ графомъ Бенкендорфомъ нельзя уже потому, что послѣдній былъ враждебенъ журналу. Въ то же время «Москвитянинъ» не пользовался особой симпатіей славянофиловъ, какъ старшихъ—Хомякова, С. Т. Аксакова, такъ и младшихъ: Кирѣевскихъ, К. Аксакова, Ю. Самарина, уже потому, что они были тогда погружены въ изученіе Гегеля.

Въ 1842 г. два видныхъ западника Т. Н. Грановскій и Е. Ѳ. Коршъ вступаютъ съ Погодинымъ въ переговоры, предлагая вступить въ число сотрудниковъ «Москвитянина». Грановскій дѣйствительно напечаталъ въ Москвитянинѣ 1843 года статью о началѣ Прусскаго государства. Бѣлинскій сильно негодовалъ на это. Поступокъ Грановскаго казался ему «непростительной неразборчивостью, холодностью къ дѣлу своей стороны».

Въ свою очередь Герценъ, проживая въ Москвѣ, не чуждался общества славянофиловъ. Онъ посѣщалъ знаменитый домъ Елагиныхъ и Кирѣевскихъ у Красныхъ воротъ. «Иванъ Кирѣевскій, конечно, замѣчательный человѣкъ, отзывался онъ въ своемъ «Дневникѣ», онъ фанатикъ своего убѣжденія такъ, какъ Бѣлинскій своего». Однако въ славянофильскомъ кружкѣ не было единства. Самаринъ и Константинъ Аксаковъ «исповѣдывали церьковь развивающуюся». Хомяковъ и Кирѣевскій были не согласны съ Самаринымъ. Затѣмъ произошло раздѣленіе и между Самаринымъ и Константиномъ Аксаковымъ...

«Вопросъ о церкви, говорилъ Самаринъ, зависитъ отъ вопроса философскаго и участь Церкви тѣсно, неразрывно связана съ участью Гегеля. Это для меня совершенно ясно, и потому съ полнымъ сознаніемъ отлагаю занятія богословскія и приступаю къ философіи». Яркое доказательство, что русское славянофильство, какъ и панславизмъ, «окраинофильство» и народничество, суть разновидность общеевропейскаго романтизма, порождены вѣяніемъ единаго мірового духа изъ нѣдръ единой европейской цивилизаціи, всемірной по сѣменамъ—идеямъ, самобытной по почвамъ, на которыя онѣ падаютъ. Лѣтомъ 1843 г. Самаринъ засѣлъ за Гегеля, съ цѣлью «оправдать Православіе гегелевой философіей».

Въ Москвѣ шли тогда нескончаемые споры. Вернувшись изъ Новгород-

ской ссылки. Александръ Ивановичъ Герценъ поразился существованіемъ въ Москвѣ «множества партій самыхъ непонятныхъ». По его мнѣнію. «партія католиковъ всѣхъ дальше въ нелѣпости»: «Князь Гагаринъ считаетъ Чаадаева отсталымъ. Партія православныхъ. Кирѣевскій en tête, а потомъ и Шевыревъ—диллетанты религіи. и Словенофилы и Русофилы, и Аксаковъ полу-гегеліанецъ. и полу-православный.» Герценъ любилъ однако встрѣчаться и спорить съ братьями Кирѣевскими, Хомяковымъ, Самаринымъ, К. Аксаковымъ. Все это были тогда еще nos ennemis les amis, люди одного общества, воспитанія. «Въ нихъ. какъ во всѣхъ фанатикахъ, говорилъ Герценъ о славянофилахъ, не достаетъ любви... Оттого, что Руси общечеловѣческое начало начали прививать неестественно, насильственно, они ополчились противъ общечеловѣческой цивилизаціи Европы, считая ее однимъ блескомъ пустымъ и ложнымъ... Кирѣевскіе послѣдовательнѣе Аксакова и Самарина; тѣ хотятъ на основаніяхъ современной науки построить зданіе Словено-Византійское, они по Гегелю доходятъ до Православія и по западной наукѣ до отверженія Западной Исторіи. Юрій Самаринъ сознавался Герцену, что онъ «ясно не можетъ развить логически свою мысль о имманентномъ сосуществованіи религіи съ наукой, что das Aufheben оставляетъ церковь во всей ея дѣйствительности». Мы видимъ тутъ жаргонъ, подобный тому, который употреблялся въ 30-хъ годахъ въ кружкѣ Станкевича. Въ заключеніе споровъ Герценъ восклицаетъ:

«Словенобѣснующіеся не понимаютъ Исторіи, не понимаютъ Европейскаго развитія—это помѣшательство».

3-го іюня 1844 года состоялся диспутъ Самарина: «Вчера, писалъ въ дневникѣ Герценъ, Самаринъ защищалъ свою диссертацію. Непонятное сочетаніе высокихъ діалектическихъ способностей этого человѣка съ жалкими православными теоріями и съ утрированнымъ Словенизмомъ; въ немъ противорѣчіе это бросается особенно въ глаза, потому что у него рѣшительно логика преобладаетъ надъ всѣмъ». А вотъ, какъ отозвался о диссертаціи П. Я. Чаадаевъ: «Подъ покровомъ двухъ именъ. Стефана Яворскаго и Өеофана Прокоповича, дѣло идетъ о томъ, возможна ли проповѣдь въ какой-либо иной церкви. кромѣ православной?.. Онъ разрушаетъ все западное христіанство и на его обломкахъ воздвигаетъ свое собственное, преисполненное высокимъ чувствомъ народности. и въ которомъ чудно примиряются всевозможныя отклоненія отъ первоначальнаго ученія Христова... Никогда, въ томъ я увѣренъ,—съ тайной ироніей продолжаетъ Чаадаевъ.— со времени существованія на землѣ университетовъ, молодой человѣкъ, едва оставившій скамью университетскую. не разрѣшалъ такъ удачно такихъ великихъ вопросовъ, не произносилъ съ такою властью, такъ самодержавно, такъ безкорыстно приговоръ надъ всѣмъ тѣмъ, что создало ту науку. ту образованность, которыми взлелѣянъ. которыми дышетъ. которыхъ язы-

комъ онъ говоритъ. Я былъ тронутъ до слезъ этимъ прекраснымъ торжествомъ современнаго направленія въ нашемъ Отечествѣ, въ нашей боголюбивой, смиренной Москвѣ»[570]).

Вслѣдъ за тѣмъ Самаринъ уѣхалъ въ Петербургъ служить. Онъ обмѣнялся письмами съ Герценомъ, который ему написалъ: «Въ васъ я видѣлъ организацію далеко сильнѣйшую, нежели во всѣхъ славянофилахъ, исключая, можетъ быть, И. В. Кирѣевскаго. Отдѣленіе такого человѣка, какъ вы, больно потому, что нельзя мимо васъ пройти. Вотъ вамъ мой комплементъ». Какъ сказано, словянофилы были не довольны «Москвитяниномъ» Погодина и журналъ задумалъ взять въ свои руки И. В. Кирѣевскій. Однако изъ этого ничего не вышло. Кирѣевскій издалъ только три нумера «Москвитянина» за 1845 г. и передалъ его обратно Погодину. Между тѣмъ этому переходу «Москвитянина» въ руки новаго редактора радовались не только славянофилы, но и западники. Кирѣевскій желалъ привлечь къ участію въ журналѣ Грановскаго и Герцена. Въ немъ начали было писать Жуковскій, кн. Вяземскій, А. И. Тургеневъ. Герценъ однако подтрунивалъ надъ обновленнымъ «Москвитяниномъ», въ конторѣ котораго обрѣтетъ исцѣленіе «гибнущая Европа», что «нося въ груди своей черныя пророчества А. С. Хомякова, утопая въ безстыдствѣ знанія, въ алчномъ себялюбіи, заставляющемъ европейцевъ жертвовать собою наукѣ, идеямъ, человѣчеству,— ищетъ совѣта, помощи»...

Гоголь въ письмѣ своемъ къ Языкову такъ отозвался о журналѣ Погодина: «Москвитянинъ», издаваясь уже четыре года, не вывелъ ни одной сіяющей звѣзды на словесный небосклонъ! Высунули носы какіе-то допотопные старики, поворотились и скрылись»[571]).

Дѣйствительно, «Москвитянинъ» едва-едва сводилъ концы съ концами, и Шевыревъ удивлялся, какъ онъ еще существуетъ. Между тѣмъ петербургскій органъ западниковъ, «Отечественныя Записки», процвѣталъ. У Краевскаго было три тысячи подписчиковъ въ 1843 году, что давало ему въ годъ 150,000 руб.

Взглядъ Гоголя на «Москвитянина» тѣмъ не менѣе былъ слишкомъ безнадежный. Журналъ все-же многое сдѣлалъ. Такъ въ противуположность «Отечественнымъ Запискамъ» и Бѣлинскому, «Москвитянинъ» весьма сочувственно относился къ малороссійской литературѣ. Подъ его сѣнію въ 1843 г. процвѣлъ «Молодикъ». Этотъ украинскій сборникъ издалъ ученикъ Погодина, И. Е. Бецкій, проживавшій въ Харьковѣ, при участіи Г. Ѳ. Квитки, князя А. А. Шаховскаго, Н. И. Костомарова, Т. Г. Шевченко и др. Здѣсь же впервые появились произведенія Н. Ѳ. Щербины.

---

[570]) Барсуковъ. Погодинъ. Томъ 7-й. Стр. 412.

[571]) Барсуковъ. Погодинъ. Т. 7-й. Стр. 388.

Но уже въ августѣ (8-го) 1843 г. Григорій Ѳедоровичъ Квитка, авторъ «Пана Холявскаго», (род. 1779 г.) скончался 64-хъ лѣтъ. Онъ началъ свое литературное поприще еще въ 1816 г., какъ одинъ изъ создателей Украинскаго Вѣстника». «Москвитянинъ» сердечно о немъ отозвался, и вмѣстѣ привѣтствовалъ новое малороссійское дарованіе—Пантелеймона Александровича Кулѣша. Это просвѣщенное отношеніе «Москвитянина» въ 40-хъ годахъ къ писателямъ - малороссамъ и Шевченко можно поставить въ параллель съ отношеніемъ въ 20-хъ «Телеграфа» къ польской литературѣ и Мицкевичу[572]).

Въ концѣ 1841 года въ Берлинѣ произошло цѣлое событіе въ области философіи. Ожидалась новая эпоха со вступленіемъ въ университетъ Шеллинга, нѣкогда друга и товарища, а потомъ врага Гегеля и крайняго противника его системы. Прусское министерство начинало иначе смотрѣть на философію Гегеля, которая была нѣкогда настоящей государственной, офиціальной философіей Пруссіи, считалась наилучшей школой и системой для благонамѣреннаго гражданина и для чиновника. Теперь она внушала большое недовѣріе, благодаря выдѣленію «лѣвой» гегельянства. Шеллингъ явился въ Берлинъ со «второй» своей Философіей Откровенія. Въ числѣ восторженныхъ его поклонниковъ сталъ, кончившій въ 1838 г. Московскій университетъ, и теперь завершавшій свое образованіе въ Берлинѣ, членъ кружка Станкевича, Михаилъ Никифоровичъ Катковъ[573]).

«Что читаешь? — писалъ между тѣмъ Бѣлинскому въ Петербургъ Грановскій,— смотри, братъ, не поддайся Берлинской философіи, которую собирается привезти къ намъ Катковъ... Читай французскихъ историковъ, и достань себѣ Enciclopedie Nouvelle: она познакомитъ тебя съ Пьеръ Леру... Читай, Виссаріонъ, а не то черезъ годъ тебѣ трудно будетъ писать».

Пока Катковъ «увлекался въ Берлинѣ философіей откровенія», другой любомудръ московскаго кружка 30-хъ годовъ покойнаго Станкевича Михаилъ Бакунинъ, напротивъ, примкнулъ къ молодымъ гегельянцамъ. «До меня дошли хорошіе слухи о Бакунинѣ, писалъ Бѣлинскій. Я и Бакунинъ искали Бога по разнымъ путямъ — и сошлись въ одномъ храмѣ. Я знаю, что онъ разошелся съ Вердеромъ, что онъ принадлежитъ къ лѣвой сторонѣ гегеліанизма, знакомъ съ Арнольдомъ Руге, и понимаетъ жалкаго, заживо умершаго романтика Шеллинга».

Въ началѣ 1843 года Катковъ вернулся въ Петербургъ, и его встрѣча съ Бѣлинскимъ была непріязненная. Но Катковъ очень сошелся съ ближайшимъ другомъ Герцена, Николаемъ Платоновичемъ Огаревымъ. Въ Москвѣ Катковъ поселился на Собачьей Площадкѣ, въ домѣ Хомякова и вошелъ

---

572) Барсуковъ. Погодинъ. Кн. VII. Стр. 136—141.

573) А. Н. Пыпинъ. Бѣлинскій. Т. II. Стр. 160—161.

въ дружелюбныя сношенія съ старшимъ поколѣніемъ словенофиловъ. Не смотря на это, Катковъ такъ характеризовалъ умственное настроеніе Москвы и Петербурга, которое онъ засталъ по возвращеніи своемъ изъ чужихъ краевъ: «Только и слышишь, что Гоголь, да Гегель, да Гомеръ, да Жоржъ-Зандъ .. Я здѣсь молчу и только слушаю: тамъ слышишь, что Россія гніетъ; здѣсь, что Западъ околѣваетъ, какъ собака на живодернѣ; тамъ, что философія цвѣтетъ теперь въ Россіи; здѣсь, что философія — есть не болѣе, какъ выраженіе нѣмецкаго филистерства. Но надъ всѣмъ царитъ въ непоколебимой высотѣ Гоголь»[574]).

Въ августѣ 1843 года вернулся въ Москву изъ чужихъ краевъ и Николай Михайловичъ Языковъ, другъ Гоголя и единомышленникъ словенофиловъ. А великимъ постомъ пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Берлина баронъ Августъ Гакстгаузенъ, «въ политикѣ крайній монархистъ, а въ религіи ультра-католикъ». Онъ предпринялъ затѣмъ путешествіе по Россіи для ознакомленія съ сельскимъ бытомъ ея. Онъ открылъ при этомъ русскую общину, что имѣло большое значеніе для нашихъ словенофиловъ. Еще въ 1839 г. посѣтилъ Россію французъ-туристъ маркизъ Кюстинъ, и въ 1843 г. явилась его книга: «La Russie en 1839 г.» Тютчевъ и Жуковскій плевали, читая ее и называли Кюстина—собакой. Иначе отозвался въ своемъ «дневникѣ» Погодинъ: «Прочелъ цѣлую книжку Кюстина. Много есть ужасающей правды о Россіи... За изображеніе дѣйствій деспотизма, для насъ часто непримѣтныхъ, я готовъ поклониться ему въ ноги».

«Безъ сомнѣнія, это самая занимательная и умная книга, писанная о Россіи иностранцемъ, помѣтилъ тогда - же въ своемъ дневникѣ и Герценъ. На Петра онъ смотритъ съ точки зрѣнія славянофиловъ—судитъ слишкомъ рѣзко, во многомъ справедливо... Царствованіе Екатерины онъ назвалъ длинной комедіей, которой она обманывала Европу... Книга эта дѣйствуетъ на меня, какъ пытка, какъ камень, приваленный къ груди; я не смотрю на ея промахи, основа воззрѣнія вѣрна; и это страшное общество, и эта страна—Россія. Его взглядъ оскорбительно много видитъ!..»

Въ № 1 «Москвитянина» 1844 года Погодинъ помѣстилъ «Переводы изъ Горація» —первый трудъ А. А. Шеншина—Фета. Годомъ раньше тамъже сталъ сотрудничать пріятель лирика, Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ, помѣщая стихи подъ псевдонимомъ А. Трисмегистовъ. Наконецъ, съ 1850 года «Москвитянинъ» вступаетъ въ новую эру. Въ немъ усиленно сталъ работать кружокъ даровитыхъ писателей, получившій впослѣдствіи названіе «Молодого Москвитянина»: А. Н. Островскій, Т. И. Филипповъ, Е. Н. Эдельсонъ, Б. Н. Алмазовъ, А. А. Григорьевъ, А. Ѳ. Писемскій, гр. Е. П. Ростопчина, актеры—П. М. Садовскій, позднѣе И. Ѳ. Горбуновъ составляли

---

[574]) Барсуковъ. Погодинъ. Кн. VII. Стр. 95.

этотъ кружокъ. Борисъ Николаевичъ Алмазовъ родился 17-го октября 1827 года въ г. Вязьмѣ Смоленской губерніи. Писать въ Москвитянинѣ онъ сталъ въ 1851 г. Не будь молодежи въ составѣ редакціи Москвитянина, развѣ осмѣлился бы Алмазовъ явиться къ надутому Шевыреву и чопорному, строгому Погодину со своими остроумными пародіями на Некрасова и Панаева, которыми онъ, подъ псевдонимомъ Эраста Благонравова, съ такимъ успѣхомъ здѣсь дебютировалъ?[575]).

Въ 1850 г. выступилъ въ Москвитянинѣ повѣстью Тюфякъ Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій (род. 10 марта 1820 года). Матеріальное положеніе членовъ кружка молодого Москвитянина было вполнѣ бѣдственнымъ. Плата за литературный трудъ у Погодина была ничтожная. Семейные люди, какъ Эдельсонъ и Григорьевъ, получали по 15 р. за печатный листъ. Филипповъ не бралъ ничего. Одинъ только Алмазовъ (удивительная вещь!), сумѣлъ получить какую-то власть надъ великимъ скрягой Погодинымъ, и изъ своего заработка могъ всегда почти добыть 20 и даже 30 р. Вотъ что писалъ Погодину 30 ноября 1851 г. А. А. Григорьевъ: «Посылаю вамъ Вильгельма Мейстера и съ величайшей радостью отдаю его Москвитянину, гдѣ для него приличнѣе мѣсто, чѣмъ въ Запискахъ... Условія, разумѣется, обыкновенныя: при настоящемъ положеніи Москвитянина я больше шести цѣлковыхъ за листъ считаю нечестнымъ и требовать[576]).

Критика ученыхъ сочиненій въ Москвитянинѣ была обезпечена, благодаря участію спеціалистовъ и между прочимъ Михаила Матвѣевича Стасюлевича, въ 1851 г. возведеннаго на степень доктора всеобщей исторіи за диссертацію Ликургъ Аѳинскій. На предложеніе гонорара, Стасюлевичъ отвѣчалъ Погодину: «Экземпляръ вашего журнала будетъ для меня служить и гонораромъ, потому что въ денежномъ вознагражденіи я не нуждаюсь»[577]).

«Москвитянинъ» никогда не имѣлъ успѣха.

Журналъ не сплотилъ вокругъ себя славянофиловъ, которые впрочемъ были и лѣнивы, и только издали въ 40-хъ годахъ — «Симбирскій сборникъ», да два «Московскихъ сборника». Первый вышелъ въ 1846 году, и главными вкладчиками его были славянофилы младшаго поколѣнія: Ю. Ѳ. Самаринъ, К. С. Аксаковъ, А. Н. Поповъ, Ѳ. В. Чижовъ, И. С. Аксаковъ, Н. А. Ригельманъ. Изъ старшаго же поколѣнія только Хомяковъ, Языковъ, С. Т. Аксаковъ (отрывокъ изъ Семейной хроники). Въ сборникѣ участвовали еще кн. П. А. Вяземскій, М. А. Максимовичъ, В. И. Даль, И. И. Срезневскій. С. М. Соловьевъ напечаталъ свое изслѣдованіе: «О родовыхъ отношеніяхъ

---

575) Барсуковъ. Погодинъ. Кн. XI. Стр. 88.

576) Барсуковъ. Погодинъ. Кн. XI. Стр. 92.

577) Барсуковъ. Погодинъ. Кн. XI. Стр. 423.

между князьями Древней Руси». Въ слѣдующемъ году вышелъ второй Московскій Сборникъ, здѣсь появился рядъ стихотвореній И. С. Аксакова. 23 августа 1845 года въ Симбирскѣ послѣдовало открытіе памятника исторіографу Карамзину. Погодинъ сказалъ «Слово». Но напечатать его затѣмъ оказалось не такъ то легко.

«Помилуйте, говорила московская цензура,—какъ можемъ мы пропустить такія вещи! Да само Симбирское дворянство можетъ подвергнуться опасности за то, что допустило ихъ произнести, не только за то, что осыпало ихъ рукоплесканіями». Тогда Уваровъ провелъ «Слово» чрезъ петербургскую цензуру[578]).

Отъ 30-го мая 1847 года послѣдовалъ циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, разосланный, по Высочайшему повелѣнію, попечителямъ учебныхъ округовъ, лучше всего доказывающій, что даже «самобытность» Шевырева и Погодина, проникнутая панславизмомъ и украинофильствомъ, была далека отъ истой «офиціальной народности» чистой пробы.

«Въ концѣ прошлаго столѣтія родилась между соплеменными намъ народами на западѣ, именно въ Богеміи, мысль, что всѣ народы словенскаго происхожденія, разсѣянные по Европѣ, и подвластные разнымъ скипетрамъ, должны когда либо слиться въ одно цѣлое и составить государство словенское... Отъ этого движенія повсюду между народами словенскаго происхожденія усилилось стремленіе къ изученію языковъ, древностей и всѣхъ памятниковъ словенскихъ племенъ; но къ сожалѣнію, это развитіе отдѣльныхъ вѣтвей словенскихъ не долго оставалось въ мирныхъ предѣлахъ науки; скоро подпало оно искаженію... Вопросъ о словенствѣ въ отношеніи къ намъ представляетъ двѣ стороны: одну, которую злонамѣренные могутъ употребить на возбужденіе умовъ и распространеніе опасной пропаганды, преступной и возмутительной; другая же сторона содержитъ святыню нашихъ вѣрованій, нашей самобытности, нашего народнаго духа, въ предѣлахъ законнаго развитія, имѣющую неоспоримое право на попеченіе правительства. Русская словесность въ чистотѣ своей должна выражать безусловную приверженность къ православію и самодержавію... Но этому словенству Русскому—должна быть чужда всякая примѣсь политическихъ идей... Святая Русь бѣдствовала и страдала одна, одна проливала кровь свою за престолъ и вѣру... Все, что имѣемъ мы на Руси, принадлежитъ намъ однимъ, безъ участія другихъ словенскихъ народовъ, нынѣ простирающихъ къ намъ руки и молящихся о покровительствѣ, не столько по внушенію братской любви, какъ по разсчетамъ мелкаго и не всегда безкорыстнаго эгоизма»[579]).

---

[578]) Барсуковъ. Погодинъ. Кн. VIII. Стр. 209.
[579]) Барсуковъ. Погодинъ. Кн. IX. Стр. 237.

§ 4. «Молодая редакція Москвитянина составила въ 50-хъ годахъ особую группу «почвенниковъ», представлявшую уже большое сходство съ позднѣйшими «народниками». Если старые славянофилы отчасти тяготѣли къ Шишкову и Карамзину—исторіографу, то молодые образовали группу съ законченнымъ міросозерцаніемъ, послѣ долгихъ споровъ. Въ 30-хъ годахъ видимъ въ кружкахъ Станкевича и Огарева слитыми всѣ направленія. Долгое время и въ 40-хъ годахъ еще не было полнаго раздѣленія между «славянофилами» и «западниками». Петербургскіе западники скоро тоже выдѣлили партію «Современника» Некрасова, въ которомъ и сосредоточились въ 50-ые годы прогрессивныя стремленія русскаго общества, въ то время какъ «Отечественныя записки» стали отчасти пухлымъ журналомъ.

«Библіотека для чтенія» Сенковскаго въ 40-хъ годахъ не имѣла идейнаго значенія.

23-го ноября 1843 года Т. Н. Грановскій открылъ свой публичный курсъ Исторіи среднихъ вѣковъ. Онъ имѣлъ полный успѣхъ. Его лекціи были, по выраженію Герцена: «камнемъ въ голову узкимъ націоналистамъ». «Либералъ-идеалистъ 40-хъ годовъ, кристально честный и чистый Грановскій, является одною изъ центральныхъ личностей эпохи по его глубокому, нравственному вліянію на русское общество. Были минуты, когда рѣчь его подымалась до вдохновенія. Ничего подобнаго въ Москвѣ никогда не было читано всенародно. Погодинъ однако находилъ, что лекціи Грановскаго — такая посредственность, что изъ рукъ вонъ. Это не профессоръ, а нѣмецкій студентъ, который начитался французскихъ газетъ. Онъ читалъ точно псалтырь по западѣ.

«Мы должны уважать и оцѣнить скорбное и трудное развитіе Европы», писалъ Герценъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», Корша, — которая такъ много даетъ намъ теперь, мы должны постигнуть то великое единство рода человѣческаго, которое раскрываетъ въ мнимомъ врагѣ брата, въ расторженіи — миръ: одно сознаніе этого единства уже даетъ намъ святое право на плодъ, выработанный потомъ и кровью Западомъ... И какою блестящею аудиторіею окружила Москва человѣка, обѣщавшаго ей передать величавую эпопею феодализма, суровую и гордую поэму католицизма и рыцарства, церкви и замка — этихъ каменныхъ представителей замкнутой въ себѣ и оконченной эпохи... Духъ, понимая свое достоинство, хочетъ оправдать свою біографію, освѣтить ее восходящимъ солнцемъ мысли, освободить отъ могильнаго тлѣна безсмертную душу прошедшаго, какъ то наслѣдіе его, которое не точится молью».

«Я увѣренъ, писалъ Герценъ въ другой статьѣ, что съ легкой руки Грановскаго начнутся въ нашемъ университетѣ публичныя чтенія о предметахъ, равно исполненныхъ общаго интереса — новое сближеніе города съ университетомъ».

Главный характеръ чтеній Грановскаго: чрезвычайно развитая человѣчность, сочувствіе, раскрытое ко всему живому, сильному, поэтическому-сочувствіе, готовое на все отозваться; любовь широкая и многообъемлющая, любовь къ возникающему, которое онъ радостно привѣтствуетъ, и любовь, къ умирающему, которое онъ хоронитъ со слезами. Нигдѣ ничему не вырвалось словъ ненависти въ его чтеніяхъ, онъ проходилъ мимо гробовъ, вскрывалъ ихъ,—но не оскорблялъ усопшихъ. Дерзкая мысль поправлять царственное теченіе жизни человѣчества—далека была отъ его наукообразнаго взгляда, онъ вездѣ покорялся объективному значенію событій и стремился только раскрыть смыслъ ихъ... Умѣть во всѣ вѣка, у всѣхъ народовъ, во всѣхъ проявленіяхъ найти съ любовію родное, человѣческое, не отказаться отъ братій, въ какомъ бы они рубищѣ не были, въ какомъ бы не разумномъ возрастѣ мы ихъ не застали, видѣть сквозь туманныя испаренія временнаго просвѣчиваніе вѣчнаго начала, т. е. вѣчной цѣли—великое дѣло для историка. Много разъ, когда я слушалъ Грановскаго, живо представлялся мнѣ Горацio, съ стѣсненнымъ сердцемъ повѣствующій повѣсть о Гамлетѣ... Такъ и въ сочувствіи Грановскаго къ среднимъ вѣкамъ».

Въ началѣ 1844 года Грановскій возобновилъ свои публичные курсы, закончивъ ихъ 22-го апрѣля.

«Этотъ курсъ —событіе,—писалъ Герценъ,—событіе, имѣющее большое значеніе... Грановскій прямо касался самыхъ волнующихъ душу вопросовъ и нигдѣ не являлся трибуномъ, демагогомъ, а вездѣ свѣтлымъ и чистымъ представителемъ всего гуманнаго. На послѣдней лекціи аудиторія была биткомъ набита, когда онъ въ заключеніе началъ говорить о Словенскомъ мірѣ, какой-то трепетъ пробѣжалъ по аудиторіи, слезы были на глазахъ и лица у всѣхъ облагородились. Наконецъ онъ всталъ и началъ благодарить слушателей—просто, свѣтлыми, прекрасными словами, слезы были у него на глазахъ, щеки горѣли, онъ дрожалъ: «благодарю тѣхъ», такъ кончилъ онъ, «которые съ симпатіей слушали меня и раздѣлили добросовѣстность тона ученыхъ убѣжденій; благодарю и тѣхъ, которые, не раздѣляя ихъ, съ открытымъ челомъ прямо и благородно высказывали мнѣ свою противоположность. Еще разъ благодарю васъ!» Онъ молчалъ и кланялся. Безумный, буйный восторгъ увлекъ аудиторію: крики, рукоплесканія, шумъ, слезы, какой-то торжественный безпорядокъ, нѣсколько шапокъ было брошено на воздухъ. Дамы бросились къ доценту, жали его руку, я вышелъ изъ аудиторіи въ лихорадкѣ».

Послѣ курса Грановскаго былъ сдѣланъ опытъ примиренія между Западниками и Славянофилами. «Мы», пишетъ Герценъ,—давали Грановскому обѣдъ... Словене хотѣли участвовать съ нами, и Юрій Самаринъ былъ избранъ ими такъ, какъ и нашими, въ распорядители. Пиръ былъ удаченъ, въ концѣ его послѣ многихъ тостовъ не только единодушныхъ, но выпи-

тыхъ, мы обнялись и облобызались по русски съ Словенами». Какъ часто бываетъ, примиреніе только привело къ пущему раздору. Бѣлинскій слалъ московскимъ западникамъ грозныя грамоты изъ Петербурга, отлучалъ ихъ, предавалъ анафемѣ и писалъ еще злѣе въ «Отечественныхъ Запискахъ». Послѣ обѣда Герценъ вскорѣ получилъ отъ Бѣлинскаго огромное письмо въ родѣ диссертаціи.

Поповоду этого письма Герценъ писалъ въ дневникѣ 17-го мая 1844 года: «Бѣлинскій пишетъ: я жидъ по натурѣ и съ филистимлянами за однимъ столомъ ѣсть не могу... Филистимляне для него словенофилы, но Бѣлинскій не хочетъ понять истину въ ихъ нелѣпостяхъ. Онъ не понимаетъ словенскаго міра... Странное положеніе мое... въ словенскомъ вопросѣ: передъ ними я человѣкъ запада, передъ ихъ врагами — человѣкъ востока». Хотя вскорѣ Герценъ отшатнулся отъ славянофиловъ невозвратно, однако эта двойственность его — плодъ широты мысли и привычки къ гегельянскому методу мышленія, примиряющему тезисъ и антитезисъ въ высшемъ синтезѣ и побуждающаго умъ не удовлетворяться отрѣшенностью узкой партійности, но стремиться открыть высшія, примиряющія точки зрѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Герценъ начиналъ видѣть личные недостатки московскихъ славянофиловъ: «мнѣ даже люди выше обыкновенныхъ начинаютъ быть противны, писалъ онъ; этотъ суетный, сорокалѣтній парень Хомяковъ, просмѣявшійся цѣлую жизнь и ловившій нелѣпый призракъ русско-византійской церкви, дѣлающейся всемірной, повторяющій одно и то же, погубившій въ себѣ гигантскую способность, и Аксаковъ, безумный о Москвѣ, ожидающій не нынче — завтра воскресенія старинной Руси, перенесенія столицы и чортъ знаетъ чего. Даже И. В. Кирѣевскій страненъ при всемъ благородствѣ. Бѣлинскій правъ. Нѣтъ мира и свѣта съ людьми до того разными [580]).

Въ іюнѣ 1844 г., Грановскій просилъ разрѣшить ему новое изданіе. Редакторъ — Е. Ѳ. Коршъ, издававшій тогда «Московскія Вѣдомости». Журналу предполагалось дать преимущественно историческій и критическій характеръ. Друзья уже начали готовить статьи, приглашали къ сотрудничеству Бѣлинскаго.

На докладъ Уварова воспослѣдовала Высочайшая резолюція: «И безъ новаго довольно». Между тѣмъ во второй половинѣ 1844 года, послѣ публичныхъ лекцій Грановскаго, С. П. Шевыревъ открылъ въ Москвѣ публичный курсъ объ Исторіи Русской Словесности, преимущественно древней. «Шевыревъ, писалъ Герценъ, — никакъ не могъ примириться съ колоссальнымъ успѣхомъ лекцій Грановскаго, вздумалъ побить его на собственномъ поприщѣ и объявилъ свой публичный курсъ. Читалъ онъ о Дантѣ, народности въ искусствѣ, о православіи въ наукѣ и пр.; публики было много, но она

---

[580]) Барсуковъ. Погодинъ. Томъ 7-й. Стр. 441.

осталась холодна. Онъ бывалъ иногда смѣлъ, и это было оцѣнено, но общій эффектъ ничего не произвелъ... Только Ѳедоръ Глинка и супруга его Евдокія, писавшая о «Млекѣ Пречистой Дѣвы», сидѣли обыкновенно рядышкомъ на первомъ планѣ, и скромно опускали глаза, когда Шевыревъ особенно неумѣренно хвалилъ православную церковь. Шевыревъ портилъ свои чтенія тѣмъ самымъ, чѣмъ портилъ свои статьи—выходками противъ такихъ идей, книгъ и лицъ, за которыя у насъ трудно было заступаться не попавши въ острогъ»[581]).

Одновременно въ «Отечественныхъ Запискахъ» Герценъ писалъ: «Шевыревъ—первый професоръ элоквенціи читалъ въ Москвѣ публичныя лекціи о Русской Словесности, преимущественно того времени, когда ничего не писали, и его лекціи были какой-то дѣтской пѣсnью, пѣтой чистымъ soprano, напоминающимъ папскіе дисканты въ Римѣ... Шевыревъ возстановляетъ Русь, которой не было и—слава Богу—никогда не будетъ».

Однако лекціи Шевырева имѣли успѣхъ едва-ли не равный успѣху лекцій Грановскаго. Это видно изъ письма Бѣлинскаго къ одному изъ московскихъ друзей великаго критика: «Вѣсть о лекціяхъ Шевырева, о фурорѣ, который онѣ произвели въ зернистой московской публикѣ, о рукоплесканіяхъ, которыми прерывается каждое слово сего московскаго скверноуста — все это меня не удивило нисколько: я увидѣлъ въ этомъ повтореніе исторіи съ лекціями Грановскаго. Наша публика—мѣщанинъ въ дворянствѣ. Для нея хорошъ и Грановскій, да недуренъ и Шевыревъ; интересенъ Вильменъ, да любопытенъ и Гречъ. Лучшимъ она всегда считаетъ того, кто читалъ послѣдній»[582]).

Поводомъ для окончательнаго разрыва между славянофилами и западниками послужили три стихотворенія, которыми вдругъ разразился полуумирающій, больной Языковъ, позабывъ глаголъ учителя:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Эти стихотворенія — плохія по формѣ — были злобны, пошлы, крайне безтактнаго содержанія. Такъ, о Чаадаевѣ, которому нѣкогда писалъ посланія Пушкинъ, поэтъ его плеяды говоритъ:

Вполнѣ чужда тебѣ Россія.
Твоя родимая страна:
Ея преданія святыя
Ты ненавидишь всѣ сполна.

---

581) Барсуковъ. Погодинъ. Книга VII. 462.
582) Барсуковъ. Погодинъ. Кн. VIII. Стр. 86.

Ты ихъ отрекся малодушно,
Ты лобызаешь туфлю папъ...

Про Грановскаго эти вирши говорятъ, что онъ—

—Краснорѣчивый книжникъ,
—Легкомысленный сподвижникъ
Безпутныхъ мыслей и надеждъ.

Что касается Герцена, то онъ — «нашу Русь злословитъ и ненавидитъ всей душой» «нѣметчинѣ лукавой предался» (Это писалъ старый Деритскій буршъ!) и «вослѣдъ за ней, за госпожею величавой, идетъ блистательный лакей». Наконецъ въ стихотвореніи «Къ не нашимъ» бѣдный Языковъ грянулъ на всѣхъ западниковъ:

Вы, людъ заносчивый и дерзкій,
Вы, опрометчивый оплотъ
Ученья школы богомерзкой,
Вы всѣ—не русскій вы народъ!

Впечатлѣніе этихъ нелѣпыхъ и недостойныхъ Языкова виршей было самое тягостное. Наконецъ, разрывъ совершился полный. Въ 1844 г., читаемъ у Герцена,— когда наши споры дошли до того, что ни словене, ни мы не хотѣли больше встрѣчаться, я какъ-то шелъ по улицѣ. Константинъ Аксаковъ ѣхалъ въ саняхъ. Я дружески поклонился ему, онъ было проѣхалъ, но вдругъ остановилъ кучера, вышелъ изъ саней и подошелъ ко мнѣ: «Мнѣ было слишкомъ больно, сказалъ онъ, проѣхать мимо васъ и не проститься съ вами. Вы понимаете, что послѣ всего, что было между вашими друзьями и моими, я не буду къ вамъ ѣздить; жаль, жаль, но дѣлать нечего. Я хотѣлъ пожать вамъ руку и проститься». Онъ быстро пошелъ къ санямъ, но вдругъ воротился; я стоялъ на томъ-же мѣстѣ, мнѣ было грустно; онъ бросился ко мнѣ, обнялъ меня и крѣпко поцѣловалъ. У меня были слезы на глазахъ». По поводу этого разрыва, Самаринъ писалъ Аксакову: «Что сказать тебѣ о твоей размолвкѣ съ Герценомъ и Грановскимъ?... Рано или поздно это должно было случиться. Такъ! Неприступная черта межъ нами есть, и наше согласіе никогда не было искренно, то-есть не было прочнымъ, жизненнымъ согласіемъ»[583]).

§ 5. 1 января 1847 года появилась роковая книга Гоголя «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», въ которой великій художникъ является проповѣдникомъ — моралистомъ. Книга — «плодъ духовнаго преображенія» творилась съ 1845 года. По выраженію кн. Вяземскаго, поэтъ круто своротилъ съ торжественнаго пути своего и обратился спиною къ сво-

[583]) Барсуковъ. Погодинъ. Кн. VIII. 472.

имъ поклонникамъ. А такъ какъ среди нихъ были и славянофилы, то и имъ досталось. «Всѣ эти словенисты и европеисты,— или же старовѣры и нововѣры, или же восточники и западники... мнѣ кажутся только карикатурами... кичливости больше на сторонѣ словенистовъ: они хвастуны». Такъ писалъ Гоголь въ злосчастной книгѣ своей. Еще когда она только печаталась, старшій С. Т. Аксаковъ восклицалъ: «Увы, исполняется мое давнишнее опасеніе: религіозная восторженность убила великаго художника и даже сдѣлала его сумасшедшимъ: это истинное несчастіе, истинное горе». По выходѣ книги, между Аксаковымъ—сыномъ и Аксаковымъ — отцомъ произошло раздѣленіе. И. С. Аксаковъ находилъ, что «книгу Гоголя надо читать не разъ и не два, а двадцать тысячъ разъ!.. Гоголь правъ, и является въ этой книгѣ, какъ идеалъ художника-христіанина, котораго не пойметъ Западъ, такъ же, какъ и не пойметъ этой книги. Что за языкъ, Господи Боже мой, что за языкъ! Упиваться можно этимъ языкомъ, лучшимъ всякихъ стиховъ. Серьезно надо взглянуть на эту книгу. Она способна пересоздать многихъ». «Письмо твое, возражалъ С. Т. Аксаковъ сыну, — не изумило, не поразило меня, а просто уничтожило на нѣкоторое время. Я тоже прочелъ всю книгу Гоголя... Я вижу въ Гоголѣ добычу сатанинской гордости, а не христіанское смиреніе... Я не могъ читать безъ отвращенія печатное завѣщаніе человѣка живого и здороваго, въ каждомъ словѣ котораго дышетъ неимовѣрная гордость. Я не могъ безъ горькаго смѣха слушать его наставленіе помѣщикамъ. Я не могъ безъ жалости слышать этотъ языкъ пошлый, сухой, вялый и безжизненный, которымъ ты упиваешься». И. С. Аксаковъ въ концѣ концовъ призналъ, что «въ книгѣ Гоголя много лжи и нелѣпицы, много скрытой гордости и самолюбія». «Ученіе ваше ложное, лживое»,—писалъ Аксаковъ-отецъ Гоголю. Между прочимъ, Гоголь послалъ свою книгу и Погодину, съ надписью: «Неопрятному и растрепанному душей Погодину, ничего не помнящему, ничего не примѣчающему, наносящему на всякомъ шагу оскорбленія другимъ и того не видящему, Ѳомѣ невѣрному, близорукимъ и грубымъ аршиномъ мѣряющему людей, даритъ сію книгу въ вѣчное напоминаніе грѣховъ его (sic) человѣкъ такъ-же грѣшный, какъ и онъ, и во многомъ еще неопрятнѣйшій его самого»[584]).

Въ самой-же книгѣ было прямо напечатано, что «пріятель нашъ Погодинъ» «выказывалъ передъ читателемъ себя всего во всемъ своемъ неряшествѣ», «тридцать лѣтъ работалъ и хлопоталъ, какъ муравей», «и ни одинъ человѣкъ не сказалъ ему спасибо, ни одного признательнаго юноши, который-бы сказалъ, что онъ обязанъ ему какимъ-нибудь новымъ свѣтомъ, или прекраснымъ стремленіемъ къ добру». Погодинъ горько плакалъ, читая эти христіанскія строки.

---

584) Барсуковъ. Погодинъ. Кн. 8. Стр. 544.

Вѣрный Пушкинской характеристикѣ, кн. Вяземскій отозвался о книгѣ Гоголя — отмѣнно тонко и умно: Наши критики смотрятъ на Гоголя, какъ смотрѣлъ-бы баринъ на крѣпостного человѣка, который въ домѣ его занималъ мѣсто сказочника и потѣшника и вдругъ сбѣжалъ изъ дома и постригся въ монахи. Въ книгѣ много странностей, излишествъ, натяжекъ; но все это было и въ прежнихъ твореніяхъ его, въ которыхъ видѣли преобразованіе, возрожденіе, преображеніе литературы нашей. Въ Гоголѣ много истиннаго, но онъ самъ не истиненъ; много натуры, но онъ самъ не натураленъ; много здороваго, бодраго, но онъ самъ болѣзненъ, былъ таковымъ прежде, таковъ и нынѣ. Все написанное о книгѣ было болѣе или менѣе неприлично. Интересно мнѣніе о книгѣ Григорія, епископа Калужскаго. Кто-то выразился: Читая эту переписку, удивляешься тому, что Гоголь даже богословъ. На это преосвященный Григорій, съ свойственнымъ ему добродушіемъ и голосомъ, полнымъ какъ-бы сожалѣнія, сказалъ: Э, полноте — какой онъ богословъ, онъ просто сбившійся съ истиннаго пути пустословъ [385]).

Всѣ журналы отозвались о книгѣ, какъ о произведеніи больного и полупомѣшаннаго, одинъ только Булгаринъ привѣтствовалъ Гоголя, но такимъ язвительнымъ тономъ, что эта похвала для Гоголя была хуже пощечины (Анненковъ). Самъ Гоголь сознавался Жуковскому: Появленіе книги моей разразилось точно въ видѣ какой-то оплеухи: оплеуха публикѣ, оплеуха друзьямъ моимъ и, наконецъ, еще сильнѣйшая оплеуха мнѣ самому. Послѣ нея я очнулся... Я размахнулся въ моей книгѣ такимъ Хлестаковымъ, что не имѣю духа заглянуть въ нее... При всемъ томъ книга моя полезна

«Въ книгѣ Гоголя я не нахожу такихъ ошибокъ, какія вамъ представляются,— писалъ Плетневъ Жуковскому.— Она только оригинальна, какъ самъ Гоголь и все имъ издаваемое... Но благо, ею произведенное, не двусмысленно. Надо принять во вниманіе, что не смотря на то, что книгу Гоголя пропускалъ Никитенко, она вышла въ свѣтъ въ изуродованномъ цензурою видѣ.

Какъ-же отнесся Бѣлинскій къ «Выбраннымъ мѣстамъ переписки съ друзьями»? Залаялъ собакою, завылъ шакаломъ, зажмурилъ глаза и весь отдался негодованію и бѣшенству! По скольку позволяли цензурныя условія, часть этого негодованія великій критикъ излилъ въ статьѣ, напечатанной въ «Современникѣ». Прочитавъ ее, Гоголь написалъ Бѣлинскому, и получилъ знаменитый отвѣтъ его изъ Зальцбрунна отъ 15-го іюля 1847 г.

«Вы только отчасти правы, писалъ Бѣлинскій, увидавъ въ моей статьѣ разсерженнаго человѣка. Этотъ эпитетъ слишкомъ слабъ и нѣженъ для выраженія того состоянія, въ которое привело меня чтеніе вашей книги... Нельзя перенести оскорбленнаго чувства истины человѣческаго достоинства;

[385]) Барсуковъ. Погодинъ. Кн. 8-я. Стр. 563.

нельзя молчать, когда подъ покровомъ религіи и защитою кнута проповѣдуютъ ложь и безнравственность, какъ истину и добродѣтель». «Россія видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ аскетизмѣ, не въ піэтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности. Ей нужны не проповѣди, довольно она слышала ихъ, а пробужденіе въ народѣ чувства человѣческаго достоинства, столько вѣковъ попираемаго въ грязи и навозѣ; права и законы, сообразные не съ ученіемъ церкви, а съ здравымъ смысломъ и справедливостію, и строгое, по возможности, ихъ исполненіе. А вмѣсто этого она представляетъ ужасное зрѣлище страны, гдѣ люди торгуютъ людьми, не имѣя на это и того оправданія, какимъ лукаво пользуются американскіе плантаторы, утверждая, что негръ — не человѣкъ... Страны, гдѣ нѣтъ не только никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, но нѣтъ даже и полицейскаго порядка, а есть только огромныя корпораціи разныхъ служебныхъ воровъ и грабителей. Самые живые, современные національные вопросы въ Россіи теперь: уничтоженіе крѣпостного права, ослабленіе тѣлеснаго наказанія, введеніе, по возможности, строгаго исполненія хоть тѣхъ законовъ, которые уже есть... И въ это-то время великій писатель, который своими дивно художественными, глубоко истинными твореніями такъ могущественно содѣйствовалъ самосознанію Россіи, давши ей возможность взглянуть на самое себя, какъ будто въ зеркалѣ,— является съ книгою, въ которой, во имя Христа и церкви, учитъ варвара— помѣщика наживать отъ крестьянъ больше денегъ, ругая ихъ «неумытыми рылами»... И это ли не должно было привести меня въ негодованіе?.. Да если бы вы обнаружили покушеніе на мою жизнь, и тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ за эти позорныя строки».

«Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравовъ, что̀ вы дѣлаете?.. Христа то зачѣмъ вы примѣшали тутъ?.. Онъ первый возвѣстилъ людямъ ученіе свободы, равенства и братства, и мученичествомъ запечатлѣлъ, утвердилъ истину своего ученія... Смыслъ Христова слова открытъ философскимъ движеніемъ прошлаго вѣка. И вотъ почему какой - нибудь Вольтеръ, орудіемъ насмѣшки погасившій въ Европѣ костры фанатизма и невѣжества, конечно болѣе сынъ Христа, плоть отъ плоти его и кость отъ костей его, нежели всѣ ваши попы, архіереи, митрополиты и патріархи, восточные и западные. Неужели вы этого не знаете! А вѣдь это не новость теперь для всякаго гимназиста». «Какая это великая истина, что когда человѣкъ весь отдается лжи, его оставляютъ умъ и талантъ».

«Не будь на вашей книгѣ выставлено вашего имени... кто бы подумалъ, что эта неопрятная и надутая шутиха словъ и фразъ—произведеніе пера автора «Ревизора», «Мертвыхъ душъ?» «Передо мною была ваша книга, а не ваши намѣренія. Я читалъ и перечитывалъ ее сто разъ, и все - таки не

нашелъ въ ней ничего, кромѣ того, что въ ней есть, а то, что въ ней есть, глубоко оскорбило и возмутило мою душу»[586]).

Гоголь отвѣчалъ 10-го августа 1847 года изъ Остенде совершенно безцвѣтнымъ письмомъ. Между тѣмъ имъ было первоначально, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ, написано другое, но не послано, разорвано. Въ бумагахъ Гоголя П. А. Кулѣшъ нашелъ двѣ тетрадки, разорванныя поэтомъ въ клочки; Кулѣшъ сложилъ лоскутки, списалъ и спасъ этотъ высоко интересный документъ:

«Въ какомъ грубомъ, невѣжественномъ смыслѣ приняли вы мою книгу! Какъ вы ее истолковали!.. О, да внесутъ святыя силы миръ въ вашу страждущую душу! Зачѣмъ было вамъ перемѣнять разъ выбранную, мирную дорогу? Что могло быть прекраснѣе, какъ показывать читателямъ красоты въ твореніяхъ нашихъ писателей, возвышать ихъ душу и силы до пониманья всего прекраснаго, наслаждаться трепетомъ пробужденнаго въ нихъ сочувствія и такимъ образомъ невидимо дѣйствовать на ихъ души? Дорога эта привела бы васъ къ примиренію съ жизнью, дорога эта заставила бы васъ благословлять все въ природѣ. А теперь уста ваши дышатъ желчью и ненавистью... Зачѣмъ вамъ, съ вашею пылкою душою, вдаваться въ этотъ омутъ политической жизни, въ эти мутныя событія современности, среди которой и твердая осмотрительность многосторонняго ума теряется? Какъ же съ вашимъ одностороннимъ, пылкимъ, какъ порохъ, умомъ, уже вспыхивающимъ прежде, чѣмъ еще успѣли узнать, что истина, а что ложь, какъ вамъ не потеряться?»

«Не стану защищать мою книгу. Я самъ на нее напалъ и нападаю. Она была издана въ торопливой поспѣшности, несвойственной моему характеру, разсудительному и осмотрительному. Но движеніе было честное. Никому я не хотѣлъ ею польстить или покадить... Вспомнили-бъ по крайней мѣрѣ, что у меня нѣтъ даже угла... Стало быть, вамъ бы слѣдовало поудержаться клеймить меня тѣми обидными подозрѣніями, которыми, признаюсь, я бы не имѣлъ духа запятнать послѣдняго мерзавца»...

«Вы говорите, что спасеніе Россіи въ Европейской цивилизаціи; но какое это безпредѣльное и безграничное слово! Хоть бы вы опредѣлили, что такое нужно разумѣть подъ именемъ Европейской цивилизаціи!»

«Нѣтъ, нельзя судить о русскомъ народѣ тому, кто прожилъ вѣкъ въ Петербургѣ, безпрестанно занятый легкими журнальными статейками французскихъ романистовъ... Я болѣе предъ вами имѣю право заговорить о

[586]) Письмо напечатано цѣликомъ: А. Н. Пыпинъ. Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Т. II. 1876 г. Стр. 289—293. Николай Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. восьмая. 1894 г. Стр. 597—607. Подлинникъ письма Бѣлинскаго хранится въ Отдѣленіи рукописей Императорской Публичной Библіотеки.

русскомъ народѣ. Всѣ мои сочиненія, по единодушному убѣжденію, показываютъ знаніе природы русскаго человѣка... А что̀ же вы представите въ доказательство вашего знанія природы русскаго народа? Что вы произвели такого, въ которомъ видно это знаніе?»

«Еще изумила меня эта отважная сомонадѣянность, съ которою вы говорите, что: Я знаю общество наше и духъ его. Какъ можно ручаться за этотъ ежеминутно мѣняющійся хамелеонъ? Какими данными вы можете удостовѣрить, что знаете общество? Гдѣ ваши средства къ тому?..»

«Живя почти безъ прикосновенья съ людьми и свѣтомъ, ведя мирную жизнь журнальнаго сотрудника, во всегдашнихъ занятіяхъ фетьетонными статьями, какъ вамъ имѣть понятіе объ этомъ громадномъ страшилищѣ... Общество образуется само собою, слагается изъ единицъ. Надобно, чтобы каждая единица исполняла должность свою... Пусть вспомнитъ человѣкъ, что онъ вовсе не матеріальная скотина, а высокій гражданинъ высокаго небеснаго гражданства, и до тѣхъ поръ, покуда каждый сколько-нибудь не будетъ жить жизнью небеснаго гражданства, до тѣхъ поръ не придетъ въ порядокъ и земное гражданство»[587]).

§ 6. Послѣдніе годы, которые работалъ Бѣлинскій въ «Отеч. Зап.», были и лучшими годами этого журнала. Шесть лѣтъ трудовъ Бѣлинскаго и его друзей доставили журналу господство въ литературѣ, а также и прекрасное матеріальное положеніе. Направленіе журнала выяснилось. Его содержаніе представляло высшій уровень русской образованности, насколько она могла только тогда проявляться въ литературѣ[588]).

Въ 1843 году былъ начатъ Бѣлинскимъ рядъ знаменитыхъ статей о Пушкинѣ и предшествовавшихъ ему поэтахъ, составившихъ единственный и до сихъ поръ курсъ русской литературы. Здѣсь критическій геній его проявился во всей полнотѣ и зрѣлости. Между тѣмъ здоровье измѣняло труженику. Осенью 1845 г. онъ опасно занемогъ. Журнальная работа становилась ему невыносима. Отношенія съ редакціей «Отеч. Зап.» стали разстраиваться. Въ началѣ 1846 г. Бѣлинскій прекратилъ сотрудничество въ этомъ журналѣ. «Эти годы, говоритъ А. Н. Пыпинъ, — 1845 г., особенно 1846 г., потомъ 1847 г. — были особенно изобильны литературными явленіями, въ которыхъ несомнѣнно сказывалось новое движеніе, новый шагъ развитія послѣ Гоголя. Съ 1845 г. Тургеневъ покидаетъ стихи и поэмы и обращается къ повѣсти; въ томъ-же году явилась первая половина романа «Кто виноватъ?»; въ томъ-же году появился въ кружкѣ Бѣлинскаго съ по-

---

[587]) Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя. Т. VI. Стр. 379—387. Изд. Кулѣша. Спб. 1857 г.

[588]) Пыпинъ. Бѣлинскій. Т. II, Стр. 227.

вѣстью «Бѣдные люди» — Достоевскій; въ 1846 году Бѣлинскій съ восхищеніемъ встрѣтилъ «Обыкновенную исторію» Гончарова, и въ концѣ того же года появилась первая замѣчательная повѣсть Григоровича: «Деревня».

«Бѣдные люди» были помѣщены въ «Петербургскомъ сборникѣ» 1846 г., гдѣ помѣстили свои произведенія всѣ выдающіеся сотрудники «Отеч. Зап. Краевскаго: Бѣлинскій и Герценъ, кн. В. Ѳ. Одоевскій и гр. В. А. Сологубъ, Н. А. Некрасовъ, И. И. Панаевъ, И. С. Тургеневъ: «Нельзя не удивляться дѣятельности петербургскихъ литераторовъ!—писалъ по этому поводу Шевыревъ, подтруниваніемъ затирая зависть,— любо смотрѣть! Давно-ли вышла Физіологія Петербурга въ двухъ томахъ? И вотъ, вслѣдъ за нею, колоссальный Петербургскій Сборникъ, отъ котораго столу тяжело!.. Вотъ «Бѣдные люди» новаго дебютанта въ литературѣ, Ѳ. Достоевскаго!.. Вотъ повѣсть въ стихахъ Ив. Тургенева!.. Вотъ «Капризы и Раздумье» Искандера!.. Вотъ «Парижскія увеселенія» И. Панаева!.. Вотъ новая поэма А. Майкова!.. Вотъ имена князя Одоевскаго, графа Сологуба, Никитенко!.. Какъ не броситься съ жадностью публикѣ на такое литературное пріобрѣтеніе!» Появленіе «Сборника» возвѣщало расколъ «Отечественныхъ Записокъ». Какъ было сказано, въ 1846 г., «утомленный, измученный, усталый», Бѣлинскій разошелся съ редакторомъ «Отеч. Зап.» А. А. Краевскимъ, который заставлялъ его писать даже объ азбукахъ, пѣсенникахъ, гадальныхъ книжкахъ, брошюркахъ «о клопахъ», сдѣлалъ его чернорабочимъ, водовозною лошадью, являясь новымъ типомъ издателя - редактора, кладущаго сотрудниковъ подъ прессъ своего сквалыжничества.

Лѣтомъ-же 1846 года явилось между петербургскими западниками предположеніе основать въ Петербургѣ большой журналъ подъ редакціей Бѣлинскаго. Съ этою цѣлью И. И. Панаевъ вошелъ въ сношеніе съ П. А. Плетневымъ о пріобрѣтеніи отъ него права на изданіе «Современника». Скоро во всѣхъ газетахъ и журналахъ появилось объявленіе, въ которомъ между прочимъ заявлено, что «Современникъ, основанный А. С. Пушкинымъ, а впослѣдствіи съ Высочайшаго соизволенія перешедшій въ распоряженіе П. А. Плетнева, съ 1847 года подвергается совершенному преобразованію. Редакція Современника, съ разрѣшенія господина Министра Народнаго Просвѣщенія, переходитъ къ профессору (и цензору) СПБ. Университета А. В. Никитенку. Изданіе же сего журнала, по взаимному соглашенію и условію съ прежнимъ издателемъ и редакторомъ, приняли на себя И. И. Панаевъ и Н. А. Некрасовъ». Тутъ же заявлено и о слѣдующемъ: «Въ Современникѣ съ 1848 года будутъ участвовать слѣдующіе ученые и литераторы: В. Г. Бѣлинскій, М. А. Гамазовъ, А. И. Герценъ (Искандеръ), Т. Н. Грановскій, Э. И. Груберъ, И. А. Гончаровъ, В. И. Даль, Ѳ. М. Достоевскій, Д. А. Засядко, К. Д. Кавелинъ, А. С. Комаровъ, Е. Ѳ. Коршъ, А. И. Кронебергъ, Н. Х. Кетчеръ, П. Н. Кудрявцевъ (Нестроевъ), Н. А. Мельгуновъ, А. Н. Майковъ, Г. П. Небольсинъ, Н. А. Некрасовъ, А. В. Никитенко, Н. И. Надеждинъ,

князь В. Ѳ. Одоевскій, И. И. Панаевъ, П. А. Плетневъ, Д. М. Перевощиковъ, П. Г. Рѣдкинъ, графъ В. А. Сологубъ, А. Н. Струговщиковъ, И. С. Тургеневъ и др.» По свидѣтельству К. Д. Кавелина, Бѣлинскій былъ обойденъ и новой редакціей: «Что Панаевъ сталъ редакторомъ Современника, это было еще понятно,— онъ далъ деньги. Но какимъ образомъ Некрасовъ, тогда мало извѣстный и не имѣвшій ни гроша, сдѣлался тоже редакторомъ, а Бѣлинскій, изъ-за котораго мы были готовы оставить «Отеч. Зап.», оказался наемникомъ на жалованьи, этого фокуса мы не могли понять».

«Фокусъ», на нашъ взглядъ, объясняется удовлетворительно тѣмъ, что Некрасовъ былъ практическій, оборотистый человѣкъ, а Бѣлинскій — чахоточный, близкій къ смерти идеалистъ-мечтатель, въ житейскихъ дѣлахъ чистое дитя. «Отеч. Зап.» не остались, однако, безъ сотрудниковъ. Грановскій находилъ, что такъ какъ «Отеч. Зап.» въ одномъ духѣ съ «Современникомъ», то онъ очень радъ, что у насъ вмѣсто одного—два хорошихъ журнала, и готовъ помогать обоимъ. Это огорчало Бѣлинскаго. «Девять лѣтъ издаетъ Краевскій «Отеч. Зап.», писалъ онъ, начались онѣ плохо, безъ всякаго направленія; я спасъ ихъ, давъ имъ направленіе, нелѣпое и дикое, но направленіе. Съ третьяго (1841 г.) начали онѣ поправляться денежно; на четвертый (1842 г.) Краевскій былъ въ барышахъ... Тягаться «Современнику» съ «Отеч. Записками» трудно! Краевскій въ сорочкѣ родился. Сколько подарили ему статей Боткинъ и Герценъ!.. Примѣра подобнаго не бывало въ Русской Литературѣ. Какой-нибудь Гречъ и тотъ не даромъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность, а что-нибудь да сдѣлалъ. А Краевскій... ни ума, ни таланта, ни убѣжденій, ни знаній, ни образованности, и издаетъ журналъ, бывшій лучшимъ русскимъ журналомъ и доселѣ одинъ изъ лучшихъ, журналъ слишкомъ съ четырьмя тысячами подписчиковъ!» Бѣлинскій оказалъ однако новому журналу поддержку, которая послужила главнымъ основаніемъ его успѣха. Когда появились первыя книжки журнала, въ который перенесена была дѣятельность Бѣлинскаго, гдѣ собрались такія произведенія, какъ «Кто виноватъ?» (полное изданіе) и другіе разсказы Герцена, «Обыкновенная исторія» Гончарова, первые «Разсказы охотника» Тургенева, повѣсти Григоровича, Дружинина, Достоевскаго, воспоминанія Щепкина, стихотворенія Некрасова, статьи Кавелина и С. М. Соловьева,— успѣхъ журнала былъ обезпеченъ. «Современника теперь расходится болѣе двухъ тысячъ экземпляровъ, писалъ Плетневъ Жуковскому. Конечно, много въ сравненіи съ тѣмъ, что и пяти сотъ не расходилось. Двѣ причины помогаютъ новымъ издателямъ: помѣщеніе глупыхъ (?) французскихъ романовъ или и своихъ въ томъже родѣ (sic!), да главное—умѣнье публиковать (?), чѣмъ я совсѣмъ не занимался»[589]).

---

[589]) Сочиненія и переписка П. А. Плетнева. III, 583. Барсуковъ, Погодинъ. IX, 15.

Мѣсто Бѣлинскаго въ «Отеч. Зап.» заступилъ было молодой критикъ — Валеріанъ Николаевичъ Майковъ, братъ поэта (род. въ Москвѣ 28 августа 1823 года). Критическая дѣятельность его въ журналѣ продолжалась всего съ апрѣля 1846 года по іюль 1847 г., когда послѣдовала его кончина. Онъ утонулъ. «Валерьянъ Майковъ принялся за дѣло горячо, съ свѣтлымъ убѣжденіемъ, съ первымъ жаромъ юности, — вспоминалъ впослѣдствіи Ѳ. М. Достоевскій, — но онъ не успѣлъ высказаться». Статьи его однако составляютъ обширный томъ въ 750 стр. Отличительныя ихъ достоинства — строгая последовательность идей, логичность и доказательность положеній и выводовъ, потомъ глубина и вѣрность взгляда, остроуміе и начитанность; недостатки — излишняя плодовитость... наконецъ — раздробленность и мѣстами слишкомъ тонкая и отвлеченная изысканность анализа. Въ критикѣ Бѣлинскаго онъ чувствовалъ отсутствіе цѣлостнаго научнаго воззрѣнія. Оно, какъ извѣстно, вытекло изъ эстетическаго ученія Гегеля. Майковъ склонялся къ позитивизму и свою эстетическую доктрину выводилъ изъ наблюденій опытной психологіи. Для В. Майкова существовалъ только непосредственный эстетическій опытъ, изученіе художественныхъ образцовъ. Въ статьяхъ его критика романтизма, какъ оборотной стороны псевдоклассическаго направленія, не только остроумна, но и дѣльна.

В. Майковъ стоитъ одинаково особнякомъ, какъ отъ поклоненія одной художественной формѣ, такъ и отъ признанія утилитарныхъ цѣлей въ произведеніяхъ искусства. Какъ публицистъ, Майковъ былъ убѣжденный западникъ: «Читающей публикѣ извѣстно, писалъ онъ, что по нашему мнѣнію, единственный для Россіи путь къ развитію — усвоеніе европейской цивилизаціи. Это мнѣніе нашло себѣ противниковъ въ славянофилахъ разныхъ степеней... Всѣ славянофилы хлопочутъ о цивилизаціи, и всѣ они мутятъ идею этой цивилизаціи посторонними идеями въ болѣе или менѣе обширномъ размѣрѣ»[390]).

Молодой критикъ — «не разцвѣлъ и отцвѣлъ». Старый — клонился быстро къ закату. Зима 1847—1848 года тянулась для Бѣлинскаго мучительно, говоритъ Панаевъ, — съ физическими силами падали и силы его духа. Онъ выходилъ изъ дому (на Лиговкѣ, въ д. Галченкова, недалеко отъ нынѣшн. вокзала Ник. ж. д.) рѣдко; дома, когда у него собирались пріятели, онъ мало одушевлялся, и часто повторялъ, что ему уже не долго остается жить... Болѣзненныя страданія великаго критика развились страшно въ послѣднее время отъ петербургскаго климата, отъ разныхъ огорченій, непріятностей и отъ тяжелыхъ и смутныхъ предчувствій чего-то недобраго. Стали носиться какіе-то неблагопріятные для него слухи, все какъ-то душнѣе и мрачнѣе становилось кругомъ его, статьи его разсматривались все строже и

---

[390]) Майковъ. Критическіе опыты. 1891 г. Стр. 389.

строже». Наконецъ онъ вызывается, какъ одинъ изъ «замѣчательныхъ дѣятелей на поприщѣ русской литературы», единственно для того, чтобы лично познакомиться съ начальникомъ цензурнаго вѣдомства, хозяиномъ русской литературы... Но Бѣлинскій уже умиралъ и это пріятное знакомство не состоялось. Въ 6-мъ часу 26 мая 1848 года его не стало. Нѣсколько словъ некролога, совершенно незначительныхъ, надолго остались единственнымъ упоминаніемъ имени Бѣлинскаго. Даже въ то время, когда условія печати стали измѣняться, когда общество и литература стали оглядываться и вспоминать недавнее прошлое, Бѣлинскій еще оставался безыменнымъ «критикомъ сороковыхъ годовъ», пока, наконецъ, имя его въ первый разъ было опять названо въ 1856 году[591]).

БИБЛІОГРАФІЯ. **Бѣлинскій**: Пыпинъ В. Г. Б., его жизнь и переписка. 2 т. Его-же. Характеристика гл. VII. Чернышевскій. Очерки гоголевскаго періода. Ал. Григорьевъ. Б. и отрицательный взглядъ на литературу. Соч. I. Юбилейный сборникъ. Въ память Б-го 1898 г. Обстоятельная библіографія въ книгѣ Пыпина. Соч. изд. Солдатенкова. 12 т. М. 1859 и послѣд. Новое изд. дешевое въ 4 т. Павленкова. Критическое подъ ред. Венгерова. **Грановскій**. Соч. 2 т. 3-е изд. М. 1892. Біографія А. В. Станкевича. Анненковъ. Замѣчательное десятилѣтіе. Воспоминанія и очерки. Т. III. Вѣтринскій-Чешихинъ. Грановскій и его время. Д. М. Левшинъ. Т. Н. Г. Опытъ историческаго синтеза. Съ портрет. изд. 2-е. 1902 г. **Славянофилы**. А. С. Хомяковъ. (1804—1860). Соч. т. I. М. 1861. 2-е изд. 1878. Т. II. Богословскія сочиненія. Прага. 1867. (долго былъ запрещенъ). 2-е изд. М. 1880. Т. III. Записки о всемірной исторіи. М. 1871. 2 изд. 1882. Т. IV. Прод. М. 1873. Соч. **Ю. Ѳ. Самарина**. (1819—1876). 8 т. М. 1877—1890. Соч. **К. Аксакова**. 3 т. т. М. 1861—1880. **О славянофильствѣ**. О. Ѳ. Миллеръ. Основы ученія первоначальныхъ славянофиловъ. Рус. Мысль. 1880. 1,77—101; 3.1—44. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Славянофильское ученіе и его судьбы въ русской литературѣ. Отеч. Зап. 1862. 2, 679—719; 3, 26—58; 5, 1—23. А. Н Пыпинъ. Характеристики. Н. Пановъ. Славянофильство, какъ философское ученіе. (Историко-философскій очеркъ). Ж. М. Н. П. 1880. 11. 1—67. Н. Линицкій. Славянофильство и либерализмъ. Кіевъ. 1882. Вл. С. Соловьевъ. Очерки изъ исторіи русскаго сознанія. Вѣстн. Евр. 1889. 11 и 12.

---

[591]) Пыпинъ. Бѣлинскій. II. 334.

II.

§ 1. Сороковые годы—расцвѣтъ русскаго романа. Къ 1845—1847 годамъ въ литературѣ обозначается цѣлая школа романистовъ—прозаиковъ, которую Бѣлинскій и его послѣдователи назвали натуральной, въ отличіе отъ школы ложно-романтической, съ дѣланнымъ пафосомъ и искуственной колоритностью Марлинскаго, фальшивой народностью Кукольника и пошлымъ остроумничаньемъ Сенковскаго, школы смердинскаго періода русской литературы, весьма однако обильной пухлыми произведеніями. Въ самомъ дѣлѣ, съ 1840 по 1845 годъ Несторъ Васильевичъ Кукольникъ подарилъ литературу пятью романами въ 17 томахъ: Эвелина де-Вальероль, Альфъ и Альдона, Дурочка Луиза, Историческая красавица и весьма недурное произведеніе Два Ивана, два Степановича, два Костылькова, кромѣ того имъ за это пятилѣтіе написано 5 драмъ и 26 повѣстей... Вся эта огромная производительность находила сбытъ и многочисленныхъ читателей и почитателей. Романами его—Эвелиной и Альфомъ—зачитывались... Это литературное теченіе, весьма любопытное, и выразившееся въ поэзіи и драмѣ съ неменьшимъ обиліемъ и талантливостью, должно признать явленіемъ подпочвенныхъ водъ литературы, размывающихъ слои зернистой русской публики и приготовляющихъ читателя для настоящихъ произведеній художественнаго слова. Это теченіе имѣло своихъ весьма талантливыхъ представителей и въ сценическомъ искусствѣ (Каратыгинъ) и въ живописи (Брюловъ).

Тургеневъ въ своихъ Литературныхъ воспоминаніяхъ назвалъ эту школу ложно—величавой и такъ характеризовалъ вызванное ею движеніе мысли и симпатій русскаго читателя:

Оно продолжалось не долго,—но что было шума и грома! Какъ широко разлилась тогда эта школа! (рѣчь идетъ о концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ). Нѣкоторые изъ ея дѣятелей сами добродушно признавали себя за геніевъ. Со всѣмъ тѣмъ, что-то неистинное, что-то мертвенное чувствовалось въ ней даже въ минуты ея кажущагося торжества—и ни одного живого, самобытнаго ума она себѣ не покорила безвозвратно (хотя слово самобытность не сходило съ языка этой школы!) Произведенія этой школы, проникнутыя самоувѣренностью, доходившей до самохвалества, посвященныя возвеличенію Россіи,—во что бы то ни стало, въ самой сущности не имѣли ничего русскаго, это были какія-то пространныя декораціи, хлопотливо и небрежно воздвигнутыя патріотами, не знавшими своей родины. **).

**) Соч. И. С. Тургенева. Изд. 3. Томъ X-й. Стр. 36.

Дѣйствительно, произведенія этой школы напоминаютъ тѣ декораціи городовъ, селъ и деревень, которыя ставилъ въ степяхъ Новороссіи Потемкинъ, во время путешествія Екатерины... Справедливость требуетъ сказать однако, что даже на Гоголѣ замѣтно иногда вліяніе этой школы, въ излишней красочности его малороссійскихъ повѣстей, въ лирическихъ отступленіяхъ «Мертвыхъ Душъ» и особенно въ добродѣтельныхъ герояхъ второй части великой поэмы.

Школа Пушкина, Гоголя и Бѣлинскаго, «натуральная» школа—однако въ концѣ 40-хъ годовъ, рядомъ истинно художественныхъ созданій низвела школу «ложно-величавую» въ разрядъ «лубочной» литературы. Рядъ замѣчательныхъ твореній этой школы открывается «Героемъ нашего времени» Лермонтова.

«Никто еще, говоритъ Гоголь о немъ, не писалъ у насъ такою правильною, прекрасною и благоуханною прозою. Тутъ видно больше углубленія въ дѣйствительность жизни—готовился будущій великій живописецъ русскаго быта».

Кромѣ черновыхъ набросковъ, еще дѣтскаго письма «Повѣсть» (1831 г.) и «Княгиня Лиговская» (1836 г.), собственно художественно совершенная проза Лермонтова заключается въ «Героѣ нашего времени», превосходной сказкѣ «Ашикъ-Керибъ» и двухъ отрывкахъ (1840—1841 г.) начатыхъ повѣстей. «Герой нашего времени» (1839—1840)—романъ, развивающійся въ пяти отдѣльныхъ эпизодахъ—«Бэла» и «Максимъ Петровичъ», «Тамань», «Княжна Мери» и «Фаталистъ». Послѣдніе три эпизода составляютъ «Журналъ Печорина». Всѣ они связаны единой личностью героя, при чемъ въ двухъ первыхъ его образъ является такимъ, какимъ казался онъ со стороны смотрѣвшимъ, въ трехъ послѣднихъ эпизодахъ раскрывается личность Печорина, говоритъ его «я» въ бесѣдѣ съ самимъ собою. Личность Печорина является новой стадіей въ эволюціи центральной героической личности Пушкина—«Кавказскаго плѣнника», «Алеко», «Онѣгина», «Сильвіо», «Швабрина», «Дубровскаго». Въ ней отраженіе западнаго романтизма и байронизма. Это типъ интернаціональный, плодъ европейской цивилизаціи, у насъ, на толщахъ дѣвственно-крѣпостного быта, столь же фантастическій, какъ самый налетъ и лоскъ этой цивилизаціи. Въ очеркѣ «Бэла» Печоринъ поставленъ въ положеніе, близкое къ положенію Алеко. Онъ тоже попадаетъ къ «дикому» племени, если не цыганъ, то горцевъ. Что же? какъ проявляетъ онъ себя въ этой средѣ? Тѣмъ, что похищаетъ дѣвушку, которую не цѣнитъ и не любитъ, которую бросилъ бы, если бы ее не зарѣзалъ мстительный кавказецъ. Объясненіе собственнаго характера, которое даетъ здѣсь Печоринъ, вполнѣ шаблонно: «Въ первой моей молодости, съ той минуты, когда я вышелъ изъ опеки родныхъ, я сталъ наслаждаться бѣшено всѣми удовольствіями, которыя могъ достать за деньги, и разумѣется, удовольствія эти

мнѣ опротивѣли. Потомъ пустился я въ большой свѣтъ, и скоро общество мнѣ также надоѣло: влюблялся въ свѣтскихъ красавицъ, и былъ любимъ, но ихъ любовь только раздражала мое самолюбіе, а сердце осталось пусто... Я сталъ читать, учиться.— науки также надоѣли: я видѣлъ, что ни слава, ни счастье отъ нихъ не зависятъ нисколько, потому что самые счастливые люди невѣжды, а слава—удача, и чтобъ добиться ея, надо только быть ловкимъ. Тогда мнѣ стало скучно... Я надѣялся, что скука не живетъ подъ чеченскими пулями— напрасно: черезъ мѣсяцъ я такъ привыкъ къ ихъ жужжанію и къ близости смерти, что право обращалъ больше вниманія на комаровъ, и мнѣ стало скучнѣе прежняго, потому что я потерялъ почти послѣднюю надежду. Тогда я увидѣлъ Бэлу... Я опять ошибся: любовь дикарки немногимъ лучше любви знатной барыни; невѣжество и простосердечіе одной такъ же надоѣдаютъ, какъ и кокетство другой. Если вы хотите, я ее еще люблю, я ей благодаренъ за нѣсколько минутъ довольно сладкихъ: я за нее отдамъ жизнь,—только мнѣ съ нею скучно... Глупецъ я, или злодѣй—не знаю; но то вѣрно, что я также очень достоинъ сожалѣнія, можетъ быть больше, нежели она: во мнѣ душа испорчена свѣтомъ, воображеніе безпокойное, сердце ненасытное; мнѣ все мало: къ печали я такъ же легко привыкаю, какъ къ наслажденію, и жизнь моя становится пустѣе день ото дня: мнѣ осталось одно средство—путешествовать.»

Какъ видимъ, предъ нами тотъ же Евгеній Онѣгинъ, хотя изъ слѣдующаго эпизода, встрѣчи Печорина съ Максимомъ Максимовичемъ, мы убѣждаемся, что этотъ Онѣгинъ уже побывалъ въ Николаевской казармѣ, что это не герой 12-го года, а больше щеголявшій на плацъ-парадахъ фатишка,—вообще очень дурного тона Онѣгинъ.

Максимъ Максимычъ, какъ бы является живымъ доказательствомъ, что въ русской жизни еще не умерла правдивая и спокойная мудрость и доблесть. Поведеніе Печорина относительно стараго боевого товарища — достойно его наружности: «Пыльный бархатный сюртучекъ его, застегнутый только на двѣ нижнія пуговицы, позволялъ разглядѣть ослѣпительно чистое бѣлье, изобличавшее привычки порядочнаго человѣка: его запачканныя перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической рукѣ... Онъ сидѣлъ, какъ сидитъ Бальзакова тридцатилѣтняя кокетка на своихъ пуховыхъ креслахъ, послѣ утомительнаго бала». Въ отвѣтъ на радостное чувство добродушнаго Максима Максимовича, Печоринъ отмочилъ совершенно армейскую штуку, прикинувшись дрянным фатомъ, неблагодарнымъ и пошлымъ. Онъ «восторжествовалъ» надъ бѣднымъ старикомъ, «наплевалъ» ему. И уѣхалъ.

Въ описаніяхъ обольщенія Бэлы и демоническаго смѣха Печорина послѣ кончины красавицы отзывается Марлинскій.

Таково первое явленіе Печорина, весьма для него невыгодное. Въ трехъ

другихъ эпизодахъ личность углубляется. Такъ въ «Тамани» уже болѣе реальное и сообразное съ дѣйствительностью столкновеніе утонченнаго Печорина съ дикаркой—красавицей контрабандисткой. Онъ думаетъ, что нашелъ Гетеву Миньйону, но ему не удается покорить ее. Какой-то грязный Янко надъ нимъ торжествуетъ. Печоринъ отпускаетъ однако громкую фразу: «Мнѣ стало грустно. И зачѣмъ было судьбѣ кинуть меня въ мирный кругъ «честныхъ» контрабандистовъ? Какъ камень, брошенный въ гладкій источникъ, я встревожилъ ихъ спокойствіе, и какъ камень едва самъ не пошелъ ко дну!» Однако возвратившись домой, Печоринъ убѣждается съ весьма явнымъ огорченіемъ, что его обокрали контрабандисты и такимъ образомъ вознаградили себя за безпокойство.

Надо думать, что именно такъ кончались исторіи общенія съ дикими цыганками, черкешенками и прочими чадами природы, развинченныхъ баричей онѣгинско-печоринскаго типа: «Посердился, а дѣлать было нечего! И не смѣшно ли было бы жаловаться начальству, что слѣпой мальчикъ меня обокралъ, а восемнадцатилѣтняя дѣвушка чуть-чуть не утопила?»

Въ очеркѣ «Княжна Мери» авторъ вводитъ насъ въ лабиринтъ противорѣчивыхъ качествъ печоринской души. Желая приподнять его надъ толпой, онъ противупоставляетъ ему воплощеніе псевдо-романтической пошлости,—Грушницкаго. Занятія Печорина однако далеко не глубокаго свойства. Какъ раньше онъ «восторжествовалъ» надъ Максимомъ Максимовичемъ, такъ теперь прилагаетъ всѣ усилія, чтобы увлечь молодую дѣвушку и потомъ вылить ей на голову ведро холодной воды, сознавшись въ своемъ равнодушіи къ ней. Хотя Печоринъ далеко не равнодушенъ къ Мери.

Свой характеръ Печоринъ объясняетъ такъ: «У меня врожденная страсть противорѣчить; цѣлая моя жизнь была только цѣпь грустныхъ противорѣчій сердцу или разсудку. Присутствіе энтузіаста обдаетъ меня крещенскимъ холодомъ и, я думаю, частыя сношенія съ вялымъ флегматикомъ сдѣлали бы изъ меня страстнаго мечтателя».

«Я часто себя спрашиваю, зачѣмъ я такъ упорно добиваюсь любви молоденькой дѣвочки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь?.. А вѣдь есть необъятное наслажденіе въ обладаніи молодой, едва распустившейся души! Она, какъ цвѣтокъ, котораго лучшій ароматъ испаряется на встрѣчу первому лучу солнца; его надо сорвать въ эту минуту и, подышавъ имъ до сыта, бросить на дорогѣ: авось кто-нибудь подыметъ! Я чувствую въ себѣ эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчается на пути; я смотрю на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживающую мои душевныя силы... Зло порождаетъ зло».

Демонъ Печорина завелся въ застѣнкѣ «Молчалинской» Руси, въ мірѣ высокихъ ботфортъ, казенщины, бездушной скуки канцеляризма. Духъ Пе-

чорина угнетенъ; его природнымъ влеченіямъ, органическому развитію силъ сначало положило преграду поверхностное, на чужеземный образецъ, воспитаніе; затѣмъ онъ попадаетъ въ безличное общество, которое не дерзаетъ «смѣть свое сужденіе имѣть»; юная энергія закабаляется для вращенія ржавыхъ колесъ бюрократической машины; всѣ свѣтлые порывы разбиваются о строй, въ основѣ котораго лежало рабство; отовсюду тѣснимый духъ пріучается къ вѣчному затаенному бунту, къ противорѣчію ради противорѣчія. Благо ему, если онъ выгоритъ за одинъ бурный мигъ, хотя бы и въ безплодной вспышкѣ; но если онъ прельстится благами житейскими, подчинится требованіямъ эпохи, — отрицаніе падетъ на него самого и извратитъ его духовную природу. Онъ станетъ рабомъ, неспособнымъ ни на что великое. Извращенный духъ противорѣчитъ уже только потому, что принялъ извѣстное рѣшеніе. Полюбилъ такой человѣкъ — и вотъ духъ рабскаго противорѣчія заставляетъ его сейчасъ же возненавидѣть предметъ любви его. Преклонился онъ предъ добромъ — и духъ извращенности заставляетъ его сейчасъ же совершить какую-нибудь низость, чтобы только надругаться надъ свѣтлымъ чувствомъ своимъ. Извращеніе дѣлаетъ рабомъ человѣка, само порождаясь рабствомъ, такъ какъ человѣкъ уже не можетъ чего-либо твердо пожелать, не можетъ имѣть убѣжденій и неизмѣнныхъ цѣлей и скитается, какъ Вѣчный Жидъ, не въ силахъ ничего кончить, ни всею душею полюбить, ни всею душею возненавидѣть.

§ 2. Разбирая художественныя достоинства романа Лермонтова, Бѣлинскій указываетъ, съ какимъ безконечнымъ искусствомъ въ очеркѣ «Бэла» обрисованъ граціозный образъ плѣнительной черкешенки. Указавъ художественное достоинство другихъ образовъ, Бѣлинскій продолжаетъ: «Обратите еще вниманіе на эту естественность разсказа, такъ свободно развивающагося, безъ всякой натяжки, такъ плавно текущаго собственною силою, безъ помощи автора».

Еще выше въ художественномъ отношеніи «Тамань»: «Мы не рѣшались дѣлать выписки изъ этой повѣсти, потому что она рѣшительно не допускаетъ ихъ; это словно какое-то лирическое стихотвореніе, вся прелесть котораго уничтожается однимъ выпущеннымъ или измѣненнымъ не рукою самого поэта стихомъ; она вся въ формѣ». Что касается повѣсти «Княжна Мери», то она «разнообразнѣе и богаче всѣхъ другихъ своимъ содержаніемъ, но зато далеко уступаетъ имъ въ художественной формѣ. Характеры ея или очерки, или силуэты, и только развѣ одинъ портретъ». Изъ лицъ, одинъ Грушницкій есть истинно-художественное созданіе. Всего слабѣе обрисованы лица женскія. Однако, заключаетъ Бѣлинскій, при всемъ недостаткѣ художественности, вся повѣсть насквозь проникнута поэзіею, исполнена высочайшаго интереса. Каждое слово въ ней такъ глубоко знаменательно, самые

парадоксы такъ поучительны, каждое положеніе такъ интересно, такъ живо обрисовано! Слогъ повѣсти—то блескъ молніи, то ударъ меча, то разсыпающійся по бархату жемчугъ!»

Во всякомъ случаѣ, своимъ замѣчательнымъ романомъ Лермонтовъ не перешелъ предѣловъ повѣсти Пушкина, и творилъ въ указанномъ имъ направленіи. «Новаго слова» романъ Лермонтова русскому искусству прозы не сказалъ.

Новую эру открываетъ «поэма» Гоголя «Мертвыя души», вышедшая въ 1842 году.

«Гоголь первый, говоритъ, по поводу вышедшаго романа, Бѣлинскій, взглянулъ смѣло и прямо на русскую дѣйствительность... Гоголь началъ свое поприще еще при Пушкинѣ и съ смертью его замолкъ, казалось, навсегда. Послѣ «Ревизора» онъ не печаталъ до половины текущаго (1842 г.). Въ этотъ промежутокъ его молчанія... успѣла взойти и погаснуть на горизонтѣ русской поэзіи звѣзда таланта Лермонтова. Послѣ «Героя нашего времени»... ни въ журналахъ, ни отдѣльно не явилось ничего капитальнаго, ничего такого, что составляетъ вѣчное пріобрѣтеніе литературы и, какъ лучи солнечные въ фокусѣ стекла, сосредоточиваетъ въ себѣ общественное сознаніе... Какое-то апатическое уныніе овладѣло литературой; торжество посредственности было полное; видя, что никто ей не мѣшаетъ, она овладѣла и романомъ, и повѣстью, и театромъ... и вдругъ, среди этого торжества мелочности, посредственности, ничтожества, бездарности, среди этихъ пустоцвѣтовъ и дождевыхъ пузырей литературныхъ, среди этихъ ребяческихъ затѣй, дѣтскихъ мыслей, фарисейскаго патріотизма, приторной народности,—вдругъ, словно освѣтительный блескъ молніи среди томительной и тлетворной духоты и засухи, является твореніе чисто русское, національное, выхваченное изъ тайника народной жизни, столько-же истинное, сколько и патріотическое, безпощадно сдергивающее покровъ съ дѣйствительности и дышащее страстной, нервистой кровной любовью къ плодовитому зерну русской жизни; твореніе необъятно-художественное по концепціи и выполненію, по характерамъ дѣйствующихъ лицъ и подробностямъ русскаго быта,—и въ то же время глубокое по мысли, соціальное, общественное и историческое».

Высокое, художественное совершенство изображеній Гоголя, дѣйствительно, и послѣ пушкинской прозы, подняло русскій романъ еще на новую ступень полноты достиженія. Типы, созданные Гоголемъ, во всѣхъ мелочахъ ихъ будничной обстановки: Чичиковъ и его Селефанъ съ Петрушкой, трактирный слуга, чиновники и купцы города, Маниловъ, Собакевичъ, Ноздревъ, Коробочка, Плюшкинъ и Тентетниковъ, Пѣтухъ, генералъ Бетрищевъ во второй недодѣланной и неудачной по отношенію попытки дать «положительные типы» части поэмы, — всѣ эти типы безсмертны. Но въ то же время

понятна неудовлетворенность и терзанія творца «Мертвыхъ душъ». — онъ только «мертвыхъ» душею русскихъ людей воспроизвелъ въ своей поэмѣ.

Страшно состояніе героевъ поэмы въ ихъ неумолимомъ безчеловѣчіи. Они мертвы во всѣхъ своихъ движеніяхъ, потому что никогда не видѣли въ другомъ существѣ цѣль, но всегда средство. Это проклятіе крѣпостного строя легло на нихъ, неизгладимо выжглось во всемъ характерѣ и, дѣйствительно, на лицѣ ихъ читаешь надпись Дантова ада: «Оставь надежду на всегда». Глубокое лицемѣріе проѣло ихъ насквозь. Въ нихъ все показное, все фальшивое. Это бездушные автоматы и въ то же время они страшно живы, съ мясомъ и костями, во всей будничной, реальной обстановкѣ быта предстали намъ.

Еще въ «Сорочинской ярмаркѣ» въ заключительныхъ строфахъ этой роскошной, юношеской поэмы Гоголя мы видимъ прообразъ «мертвыхъ душъ». Это—танцующія старухи.

«Все неслось, все танцовало. Но еще страннѣе, еще неразгаданнѣе чувство пробудилось-бы въ глубинѣ души при взглядѣ на старушекъ, на ветхихъ лицахъ которыхъ вѣяло равнодушіемъ могилы, толкавшихся между новымъ, смѣющимся, живымъ человѣкомъ. Безпечныя! даже безъ дѣтской радости, безъ искры сочувствія, которыхъ одинъ хмѣль только, какъ механикъ своего безжизненнаго автомата, заставляетъ дѣлать что-то подобное человѣческому, онѣ тихо покачивали охмѣлѣвшими головами, подплясывая за веселящимся народомъ».

Образы, выведенные въ галлереѣ «Мертвыхъ душъ», тоже «толкаются между новымъ живымъ человѣкомъ», и будучи по существу «безжизненными автоматами», продѣлываютъ только «что-то подобное человѣческому». Возьмите хотя-бы Плюшкина — эту, по выраженію автора, «прорѣху на человѣчествѣ». Онъ движимъ чисто механически страстью къ скопидомству, которая одна привязываетъ его къ жизни. Плюшкинъ припомнилъ школьнаго пріятеля: «И на этомъ деревянномъ лицѣ вдругъ скользнулъ какой-то теплый лучъ, выразилось — не чувство, а какое-то блѣдное отраженіе чувства; явленіе, подобное неожиданному появленію на поверхности водъ утопающаго, произведшему радостный крикъ въ толпѣ, обступившей берегъ. Но напрасно обрадовавшіеся братья и сестры кидаютъ съ берега веревку и ждутъ, не мелькнетъ-ли вновь спина, или утомленныя бореньемъ руки: появленіе было послѣднее. Глухо все, и еще страшнѣе и пустыннѣе становится послѣ того затихнувшая поверхность безотвѣтной стихіи. Такъ и лицо Плюшкина, вслѣдъ за мгновенно скользнувшимъ на немъ чувствомъ, стало еще безчувственнѣе, еще пошлѣе». Начинается исторія изъ за затерявшейся четвертухи писчей бумаги. И новый пояснительный комментарій: «И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти

человѣкъ! Могъ такъ измѣниться! И похоже это на правду? Все похоже на правду, что можетъ статься съ человѣкомъ».

И Гоголь въ своей страшной картинѣ показываетъ, что сталось съ человѣкомъ на Руси...

Въ черновыхъ мы находимъ отрывокъ, который выясняетъ идею созданія Гоголя—механическую жизнь людей — автоматовъ, поправшихъ человѣка въ себѣ и въ ближнемъ: «Идея города. Возникшая до высокой степени пустота. Пустословіе, сплетни, перешедшія предѣлы. Какъ все это возникло изъ бездѣлья, и приняло выраженіе, пошлое въ высшей степени, какъ люди не глупые доходятъ до дѣланія совершенныхъ глупостей... Какъ пустота и безсмысленная праздность жизни смѣняются мутною, ничего не говорящею смертью. Какъ это страшное событіе совершается безсмысленно. Не трогаются... Смерть поражаетъ не трогающійся міръ. И еще сильнѣе, между тѣмъ, должна представиться читателю мертвая безчувственность жизни. Проходитъ страшная мгла жизни и еще глубокая скрыта въ томъ тайна... Не ужасная-ли вещь — жизнь безъ подпоры прочной? Не страшное-ли оно великое явленіе?.. Такъ слѣпа жизнь при бальномъ сіяніи, при фракахъ, при сплетняхъ и визитныхъ билетахъ».

Пошлость жизни, доходящая до фантастическаго, страшная «мгла жизни», «не трогающійся міръ» — таковой предстала Гоголю изъ Петербурга николаевская Россія—гдѣ все было «взято въ казну», умъ, совѣсть, чувство, патріотизмъ, религія, государственность все выродилось въ формы «обхожденія», безъ живой сути, а внизу шпицрутены сыпались на спины солдатъ, рабъ проигрывался въ карты и мѣнялся на борзую собаку. Чтобы оттѣнить мертвенность «не трогающагося міра», Гоголь въ двухъ мѣстахъ своей поэмы заставляетъ явиться чудному видѣнію, дѣвушкѣ—дочери губернатора. Сначала она является на дорогѣ, гдѣ двѣ тройки переступили постромки, и мужики—пошляки, дядя Миняй да дядя Митяй, дѣлаютъ видъ, что помогаютъ ихъ распутать.

Дѣвушка на дорогѣ — шестнадцатилѣтняя, съ золотистыми волосами. «Хорошенькій овалъ лица ея круглился, какъ свѣженькое яичко, и, подобно ему, бѣлѣлъ какой-то прозрачною бѣлизною, когда свѣжее, только что снесенное, оно держится противъ свѣта въ смуглыхъ рукахъ испытующей его ключницы и пропускаетъ сквозь себя лучи сіяющаго солнца». Разъѣхавшись съ блондинкой, Чичиковъ произноситъ такую рѣчь: «Вѣдь что, главное, въ ней хорошо? Хорошо то, что она сейчасъ только, какъ видно, выпущена изъ какого-нибудь пансіона, или института, что въ ней, какъ говорится, нѣтъ еще ничего бабьяго, то есть, именно того, что у нихъ есть самаго непріятнаго. Она теперь, какъ дитя. Все въ ней просто, она скажетъ, что ей вздумается, засмѣется, гдѣ захочетъ засмѣяться. Изъ нея все можно сдѣлать, она можетъ быть чудо, а можетъ выдти и дрянь,— и выйдетъ дрянь! Вотъ

пусть-ка только за нее примутся теперь маменьки и тетушки. Въ одинъ годъ такъ ее наполнятъ всякимъ бабьёмъ, что самъ родной отецъ не узнаетъ».

Этотъ ребенокъ, эта дѣвушка является затѣмъ на балу. Особенно интересна отброшенная Гоголемъ редакція[593]:

«Онъ видѣлъ, какъ она, чуть упираясь атласнымъ башмачкомъ, летѣла, и бѣлый пухъ ея эѳирной одежды леталъ вокругъ, какъ бы кружилась она въ какомъ-то тонкомъ облакѣ, показывая всю себя, какъ выточенную игрушку, въ которой ни малѣйшаго недостатка. Во всемъ тѣлѣ—ножка, ручка, шея, всякая кость, съ такой соразмѣрностью одна къ другой, и ко всему тѣлу, что, казалось, ея фигурка чуть не пѣла отъ согласной стройности. Гармонія летала въ виду всѣхъ»[594]).

И въ «нетрогающемся мірѣ» это чудное дитя сейчасъ-же становится центромъ сплетни—Чичиковъ, мертвыя души и губернаторская дочка сплелись въ одинъ безобразный клубокъ, который и раздавилъ подъ собою чистую душу. Она поступила въ передѣлку къ маменькамъ и тетушкамъ, и надъ ея головкой уже зіяетъ приговоръ: «Она можетъ быть чудо — и выйдетъ дрянь!»

Но изобразивъ этотъ «не трогающійся міръ», чуждыхъ человѣчности, «мертвыхъ душъ», Гоголь самъ испугался своего созданія. «Я сталъ надѣлять своихъ героевъ,—объясняетъ онъ первоначальный процессъ созданія перваго очерка поэмы, —сверхъ ихъ собственныхъ гадостей, моею собственною дрянью. Вотъ какъ это дѣлалось: взявши дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ другомъ званіи и на другомъ поприщѣ... Если бы кто видѣлъ тѣ чудовища, которыя выходили изъ подъ пера моего въ началѣ неожиданно для меня самого, онъ бы точно содрогнулся... Когда я началъ читать Пушкину первыя главы изъ «Мертвыхъ душъ», въ томъ видѣ, какъ онѣ были прежде, то Пушкинъ, который всегда смѣялся при моемъ чтеніи (онъ же былъ охотникъ до смѣха), началъ понемногу становиться все сумрачнѣе и сумрачнѣе, наконецъ сдѣлался совершенно мраченъ. Когда же чтеніе совсѣмъ кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: «Боже, какъ грустна наша Россія!» Меня это изумило. Пушкинъ, который такъ зналъ Россію, не замѣтилъ, что все это карикатура и моя собственная выдумка!.. Съ этихъ поръ я сталъ думать только о томъ, какъ бы смягчить то тягостное впечатлѣніе, которое могли произвести «Мертвыя души»[595]).

Это — не Россія... Все это — карикатура. Все это — моя собственная выдумка. Это — моя собственная дрянь, взятая изъ меня самого». Вотъ что

[593]) Соч. Гоголя. Изд. 10. Т. VII. Спб. 1896 г. 440—441.

[594]) Отрывокъ изъ 8 гл. I части. М. Д., до передѣлки.

[595]) Четыре письма къ разнымъ лицамъ по поводу «М. Д.» Соч. Г. изд. Кулеша 1857 г. Т. III. Стр. 407.

вообразилъ Гоголь, испуганный той головою медузы, которая вылѣпилась подъ его скульптурными пальцами, какъ слѣпокъ съ лица родной земли. Онъ, какъ и Пушкинъ, предъ собственнымъ своимъ созданіемъ становится все сумрачнѣе и сумрачнѣе, и наконецъ «сдѣлался совершенно мраченъ». Онъ ищетъ другой Россіи. Онъ подчиняется изувѣру-невѣждѣ, служителю мертваго аскетизма, «мертвой душѣ»—скудоумному мужику, попу Матвѣю. Онъ силится создать «положительные типы». И впадаетъ прямо въ ложное манерничанье школы Кукольника и Булгарина, создаетъ картонныя фигуры. Такъ его Костанджогло—практикъ-помѣщикъ появился еще въ «Иванѣ Выжигинѣ» (1829 г.) подъ именемъ господина Россіянинова. Гоголь, подражающій... Булгарину! Агонія великаго писателя, неудовлетвореннаго въ своихъ духовно-творческихъ стремленіяхъ, составляетъ одну изъ наиболѣе потрясающихъ страницъ исторіи литературы XIX-го столѣтія. Но впереди были и самыя славныя ея страницы. Впереди было явленіе Достоевскаго и великаго писателя земли русской, графа Льва Николаевича Толстого. Въ ихъ созданіяхъ должна была явиться Россія въ ея цѣломъ, съ ея «бѣсами», и съ «положительными» типами. Проза Пушкина и Гоголя—образцы художественнаго творчества словъ. Пушкинъ и Гоголь дали орудіе послѣдующимъ мастерамъ выполнить намѣченную ими гигантскую картину.

Прибавимъ еще одно соображеніе. Гоголь и потому не могъ «кончить» Мертвыхъ Душъ, что они уже первой частью были кончены и Чичиковъ истощилъ свою суть безъ остатка. Достаточно было внести три-четыре портрета (Тинтетниковъ, Бетрищевъ, Пѣтухъ), три-четыре визита, исторію передряги съ генералъ-губернаторомъ и избавленіе отъ бѣды, хотя уже съ плѣшью на темени и Чичиковъ конченъ. Онъ могъ потомъ еще путешествовать, даже и до сего дня, ничего не прибавляя для своего уразумѣнія.

Гоголь,—говоритъ А. Н. Пыпинъ,—«не довольствуясь своимъ могущественнымъ, но непосредственнымъ и инстинктивнымъ творчествомъ, стремился возвысить его до христіанскихъ идеаловъ и въ своемъ произведеніи дать не только картину человѣческой испорченности, но и картину человѣческаго просвѣтленія. Ему казалось, что эти различныя ступени нравственнаго состоянія онъ можетъ провести въ предѣлахъ русской жизни: онъ строитъ себѣ самое возвышенное, идеалистическое представленіе о русскомъ народѣ въ его возможномъ будущемъ развитіи, настоящее его не удовлетворяло, но тѣмъ сильнѣе онъ вѣровалъ въ то великое будущее, на которое допускали надѣяться необыкновенные задатки русскаго народнаго характера. Еще въ первой части «Мертвыхъ Душъ» онъ задавалъ себѣ эти мистическіе вопросы о томъ, куда стремится Русь: «остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель: не молнія ли это, сброшенная съ неба?» Онъ самъ вѣрилъ, что нѣкогда придетъ «грозная вьюга вдохновенія» и послышится «величавый громъ другихъ рѣчей». Силъ Гоголя не достало для исполненія

такой задачи; самый идеалъ свой онъ понялъ односторонне: но никто изъ русскихъ писателей не ставилъ такъ высоко этого идеала, не былъ преданъ ему такъ страстно, не выносилъ для него такой мучительной борьбы».

«Гоголь не далъ многосторонняго изображенія русской жизни, не развилъ русскаго народнаго идеала, но его творенія, отмѣченныя глубокимъ реализмомъ и вмѣстѣ психологической проницательностью, горячей любовью къ человѣку и полу-сознаннымъ, но сильнымъ общественнымъ чувствомъ, стали завѣтомъ для дальнѣйшаго развитія русской литературы, гдѣ его преемниками явились Тургеневъ, Островскій, Некрасовъ, Достоевскій и гр. Л. Н. Толстой» [596]).

§ 3. Каждый разъ, когда нарождается великій писатель, съ нимъ является въ литературѣ новая личность. Каждый разъ, какъ великій писатель умираетъ—вы сознаете, что природа разбила самую форму, въ которой отливались созданія его духа, и что такая душа вновь уже не родится... «Мертвыя Души» могъ создать только Гоголь, «Донъ-Кихота»—только Сервантесъ!

Рожденіемъ новаго духа въ русской литературѣ было появленіе перваго романа Ѳедора Михайловича Достоевскаго — «Бѣдные люди». Какъ же писалась эта вещь? Какъ была встрѣчена обществомъ и критикой? Что новаго вносила въ литературу? Насколько полно въ этомъ эмбріонѣ раскрывался могучій духъ будущаго автора «Братьевъ Карамазовыхъ?» Въ январьскомъ «Дневникѣ писателя» за 1877 г. Достоевскій, по поводу «Послѣднихъ пѣсенъ» лежавшаго на одрѣ болѣзни Некрасова, вспоминаетъ о своемъ первомъ появленіи въ литературѣ. «Писалъ я «Бѣдныхъ людей», говоритъ онъ, со страстью, почти со слезами». Дѣйствительно, въ письмахъ Ѳ. М. къ брату (отъ 24-го марта и 4-го мая 1845 г.), въ немногихъ словахъ находимъ яркій очеркъ тѣхъ родовыхъ мукъ творчества, которыя переживалъ молодой писатель въ тѣ дни. «Кончилъ я его (романъ), пишетъ Достоевскій брату, совершенно чуть ли еще не въ ноябрѣ мѣсяцѣ, но въ декабрѣ вздумалъ его весь передѣлать; передѣлалъ и переписалъ; но въ февралѣ началъ опять обчищать, обглаживать, вставлять и выпускать». 4-го мая 1845 года Достоевскій пишетъ: «этотъ мой романъ, отъ котораго я никакъ не могу отвязаться, задалъ мнѣ такой работы, что если бы зналъ, такъ не начиналъ бы его совсѣмъ. Я вздумалъ его еще разъ переправлять — и ей-Богу къ лучшему». Въ маѣ же снесъ Достоевскій, по совѣту Д. В. Григоровича, свой романъ Некрасову: «я снесъ, видѣлъ Некрасова минутку, мы подали другъ другу руки. Я сконфузился отъ мысли, что пришелъ со своимъ сочиненіемъ и поскорѣй ушелъ, не сказавъ съ Некрасовымъ ни слова. Воротился я до-

[596]) Исторія русской литературы. IV. 500, 501.

мой уже въ четыре часа, въ бѣлую, свѣтлую, какъ днемъ, петербургскую ночь. Стояло прекрасное теплое время и, войдя къ себѣ въ квартиру, я спать не легъ, отворилъ окно и сѣлъ у окна. Вдругъ звонокъ, чрезвычайно меня удивившій, и вотъ Григоровичъ и Некрасовъ бросаются обнимать меня, въ совершенномъ восторгѣ, и оба чуть сами не плачутъ. Они наканунѣ вечеромъ воротились рано домой, взяли мою рукопись и стали читать на пробу: «съ десяти страницъ видно будетъ». Но прочтя десять страницъ, рѣшили прочесть еще десять, а затѣмъ, не отрываясь, просидѣли всю ночь до утра, читая вслухъ и чередуясь, когда одинъ уставалъ... Когда они кончили (семь печатныхъ листовъ!), то въ одинъ голосъ рѣшили идти ко мнѣ немедленно: «что-жъ такое, что спитъ, мы разбудимъ его, это выше сна!»... Некрасовъ снесъ рукопись Бѣлинскому въ тотъ же день. «Новый Гоголь явился!» закричалъ Некрасовъ, входя къ нему съ «Бѣдными людьми».— «У васъ Гоголи-то какъ грибы растутъ»—строго замѣтилъ ему Бѣлинскій, но рукопись взялъ. Когда Некрасовъ опять зашелъ къ нему вечеромъ, то Бѣлинскій встрѣтилъ его просто въ волненіи: «приведите, приведите его скорѣе!» И вотъ (это стало быть уже на третій день) меня привели къ нему... Онъ встрѣтилъ меня чрезвычайно важно и сдержанно... изъ уваженія къ тѣмъ чувствамъ, которыя онъ мнѣ хотѣлъ излить какъ можно скорѣе, къ тѣмъ важнымъ словамъ, которыя чрезвычайно торопился мнѣ сказать. Онъ заговорилъ пламенно, съ горящими глазами: «да вы понимаете ли сами-то, что вы такое написали!.. Вамъ правда открыта и возвѣщена какъ художнику, досталась какъ даръ, цѣните же вашъ даръ и оставайтесь вѣрнымъ, и будете великимъ писателемъ». Я вышелъ отъ него въ упоеніи. Я остановился на углу его дома, смотрѣлъ на небо, на свѣтлый день, на проходившихъ людей и весь, всѣмъ существомъ своимъ ощущалъ, что въ жизни моей произошелъ торжественный моментъ, переломъ навѣки, что началось что-то совсѣмъ новое, но такое, чего я и не предполагалъ тогда даже въ самыхъ страстныхъ мечтахъ моихъ... Это была самая восхитительная минута во всей моей жизни. Я въ острогѣ, вспоминая ее, укрѣплялся духомъ. Теперь еще вспоминаю ее каждый разъ съ восторгомъ». (Дневн. писателя. 1877 г. Январь).

«Бѣдные люди», напечатанные въ «Петербургскомъ Сборникѣ», изданномъ Некрасовымъ въ 1846 г., имѣли полный успѣхъ. «Такъ еще никто не начиналъ», сказалъ Бѣлинскій.

Итакъ, въ 1846 г. всѣмъ было ясно, что съ «Бѣдными людьми» народился въ русской литературѣ новый, огромный и глубоко оригинальный талантъ. А между тѣмъ теперь, перечитывая романъ, поражаешься его растянутостью и монотонностью. Единственное ярко очерченное лицо романа, Макаръ Дѣвушкинъ, въ послѣдующихъ романахъ Достоевскаго является какъ второстепенный, вводный и нѣсколько слащавый типъ. (Мармеладовъ въ

«Преступленіи и наказаніи», капитанъ Снегиревъ въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», отчасти Лебедевъ въ «Идіотѣ», Лебядкинъ въ «Бѣсахъ» и т. д.). Нѣтъ и помина о томъ цѣломъ мірѣ своеобразныхъ характеровъ, которые выступаютъ въ «Преступленіи и наказаніи» (1866 г.). Собственно первымъ произведеніемъ, въ которомъ уже проявился весь Достоевскій, слѣдовало бы считать именно это произведеніе. Что же такое «Бѣдные люди»? Что такое поразило общество и критику въ этой вещи? Не столько содержаніе романа, сколько самый методъ, съ которымъ авторъ подходитъ къ изображенію своего единственнаго героя. Въ самомъ дѣлѣ, въ одномъ изъ писемъ Достоевскаго къ брату находимъ слѣдующее драгоцѣнное указаніе: «представь себѣ, что наши всѣ и даже Бѣлинскій нашли, что я даже далеко ушелъ отъ Гоголя... Во мнѣ находятъ новую оригинальную струю (Бѣлинскій и проч.), состоящую въ томъ, что я дѣйствую анализомъ, а не синтезомъ, т. е. иду въ глубину и, разбирая по атомамъ, отыскиваю цѣлое. Гоголь же беретъ прямо цѣлое и оттого не такъ глубокъ, какъ я». Итакъ, кружокъ Бѣлинскаго поражался именно методомъ Достоевскаго, а не однимъ содержаніемъ романа. Гоголь въ «Шинели» уже указалъ брата и человѣка въ «униженномъ и оскорбленномъ» Акакіѣ Акакіевичѣ. И въ этомъ Достоевскій не былъ оригиналенъ. Да, наконецъ, въ позднѣйшихъ романахъ Достоевскаго «униженные и оскорбленные» стали на второй планъ, а центръ картины заняли «бѣсы земли русской», хищники и сладострастники, мечтатели, фанатики, подвижники и кликуши: Раскольниковъ, Свидригайловъ, Настасья Филипповна, Грушенька, Алеша, Иванъ и Дмитрій Карамазовы, Петръ Степановичъ Верховенскій и т. д. и т. д.

§ 4. 9-го апрѣля 1841 г. скончался президентъ россійской Академіи Александръ Семеновичъ Шишковъ. «Шишковъ,—сказалъ о немъ кн. П. А. Вяземскій,—былъ и не умный человѣкъ, и не авторъ съ дарованіемъ, но человѣкъ съ постоянною волею, съ мыслію, герой двухъ слоговъ стараго и новаго, кричалъ, писалъ всегда объ одномъ, словомъ, имѣлъ личность свою, и потому создалъ себѣ мѣсто въ литературномъ и даже государственномъ нашемъ мірѣ. А у насъ люди эти рѣдки, и потому Шишковъ у насъ все-таки историческое лицо. Я помню, что во время оно мы смѣялись надъ нелѣпостями его манифестовъ; но между тѣмъ большинство, народъ, Россія, читали ихъ съ восторгомъ и умиленіемъ; слѣдовательно, они были кстати». За Шишковымъ послѣдовалъ въ могилу сверстникъ его Николай Михайловичъ Шатровъ—старецъ, который помнилъ Третьяковскаго, былъ знакомъ съ Сумароковымъ, Эминымъ, Херасковымъ, прославившійся «преложеніемъ псалмовъ». На докладѣ Уварова о кончинѣ Шишкова государь начерталъ: «представить мнѣ проектъ соединенія Россійской Академіи съ Академіей Наукъ». Такъ было упразднено это учрежденіе.

Съ этими старцами, почти современными русской литературѣ, ушелъ (15-го іюля 1841 г.) и юный Лермонтовъ. Затѣмъ въ 1844 году 29-го іюня скончался Евг. Абр. Баратынскій, а 9-го ноября Ив. Андр. Крыловъ; въ 1845 г. умеръ Александръ Ивановичъ Тургеневъ; въ 1846 г. 26-го янв. кн. А. А. Шаховской, а 26-го февраля Николай Полевой; въ томъ же году умеръ и поэтъ Языковъ; 21-го января 1847 года уѣхалъ навсегда заграницу Герценъ, а въ слѣдующемъ 1848 году былъ учрежденъ страшный бутурлинскій негласный цензурный комитетъ. Наконецъ 1852 годъ «ужасный высокосъ»: 21-го февраля умеръ Гоголь; 12-го апр.—Жуковскій; 23-го іюня — Загоскинъ. Всѣ эти смерти какъ бы заключаютъ первую половину столѣтія. А что же завѣщано второй его половинѣ?

Въ 1841 году возвратился изъ заграничной поѣздки Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ (род. 28-го октября 1818 г.). Съ осени того же года въ «Отеч. Запискахъ» стали являться мелкія стихотворенія Тургенева. Въ началѣ 1843 г., онъ напечаталъ отдѣльною книжкою небольшую поэму «Параша», подписанную буквами Т. Л. Бѣлинскій посвятилъ этому произведенію начинающаго писателя довольно обширную статью, въ которой отозвался о поэмѣ очень сочувственно. Объ этой поэмѣ, въ своихъ «Литературныхъ и житейскихъ воспоминаніяхъ», Тургеневъ говоритъ: «этою поэмою я вступилъ (въ 1843 г.) на литературное поприще», которое такимъ образомъ продолжалось ровно сорокъ лѣтъ (1843—1883 гг.). Первымъ прозаическимъ произведеніемъ Тургенева былъ драматическій очеркъ въ одномъ дѣйствіи на испанскій сюжетъ подъ заглавіемъ «Неосторожность», помѣщенный въ «Отеч. Зап.» 1843 г., № 10. Затѣмъ, въ слѣдующемъ году, 1844, въ томъ же журналѣ была напечатана его первая повѣсть «Андрей Колосовъ»; въ «Петербургскомъ Сборникѣ», изд. Некрасовымъ (1846) — довольно большая юмористическая поэма «Помѣщикъ», иллюстрированная художникомъ Агинымъ, и повѣсть «Три портрета»; въ 1-й книжкѣ «Отеч. Зап.» 1847 г.— повѣсть «Бреттеръ». Наконецъ въ 1-й книжкѣ некрасовскаго «Современника» въ 1847 году, на очень скромномъ мѣстѣ, въ отдѣлѣ «Смѣси», появился «Хорь и Калинычъ», первый разсказъ изъ «Записокъ охотника». Начиная съ этого разсказа, проникнутаго глубокою симпатіею къ крестьянству, Тургеневъ оставляетъ стихи. За первымъ слѣдуетъ рядъ новыхъ очерковъ, напечатанныхъ въ томъ же «Современникѣ» (1847—1851 г.) и составившихъ славу автору.

«Привычное представленіе, говоритъ Арс. И. Введенскій, которое соединяется съ «Записками охотника» Тургенева, есть представленіе о рядѣ художественныхъ очерковъ, проникнутыхъ одною идеею, направленныхъ къ одной цѣли, именно къ доказательству несправедливости существовавшаго тогда крѣпостного права». Однако это справедливо только относительно части очерковъ, и въ общемъ значеніе ихъ гораздо обширнѣе. Какимъ обра-

зомъ могли быть орудіемъ въ борьбѣ противъ крѣпостного права такіе очерки, какъ «Ермолай и Мельничиха»? Очерки Тургенева въ своей совокупности представляютъ яркую картину жизни русской деревни—крестьянъ и помѣщиковъ. Причемъ въ этой картинѣ народъ является передъ читателемъ впервые въ русской литературѣ такимъ мощнымъ и полнымъ силъ элементомъ русской жизни, что заставляетъ уважать его, и негодовать противъ гнуснаго ига, возложеннаго на такое богато одаренное, прекрасное племя. А помѣщики, развращенные и разслабленные рабовладѣльчествомъ, невольно заставляютъ спросить: и въ рукахъ такихъ-то слабыхъ и пошлыхъ людей этотъ мощный народъ? Тургеневъ былъ только художникомъ въ этой картинѣ. Онъ далъ вѣрную картину жизни, природы, быта, нравовъ крѣпостной Россіи, и какъ далеко его изображеніе отъ мертваго «нетрогающагося» міра Гоголя! Какъ далеки его «Пѣвцы» и крестьянскіе ребятишки отъ пошляковъ—дяди Миняя и Митяя у Гоголя!

Это изображеніе отлично и отъ «фламандскаго» изображенія деревни Пушкинымъ.

Тургеневъ, какъ истинный художникъ, творилъ просто и не могъ преслѣдовать тенденціозной цѣли. Но конечно все его молодое, просвѣщенное сочувствіе было на сторонѣ несвободнаго народа — и оно проникло всякую черту его живописующаго, вдохновеннаго карандаша. И что за проза, полная поэзіи, гармоничная проза полилась изъ подъ этого карандаша! Это было опять откровеніе формы, стиля, языка, художества слова. Описаніе природы можно заучивать, какъ стихи.

Изящество, художественность, совершенство словеснаго искусства дѣлаетъ главнымъ образомъ драгоцѣнными для литературы «Записки охотника», оставивъ въ сторонѣ, что это благороднѣйшія страницы этой литературы.

Художественное значеніе «Записокъ охотника», значеніе поэтически правдивой картины русской жизни, русской деревни, русскаго крестьянина и помѣщика,— необычайно велико. Тургеневу удалось подмѣтить самыя характерныя черты русской души, и, быть можетъ, всего болѣе онѣ находятъ для себя выраженіе именно въ «Запискахъ охотника». Что такое, напримѣръ, Чулкотуринъ, этотъ «лишній человѣкъ», какъ не простое видоизмѣненіе «Гамлета Щигровскаго уѣзда»?[597]).

Одни изъ очерковъ изображаютъ крестьянство: таковы — «Бѣжинъ лугъ», «Пѣвцы», «Свиданіе», «Хорь и Калинычъ», «Касьянъ съ Красивой Мечи», «Бирюкъ»; рядъ типовъ, бѣлокурыя головки крестьянскихъ ребятишекъ, милая и несчастная дѣвушка, виртуозы пѣвцы, лѣсной поэтъ-фи-

---

[597]) Общественное самосознаніе въ русской литературѣ. А. И. Введенскаго. 1900 г. Стр. 126.

лософъ, «бирюкъ», прижимистый скопидомъ и распустеха, безпечный увалень и много, много проходитъ предъ нами прекрасныхъ типовъ.

Эти очерки особенно важны и драгоцѣнны. Въ другихъ являются силуэты помѣщиковъ, хотя вполнѣ помѣщичій бытъ, съ его грязью и ложью, но и съ поэзіей, изображенъ въ позднѣйшихъ произведеніяхъ великаго художника. Наконецъ, особое мѣсто занимаетъ очеркъ: «Гамлетъ Щигровскаго уѣзда», который надо сопоставить съ двумя первыми повѣстями Тургенева: «Андрей Колосовъ» и «Бреттеръ». Въ этихъ трехъ произведеніяхъ является въ новыхъ видахъ все тотъ же типъ русскаго «интеллигента», который такъ долго занималъ Пушкина, преобразился въ Печоринѣ, принялъ опять новую форму въ Тентетниковѣ, второй части «Мертвыхъ Душъ», и занимая потомъ всегда Тургенева, является у всѣхъ беллетристовъ 40-хъ годовъ. Типъ сложный, — то будирующій, то апатичный, то пришибленный, каковъ «Гамлетъ Щигровскаго уѣзда», что «Гегеля изучилъ, знаетъ Гете наизусть» и по этому самому совершенно лишнее существо среди упитанныхъ степняковъ и лѣсовиковъ-помѣщиковъ.

У героевъ 40-хъ годовъ была общая имъ всѣмъ черта. Черта эта—неудача, вѣчно стерегущая ихъ на жизненномъ пути. За что бы они не принимались, за службу, за хозяйство, даже просто за любовь, эта роковая неудача превращаетъ въ мишуру и дѣятельность ихъ и само счастье, котораго они добиваются. Судьба эта постигаетъ лучшихъ людей, наиболѣе честныхъ и умныхъ, и они вслѣдствіе этого ничуть не утрачиваютъ нашего сочувствія. Въ этомъ и отличіе людей сороковыхъ годовъ отъ героевъ Пушкинской формаціи, что послѣдніе блестящимъ метеоромъ проносились въ жизни, баловавшей ихъ на каждомъ шагу, а первые зачастую встрѣчаютъ однѣ насмѣшки и униженіе. Въ своемъ «Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда», Тургеневъ впервые у насъ изобразилъ героя смѣшного и жалкаго, хотя по умственному запасу и нравственнымъ запросамъ выше среды [598]).

§ 5. Герценъ, въ своемъ романѣ «Кто виноватъ?» далъ самое полное изображеніе человѣка 40-хъ годовъ: «При всей угловатости нѣкоторыхъ изъ литературныхъ пріемовъ Герцена, несмотря на многочисленныя и довольно тяжелыя дидактическія отступленія, ему удалось въ фигурѣ Бельтова выставить передъ нами героя эпохи едва-ли не лучше и рельефнѣе, чѣмъ сдѣлалъ это позднѣе Тургеневъ въ своемъ Рудинѣ. Бельтовъ, въ самомъ дѣлѣ, олицетворяетъ собою типъ гораздо болѣе широкій.—Въ немъ совмѣщаются всѣ главныя черты передового человѣка 40-хъ годовъ—образованіе, гражданская честность, готовность служить родинѣ безкорыстно и, вдобавокъ, умъ смѣлый и мѣткій. И за одно съ этими качествами — рядъ недостат-

[598]) К. Головинъ. Русскій романъ. 1897 г. Стр. 80.

ковъ, парализующихъ его дѣятельность—неумѣлость обращаться съ людьми, скорое охлажденіе къ начатой работѣ, и неспособность приложить на практикѣ свои недюжинныя познанія». (Id. 91).

Герой романа — отставной губернскій секретарь Владиміръ Петровичъ Бельтовъ. «Чего у него не довѣшивало со стороны чина, искупалось довольно хорошо 3.000 душъ незаложеннаго имѣнія». Наружность героя — строенъ, худощавъ, и въ лицѣ его какъ-то странно соединялись добродушный взглядъ съ насмѣшливыми губами, выраженіе порядочнаго человѣка съ выраженіемъ баловня, слѣды долгихъ и скорбныхъ думъ съ слѣдами страстей, которыя, кажется, не обуздывались. Воспитывалъ Бельтова женевецъ — лѣтъ сорока, сѣдой, худощавый, съ юными голубыми глазами и съ строгимъ благочестіемъ на лицѣ. Этотъ воспитатель — сердце человѣческое изучалъ по Плутарху и въ сорокъ лѣтъ безъ слезъ не умѣлъ читать «Донъ-Кихота». Женевецъ началъ съ того, что развилъ въ Володѣ страсть къ ботаникѣ. Кончивъ домашнее воспитаніе и московскій университетъ по этико-политическому отдѣленію, Бельтовъ поступилъ было на службу, но вскорѣ охладѣлъ къ занятіямъ канцеляріи, сталъ раздражителенъ, небреженъ... Вышелъ въ отставку и десять лѣтъ затѣмъ проходитъ до того момента, когда онъ появляется въ романѣ. Что же онъ дѣлалъ впродолженіи ихъ? «Все, или почти все. Что онъ сдѣлалъ? Ничего, или почти ничего». Сначала занялся было медициной, но «одаренный быстрымъ умомъ, онъ очень скоро наткнулся въ занятіяхъ своихъ на тѣ вопросы, на которые медицина учено молчитъ, и отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ все остальное; онъ остановился передъ ними и хотѣлъ ихъ взять приступомъ, отчаянной храбростью мысли». Ничего не вышло, конечно. И онъ воскликнулъ: нѣтъ, не хочу быть докторомъ! что я за безсовѣстный человѣкъ, что осмѣлюсь лѣчить больного при современной разноголосицѣ во всѣхъ физіологическихъ вопросахъ. Все практическое въ сторону! Что я за чиновникъ, что я за ученый? — Я... я... не смѣю признаться — я артистъ! — Срисовывая изображенія черепа, Бельтовъ догадался, что онъ художникъ. Но и это не вытанцовалось. Затѣмъ слѣдовали опыты любви и выдачи векселей, и Бельтовъ уѣхалъ въ чужіе края — искать разсѣянія, искать впечатлѣній, занятій и проч.

Воспитатель — женевецъ, разъясняетъ суть своего героя Герценъ. — «сдѣлалъ изъ него человѣка вообще, какъ Руссо изъ Эмиля; университетъ продолжалъ это общее развитіе; дружескій кружокъ изъ пяти-шести юношей, полныхъ мечтами, полныхъ надеждами на столько большими, на сколько имъ еще была неизвѣстна жизнь за стѣнами аудиторіи,—болѣе и болѣе поддерживалъ Бельтова въ кругу идей несвойственныхъ, чуждыхъ средѣ, въ которой ему приходилось жить. Наконецъ, двери школы закрылись и дружескій кругъ, вѣчный и замогильный, блѣднѣлъ, блѣднѣлъ, и остался

только въ воспоминаніяхъ, или воскресалъ при случайныхъ и ненужныхъ встрѣчахъ, да при бокалахъ вина; открылись другія двери, немного со скрыпомъ. Бельтовъ прошелъ въ нихъ и очутился въ странѣ, совершенно ему неизвѣстной, до того чуждой, что не могъ приладиться ни къ чему; онъ не сочувствовалъ ни съ одной дѣйствительной стороной около него кипѣвшей жизни; онъ не имѣлъ способности быть хорошимъ помѣщикомъ, отличнымъ офицеромъ, усерднымъ чиновникомъ; а затѣмъ въ дѣйствительности оставались только (?!) мѣста праздношатающихся, игроковъ и кутящей братіи вообще... Онъ былъ слишкомъ развитъ, а развратъ этихъ господъ слишкомъ грязенъ, слишкомъ грубъ. Побился онъ съ медициной, да съ живописью, покутилъ, поигралъ, да и уѣхалъ въ чужіе края; дѣло, само собою разумѣется, и тамъ ему не нашлось; онъ занимался безсистемно, занимался всѣмъ на свѣтѣ, удивлялъ нѣмецкихъ спеціалистовъ многосторонностью русскаго ума; удивлялъ французовъ глубокомысліемъ; и въ то время, какъ нѣмцы и французы дѣлали много, — онъ ничего, онъ тратилъ свое время, стрѣляя изъ пистолета въ тирѣ, просиживая до поздней ночи у ресторановъ и отдаваясь тѣломъ, душою и кошелькомъ какой-нибудь лореткѣ».

Послѣ десяти лѣтъ такой жизни, Бельтовъ возвращается на родину, въ свой уѣздъ служить по выборамъ, но изъ этого выходитъ только одно: онъ разбиваетъ счастье тихаго, честнаго человѣка, влюбляетъ въ себя его жену и... поигравъ, уѣзжаетъ опять за границу, оставивъ за собою развалины, не хуже Онѣгина или Печорина.

«Зачѣмъ я живу вообще? — самъ задаетъ вопросъ Бельтовъ, — и самъ отвѣчаетъ: дѣйствительно, не знаю!»

Какъ бы въ противовѣсъ Бельтову, въ другомъ, имѣвшемъ чрезвычайный успѣхъ романѣ, является представитель энергіи, прообразъ «мыслящаго реалиста» 60-хъ годовъ. Мы говоримъ о знаменитой «Полинькѣ Саксъ» Александра Васильевича Дружинина (род. 2-го авг. 1843 года; ум. 19-го января 1864 г.). Въ первые годы своей литературной дѣятельности, начиная съ 1847 г., Дружининъ написалъ три большія повѣсти: «Полинька Саксъ», «Разсказъ Алексѣя Дмитрича» и «Фрейлейнъ Вильгельмина» и романъ въ трехъ частяхъ—«Жюли». Всѣ они были напечатаны въ «Современникѣ». Съ 1849 года Дружининъ всецѣло отдался критикѣ и публицистикѣ. И въ самомъ дѣлѣ, Дружининъ, какъ и Герценъ—не художникъ. Повѣсть его—произведеніе рефлексіи, вкуса, начитанности, но не творчества. Однако ему удалось создать два живыхъ лица, почти достигающихъ типичности. «Граціозная женщина — дитя, безсознательно наивная въ своей капризной виновности, Полинька Саксъ въ свое время обворожила читающую публику и до сихъ поръ не утратила своей прелести; а мужъ ея, дѣловитый и умный чиновникъ, не перестаетъ быть симпатичнымъ, когда ему измѣняетъ жена,

и не становится ни смѣшнымъ, ни жалкимъ, когда онъ ей великодушно прощаетъ... Мужъ Полиньки почти даже не русскій по темпераменту, до того Дружининъ въ немъ подчеркнулъ его полу-нѣмецкую аккуратную добросовѣстность. И не будь въ немъ высоко-гуманной, уже чисто русской способности забывать понесенную обиду, онъ вышелъ бы совсѣмъ иностранцемъ. Какъ бы то ни было, въ основной чертѣ его характера нельзя не видѣть со стороны Дружинина открытаго поклоненія тому отличительному свойству западной культуры, которая всего болѣе чужда русскому духу, и потому авторъ «Полиньки Саксъ» несомнѣнно является однимъ изъ носителей западническаго реализма въ нашей беллетристикѣ»[599]).

Если Бельтовъ—типъ передового москвича—гегельянца 40-хъ годовъ, то Саксъ — типъ петербуржца, типъ передового петербургскаго чиновника 40-хъ годовъ. По утру онъ раздѣлался со слѣдствіемъ: безъ гнѣва и пристрастія вывелъ на свѣтъ Божій продѣлки какого-то комитета и открыто вызвалъ на бой дѣльцовъ, не отвыкшихъ отъ идеи, что за казну, какъ за общую собственность, не слѣдъ вступаться. Министръ нѣсколько разъ перечитывалъ его докладъ, соглашался съ его доводами и благодарилъ его. Онъ возвращается домой къ молоденькой женѣ. Полинька оригинальнаго мнѣнія о его занятіяхъ. По ея соображеніямъ начальство награждаетъ тѣхъ, у кого красивѣе почеркъ. Саксъ не замѣчаетъ, что глупенькая жена его близка къ истинѣ... Онъ думалъ сначала ей объяснить кое-что, однако оставилъ служебныя тайны до другого раза. Саксъ во всю свою молодость, испытавши все на свѣтѣ, не испытывалъ настоящей любви къ женщинѣ. Теперь онъ не знаетъ высшаго наслажденія, какъ слѣдить за мыслями дорогого ему ребенка — Полиньки, ставить его въ уровень съ собою и съ вѣкомъ.

Отличительная черта Полинькиной красоты — это ея дѣтская миловидность. Верхняя ея губа далеко отстаетъ отъ нижней: красота ребяческая, а не женская. Вся нижняя часть лица ея такъ кругла, что на ней не видно ни одной ямочки. Это — женщина въ девятнадцать лѣтъ, съ слѣдами воспитанія, которое дали ей примѣрные родители ея... Чтобъ ихъ нелегкая побрала! И еще родители не такъ виноваты, какъ общество, которое требованіями своими заставило обращать женщинъ въ ребятишекъ.

«Намъ нужны женщины, а не ангелы,—сурово заявляетъ Саксъ съ порядочной лысиной, пріобрѣтенной на безпорочной службѣ.—вотъ уже годъ, какъ я стараюсь приготовить милаго и дѣльнаго помощника измученной моей душѣ... оживить эту миленькую статуэтку? Усилія мои далеки, очень далеки отъ успѣха... Пробовалъ я давать ей первые романы Жоржъ-Санда — она зѣвала... Практическая жизнь для нея и чужда, и непонятна. Въ свѣтѣ ей кажутся странными именно тѣ вещи, которыя приближаются къ здраво-

[599]) К. Головинъ. Русскій романъ. 1897. Стр. 102 и 103.

му смыслу... Я возобновилъ мою клятву воспитать Полиньку по своему... Я поклялся развить ея способности вполнѣ, сообщить ея мыслямъ независимость и настоящій взглядъ на общество и вывести ее такимъ образомъ изъ ряда хорошенькихъ, но пустыхъ женщинъ».

Въ свою очередь Полинька на замѣчаніе подруги, что мужъ ея «и старъ, и дуренъ», отвѣчаетъ, что «такого благороднаго и смѣлаго лица, какъ у Сакса, нигдѣ не увидишь», и добавляетъ: «онъ плѣшивъ немножко». Его знакомые всѣ живописцы, музыканты и молодые чиновники. Не много кто его любитъ, а больше все зовутъ чудакомъ, иные даже боятся. Папа Полиньки какъ-то говорилъ, что Саксъ человѣкъ безпокойный. «Часто думаю я: любилъ-ли кого-нибудь этотъ человѣкъ? Ни до свадьбы, ни послѣ не сказалъ онъ мнѣ открыто, что онъ хоть сколько-нибудь въ меня влюбленъ. Любовь моя не на словахъ, а въ жизни», говаривалъ онъ нѣсколько разъ. Чтобъ онъ сталъ цѣловать мои руки, чтобъ онъ становился на колѣни! fi donc! Отъ этого изомнется рубашка на груди, запачкается платье. Является онъ ко мнѣ, не иначе, какъ во фракѣ или сюртукѣ, — téré à quatre épingles,— верхъ дерзости, если онъ осмѣлится надѣть лѣтнее пальто вмѣсто фрака!». Въ имѣніи, которое дали за Полинькой, сдѣлалъ онъ такія перемѣны, что получать съ него стали вдвое меньше, чѣмъ оно прежде приносило. Папа Полиньки ужъ добръ, а за это разсердился. «Безъ нужды уменьшать оброкъ, — говорилъ онъ, — значитъ давать вредный примѣръ сосѣднимъ мужикамъ, уничтожать весь страхъ и повиновеніе». Саксъ только смѣется.

— Скажи мнѣ, — спрашиваетъ Полинька мужа, — чтобъ ты сдѣлалъ, еслибъ я тебѣ измѣнила, влюбилась бы на вѣкъ, безъ ума и безъ памяти?

— На что же мнѣ жена безъ ума и безъ памяти? — отвѣчаетъ Саксъ, сверкнувъ однако «страшно» глазами. Я бы поцѣловалъ тебя и уѣхалъ куда-нибудь подальше.

— Ну, а ему-то что же?

— Онъ-то чѣмъ виноватъ?

Полинька заплакала отъ такой «холодности» мужа.

Этотъ colloquium является идейнымъ центромъ романа. Саксъ — новый человѣкъ, отказывающійся отъ правъ собственности на чужую личность, на чужую душу, будь это ревизская «душа» или душа его жены. Онъ признаетъ полную свободу личности и ревновать, сажать жену за замокъ, не можетъ. Вмѣстѣ съ отрицаніемъ крѣпостного права, въ лучшихъ людяхъ возникаетъ отвращеніе къ старому семейному деспотизму. Человѣкъ не можетъ быть собственностью. Онъ принадлежитъ только самому себѣ.

И Саксъ поступаетъ согласно убѣжденію.

Такимъ образомъ еще въ 40-хъ годахъ высказана была идея, которую потомъ Чернышевскій въ 1863 г. развилъ, окарикатуривъ ее крайностями,

въ своемъ романѣ «Что дѣлать?» Тамъ появились три комнаты, средняя, нейтральная, запрещалось другъ къ другу входить безъ зова и спроса, хотя фраковъ и не носили.

Полинька становится жертвой романтическаго героя. Галицкій — человѣкъ довольно опасный, потому что гордъ, какъ дьяволъ, къ тому же молодъ и на лицо прехорошенькій мальчикъ. Убѣжденій у Галицкаго нѣтъ никакихъ, или ихъ такъ много, что самъ чортъ за ними не угоняется. Любовь Галицкаго — не любовь, не сумашествіе, а бѣшенство. Это чума, которая должна быть заразительна. Если магнетизеръ вертитъ нами по своей волѣ, посредствомъ глупѣйшихъ движеній пальцами, то что же должна произвести страсть, отъ которой трепещетъ и рвется весь нашъ организмъ? Страсть Галицкаго къ Полинькѣ не есть любовь къ женщинѣ: это любовь къ ангелу, поразившему его своей дѣтской прелестью, къ ангелу, который знаетъ нашей жизни на столько, чтобъ умѣть говорить съ нами. Дѣло кончается тѣмъ, что Галицкій упалъ къ ногамъ Полиньки, прижалъ губы свои къ маленькимъ этимъ ножкамъ. Страсть его, достигнувъ крайняго своего предѣла, разразилась параксизмомъ невѣроятной силы. Онъ плакалъ—въ первый разъ передъ человѣческимъ лицомъ. И, не смотря на слезы эти, что-то внутри его говорило:

Ты великъ и могучъ въ эту минуту.

Несомнѣнно, Галицкій выскочилъ изъ романовъ Марлинскаго.

Вѣрный своимъ убѣжденіямъ, Саксъ даетъ разводъ Полинькѣ. Но тутъ, пораженная его благородствомъ, Полинька вдругъ сознаетъ, что любила его всегда: любила, выходя за него, любила его, когда цѣловалась съ Галицкимъ, любила его, измѣняя ему.

Трагедія разрѣшается «началомъ злой чахотки». И передъ смертью Полинька пишетъ, что напрасно Галицкій спитъ у ея ногъ и по глазамъ угадываетъ ея желанія: «Я не могу любить его, я не могу понимать его, онъ не мужчина, онъ дитя: я стара для его любви. Это онъ (т. е. Саксъ) человѣкъ, онъ мужчина во всемъ смыслѣ слова; душа его и велика и спокойна... Я люблю его, не перестану любить его». Полинька изливаетъ свои чувства въ письмѣ, которое Саксъ долженъ прочесть послѣ ея смерти: «Онъ увидитъ окончаніе моего воспитанія; онъ узнаетъ, что я оцѣнила его, что за величайшую жертву я отплатила ему тѣмъ, чѣмъ только можетъ отплатить женщина: безпредѣльною, жаркою любовью».

Какъ видимъ, «воспитаніе» стоило жизни Полиньки. Цѣна довольно высокая.

§ 6. Произведенія рефлексіи, а не художественнаго творчества, созданія публицистовъ, а не поэтовъ — «Кто виноватъ?» и «Полинька Саксъ» занимаютъ однако опредѣленное мѣсто въ русской литературѣ и никогда его

не потеряютъ. Громадное вліяніе на общество, которое имѣли эти два романа, объясняется идейнымъ содержаніемъ ихъ. Но мало того, они послужили и настоящему художеству при созданіи типовъ человѣка 40-хъ годовъ. Въ самомъ дѣлѣ, Саксъ воскресаетъ позднѣе въ Штольцѣ («Обломовъ») Гончарова, а Бельтовъ въ Райскомъ («Обрывъ»). Но оба эти типа появляются въ художественномъ воплощеніи и въ первомъ романѣ Гончарова — «Обыкновенная исторія».

Романтическій, не находящій себѣ мѣста въ русской жизни Бельтовъ является здѣсь въ лицѣ юнаго Александра Адуева, а положительный и опредѣлившійся петербургскій интеллигентный чиновникъ Саксъ въ лицѣ дяди Адуева. Оба типа проникнуты юморомъ и реализмомъ дѣйствительности и весь романъ является тонкой насмѣшкой надъ типами, которое публицисты—Герценъ и Дружининъ принимаютъ только въ серьезъ.

Надо еще замѣтить, что «Обыкновенная исторія», «Кто виноватъ?» (въ полномъ видѣ) и «Полинька Саксъ» явились одновременно въ 1843 году въ «Современникѣ». Итакъ, наблюденія художника сошлись съ наблюденіями публицистовъ и рефлексія съ безсознательнымъ творчествомъ.

Романъ Гончарова начинается сценой отъѣзда юнаго Адуева изъ деревни. Въ утро отъѣзда онъ заспался и «чуть кто-нибудь стукнетъ, громко заговоритъ, сейчасъ, какъ раздраженная львица, являлась Анна Павловна (мать Адуева) и наказывала неосторожнаго строгимъ выговоромъ, обиднымъ прозвищемъ, а иногда, по мѣрѣ гнѣва и силъ своихъ, и толчковъ». Эта черта крѣпостныхъ нравовъ, добрѣйшей и до безумія любящей сына помѣщицы, — «толчекъ по мѣрѣ гнѣва и силъ», повторяется еще въ письмѣ ея къ петербургскому дядѣ, гдѣ она проситъ присмотрѣть за человѣкомъ, отпущеннымъ ею при сынѣ—Евсѣемъ: «Онъ смирный и не пьющій, да пожалуй, тамъ въ столицѣ, избалуется, — тогда можно и посѣчь». Эти — «посѣчь» и «толчекъ» одни являются тѣнью въ свѣтлой, идиллической картинѣ деревенскаго приволья, которое покидаетъ Александръ Адуевъ.

Этому помѣщичьему отпрыску отъ пеленъ улыбалась жизнь. Нянька все пѣла ему надъ колыбелью, что онъ будетъ ходить въ золотѣ. Профессоры твердили, что онъ пойдетъ далеко. О горѣ, слезахъ, бѣдствіяхъ онъ зналъ только по слуху. Но ему скоро тѣсенъ сталъ домашній міръ.

Природа, ласки матери, благоговѣніе няньки и всей дворни, мягкую постель, вкусныя яства — всѣ эти блага онъ весело мѣнялъ на неизвѣстное, полное увлекательной и таинственной прелести. Даже любовь Софьи, первая, нѣжная и розовая любовь, не удерживала его. Что ему эта любовь? Онъ мечталъ о колоссальной страсти. Мечталъ онъ и о пользѣ, которую принесетъ отечеству. Предъ нимъ разстилалось множество путей.

«Что ты найдешь въ Петербургѣ? — уговаривала его мать. — Ты думаешь, тамъ тебѣ такое же житье будетъ, какъ здѣсь? Эй, другъ мой, Богъ

знаетъ, чего насмотришься и натерпишься! И холодъ, и голодъ, и нужду— все перенесешь. Какъ не увидишь петербургскаго житья, такъ и покажется тебѣ, живучи здѣсь, что ты первый въ мірѣ; и во всемъ такъ, мой милый! Здѣсь ты одинъ — всему господинъ, а тамъ, можетъ быть, всякой станетъ помыкать тобой. И ты хочешь бѣжать отъ такой благодати, еще не знаешь куда, въ омутъ, можетъ быть, прости Господи... Останься!»

Старуха была права. Она была помѣщица «малодушная». Сидя дома, можно было жить привольно, но въ Петербургъ отсылать можно было очень скромную сумму.

Александръ — достаточный человѣкъ въ своей деревушкѣ — обращался въ Петербургѣ въ бѣднаго человѣка, которому приходилось еще службой создавать себѣ и «карьеру», и «фортуну». Онъ уѣзжаетъ.

Но едва попавъ въ Петербургъ, онъ начинаетъ тосковать по деревенскому приволью, вмѣстѣ съ своимъ Евсѣемъ, который восклицаетъ: «Эко, Господи! ну, народецъ! нечего сказать, а еще петербургскіе называются! У насъ и собака каждая изъ своей плошки лакаетъ».

Александру тѣсно. Дома и дома, камень и камень,—все одно да одно... нѣтъ простора и выхода взору: заперты со всѣхъ сторонъ,—кажется и мысли, и чувства людскія также заперты. Въ провинціальномъ городѣ пройдешь двѣ, три улицы, ужъ и чуешь вольный воздухъ, начинаются плетни, за ними огороды, а тамъ и чистое поле съ яровымъ. А тишина, а неподвижность, а скука—и на улицѣ и въ людяхъ тотъ же благодатный застой! И всѣ живутъ вольно, на распашку, никому не тѣсно.

Восторженно-наивнаго Александра начинаетъ перевоспитывать положительный петербургскій дядя—чиновникъ, котораго никогда ни хорошее, ни дурное впечатлѣніе не выводило изъ себя. Онъ находитъ, однако, что изъ племянника едва-ли выйдетъ прокъ: «ты, вонъ, изнѣженъ и избалованъ матерью: гдѣ тебѣ выдержать все, что я выдержалъ? ты, должно быть, мечтатель, а мечтать здѣсь некогда: подобные намъ ѣздятъ сюда дѣло дѣлать. Credo положительнаго дяди заключается въ слѣдующемъ: «Не надо улетать на небо, гдѣ насъ теперь пока не спрашиваютъ, а заниматься человѣческими дѣлами, къ которымъ мы призваны. Должно вникать во всѣ земныя дѣла и, между прочимъ, въ жизнь, какъ она есть, а не какъ бы намъ ее хотѣлось; разсматривать вещи пристально, съ ихъ настоящей стороны, а не заноситься, Богъ знаетъ, куда. Заниматься дѣломъ, ибо мы принадлежимъ къ обществу, которое нуждается въ насъ; дѣло доставляетъ деньги, а деньги—комфортъ»·

Александръ, однако, долго остается вѣрнымъ своему романтическому міровоззрѣнію, мечется, оступается, суется во всѣ двери и наконецъ охладѣваетъ къ жизни, впадаетъ въ прострацію. Онъ ведетъ сонную, грязную жизнь въ сообществѣ съ какимъ-то пошлякомъ, валяется на диванѣ, и на

упреки дяди возражаетъ: «Вы возбудили во мнѣ борьбу двухъ различныхъ взглядовъ на жизнь и не могли примирить ихъ; что-жъ вышло? все превратилось во мнѣ въ сомнѣніе, въ какой-то хаосъ... Я ничего не хочу, не ищу, кромѣ покоя, сна души. Я извѣдалъ всю пустоту и всю ничтожность жизни — и глубоко презираю ее. Дѣятельность, хлопоты, заботы, развлеченіе — все надоѣло мнѣ. Я ничего не хочу добиваться и искать; у меня нѣтъ цѣли... Стоитъ-ли хлопотать изъ чего нибудь, любить, привязываться, ссориться, мириться, словомъ, жить! не лучше-ли спать и умомъ, и сердцемъ? Я и сплю».

Но этотъ сонъ проходитъ. И все кончается тѣмъ, что Александръ остепеняется, дѣлаетъ чиновничью карьеру, выгодно женится, однимъ словомъ, повторяетъ своего дядю.

И «сонъ» оказался фразой и позой.

— Да! говоритъ дядя Адуевъ: — въ тридцать съ небольшимъ лѣтъ — коллежскій совѣтникъ, хорошее казенное содержаніе, посторонними трудами зарабатываешь много денегъ, да еще во-время женишься на богатой... да, Адуевы дѣлаютъ свое дѣло! Ты весь въ меня, только не достаетъ боли въ поясницѣ...

— Да ужъ иногда колетъ... — сказалъ Александръ, дотронувшись до спины.

§ 7. Въ томъ же плодовитомъ 1847 году выступилъ и Григоровичъ съ двумя значительными произведеніями, имѣвшими громадный успѣхъ: «Деревня» и «Антонъ Горемыка».

Въ своемъ «Взглядѣ на русскую литературу 1847 года» Бѣлинскій говоритъ: «Прошлый 1847 годъ былъ особенно богатъ замѣчательными романами, повѣстями и разсказами. По огромному успѣху въ публикѣ первое мѣсто между ними принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, двумъ романамъ: «Кто виноватъ?» и «Обыкновенная исторія»... Видѣть въ авторѣ «Кто виноватъ?» необыкновеннаго художника—значитъ вовсе не понимать его таланта. Правда, онъ обладаетъ замѣчательною способностью вѣрно передавать явленія дѣйствительности; очерки его опредѣленны и рѣзки, картины его ярки и сразу бросаются въ глаза. Но даже и эти самыя качества доказываютъ, что главная сила его не въ творчествѣ, не въ художественности, а въ мысли, глубоко прочувствованной, вполнѣ сознанной и развитой. Могущество этой мысли—главная сила его таланта... «Кто виноватъ?» собственно не романъ, а рядъ біографій, мастерски написанныхъ и ловко связанныхъ внѣшнимъ образомъ въ одно цѣлое именно той мыслью, которой автору не удалось развить поэтически. Это — мысль, которая глубоко легла въ основаніе, дала жизнь и душу каждой чертѣ, каждому слову разсказа... Какая же это мысль? Это—страданіе, болѣзнь при видѣ непризнаннаго че-

ловѣческаго достоинства, оскорбляемаго съ умысломъ и еще больше безъ умысла: это то, что нѣмцы называютъ гуманностью (Humanität)».

Указавъ, что чувство гуманности составляетъ душу твореній Искандера (псевдонимъ А. И. Герцена), но что онъ больше философъ и только немножко поэтъ, великій критикъ продолжаетъ:

«Совершенную противуположность составляетъ съ нимъ въ этомъ отношеніи авторъ «Обыкновенной Исторіи». Онъ — поэтъ, художникъ, и больше ничего. У него нѣтъ ни любви, ни вражды къ создаваемымъ имъ лицамъ, они его не веселятъ, не сердятъ, онъ не даетъ никакихъ нравственныхъ уроковъ ни имъ, ни читателю: онъ какъ будто думаетъ: кто въ бѣдѣ, тотъ и въ отвѣтѣ, а мое дѣло сторона. Изъ всѣхъ нынѣшнихъ писателей онъ одинъ приближается къ идеалу чистаго искусства». «У Гончарова нѣтъ ничего, кромѣ таланта: онъ больше, чѣмъ кто-нибудь теперь, поэтъ-художникъ. Талантъ его не первостепенный, но сильный, замѣчательный. Къ особенностямъ его таланта принадлежитъ необыкновенное мастерство рисовать женскіе характеры. Онъ никогда не повторяетъ себя, ни одна его женщина не напоминаетъ собой другой, и всѣ, какъ портреты, превосходны... Женщины Гончарова живыя, вѣрныя дѣйствительности созданія. Это новость въ нашей литературѣ». «Романъ Гончарова, заключаетъ свою характеристику великій критикъ, остается однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній русской литературы. Къ особеннымъ его достоинствамъ принадлежитъ между прочимъ языкъ чистый, правильный, легкій, свободный, льющійся. Разсказъ Гончарова въ этомъ отношеніи не печатная книга, а живая импровизація».

Повидимому Бѣлинскій не предугадывалъ по семи разсказамъ «Записокъ охотника» размѣровъ таланта Тургенева, такъ что даже находилъ въ немъ «много аналогіи» съ талантомъ Луганскаго (Вл. Даля). «Настоящій родъ того и другого, говоритъ критикъ, — физіологическіе очерки разныхъ сторонъ русскаго быта и русскаго люда». Однако Бѣлинскій отмѣчаетъ «необыкновенное мастерство Тургенева изображать картины русской природы». Тѣмъ не менѣе, отзывъ Бѣлинскаго сухъ и лишенъ обычной прозорливости. Повидимому, онъ даже Григоровича ставитъ выше Тургенева: «Григоровичъ посвятилъ свой талантъ исключительно изображенію жизни низшихъ классовъ народа... Онъ также постоянно держится на почвѣ хорошо извѣстной и изученной имъ дѣйствительности; но его два послѣдніе опыта — «Деревня» и въ особенности «Антонъ-Горемыка» — идутъ гораздо дальше физіологическихъ очерковъ. «Антонъ-Горемыка» — больше, чѣмъ повѣсть: это романъ, въ которомъ все вѣрно основной идеѣ, все относится къ ней, завязка и развязка свободно выходятъ изъ самой сущности дѣла... Эта повѣсть трогательная, по прочтеніи которой въ головѣ невольно тѣснятся мысли грустныя и важныя». Повидимому Бѣлинскій много ожидалъ отъ Владиміра Даля.

пользовавшагося тогда, вмѣстѣ съ Бутковымъ («Петербургскія вершины») Гребенкой, Сологубомъ (романъ «Тарантасъ» 1841 г.) большой извѣстностью, и въ 1846 году выпустившаго четыре части «Повѣстей, сказокъ и разсказовъ казака Луганскаго». Хотя дальнѣйшее показало, что первое мѣсто среди прозаиковъ, выступившихъ въ 40-хъ годахъ принадлежало Достоевскому, второе Тургеневу и Гончарову, третье Григоровичу, а Даль отступалъ на степень этнографа — бытописателя, но важна общая характеристика «натуральной школы», которую даетъ Бѣлинскій. какъ бы подводя итогъ полустолѣтія въ сферѣ выработки русской, повѣствовательной прозы: «Въ лицѣ писателей натуральной школы русская литература пошла по пути истинному и настоящему, обратилась къ самобытнымъ источникамъ вдохновенія и идеаловъ, и черезъ это сдѣлалась и современной, и русской. Съ этого пути она, кажется, уже не сойдетъ, потому что это прямой путь къ самобытности, къ освобожденію отъ всякихъ чуждыхъ и постороннихъ вліяній».

«Въ литературѣ — отстоялись и улеглись жизненныя начала дальнѣйшаго развитія и дѣятельности. Она уже—явленіе опредѣленнаго рода; въ ней есть сознаніе самостоятельности и своего значенія. Она уже сила организованная правильно, дѣятельная живыми отпрысками, переплетающаяся съ разными общественными нуждами и интересами, не метеоръ, случайно залетѣвшій изъ чужой намъ сферы на удивленіе толпы, не вспышка уединенной геніальной мысли, нечаянно проскользнувшая въ умахъ и потрясшая ихъ на минуту новымъ и невѣдомымъ ощущеніемъ».

«Недавно литература еще была похожа на пестрое пространство нашихъ полей, только что освободившихся отъ ледяной зимней коры: тутъ на холмахъ кое-гдѣ пробивается травка, въ оврагахъ лежитъ еще почернѣвшій снѣгъ, перемѣшанный съ грязью. Теперь ее можно сравнить съ тѣми же полями въ весеннемъ убранствѣ: хотя зелень не блистаетъ яркимъ колоритомъ,— мѣстами она очень блѣдна и не роскошна, но она уже стелется повсюду; прекрасное время года наступаетъ».

§ 8. Такъ привѣтствовалъ великій критикъ, святой схимникъ многострадальной русской литературы и рыцарь-храмовникъ ея скорбной и оскорбляемой мысли,— это «сердце сердецъ», этотъ пламенный трибунъ искусства, этотъ поэтъ и провидецъ въ критикѣ—замученный, умирающій праведникъ— Бѣлинскій,—такъ онъ встрѣчалъ пору, которую въ отношеніи обилія талантовъ и великихъ произведеній, должна наименоваться плодовитымъ лѣтомъ литературнаго столѣтія. И отвлеченная, критико-публицистическая мысль въ антитезѣ западничества и славянофильства, и романъ, и поэзія, и драма— все уже имѣло совершенные образцы, выработало высокія формы, и насчитывало цѣлыя плеяды чревычайныхъ талантовъ. На лицо уже были въ обла-

сти отвлеченія: Герценъ, Грановскій, Кудрявцевъ. Кавелинъ. Катковъ. Леонтьевъ, Дружининъ, Анненковъ, — западники: Константинъ и Иванъ Аксаковы, Хомяковъ, Самаринъ, Апол. Григорьевъ — славянофилы. Въ области романа: —Достоевскій, Тургеневъ, Гончаровъ. Григоровичъ, Писемскій. Въ области поэзіи: Майковъ, Фетъ, Полонскій, Некрасовъ. Въ области драмы: Островскій.

Съ такими силами литература могла развиваться и великій критикъ могъ привѣтствовать «лѣто Господнее, благопріятное», на родной нивѣ. гдѣ и онъ столько потрудился, какъ рачительный хозяинъ, помогающій растеніямъ выполкой сорныхъ травъ. и современной поливкой —одобрительнымъ и уяснительнымъ словомъ юному дарованію, привѣтствовать и — спокойно закрыть глаза. Хотя именно съ 1848 года по 1855—олютѣли силы тьмы и змій невѣжественнаго ханжества. изувѣрства и человѣконенавистничества сжалъ въ своихъ кольцахъ русскую литературу. Но если весною бываютъ морозы, то и лѣтомъ—засухи. Богъ покрылъ свою ниву и плодоношеніе ея было достойно великаго народа.

III.

§ 1. Только въ 1852 г. замолкла богатая лира Жуковскаго. до конца сохранявшая свою звучность и юный строй. Маститый поэтъ сопроводилъ вѣкъ до половины и непрерывно совершенствуясь, не устарѣлъ, переживъ Пушкина и двухъ главнѣйшихъ пѣвцовъ его плеяды—Баратынскаго (┼ 1844) и Языкова (┼ 1846). При немъ же началась поэтическая дѣятельность «плеяды» сороковыхъ годовъ — Некрасова, Майкова, Полонскаго и Фета, Щербины, Плещеева и Огарева, Мея, Губера, Шевченки. Изъ произведеній Жуковскаго этого послѣдняго періода замѣчательны — переводы эпизода изъ «Магабараты» — «Ноль и Дамаянти», изъ «Шахъ-намэ» Фердуси — «Рустемъ и Заребъ», предсмертная оригинальная поэма «Вѣчный Жидъ» и колоссальный трудъ передачи въ высоко-поэтическомъ переложеніи «Одиссеи» Гомера. «Ноль и Дамаянти. Индѣйская повѣсть. В. А. Жуковскаго» явилась отдѣльнымъ изданіемъ въ 1844 г. Бѣлинскій сказалъ о ней: «Легкость. прозрачность, удивительная простота и благородная поэзія его гекзаметра обнаруживаютъ высокое искусство. неподражаемое художество. Это переводъ вполнѣ художественный, и русская литература сдѣлала въ немъ важное себѣ пріобрѣтеніе».

Переводя повѣсть «Ноль и Дамаянти», которая составляетъ эпизодъ изъ обширной индійской поэмы «Магабарата». Жуковскій держался перевода Рюккерта. Обработка Жуковскаго распространяетъ на восточную поэму такой нѣжный колоритъ, что русскій поэтъ съ полнымъ правомъ могъ

поднести свою повѣсть о «Нолѣ и Дамаянти», какъ букетъ благоуханныхъ цвѣтовъ великой княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ, которую онъ считалъ прекраснѣйшимъ цвѣткомъ царской семьи. Жуковскій разсказалъ индійскую повѣсть гекзаметрами, но не гомеровскими, а сказочными, о которомъ говоритъ, что этотъ гекзаметръ, будучи совершенно отличнымъ отъ гомеровскаго, «долженъ составлять средину между стихами и прозою, то-есть, не бывъ прозаическими стихами, быть однако столь простымъ и яснымъ, какъ проза, чтобы разсказъ, несмотря на затрудненіе метра, лился какъ простая, непринужденная рѣчь»[600]).

Переводъ Жуковскаго однако отличается не только благозвучіемъ и непринужденностью стиха, но и общимъ своимъ поэтическимъ колоритомъ, котораго въ немъ больше, чѣмъ у Рюккерта. Своимъ поэтическимъ чутьемъ Жуковскій сумѣлъ извлечь изъ черствой скорлупы вкусное ядро.

Замѣчательны картинность въ описаніи нравовъ и обычаевъ востока, юношеская нѣжность въ изображеніи любви героевъ.

На переводъ «Одиссеи» Гомера Жуковскій посвятилъ слишкомъ семь лѣтъ, начавъ его въ январѣ 1842 г. и окончивъ въ апрѣлѣ 1849 года. Обѣ части поэмы были напечатаны въ 1848—1850 гг. въ Кальсруэ. Поэтъ самъ далъ превосходную характеристику своего труда въ письмѣ къ графу С. С. Уварову (1848 г.): «вы спросите, какъ мнѣ пришло въ голову приняться за Одиссею, не зная греческаго языка, и изъ таинственно-заносчиваго германскаго романтика сдѣлаться смирнымъ классикомъ? На это простой отвѣтъ; перешедши на старости въ спокойное пристанище семейной жизни, мнѣ захотѣлось повеселить душу первобытною поэзіею. Но какъ же спросите вы, не зная Гомерова языка, говорить языкомъ его по русски? Это я долженъ вамъ объяснить. Мнѣ помогла нѣмецкая, совѣстливая, трудолюбивая ученость. Въ Дюссельдорфѣ я нашелъ профессора Гласгофа, великаго эллиниста, который въ особенности занимается объясненіемъ Гомера. Онъ взялъ на себя помочь моему невѣжеству. Собственноручно, весьма четко онъ переписалъ мнѣ въ оригиналѣ всю Одиссею, подъ каждымъ греческимъ словомъ поставилъ нѣмецкое слово... Я могъ имѣть передъ собою весь буквальный смыслъ Одиссеи и имѣлъ передъ глазами весь порядокъ словъ; въ этомъ хаотически-вѣрномъ переводѣ, недоступномъ читателю, были, такъ сказать, собраны передо мною всѣ матеріалы зданія; недоставало только красоты, стройности и гармоніи. И вотъ въ чемъ состоялъ собственно трудъ мой: мнѣ надлежало изъ даннаго нестройнаго выгадывать скрывающееся въ немъ стройное, чутьемъ поэтическимъ отыскивать красоту въ безобразіи и творить гармонію изъ звуковъ, терзающихъ ухо; и все это не во вредъ,

600) Зейдлицъ. 191.

а съ вѣрнымъ сохраненіемъ древней физіогноміи оригинала. Въ этомъ отношеніи и переводъ мой можетъ назваться произведеніемъ оригинальнымъ».

Принимая во вниманіе такія особенныя условія работы, должно признать переводъ Жуковскаго чудомъ чисто творческой прозорливости его поэтическаго вдохновенія. Взглядъ на Гомера у нашего поэта былъ глубоко вѣрный: «во всякомъ другомъ поэтѣ,—говоритъ Жуковскій въ томъ же письмѣ,—не первобытномъ, а уже поэтѣ-художникѣ, встрѣчаешь съ естественнымъ его вдохновеніемъ и работу искусства. Въ Гомерѣ этого искусства нѣтъ... видишь одно вѣрное отраженіе, а свѣтлый кристаллъ отражающій какъ будто не существуетъ; око его не чувствуетъ. Переводя Гомера (и въ особенности Одиссею), не далеко уйдешь, если займешься фактурою каждаго стиха отдѣльно, ибо у него, то есть у Гомера, нѣтъ отдѣльно-разительныхъ стиховъ, а есть потокъ ихъ, который надобно схватить весь, во всей его полнотѣ и свѣтлости; надобно сберечь всякое слово и всякій эпитетъ и въ то же время все частное забыть для цѣлаго».

«Переводя Гомера, продолжаетъ Жуковскій, надобно отказаться отъ всякаго щегольства, отъ всякой украшенности, отъ всякаго покушенія на эффектъ, отъ всякаго кокетства; надобно производить дѣйствія неощутительно цѣлымъ, простотою, неразительностью, непримѣтностію выраженій, стройностію широкихъ, обильныхъ періодовъ, иногда перерываемыхъ какъ будто безъ намѣренія отдѣльными стихами, мало блестящими, такъ чтобы каждый стихъ въ періодѣ и каждое слово въ стихѣ составляли одну общую гармонію, не нарушая ее никакимъ собственнымъ, отдѣльно звонкимъ, но часто дикимъ звукомъ. Эта работа весьма трудная; для нея нѣтъ ясныхъ правилъ; должно руководствоваться однимъ чутьемъ... Но зато какое очарованіе въ этой работѣ, въ этомъ подслушиваніи первыхъ вздоховъ Анадіомены, рождающейся изъ пѣны моря (ибо она есть символъ Гомеровой поэзіи), въ этомъ простодушіи слова, въ этой первобытности нравовъ, въ этой смѣси дикаго съ высокимъ и прелестнымъ, въ этой живописности безъ излишества, въ этой незатѣйливости и непорочности выраженія, въ этой болтовнѣ часто черезчуръ изобильной, но принадлежащей характеру безыскусственности и простоты, и въ особенности въ этой меланхоліи, которая нечувствительно, безъ вѣдома поэта, кипящаго и живущаго съ окружающимъ его міромъ, все проникаетъ... Вотъ вамъ моя поэтическая исповѣдь. Прибавлю: я вездѣ старался сохранить простой, сказочный языкъ, избѣгая всякой натяжки, избѣгая всякаго славянизма, и по возможности соглашалъ съ формами оригинала (которыя всѣ матеріально сохранились въ переводѣ подстрочномъ) формы языка русскаго такъ, чтобы Гомеровскій стихъ былъ ощутителенъ въ стихѣ русскомъ, не заставляя его кривляться по-гречески»[601]).

[601]) Соч. В. А. Жуковскаго. Изд. 8-е. Предисловіе. О переводѣ Одиссеи.

Въ письмѣ къ И. В. Кирѣевскому[602]) 1845 г. поэтъ говоритъ: «Одиннадцать пѣсней Одиссеи готово. Я переводомъ доволенъ; онъ кажется мнѣ простѣе всѣхъ существующихъ; вѣренъ какъ проза, но поэтическій и поэтическій по образу и подобію Гомера; языкъ-же русскій, а не греческій, какъ у нѣмцевъ, и не такой, какъ во всѣхъ переводахъ французскихъ и у Попа».

... Ты самъ свой высшій судъ.
Всѣхъ строже оцѣнить сумѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ...

Въ самомъ дѣлѣ, переводъ Жуковскаго высоко художественъ и раскрываетъ новыя сокровища русскаго языка... «Боги, живущіе легкою жизнью», воскресаютъ въ своей человѣкообразной красотѣ; гротъ, стѣны котораго виноградъ «окинулъ сѣтью зеленой»; чайка, которая хватаетъ жадно рыбъ «изъ отверзтаго бурею нѣдра бездны безплодно соленой»; несказанная степь безплоднаго моря; широкотуманная зыбь; чернымъ щитомъ на туманистомъ морѣ простирающаяся земля; выкинутый на берегъ Одиссей, который «закопался въ слежавшихся листьяхъ», какъ подъ золой головню неугасшую пахарь скрываетъ, чтобъ пламени сѣмя въ ней сохраниться могло; Олимпъ, гдѣ обитель свою, говорятъ, основали боги, гдѣ вѣтры не дуютъ, дождь не шумитъ хладоносный, гдѣ безоблачный воздухъ легкой лазурью розлитъ и сладчайшимъ сіяньемъ проникнутъ; усиленное хворостомъ пламя, которое обхватило «чрево сосуда»; безжизненно—вѣющія тѣни мертвыхъ и среди нихъ провидецъ Тирезій—«въ адѣ онъ лишь съ умомъ, всѣ другіе безумными тѣнями вѣютъ»; судьбина всѣхъ мертвыхъ,— лишь горячая жизнь охладѣлыя кости покинетъ, вовсе тогда, улетѣвши, какъ сонъ, ихъ душа исчезаетъ; Тиро, которая плѣнила сердце свое Энипеемъ, рѣкою божественно-свѣтлой, между рѣками земными прекраснѣйшей — часто она посѣщала прекрасный потокъ; въ образъ облекся его Посидонъ земледержецъ, чтобъ съ нею въ устьѣ волнисто-кипучемъ рѣки сочетаться любовью; воды пурпурныя встали горой, сліявшись прохладно-прозрачнымъ сводомъ надъ ними, сокрыли отъ взоровъ и бога и дѣву; Одиссей въ Аидѣ сообщаетъ тѣни Ахиллеса о подвигахъ его сына и «душа Ахиллеса съ гордой осанкой шагомъ широкимъ по ровному Асфодилонскому лугу тихо пошла, веселясь великою славою сына»; всѣ эти картины и образы переданы Жуковскимъ съ дивной виртуозностью и выпуклостью. Меланхолическій оттѣнокъ и безсознательный романтизмъ «Одиссеи» переданъ имъ тоже высоко-художественно. Въ самомъ дѣлѣ — Одиссей — это отчасти вѣчно ищущій и стремящійся въ даль Фаустъ древности. Вспомнимъ пророчество Терезія: «когда ты, праведно

---

[602]) Ibid.

мстя, жениховъ, захватившихъ насильственно домъ твой, въ немъ умертвишь иль обманомъ, иль явною силой — покинувъ царскій свой домъ и весло корабельное взявши, отправься странствовать снова и странствуй, покуда людей не увидишь, моря не знающихъ, пищи своей никогда не солящихъ, также не зрѣвшихъ еще ни въ волнахъ кораблей быстроходныхъ, пурпурногрудыхъ, ни веселъ, носящихъ какъ мощныя крылья ихъ по морямъ — отъ меня же узнай несомнительный признакъ. Если дорогой ты путника встрѣтишь и путникъ тотъ спроситъ: что за лопату несешь на блестящемъ плечѣ, иноземецъ? Въ землю весло водрузи — ты окончилъ свое роковое долгое странствіе... И смерть не застигнетъ тебя на туманномъ морѣ; спокойно и медленно къ ней подходя, ты кончину встрѣтишь, украшенный старостью свѣтлой, своимъ и народнымъ счастьемъ богатый. И сбудется все»[603]).

За два дня до своей смерти Жуковскій сказалъ священнику Базарову слѣдующее: «Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы знали, что послѣ меня останется. Я написалъ поэму: она еще не кончена; я писалъ ее слѣпой, нынѣшнюю зиму. Это — «Странствующій жидъ» въ христіанскомъ смыслѣ. Въ ней заключены послѣднія мысли моей жизни. Это моя лебединая пѣснь».

Кромѣ небольшого введенія въ стихахъ, въ которомъ излагается преданіе о Вѣчномъ жидѣ, обреченномъ жить до второго пришествія Христова, Жуковскій успѣлъ написать двѣ части поэмы, составляющія почти половину предначертаннаго цѣлаго. Онъ хотѣлъ провести въ «Странствующемъ жидѣ» любимую мысль послѣднихъ годовъ своей жизни, а именно, что страданіе и несчастіе приводятъ человѣка къ высшему благу на землѣ, то есть, къ вѣрѣ, и что, стало-быть, мы должны смотрѣть на страданія и несчастія, какъ на лучшіе дары неба[604]).

Эта идея развита и въ гекзаметрахъ послѣдняго стихотворенія поэта «Розы».

> Все, что плѣняетъ какъ цвѣтъ, все, что пронзаетъ какъ тернъ,
> Радость и скорбь на землѣ знаменуютъ одно: ихъ въ единый
> Свѣжій сплетаетъ вѣнокъ промыслъ тайной рукой.

Громадная заслуга Жуковскаго предъ родной поэзіей заключается въ окончательномъ созданіи гекзаметра, такъ же въ разработкѣ чрезвычайно подвижнаго, бѣлаго, пятистопнаго, ямбическаго стиха. Здѣсь для формы имъ сдѣлано чрезвычайно много.

Предсмертныя чувства свои великій поэтъ выразилъ въ стихотвореніи «Царскосельскій лебедь» (1851), которое можетъ служить ему эпитафіей:

---

[603]) Пѣснь XI. Стр. 118—137.

[604]) Зейдлицъ. Стр. 240.

... Лебедь позабытый
Таялъ одиноко; а младое племя
Въ шумѣ рѣзвой жизни забывало время.
Разъ среди ихъ шума раздался чудесно
Голосъ, всю пронзившій бездну поднебесной;
Лебеди, услышавъ голосъ, присмирѣли,
И стремимы тайной силой, полетѣли
На голосъ; предъ ними, вновь помолодѣлый,
Радостно вздымая перья груди бѣлой,
Голову на шеѣ гордо распремленной
Къ небесамъ подъемля, весь воспламененный,
Лебедь благородный дней Екатерины
Пѣлъ, прощаясь съ жизнью, гимнъ свой лебединый;
А когда допѣлъ онъ—на небо взглянувши
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши—
Къ небу, какъ во время оное бывало,
Онъ съ земли рванулся... и его не стало
Въ высотѣ... и навзничъ съ высоты упалъ онъ;
И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ уже не горящій.

§ 2. Прежде Жуковскаго допѣли послѣднія пѣсни лебеди пушкинскаго вывода—Баратынскій и Языковъ.

Пессимистическое, глубоко философское настроеніе поэзіи Баратынскаго, достигаетъ полной зрѣлости въ его «Сумеркахъ», стихотвореніяхъ 1835—1842 г., вышедшихъ отдѣльной книжкой въ 1842 г., въ Москвѣ. Въ посвященіи кн. Вяземскому поэтъ говоритъ, что въ этихъ пѣсняхъ отразилась его жизнь — «исполнена тоски глубокой, противорѣчій, слѣпоты, и между тѣмъ любви высокой, любви добра и красоты».

Звѣзда разрозненной Плеяды!

Обращается Баратынскій къ кн. Вяземскому:

Еще, порою, покидаю
Я Лету, созданную мной,
И степи міра облетаю
Съ тоскою жаркой и живой.

«Лета, созданная» поэтомъ — міръ его особенныхъ чувствъ и настроеній, которыя не могъ дѣлить съ нимъ его вѣкъ, который

... Шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ;
Въ сердцахъ корысть, и общая мечта
Часъ отъ часу насущнымъ и полезнымъ
Отчетливѣй, безстыдней занята.

(«Послѣдній поэтъ»).

Поэта устрашаетъ торговый шумъ площадей человѣчества, онъ хочетъ уйти «въ нѣмую глушь, въ безлюдный край». Будущее переполненіе земного шара ординарнымъ, пошлымъ племенемъ двуногихъ, когда

... свѣтъ
Ужъ празднаго вертепа не являетъ
И на землѣ уединенья нѣтъ!—

болѣзненно мучаетъ его. Эта боязнь толпы, шума, пота и пыли площадей невольно наводитъ на сопоставленіе Баратынскаго съ позднѣйшимъ французскимъ поэтомъ Сюлли-Прюдомомъ. Вспомнимъ начало его поэмы

La Rose dit un jour en pleurant: «Je m'ennuie!
Mon beau temps est fini. L'homme a fait l'air impur,
L'halaine des cités me dérobe l'azur
Et le zéphyr m'apporte une âcre odeur de suie.
Plus de claires villas dans. l'air libre, en pleins champ
Partout des murs, partout de la pierre et de l'ombre.
Partout un pavé dur qu'a flots pressés encombre.
Tumultueux et triste, un peuple de marchands».

Вообще между талантомъ и характеромъ Сюлли-Прюдома и Баратынскаго — много общаго — тонкость ума, метафизическій складъ фантазіи, изящество образовъ и чувствъ, проникнутыхъ мыслью, и прозрачнымъ и даже почти призрачнымъ тѣломъ облекающихъ идею — все это доступно для немногихъ. Даже Бѣлинскій совершенно не понялъ Баратынскаго.

Рядомъ съ физической боязнью давки, суеты, гама и шума, площадныхъ чувствъ и криковъ, у Баратынскаго видимъ особый аристократизмъ ума, уважающаго древность:

Предразсудокъ! онъ обломокъ
Давней правды. Храмъ упалъ,
А руинъ его потомокъ
Языка не разгадалъ.

Чувственныя страсти сердца замѣнены у Баратынскаго безплотными страстями воображенія и мысли. Онъ любитъ «легкій сонъ», «тонкій сонъ воображенья, что посылаетъ Аполлонъ не для любви, для вдохновенья». Былая красота для него выше цвѣтущей прелести дня. «Въ пурпурѣ и въ златѣ, въ красѣ негаснущихъ страстей», «юныхъ грацій прелестнѣй» является ему женщина—мечта:

— И твой закатъ пышнѣй, чѣмъ день!
Ты сладострастнѣй, ты тѣлеснѣй
Живыхъ, блистательная тѣнь!

«Тѣнь» — «тѣлеснѣе и сладострастнѣе» — «живыхъ». Эта своеобразная идея характерна для поэтической метафизики Баратынскаго. Мистика «мрака» выражена въ этихъ стихахъ его:

Толпѣ тревожный день привѣтенъ, но страшна
Ей ночь безмолвная. Боится въ ней она
Раскованной мечты видѣній своевольныхъ.
Не легкокрылыхъ грезъ, дѣтей волшебной тьмы,
Видѣній дня, боимся мы,
Людскихъ суетъ, заботъ юдольныхъ.
Ощупай возмущенный мракъ!

«Сонъ», «тѣнь», «мракъ»—вотъ образы той «Леты», которую создалъ для себя поэтъ!

Съ особою полнотою выразилъ свое своеобразное построеніе Баратынскій въ стихотвореніи «Осень»:

Твой день взошелъ; и для тебя ясна
Вся дерзость юныхъ легковѣрій;
Испытана тобою глубина
Людскихъ безумствъ и лицемѣрій.
Ты, нѣкогда всѣхъ увлеченій другъ,
Сочувствій пламенный искатель,
Блистательныхъ тумановъ царь, и вдругъ
Безплодныхъ дебрей созерцатель,
Одинъ съ тоской, которой смертный стонъ
Едва твоей гордыней задушонъ.
Но если-бы негодованья крикъ,
Но если-бъ вопль тоски великой
Изъ глубины сердечныя возникъ
Вполнѣ торжественный и дикой!
Костями-бы среди своихъ забавъ
Содроглась вѣтреная младость,
Играющій младенецъ зарыдавъ,
Игрушку-бъ выронилъ, и радость
Покинула-бъ чело его на вѣкъ,
И заживо-бъ въ немъ умеръ человѣкъ.

Въ поэтѣ разрѣшается «послѣднее вихревращенье» думъ и чувствъ. Но онъ видитъ, что «внутренней своей», «не передать земному звуку и легкихъ чадъ житейской суеты не посвятишь въ свою науку»:

... толпы лѣнивый умъ
Изъ усыпленія выводитъ
Гласъ, пошлый гласъ, вѣщатель общихъ думъ
И звучный отзывъ въ ней находитъ:
Но не найдетъ отзыва тотъ глаголъ,
Что̀ страстное земное перешолъ.

Такъ говоритъ о поэтѣ и Пушкинъ:

Съ толпой не дѣлишь ты ни гнѣва,
Ни наслажденія, ни рева...

Такъ и философъ «конца вѣка» говоритъ о «властвующей, ищущей и наслаждающейся» толпѣ: «Жизнь есть источникъ радости; но всюду, гдѣ пьетъ толпа, всѣ родники бываютъ отравлены» (Das Leben ist ein Born der Lust; aber wo das Gesingel mit trinkt, da sind alle Brunnen vergiftet). «Своею похотью они отравили священную воду (Das heilige Wasser haben sie vergiftet mit ihrer Lüsternheit), но когда они назвали радостью свои грязные сны, они отравили еще и слово».

«Негодуетъ пламя, когда они кладутъ водянистыя сердца свои на огонь... И многіе, кто отвернулись отъ жизни, отвернулись только отъ толпы: ибо они не захотѣли дѣлить съ толпою ни воды, ни пламени, ни плода. Многіе, кто уходили въ пустыни и терпѣли тамъ жажду вмѣстѣ съ хищными звѣрями, только не хотѣли сидѣть у водоема вмѣстѣ съ грязными погонщиками верблюдовъ».

«Знать, что для жизни нужны вражда, смерть и кресты, — это не есть еще тотъ кусокъ, которымъ давился я больше всего. — Но нѣкогда спрашивалъ я и почти давился вопросомъ своимъ: какъ? неужели для жизни нужна толпа? Неужели ей нужны и отравленные источники, и зловонные огни, и грязные сны и черви въ хлѣбѣ жизни?» (Wie? hat das Leben auch das Gesingel nöthig? — Sind vergiftete Brunnen nöthig und stinkende Feuer und beschmutzte Träume und Maden im Lebensbrode?) [605]).

Этихъ дѣтей толпы, эту властвующую чернь, этотъ вѣкъ промышленнаго духа и торговаго величія Баратынскій воплотилъ въ образѣ «Недоноска»:

Я изъ племени духовъ,
Но не житель Эмпирея,
И едва до облаковъ
Возлетѣвъ, паду слабѣя.
Какъ мнѣ быть? Я малъ и плохъ...
... И ношусь, крылатый, вздохъ,
Межъ землей и небесами.
... Бьетъ меня древесный листъ,
Удушаетъ прахъ летучій!
Обращусь-ли къ небесамъ,
Оглянусь-ли я на землю:
Грозно, черно тутъ и тамъ;
Вопль унылый я подъемлю.

Этому «недоноску» — «въ тягость твой просторъ, о вѣчность!»

Но «страстное, земное перейдя», поэтъ постигаетъ смыслъ этого земного, провозглашая:

---

605) Friedrich Nietzsche. Also sprach Zarathustra Zweiter Theil. Vom Gesindel.

Нѣтъ на землѣ ничтожнаго мгновенья!

(На посѣвъ лѣса)

и смыслъ этого страстнаго:

Благословенъ святое возвѣстившій!

но великъ и тотъ, кто обнажилъ «неправедный изгибъ сердецъ людскихъ», разгадалъ «дикій смыслъ порока»:

Двѣ области—сіянія и тьмы
Изслѣдовать равно стремимся мы.

Вершины духа достигаетъ Баратынскій въ шестистишіи «Молитва», представляющемъ и вѣнецъ его поэзіи, торжество краткости и разительной силы, въ немногіе слова внесшей колоссальную идею:

Царь небесъ! Успокой
Духъ болѣзненный мой.
Заблужденій земли
Мнѣ забвенье пошли.
И на строгій Твой рай
Силы сердцу подай.

Поэзія Баратынскаго дѣйствительно «строгій» рай, насладиться которымъ можетъ только сильное и чистое сердце. Такова же и поэзія Языкова, хотя она пластична и скульптурна, въ противность проникнутой блѣдностью мысли, изящно-задумчивой поэзіи автора «Эды».

Вершиной поэзіи Языкова должно признать стихотвореніе «Землетрясеніе» (1844 г.), которое является ключемъ и ко всей поэзіи пушкинской плеяды:

Всевышній граду Константина
Землетрясенье посылалъ,
И геллеспонтская пучина
И берегъ съ грудой горъ и скалъ
Дрожали, и царей палаты,
И храмъ, и циркъ, и гиподромъ,
И стѣнъ градскихъ верхи зубчаты
И все поморіе кругомъ.
По всей пространной Византіи
Въ отверстыхъ храмахъ, Богу силъ
Обильно пѣлися литіи,
И дымъ молитвенныхъ кадилъ
Клубился; люди, страхомъ полны,
Текли передъ Христовъ алтарь:
Синодъ, синклитъ, народа волны
И самъ благочестивый царь.
Вотще! Ихъ вопли и моленья
Господь во гнѣвѣ отвергалъ,

И гулъ и громъ землетрясенья
Не умолкалъ, не умолкалъ.
Тогда невидимая сила
Съ небесъ на землю низошла,
И быстро отрока схватила.
И выше облакъ унесла:
И внялъ онъ горнему глаголу
Небесныхъ ликовъ: святъ, святъ. святъ!
И пѣсню ту принесъ онъ долу,
Священнымъ трепетомъ объятъ,
И церковь тѣ слова святыя
Въ свою молитву приняла,
И той молитвой Византія
Себя отъ гибели спасла.
Такъ ты, поэтъ, въ годину страха
И колебанія земли
Носись душой превыше праха,
И ликамъ ангельскимъ внемли.
И приноси дрожащимъ людямъ
Молитвы съ горней вышины,
Да въ сердце примемъ ихъ и будемъ
Мы нашей вѣрой спасены.

Философскою. глубокою мыслью проникнуты и стихотворенія Хомякова, блестящіе по формѣ. Однако. они не суть произведенія истиннаго художества. а лишь иллюстраціи его политическихъ идей. Это не «молитвы», а именно «прокламаціи» въ стихахъ.

БИБЛІОГРАФІЯ: Евгеній Абрам. Баратынскій (1800—1845 г.) Соч., съ портретомъ, письмами, примѣч., біографич. данными. Казань. 1885 г. Котляревскій. Біографія. Вѣстн. Евр. 1895 г. Іюль. Матеріалы для полн. собр. соч. Б-го. М. Н. Лонгиновъ. Русскій Архивъ. 1864 г. № 1. 1866 г. № 2 и 1867 г. № 11—12. Е. А. Баратынскій по бумагамъ Пажескаго Корпуса. Н. Максимова. Русская Старина 1870 г. № 8. См. еще «Словарь» Венгерова. т. II. Николай Мих. Языковъ. (1803 — 1846 г.). Стихотворенія, съ портретомъ, біографіей, статьями о немъ. Ред. П. Перевлѣсскаго. Спб. 1858 г. 2 части. Шенрокъ. И. М. Я. Біографическій очеркъ, по неизданнымъ матеріаламъ. Вѣстн. Евр. 1897 г. Ноябрь и декабрь. Статья Семевскаго въ Русск. Арх. 1867 г. № 5—6.

§ 3. Центральными свѣтилами новой плеяды поэтовъ, плеяды 40-хъ годовъ. являются Майковъ, Полонскій и Фетъ. которые и не сходятъ затѣмъ всю вторую половину вѣка съ литературнаго небосклона и закатываются съ нимъ вмѣстѣ.

Кромѣ этихъ трехъ, замѣчательныхъ виртуозовъ. великихъ художниковъ слова, выступило и нѣсколько поэтовъ меньшей величины. Такъ на страницахъ «Отеч. Зап.» 1840 года явились первыя стихотворенія Николая Платоновича Огарева (род. въ 1813 году) — «Старый домъ» и «Кремль».

Затѣмъ въ 1841—1845 годахъ появлялись многія превосходныя пьесы этого задушевно-гуманнаго поэта. Въ «Современникѣ» Некрасова 1847 года Огаревъ напечаталъ лучшее свое произведеніе—«Монологи»:

Чего хочу?.. Чего?.. О, такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой—ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь.
Чего хочу?.. Всего, со всею полнотою!
Я жажду знать, я подвиговъ хочу,
Еще хочу любить съ безумною тоскою,
Весь трепетъ жизни чувствовать хочу!

На второстепенныхъ поэтахъ 40-хъ годовъ сказалась та идейная ослабленность воли, которою надѣляютъ беллетристы этой эпохи своихъ героевъ. Особенно типиченъ въ этомъ отношеніи Эдуардъ Ивановичъ Губеръ (род. 1-го мая 1814 г., умеръ 11 апрѣля 1847 года), переводчикъ «Фауста» Гете (1-й части), авторъ оригинальной поэмы «Антоній», издавшій сборникъ стиховъ въ 1845 году, критикъ. О стихахъ его Бѣлинскій сказалъ: «Въ его стихотвореніяхъ мы увидѣли хорошій, обработанный стихъ, много чувства, еще болѣе неподдѣльной грусти и меланхоліи, умъ и образованность, но, признаемся, очень мало замѣтили поэтическаго таланта, чтобъ не сказать—совсѣмъ не замѣтили его». Мнѣніе странное и совершенно несправедливое. Губеръ былъ истинный поэтъ.

Припомнимъ хотя бы эту пьесу:

На душѣ свободной
Много думъ лежало,
Много въ міръ холодный
Тайныхъ словъ упало и т. д.

Яковъ Петровичъ Полонскій (род. 6-го декабря 1820 г.) выступилъ въ 1844 году съ книжкой стихотвореній (32 пьесы): «Гаммы». Въ 1849 году вышли его тифлисскія стихотворенія: «Сазандаръ». Уже въ этихъ первыхъ опытахъ сказывалось глубокое, лирическое дарованіе. Афанасій Афанасіевичъ Фетъ (Шеншинъ) выступилъ ранѣе Полонскаго, выпустивъ въ Москвѣ, въ 1840 году «Лирическій пантеонъ», изъ котораго два стихотворенія уже представляли вѣрительныя грамоты на поэтическое дарованіе («Тамъ подъ оливами, близъ шумнаго каскада» и «Скоро доѣду!—да вотъ и тѣнистая старая ива»). Затѣмъ въ «Москвитянинѣ» 1842 г. явились «Снѣга» и «Гаданія», а въ «Отеч. Зап.» на тотъ же 1842 г.: «Вечера и ночи». Здѣсь уже находимъ того Фета, дивныя гармоніи котораго звучали затѣмъ почти цѣлое пятидесятилѣтіе. Въ 1850 г. уже вышло собраніе стихотвореній поэта. Что касается Аполлона Николаевича Майкова, то первымъ напечатаннымъ стихотвореніемъ его былъ «Сонъ» («Одесскій Альманахъ» на 1840 г.), а

затѣмъ «Пустынникъ» и «Сомнѣніе» въ 1841 г., а въ концѣ 1842 вышелъ цѣлый сборникъ. Въ 1847 г. появились «Очерки Рима». Бѣлинскій, не оцѣнившій Фета и Полонскаго, встрѣтилъ музу Майкова горячимъ привѣтомъ, хотя опредѣлилъ ее нѣсколько односторонне. Стихотвореніе «Сонъ» (Когда ложится тѣнь прозрачными клубами...) признано критикомъ за превосходнѣйшій образецъ въ антологическомъ родѣ—дивно—поэтической, роскошно-художественной пьесой: «Это именно одно изъ тѣхъ произведеній искусствъ, которыхъ кроткая цѣломудренная, замкнутая въ самой себѣ красота, совершенно нѣма и незамѣтна для толпы, и тѣмъ болѣе краснорѣчива, ярко блистательна для посвященныхъ въ таинства изящнаго творчества. Какая мягкая, нѣжная кисть, какой виртуозный рѣзецъ, обличающіе руку твердую и искушенную въ художествѣ! Какое поэтическое содержаніе и какіе пластическіе, благоуханные, граціозные образы! Одного такого стихотворенія вполнѣ достаточно, чтобъ признать въ авторѣ замѣчательное, выходящее за черту обыкновенности, дарованіе. У самого Пушкина это стихотвореніе было бы изъ лучшихъ его антологическихъ пьесъ. Въ немъ искусство является истиннымъ искусствомъ, гдѣ пластическая форма прозрачно дышетъ живой идеей». Вообще, по мнѣнію Бѣлинскаго стихотворенія въ древнемъ духѣ и антологическомъ родѣ—перлы поэзіи Майкова, торжество таланта его. Бѣлинскій отмѣчаетъ далѣе пьесы: «Октава» (Гармоніи стиха божественныя тайны не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ и т. д.) и «Искусство» (Срѣзалъ себѣ я тростникъ у прибрежья шумнаго моря...), находя въ нихъ основное положеніе, основное начало эстетики автора—глубоко-жизненное, поэтически—вѣрное начало.

«Въ антологическихъ стихотвореніяхъ стихъ Майкова—просто Пушкинскій, нѣтъ неточныхъ эпитетовъ, лишнихъ словъ, натянутыхъ или изысканныхъ выраженій, нѣтъ полутона фальшиваго: въ нихъ онъ—истинный, глубокій и притомъ опытный, искушенный художникъ, въ рукѣ котораго не дрожитъ рѣзецъ, и не даетъ произвольныхъ штриховъ». Майковъ, изученіемъ изящной древне-классической поэзіи завоевалъ плодоносную почву для своихъ вдохновеній. И за то—посмотрите, сколько Эллинскаго и антологическаго въ его стихотвореніяхъ: любое изъ нихъ можно принять за превосходный переводъ съ греческаго; любое изъ нихъ можно перевести съ русскаго на чужой языкъ, какъ греческое, и только бы переводъ былъ изященъ и художественъ, никто не будетъ спорить о греческомъ происхожденіи пьесы... Эллинское созерцаніе составляетъ основной элементъ таланта Майкова: онъ смотритъ на жизнь глазами грека... Но муза Майкова не всегда бываетъ тиха и кротка... нерѣдко блистаетъ и жжетъ она упоительной роскошью красокъ и образовъ, не переставая ни на минуту быть спокойной, самообладающей и цѣломудренной».

Дальнѣйшее творчество поэта показало, что его художественный ре-

гистръ куда шире. Но къ «русскимъ грекамъ» дѣйствительно можно причислить Николая Ѳедоровича Щербину, поэзія котораго отзывается и потомъ труда, и сочиненной придуманностью, и мало искреннимъ пафосомъ сладострастія, и приподнятымъ эллинизмомъ. Тѣмъ не менѣе, въ плеядѣ 40-хъ годовъ онъ ярко свѣтящаяся звѣздочка. Въ 1843—45 г. стали появляться стихотворенія Алексѣя Николаевича Плещеева, вышедшія сборникомъ въ 1846 году, искренняго и честнаго поэта, и также въ 1846 году появилась книжка стиховъ Юліи Валеріановны Жадовской, блещущихъ искрами истинной поэзіи. Наконецъ должно упомянуть Ивана Петровича Мятлева (1796—1844), юмористическаго поэта. Дѣятельность его въ печати продолжалась только послѣдніе четыре года жизни. Въ 1840 г. вышли знаменитыя «Сенсаціи и замѣчанія госпожи Курдюковой заграницей, дан-л'Этранже. Тамбовъ. 1840». Съ эпиграфомъ: «Де бонъ тамбуръ де баскъ деріеръ ле монтанъ! (Русская народная пословица)». Дама изъ Тамбова разсказываетъ свои впечатлѣнія смѣсью французскаго съ нижегородскимъ. Успѣхъ поэмы былъ огромный. Остаются безсмертными и до нашихъ дней эти стихи:

Патріотъ иной у насъ
Закричитъ: «Дю квасъ, дю квасъ,
Дю разсольникъ огуречный.
Пьетъ и морщится сердечный:
Кисло, солоно, мове,
Ме се Рюсъ—э ву саве—
Надобно любить родное,
Дескать, даже и такое,
Что не стоитъ ни гроша...
Же не ди па—ла каша
Манная авекъ де пѣнки,
Ла марошка, лез'апенки,
Поросёнокъ су ле хрѣнъ,
Ле кисель, э ле студенъ
Очень вкусны; но не въ этомъ
Ле патріотизмъ!..
... Постою за свой буракъ
И за свой горшокъ со щами,
Какъ другая; но—межъ нами—
Если поваръ мнѣ подастъ
Иногда, пуръ ле контрастъ,
Де фуа—гра пате Страсбурга,
Или бефъ соле Гамбурга,
Иль французскій дендъ трюфе—
Что жъ такое? кё—с'къ са фе?
Отъ того не измѣнюся,
Что наѣмся иль напьюся
Коместиблей чуждыхъ странъ.
Же не сви па басурманъ;
Но по мнѣ лафитъ, нѣтъ слова,
Лучше пѣннаго простова.

Баратынскій разсказываетъ о встрѣчѣ съ Мятлевымъ: „Я думалъ найти молодого повѣсу, что жъ? Это человѣкъ важный, лѣтъ сорока пяти... Мятлевъ читалъ свое путешествіе Курдюковой по чужимъ краямъ, въ стихахъ въ перемежку русскаго съ французскимъ. Много веселости. Онъ мастерски читаетъ»[606]).

Лучшіе изъ стихотвореній Мятлева: «Камеражи», «Петергофскій праздникъ» и «Фонарики». Послѣднее стихотвореніе стало извѣстно всей Россіи.

Фонарики - сударики
Скажите-ка вы мнѣ,
Что видѣли, что слышали,
Въ ночной вы тишинѣ?

§ 4. Въ 1839—1841 годахъ протекала въ петербургѣ „студенческая жизнь» Николая Алексѣевича Некрасова, промѣнявшаго противъ воли родителя дворянскій полкъ на университетъ и очутившагося «вольнослушателемъ» 16 лѣтъ съ 150 рублями въ карманѣ и паспортомъ «недоросля изъ дворянъ», по которому поэтъ и жилъ до конца своихъ дней. Матеріальное положеніе Некрасова во все это время было самое отчаянное: приходилось пробиваться кое-какъ грошовыми уроками и случайными журнальными работами, которыя не всегда бывали подъ рукой. «Ровно три года,—говорилъ Некрасовъ,—я чувствовалъ себя постоянно, каждый день, голоднымъ. Приходилось ѣсть не только плохо, не только впроголодь, но и не каждый день». Были дни, когда лишенный квартиры юноша братался съ нищими въ ихъ притонѣ и писалъ прошеніе за 15 коп. Съ 16 лѣтъ принялся Некрасовъ за черный и невѣрный трудъ журналиста. Писалъ водевили, писалъ сказки и азбуки, рецензіи, повѣсти и по собственнымъ словамъ его написалъ въ своей жизни до 300 печатныхъ листовъ прозы. Весьма грустно, что эта проза не приведена въ извѣстность. Такой огромный талантъ и могучая душа не могли не сказаться даже и на этой подневольной прозѣ. Въ 1840 г. Некрасовъ издалъ въ восьмую долю листа книжоночку на сѣрой бумагѣ, въ 102 страницы, наполненную небольшими лирическими стихотвореніями дѣтскаго характера:

Я не сплю, не сплю —не спится,
Сердце грустію томится,
Сердце плачетъ въ тишинѣ,
Сердце рвется къ вышинѣ и т. д.

Поэтъ потомъ истребилъ этотъ сборникъ, какъ Гоголь своего „Ганца Кюхельгартена». Судьба обѣихъ книжекъ сходна и въ томъ, что Бѣлинскій отозвался о «Мечтахъ и звукахъ» такъ же кратко, какъ и Полевой объ «Идил-

606) Соч. Баратынскаго. Изд. 4-е. Стр. 510. Письма.

ліи» г. Алова. Фамиліи Некрасовъ на книжкѣ не поставилъ, а только, по совѣту Жуковскаго, которому показалъ тетрадку предъ напечатаніемъ, иниціалы Н. Н.

«Посредственность въ стихахъ нестерпима. Вотъ мысли, на которыя навели насъ «Мечты и звуки» г-на Н. Н.»

Въ 1845 г. появилось въ «Отеч. Зап.» извѣстное стихотвореніе «Современная ода», которую Бѣлинскій назвалъ уже «счастливымъ вдохновеніемъ таланта»[607]). Ода писана, характернымъ для Некрасова, любимымъ его анапестомъ съ дактилическими рифмами. Въ слѣдующемъ 1846 году напечатано не менѣе знаменитое стихотвореніе къ падшей женщинѣ, входящей «хозяйкой полною» къ полюбившему и воскресившему ее человѣку:

Когда изъ мрака заблужденья,
Могучимъ словомъ убѣжденья,
Я душу падшую извлекъ...

Стихотвореніе «Въ дорогѣ» (1846 г.) Григорьевъ признавалъ первымъ, выдвинувшимъ впередъ личность поэта. Это — горькая, односторонняя, но правдивая въ своей односторонности пѣснь, произвела общее, сильное впечатлѣніе, совмѣстила, сжала въ одну поэтическую форму цѣлую эпоху прошедшаго и написана «человѣкомъ съ народнымъ сердцемъ». «Живутъ, да еще какъ живутъ до сихъ поръ самыя первыя пѣсни Некрасова: какъ ударили онѣ разъ по сердцамъ съ невѣдомою силою, такъ и до сихъ поръ ударяютъ. Можно сказать даже, что сила ихъ вліянія на молодое поколѣніе все росла и росла, въ теченіи 15 лѣтъ (1847—1862 г.)»[608]).

Бѣлинскій, разбирая стихотворенія, помѣщенныя въ «Петербургскомъ Сборникѣ» 1846 года, писалъ: «самыя интересныя изъ нихъ принадлежатъ перу издателя сборника, г. Некрасова. Они проникнуты мыслію... въ нихъ много умнаго, дѣльнаго и современнаго. Лучшее изъ нихъ — «Въ дорогѣ». И Некрасовъ постоянно давалъ первое мѣсто этому стихотворенію во всѣхъ своихъ изданіяхъ. Въ стихотвореніяхъ: «Въ невѣдомой глуши, въ деревнѣ полудикой», «Родина» и «Ѣду-ли ночью по улицѣ темной», — впервые зазвучалъ мрачный пафосъ возмущеннаго и потрясеннаго гражданскаго чувства. Стихотвореніе «Родина» — привело въ восторгъ Бѣлинскаго, который выучилъ его наизусть и послалъ въ Москву пріятелямъ.

Такъ выступилъ на литературное поприще Некрасовъ. Онъ несъ съ собою новую поэзію, — которая не звала отъ жизни на вершины чистаго искусства, но воздѣйствовала на самую жизнь, готовила реформу общества, потому что воспламеняла и преображала сердца этого общества. Въ 40-хъ же годахъ

---

607) Соч. Бѣлинскаго. Т. X. Стр. 285.

608) Библ. для Чтенія. 1864 г. № 9 и 10—11.

явился съ своимъ «Кобзаремъ» украинскій поэтъ. Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. какъ въ 30-хъ явился Кольцовъ изъ среды великорусскаго простонародья, а въ 20-хъ — великій польскій поэтъ — Мицкевичъ. Поэзія Шевченко, какъ и Мицкевича отозвалась въ русскомъ сердцѣ. Оба стали сейчасъ же намъ близки. стали нашими поэтами.

IV.

Репертуаръ 40-хъ годовъ не отличается чѣмъ-либо существеннымъ отъ репертуара 30-хъ. Тотъ же Кукольникъ и Полевой съ патріотическими драмами. тѣ-же водевилисты—передѣлыватели. тѣ-же мелодрамы. порою Шекспиръ и Шиллеръ, порою самодѣльная трагедія.

26 января 1846 года умеръ ветеранъ русской драматургіи князь А. А. Шаховской. Съ нимъ уходила та неопредѣленная смѣсь. которая характеризовала его вкусъ въ драматическомъ искусствѣ. гдѣ преданія классической школы сталкивались съ подражательными новшествами романтизма. Въ сущности. за весь долгій періодъ первой половины XIX-го столѣтія наша сцена, кромѣ переводовъ, видѣла только два самобытныхъ, художественныхъ созданія: «Горе отъ ума» и «Ревизора». Шаховской, замѣчаетъ С. Т. Аксаковъ,— «перепробовалъ всѣ роды драматической словесности, заимствовалъ содержаніе пьесъ изъ театровъ всѣхъ образованныхъ націй. примѣривалъ ихъ на русскій вкусъ и ладъ». Но то же дѣлали и другіе наши драматурги.

Только во второй половинѣ XIX столѣтія произведенія истинно художественныя и оригинальныя стали обычнымъ явленіемъ на русской сценѣ. И этимъ она была обязана новому колоссальному драматическому таланту. явившемуся на порогѣ двухъ половинъ вѣка. Шаховской вывелъ свыше 60 комедій на сцену, но ни одна изъ нихъ не осталась въ литературѣ. какъ достояніе художества. Что же сказать о талантѣ, который въ слѣдующей половинѣ столѣтія вывелъ на сцену 50 пьесъ—и все художественныхъ. сохраняющихъ свое значеніе, подобно комедіямъ Аристофана и Мольера?

«Нужно было, чтобы появился спеціальный талантъ. который впродолженіе 40 лѣтъ успѣлъ бы поставить до пятидесяти пьесъ. т. е. болѣе. чѣмъ по одной пьесѣ въ годъ. для того. чтобы. наполнивъ сцену своими произведеніями, произвести въ ней крайній переворотъ, совершенно преобразовать вкусы публики, и создать новыхъ актеровъ. не имѣющихъ ничего общаго съ прежними».

«И это совершилъ Александръ Николаевичъ Островскій [609]).

[609]) Скабичевскій. См. Критич. Комментаріи. В. Зелинскій. Часть I. М. 1894 г.

А. Н. Островскій родился въ 1823 году въ Москвѣ. Отецъ его былъ одинъ изъ тѣхъ бѣдныхъ подъячихъ, занимающихся ходатайствами по дѣламъ замоскворѣцкаго купечества, типы которыхъ такъ часто встрѣчаются въ комедіяхъ Островскаго. Такимъ образомъ, въ дѣтствѣ уже пришлось Островскому не только наблюдать, но и на своихъ близкихъ испытать всю тяготу нравовъ Замоскворѣчья.

По выходѣ изъ университета въ 1843 году Островскій поступилъ на службу въ коммерческій судъ, и здѣсь имѣлъ возможность еще болѣе расширить кругъ своихъ наблюденій надъ жизнью замоскворѣцкихъ купцовъ. Въ 1847 году, когда ему было около 25 лѣтъ, появилось первое произведеніе его — Картина семейнаго счастья, въ «Московскомъ Листкѣ», издававшемся В. Н. Драшусовымъ. Эта картина изъ купеческой жизни сразу обратила на себя вниманіе всей Москвы, о ней заговорили во всѣхъ литературныхъ кружкахъ, и на автора тоже обратили вниманіе. Вскорѣ затѣмъ въ томъ же Листкѣ было напечатано нѣсколько сценъ изъ первой комедіи начинающаго драматурга.

Аполлонъ Григорьевъ[610]) приводитъ подробный списокъ первыхъ произведеній Островскаго: 1) Семейная Картина. Напечатана въ «Московскомъ Городскомъ Листкѣ» 1847 г. Въ этой же, только годъ издававшейся газетѣ, напечатана сцена изъ комедіи: «Свои люди сочтемся», носившей тогда названіе: «Банкротъ», сцена, подписанная буквами А. О. и Д. Г. 2) Очерки Замоскворѣчья, небольшой разсказъ, тамъ же, не вошедшій въ полное собр. соч. 3) Свои люди—сочтемся; комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, въ «Москвитянинѣ» 1850 г. и отдѣльной книжкой. 4) «Утро молодого человѣка» въ «Москвитянинѣ» 1850 года.

«Самое первое изъ этихъ исчисленныхъ произведеній, продолжаетъ А. Григорьевъ, носило на себѣ яркую печать самобытности таланта, выражавшейся и въ новости быта, выводимаго поэтомъ, и до него вовсе непочатаго, и въ новости отношеній автора къ дѣйствительности вообще, къ изображенному имъ быту и къ типамъ изъ этого быта въ особенности, и въ новости манеры изображенія, и въ новости языка, въ его цвѣтистости, особенности».

«Семейная Картина», самое первое, но одно изъ оконченнѣйшихъ произведеній Островскаго, прошла при появленіи своемъ почти-что незамѣченною. «Еще менѣе замѣчена была, говоритъ А. Григорьевъ, новость отношеній къ дѣйствительности,—отношеній, радикально противуположныхъ тѣмъ сентиментально-желчно-болѣзненнымъ отношеніямъ, которыя свирѣпствовали тогда въ произведеніяхъ петербургской натуральной школы,—въ ма-

---

[610]) Статья «Послѣ Грозы Островскаго. Письмо къ И. С. Тургеневу». «Русскій Міръ» 1860 г. №№ 56, 9 и 11.

ленькомъ разсказѣ «Очерки Замоскворѣчья», единственномъ произведеніи, вылившемся у Островскаго не въ драматической формѣ. Появленіе комедіи «Свои люди—сочтемся», какъ событіе слишкомъ яркое, выдвигавшееся далеко изъ ряда обычныхъ, надѣлало много шуму». Съ 1847 до 1855 года Островскій написалъ всего только 9 произведеній, и изъ нихъ только пять значительныхъ по объему и шесть по содержанію;—только четыре изъ нихъ давались на театрѣ, но эти четыре, безъ церемоніи говоря, создали народный театръ; частію создали, частію выдвинули впередъ артистовъ, пробудили общее сочувствіе всѣхъ классовъ общества, измѣнили во многихъ взглядъ на русскій бытъ, познакомили насъ съ типами, которыхъ существованія мы не подозрѣвали, и которые, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно существуютъ, съ отношеніями въ высшей степени новыми и драматическими, съ многоразличными сторонами русской души, и глубокими, и трогательными, и нѣжными, и разгульными сторонами, до которыхъ никто еще не касался. «И творчество, и строй отношеній къ жизни, заканчиваетъ свою характеристику А. Григорьевъ, и манеру изображенія, свойственныя Островскому, считаю я совершенно различными отъ таковыхъ же Гоголя».

Островскій въ 1849 году окончилъ писаніе своей замѣчательной комедіи, подъ заглавіемъ «Свои люди—сочтемся», которую тогда называли «Банкротомъ». Островскій трудился надъ нею болѣе четырехъ лѣтъ. Московское общество выразило нетерпѣливо желаніе прослушать комедію Островскаго до выхода ея въ свѣтъ. Возникло это желаніе по почину М. Н. Каткова. Впечатлѣніе, произведенное на слушателей, было необыкновенное. Въ чтеніяхъ пьесы Островскаго прошла вся зима. Читали пьесу и въ литературныхъ, и въ купеческихъ, и въ аристократическихъ домахъ[611]).

Князь В. Ѳ. Одоевскій писалъ къ одному своему пріятелю: «Читалъ ли ты комедію или лучше трагедію Островскаго: Свои люди—сочтемся, и которой настоящее названіе Банкрутъ?.. Если это не минутная вспышка, не грибъ, выдавившійся самъ собой изъ земли, просоченной всякою гнилью, то этотъ человѣкъ есть талантъ огромный. Я считаю на Руси три трагедіи: Недоросль, Горе отъ ума, Ревизоръ. На Банкротѣ я поставилъ нумеръ четвертый. Эта комедія напечатана въ Москвитянинѣ». По свѣдѣніямъ Т. И. Филиппова, разрѣшеніе напечатать комедію Островскаго послѣдовало по ходатайству Д. И. Скуратова, владѣльца Нара-Ѳоминской фабрики[612]).

Однако Бутурлинскій Негласный Комитетъ 2 апрѣля 1848 года, «въ тѣхъ высшихъ видахъ, въ которыхъ ввѣренъ комитету надзоръ за нашимъ книгопечатаніемъ, въ той нравственной, такъ сказать, цензурѣ, которая на него возложена», не могъ не обратить вниманія на эту пьесу, и заключеніе

611) Барсуковъ, Погодинъ. Кн. XI. Стр. 71.

612) Ibid. Стр. 74 и 77.

свое сообщилъ министру народнаго просвѣщенія. Въ свою очередь, министръ предписалъ попечителю Московскаго Учебнаго Округа пригласить къ себѣ автора комедіи и «вразумить его, что благородная и полезная цѣль таланта должна состоять не только въ живомъ изображеніи смѣшного и дурного, но и въ справедливомъ его порицаніи, не только въ карикатурѣ, но и въ распространеніи высшаго нравственнаго чувства: слѣдовательно, въ противупоставленіи пороку добродѣтелей, а картинамъ смѣшного и преступного, такихъ помысловъ и дѣяній, которыя возвышаютъ душу; наконецъ въ утвержденіи того, столь важнаго для жизни общественной и частной вѣрованія, что злодѣяніе находитъ достойную кару еще на землѣ».

Одинъ изъ нашихъ критиковъ такъ характеризуетъ талантъ Островскаго и отличіе его отъ комедій Гоголя. «Пьесы Гоголя — комедіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Главнымъ героемъ является въ нихъ смѣхъ автора... Сюжеты гоголевскихъ комедій имѣютъ анекдотическій характеръ; цѣль ихъ — въ достаточной мѣрѣ осмѣять дѣйствующія лица, наиболѣе рельефно выставить пошлыя стороны ихъ характера, и разъ эта цѣль достигается, герои сходятъ со сцены безъ малѣйшихъ измѣненій въ ихъ судьбѣ. Совершенно не то мы видимъ у Островскаго».

«Въ большинствѣ его пьесъ развиваются передъ вами существенныя измѣненія въ судьбѣ героевъ, при чемъ авторъ не только не смѣется надъ ними, а совсѣмъ отсутствуетъ въ своихъ пьесахъ, и дѣйствующія лица говорятъ и дѣйствуютъ словно помимо его воли, какъ бы они говорили и дѣйствовали въ самой жизни. Про Островскаго говорятъ, что онъ создалъ русскій театръ; но онъ сдѣлалъ неизмѣримо большее; онъ довелъ сцену до идеальнаго реализма, показавши, чѣмъ должна она быть, чтобы вполнѣ заслуживать названія реальной».

«Въ самыхъ реальнѣйшихъ пьесахъ, какія только существуютъ въ Европѣ, при всемъ ихъ реализмѣ, сильны еще старыя традиціи. Дѣйствующія лица, реплики, сцены — взяты непосредственно изъ жизни; но въ цѣломъ вы видите болѣе или менѣе хитросплетенныя интриги, построенныя искусственно, въ видахъ проводимыхъ тенденцій, сценическихъ эффектовъ, занимательности и т. п. Ничего подобнаго нѣтъ у Островскаго. Сюжеты большинства его пьесъ отличаются простотою поистинѣ классическою. Въ иной пьесѣ словно совсѣмъ нѣтъ никакого дѣйствія... Не дѣйствіе пьесы разыгрывается, а сама жизнь течетъ на сценѣ».

ПРИЛОЖЕНІЯ

А.

Синхронистическая таблица литературы съ 1800 по 1850 гг.

1800. [«Марія Стюартъ».—Система Шеллинга.—«Delfine» и «De la litterature» M-me de Staël].
— «Слово о полку Игоревѣ».

1801. [«Atala».—Навалисъ †].
— Вольное общ. любит. словесности.—Кн. А. А. Шаховской причисленъ къ театральн. вѣдомству. — «Евгеній», романъ Измайлова.

1802. [Châteaubriand: «La génie du christianisme»].
— Радищевъ †. «Свитокъ музъ». — «Вѣстникъ Европы». — «Лиза» Ильина и «Добрый помѣщикъ» Федорова, драмы.— «Слово Екатеринѣ II» Карамзина. — Письмовникъ» Курганова, 7-е изд.— «Переводъ сочиненій Геснера».—«Сельское кладбище».

1803. [Клопштокъ, Гердеръ и Лагарпъ †].
— Карамзинъ назначенъ исторіографомъ. — Богдановичъ †. — Каменевъ †.—«О старомъ и новомъ слогѣ» Шишкова.—Новый планъ народнаго просвѣщенія въ Россіи. — «Заговоръ Фіеско», перев. Гнѣдича.—Басни Ив. Ив. Дмитріева.—«Московскій Меркурій».—«Періодич. сочин. объ успѣхахъ народн. просв.» — «О высокомъ».— «Цвѣты Грацій».

1804. [Кантъ †. «Вильгельмъ Телль»].
— «Эдипъ въ Аоинахъ» Озерова.—«Громвалъ».—«Прибавленіе» Шишкова. — «С.П.-Бургскій Журналъ». — «Сѣверный Вѣстникъ». — «Анакреонтическія пѣсни» Державина. — «Древнія Россійскія Стихотворенія». — «Бахаріана». —«Опытъ о просвѣщеніи» Пнина.

1805. [Шиллеръ †. «Коринна»].
— Первыя басни Крылова.—«Новый Стернъ».—Донъ-Кихотъ» въ пер. Жуковскаго. — «Фингалъ». — «Поэтъ» Хераскова. — «Элегія изъ Парни» Батюшкова.

1806. [«Феноменологія» Гегеля].
— «Лирическія сочиненія»—Капниста. «Сіонскій Вѣстникъ».—«Модная лавка».

1807. [Fichtes Reden an die deutsche Nation.—«René».—«Hours of idleness» Байрона].
— Херасковъ †.—«Димитрій Донской».—«Пожарскій».—«Амуръ лишенный зрѣнія».—«Леаръ».—«Мысли въ слухъ» гр. Растопчина.—«Пѣснь бардовъ надъ гробомъ Славянъ побѣдителей».

1808. [«Фаустъ» I-я часть].
— «Русскій Вѣстникъ».—«Письма русскаго офицера».—«Полубоярскія затѣи».—Успѣхъ траг. «Иродъ и Маріамна».—«Тассовы бдѣнія».—«Людмила».—«Гнѣдичу», посланіе Батюшкова.

1809. [«Les Martyrs»].
— «Славянскія вечера».—«Поликсена».—Басни Крылова.—«Великодушный секретарь», ком. Судовщикова.—«Кассандра».—«Видѣніе на берегахъ Невы», «Воспоминаніе 1807 года», «Выздоровленіе»—стихотвор. Батюшкова.

1810. [«De l'Allemagne», M-me de Staël].
— «О краснорѣчіи св. Писанія» Шишкова.—«Рѣчь о духѣ древней поэзіи» Мерзлякова.

1811. [«Римская исторія» Нибура.—«Dichtung und Wahrheit»].
— «Бесѣда любителей россійскаго слова».—«Разсужденіе о любви къ отечеству».—«О легчайшемъ способѣ возражать на критику» Дашкова.—Открытіе Царскосельскаго Лицея.—«Исторія государства Россійскаго».—«Записка о древней и новой Россіи» Карамзина.—«Расхищенныя шубы».

1812. [«Élégies»—Millevoye].
— Библейское общество.—«Сынъ Отечества», Греча.—«Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ».—«Казакъ-стихотворецъ».

1813. [«Корсаръ», «Гяуръ»,—«Абидосская невѣста».—Queen Mab,—Шелли.—Делиль †].
— «Письма изъ Москвы въ Новгородъ» Муравьева-Апостола.—«Разсужденіе о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности»,—Гнѣдича.

1814. [Бернарденъ-де-Сенпьеръ, Парни, и Фихте †.—«Ваверлей».—«Лара».—«The Excursion» Водсворта].
— «Россійскій Жильблазъ»,—Нарѣжнаго.—Первое стихотвореніе А. С. Пушкина въ печати.—«Домъ Сумасшедшихъ».—«Басни» Измайлова.—«Пѣвецъ въ Кремлѣ».

1815. [Chansons Bèranger].
— Разборъ «Россіады» Мерзлякова.—«Воспоминаніе о Царскомъ селѣ».—«Липецкія воды».—«Молодые супруги» Грибоѣдова.—Арзамасъ.

1816. [Мильвуа †.—Cristabel. Кольриджа.—Alastor. Шелли].
— Державинъ †. Озеровъ †.— Первые 8 томовъ «Исторіи Государства Россійскаго.—Гнѣдичъ. пер. «Танкреда» для Семеновой.— Пушкина въ Лицеѣ посѣщаютъ Вяземскій. Жуковскій и С. Л. Пушкинъ.

1817. [M-me de Staël †. —«Манфредъ».— «Lalla Rookh»].
— Лицейскія стихотворенія Пушкина.—Выходъ его изъ Лицея.—«Опыты въ стихахъ и прозѣ». Батюшкова.—«Говорунъ». ком. Хмельницкаго.— «Сіонскій Вѣстникъ».

1818. [Jean Sbogar. Nadier.—«Чайлдъ Гарольдъ»].
— Новиковъ †.—Сборникъ былинъ Кирши Данилова.—«Воздушные замки» Хмельницкаго.— «Благонамѣренный».— «Своя семья» Шаховского. въ ней 5 сценъ Грибоѣдова.

1819. [«Нѣмецкая грамматика». Якова Гримма.— «Донъ-Жуанъ».— «Міръ какъ воля и представленіе»].
— «Походныя записки» Лажечникова.— «Мнѣніе русскаго гражданина» Карамзина.—Ланкастерскія школы въ Спб.

1820. [Méditations. Ламартина.— «Философія права» Гегеля].
— Послѣдній годъ литературной дѣятельности Батюшкова. — «Русланъ и Людмила».—«Идилліи» Панаева.

1821. [Каинъ, Байрона].
— Милоновъ †.—«Кавказскій плѣнникъ».—Козловъ ослѣпъ: его посланіе «къ Свѣтланѣ». — «Орлеанская дѣва».—9-й томъ исторіи Карамзина.

1822. [Гофманъ и Шелли †. — Ode et ballades. V. Hugo. — Стихотворенія Гейне.— Vision of Judgement Byron].
— «Бахчисарайскій фонтанъ».—«Пѣсня о вѣщемъ Олегѣ».—«Замокъ Смальгольмъ».—«Рыбаки», идиллія Гнѣдича.

1823. [Исторія 18-го вѣка Шлоссера].
— Начало «Онѣгина» и «Цыганъ».— «Дамскій Журналъ».— Литературные отчеты Марлинскаго.

1824. [Байронъ †.—Ранке. Geschichte der romischen und germanich. Völker.].
Капнистъ †.— «Чернецъ».— «Горе отъ ума». — 10-й и 11-й томы исторіи Карамзина. — «Новыя повѣсти» и «Бурсакъ» Нарѣжнаго.— Первая повѣсть Одоевскаго.

1825. [Théâtres de Clara Gazul. Merimée.— «Послѣдній изъ Могиканъ» Купера].
— «Московскій Телеграфъ». — «Два Ивана» Нарѣжнаго. — «Графъ Нулинъ».—«Борисъ Годуновъ».—«Греческія пѣсни» Гнѣдича.—«Сѣверные цвѣты» Дельвига.— Декабристы.

1826. Карамзинъ †. Рылѣевъ †. «Опытъ священной поэзіи» Глинки.—«Славянскіе вечера».— Sonety Adama Mickiewicza.

1827. [Песталоцци †.— Cromwel. V. Hugo.— La Guzla Mérimée].
— Веневитиновъ †.— Кн. Шаховской переѣхалъ въ Москву—«Поэтъ».— Знакомство Пушкина съ Мицкевичемъ.—«Дивъ и Пери» Подолинскаго.

1828. «Нѣтъ я не льстецъ».—«Полтава».—«Освобожденный Іерусалимъ» въ пер. Раича и Мерзлякова. «Литературныя опасенія» Надеждина.

1829. [Фридрихъ Шлегель †.— Hernani, Гюго. — Harmonies, Ламартина. — Scénes de la vie privée, Бальзака.— Chronique du règne de Charles IX, Merimée].

— Нелединскій-Мелецкій †. — Грибоѣдовъ †. — «Юрій Милославскій». — «Иліада» Гнѣдича. — «Ганцъ Кюхельгартенъ». — «Черный годъ» Нарѣжнаго.— Статья Полевого о Карамзинѣ.

1830. [M-me de Genlis †.— «Contes d'Espagne et d'Italie» Мюссе.—Physiologie du mariage, Бальзака.— Le rouge et le noir, Stendal].

— Вас. Льв. Пушкинъ †.—Мерзляковъ †.— Творческій годъ Пушкина.— Оконченъ «Евгеній Онѣгинъ». — «Повѣсти Бѣлкина».— «Скупой Рыцарь».—«Моцартъ и Сальери».—«Нищій» Подолинскаго.—«Литературная Газета».—Диссертація Надеждина.

1831. [Гегель и Нибуръ †.—Notre-Dame de Paris. — La peau de chagrin. Бальзака.— Jambes, Barbier].

— Дельвигъ, Измайловъ †.— «Борисъ Годуновъ». — «Клеветникамъ Россіи.— «Вечера на хуторѣ, близъ Диканьки». — Знакомство Пушкина съ Гоголемъ.— Женитьба Пушкина.— Сказки Жуковскаго.— «Страшное гаданье» Марлинскаго.— «Телескопъ».

1832. [Гете, Вальтеръ-Скоттъ, Кювье †.—Фаустъ II-я часть.— Indiana, Жоржъ-Занда.— Das Büch der Lieder, Гейне].

— «Странникъ» Вельтмана.— «Аммалатъ-Бекъ» Марлинскаго.— «Ермакъ» и «Димитрій Донской» Хомякова. — Стихотворенія Палежаева.— «Европеецъ» запрещ. — Кружекъ Станкевича. — «Лекціи по теоріи изящныхъ искусствъ» Надеждина. — «Сочиненія и переводы» Катенина.

1833. [Lelia].

— Гнѣдичъ †.—«Послѣдній Новикъ».— «Торквато Тассо», Кукольника.— «Кощей безсмертный». Вельтмана.—«Пѣсни западныхъ славянъ».— «Русалка». — «Мѣдный Всадникъ». — Статья Полевого о «Борисѣ Годуновѣ».—«Капитанская дочка».—«Горе отъ ума» въ печати.— Тургеневъ въ Московскомъ университетѣ.—«Основанія физики» Павлова.

1834. [Шлейермахеръ, Кольриджъ †].

— «Пиковая дама».—Повѣсти Квитко.— «Литературныя мечтанія», Бѣлинскаго.—Гончаровъ въ Московскомъ университетѣ.—«Телеграфъ» прекратился.

1835. [Le père Goriot, Бальзака. — «Жизнь Христа» Штрауса. — Гейне и молодая Германія].

— «Портретъ», «Невскій проспектъ», «Записки сумасшедшаго», «Старосвѣтскія помѣщики», «Тарасъ Бульба», «Вій», «Повѣсть о томъ» и т. д.—«Ледяной домъ».— «О стихотвореніяхъ Бенедиктова» и «Ничто о ничемъ» Бѣлинскаго.

1836. [La confession d'un enfant du siècle].

— «Памятникъ», Пушкина.—«Ревизоръ».—«Ундина».—Чаадаева, Философскія письма.— Знакомство Станкевича съ Грановскимъ.— Первый томъ «Современника» прошелъ цензуру.—«Телескопъ» прекратился.

1837. [Леопарди †.— Mauprat.— Pickwick].

— А. С. Пушкинъ †.—Ив. Ив. Дмитріевъ †.— Путешествіе Жуковскаго съ Наслѣдникомъ по Россіи.

1838. [Carlyle: «Sartor resartus»].

— Полежаевъ †.— «Басурманъ».— «Камоэнсъ».—Путешествіе Жуковскаго съ наслѣдникомъ по Европѣ.—Встрѣча Жуковскаго съ Гоголемъ.— «Московскій Наблюдатель» и кружокъ Станкевича. — Шевченко выкупленъ изъ крѣпостной зависимости.

1839. Денисъ Давыдовъ †. А. И. Одоевскій †. Марлинскій †.—«Бородинская годовщина» Бѣлинскаго.

1840. [«Le compagnon du tour de France».—«Old curiosity shop»].

— Станкевичъ, Козловъ †.—«Герой нашего времени».—Романы Кукольника и повѣсти Павлова.—«Кобзарь».—«Сенсаціи Курдюковой».— «Отечественныя Записки». — «Мочаловъ въ роли Гамлета» Бѣлинскаго.

1841. [Фейербахъ: Das Wesen des Christentums.—Heroes and heroeworship, Карлейля].

— Шишковъ, Лермонтовъ †.

1842. [Сисмонди †. Les mystères de Paris, Sue].

— Кольцовъ †.— «Мертвыя души».— «Гайдамаки».—Начатъ Жуковскимъ переводъ «Одиссеи».

1843. [Соути †].

— «Кто виноватъ?».— «Параша» Тургенева. —«Наль и Дамаянти».— «Статейки въ стихахъ безъ картинокъ» — Статьи Бѣлинскаго о Пушкинѣ.—Публичныя лекціи Грановскаго (до 1846 г.).

1844. [Шарль Нодье †.—Les Juif errant.—Les trois mousquetaires.—«Химическія письма», Либиха].

— Крыловъ, Баратынскій, Мятлевъ †.—Сочиненія Одоевскаго.—«Рустемъ и Зарабъ».—Окончательное отдѣленіе славянофиловъ.

1845. [Авг. Шлегель †.—«Космосъ» А. Ф. Гумбольда].

— Хмельницкій, Ал. Ив. Тургеневъ †.—«Физіологія Петербурга».—Овація Грановскому на защитѣ его магистерской диссертаціи.

1846. [«Vanity fair» Теккерея.— «A system of logic»» S. Mill.].

— Полевой, кн. Шаховской, Языковъ †.—«Бѣдные люди».—«Насильный бракъ» Ростопчиной.—Статьи Валеріана Майкова о Кольцовѣ и Вальтеръ-Скоттѣ.—«Первое Апрѣля» и «Петербургскій Сборникъ».

1847. [Коммунистическій манифестъ.—«Poems on Slavery» Лонгфелло].

— Гр. Ростопчина. Вал. Майковъ †.— Шевченко арестованъ.— «Отвѣтъ Москвитянину» Бѣлинскаго.— «Современникъ» Некрасова. — «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». — «Полинька Саксъ. — «Хорь и Калинычъ». «Обыкновенная исторія». — Записки объ уженьи рыбы».—«Деревня».—«Антонъ Горемыка».—Герценъ уѣхалъ заграницу.

1848. [Шатобріанъ †.— La vie de Bohème. Murger.— «Dombey».—«Исторія Англіи», Маколея. —«Principles of political economy» S. Mill].

— Бѣлинскій, Гребенка, Губерь †.— «Нахлѣбникъ».— «Бѣлыя ночи».— Салтыковъ сосланъ въ Вятку.

1849. [«Pendennis»].

— «Свои люди — сочтемся», Островскаго. — «Неточка Незванова». — «Царская невѣста. —Окончена «Одиссея».— «Петрошевцы». —Достоевскій отправленъ въ каторгу.

Б.

Хронологическій указатель писателей и писательницъ съ 1800 по 1850 годъ, расположенный по годамъ ихъ кончины.

1749—1802. Радищевъ, Александръ Николаевичъ.
1743—1803. Богдановичъ, Ипполитъ Өедоровичъ.
1752— — Сушкова, Марья Васильевна.
1772— — Каменевъ, Гаврила Петровичъ.
1783— — Тургеневъ, Андрей Ивановичъ.
1780—1804. Клушинъ, Александръ Ивановичъ.
1765— — Макаровъ, Петръ Ивановичъ.
1729— — Ржевскій, Алексѣй Андреевичъ.
1773—1805. Пнинъ, Иванъ Петровичъ.
? — — Безнина, Анна Александровна.
1784— — Поспѣлова, Марья Алексѣевна.
1781—1806. Волкова, Анна Алексѣевна.
1757—1807. Муравьевъ, Михаилъ Никитичъ.
1733— — Херасковъ, Михаилъ Матвѣевичъ.
1752— — Тургеневъ, Иванъ Петровичъ.
? —1809. Сохацкій, Павелъ Афанасьевичъ.
? — — Хераскова (Неронова), Елизавета Васильевна.
1735— — Шлецеръ, Августъ Людовикъ.
1780— — Беницкій, Александръ Петровичъ.
1760—1810. Бобровъ, Семенъ Сергѣевичъ.
1743— — Дашкова, кн. Екатерина Романовна.
1780—1812. Плавильщиковъ, Петръ Алексѣевичъ.
1737—1813. Нартовъ, Андрей Андреевичъ.
1765— — Подшиваловъ, Василій Сергѣевичъ.
1737—1814. Бантышъ-Каменскій, Николай Николаевичъ.
? — — Эминъ, Николай Өедоровичъ.
1765— — Сумароковъ, Панкратій Платоновичъ.
1782—1815. Нахимовъ, Акимъ Николаевичъ.
1743—1816. Державинъ, Гавріилъ Романовичъ.
1777— — Ивановъ, Өедоръ Өедоровичъ.
1756— — Лапухинъ, Иванъ Владиміровичъ.

1758—1816. Николевъ, Николай Петровичъ.
1770— — Озеровъ, Владиславъ Александровичъ.
1744—1818. Новиковъ, Николай Ивановичъ.
1754—1819. Казадавлевъ, Осипъ Петровичъ.
1792—1821. Милоновъ, Михаилъ Васильевичъ.
1743—1822. Гамалея, Семенъ Ивановичъ.
1764—1823. Долгорукій, кн. Иванъ Михайловичъ.
1757—1824. Капнистъ, Василій Васильевичъ.
1758— — Горчаковъ, кн. Дмитрій Петровичъ.
1764—1825. Крюденеръ, баронесса Варвара-Юлія.
1808— — Кульманъ, Елисавета.
1766— — Лабзинъ, Александръ Өедоровичъ.
1755— — Фуссъ, Николай Ивановичъ.
1770— — Львовъ, Павелъ Юрьевичъ.
1780— — Нарѣжный, Василій Трофимовичъ.
1766—1826. Карамзинъ, Николай Михайловичъ.
1796— — Рылѣевъ, Кондратій Өедоровичъ.
1763—1827. Невзоровъ, Максимъ Ивановичъ.
1750— — Озерецковскій, Николай Яковлевичъ.
1805— — Веневитиновъ, Дмитрій Владиміровичъ.
1801—1828. Писаревъ, Александръ Ивановичъ.
1751— — Нелединскій-Мелецкій, кн. Юрій Александровичъ.
1774— — Бунина, Анна Петровна.
1795—1829. Грибоѣдовъ, Александръ Сергѣевичъ.
1763— — Бутурлинъ, гр. Дмитрій Петровичъ.
1778—1830. Мерзляковъ, Алексѣй Өедоровичъ.
1770— — Пушкинъ, Василій Львовичъ.
1773— — Измайловъ, Владиміръ Васильевичъ.
1779—1831. Измайловъ, Александръ Ефимовичъ.
1798— — Дельвигъ, баронъ Антонъ Антоновичъ.
1784—1833. Гнѣдичъ, Николай Ивановичъ.
1771— — Мартыновъ, Иванъ Ивановичъ.
? — — Цыгановъ, Николай Степановичъ.
1781—1834. Волкова, Александра Алексѣевна.
1757—1835. Хвостовъ, гр. Дмитрій Ивановичъ.
1791—1836. Бекетовъ, Платонъ Петровичъ.
1760—1837. Дмитріевъ, Иванъ Ивановичъ.
1799— — Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ.
1783— — Ширинскій-Шихматовъ, кн. Сергѣй Александровичъ.
? —1838. Кокошкинъ, Өедоръ Өедоровичъ.
1807— — Полежаевъ, Александръ Ивановичъ.
? — — Тепляковъ, Викторъ Алексѣевичъ.
1813—1839. Соколовскій, Владиміръ Игнатьевичъ.
1795— — Бестужевъ-Марлинскій, Александръ Александровичъ.
1803— — Одоевскій, кн. Александръ Ивановичъ.
1784— — Давыдовъ, Денисъ Васильевичъ.
1778— — Воейковъ, Александръ Өедоровичъ.
1788— — Дашковъ, Дмитрій Васильевичъ.
1809—1840. Станкевичъ, Николай Владиміровичъ.
1779— — Козловъ, Иванъ Ивановичъ.

? —1840. Павловъ, Михаилъ Григорьевичъ.
1765—1841. Шатровъ, Николай Михайловичъ.
1754— — Шишковъ, Александръ Семеновичъ.
1814— — Лермонтовъ, Михаилъ Юрьевичъ.
1775—1842. Каченовскій, Михаилъ Трофимовичъ.
1809— — Кольцовъ, Алексѣй Васильевичъ.
1779—1843. Квитко-Основьяненко, Григорій Ѳедоровичъ.
1772—1844. Второвъ, Иванъ Алексѣевичъ.
1768— — Крыловъ, Иванъ Андреевичъ.
1800— — Баратынскій, Евгеній Абрамовичъ.
1796— — Мятлевъ, Иванъ Петровичъ.
1784—1845. Тургеневъ, Александръ Ивановичъ.
1803—1846. Языковъ, Николай Михайловичъ.
1777— — Шаховской, кн. Александръ Александровичъ.
1797— — Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карловичъ.
1787— — Лобановъ, Михаилъ Евстафіевичъ.
1768— — Миклашевичева, Варвара Семеновна.
1796— — Полевой, Николай Алексѣевичъ.
1789— — Хмельницкій, Николай Ивановичъ.
1823—1847. Майковъ, Валеріанъ Николаевичъ.
1774— — Велланскій, Даніилъ Михайловичъ.
1814— — Губеръ, Эдуардъ Ивановичъ.
1810—1848. Бѣлинскій, Виссаріонъ Григорьевичъ.
1812— — Гребенка, Евгеній Павловичъ.
1783— — Галичъ, Александръ Ивановичъ.